

МАНИПУЛЯЦИЯ СОЗНАНИЕМ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

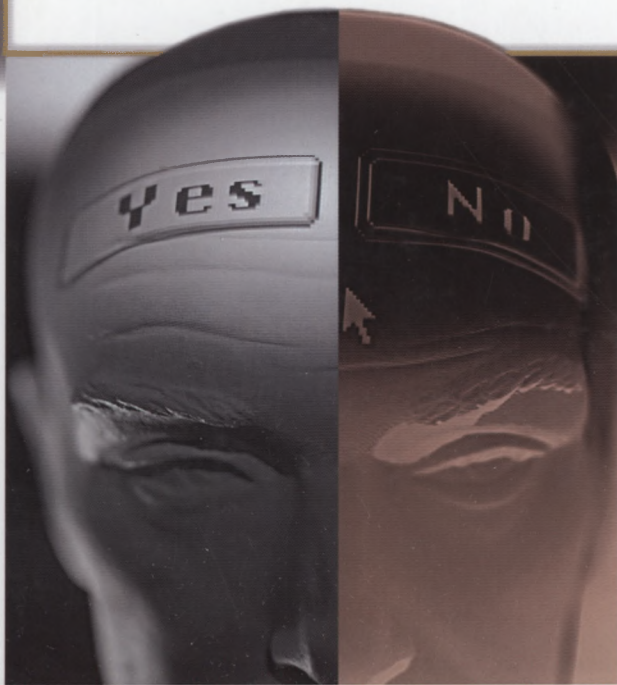
Сергей КАРА-МУРЗА

ЭКСМО

Сергей КАРА-МУРЗА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

МАНИПУ- ЛЯЦИЯ СОЗНАНИЕМ

Разразившаяся в конце XX века смута и глубокий культурный кризис в России стали возможны после внедрения нового способа господства – манипуляции сознанием.

Сергей КАРА-МУРЗА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

**МАНИПУ-
ЛЯЦИЯ
СОЗНАНИЕМ**

Москва

«АЛГОРИТМ»

2 0 0 5

Общественно-редакционный совет:

*Аннинский Л. А., Кара-Мурза С. Г., Латышев И. А.,
Николаев С. В., Палиевский П. В., Панарин А. С.,
Поляков Ю. М., Сироткин В. Г., Третьяков В. Т.,
Ульяшов П. С., Уткин А. И.*

Оформление художника *А. Новикова*

Кара-Мурза С.Г.

К 21 Манипуляция сознанием. — М.: Изд-во: Эксмо, 2005. —
832 с.

ISBN 5-699-08331-6

Книга является переработанным изданием книги Сергея Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием», выдержавшей уже несколько тиражей.

Сергей Кара-Мурза выявляет устройство всей машины манипуляции общественным сознанием — как технологии господства. Для России переход к этому новому типу власти означал бы смену культуры, мышления и языка. В книге описаны главные блоки манипуляции и причины уязвимости русского сознания.

Принять новый тип власти над человеком или строить защиту от манипуляций — вопрос выбора исторической судьбы. А может быть — и существования русского народа.

УДК 882
ББК 66.3(2Рос)

© Кара-Мурза С. Г., 2004
© ООО «Алгоритм-Книга», 2004
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2004

Раздел I

ЧТО ТАКОЕ МАНИПУЛЯЦИЯ СОЗНАНИЕМ

Глава 1

О ЧЕМ ИДЕТ РЕЧЬ

Когда уважающий себя человек слышит о манипуляции сознанием, он думает, что его-то уж не провести. Он — индивидуум, свободный атом человечества. Как на него повлиять? Атом-то атом, но и атом расщепить оказалось возможно, хотя само слово «атом» означает «неделимый».

Ограничим предмет нашего разговора, идя от общего к частному.

Во всех представлениях о мире, начиная с самых архаических мифов, присутствует акт Сотворения. Боги превращают Хаос в Космос — упорядоченное целое, все частицы которого связаны невидимыми нитями, струнами. Человек, проникнутый космическим чувством, ощущает единство Бытия, а себя считает обитателем огромного и прекрасного дома.

Научная революция, Коперник, Галилей и Ньютон разрушили представление о мире как гармоничном Космосе, «открыли» пространство и «выпрямили» время. Но идея взаимовлияния вещей сохранилась — уже в виде механистического детерминизма. Все в мире сцеплено, но теперь не чудесными струнами, а как шестеренки в часах — законом всемирного тяготения. Земля программирует поведение брошенного камня.

«Бог не играет в кости!» — вот кредо механики, даже в самых последних ее версиях. Эта вера в то, что влияние одного тела на поведение другого совершенно точно и однозначно, доходила до крайности. Лаплас утверждал, что если бы ему сообщили координаты и импульс (массу, направление и скорость движения) всех частиц во Вселенной, он мог бы рассчитать состояние мира (всех его частиц) в любой момент в прошлом и будущем. Сейчас мы во многом преодолели такой «крутой» детерминизм, признаем, что мир сложнее, чем механическая машина.

В обыденной, спокойной жизни мы на взаимовлияние вещей в мире не обращаем внимания. Нам и в голову не приходит задуматься о том, что было бы, если бы не было, например, трения. Если бы гвоздь не мог держаться в дереве, а гайку нельзя было бы затянуть на болте. Нас не удивляет, что куча гладкого, текучего зерна, полежав немного, схватывается в очень плотное целое. Да что зерно, даже песчинки, совершенно твердые и гладкие, сцепляются в куче так, что по ней можно ходить. Но потопчись на этом песке, разрушь слабое взаимодействие песчинок, и песок становится зыбким, как вода, в нем можно утонуть.

Наше внимание привлекают не состояния покоя, не торчащий в доске гвоздь и не мирная гора песка, а ситуации слома стабильной системы, смены («перестройки») ее структуры — ситуации катастроф. Нас поражает, что маленький, даже по капельке, ручеек может размыть огромную плотину. И этого ручейка нельзя допускать ни в коем случае, ибо он «запускает» цепной, самоускоряющийся процесс. Сдвинув одну песчинку, капля немного расширяет поток воды. В нашу культуру вошла голландская притча о маленьком мальчике, который увидел, как через плотину сочится вода, и заткнул дырочку пальцем. Изнемогая, он простоял на своем посту, пока его не нашли взрослые.

Когда мы познакомились с атомной энергией, людей поразило это страшное проявление порогового эффекта. Вот лежит совершенно инертный кусок урана. Добавь к нему микроскопическую частичку, в идеале — один нейтрон — и происходит ядерный взрыв. Возникла критическая масса, в которой взаимодействие частиц переступило через порог, за которым — цепная реакция деления ядер. Я помню, как много людей размышляло и говорило об этом в 1945 году, когда американцы взорвали атомные бомбы в Японии и в газетах напечатали популярное объяснение физики атомного взрыва.

Пожалуй, еще удивительнее пороговые эффекты при неядерных взрывах, которые происходят в результате химических реакций и накопления тепла. В порту Гамбурга на причале взорвалась куча азотных удобрений, обычно совершенно невзрывоопасных. Только потому, что куча была слишком большой — накопление в ней свободных радикалов превысило критическую величину и начались процессы, которых никто не ожидал. Приступая к исследованию разветвленных цепных реакций, Н. Н. Семенов проделал удивительные эксперименты, в которые долго было невозможно поверить. Он обнаружил, что пары фосфора воспламеняются в присутствии кислорода в узком диапазоне давления. И вот, в стеклянном баллоне, содержащем смесь паров фосфора с кислородом, происходила вспышка, когда он открывал кран, впуская в баллон

инертный газ аргон. Газ, которым можно тушить пожары! И наоборот, горение моментально прекращалось, когда в баллон с пылающим газом вводили чистый кислород!

Даже системы неживой природы образуют такие сложные комбинации и обнаруживают такое удивительное и сложное поведение, что почти всерьез начинаешь принимать метафоры. Кажется, что они обладают памятью и мышлением. Вот облака плывут, а то и несутся по небу, долгое время сохраняя свою причудливую форму — четкую, порой точеную. Почему тот длинный, похожий на шею лебеда выступ не распадается, не рассыпается даже на ветру? Ведь это всего-навсего туман из мельчайших капелек воды. Почему так устойчив баланс их взаимного притяжения и отталкивания? Почему тонкий хобот смерча бродит по полю, а потом по деревне, как будто ищет чью-то избу, с которой ему надо сорвать крышу? Ведь он не распадается, не разваливается на беспорядочные порывы ветра, даже натолкнувшись на большое препятствие. Вот разметал кучу досок, кажется, все, разрушился. Нет, смотришь, через десяток метров восстановил свое строение, закрутил с той же скоростью, побрел дальше.

А ведь в этих неорганических системах взаимодействие сводится всего лишь к переносу массы и энергии. Воспринимать и перерабатывать информацию они, в строгом смысле слова, не могут. Когда же мы переходим в царство живой природы, мы видим такую изощренность и сложность во взаимодействии «соучастников», что только привычка и спасительная нелюбознательность позволяет нам жить и заниматься своими делами. Иначе бы мы только созерцали и размышляли. Даже знакомство с самым элементарным актом записи, хранения и считывания генетической информации пробуждает религиозное чувство. Как могло это чудо возникнуть из каких-то случайных скоплений азотистых веществ, какой-то слизи, методом проб и перебора? Разве могло для создания этого механизма через простую эволюцию хватить времени у Вселенной?

Как обеспечивается невероятная устойчивость «поведения» живого организма в выполнении записанной в его генах программы? Меня в молодости поразил, наверное, мелкий с точки зрения специалиста факт. Я работал на Кубе, в тропиках. Время там как будто не движется. Каждый день — то же солнце, та же жара, буйная растительность. И вдруг в конце сентября, чуть ли не в один день, часть деревьев — те, чьи предки когда-то столетия назад были завезены сюда из Европы, — начали желтеть и сбрасывать листья. Почему? Зачем? Кто и как подал им сигнал? Ведь ничего не изменилось в окружающей их среде. Организм дерева подчиняется программе, записанной в молекуле РНК, и какому-то «биологическому будильнику», который с абсолютной точностью тикает тысячи лет.

Посмотрите, как подсолнечник, не имея «органов движения», с точностью до минуты поворачивает свою головку за солнцем. Его «органы чувств» точно улавливают угол, под которым на растение падает свет, а «органы управления» дают очень точные команды клеткам.

Многие, наверное, видели учебный фильм «Лейкоциты». Задача этих «белых кровяных шариков» — бросаться в то место, где нарушена целостность кровеносных сосудов и в организм проникают чужеродные тела. Лейкоциты их атакуют, обволакивают, гибнут и своими «телами» закрывают пробоину. Они улавливают присутствие в крови посторонних веществ в совершенно ничтожных количествах и устремляются по направлению возрастания их концентрации. Так они находят их источник. Они быстро двигаются даже против тока крови. А ведь это — всего-навсего одна клетка, без носа, без мозга и без ног. Но в фильме, снятом под сильным микроскопом, мы видим их как полчища странных и очень энергичных разумных существ. В одной сцене фильма сосуд с физиологическим раствором (слабый раствор соли) разделен фарфоровой перегородкой. Под ней в растворе лейкоциты, а наверх в уголок осторожно вносят каплю с чужеродным белком. И вот лейкоциты внизу, «почуяв» противника, начинают метаться, потом ориентируются, отыскивают поры в фарфоровой пластинке и начинают в них протискиваться. Наверху они вылезают из этих цилиндрических пор, как человек из канализационного колодца, почти «опираясь руками», и плывут уже прямо к капле белка. Сложная и неуклонно выполняемая программа поведения.

Вот вирус, пограничное между жизнью и неживой природой образование. Он показывает возможности нарушения чужой программы. Вирус приспособился эксплуатировать определенный вид живых клеток, «умеет» их находить, цепляться к их оболочке. Прицепившись, он проталкивает в клетку всего одну молекулу — РНК, в которой записаны команды по «производству» вирусов. И в клетке возникает тайное, теневое правительство, которое подчиняет своей воле всю жизнедеятельность огромной системы (клетка по сравнению с вирусом — это целая страна). Все ресурсы клетки направлены теперь на выполнение команд, записанных во внедренной в нее матрице. Сложные производственные системы клетки перенастраиваются на выпуск сердечников вируса и на то, чтобы одеть их в белковую оболочку, после чего истощенная клетка погибает.

Это — исходный, фундаментальный вариант взаимодействия, при котором один участник жизненной драмы заставляет других действовать в его интересах и по его программе так, что это не распознается жертвами и не вызывает у них сопротивления. Мы имеем случай манипуляции, проделанной путем подмены документа, в котором записана вся производственная программа.

Вообще же нет числа способам повлиять на поведение членов экологического сообщества, окружающих живое образование. Растение обрамляет свои тычинки и пестик роскошной привлекательной декорацией — цветком, выделяющим к тому же ароматный нектар. Насекомые устремляются на запах и цвет, платя за нектар работой по опылению.

Богомол притворился сухим листиком, не отличишь. Он создал невинный и скромный ложный образ, успокаивающий жертву.

Пчела-разведчица, найдя заросли медоносов, летит в улей и исполняет перед товарищами танец, точно указывая направление на цель и расстояние до нее.

Каракатица, став жертвой нападения страшного для нее хищника, выпускает чернильную жидкость, а затем вырывает и выбрасывает в темное облачко свои внутренности. Они там заманчиво шевелятся, и простодушный хищник рад: попалась, голубушка! И пока он рыщет в чернильной мути, циничная каракатица, принеся в жертву часть ради целого, уползает отращивать новые внутренности.

Иногда сигналы, посылаемые в окружающую среду, «перехватываются» хищником или паразитом и становятся губительными для их отправителя. Грибок стрига наносит огромный урон урожаю пшеницы в Азии и Африке. Его споры, дремлющие в земле, оживают лишь на четвертый день после того, как пшеничное зерно после посева пустит корень — на свежем ростке корня паразитирует грибок. Как же определяет грибок момент своей активизации и нападения? Сигналом служит одно из веществ, выделяемых корнем (его недавно выделили из засеянной земли, очистили, изучили строение и назвали «стригол»). Достаточно попадания в спору грибка всего одной молекулы стригола, чтобы были запущены бурные процессы жизнедеятельности. На беду себе семя пшеницы «утечкой информации» программирует поведение своего паразита.

В других случаях, наоборот, паразит своей «химической информацией» (какими-то выделениями) программирует поведение эксплуатируемых им существ. Иногда эффективность этого программирования бывает так высока, что впору говорить о гипнотическом воздействии. Это особенно поражает, когда по программе действуют большие массы организмов, например у «социальных», живущих большими колониями насекомых. Так, например, устроились в муравейниках крошечные жучки — жуки Ломехуза¹.

¹ Этот пример из книги И. А. Халифмана «Муравьи» привел в газете «Дуэль» Я. М. Вашпер. Он проводит с порядками в муравейнике политическую аналогию, которая сама собой напрашивается. Мы политику оставляем в стороне, нас здесь интересует сам принцип взаимоотношений жуков с муравьями.

Своими манерами и движениями жучки Ломехуза очень напоминают муравьев и хорошо владеют их языком жестов. Солидарные и трудолюбивые муравьи по первой же просьбе дают корм собрату. Муравей выражает эту просьбу, определенным образом постукивая товарища. Жучки «освоили» эти жесты и легко выманивают пищу. Но они прожорливы и обязывают целые отряды муравьев переключиться на их кормежку. На теле у жучков есть пучки золотистых волосков, на которых скапливаются выделения. Рабочие муравьи слизывают эти выделения и утрачивают всякий здравый смысл¹. Они начинают выкармливать жучков и их личинок с таким рвением, что оставляют без корма и собратьев, и даже собственные личинки. Возлюбив пришельцев, сами они впадают в полное уничтожение, вплоть до того что скармливают жучкам муравьиные яйца, оставаясь без потомства. А если муравейнику грозит опасность, они спасают личинок жука, бросая своих.

Ясно, что своими наркотическими выделениями жучки Ломехуза посылают муравьям сигнал, блокирующий важную программу поведения, заложенную в организме муравья. Ту программу, которая в норме побуждает муравья совершать действия, направленные на жизнеобеспечение муравейника и продолжение рода. И, видимо, переданная жучками информация не только блокирует «нормальную» программу, но перекодирует ее, активизируя те действия муравьев, которые выгодны паразиту. Причем так, что муравьи просто счастливы выполнять эти действия.

Почему же эпизоду из жизни насекомых уделяет место острополитическая газета «Дуэль»? Почему в свое время большой интерес вызвало открытие стригола и описание взаимоотношений стриги и пшеничного зерна? Потому, что мы узнаем ситуации, которые переживали в нашей, человеческой жизни. А порой не только переживали, но и чувствовали себя жертвой. То есть взаимодействие в мире низших форм жизни, а то и в неживой природе, служит нам аналогией, упрощенной моделью того, что происходит в человеческом обществе. Как отметил К. Маркс, «намекы на высшее у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если это высшее уже известно».

Замечая сложные (и даже специально усложненные) отношения людей, мы отыскиваем наглядные и «прозрачные» аналогии в природе и наблюдаем за ними с лупой или микроскопом. Так мы

¹ В этом жучки используют другую записанную в муравьях программу. Муравьи содержат в специально оборудованных загонах целые фермы особей тлей, которые выделяют сладкую, нектароподобную жидкость. Муравьи доят тлей, как коров, сжимая лапками нужный участок тела тли, и лакомятся, слизывая жидкость со щетинок. Жуки Ломехуза, притворяясь кормильцами, предлагают муравьям своего «молочка».

упрощаем, «раздеваем» наши сложные проблемы и в простых аналогиях и моделях находим для них слова, понятия и образы — инструменты мышления и объяснения. Но главный-то наш интерес — человек.

В живой природе человек — качественно новое явление. Он — не просто социальное существо, которое может существовать, только интенсивно обмениваясь информацией с себе подобными (таков и муравей). Он обладает разумом, способным к абстрактному мышлению, и речью, языком. Язык и мышление — большие сложные системы, на которые можно воздействовать с целью программирования поведения человека. Человек обладает сложной психикой, важной частью которой является воображение. Оно развито настолько, что человек живет одновременно в двух измерениях, в двух «реальностях» — действительной и воображаемой. Воображаемый мир в большой степени (а у многих и в первую очередь) определяет поведение человека. Но он зыбок и податлив, на него можно воздействовать извне так, что человек и не заметит этого воздействия.

В общем, человек живет не только в объективно существующем физическом мире, но и в искусственно созданной им так называемой ноосфере — мире, созданном сознательной деятельностью рода человеческого. Понятие ноосферы независимо друг от друга ввели французский антрополог-иезуит Тейяр де Шарден и наш великий естествоиспытатель и философ В. И. Вернадский¹. Сужая понятие, можно сказать, что человек живет в искусственно созданном мире культуры.

Таким образом, все живые существа воздействуют на поведение тех, с кем они сосуществуют в своей экологической нише, используя природные объекты и записанные природой в виде инстинктов программы. Но человек в дополнение к этому воздействует на поведение других людей, оказывая влияние на сферу культуры.

Разумеется, в принципе можно программировать поведение человека и путем непосредственного внешнего воздействия на его биологические структуры и процессы. Например, вживив электроды в мозг и стимулируя или блокируя те или иные управляющие поведением центры. При некоторой технической изощренности можно даже не вживлять электроды, а воздействовать на высшую

¹ Это было осознанное преодоление господствующей в западном мышлении и мироощущении механистической картины мира, в которой человек выведен за пределы мира и относится к нему как исследователь и властитель. Ноосфера — необходимая часть картины мира, и человек не может относиться к природе как субъект к объекту.

нервную систему человека на расстоянии — с помощью физических полей или химических средств¹.

Массовое применение и в прошлом, и сейчас имеет воздействие на поведение человека с помощью грубого хирургического вмешательства в его организм. В США долгое время широко использовалось лоботомирование — хирургическое удаление некоторых центров в лобной части головного мозга, после чего беспокойный человек утрачивает мятежный дух и становится всем довольным (кто-то наверняка смотрел фильм М. Формана «Пролетая над гнездом кукушки»).

Существенная доля женщин в бедных странах (а сегодня, в момент тяжелого культурного кризиса, и в бывшей ГДР) добровольно подвергается стерилизации. Это сильно меняет и психическую сферу, и некоторые стороны поведения. Еще недавно во многих странах видное место в обществе занимали евнухи. Кастрированные в детстве или молодости мужчины в некоторых важных вопросах также вели себя вполне предсказуемо².

В этой книге мы не будем обсуждать ни применение электродов в «коррекции» поведения, ни лоботомирование, ни воздействие психотропными лучами или газами. Все это, по русским меркам, является преступным вмешательством в организм человека и, надо надеяться, в ближайшие годы открыто и в массовом масштабе использоваться не будет. А если в каких-то чрезвычайных ситуациях эти средства и применялись, это рано или поздно вскроется и какое-то возмездие мерзавцев наступит. История дает в этом отношении основания для оптимизма.

Конечно, надо держать ухо востро. Энтузиастов с тоталитарным мышлением хватает под любым знаменем, даже самым что ни на есть демократическим. В своей уверенности, будто им дано пра-

¹ В свое время большой шум наделали опыты Хосе Дельгадо в университете Атланты, которые потом были засекречены. Там испытывали так называемый «теле-стимулятор мозга». На электроды, вживленные в мозг обезьяны, сигнал подавался на расстоянии, с помощью радиопередатчика. По своему желанию экспериментатор мог вызывать у животного желания и эмоции — аппетит, страх, агрессивность и т.д., то есть руководить поведением. Более того, это можно было делать с помощью снабженной передатчиком ЭВМ — поведение «программировалось» в буквальном смысле слова.

² Когда говорят о евнухах, на ум сразу приходят тиранические общества Востока — исламские страны, средневековый Китай. Просвещенный ум стыдливо не замечает, что на гуманным Западе с его священными правами человека совсем недавно, в нашем веке, кастрировали множество мальчиков с хорошим слухом и голосом — ради поддержания высокой культуры вокала. На Западе и сегодня еще можно услышать прекрасное пение знаменитых теноров-кастратов (кстати, стыдливость европейски образованного человека доходит до того, что большинство каким-то образом забыло, что само слово «тенор» означает «кастрат»).

во искоренять пороки «отсталых» народов, они легко скатываются до планов биологической переделки «человеческого материала». Сравните эти две декларации.

Л. Троцкий (1923 г.): «Человеческий род, застывший *хомо сапиенс*, снова поступит в радикальную переработку и станет под собственными пальцами объектом сложнейших методов искусственного отбора и психофизической тренировки». Но Троцкий все же не шел дальше отбора и тренировки. Его идейные наследники оказались покруче.

Н. Амосов (1992 г.): «Исправление генов зародышевых клеток в соединении с искусственным оплодотворением даст новое направление старой науке — евгенике — улучшению человеческого рода. Изменится настороженное отношение общественности к радикальным воздействиям на природу человека, включая и принудительное (по суду) лечение электродами злостных преступников... Но здесь мы уже попадаем в сферу утопий: какой человек и какое общество имеют право жить на земле».

Это — речи и помыслы откровенных экстремистов. Но они отражают общее и тайное желание элиты (хотя бы и «просвещенной») — иметь народ или население, которые вели бы себя во всех сферах жизни именно так, как выгодно, удобно и приятно именно ей, элите. Выбранная мной пара «откровенных» духовных лидеров примечательна тем, что это — кумиры влиятельной части культурного слоя России, каждый в свой исторический период. Сегодня репутация Троцкого подмочена (хотя во время перестройки была попытка поднять его на пьедестал). Но Н. Амосов, согласно опросам, совсем недавно занимал в среде интеллигенции третье место в списке живых духовных лидеров (после Солженицына и Лихачева).

Но мы, повторяю, не будем говорить ни о планах «улучшения человеческого рода» и лечении по суду электродами, ни о зомбировании психотропными лучами. Кстати, само понятие *зомбирование* стало так часто употребляться направо и налево, что полезно уделить немного места и определить, что это такое.

Среди суеверий, распространенных на Гаити, интерес ученых давно привлекала вера в *зомби*. Это — оживший мертвец, которого злые колдуны освобождают из могилы и заставляют служить им в качестве раба. Для этой веры есть материальные основания: колдуны, используя очень сильный нейротоксин (тетродотоксин), могут снижать видимую жизнедеятельность организма вплоть до полной видимости смерти — с полным параличом. Если колдуну удавалось точно подобрать дозу, этот «умерший» человек оживал в гробу и вытаскивался колдуном из могилы. Колдун давал своему рабу съесть «огурец зомби» — снадобье, содержащее сильное психоактивное растение *Datura stramonium L.*, от которого тот впадал в транс. Антропологи выяснили и социокультурное значение зомби-

рования — это санкции, накладываемые жрецами племени с целью поддерживать порядок и подтверждать свою власть. Вера в зомбирование и силу зомби разделялась всеми слоями гаитянского общества — страшные *тонтон-макуты* диктатора Дювалье считались его зомби, чего он, конечно, не отрицал.

Но мы не будем о зомбировании, а поговорим о простой и реально существующей — здесь и сейчас — вещи, которая стала неотъемлемой частью нашей жизни в культуре и вообще в окружающей среде. О манипуляции сознанием и поведением человека с помощью законных, явных и осозаемых средств. Поговорим о той огромной технологии, которую используют согласно своим служебным обязанностям и за небольшую зарплату сотни тысяч профессиональных работников — независимо от их личной нравственности, идеологии и художественных вкусов. Это — та технология, которая проникает в каждый дом и от которой человек в принципе не может укрыться. Но он может изучить ее инструменты и приемы, а значит, создать свои «индивидуальные средства защиты».

Если же знание об инструментах и приемах манипуляции сознанием станет доступным для достаточно большого числа людей, то возможны и совместные акции сопротивления или, поначалу, акции защиты против манипуляции. Конечно, манипуляторы будут изобретать новые инструменты и новые приемы. Но это уже будет нелегкая и дорогостоящая борьба, а не подавление безоружного и незащитного населения. И борьба ничтожного меньшинства (хотя и обладающего деньгами и организацией) против огромной массы творчески мыслящих, изобретательных людей. Сам переход к борьбе будет означать важный поворот в судьбе нашего народа, а может быть, и всего человечества.

В этой возможной борьбе России выпали особая роль и особое место. На нее вся современная технология манипуляции сознанием обрушена революционным способом, как обвал, с гротескными и кричащими результатами. Это, конечно, вызвало шок, но в то же время создало и важнейшее условие для попытки осмысления, а затем сопротивления. В других частях мира обволакивание человека «культурой манипуляции» было медленным, постепенным (Азия — особый случай, у нее есть сильные защитные средства). Там не было шока и таких страданий, как у нас. Там возникло привыкание без всякой надежды на резкие, творческие попытки освобождения. Лягушка, брошенная в кипяток, выпрыгивает, хотя и с травмами. Лягушка, погруженная в теплую воду, с наслаждением плавает в кастрюле. Она не замечает, что кастрюлю поставили на огонь и вода становится все теплее. Она так и наслаждается, пока не сварится.

Наша задача — выпрыгнуть и помочь тем, кто наслаждается.

Знание о том, как посредством манипуляции сознанием одни люди воздействуют на поведение других, накапливается и в науке, и в художественном творчестве, и в обыденном опыте. Наука, которая обязана изучать реальность беспристрастно и нейтрально, не давая никому моральных оценок, в основном описывает структуру самого процесса манипуляции, ее технику, ее приемы и системы приемов. Это — технологический подход.

Литература, театр, кино копаются в душе человека, исследуют мотивы поступков, истоки доверчивости жертв манипуляции, угрызения совести манипуляторов — все это через призму нравственных норм той или иной культуры. Описывая внутренний мир всех участников акта манипуляции сознанием, художники порой создают сложные модели, которые потом надолго становятся уже предметом научных исследований. В «Братьях Карамазовых» Достоевский «расщепил» душу человека, представив каждую ее часть в виде отдельного участника сложного конфликта. Есть даже теория, что именно в совокупности всех членов семьи Карамазовых Достоевский представил душу русского человека. И ее свято-звериный характер, и изощренный, противоречивый ум, и жажду испытать всю низость падения, и соблазн предательства.

Но главное, он создал провидческую модель, почти алгоритм «русской манипуляции», которая безукоризненно работает именно при наличии в общественной среде «всех Карамазовых». Наши политики, по советам своих умных экспертов-культурологов, раз за разом безотказно используют этот алгоритм. А мы, вместо того чтобы Достоевского внимательно прочитать, все ищем какие-то психотропные лучи.

Отдельно сложился синтетический подход — описание конкретных случаев, наблюдаемых или вымышленных (*case studies*). В них реальность «вычищается» не слишком сильно, так что описание убеждает наличием жизненных деталей, но в то же время модель просвечивает достаточно сильно. Поэтому в завершение рассказа можно сделать довольно определенный вывод, и логика его понятна читателю.

Литература по новейшей истории полна описаниями того, как «партия Наполеона» во Франции приводила молодого генерала-«нацмена» к власти — так, чтобы влиятельные социальные силы буквально умоляли его эту власть принять. Недавно почти на наших глазах идеологи Запада провели блестящую кампанию по манипуляции общественным сознанием в Европе, убедив свой средний класс поддержать Мюнхенские соглашения и «разрешить» Гитлеру поход на Восток (хотя в тот момент остановить его не составляло труда — речь шла не о войне, а именно о разрешении или запрещении). Эта кампания также описана как «модельный слу-

чай». После второй мировой войны усиленно изучаются все местные гражданские войны и национальные конфликты, выявляя в каждом случае технологию манипуляции общественным сознанием. О «бархатных революциях» и перестройке в СССР и говорить нечего — здесь для обществоведов всего мира лакомых кусков хватит на сотню лет. Один «август 1991 года» уже перекрыл по главным параметрам все самые блестящие провокации в истории.

О художественном творчестве говорить нет необходимости. Талант художника состоит именно в том, чтобы не выпячивать модель («мораль») слишком сильно. Чтобы «эксперимент», который ставит писатель над своими героями, не был надуманным, искусственным. Высшее достижение этого жанра, видимо, — убийство отца Карамазова. Это — *experimentum crucis* (критический эксперимент), поставленный и описанный Достоевским с удивительным мастерством. Недаром он освещается в литературе по истории и методологии науки. Но вообще произведения, посвященные тонкому воздействию на поведение человека, составляют очень большую часть литературы.

В этой книге мы не будем следовать какому-то одному подходу, а постараемся выбрать полезные для нас идеи и сведения из запаса готового знания и применить их в «разоблачении» тех слов и дел, которые нам приходится слышать, видеть и терпеть в нашей реальной жизни — сегодня и здесь, в России.

Глава 2

«АНАТОМИЯ И ФИЗИОЛОГИЯ» МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ

Человек — существо социальное. Как говорил Аристотель, только боги и звери могут жить вне общества. Индивидуум — это абстракция, идеальное представление об изолированном человеке, которое сложилось в XVII веке при возникновении современного западного общества. Само латинское слово «*индивидуум*» — это перевод греческого слова «*атом*», что по-русски означает «*неделимый*». На практике миф об индивидууме неосуществим, человек возникает и существует только во взаимодействии с другими людьми и под их влиянием. Ребенок, воспитанный дикими животными (такие случаи известны и изучены), не становится красавцем Маугли. Он — не человек и выжить не может. Не становится человеком даже ребенок, изолированный матерью от других людей.

Значит, заложенная в нас *биологически* программа поведения недостаточна для того, чтобы мы были людьми. Она дополняется

программой, записанной в знаках культуры. И эта программа — коллективное произведение. Значит, наше поведение всегда находится под воздействием других людей, и защитить себя от этого воздействия каким-то жестким барьером мы в принципе не можем. Хотя и попадаются такие дубовые головы, которые пытаются это сделать.

Какой же вид воздействия на наше поведение мы определим как *манипуляцию*?

Ясно, что само это слово имеет отрицательную окраску. Им мы обозначаем то воздействие, которым недовольны, которое побудило нас сделать такие поступки, что мы оказались в проигрыше, а то и в дураках. Если приятель на ипподроме уговорил вас поставить на лошадь, которая пришла первой, то, получая в кассе выигрыш, вы не скажете: «Он мной манипулировал». Нет, он дал вам дельный совет.

С другой стороны, не всякое воздействие, подчинясь которому вы оказались в убытке, вы назовете манипуляцией. Если в темном переулке вам приставили нож к животу и шепнули: «Деньги и часы, быстро», то ваше поведение очень эффективно программируется. Но обозвать незнакомца манипулятором в голову не приходит. Какой же смысл мы вкладываем в это понятие?

Само слово «манипуляция» имеет корнем латинское слово *manus* — рука (*manipulus* — пригоршня, горсть, от *manus* и *ple* — наполнять). В словарях европейских языков слово толкуется как обращение с объектами с определенными намерениями, целями (например, ручное управление, освидетельствование пациента врачом с помощью рук и т.д.). Имеется в виду, что для таких действий требуются ловкость и сноровка. В технике те приспособления для управления механизмами, которые как бы являются продолжением рук (рычаги, рукоятки), называются манипуляторами. А тот, кто работал с радиоактивными материалами, знаком с манипуляторами, которые просто имитируют человеческую руку.

Отсюда произошло и современное переносное значение слова — ловкое обращение с людьми как с объектами, вещами. Оксфордский словарь английского языка трактует манипуляцию как «акт влияния на людей или управления ими с ловкостью, особенно с пренебрежительным подтекстом, как скрытое управление или обработка»¹.

Таким образом, термин «манипуляция» есть метафора и употребляется в переносном смысле: ловкость рук в обращении с веща-

¹ Изданный в 1969 г. в Нью-Йорке «Современный словарь социологии» определяет манипуляцию как «вид применения власти, при котором обладающий ею влияет на поведение других, не раскрывая характер поведения, которое он от них ожидает».

ми перенесена в этой метафоре на ловкое управление людьми (и, конечно, уже не руками, а специальными «манипуляторами»). Заметим, что с самого начала это понятие ограничивает понимаемый как манипуляция набор способов управления — им обозначается только управление с ловкостью и даже *скрытое* управление.

Метафора манипуляции складывалась постепенно. Психологи считают, что важным этапом в ее развитии было обозначение этим словом фокусников, работающих без сложных приспособлений, руками («фокусник-манипулятор»). Искусство этих артистов, следующих девизу «ловкость рук и никакого мошенства», основано на свойствах человеческого восприятия и внимания — на знании психологии человека. Своих эффектов фокусник-манипулятор добивается, используя психологические стереотипы зрителей, отвлекая, перемещая и концентрируя их внимание, действуя на воображение — создавая иллюзии восприятия. Если артист владеет мастерством, то заметить манипуляцию очень трудно, хотя дошлые скептики смотрят во все глаза.

Именно когда все эти принципы вошли в технологию управления поведением людей, возникла метафора манипуляции в ее современном смысле — как программирование мнений и устремлений масс, их настроений и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции.

Если выписать те определения, которые дают авторитетные зарубежные исследователи явления манипуляции (наши-то пока что ходят в подмастерьях, хотя на практике молодцы), то можно выделить главные, родовые признаки манипуляции. Во-первых, это — вид духовного, психологического воздействия (а не физическое насилие или угроза насилия). Мишенью действий манипулятора является дух, психические структуры человеческой личности.

Одной из первых книг, прямо посвященных манипуляции сознанием, была книга социолога из ФРГ Герберта Франке «Манипулируемый человек» (1964). Он дает такое определение: «Под манипулированием в большинстве случаев следует понимать психическое воздействие, которое производится тайно, а следовательно, и в ущерб тем лицам, на которых оно направлено. Простейшим примером тому может служить реклама».

Итак, во-вторых, манипуляция — это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции. Как замечает Г. Шиллер, «для достижения успеха манипуляция должна оставаться незаметной. Успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно. Короче говоря, для манипуляции требуется фальшивая действительность, в которой ее присутствие не будет ощущаться». Когда попытка манипуляции вскрывается и разоблачение стано-

вится достаточно широко известным, акция обычно свертывается, поскольку раскрытый факт такой попытки наносит манипулятору значительный ущерб. Еще более тщательно скрывается главная цель — так, чтобы даже разоблачение самого факта попытки манипуляции не привело к выяснению дальних намерений. Поэтому сокрытие, утаивание информации — обязательный признак, хотя некоторые приемы манипуляции включают в себя «предельное самораскрытие», игру в искренность, когда политик рвет на груди рубаху и пускает по щеке скупую мужскую слезу.

В-третьих, манипуляция — это воздействие, которое требует значительного мастерства и знаний. Встречаются, конечно, талантливые самородки с мощной интуицией, способные к манипуляции сознанием окружающих с помощью доморощенных средств. Но размах их действий невелик, ограничивается личным воздействием — в семье, в бригаде, в роте или банде. Если же речь идет об общественном сознании, о политике, хотя бы местного масштаба, то, как правило, к разработке акции привлекаются специалисты или хотя бы специальные знания, почерпнутые из литературы или инструкций. Поскольку манипуляция общественным сознанием стала технологией, появились профессиональные работники, владеющие этой *технологией* (или ее частями). Возникла система подготовки кадров, научные учреждения, научная и научно-популярная литература. Правда, Нобелевской премии в явном виде в этой области пока что не учредили (хотя некоторые лауреаты Нобелевской премии мира или по литературе скорее должны были бы идти по разряду выдающихся манипуляторов сознанием).

Еще важный, хотя и не столь очевидный признак: к людям, сознанием которых манипулируют, относятся не как к личностям, а как к объектам, особого рода *вещам*. Манипуляция — это часть технологии власти, а не воздействие на поведение друга или партнера. Влюбленная женщина может вести очень тонкую игру, чтобы разбудить ответные чувства — воздействует на психику и поведение покорившего ее воображение мужчины. Если она умна и терпелива, то до определенного момента она проводит свои маневры скрытно, и намерения ее «жертва» не обнаруживает. Это — ритуал любовных отношений, конкретный образ которого предписан каждой культурой. Если речь идет об искренней любви, мы не назовем это манипуляцией. Иное дело — если хитрая бабенка решила окрутить простофилю. Беда в том, что различить эти два случая не просто.

Не включаем мы в понятие манипуляции и *этикет* — воздействие на поведение окружающих с помощью иносказаний и умолчаний, языка знаков, понимаемых только в данной культуре. Если человек понимает знак, то смысл обращения ему ясен и намерения того, кто «воздействует на его поведение», для него секрета не со-

ставляют. Если англичанин спрашивает знакомого англичанина: «How do you do?» («Как вы поживаете?»), тот отвечает тем же вопросом, и они переходят к делу. А русский, как шутят англичане, в ответ на этот вопрос-приветствие начинает рассказывать, что у него жена заболела и сын, паршивец, стал плохо учиться.

Русские в долгу не остаются и подшучивают над тем, как иностранцы не понимают простых вещей. В детстве я слышал шутку о том, как в Америке нашу эмигрантку из Одессы привели в суд:

— Вы обвиняетесь в том, что украли курицу.

— Нужна мне ваша курица.

(Переводчик переводит судье: «Она говорит, что курица была ей очень нужна»).

— В таком случае заплатите владельцу два доллара.

— Здравствуйте, я ваша тетя!

(Переводчик — судье: «Она вас приветствует и говорит, что вы приходите к ней племянником»).

Когда человек обращается к другому с использованием приемов этикета повышенного ранга (например, утонченно вежливо), он, конечно, стремится повлиять на поведение партнера в свою пользу. Но это — не манипуляция, поскольку здесь не скрываются ни факт воздействия, ни намерения. Напротив, знаковый язык должен быть понятен, иначе попытка воздействия и не может быть удачной¹. Без этикета и условностей, связанных с обманом, жить в обществе невозможно. Но, применяя правила этикета, мы вовсе не обращаемся с человеком как с вещью, мы его уважаем как личность. Этот вид «нас возвышающего обмана» мы в понятие манипуляции не включаем.

Да и вообще, простой обман, будучи одним из важных частных приемов во всей технологии манипуляции, сам по себе составить манипулятивное воздействие не может. Лисица, выманивая сыр у Вороны, даже не может быть названа обманщицей. Она же не говорит ей: брось, мол, мне сыр, а я тебе брошу сырокопченой колбасы. Она просит ее спеть. Ложная информация, воздействуя на поведение человека, нисколько не затрагивает его дух, его намерения и установки². Е. Л. Доценко в книге «Психология манипуляции» (М., 1996 г.) поясняет: «Например, кто-то спрашивает у нас дорогу на

¹ Когда в Китае на дороге встречались процессии двух мандаринов, им предстояла долгая и сложная церемония взаимных приветствий. Если времени на это не было, то выслали вперед представители обеих сторон и они по обоюдному согласию договаривались, что обе свиты сделают вид, что не замечают друг друга. И процессии с носилками расходились по узенькой дорожке, а сановники свиты прикрывали лицо веером.

² Поэтому, например, понятие манипуляции неприменимо к младенцам, поскольку они не могут принимать самостоятельных решений и ощущать себя ответственным субъектом.

Минск, а мы его направляем ложно на Пинск — это лишь обман. Манипуляция будет иметь место в том случае, если тот, другой, собиравший идти в Минск, а мы сделали так, чтобы он захотел пойти в Пинск».

В уже упомянутой книге «Манипулируемый человек» подчеркивается эта особенность манипуляции как психического воздействия: «Оно не только побуждает человека, находящегося под таким воздействием, делать то, чего желают другие, оно заставляет его хотеть это сделать».

Отсюда становится ясной довольно неприятная сторона дела. Всякая манипуляция сознанием есть *взаимодействие*. Жертвой манипуляции человек может стать лишь в том случае, если он выступает как ее соавтор, соучастник. Только если человек под воздействием полученных сигналов перестраивает свои воззрения, мнения, настроения, цели — и начинает действовать по новой программе, — манипуляция состоялась. А если он усомнился, уперся, защитил свою духовную программу, он жертвой не становится. Манипуляция — это не насилие, а *соблазн*. Каждому человеку дана свобода духа и свобода воли. Значит, он нагружен ответственностью — устоять, не впасть в соблазн. Один из надежных признаков того, что в какой-то момент осуществляется большая программа манипуляции сознанием, состоит в том, что люди вдруг перестают внимать разумным доводам — они как будто желают быть одураченными. Уже А. И. Герцен удивлялся тому, «как мало можно взять логикой, когда человек не хочет убедиться».

Для обсуждения нашей темы главную трудность создает та сторона манипуляции сознанием, которую мы обозначили как «скрытность», да еще при наличии мастерства и ловкости. Профессиональные манипуляторы, как и фокусники, своих секретов не раскрывают и в свои творческие лаборатории посторонних не допускают. Даже их мемуары, в которых они хвастаются достижениями в этой части, призваны скорее напустить туману, чем просветить и предупредить потомков.

Таким образом, действительный смысл слов и дел авторов и «ответственных исполнителей» важных акций по манипуляции общественным сознанием всегда тщательно скрыт, и требуется специальная работа по его выявлению. Мы вынуждены исследовать *интересующие* нас случаи и ситуации. Если наше исследование будет успешным, мы получим знание, представляющее не только академический интерес и удовлетворяющее не только любопытство читателя политических детективов. Это знание может помочь человеку, который хочет в будущем по возможности защититься от манипуляции его личным сознанием и помочь своим товарищам.

Выявление реального смысла в словах и действиях людей, которые стремились этот смысл скрыть, есть интерпретация, толкование. Подходя к таким высказываниям или фактам как к объекту исследования (или расследования), мы должны с самого начала принять, что предлагаемый нам явно смысл слов и действий есть лишь одна из возможных версий. И на этом первом этапе она не имеет никаких преимуществ перед другими возможными версиями, которые мы обязаны построить сами, без подсказки. То есть к любым словам и делам политиков и их идеологов мы должны подходить как следователь, выслушивающий первое объяснение подозреваемого. В этом нет никакого нарушения презумпции невиновности — ни следователь, ни мы не отбрасываем возможности, что выслушанная версия истинна, не называем ее автора обманщиком или преступником. Но мы и не принимаем ее сразу за истину. Мы хотим *установить истину*.

Первое (и, вероятно, главное) условие успешной манипуляции заключается в том, что в подавляющем большинстве случаев подавляющее большинство граждан не желает тратить ни душевных и умственных сил, ни времени на то, чтобы просто усомниться в сообщениях. Во многом это происходит потому, что пассивно окунуться в поток информации гораздо легче, чем критически перерабатывать каждый сигнал. На это никаких сил не хватит, если человек не овладел, до автоматизма, некоторым набором контролирующих «умственных инструментов», которые как бы сами собой, без усилий сознания и воли, анализируют информацию по одному признаку: есть ли в ней симптомы манипуляции его поведением. Так опытный шофер может работать целый день не уставая, потому что его руки и ноги отвечают на все сигналы о состоянии машины и дороги автоматически. Он не думает: «Что я буду делать, если тот малахольный тип, что покачивается на обочине, вдруг шагнет на проезжую часть?» Если будет надо, у такого шофера и руль будет повернут, и тормоз приведен в действие без напряженной работы мозга.

Так и человек, поднаторевший в том, чтобы искать разные смыслы слов и действий, сразу замечает сообщения, в которых есть симптомы наличия важного скрытого смысла — «уши торчат». При этом у него развито чувство меры. Ведь скрытый смысл есть во всех словах и всех действиях, потому так богата ткань человеческого общения. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется» — потому что люди выявляют в нашем слове все новые и новые смыслы, о которых мы сами и не подозревали. Мы здесь говорим о другом — о том, что опытный человек «фильтрует» сообщения, выделяя те, которые превышают его порог «нюха на манипуляцию». Выработать правильный порог раздражения — ус-

ловие победы в маленьких боях на этом невидимом фронте. Так глаз умелого шофера сразу отмечает даже в толпе малахольных типов, которые способны броситься под колеса. А всех остальных его глаз не фиксирует, отбрасывает — они «ниже» порога раздражения.

Разделим два вопроса. Одно дело — засечь то сообщение, из которого торчит слишком много «лапши», приготовленной, чтобы навесить вам на уши. Другое дело — быстро выстроить правдоподобные версии истинного замысла того повара, что эту лапшу готовил. Между этими задачами — дистанция огромного размера. Вторая намного сложнее, и если уж ею заниматься, этому придется посвятить много сил и времени. Хороший интеллектуальный спорт, но дорогой. Для обычной жизни этого не требуется. Достаточно решить первую задачу — чуют подвох и просто не верить таким сообщениям, не пытаюсь разгадать, а что же в действительности задумали эти мошенники. Если на вас бежит собака с помутненными глазами, которая шатается, а изо рта течет пена, то прежде всего надо посторониться. Решить, чем она больна и какие у нее в слюне микробы, непросто. Это можно оставить профессионалам и любителям, а вот посторониться важно каждому.

Когда пресс-секретарь Н. Степашина, шефа ФСБ (или ФСК — запомнить невозможно), заявляет с окраины захваченного боевиками Салмана Радиева села Первомайского, что все заложники боевиками убиты и можно начинать массированную бомбардировку села, очень непросто понять, что за этим кроется. Каков истинный смысл этой легенды и этих действий? Но признаков того, что все это — часть большого политического спектакля, вполне достаточно. Правда, убитые дети и разрушенные села в этом спектакле настоящие.

Наука создала (как обычно бывает, для других целей) интеллектуальные инструменты, полезные для человека, который строит защиту против манипуляции. И даже не просто инструменты, а целый методологический подход, который называется *герменевтика*. В исходном смысле герменевтика (от греческого слова «разъясняю») — наука о толковании текстов¹.

¹ Герменевтика имеет также прямое отношение к герметизму — сложившемуся в эпоху античности религиозно-философскому учению. Герметизм означает закрытость (отсюда герметичность). Смысл понятия уходит к легендарному мудрецу Гермесу Трисмегисту («Трижды Величайшему»), магу и астрологу, основателю алхимии. Герметизм оказал большое влияние на мистическую традицию Средневековья и Возрождения, заложил основы оккультных учений Запада. В текстах, написанных в традиции герметизма, смысл передается с помощью сложной, доступной только посвященным символики. Трактаты алхимиков (или, например, Джордано Бруно) невозможно или очень трудно понять, не зная этой символики. Такие тексты приходится буквально расшифровывать — интерпретировать. Этим и занимается герменевтика.

Эта наука возникла уже в эпоху эллинизма для изучения и толкования старых текстов (например, Гомера). Кстати, уже тогда и в связи со слепотой Гомера было сказано о трудности правильно истолковать слова, если нет возможности самому увидеть, о чем идет речь. Гераклит писал: «Обмануты люди в познании видимого, подобно Гомеру. А он был всех эллинов мудрее! Именно, провели и его мальчики, убивая вшей и приговаривая: все, что увидели и взяли, — кинули, а чего не видим и не берем — это носим». Речь идет о шутке в одном из гимнов Гомера. Он вспоминает, как обратился к мальчикам-рыбакам с острова Хиос: «Рыбаки-аркадцы, какой улов?» А они отвечают: «Все, что выловили, бросили, а то, что не выловили, уносим»¹.

В Средние века главным предметом герменевтики стало Священное писание. Европа наполнилась богословами, которые вели нескончаемые диспуты и порождали еретические толкования. В эпоху Возрождения герменевтика стала важным приемом в зарождающихся «общественных науках». Ее активно применял Никколо Макиавелли — политик и мыслитель, заложивший основы нового учения о государстве. Для нашей темы он особенно важен потому, что первым из теоретиков государства заявил, что власть держится на силе и согласии («макиавеллиевский кентавр»)². Отсюда вытекает, что «Государь» должен непрерывно вести особую работу по завоеванию и удержанию согласия подданных. Поэтому само явление манипуляции сознанием долго, вплоть до недавнего времени обозначалось словом *макиавеллизм*. Считается, что в области политической философии Макиавелли предвосхитил деятельность якобинцев в Великой французской революции, которые, как известно, осуществили грандиозную по своим масштабам манипуляцию массовым сознанием.

Нынешние исследования показали, что труды Макиавелли о государстве, которые воспринимались как исключительно оригинальные, есть плод его «герменевтических» изысканий старых авторов. Он по-новому «переписал» некоторые работы Платона, Теренция, Ливия и Данте, а также свои собственные. В нашем веке Антонио Грамши обдумывал большой план — «переписать» книгу Макиавелли «Государь» с высоты опыта XX века.

¹ К этой проблеме возвращается и Ницше, вспоминая шутку о рыбаках. Но он смотрит на дело мрачнее, чем Гераклит: «Что требует самых основательных, самых упорных доказательств, так это очевидность. Ибо слишком многим недостает глаз, чтобы видеть ее». Как будто о нас сказано.

² Насколько это нетривиальная мысль, видно из того, что до сих пор многие марксисты и их «антиподы» демократы убеждены в насильственном характере власти. В рамках марксизма идею Макиавелли развил Антонио Грамши, о чем будет сказано ниже.

В своих откровениях Макиавелли высказал вещь, важную непосредственно для нашей темы: слова политиков всегда нуждаются в истолковании. Он заострил этот вопрос до предела, признавшись в одном письме от 17 мая 1521 г.: «Долгое время не говорил я того, во что верю, никогда не верю я и в то, что говорю, и если иногда случается так, что я и в самом деле говорю правду, я окутываю ее такой ложью, что ее трудно обнаружить».

В XIX веке герменевтика стала общепhilosophическим методом и очень расширила круг объектов. Она стала претендовать на то, чтобы научиться «вживаться» в текст так, чтобы «понять его смысл лучше, чем сам его автор». С помощью герменевтики историки пытались восстановить, реконструировать дух культуры и смысл событий прошлых эпох. Подходом герменевтики пользовались и пользуются крупнейшие философы нашего времени (Хайдеггер, Хабермас, Фуко).

Более того, философы предупредили нас, что и гуманитарное знание (которое у нас по ошибке иногда называют *научным*) нуждается в истолковании, так как главное в нем вырастает из недосказанного. В своей книге о Канте (1929 г.) Хайдеггер заявил: «Вообще говоря, то, что должно стать решающим в любом философском знании, содержится не в высказываемых предположениях, но в том, что, хотя и не проговаривается как таковое, предстает нашему взору через эти предположения»¹.

Герменевтику широко используют в «археологии знания» — поиске истинных смыслов тех главных понятий, которые лежат в основе современной цивилизации Запада (например, дух и тело, индивидуум, свобода, деньги, недвижимость, преступность и т.д.). Эта «археология» раскапывает совершенно поразительные, неизвестные нам смыслы (и, кстати, позволяет нам понять, в чем реально заключается различие России и Запада как двух культур, двух цивилизаций).

Особое место занимает герменевтика в той части философии, которая занята критикой идеологии как главного средства господства и социальной власти в современном мире. Понятно, что язык идеологии, созданной как замена религии в атеистическом обществе промышленной цивилизации, для того и служит, чтобы внедрять в сознание скрытые смыслы. Поэтому для герменевтики всякий идеологический текст является прекрасным полем приложения сил. Здесь мы уже вплотную приближаемся к нашей проблеме.

¹ Мы в России, похоже, слишком простодушны, и нам трудно это понять. Хайдеггер, многими признанный как самый крупный мыслитель нашего века, оставивший труд в полсотни томов, признал на склоне лет: «Только единожды или дважды за 30—35 лет моего преподавания говорил я о том, что действительно меня волнует».

Сегодня сфера действия герменевтики как научного подхода резко расширилась. Слово (и текст) стали рассматривать лишь как частное выражение более широкого понятия — знака. Все мы знаем, что передаваемая информация может воплощаться в самых разных знаковых системах. Платье, поза, жест могут быть красноречивее слов, это — «невербальные тексты». По оценкам американских психологов (Дж. Руш), язык жестов насчитывает 700 тысяч четко различимых сигналов, в то время как самые полные словари английского языка содержат не более 600 тысяч слов. Признанный мастер пропаганды Муссолини как-то сказал: «Вся жизнь есть жест». А ведь помимо жестов есть множество других знаковых систем.

Поэтому в принципе мы всегда должны интерпретировать, истолковать любое сообщение, в какой бы знаковой системе оно ни было «упаковано». Бывает, даже при толковании, казалось бы, прозрачных и общепринятых знаков бывают досадные ошибки. Как горевала на базаре торговка, у которой вор вытащил спрятанный на груди кошелек! Она, видишь ли, думала, что он полез «с добрыми намерениями». А теперь плачет, как русский народ после озорства Чубайса с государственной собственностью. Так что в общем случае герменевтикой можно считать всякую науку, изучающую интерпретацию, то есть «выявление скрытого смысла в смысле очевидном».

Наш объект — особая деятельность, направленная на манипуляцию общественным сознанием. Каковы главные знаковые системы, к которым мы можем приложить инструменты герменевтики? Самыми главными для нашей темы можно считать сообщения, «упакованные» в слова, вербальные тексты (печатные тексты, речи, радио- и телепередачи). Сюда же относятся не менее важные, чем слова, элементы текста — промежутки между словами, паузы. А в политике это, вероятно, даже более важные сообщения, чем то, что выражено словами. Главное у политиков, манипулирующих сознанием, заключено в молчании, а слова — это отвлекающая «стрельба».

Очень важны смыслы, скрытые в образах (картины, фотографии, кино, театр и т.д.). Разумеется, эффективнее всего действуют комбинации знаковых систем, и при наличии знания и искусства можно достичь огромного *синергического* (кооперативного) эффекта просто за счет соединения «языков», о чем мы поговорим ниже.

Наконец, истолкованию должны подвергаться также действия. Если политик с огромным опытом и интуицией в важной зарубежной поездке выходит из самолета и на виду у всей высокопоставленной публики, которая встречает его с цветами, мочится на коле-

со шасси — как это надо понимать? Очевидный смысл, который подсовывается простодушным противникам этого политика, прост, как мычание. Ах он, такой-сякой, хам некультурный, напился и не мог дотерпеть до туалета! Да разве можно такому верить судьбу нашей многострадальной Родины! Но этот очевидный смысл на самом деле «смысла не имеет». В такого рода поездках целая куча режиссеров и психологов продумывает каждый жест, каждое движение. Действие, о котором мы упомянули, — это целый ритуал (надо признать, что новаторский), который несет в себе несколько слоев скрытых смыслов. И всякий человек, который не увидел здесь холодного и даже циничного расчета, подпал под обаяние этого ритуала, как бы он им ни возмущался.

Любой жест, любой поступок имеет, кроме очевидного, видимого смысла, множество подтекстов, в которых выражают себя разные ипостаси, разные «маски» человека. Общение людей — непрерывный театр, а иногда карнавал этих масок — «персон». Вспомним, кстати, что латинское слово «персона» происходит от названия маски в античном театре и буквально означает «то, через что проходит звук» (*per* — через, *sonus* — звук). У этих масок рот делался с раструбом, чтобы усиливать звук.

Вообще, действия, тем более необычные и сложные, можно уподобить текстам, написанным на не вполне понятном языке, с недомолвками и иносказаниями («поведение также является иносказанием, в котором используется невербальный язык»). Один из видных современных специалистов по герменевтике П. Рикер писал о действии как аналоге текста: «Как и в сфере письма, здесь то одерживает победу возможность быть прочитанными, то верх берет неясность и даже стремление все запутать». Эта сложность интерпретации действий в обыденной жизни приводит и к непростибельным ошибкам, и к возможности «сделать вид, что ошибся», наполняет нашу жизнь нюансами и многообразием отношений.

Очень трудно правильно понять смысл сообщений, облеченных в слова и действия людей иной культуры. Апостол Павел в Послании коринфянам писал: «Говорящий на незнакомом языке, молись о даре истолкования».

Курт Воннегут, которого мучила проблема «некоммуникабельности», в одном из своих романов-притч («Завтрак для чемпионов») приводит сюжет рассказа своего героя — сумасшедшего писателя-фантаста:

«Существо по имени Зог прибыло на летающем блюде на нашу Землю, чтобы объяснить, как предотвращать войны и лечить рак. Принес он эту информацию с планеты Марго, где язык обитателей состоит из пуканья и отбивания чечетки. Зог приземлился ночью в штате Коннектикут. И только он вышел на землю, как уви-

дел горящий дом. Он ворвался в дом, попукивая и отбивая чечетку, то есть предупреждая жильцов на своем языке о страшной опасности, грозящей им всем. И хозяин дома клюшкой от гольфа вышиб Зогу мозги».

Многие исполненные смысла жесты и действия, которые нам кажутся естественными (то есть присущими природе человека), в действительности — порождение культуры. А значит, в иной культуре они могут быть не поняты или поняты превратно. Возьмите такую вроде бы простую вещь, как пощечина. Это — жест сугубо европейский, идущий от рыцарства и укорененный в дворянстве. Ее не знает ни древность, ни Восток, ни простонародье. Пощечина — это «сообщение» с огромным объемом социальной и личностной информации. Даже более простой жест — оплеуха — часто требует сложной интерпретации. В романе «Моби Дик» одноногий капитан Ахав в сердцах ударил своего помощника деревянной ногой. Тот долго и мучительно рассуждал: должен ли он оскорбиться и отомстить? В конце концов моряк пришел к выводу, что ударили его не живой ногой — это было бы оскорбительно. А деревяшка — это все равно что палка, а удар палкой оскорбления мужчине не наносит.

Да что пощечина или оплеуха! Вот — поцелуй. Кажется, истоки этого жеста куда как естественны, природны. Разве не наше биологическое естество к нему побуждает? Но нет, это тоже — феномен культуры. Японцам европейский поцелуй был неведом, а когда узнали, то долго был противен. На Кубе попытки Хрущева облобызать Фиделя Кастро вызвали шок и породили массу язвительных шуток. Найти в незнакомой культуре важный жест, который был бы правильно понят, — большое искусство. Миклухо-Маклай отправился один в воинственное племя папуасов. Придя в деревню, все жители которой тут же попрятались, он сел, разулся и заснул. Этот жест убедительно выразил его миролюбивые намерения.

Вообще, в приложении к человеку слова «естественный», «природный», «заложенный в генах» — в большинстве случаев не более чем метафоры. И очень небезобидные. Их часто используют политики, чтобы придать видимость бесспорной, вытекающей из «законов природы» аргументации своим бредовым утверждениям (пример: «при коллективизации уничтожили кулаков, и потому произошло генетическое вырождение советского народа»). На самом деле человек — существо исключительно пластичное, и усвоенные им нормы культуры так входят в его «естество», что влияют даже на физиологию. Они действительно начинают казаться чем-то природным, биологически присущим человеку — и он свои сугубо культурные особенности, отсутствующие в других культурах,

начинает искренне считать «общечеловеческими», единственно правильными. Это прискорбно¹.

Даже в рамках одной большой культуры истолкование слов и поступков людей иного круга, иного сословия (другой субкультуры) — непростая задача. Неспособность объясниться с крестьянами была одной из причин трагедии народников — опередившей время на полтора столетия ветви русской культуры. В целом эта неспособность, ставшая источником многих наших трагедий, принимала самые разные формы. Чехов в одном из рассказов описывает семью молодых восторженных интеллигентов, решивших жить и работать в деревне, на благо народа. Но крестьяне их стали сильно огорчать — то сад обчистят, то что-то украдут со двора. И молодая жена, встретив как-то старика-крестьянина, сказала ему в сердцах: «Мы вас раньше любили, а теперь будем презирать». Старик в волнении прибежал к своей старухе: «Слышишь, молодая-то барыня говорит: мы вас презирать будем! Оно бы не плохо на старости лет. Дай ей Бог здоровья, такая добрая барыня».

Каков же главный принцип герменевтики, на чем основано толкование текстов или событий? На том, что слово или жест встраиваются в их контекст. Уже текст, от латинского слова «ткань», «связь» (отсюда текстура), есть общность мыслей и слов, сцепленная множеством связей, часть из которых скрыта, невидима. А контекст — гораздо более широкая общность, в которую вплетен текст, и вплетен связями уже в основном скрытыми. И уровень нашего понимания текста зависит от того, как глубоко и широко мы смогли эти связи уловить. А значит, увидеть в тексте выражение сложной и невидимой действительности. Наш великий М. М. Бахтин писал: «Каждое слово (каждый знак) текста выводит за его пределы. Всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами».

Понятно, что шедевром становится тот текст, который поднимает главные вопросы бытия и потому может «встраиваться» в самые разные контексты конкретного места и времени. Действие трагедий Шекспира можно без натуги перенести в средневековую Японию или в современную Россию — мы увязываем его смыслы с контекстом любой цивилизации. Гоголь сегодня читается как про-

¹ В молодости меня поразил такой случай. Студентами мы были на практике в Орске, жили в заводском общежитии. В первый вечер пошли мы с ребятами в город чего-нибудь купить поесть. В магазине увидели большие банки тушенки с лошадиной головой на этикетке. Тушенка из конины (в Орске довольно много казахов и башкир). Купили, поели с картошкой, понравилось. Заходят в комнату наши милые девочки: «Ребята, нет ли чего-нибудь поесть? Мы не успели». Как же, вот — картошка с тушенкой. Они поели, очень довольны. Один из нас возьми и брякни: «А знаете, из чего тушенка?» — и показывает банку с этикеткой. И одну девочку тут же вырвало. Физиологическая реакция — на образ, на этикетку.

рок и заботливый учитель русского человека, а кто будет читать в десять раз более плодovitого Боборыкина? Потому что Боборыкин писал вещи «одноразового» пользования, они были связаны простыми и явными связями с контекстом «здесь и сейчас».

Но для нас важнее вторая сторона проблемы связи текста (или события, действия) с контекстом — та работа, которую производит «получатель сообщения», читатель, наблюдатель, историк или современник. Как писал один из главных теоретиков современной герменевтики Ханс Георг Гадамер, «лишь благодаря одному из участников герменевтического разговора, интерпретатору, другой участник, текст, вообще обретает голос. Лишь благодаря ему письменные обозначения вновь превращаются в смысл».

Интерпретация, толкование — это восстановление неявных или специально скрытых связей с контекстом. Успех этого дела определяется знанием, умением, волей и творческими способностями читателя или наблюдателя. Знания можно приобрести, умение выработать. Мы даже на маленькой фотографии сразу узнаем людей и даже представляем их образ «как живой». А дикарь в джунглях, когда ему показывают фотографию даже знакомых предметов и людей, смотрит на нее совершенно равнодушно и ничего не видит — он не обучен воспринимать эти образы.

Но знания и умения мало. Без работы ума, духа и воображения ничего не получится. Когда мы смотрим на пейзаж хорошего художника, мы так живо воспроизводим в нашем воображении картину, что кажется, будто художник выписал все детали, каждый листочек на дереве. Но ведь это невозможно. Листочков он выписал очень мало, и они непропорционально велики. Если бы художник изобразил детали точно, мы просто не узнали бы образа. Он, зная законы восприятия, только намекнул нам, дал знак, а картину мы создали (вместе с ним, с его умелыми знаками) в нашем воображении. Мы — соавторы картины.

Какую же цель преследует тот, кто желает манипулировать нашим сознанием, когда посылает нам сообщения в виде текстов или поступков? Его цель — дать нам такие знаки, чтобы мы, встроив эти знаки в контекст, изменили образ этого контекста в нашем восприятии. Он подсказывает нам такие связи своего текста или поступка с реальностью, навязывает такое их истолкование, чтобы наше представление о действительности было искажено в желательном для манипулятора направлении. А значит, это окажет воздействие и на наше поведение, причем мы будем уверены, что поступаем в полном соответствии с нашими собственными желаниями.

Сказать слово или совершить действие, которые бы так затронули струны нашей души, чтобы мы вдруг увидели действитель-

ность в искаженном именно вопреки нашим интересам виде — большое искусство. Такое слово и такой поступок не могут быть ясными, светлыми, понятными, они обязательно обращены к чему-то скрытому от разума:

Есть речи — значенье темно иль ничтожно,
Но им без волненья внимать невозможно.

Какова задача человека, который, не желая быть пассивной жертвой манипуляции, предпринимает маленькое исследование в духе герменевтики — пытается дать свою интерпретацию словам и поступкам? Его задача — воссоздать в уме, возможно полнее, реальный контекст сообщения и разными способами встроить в него услышанное или увиденное. Разумеется, совершенно полно воссоздать действительность невозможно, нужно провести отбор существенных ее сторон. Для этого герменевтика, как научный метод, как раз и дает полезные указания. Ясно, что особенно важно и трудно воссоздать специально скрываемые стороны действительности и их связи с сообщением. Например, интересы тех, кто «организует» сообщение (недаром еще древние римляне открыли важнейший принцип социальной герменевтики — «ищи, кому выгодно»).

Поиск скрытого смысла — психологически трудный процесс. Он требует мужества и свободы воли, ведь нужно на момент сбросить бремя авторитета, каким часто обладает отправитель сообщения. Власть имущие и денежные мешки — а в основном именно они нуждаются в манипуляции общественным сознанием — всегда имеют возможность нанять для передачи сообщений любимого артиста, уважаемого академика, неподкупного поэта-бунтаря или секс-бомбу, для каждой категории населения свой авторитет. С точки зрения психологии, умение интерпретации определяется способностью личности легко переходить от одного контекста к другому, соединяя разные «срезы» действительности в единые картины. В экспериментальных исследованиях психологов оказалось, что около 30 процентов испытуемых испытывают в этом сильные затруднения. Значит, тренироваться надо.

Считается, что люди в своем подходе к интерпретации делятся на два основных типа. Одни начинают с того, что стараются по мере возможности строго восстановить логику автора сообщения, до поры отставляя в сторону свои собственные версии. Если они находят в этой логике изъяны и у автора сообщения «концы с концами не вяжутся», здесь они и начинают копать.

Другие не тратят времени на то, чтобы реконструировать «интеллектуальные инструменты» авторов сообщения. Они принимают готовый вывод сообщения как одну из допустимых версий, но

лишь одну из нескольких возможных, и приступают к выработке набора своих версий. Они «конструируют контексты», примеряя к ним версию «подозреваемого» — автора сообщения.

На практике оба подхода применяются в той или иной комбинации. Важно усвоить главное указание герменевтики: «Множественность интерпретаций и даже конфликт интерпретаций являются не недостатком или пороком, а достоинством понимания, образующего суть интерпретации» (П. Рикер). И дело не в том, чтобы соглашательски составить из нескольких версий одну «усредненную» (так вел дело Горбачев, блокируя всякое понимание происходящих процессов). Только анализируя разные версии, можно приблизиться в истине, особенно когда действующие лица заинтересованы в ее сокрытии.

Эту проблему предельно заострил Акутагава в повести «Расемон» (ее многие знают по шедшему у нас фильму Куросавы). Судья опрашивает участников и свидетелей одного события — поединка самурая с разбойником, в котором самурай был убит. Показания дает даже дух убитого. Сходясь в описании «объективных фактов», какую же разную интерпретацию дают им участники!

К несчастью, очень часто мы испытываем сужение сознания: получив сообщение, мы сразу же, с абсолютной уверенностью принимаем для себя одно-единственное его толкование. И оно служит для нас руководством к действию.

Часто это происходит потому, что мы из «экономии мышления» следуем стереотипам — привычным штампам, понятиям, укоренившимся предрассудкам. Помню, в начале 70-х годов элитарный журнал американских экономистов и бизнесменов «Гарвард бизнес ревью» показал своим читателям, насколько сильны в них расовые стереотипы. На обложке журнала была дана странная картинка, в которую редакция просила внимательно всмотреться. Был нарисован салон автобуса, в котором поскандалили двое — белый и негр. У одного в руке уже была наготове открытая опасная бритва. Месяца через три картинку напечатали снова, но с одним изменением — бритвы не было. Редакция попросила читателей сделать над собой эксперимент: не отыскивая исходную картинку, вспомнить, у кого из участников скандала была в руке бритва. Потом были опубликованы поразительные результаты: большинство читателей (почти исключительно белые) считали, что бритва была в руке у негра. На самом деле — у белого. Стереотип оказался сильнее памяти.

Из уости взгляда, подчинения хотя бы краткосрочному, на время возникшему стереотипу вытекают тяжелые ошибки и промахи в наших практических действиях. Неважно даже, верим ли мы безоговорочно лживому сообщению или выстраиваем собст-

венную ложную его интерпретацию. В обоих случаях наше поведение неадекватно реальности, и нас ждет неудача. Вот случай из моего опыта. В начале перестройки меня, обычного научного работника, зачем-то сделали заместителем директора Института, хотя я предупреждал, что до добра это не доведет. Через короткое время, когда везде началось брожение, в Институте вскрылись старые нарывы, и сплоченная номенклатурная клика при директоре стала делать из меня козла отпущения. Не будучи знаком с правилами игры, я начал брыкаться совершенно неожиданным для них образом, и началась просто свистопляска.

Директор, умный и мрачный человек, управлял этим из-за кулис. Я был настолько ошарашен жестокостью и цинизмом мужей нашей академической интеллигенции, что утратил способность к альтернативной интерпретации слов и поступков. Как-то я получил от директора письмо в связи с очередным приемом в аспирантуру (в этом деле создали очередной очаг конфликта). Письмо было наполнено прозрачными и изощренными издевательствами и угрозами. настолько неприемлемыми, что я сел и написал резкий и обобщающий ответ — решил покончить с неопределенностью. Но все же осторожность побудила меня показать оба письма рассудительным друзьям. В Институте мои умные друзья, наблюдавшие всю нашу бурю в стакане воды (для нас это была буря, и многие захлебнулись), восприняли письмо директора совершенно так же, как я. Они возмутились и одобрили мой ответ. Но я все же показал оба текста еще одному приятелю, никак не связанному с нашими делами и незнакомого с Институтом. Он прочел, задал мне несколько вопросов и сказал: «Может быть, ты и прав. Но возможно и такое толкование письма директора» — и он пересказал его просто другими словами. Я ахнул. В письме не было никаких намеков и угроз, только самые естественные деловые соображения. Если и были иносказания, то примирительные или соглашательские. Но в воспаленном суженном сознании (и не одного только меня) по нескольким неверно истолкованным знакам сложился целостный, гармоничный и совершенно ложный образ сообщения и его контекста. Друг спас меня хоть от одного греха — я порвал свой ответ и постарался извлечь урок на будущее.

Тот, кто хочет построить защиту против попыток манипуляции его сознанием, должен преодолеть заостренность ума, научиться строить в уме варианты объяснения. Как бы ни был защищен ум догматика его «принципами, которыми он не может поступиться», к нему после некоторых попыток находится ключик, ибо ход его мыслей предсказуем и потому поддается программированию. И догматик, сам того не подозревая, становится не просто жертвой, а инструментом манипуляции. Подобно тому, как «письмо Нины

Андреевой» стало важной акцией во всей перестройке как огромной программе по манипуляции общественным сознанием в СССР.

Франц Кафка, который своими болезненными психологическими откровениями очень помог созданию современной технологии манипуляции, предупреждал в одной притче:

«Леопарды врывались в храм и лакали из жертвенных сосудов, осушая их до дна. Это повторялось раз за разом. В конце концов это стало возможным предвидеть и превратилось в часть церемонии».

Таким образом, спастись от манипуляции с помощью догматизма и упрямства, просто «упершись», невозможно. Можно лишь продержаться какое-то время, пока к тебе не подберут отмычку. Или не обойдут как не представляющее большой опасности препятствие (как обошли наши новые идеологи крестьян, не пытаясь их соблазнить сказками про демократию и не тратя сил и денег на разработку специальных технологий и языка для манипуляции сознанием именно крестьян).

Овладеть действительностью можно только изучив доктрину, тактику и оружие противника. На это и направлены наши опыты в герменевтике — поиске путей интерпретации тех слов и действий, в которых воплощены попытки манипуляции нашим сознанием.

Рассмотрим сначала, в каких условиях социального бытия манипуляция становится важнейшим средством господства и власти, в каких доктринах выражены главные принципы этого способа господства.

Глава 3

ДЕМОКРАТИЯ, ТОТАЛИТАРИЗМ И МАНИПУЛЯЦИЯ СОЗНАНИЕМ

Как мы установили, манипуляция — способ господства путем духовного воздействия на людей через программирование их поведения. Это воздействие направлено на психические структуры человека, осуществляется скрытно и ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном власти направлении.

Уже из этого очень краткого определения становится ясно, что манипуляция сознанием как средство власти возникает только в гражданском обществе, с установлением политического порядка, основанного на представительной демократии. Это — «демократия западного типа», которая сегодня благодаря промыванию мозгов воспринимается просто как *демократия* — антипод множеству видов тоталитаризма. На самом деле видов демократии множество

(рабовладельческая, вечевая, военная, прямая, вайнахская и т.д. и т.п.). Но не будем уклоняться.

В политическом порядке западной демократии сувереном, то есть обладателем всей полноты власти, объявляется совокупность граждан (то есть тех жителей, кто обладает гражданскими правами¹). Эти граждане — индивидуумы, теоретически наделенные равными частицами власти в виде «голоса». Данная каждому частица власти осуществляется во время периодических выборов через опускание бюллетеня в урну. Равенство в этой демократии гарантируется принципом «один человек — один голос». Никто, кроме индивидуумов, не обладает голосом, не «отнимает» их частицы власти — ни коллектив, ни царь, ни вождь, ни мудрец, ни партия.

Но, как известно, «равенство перед Законом не означает равенства перед фактом». Это популярно разъяснили уже якобинцы, отправив на гильотину тех, кто требовал экономического равенства на основании того, что, мол, «свобода, равенство и братство», не так ли? В имущественном смысле равные в политическом отношении граждане не равны. И даже обязательно должны быть не равны — именно страх перед бедными сплачивает благополучную часть в гражданское общество, делает их «сознательными и активными гражданами». На этом держится вся конструкция демократии — «общества двух третей»².

Имущественное неравенство создает в обществе «разность потенциалов» — сильное неравновесие, которое может поддерживаться только с помощью политической власти. Великий моралист и основатель политэкономии Адам Смит так и определил главную роль государства в гражданском обществе: «Приобретение крупной и обширной собственности возможно лишь при установлении

¹ Вопреки наивным представлениям наших энтузиастов демократии, во многих странах Запада в правах урезаны обширные категории людей. Не будем вспоминать совсем недавнее рабство в США (хотя это принципиальный, философский вопрос, уходящий корнями в религиозное представление о человеке). Но вот Бразилия, которая, в отличие от Кубы, считается демократической страной. Индейцы — коренное население страны — не имеют избирательных прав. Они — *жители* страны, но не ее *граждане*.

² Запад называют «обществом двух третей». Две трети — это «средний класс», сплоченный зрелищем бедности тех, кто отнесен на обочину жизни. Голоса трети граждан, недовольных таким порядком, «омертвляются», выманиваются обществом «активных» граждан — множеством способов недовольных побуждают не участвовать в голосовании. В последнее время демократия Запада сдвигается к «обществу двух половин» — реально в выборах отказывается участвовать половина граждан. В России нашими отечественными демократами создан уникальный политический порядок: выборы считаются действительными, если к урнам пришло всего двадцать пять процентов избирателей («общество одной четверти»). И это, кстати, прославляется как обретение свободы, что не вызывает у нашей либеральной интеллигенции даже удивления.

гражданского правительства. В той мере, в какой оно устанавливается для защиты собственности, оно становится, в действительности, защитой богатых против бедных, защитой тех, кто владеет собственностью, против тех, кто никакой собственности не имеет».

Речь здесь идет именно о гражданском правительстве, то есть о правительстве в условиях гражданского общества. До этого, при «старом режиме», власть не распределялась частицами между гражданами, а концентрировалась у монарха, обладавшего не подвергаемым сомнению правом на господство (и на его главный инструмент — насилие). Как и в любом государстве, власть монарха (или, скажем, генсека) нуждалась в легитимации — приобретении авторитета в массовом сознании. Но она не нуждалась в манипуляции сознанием. Отношения господства при такой власти были основаны на «открытом, без маскировки, императивном воздействии — от насилия, подавления, господства до навязывания, внушения, приказа — с использованием грубого простого принуждения». Иными словами, тиран повелевает, а не манипулирует.

Этот факт подчеркивают все исследователи манипуляции общественным сознанием, отличая способы воздействия на массы в демократических и авторитарных или тоталитарных режимах. Вот суждения видных американских ученых.

Специалист по средствам массовой информации З. Фрейре: «До пробуждения народа нет манипуляции, а есть тотальное подавление. Пока угнетенные полностью задавлены действительностью, нет необходимости манипулировать ими».

Ведущие американские социологи П. Лазарфельд и Р. Мертон: «Те, кто контролирует взгляды и убеждения в нашем обществе, прибегают меньше к физическому насилию и больше к массовому внушению. Радиопрограммы и реклама заменяют запугивание и насилие».

Известный и даже популярный специалист в области управления С. Паркинсон дал такое определение: «В динамичном обществе искусство управления сводится к умению направлять по нужному руслу человеческие желания. Те, кто в совершенстве овладел этим искусством, смогут добиться небывалых успехов».

Хотя *идеология*, эта замена религии для гражданского общества, возникла как продукт Научной революции и Просвещения в Европе, главным создателем концепции и технологии манипуляции массовым сознанием с самого начала стали США. Впрочем, они — порождение Европы (как говорили уже в XVIII веке, США — более Европа, чем сама Европа). Здесь, на пространствах, свободных от традиций старых сословных культур, возник индивидуум в самом чистом и полном виде. У «отцов нации» и состоятельного слоя Соединенных Штатов возникла острая потребность контролиро-

вать огромную толпу свободных индивидов, не прибегая к государственному насилию (оно было попросту невозможно и противоречило самой идейной основе американского индивидуализма). В то же время не было возможности взывать к таким этическим нормам, как уважение к авторитетам, — США заселили диссиденты Европы, отрицающие авторитет. Так возник новый в истории тип социального управления, основанный на внушении. Писатель Гор Видал сказал, что «американскую политическую элиту с самого начала отличало завидное умение убеждать людей голосовать вопреки их собственным интересам».

В целом, один из ведущих специалистов по американским средствам массовой информации профессор Калифорнийского университета Г. Шиллер дает такое определение: «Соединенные Штаты совершенно точно можно охарактеризовать как разделенное общество, где манипуляция служит одним из главных инструментов управления, находящегося в руках небольшой правящей группы корпоративных и правительственных боссов... С колониальных времен власть имущие эффективно манипулировали белым большинством и подавляли цветные меньшинства».

Можно сказать, что американцы совершили научный и интеллектуальный подвиг. Шутка ли — создать в кратчайший срок новаторскую технологию управления обществом. То, что в других обществах складывалось тысячи лет, что в европейской культуре имело в своей основе уже огромные, обобщающие философские труды (такие, как «Политика» Аристотеля и «Республика» Платона), в США было сконструировано на голом месте, по-новому, чисто научным и инженерным способом. Герберт Маркузе отмечает это огромное изменение: «Сегодня подчинение человека увековечивается и расширяется не только посредством технологии, но и как технология, что дает еще больше оснований для полной легитимации политической власти и ее экспансии, охватывающей все сферы культуры». Подчинение не посредством технологии, а как технология! Тиран создать технологию не мог, он всего лишь подчинял людей с ее помощью, причем используя весьма примитивные системы (топор и плаха — уже технология).

В США создавалась именно технология, и на это работал и работает большой отряд обученных, профессиональных интеллектуалов. Г. Шиллер отмечает: «Там, где манипуляция является основным средством социального контроля, как, например, в Соединенных Штатах, разработка и усовершенствование методов манипулирования ценятся гораздо больше, чем другие виды интеллектуальной деятельности».

Можно сказать, что в деле манипуляции специалисты США достигли совершенства — они обращают на службу правящим кругам даже те общественные течения, которые, казалось бы, как раз находятся в оппозиции к власти этих кругов. Известный американский ученый Ноам Хомский в книге «Необходимые иллюзии: контроль над сознанием в демократических обществах» пишет, что в течение 80-х годов правительству Рейгана и Буша в США удавалось проводить крайне правую социальную и милитаристскую политику при том, что в общественном мнении происходил сильный сдвиг в сторону социал-демократических принципов. При опросах подавляющее большинство поддерживало введение государственных гарантий полной занятости, государственное медицинское обслуживание и строительство детских садов, а соотношение сторонников и противников сокращения военных расходов было 3:1. Почти половина населения США была уверена, что фраза «от каждого по способностям, каждому по потребностям» — статья Конституции США, а вовсе не лозунг из «Коммунистического манифеста» Маркса¹.

Философы Адорно и Хоркхаймер, столь уважаемые нашими либеральными интеллигентами, в книге «Диалектика Просвещения» представили организацию всей жизни в США как «индустрию культуры, являющуюся, возможно, наиболее изощренной и злокачественной формой тоталитаризма». Так что речь, если на то пошло, идет не о выборе между демократией и тоталитаризмом, а между разными типами *тоталитаризма* (или разными типами *демократии* — название зависит от вкуса).

Если обращаться не к дешевой пропаганде по телевидению, а читать серьезные книги, то мы узнаем, что в самой западной философской мысли «демократических» иллюзий давно уже нет. Монтескье в своей теории гражданского общества предложил идею *разделения властей*, считая, что это ограничит тиранию исполнительной власти. Эти надежды не сбылись, что наглядно показала история Запада. В конце XIX века писатель Морис Жюли даже написал веселую книгу «Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье», в которой тень Макиавелли как теоретика циничной и жестокой исполнительной власти в два счета объяснила Монтескье, как легко государь может манипулировать другими «ветвями власти» просто потому, что именно он контролирует финансы, даже не прибегая к более жестким средствам. А они тоже, когда надо, применяются.

¹ Это данные опроса, посвященного Конституции США, который был проведен в 1987 г.

Когда философы пишут всерьез, они отбрасывают ругательства вроде «тоталитаризма» или «культы личности», а говорят о двух типах деспотизма — восточном и западном. Современный французский философ С. Московичи видит главное отличие западного типа в том, что он опирается на контроль не над средствами производства, а над средствами информации и использует их как нервную систему: «Они простирают свои ответвления повсюду, где люди собираются, встречаются и работают. Они проникают в закоулки каждого квартала, каждого дома, чтобы запереть людей в клетку заданных сверху образов и внушить им общую для всех картину действительности. Восточный деспотизм отвечает экономической необходимости, ирригации и освоению трудовых мощностей. Западный же деспотизм отвечает прежде всего политической необходимости. Он предполагает захват орудий влияния или внушения, каковыми являются школа, пресса, радио и т.п. Все происходит так, как если бы шло развитие от одного к другому: внешнее подчинение уступает место внутреннему подчинению масс, видимое господство подменяется духовным, незримым господством, от которого невозможно защититься».

Представление же, будто наличие «демократических механизмов» само по себе обеспечивает свободу человека, а их отсутствие ее подавляет — плод наивности, почти неприличной¹. В какой-то мере эта наивность была еще простительна русским в начале века, но и тогда уже Бердяев писал: «Для многих русских людей, привыкших к гнету и несправедливости, демократия представлялась чем-то определенным и простым, — она должна была принести великие блага, должна освободить личность. Во имя некоторой бесспорной правды демократии мы готовы были забыть, что религия демократии, как она была провозглашена Руссо и как была осуществлена Робеспьером, не только не освобождает личности и не утверждает ее неотъемлемых прав, но совершенно подавляет личность и не хочет знать ее автономного бытия. Государственный абсолютизм в демократиях так же возможен, как в самых крайних монархиях. Такова буржуазная демократия с ее формальным абсолютизмом принципа народовластия... Инстинкты и цавыки абсо-

¹ Иногда у наших демократов произвольно вырывается такая чушь, что она просто умиляет, сердиться невозможно. Вот Олег Попцов, в бытность начальником телевидения, изрекает: «Демократия, как я понимаю, это общество, где существует культ закона». В Третьем рейхе, например, действительно существовал культ закона, в частности закона о расовой гигиене. Значит, для Попцова это — вершина демократии. Потом Ельцин, наплевав на Конституцию (высший Закон государства), пушками разогнал парламент — а Попцов так и бормочет: «Ельцин — гарант демократии». И смех, и грех.

лютизма перешли в демократию, они господствуют во всех самых демократических революциях»¹.

Строго говоря, как только манипуляция сознанием превратилась в технологию господства, само понятие демократии стало чисто условным и употребляется лишь как идеологический штамп. В среде профессионалов этот штамп всерьез не принимают. В своей «Энциклопедии социальных наук» Г. Лассуэлл заметил: «Мы не должны уступать демократической догме, согласно которой люди сами могут судить о своих собственных интересах».

Раз уж мы заговорили о демократии и тоталитаризме, надо на минуту отвлечься и выделить особый случай: что происходит, когда в обществе с «тоталитарными» представлениями о человеке и о власти вдруг революционным порядком внедряются «демократические» правила? Неважно, привозят ли демократию американские военные пехотинцы, как на Гаити или в Панаму, бельгийские парашютисты, как в Конго, или отечественные идеалисты, как весной 1917 года в России. В любом случае это демократия, которая не вырастает из сложившегося в культуре «ощущения власти», а привносится как прекрасный заморский плод. Возникает гибрид, который, если работать тщательно и бережно, может быть вполне приемлемым (как японская «демократия», созданная после войны оккупационными властями США). Но в большинстве случаев этот гибрид ужасен, как Мобуту.

Для нас этот вариант важен потому, что вот уже больше десяти лет проблема демократии и тоталитаризма стала забойной темой в промывании наших мозгов. А в действительности мы, даже следуя логике наших собственных демократов, как раз получаем упомянутый гибрид: на наше «тоталитарное» прошлое, на наше «тоталитарное» мышление наложили какую-то дикую мешанину норм и понятий (мэры и префекты вперемешку с Думой, дьяками и тысячью партий).

Итак, Россия никогда не была «гражданским обществом» свободных индивидуумов. Говоря суконным языком, это было корпоративное, сословное общество (крестьяне, дворяне, купцы да духо-

¹ Кстати, инстинкты абсолютизма и культа личности развиты у демократических европейцев гораздо сильнее, чем у русских. Не будем уж поминать восторги немцев при виде Гитлера. Но вот великий философ Запада Гегель. 13 октября 1806 г. ему посчастливилось из толпы увидеть Наполеона, и он пишет: «Я увидел императора, эту душу мира, пересекавшего на лошади городские улицы. Поистине это колоссальной силы ощущение — увидеть такого человека, сидящего на коне, сосредоточенного, который заполняет собой весь мир и господствует над ним». Я, насколько помню ощущения юности, скажу, что русские Сталина любили разумной человеческой любовью, но не так, как Гегель Наполеона. Хотя и у нас были такие маленькие гегели-бабели.

венство — не классы, не пролетарии и собственники). Мягче, хотя и с насмешкой, либеральные социальные философы называют этот тип общества так: *«теплое общество лицом к лицу»*. Откровенные же идеологи рубят честно: тоталитаризм. Как ведут себя люди такого общества, когда им вдруг приходится создавать власть (их обязывают быть «демократами»)? Это мы видим сегодня и поражаемся, не понимая — народ выбирает людей никчемных, желательно нерусских, и очень часто уголовников. Между тем удивляться тут нечему. Этот архетип, эта подсознательная тяга проявилась уже в начальный момент становления Руси, когда управлять ею пригласили грабителей-варягов.

Этому есть объяснение низкое, бытовое, и есть высокое, идеальное. Давайте вспомним «чистый» случай гибридизации власти, когда после февральской революции 1917 г. и в деревне, и в городе пришлось сразу перейти от урядников и царских чиновников к милиции, самоуправлению и «народным министрам». Что произошло?

Нам оставил скрупулезное, день за днем, описание тех событий М. Пришвин в своих дневниках. Он был чуть ли не единственный писатель, который провел годы революции в деревне, в сердце России, на своем хуторе в Елецком уезде Орловской губернии. И не за письменным столом — сам пахал свои 16 десятин (ему даже запретили иметь работника). Кроме того, он действительно был в гуще всех событий, так как был делегатом Временного комитета Государственной Думы по Орловской губернии, ежедневно заседал в своем сельском комитете, объезжал уезды и волости. Временами бывал в Петербурге — в министерствах, Думе и Совете. В своем отчете в Думу от 20 мая он пишет, что в комитеты и советы крестьяне выбирают уголовников. «Из расспросов я убедился, что явление это в нашем краю всеобщее», — пишет Пришвин. Приехав в начале сентября в столицу и поглядев на министра земледелия лидера эсеров Чернова, Пришвин понял, что речь не о его крае, а о всей России. Вот его запись 2 сентября:

«Чернов — маленький человек, это видно и по его ужимкам, и улыбочкам, и пространным, хитросплетенным речам без всякого содержания. «Деревня» — слово он произносит с французским акцентом и называет себя «сельским министром». Видно, что у него ничего за душой, как, впрочем, и у большинства настоящих «сельских министров», которых теперь деревня посылает в волость, волость в уезд, уезд в столицу. Эти посланники деревенские выбираются часто крестьянами из уголовных, потому что они пострадали, они несчастные, хозяйства у них нет, свободные люди, и им можно потому без всякого личного ущерба стоять за крестьян. Они выучивают наскоро необходимую азбуку политики, смешно выго-

варивают иностранные слова, так же, как посланник из интеллигенции Чернов смешно выговаривает слова деревенские с французским «de». «Селянский министр» и деревенские делегаты психологически противоположны настоящему мужику».

Как же реально создается эта власть и как рассуждают те, кто желает ей подчиниться? Пришвин записал ход таких собраний. Вот один случай, 3 июля 1917 г. Выборы в комитет, дело важное, т.к. комитет, в отличие от совета, ведет хозяйственные дела. Кандидат Мешков («виски сжаты, лоб утюжком, глаза блуждают. Кто он такой? Да такой — вот он весь тут: ни сохи, ни бороны, ни земли»). Мешков — вор. Но ведущий собрание дьякон находит довод:

«— Его грех, товарищи, явный, а явный грех мучит больше тайного, все мы грешники!

И дал слово оправдаться самому Мешкову. Он сказал:

— Товарищи, я девять лет назад был судим, а теперь я оправдал себя политикой. По новому закону все прощается!

— Верно! — сказали в толпе.

И кто-то сказал спокойно:

— Ежели нам не избирать Мешкова, то кого нам избирать?! Мешков человек весь тут: и штаны его, и рубашка, и стоптанные сапоги — все тут! Одно слово, человек-оратор, и нет у него ни лошади, ни коровы, ни сохи, ни бороны, и живет он из милости у дяди на загуменье, а жена побирается. Не выбирайте высокого, у высокого много скота, земля, хозяйство, он — буржуаз. Выбирайте маленького. А Мешков у нас — самый маленький.

— Благодарю вас, товарищи, — ответил Мешков, — теперь я посвящу вас, что есть избирательная урна. Это есть секретный вопрос и совпадает с какой-нибудь тайной, эту самую тайну нужно вам нести очень тщательно и очень вежливо и даже под строгим караулом!

И призвал к выборам:

— Выбирайте, однако, только социалистов-революционеров, а которого если выберете из партии народной свободы, из буржуазов, то мы все равно все смешаем и все сметем!»

Вот это и есть — гибрид демократии и «теплого общества». В результате, как пишет Пришвин, после февраля всего за полгода «власть была изнасилована» («за властью теперь просто охотятся и берут ее голыми руками»). И охотиться за властью, насиловать ее могут именно люди никчемные:

«Как в дележе земли участвуют главным образом те, у кого ее нет, и многие из тех, кто даже забыл, как нужно ее обрабатывать, так и в дележе власти участвуют в большинстве случаев люди голые, неспособные к творческой работе, забывшие, что... власть государственная есть несчастье человека прежде всего».

Здесь Пришвин уже касается «идеальной» установки, быть может, мало где встречающейся помимо русской культуры. Бремя власти есть несчастье для человека! Власть всегда есть что-то внешнее по отношению к «теплому обществу», и принявший бремя власти человек неминуемо становится изгоем. Если же он поставит свои человеческие отношения выше государственного долга, он будет плохой, несправедливой властью. В таком положении очень трудно пройти по лезвию ножа и не загубить свою душу. Понятно, почему русский человек старается «послать во власть» того, кого не жалко, а лучше позвать чужого, немца. Если же обязывают, демократии ради, создать самоуправление, то уклонение от выполнения властных обязанностей и коррупция почти неизбежны.

На бытовом уровне это выглядит у Пришвина так:

«14 июня. Скосили сад — своими руками. Чай пьем в саду, а с другого конца скошенное тащут бабы. Идем пугать баб собакой, а на овсе телята деревенские. Позвать милиционера нельзя — бесполезно, он свой деревенский человек, кум и сват всей деревне и против нее идти ему нельзя. Неудобства самоуправления: урядник — власть отвлеченная, со стороны, а милиционер свой, запутанный в обывательстве человек...

И правда, самоуправляться деревня не может, потому что в деревне все свои, а власть мыслится живущей на стороне. Никто, например, в нашей деревне не может завести капусты и огурцов, потому что ребятишки и телята соседей все потравят. Предлагал я ввести штраф за потравы, не прошло.

— Тогда, — говорят, — дело дойдет до ножей.

Тесно в деревне, все свои, власть же родню не любит, у власти нет родственников.

Так выбран Мешков — уголовный, скудный разумом, у которого нет ни кола, ни двора, за то, что он нелицеприятный и стоит за правду — какую правду? неизвестно; только то, чем он живет, не от мира сего. Власть не от мира сего».

В сущности, крестьяне России (особенно в шинелях) потому и поддержали большевиков, что в них единственных была искра власти «не от мира сего» — власти без родственников. Надо сказать, что этот инстинкт государственности проснулся в большевиках удивительно быстро, контраст с нынешними демократами просто разительный. Многозначительно явление, о котором официальная советская идеология умалчивала, а зря — «красный бандитизм». В конце гражданской войны советская власть вела борьбу, иногда в судебном порядке, а иногда и с использованием вооруженной силы, с красными, которые самочинно затягивали конфликт. В некоторых местностях эта опасность для советской власти даже счита-

лась главной. Под суд шли, бывало, целые парторганизации — они для власти уже «не были родственниками»¹.

А когда большевики выродились и их власть стала «жить и давать жить другим», из нее и дух вон. И сегодня добрую КПРФ не очень-то к власти зовут, слишком она домашняя.

Итак, мы провели классификацию. Есть, условно говоря, две «чистые» модели — демократия и тоталитаризм. И самый трудный случай, наш собственный — навязанная гибридизация чужеродной демократии, наложенной на культуру «теплого общества». В этом гибриде наши реформаторы надеются убить компоненту «тоталитаризма» (вернее, делают вид, что надеются). Чуть ли не главным инструментом в их усилиях стала манипуляция сознанием.

Ее технология, созданная в США, применяется сегодня в более или менее широких пределах в других частях мира (в России — без всяких пределов) и должна стать главным средством социального контроля в новом мировом порядке. Разумеется, дополняясь насильем в отношении «цветных». Правда, таковыми все более и более считаются бедные независимо от цвета кожи (например, японцы уже не считаются цветными, а русские уже почти считаются).

Коротко оговорим и отложим в сторону проблему социального контроля в «тоталитарных» обществах. Почему способы жесткого духовного воздействия вне демократии не подпадают под понятие манипуляции? Ведь тираны не только головы рубили и «черным вороном» пугали. Словом, музыкой и образом они действовали ничуть не меньше, чем дыбой. Почему же литургия в храме или беседа политрука в Красной Армии, побуждающие человека к определенному поведению, — не манипуляция сознанием?

Воздействие на человека религии (не говорим пока о сектах) или «пропаганды» в так называемых идеократических обществах, какими были, например, царская Россия и СССР, отличаются от манипуляции своими главными родовыми признаками. Весь их набор мы осветим, когда будем говорить о способах манипуляции. А здесь укажем на один признак — скрытность воздействия и вну-

¹ «Красный бандитизм» особенно широкий размах получил в Сибири, где главную роль в борьбе с белыми играла не регулярная Красная Армия, а партизаны. Когда сегодня читаешь отчеты о судебных процессах над красными, просто поражаешься. Вот в городке раскрыт заговор и чекисты арестовывают его руководителей. Ночью для их освобождения на городок делает налет отряд белых, ушедших в леса. Чекисты и члены партийной ячейки, всего семь человек, всю ночь ведут бой, а потом, не имея больше возможности обороняться, расстреливают заговорщиков и уходят. Их судят — при большом стечении народа, который, настрадавшись от белых, возмущен не «бандитами», а именно властью, трибуналом. Пришвин с неприязнью пишет, что такой способности подняться над схваткой, «презирая страдания своих», не имела ни одна из существовавших в России политических сил — только большевики. Но это и есть «инстинкт государственности».

шение человеку желаний, заведомо противоречащих его главным ценностям и интересам.

Ни религия, ни официальная идеология идеократического общества не только не соответствуют этому признаку — они действуют принципиально иначе. Их обращение к людям не просто не скрывается, оно громогласно. Ориентиры и нормы поведения, к которым побуждали эти воздействия, декларировались совершенно открыто, и они были жестко и явно связаны с декларированными ценностями общества.

И отцы церкви, и «отцы коммунизма» считали, что то поведение, к которому они громогласно призывали, — в интересах спасения души и благоденствия их паствы. Поэтому и не могло стоять задачи внушить ложные цели и желания и скрывать акцию духовного воздействия. Конечно, представления о благе и потребностях людей у элиты и большей или меньшей части населения могли расходиться, вожди могли жестоко заблуждаться. Но они не «лезли под кожу», а дополняли власть Слова прямым подавлением. В казармах Красной Армии висел плакат: «Не можешь — поможем. Не умеешь — научим. Не хочешь — заставим».

Смысл же манипуляции иной: мы не будем тебя заставлять, мы влезем к тебе в душу, в подсознание, и сделаем так, что ты захочешь. В этом — главная разница и принципиальная несовместимость двух миров: религии или идеократии (в так называемом традиционном обществе) и манипуляции сознанием (в так называемом демократическом обществе).

Многих, однако, вводит в заблуждение сходство некоторых «технических» приемов, применяемых и в религиозной, и в пропагандистской, и в манипуляционной риторике — игра на чувствах, обращение к подсознанию, к страхам и предрассудкам. Хотя в действительности эти приемы в религии и идеократической пропаганде — следствие слабости и незрелости, а в манипуляции сознанием — принципиальная установка, это неочевидно. Более того, религиозные конфессии, взявшие курс на обновление и озабоченные успехом в социальной и политической сфере, действительно впадают порой в соблазн освоить большие манипуляционные технологии¹. Об этом — одно из едва ли не главных размышлений Достоевского, выраженное в Легенде о Великом Инквизиторе. Помните, сошедшего на Землю Христа Великий Инквизитор посылает на костер, чтобы он не нарушал создаваемого в обществе Мирового порядка, основанного именно на манипуляции сознанием (как бы мы сегодня сказали). Великий Инквизитор упрекает Христа в том,

¹ Мы уж не говорим о тех сектах и «церквях», которые являются прежде всего политическими или социальными (иногда криминальными) организациями, которые, напротив, используют религиозные «технологии» в манипуляционных целях.

что Он отказался повести за собой человека, воздействуя на его сознание чудом.

В отличие от Церкви, коммунистическая идеология своего критика масштаба Достоевского или Толстого не получила, но и без них мы видим: «обновленчество» Хрущева с соблазном использовать манипуляционные технологии сразу нанесло ей рану, в которой закопошились сожравшие ее Яковлевы и Бурбулисы. Хрущев, как фокусник, начал размахивать рукавом, из которого должны были посыпаться чудеса: догоним Америку по мясу и молоку, посеем кукурузу в Архангельске, через двадцать лет будем жить при коммунизме. С этого начало рушиться идеократическое советское общество. Говорится: для идеократического общества манипуляция сознанием дисфункциональна («вредна для здоровья»).

Но, повторяю, в реальной жизни отклонения от «чистой» модели затемняют фундаментальные различия, и поэтому остановимся пока что на очевидном родовом признаке: открытость и даже демонстративность, ритуальность установления желаемых норм поведения в теократических и идеократических обществах — и скрытое, достигаемое через манипуляцию сознанием установление таких норм в демократическом (гражданском, открытом, либеральном и т.д.) обществе.

Мы договорились с самого начала — в этой книге постараться не давать явлениям своих оценок, а описывать явления, раскрывать их смысл. Оценки вытекают из идеалов, а идеалы у читателей различны, и спорить о них бессмысленно. Можно лишь, выяснив идеалы, договариваться о сосуществовании. А для этого надо понимать, что происходит, — за видимостью различать смысл.

Поэтому вместо того, чтобы заклеить тот или иной способ воздействия на поведение человека, укажем на два подхода к их сравнению. Первый мы назовем функциональным, а второй — моральным.

Насколько успешно подходы, выработанные в идеократическом и демократическом обществах, позволяют власть имущим выполнять одну из главных функций: обеспечить устойчивость общества, его воспроизведение, выживание?

В общем, идеократическое, традиционное общество и общество либеральное устойчивы или уязвимы перед ударами разных типов. Первые поразительно жизнестойки, когда тяжелые удары наносятся всем или большей части общества, так что возникает ощущение, что «наших бьют». В этих случаях устойчивость такова, что наблюдатели и политики «из другого общества» не просто изумляются, но раз за разом попадают впросак, тяжело ошибаются.

Сравнительно мало опубликовано материалов о разборе тех умозаключений советников Наполеона и Гитлера, которые ошиб-

лись в своих прогнозах о реакции разных слоев русского народа на вторжение в Россию. Видимо, этот анализ до сих пор на Западе засекречивается, хотя бы по наитию, самими мыслителями. Но и то, что опубликовано, показывает: в обоих огромных «экспериментах» над Россией Запад ошибся фундаментально. Русские совершенно иначе «интерпретировали» жесты западных носителей прогресса, нежели они рассчитывали¹. Каждый удар извне, который воспринимался русскими как удар именно по России, залечивал ее внутренние трещины и «отменял» внутренние противоречия.

Также поражает сегодня западных экспертов (и их «российских» учеников) наша способность держать удары победителей России в холодной войне. Массовое обеднение не только не разрушило общество, оно даже почти не озлобило людей, не стравило их. Вопреки ожиданиям, общество не распалось, а продолжает жить согласно неписаным законам и культурным нормам, чуждым закону рынка и нормам индивидуализма.

Мы, с нашей привычной колокольни, просто не видим того, что происходит в России и как это воспринимается глазами «цивилизации». На Западе спад производства в 1 процент — уже кризис, который чудесным образом меняет все поведение обывателя. Даже если его лично еще совершенно этот кризис не коснулся и разорение ему непосредственно не угрожает. А если колесо кризиса его задело, происходят просто невероятные превращения. Приличный, культурный и радушный человек на твоих глазах превращается в злобного сквалыгу. Он мучает своих детей, рвет со всеми друзьями и начинает бешено, как помешанный, копить, совершая просто странные поступки — может обсчитать уличного торговца и обобрать своего аспиранта, присвоив его деньги. Зрелище исключительно тяжелое.

О том, как быстро в либеральном обществе утрачиваются скрепляющие его культурные нормы при обеднении среднего класса, написана масса печальной литературы. Во время Великой депрессии в США разорившиеся бизнесмены падали из окон, как спелые груши. Видим ли мы что-нибудь подобное в России? Даже смешно предположить. Ну, потерял состояние — пойду в управдомы. Два года назад из-за махинаций руководства прогорел крупный испанский банк «Сантандер». Акционеры потеряли около четверти своих состояний. В большом зале — их собрание, телекамеры. Я в жизни не видел такого собрания людей, на лицах которых написано

¹ Похожая ошибка произошла у Наполеона и в Испании — казалось бы, вполне европейской стране. Там-то уж либеральная, просвещенная часть общества, жаждавшая прихода французских демократов, была гораздо многочисленнее, чем в России, а получился конфуз. Испанцы перерезали и французов, и вечно сующихся куда не следует поляков, и кучу своих либералов с криком «да здравствуют цепи!».

неподдельное, глубокое человеческое горе. А еще говорят о бездуховности Запада. Художественно сделанные фотографии акционеров с того собрания, которыми были заполнены газеты, отразили трагедию высокого накала.

В преддверии либерализации цен, которая состоялась в России в январе 1992 года, был у меня разговор с одним испанским социологом. «Вас, — говорит он, — ожидают интересные явления. Понаблюдай, потом мне расскажешь». Он предсказал, например, что при резком повышении цен Москва за одну неделю наполнится бездомными собаками, и это будет феноменально. У них социологи используют как кустарный, но очень чувствительный показатель назревающих экономических трудностей простую сводку о количестве отловленных на улице бездомных собак. Рост этого индикатора до всяких изменений инфляции, биржевых индексов и показателей производства говорит: будет спад. Нюх среднего класса чуток и безотказен, никакой экономической науке за ним не угнаться.

Что же делает почтенная семья буржуа, почуявшая приближение этого спада? Она едет на прогулку за город. Все рады, дети возбуждены, собака прыгает от счастья и пытается лизнуть хозяина в лицо. Где-нибудь на опушке рощицы собаку выпускают погулять. И пока она с лаем носится за бабочками, все усаживаются в свою «Тойоту», хлопают дверцы и — привет. Действительно, по улицам чистеньких городов бегают, с безумными глазами, породистые колли и доберманы. Они не могут понять, что с ними произошло, где же их добрый хозяин с его собачьим кормом «Pedigree». Я однажды встретил даже такого изумленного сенбернара. А защитники животных расклеивают жалобные плакаты с портретом собаки и надписью: «Он бы так с тобой не поступил».

Сбылись ли прогнозы социолога, знатока западной души? Ни в коей мере, о чем я имел удовольствие ему сообщить. После повышения цен враз обедневшие старушки-пенсионерки, как и раньше, выносили на руках погулять своих дворняжек. Только к квартирам, в которых есть крупные собаки, соседи стали складывать больше костей. Нет у нас еще гражданского общества.

Зато традиционное общество исключительно хрупко и беззащитно против таких воздействий, к каким совершенно нечувствительно общество гражданское. Достаточно заронить в массовое сознание сомнение в праведности жизни, организованной в идеократическом обществе, или праведности власти в государстве, все устои политического порядка могут зашататься и рухнуть в одночасье. Об этом — «Борис Годунов» Пушкина. Об этом писали в «Вехах» раскаявшиеся либеральные философы после опыта революции 1905 года. Да и вся драма второго акта убийства Российской империи, уже в облике СССР, у нас перед глазами.

Идеократическое общество — сложная, иерархически построенная конструкция, которая держится на нескольких священных, незыблемых идеях-символах и на отношениях авторитета. Утрата уважения к авторитетам и символам — гибель. Если противнику удастся встроить в эти идеи разрушающие их вирусы, то победа обеспечена. Отношения господства с помощью насилия спасти не могут, ибо насилие должно быть легитимировано теми же самыми идеями-символами.

Гражданское общество, состоящее из атомов-индивидуумов, связано бесчисленными ниточками их интересов. Это общество просто и неразрывно, как плесень, как колония бактерий. Удары по каким-то точкам (идеям, смыслу) большого ущерба для целого не производят, образуются лишь локальные дырки и разрывы. Зато эта ткань трудно переносит «молекулярные» удары по интересам каждого (например, экономические трудности). Для внутренней стабильности нужно лишь контролировать «веер желаний» всей колонии таким образом, чтобы не возникало больших социальных блоков с несовместимыми, противоположными желаниями. С этой задачей технология манипуляции сознанием справляется. А борьба по поводу степени удовлетворения желаний вполне допустима, она суть общества не подрывает.

Это — фактическая, инструментальная сторона дела. Здесь спорить особенно не о чем. Иное дело — оценки идеальные, вытекающие из этических ценностей. Здесь взгляды диаметрально противоположны.

Человек либерального образа мыслей (который сегодня вроде бы господствует в «культурном слое» России) убежден, что переход от насилия и принуждения к манипуляции сознанием — огромный прогресс в развитии человечества, чуть ли не «конец истории». Об идеологах говорить нечего — они радуются этому переходу взахлеб (парадоксальным образом, они согласны, чтобы ради такого перехода в России на неопределенный период установился режим ничем не ограниченного насилия). Внутри научного сообщества оценки обычно более уклончивы. В книге «Психология манипуляции» Е. Л. Доценко свой в общем либеральный вывод делает с оговорками: «Можно вспомнить немало жизненных ситуаций, в которых манипулирование оказывается благом постольку, поскольку поднимает общение от доминирования и насилия к манипуляции — в известном смысле более гуманному отношению»¹.

«В известном смысле», «можно вспомнить немало ситуаций» — это лишает принципиальную оценку силы. Речь ведь не о ситуации

¹ Это — цитата из труда психолога-демократа, сильно упрощающая реальность, но для начала это упрощение нам полезно. Ниже коснемся роли «несиловых» методов власти (того же «внушения» в авторитарных системах).

ях, а о моральном выборе типа общества и типа человеческих отношений. Сразу отметим, что и на Западе, среди ведущих специалистов, есть (хотя и немного) такие, кто прямо и открыто ставит манипуляцию сознанием в нравственном отношении ниже открытого принуждения и насилия.

Аргументы тех, кто приветствует переход от принуждения к манипуляции, просты и понятны. Кнут — это больно, а духовный наркотик — приятно. Если уж все равно сильный заставит слабого подчиниться своей воле, то пусть он это сделает с помощью наркотика, а не кнута. Что ж, о вкусах не спорят. Давайте лучше рассмотрим доводы тех, кто считает наркотик хуже кнута. И прежде всего, доводы самих западных мыслителей, которые видят проблему именно исходя из идеалов и интересов Запада, с точки зрения пути и судьбы своей цивилизации. Уж к ним-то должен прислушаться даже русский западник, который и в России мечтает построить хоть маленькие очаги или «микрорайоны» Запада, хотя бы для избранной публики.

Известно, что сам себя Запад считает цивилизацией свободных индивидуумов, собравшихся (после распада общины) в гражданское общество на основе права. Закон и гражданские права, охраняемые государством, ввели в цивилизованные рамки извечную «войну всех против всех», борьбу за существование. Один из главных философов гражданского общества Т. Гоббс назвал государство, которое способно цивилизовать «войну всех против всех», Левиафаном — по имени могучего библейского чудовища. Эта война стала всеобъемлющей конкуренцией, а общественная жизнь — всепроникающим рынком. Философ гражданского общества Локк прекрасно сознавал, что стремление к выгоде разъединяет людей, ибо «никто не может разбогатеть, не нанеся убытка другому». Но свобода индивидуума и понимается прежде всего как разъединение, атомизация «теплого общества лицом к лицу» — через конкуренцию. В политической сфере этому соответствует демократия, понимаемая как «холодная гражданская война», разновидность конкуренции.

Главным условием поддержания такого порядка является свобода индивидуума, позволяющая ему в каждом акте «войны» делать осознанный рациональный выбор и заключать свободный контракт. Неважно, идет ли речь о покупке или продаже рабочей силы, той или иной жевательной резинки или партийной программы (на выборах).

Это — идеал. В чистом виде он, конечно, не достигается. Вопрос в том, на каком пути развития общество приближается, а на каком удаляется от идеала, а то и заходит в тупик. Сегодня значительная часть мыслителей считает, что, сделав манипуляцию соз-

нением главной технологией господства, Запад совершил фатальную ошибку и зашел в тупик (стал мышеловкой, из которой нет выхода, ибо когда из нее выходишь, она выворачивается наизнанку и ты снова оказываешься внутри нее). Причина в том, что манипуляция сознанием, производимая всегда скрытно, лишает индивидуума свободы в гораздо большей степени, нежели прямое принуждение. Жертва манипуляции полностью утрачивает возможность рационального выбора, ибо ее желания программируются извне. Таким образом, ее положение в конкуренции, в «войне всех против всех» резко ухудшается. Фактически, это — ликвидация главных гражданских прав, а значит, ликвидация самой принципиальной основы западной цивилизации. На ее месте возникает новый, худший вид тоталитаризма, заменившего кнут гораздо более эффективным и более антигуманным инструментом — «индустрией массовой культуры», превращающей человека в программируемый робот. Как сказал немецкий философ Краус о нынешней правящей верхушке Запада, «у них — пресса, у них — биржа, а теперь у них еще и наше подсознание».

Отдельные мысли или идейные столкновения, лежащие в этой канве рассуждений, мы рассмотрим применительно к конкретным сторонам нашей проблемы. Заметим только, что сама эта критическая по отношению к манипуляции позиция почти не связана с политическими взглядами, вопрос гораздо глубже. Отвергают роботизацию человека как правые, так и левые, как либералы, так и консерваторы. Глупо связывать эту позицию с социализмом, коммунизмом, «рукой Москвы» или происками красно-коричневых.

Вернемся на родную землю и вспомним, как оценивали переход «от тоталитаризма к демократии» выразители русской культуры. Наши «левые» прошлого века, полностью увлеченные обличением крепостничества и тирании, этой проблемы, в общем, не замечали (за исключением Герцена, который ужаснулся тому, что увидел на Западе). Более проницательные и смотрящие далеко вперед сразу выразили беспокойство.

Гоголь видел в цивилизации, развращающей человека «оружием сластей», антихристианскую силу. Он страдал не только от страха за судьбу России, но и при виде угрозы душе европейца. А поскольку уже было ясно, что США стали наиболее полным выразителем нового духа Запада, о них он и сказал, перефразируя Пушкина: «Что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит»¹.

¹ На деле Пушкин выразился так: «Мне мешает восхищаться этой страной, которой теперь принято очаровываться, то, что там слишком забывают, что человек жив не единым хлебом».

Пожалуй, в русской литературе и философии именно тревога за душу человека была главным мотивом в отношении к той демократии, что взяла на вооружение манипуляцию сознанием. Поэтому очень многие рассуждения или прямо исходят из христианского идеала, или окрашены в религиозные тона, прибегают к христианским метафорам и аллегориям.

Это отметил Н. Бердяев, когда писал в 1923 г.: «Демократия — не новое начало, и не впервые входит она в мир. Но впервые в нашу эпоху вопрос о демократии становится религиозно-тревожным вопросом. Он ставится уже не в политической, а в духовной плоскости. Не о политических формах идет речь, когда испытывают религиозный ужас от поступательного хода демократии, а о чем-то более глубоком. Царство демократии не есть новая форма государственности, это — особый дух».

Обратите внимание: русские философы-эмигранты, считая, что в России установился режим большевистской тирании, угрозой душе человека видели именно на Западе. Именно его судьбу они считали трагической. Они предупреждали о глубоком заблуждении наивных русских либералов-западников. Георгий Флоровский писал: «Им не приходит в голову, что можно и нужно задумываться над предельными судьбами европейской культуры... Их мнимое преклонение пред Европой лишь прикрывает их глубокое невнимание и неуважение к ее трагической судьбе».

Если бы русские философы начала века услышали наших нынешних «западников», они рвали бы на себе волосы. Ведь даже о куда более просвещенных западниках своего времени Бердяев писал: «Именно крайнее русское западничество и есть явление азиатской души. Можно даже высказать такой парадокс: славянофилы... были первыми русскими европейцами, так как они пытались мыслить по-европейски самостоятельно, а не подражать западной мысли, как подражают дети... А вот и обратная сторона парадокса: западники оставались азиатами, их сознание было детское, они относились к европейской культуре так, как могли относиться только люди, совершенно чуждые ей»¹.

Один из крупнейших западных историков А. Тойнби в своем главном труде «Постижение истории» пишет об этом замещении христианства культом Левиафана: «В час победы непримиримость

¹ Бердяев, конечно, преувеличивал — он и представить себе не мог, что значит «подражать Западу как дети», не мог предвидеть в России такого явления, как Егор Гайдар или Новодворская. Русские западники начала века все же знали западную философию, читали и Гоббса, и Локка. Вот тонкое замечание М. Пришвина о Мережковском: «За его исключительную утонченность и образованность его идейные приверженцы звали «светлый иностранец», светлый, в отличие от темных, приносящих нам в Россию не цветы европейской культуры, а шипы конкуренции — всеобщую правду и разделение».

христианских мучеников превратилась в нетерпимость... Ранняя глава в истории христианства была зловещим провозвестником духовных перспектив западного общества XX века... В западном мире в конце концов последовало появление тоталитарного типа государства, сочетающего в себе западный гений организации и механизации с дьявольской способностью порабощения душ, которой могли позавидовать тираны всех времен и народов... В секуляризованном западном мире XX века симптомы духовного отставания очевидны. Возрождение поклонения Левиафану стало религией, и каждый житель Запада внес в этот процесс свою лепту».

В свете христианства видел трагедию Запада и Достоевский. Применение духовного наркотика в целях управления не просто несовместимо со свободой воли, а значит с христианством, — оно противоположно ему, оно есть прямое служение дьяволу. Вспомним Легенду о Великом Инквизиторе, выбрав из нее лишь места, прямо относящиеся к нашей теме (это, конечно, вольное и обедненное цитирование, но главный смысл передает). Итак, в Севилью, где огромными трудами власти создан стабильный общественный порядок, явился Христос. Кардинал Великий Инквизитор сразу узнал его в толпе и арестовал. Ночью он явился к нему для объяснений в камеру.

«Это ты? Зачем же ты пришел нам мешать? Ибо ты пришел нам мешать и сам это знаешь... Да, это дело нам дорого стоило, но мы dokonчили наконец это дело во имя твое. Пятнадцать веков мучились мы с этой свободой, но теперь это кончено, и кончено крепко. Ты не веришь, что кончено крепко? Но зная, что теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим. Но это сделали мы, а того ль ты желал, такой ли свободы?..

И люди обрадовались, что их вновь повели как стадо и что с сердец их снят, наконец, столь страшный дар, принесший им столько муки. Правы мы были, уча и делая так, скажи? Неужели мы не любили человечества, столь смиренно сознав его бессилие, с любовью облегчив его ношу и разрешив слабосильной природе его хотя бы и грех, но с нашего позволения? К чему же теперь пришел нам мешать?..

И я ли скрою от тебя тайну нашу? Слушай же: мы не с тобой, а с ним, вот наша тайна! Мы взяли от него Рим и меч кесаря и объявили себя царями земными, хотя и донныне не успели еще привести наше дело к полному окончанию. О, дело это до сих пор лишь в начале, но оно началось. Ибо кому же владеть людьми, как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлебы их. Мы и взяли меч кесаря, а взяв его, конечно, отвергли тебя и пошли за ним.

У нас все будут счастливы и не будут более ни бунтовать, ни истреблять друг друга, как в свободе твоей, повсеместно. Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас, как дети, за то, что мы им позволим грешить. И не будет у них никаких от нас тайн. Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей — все судя по их послушанию — и они будут нам покоряться с весельем и радостью.

То, что я говорю тебе, сбудется, и царство наше созиждется. Повторяю тебе, завтра же ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгрести горячие угли к костру твоему, на котором сожгу тебя за то, что пришел нам мешать. Ибо если был, кто всех более заслужил наш костер, то это ты. Завтра сожгу тебя. Dixi».

Конечно, не для Запада писали Гоголь и Достоевский, русские философы. Запад давно сделал свой выбор и преодолел свои болезни только на своем пути. Надо только поражаться, как точно уловил суть этих болезней Достоевский¹.

Для Запада писал Ницше. Излагая свое видение этого пути, он недаром взял эпиграфом к своей главе строчку из старой трагедии: «Скелет, ты дрожишь? Ты дрожал бы сильнее, если бы знал, куда я тебя веду». А главу эту («Мы, бесстрашные») он начинает утверждением: «Величайшее из новых событий — что «Бог умер» и что вера в христианского Бога стала чем-то не заслуживающим доверия — начинает уже бросать на Европу свои первые тени».

Гоголь и Достоевский писали для России и прежде всего для русских. Их страхи были пророческими, а предупреждения были направлены как будто именно нам, в конец XX века. Выбор делать нам самим, на свою ответственность, но выслушать и обдумать предупреждения мы обязаны.

Учем, однако, что предупреждения «от христианства» многих оставят безучастными. Для большинства они в действительно-

¹ Его Инквизитор говорит: «Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей — все судя по их послушанию». Кажется, аллегория, метафора. А посмотрите на Англию начала 30-х годов нашего века. Крупный ученый, сэр Джулиан Хаксли лихорадочно ищет меры, не допускающие, чтобы «землю унаследовали глупцы, лентяи, неосторожные и никчемные люди». Чтобы сократить рождаемость в среде рабочих, Хаксли предложил обусловить выдачу пособий по безработице обязательством не иметь больше детей. «Нарушение этого приказа, — писал ученый, — могло бы быть наказано коротким периодом изоляции в трудовом лагере. После трех или шести месяцев разлуки с женой нарушитель, быть может, в будущем будет более осмотрительным». Каково? Как будто прочитал «Братьев Карамазовых», побежал и брякнул.

сти — пустой звук (хотя они и спорить с ними не будут — отстоят, как Шумейко, со свечкой в церкви, и дело с концом). Попробуем рассудить рационально, приземленно — для русских, но по-западному. Как бы допустив, что «Бог умер», и отложив в сторону христианские ценности. Это неприятно и отдает цинизмом, но делать нечего. Как говорится, время такое. Зато, быть может, в чем-то возникнет ясность.

На Западе Ницше начал этот тяжелый проясняющий разговор — ликвидацию того, что немецкий теолог и философ Романо Гвардини назвал «нечестностью Нового времени»¹. Надо и нам хладнокровно прикинуть «достоинства и недостатки» кнута принуждения и пряника манипуляции и каждому определить: если уж любая власть — зло, то какое зло меньше именно для нас, русских.

Посмотрим, повышается или понижается статус человека при переходе от прямого принуждения к манипуляции его сознанием. Даже в «войне всех против всех», ведущейся по правилам гражданского общества (конкуренции), объекты воздействия делятся на три категории: друг, партнер, соперник. Специалисты сходятся на том, что человек, ставший объектом манипуляции, вообще выпадает из этой классификации. Он — не друг, не партнер и не соперник. Он становится вещью.

Бахтин писал, что в отношении к миру и человеку в мысли и действиях людей борются две тенденции: к овеществлению и к персонификации. В «примитивных» культурах была сильна тяга к персонификации (для Дерсу Узала муравьи — «маленькая люди»). Анимизм, одухотворение вещей всегда присутствует в культуре даже очень развитых традиционных обществ. В технологии манипуляции сознанием мы видим, наоборот, крайнее выражение противоположной тенденции — к овеществлению человека. А. Тойнби писал: «Нам достаточно хорошо известно, и мы всегда помним так называемое «патетическое заблуждение», одухотворяющее и наделяющее жизнью неживые объекты. Однако теперь мы скорее становимся жертвами противоположного — «апатетического заблуждения», согласно которому с живыми существами поступают так, словно они — неодушевленные предметы».

¹ Он писал в 1954 г.: «Нечестность Нового времени — двойная игра, с одной стороны, отвергавшая христианское учение и устройство жизни, а с другой — стремившаяся присвоить все, что они дали человеку и культуре. От этого в отношении христианина к новому времени оставалась постоянная неуверенность. Повсюду он сталкивался с тем, что было изначально присуще христианству, а теперь обращено против него... Теперь двусмысленности приходит конец. Там, где грядущее обратится против христианства, оно сделает это всерьез. Секуляризованные заимствования из христианства оно объявит пустыми сантиментами, и воздух наконец станет прозрачен. Насыщен враждебностью и угрозой, но зато чист и ясен».

Поскольку это принимает массовый характер, результатом становится неуклонное и не осознаваемое снижение статуса человека. Разумеется, сначала это действует на человека, не входящего в элиту (она — манипулирует плебеями). Но затем этот порядок машинизирует, овеществляет человека вообще¹.

Таким образом, соглашаясь на построение в России политического порядка, основанного на манипуляции сознанием, каждый должен отдавать себе отчет в том, что с очень большой вероятностью его статус будет понижен. А значит, все обещаемые блага вроде гражданских свобод, ощущения себя хозяином и пр. превратятся в лишённые всякого содержания побрякушки. А тот, кому повезет попасть в манипулирующее меньшинство, станет одним из таких угнетателей своих соплеменников, которые вынуждены будут это угнетение наращивать и изощрять. Тиранин может подобрать и помягчить — и ему будут благодарны. Но манипулятор этой возможности лишен — прозревающий человек приходит в ярость.

Почему переход к государственности, основанной на манипуляции сознанием, несравненно больше ударил бы по русским, чем уязвил он Запад (хотя и там это воспринимается как трагедия)? Потому, что по-иному сложилась в русской культуре сама категория свободы². Иную свободу искал и ищет русский человек. Прекрасно изложил эту проблему В. В. Кожин в своей замечательной книге «Загадочные страницы истории XX века. «Черносотенцы» и революция». Для русского народа характерно особое сочетание свободы духа и свободы быта. Напротив, довольно равнодушно относились русские к столь ценным на Западе политическим и экономическим свободам. Надо же вспомнить Пушкина:

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура

¹ О том, что одно из научных обоснований манипуляции сознанием — бихевиоризм — принципиально рассматривает человека как машину, мы поговорим ниже.

² Нынешние идеологи стараются «биологизировать» понятие свободы, доходя до утверждений, будто русскому народу «генетически» присущ «менталитет раба». Что-то вроде этнически обусловленного дефекта хромосом. Это — чушь, которую, однако, старательно накачивали в сознание во время перестройки. На деле биологическая потребность в свободном для передвижения и удовлетворения инстинктов пространстве никак не связана со свободой как ценностью — порождением культуры. Естественно, что в разных культурах и в разные исторические периоды эта ценность наполняется разным содержанием. Поскольку в технологии манипуляции сознанием тема свободы — ключевая, мы к ней будем возвращаться не раз.

В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова.
Иные, лучшие мне дороги права,
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ль равно? Бог с ними.

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданными искусства и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права...

Этого счастья и этих прав не могли нас лишить ни Николай I, ни Сталин, ни тем более Брежнев. Но, укрепись режим манипуляции сознанием, их незаметно и приятно лишит нас телевидение, купленное Березовским. Оно согнет нам и совесть, и помыслы. Даже скитаться мы уже будем не по прихоти своей, а по указке рекламы туристических агентств, как с удовольствием скитается западный средний класс.

В. В. Кожин в своей книге приводит рассуждения «философа свободы» Н. Бердяева об этом сочетании свободы духа и свободы быта: «Россия — страна безграничной свободы духа...» Ее русский народ «никогда не уступит ни за какие блага мира», не предпочтет «внутренней несвободе западных народов, их порабощенности внешним. В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадной земной прибылью и земного благоустройства... Россия — страна бытовой свободы, неведомой народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами. Только в России нет давящей власти буржуазных условностей... Тип странника так характерен для России и так прекрасен. Странник — самый свободный человек на земле... Россия — страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей». Это — слова философа-западника. Насколько далеки они от идеалов А. Н. Яковлева и Егора Гайдара!

И глупо думать, что сегодня русские, бросившись в бизнес, захотят лишиться этого типа свободы. Наоборот, для большинства «новых русских» этот бизнес — новое приключение, скитание по неведомым далям. Это — во многом духовные, хотя и дорогостоящие и даже разрушительные искания. Но русский буржуа из них не вырастает.

Посмотрите хотя бы, с каким равнодушием бросают наши новые богачи свои недостроенные виллы — они уже разрушаются по всему Подмосковью. Разве они поглощены «жаждой земного благоустройства»? Да и что за виллы они понастроили? 90 процентов их — это огромные избы, и все их поселки — это продолжение деревни. Если кто и приезжает в эти свои «загородные дома», то, надев телогрейку, сажает ненужную ему картошку. А жена его, кверху задом, целый день собирает в баночку колорадских жуков. Все это — новый вариант русского бунта, поистине бессмысленного и беспощадного.

Отнять силой или купить у русских эту свободу духа и быта нельзя. Но выманить обманом — технически возможно. Этим сейчас и занимается целая армия специалистов. Думаю, помогать им — большое свинство. Да и кончится это, скорее всего, плачевно. Лишнего горя добавит, да и чинить разрушенное обойдется дороже.

Глава 4

ОСНОВНЫЕ ДОКТРИНЫ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ

§ 1. Технология манипуляции как закрытое знание

По многим признакам манипуляция общественным сознанием напоминает войну небольшой, хорошо организованной и вооруженной армии чужеземцев против огромного мирного населения, которое к этой войне не готово. Иногда говорят даже, что манипуляция сознанием есть «колонизация своего народа». Постепенно создавались системы оружия в этой особой войне и постепенно, по мере накопления знания о человеке и его поведении, складывались доктрины манипуляции сознанием.

Поскольку война эта тайная и успех в ней определяется умением «колонизаторов» не допустить организованного сопротивления, главные доктрины манипуляторов излагаются в туманной, завуалированной форме, в связи с частными косвенными вопросами. Став частью буржуазных революций, манипуляция сознанием с самого начала получила щедрое финансирование класса собственников. Когда этот класс пришел к власти и создал свое принципиально новое буржуазное государство, деятельность по манипуляции сознанием получила поддержку и защиту государства. Если полезно для дела, власти позволят бунтовщикам погромить мэрию или даже дворец президента, но никогда не пустят в телецентр.

Но главное, что господствующее меньшинство всячески мешало работе по разоблачению «гипнотизеров», старается не допустить массы к знанию доктрин и технологий манипуляции их сознанием. В основном это достигается щедрым вознаграждением «тех, кто с нами» и бойкотом «тех, кто не с нами». Всегда были ученые и философы, которым были противны повадки колонизаторов собственного народа. Но их было немного, и голос их удавалось утопить в шумовом оформлении.

Редкостное положение возникло в прошлом веке: человек великого ума и духа, Маркс, нашел друга под стать ему, который смог на всю жизнь обеспечить скудное, но постоянное содержание. Произведя невероятную по масштабам работу, Маркс раскрыл несколько самых базовых мифов буржуазного общества — миф о товаре и о происхождении прибыли капиталиста. А в культуре того времени было такое неустойчивое равновесие, были так обнажены нервы общества, что полученное Марксом знание стало возможным широко распространить. И целое столетие трясло все здание капитализма, волны пошли по всему миру. Пришлось денежному мешку, как говорится, «отстегнуть» часть прибыли, чтобы «обуржуазить» своих рабочих, перенести жесткую эксплуатацию за пределы своего мира¹.

Когда существовало советское государство, особенно в уже «спокойный» его период, с 60-х годов, вполне можно было бы наладить серьезное изучение технологий манипуляции и изложить всему миру, а прежде всего собственному народу. Однако уже в то время начался поворот нашей элитарной гуманитарной интеллигенции к будущей перестройке, и идеологические службы начали, в общем, работать против советского государства. Полученное знание не передавалось людям для создания иммунитета, а использовалось против них, без этого иммунитета беззащитных. А сегодня подавляющее большинство тех, кто такое знание получил в советское время (на факультетах журналистики, во всяких партшколах), с радостью служит новым хозяевам уже за «нормальные» деньги. Если в советское время ведущий на телевидении получал приличную среднюю зарплату, то сегодня — в 50—100 раз больше профессора.

Так что готовых учебников и монографий о доктринах манипуляции сознанием найти нельзя. Но по крупницам собрать и откровения заправил этой власти, и наблюдения «тех, кто не с ними», мы

¹ Сейчас, когда угроза со стороны марксизма вроде бы отпала, капитал даже на Западе стал изымать данные рабочим «льготы», демонтировать «социальное государство». И все идет тихо, ибо манипуляция сознанием имеет сегодня многократный избыток надежности.

можем. Очистим от «шума», приведем в какую-то систему, существенно проясним вопрос.

Итак, доктрины и развитые теории манипуляции сознанием сложились недавно, уже в нашем веке, но главные камни в их основание были заложены уже теми, кто готовил буржуазные революции в Европе. Ведь фокус был в том, чтобы сделать эти революции чужими руками («пролетариат борется, буржуазия крадется к власти»). Надо было буквально натравить простого человека на «старый порядок», соблазнить его миражом той благодати, которая возникнет, как только у короля отрубят голову.

Во всех странах Запада, где произошли великие буржуазные революции, ученые, философы и гуманистии внесли свою лепту в это программирование поведения масс. В Англии — Ньютон и его последователи, которые из новой картины мира выводили идеи о «естественном» (природном) характере конституции, что должна ограничить власть монарха («ведь Солнце подчиняется закону гравитации»). Ученый и философ Томас Гоббс развил главный и поныне для буржуазного общества миф о человеке как эгоистическом и одиноком атоме, ведущем «войну всех против всех» — *bellum omnium contra omnes*.

Но в Англии революция почти слилась с протестантской Реформацией, так что в идейном багаже революционеров преобладают религиозные мотивы. В более чистом виде манипуляция сознанием как большая организованная кампания сложилась во Франции. Здесь общество было подготовлено к слову «старого порядка» полувековой работой Просвещения. Помимо великого дела по освобождению мышления человека и освоению им нового, научного мировоззрения, деятели Просвещения осуществили глубокое промывание мозгов в чисто политическом плане, подготовив поколение революционеров, с чистой совестью затопивших Францию реками крови (а потом начавших, по сути, мировую войну).

У той революции были вдумчивые наблюдатели, а потом исследователи. Один из них — англичанин Э. Берк. Он консерватор, но независимо от того, как мы относимся к его идеалам, полезно учесть его наблюдения, которые он собрал в книге «Размышления о революции во Франции». Вот что касается прямо нашей темы:

«Вместе с денежным капиталом вырос новый класс людей, с кем этот капитал очень скоро сформировал тесный союз, я имею в виду политических писателей. Немалый вклад внесли сюда академики Франции, а затем и энциклопедисты, принадлежащие к обществу этих джентльменов.

Писательские интриги несколько лет назад создали что-то наподобие регулярного плана разрушения христианской религии. Они были обуреваемы духом прозелитизма, а значит, и чувством

легкого успеха и маний преследования. Что не удавалось достигнуть на пути к их великой цели с помощью прямого или немедленного закона, могло быть достигнуто обходным путем — благодаря общественному мнению. Чтобы управлять общественным мнением, необходимо сделать первый шаг — оказать давление на тех, кто руководит. Они задумали методично и настойчиво добиваться этого всеми средствами литературной славы. Многие из них действительно высоко стояли на ступенях литературы и науки. Мир воздал им должное: учитывая большие таланты, простил эгоистичность и злость их тщеславия... Эти отцы атеизма обладали своим собственным фанатизмом, они научились бороться с монахами их же методами. Для восполнения недостатков аргументации в ход пошли интриги. К этой системе литературной монополии присоединилась беспрестанная индустрия очернительства и дискредитации любыми способами всех тех, кто не вошел в их фракцию...

Писатели, особенно когда они действуют организованно и в одном направлении, оказывают на общественное мнение огромное влияние, поэтому лояльность этих писателей плюс денежный капитал были немаловажными факторами в устранении народной зависти по отношению к тем, кто оказался приобщенным к благосостоянию. Эти писатели претендовали на огромный энтузиазм беднейших слоев населения, в то время как в своих сатирах они с ненавистью представляли чрезвычайно преувеличенно ошибки суда, аристократии и священнослужителей. Они стали демагогами, связующим звеном союза отвратительного благополучия с беспокойной и доведенной до отчаяния бедностью».

Во Франции денежные тузы привлекли литераторов и ученых, и те, пользуясь своей славой, так воздействовали на общественное мнение, что сумели «выключить» естественное недоброжелательство бедных слоев народа к плутократам и натравить городскую бедноту на все устои старого режима. В своем роде это — блестящее достижение ума и слова. Орудием богачей стало именно то, что им враждебно, — стремление человека к равенству и справедливости.

Поскольку «властители дум» образовали сплоченное сообщество, в нем довольно быстро возникло самосознание и началась теоретическая работа. Так во Франции впервые появилось слово «идеология» и создана влиятельная организация — Институт, в котором заправляли идеологи. Они создавали «науку о мыслях людей». Как отмечает Берк, эти идеологи прежде всего стремились «оказать давление на тех, кто руководит». Они приняли в члены своего очень узкого кружка («Института») поднимающегося к власти Наполеона. В свою очередь и он правильно оценивал важность этого союза, так что, даже будучи уже членом Директории, подпи-

сывался «Наполеон Бонапарт, член Института»¹. (Вообще в духовном плане Наполеон был законченным продуктом деятелей Просвещения. Авторитет Руссо был для него так непререкаем, что во многих трактатах молодого Наполеона слова Руссо просто заменяют всякую аргументацию — она не нужна, если так сказал Руссо. Можно даже сказать, что молодой Наполеон был продуктом манипуляции сознанием. Как писал в 1786 г. его старший брат, «он был страстным поклонником Жана-Жака и, что называется, обитателем идеального мира». Обитатель идеального мира, то есть одержимый. Когда новые богачи отбросили ставшую уже ненужной ширму якобинцев с их «максимальными ценами», он, конечно, стал циником, но было поздно).

К вопросу о том, как вырабатываются идеологии, мы еще вернемся. Здесь отметим только, что уже первые специалисты, которые назвали себя идеологами, совершенно правильно определили две главные сферы духовной деятельности человека, которые надо взять под контроль, чтобы программировать его мысли, — познание и общение. В том «курсе идеологии», который они собирались преподавать правящей элите Франции, было три части: естественные науки, языкознание («грамматика») и собственно идеология. Итак, основа, в которую надо закладывать свои идеи-вирусы, построена из знаний о мире (и самом человеке) и из обмена сообщениями (информацией).

Именно в ходе Французской революции идеологи нового общества поняли, что главным средством власти будет в нем язык. Здесь сознательно пошли на поистине богоборческое дело — планомерное, как в лаборатории, создание нового языка. Первопроходцем здесь был Лавуазье, который создал язык химии, но философское значение этого далеко выходило за рамки науки (кстати, английских богобоязненных химиков смелость Лавуазье ужаснула).

В то же время было осознано влияние на мысли людей количественной меры, числа, заменяющего наполненные тайным, неподконтрольным смыслом качества. И одним из первых крупнейших дел Французской революции в создании нового мироощущения для масс была разработка метрической системы мер. В ней участвовали виднейшие ученые и идеологи. С помощью этой системы мер были связаны сферы познания и языка. С помощью этого ново-

¹ Позже, когда Наполеон стал императором, а идеологи продолжали претендовать на слишком большое участие во власти, он велел поставить их на место, дав необычно большое жалование. Кое-кто из Института оказался, однако, строптивым — жалование взял, но воду продолжал мутить. Тогда Наполеон опубликовал в газете блестящую, великолепную статью против идеологов — тех, кто «дурит людям голову». Опубликовал анонимно, но так, что все знали, кто действительный автор. Звезда тех идеологов закатилась, но дело продолжало жить, и место во власти определилось четко — получать большое жалование, но быть в тени.

го «языка точности» правящий слой стал господствовать над мыслями и словами о самых фундаментальных категориях бытия — пространстве и времени. Сегодня, пройдя школу, говорящую на этом «языке точности», мы и представить себе не можем, какое значение это имело для программирования наших мыслей. Между тем виднейший ныне французский философ Мишель Фуко, который взялся за «раскопки смыслов», создавших современный Запад, утверждает определенно: «язык точности» (язык чисел) совершенно необходим для «господства посредством идеологии». Ниже мы еще вернемся к вопросу о том, какую роль в манипуляции сознанием играет слово и число — «математизация языка», «двойной язык чисел».

Тогда же современное общество стало создавать важнейший для будущего господства класса собственников механизм — школу нового типа. Эта школа с первого класса делила поток учеников на два «коридора» — одни воспитывались и обучались так, чтобы быть способными к манипуляции чужим сознанием, а другие (большинство) — чтобы быть готовыми легко поддаваться манипуляции. Учебники по одному и тому же предмету, написанные одними и теми же блестящими французскими учеными, но для разных «коридоров» школы, просто потрясают. Школа стала фабрикой, «производящей» классовое общество¹.

Весь XIX век — это история того, как идеологи всех направлений (но все они в рамках одной общей платформы — индустриализма, основанного на вере в прогресс и законы общественного развития) черпают доводы из неиссякаемого источника — науки. И превращают их в идеологическое оружие с помощью специально создаваемого языка и числа.

XX век — время создания крупных теорий и доктрин и разработки на их основе мощных технологий, способных творить чудеса. И, конечно, время использования этих технологий в практике войны и господства. Коротко изложим некоторые концепции (доктрины), особенно необходимые для разговора о нынешнем состоянии дел.

§ 2. Учение о гегемонии Антонио Грамши

Антонио Грамши, основатель и теоретик Итальянской коммунистической партии, депутат парламента, был арестован фашистами в 1926 г., заключен в тюрьму, освобожден совершенно больным

¹ Созданная после русской революции советская школа восприняла главные принципы старой русской «христианской» школы, которая воспитывала личность. Она была единой и организованной по типу университета («классический» тип). Наша школа довольно долго и успешно сопротивлялась внедрению в нее принципов «современной» школы. Сегодня русские учителя, не ведая, что творят, копируют эти принципы, «улучшая» народное образование России.

по амнистии 1934 г. и умер в 1937 г. В начале 1929 г. ему разрешили в тюрьме писать, и он начал свой огромный труд «Тюремные тетради». Опубликован он был впервые в Италии в 1948—1951 гг., в 1975 г. вышло четырехтомное научно-критическое издание с комментариями. С тех пор переиздания на всех языках, кроме русского, следуют одно за другим, а исследовательская литература, посвященная этому труду, необозрима — тысячи книг и статей. На русском языке вышла примерно четверть «Тюремных тетрадей», а с начала 70-х годов, когда на всех парах пошла скрытая подготовка к перестройке, на имя Грамши идеологи КПСС наложили полный запрет (хотя судя по косвенным признакам можно сказать, что самими идеологами перестройки работы Грамши усиленно изучались).

Поводом (совершенно надуманным) для изъятия Грамши из оборота служили его якобы глубокие расхождения с Лениным. На деле причина, видимо, в том, что учение Грамши было положено в основу всей грандиозной кампании по манипуляции сознанием населения СССР для проведения «революции сверху».

«Тюремные тетради» были написаны Грамши не для печати, а для себя, к тому же под надзором тюремной цензуры. Читать их не просто, но усилиями большого числа «грамшведов» восстановлен смысл почти всех материалов, и расхождения в толковании невелики. В целом речь идет о важном вкладе почти во все разделы гуманитарного знания — философию и политологию, антропологию (учение о человеке), культурологию и педагогику. Этот вклад Грамши сделал, развивая марксизм и осмысляя опыт протестантской Реформации, Французской революции, русской революции 1917 г. — и одновременно опыт фашизма. Он создавал таким образом новую теорию государства и революции — для современного общества (в развитие и, пожалуй, преодоление ленинской теории, созданной для условий крестьянской России). Однако оказалось, что, работая ради победы коммунизма, Грамши сделал множество открытий общенаучного значения.

Как известно, «знание — сила», и этой силой может воспользоваться любой, кто знание освоит и получит возможность применить. Огонь помог человеку выйти из первобытного состояния, хотя человек, отправленный на костер Инквизиции, может и помянуть недобрым словом Прометея, укравшего у богов огонь для людей. Теорией, созданной коммунистом, эффективно воспользовались враги коммунизма (а наши коммунисты ее и знать не желают). Грамши в этом не виноват.

Если сегодня открыть крупную западную научную базу данных на слово «Грамши» (например, огромную американскую базу данных «Диссертации»), то просто поражаешься, какой широкий

диапазон общественных явлений изучается сегодня с помощью теорий Грамши. Это и ход разжигания национальных конфликтов, и тактика церковной верхушки в борьбе против «теологии освобождения» в Никарагуа, и история спорта в США и его влияние на массовое сознание, и особенности нынешней африканской литературы, и эффективность тех или иных видов рекламы. Пожалуй, если 20—30 лет тому назад прагматическое западное обществоведение считало обязательным использовать для анализа всех важных общественных процессов методологию классического марксизма (конечно, наряду с другими), то сегодня считается необходимым «прокатать» проблему в понятиях и методологии Грамши¹.

Один из ключевых разделов труда Грамши — учение о гегемонии. Это — часть общей теории революции как слома государства и перехода к новому социально-политическому порядку. Вот кратко суть учения, прямо касающаяся нашей проблемы.

Согласно Грамши, власть господствующего класса держится не только на насилии, но и на согласии. Механизм власти — не только принуждение, но и убеждение. Овладение собственностью как экономическая основа власти недостаточно — господство собственников тем самым автоматически не гарантируется и стабильная власть не обеспечивается².

Таким образом, государство, какой бы класс ни был господствующим, стоит на двух китах — силе и согласии. Положение, при котором достигнут достаточный уровень согласия, Грамши называет гегемонией. Гегемония — не застывшее, однажды достигнутое состояние, а тонкий и динамичный, непрерывный процесс. При этом «государство является гегемонией, облеченной в броню принуждения». Иными словами, принуждение — лишь броня гораздо более значительного содержания. Более того, гегемония предполагает не просто согласие, но благожелательное (активное) согласие, при котором граждане желают того, что требуется господствующему классу. Грамши дает такое определение: «Государство — это вся совокупность практической и теоретической дея-

¹ Кстати, очень интересно выделение тех общественных проблем, в изучении которых классический марксизм оказывается малопродуктивным, а марксизм Грамши дает важные результаты (например, к классу таких проблем относятся национальные конфликты).

² Грамши — не идеалист, он подчеркивает, что «гегемония, будучи этико-политической, не может также не быть экономической». Но он уходит от «экономического детерминизма» истмата, который делает упор на базисе, на отношении собственности. Согласно Грамши, экономика — скелет общества, а идеология — его «кожа». Он пишет: «Конечно, нельзя сказать, что в человеческом теле кожа это всего лишь иллюзии, а скелет — единственная реальность, хотя долгое время говорилось нечто подобное... Не из-за скелета (в узком смысле) влюбляются в женщину, хотя понятно, насколько скелет способствует грациозности движений и т.п.».

тельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое господство, добываясь при этом активного согласия руководимых»¹.

Речь идет не просто о политике, а о фундаментальном качестве современного общества Запада. Это видно из того, что к близким выводам совсем иным путем пришли и другие крупные мыслители. Американский философ Дж. Уэйт, исследователь Хайдеггера, пишет: «К 1936 г. Хайдеггер пришел — отчасти ввиду его политического опыта в условиях нацистской Германии, отчасти как результат чтения работ Ницше, где, как мы легко могли убедиться, выражены фактически те же мысли, — к идее, которую Антонио Грамши (почти в это же время, но исходя из иного опыта и рода чтения) называл проблемой «гегемонии»: а именно как править неявно, с помощью «подвижного равновесия» временных блоков различных доминирующих социальных групп, используя «ненасилованное принуждение» (включая так называемую массовую или народную культуру), так, чтобы манипулировать подчиненными группами против их воли, но с их согласия, в интересах крошечной части общества».

Если главная сила государства и основа власти господствующего класса — гегемония, то вопрос стабильности политического порядка и, напротив, условия его слома (революции) сводятся к вопросу о том, как достигается или подрывается гегемония. Кто в этом процессе является главным агентом? Каковы «технологии» процесса?

По Грамши, и установление, и подрыв гегемонии — «молекулярный» процесс. Он протекает не как столкновение классовых сил (Грамши отрицал такие механистические аналогии, которыми полон вульгарный исторический материализм), а как невидимое, малыми порциями, изменение мнений и настроений в сознании каждого человека. Гегемония опирается на «культурное ядро» общества, которое включает в себя совокупность представлений о мире и человеке, о добре и зле, прекрасном и отвратительном, множестве символов и образов, традиций и предрассудков, знаний и опыта многих веков. Пока это ядро стабильно, в обществе имеется «устойчивая коллективная воля», направленная на сохранение существующего порядка. Подрыв этого «культурного ядра» и разрушение этой коллективной воли — условие революции. Создание этого условия — «молекулярная» агрессия в культурное ядро. Это — не изречение некой истины, которая совершила бы переворот в сознании, какое-то озарение. Это «огромное количество книг, брошюр, журнальных и газетных статей, разговоров и споров, которые без

¹ Понятно, что это — большое усложнение формулы Ленина, у которого «государство — это машина для подавления одного класса другим».

конца повторяются и в своей гигантской совокупности образуют то длительное усилие, из которого рождается коллективная воля определенной степени однородности, той степени, которая необходима, чтобы получилось действие, координированное и одновременное во времени и географическом пространстве»¹.

Мы помним, как такое длительное гигантское усилие создавала идеологическая машина КПСС в ходе перестройки, прежде чем в сознании «совка» было окончательно сломано культурное ядро советского общества и установлена, хотя бы на короткий срок, гегемония «приватизаторов». Вся эта «революция сверху» (по терминологии Грамши «пассивная революция») была в точности спроектирована в соответствии с учением о гегемонии и молекулярной агрессии в культурное ядро. Советник Ельцина философ А. И. Ракитов откровенно пишет в академическом журнале: «Трансформация российского рынка в рынок современного капитализма требовала новой цивилизации, новой общественной организации, а следовательно, и радикальных изменений в ядре нашей культуры».

На что в культурном ядре надо прежде всего воздействовать для установления (или подрыва) гегемонии? Совсем не на теории противника, говорит Грамши. Надо воздействовать на обыденное сознание, повседневные, «маленькие» мысли среднего человека. И самый эффективный способ воздействия — неустанное повторение одних и тех же утверждений, чтобы к ним привыкли и стали принимать не разумом, а на веру. «Массы как таковые, — пишет Грамши, — не могут усваивать философию иначе, как веру». И он обращал внимание на церковь, которая поддерживает религиозные убеждения посредством непрерывного повторения молитв и обрядов.

Сам Грамши прекрасно отдавал себе отчет, что за обыденное сознание должны бороться как силы, защищающие свою гегемонию, так и революционные силы. И те и другие имеют шанс на успех, ибо культурное ядро и обыденное сознание не только консервативны, но и изменчивы. Та часть обыденного сознания, которую Грамши назвал «здравый смысл» (стихийная философия труда-

¹ Когда «кризис гегемонии» созрел и возникает ситуация «войны», нужны уже, разумеется, не только «молекулярные» воздействия на сознание, но и быстрые целенаправленные операции, особенно такие, которые наносят сильный удар по сознанию, вызывают шок, заставляющий большие массы людей перейти от пассивности к активной позиции. Грамши считает это цепной реакцией («цепочка синтезов») и называет катарсисом — подобно очищающему и просветляющему коллективное сознание зрителей действия трагедии в театре. Переходя с философского языка на язык войны, Грамши пишет: «Под соотношением военных сил следует понимать не только лишь факт наличия оружия и военных отрядов, но и возможность для партии парализовать основные нервные узлы государственного аппарата».

щихся), открыта для восприятия коммунистических идей. Здесь — источник «освободительной гегемонии». Если же речь идет о буржуазии, стремящейся сохранить или установить свою гегемонию, то ей важно этот здравый смысл нейтрализовать или подавлять, внедряя в сознание фантастические мифы.

Кто же главное действующее лицо в установлении или подрыве гегемонии? Ответ Грамши однозначен: интеллигенция. И здесь он развивает целую главу о сути интеллигенции, ее зарождении, роли в обществе и отношении с властью. Главная общественная функция интеллигенции — не профессиональная (инженер, ученый, священник и т.д.). Как особая социальная группа, интеллигенция зародилась именно в современном обществе, когда возникла потребность в установлении гегемонии через идеологию. Именно создание и распространение идеологий, установление или подрыв гегемонии того или иного класса — главный смысл существования интеллигенции.

Самая эффективная гегемония идущей к власти буржуазии произошла во Франции, где быстро сложился тесный союз капитала и интеллигенции¹. Под этим союзом лежала тесная связь и буржуазии, и интеллигенции с немецкой Реформацией, породившей мощные философские течения (как говорится, «Кант обезглавил Бога, а Робеспьер — короля»). Вообще, соединение протестантской Реформации с политической моделью Французской революции Грамши считает теоретическим максимумом в эффективности установления гегемонии.

Продавая свой труд, интеллигенция тянется туда, где деньги. Грамши пишет: «Интеллигенты служат «приказчиками» господствующей группы, используемыми для осуществления функций, подчиненных задачам социальной гегемонии и политического управления». Правда, всегда в обществе остается часть интеллигенции, которую Грамши называет «традиционной» — та интеллигенция, которая служила группе, утратившей гегемонию, но не сменила знамя. Обычно новая получившая гегемонию группа старается ее приручить. Кроме того, общественные движения, созревающие для борьбы за свою гегемонию, порождают собственную интеллигенцию, которая и становится главным агентом по воздействию на культурное ядро и завоеванию гегемонии.

Это — очень короткое и упрощенное изложение некоторых пунктов учения Грамши. Думаю, уже из этого изложения видно, насколько плодотворной и обширной является эта концепция. Грамши был одним из тех, кто заложил основы нового общество-

¹ В Италии же, например, где интеллигенция была космополитической, равнодушной к нуждам национальной буржуазии, капитализм развивался очень вяло.

дения, преодолевшего истмат (в его и марксистской, и либеральной версии). Недаром его имя называют в одном ряду с именами М. Бахтина в культурологии, М. Фуко и других новаторов в философии. Грамши — один из первых философов, которые почувствовали новую научную картину мира и перенесли ее главный дух в науку об обществе¹.

Приведу несколько примеров тех общественных процессов, нынешнее изучение которых показало, что они протекали в соответствии с учением Грамши о гегемонии (в основном они взяты из американских диссертаций). О перестройке поговорим позже.

Пожалуй, самое крупное подтверждение верности теории Грамши — успешная стратегия партии Индийский национальный конгресс по ненасильственному освобождению Индии от колониальной зависимости. Множеством «малых дел и слов» партия завоевала прочную культурную гегемонию в массе населения. Колониальная администрация и проанглийская элита были бессильны что-либо противопоставить — они утратили необходимый минимум согласия масс на поддержание прежнего порядка.

Другая блестящая и сознательно разработанная «операция» — мирный переход Испании после смерти Франко от тоталитарного и закрытого общества к либеральной рыночной экономике, федеративному устройству и демократии западного типа. Кризис гегемонии франкистской элиты был разрешен посредством серии пактов с претендующей на гегемонию левой оппозицией. В результате этих пактов и компромиссов левые были «приняты в элиту», а франкисты сменили одиозную окраску и фразеологию, стали «демократами». Левые же смогли «уговорить» массы потерпеть, отказаться от своих социальных требований — правые этого бы не смогли.

Опираясь на теорию Грамши, культурологи объясняют роль вещи («ширпотреба») в установлении и поддержании гегемонии буржуазии в западном обществе. Вещи (материальная культура) создают окружающую среду, в которой живет средний человек. Они несут «сообщения», оказывающие мощное воздействие на обыденное сознание. Если же вещи проектируются с учетом этой их функции как «знаков» («информационных систем из символов»), то в силу огромных масштабов и разнообразия их потока они

¹ Истмат зародился в культуре, имеющей истоком механическую картину мира Ньютона, потому-то все его метафоры и аллегории механистичны, как движение поршня в паровой машине. Как говорят, эта картина мира покоится на «физике бытия». Иная картина мира стала складываться в нашем веке, в ней были учтены те «аномалии», которые исключались из механической картины, — необратимости, нелинейности, флуктуации и цепные процессы, самоорганизация. Это — «физика становления». Главный ее интерес направлен на процессы перехода, изменения, катастроф.

могут стать решающей силой в формировании обыденного сознания¹. Именно дизайн ширпотреба (особое место в нем занимает автомобиль) стал в США главным механизмом внедрения в сознание культурных ценностей (создания и сохранения «культурного ядра»). Специалисты особо отмечают способность этого механизма к эффективной «стандартизации и сегментации» общества.

Стандартизация и сегментация — важное условие гегемонии в гражданском обществе, где требуется сохранять «атомизацию», индивидуализацию людей. Но в то же время надо соединять «сегменты» связями, не приводящими к органическому единству, — безопасными для гегемонии. Как показали исследования по методологии Грамши, эффективным средством для этого стал в США спорт. Он порождает такие символы и образы, которые связывали мягкими, ни к какому социальному единству не ведущими связями самые разные сегменты общества — от негритянского дна до буржуазной элиты. Спорт создавал особый срез общей массовой культуры и обыденного сознания.

Очень интересны исследования отдельных более частных случаев, когда противостоящие силы сознательно планировали свою кампанию как борьбу за гегемонию в общественном сознании по конкретному вопросу. Так было, например, в кампании Тэтчер по приватизации в 1984—1985 гг. Английские профсоюзы, противодействующие приватизации, пытались склонить на свою сторону общественное мнение, но проиграли соревнование за гегемонию. В общем, англичане дали согласие на приватизацию и отшатнулись от тэтчеризма, только когда испытали ее последствия на своей шкуре.

Методология Грамши хорошо вскрывает суть деятельности созданной по инициативе Н. Рокфеллера «Трехсторонней комиссии» под руководством З. Бжезинского. Это — одна из самых закрытых и влиятельных организаций теневого «мирового правительства». В нее входит около трех сотен членов из США, Европы и Японии. Цель — стабилизировать новый мировой порядок, добившись беспрепятственного доступа транснациональных корпораций во все страны мира, особенно в финансовую сферу и энергетику. Признано, однако, что в действительности Трехсторонняя комиссия способствовала возникновению нынешнего глобального финансового кризиса и в целом дестабилизации мира по сравнению с 70-ми годами. Но для нас важен другой вывод: эта теневая организация смогла мобилизовать во всех главных странах влия-

¹ В свое время, доводя эту мысль до крайности, Рокфеллер сказал, что американцам, чтобы завоевать сознание африканской интеллигенции, надо наладить производство всего двух красивых и недорогих вещей: полуботинок и авторучек. Их человек видит и трогает непрерывно, от зари до зари. Рокфеллер предлагал не пожалеть средств для разработки самой лучшей авторучки с роскошным дизайном.

тельные силы для воздействия на общественное мнение так, чтобы «неприятные» последствия ее деятельности вообще исчезли из публичных дебатов. Эти силы (ученые, пресса, «духовные лидеры») смогли в мировом масштабе так повлиять на обыденное сознание, что люди как бы перестали видеть очевидное. У них отключили «здравый смысл».

Наконец, совершенно в логике учения Грамши велся либеральной интеллигенцией подрыв гегемонии социалистических сил в странах Восточной Европы. В США сделаны диссертации о роли театра в разрушении культурного ядра этих стран — захватывающее чтение (сам Грамши в своей теории гегемонии также уделял большое место театру, особенно театру Луиджи Пиранделло, который немало способствовал приходу к власти фашистов в Италии¹). Так, например, рассмотрена работа известного в ГДР театра Хайнера Мюллера, который в своих пьесах ставил целью «подрыв истории снизу». Это — типичный пример явления, названного «анти-институциональный театр», то есть театр, подгрызающий общественные институты. Согласно выводам исследования, постановщики сознательно «искали трещины в монолите гегемонии и стремились расширить эти трещины — в перспективе вплоть до конца истории». Концом истории издавна было названо желаемое крушение противостоящего Западу «советского блока».

Я думаю, сегодня можно говорить о трагедии Грамши. Почти все из его гениальных мыслей и предупреждений, с которыми он обращался к товарищам ради того, чтобы научиться мобилизовать здравый смысл людей, поднять массы трудящихся до уровня интеллигенции, мобилизовать их способности к завоеванию «освободительной гегемонии», — почти все было изучено и использовано противником в совершенно противоположных целях. Для подавления здравого смысла, для принижения человека, для эффективной манипуляции его сознанием, для усиления гегемонии господствующего меньшинства. Вершиной этой «работы по Грамши» была, конечно, перестройка в СССР.

§ 3. Психологическая доктрина

Учение Грамши рассматривает человека общественного, а не отдельную личность и не малые группы. Действующим лицом здесь являются массы, классы, социальные слои, сферы деятельности, государство. С другой стороны подходит к вопросу манипуляции сознанием та доктрина, что сложилась постепенно в рамках наук о психологии и психике (психология личности и социальная психо-

¹ Сам Пиранделло тоже понимал эту роль театра. Он писал, что Муссолини — «истинный человек театра, который выступает, как драматург и актер на главной роли, в Театре Веков».

логия, психоанализ). Важной основой послужило и учение о высшей нервной деятельности (особенно теория условных рефлексов) физиолога И. П. Павлова. В этой обширной области знания при выработке собственно доктрины программирования поведения человека на первое место к 50-м годам нашего века вышел психоанализ — не столько научная теория, сколько учение (выходящее за рамки строгой науки), созданное Зигмундом Фрейдом и развиваемое его последователями.

Уже с конца прошлого века ряд европейских ученых (особенно Ле Бон) акцентировали внимание на значении внушения в общественных процессах. Они выдвинули даже гипотезу о наличии у человека «инстинкта подчинения». В 1903 г. русский психофизиолог В. М. Бехтерев издал книгу «Внушение и его роль в общественной жизни». Он описал явление массового внушения под влиянием «психического заражения», то есть при передаче информации с помощью разных знаковых систем.

У Бехтерева внушение уже прямо связывается с манипуляцией сознанием, поскольку представляет собой «вторжение [в сознание] посторонней идеи без прямого и непосредственного участия в этом акте «Я» субъекта». В этом принципиальное отличие внушения от убеждения. Производится ли внушение словами или другими знаками, «везде оно влияет не путем логического убеждения, а непосредственно воздействует на психическую сферу без соответствующей переработки, благодаря чему происходит настоящее приятие идеи, чувства, эмоции или того или иного психофизического состояния».

Убеждение предполагает активное участие субъекта, ибо ему предлагается ряд доводов, которые он осмысливает и принимает или отвергает. Бехтерев подчеркивал, что внушение, напротив, «обходит» разум субъекта. Оно эффективно, когда удается приглушить активность сознания, усыпить часового: «Внушение, в отличие от убеждения, — писал Бехтерев, — проникает в психическую сферу помимо личного сознания, входя без особой переработки непосредственно в сферу общего сознания и укрепляясь здесь, как всякий предмет пассивного восприятия»¹.

В 30—40-е годы возобладала иная точка зрения, отрицающая иррациональный, происходящий помимо разума, процесс внушения. Наоборот, была принята теория рациональности внушения.

¹ Довоенное поколение было любознательнее нас, и книга Бехтерева была, видимо, известна. Когда я был ребенком, моя мать строго-настрого запрещала мне включать радио и слушать его вполуха, не вдумываясь, как это делают во многих семьях. Я возмутился такой тиранни, а она объяснила: «Если хочешь — сядь и внимательно слушай, думай над сказанным. А если не будешь вслушиваться, то вся дребедень останется у тебя в голове. Ты ее и повторить-то не сможешь, а будешь в нее верить».

Согласно этой теории, при внушении человек не меняет свои убеждения и оценки, а меняет *объект оценки*. То есть читателю или слушателю несколько разумных вариантов объяснения. В рамки этих вариантов загоняется мысль — но все же мысль человека. От ловкости комментатора зависит сделать необходимый манипулятору вариант наиболее правдоподобным.

Однако возможности такого «рационального внушения» оказались довольно скромными. И в 50-е годы стержнем всей доктрины стал психоанализ и, прежде всего, учение о подсознании. С помощью внушения в сознании производят подмену объекта суждения, так что человек мысленно восклицает: «Ах, вот оно что! Вот кто виноват!» и т.п.

Эта подмена производится путем умелого создания такого контекста, в котором мысли человека идут в нужном для манипулятора направлении. На этой теории была основана так называемая «комментированная пресса» — сообщение о факте сопровождается интерпретацией комментатора, который предлагает учение о подсознании. Фрейд оформил мысль, которая витала в воздухе: в подсознании таится страшная сила. Николай Заболоцкий в поэме «Битва слонов» (*Битва слов! Значений бой!*) писал:

Европа сознания
в пожаре восстания.
Невзирая на пушки врагов,
стреляющие разбитыми буквами,
боевые Слоны Подсознания
вылезают и топчутся...
Слоны Подсознания!
Боевые животные преисподней!
Они стоят, приветствуя веселым воем
все, все, что добыто разбоем.

Затронутый советским оптимизмом, Заболоцкий кончает поэму сценой примирения (*и Слон, рассудком приручаем, ест пироги и запивает чаем*). На деле все не так просто.

Считается, что утверждению психоанализа как основы доктрины манипуляции сознанием способствовали успехи ее применения в области рекламы. Но, по существу, на практике идеями психоанализа (не ссылаясь, конечно, на Фрейда) пользовались в своей очень эффективной пропаганде фашисты. Они обращались не к рассудку, а к инстинктам. Чтобы их мобилизовать, они с помощью целого ряда ритуалов превращали аудиторию, представляющую разные слои общества, в толпу — особую временно возникающую общность людей, охваченную общим влечением. Один из немногих близких к Гитлеру интеллектуалов, архитектор А. Шпеер пишет в своих воспоминаниях: «И Гитлер, и Геббельс знали, как разжигать

массовые инстинкты на митингах, как играть на страстях, прячущихся за фасадом расхожей респектабельности. Опытные демагоги, они умело сплавливали заводских рабочих, мелких буржуа и студентов в однородную толпу, формируя по своей прихоти ее суждения».

Фашисты исходили из фрейдистского сексуального образа: вождь-мужчина должен соблазнить женщину-массу, которой импонирует грубая и нежная сила. Это — идея-фикс фашизма, она обыгрывается непрерывно. Вся механика пропаганды представляется как соблазнение и доведение до исступления («фанатизация») женщины¹. Здесь — опора на первый главный в учении Фрейда сексуальный инстинкт, Эрос (в психоанализе слово «инстинкт» имеет иной, нежели в физиологии, смысл; это не безусловный рефлекс, а влечение). Кстати, сам Фрейд был, видимо, восхищен новаторством фашистской пропаганды и в 1933 г. подарил Муссолини свою книгу, назвав его в посвящении «Героем Культуры».

Второй блок приемов, с помощью которых фашисты фанатизировали массы, обращаясь к подсознанию, опирается на другой главный в психоанализе Фрейда инстинкт — инстинкт смерти, *Tанатос*. Культ смерти пронизывает всю риторику пропаганды фашистов. «Мы — женихи Смерти», — писали фашисты-поэты. Режиссеры массовых митингов-спектаклей возродили древние культовые ритуалы, связанные со смертью и погребением. Цель была разжечь, особенно в молодежи, самые архаические взгляды на смерть, предложив, как способ ее «преодоления», самим стать служителями Смерти (так удалось создать особый, небывалый тип нечеловечески храброй армии — СС).

В США основные понятия психоанализа начал приспособлять для целей рекламы ученик Фрейда Эрнст Дихтер, психолог из Вены, который эмигрировал в США в 1938 г. Начал он с рекламы мыла, потом автомобилей, а на волне повального увлечения американцев психоанализом сделал немислимую карьеру. Он создал «Американский институт по изучению мотивации поведения». Принципиально отвергая теорию рационального внушения, он утверждал даже, что главная ценность товара для покупателя заключается не в его функциональном назначении, а в удовлетворении заправятанных глубоко в подсознании желаний, о которых сам покупатель может даже не подозревать. В большинстве случаев это темные инстинкты и тайные желания, «вытесненные» в подсознание именно потому, что они неприемлемы для сознания.

¹ Гитлер писал в «Майн кампф»: «В подавляющем большинстве простые люди имеют настолько женскую природу, что рассуждение возбуждает их мысли и их действия в гораздо меньшей степени, чем чувства и эмоции. Их чувства несложны, они очень просты и ограничены. В них нет оттенков, все для них — любовь или ненависть, правильное или ошибочное, правда или ложь». Приемы свращения такой массы-женщины, манипуляции ее сознанием — отдельная, довольно подробно изученная тема.

По мнению Дихтера, рекламные агентства в США стали «самыми передовыми лабораториями психологов». Они «манипулируют мотивацией и желаниями человека и создают потребность в товарах, с которыми люди еще незнакомы или, возможно, даже не желали бы их купить».

Успех института Дихтера в манипуляции поведением покупателей (а доходы института уже в середине 50-х годов составляли баснословные по тем временам суммы) привлек политиков. Так из рекламы товаров психоанализ был перенесен в манипуляцию сознанием в политической сфере. В принципе, задачи были схожи. Как пишет Журнал «Тайм», «политическая реклама приближается к коммерческой, просто-напросто заменяя товар кандидатом»¹. В 1960 г. Дихтер был советником в избирательной кампании Кеннеди. После выборов стало возможным проверить эффективность его рекомендаций на огромном статистическом материале. Его стали привлекать как консультанта в избирательных кампаниях в международном масштабе.

В 1957 г. принципы использования психоанализа в рекламе обобщил известный американский социолог Вэнс Пэккард в своем бестселлере «Тайные искусители». Эта книга до сих пор считается классическим трудом в рекламном деле. В дальнейшем психоанализ стал дополняться методами герменевтики, семиотики (науки о символах), этнографии и культурологии — оставаясь ядром междисциплинарного подхода.

Вслед за институтом Дихтера в США возникли другие известные исследовательские центры, где изучались возможности использования психоанализа для манипуляции сознанием — уже по более частным направлениям. Известный психолог Луи Ческин, который также одним из первых применил психоанализ в рекламе, директор «Американского института по исследованию цвета», вел обширные работы по воздействию на подсознание с помощью окраски. На этих работах строилась реклама таких фирм, как «Проктер энд Гэмбл» (парфюмерия), «Филип Моррис» (сигареты), «Дженерал Фудс» (пищевые продукты). Все это товары массового спроса, и полученный при их продаже статистический материал был огромен, так что Луи Ческин имел хороший объект исследования и получил впечатляющие результаты. По ним можно было определить, например, какие эмоции возбуждает в подсознании цветовая

¹ Основатель телевизионной политической рекламы Россер Ривс писал: «Я представляю себе избирателя в будке для голосования, колеблющегося между двумя кандидатами, как покупателя, колеблющегося между двумя тюбиками зубной пасты в аптеке. Будет выбран тот сорт, который наилучшим образом запечатлелся в памяти». Подробнее о политической рекламе можно прочесть в книге О. А. Феофанова «США: реклама и общество» (М., 1974), а потом понаблюдать, как применяют наши феофановы свои знания на практике в России сегодня.

гамма избирательного плаката в приличных кварталах и в трущобах, у людей разного возраста, с разными доходами и уровнем образования, разной национальности и т.д.

В области радиовещания велись большие исследования того, как влияет на подсознание пол диктора, тональность и тембр голоса, темп речи. Все эти параметры стали подбирать в зависимости от того, какие струны в подсознании требовалось затронуть при том или ином сообщении. Во время избирательной кампании Кеннеди психоаналитики предсказывали, что в радиодebатах он будет проигрывать Никсону в определенных штатах из-за слишком высокого голоса и «гарвардского акцента» — там низкий и грубоватый голос Никсона будет восприниматься как более искренний. Кеннеди советовали при любой возможности избегать радио и использовать телевидение — при зрительном восприятии проигрывал образ Никсона. После выборов анализ голосования в разных аудиториях подтвердил расчеты аналитиков.

Важное направление в использовании психоанализа открыл Джеймс Вайкери — он изучал подсознательный фактор в семантике, то есть воздействие слова на подсознание. Очевидно, что именно в сфере языка лежат главные возможности манипуляции сознанием. Известно, например, что на подсознание сильно действует слово «жизнь» и производные от него, в том числе приставка «био». Она к тому же имеет добавочную силу оттого, что ассоциируется с наукой и пользуется ее авторитетом. Поэтому в рекламе эти знаки используются очень широко. Стоит бросить взгляд на московскую газету, и сразу бросается в глаза: «Магазин здоровья — БиоНормалайзер», «Лавка Жизни... Молодая грудь... Биомаска для груди за 100 руб.» и т.д. Отработанные на массовом объекте в области рекламы в торговле, найденные методы и приемы семантики были перенесены затем в идеологическую и политическую сферы.

Пожалуй, самую широкую известность принесло Вайкери не это фундаментальное направление, а потрясающее открытие, названное им «сублиминальной» (т.е. подсознательной) рекламой или сублиминальным кино¹. Известно, что процессы восприятия нелинейны, они имеют четко выраженные пороги. В сознание че-

¹ В советскую популярную литературу (например, у О. А. Феофанова) вошло слово «сублиминальное» кино. Видимо, по недоразумению открытие Вайкери связали с важным понятием психоанализа сублимация (т.е. возгонка, очищение). Под сублимацией понимается переключение энергии психических влечений с сексуальных объектов на более возвышенные цели, например на художественное творчество (Э. Фромм). К сублиминальным воздействиям это отношения не имеет. Иногда в русской литературе открытый Вайкери способ воздействия называется «окультурным внушением». Это — тоже неудачный перевод слова occult, что в данном случае значит просто «скрытый». В русский же язык слово «окультурный» вошло в смысле «тайный мистический», что никакого отношения к скрытому внушению Вайкери не имеет.

ловека поступают только те сигналы, которые по своей силе и продолжительности превышают некоторый порог, а остальные, более слабые и краткосрочные сигналы (шумы) отсеиваются. Но что с ними происходит?

Вайкери договорился с владельцем кинотеатра в Нью-Джерси и провел такие опыты. Он поставил второй кинопроектор, который в промежутках между кадрами кинофильма на короткое мгновение (0,003 секунды) проецировал на экран слова «Кока-кола» и «Ешьте поп-корн» (воздушная кукуруза). Эти сигналы были ниже порога восприятия, так как сознание фиксирует зрительные образы, которые задерживаются не менее 0,05—0,06 секунды. Сигналы, посылаемые вторым проектором, сознание зафиксировать не могло. Даже те, кто был предупрежден, не смогли заметить этих кадров. Но глаз-то их видел, и Вайкери предположил, что сигналы отпечатываются где-то в подсознании.

Эти опыты продолжались несколько месяцев и давали устойчивый результат: на тех сеансах, на которых включался второй кинопроектор с рекламой, продажа кока-колы в буфете выросла на 16, а продажа воздушной кукурузы на 50 процентов. Для рекламы подобных продуктов эффективность была беспрецедентной. Но главное заключалось в сразу же понятой специалистами новой огромной возможности манипулировать поведением человека вообще. С помощью самых разных сигналов, посылаемых ему с интенсивностью выше «порога регистрации» (глазом, ухом, обонянием), но ниже «порога восприятия» (сознанием). Это получило название воздействия на подсознание на уровне подвосприятия (subperception). Вскоре после опытов Вайкери исследования в этом направлении почти исчезли из открытой печати.

Использование сублиминального воздействия запрещено в рекламе. Однако наличие в видеороликах «25-го кадра» обнаруживается только с помощью аппаратуры. Примечательно, что в России ни разу не было сделано официального заявления, что на телевидении существует обязательный контроль рекламы (и вообще передач) на отсутствие в них знаков подпорогового действия. Более того, в Москве широко рекламируются видеокурсы иностранных языков фирмы «Intellect», которые, как сказано, «делают возможным запоминание за 60 часов занятий от 2000 слов, которые остаются в памяти на долгие годы, даже если язык не используется». Основаны эти курсы якобы на сублиминальном воздействии. В рекламе так и сказано: «25-й кадр из-за сверхвысокой эффективности был запрещен в рекламе. Но не в образовании. Начиная с 50-х годов методика интенсивного обучения использовалась спецслужбами разных стран для подготовки агентов и дипломатов!» И вот теперь — доступна для всех простых россиян. За небольшую плату в память будут вбиты 2000 слов, которые застрянут там навсегда,

«даже если язык не используется». Иными словами, реклама прямо обещает, человек будет искалечен, ибо память может работать, только непрерывно очищаясь от того, что не используется. Без забывания нет активной памяти. Но это лирика...

Из психоанализа в доктрину манипуляции сознанием перешло важнейшее для этого дела понятие «психологическая защита». Вначале этим понятием обозначалось явление личностное, внутрипсихическое, потом рамки расширились и стали говорить о «психологической защите» в межличностных отношениях, а затем и межгрупповых. Сейчас, например, в прикладной психологии есть направление, занятое постановкой психологической защиты делегаций, отправляющихся на переговоры.

Поставил проблему защитных механизмов психики, противодействующих внедрению извне, сам З. Фрейд (в связи с сопротивлением пациента терапевтическому воздействию психоаналитика). Последователи Фрейда разработали разделы проблемы — выявили те «границы», те структуры психики, которые находятся под защитой (например, образ «Я», самооценка), основные классы угроз и ущерба, признаки «запуска» механизма защиты (возникновение тревоги) и главные средства этого механизма.

Понятно, что успех манипуляции сознанием наполовину зависит от умения нейтрализовать, отключить средства психологической защиты каждой личности и общественных групп. Поэтому весь накопленный в психоанализе интеллектуальный багаж был воспринят теми, кто посвятил себя разработке технологии манипуляции. Главное, пожалуй, было взято уже не из классического психоанализа личности, а из учения о коллективном бессознательном. К нашей проблеме прямо относится развитая Карлом Густавом Юнгом в книге «Архетип и символ» идея о защитной роли символов.

Родившись как тип власти вместе с капитализмом и идеологией, манипуляция сознанием как раз и стала возможной благодаря тому, что был снят тот защитный пояс символов, который придавал прочность сознанию христианской Европы Средневековья. Протестантизм, дав этическую основу для капитализма, одновременно разрушил священные образы. Карл Густав Юнг пишет: «Бессознательные формы всегда получали выражение в защитных и целительных образах и тем самым выносились в лежащее за пределами души космическое пространство. Предпринятый Реформацией штурм образов буквально пробил брешь в защитной стене священных символов... История развития протестантизма является хроникой штурма образов. Одна стена падала за другой. Да и разрушать было не слишком трудно после того, как был подорван авторитет церкви. Большие и малые, всеобщие и единичные, образы разбивались один за другим, пока наконец не пришла царствующая ныне ужасающая символическая нищета... Протестантское челове-

чество вытолкнуто за пределы охранительных стен и оказалось в положении, которое ужаснуло бы любого естественно живущего человека, но просвещенное сознание не желает ничего об этом знать и в результате повсюду ищет то, что утратило в Европе.

Можно считать, что Реформация (эта «великая Перестройка Европы») задала всем будущим манипуляторам главный принцип: перед овладением умами людей необходима подготовка — разрушение священных образов («штурм символов»). Ниже мы рассмотрим на ряде примеров, как проводилась эта подготовка в годы нашей перестройки (которую А. Н. Яковлев уподобил уже Реформации).

Сегодня проблема психологической защиты (и ее нейтрализации) продолжает развиваться и в струе внутрилличностного психоанализа. Важной концепцией стало представление психики человека как арены борьбы множества составляющих его «субличностей» — частичных Я. В этой борьбе верх может брать то одна, то другая ипостась человека, то одна, то другая сторона его Я. Этот «победитель» и программирует поведение¹. С этой точки зрения задача манипулятора — правильно определить, на какое суб-Я ему выгоднее всего ставить и как помочь этому частичному Я одолеть в человеке своих противников.

Толчок разработке этой концепции, видимо, дала психоаналитическая интерпретация романа Достоевского «Братья Карамазовы». Согласно этой трактовке, совокупность всех членов семьи Карамазовых, включая «незаконнорожденного» Смердякова, вместе и составляет человеческую личность. В ней происходит непрерывная борьба рассудочного Ивана со страстным Митей и чистым душой Алешей, с похотливым стариком Карамазовым и подлым Смердяковым. И в кульминационный момент верх берет Смердяков при тайном союзе с разумом и моралью Ивана. Сейчас говорится, впрочем, что Достоевский так изобразил именно русского человека, но это уже конъюнктура, проблема глубже.

Пожалуй, можно считать бедствием рода человеческого тот тяжелый вывод, к которому пришли прагматики от психоанализа, подрядившиеся сначала манипулировать сознанием в коммерческой рекламе, а потом и в политике: проще всего манипулятору войти в союз с низкими и темными суб-Я человека. Легче возбудить и превратить в мощный импульс порочные, подавляемые влечения, усилить и «подкупить» их, побудить сделать противные всей личности в целом дело. Пусть эта победа союза манипулятора с низменной ипостасью человека временна и даже краткосрочна. Для целей манипуляции этого обычно достаточно, ему важно до-

¹ В популярной американской книге Л. Прото «Кто играет на ваших струнах» личность представлена как марионетка, за управляющие нити которой дергает около десятка скрытых в ее сознании человечков.

биться нужного поступка — пусть потом разум и совесть человека расканиваются. Как любят говорить, прыгая от радости, все манипуляторы, «поезд уже ушел». Склонность именно низких черт характера к заключению союза с «внешним врагом» — манипулятором — есть общий вывод множества исследований. А бедствием человечества это стало потому, что именно на этой основе возникла огромная индустрия активизации низменных влечений человека, которая непрерывно отравляет всю массовую культуру и сферу общения.

Социальная психология имеет в качестве объекта не отдельную личность, а группы людей. С точки зрения возможности манипулировать поведением групп и даже масс, большое значение для возникновения целого большого направления социальной психологии имели книги Гюстава Ле Бона «Психология масс» и «Душа толпы». Идеи, высказанные Ле Боном, дополняли и развивали многие психологии и философы (например, и З. Фрейд в книге «Массовая психология и анализ человеческого Я»). На прошедшей в середине 1990-х годов в США дискуссии о месте социальной психологии ее прикладная роль был определена инициатором дискуссии четко — «разработка систематизированных техник формирования образа мыслей и поведения людей в отношении друг друга, то есть разработка поведенческих технологий». При этом из литературы по социальной психологии видно, что «коррективы в поведение» эти технологии предполагают вносить *без ведома* субъектов человеческих отношений. Иными словами, речь идет именно о манипуляции, а не обучении или свободном выборе. Эта установка выражена и в президентском обращении Г. Оллпорта, избранного в 1947 г. президентом созданного тогда Отделения социальной психологии Американской психологической ассоциации, — никаких сомнений в праве психологов корректировать поведение людей без их ведома и согласия¹. Начиная с 60-х годов социальная психология перешла к массивным экспериментальным исследованиям, на базе которых и вырабатывались «поведенческие технологии». Конечно, социальная психология к выработке методик манипуляции не сводится, но для нас здесь важна именно эта сторона.

В рамках психологической доктрины развивается с начала века и другое, параллельное психоанализу течение — *бихевиоризм* (от слова *behavior* — поведение). Его основатель Д. Уотсон еще в 1914 г. заявил, что «предметом психологии является человеческое поведение». Позже он даже утверждал, что любого младенца можно превратить в судью или преступника. Иными словами, техноло-

¹ Это при том, что этический кодекс Американской психологической ассоциации требует, чтобы объекты психологических опытов были информированы о всех последствиях эксперимента и заявили о добровольном согласии в нем участвовать.

гии манипуляции и программирования всеисильны. В отличие от психоанализа, бихевиористы отвлекаются от всех субъективных факторов (мышление, эмоции, влечения и т.д.) и рассматривают поведение исключительно как функцию внешних стимулов. Это — крайне механистическое представление человека, который рассматривается как машина, управляемая извне с присущим машине детерминизмом (точной предопределенностью реакции в ответ на управляющее воздействие).

В 70-е годы бихевиоризм поднялся от простых механистических аналогий к понятиям кибернетической машины (необихевиоризм, связанный с именем Фредерика Скиннера из Гарвардского университета). Автоматизировав свои лабораторные устройства, Скиннер провел огромное число экспериментов на животных, а потом и на человеке. В своей популярной книге «Поведение животных» виднейший специалист в этой области Н. Тинберген уклончиво говорит о трудах основателя необихевиоризма: «В этих книгах, вызвавших бурю споров, Скиннер излагает свое убеждение, что человечество может и должно обучиться «приемлемым» формам поведения».

Гораздо определеннее выражается современный авторитет в области психоанализа Э. Фромм: «Психология Скиннера — это наука манипулирования поведением; ее цель — обнаружение механизмов «стимулирования», которые помогают обеспечивать необходимое «заказчику» поведение»¹.

По мнению Фромма, в США «невероятную популярность Скиннера можно объяснить тем, что ему удалось соединить элементы традиционного либерально-оптимистического мышления с духовной и социальной реальностью». Иными словами, он вновь дал среднему классу США надежду на то, что держать человека под контролем можно, причем даже без ядерного оружия.

Фромм пишет: «В кибернетическую эру личность все больше и больше подвержена манипуляции. Работа, потребление, досуг человека манипулируются с помощью рекламы и идеологий — Скиннер называет это «положительные стимулы». Человек утрачивает свою активную, ответственную роль в социальном процессе; становится полностью «отрегулированным» и обучается тому,

¹ Излагая учение бихевиоризма, Фромм поднимает общую проблему отношений науки и морали. Скиннер принципиально уходит от вопроса целей воспитания. Он в своей лаборатории отыскивает только методы воздействия на поведение. «Когда же мы от лабораторных условий переходим к условиям реальной жизни, — пишет Фромм, — то возникают серьезные трудности, связанные как раз с вопросами: зачем человека подвергают манипуляции и кто является заказчиком». На деле и поиск методов вовсе не является нравственно нейтральным, и в текстах Скиннера можно выявить его ценностные установки.

что любое поведение, действие, мысль или чувство, которое не укладывается в общий план, создает ему большие неудобства; фактически он уже есть тот, кем он должен быть. Если он пытается быть самим собой, то ставит под угрозу — в полицейских государствах — свою свободу и даже жизнь; в демократических обществах — возможность продвижения или рискует потерять работу и, пожалуй, самое главное, рискует почувствовать себя в изоляции, лишенным коммуникации с другими».

Заметим, что виднейший антрополог и исследователь поведения К. Лоренц, с которым во многих пунктах расходится Фромм, также категорически не приемлет бихевиоризма и объясняет популярность в США этого учения склонностью к «техноморфному мышлению, усвоенному вследствие достижений в овладении неорганическим миром, который не требует принимать во внимание ни сложные структуры, ни качества систем... Бихевиоризм доводит его до крайних следствий. Другим мотивом является жажда власти, уверенность, что человеком можно манипулировать посредством дрессировки».

К. Лоренц видит в бихевиоризме реальную опасность для человечества: постоянное «воспитание» человека с помощью методов бихевиоризма грозит превратиться в мощный фактор искусственного отбора, при котором будут вытеснены, а потом и исчезнут именно те люди, в которых ярко выражены самые прекрасные высокие качества¹.

Но это, впрочем, нравственная оценка, а нам сейчас важен сам факт: бихевиоризм стал важной составной частью доктрины манипуляции сознанием, разрабатываемой в области психологических наук.

§ 4. Социодинамика культуры

Третья доктрина питается знаниями, полученными в большой междисциплинарной области, которую можно обозначить как *социодинамика культуры*. Это знания о том, как вырабатываются, хранятся, передаются и воспринимаются продукты культуры — идеи, фактическая информация, художественные образы, музыкальные произведения и пр. Это и теории образования, и исследования в области языка, и информационные науки. Конечно, в какой-то степени социодинамика культуры перекрывается с психологией и тесно связана с учением о гегемонии, о котором говорилось выше.

¹ Понятно, что «приемлемое» поведение с точки зрения социальных и культурных норм США в данный исторический период предполагает именно посредственный профиль качеств. Фромм подводит итог довольно общему мнению: «В конечном счете бихевиоризм берет за основу буржуазную аксиому о примате эгоизма и собственной пользы над всеми другими страстями человека» (курсив Фромма).

Но главное, что это — представление всего движения элементов культуры как большой системы, которой можно управлять. А значит, регулировать потоки так, чтобы побуждать «потребителей культуры» к тому или иному типу поведения.

Хотя социодинамика культуры занимается в основном количественным анализом структурных закономерностей движения «продуктов культуры» в обществе, отвлекаясь и от содержания отдельного сообщения, и от проблем отдельной личности, многие формальные выводы исследований имеют практическое значение для воздействия на человека. Любая попытка манипуляции сознанием требует, как говорят, «подстройки» к аудитории. Для этого нужно определить ее культурный профиль, язык, тип мышления, характер восприятия сообщений. Такие данные и предоставляет социодинамика культуры. Технологически более совершенные программы манипуляции предполагают не просто «подстройку», но и специальные усилия по формированию культурной среды, подготовки адресата к восприятию манипулирующих сообщений, «изготовление» мнений и желаний, на которых можно играть. Это — предмет исследований той же дисциплины.

Общепризнано, что бурное развитие исследований в области социодинамики культуры резко увеличили мощность, эффективность воздействия средств массовой информации. С какой целью и кому во благо — второй вопрос. Как заметил А. Эйнштейн, «совершенные средства при неясных целях — характерный признак нашего времени» (или, как более цинично выразился Пикассо, «начала я нахожу, потом я ищу»). Впрочем, «неясность целей» часто вызвана сознательно поставленной дымовой завесой.

Первый, наиболее фундаментальный (для нашей проблемы) вывод социодинамики культуры состоит в том, что буржуазное общество, в отличие от сословных обществ, породило совершенно новый тип культуры — мозаичный. Если раньше, в эпоху гуманитарной культуры, свод знаний и идей представлял собой упорядоченное, иерархически построенное целое, обладающее «скелетом» основных предметов, главных тем и «вечных вопросов», то теперь, в современном обществе, культура рассыпалась на мозаику случайных, плохо связанных и структурированных понятий. Живущее в потоке такой культуры общество иногда называют «демократия шума».

Гуманитарная культура передавалась из поколения в поколение через механизмы, генетической матрицей которых был университет. Он давал целостное представление об универсуме — Вселенной, независимо от того, в каком объеме и на каком уровне давались эти знания (советский букварь был построен по типу университета — для малыша). Скелетом такой культуры были дисциплины (от латинского слова, которое означает и ученье, и розги).

Напротив, мозаичная культура воспринимается человеком почти произвольно, в виде кусочков, выхватываемых из омывающего человека потока сообщений. В своем кратком, но очень хорошем изложении сущности мозаичной культуры известный специалист по средствам массовой информации А. Моль (в книге «Социодинамика культуры») объясняет, что в этой культуре «знания складываются из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей. Эти обрывки не образуют структуры, но они обладают силой сцепления, которая не хуже старых логических связей придает «экрану знаний» определенную плотность, компактность, не меньшую, чем у «тканеобразного» экрану гуманитарного образования».

Мозаичная культура и сконструированная для ее воспроизводства новая школа («фабрика субъектов») произвели нового человека — «человека массы» (его крайнее состояние — *толпа*). О нем с пессимизмом писал философ Ортега-и-Гассет в известном эссе «Восстание масс». Для нас главное, что этот «человек массы» — идеальный объект для манипуляции сознанием. Он вполне соответствует, даже составляет единство с породившей его (и порожденной им) культурой и ее институтами. В мозаичной культуре, пишет А. Моль, «знания формируются в основном не системой образования, а средствами массовой коммуникации».

Запад пережил огромный эксперимент — фашизм. Оказалось, что в атомизированном обществе овладение средствами массовой информации позволяет осуществить полную, тотальную манипуляцию сознанием и вовлечь практически все общество в самый абсурдный, самоубийственный проект. Соратник Гитлера А. Шпеер в своем последнем слове на Нюрнбергском процессе признал: «С помощью таких технических средств, как радио и громкоговорители, у восьмидесяти миллионов людей было отнято самостоятельное мышление».

Социодинамика культуры — слишком обширная область, и мы будем прибегать к ее понятиям при разговоре о конкретных приемах или эпизодах манипуляции сознанием. Здесь отметим только, что из выросшей на этом знании доктрине (так же, как и из учения о гегемонии) следует принципиальное положение: если надо «промыть мозги» целому обществу, совершить над ним крупную программу манипуляции и отключить здравый смысл нескольких поколений, требуется разрушить систему «университетского», дисциплинарного образования и заменить гуманитарную культуру культурой мозаичной. Для этого манипуляторам необходимо овладеть школой и средствами массовой коммуникации. При этих условиях можно добиться большего или меньшего успеха, но если эти условия не обеспечены, успеха достичь почти невозможно.

Раздел II

ГЛАВНЫЕ МИШЕНИ МАНИПУЛЯТОРОВ СОЗНАНИЕМ

Глава 5

ОСНАЩЕНИЕ УМА: ЗНАКОВЫЕ СИСТЕМЫ

Посмотрим, на какие психические и интеллектуальные структуры в сознании и подсознании личности, а также на какие кирпичики культурного ядра общества прежде всего направляют манипуляторы свой удар, чтобы разрушить психологические защиты и «подготовить» человека к манипуляции. Что надо сделать, чтобы отключить здравый смысл?

Здесь нам придется немного усложнить вопрос. Подготовка к манипуляции состоит не только в том, чтобы разрушить какие-то представления и идеи, но и в том, чтобы создать, построить новые идеи, желания, цели. Это временные, «служебные» постройки, главная их задача — вызвать сумбур в мыслях, сделать их нелогичными и бессвязными, заставить человека усомниться в устойчивых жизненных истинах. Это и делает человека беззащитным против манипуляции.

Мы уже говорили, что человек живет в двух мирах — в мире природы и мире культуры. На этот двойственный характер нашей окружающей среды можно посмотреть и под другим углом зрения. Человек живет в двух мирах — мире вещей и мире знаков. Вещи, созданные как природой, так и самим человеком, — материальный субстрат нашего мира. Мир знаков, обладающий гораздо большим разнообразием, связан с вещами, но сложными, текучими и часто неуловимыми отношениями («не продается вдохновенье, но можно рукопись продать»). Даже такой с детства привычный особый вид знаков, как деньги (возникший как раз чтобы соединять мир вещей и мир знаков), полон тайн. С самого своего возникновения деньги служат предметом споров среди философов, поэтов, королей и нищих. Деньги как знак полны тайн и с древности стали неисчерпаемым источником трюков и манипуляций. В целом, весь мир знаков — первая мишень для манипуляторов.

§ 1. Язык слов

В том искусственном мире культуры, который окружает человека, выделяется особый мир слов — *логосфера*. Он включает в себя язык как средство общения и все формы «вербального мышления», в котором мысли облекаются в слова.

Язык как система понятий, слов (имен), в которых человек воспринимает мир и общество, есть самое главное *средство подчинения*. «Мы — рабы слов», — сказал Маркс, а потом это буквально повторил Ницше. Этот вывод доказан множеством исследований, как теорема. В культурный багаж современного человека вошло представление, будто подчинение начинается с познания, которое служит основой убеждения¹. Однако в последние годы все больше ученых склоняется к мнению, что проблема глубже и первоначальной функцией слова на заре человечества было его *суггесторное* воздействие — внушение, подчинение не через рассудок, а через чувство. Это — догадка Б. Ф. Поршнева, которая находит все больше подтверждений.

Известно, что даже современный, рассудочный человек ощущает потребность во внушении. В моменты житейских неурядиц мы ищем совета у людей, которые вовсе не являются знатоками в возникшей у нас проблеме. Нам нужны именно их «бессмысленные» утешения и увещевания. Во всех этих «не горюй», «возьми себя в руки», «все образуется» и т.д. нет никакой полезной для нас информации, никакого плана действий. Но эти слова оказывают большое целительное (иногда чрезмерное) действие. Именно слова, а не смысл. По силе суггесторного воздействия слово может быть сравнимо с физиологическими факторами (я уже упоминал о реакции моей сокурсницы, которой сказали, что она поела конины).

Внушаемость посредством слова — глубинное свойство психики, возникшее гораздо раньше, нежели способность к аналитическому мышлению. Это видно в ходе развития ребенка. В раннем детстве слова и запреты взрослых оказывают большое суггесторное воздействие, и ребенку не требуется никаких обоснований. «Мама не велела» — это главное. Когда просвещенные родители начинают логически доказывать необходимость запрета, они только приводят ребенка в замешательство и подрывают силу своего слова. До того, как ребенок начинает понимать членораздельную речь, он способен правильно воспринимать «предшественники слова» — издаваемые с разной интонацией звуки, мимику, вообще «язык тела». Этологи — исследователи поведения животных —

¹ Слова «убежденный» и «побежденный» — однокоренные. Это идет из древности, из латинского, в котором слово «убеждать» (*convincere*) буквально означает «заставлять быть вместе с победителем».

досконально описали этот язык и силу его воздействия на поведение, например, стаи птиц.

Возникновение человека связано с анатомическими изменениями — развитием третичных полей коры головного мозга. Они позволили удерживать в памяти впечатления от окружающего мира и проецировать их в будущее. И первобытный человек стал жить как бы в двух реальностях — внешней («реальной») и внутриспсихической («воображаемой»). Считается, что это надолго погрузило человека в тяжелое невротическое состояние. Справиться с ним было очень трудно, потому что воображаемая реальность была, по-видимому, даже ярче внешней и очень подвижной, вызывала сильный эмоциональный стресс («парадокс нейропсихической эволюции»).

Этот стресс затруднял адаптацию людей к окружающей среде. Лучше приспособивались и выживали те коллективы (стаи), в которых вожаки и другие авторитетные члены сообщества научились издавать особые звуки-символы. Их особенность была в том, что они воздействовали на психическое состояние сородичей стимулирующим и организующим образом и, согласно догадкам психологов, снимали у них тягостное невротическое состояние. Так возникло слово, сила которого заключалась не в информационном содержании, а в суггесторном воздействии. Люди испытывали потребность в таком слове и подчинялись ему беспрекословно. Так возник особый класс слов-символов — заклинания. Во многих коллективах они сохранили свою силу до наших дней почти в неизменном виде (слова лекарей-знахарей, шаманов). Они действуют и во вполне просвещенных коллективах — но в косвенной форме («харизматический лидер»).

Суггесторное воздействие слова несколько не уменьшилось с появлением и развитием цивилизации. Гитлер писал в *«Mein Kampf»*: «Силой, которая привела в движение большие исторические потоки в политической или религиозной области, было с незапамятных времен только волшебное могущество произнесенного слова. Большая масса людей всегда подчиняется могуществу слова».

Гитлер писал как практик-манипулятор, гипнотизер. Но примерно то же самое подчеркивает современный философ С. Московичи в книге «Наука о массах»: «Что во многих отношениях удивительно и малопонятно, это всемогущество слов в психологии толп. Могущество, которое происходит не из того, что говорится, а из их «магии», от человека, который их говорит, и атмосферы, в которой они рождаются. Обращаться с ними следует не как с частицами речи, а как с зародышами образов, как с зернами воспоминаний, почти как с живыми существами».

Второй слой воздействия — развитое сознание и процесс познания. На заре науки Бэкон говорил: «Знание — власть» (это бо-

лее точный перевод привычного нам «знание — сила»). За каждой знанию скрывается жажда власти — этот вывод Бэкона подтвержден философами последующих поколений, от Ницше до Хайдеггера. И вот, одним из следствий научной революции XVI—XVII веков было немыслимое раньше явление: сознательное создание новых языков, с их морфологией, грамматикой и синтаксисом. Лавуазье, предлагая новый язык химии, сказал: «Аналитический метод — это язык; язык — это аналитический метод; аналитический метод и язык — синонимы». Анализ значит расчленение, разделение (в противоположность синтезу — соединению); подчинять — значит разделять.

Язык стал аналитическим, в то время как раньше он соединял — слова имели многослойный, множественный смысл. Они действовали во многом через *коннотацию* — порождение словом образов и чувств через ассоциации. Отбор слов в естественном языке отражает становление национального характера, тип человеческих отношений и отношения человека к миру. Русский говорит «у меня есть собака» и даже «у меня есть книга» — на европейские языки буквально перевести это невозможно. В русском языке категория собственности заменена категорией *совместного бытия*. Принадлежность собаки хозяину мы выражаем глаголом *быть*.

В Новое время, в новом обществе Запада естественный язык стал заменяться искусственным, специально создаваемым. Теперь слова стали рациональными, они были очищены от множества уходящих в глубь веков смыслов. Они потеряли святость и ценность (приобретя взамен цену). Это был разрыв во всей истории человечества. Ведь раньше язык, как выразился Хайдеггер, «был самой священной из всех ценностей». Когда вместо силы главным средством власти стала манипуляция сознанием, власть имущим понадобилась полная свобода слова — превращение слова в безличный, неодухотворенный инструмент¹.

Превращение языка в орудие господства положило начало и процессу разрушения языка в современном обществе. Послушаем Хайдеггера, подводящего после войны определенный итог своим мыслям (в «Письме о гуманизме»): «Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек... Повсюду и стремительно распространяющееся опустошение языка не только подтачивает эстетическую и нравственную ответственность во всех употреблениях языка. Оно коренится в разрушении человеческого существа. Простая

¹ Разумеется, ни в каком обществе не может быть полной свободы слова — всегда есть нечто «нецензурное». Как сказал Томас Джефферсон, «ни одно правительство не может существовать без цензуры: там, где печать свободна, никто не свободен».

отточенность языка еще вовсе не свидетельство того, что это разрушение нам уже не грозит. Сегодня она, пожалуй, говорит скорее о том, что мы еще не видим опасность и не в состоянии ее увидеть, потому что еще не встали к ней лицом. Упадок языка, о котором в последнее время так много и порядком уже запоздало говорят, есть, однако, не причина, а уже следствие того, что язык под господством новоевропейской метафизики субъективности почти неудержимо выпадает из своей стихии. Язык все еще не выдает нам своей сути: того, что он — дом истины Бытия. Язык, наоборот, поддается нашей голой воле и активности и служит орудием нашего господства над сущим».

Выделим главное в его мысли: *язык под господством метафизики Запада выпадает из своей стихии, он становится орудием господства*. Именно устранение из языка святости и «превращение ценности в товар» сделало возможной свободу слова. Постыдное убожество мысли наших демократов и тех, кто за ними побрел, уже в том, что свободу слова они воспринимали не как проблему бытия, а как критерий для дешевой политической оценки: есть свобода слова — хорошее общество, нет свободы слова — плохое. Если в наше плохое общество внедрить свободу слова, оно станет лучше.

На деле речь идет о двух разных типах общества. «Освобождение» слова (так же, как и «освобождение», превращение в товар, денег, земли и труда) означало прежде всего устранение из него святости, искры божьей — *десакрализацию*. Означало и отделение слова от мира (от вещи). Слово, имя переставало тайно выражать заключенную в вещи первопричину. Древний философ Анаксимандр сказал о тайной силе слова: «Я открою вам ужасную тайну: язык есть наказание. Все вещи должны войти в язык, а затем вновь появиться из него словами в соответствии со своей отмеренной виной».

Разрыв слова и вещи был культурная мутация, скачок от общества традиционного к гражданскому, западному. Но к оценке по критерию «плохой — хороший» это никакого отношения не имеет, для этого важна совокупность всех данных исторически черт общества. И гражданское общество может быть мерзким и духовно большим и выхолощенным, и традиционное, даже тоталитарное, общество может быть одухотворенным и возвышающим человека.

По своему отношению к слову сравнение России и Запада дает прекрасный пример двух типов общества. Вот Гоголь: «Обращаться с словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку... Опасно шутить писателю со словом. Слов гнило да не исходит

из уста ваших!»¹ Какая же здесь свобода слова! Здесь упор на ответственность — «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется».

Что же мы видим в обществе современном, гражданском? Вот формула, которую дал Андре Жид (вслед за Эрнестом Ренаном): «Чтобы иметь возможность свободно мыслить, надо иметь гарантию, что написанное не будет иметь последствий». Таким образом, вслед за знанием слово становится абсолютно автономным по отношению к морали².

На создание и внедрение в сознание нового языка буржуазное общество истратило несравненно больше средств, чем на полицию, армию, вооружения. Ничего подобного не было в аграрной цивилизации (в том числе в старой Европе). Говорят, новое качество общества индустриального Запада заключалось в нарастающем потреблении минерального топлива. Сейчас добавляют, что не менее важным было то, что общество стало потреблять язык — так же, как минеральное топливо.

С книгопечатанием устный язык личных отношений был потеснен получением информации через книгу. В Средние века книг было очень мало (в церкви — один экземпляр Библии). В университетах за чтение книги бралась плата. Всего за 50 лет книгопечатания, к началу XVI века в Европе было издано 25—30 тыс. названий книг тиражом около 15 млн. экземпляров. Это был переломный момент. На массовой книге стала строиться и новая школа.

Главной задачей этой школы стало искоренение «туземного» языка своих народов. Философы используют не совсем приятное для русского уха слово «туземный» для обозначения того языка, который естественно вырос за века и корнями уходит в толщу культуры данного народа — в отличие от языка, созданного индустриальным обществом и воспринятого идеологией. Этот туземный язык, которому ребенок обучался в семье, на улице, на базаре, стал планомерно заменяться «правильным», которому стали обучать платные профессионалы — языком газеты, радио, а теперь телевидения.

¹ Это обращение апостола Павла Гоголь повторяет в своих записках неоднократно. Он напоминает: «Все великие воспитатели людей налагали долгое молчание именно на тех, которые владели даром слова, именно в те поры и в то время, когда больше всего хотелось им пощеголять словом и рвалась душа сказать даже много полезного людям».

² Современный католический философ Ж. Маритен, говоря о соблазне «чисто артистической морали», приводил пример: «В одно и то же время Жид с искренностью писал две маленькие книжечки — в одной из них он выражал преданнейшую любовь к Евангелию, в другой — проповедовал гомосексуализм». Сам Жид называл мораль «подчиненной дисциплиной Эстетики».

Язык стал товаром и распределяется по законам рынка. Французский философ, изучающий роль языка в обществе, Иван Иллич пишет: «В наше время слова стали на рынке одним из самых главных товаров, определяющих валовой национальный продукт. Именно деньги определяют, что будет сказано, кто это скажет и тип людей, которым это будет сказано. У богатых наций язык превратился в подобие губки, которая впитывает невероятные суммы». В отличие от туземного, язык, превращенный в капитал, стал продуктом производства, со своей технологией и научными разработками¹.

Во второй половине XX века произошел следующий перелом. Иллич ссылается на исследование лингвистов, проведенное в Торонто перед второй мировой войной. Тогда из всех слов, которые человек услышал в первые 20 лет своей жизни, каждое десятое слово он услышал от какого-то «центрального» источника — в церкви, школе, в армии. А девять слов из десяти услышал от кого-то, кого мог потрогать и понюхать. Сегодня пропорция обратилась — 9 слов из 10 человек узнает из «центрального» источника, и обычно они сказаны через микрофон.

Основоположителем научного направления, посвященного роли слова в пропаганде (а затем и манипуляции сознанием) считается американский социолог Гарольд Лассуэлл. Начав свои исследования еще в годы первой мировой войны, он обобщил результаты в 1927 г. в книге «Техника пропаганды в мировой войне». Он разработал методы семантического анализа текстов — изучения использования тех или иных слов для передачи или искажения смыслов («политическая семантика исследует ключевые термины, лозунги и доктрины под углом зрения того, как их понимают люди»). Отсюда было рукой подать до методов подбора слов. Лассуэлл создал целую систему, ядром которой стали принципы создания «политического мифа» с помощью подбора соответствующих слов².

Но в чем главная разница «туземного» и «правильного» языка? «Туземный» рождается из личного общения людей, которые излагают свои мысли — в гуще повседневной жизни. Поэтому он напрямую связан со здравым смыслом (можно сказать, что голос здравого смысла «говорит на родном языке»). «Правильный» — это язык диктора, зачитывающего текст, данный ему редактором,

¹ Это, кстати, привело к тому, что люди утратили способность общаться на многих языках, что было характерно для «дворянской» Европы и еще характерно для бедноты в странах третьего мира. «Нерыночный» человек был полиглотом.

² Работы Лассуэлла восхищают своей откровенностью. Следуя исключительно критерию действенности, он дает такое нейтральное определение: «политический миф — это комплекс идей, которые массы готовы рассматривать в качестве истинных независимо от того, истинны они или ложны в действительности».

который доработал материал публициста в соответствии с замечаниями совета директоров. Это безличная риторика, созданная целым конвейером платных работников. Это односторонний поток слов, направленных на определенную группу людей с целью убедить ее в чем-либо. Здесь берет свое начало «общество спектакля» — этот язык «предназначен для зрителя, созерцающего сцену». Язык диктора в новом, буржуазном обществе связи со здравым смыслом не имел, он нес смыслы, которые закладывали в него те, кто контролировал средства массовой информации. Люди, которые, сами того не замечая, начинали сами говорить на таком языке, отрывались от здравого смысла и становились легкими объектами манипуляции.

Как создавался «правильный» язык Запада? Из науки в идеологию, а затем и в обыденный язык перешли в огромном количестве слова-«амебы», прозрачные, не связанные с контекстом реальной жизни. Они настолько не связаны с конкретной реальностью, что могут быть вставлены практически в любой контекст, сфера их применимости исключительно широка (возьмите, например, слово *прогресс*). Это слова, как бы не имеющие корней, не связанные с вещами (миром). Они делятся и размножаются, не привлекая к себе внимания, — и пожирают старые слова. Они кажутся никак не связанными между собой, но это обманчивое впечатление. Они связаны, как поплавки рыболовной сети, — связи и сети не видно, но она ловит, запутывает наше представление о мире.

Важный признак этих слов-амеб — их кажущаяся «научность». Скажешь *коммуникация* вместо старого слова *общение* или *эмбарго* вместо *блокада* — и твои банальные мысли вроде бы подкрепляются авторитетом науки. Начинаешь даже думать, что именно эти слова выражают самые фундаментальные понятия нашего мышления. Слова-амебы — как маленькие ступеньки для восхождения по общественной лестнице, и их применение дает человеку социальные выгоды. Это и объясняет их «пожирающую» способность. В «приличном обществе» человек обязан их использовать. Это заполнение языка словами-амебами было одной из форм колонизации — собственных народов буржуазным обществом.

Отрыв слова (имени) от вещи и скрытого в вещи смысла был важным шагом в разрушении всего упорядоченного Космоса, в котором жил и прочно стоял на ногах человек Средневековья и древности. Начав говорить «словами без корня», человек стал жить в разделенном мире, и в мире слов ему стало не на что опереться.

Создание этих «бескорневых» слов стало важнейшим способом разрушения национальных языков и средством атомизации общества. Недаром наш языковед и собиратель сказок А. Н. Афанасьев подчеркивал значение корня в слове: «Забвение корня в соз-

нании народном отнимает у образовавшихся от него слов их естественную основу, лишает их почвы, а без этого память уже бессильна удержать все обилие словозначений; вместе с тем связь отдельных представлений, державшаяся на родстве корней, становится недоступной».

Каждый крупный общественный сдвиг потрясает язык. В частности, резко усиливает словотворчество. Слом традиционного общества средневековой Европы, как мы уже говорили, привел к созданию нового языка с «онаученным» словарем. Интенсивным словотворчеством сопровождалась и русская революция начала века. В ней были разные течения. Более мощное из них было направлено не на устранение, а на мобилизацию скрытых смыслов, соединяющей силы языка. Даже у ориентированных на Запад символистов «между словами, как между вещами, обозначались тайные соответствия». Но наибольшее влияние на этот процесс оказали Велмир Хлебников и Владимир Маяковский. Б. Пастернак видел у Маяковского «множество аналогий с каноническими представлениями», наличие которых — важный признак языка традиционного общества. Маяковский черпал построение своих поэм в «залежах древнего творчества». Он буквально строил заслоны против языка из слов-амеб.

У Хлебникова эта принципиальная установка доведена до полной ясности. Он, для которого всю жизнь Пушкин и Гоголь были любимыми писателями, поднимал к жизни пласты допушкинской речи, искал славянские корни слов и своим словотворчеством вводил их в современный язык. Даже в своем «звездном языке», в заумях он пытался вовлечь в русскую речь «священный язык язычества». Для Хлебникова революция среди прочих изменений была средством возрождения и расцвета нашего «туземного» языка («нам надоело быть не нами»). У Хлебникова словотворчество отвечало всему строю русского языка, было направлено не на разделение, а на соединение, на восстановление связи понятийного и просторечного языка, связи слова и вещи¹:

Ладомира соборяне
С трудомиром на шесте...

При этом включение фольклорных и архаических элементов вовсе не было регрессом, языковым фундаментализмом, это было развитие. Хлебников, например, поставил перед собой сложней-

¹ «Словотворчество, опираясь на то, что в деревне, около рек и лесов до сих пор язык творится, каждое мгновение создавая слова, которые то умирают, то получают право бессмертия, переносит это право в жизнь писем. Новое слово не только должно быть названо, но и быть направленным к называемой вещи», — писал он. Это процесс, противоположный тому, что происходил во время буржуазных революций в Европе.

шую задачу — соединить архаические славянские корни с диалогичностью языка, к которой пришло Возрождение («каждое слово опирается на молчание своего противника»).

Что же мы видим в ходе нынешней антисоветской революции в России? По каким признакам можем судить о ее пафосе? Уже вышло и отложилось в общественной мысли явление, целый культурный проект наших демократов — насильно, через социальную инженерию задушить наш туземный язык и заполнить сознание, особенно молодежи, словами-амебами, словами без корней, разрушающими смысл речи. Эта программа настолько мощно и тупо проводится в жизнь, что даже нет необходимости ее иллюстрировать — все мы свидетели.

Когда русский человек слышит слова «биржевой делец» или «наемный убийца», они поднимают в его сознании целые пласты смыслов, он опирается на эти слова в своем отношении к обозначаемым ими явлениям. Но если ему сказать «брокер» или «киллер», он воспримет лишь очень скудный, лишенный чувства и не пробуждающий ассоциаций смысл. И этот смысл он воспримет пассивно, апатично¹. Методичная и тщательная замена слов русского языка такими чуждыми нам словами-амебами — никакое не «засорение» или признак бескультурья. Это — необходимая часть манипуляции сознанием.

В большом количестве внедряются в язык слова, противоречащие очевидности и здравому смыслу. Они подрывают логическое мышление и тем самым ослабляют защиту против манипуляции. Сейчас, например, часто говорят «однополярный мир». Это выражение абсурдно, поскольку слово «полюс» по смыслу неразрывно связано с числом два, с наличием *второго* полюса. В октябре 1993 г. в западной прессе было введено выражение «мятежный парламент» — по отношению к Верховному Совету РСФСР. Это выражение нелепо в приложении к высшему органу *законодательной* власти (потому обычно в таких случаях говорят «президентский переворот»). Подобным случаям нет числа.

¹ Однажды я говорил об этой проблеме по радио, и после передачи мне позвонила одна радиослушательница и рассказала интересный случай. Ее, психоневролога, как-то привлекли как эксперта к следствию по делу об убийстве. Метод состоял в том, что подозреваемому показывали на экране и произносили беспорядочный набор слов, среди которых попадались слова, связанные с убийством. Эксперты измеряли скачок потенциала биотоков мозга (предполагалось, что если у человека эти слова вызвали аномально сильную эмоциональную реакцию, то, значит, он был связан с убийством). Подозреваемым был киргиз, хорошо говорящий на русском языке. Однако даже нормальной реакции на страшные слова он не обнаруживал. Чужие, хотя и хорошо известные слова не будили в его сознании цепную реакцию смыслов. Реакция резко изменилась, когда эти слова стали ему произносить на киргизском языке.

Секретарь компартии Испании Хулио Ангита писал в начале 90-х годов: «Один известный политик сказал, что когда социальный класс использует язык тех, кто его угнетает, он становится угнетен окончательно. Язык не безобиден. Слова, когда их произносят, прямо указывают на то, что мы угнетены или что мы угнетатели». Далее он разбирает слова *руководитель* и *лидер* и указывает, что неслучайно пресса настойчиво стремится вывести из употребления слово *руководитель*. Потому что это слово исторически возникло для обозначения человека, который олицетворяет коллективную волю, он создан этой волей. Слово *лидер* возникло из философии конкуренции. Лидер персонифицирует индивидуализм предпринимателя¹. Удивительно, как до мелочей повторяются в разных точках мира одни и те же методики. И в России телевидение уже не скажет «*руководитель*». Нет, «*лидер*» Белоруссии Лукашенко, «*лидер*» компартии Зюганов...

Специалисты много почерпнули из «языковой программы» фашистов. Муссолини сказал: «Слова имеют огромную колдовскую силу». Приступая к «фанатизации масс», фашисты сделали еще один шаг к разрыву связи между словом и вещью. Их программу иногда называют «семантическим терроризмом», который привел в разработку «антиязыка»². В этом языке применялась особая, «разрушенная» конструкция фразы с монотонным повторением не связанных между собой утверждений и заклинаний. Этот язык очень сильно отличался от «нормального».

Тургенев писал о русском языке: «Во дни сомнений, в дня тягостных раздумий ты один мне поддержка и опора». Чтобы лишить человека этой поддержки и опоры, манипуляторам было совершенно необходимо если не отменить, то хотя бы максимально испортить, растрепать русский язык. Зная это, мы можем использовать все эти языковые диверсии как надежный признак: осторожно, идет манипуляция сознанием.

Характеристики слов-амеб, которыми манипуляторы заполнили язык, сегодня хорошо изучены. Предложено около 20 критериев для их различения — все исключительно красноречивые, как будто

¹ Точно так же происходит настойчивое вытеснение слова *избиратели* и замена его на слово *электорат*. Когда депутат говорит «мой избиратели», коннотации слова указывают, что депутат — производное от того коллектива, который его избрал (создал). Выражение «мой электорат» воспринимается как «мой персонал» (мое предприятие). Электорат — общность пассивная и ведомая, она почти «создается» политиком.

² Писатель Итало Кальвино, которого мучила сама эта возможность превратить человека «в абстрактную сумму заранее установленных норм поведения», с этой точки зрения оценивал и «семантический террор» фашистов — «уход от всякого слова, обладающего смыслом, как будто «кувшин», «печка», «уголь» стали неприличными словами, как будто пойти, встретить, узнать — грязные дела».

авторы изучали нашу «демократическую» прессу. Так, эти слова уничтожают все богатство семейства синонимов и сокращают огромное поле смыслов до одного общего знаменателя. Он приобретает «размытую универсальность», обладая в то же время очень малым, а то и нулевым содержанием. Объект, который выражается этим словом, очень трудно определить другими словами — взять хотя бы слово «прогресс», одно из важнейших в современном языке. Отмечено, что эти слова-амебы не имеют исторического измерения, непонятно, когда и где они появились, у них нет корней. Они быстро приобретают интернациональный характер.

Каждый может вспомнить, как у нас вводились в обиход такие слова-амебы. Не только претендующие на фундаментальность (как «общечеловеческие ценности»), но и множество помельче. Вот, в сентябре 1992 г. в России одно из первых мест по частоте употребления заняло слово «ваучер». История этого слова важна для понимания поведения реформаторов (ибо роль слова в мышлении признают, как выразился А. Ф. Лосев, даже «выжившие из ума интеллигенты-позитивисты»). Введя «ваучер» в язык реформы, Гайдар, по обыкновению, не объяснил ни смысл, ни происхождение слова. Я опросил, сколько смог, «интеллигентов-позитивистов». Все они понимали смысл туманно, считали вполне «научным», но точно перевести на русский язык не могли. «Это было в Германии, в период реформ Эрхарда», — говорил один. «Это облигации, которые выдавали в ходе приватизации при Тэтчер», — говорил другой. Некоторые искали слово в словарях, но не нашли. А ведь дело нешуточное — речь шла о документе, с помощью которого расплылось национальное состояние. Само обозначение его словом, которого нет в словаре, фальшивым именем — колоссальный подлог. И вот встретил я доку-экономиста, имевшего словарь американского биржевого жаргона. И там обнаружилось это жаргонное словечко, для которого нет места в нормальной литературе. А в России оно введено как ключевое понятие в язык правительства, парламента и прессы. Это все равно что на медицинском конгрессе называть, скажем, половые органы жаргонными словечками.

Для того, чтобы вскрыть изначальные, истинные смыслы даже главных слов нового языка, приходится совершать работу, которую философы называют «археологией» — буквально докапываться. Многое вскрыто, и когда читаешь эти исследования, эти раскопки смыслов трехвековой давности, оторопь берет, как изощренно упакованы смыслы понятий, которые мы беспечно включили в свой туземный язык. О создании и маскировке смысла каждого такого понятия можно написать детективную повесть.

Возьмите слово «гуманизм». Каков его подспудный смысл? Давайте раскопаем хоть немного. Гуманизм — не просто нечто хо-

рошее и доброе, а определенный «изм», конкретное философское представление о человеке, которое оправдывает совершенно конкретную политическую практику. Эта философия выросла на идеалах Просвещения, и ее суть — фетишизация совершенно определенной идеи Человека с подавлением и даже уничтожением всех тех, кто не вписывается в эту идею. Гуманизм тесно связан с идеей свободы, которая понимается как включение всех народов и культур в европейскую культуру. Из этой идеи вырастает презрение и ненависть ко всем культурам, которые этому сопротивляются. В наиболее чистом и полном виде концепция гуманизма была реализована теми радикалами-идеалистами, которые эмигрировали из Европы в США, и самый красноречивый результат — неизбежное уничтожение индейцев. Де Токвиль в своей книге «Демократия в Америке» объясняет, как англосаксы исключили индейцев и негров из общества не потому, что усомнились в идее всеобщих прав человека, а потому, что данная идея неприменима к этим «неспособным к рационализму созданиям». Де Токвиль пишет, что речь шла о массовом уничтожении людей с полнейшим и искренним уважением к законам гуманизма¹.

Из идей гуманизма выросла теория гражданского общества. Ее создатель, философ Локк, развил идею «неотчуждаемых прав человека». Его трактаты вдохновляли целые поколения революционеров. Наш-то Багрицкий шел по жизни «с Пастернаком в душе и наганом в руке», а европейские — с Локком и гильотиной. Так вот, Локк был не только активным сторонником рабства и помогал в этом духе составлять конституции Южных штатов США, но и вложил свои сбережения в Королевскую Африканскую компанию — монополиста работорговли в Британии. Давайте же, наконец, взглянем правде в глаза: работорговля была прямо связана с Просвещением. Именно за XVIII век, Век Света, за 1701—1810 гг. в Америку было продано 6,2 млн. африканцев (в трюмах по дороге, как считают, погибли в десять раз больше). И за 1811—1870 гг., когда вся Европа уже проклинала Россию за нарушения прав человека, гуманные европейцы завезли в Америку и продали еще 1,9 млн. негров — хотя русские военные моряки кое-кого из работорговцев успели поймать и повесить.

¹ Напротив, испанские конкистадоры не были гуманистами и лично были более жестоки, чем философы из Гарварда. Но они резали индейцев как людей. Ибо прокуроры Инквизиции в Америке установили как декрет: «Каждый человек есть образ Божий по самой своей природе. Этого нельзя отрицать в отношении индейцев — ни потому, что они не знают истинной религии, ни потому, что совершают аморальные поступки, ни даже потому, что они неразумны». И после бурной Конкисты испанцы пережились с индианками, и возникли новые нации креолов. А в деревнях продолжают жить своими «негуманистическими» общинами и говорить на своем языке крестьяне-индейцы.

Так что даже в таком приятном слове, как «гуманизм», глубокий смысл обладает разрушительной силой для России. Все мы, кроме кучки «новых русских», в рамках гуманизма — индейцы и негры. И если бы мы заботились о языке, мы бы внимательнее отнеслись к той проблеме, которая была поставлена даже в рамках марксизма: «очистить гуманизм от гуманизма» (т.н. теоретический антигуманизм). Я уж не говорю о нелепом восхищении словами ницшеанца Сатина: «Все в человеке, все для человека». Горький реалистично выразил антихристианский (и антиприродный) смысл гуманизма, а мы этого даже не разглядели.

Но в целом Россию не успели лишить ее языка. Буржуазная школа не успела сформироваться и охватить существенную часть народа. Надежным щитом была и русская литература. Лев Толстой совершил подвиг, создав для школы тексты на нашем природном, «туземном» языке. Малые народы и перемешанные с ними русские остались дву- или многоязычными, что резко повышало их защитные силы. Советская школа не ставила целью оболванить массу, и язык не был товаром. Каждому ребенку дома, в школе, по радио читали родные сказки и Пушкина. Можно ли поверить, что ребенок из среднего класса в Испании вообще не слышал, что существуют испанские сказки. Я спрашивал всех своих друзей — испанских сказок не было ни в одной семье (а у моих детей в Москве был большой том испанских народных сказок). Кое-кто слышал о сказках, как бы получивших печать Европы, ставших внациональными (их знают через фильмы Диснея) — сказки Перро, Андерсена, братьев Гримм. Но сегодня и с ними, как с Библией, производят модернизацию. В Барселоне в 1995 г. вышел перевод с английского книги Фина Гарнера под названием «Политически правильные детские сказки». Человеку из нашей «еще дикой» России это кажется театром абсурда.

Вот начало исправленной известной сказки (перевожу дословно): «Жила-была малолетняя персона по имени Красная Шапочка. Однажды мать попросила ее отнести бабушке корзинку фруктов и минеральной воды, но не потому, что считала это присущим женщине делом, а (обратите внимание!) потому что это было добрым актом, который послужил бы укреплению чувства общности людей. Кроме того, бабушка вовсе не была больна, скорее наоборот, она обладала прекрасным физическим и душевным здоровьем и была полностью в состоянии обслуживать сама себя, будучи взрослой и зрелой личностью...» Все довольны: и феминистки, и либералы, и борцы за демократические права «малолетних личностей». Но даже то небольшое «туземное», что оставалось в измочаленной сказке, устранили.

Мы «переваривали» язык индустриального общества, наполнили его нашими смыслами, но в какой-то момент начали терпеть

поражения. Школа сдавала позиции, как и пресса, и весь культурный слой. Нам трудно было понять, что происходит: замещение смыслов было в идеологии буржуазного общества тайной — не меньшей, чем извлечение прибавочной стоимости из рабочих. Иллич пишет: «Внутренний запрет — страшный, как священное табу, — не позволяет человеку индустриального общества признать различия между капиталистическим и туземным языком, который дается без всякой экономически измеримой цены. Запрет того же рода, что не позволяет видеть фундаментальной разницы между вскармливанием грудью и через соску, между литературой и учебником, между километром, что прошел пешком или проехал как пассажир».

Вернемся на Запад. Конечно, если бы туземный язык был уничтожен амебами полностью, общество было бы разрушено, ибо диалог стал бы невозможен. Но все же в современном западном обществе он подавлен монополией правильного языка так же, как туземные продукты подавлены промышленными товарами. Как пишет Иллич, в перспективе туземный язык «должен быть принесен в жертву идеологии расширения рыночной экономики, экономики-призрака; эта жертва — последняя цель, которую ставит перед собой спесь *homo economicus* (экономического человека)».

Сегодня мы видим, как модернизация сокрушает последний бастион языка, сохраняющего древние смыслы — церковь. Мало того, что священники вне службы, даже в облачении, стали говорить совершенно «правильным» языком, как журналисты или политики. Модернизации подвергаются священные тексты. Действия в этой сфере — целая программа. Приступают к изданию новой Библии с «современным» языком в Англии, тиражом в 10 млн. экземпляров. Теологи старого закала назвали ее «модерн, но без Благодати» (само понятие Благодати из нее изъято и заменено «незаслуженными благами»). Вычищены из Библии и понятия искупления и покаяния. И, наконец, ключевое для христианства слово *распятие* заменено «прибиванием к кресту». Наполненные глубинным смыслом слова и фразы, отточенные за две тысячи лет христианской мысли, заменены «более понятными». Как сказал архидьякон Йорка, Библия стала похожа на телесериал, но утратила сокровенное содержание¹.

Сегодня о вторжении в язык с целью программировать поведение известно так много, что вдумчивый человек может использо-

¹ Мы уж не говорим о пошлой и конъюнктурной политической цензуре Священного Писания. Недавно в США начали переходить на новый, «политически правильный» перевод Библии, из которой исключено упоминание о том, что Христос был распят иудеями. Был, мол, распят, а кем и почему — неважно. Это — чтобы устранить из Евангелия «антисемитизм». Чтобы не обидеть феминисток, изменено понятие Бог-отец (он теперь Бог-отец-мать), так что рушится вся суть Троицы. Внесены и многие другие подобные «демократические» изменения.

вать это знание в личной практике. Художественное осмысление дал писатель Оруэлл со своим образом «новояза» в романе-антиутопии «1984». Оруэлл дал фантастическое описание тоталитарного режима, главным средством подавления в котором был новояз — специально изобретенный язык, изменяющий смысл знакомых слов. Мысли Оруэлла наши перестройщики опошлили, прицепив к критике коммунизма¹. Как раз СССР смог соединить свои силы для войны с фашизмом, именно вернувшись к исконному языку, оживив близкие нашей душе смыслы. Когда Сталин начал свой знаменитый приказ словами «Сим уведомляется», то одно это слово «сим» означало столь важный поворот, что его никогда Сталину не простит «мировая демократия».

Почти следуя указанной Оруэллом дате, в России 1985-й год стал началом поистине тоталитарной кампании по созданию и внедрению новояза. Она проводилась всей мощью идеологической машины КПСС, верхушка которой сменила курс. Потому-то такая борьба идет за школу — она дает детям язык, и его потом трудно сменить. Понятие Оруэлла вошло в философию и социологию, создание новоязов стало технологией реформаторов — разве мы этого не видим сегодня в России!

§ 2. Язык зрительных образов

Еще в прошлом веке Ле Бон («Макиавелли массового общества», как называли его недавно) писал: «Толпа мыслит образами, и вызванный в ее воображении образ в свою очередь вызывает другие, не имеющие никакой логической связи с первым... Толпа, способная мыслить только образами, восприимчива только к образам. Только образы могут увлечь ее или породить в ней ужас и сделаться двигателями ее поступков». В другом месте он вновь возвращается к связи между словом и образом: «Могущество слов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла. Очень часто слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние на толпу. Таковы, например, термины: «демократия», «социализм», «равенство», «свобода» и т.д., до такой степени неопределенные, что даже в толстых томах не удастся с точностью разъяснить их смысл».

¹ В своей антиутопии «1984» Оруэлл описывал именно современное западное общество, переживающее «выверт демократии» — искусственный тоталитаризм, одним из средств власти которого был новояз, искусственный язык с замещенными смыслами. Этот новояз — доведенный до логического предела язык современного общества, язык прессы. Процессы, происходящие в традиционном обществе, сколько угодно тоталитарном и жестоком, имеют принципиально иную природу.

Природа манипуляции состоит в наличии двойного воздействия — наряду с посылаемым открыто сообщением манипулятор посылает адресату «закодированный» сигнал, надеясь на то, что этот сигнал разбудит в сознании адресата те образы, которые нужны манипулятору. Это скрытое воздействие опирается на «неявное знание», которым обладает адресат, на его способность создавать в своем сознании образы, влияющие на его чувства, мнения и поведение. Искусство манипуляции состоит в том, чтобы пустить процесс воображения по нужному руслу, но так, чтобы человек не заметил скрытого воздействия.

То есть образы, как и слова, обладают суггесторным значением и порождают цепную реакцию воображения. Наравне с логосферой в культуре можно выделить особый мир графических и живописных форм, воспринимаемых с помощью зрения — *эйдосферу* (от греческого слова «эйдос» — «вид», «образ»). Фальсификация языка слов и чисел — общий фон, подмостки «общества спектакля». Двадцатый век показал немислимые ранее возможности знаковых систем как средства власти. Особое место заняли зрительные образы.

Как правило, они употребляются в совокупности с текстом и числами, что дает многократный кооперативный эффект. Он связан с тем, что соединяются два разных типа восприятия, которые входят в резонанс и взаимно «раскачивают» друг друга, — восприятие семантическое и эстетическое. Самые эффективные средства информации всегда основаны на контрапункте, гармоничном многоголосии, смысла и эстетики. Они одновременно захватывают мысль и художественное чувство («семантика убеждает, эстетика обольщает»).

На этом основана сила воздействия театра (текст, звук голосов, цвет, пластика движений) и особенно оперы. Воздействуя через разные каналы восприятия, сообщение, «упакованное» в разные типы знаков, способно длительное время поддерживать интерес и внимание человека. Поэтому эффективность его проникновения в сознание и подсознание несравненно выше, чем у «одноцветного» сообщения. Соединение многих знаковых систем в театре создает совершенно новое качество, причем в его создании важную роль играет зрительный зал. В некоторых отношениях он образует специфическую толпу. Ле Бон отметил важную вещь: «Часто совсем невозможно объяснить себе при чтении успех некоторых театральных пьес. Директора театров, когда им приносят такую пьесу, зачастую сами бывают не уверены в ее успехе, так как для того, чтобы судить о ней, они должны были бы превратиться в толпу».

Эффект соединения слова и образа хорошо виден даже на простейшей комбинации. Издавна известно, что добавление к тексту

хотя бы небольшой порции художественных зрительных знаков резко снижает порог усилий, необходимых для восприятия сообщения. Иллюстрации делают книгу доступной для ребенка или подростка, который не мог ее осилить в издании «без картинок». Графики и диаграммы делают статью интересной (на деле — понятной) для ученого.

Гениальным изобретением для передачи сообщений людям, не привыкшим читать, были комиксы — короткие упрощенные тексты, каждый фрагмент которых снабжен иллюстрацией¹. Став важной частью массовой культуры США, комиксы в то же время были, вплоть до появления телевидения, мощным инструментом идеологии. Можно сказать, что вся история современной американской идеологии неразрывно переплетена с историей комиксов. Изучавший феномен комиксов культуролог Умберто Эко писал, что комиксы «породили уникальное явление — массовую культуру, в которой пролетариат воспринимает культурные модели буржуазии в полной уверенности, что это его независимое самовыражение».

Мы в России, стране с традиционной культурой чтения, с трудом можем представить себе ту роль, которую сыграли комиксы в формировании массового сознания американской нации. Они «вели» среднюю американскую семью из поколения в поколение, создавая стабильную «систему координат» и идеологических норм. В одной из книг по истории комиксов, изданной в 1977 г., приведены данные об известных сериях, которые к тому моменту издавались без перерыва в течение 80 лет! Известной уже и нам серии «Супермен» недавно исполнилось 59 лет непрерывного издания. Французский исследователь комиксов пишет об их персонажах: «Американец проводит всю свою жизнь в компании одних и тех же героев, может строить свои жизненные планы исходя из их жизни. Эти герои переплетены с его воспоминаниями начиная с раннего детства, они — его самые старые друзья. Проходя вместе с ним через войны, кризисы, смены места работы, разводы, персонажи комиксов оказываются самыми стабильными элементами его существования».

Об идеологическом смысле сообщений, закладываемых в комиксы, мы поговорим ниже. Сначала факты. Насколько необходимым «духовным хлебом» стали для американцев комиксы, говорит такой случай. Незадолго перед второй мировой войной забастовка типографских рабочих вызвала перебои в поступлении комиксов в киоски. Возмущение жителей было так велико, что мэр Нью-Йорка в эти несколько дней лично зачитывал комиксы по радио — чтобы успокоить любимый город. Жители одного городка штата Илли-

¹ Сначала это были юмористические тексты с рисунками, потом эта удачная форма распространилась на другие типы сообщений, вплоть до сугубо педагогических, — а название сохранилось.

нойс устроили референдум и переименовали свой город в Метрополис — вымышленный город, в котором действовал Супермен.

Крупные исследования с применением ряда независимых методов показали, что в середине 60-х годов в США ежедневно читали комиксы в газетах от 80 до 100 миллионов человек. Среди читателей газет 58% мужчин и 57% женщин читали в газете практически только комиксы. Даже во время второй мировой войны средний читатель газеты сначала прочитывал комикс, а во вторую очередь — военную сводку. Наибольший интерес к комиксам проявляют люди в возрасте 30—39 лет. Однако все дети школьного возраста (99%) читают комиксы регулярно. Обсуждение прочитанных комиксов — главная тема бесед у школьников, что делает этот жанр культуры важнейшим механизмом социализации детей.

Вымышленные персонажи и даже прототипы искусственно созданной «человекообразной расы» как Супермен или Батман стали неотъемлемой и необходимой частью духовного мира американца. Когда автор известной серии «Лилль Абнер» Аль Капп ввел нового персонажа, Лену-гиену, «самую некрасивую женщину в мире», он попросил читателей прислать свои предложения с описанием черт ее лица. Он получил от читателей более миллиона писем с рисунками¹.

Такой необычайно эффективный «захват» массовой аудитории комиксы смогли обеспечить именно благодаря совмещению текста со зрительными образами. Получив такую власть над читателем, комиксы стали выполнять множество идеологических функций. Так, они стали главной «лабораторией», создающей новояз. Авторы комиксов вместе со специалистами по психоанализу и лингвистике разрабатывают и внедряют в сознание неологизмы — новые слова, которые моментально входят в обыденное сознание, язык массовой культуры, а затем и официальный язык.

Возьмем другой пример — использование зрительных образов в сочетании с авторитетом науки. Речь идет о географических картах. Они оказывают на человека огромное идеологическое воздействие. Уже с начала века (точнее, с зарождением геополитики — крайне идеологизированного учения о территориальных отношениях между государствами) карты стали интенсивно использоваться для манипуляции общественным сознанием.

В ходе развития цивилизации человек выработал два, в принципе равноправных языка для записи, хранения и передачи информации — знаковый (цифра, буква) и иконический (визуальный образ, картинка). На пути соединения этих двух языков совершенно

¹ В конце 70-х годов комиксы «Лилль Абнер» печатались в США в более чем 1000 газет и имели 80 миллионов читателей ежедневно. Джон Стейнбек выдвигал Аль Каппа на Нобелевскую премию по литературе.

особое место занимает изобретение карты — важная веха в развитии культуры.

Карта как способ «свертывания» и соединения разнородной информации обладает не просто огромной, почти мистической эффективностью. Карта имеет не вполне еще объясненное свойство — она «вступает в диалог» с человеком. Карта — инструмент творчества, так же, как картина талантливого художника, которую зритель «додумывает», дополняет своим знанием и чувством, становясь соавтором художника. Карта мобилизует пласты неявного знания работающего с нею человека (а по своим запасам неявное, неформализованное знание превышает знание осознанное, выражаемое в словах и цифрах). В то же время карта мобилизует подсознание, гнездящиеся в нем иррациональные установки и предрассудки, — надо только умело подтолкнуть человека на нужный путь работы мысли и чувства. Как мутное и потрескавшееся волшебное зеркало, карта открывает все новые и новые черты образа по мере того, как в нее вглядывается человек. При этом возможности создать в воображении человека именно тот образ, который нужен идеологам, огромны. Ведь карта — не отражение видимой реальности, как, например, кадр аэрофотосъемки. Это визуальное выражение представления о реальности, переработанного соответственно той или иной теории, той или иной идеологии.

В то же время карта воспринимается как продукт солидной, уважаемой и старой науки и воздействует на сознание человека всем авторитетом научного знания. Для человека, пропущенного через систему современного европейского образования, этот авторитет столь же непререкаем, как авторитет священных текстов для религиозного фанатика.

Первыми предприняли крупномасштабное использование географических карт для идеологической обработки населения немецкие фашисты. Они быстро установили, что чем лучше и «научнее» выполнена карта, тем сильнее ее воздействие на сознание в нужном направлении. И они не скупались на средства, так что фальсифицированные карты, которые оправдывали геополитические планы нацистов, стали шедеврами картографического издательского дела. Эти карты заполнили учебники, журналы, книги. Их изучение сегодня стало интересной главой в истории географии (и в истории идеологии).

В последние годы фабрикация географических карт (особенно в историческом разрезе) стала излюбленным средством для разжигания национального психоза при подготовке этнических конфликтов. Это — особая «горячая» сфера манипуляции общественным сознанием. Наглядная, красивая, «научно» сделанная карта бывшего расселения народа, утраченных исконных земель и т.д. воз-

действует на подогретые национальные чувства безотказно. При этом человек, глядящий на карту, совершенно незащищен против того текста, которым сопровождают карту идеологи. Карта его завораживает, хотя он, как правило, даже не пытается в ней разобраться.

Мы сами совсем недавно были свидетелями, как во время перестройки идеологи, помахав картой Прибалтики с неразборчивой подписью Молотова, сумели полностью парализовать всякую способность к критическому анализу не только у депутатов Верховного Совета СССР, но и у большинства нормальных, здравомыслящих людей. А попробуйте спросить сегодня: какую же вы там ужасную тайну увидели? Почему при виде этой филькиной грамоты вы усомнились в самой законности существования СССР и итогов второй мировой войны? Никто не вспомнит. А на той карте ничего и не было. Просто наши манипуляторы хорошо знали воздействие самого вида карты на сознание. Поскольку тоталитарный контроль над прессой был в их руках и никакие призывы к здравому смыслу дойти до масс не могли, успех был обеспечен.

Новаторская практика фашизма вообще сыграла очень большую роль в привлечении зрительных образов к манипуляции сознанием. Перешагнув через рационализм Нового времени, фашизм «вернулся» к древнему искусству соединять людей в экстазе через огромное шаманское действие — но уже со всей мощью современной технологии. При соединении слов со зрительными образами возник язык, с помощью которого большой и рассудительный народ был превращен на время в огромную толпу визионеров, как в раннем Средневековье.

Сподвижник Гитлера А. Шпеер вспоминает, как он использовал зрительные образы при декорации съезда нацистской партии в 1934 г.: «Перед оргкомитетом съезда я развил свою идею. За высокими валами, ограничивающими поле, предполагалось выставить тысячи знамен всех местных организаций Германии, чтобы по команде они десятками колоннами хлынули по десяти проходам между шпалерами из низовых секретарей; при этом и знамена, и сверкающих орлов на древках полагалось так подсветить сильными прожекторами, что уже благодаря этому достигалось весьма сильное воздействие. Но и этого, на мой взгляд, было недостаточно; как-то случайно мне довелось видеть наши новые зенитные прожектора, луч которых поднимался на высоту в несколько километров, и я выпросил у Гитлера 130 таких прожекторов. Эффект превзошел полет моей фантазии. 130 резко очерченных световых столбов на расстоянии лишь двенадцати метров один от другого вокруг всего поля были видны на высоте от шести до восьми километров и сливались там, навверху, в сияющий небосвод, отчего возникало впе-

чатление гигантского зала, в котором отдельные лучи выглядели словно огромные колонны вдоль бесконечно высоких наружных стен. Порой через этот световой венок проплывало облако, придавая и без того фантастическому зрелищу элемент сюрреалистически отобранного миража».

Немцы действительно коллективно видели «явления», от которых очнулись лишь в самом конце войны. Эти их объяснения (в том числе на Нюрнбергском процессе) принимались за лицемерие, но когда их читаешь вместе с комментариями культурологов, начинаешь в них верить. Например, всегда было непонятно, на что немцы могли надеяться в безумной аванюре Гитлера. А они ни на что не надеялись, ни о каком расчете и речи не было, в них возникла коллективная воля, в которой и вопроса такого не стояло. Немцы оказались в искусственной, созданной языком вселенной, где, как писал Геббельс, «ничто не имеет смысла — ни добро, ни зло, ни время и ни пространство, в которой то, что другие люди зовут успехом, уже не может служить мерой».

Фашисты эффективно использовали зрелища и кино. Они целенаправленно создавали огромные спектакли, в которых реальность теряла свой объективный характер, а становилась лишь средством, декорацией. Режиссером таких спектаклей и стал архитектор А. Шпеер, автор труда «Теория воздействия руин» (иногда его переводят как «Теория ценности руин»). Исходя из этой теории, перед войной был разрушен центр Берлина, а потом застроен так, что планировался именно вид руин, которые потом образуются из этих зданий. Вид руин составлял важную часть документальных фильмов с русского фронта, руины стали языком фашизма с огромным воздействием на психику¹.

В 1934 г. фюрер поручил снять фильм о съезде партии нацистов. Были выделены невероятные средства. И весь съезд с его миллионом (!) участников готовился как съемка грандиозного фильма, целью был именно фильм: «Суть этого гигантского предприятия заключалась в создании искусственного космоса, который казался бы абсолютно реальным. Результатом было создание первого документального фильма, который описывал абсолютно фиктивное событие», — пишет современный исследователь того проекта.

В 1943 г., после разгрома в Сталинграде, Гитлер для подъема духа решает снять во фьорде Нарвит суперфильм о реальном сра-

¹ Поразительно, как долго это сидит в немецких политиках: присоединив ГДР, они приказали разрушить только что застроенный огромными зданиями центр Берлина — новый спектакль, уже демократов. Глядя, с каким вкусом НТВ передавало «сверхдокументальные» снимки руин Грозного, начинаешь думать, что персонал нашего «независимого телевидения» тщательно изучил труды Шпеера.

жении с англичанами — прямо на месте событий. С фронта снимаются боевые корабли и сотни самолетов с тысячами парашютистов. Англичане, узнав о сценарии, решают «участвовать» в фильме и повторить сражение, в котором три года назад они были разбиты. Поистине «натурные съемки» (даже генерал Дитль, который командовал реальной битвой, должен был играть в фильме свою собственную роль). Реальные военные действия, проводимые как спектакль! Вот как высоко ценились зрительные образы идеологами фашизма.

Тогда не удалось — началось брожение среди солдат, которые не хотели умирать ради фильма. И фюрер приказывает начать съемки фильма о войне с Наполеоном. В условиях тотальной войны, уже при тяжелой нехватке ресурсов, с фронта снимается для съемок двести тысяч солдат и шесть тысяч лошадей, завозятся целые составы соли, чтобы изобразить снег, строится целый город под Берлином, который должен быть разрушен «пушками Наполеона» — в то время как сам Берлин горит от бомбежек. Строится серия каналов, чтобы снять затопление Кольберга.

Уроки фашистов были тщательно изучены. Соединение слова со зрительным образом было взято на вооружение пропагандой Запада. Целая серия интересных исследований показывает, как Голливуд подготовил Америку к избранию Рейгана, «создал» рейганизм как мощный сдвиг умов среднего класса Запада вправо. Очень поучительна работа историка кино из США Д. Келлнера «Кино и идеология: Голливуд в 70-е годы». Можно выразить уважение к специалистам: они работали упорно, смело, творчески. Операторы искали идеологический эффект угла съемки, специалисты по свету — свой эффект.

Сегодня главным средством закабаления стал язык телевидения с особым жанром — рекламой, главный смысл которой именно манипуляция сознанием. Но телевидение заслуживает отдельной главы.

§ 3. Иные знаковые системы

Мы не можем подробно обсудить все виды знаковых систем, которые становятся мишенью для воздействий, служащих манипуляции сознанием. Укажем коротко лишь некоторые. Значение одной из них очевидно. Это — язык чисел. В числе, как и в слове, заложены множественные смыслы. Порой кажется, что это — исключительно холодные, рассудочные, рациональные смыслы. Это не так. Изначально числа нагружены глубоким мистическим и религиозным содержанием. Не будем уж углубляться в «число зверя» и вообще каббалистику. Хотя для манипуляции суеверным и религи-

озным сознанием она используется сегодня в самых примитивных политических целях¹.

Заметим, что мистический смысл числа и счета укоренен не только в иудейской и христианской культуре, это — общее явление. Пастух хоть в Туркмении, хоть в тундре никогда не скажет, сколько у него овец или оленей, хотя знает их всех «в лицо». В мультфильме, поставленном по обновленной сказке, зверюшки приходят в ужас, когда заяц, научившись цифрам, их пересчитывает. Они разбегаются с воплем: «Мама, он меня сосчитал!»

Число, как и слово, было изначально связано с *вещью*. Последователи религиозной секты Пифагора считали, что в числе выражена сущность, природа вещи, при этом число не может лгать, и в этом их преимущество перед словом. Пифагорейцы считали даже, что числа — это те матрицы (парадигмы), по которым создаются вещи. Вещи «подражают числам». Через число только и может быть понят мир.

Философ и богослов XV века Николай Кузанский, немало сделавший для подготовки Возрождения, поставил вопрос жестко: «Там, где терпит неудачу язык математики, человеческий дух ничего уже не сможет понять и узнать». Сила «языка чисел» объясняется тем, что он кажется максимально беспристрастным, он не может лгать (особенно если человек вообще спрячется за компьютером). Это снимает с тех, кто оперирует числами, множество ограничений, дает им такую свободу, с которой не сравнится никакая «свобода слова». Один из великих математиков современности Кантор так и сказал: «Сущность математики заключается в ее свободе».

М. Вебер особо отмечает ту роль, которую «дух счета» (*calculating spirit*) сыграл при возникновении капитализма: пуританизм «преобразовал эту «расчетливость», в самом деле являющуюся важным компонентом капитализма, из средства ведения хозяйства в принцип всего жизненного поведения».

Но свобода тех, кто «владеет числом», означает глубокую, хотя и скрытую зависимость тех, кто числа «потребляет». Сила убеждения чисел огромна. Это предвидел уже Лейбниц: «В тот момент, когда будет формализован весь язык, прекратятся всякие несогласия; антагонисты усядутся за столом один напротив другого и скажут: подсчитаем!» Эта утопия означает полную замену качеств

¹ Достаточно упомянуть злободневное выступление в «Независимой газете» главного раввина Москвы Гольдшмита: «Гематрия, один из разделов Каббалы, где дается объяснение явлениям на основе числовых значений слов и понятий, показывает нам, что сумма числовых значений слова «Мицраим» — «Египет» и «СССР» одинаково. Так же и ситуация сейчас во многом сходна». Тот, кто читал книгу «Исход» и знает, какие беды обрушились при этом на Египет, поймет смысл этого предписания раввина верующим евреям. Все обоснование — от числа, из каббалистики.

(ценностей) их количественным суррогатом (ценой). В свою очередь, это снимает проблему выбора, заменяет ее проблемой подсчета. Что и является смыслом тоталитарной власти технократии.

Магическая сила внушения, которой обладает число, такова, что если человек воспринял какое-либо абсурдное количественное утверждение, его уже почти невозможно вытеснить не только логикой, но и количественными же аргументами. Число имеет свойство застревать в мозгу необратимо.

Другая важная знаковая система — *акусфера*, мир звуковых форм культуры. В программировании поведения звуки, воздействующие в основном не на разум, а на чувства, всегда занимали важное место. Слово с его магической силой выросло из нечленораздельных звуков, издаваемых вожаком стаи. Каждый, кто общался с животными, знает, насколько богаты оттенками и как сильно действуют на слушателя вроде бы однообразные звуки — мяуканье кошки, лай собаки, ржанье лошади. Что же касается слова, то его восприятие в большой степени зависит от того, каким голосом оно произнесено. Те, кто служил в армии, знают, например, что такое «командирский голос». Замечу, что виднейшими основателями фонологии — раздела лингвистики, изучающего взаимосвязь между смысловой (семантической) и звуковой компонентами языка, стали выходцы из России Р. О. Якобсон и Н. С. Трубецкой (последнему принадлежит фундаментальный труд «Основы фонологии»).

Мы говорили о «семантическом терроре» — убийстве слов, обладающих глубокими множественными смыслами, или подмене смысла слов, создании новоязов и антиязыков. Но важна и фонетика, произношение слова и фразы вслух. «Язык есть цветение уст». Сказавший эту фразу Хайдеггер подчеркивал: «Чтобы раскрылось бытие во всей своей потаенной явленности, слушающий должен свободно отдать себя власти его слышимого образа».

Выше, в главе 4, упоминались исследования психоаналитиков о том, как действует на подсознание голос политика и как это сказало на восприятии радиодебатов между Кеннеди и Никсоном. Сегодня мы можем наблюдать «научно обоснованную» обширную программу порчи фонетической основы русского языка. Вот кажущееся безобидным дело — замена дикторов радиовещания и телевидения.

За шестьдесят лет русские люди привыкли к определенному типу «радиоголоса» как к чему-то естественному. И мало кто знал, что в действительности в СССР сложилась собственная самобытная школа радиовещания как особого вида культуры и даже искусства XX века. За пару лет до перестройки был я в Мексике, и подсел ко мне за ужином, узнав во мне русского, пожилой человек, профессор из Праги, специалист в очень редкой области — фонетике

радиовещания. Он был в Мехико с курсом лекций и жил в той же гостинице, что и я. Профессор рассказал мне вещи, о которых я и понятия не имел. О том, как влияет на восприятие сообщения тембр голоса, ритм, темп и множество других параметров чтения. И сказал, что в СССР одна из лучших школ в мире, что на нашем радио один и тот же диктор, мастерски владея как бы несколькими «голосовыми инструментами», может в совершенстве зачитать и сообщение из области медицины, и на сельскохозяйственную тему — а они требуют разной аранжировки. Ему казалось удивительным, как в такой новой области, как радиовещание, удалось воплотить старые традиции русской музыкальной и поэтической культуры.

Что же мы слышим сегодня? Подражая «Голосу Америки», дикторы используют чуждые русскому языку тональность и ритм. Интонации совершенно не соответствуют содержанию и часто просто оскорбительны и даже кощунственны. Дикторы проглатывают целые слова, а уж о мелких ошибках вроде несогласования падежей и говорить не приходится. Сообщения читаются таким голосом, будто диктор с трудом разбирает чьи-то каракули. Все это — подкрепление «семантическому террору» со стороны фонетики.

О воздействии музыки на сознание говорить даже не будем. Оно очевидно — стоит вспомнить эффект боевого или траурного марша, песни «Вставай, страна огромная» или выступления рок-ансамбля перед толпой фанатов. О роли музыки в программировании поведения (обычно в совокупности с другими каналами воздействия — словом, пластикой движений и зрительными образами) написано море литературы. С этим вопрос ясен.

Добавлю только, что не менее важной, чем звук, частью акусферы является *тишина*. На мышление, сознание и подсознание человека действует именно чередование звука и тишины — со своим ритмом, интенсивностью. Ницше не раз возвращался к глубокой мысли: «великие события случаются в тишине» («приходят на голубиных лапках»). Если же речь идет о взаимосвязи бытия и политики (а именно здесь лежит проблема манипуляции сознанием), то роль тишины возрастает еще больше. Хайдеггер, который продолжил мысль Ницше об аристократии сильных, посвященных, призванных управлять массой, даже поставил вопрос о создании *сигетики* — техники молчания. Это — «тихая», более или менее подсознательная коммуникация среди посвященных посредством умолчания.

Напротив, чтобы предотвратить возможность зарождения собственных групп элиты (интеллигенции) в массе управляемых, ее нужно полностью лишить тишины. Так на современном Западе возникло явление, которое получило название «демократия шума». Создано такое звуковое (и шумовое) оформление окружающего

пространства, что средний человек практически не имеет достаточных промежутков тишины, чтобы сосредоточиться и додумать до конца связную мысль. Это — важное условие его незащищенности против манипуляции сознанием. Элита, напротив, очень высоко ценит тишину и имеет экономические возможности организовать свою жизнь вне «демократии шума».

Отметим вещь еще менее явную, чем тишина, — сигналы *запахов*. Значение их обычно ускользает. Тот факт, что мир запахов с точки зрения манипуляции сознанием и поведением недооценивается, можно считать странным. Известно, что эта знаковая система оказывает на поведение самое мощное воздействие. Достаточно вспомнить о том, какую роль играют духи как знаки, как носители сообщений в самых тонких человеческих отношениях. Известно также, что метафора запаха используется в пропаганде очень широко. Слова о запахе действуют на особую психическую сферу — воображение, и под воздействием слов человек как бы ощущает тот или иной запах.

Таковыми метафорами полон язык политики, вплоть до ее низкого жаргона. Вспомните: «запахло жареным». Одна из сильнейших метафор — «запах крови». Запуская ее в массовое сознание, политики нередко действительно устраивают небольшой кровавый спектакль, жертвуя некоторым числом жизней, чтобы вызвать психологический шок у граждан.

На практике Запад в полной мере использовал запахи в укреплении культурного ядра общества и предложил людям из всех социальных групп и всех субкультур богатейший «рацион» запахов. Были развиты мощные отрасли промышленности — парфюмерия и косметика, табачных изделий, напитков и т.д., — в которых запах играл ключевую роль. Дизайнеры буквально проектируют запахи ресторанов, отелей, аэропортов, целых кварталов. Тот, кто приезжал на Запад из СССР, первым делом замечал контраст именно в мире запахов.

В последнее время понимание запахов как знаков, сигналов выходит на новый уровень благодаря изучению поведения животных. У «социальных» насекомых запахи вообще служат главным средством обмена информацией. Насекомые выделяют *феромоны* — химические соединения с очень тонкой избирательной активностью. Их запах различают другие особи того же вида, которые, получив сигнал в виде запаха, соответственным образом реагируют на него. Феромоны передают необходимую информацию при спаривании, начале роения, передают сигналы тревоги, приказы пойти в атаку и т.д. В мире насекомых человек уже активно пользуется запахами для воздействия на поведение. Множество лабораторий, не считаясь с усилиями и затратами, выделяет, изучает

и синтезирует феромоны, чтобы обманывать насекомых, подавая им ложные сигналы¹.

Понятно, что манипуляция поведением вредных насекомых качественно повышает возможности человека. Во многих случаях уже не требуется обрабатывать инсектицидами огромные площади. Яд помещается лишь в ловушках с феромонной приманкой. Миллионы таких ловушек установлены, например, в лесах Скандинавии. К ним бредут и в них погибают жуки-короеды.

К сожалению, воспитанный европейской рациональной школой человек утратил традиционное знание о роли запахов в поведении людей. Здесь — потенциально опасный, неприкрытый участок фронта нашей обороны против манипуляции сознанием. Вспоминаю красноречивый случай.

В 1992 г., перед конференцией «Рио-де-Жанейро-92», в Бразилии была проведена серия подготовительных научных симпозиумов. На один из них, в столице Амазонии городе Белен, пригласили меня. В воскресенье нас повезли на экскурсию — крупнейший в Америке рынок Белена. По рекам и протокам на моторках, шаландах и пирогах туда стекаются индейцы Амазонии. Сопровождал нас этнограф из местного университета, сын немца и англичанки, осевших в Бразилии. Наша ученая компания (все, как на подбор, в шортах и черных очках) на этом рынке как-то резала глаз, и мы с китайцем (двое «нецивилизованных») отошли вперед, поодаль, чтобы не было так неудобно. Вдруг сзади, в толпе докторов наук, раздался такой взрыв хохота, что мы невольно бросились назад. Что же случилось?

Это были ряды, где сидели знахари из разных племен, со связками трав, ракушек, каких-то зубов. Наши коллеги стояли около древней старухи, которая расставила и развесила гирлянды пузырьков и баночек. По просьбе нашего гида старуха доставала и откупоривала ту или иную склянку, а он объяснял публике состав и назначение того или иного зелья. И каждый раз его объяснения вызвали какой-то нелепый хохот — вот, мол, какие смешные суеверия сохранились в конце XX века. Старуха была специалист по зельям, воздействующим на любовное поведение. Вот она открыла и подала склянку, в ней спиртовая настойка каких-то трав, среди них кусочек неведомой рыбы. Гид дал нам понюхать, потом пояснил: это духи, запах которых охлаждает любовный пыл и интерес к сопернице. Все нюхают — и опять хохот. Старуха смотрит совершенно безучастно, с каменным лицом (китаец тоже).

¹ Только чтобы определить структуру четырех феромонов долгоносика хлопкового, понадобилось переработать несколько миллионов насекомых. Изучение полового возбудителя американского таракана заняло тридцать лет.

И ведь все это были образованные, культурные люди из Европы и США. Они как будто забыли элементарные вещи. Я завязал с одним разговор. Знаете, говорю, что в Средние века в Европе крепостные ходили по лесам и водили свинью на цепочке — искали для своих сеньоров трюфели? Это он знал, потому что есть очень известная гравюра, изображающая эту сцену. Почему же свинья чует запах трюфели сквозь слой земли в полтора метра? И почему трюфели на ужин были таким изысканным угощением? Этого он уже не знал. А дело в том, что из каприза природы трюфели вырабатывают то же самое вещество, что и кожные железы хрюка в момент его любовного экстаза. Почти неразличимый для человека запах сводит с ума свинью.

Недавно ничтожные количества этого вещества выделили, очистили и изучили. И оказалось, что в такой же ситуации оно выделяется подмышечными железами мужчины. Так что даже неуловимые запахи влияют на поведение людей — хоть в компании ученых из Гарварда, хоть в замке феодала, угощающего свою даму трюфелями. Чего же хохотать над знахарями индейцев? У них на общие для человеческого рода безусловные рефлексы накладывается почти неизвестная нам культура. Европейца волнует запах ладана, создает у него особый духовный настрой. Этот запах ничего не говорит буддисту, но над ним властвует странный для нас запах азиатских курений.

После того случая китаец примирительно сказал мне о докторам из Гарварда: они — большие дети, и к ним нельзя предъявлять слишком больших требований. Но ведь из-за этой детской наивности мы вообще не замечаем целой сферы знаков, которая может стать объектом манипуляции. За ширмой этой наивности, возможно, давно уже ведутся исследовательские разработки. Надо наблюдать.

Глава 6

МЫШЛЕНИЕ: ЕГО ТИПЫ И ОСНАЩЕНИЕ

§ 1. Логическое мышление

Когда мы говорили о словах, числах и других знаках, с помощью которых люди обмениваются информацией и организуют свое мышление, речь шла как бы об атомах «оснащения ума». Однако в ходе своей биологической и культурной эволюции человек выработал и сложно построенные механизмы этого «оснащения». Один из них — рациональное, логичное мышление.

Ницше писал: «Величайший прогресс, которого достигли люди, состоит в том, что они учатся правильно умозаключать. Это вовсе не есть нечто естественное, как предполагает Шопенгауэр, когда говорит: «Умозаключать способны все, судить — немногие», а лишь поздно приобретенное и еще теперь не является господствующим».

Действительно, большинство европейски образованных людей просто не задумывается над тем, насколько хрупким и деликатным является это недавнее приобретение — умение мыслить логически. Дело в том, что психология возникла как наука сугубо европейская, и все ее понятия вначале отражали реальность психики и разума человека современного западного общества. Начиная с середины нашего века глубокое изучение антропологами незападных культур выявило огромную несхожесть типов мышления.

Л. Леви-Брюль обобщил особенности того, что называли первобытным, дологическим или пралогическим мышлением (кое-кто называл его даже патологическим). Сам Леви-Брюль подчеркивал, что термин «первобытное мышление» — условность. Речь просто идет о двух разных мыслительных структурах, которые сосуществуют в одном и том же обществе и даже в одном и том же индивидуальном сознании. То есть в некоторых условиях и человек современной европейской культуры может «переключиться» и начать мыслить пралогично.

Суть «первобытного» мышления в том, что оно не выстраивает цепочки причинно-следственных связей и не сопоставляет свои выводы с опытом. Причины явлений носят, при таком видении мира, мистический характер. Леви-Брюль писал об этом типе мышления: «Оно не антилогично, оно также и не алогично. Называя его пралогическим, я только хочу сказать, что оно не стремится, прежде всего, подобно нашему мышлению избегать противоречия. Оно отнюдь не имеет склонности без всякого основания впадать в противоречия, однако оно и не думает о том, чтобы избежать противоречий. Чаще всего оно относится к ним с безразличием. Этим и объясняется то обстоятельство, что нам так трудно проследить ход этого мышления».

Для нас здесь важно, что манипуляция сознанием, основанная на пралогическом мышлении, как технология невозможна (как импровизация в отдельных конкретных случаях — да). Дело в том, что это мышление непредсказуемо для технолога, он не может вычислить его «алгоритм». Впрочем, особой потребности в манипуляции и не бывало, потому что носителей такого мышления технологи Запада просто уничтожали или загоняли в болота.

Напротив, логическое мышление прозрачно, и его структура прекрасно изучена. Значит, в него можно вторгнуться и исказить программу, лишив человека возможности делать правильные умозаключения. Уже внеся хаос в логическую цепочку, манипулятор достигает очень многого: человек чувствует свою беспомощность и сам ищет поводыря. А если удастся так исказить логическую программу, что человек «сам» приходит к нужному умозаключению, тем лучше. С помощью этих приемов у значительной части населения удастся отключить способность к структурному анализу сообщений и явлений — анализ сразу заменяется идеологической оценкой. Отсюда — кажущаяся чудовищной аморальность, двойные стандарты. На деле же болезнь опаснее: люди стали неспособны именно анализировать. Со стороны даже кажется, что манипулирующая власть специально создает скандально странные ситуации, чтобы объединить своих подданных узами абсурда («верую, ибо абсурдно»).

Вот из Москвы отвезли в ФРГ на суд Хонеккера, поскольку во время его правления солдат заставляли выполнять Закон о границе. Сомневался ли кто-нибудь в легитимности этого закона? Нет, закон вполне нормальный. Сомневался ли кто-нибудь в легитимности самого Хонеккера как руководителя государства? Нет, никто не сомневался — везде его тогда принимали как суверена, воздавая во всех столицах установленные почести. Также никто не сомневался, что юноши, рискующие жизнью на берлинской стене вместо того, чтобы идти уговоренным негласно путем через Болгарию, Югославию и Австрию, делали это исключительно из политических соображений.

Судили Хонеккера по законам другой страны (ФРГ), что никто даже не попытался объяснить. Приложите это к любому другому случаю (например, Клинтон изменил жене в США, и его похищают спецслужбы Саудовской Аравии, где ему на площади отрубает голову — так там наказывается адюльтер!). Но это еще не самое странное. Главное, что говорят, будто стрелять в людей, которые пересекают границу в неустановленном месте без документов, — преступление. И если это случается, то демократия обязана захватить руководителя (или экс-руководителя) такого государства, где бы он ни находился, и отправить его в тюрьму. Ах так? И когда же поведут в тюрьму мадам Тэтчер? Во время ее мандата на границе Гибралтара застрелили сотни человек, которые хотели абсолютно того же — пересечь границу без документов. Когда начнется суд над г-ном Бушем? Ради соблюдения священных законов о границе США каждую осень вдоль Рио-Гранде звучат выстрелы и, получив законную пулю, тонут «мокрые спины». Чего желали эти люди,

кроме как незаконно пересечь границу ради чего-то привлекательного, что было за ней? В чем разница между делом Хонеккера и делом Буша? На берлинской стене за сорок лет погибло 49 человек, а на Рио-Гранде только за 80-е годы застрелены две тысячи мексиканцев (а за сорок лет, наверное, все 10 тысяч). Структурно — разницы никакой, хотя жестокость президентов США просто несопоставима с суровостью руководства ГДР.

Сейчас, когда подведены итоги многих исследований массового сознания в годы перестройки, психологи ввели в оборот термин «искусственная шизофренизация сознания». Шизофрения (от греческих слов «schizo» («расщепляю») + «phren» («ум», «рассудок») — это расщепление сознания. Один из характерных симптомов шизофрении — утрата способности устанавливать связи между отдельными словами и понятиями. Это разрушает связность мышления. Ясно, что если удастся искусственно «шизофренизовать» сознание, люди оказываются неспособными увязать в логическую систему получаемые ими сообщения и не могут их критически осмысливать. Им не остается ничего иного, как просто верить выводам приятного диктора, авторитетного ученого, популярного поэта. Потому что иной выход — с порога отвергать их сообщения, огульно «не верить никому» — вызывает такой стресс, что выдерживать его под силу немногим.

Возможна ли в действительности порча логики у людей с рациональным типом мышления и если возможна, то как она достигается? Первое, на первый взгляд странное утверждение состоит в том, что легче всего разрушение логики и манипуляция достигается в сознании, которое рационально в максимальной степени. Наиболее чистое логическое мышление и беззащитно в наибольшей степени. То мышление, которое «армировано» включениями иррациональных представлений, гораздо устойчивее. Это можно считать опытным фактом: во время перестройки именно интеллигенция оказалась более всего подвержена искусственной шизофренизации, причем с большим отрывом от других социальных групп. Наиболее устойчивым было мышление крестьян.

Маленький, хорошо изученный социологами и психологами эпизод — успешная манипуляция сознанием со стороны компании АО «МММ» (Сергей Мавроди). Это был своего рода большой эксперимент. С помощью сделанной по классическим западным канонам рекламы большую выборку граждан — 7% москвичей — убедили снести свои деньги группе дельцов без всякой разумной надежды получить их обратно. Снесли и сдали — и потеряли. Но даже после этого 75% из них «верят Сергею Мавроди» — и его избирают депутатом парламента. Даже после полного и окончательного кра-

ха, 29 июля 1994 г., тысячи людей стояли в очереди, чтобы купить со скидкой билеты «МММ»¹.

Несколько групп исследователей изучали структуру мышления этих людей, и результат не вызывает сомнения: на некоторое время логика их рассуждений была «расщеплена». При опросах вкладчиков им был задан вопрос: «Понимаете ли Вы, что такая прибыль, которую обещало «МММ», не могла быть заработана?» 60% ответили утвердительно. Да, понимали, что невозможно получить такие высокие дивиденды, но шли и отдавали деньги. Каков же состав вкладчиков АО «МММ»? В основном это представители научно-технической интеллигенции в возрасте до 40 лет. Из них 67% служащие, 9% коммерсанты (тоже в основном бывшие интеллектуалы) и 6% — рабочие. Остальные — пенсионеры и безработные, которые в отношении к типу мышления распределяются в той же пропорции. Таким образом, соотношение интеллигентов и рабочих составляет 13:1. И это при том, что вся реклама «МММ» как бы ориентировалась на Леню Голубкова — простоватого рабочего! Конечно, расчет был и на русский азарт, на то, что русский человек есть в большой мере *homo ludens* — человек играющий. Но все же...

Но продолжим «раскопки смыслов». Вспомним, как произошла рационализация мышления, когда человек Средневековья превращался в современного европейца. Наука, перестраивая мышление на рациональной основе (оставляя Церкви душу, а не ум), разрушала традиционную культуру и традиционный тип сознания. Рационализм стал мощным средством освобождения человека от множества норм и запретов, зафиксированных в традициях, преданиях, табу. Так создавался необходимый для буржуазного общества свободный индивид². Научный метод вышел за стены лабораторий и стал формировать способ мышления не только в других сферах деятельности, но и в обыденном сознании. Уже этим создавалось уязвимое место, ибо большинство проблем, с которыми оперирует обыденное сознание, не укладывается в формализуемые, а тем более механистические, модели научного мышления.

«Никогда не принимать за истинное ничего, что я не познал бы таковым с очевидностью... включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и столь отчетливо, что не дает мне никакого повода подвергать это сомнению», — писал Декарт. Это значит, что из мышления, из «оснащения ума» исключается знание, записанное на языке традиции (оно не познается с оче-

¹ Эти билеты вообще не имели официального статуса ценных бумаг и печатались «на правах рекламной продукции». Но это никого не волновало.

² Мыслители и либерального, и консервативного толка сходятся в том, что процесс этой перестройки мышления был запущен протестантской Реформацией, которая положила начало философии Просвещения, «заменившей народные догматы индивидуальным разумом» (по выражению де Местра).

видностью и не является полностью ясным и отчетливым). Это и есть рационализм. Иной раз философы даже противопоставляют его мышлению (Хайдеггер сказал: «столетиями прославляемый разум, являющийся упрямым противником мышления»).

О разрушении традиций под натиском рационализма К. Лоренц пишет: «В этом же направлении действует установка, совершенно законная в научном исследовании, не верить ничему, что не может быть доказано. Поэтому молодежь «научной формации» не доверяет культурной традиции. Такой скептицизм опасен для культурных традиций. Они содержат огромный фонд информации, которая не может быть подтверждена научными методами».

Чтобы сразу предотвратить кривотолки, обращаю внимание на очень важное уточнение К. Лоренца: установка рационализма совершенно законна в научном исследовании. Ее разрушительное воздействие на оснащение ума сказывается именно тогда, когда ум «выходит за стены научной лаборатории» — когда речь идет об осмыслении реальных, целостных проблем жизни. Приложение к таким проблемам чисто научного метода есть не наука, а научность — незаконная операция, имитация науки. Н. А. Бердяев пишет: «Никто серьезно не сомневается в ценности науки. Наука — неоспоримый факт, нужный человеку. Но в ценности и нужности научности можно сомневаться. Научность есть перенесение критериев науки на другие области духовной жизни, чуждые науке. Научность покинута на вере в то, что наука есть верховный критерий всей жизни духа, что установленному ей распорядку все должны покоряться, что ее запреты и разрешения имеют решающее значение повсеместно... Критерий научности заключает в тюрьму и освобождает из тюрьмы все, что хочет и как хочет... Но научность не есть наука и добыта она не из науки. Никакая наука не дает директив научности для чуждых ей сфер».

Почему «островки традиции», то есть хранящегося в глубинах исторической памяти знания, не подвергаемого сомнению и логическому анализу, укрепляют рациональное мышление? Почему они служат эффективными устройствами аварийной сигнализации? Потому что действуют автоматически и их трудно отключить извне манипуляторами нашего сознания.

Взять ту же аферу «МММ». Ясно, что людей соблазнили возможностью получить большие «легкие» деньги, пустив свои деньги в рост через Мавроди. Как это согласуется с русской культурной традицией? Абсолютно ей противоречит¹. Если взять трехтомный

¹ Заметим, кстати, что в иной культуре традиция как раз поддержала бы соблазн ростовщичества. У протестантов: «Деньги по своей природе плодоносны». У русских деньги по своей природе не плодоносны, нажиться можно либо трудом, либо мошенничеством. Зато у протестантов традиция заставила бы произвести скрупулезный расчет риска и удержала бы от аферы.

труд В. Даля «Пословицы русского народа», то в первом томе можно найти добрую сотню пословиц, которые прямо предупреждают против соблазна легких денег и спекуляций — добра от них не жди («Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою», «Деньга лежит, а шкура дрожит», «Домашняя копейка лучше отхожего рубля», «Избытку убожество ближний сосед» и т.д.). Если бы эти пословицы как отражение «неявного знания» были бы включены в оснащение ума, то при рассуждениях о возможных выгодах вклада в «МММ» они подавали бы тревожные сигналы и многих заставили бы внять голосу здравого смысла. Люди, которых профессиональное образование и характер работы натренировали в рациональном мышлении и в которых подавили традиционные запреты, оказались гораздо податливее к манипуляции, чем люди физического труда с более низким уровнем образования. Это особенно сказалось на людях сравнительно молодых поколений, которых за годы перестройки настроили против традиционных норм их отцов и дедов.

К. Лоренц с глубокой горечью отмечает факт: «Радикальный отказ от отцовской культуры — даже если он полностью оправдан — может повлечь за собой губительное последствие, сделав презревшего напутствие юношу жертвой самых бессовестных шарлатанов. Я уж не говорю о том, что юноши, освободившиеся от традиций, обычно охотно прислушиваются к демагогам и воспринимают с полным доверием их косметически украшенные доктринерские формулы». Подчеркну, что К. Лоренц, этот виднейший антрополог, считает отказ от традиций губительным для устойчивости сознания даже в том случае, если этот отказ полностью оправдан с точки зрения содержания традиции. То есть защитная роль традиции не связана прямо с конкретными запретами (например, «не гонись за легкими деньгами»). Арматура традиции в рациональном мышлении действует как общий механизм, предотвращающий сознание от расщепления.

К. Лоренц в 1966 г. в статье «Филогенетическая и культурная ритуализация» писал: «Молодой «либерал», достаточно поднатренированный в научно-критическом мышлении, обычно не имеет никакого представления об органических законах обыденной жизни, выработанных в ходе естественного развития. Он даже не подозревает о том, к каким разрушительным последствиям может повести произвольная модификация норм, даже если она затрагивает кажущуюся второстепенной деталь. Этому молодому человеку не придется в голову выбросить какую-либо деталь из технической системы, автомобиля или телевизора только потому, что он не знает ее назначения. Но он выносит безапелляционный приговор традиционным нормам социального поведения как пережиткам — нормам как действительно устаревшим, так и жизненно необходимым. Покуда возникшие филогенетически нормы социального по-

ведения заложены в нашем наследственном аппарате и существуют, во благо или во зло, подавление традиции может привести к тому, что все культурные нормы социального поведения могут угаснуть, как пламя свечи».

Осознание этого затрудняется кажущимся парадоксом: именно крайне рационалистический тип мышления, давшего человеку главный метод науки, при выходе за стены лаборатории может послужить средством разрушения логики (рациональности). Крупный современный экономист Л. фон Мизес предупреждал: «Склонность к гипостазированию, т.е. к приписыванию реального содержания выстроенным в уме концепциям,— худший враг логического мышления». Кстати, наши экономисты только этим и занимаются.

Нередко охранительную функцию выполняют традиции, которые кажутся просто мракобесием — они накладывают запрет на точное знание. Бывает, что только после катастрофы становится понятным скрытый охранительный смысл запрета. Израильский политолог Ярон Эзраи писал: «Любопытный пример политического табу в области демографической статистики представляет Ливан, политическая система которого основана на деликатном равновесии между христианским и мусульманским населением. Здесь в течение десятилетий откладывалось проведение переписи населения, поскольку обнародование с научной достоверностью образа социальной реальности, несовместимого с фикцией равновесия между религиозными сектами, могло бы иметь разрушительные последствия для политической системы». Буквально через год после того, как он это опубликовал, Ливан был оккупирован Израилем, и его обязали рационализировать политическую систему. Это повело к гражданской войне, которая тлеет двадцать лет и разрушила цветущую страну¹.

Наряду с традицией, заключающей в себе неявное знание множества поколений, проверенное опытом и здравым смыслом, важную охранительную роль играют включения мистического мироощущения. Прежде всего, конечно, те, которые достигают уровня

¹ Безответственность рационального мышления, презирающего традицию, иногда просто потрясает. Леви-Стросс рассказывает, как в резервации небольшого индейского племени пьяный сын убил отца. Он нарушил табу, а по законам племени убийство соплеменника наказывалось самоубийством. Белый чиновник посылает полицейского-индейца арестовать убийцу, а тот просит не делать этого — парень сидит и готовится к предписанному самоубийству. Если же попытаться его арестовать, он будет обязан защищаться и предпочтет умереть убитым. А если полицейский применит оружие, то и сам станет нарушителем табу. Куда там — что за глупости, что за предрассудки. И все произошло именно так, как и предсказывал полицейский. В ходе ареста он был вынужден стрелять, убил соплеменника, отчитался о выполнении приказа и застрелился.

религии, но не только они. Если вернуться к примеру с соблазном «МММ», то видно: включенные в поток рационального мышления блоки религиозного сознания при таком соблазне породили бы диалог с ветхозаветной заповедью: «есть хлеб свой в поте лица своего». То есть возник бы еще один заслон.

Много сказано о том, что в европейском мышлении именно Реформация произвела переворот, приведший к господству рационалистического взгляда на мир и человека. В то же время такие разные мыслители, как М. Вебер и Ф. Ницше, исходя из разных оснований, подчеркивали авангардную роль в этом движении «париев Запада», евреев. Это — одна из сторон парадоксальной противоречивости их места в западной культуре: охраняя в своей среде устои традиционного общества, евреи были активными и страстными модернизаторами «внешнего» к ним общества. В частности, охраняя в своем мышлении мистическую компоненту, они вне своей общины стремились к предельной «логизации» мышления.

Ницше, сравнивая типы ученых, говорит о влиянии на них «предыстории» — семьи, семейных занятий и профессиональных укладов. Ученые, вышедшие из семьи протестантских священников и учителей, в своем мышлении не доходили до полного рационализма: «они основательно привыкли к тому, что им верят, — у их отцов это было «ремеслом»! Еврей, напротив, сообразно кругу занятий и прошлому своего народа как раз меньше всего привык к тому, чтобы ему верили: взгляните с этой точки зрения на еврейских ученых — Они все возлагают большие надежды на логику, стало быть, на принуждение к согласию посредством доводов; они знают, что с нею они должны победить даже там, где против них налицо расовая и классовая ненависть, где им неохотно верят. Ведь нет ничего демократичнее логики: для нее все на одно лицо, и даже кривые носы она принимает за прямые».

Сегодня, наблюдая печальные плоды перестройки и реформы, мы обязаны с горечью признать, что интеллигенция России шаг за шагом пришла к тому, что отошла от «русского стиля мышления», во всяком случае в том, что касается политических и социальных проблем. Этот русский стиль был особым и заметным явлением в истории мировой культуры, и он как раз был всегда очень устойчив к манипуляции. Его особенностью было сочетание рационализма с включениями традиций и мистики. На это в разных вариациях указывали многие мыслители. А русский поэт Вяч. Иванов сказал в начале века:

Своеначальный жадный ум —
Как пламень, русский ум опасен;
Так он неудержим, так ясен,

Так весел он и так утрюм.

.....
Он здраво мыслит о земле,
В мистической купаясь мгле.

В конце ушедшего века мы видели, что политически активная часть русской интеллигенции впала в какой-то пошлый и наивный рационализм, совершенно вычистив из своих рассуждений и «заветы отцов», и евангельские принципы, и философскую мистику (впрочем, заменив ее дешевыми суррогатами, даже антимистикой — астрологами и Кашпировским). Желая быть «святей папы», они в этом фактически рвут с Западом. Продолжая мысль Канта и Шопенгауэра, молодой Витгенштейн писал: «Мы чувствуем, что даже если даны ответы на все возможные научные вопросы, то наши жизненные проблемы еще даже и не затронуты. После этого, конечно, больше не остается никаких вопросов... Правда, остается не выразимое в словах. Это показывает себя. Это есть мистическое».

В своем походе против мистики наши демократы-позитивисты доходят просто до нелепостей. Вот что пишет, например, в журнале «Вопросы философии» один из их духовных лидеров Н. Амосов: «Бог — материя. Нельзя отказываться от Бога (даже если его нет)... К сожалению, «материальность» Бога, пусть самая условная, служит основанием для мистики, приносящей обществу только вред. Без издержек, видимо, не обойтись...». Эту ахинею интеллектуалы с серьезным видом читают, обдумывают, бормочут про себя: «Бог — материя. Нельзя отказываться от Бога, даже если его нет» — и сознание их расщепляется. Результат печален — полная беззащитность против манипуляции сознанием.

Третий удар по оснащению ума рационализм нанес, вытеснив на обочину мышления «метафизику» — все качественное, неизмеримое и неизрекаемое. Успехи точных наук породили тупую веру в их всемогущество, в возможность «онаучить» все знание. Н. А. Бердяев видел в этом признаки глубокого кризиса сознания. «Никогда еще не было такого желания сделать философию до конца научной, — пишет он в 1914 г. — Так создают для науки объект по существу вненаучный и сверхнаучный, а ценности исследуют методом, которому они неподсудны. Научно ценность не только нельзя исследовать, но нельзя и уловить».

В условиях модернизационного кризиса, как сегодня в России, эта нигилистическая догма исповедуется со страстью фундаментализма. Н. Амосов пишет даже: «Точные науки поглотят психологию и теорию познания, этику и социологию, а следовательно, не останется места для рассуждений о духе, сознании, вселенском Разуме и даже о добре и зле. Все измеримо и управляемо». Это и предвосхитил Е. Замятин в «Мы»: «Если они не поймут, что мы не-

сем им математически безошибочное счастье, наш долг заставить их быть счастливыми».

Рационализм, «вычистивший» из логического мышления и этики метафизику, выродился в нигилизм — отрицание ценностей («Запад — цивилизация, знающая цену всему и не знающая ценности ничего»). Великим философом нигилизма был Ницше, в нашем веке его мысль продолжил Хайдеггер. Сам Хайдеггер прямо указывает на связь между нигилизмом и присущей западной цивилизации идеологией: «Для Ницше нигилизм отнюдь не только явление упадка — нигилизм как фундаментальный процесс западной истории вместе с тем и прежде всего есть закономерность этой истории. Поэтому и в размышлениях о нигилизме Ницше важно не столько описание того, как исторически протекает процесс обесценивания высших ценностей, что дало бы затем возможность исчислять закат Европы,— нет, Ницше мыслит нигилизм как «внутреннюю логику» исторического совершения Запада».

Как преломляется нигилизм в разных культурах — особая большая тема, которую мы не можем развивать. Во всяком случае, в русской культуре он не раз приобретал взрывной характер как раз вследствие сочетания рационализма с глубокой, даже архаической верой. Об этом размышлял Достоевский, а Ницше даже ввел понятие об особом типе нигилизма — «нигилизм петербургского образца (т.е. вера в неверие, вплоть до мученичества за нее)». Но мы пока говорим о западном нигилизме, который мягко, оболочка за оболочкой, снимал защиту разума против манипуляции.

Ницше сказал западному обывателю: «Бог умер! Вы его убили, но дело в том, что вы даже не отдаете себе в этом отчета». Ницше еще верил, что после убийства Бога Запад найдет выход, породив из своих недр сверхчеловека. Такими и должны были стать фашисты. Но Хайдеггер, узнав их изнутри (он хотел стать философом фюрера), пришел к гораздо более тяжелому выводу: «сверхчеловек» Ницше — это средний западный гражданин, который голосует за тех, за кого «следует голосовать». Это индивидуум, который преодолел всякую потребность в смысле и прекрасно устроился в полном обесмысливании, в самом абсолютном абсурде, который совершенно невозмутимо воспринимает любое разрушение; который живет довольный в чудовищных джунглях аппаратов и технологий и пляшет на этом кладбище машин, всегда находя разумные и прагматические оправдания.

Хайдеггер усугубляет и понятие нигилизма: это не просто константа Запада, это активный принцип, который непрерывно атакует Запад, «падает» на него. Это — послание Западу. Хайдеггер нигде не дает и намек на совет человеку, не указывает путей выхода, и вывод его пессимистичен: Запад — мышеловка, в которой про-

изошла полная утрата смысла бытия. И мышеловка такого типа, что из нее невозможно вырваться, она при этом выворачивается наизнанку, и ты вновь оказываешься внутри.

Как все это произошло с Западом — тайна. Философы сходятся в том, что убедительного объяснения этому нет, каждый дает существенные, но недостаточные причины. Здесь и утрата символов и традиций, и создание нового языка, и разрыв человеческих связей, что противопоставило культурную сущность человека его биологическому естеству.

Но нас здесь интересует одна сторона дела — уязвимость «освобожденного от догм» рационального мышления перед манипуляцией. Эта опасность (беззащитность разума перед происками дьявола) побуждала Гёте к поиску особого типа научного мировоззрения, соединяющего знание и ценности. Путь, предложенный Гёте, оказался тупиковым, но важно само его предупреждение. Немецкий ученый В. Гейзенберг, наблюдавший соблазн фашизма, напоминает: «Еще и сегодня Гёте может научить нас тому, что не следует допускать вырождения всех других познавательных органов за счет развития одного рационального анализа, что надо, напротив, постигать действительность всеми дарованными нам органами и уповать на то, что в таком случае и открывшаяся нам действительность отобразит сущностное, «единое, благое, истинное».

В. Гейзенберг подчеркивает важную мысль: нигилизм, разрушая механизмы защиты сознания против манипуляции, может привести и не к рассыпанию общества, не к беспорядочному броуновскому движению потерявших ориентиры людей. Результатом может быть и соединение масс общей волей, направленной на странные, чуть ли не безумные цели. Он пишет: «Характерной чертой любого нигилистического направления является отсутствие твердой общей основы, которая направляла бы деятельность личности. В жизни отдельного человека это проявляется в том, что человек теряет инстинктивное чувство правильного и ложного, иллюзорного и реального. В жизни народов это приводит к странным явлениям, когда огромные силы, собранные для достижения определенной цели, неожиданно изменяют свое направление и в своем разрушительном действии приводят к результатам, совершенно противоположным поставленной цели. При этом люди бывают настолько ослеплены ненавистью, что они с цинизмом наблюдают за всем этим, равнодушно пожимая плечами. Такое изменение воззрений людей, по-видимому, некоторым образом связано с развитием научного мышления».

Ясно, насколько «раскованным» становится мышление, с которого снята цензура устойчивых этических норм. Поразительная легкость, с которой в ходе перестройки людей соблазняли эконо-

мическими авантюрами, во многом объясняется тем, что на время удалось отключить в массовом сознании этические контролирующие механизмы — тот внутренний голос, который спрашивает: «А хорошо ли это будет?» Можно сказать, что проблема Добра и Зла была вообще устранена из мыслительного процесса, все свелось к совершенно пустым рациональным критериям — «эффективности», «рентабельности» и т.п. Помню, задолго до реформы начались разговоры о желательности безработицы, но в этих разговорах считалось просто дурным тоном рассмотреть вопрос в этической плоскости, поразмышлять о страданиях людей, которых безработица коснется. Нет, дебаты были исключительно «рациональными»¹. Акцию по манипуляции сознанием в связи с безработицей мы отдельно рассмотрим ниже.

Внеисторичность очищенного от традиции рационального мышления приводит к тому, что человек теряет способность поместить события в систему координат, «привязанную» к каким-то жестким, абсолютным стандартам. Все становится относительным и взвешивается с какими-то резиновыми гирями неизвестного веса. Идеологи внушили, например, что павшие в 1989—1990 гг. режимы ГДР, Чехословакии и Венгрии были «тоталитарными и репрессивными диктатурами». Эти понятия предполагают, что в стране задушена несогласная с официальной идеологией общественная мысль, а угрожающие режиму действия оппозиции жестоко подавляются.

Как же согласуется это с тем очевидным фактом, что на политической арене этих стран действовали охватывающие большие группы населения и давно оформившиеся идеологические течения? И какими репрессиями против оппозиции пытались защитить себя эти режимы? Очевидцы «бархатной революции» в Праге говорят, что количество ударов дубинками было таково, что на Западе это вообще не считалось бы заслуживающим внимания инцидентом. При демонстрации против введенного Тэтчер нового жилищного налога в Лондоне побитых было в сотни раз больше. Но общественное сознание чехов, воспитанное в условиях «репрессивной диктатуры», таково, что бывший министр внутренних дел был отдан за эти удары под суд. Получается, что если принять единое определение «репрессивной диктатуры», отталкиваясь от ре-

¹ И что интересно: наши «неомальтузианцы» излагают в газетах совершенно новые идеи, но не приходилось слышать, чтобы они говорили это лично в аудитории, глядя людям в глаза. Стесняются. Как мальчик, который пишет мелом на заборе неприличное слово, а возьми его за шиворот и попроси прочесть вслух — захнычет: «Стыдно, дяденька!» Зачем же ты пишешь то, что тебе самому стыдно сказать вслух? А нам приятно читать? Но мальчик таким путем изживает свои комплексы, вырастает нормальным человеком, хоть и портит заборы. А в кого вырастет академик Амосов, которому пошел девятый десяток?

альности Чехословакии, уважаемые государства Запада следует называть кровавыми режимами.

Вообще, осмысление событий в Чехословакии дает огромный материал. Вторжение 1968 г. сплотило либералов всего мира (в отношении них, можно сказать, реализовался лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»). Фактически тогда и началась перестройка в СССР. Но вспомним, против чего возмущались тогда либералы московских кухонь. Против того, что Брежнев раздавил романтическую попытку обновления социализма. Если бы в тот момент кому-то из них доказали, что целью «пражской весны» является вовсе не социализм с человеческим лицом, а реставрация капитализма и развал социалистического лагеря, многие из тогдашних неконформистов пошли бы добровольцами в войска Варшавского договора. Но ведь сегодня-то миф о «пражской весне» рухнул.

Улыбающийся Дубчек с удовольствием сидел в антикоммунистическом парламенте и штамповал законы о возвращении фабрик бывшим владельцам-эмигрантам. Кто же был прав в оценке сути событий — Брежнев или пылкий «коммунист-демократ»? (Мы не обсуждаем, правильные ли средства выбрал Брежнев, ибо спор был не о средствах, а именно о трактовке всего пражского проекта.) Но ни один из этих демократов не сказал сегодня: да, я обманулся относительно «обновителей социализма», и мне сегодня стыдно моей наивности. Или: да, целью пражской весны было вовсе не обновление социализма, но и я только притворялся социалистом, и из КПСС меня вычистили, в общем, правильно. Нет, и «обновители» оказались антисоциалистами, и миф остался незамутненным.

Создавая важный в перестройке миф о чешских диссидентах, идеалистах «социализма с человеческим лицом» и пр., наша демократическая пресса замалчивала известные сведения о том, что многие из этих «идеалистов» на деле — алчные борцы за собственность. Вот один из старейших диссидентов Станислав Деваты (после «бархатной революции» он даже возглавил новый, демократический КГБ) — при новой власти он покупает знакомый русским туристам крупнейший в Праге универмаг Котва. За 100 миллионов долларов! А сколько раз приходилось слышать, что Вацлав Гавел, никому не известный интеллектуал, поднятый наверх диссидентами, — бескорыстный, чуть ли не святой человек, истинный интеллигент. Западные газеты громко сочувствовали его горю — смерти жены. И сам он был в горе и решил отдать все свое состояние в фонд, учрежденный в память покойной. Вернее, почти все — себе, как он выразился, он оставил очень немного, на личные нужды: киностудию «Баррандов», несколько отелей и доходных жилых до-

мов в центре Праги. За это обновление социализма рвали на груди рубаху наши интеллигенты?

Сегодня, когда и социализм демонтирован, и самой Чехословакии уже не существует, я с интересом смог поговорить с некоторыми чехами, и их взгляды можно резюмировать в двух моделях, одинаково далеких от здравого смысла. Старый коммунист, который не изменил своим убеждениям и «вычищен» из Академии наук, так излагал героическую формулу коммунистов: «Не все было плохо в Чехословакии за последние 40 лет». Но это все равно что, умирая, сказать: не все было плохо в этой жизни. Это — тривиальная философия (проще, глупость). Ведь никто на деле и не считает, что «все было плохо», — это просто манихейская метафора и содержит не больше реального смысла, чем матерная ругань¹. И можно лишь поразиться тому, что коммунисты, пережив потрясение, не пришли к вопросу: «А что было плохо в Чехословакии за последние 40 лет?»

Другими словами: в какой из критических моментов послевоенной истории был сделан принципиально неправильный выбор в конкретных исторических условиях именно того момента? Ведь если окажется, что в действительности в эти критические моменты был сделан наиболее разумный выбор, то придется признать, что в сущности (а не в мелочах) коммунисты провели государственный корабль Чехословакии наилучшим образом. Теперь руль у их оппонентов-демократов, и первый итог их правления — распад страны.

И вот беседуешь с молодыми интеллектуалами-антикоммунистами, которые утверждают, что «все было плохо», и всякий раз получается почти один и тот же диалог:

— Является ли реальностью, не зависящей от чехов, что американцы поленились (или пожалели свою кровь) и не освободили Чехословакию от немцев сами, а уступили ее Сталину?

— Да, это факт.

— Мог ли кто-то (например, ты, такой умный) воспрепятствовать приходу советских войск-освободителей?

¹ Это сравнение не так уж поверхностно. На заре перестройки, когда начался бурный рост «чувства собственного достоинства», пришлось наблюдать в автобусе такую сцену: подвыпивший малый в робе строителя добродушно обругал молодого человека, как говорится, интеллигентного вида — «... твою мать». Тот, вопреки обычаю, поднял вопрос на принципиальную высоту: «Вы мою мать лично знали?» Пьянчуга не понял: «Нет, не знал. А что?» — «Так как же вы можете о ней этакое говорить, ее оскорблять?» — интеллигент уже полностью овладел инициативой. «Да что вы, кто ее оскорбляет?» — малый просто изумился. «А вот, вы сказали... мать. Пройдемте со мною», — и будущий новый гегемон даже достал какую-то красную книжечку. Парень сразу протрезвел и попытался воззвать к здравому смыслу: «Да что вы, при чем здесь ваша мать! Это же поговорка такая русская!» Но здравый смысл, похоже, изменил интеллигенции надолго.

— Нет, что за абсурдная идея, их умоляли прийти быстрее.

Так, прошли один критический момент, пойдём дальше.

— Мог ли кто-то в 1948 г. воспрепятствовать резкому повороту к «социализму»?

Соглашается, что нет, никто не мог — эта идея «овладела массами», а интеллигенцией почти поголовно. Но ведь весь путь до 1968 г. был предопределен этим выбором всего общества, как бы мы сегодня этот выбор ни проклинали. Тот, кто этому выбору в тот момент сопротивлялся, был отброшен в сторону. Таких было мало, и нынешний умник не был бы в их числе, даже он сам таких иллюзий не строит. Значит, прошли еще один перекресток. Остается 1968 год. Спрашиваю:

— Почему твой отец — это как бы ты в тот момент — не вышел на улицу с автоматом и не стал стрелять в русских солдат, которых считал оккупантами?

— Да что ж он, идиот, что ли? Ведь нагнали столько войск, что сопротивляться означало разрушить страну.

— Так, значит, «коммунисты» (и прежде всего президент Людвик Свобода) поступили разумно, не призвав народ к войне Сопротивления?

— Конечно, правильно, это было бы самоубийством, тем более что Запад и не собирался нам помочь.

И получается, что во все критические моменты находившиеся у власти коммунисты выбирали из очень малого набора реально имевшихся альтернатив именно ту, которая означала меньше всего травм и страданий для народа и страны. Любой другой выбор предполагал необходимость идти против огромной силы — СССР (идти на «самоубийство»), причем идти против настроений подавляющего большинства своего общества и даже против рекомендаций Запада. Да что же это были бы за политики? И каков же уровень мышления нынешнего умника, который, доведись быть у руля власти ему, все бы сделал иначе и гораздо лучше? О мышлении западного интеллигента в связи с Чехословакией и говорить неудобно: он на себя вообще никакой ответственности за действительность не берет. Но и наши оказываются не более ответственными.

§ 2. Ассоциативное мышление. Метафоры

В фундаментальной «Истории идеологии» сказано, что создание *метафор* — главная задача идеологии. Поэтически выраженная мысль всегда играла огромную роль в соединении людей и программировании их поведения, становилась поистине материальной силой. Метафоры, включая *ассоциативное мышление*, дают огромную экономию интеллектуальных усилий. Именно здесь-то и скрыта ловушка, которую ставят манипуляторы сознанием.

Разумеется, разделить в акте внушения или убеждения воздействие на рациональное мышление, на ассоциативное мышление, на чувства или воображение можно лишь абстрактно. В действительности воздействия на все эти мишени слиты в одной «операции». Однако удельный вес и роль разных «родов оружия» сильно меняются в зависимости от конкретных условий операции, прежде всего от типа культуры аудитории. Общий вывод исследований социодинамики культуры таков:

«При современном состоянии культуры логическая мысль принимает лишь фрагментарное участие в убеждении, выступая в виде коротеньких последовательностей, связующих соседние понятия в поле мышления» (А. Моль). Чем больше давление мозаичной культуры, тем меньшую роль играет логика («полиция нравов интеллигенции»), тем более восприимчиво сознание к манипуляции. Так что нынешнее разрушение университетской культуры в массе населения, наблюдаемое сейчас в России, — абсолютно необходимое условие для прочного господства «демократии».

Место рационального мышления занимает мышление ассоциативное. А. Моль пишет о человеке западного общества: «Мозаичная культура, при которой мы живем, все чаще пользуется способами убеждения, непосредственно основанными на приемах ассоциации идей, применяемых творческим мышлением. Главнейшие из этих приемов были определены Уильямом Джемсом: ассоциация по совмещению (изображение на одной рекламе банана и ребенка), ассоциация по неожиданности, свойственная сюрреализму (разрез печени Венеры Милосской, погружающейся в минеральную воду Виши), ассоциация по смежности (текст, состоящий из заметок, связанных только тем, что они напечатаны рядом на одной странице), ассоциации по звуковому сходству, которыми пользуются авторы рекламных лозунгов и товарных знаков.

На практике эти приемы играют очень важную роль при внушении получателю доводов отправителя наряду с эстетическим способом убеждения, при котором получателя не столько убеждают, сколько «обольщают», с тем чтобы он в конечном счете принял соблазнительное за убедительное. Броское оформление книги, агрессивный эротизм очаровательной блондинки, раздевающейся на обертке туалетного мыла, метеосводка в форме «песни о завтрашнем дне», исполняемой хором девушек, — все это примеры того систематического и исключительно эффективного смешения категорий, которым широко и умело пользуется политическая пропаганда и которое стало поэтому неотъемлемой чертой современной мозаичной культуры».

Известно, что человек, чтобы действовать в своих интересах (а не в интересах манипулятора), должен реалистично определить

три вещи: нынешнее состояние, желательное для него будущее состояние, путь перехода от нынешнего состояния к будущему. Склонность экономить интеллектуальные усилия заставляет человека вместо изучения и осмысления всех этих трех вещей прибегать к ассоциациям и аналогиям: называть эти вещи какой-то метафорой, которая отсылает его к иным, уже изученным состояниям. Чаще всего иллюзорна и сама уверенность в том, что те, иные состояния, через которые он объясняет себе нынешнее, ему известны или понятны. Например, патриот говорит себе: нынешний режим — как татарское иго. Он уверен, что знает, каким было татарское иго, и в этом, возможно, его первая ошибка — и первое условие успеха манипуляции. Вторая ошибка связана с тем, что метафора татарского ига в приложении к режиму Чубайса и Березовского абсолютно непригодна. Здесь — второй источник силы манипулятора.

Похоже, что Запад в его социальных учениях усвоил традицию метафорического мышления больше, чем Россия. А от Запада — и питавшаяся его разработками наша либеральная интеллигенция. Это проявлялось во все критические моменты. Возможно, это произошло в силу дуализма западного мышления, его склонности во всем видеть столкновение противоположностей, что придает метафоре мощностность и четкость: «Мир хижинам, война дворцам!» или «Движение — все, цель — ничто!». Душой европейцы, наши троцкисты явно побивали своими метафорами Сталина, который больше напирал на русские пословицы. «Из ста лодок не построить одного парохода!» — вот поэтическое отрицание индустриализации нашей крестьянской страны. На интеллигенцию действовало.

Историк А. Тойнби на огромном материале показал, что глубокие преобразования начинаются благодаря усилиям небольшой части общества, которое он называл «творческим меньшинством». Оно складывается вовсе не потому, что в нем больше талантов, чем в остальной части народа: «Что отличает творческое меньшинство и привлекает к нему симпатии всего остального населения, — свободная игра творческих сил меньшинства».

В 1985 г. не только рычагами власти, но и умами людей овладела особая, сложная по составу группа, которая представляла собой целое культурное течение, субкультуру советского общества — условно их называют «демократы». За эти годы сменилось, как в хоккее, несколько бригад демократов, еще две-три бригады готовятся, хотя новых кадров почти не появляется — латают и перекрашивают старых. Давайте на минуту забудем о воровстве и поговорим о «культуре демократов».

В окостенелой, нудной и затхлой атмосфере брежневской КПСС демократы предстали как группа с раскованным мышлением, полная свежих метафор, новых лозунгов и аллегорий. Они вели сво-

бодную игру, бросали искры мыслей — а мы додумывали, строили воздушные замки, включались в эту игру. На поверку ничего глубокого там не было, мы попались на пустышку, мы сами создали образ этих демократов — в контрасте с надоевшим Суловым.

Придя к власти в СССР в 1985 г., демократы вбросили в сознание целый букет метафор и просто подавили на время способность к здравому мышлению — всех заворожили. «Наш общий европейский дом», «архитекторы перестройки», «нельзя быть немножко беременной», «пропасть не перепрыгнуть в два прыжка», «столбовая дорога цивилизации», «коней на переправе не меняют» и т.д. И хотя все это товар с гнильцой, плотность бомбардировки была такой, что основная часть общества была подавлена. Она не ответила практически ничем, кроме наивной ругани. Часто блистала газета «Завтра», но это — не ширпотреб, в массы не шло.

Три сильные метафоры, направленные против демократов, были даны, как ни странно, диссидентами самих демократов. «Великая криминальная революция» Говорухина, «Мы целили в коммунизм, а попали в Россию» Зиновьева и «Убийство часового» Лимонова. Но, если разобраться, все они разоружают оппозицию, их внутренняя противоречивость — в пользу демократов. Возьмем афоризм Зиновьева: ведь он означает, что Россия и коммунизм — две разделенные сущности, так что можно целить в одно, а попасть в другое. Плохо, мол, прицелились, надо бы получше — и Россия осталась бы цела (на деле это все равно что сказать: целился в шинель, а попал в сердце).

А что значит «убийство часового»? Кто были часовые СССР? КПСС, армия, КГБ, Верховный Совет. Кто же из них убит? Члены Политбюро? Председатель КГБ Крючков? Депутаты Верховного Совета СССР? Убиты миллионы трудящихся, которые этих часовых содержали и на них надеялись. Да, кое-кого из часовых обезоружили, подкупили или дали пинка под зад. Но никто их не убивал — не было необходимости. Речь идет о сговоре, халатности или беспомощности часового. Причины этого надо понять, но метафора нас дезориентирует.

Рассмотрим отдельно одну метафору, которая была очень популярна на Западе, но в отношении к СССР. По ее типу (*«так жить нельзя»*) потом строилось множество идеологических мифов и внутри СССР.

Один из лидеров мировой социал-демократии, человек очень уважаемый и влиятельный, испанский премьер Фелипе Гонсалес, сказал на заре перестройки в СССР, что он «предпочел бы быть зарезанным в нью-йоркском метро, чем умирать от скуки в Москве». Метафора сильная, первая ее часть сразу воспроизводится воображением. Она загоняет человека в мыслительное пространство ау-

тизма, хотя и с «обратным знаком» — воображение рисует два неприятных положения, связанных нереалистичным соотношением. Но обе воображаемые картины имеют черты действительности, и потому метафора кажется правдоподобной и действует на сознание.

Афоризм Фелипе Гонсалеса имел в среде европейских левых большой резонанс и на время даже стал метафорой, объясняющей суть перестройки западному интеллигенту. Она очень выразительна и представляет собой ключевую схему идеологических утверждений западной интеллигенции сегодня¹. Суть дела в том, что выдающийся деятель использует свой образ и авторитет, чтобы поддержать конкретное политическое течение. Поскольку общественное мнение Запада сильно влияло и на сознание интеллигенции в СССР, заявление Фелипе Гонсалеса представляет для нас и практический интерес.

Не будем обсуждать личные предпочтения Ф. Гонсалеса. Как говорится, «у каждого свой вкус, своя манера — одна любит арбуз, другая любит офицера». Поговорим о методологической конструкции построенной им дилеммы. Она проста, и тем хороша для нашего практикума. Пойдем по пунктам.

1. Заданная доном Фелипе дилемма, создающая два образа, расщепляет сознание, потому что составлена из несоизмеримых частей (более разных, чем арбуз и офицер). Умирать от скуки, даже в Москве, — это аллегория, от скуки не умирают. Умереть от ножа или бритвы — вещь абсолютная. Составление дилемм из двух несоизмеримых частей является инструментом манипуляции.

Почему же манипуляция сознанием в афоризме Гонсалеса эффективна и незаметна? Потому что этот афоризм заставляет человека поверить в рациональное, логическое утверждение, «включив» воображение человека, которое рисует ему совсем иную картину, нежели та, что содержится в явном утверждении. Разберем, в чем заключается эта тонкая подмена.

Задача Гонсалеса — зафиксировать в сознании оценку советской жизни («жизни в Москве»). Эта оценка дается через сравнение с самым страшным фактом — человека зарезают в метро Нью-Йорка. Если бы было сказано: по мне жить в Москве хуже, чем жить в

¹ На respectable обеды, которые обычно даются на Западе приглашенному лектору, во время перестройки с поразительным однообразием повторялась, с небольшими вариациями, одна и та же сцена. Покончив со своим огромным ростбифом, пригорюнивается какой-нибудь видный либерал и гуманист. Вытирает рот салфеткой и вздыхает: «Бедные боснийцы. Похоже, что тысячи их умрут этой зимой...» И вдруг загораются его глаза, и швыряет он салфетку: «Но, черт побери! Это же лучше, чем жить под игом коммунистического режима, какой у них был в Югославии!» Если не утерпишь и удивишься: «Почему же это лучше?» — на тебя смотри, как будто ты сказал что-то неприличное.

Нью-Йорке, никакого эффекта это бы не произвело, это совсем не опорочило бы жизнь в Москве. Но эффект производится тем, что сознание фиксирует страшную оценку жизни в Москве («хуже, чем быть зарезанным»), а воображение рисует риск быть зарезанным, а не факт неминуемой смерти. То есть просто жизнь в Нью-Йорке.

Несоизмеримость частей дилеммы как средство манипуляции дополняется искажением всего ее смысла за счет перехода взятого за эталон образа из рационального мышления в воображение — и эффективность манипуляции многократно возрастает.

2. Предложенная дилемма освобождает человека от минимальной этики рассуждений, ибо сам идеолог лично находится вне каждой из частей дилеммы. Фелипе Гонсалес никогда не спустится в нью-йоркское метро и никогда не будет скучать в Москве. Его конструкция провокационна.

Существует культурная норма (или предрассудок, или даже табу) которая запрещает предлагать как желаемую или приемлемую вещь то, что ты не испытал на собственном опыте. Сказать «я предпочитаю, чтобы в меня воткнули нож (и советую вам предпочитать то же самое)» разрешается только тому, кто это испытал и может сказать, что это действительно не так уж страшно. Но есть веские основания предполагать, что наш социал-демократ, как только нож войдет в его тело — немного, на полсантиметра, — изменит свое мнение и выберет альтернативу поскучать в Москве.

3. Имея в виду под воображаемыми «жителями Москвы» советских людей (об их положении и идет речь), афоризм содержит и другой обман — он задает ложную дилемму. В реальности перед типичным жителем Москвы не стоит альтернатива: скучать в своем городе или ехать в Нью-Йорк и рисковать там своей шкурой в метро. То, что в действительности предлагает дон Фелипе, это перенести упомянутый риск в метро Москвы. Иными словами, разрушить скучный порядок.

При этом Запад устами испанского премьера честно предупреждает, что устранение скучного советского режима неминуемо несет с собой опасность быть зарезанным в метро, как это нередко случается в Нью-Йорке. Но это, заявляет эксперт Запада, которому в Москве в тот момент искренне доверяло большинство населения, наверняка предпочтительно. Тот, кто воспринял это утверждение и включил в свое мироощущение, выполняет ту часть дилеммы, которая ему доступна, а самая доступная часть — способствовать тому, чтобы Москва стала как нью-йоркское метро. По сути, западный идеолог заявил, что создание в Москве обстановки нью-йоркского метро было бы благом для всех жителей Москвы — им стало бы не скучно. Так оно в общем и произошло, обман лишь в том, что

это — благо в целом. Ведь за преодоление скуки чем-то пришлось заплатить, а об этом не было сказано.

4. Дилемма отвергает всю предыдущую философскую модель западной социал-демократии. Тезис, изложенный в форме тонкой (и потому эффективной) метафоры, предлагает шкалу ценностей, которая в явном виде никогда не утверждалась европейскими социалистами. Почему честный и культурный человек, по своим качествам соответствующий образу автора дилеммы, скучает в советской Москве до такой степени, что «предпочитает быть зарезанным»?

Очевидно, речь не идет о худшем качестве конкретных благ («хочу слушать оперу в Ла Скала, а не в Большом театре — иначе зарежьте меня»). Значит, дело в каких-то высших ценностях. Посмотрим, кто реально скучает в Москве, ибо именно идеалы этого человека наш социал-демократ ставит на вершину шкалы ценностей¹.

Прекрасно знал Фелипе Гонсалес, что в одной Москве было больше театров, чем во всей Испании. За ту цену, которую в мадридской забегаловке платят за рюмку пива (чтоб знали наши потребители, пиво там пьют рюмками), в Москве можно было купить пять хороших книг или долгоиграющих пластинок. Доступ к литературе других стран был в Москве того времени несравненно более широким и быстрым, чем в Испании. В Москве работало около 700 тыс. научных работников и конструкторов, которым сам тип работы давал возможность не скучать (то, что сегодня многие из них предпочли торговать у метро, — дело как раз личного выбора). Человек, который высоко ставил именно духовные, культурные и интеллектуальные ценности, не имел оснований скучать в Москве².

Большая часть общества, которую привлекает зрелище спорта, также не имела в Москве оснований для самоубийства от скуки. По своему разнообразию и качеству Москва как спортивная столица имела класс намного выше, чем Мадрид или Саламанка. Тот, кто не только кормил, но и воспитывал своих детей, также не скучал — он имел для этого средства и ему не приходилось оглуплять своих бедных ребят совершенно идиотскими видеозаписями, которыми сынок среднего западного интеллигента питается с двух лет.

¹ Конечно, это имеет лишь методологический смысл. Когда в России скучают, то устраивают революцию или перестройку, и жизнь становится ненадежной и захватывающей. Если за ночь ты теряешь все сбережения или покупательная способность твоей зарплаты снижается в 10 раз, скучными начинают казаться уличные драки в Нью-Йорке.

² Отметим, впрочем, что дилемма дна Фелипе не затрагивает проблемы творческой скуки и тоски — важной духовной компоненты каждого человеческого существа, от которой невозможно убежать в Нью-Йорк. Не будем касаться этой проблемы и мы.

На душу населения в Москве приходилось несравненно больше дружеских застолий с выпивкой, смехом и беседой, чем в любой европейской столице. Говорят, что не было политических игр, которые многих очень привлекают. Тоже неправда. Откуда же взялись все эти плеяды демократов и радикалов? Их импортировали из Парижа? Нет, они три десятилетия «игрались» в Москве, да еще наименее скучным способом: с таинственным видом подпольщиков, но под надежной защитой верхушки КПСС и дружественным похлопыванием по плечу в многочисленных поездках на Запад. А что некоторых «репрессировали» — так какое же без этого подполье, какая героическая борьба и какой тоталитаризм? Все должно было быть как настоящее. Сравнивая две реальности, я утверждаю, что политическая жизнь в Москве, в которую было вовлечено множество интеллигентов, была более интенсивной, чем в Мадриде или Нью-Йорке.

Так с каким же сортом скучающих солидаризуется наш либерал? С очень четко определенной социальной группой. Это те, кого не привлекает ни одно из вышеназванных развлечений, чьи претензии съезжились до самого жалкого потребительства — до потребительства образов. Им не хватало витрин, а не продуктов. Они страдали оттого, что вынуждены были пить пиво из бутылок, а не из жестянок (как на Западе). Страдали потому, что девушки их любили бесплатно — а им хотелось шикарных проституток. Даже в политике их привлекали скандалы и пощечины, которыми обмениваются депутаты в демократических парламентах. В Италии депутаты размахивают мочалками — вот это борьба с коррупцией! Вот это политика!

Очевидно, что существовавший в Москве порядок не удовлетворял жизненных потребностей этой социальной группы и делал их жизнь невыносимо скучной. Без сомнения, это большой дефект всего проекта т.н. «реального социализма». Столь же очевидно, что разрушение этого проекта и взрыв преступности в Москве никак не помогут реально удовлетворить указанные потребности, а предлагают людям этого типа антисоциальный выход, обманчивое ощущение удовлетворенности, получаемое за счет других граждан — и в этом пункте дилемма дона Фелипе также обманывает.

Но подчеркнем главное: в своем афоризме политик апеллирует к интересам и ценностям, которые ни в одном обществе не декларируются как приоритетные. Он представляет носителями высших ценностей те группы людей, которые даже в своем радикальном потребительстве являются маргинальными. Неужели действительно таков реальный смысл нынешней философии социал-демократии? Нет, конечно, афоризм Фелипе Гонсалеса — просто элемент программы манипуляции сознанием.

5. Предложенная дилемма, если ее принять всерьез, означает крах всей антропологической модели левых сил Запада. Человек в ней представлен как стерильный продукт манипуляции, лишенный всякой личной свободы воли. Это — модель, взятая у крайнего бихевиоризма, проникнутого механицизмом и детерминизмом, представляющего человека марионеткой, дергающей ручками под действием «стимулов». Разве человек скучает или радуется в зависимости от политического режима? Даже крыса с вживленными в мозг электродами выглядит более сложным и свободным существом!

Если такова в действительности антропология социал-демократии, то был прав Достоевский, когда, наблюдая эволюцию западного современного общества, предвидел именно это — превращение человека в манипулируемое существо. Чтобы это существо не скучало, это общество дает ему, кроме хлеба земного, разрешение на контролируемый грех (подобно тому как на Западе государство субсидирует продажу презервативов) и веселье детских песенок (вроде голливудского популярного кино). Это именно те три вещи, ради которых лидер Социнтерна якобы согласен пожертвовать свою жизнь нью-йоркским хулиганам. Вернее сказать, приглашает сделать это свою духовную паству¹.

6. Наконец, есть еще тонкий подлог, который можно назвать грехом обсуждаемой дилеммы. Хотя это слово изъято из языка гражданского общества, в моменты тяжелых кризисов, вроде того, который надвигается сегодня, старые понятия приходят на ум.

Любой взрослый знает, что начиная с некоторого возраста человека заботит не столько его собственное существование, сколько жизнь его близких, прежде всего детей. Дилемма, о которой идет речь, была предложена в достаточно общей форме — ведь политики говорят не о собственной персоне, они создают концепцию для общества. Она означает: «для меня, для тебя, для моего сына и для твоего сына предпочтительнее быть зарезанным в метро... и т.д.»

Это не имеет права утверждать даже тот, кого уже резали в метро Нью-Йорка, — а лишь тот, у кого там убили сына. Вот тогда действительно он может выходить в прессу, на телевидение и говорить на весь мир, что у него зарезали сына, и это, оказывается, не так уж страшно («это, черт побери, все же лучше, чем если бы мой любимый сынок скучал в Москве!»). Если ты этого не испытал — тяжелый грех обращаться с таким тезисом к миру, в котором с каж-

¹ Принятие этой модели человека означает разрыв и с христианской антропологией. Это и называл Достоевский «послать Христа на костер» («Великий Инквизитор»), а историк и теолог Романо Гвардини имел это в виду, предупреждая: «Западная цивилизация отбросит секуляризованные христианские ценности, на которых паразитировала».

дым днем погибает все больше сыновей. Погибают и в России, потому что нашей элите, поддержанной всей западной демократией, стало скучно жить в советской Москве.

§ 3. Стереотипы

Метафоры — это готовые штампы мышления, но штампы эстетически привлекательные. Это — выраженные художественно стереотипы. Одним из главных «материалов», с которым орудует манипулятор, являются социальные стереотипы. В словарях сказано: «Социальный стереотип — устойчивая совокупность представлений, складывающихся в сознании как на основе личного жизненного опыта, так и с помощью многообразных источников информации. Сквозь призму стереотипов воспринимаются реальные предметы, отношения, события, действующие лица. Стереотипы — неотъемлемые компоненты индивидуального и массового сознания. Благодаря им происходит необходимое сокращение восприятия и иных информационных и идеологических процессов в сознании...» Обычно стереотипы включают в себя эмоциональное отношение человека к каким-то объектам и явлениям, так что при их выработке речь идет не только об информации и мышлении, а о сложном социально-психологическом процессе.

Ни один человек не может прожить без «автоматизмов» в восприятии и мышлении — обдумывать заново каждую ситуацию у него не хватит ни психических сил, ни времени. Таким образом, стереотипы как необходимый человеку инструмент восприятия и мышления обладают устойчивостью, могут быть выявлены, изучены и использованы как мишени для манипуляции. Поскольку их полезность для человека в том и заключается, чтобы воспринимать и оценивать быстро, не думая, манипулятор может применять их как «фильтры», через которые его жертвы видят действительность¹.

Известный американский журналист Уолтер Липпман в книге «Общественное мнение» (1922) выдвинул целую концепцию *стереотипизации* как основы пропаганды. Он писал: «Из всех средств влияния на человека самым тонким и обладающим исключительной силой внушения являются те, которые создают и поддерживают галерею стереотипов. Нам рассказывают о мире прежде, чем мы его увидим. Мы представляем себе большинство вещей прежде, чем познакоимся с ними на опыте. И эти предварительные представления, если нас не насторожит в этом наше образование, из глубины управляют всем процессом восприятия».

¹ Поэтому один из важных принципов защиты от манипуляции сознанием состоит в «размягчении стереотипных сценариев поведения, расширении диапазона готовых идей и доступных приемов». Понятно, что это требует значительных усилий.

На магической силе стереотипов основана коммерческая реклама и торговые марки. Частое повторение слов и образов создает стереотипное представление о высоком качестве какого-то товара и загоняет это представление в подсознание. При виде торговой марки («Мерседес», «Адидас» и т.д.) мы не думая убеждены, что перед нами хорошая вещь. Работает стереотип. Возникла даже целая «культура» имитации торговых марок — так, чтобы глаз не различал той разницы, которая вносится, чтобы не вступать в конфликт с патентным правом. Один японский фабрикант даже фамилию свою поменял, стал Мичимото Золинген — и выпускает ножи с надписью «М. Золинген». Немцы в суд — бесполезно. Такая мимикрия, которую мы не всегда замечаем, широко распространена¹.

Если удастся подтолкнуть крупные массы людей видеть какое-то общественное явление через нужный манипулятору стереотип, то несогласным становится очень трудно воззвать людей к здравому смыслу, убедить их остановиться, подумать, не принимать скоропалительных опасных решений. Ницше заметил: «Так как недостает времени для мышления и спокойствия в мышлении, то теперь уже не обсуждают несогласных мнений, а удовлетворяются тем, что ненавидят их. При чудовищном ускорении жизни дух и взор приучаются к неполному или ложному созерцанию и суждению, и каждый человек подобен путешественнику, изучающему страну и народ из окна железнодорожного вагона».

Утверждения манипуляторов не обязательно должны совпадать со стереотипами. Прикрытие манипуляции достигается и высказываниями, абсурдно противоречащими стереотипам — важно загнать мышление в накатанную колею. На исходе перестройки сопредседатель движения «Демократическая Россия» А. Мурашев призывал к бойкоту советско-американских переговоров, т.к. они якобы на руку «империи зла». Выступая против поездки Дж. Буша в Москву, он выдал такой перл демократического ума: «Если все же Буш пойдет на нее, демократы проведут в Москве манифестацию под лозунгом: «Буш — пособник коммунистов!»²

¹ Мне подарили калькулятор, хорошая марка — Sharp. Буквы такие знакомые. Только через много лет я вдруг заметил, что на машинке написано «Shrap». А недавно мне подарили электрический чайник марки «Занусси». Этот оказался похуже калькулятора, пришлось с ним помучиться. Разбирая его в очередной раз, я взгляделся в марку: Sanussi! Но написано так, что читается как привычное Zanussi. И у нас такие мастера выросли. На рекламе Стратегического союза ризлтеров — греющийся душу советский «Знак качества». Сразу доверие. Пока не заметишь, что на Знаке написано «ССР», а не «СССР». Но не придерешься — это их новый знак.

² Впрочем, таким образом Мурашев, быть может, пытался показать, что он в то время не получал денег от служб того же Буша (платежные документы как раз тогда просочились в американскую печать).

Задача манипулятора облегчается тем, что стереотипов-мишенной сравнительно немного, особенно у интеллигенции, проникнутой рациональным мышлением (то есть не отягощенной традициями и религиозным видением мира). Такое мышление откладывает в сознании очень небольшую часть всего человеческого опыта, и эта часть «оседает» в памяти в виде стереотипов как заученных и легко узнаваемых готовых целостных умозаключений («если А, то Б»)¹.

В одном английском психологическом детективном романе и преступник и его циничный адвокат на суде успешно манипулировали другими участниками драмы. Подлая женщина волею судеб оказалась опекуном мальчика — наследника большого состояния. Она провоцировала его ненависть. Доведя ее до нужной кондиции, побудила к отчаянному поступку. Мальчик находил утешение в своем кролике, а она под предлогом риска кожных заболеваний его убила (при мальчике засунула в горячую духовку). Потом подбросила газету с описанием убийства — отравления пылью спорыньи, подмешанной в салат. Мальчик сделал то же самое, и они вместе съели миску отравленного салата — ничего другого честному ребенку не оставалось. Она вышла в уборную и очистила желудок, а мальчик умер. Это — сравнительно простая манипуляция на чувствах.

Началось следствие и суд. И следователь, и судья, и адвокат прекрасно все понимали, но прямых улик не было — налицо попытка нервного ребенка убить ненавистную тварь хотя бы ценой своей жизни (мальчик перед смертью даже в этом признался). Приговор зависел от присяжных. И адвокат построил защиту на стереотипах мышления присяжных. Он тщательно изучил каждого по всем возможным источникам, а потом наблюдая за их поведением в суде.

Особо трудным объектом был для него молодой, умный, образованный и чуткий человек. Но адвокат выяснил, что он был марксист, и специально для него часть речи построил на классовом подходе. Подсудимая — из пролетарской семьи, всю жизнь работала на богатых хозяев, создавала им прибавочную стоимость, была отчуждена от образования и культуры, огрубела — но честно выполняла свой долг, как умела. И вот — буржуазное общество ей мстит и т.д. Остальные присяжные ничего в этом куске речи не поняли, для каждого из них был заготовлен свой кусок, на языке именно его стереотипов. Все до одного оправдали убийцу, причем не вызывавшую у них симпатий.

¹ Э. Гуссерль ввел термин «седиментация» — «выпадение в осадок» опыта в виде стереотипов. Этот процесс экономит манипулятору массу сил и средств.

Для успешной манипуляции общественным мнением необходимо иметь надежную «карту стереотипов» разных групп и слоев населения — весь культурный контекст данного общества. Очень большой объем исследований был в этой области выполнен американскими специалистами, работавшими над изучением умонастроений влиятельных групп в зарубежных странах с целью повлиять на эти умонастроения в желательном для США направлении («чтобы внешняя политика США вызвала чувство восхищения или по крайней мере воспринималась без возмущения»). Эта сфера глобальной манипуляции сознанием стыдливо называется в США «публичной дипломатией». Она сформировалась как целая особая область социодинамики культуры¹. Наибольшие усилия в США были предприняты для изучения культурных стереотипов разных групп населения СССР (особенно интеллигенции как главной силы, создающей или разрушающей легитимность государства). С профессиональной точки зрения дотошность и объективность американских советологов восхищает. Нашли струны, на которых играть.

Особенно важно использование стереотипов в «захвате аудитории». «Захват» — одна из главных операций в манипуляции сознанием. В ходе ее выполнения манипулятор привлекает, а затем удерживает внимание аудитории и «присоединяет» ее — делает сторонником своих установок (создает ощущение принадлежности к одному и тому же «мы»). На этой стадии манипулятор подстраивается под стереотипы аудитории, не противоречит им. Его задача — завоевать доверие, он как бы издает клич: «Мы с тобой одной крови — ты и я!»

Видный социальный психолог Ф. Зимбардо советует: «Эффективность коммуникатора возрастает, если он сначала выражает мнения, соответствующие взглядам аудитории... Представляйте одну сторону аргумента, если аудитория в общем дружелюбна. Представляйте обе стороны аргумента, если аудитория уже не согласна с вами или есть вероятность, что аудитория услышит противоположное суждение от кого-нибудь еще». Главное — не заронить у людей подозрение, что ты собираешься ими манипулировать.

Удивительно, но даже ставшим уже ненавистными деятелям манипулирующей идеологической машины удается восстановить доброжелательное отношение аудитории, перейдя на язык близких ее сердцу стереотипов. За 3—4 месяца перед выборами антисоветское телевидение вдруг начинает использовать советскую фразеоло-

¹ Специалисты США изучают достоверное положение дел и не позволяют политикам вести дело тупо. Они, например, установили, что американцы в массе своей легко поверили в то, что Кеннеди был убит сумасшедшим одиночкой, но европейцы в это не верят. Они считают, что был крупный заговор, наличие которого скрывается от общества. Так, версия убийцы-одиночки исключена из пропаганды на Европу.

логию, пускает в эфир советские фильмы и песни — и большинство аудитории размягчается и вновь начинает доверять вчера еще ненавистным дикторам («Смотри-ка, а Миткова изменилась, пришла в разум»).

Чистый, почти учебный пример «захвата» показал обозреватель С. Доренко на 1-м канале российского телевидения 5 февраля 2000 г. Сначала он вполне патриотично провел репортаж из Чечни, хорошо поговорил с генералом Казанцевым, потом с солдатами, все в меру, не раздражая нормального человека. Даже что-то насчет предательства Лебеда и Черномырдина в 1996 г. намекнул. Даже не по себе стало — к чему бы это он заговорил человеческим голосом. И вдруг, без всякого перехода, увязал все это с «предательством руководства ФСБ», которое преследует двух своих бывших сотрудников, якобы «отказавшихся убить Березовского». Это — старая склока между группировками во власти, разобраться в ней мы все равно не можем. Здесь речь о том, как ловко С. Доренко размягчил сознание зрителя, чтобы внушить свою главную политическую идею (кстати, очень разрушительную для государственности вообще).

Как правило, в манипуляции используются стереотипы, которые уже отложились в сознании. Как писал уже в своей первой книге по теории пропаганды Г. Лассуэлл, «задача пропагандиста обычно состоит в том, чтобы способствовать, нежели фабриковать». Но используются готовые стереотипы не прямо, а чаще всего с приемом, который называется *канализование*, или *подмена*, стереотипа. Например, в антисоветской пропаганде очень сильно давили на чувство справедливости и уравнительный идеал советских людей. Стереотип неприязни к нетрудовым доходам постепенно подменили стереотипом неприязни, а потом и ненависти к номенклатуре как якобы эксплуатирующему трудящихся классу. Неудовлетворенность людей *канализовали* на работников управления, тесно связанных с образом государства. Активно был использован этот прием и при разжигании национальных конфликтов. Суть его в том, что постепенно меняется контекст, в который встроены стереотип и образ какой-то социальной группы. И эти маленькие изменения не противоречат привычным стереотипам. Эту мысль высказал уже Геббельс: «Существующие воззрения аудитории могут быть направлены на новые объекты с помощью слов, которые ассоциируются с существующими взглядами».

Часто для манипуляции надо предварительно усилить или даже построить необходимый стереотип — «наездить колею», «нарезать бороздки». Речь обычно идет об иллюзорном стереотипе — внушении ложной идеи или объяснения, так что оно становится привычным и приобретает характер очевидного («если колхозы

разогнать, то будет изобилие продуктов»). Если программа манипуляции имеет долгосрочный характер, как было, например, в перестройке, то такие подготовительные работы можно делать загодя, без всякой манипулятивной нагрузки, не вызывая подозрений.

Если удастся создать и укоренить большой, сильный стереотип, его потом можно долго использовать для самых разных целей. Так, в конце 40-х и в 50-е годы в США были затрачены большие усилия на создание стереотипного представления об СССР как «империи зла», угрожающей интересам всех американцев. Этот стереотип лежал в основе идеологического оправдания холодной войны против СССР. Затем начальные вложения стали давать большие политические дивиденды, многие акции США стало можно оправдывать необходимостью борьбы против «красной угрозы». В 1981 г. модный сегодня на Западе философ Самуэль Хантингтон писал: «Иной раз приходится представлять [интервенцию или другую военную акцию США] таким образом, чтобы создавалось ложное впечатление, будто это — военная акция против Советского Союза. США поступают так со времен доктрины Трумэна». То есть вторжение в Доминиканскую республику или Ливан пришлось бы как-то объяснять, а если это подается как действие против СССР, то никаких обоснований не требуется — работает стереотип.

Иногда политики скрывают свои действия, говоря о них как о чем-то абсурдном и отсылая к аналогиям, отложившимся в сознании как стереотипы. Например, США помогали палачу Камбоджи Пол Поту. Но ведь неудобно! Значит, надо опровергнуть. Как же это опровергалось? Н. Хомский пишет: «В первые послевоенные годы США поддерживали диверсионные группы, созданные Гитлером на Украине и в Восточной Европе. В этом им помогали такие люди, как Рейнхард Гелен, начальник военной разведки нацистов на Восточном фронте, который был назначен ЦРУ руководителем служб шпионажа Западной Германии. Ему было поручено создать «секретную армию» из тысяч членов СС, которая должна была помочь группам, действовавшим внутри Советского Союза. Это настолько не вяжется со здравым смыслом, что один очень хорошо информированный специалист по международным делам из газеты «Бостон глоб», осуждая тайную поддержку США красным кхмерам, привел как верх абсурда такую аналогию: «Это все равно как если бы США подмигивали бы подпольному движению нацистов, которое боролось против Советов в 1945 г.». Но именно это делали США в начале 50-х годов — и не ограничиваясь тем, чтобы только подмигивать!» Стереотип «нельзя помогать врагу союзника» не только защищал ЦРУ от разоблачения в начале 50-х годов, но даже затруднял, по аналогии, разоблачение в 70-е годы.

Антисоветский и антикоммунистический (на деле антирусский) стереотип так силен, что он действует и через много лет после развала СССР и прихода к власти в России антикоммунистов. Вот, в 1996 г. в Австрии обнаружили массовые захоронения расстрелянных людей. Жадное до трупов телевидение с ханжескими предупреждениями («сцена, которую мы покажем, слишком тяжела для восприятия») во всех деталях показало извлечение останков, чуть ли не внутрь черепов свои камеры засовывали. От двух до трех тысяч трупов в одной яме. Кто же расстрелял австрийцев? Само собой, русские. Обозреватель испанской газеты «Паис» пишет с сарказмом: «Русские продолжают быть убийцами по своей природе, такова уж их раса — убивают чеченцев и вообще кого попало. Они такие плохие, потому что были коммунистами? Или они были коммунистами, потому что такие плохие?» И далее сообщает, что вышел конфуз — русские до тех мест в Австрии не дошли. Значит, эти бедные останки принадлежат заключенным какого-нибудь концлагеря, которых нацисты вывезли и расстреляли, чтобы замести следы. Вот ведь гады! Опять конфуз — во всех черепаках здоровые крепкие зубы, следы хорошего питания. Да и остатки тряпок явно офицерские. Никак не могли быть изможденными узниками. Нашелся умный историк, объяснил: это останки австрийских офицеров, расстрелянных Наполеоном. Но археологи над ним посмеялись — не тот культурный слой, не тот возраст останков. Наконец, промелькнуло мало кем замеченное сообщение, что эти массовые расстрелы — дело рук добрых янки, и всякие упоминания об этом событии исчезли. Не укладывается в стереотип! Если бы советские войска были в той зоне Австрии, то никакой проблемы вообще бы не возникло, никто бы ничего не расследовал и не сомневался. Сам Горбачев и Ельцин тут же признали бы.

Эффективная программа по созданию стереотипа была проведена в западной прессе и на телевидении во время войны в Боснии. Она получила название «сатанизация сербов». Если во времена Рейгана идеологи ввели в обиход понятие «империя зла», то это хотя бы формально увязывалось с коммунизмом. Теперь же «исчадием ада» назван довольно большой народ в целом, как этническая общность¹.

Кампания 1993—1995 гг. по сатанизации сербов в западной прессе была большим экспериментом по манипуляции сознанием

¹ Ясно, что такой взгляд означает полный разрыв со всеми философскими принципами Просвещения, на которых, в общем, строились идеологии Запада и их основные понятия — демократии, прав человека, гражданского общества. Наступает новая эпоха. Не только лозунги, но и весь язык наших демократов (особенно Явлинского) попросту теряет смысл. То, куда они нас зовут, уже не существует. Уже нет никакой «столбовой дороги», «возвращения в цивилизации» — даже в виде утопии.

западного обывателя. Были опубликованы и важные статьи, посвященные «сатанизации» сербов как технологии. Главный вывод: если непрерывно и долго помещать слово «серб» в отрицательный контекст (просто включать в описание страшных событий и в окружение неприятных эпитетов), то у телезрителей, независимо от их позиции, возникает устойчивая неприязнь к сербам. Кроме того, надо, разумеется, не давать доступа к телекамере никому из сербов — любая разумная человеческая речь (даже на постороннюю тему) снимает наваждение.

Как показатель того, что неприязнь к сербам была создана, приводилось два события и реакция на них общественного мнения (хотя подобных событий было немало). Первое — обнаружение войсками ООН на территории Сербской Краины, занятой хорватами, массовых захоронений мирных сербских жителей, убитых боевиками в ходе операции «Гроза»¹. Похожие и даже гораздо меньшие преступления сербов вызывали в то время на Западе бурную реакцию и часто бомбардировки. В данном случае реакции не было никакой. Социологи зафиксировали наличие в общественном мнении устойчивого двойного стандарта.

Второе событие — обнаружение в начале 1996 г. того факта, что США переправили боснийским мусульманам оружия на 300 млн. долларов, которые дала Саудовская Аравия. В нарушение эмбарго ООН, которое именно американцы должны были охранять. Эти тайные поставки оружия начались уже при Буше — для подготовки войны в Боснии, но развернулись при Клинтоне. Поставки велись через Хорватию, которая в уплату за соучастие получила половину оружия. Иногда, при необходимости, совершались секретные ночные авиарейсы с оружием в Туслу, к Изетбеговичу. Если бы вскрылся факт нарушения эмбарго в пользу сербов, это повлекло бы огромный международный скандал и репрессии против сербов — с одобрения всей западной публики. В данном же случае — ничего. Стереотип работал.

Хорошо разработана технология «создания» политиков с опорой на стереотипы. Жаргонное слово «раскрутка» обозначает целую систему методов продвижения на высшие уровни политики людей независимо от их личных качеств или уже имеющейся популярности. Одним из сложных стереотипов является *имидж* — специально выстроенный в ходе целой программы действий стереотипный образ политика или общественного деятеля. Как пишут в учебни-

¹ Расследование велось двумя независимыми комиссиями — Миссией наблюдателей Европейского сообщества и группой экспертов ООН по правам человека. Как заявил корреспонденту газеты «Гардиан» некий видный дипломат, поскольку хорваты — союзники Запада, доклады не будут опубликованы: «Существует нечто вроде пакта с Хорватией не открывать этот ящик Пандоры».

ках, в имидже «главное не то, что есть в реальности, а то, что мы хотим видеть, что нам нужно». То есть имидж должен соответствовать активным ожиданиям людей — активным стереотипам массового сознания¹.

Составитель речей Никсона в его избирательной кампании 1968 г. Р. Прайс писал: «Нам надо изменять не человека, а воспринимаемое впечатление. А это впечатление зачастую зависит больше от средств массовой информации, чем от самого кандидата». На самом деле СМИ лишь распространяют, внедряют в сознание образ, разработанный специалистами. Они выбирают главные черты этого образа или исходя из уже готовых и «разогретых» стереотипов массового сознания, или, если позволяет время и средства, предварительно видоизменяют, дорабатывают и усиливают нужные стереотипы.

Широкую известность получили кампании по созданию Рейгана и Тэтчер из «материала», который, казалось бы, никак не позволял надеяться на успех. В известном смысле эти операции и последующее эффективное выполнение искусственно созданными политиками программы теневых правящих кругов («неолиберальная волна») стали переломным моментом в истории. Они с полной очевидностью показали, что всякие демократические иллюзии себя исчерпали. В «демократическом» западном обществе политики создаются и действуют независимо от интересов и даже настроений основной массы избирателей.

Однако классической операцией, завершившей разработку технологии «раскрутки», было не продвижение Рейгана или Тэтчер, а избирательная кампания в сенат США «самодельного миллионера» М. Шаппа в 1966 г. Для нас она интересна тем, что была взята за основу для «создания» Ельцина.

Шапп продвигал видный специалист по политической рекламе президент американской ассоциации политических консультантов и владелец крупной рекламной фирмы Дж. Нейполитен. Шапп — энергичный делец, начавший в 1948 г. с 500 долларами производство телевизионных антенн и к 60-м годам разбогатевший до 12 млн. долларов. За продвижение его в сенат он предложил Нейполитену 35 тыс. долларов и средства на эксперименты с рекламой. Изучив объективные данные, манипулятор составил неуте-

¹ К исходу перестройки общественное сознание в СССР было настолько расщеплено, что многие забойные стереотипы съезжились до самых примитивных формул, а то и до отдельных слов-клише. Это удивительным образом проявилось на выборах в 1989 г. Писатель В. Максимов поражался: «Что же получается? Наша либеральная прогрессивная интеллигенция имеет теперь целый ряд отмычек, с помощью которых она себе обеспечивает интеллектуальный комфорт. Надо только произнести заученное: «демократия», «плюрализм», «дедовщина», «суверенитет» — и вы получаете пропуск в определенную влиятельную часть общества».

шительный портрет: «1. Шапп не известен избирателям. 2. Шапп — еврей (это не послужит поводом для поражения, но и не поможет на выборах). 3. Разведен и женат вторично. 4. Не обладает внушительной внешностью. Он невысок ростом, сутул и, когда улыбается, морщит нос, как кролик; далеко не лучший оратор. Он тянет фразу, вместо того чтобы поставить точку и резко ее оборвать. У него нет опоры в какой-либо организации».

Нейполитен взялся — не столько ради денег, сколько для отработки технологии. Изучив обстановку, он выбрал главный лозунг кампании — «Человек против Машины». Была разработана легенда о противоборстве Шаппа с «аппаратом» — боссами демократической партии, от которой шел Шапп.

Был сделан получасовой игровой, но имитирующий документальность телефильм. За мишень для манипуляции было взято «общечеловеческое» чувство недоверия и недоброжелательства к номенклатуре и бюрократии. Фактически о Шаппе вообще не было речи, ролик просто эффективно разжигал антиноменклатурный психоз. Шапп лишь представлял Человеком, бросившим вызов Машине. В Пенсильвании, где избирался Шапп, за несколько дней перед выборами фильм был показан по телевидению 35 раз (накануне выборов 10 раз). Шапп победил на предварительных выборах, хотя никто из экспертов не допускал такой возможности.

Хотя Шапп проиграл второй тур (как и кандидат в президенты Х. Хэмфри, кампанию которого также вел Нейполитен), полученные в ходе этого эксперимента данные, особенно в отношении телевидения, расширили возможности манипуляции. Для нас интересно подчеркнуть, что на антиноменклатурной волне можно продвинуть абсолютно непригодного по всем показателям человека. А если у него есть и положительные качества (например, высок ростом) и ему помогает сама номенклатура, то успех манипуляции гарантирован.

Для Ельцина был выбран и создан имидж «борца с номенклатурой». Для этого не существовало никакого «реального» материала — ни в биографии, ни в личных взглядах Ельцина. Он сам был едва ли не самым типичным продуктом «номенклатурной культуры». Тем не менее за весьма короткий срок и с небольшим набором примитивных приемов (поездка на метро, визит в районную поликлинику, «Москвич» в качестве персонального автомобиля) имидж был создан и достаточно прочно вошел в массовое сознание. Даже после 1992 г., когда Ельцин в быту и в повадках открыто продемонстрировал крайнее выражение номенклатурного барства, в массовом сознании не возникло ощущения несовместимости двух образов.

ЧУВСТВА

§ 1. Эмоциональное воздействие как предпосылка манипуляции

Столь же важным, как мышление, объектом для манипуляции является сфера *чувств*. Возможно даже, что это — главная или по крайней мере первая сфера, на которую направлено воздействие. Во всяком случае, чувства более подвижны и податливы, а если их удастся «растрепать», то и мышление оказывается более уязвимым для манипуляции. Можно сказать, что в большой манипуляции сознанием игра на чувствах — обязательный этап. Основатель учения о манипуляции сознанием массы Г. Ле Бон писал: «Массы никогда не впечатляются логикой речи, но их впечатляют чувственные образы, которые рождают определенные слова и ассоциации слов».

Чувственная ступень отражения стоит ближе к внешнему миру, чем мышление, и реагирует быстрее, непосредственнее. Поэтому ее легче «эксплуатировать». Дизраэли сказал даже: «То, что называют общественным мнением, скорее заслуживает имя общественных чувств». Если же надо в чем-то убедить массу, то этот процесс может быть начат только с воздействия на эмоции — на освоение логической аргументации масса не пожелает тратить ни усилий, ни времени¹. Вот общий вывод социодинамики культуры: «Толпу убеждают не доводами, а эмоциями. Фактически всякая аргументация опирается на латентные структуры сообщения. Эти структуры носят логический характер лишь в случае сообщений, так или иначе связанных с наукой» (А. Моль). Ницше выразил эту мысль афористично: отношения ума и сердца напоминают любовь, за их соитием следует беременность, причем сердце — мужчина, а ум — женщина.

Кроме того, в области чувств легче создать «цепную реакцию» — заражение, эпидемию чувств. Ле Бон много писал о податливости внушению как общем свойстве толпы: «Первое сформулированное внушение тотчас же передается вследствие заразительности всем умам, и немедленно возникает соответствующее настроение».

¹ Составитель речей Белого дома У. Гэвин был одним из авторов доктрины избирательной кампании Никсона в 1968 г. Он писал: «Избиратели в сущности ленивы и даже не хотят делать усилия, чтобы понять, о чем мы говорим. Разум требует высшей степени дисциплины, концентрации внимания. Много легче обыкновенное впечатление. Разум отталкивает зрителя, логика досажает ему. Эмоции возбуждают, они ближе к поверхности, мягче куются».

Здесь издавна известны явления, которых нет в индивидуальной психике, — подражание, стихийное распространение массового чувства. Уже в Средние века были подробно описаны возникавшие стихийно эпидемии массового чувства, доходившего до уровня истерии или мании. Так, в 1266 г. Италию охватила эпидемия самобичевания, по большей части Европы в 1370 г. распространилась «танцевальная» эпидемия, позже во Франции — мания конвульсионеров, а в Голландии — мания тюльпанов (за луковицу хорошего тюльпана отдавали богатый дом или корабль). Массовые эпидемии чувств наблюдались в годы установления власти фашизма в Германии.

Поэтому общей принципиальной установкой в манипуляции массовым сознанием является предварительное «раскачивание» эмоциональной сферы. Главным средством для этого служит создание или использование кризиса, аномальной ситуации, оказывающей сильное воздействие на чувства. Это может быть крупная технологическая катастрофа, кровавое насилие (акция террористов, преступника-маньяка, религиозный или национальный конфликт), резкое обеднение больших групп населения, крупный политический скандал и т.д.

Особенно легко возбудить те чувства, которые в обыденной морали считаются предосудительными: страх, зависть, ненависть, самодовольство. Вырвавшись из-под власти сознания, они хуже всего поддаются внутреннему самоконтролю и проявляются особенно бурно. Менее бурно, но зато более устойчиво проявляются чувства благородные, которые опираются на традиционные положительные ценности. В манипуляции эффективно используется естественное чувство жалости и сочувствия к слабому, беззащитному. В очень многих ситуациях пассивный манипулятор — тот, кто подчеркивает свою слабость, неспособность и даже нежелание управлять, — оказывается важнейшей фигурой в программе манипуляции. Такую роль играл в годы перестройки А. Д. Сахаров (а также фигуры типа Зиновия Гердта). Они не заменяют активных и жестких манипуляторов, но резко ослабляют психологическую защиту людей.

Для манипуляции сознанием годятся любые чувства — если они помогают хоть на время отключить здравый смысл. Но начинают манипуляторы всегда раскачивать те чувства, которые уже «актуализированы» в общественном сознании. Американский социолог Г. Блумер в работе «Коллективное поведение» пишет: «Функционирование пропаганды в первую очередь выражается в игре на эмоциях и предрассудках, которыми люди уже обладают». Вспомним, как «раскачивали» в советском человеке уязвленное чувство справедливости. Задумаемся над очевидным фактом: со-

ветский человек стал испытывать почти ненависть к номенклатуре — за то, что она пользовалась «льготами и привилегиями». На этой почве и произошло сотворение Ельцина как временного кумира. А сегодня тот же человек, который громил номенклатуру, равнодушно взирает на воров, которые его обобрали и нагло демонстрируют свое несправедливое богатство. Не прощалась черная «Волга» секретаря райкома, но не колет глаз белый «Мерседес» директора АО, хотя бы это был тот же самый бывший секретарь райкома.

Лишь слегка затронем совершенно аналогичный, но очень тяжелый вопрос — кровопролитие. В августе 1991 г. трое юношей погибли при попытке поджога армейских БТР. И хотя никто на этих юношей или на вождей демократии не нападал, их смерть всколыхнула массу людей. Это было воспринято как зверское преступление режима коммунистов. В октябре 1993 г. режим «демократов» устраивает несусветное побоище совершенно непропорциональных масштабов, с множеством явных преступлений против морали и элементарных прав гражданина — и практически никакого возмущения «среднего» человека. В чем тут дело?

Очевидно, что речь не идет о рациональных расчетах. Значит, дело не в ошибочном выборе и не в социальных интересах, а в глубоко уязвленном чувстве. Оставим в стороне вопрос технологии — как удалось уязвить чувство советского человека вопреки его разуму. Ведь уже ясно (хотя люди стыдятся это признать), что льготы и привилегии, которые двадцать лет занимали ум кухонного демократа, — миф. Хонеккер предстал коррумпированным чудовищем, когда интеллигенция ГДР узнала, что у него на даче есть бассейн. Размером 10 метров! Сбежавшая в Испанию сотрудница балета Кубы с ужасом рассказывала на «круглом столе» на телевидении о царящей при Кастро социальной несправедливости: в центральной больнице Гаваны больных из номенклатуры кладут в отдельный зал, куда не попасть простому рабочему. Все так и ахнули. Хотя именно в этот день газеты сообщили, что один из директоров одного из сотни банков Испании не явился на разбирательство какого-то дела, т.к. отбыл на консультацию к врачу в Нью-Йорк на собственном самолете.

Но ведь были искренни и девчонка из балета, и ее собеседники! Значит, они не следовали голосу разума. Ведь холодная логика гласит: любое общество должно создавать верхушке «улучшенные» материальные условия, хотя механизмы создания таких условий различны. Была ли верхушка ГДР, СССР, Кубы так уж прожорлива? Нет, в норме общество отпускало ей крохи материальных благ. Хрущев поохотился разою в Крыму, и это вошло в историю как преступление века. А типичная оргия секретаря обкома заключалась в том, что он мылся в бане, а потом выпивал бутылку коньяка.

Когда Молотов умер в 1986 г., все его состояние равнялось 500 руб. — на похороны (да еще перед этим он отправил 100 руб. в фонд Чернобыля). Даже Брежнев, которому перестроечная пропаганда создала ореол вселенского вора, оставил в наследство, как выяснилось, лишь несколько подержанных иномарок — была такая слабость у руководителя советской империи, любил порулить на хорошей машине.

С точки зрения разумного расчета, руководители высшего звена в СССР были самой «недооплаченной» категорией — это сообщила даже идеолог перестройки Т. И. Заславская. Почему же маленькие блага и слабости вызывали ярость, а к хамской роскоши нуворишей или невероятным доходам директоров-приватизаторов проявляется такая терпимость?

Дело в том, что в глубине сознания, а то уже и в подсознании множества людей жила тайная вера в то, что социализм будет именно царством справедливости и равенства. Той утопией, где люди будут братья и равны. Разрушение этого идеала, к тому же с огромным преувеличением и грубым растравливанием сознания, вызвало приступ гнева, который невозможно было компенсировать доводами рассудка (да их и не давали высказать). Советский проект был изначально основан на утопии, в которую люди поверили: секретарь райкома обязан быть нам братом, а не наемным менеджером. Брат, который тайком объедает семью, вызывает большую ненависть, чем уличный вор, ибо он — изменник. Он судится по совсем иным меркам. И вся перестройка была основана как раз на эксплуатации этой утопии и уязвленного чувства. Вместо того чтобы воззвать к здравому смыслу и сказать: «Героический период в прошлом, пусть секретарь райкома будет у нас просто управляющим», — в людях распалили чувства преданного брата.

Преимущество новой, демократической номенклатуры в том, что она «перестала врать». Более того, телевидение специально убеждает людей, что новые чиновники, как правило, нечисты на руку. Молоденький аппаратчик Бревнов забирает себе жалованья 22 тысячи долларов в месяц — как 100 профессоров МГУ. Ясно, что это — почти неприкрытое воровство. Но особых претензий к нему нет, потому что быть вором менее преступно, чем предателем. Воровство священника, даже малое, потрясает человека, а воровство торговца — нисколько.

Кстати, такое поведение среднего человека совершенно не свидетельствует о том, что он повернулся к капитализму. Даже напротив, глубинная вера в социализм оказалась укоренена в нем гораздо сильнее, чем можно было ожидать. В этой вере было даже что-то языческое, от идолопоклонства. Да и не только в русском человеке. Та красотка из кубинского балета — лучшее свидетельство

торжества идеи социализма. Ведь она уже перешла, сама того не сознавая, на совершенно иные критерии справедливости — и готова уничтожить режим Кастро за то, что он этим критериям не соответствует. К Испании она этих критериев и не думает применять — что требовать от капитализма! Здесь она будет бороться за существование по закону джунглей, согласно местным правилам игры.

Едва ли не главным чувством, которое шире всего эксплуатируется в манипуляции сознанием, является *страх*. Есть даже такая формула: «общество, подверженное влиянию неадекватного страха, утрачивает общий разум». Поскольку страх — фундаментальный фактор, определяющий поведение человека, он всегда используется как инструмент управления.

Уточним понятия. Есть страх истинный, отвечающий на реальную опасность. Этот страх есть выражение инстинкта самосохранения. Он сигнализирует об опасности, и на основании сигнала делается выбор наиболее целесообразного поведения (бегство, защита, нападение и т.д.). Реальный страх может быть чрезмерным, тогда он вредит — в той мере, в какой он искажает опасность. Но есть страх иллюзорный, «невротический», который не сигнализирует о реальной опасности, а создается в воображении, в мире символов, «виртуальной реальности». Развитие такого страха нецелесообразно, а то и губительно.

Различение реального и невротического страха давно волновало философов. Иллюзорный страх даже считался феноменом не человека, а Природы, и уже у Плуларха был назван *паническим* (Пан — олицетворение природы). Шопенгауэр пишет, что «панический страх не сознает своих причин, в крайнем случае за причину страха выдает сам страх». Он приводит слова Роджера Бэкона: «Природа вложила чувство боязни и страха во все живущее для сохранения жизни и ее сущности, для избежания и устранения всего опасного. Однако природа не смогла соблюсти должной меры: к спасительной боязни она всегда примешивает боязнь напрасную и излишнюю».

Разновидностью иллюзорного страха является *маниакальный* страх, когда величина опасности, могущество «врага» многократно преувеличивается, представляется чуть ли не абсолютным, хотя в реальности ему до этого далеко. Крайний случай невротического страха — страх *шизофренический*. Его интенсивность выходит за пределы понимания нормального человека. Это — всегда страх перед человеком, перед общественным окружением, но столь сильный, что никакой связи с действительными возможностями этого окружения нанести ущерб он не имеет. Шизофреники, которые перенесли заключение в самых страшных нацистских концлагерях,

вспоминали, что ужасы этих лагерей переносились несравненно легче, чем приступы страха во время психоза.

Для манипуляции главный интерес представляет именно неадекватный, иллюзорный страх — и способы его создания, особенно в условиях расщепления (шизофренизации) сознания. А также отключение, подавление истинного, спасительного страха — достижение апатии, равнодушия, психологического привыкания к реальной опасности.

Страх как чувство, связанное с инстинктами (то есть биологически присущее человеку), проявляется по-разному в разных культурах. Например, совершенно различны «профили страхов» японцев и жителей Запада. Японцы не боятся божьей кары, загробных мучений, у них нет понятий смертного греха — основных источников страха в «культуре вины» Запада. Зато японцы испытывают сильные страхи перед «чужим», особенно если они роняют перед ним свое достоинство и заставляют стыдиться коллектив. Говорят: Япония — это «культура стыда». Страх позора так силен, что в Японии очень часты самоубийства молодых людей из-за неудач на вступительных экзаменах в университеты¹.

Все доктрины манипуляции сознанием разрабатывались применительно к западной культуре и к «западному» страху (примененные сегодня к России, они дают иногда совершенно неожиданные, порой чудовищные результаты). Поэтому нам надо вспомнить историю этого явления, во многом нам незнакомого, — страх западного человека.

§ 2. Западный страх

Насколько западная «культура страха» необычна для нас, видно даже сегодня. Сейчас, когда мы интенсивно познаем Запад, нам открывается картина существования поистине несчастного. Прямо «Вий» Гоголя — такие демоны и привидения мучают душу западного обывателя². Не случайно тема страха с таким успехом обыгрывается в искусстве. Спрос на «фильмы ужасов» на Западе феноменален, и фильмы А. Хичкока выражают глубинное качество культуры.

Есть у меня довольно близкий приятель из ФРГ, философ. Недавно он рассказал мне, как в 70-е годы был в Москве и обедал в до-

¹ Огромный успех в Японии и на Западе имела книга известного ученого Сити-хэ Ямамото «Японцы и евреи» (он выпустил ее под псевдонимом Исайя Бен-Дасан). В ней он показывает, как исторически формировались совершенно разные «профили страхов» у этих двух очень специфических народов.

² Многие из них были связаны с холодной войной — ядерный психоз и синдром «русские идут» были вовсе не шуткой. Понятно, почему Запад так благодарен Горбачеву. Об этих страхах мы поговорим особо.

ме секретаря их посольства. И за столом, желая сказать что-то существенное, собеседники обменивались записками. Вслух не говорили — боялись подслушивающих устройств КГБ. Я не мог в это поверить и потратил целый час, добиваясь, чтобы мой друг точно воспроизвел ситуацию и объяснил причины этого страха в кругу образованных, неглупых и немолодых людей. Это был болезненный разговор, мой друг страшно разволновался, вообще выглядел странно. Его мучило, что он не мог подыскать ответа на простой вопрос: чего вы боялись? Ведь если ты боишься, то должен иметь хоть какой-то образ опасности. Оказалось, что у той компании солидных дипломатов и философов такого образа просто не было, страх был внутри них и не имел очертаний. У нас произошел примерно такой диалог:

— Скажи, Ганс, вы боялись, что КГБ ворвется в дом и перестреляет собеседников прямо за столом?

— Брось, что за чушь.

— Боялись, что хозяина-дипломата высылат из страны как персону нон-грата?

— Нет, такого никто не думал.

— Боялись, что вас куда-то вызовут и поругают?

— Да нет, все не то. Никто ничего конкретного не предполагал.

Когда я перебрал все мыслимые виды ущерба, вплоть до самых невинных, к которому могло бы повести высказывание вслух застольных мыслей (даже при допущении, что КГБ только и делает, что все их записывает на пленку), в нашем разговоре наступила тягостная пауза, как будто мы затронули что-то важное, чего понять не можем. Стало ясно, что в отношении к СССР (КГБ — его символ) в культурном слое Запада возникла патология. И причины ее — не в СССР, они с его реальностью не связаны. Причины — в мышлении и подсознании этих западных интеллигентов.

Этой патологией Запад сумел заразить, как будто в ухо заразу влил, культурный слой СССР — интеллигенцию, которая единственная продолжает у нас сохранять западнические иллюзии.

Но вернемся к истокам. Можно сказать, что современный Запад возник, идя от волны к волне массового религиозного (еще говорят «экзистенциального» — связанного с Бытием) страха, который охватывал одновременно миллионы людей в Западной Европе. Подобные явления не отмечены в культуре Восточного христианства (например, в русских летописях).

Первое описанное в литературе явление массового страха — охватившее население Западной Европы убеждение в скором приходе антихриста и наступлении Страшного суда на исходе первого тысячелетия. Впечатляет рассказ о том, как папа Сильвестр и император Оттон III встретили новый 1000-й год в Риме в ожидании

конца света. В полночь конец света не наступил, и всеобщий ужас сменился бурным ликованием. Но волна коллективного страха вновь захлестнула Европу — все решили, что кара Господня состоится в 1033 г., через тысячу лет после распятия Христа. Тема Страшного суда преобладала в мистических учениях XI—XII веков¹.

Религиозный ужас был настолько сильным и уже разрушительным, что западная церковь была вынуждена пересмотреть догматы. Ее богословы после долгих дискуссий выработали компенсирующее страх представление о «третьем загробном мире» — чистилище. Его существование было официально утверждено в 1254 г. папой Иннокентием IV. Показательно, что у православной церкви не было никакой необходимости принимать это богословское нововведение.

Другим средством ослабить религиозный страх было установление количественной меры греха и искупления посредством ведения баланса между проступками и числом оплаченных месс, стоимостью подарков церкви и величиной пожертвований монастырям (уже затем был создан прејскурант индульгенций). На этом пути, однако, католическая церковь заронила семя рационализма и Реформации.

Передышка была недолгой, и в XIV веке Европу охватила новая волна коллективного страха. Причин для него было много (страшная Столетняя война, массовое обеднение людей), но главная причина — эпидемия чумы 1348—1350 гг., от которой полностью вымирали целые провинции. Тяжелые эпидемии следовали одна за другой вплоть до XVII века. И именно в связи с чумой выявилась особенность коллективного страха: со временем он не забывался, а чудовищно преображался. При первых признаках новой эпидемии образ предыдущей оживал в массовом сознании в фантастическом и преувеличенном виде.

В XV веке «западный страх» достигает своего апогея. Это видно уже по тому, что в изобразительном искусстве центральное место занимают смерть и дьявол. Представление о них утрачивает связь с реальностью и становится особым продуктом ума и чувства, продуктом культуры. Историк и культуролог Й. Хейзинга в своем известном труде «Осень средневековья» пишет об этом продукте: «содрогание, рождающееся в сферах сознания, напуганного жуткими призраками, вызывавшими внезапные приступы липкого, ледящего страха». В язык входят связанные со смертью слова, для которых даже нет адекватных аналогов в русском языке.

¹ В раннем Средневековье такого страха смерти не было, поскольку в массовом сознании еще были живы старые, языческие представления о загробной жизни, в которых не предусматривалось страшных возмездий за несправедную жизнь.

Таково, например, впервые появившееся в литературном французском языке в 1376 г. важное слово «*macabre*» (многие исследователи пытались выяснить происхождение слова, есть целый ряд несводимых гипотез). Оно вошло во все европейские языки и в словарях переводится на русский язык как погребальный, мрачный, жуткий и т.п. Но эти слова не передают действительного смысла слова *macabre*, он гораздо значительнее и страшнее. В искусстве Запада создано бесчисленное множество картин, миниатюр и гравюр под названием «*La danse macabre*» — «Пляска смерти». Это — целый жанр (главное в нем то, что «пляшет» не Смерть и не мертвец, а «мертвое Я» — неразрывно связанный с живым человеком его мертвый двойник). Пляска смерти стала разыгрываться актерами. В историю вошло описание представления Пляски смерти в 1449 г. во дворце герцога Бургундского¹.

Воздействие темы смерти и страданий на сознание людей в XV веке качественно изменилось благодаря книгопечатанию и гравюрам. Печатный станок сделал гравюру доступной буквально всем жителям Европы, и изображение Пляски смерти пришло практически в каждый дом. Граверы же делали и копии картин знаменитых художников. Более всего копий делалось с картин Иеронима Босха (1460—1516)². Эти картины — концентрированное и гениальное выражение страха перед смертью и адскими муками. Говорят, что Босх создал художественную энциклопедию зла всех видов и форм.

На этом фоне и произошла Реформация — разрыв «протестантов» с Римской католической церковью («вавилонской блудницей»)³. В гуманитарном знании есть такая особая тема: «страх Лютера». Суть ее в том, что Лютер был гениальным выразителем массовых страхов своего времени. У него страх перед дьяволом доходил до шокового состояния, порождал видения и вел к прозрениям. Но Лютер «сублимировал» свои страхи в такое эмоциональное и творческое усилие, что результатом его стали гениальные трактаты и обращения.

¹ Хейзинга комментирует: «Если бы представили себе внешний облик такого спектакля: краски, движения, скольжение света и тени по фигурам танцующих — мы ощутили бы гораздо лучше истовость страха, вызывавшегося Пляской смерти в душах людей того времени».

² Насколько велик был спрос на копии с Босха, говорит такая маленькая хитрость: свои первые гравюры великий художник П. Брейгель-старший подписывал не своим именем, а выдавал за гравюры с картины Босха.

³ Психолог Э. Фромм поясняет: «Самое значительное и длительное воздействие на развитие в Европе и во всем мире оказала все же Реформация. Протестантизм и кальвинизм обратились к чисто патриархальному духу Ветхого завета и устранили материнский принцип из своих религиозных представлений. Материнская любовь церкви и Богородицы не простиралась больше на человека. Он предстал одиноким перед серьезным и строгим Богом, чьей милости мог добиться только благодаря абсолютной покорности».

Нам трудно понять духовную и интеллектуальную конструкцию протестантства, слишком разнятся наши культурные основания, да и конструкция эта очень сложна, в ней много изощренной казуистики. То, что прямо касается нашей темы, упрощенно сводится к следующему.

Лютер собрал под свои знамена столь большую часть верующих Европы потому, что указал путь для преодоления метафизического, религиозного страха. Во-первых, он «узаконил» страх, назвал его не только оправданным, но и необходимым. Человек, душу которого не терзает страх, — добыча дьявола. Во-вторых, Лютер «индивидуализировал» страх, лишил его заразительной коллективной силы. Это произошло в результате отхода от идеи религиозного братства и коллективного спасения души. Отныне каждый должен был сам, индивидуально иметь дело с Богом, причем не столько со Спасителем, сколько с грозным Богом-отцом. И великим даром Христа была уже не благодать, не искупление греха, а истинная вера¹.

Через индивидуальную веру и лежит путь к преодолению страха у Лютера: «Страх излечивается внутренним слышанием Бога в себе». Эта вера стала личным, индивидуальным убежищем от страха. Но произошедшая при отказе от коллективного спасения в свою очередь беспредельно увеличила страх и массовое озлобление, которое надолго погрузило Запад в хаос. «Страх Лютера» породил такую охоту на ведьм, с которой ни в какое сравнение не идут преследования католической Инквизиции (миф о которой — порождение XIX века как часть большой программы манипуляции сознанием). При сравнительно небольшом еще населении Европы, в ходе Реформации здесь были сожжены около миллиона «ведьм».

Но и сами «ведьмы» были переполнены злобой, в большинстве случаев, видимо, шла речь о женщинах с маниакальным синдромом (есть исследования по истории психических заболеваний той эпохи, опирающиеся на анализ протоколов допроса «ведьм»). Ницше пишет о том времени: «Еретики и ведьмы суть два сорта злых людей: что в них есть общего, так это то, что и сами они чувствуют себя злыми, но при этом их неодолимо тянет к тому, чтобы сорвать свою злобу на всем общепринятом (будь то люди или мнения). Реформация — своего рода удвоение средневекового духа ко времени, когда он утратил уже чистую совесть, — порождала их в огромном количестве».

Реформация привела и к Тридцатилетней войне, в которой погибло 3/4 населения Чехии и 2/3 населения Германии. Это навсегда запечатлелось в исторической памяти западного человека. Глав-

¹ Как бы предвидя это, Лютер предупреждал: «разум — шляха дьявола».

ной темой гравюр Дюрера и Гольбейна снова становится смерть — уже как следствие страшных религиозных войн и массовых казней. Масштабы их не поддаются воображению.

Идея смерти и возрождения и по сей день составляет одну из главных тем протестантских проповедников, а в XIX в. она лежала в основе особого жанра проповедей в США — Revivals. Они превращались в массовые спектакли, на которые съезжались люди за сотню миль, в повозках с запасами пищи и постельным бельем на много дней. Осталось подробное описание одного такого сборища в штате Кентукки в августе 1801 г. На него собралось 20 тыс. человек. Проповедники доводили людей до такого ужаса, что они обращались в паническое бегство, а многие падали в обморок, и поляна походила на поле битвы, покрытое распростертыми телами. Поскольку успех проповеди определялся числом «упавших», то велся их точный учет. В один из дней число людей, потерявших сознание от ужаса, составило 3 тыс. человек.

Итог становлению «страха Лютера» подвел датский философ С. Кьеркегор в трилогии «Страх и трепет» (1843), «Понятие страха» (1844) и «Болезнь к смерти» (1849). Здесь страх предстает как основополагающее условие возникновения индивидуума и обретения им свободы. Речь, разумеется, идет не о реальном страхе — «человек сам создает страх».

Кьеркегор пишет: «Страх — это возможность свободы, только такой страх абсолютно воспитывает силой веры, поскольку он пожирает все конечное и обнаруживает всю его обманчивость. Ни один Великий инквизитор не имел под рукой столь ужасных пыток, какие имеет страх, и ни один шпион не умеет столь искусно нападать на подозреваемого как раз в то мгновение, когда тот слабее всего, не умеет столь прельстительно раскладывать ловушки, в которые тот должен попасться, как это умеет страх; и ни один пронизательный судья не понимает, как нужно допрашивать обвиняемого — допрашивать его, как это делает страх, который никогда не отпускает обвиняемого — ни в развлечениях, ни в шуме повседневности, ни в труде, ни днем ни ночью».

Сегодня мы обязаны читать такие вещи, как это ни трудно нам, вскормленным светлым Православием, Пушкиным и русскими сказками. Ведь открыто объявлена сверхзадача перестройки и реформы — сделать нас хотя бы второсортными протестантами, «вернуться в Запад». Надо же нам знать, какими нас бы хотели видеть новые вожди. Где же идеал? Делать жизнь с кого? Чем воспитал себя свободный индивидуум Запада?

И нам говорят — страхом: «Страх становится для него прислуживающим духом, который даже против собственной воли вынужден вести его туда, куда он, охваченный страхом, хочет идти. Пото-

му, когда страх возвещает о своем приходе, когда он хитроумно показывает, что нашел теперь некое совершенно новое средство ужасать, которое намного ужаснее всего, что применялось прежде, он не уклоняется и уж тем более не пытается удержать страх на расстоянии шумом и путаницей — нет, он приветствует приход страха, приветствует его празднично, так же как Сократ радостно принял чашу с ядом, он закрывается ото всех вместе со страхом, он говорит, как пациент перед операцией, когда этой болезненной операции пора начаться: «Ну что ж, теперь я готов». И страх входит в его душу и внимательно осматривает все, и устрашениями выманивает из него все конечное и мелкое, а затем ведет его туда, куда он хочет идти».

Религиозный страх Реформации был усилен социальным страхом от разрушения общины (церковной, крестьянской, ремесленной). Протестантизм был тесно связан с возникновением буржуазного общества и присущего ему индивидуализма. Н. Бердяев, этот философ свободы, писал в книге «Смысл истории» (1923): «В Средние века человек жил в корпорациях, в органическом целом, в котором не чувствовал себя изолированным атомом, а был органической частью целого, с которым он чувствовал связанную свою судьбу. Все это прекращается в последний период новой истории. Новый человек изолируется. Когда он превращается в оторванный атом, его охватывает чувство невыразимого ужаса, и он ищет возможности выхода путем соединения в коллективы». На другие исходы из страха индивида указывает Э. Фромм: «Человек, освободившийся от пут средневековой общинной жизни, страшился новой свободы, превратившей его в изолированный атом. Он нашел прибежище в новом идолопоклонстве крови и почве, к самым очевидным формам которого относятся национализм и расизм». В конечном счете, фашизм — результат параноидального, невыносимого страха западного человека.

Следующую мощную струю страха добавила Научная революция, разрушившая упорядоченный Космос и сбросившая человека с вершины мироздания. Первой реакцией на образ мира, данный Коперником, был страх. Даже великий мыслитель того времени Паскаль признавался: «Вечное безмолвие этих бесконечных пространств страшит меня».

«Страх, создаваемый самим человеком», углубило Просвещение. Казалось бы, весь пафос этого культурного движения, «преодолевающего» религию (недаром его называли неоязычеством), был направлен на освобождение человека от страха посредством возвышения разума, рационального мышления. Заместив Церковь наукой, Просвещение приняло на себя миссию построения светской морали, задающей буржуазную добродетель. Для этого было

воздвигнуто целое здание новой педагогики и новой системы воспитания (включая школу, о которой речь пойдет отдельно).

Культ рациональности в буржуазной культуре неожиданно породил в человеке его Другое — обострил иррациональное (изучавший культуру Китая английский историк Нидхэм назвал это шизофренией европейского мышления, очень специфическим, присущим лишь Западу явлением). Это иррациональное, «природное» в человеке трактовалось в буржуазной морали как нечто угрожающее и постыдное. Под воздействием этой морали в индивидууме возник т.н. «внутренний страх» — страх перед его собственной «непобежденной природой».

Во всей программе Просвещения проблема страха перед природой — центральная. Сама наука явилась выражением воли к власти над Природой, а страх перед нею рассматривался как беспочвенное и даже нездоровое чувство. В донаучном, космическом мироощущении страх перед природой на деле был направлен на то «надприродное», что стоит за всеми явлениями и вещами, это был страх перед Богом. Находясь в центре Вселенной, человек за все отвечал перед Богом.

Просвещение дало совершенно новую картину мира, в которой все вещи и явления природы были представлены как следствия простых, познаваемых и математически выражаемых причин. Бог исчез из природы, а человек, освободившись от ответственности за нее перед Богом, превратился в господина природы (Просвещение называют «теологией господства над природой»). Это устранило иррациональный страх перед природой (остался, конечно, разумный страх перед реальными естественными опасностями, но не об этом страхе речь).

Утрата страха перед внешней природой породила исторически новую форму страха перед природой внутренней (Просвещение — эпоха, которая «страдала от омрачения души»). Никакой социальный слой в истории так не жаловался на неблагополучие своего душевного состояния, как буржуазия эпохи Просвещения. Буржуазное общество стало первым обществом, перенесшим принуждение во внутреннюю сферу — посредством создания внутреннего страха. Будучи оборотной стороной «буржуазной добродетели», этот страх стал одним из главных элементов консолидации гражданского общества. Выражением его стали чувство вины, угрызения совести, подавленная сексуальность (перенесенная в мир подсознания, фантазий и извращений).

Возникла педагогика, требующая тотального господства разума и объявившая войну фантазиям и влечениям как силам, разрушающим рациональное мышление. Это породило в человеке страх перед собственными влечениями как постыдными нарушениями

общественной морали и добродетели. Чем больше «расколдовывался» мир, тем сильнее страх загонялся внутрь. Этому непредусмотренному эффекту от Просвещения посвящали свои труды многие философы XIX и XX веков. Уже наши современники Т. Адорно и М. Хоркхаймер считают, что именно сформулированное Просвещением требование тотального господства разума привело к раздвоению и самоотчуждению человека — болезни современного западного общества¹.

В поисках избавления от страха и перед Богом, и перед моралью буржуазного общества, Ницше пришел к нигилизму, к идее сверхчеловека, вставшего «по ту сторону добра и зла». В этих метаниях он зашел в тупик. «Господствовать — и не быть больше рабом Божьим: осталось лишь это средство, чтобы облагородить людей», — на этом пути пришел он к убийству Бога. «Когда морализируют добрые, они вызывают отвращение; когда морализируют злые, они вызывают страх» — отсюда выросла белокурая бестия, отрицающая мораль.

Когда читаешь о случаях массовой паники в странах «рационального» Запада уже в наше время, больших трудов стоит поверить фактам — настолько они непривычны. Имеется множество описаний коллективного страха, охватившего США во время передачи радиопостановки по роману Г. Уэллса «Война миров».

Дело было в 1938 г. Радиопостановка «Вторжение с Марса» передавалась как репортаж с места событий. Население восточных штатов, на которые вещало радио, в массе своей поверило, что речь идет о реальном событии, и испытало массовый приступ страха. Этот непреднамеренный случай искусственно созданной паники стал предметом многих исследований и дал важное знание. Один из выводов гласил, что условием для такой странной и заразной внушаемости массы американцев была общая неустойчивость эмоциональной сферы, вызванная длительным экономическим кризисом (Великая депрессия) и тем возбуждением, которое породили Мюнхенские соглашения и ожидание войны.

Впоследствии, уже, по сути, в порядке эксперимента, радиопостановка «Вторжение с Марса» была повторена в странах, переживающих социально-экономическую нестабильность или кризис, —

¹ В этой главе мы не рассматриваем целенаправленно создаваемые буржуазным обществом «социальные страхи» — перед голодом, бедностью, безработицей. Будучи поначалу рациональными, со временем эти страхи приобрели на Западе экзистенциальный характер, стали почти религиозными. Виднейший американский социолог Р. Мертон в книге «Социальная теория и социальная структура» (1968) пишет: «Непрекращающаяся конкурентная борьба вызывает острое беспокойство индивидов по поводу своего статуса. Один из способов уменьшения этого беспокойства — постоянное снижение уровня притязаний. Страх вызывает бездействие или, точнее, действие строго в рамках заведенного порядка».

с тем же результатом, что и в США. В ноябре 1944 г. эта передача вызвала массовую панику в Сантьяго де Чили. А в феврале 1949 г. в столице Эквадора Кито вызванная передачей паника закончилась человеческими жертвами, увечьями и сожжением здания радиостанции. Ю. А. Шерковин в книге «Психологические проблемы массовых информационных процессов» описывает другие подобные случаи коллективного страха, создаваемого радиопередачами (по некоторым случаям потом сделали сценарии остросюжетных фильмов).

Для нас интересен вывод книги: вся история систем массовой коммуникации в СССР и социалистических странах не имеет ни одного прецедента, хоть отдаленно напоминающего эти случаи. И дело не только в том, что политика радио не была манипуляционной, — не было манипулируемым само массовое сознание. Паники не удалось бы создать, даже если бы радио этого захотело. Сфера чувств советского человека не была для этого подготовлена всеми историческими культурными условиями.

§ 3. Страхи холодной войны

Новая волна иррационального страха охватила Запад с началом холодной войны. Бесполезно было взывать к рассудку и объяснять, что СССР не желает и не может угрожать США войной. Кумир общественного мнения А. Эйнштейн писал в январе 1948 г.: «Мы не должны забывать, что нет абсолютно никакой вероятности того, что какая-либо страна в обозримом будущем нападет на Соединенные Штаты, и меньше всего Советский Союз, разрушенный, обнищавший и политически изолированный». Бесполезно.

В январе 1951 г. Эйнштейн повторил: «Нынешняя политика Соединенных Штатов создает гораздо более серьезные препятствия для всеобщего мира, чем политика России. Сегодня идет война в Корее, а не на Аляске. Россия подвержена гораздо большей опасности, чем Соединенные Штаты, и все это знают. Мне трудно понять, как еще имеются люди, которые верят в басню, будто нам угрожает опасность. Я это могу объяснить лишь отсутствием политического опыта. Вся политика правительства направлена на превентивную войну, и в то же время стараются представить Советский Союз как агрессивную державу».

Один из разработчиков доктрины Трумена и всей концепции холодной войны, лучший эксперт США по СССР, действительно знаток России, директор Группы планирования госдепартамента США, Дж. Кеннан сказал в 1965 г. о первом этапе холодной войны: «Для всех, кто имел хоть какое-то, даже рудиментарное, представление о России того времени, было совершенно ясно, что советские руководители не имели ни малейшего намерения распростра-

нять свои идеалы с помощью военных действий своих вооруженных сил через внешние границы... [Это] не соответствовало ни марксистской доктрине, ни жизненной потребности русских в восстановлении разрушений, оставленных длительной и изнурительной войной, ни, насколько было известно, темпераменту самого русского диктатора». Таким образом, дошедший до психоза страх перед СССР был вызван вполне сознательно.

Когда готовились планы холодной войны, американский Институт по изучению общественного мнения начал периодические опросы населения США, обращаясь с вопросом: «Ожидаете ли вы войну в течение ближайших 25 лет?» В конце 1945 г. утвердительный ответ дали 32% опрошенных, в 1946 г. — уже 41%, а еще через год — 63%. Речь шла о массовом, охватившем большинство населения страхе. При том, что, как показывают опубликованные в последние годы документы, командование вооруженных сил США конфиденциально признавало, что никакой военной угрозы от СССР не исходило.

Сфабрикованный в США массовый страх стал продуктом крупнейшей (до перестройки) программы по манипуляции сознанием. Именно опираясь на страх, американцев убедили, что СССР угрожает им войной. Это было началом большой трагедии. Известно, что в состоянии иллюзорного страха человек (или целое общество) не способен подойти к угрожающему объекту как субъекту с собственными законными идеалами и интересами, понять его, представить, что он переживает. Единственным желанием становится уничтожение объекта страха.

6 марта 1946 г. в Фултоне Черчилль в присутствии Трумена объявил холодную войну СССР (Ельцин назвал эту речь самой глубокой и умной из всех, какие он слышал). И сразу началась серия выступлений, которые и сегодня-то читаешь с содроганием. На самом деле еще до речи в Фултоне, 14 декабря 1945 г. Объединенный комитет военного планирования США принял директиву, в которой определил 20 городов СССР, по которым предполагалось произвести атомную бомбардировку с использованием всех 196 атомных бомб, которыми располагали США. По мере накопления арсеналов число городов, предназначенных для бомбардировки, возрастало.

Но нас интересует не это, а характер того страха, который овладел средним американцем, когда стало известно, что СССР также стал обладателем атомной бомбы. Это явление известно как «ядерный страх». Он сразу же приобрел черты страха иррационального, так что Федерация ученых-атомщиков США организовала крупное исследование психологов с целью найти средства ввести этот страх в разумные рамки.

Директор Центра истории физики С. Р. Верт, который в течение пятнадцати лет изучал это явление, описывает его в большой книге «Ядерный страх: история образов». С самого начала психологи поставили своей целью «мобилизовать здоровый страх, побуждающий к действию и реализации эффективных мер против реальной опасности войны» — превратить иллюзорный страх в реальный. В целом эта цель не была достигнута, и ядерный страх в США обрел те же черты, что и страх X века, страх перед чумой в XIV веке, «страх Лютера» — черты экзистенциального страха западного человека.

С. Верт описывает, как в стране возникла целая система нагнетания страха, которая вошла в резонанс, так что любые действия и сообщения (например, создание системы гражданской обороны) вместо снижения уровня страха способствовали его росту. В результате в начале 50-х годов эксперты считали, что главную опасность для США составляют уже не сами атомные и водородные бомбы СССР как средства разрушения, а та паника, которая возникла бы в случае войны. С. Верт отмечает также, что подобного страха в СССР не возникло. Он объясняет это тем, что советские средства массовой информации не занимались нагнетанием страха, а интенсивно распространяли знание об использовании атомной энергии в мирных целях. Думаю, однако, что дело не в этом¹.

Длительное и широкое исследование «ядерного страха» дало важное знание. Ученые столкнулись с явлением, затронувшим глубинные слои психики, так что отсутствовали привычные корреляции с социальным положением, уровнем образования или осведомленностью о реальной опасности. Особенно уязвимой оказалась психика молодежи. Здесь наиболее часто наблюдался крайний механизм самозащиты сознания, который срабатывает в безвыходных положениях, — «оцепенение». Это — подавление, отрицание всяких образов опасности, циничная покорность.

С. Верт пишет, что больше всего психологов беспокоил тот факт, что к концу 60-х годов это «оцепенение» охватило и тех, кто по долгу службы был обязан сохранять реалистичное отношение к проблеме, — военных и политических деятелей, а затем и самих исследователей «ядерного страха». Этот факт усилил тревогу, т.к. в массовом сознании возникло сомнение в том, что власти держат ядерную проблему под контролем. Страх с ядерного оружия распространился на атомные реакторы, а затем и на все проявления ядерной энергии. В 70-х годах положение ухудшилось, так как пси-

¹ После черныбыльской катастрофы советские СМИ сделали все возможное, чтобы создать в стране ядерный психоз. Та кампания стала важной главой в перестройке, однако массового иррационального страха вызвать не удалось.

хологи установили, что и персонал атомных станций подпал под воздействие «ядерного страха».

Иррациональность этого страха была видна уже из того, что тяжелейшие технологические катастрофы воспринимались несравненно более спокойно, чем небольшие инциденты на АЭС (например, катастрофа на принадлежащем американской фирме химическом заводе в индийском городе Бхопала, при которой погибло более 2 тысяч человек и более 10 тысяч остались инвалидами). Более или менее серьезная авария на АЭС «Тримайл-Айленд» в Пенсильвании вызвала такую вспышку страха, что пресса всерьез сравнивала ее с Хиросимой и концом света. На основании отчетов многих исследовательских групп, С. Верт пишет, что масштабы той паники не могли быть объяснены лишь воздействием падких на сенсации СМИ: «Это был ядерный страх в действии, всеохватывающий и ненасытный, распространившийся как в среде рядовых граждан, так и в высших сферах власти».

Разумеется, ядерный страх в США использовался в политической рекламе, направленной не только на создание нужного образа «внешнего врага», но и во внутренней политике. Одним из самых сильных политических роликов считается фильм «Дейзи», выпущенный демократами во время выборной кампании 1964 г. Целью было дискредитировать опасного конкурента, правого консерватора республиканца Б. Голдуотера. В фильме маленькая девочка обрывает лепестки ромашки и считает: один, два, три... А потом за кадром мужской голос начинает обратный счет: десять, девять, восемь. При счете ноль — лицо ребенка крупным планом, глаза, полные ужаса, и из них вырастает гриб ядерного взрыва. Фильм был показан всего один раз за два месяца до выборов, но произвел такое впечатление, что множество людей звонило в Белый дом, требуя «остановить Голдуотера». Бедного Барри погубил страх американцев перед ядерной войной.

Сегодня, когда рассекречены многие документы холодной войны, мы с изумлением обнаруживаем, что за многими действиями наших противников, которые выглядели как фанфаронство или цинизм, стоял самый настоящий, искренний, нам совершенно непонятный страх. Дело доходило до курьезов. Два года назад, например, официальные лица США признались, что в 50-е годы на территории нейтральной Австрии без согласования с ее правительством было создано более полусотни тайных складов оружия и боеприпасов. Командование армии США решило, что Советы вот-вот оккупируют Европу, и подготовило базу для партизанской войны (начитались мемуаров батьки Ковпака). Скандал сегодня возник оттого, что секретные карты размещения этих тайников поте-

рялись и многие из складов не удается отыскать. Неплохой подорок для торговцев оружием.

Почему же эта способность создавать в воображении преувеличенный образ страха стала основой для целой стратегии манипуляции сознанием? Потому, что иррациональный страх — очень действенное средство «отключения» здравого смысла и защитных психологических механизмов. Потрясенный страхом человек легко поддается внушению и верит в любое предлагаемое ему «спасительное» средство. Массовый (и часто подсознательный) страх как предпосылка для программирования поведения проверен психологами рекламных агентств в ходе крупных кампаний. Одной из них было создание в США массового рынка холодильников.

Психологи, изучавшие скрытые страхи в период второй мировой войны, пришли к выводу, что американцы испытывают большую потребность в вещах, служащих символом безопасности и стабильности, предсказуемости будущего. У многих был обнаружен комплекс «желания вернуться в детство», символом которого была мать, надежно оберегавшая свое дитя от голода. Эксперты посчитали, что вещь, которая может взять на себя функции такого символа, мог бы стать холодильник: «для многих людей холодильник представляет гарантию, что дома всегда будет еда, а еда в доме обозначает покой, тепло и безопасность».

Исследования показали также, что еда символизирует нечто гораздо большее, чем просто питание. Люди, испытывающие страх перед будущим (страх, никак не связанный с проблемой питания), склонны создавать дома запасы еды, гораздо большие, чем они способны съесть. Запасы еды снимают беспокойство.

История массового спроса на холодильники в США тем более красноречива, что экономическими расчетами и здравым смыслом этот спрос не подкреплялся. В США не было перебоев с продуктами питания. Согласно анализу специалистов, стоимость холодильника, потребляемой энергии и тех продуктов, которые залеживались в холодильниках и выбрасывались на помойку, была такова, что с прагматической точки зрения покупка холодильника была абсолютно бессмысленной. Тем не менее психологи предвидели массовый спрос, было создано массовое производство, реклама исходила из наличия подавленного страха, и расчеты подтвердились.

Аналогичным образом впоследствии был предсказан успех другой вещи-символа, снимающей скрытые страхи, — кондиционера воздуха. Кампания рекламы этого товара представляла его как средство отгородиться от внешнего мира. С кондиционером человек мог спать при закрытых окнах, так что ничего «опасного» не могло проникнуть в жилище извне. Нечего и говорить о том, что в политике выводы психологов и психоаналитиков были использованы в полной мере, часто даже с перебором.

§ 4. Страхи и тип культуры

Когда мы окидываем мысленным взглядом нашу историю, сравнивая с историей становления человека Запада, сразу бросается в глаза эта разница: никогда русскому человеку не вводился в сознание вирус мистического страха. Этого не делало Православие, этого не делали народные сказки про Бабу Ягу. Наши грехи поддавались искуплению через покаяние, и даже разбойник Кудеяр мог надеяться на спасение души.

Выше говорилось об особом «западном» страхе смерти. Русский человек, не утративший исторической памяти, знает, что ничего подобного на Руси не было, несмотря на страшные войны и бедствия. Смерть и проблема спасения души занимали большое место в мыслях и чувствах православного человека, но философия смерти была окрашена лирическим чувством, любовью к земле, оставляемым близким и к тем, кто ушел раньше. В первом томе труда В. Даля «Пословицы русского народа» смерти посвящен самый большой раздел. Но нет в нем ни одной поговорки, отражающей экзистенциальный страх.

Само событие встречи со Смертью представлено поговорками как дело давно продуманное и не представляющее катастрофы: «Умирать — не лапти ковырять: лег под образа, да выпучил глаза, и дело с концом». В смерти человек не только не одинок, он особенно чувствует поддержку братства: «Кабы до нас люди не мерли, и мы бы на тот свет дороги не нашли», «Люди мрут, нам дорогу трут; передний заднему — мост на погост». Даже в прощанье видна теплота: «Помрешь, так прощай, белый свет — и наша деревня!» Й. Хейзинга в главе о европейском восприятии смерти в позднее Средневековье подчеркивает, что в нем совершенно отсутствуют лирические мотивы и теплые нотки — лишь высокий и чистый ужас.

Против страха вечных мук грешного человека выступили все виднейшие русские религиозные философы начала нашего века. В. В. Розанов говорил о всепрощении на небесах рода людского. Близок к нему был Н. А. Бердяев, высказавший мысль, что ад придуман «утонченными садистами». Н. Ф. Федоров считал нелепостью, что «одни (грешники) осуждаются на вечные муки, а другие (праведники) — на вечное созерцание этих мук».

Конечно, со строго богословской точки зрения русские православные философы, видимо, были на грани ереси, но они выражали архетипы национальной культуры. Н. Ф. Федоров ставил даже вопрос о принципиальной возможности через соборность избежать Страшного суда. Н. А. Бердяев писал об этой мысли Н. Ф. Федорова: «Апокалиптические пророчества условны, а не фатальны, и че-

ловечество, вступив на путь христианского «общего дела», может избежать разрушения мира, Страшного суда и вечного осуждения. Н. Федоров проникнут пафосом всеобщего спасения и в этом стоит много выше мстительных христиан, видящих в этой мстительности свою ортодоксальность».

Отсутствие «страха Лютера», породившего протестантскую этику капитализма, приводило и к известной бесшабашности русских в ведении хозяйства, что всегда приводило в отчаяние наших западников. М. Е. Салтыков-Щедрин пишет, как он, впервые поехав за границу, был поражен видом засеянных полей: «Под опасением возбудить в читателе недоверие, утверждаю, что репутация производства так называемых «буйных» хлебов гораздо с большим правом может быть применена к обиженному природой прусскому поморью, нежели к чембарским благословенным пажитям, где, как рассказывают, глубина черноземного слоя достигает двух аршин... Здесь же, очевидно, ни на какие великие и богатые милости не рассчитывали, а напротив, денно и ночью только одну думу думали: как бы, среди песков да болот, с голоду не подохнуть. В Чембаре говорили: а в случае ежели бог дожжичка не пошлет, так нам, братцы, и помирать не в диковину! а в Эйдткунене говорили: там как будет угодно насчет дожжичка распорядиться, а мы помирать не согласны!» Кое-кто выведет отсюда мораль о природной лени православных, а мы о другом — страха не было.

Научная картина мира пришла в Россию, не ошарашенную Реформацией и буржуазной революцией. Она, конечно, воспринималась с трудом, но страха не вызвала. Вот как излагает отношение к коперниканской картине мира русского человека начала нашего века философ А. Ф. Лосев: «Не только гимназисты, но и все почтенные ученые не замечают, что мир их физики и астрономии есть довольно-таки скучное, порою отвратительное, порою же просто безумное марево, та самая дыра, которую ведь тоже можно любить и почитать... Все это как-то неуютно, все это какое-то неродное, злое, жестокое. То я был на земле, под родным небом, слушал о вселенной, «яже не подвигнется»... А то вдруг ничего нет, ни земли, ни неба, ни «яже не подвигнется». Куда-то выгнали в шею, в какую-то пустоту, да еще и матерщину вслед пустили. «Вот-де твоё родина — наплевать и размазать!» Читая учебник астрономии, чувствую, что кто-то палкой выгоняет меня из собственного дома и еще готов плюнуть в физиономию». Ворчит русский человек, но не боится.

В России события развивались иначе. Жестокие правители, от Ивана Грозного до Сталина, внушали русским людям страх вполне разумный, реалистичный. Страх эпохи сталинизма, о котором нам поведали в перестройку либеральные интеллигенты, есть, по всем

признакам, именно «западный» страх. Недаром многие считали все эти выступления Ю. Афанасьева, Д. Лихачева и Л. Разгона неискренними, чистой «идеологией». Видимо, простые люди ошибались — страх элиты был настоящим, но он был чужим для тех, кого не овеял «западный» дух (и большие семьи моих родителей были затронуты репрессиями, но я, зная о них с детства, никакого мистического страха перед ними у моих родных не видел)¹.

Не успел возникнуть в России и «внутренний» страх перед буржуазной моралью и перед возможной потерей буржуазного статуса, не нагнетали у нас страха и перед ядерным апокалипсисом. Можно даже сказать, что ядерный страх у нас в массе людей был так же неразвит, как у крестьян был неразвит страх перед недородом, о котором писал Салтыков-Щедрин. Когда после аварии на Чернобыльской АЭС из городка было срочно эвакуировано население, перед милицией встала немыслимая для Запада проблема: жители, тайными тропами обходя заслоны, повадились возвращаться в покинутые жилища за вещами. А потом и жулики потянулись — стянуть, что плохо лежит. В зараженную зону!

Можно принять как общий вывод: вплоть до последнего времени в культуре России не играл существенной роли экзистенциальный страх — страх перед самим существованием человека, страх как важная сторона самой его жизни. Православие и выросшая на его почве культура делали акцент на любви. И это уже само по себе не оставляло места для экзистенциального страха: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви» (Первое послание Иоанна, 4, 18).

Однако в той части советских людей, которые в наибольшей степени были проникнуты рациональным способом мышления и западническими иллюзиями, в ходе перестройки удалось раскочевать невротический страх. Речь идет не о том разумном страхе перед реальными опасностями, который необходим, чтобы жить в меняющемся, полном неопределенностей мире. Нет, как раз эта осмотрительность и способность предвидеть хотя бы личный ущерб была у либеральной интеллигенции в ходе перестройки отключена. Ведь уже в 1988—1989 гг. было ясно, что тот антисоветский курс, который интеллигенция с восторгом поддержала, прежде всего

¹ То, что репрессии не вызвали ни мистического страха, ни «ощепенения», видно из того, что обыденное сознание выработало много способов уклоняться от репрессий, овладевать опасностью. Помню, ни мать, ни дядя никогда не проводили с детьми «защитный», но незаметно, к слову, нам давалась целая система знаний о том, как, например, выявлять «стукачей». Как помнят старшие поколения, обычно в каждом коллективе «стукачи» были известны и к ним относились даже не без симпатии, никто и не пытался их изолировать, не приглашать на вечеринки и т.д. Они стали частью окружающей природы и никакого экзистенциального страха не излучали.

уничтожит сам смысл ее собственного существования. Об этом предупреждали довольно внятно — никому из сильных мира сего в разрушенной России не будет нужна ни наука, ни культура. Нет, этого разумного страха не было, и сегодня деятели культуры и гордая Академия наук мычат, как некормленная скотина: «Дай поесть!»

Речь идет о страхе внушенном, бредовом, основания которого сам трясущийся интеллигент-либерал не может объяснить. В него запустили идею-вирус, идею-матрицу, а он уже сам вырастил какого-то монстра, который лишил его способности соображать. Вот, большинство интеллигенции проголосовало в 1996 г. за Ельцина (особенно красноречива позиция научных городков). Социологи, изучавшие мотивы этого выбора, пришли к выводу: в нем доминировал страх — перед Зюгановым!

Никаких позитивных причин поддержать Ельцина у интеллигенции уже не было. Полностью растоптан и отброшен миф демократии. Нет никаких надежд просочиться в «наш общий европейский дом». Всем уже ясно, что режим Ельцина осуществляет демонтаж промышленности и вообще всех структур современной цивилизации, так что шансов занять высокий социальный статус (шкурные мотивы) интеллигенция при нем не имеет.

Если рассуждать на холодную голову, то овладевшая умами образованных людей вера («Придет Зюганов и начнет всех вешать») не могла быть подтверждена абсолютно никакими разумными доводами, и этих доводов в разговорах получить было невозможно. Более того, когда удавалось как-то собеседника успокоить и настроить на рассудительность, на уважение к законам логики, он соглашался, что никакой видимой связи между сталинскими репрессиями и Зюгановым не только нет, а более того, именно среди коммунистов сильнее всего иммунитет к репрессиям. Если где-то и гнездится соблазн репрессий, то именно среди харизматических политиков-популистов. Тем не менее предвыборная стратегия Ельцина, основанная на страхе, оказалась успешной.

Если бы этот страх лишь грыз и мучил душу либерального интеллигента, его можно было бы только пожалеть. Но психоз стал политической силой, потому что ради избавления от своего комплекса эта часть интеллигенции посчитала себя вправе не жалеть никого. Поддержать такие изменения в стране, которые причиняют несовместимые с жизнью страдания огромному числу сограждан. Видя воочию эти страдания, либеральная интеллигенция, тем не менее, поддерживает причиняющий эти страдания режим, оправдывая это единственно своим избавлением от самой же созданного страшного привидения.

Пригласили меня перед выборами в Думу 1995 г. на «круглый стол» «Культура, образование, наука» Общественной палаты при

Президенте РФ. Видно, плюрализмом решили тряхнуть. Собрался цвет «демократов от культуры», послушать было интересно. Начальница Палаты, драматург, поставила вопрос по-шекспировски: «Если на выборах победят коммунисты, Зюганов, то всех нас поставят к стенке. Хоть это вы все понимаете?» Все закивали головами. Да, это они понимают. Я чуть не вскочил: «Объясните, господа, какие вы за собой знаете дела, за которые кто-то жаждет поставить вас к стенке?» Ведь просто так подобные мысли в голову не приходят. Что-то, значит, точит этих «драматургов». Попытался я выяснить — нет, «точит» ирреальный, иллюзорный страх, который невозможно перевести на язык осязаемых опасностей.

Помимо либеральной интеллигенции на время такой страх овладевал и частью наших «предпринимателей» (впрочем, сильно связанных с интеллигенцией). Когда ГКЧП устроил свой страшный «военный переворот», то уже утром 19 августа жителям Москвы стало ясно, что ни стрелять, ни давить танками военные никого не будут. А после пресс-конференции «хунты» с полной очевидностью выяснилось, что мы — зрители большого спектакля. Тогда назавтра к «Белому дому» было созвано «ополчение» из демократов. Какие же чувства испытывали «ополченцы»?

«Известия» писали: «Многие обратили внимание на то, что в рядах ополченцев немало предпринимателей. Тех самых, чьему бизнесу обещал не мешать Геннадий Янаев во время фарсовой пресс-конференции 19 августа. Из коротких интервью с биржевиками, менеджерами совместных и малых предприятий, акционерных обществ, коммерческих банков становилось понятно, что привело их сюда, что заставило взять в руки стальные прутья, палки, кирпичи. В «программе» самозванного ГКЧП они увидели не только конец демократическим свободам, но и собственный конец».

Собственный конец, какой ужас! Это — из пресс-конференции трясущегося Янаева! Можно ли в это поверить? Оказывается, так и было. Пишет М. Леонтьев в «Независимой газете»: «Никогда ни в одном государстве мира военный переворот не означал такой физически ощутимой угрозы жизни для десятков тысяч предпринимателей. И никогда демократия не получала столь единодушной поддержки от бизнеса». Это написано вполне серьезно, а ведь налицо психоз. Тут мы явно видим отщепление от народа некоторой группы по важному культурному признаку: она стала подвержена «западному» страху. Значит, подвержена новым, непривычным для нас методам манипуляции поведением.

И это уже опасно. Как писал в получившем известность «Дневнике» один из защитников «Белого дома» журналист С. Хабиров, «по сути мы — участники пока еще тихой гражданской войны: две группы граждан — готовы стрелять друг в друга. Во всяком слу-

чае, люди, охраняющие «Белый дом», вполне способны это делать...» Военные, как известно, стрелять ни в кого не собирались, психологически к этому совершенно не были готовы, да и приказы это строго-настрого запрещали. А собравшиеся демократы, оказывается, были «вполне способны это делать». Ничего себе — эффект перестройки.

В целом культивирование страха было важной составной частью всей программы перестройки и реформы. Для этого были использованы все возможные темы: репрессий 1937 года, голода, дефицита, технологических катастроф, преступности, СПИДа, экологических опасностей, межнациональных войн и полицейского насилия. При этом в каждой теме образы страха накачивались в массовое сознание с невероятной силой, всеми средствами государственной машины пропаганды, а потом и «независимого» телевидения. Нам непрерывно показывали ужасные сцены разгрома Бендер, а потом бомбардировок Грозного, избиения демонстраций и, наконец, расстрела Верховного Совета РСФСР, заснятого как спектакль заранее установленными камерами.

Конечно, нагнетанию страхов в разных слоях российского общества способствует сама жизнь. Пока что трудно сказать, идет ли речь о реальных страхах или они приняли уже невротический, а то и шизофренический характер. Западные эксперты используют как количественный показатель нарастания страха рост числа телохранителей. По этому показателю можно говорить уже о шизофреническом страхе: в советское время всего около трех десятков человек в Москве имели личную охрану. Сейчас крупные коммерческие структуры тратят на охрану около трети своих прибылей. Тем не менее в конце 1996 г. примерно половина всех бизнесменов в России находилась в постоянной тревоге за свою жизнь и жизнь своих близких.

Второй индикатор страха — общая уверенность бизнесменов и высших чиновников, что их телефон прослушивается. Этот страх также приобретает уже характер паранойи. Простой обыватель, видимо, этим невротическим страхам не подвержен. Для него обычен вполне реальный и здоровый страх перед расплодившимися преступниками при полной недееспособности правоохранительных органов. Если раньше опасность нападения хулигана была локализована именно в нем, а тыл обывателя защищала милиция, то сейчас никто не уверен в том, что она встанет на его сторону, если хулиган окажется членом влиятельной банды.

Профессор Мичиганского университета В. Э. Шляпентох (специалист по России и бывший советский социолог, работавший для «Правды») пишет: «Страх за свою жизнь влияет на многие решения россиян — обстоятельство, практически неизвестное в 1960—

1980 годах... Судьи боятся, и не без основания, обвиняемых, налоговые инспекторы — своих подопечных, а милиционеры — преступников. Водители смертельно боятся даже случайно ударить другой автомобиль, ибо «жертва» может потребовать компенсации, равной стоимости новой машины или квартиры».

Причину невозможности эффективной борьбы с преступностью и оздоровления обстановки В. Э. Шляпентох видит в том, что «все российские олигархи-«феодалы» и их многочисленная челядь, как на государственной службе, так и в бизнесе, практически без исключения боятся законного расследования их деятельности намного больше, чем наемных убийц... Обнародованные факты делают Мжаванадзе или Чурбанова, олицетворявших коррупцию брежневского времени, почти невинными младенцами в сравнении с нынешними деятелями».

Эти реальные страхи — другая тема. Для нас здесь важно то, что они создают основу для искусственного превращения их в страх шизофренический с целью создания благоприятной обстановки для манипуляции массовым сознанием — прежде всего в политических целях. Например, для приведения к власти «крутого» генерала, обещающего навести порядок железной рукой.

§ 5. Страх терроризма

Для России сегодня актуальным стал давно разработанный на Западе страх терроризма как эффективное средство манипуляции сознанием. Понятие *террора* (*terror* значит *ужас*) ввел Аристотель для обозначения особого типа ужаса, который овладевал зрителями трагедии в греческом театре. Это был ужас перед небытием, представленным в форме боли, хаоса, разрушения. Считается, что осмысление террора посредством театра породило ритуал суда как разновидности театра, побеждающего террор через закон. Позже на волне Просвещения на Западе был открыт этот мощный метод воздействия на мысли и поведение граждан — террор. Доктрина превращения страха в орудие власти принадлежит якобинцам и подробно изложена в сочинениях Марата. Для создания массового страха новое государство шло на разрушение собственного образа как гаранта права — государство само организовывало «как бы стихийные» погромы тюрем с убийством политических заключенных. Марат же сформулировал важнейший тезис: для завоевания или удержания власти путем устрашения общества (это и есть смысл слова «террор») необходимо создать обстановку массовой истерии.

Вслед за государством террор в «войне всех против всех» стали использовать и политические силы, борющиеся с государством (или с его противниками). Так возник терроризм как средство уст-

рашения общества и государства в политических целях. Он также возник как своего рода политический театр, зрители которого испытывают ужас. Главной целью его является не убийство конкретных личностей, а именно воздействие на чувства широкого круга людей. Согласно принятому в американской политологии понятию, терроризмом является «угроза или использование насилия в политических целях отдельными лицами или группами, которые действуют как на стороне, так и против существующего правительства, когда такие действия направлены на то, чтобы оказать влияние на большее число людей, чем непосредственные жертвы»¹. Таким образом, терроризм — средство *психологического* воздействия. Его главный объект — не те, кто стал жертвой, а те, кто остался жив. Его цель — не убийство, а устрашение и деморализация живых. Жертвы — инструмент, убийство — метод. Этим терроризм отличается от диверсионных действий, цель которых — разрушить объект (мост, электростанцию) или ликвидировать противника. Иногда цели совпадают (например, в покушениях на политических деятелей), но мы будем говорить лишь о терроризме, направленном против населения.

Выше говорилось, что есть страх разумный, когда человек верно определяет источник и величину опасности и принимает меры, которые ее снижают. Есть страх неадекватный (невротический), когда человек или впадает в апатию, или совершает действия, вредные или даже губительные для него самого. Цель террористов — создание именно невротического страха. Деморализованные и запуганные люди делают сами, требуют от властей или хотя бы одобряют действия, которые этим людям вовсе не выгодны. Иногда это действия, которые выгодны террористам или чаще — заказчикам, нанимателям террористов. Иногда самый большой выигрыш получают политики, которые бесплатно пользуются «чужим» терактом².

Атаки террористов могут быть направлены на узкую группу, к которой ты принадлежишь (такой группой были, например, жители дома в Буйнакске). Тогда опасность велика — идет прицельный

¹ Заметим, что терроризм бывает проправительственный, а часто и государственный. Но главное — правящие круги научились использовать в своих целях страх, создаваемый террористами любых мастей, так что часто трудно бывает точно определить, кем созданы «красные бригады» и на кого они работают.

² Например, для режима Ельцина дестабилизация сознания в результате взрывов была исключительно выгодна. На волне психоза можно было или укрепить самого Ельцина («коней на переправе не меняют»), или загодя без шума убрать его, призвав общество сплотиться вокруг «нового правительства». Да и не до скандала было с фирмой «Мабетекс» — даже неприлично вспоминать. О сербах вообще забыли, будто их и не было.

огонь, стреляют именно в тебя. Но если бьют по очень широкой группе (например, по группе «жители России» или даже «москвичи»), то бояться за себя лично нет никакого смысла — вероятность стать жертвой очень мала, можешь попасть лишь под редкую шальную пулю. Во всяком случае, эта опасность на три порядка (в тысячу раз) меньше, чем вероятность стать жертвой катастрофы за рулем автомобиля. Из 15 миллионов водителей в России ежегодно гибнет порядка 1 на тысячу. От терактов в 1999 г. погибло порядка 1 на миллион. Но мы ведь не боимся ездить на машине.

Почему же мы не боимся ездить на машине, но боимся террористов? Прежде всего потому, что сильные мира сего не заинтересованы в том, чтобы мы боялись автомобиля. Поэтому их телевидение не показывает нам с утра до ночи изуродованные трупы жертв автокатастроф. Если бы показывало с той же интенсивностью, как и дело рук террористов, — то мы боялись бы автомобиля панически¹. Отсюда понятен вывод, давно сделанный учеными: терроризм возник вместе со СМИ и связан с ними неразрывно. Современный терроризм — родной брат телевидения. Бомбардировки Ирака, расстрел Дома Советов или взрыв в Печатниках не имели бы смысла, если бы телевидение не донесло их в каждый дом.

Уже газеты в прошлом веке были абсолютно необходимы для терроризма, но крови приходилось лить много — газеты не передают вида крови. По данным некоторых историков, до 1917 г. террористы в России убили около 17 тыс. человек (наверное преувеличивают, но в любом случае счет шел на тысячи). Эффект был, но намного меньше, чем сегодня от сотен жертв. Читать и слышать — это не то что *видеть*.

Мы не можем жить без газет и телевидения, но эти средства могут быть пособниками террористов в создании неадекватного страха, а могут быть «антитеррористами». В СССР терроризма не было — во многом потому, что цели его были недостижимы. Советские СМИ не брали интервью у убийц и не транслировали ужас. А сегодня, например, телевидение России — соучастник террористов, оно вдумчиво и творчески делает именно то, что требуется террористам. В 1996 г. телевидение поэтизировало Басаева, непрерывно показывало его мужественную бороду, пускало лживую слезу («ах, у него при бомбежке погибла вся семья») и умилялось («ах, он подарил русским детям-сиротам в Грозном телевизор»).

¹ Рассказывают, что когда Генри Форд стал слишком активно разоблачать «засилье евреев», к нему пришли видные деятели Голливуда и сказали, что если это будет продолжаться, то в каждом выпуске кинохроники появятся кадры автомобильных катастроф, происходящих с машинами марки «Форд». С антисемитизмом Форда было сразу покончено.

Но главное, ему предоставлялся эфир — что абсолютно неприемлемо, если с терроризмом хотят бороться, а не помогать ему.

Кстати, эфир предоставляется и сегодня, хотя и менее нагло («Басаев в Грозном заявил, что...»). И все демократическое сообщество журналистов горой встало за репортера радио «Свобода» А. Бабицкого, который вещал из лагеря боевиков и которого арестовали в Грозном. Дело Бабицкого само по себе замечательно, но мы возьмем только его первую часть — его пребывание у боевиков, которое демократы от Шустера до Олбрайт представили как право и даже обязанность журналиста. Да, иностранные журналисты не вылезали из отрядов боевиков Басаева. 5 февраля 2000 г. по российскому телевидению даже показывали один такой отряд, представленный в передаче какой-то иностранной телекомпании. Бородатый боевик размахивал ножом и приговаривал: «Это для Путина. Я купил на пенсию». Очень остроумно и демократично. А вот у меня вырезка из испанской газеты «Паис» от 28 октября 1998 г. Влиятельная Ассоциация жертв терроризма заявила послу Великобритании официальный протест, который потребовала передать премьер-министру Тони Блэру, в связи с тем, что в телепередаче Би-Би-Си промелькнуло заявление двух членов террористической баскской организации ЭТА о том, что с 16 сентября эта организация объявляет перемирие и прекращает террористические акты. Итак, промелькнуло миролюбивое заявление — и официальная нота послу и премьеру. Что было бы, если бы корреспондент Би-Би-Си находился в банде террористов где-нибудь в Пиренеях и они бы размахивали ножом и обещали зарезать короля Испании — и это бы передавалось по всей Европе? Чудовищное несоответствие с тем, что происходит в России, — и все эти Киселевы и Флярковские как будто не видят¹. Но вернемся к самому терроризму.

Терроризм имеет в качестве культурного основания нигилизм — отказ от общей этики. Он — продукт Запада, который декларировал как норму жизни «войну всех против всех». Впервые во время Французской революции террор стал официально утвержденным и морально оправданным методом господства и породил своего близнеца — терроризм как метод борьбы против власти. Затем, как ответ на терроризм оппозиции, возник государственный терроризм. Страны Запада культивируют у себя терроризм в кон-

¹ Европейские законы рассматривают контакты с террористами как уголовное преступление. По испанскому телевидению я видел тяжелое зрелище — рыдал взрослый мужчина. Его, предпринимателя, взяли в заложники террористы-баски. Деньги у него были, и его друг-адвокат передал похитителям выкуп и выручил друга. Как-то это вылезло наружу, и адвоката осудили, если не ошибаюсь, на пять лет тюрьмы — за контакты с террористами. Мужчина плакал потому, что на все его просьбы разрешить отсидеть в тюрьме за друга ему ответили отказом. Что на это скажут защитники журналиста радио «Свобода»?

тролируемых масштабах. Это — важное средство сплочения обывателей вокруг власти («ей приходится многое прощать, ибо без нее нас всех убили бы террористы»). Это — одно из самых сильных средств манипуляции сознанием и отвлечения внимания общества от махинаций верхушки. Это — эффективное средство собирать радикальную молодежь из отверженных слоев общества и направлять ее энергию на ложные цели¹.

Принципиально новую сложную систему терроризма создал Израиль. Эта система состоит из государственного терроризма, манипулируемого «исламского» терроризма и антитеррористических спецслужб. Вслед за Израилем к поддержке «исламских» террористов перешли США — это оказалось слегка болезненным, но эффективным средством стравить мусульман друг с другом, оттолкнуть от борьбы их здравомыслящую массу. Виднейший арабский историк и философ Самир Амин в книге «Евроцентризм: критика идеологии» пишет о тайном альянсе Запада с исламскими фундаменталистами: «Как можно объяснить поддержку (лицемерно отрицаемую), которую Запад оказывает враждебному ему движению, кроме как тем колоссальным ослаблением арабского мира, к которому оно ведет разжиганием внутренних конфликтов (особенно конфессиональных конфликтов между сектами и между организациями)».

Трагическим следствием взрывов жилых домов и созданного телевидением психоза надо считать тот факт, что в России и массовое сознание, и чуть ли не все политики соблазнились идеей «учиться у Запада и Израиля», а то и «сотрудничать» с ними в борьбе с терроризмом в России.

Только на первый взгляд кажется, что речь идет о том, чтобы всего лишь «перенять технологию». За этой технологией стоит неотделимое от нее представление о добре и зле. Перенять его у Запада и Израиля в их умении создать, а потом «приручить» терроризм — это конец России как культуры и как многонациональной страны. Тот факт, что это говорится всерьез и не вызывает никакой реакции у русских писателей, у военных, у православной церкви, говорит о тяжелейшем духовном кризисе.

Средства Запада не ставят целью искоренить терроризм, поскольку терроризм Западу необходим. Цель — поддерживать терроризм в заданных пределах (с помощью Азевов). «Эксперты» на телевидении восхищались: Израиль так много платит провокато-

¹ Вместе с капитализмом терроризм приходил с Запада в иные страны. В царской России терроризм оппозиции и государства были неразрывно связаны. Руководителем боевой организации партии эсеров в 1903 г. стал Евно Азев, который с 1893 по 1908 г. был платным агентом полиции. Ему в 1904 г. разрешили убить министра В. К. Плеве, но приказали в 1906 г. предотвратить убийство министра Дурново.

рам в среде террористов, что всегда может пресечь слишком опасные акции. Какому-то террористу даже голову мобильным телефоном оторвало. Но если Израиль платит, да еще много, значит, он сам создает терроризм. Рынок есть рынок: есть спрос — есть и предложение. Чтобы получать деньги от «Моссада», надо совершать теракты. Несчастных юношей-самоубийц везде хватает.

Тут видна утрата логики. Почему изживать терроризм мы должны учиться у Запада, где он процветает, а не у Советского Союза, где его и в помине не было? Давайте хотя бы ясно определим, почему в СССР не было терроризма. Какие условия автоматически гасили само желание кинуться в этот омут? Ведь на страшный КГБ это не спишешь, хотя и грозивший палец КГБ был необходим.

Почему те же чеченцы, перешедшие на сторону Гитлера и имевшие в тылу Красной Армии мощные формирования с артиллерией, прекратили сопротивление и без боя погрузились в теплушки и уехали в Казахстан? Почему они не начали террористическую войну — ни в конце 40-х, ни в 50-е, ни в 60-е годы? Они боялись КГБ? Нет, они и во время войны ничего не боялись, начать восстание в тылу Красной Армии означало сжечь мосты и идти на большой риск. Мятежные чеченцы подчинились потому, что наказание было суровым, неотвратимым и бережным по отношению к народу. Тогда не стали расстреливать мужчин, подрезать корень народа, а выселили всех по ту сторону Каспия. И даже не расформировали партийные и комсомольские организации, не прекратили прием в партию. Одним этим показали: народ не будет придушен. И боевой мальчик Дудаев будет принят в лучшую военную академию и станет большим генералом. А умный мальчик Хасбулатов будет профессором.

Жестокий советский строй не толкнул чеченцев на террористическую войну. Но эта война неотвратимо пришла к нам при режиме Ельцина. Должны же мы понять, в чем тут дело. Ведь это — наглядный, пробравший всех до костей урок, который нельзя было замалчивать.

Создавая психоз, телевидение не дало людям задуматься над важной вещью, которая стала очевидной. Почти все уже поняли, что ни о какой процветающей рыночной экономике в России нет и речи. Год за годом положение хуже, и перспектив нет никаких. Поняли, но еще молчат — тягостно признать. Большая кровь в Москве сломала препоны, и в такой момент можно сказать прямо: благополучной рыночной экономики в России не может теперь быть уже и потому, что возник терроризм.

Это значит, что создан заколдованный круг. С одной стороны, резко усилилась тенденция к укреплению полицейского государст-

ва, которое вынуждено накладывать все новые и новые ограничения на все свободы, включая свободу предпринимательства. Какой там рынок, если за каждым мешком сахара бежит ОМОН с собакой! Если о каждом остановившемся грузовике пенсионеры звонят прямо министру Рушайло. С другой стороны, резко возрастают производственные издержки предприятий, так что они становятся неконкурентоспособными на рынке.

Даже небольшой терроризм обходится немислимо дорого для хозяйства. Появление в Перу радикального движения «Сендеро Люминосо» («Светлая тропа»), которое насчитывало всего 2 тысячи членов, привело к увеличению производственных издержек вдвое — во столько обходилась защита и охрана промышленной инфраструктуры.

Что же говорить о России! Вся наша огромная инфраструктура — трубопроводы, линии электропередач, связи и т.д. — строилась в СССР в расчете на стабильное общество. Она в принципе не может быть защищена от терроризма. Если мы желаем продолжать рыночную экономику при наличии терроризма, то нам придется построить всю страну заново — уже как крепость, внутри которой мириады маленьких крепостей. Денег на это ни у кого никогда не будет, и такая экономика недееспособна.

У нас одна возможность — искоренить терроризм в принципе. Но этого нельзя достичь «средствами Запада» — ковровым бомбометанием, пуском крылатых ракет «по базам», наймом провокаторов. Искоренить терроризм в России можно только одним способом — восстановив то жизнеустройство, которое лишает терроризм социальной и культурной базы. Жизнеустройство, основанное на солидарности, а не на конкуренции.

Утверждают, что взрывы в Москве и Волгодонске устроили террористы из Чечни. Вероятно, это так, хотя в акции такого рода важны не столько конкретные исполнители, сколько «заказчики» — те, кто обсуждал и планировал акции где-нибудь в Ницце или Малаховке. Если есть деньги, нанять можно хоть чеченцев, хоть литовцев, хоть самого Евно Фишелевича Азефа. Чеченцев дешевле, потому что именно Чечню превратили в главную базу терроризма. Почему же? Давайте отбросим расистские сказки о «генетической» предрасположенности горцев к разбою. Еще 15 лет назад никому бы и в голову такое не пришло. Тогда генетически те же самые чеченские юноши под руководством секретаря райкома ВЛКСМ Радуева готовили Праздник урожая, Яндарбиев кропал свои стишки, а Масхадов гонял свою роту на плацу. Ради какого-то терроризма или ваххабизма никто не только под арест не желал попасть, но и получить выговор с занесением в личное дело. Та жизнь устраивала людей.

Для терроризма такого масштаба, какой нам предстал сегодня, необходимы условия. Чтобы добывать, хранить, развозить и взрывать тонны взрывчатки за две тысячи километров от дома, нужно много надежных и умелых людей. Тысячи должны созреть для этого — и из них отбирают сотню. Такие условия возникают, когда происходит массовое и несправедливое обеднение ранее благополучных и достаточно образованных людей. Когда для большого числа молодых людей рушится привычный мир и они оказываются вытесненными из жизни «этим обществом».

Это и произошло в Чечне. Массовая преступность и насилие в Чечне — прежде всего следствие тяжелейшего обеднения, вызванного реформой, а не Хаттабом. Обеднение разрушило рамки сознания. В 1980 г. доходы жителя Чечни в среднем были в 2,6 раза меньше, чем у москвича, а в 1992 г. стали в 9,1 раза меньше. Это уже был опасный разрыв, он перешел красную черту. Средний москвич купил в 1992 г. товаров и продуктов на 52,3 тыс. руб., а житель Чечни — на 3,3 тыс. В 17 раз меньше! Опустись жизненный уровень москвичей до уровня Чечни, взрыв преступности в нашей цивилизованной столице затмил бы все, что мы видели. В результате войны Чечня обеднела еще сильнее (данные не публикуются). Этот фактор — не причина терроризма, а лишь благоприятная среда для него. Как голова — не причина появления вшей, но если голове не мыть, то заползшая вошь размножается.

Второе условие — сдвиг в культуре. Терроризм обязательно требует оправдания, легитимации в достаточно большой части народа. Иначе ни за какие деньги молодежь не пойдет в ряды боевиков. Наемные убийцы — совсем другой тип. Рядовые террористы убивают и умирают за идеал, и чтобы его создать, надо сначала исковеркать их систему ценностей. Их надо убедить, что в отношении их группы (социальной, религиозной, этнической и т.д.) совершена нестерпимая несправедливость, которая может быть смыта только кровью. Тогда человеком движет чувство мести, которая как бы уничтожает несправедливость и восстанавливает равновесие в мире.

Первую работу, чтобы направить мысли и чувства чеченцев к мести, произвели демократы из Москвы — старовойтовы и бурбулисы, нуйкины и приставкины. Вместо «народа, отбывшего наказание» чеченцы вдруг были превращены в «репрессированный народ». Кто же их «репрессировал»? Россия! Так ведь ставили вопрос наши демократы.

И накотившее резкое обеднение было воспринято как несправедливость — уж оно-то прямо было вызвано действиями Москвы. Этого мало — Москва посадила к чеченцам Дудаева, а потом его же стала свергать разрушительной войной. Война к тому же велась

с грубейшими нарушениями и закона, и морали. Это и танковый рейд наемников без воинской формы и знаков различия, это и отказ от введения чрезвычайного положения. Обычно мы равнодушны к праву, но когда льется кровь, неправомерные действия вызывают огромный эффект. Вина на политиках, но с помощью пропаганды ее нетрудно переложить на Россию в целом, на русских. Этим активно занимался С. Ковалев.

Речь не идет о том, чтобы оправдать тех, кто пошел в боевики и террористы, — их ответ преступный и неадекватный, и террористов приходится уничтожать. Но если не понять их мотивы и видеть только патологическую кровожадность или корысть, то нет никаких шансов на то, чтобы лишить терроризм легитимности в среде чеченского народа. А без этого, только силовыми средствами, искоренить терроризм невозможно. Дальнебойной артиллерией и авиацией уничтожаются открытые боевики, а терроризм создается и укрепляется. Тут уж приходится выбирать меньшее зло. А «герой Афганской войны» Громов предлагает даже применить против террористов стратегическую авиацию.

После взрывов в Москве и Волгодонске политики и телевидение, принадлежащие «олигархам», поторопились заявить, что «террористическая война» объявлена всем нам, всей России. Мол, нация должна объединиться. Этой войне настойчиво пытаются придать национальный и религиозный характер. Это — дешевая демагогия. За «чеченским» следом тянется след гражданской, социальной войны. Взорвать богатый дом в центре Москвы не труднее, чем на рабочей окраине, — офисов и магазинов там даже побольше. И шуму было бы до неба. Но, видно, нельзя — там «свои» для Хаттаба и его покровителей-миллиардеров, да и не напугается население.

Говорили, что Боровой перезванивался с Дудаевым, а Березовский перезванивался с Удуговым. Может, так, может, не так. Главное, что сама эта возможность никому не кажется странной. У этих людей — не как личностей, а как социальной группы — есть общие интересы. Но вызвало бы всеобщее удивление сообщение, будто Удугов тайком перезванивается с В. А. Купцовым или голодающими учителями. Ибо Купцов и учителя не занимаются продажей нефти и не имеют банки, через которые можно пропускать сомнительные деньги.

Так что «мы, россияне» уже разделились на два мира, и между ними уже идет «молекулярная» гражданская война. И не должно нас удивлять, что мешки с сахаром-гексогеном таскают на потных спинах малограмотные чеченцы из низшей касты. И в коннице Шкуро в Воронеже отличились ингуши, и на сандинистов ЦРУ су-

мело через Ватикан натравить индейцев-мискито (которым сандинисты вернули их земли, захваченные «Юнайтед фронт»).

Настойчиво и неустанно твердит Миткова, что против России воюют «исламисты», «религиозные экстремисты» — что речь идет о войне религиозной. Она солдат или доброволец в диверсионной акции, с помощью которой России наносится смертельный удар — стравить русских с мусульманским миром. Неважно, что протест заявили мусульманские духовные лица. Неважно, что арабские ученые не раз объясняли, что «исланизм» — политическая маска, недавно и наспех состряпанная. Ничего этого нам НТВ не сообщает.

Для человека, который погибает от рук террориста, выпадает судьба по принципу «все — или ничего», жизнь или смерть. Иное дело для общества — ему безразлично, какой силы удар нанесет по нему терроризм, какова будет вероятность погибнуть для каждого живого человека. Так вот, пока что нигде в мире терроризм ни разу не объявлял тотальной войны обществу, не переходил к массовому мщению, не отрезал путей к соглашению. В частности, и потому, что война против терроризма имеет свои законы и свою этику. Грубо говоря, террорист признает право убить его, но, возможно, он не признает права совершить массовые репрессии против его близких (рода, племени, народа).

Что такое тротил и гексоген по сравнению с современным нервно-паралитическим газом! Для чего и для кого были проведены эксперименты в метро Нью-Йорка и Токио (последний — натуральный, с учебным газом зарин)? Диапазон возможностей терроризма велик, и лучше вести с ним войну основательно, по ее законам — безжалостно уничтожать самих террористов, но не переходить некоторые грани.

Когда слушаешь политиков, нельзя понять — циники ли они, сознательно дурящие людей, или сами не соображают. Скорее, циники. Ведь разгуливает на свободе Грачев, передавший оружие террористам. Вещает гордый собой Черномырдин, спасший террористов Басаева. Все разом аплодируют Степашину, который специально съездил в укрепрайон боевиков Хаттаба, все осмотрел и потом доложил, что там все в порядке, живут хорошие люди, ничего не замышляют против конституционного строя. Разве это — не должностное преступление? Как минимум! И разве не те же люди составляют сегодня политическую верхушку?

Все эти люди разваливали Россию и сознательно вели к отделению Чечни — зачем-то им было необходимо иметь внутри России криминальный анклав. В руках этих людей, пока они у власти, в инструмент разрушения России превращается любое действие — даже война за сохранение России. В этих людях и установленном ими порядке — корень терроризма.

Поражает, как легко и даже с радостью принимают многие русские самую дешевую демагогию. Что значит «особый порядок» в Москве? Просто беззаконие. Как можно этому радоваться! Воображения не хватает, чтобы представить себе Россию козленков и япончиков без всяких остатков закона? Все силы милиции брошены на выявление тех «лиц кавказской национальности», у которых документы не в полном порядке. И москвичи рады, они думают, что именно у террористов и не хватило денег на хорошие документы. Печально видеть эту искусственно наведенную страхом массовую тупость.

А что значит «санитарный кордон»? Вокруг чего? Половина активных чеченцев сегодня рассыпана по городам России. Их офисы и штабы в Москве, в Мюнхене, в Аммане. Те, кто сидит в этих офисах, ходят хорошо выбритые и в галстуках, их не хватает ОМОН в метро. Как можно мыслить в понятиях середины прошлого века! Нет, скорее всего, нас просто дурят. Англия — на острове, за тридевять земель от своих бывших «членов содружества», но не в состоянии создать никакого санитарного кордона. Россия изначально, с Киевской Руси, вбирала в себя народы. Никакого «кордона» против своих внутренних болезней она создать не может. Болезни надо лечить, отсечь больные внутренние органы невозможно.

Взрывами Россия опять была поставлена в точку нестабильного равновесия. Одна надежда, что и военные, и чиновники, и масса простых людей поддакивают и козыряют политикам, а сами без шума делают свое дело с умом и сердцем. И этим ограничивают терроризм. А главное, созданный было невротический страх быстро прошел. Культура пока что выполняет свою стабилизирующую роль.

Глава 8

ВООБРАЖЕНИЕ, ВНИМАНИЕ, ПАМЯТЬ

§ 1. Воображение и поведение

Помимо мышления и чувств, важнейшим объектом манипуляции сознанием является воображение. Вдумаемся в само слово. *Воображение!* Превращение какой-то частички реальности в образ, создаваемый сознанием (фантазией) человека¹.

Ле Бон писал в книге «Душа толпы»: «Могущество победителей и сила государств именно-то и основываются на народном во-

¹ Примечательно, что и в других языках эта операция обозначается сходным словом. По-латыни «воображение» — *imaginatio*, от *imago* — «образ».

ображении. Толпу увлекают за собой, действуя главным образом на ее воображение... Не факты сами по себе поражают народное воображение, а то, каким образом они распределяются и представляются толпе. Необходимо, чтобы, сгущаясь, если мне будет позволено так выразиться, эти факты представили бы такой поразительный образ, что он мог бы овладеть всецело умом толпы и наполнить всю область ее понятий. Кто владеет искусством производить впечатление на воображение толпы, тот и обладает искусством ею управлять».

Понятно, что воображение неразрывно связано с восприятием, оно лишь новым образом комбинирует то, что мы когда-то познали на опыте и зафиксировали это в памяти: нельзя вообразить то, что в разных своих элементах не присутствовало бы в действительности. Платон сравнивал восприятие с процессом тиснения печати на восковой пластинке, а воображение, согласно Платону, это оттиск, который остается после удаления печати. Дети до полутора лет не проявляют никаких признаков воображения — им для этого не хватает материала.

К воображению тесно примыкает предчувствие, которое также порождает в сознании образы, построенные из элементов познанной ранее реальности. В этих образах, однако, главенствует чувственное ощущение, из которого делаются более или менее далеко идущие выводы. Предчувствие играет огромную роль в поведении представителей «примитивных обществ», а у цивилизованного человека они оформляются обычно более рациональными понятиями, лишь «запуская» тот процесс, который мы и называем воображением.

Воображение — способность человека, необходимая для мыслительного постижения реальности. В уме мы оперируем теми образами реальности, которые нам производит наше воображение. Уже Аристотель писал, что когда ум осознает какую-то вещь, он должен построить ее в воображении. Исходя из этих «образов вещей» мы вырабатываем и нашу линию поведения.

Воображение и «внешняя» реальность тесно связаны. Карл Густав Юнг пишет: «Если некто вообразит, что я его смертельный враг и убьет меня, то я стану жертвой простого воображения. Образы, созданные воображением, существуют, они могут быть столь же реальными — и в равной степени столь же вредоносными и опасными, — как физические обстоятельства. Я даже думаю, что психические опасности куда страшней эпидемий и землетрясений».

Отсюда понятно, что для контроля за поведением людей очень важно влиять на оба процесса — выработки образов исходя из реальности и выработки стратегии и тактики поведения исходя из возникших в сознании образов.

Так как воображение — способность творческая, оно гораздо меньше, чем мышление, подвержено дисциплине (логики, традиции). Значит, более уязвимо для воздействия извне. Очень большая часть людей подвержена грезам, их воображение скатывается к «праздношатающейся фантазии» (Белинский), уводящей их все дальше и дальше от реальности. У других воображение, наоборот, сковано, они затрудняются в выработке собственных образов, ищут их в готовом виде — не могут самостоятельно освоить реальность мысленно. И те и другие наименее защищены от манипуляции их сознанием (хотя для обеих категорий она строится по-разному).

Преобразуя в нашем сознании полученные когда-то и где-то от действительности впечатления, воображение создает образы и мыслительные, и чувственные. Следовательно, через воображение манипулятор может воздействовать и на мышление, и на чувства. Максимальной подвижностью и уязвимостью перед манипуляцией обладает сочетание двух «гибких» миров — воображения и чувств. Говорят, что эмоции — основные деятели в психическом мире, а образы — строительный материал для эмоций.

На сочетании воображения и чувств основано, например, одно из самых мощных средств воздействия на общественное сознание — терроризм, соединенный с телевидением. Образ изуродованной взрывом невинной жертвы доводится телевидением буквально до каждой семьи, а воображение «подставляет» на место жертвы самого телезрителя или его близких, и это порождает целую бурю чувств. Затем уже дело техники — направить эти чувства на тот образ, который подрядились разрушить манипуляторы (образ армии, федерального центра, исламских фундаменталистов, чеченцев и т.д.). В этой акции необходима лишь цепочка: *террористический акт — телевидение — воображение — чувства — нужное поведение*. Желательно при этом отключить мышление (здравый смысл), потому что террор не является реальным средством уничтожения и даже не создает значительной реальной опасности. Его цель — устрашение, т.е. создание неадекватного чувства страха.

После взрывов в Москве и Волгодонске летом 1999 г. манипулирующие действия телевидения перешли все границы. В Совете Федерации показали снятую бандитами видеоленту о том, как они пытаются заложников и отрубая им головы. После этого один из ведущих телевидения (кажется, Доренко), заявил: «После этого можно было ожидать, что Совет Федерации одобрит ядерный удар по Чечне». Сам этот комментарий преступен, но важнее признание: идеологи знают силу воздействия телевизионной стряпни и даже пытаются с ее помощью разжигать эмоции членов Совета Федерации. Ведь о преступлениях бандитов депутатам и так хорошо из-

вестно, но после показа ленты они, как предполагалось, могли бы принять какое-то фатальное решение не на основе зрелого рассуждения, а под влиянием нахлынувших чувств. Вот как действуют провокаторы.

В психологии выработана подробная классификация типов воображения: преднамеренное и произвольное, воспроизводящее и творческое, конкретное и абстрактное. У многих людей развивается воображение типа «сны наяву» — способность погрузиться в собственные фантазии, уйти от действительности. В крайних случаях это вырабатывает (вернее, усиливает) особый тип мышления — *аутистическое*, когда человек живет в искусственном внутреннем мире, «отключается» от реальности. Во время тяжелых общественных кризисов это может стать массовым явлением и завидной целью манипуляторов сознанием — когда в интересах правящего слоя отвлечь как можно больше людей от активной политической позиции (например, от участия в выборах).

В небольших дозах приятные фантазии оказывают стимулирующий, побуждающий к действию эффект. Но когда человек, предаваясь несбыточным мечтам, начинает в них всерьез верить, создаваемые воображением образы становятся для него достаточными. Они заменяют реальные достижения, занимают место действия, и человек впадает в апатию, не желая и пальцем пошевелить не только для достижения желанного, но уже и для своего спасения.

Учение об *аутизме* (от греческого слова «аутос» — «сам») создал в начале века швейцарский психиатр Э. Блейлер, автор учения о шизофрении (и автор самого этого термина). Аутизм — болезненное состояние психики, при котором человек концентрируется на своей внутренней жизни, активно уходит от внешнего мира. В тяжелых случаях вся жизнь человека полностью сводится к его грезам, но обычно это проявляется в большей или меньшей степени, так что человек остается в общем нормальным. Для нас важен коллективный аутизм, искусственно вызванный с помощью манипуляции сознанием. Перестройка в СССР была эффективной программой по мобилизации аутистического мышления у большой части городского населения СССР.

Вообще, в мышлении человека всегда сочетаются два компонента: реалистическое мышление и аутистическое. Оба они необходимы, важно, чтобы между ними поддерживалось равновесие. Понятно, что воображение будущих желанных состояний подготавливает к действию, будит энергию. Аутизм создает благоприятные условия для упражнения мыслительной способности. У ребенка, например, игра воображения развивает его комбинаторные способности так же, как подвижные игры развивают ловкость и силу.

Но во многих отношениях реалистическое мышление противоположно аутистическому. Первое оперирует элементами действительности как она есть, со всеми ее неприятными сторонами. Второе комбинирует созданные воображением образы, от которых неприятная часть реальности «отщеплена» и замечена под ковер.

Делится воображение и по типу объектов, по виду деятельности (художественное, научное, техническое, религиозное и т.д.). В отличие от аналитического мышления, которое расчленяет предмет, концентрируя внимание на отдельных его сторонах, воображение дает синтетический образ — впечатление от предмета в целом¹. Поэтому его воздействие на сознание труднее контролировать логикой.

Для понимания процессов массового сознания важно, что воображение тесно связано с имитацией — мы «воображаем себя на месте кого-то». При этом имитация часто производится произвольно и ускользает от критического самоанализа. Так, наблюдая движения танцующих, люди порой начинают повторять эти движения, хотя бы покачиванием рук или даже мысленно — при этом не отдавая себе отчета в том, что они вовлечены в имитацию. Так воображение, если его умело направлять, может привести к массовому «заражению» настроением и даже действием. Некоторые лидеры и шарлатаны («харизматические») обладают искусством провоцировать такие состояния.

Активное воображение, связанное с выработкой прогноза обстановки или плана действий (в отличие от пассивных грез или воспоминаний), направлено в будущее и помещает образы в определенные, часто весьма точные временные координаты. Здесь объектом манипуляции могут быть не только создаваемые воображением образы, но и их динамика, «мысленные часы». Бывает, достаточно убедить людей, что воображаемое событие произойдет позже или раньше, чем на самом деле, чтобы достигнуть цели манипуляции сознанием — обмануть бдительность или, наоборот, спровоцировать на преждевременные действия.

Игра воображения сильно зависит от степени удовлетворения потребностей человека. Удовлетворенные потребности воображения не рождают, а вот если человеку чего-то недостает, в его сознании возникают образы — как недостающего предмета, так и путей к обладанию им. Искусственное изменение состояния удовлетворенности самых главных потребностей людей — сильное средство контроля над их воображением и, таким образом, над их поведением. Умеренная нехватка какого-то ресурса пробуждает активное

¹ Аналитическое мышление — особый навык, вырабатываемый тренировкой. Обыденное мышление тесно связано с воображением, и их разграничение — сложная задача в психологии.

воображение, заставляющее действовать, разрешать проблему. Как правило, это не в интересах манипуляции сознанием. Обычно манипуляторы стремятся как можно быстрее обострить неудовлетворенность людей до стадии фрустрации — ощущения подавленности и безысходности. В этом состоянии начинает доминировать пассивное воображение — миражи, грезы, мечты. Возникает и повышенное стремление искусственно «улучшить настроение», например выпивкой.

Очень важным для манипулятора результатом фрустрации является сужение сознания — почти все внимание сосредоточивается именно на неудовлетворенной потребности, восприятие действительности резко искажается. Когда жмет ботинок, человек не думает о том, как хорошо греет его пальто. Фрустрация порождает такое упорство и упрямство, которое со стороны кажется патологической тупостью. При этом неважно, является ли неудовлетворенная потребность фундаментальной или второстепенной, а то и «наведенной».

Вспомним, как в годы перестройки у большей части интеллигенции было создано ощущение страшного горя оттого, что был затруднено оформление выезда из СССР. Стало действительно казаться, что это — вопрос жизни и смерти, все остальное почти не важно. Ради того, чтобы удовлетворить острую потребность в свободе выезда, было не жалко лишиться работы, зарплаты, мирной жизни (и даже реальной возможности поехать за границу — в научную командировку или по туристической путевке).

При сбалансированном взаимодействии мышления, воображения и чувства человек воспринимает реальность в образах, которые выстраиваются в соответствии с укорененной в сознании шкалой ценностей. Этим и определяется поведение человека. Если же манипулятор ставит перед собой задачу изменить поведение человека, заменить его «программу», надо на время исказить шкалу ценностей — заставить людей «захотеть того, чего они не хотят». Такая задача стоит, например, и перед коммерческой, и перед политической рекламой. Воображение — один из объектов, которые «обрабатываются» в ходе манипуляции ради решения этой задачи.

Все мы не раз наблюдали, как человек, «вообразив себе невесть что», ведет себя, на наш взгляд, неадекватно реальности, часто вопреки своим очевидным интересам (гораздо реже мы замечаем такие странности в нашем собственном поведении, но и это бывает). При этом и речи нет о расщеплении сознания (шизофрении), каком-либо другом психозе или воздействии психотропных препаратов, делающих воображение слишком уж ярким. Нет, речь идет о нормальном состоянии человека.

Подбираться к пониманию этого состояния стали во второй половине нашего века, когда пришли к выводу, что одной из фундаментальных сторон человеческого бытия является игра. Человек играющий — такая же важная и необходимая ипостась человека, как трудящийся, борец, любящий сын и отец. В игре человек с помощью фантазии, воображения постигает возможности будущих событий. Сложность этого состояния в том, что человек находится одновременно в двух мирах — в обычной действительности и в сфере воображаемого. И бесполезно пытаться «поправить» его поведение, указав на его несоответствие реальности, — мы же не знаем его «второго мира».

Было бы просто понять эту проблему, если бы человек, как дикарь, верил в плод своего воображения, его можно было бы разубедить. Дело как раз в том, что человек, с довольно раннего возраста, вовсе не смешивает воображение с реальностью, но живет в игре, в нереальном времени и пространстве полной, насыщенной жизнью и не желает «возвращаться на землю». Маленькая девочка, играющая в куклу, конечно же, не впадает в заблуждение и не принимает пластмассовую куклу за живого ребенка. Но выведению ее из игры она будет отчаянно сопротивляться.

У взрослых это не так заметно, но заставить их выйти из воображаемого мира, наверное, труднее, чем ребенка. Магия живописи основана на том, что мы видим пейзаж, изображенный на картине, не так, как мы увидели бы его в натуре. Мы знаем, что картина — это всего лишь реальный холст, немного красок на нем и деревянная рама. Это — устройство, которое помогает нам создать иной, воображаемый мир, прекраснее реального¹. Мир, воображаемый с помощью картины, может быть усложненным — в нем самом может быть и картина, и зеркало. Вехой в формировании современной западной цивилизации с ее разделением субъекта и объекта была картина Веласкеса «Менины»: на ней художник, пишущий картину, отражается в зеркале.

Особенно богат и насыщен порожденный творческим воображением мир, когда игра носит коллективный характер. Умело давая пищу воображению, дирижируя игрой, политики-манипуляторы могут вовлечь в нее целые народы. При этом игра может стать страшной, разрушительной и даже самоубийственной — и тем не менее народ может быть ею увлечен до такой степени, что бесполезно взывать к его рассудку. При этом чуть ли не каждый согла-

¹ Именно смешение, совмещение реального мира (картины) с воображаемым (изображение на картине) есть патология. Один из самых тяжелых жанров фильмов ужаса связан с сюжетом, в котором человек «входит» в картину или персонажи «выходят» из нее в мир, как в повести Гоголя «Портрет».

сится с разумными оценками реальной действительности. Иными словами, дело не в обмане и не в недостатке информации.

Колдовской силой обладает театральная сцена — как окно в воображаемый мир. Поэтому театр по своему воздействию на сознание занимает совершенно исключительное место. Можно сказать, что театр стоит у истоков современной европейской цивилизации, превращения племени в общество. В своем учении о театре Аристотель утверждает, что очищающее действие трагедии происходит именно в воображении — через взаимодействие эффектов страха и сострадания¹. Для достижения этих эффектов необходимо, чтобы создаваемый перед зрителем мир был условным, *надреальным*. Если бы он был совершенно похож на реальность, в пределе — сливался бы со сценами страданий, которые людям доводится видеть в обыденной жизни, то эффект ограничивался бы обычными чувствами конкретного страха или сострадания.

Ле Бон уделил большое внимание воздействию театра на массовое сознание, на толпу. Он писал: «Театральные представления, где образы представляются толпе в самой явственной форме, всегда имеют на нее огромное влияние... Ничто так не действует на воображение толпы всех категорий, как театральные представления».

В театре, как и в неподвижной картине, воображаемый мир может быть усложнен. Затягивая сознание, особенно коллективное, в умело построенный воображаемый мир, его можно сделать полностью беззащитным — оно будет подавлено воображением. Так Гамлет, манипулируя воображением, заставил раскрыться мать и Клавдия, попросив актеров сыграть пьесу, изображающую цареубийство, — а зрители видели в Англии XVI века этот двойной театр. Так эти зрители становились современными европейцами. И так мир подходил к тому, что сегодня называется «общество спектакля».

В отличие от шизофреника нормальный человек отдает себе отчет в том, что образы его воображения не есть реальность. Именно потому они и приобретают для него особый глубокий смысл — они как бы выявляют сущность вещей и событий. Эти образы «реальнее» фактов, они — сверхреальность. Когда человек вживается в них, с ним может произойти озарение — ему кажется, что он проникает в суть вещей. Это и оказывает мощное воздействие на его поведение, причем окружающим, не пережившим того же озарения, это поведение может казаться странным и необъяснимым. Если же озарение оказывается коллективным, возникает сильный массо-

¹ Аристотель ввел понятие «катарсис» (очищение) — вызываемое трагедией в театре потрясение, которое снимает отчуждение между отдельным зрителем как личностью и другими людьми, всем родом человеческим.

вый порыв или даже действия, порой кажущиеся всеобщим помешательством¹.

По мере усложнения общества возрастала и роль воображения — уже для того, чтобы создавать мыслительные образы других людей и их намерений. Выделяясь из стада, а потом из рода и племени, человек создавал свой автономный мир и включался в общество как личность. Для этого он превращал свое лицо, обладающее исключительно подвижной мимикой, в личину — согласно возникающим культурным нормам его лицо должно было принимать соответствующее обстоятельствам выражение. Эта способность «надевать личину» обеспечивала автономность человека, не позволяла другому проникать в его душу и мысли. Так возникла маска как условие самого существования общества (об этом говорилось в главе 1). Одновременно это породило потребность вообразить то, что скрыто за маской.

В стабильный период существования общества люди не ощущают насущной необходимости составить себе образ «истинного лица» тех фигур, которые влияют на их жизнь. Маски этих фигур достаточно застывшие, а то и неподвижны (какими были, например, маски членов Политбюро ЦК КПСС в период «застоя»). Разумеется, люди знали, что перед ними — маски, но дела важных для жизни фигур этим маскам соответствовали и были предсказуемы. Ничего больше и не требовалось людям для того, чтобы программировать свое поведение.

В совершенно другом положении оказываются люди во время кризиса, когда маски важных для их жизни фигур вдруг срываются. Когда главный идеолог компартии вдруг объявляет себя рьяным антикоммунистом, секретари обкомов КПСС и ВЛКСМ начинают захватывать народную собственность, а офицеры армии-защитницы нанимаются бомбить города своей страны. Эта реальность порождает в воображении фантастические картины, и при общем недостатке информации ими можно эффективно манипулировать — тем, кто обладает средствами манипуляции.

Еще больше сознание расщепляется, когда после первого шока люди начинают понимать, что под сорванными масками — новые маски. И переход от одной маски к другой происходит скачкооб-

¹ К числу таких действий можно отнести антисоветские забастовки шахтеров Кузбасса в 1990 г. Множество разумных людей своими руками уничтожали тот строй, в котором они существовали как привилегированная социальная группа. И требовали установить строй, в котором они как социальная группа должны были неминуемо быть превращены в ничтожество. Они вообразили (не без помощи манипуляторов), что если шахты приватизируют, то они будут продавать уголь за доллары, а все остальное — налоги, цены на энергию, машины, транспортные тарифы и т.д. — останется, как было при советском строе.

разно, без тех промежуточных состояний, которые можно наблюдать на лице человека. Так сама маска и процесс ее сбрасывания оказывает на общественное сознание завораживающее действие. Это резко увеличивает возможности для манипуляции сознанием. Поэтому политики, заинтересованные в манипуляции, даже подчеркивают, иногда с большим перебором, что они — маски.

Немецкий философ и писатель Э. Канетти, наблюдавший фашизм и оставивший огромный «труд целой жизни», трактат «Маска и власть» (1960), уделяет особое внимание проблеме маски — именно как тому инструменту власти, которым она воздействует на сознание через воображение. Он пишет:

«Маска воздействует в основном вовне. Она неприкосновенна и устанавливает дистанцию. Она может, например, в танце, приблизиться к зрителю. Однако сам зритель должен оставаться там, где он находится. Застылость формы выливается в постоянство дистанции; дистанция не меняется, и в этом завораживающий характер маски.

Ибо сразу за маской начинается тайна. В острых ситуациях, то есть когда маска воспринимается всерьез, человеку не положено знать, что за ней скрывается. Она многое выражает, но еще больше скрывает. Она представляет собой раздел: скрывая за собой опасность, которую не положено знать, препятствуя установлению доверительных отношений, она приближается к человеку вплотную, однако именно в этой близости остается резко от него отделенной. Она угрожает тайной, сгущающейся за нею. Поскольку ее нельзя прочесть, как подвижное человеческое лицо, человек гадает и пугается неизвестного...

Никто не знает, что могло бы вырваться из-под маски. Напряжение между застылостью маски и тайной, которая за ней сокрыта, может достигать необычайной силы. Это и есть причина ее угрожающего воздействия... Никто не смеет ее тронуть. Смертью карается срывание маски кем-то другим. Пока она активна, она неприкосновенна, неуязвима, священна. Определенность маски, ее ясность заряжена неопределенностью. Власть ее в том и заключается, что она в точности известна, но непонятно, что она в себе таит».

Канетти излагает приемы и побуждения тех «властителей», которые используют манипуляцию сознанием как средство господства с помощью масок. Для самого властителя такого типа надо выполнять два условия: застылость его собственной маски и непредсказуемость действий. В отношении же его соратников один из принципов — регулярное их разоблачение, «срывание масок». Все это связано с важным действием в политическом театре — превращением.

Канетти пишет о правителе-манипуляторе: «Превращения, совершаемые не им самим, ему невыносимы. Он может возносить на высокие посты людей, бывших ему полезными, однако эти осуществляемые им социальные превращения должны быть четко определенными, ограниченными и оставаться полностью в его власти. Возвышая и унижая, он дает установление, и никто не может отважиться на превращение по собственному почину. Властитель ведет нескончаемую борьбу против спонтанных и неконтролируемых превращений. Разоблачение — средство, используемое им в этой борьбе... социальное и религиозное явление огромной важности представляет собой запрет превращения».

И еще о властителе: «Статичность этого типа, которому запрещено собственное превращение, хотя от него исходят бесчисленные приказы, ведущие к превращениям других, вошла в сущность власти. Этот образ определяет и представления современного человека о власти. Властитель — это тот, кто неизменен, высоко вознесен, находится в определенном, четко ограниченном и постоянном месте. Он не может спуститься «вниз», случайно с кем-нибудь столкнуться, «уронить свое достоинство», но он может вознести любого, назначив его на тот или иной пост. Он превращает других, возвышая их или унижая. То, что не может случиться с ним, он совершает с другими. Он, неизменный, изменяет других по своему произволу».

В ходе перестройки и последующей реформы мы наблюдали становление прекрасно организованного театра масок и превращений. Вознесение людей, обретение ими маски, последующее их разоблачение и низвержение — все это стало захватывающим зрелищем, каждый акт которого полностью парализует и разум, и волю миллионов людей и множество политиков разных цветов. Назначили Чубайса — разоблачили Чубайса — простили Чубайса — уволили Чубайса — назначили Чубайса и т.д. Кто такие все эти поднятые из ничего чубайсы, немцовы, бревновы и шахраи? Это маски. Над ними есть одна застылая маска «властителя». Когда-то и ее сорвут, и за ней тоже окажется что-то ничтожное. И режиссеры в этом театре тщательно следят за тем, чтобы никто не превратился в нечто самостоятельное и важное, ускользающее от их контроля. Подумайте: в скрыто бурлящей стране уже десять лет не появляется новых заметных и неподконтрольных фигур.

Наше сознание не может освободиться, пока мы не сбросим наваждение этого театра. Пока наш рассудок не поставит под контроль воображение, которое рисует нам скрывающийся за маской образ могучей и вездесущей власти. За масками — алчные, но испуганные посредственности.

§ 2. Общество спектакля

Двадцатый век был переломным в деле манипуляции общественным сознанием. С одной стороны, сложилась наука, которая занималась этой проблемой, — *социальная психология*, один из краеугольных камней которой заложил Ле Бон в своем учении о толпе. Возникли и теоретические концепции, о которых говорилось ранее. Параллельно развивалась новаторская и жесткая практика «толпообразования», превращения больших масс людей в толпу и манипуляции ею. Возникли новые технологические средства, позволяющие охватить интенсивной пропагандой миллионы людей одновременно. Возникли и организации, способные ставить невероятные ранее по масштабам политические спектакли — и в виде массовых действий и зрелищ, и в виде кровавых провокаций.

Особенностью политической жизни конца XX века стало освоение политиками и даже учеными уголовного мышления в его крайнем выражении «беспредела» — мышления с полным нарушением и смешением всех норм. Всего за несколько последних лет мы видели заговоры и интриги немыслимой конфигурации, многослойные и «отрицающие» друг друга.

Все это вместе означало переход в новую эру — постмодерн, с совершенно новыми, непривычными нам этическими и эстетическими нормами. Что это означает в политической тактике? Прежде всего, постоянные разрывы непрерывности. Действия с огромным «перебором», которых никак не ожидаешь. Человек не может воспринимать их как реальность и потому не может на них действительно реагировать — он парализован. Так, отброшен принцип соизмеримости «наказания и преступления». Пример — чудовищные бомбардировки Ирака, вовсе не нужные для освобождения Кувейта (не говоря уж о ракетном ударе по Багдаду в 1993 г.). Аналогичным актом был танковый расстрел Дома Советов. Ведь никто тогда и подумать не мог, что устроят такую бойню в Москве. Следом — разрушение в 1995 г. Грозного, с военной точки зрения бессмысленное. Затем — бомбежки Югославии.

Это — большие спектакли, слишком сильно бьющие по чувствам. Вот случаи поменьше и поспокойнее. Например, Гаити, где дали под зад генералам, отличникам боевой и политической подготовки академий США, которые всю жизнь точно выполняли то, что им приказывал Дядя Сэм. Вдруг и к ним пришла перестройка — морская пехота США приезжает устанавливать демократию и посылает ту же рвань, что раньше забивала палками демократов Аристиды, теми же палками забивать родню генералов. Но буквально с трагической нотой это проявилось в ЮАР. В начале 90-х годов мировой мозговой центр решил, что ЮАР нужно передать, хотя бы

номинально, чернокожей элите, т.к. с нею будет можно договориться, а белые все равно не удержатся. Поскольку вести идеологическую подготовку, подобную перестройке в СССР, времени не было, «своих» подвергли психологическому шоку, который устранил всякую возможность не только сопротивления, но даже дебатов. Вот маленький инцидент. Перед выборами белые расисты съехались на митинг в один бантустан. Митинг вялый и бессмысленный, ничего противозаконного. Полиция приказала разъехаться, и все подчинились. Неожиданно и без всякого повода полицейские обстреляли одну из машин. Когда из нее выползли потрясенные раненые пассажиры — респектабельные буржуа, белый офицер подошел и хладнокровно расстрелял их в упор, хотя они умоляли не убивать их. И почему-то тут же была масса репортеров. Снимки публиковались в газетах и все было показано по ТВ. Всему миру был показан великолепный спектакль¹.

Западные философы, изучающие современность, говорят о возникновении *общества спектакля*. Мы, простые люди, стали как бы зрителями, затаив дыхание наблюдающими за сложными поворотами захватывающего спектакля. А сцена — весь мир, и невидимый режиссер и нас втягивает в массовки, а артисты спускаются со сцены в зал. И мы уже теряем ощущение реальности, перестаем понимать, где игра актеров, а где реальная жизнь. Что это льется — кровь или краска? Эти женщины и дети, что упали как подкошенные в Бендерах, Сараеве или Ходжалы, — прекрасно «играют смерть» или вправду убиты? Здесь возникает диалектическое взаимодействие с процессом превращения людей в толпу. Ле Бон сказал о толпе, что «нереальное действует на нее почти так же, как и реальное, и она имеет явную склонность не отличать их друг от друга».

Речь идет о важном сдвиге в культуре, о сознательном стирании грани между жизнью и спектаклем, о придании самой жизни черт карнавала, условности и зыбкости. Это происходило, как показал М. Бахтин, при ломке традиционного общества в средневековой Европе. Сегодня эти культурологические открытия делают социальной инженерией. Помните, как уже 15 лет назад Ю. Любимов начал идти к этому «от театра»? Он устранил рампу, стер грань. У него уже по площади перед театром на Таганке шли матросы Ок-

¹ Расстрел белых расистов в ЮАР и избиение, по указке консула США, членов военной хунты на Гаити открыли новую страницу в истории политических технологий. Новые методы манипуляции сознанием обеспечивают надежный контроль за поведением масс, и в этих условиях уже не нужны архаичные тираны и диктаторы, даже вполне преданные мировой верхушке. Не только не нужны, но и вредны — в них нет-нет, да и проснется патриотизм. Поэтому всем потенциальным гориллам дано несколько знаков. Самый красноречивый из них — сдача Пиночета.

тября, а при входе часовой накальвал билет на штык. Актеры оказались в зале, а зрители — на сцене, все перемешалось. Сегодня эта режиссура перенесена в политику, на улицы и площади, и на штык накальвают женщин и детей.

Вот «бархатная революция» в Праге 1989 г. Какой восторг она вызывала у нашего либерала. А по сути — одно из самых страшных событий. От разных людей, и у нас, и на Западе, я слышал эту историю: осенью 1989 г. ни демонстранты, ни полиция в Праге не желали проявить агрессивность — не тот темперамент. Единственный улов мирового ТВ: полицейский замахивается дубинкой на парня, но так и не бьет! И вдруг, о ужас, убивают студента. Разумеется, «кровавый диктаторский режим» Чехословакии сразу сдается. Демократия заплатила молодой жизнью за победу. Но, как говорят, «безжизненное тело» забитого диктатурой студента, которое под стрекот десятков телекамер запихивали в «Скорую помощь», сыграл лейтенант чешского КГБ. Все в университете переполошились — там оказалось два студента с именем и фамилией жертвы. Кого из них убили? Понять было невозможно. Позже выяснилось, что ни одного не было тогда на месте, один в США, другой где-то в провинции. Спектакль был подготовлен квалифицированно. Но это уже никого не волновало. Вот это и страшно, ибо, значит, все уже стали частью спектакля и не могут стряхнуть с себя его очарование. Не могут выпрыгнуть за рампу, в зал. Нет рампы. Даже не столь важно, было ли это так, как рассказывают. Важно, что чехи считают, что это так и было, что это был спектакль, но его вторжение в жизнь воспринимают как нечто законное.

Огромную роль в смешении реальности и спектакля играет насилие. Оно занимает важное место в жизни человека современного общества — и в то же время его преувеличенный и художественно соблазнительный образ умножается средствами культуры. Американский писатель Б. Гиффорд сравнивает процесс, превращающий клубок страстей, пороков и преступлений в огромный спектакль, с тем, что видит в жизни: «Всего за три дня вокруг меня произошло вот что. Дочь моего друга, 15 лет, была изнасилована и убита выстрелом в голову в полдень в университетском городке. Мой сын с невестой, им по 20 лет, ожидали вечером автобус. К ним подошел парень с ружьем, заставил сына лечь на тротуар, затолкал девушку в машину, увез на пустырь, изнасиловал и избил. Мой старый друг 72 лет выставил свою кандидатуру в муниципалитет, конкурируя с негритянкой. Когда он пошел к избирателям, на него напала группа громил-негров и превратила его буквально в котлету». Гиффорд задает вопрос: «Давайте различим, где реальность, а где спектакль. Видите вы разницу? Я писатель, и я разницы не вижу». И каждый день эта разница все более стирается — даже мелочами. Вот в су-

пермаркете, куда ходит писатель, старик, собирающий коляски на стоянке перед магазином, обнаружил в такой коляске две отрезанные руки. Просто шутка. Неизвестно даже, было ли перед этим совершено убийство или так, шутник где-то раздобыл «ненужные» руки.

Структурный анализ использования воображения «человека играющего» в целях господства дал французский философ Ги Дебор в известной книге «Общество спектакля» (1971). Он показал, что современные технологии манипуляции сознанием способны разрушить в атомизированном человеке знание, полученное от реального исторического опыта, заменить его искусственно сконструированным «режиссерами» знанием. В человеке складывается убеждение, что главное в жизни — видимость, да и сама его общественная жизнь — видимость, спектакль.

При этом историческое время превращается в совершенно новый тип времени — время спектакля, пассивного созерцания. И оторваться от него нельзя, так как перед глазами человека проходят образы, гораздо более яркие, чем он видит в своей обычной реальной жизни в обычное историческое время. «Конкретная жизнь деградирует до спекулятивного пространства» (спектакль и есть нечто спекулятивное).

Ценность этой технологии для власти в том, что человек, погруженный в спектакль, утрачивает способность к критическому анализу и выходит из режима диалога, он оказывается в социальной изоляции. Г. Дебор уделяет особое внимание тому особому ощущению «псевдоциклического» времени, которое возникает у человека, наблюдающего политический спектакль. Время спектакля, в отличие от исторического времени, становится не общей ценностью, благодаря которой человек вместе с другими людьми осваивает мир, а разновидностью товара, который потребляется индивидуально в стандартных упаковках. Один «пакет» спектакля «стирает» другой. Как неоднократно повторяет теоретик современного западного общества К. Поппер в книге «Открытое общество и его враги», «история смысла не имеет»!

Общество спектакля — это «вечное настоящее». Как пишет Г. Дебор, «оно достигается посредством нескончаемой череды сообщений, которая идет по кругу от одной банальности к другой, но представленных с такой страстью, будто речь идет о важнейшем событии». Вспомним: семь лет Россия живет в спектакле, который называется «здоровье Ельцина».

То же самое происходит с восприятием пространства: созерцатель спектакля «потребляет» его стандартные упаковки, сам оставаясь вне реальности и вне человеческих контактов. Режиссеры

спектакля становятся абсолютными хозяевами воспоминаний человека, его устремлений и проектов.

Г. Дебор отмечает и другое важное качество «общества спектакля»: «Обман без ответа; результатом его повторения становится исчезновение общественного мнения. Сначала оно оказывается неспособным заставить себя услышать, а затем, очень скоро, оказывается неспособным сформироваться».

В СССР перестройка и стала тем этапом, когда ложь политиков по важным вопросам нашей жизни перестала вызывать какую бы то ни было общественную реакцию. Когда оказалось, что общественное мнение уже не формируется, можно было переходить к следующему этапу: обманщиков А. Н. Яковлева и А. Г. Аганбегяна могли сменить Е. Т. Гайдар и А. Б. Чубайс.

К обману примыкает, как ритуал спектакля, обстановка секретности. Секретность становится важнейшей и узаконенной стороной жизни, так что задавать вопросы и требовать ответа становится чем-то неуместным и даже неприличным. Мы давно уже не знаем, кто, где и почему принимает важнейшие для нашей жизни решения. О чем говорил Горбачев с папой римским? Какое соглашение он подписал с Бушем на Мальте? Когда и зачем был взят на Западе огромный кредит? Кто решил принять для России программу МВФ? Почему на 4 месяца назначили вместо Черномырдина Кириенко? О чем докладывал Чубайс Бильдербергскому клубу в мае 1998 г.? Почему сняли Скуратова? Никаких объяснений не дается, но, чудесным образом, никто их и не просит — ни оппозиция, ни свободная пресса. Мы лишь можем смотреть на сцену и гадать.

Особое внимание философов привлекла совершенно невероятным сценарием Тимишоара — спектакль, поставленный для свержения и убийства Чаушеску. Убить-то его было совершенно необходимо, т.к. он создал недопустимый для всего «нового мирового порядка» прецедент — выплатил весь внешний долг, освободил целую страну от удавки МВФ. Показал, что в принципе можно, хотя и с трудом, выскользнуть из этой петли.

Г. Дебор покончил с собой, когда верхушка КПСС соединилась с правящими кругами Запада в постановке политических спектаклей мирового масштаба. Он, видимо, посчитал, что с такой интенсивной манипуляцией человек не имеет шансов справиться. Изучающий «общество спектакля» итальянский культуролог Дж. Агамбен так пишет о глобализации спектакля, т.е. объединении политических элит Запада и бывшего соцлагеря: «Тимишоара представляет кульминацию этого процесса, до такой степени, что ее имя следовало бы присвоить всему новому курсу мировой политики. Потому что там некая секретная полиция, организовавшая заговор против себя самой, чтобы свергнуть старый режим, и телевиде-

ние, показавшее без ложного стыда и фиговых листков реальную политическую функцию СМИ, смогли осуществить то, что нацизм даже не осмеливался вообразить: совместить в одной акции чудовищный Аушвиц и поджог рейхстага. Впервые в истории человечества недавно похороненные трупы были спешно выкопаны, а другие собраны по моргам, а затем изуродованы, чтобы имитировать перед телекамерами геноцид, который должен был бы легитимировать новый режим. То, что весь мир видел в прямом эфире на телеэкранах как истинную правду, было абсолютной неправдой. И, несмотря на то что временами фальсификация была очевидной, это было узаконено мировой системой СМИ как истина — чтобы всем стало ясно, что истинное отныне есть не более чем один из моментов в необходимом движении ложного. Таким образом, правда и ложь становятся неразличимыми, и спектакль легитимируется исключительно через спектакль. В этом смысле Тимишоара есть Аушвиц эпохи спектакля, и так же, как после Аушвица стало невозможно писать и думать, как раньше, после Тимишоары стало невозможно смотреть на телеэкран так же, как раньше».

Но, несмотря на предупреждения, массы людей смотрят на телеэкран так же, как раньше. Мы не сделали усилия и не поставили в нашем сознании блок актерам и режиссерам политического спектакля. После Тимишоары мы увидели подобные инсценировки в Вильнюсе и Москве, а затем, по нарастающей, все более реалистичные спектакли, где приходилось жертвовать большим числом статистов.

Спектакль — система очень гибкая. У режиссеров нет детальных планов, какие бывают у строителя. Вся перестройка и реформа есть цепь действий по дестабилизации, а для нее не нужна ни мощная социальная база, ни большая сила — взорвать мост в миллион раз легче, чем построить. При этом точно нельзя предвидеть, по какому пути пойдет процесс, есть лишь сценарии. Но режиссеры готовы к тому, чтобы действовать по любому сценарию, и быстро определяют, какой из них реализуется.

Прекрасный пример — «Горбачев-путч» в августе 1991 г. Тогда Горбачев переиграл свою команду — и Павлова, и Язова с Янаевым. А они, хоть и быстро поняли, что попали в ловушку лицедея, уже ничего не смогли предпринять — такого сценария не ожидали. Это — их «неполное служебное соответствие» в новом обществе. Но зато Ельцин, как считается, переиграл Горбачева — очень быстро и четко среагировала его команда и победила, хотя фальсификации в ее спектакле были совершенно очевидны. Но и Горбачев, и Ельцин, чувствуется, были актерами одного и того же спектакля, режиссер которого не выйдет на сцену раскланяться.

§ 3. Манипуляция вниманием

Важнейшими мишенями, на которые необходимо оказывать воздействие при манипуляции сознанием, являются *память* и *внимание*. Задача манипулятора — в чем-то убедить людей. Для этого надо прежде всего привлечь внимание людей к его сообщению, в чем бы оно ни выразалось. Затем надо, чтобы человек запомнил это сообщение, ибо многократно проверенный закон гласит: убедительно то, что остается в памяти.

Как говорилось, сам термин *манипуляция* был перенесен в сферу сознания из области искусства фокусников. У фокусников-манипуляторов к важнейшим навыкам и умениям относится владение приемами отвлечения внимания зрителей от главного объекта. Мастер переключает внимание на специально создаваемые для этого явления с помощью слов, жестов, внешних эффектов (вплоть до огня и взрыва). В принципе так же поступают и манипуляторы сознанием. Для этого они разрабатывают сложные и даже изощренные технологии, иногда кровавые.

Внимание, концентрация психических процессов на каком-то объекте направляет и организует все эти процессы — восприятие, мышление, чувства, воображение и т.д. Сосредоточив внимание на важном объекте, человек отсеивает, отстраняет второстепенные раздражения и информацию. Это и позволяет человеку вести целесообразную психическую деятельность. Даже при чтении текста человек всегда выделяет в нем несколько *центров интереса*, на которых и концентрирует внимание, а пустоты между ними заполняет «упаковочным материалом», который пробегает вполглаза.

Понятно, что люди активно используют свою способность к изменению *направленности* внимания, к его переключению. Они переводят его, как прожектор, на те объекты, которые в данный момент они посчитали более значимыми¹. Таким образом, для манипулятора возникает возможность заместить объект — увести важный объект в тень, в допороговую область, подсунув человеку служебный отвлекающий объект (имеющийся в реальности или построенный манипулятором).

Люди могут менять и *сосредоточенность* внимания на объекте, степень углубленности в его восприятие и осмысление — в жизни человеку приходится распределять внимание. Таким образом, искусственно рассеивая внимание, распределяя его на несколько объектов, можно и без полного отвлечения внимания от важного для человека объекта значительно снизить возможности его восприятия и осмысления. Для успешной манипуляции вниманием

¹ Для привлечения внимания особенно важны факторы *узнавания, качества и живости впечатления*.

важно также верно оценить такие характеристики аудитории, как *устойчивость* и *интенсивность* внимания. Они зависят от уровня образования, возраста, профессии, тренировки людей и поддаются экспериментальному изучению. Не менее важна и технологическая база манипулятора. Телевидение, которое оперирует одновременно текстом, музыкой и зрительно воспринимаемыми движущимися образами, обладает исключительно высокой, магической способностью сосредоточивать, рассеивать и переключать внимание зрителя. Эффективность телевидения связана с тем, что оно мобилизует периферические системы внимания, что обеспечивает большую избыточность информации в центральной интегрирующей системе. Чем больше избыточность, тем меньших усилий требует восприятие сообщения.

Аналитическое и теоретическое изучение внимания сопряжено с большими трудностями, но зато ему посвящено огромное количество опытных исследований, так что технологи манипуляции сознанием имеют неограниченный запас «раздражителей», позволяющих привлечь, переключить или рассеять внимание, а также повлиять на его устойчивость и интенсивность¹. Это касается всех способов подачи зрительной и слуховой информации, всех характеристик ее содержания и формы (вплоть до использования орфографических и логических ошибок как средства привлечения внимания). Понятно, что для целей манипуляции одинаково важны приемы привлечения и *удержания* внимания на убеждающем сообщении (захват аудитории) и в то же время *отвлечения* внимания от некоторых сторон реальности или некоторых частей сообщения — всегда предпочтительнее не лгать, а добиться, чтобы человек не заметил «ненужной» правды.

Исследование способов отвлечения или переключения внимания как необходимого условия успешной манипуляции проводилось в 60-е годы в США исходя из представлений о психологической защите человека против внушения. Довольно быстро было обнаружено, что сообщение, направленное против какого-либо мнения или установки, оказывается более эффективным, если в момент его передачи отвлечь внимание получателя от содержания сообщения. В этом случае затрудняется осмысление информации получателем и выработка им контрдоводов — основа его сопротивления внушению.

¹ Многие эмпирические находки применяются и без хорошего теоретического объяснения. Так, давно было обнаружено, что пик внимания телезрителей возникает в тот момент, когда камера удаляется от центра события (от артиста, музыканта, оратора) и начинает медленно скользить по публике, выхватывая крупным планом то одно, то другое лицо. С помощью этого приема внимание удерживается и на главном объекте. Этот прием широко вошел в практику телевидения.

В одной серии экспериментов группам студентов показывали два небольших фильма, в которых произносилась речь, убеждающая зрителя в том, что студенческие братства вредны. Один фильм изображал самого оратора, который произносил эту речь. В другом фильме та же речь давалась на фоне видеоряда, образы которого никак не были связаны с текстом. Они отвлекали внимание от содержащихся в речи доводов. В тех группах зрителей, которых содержание речи существенно не затронуло (студенты, не принадлежащие к братствам), разницы в изменении их мнения после просмотра обоих фильмов обнаружено не было. Напротив, члены студенческих братств поддались воздействию по-разному. Более внушаемы оказались те, кто смотрел фильм с образами, отвлекающими внимание.

Затем методики усложнились и стали более точными. Убеждающая словесная информация давалась группам испытуемых при отвлекающем воздействии разной интенсивности (им показывались слайды с изображением, отвлекающая внимание сила которых была различной). Оказалось, что убеждающая информация наиболее эффективна при умеренных уровнях отвлечения внимания. Психологическое сопротивление внушению сильно при отсутствии отвлечения (получатель информации проявляет при этом высокую степень подозрительности по отношению к целям оратора), но оно повышается и при слишком сильном отвлечении — чувство подозрения снова возрастает. Надо, впрочем, заметить, что этот вывод не распространяется на крайние способы отвлечения внимания через *психологический шок*.

Эксперименты 60-х годов повысили эффективность манипуляции в прессе и на телевидении, дав почти количественные критерии для определения «оптимального» отвлечения читателя или зрителя от аргументов убеждающего сообщения. Газеты стали применять «калейдоскопическое» расположение материала, разбавление важных сообщений сплетнями, противоречивыми слухами, сенсациями, красочными фотографиями и рекламой. Телевидение стало по-новому компоновать видеоряд, точно подбирая отвлекающие внимание образы.

Исключительно сильным отвлекающим действием обладают *уникальные* события — беспрецедентные и неповторимые. По отношению к ним у человека возникает «двойное внимание» — люди, как говорится, не верят своим глазам и вынуждены все сильнее всматриваться в объект, сосредоточивая на нем свое внимание. Под прикрытием такой сенсации политики торопятся провернуть все темные дела. Более рядовым воздействием обладают непривычные события — те, которые происходят редко и к тому же привлекают внимание своими другими сторонами (убийства, катаст-

рофы, скандалы). Иногда, наоборот, жестко запрограммированные важные события могут быть использованы для отвлечения внимания от политической акции, которая в другое время вызвала бы повышенную общественную активность. Так, очень умело был выведен в отставку Ельцин — 31 декабря 1999 г., когда все люди готовились встретить новый 2000-й год, а потом пребывали в похмелье до 4 января.

§ 4. Манипуляция и воздействие на память

В целях манипуляции сознанием приходится воздействовать на все виды памяти человека и разными способами. С одной стороны, надо, чтобы человек запомнил (а то и заучил до автоматизма) какую-то мысль, метафору, формулу («Да, да, нет, да!»). С другой стороны, бывает необходимо «отключить» его краткосрочную или историческую память — они создают психологический барьер против внушения.

В пределе человек, не помнящий ничего из истории своего коллектива (народа, страны, семьи), выпадает из этого коллектива и становится совершенно незащищен против манипуляции. Это — важное условие для возможности подлогов и подмен предмета утверждений. Если люди быстро забывают реальность, то всякую проблему можно представить ложно, вне реального контекста. И обсуждение, даже если бы оно было, теряет рациональные черты — результат достигается на эмоциях.

Интуитивно люди чувствуют, что их связь с историей — огромная и жизненно важная ценность, хотя редко могут обосновать это логически. Почему такое беспокойство вызывает решение снести какой-нибудь старый, всем мешающий дом? Потому что он — реальный свидетель давних событий, и нам кажется, что мы можем опереться на него в нашей связи с историей. Еще более необъяснимым на первый взгляд является тот священный смысл, который придается архивам. Зачем они? Опубликование документов почти ничего не изменит в нашей жизни. Да ведь сделаны уже и микрофильмы, и записаны документы на оптических дисках. Если ураган уничтожит подлинные документы, практически ничего не изменится — но сама эта опасность кажется нам страшной. Подлинные документы — *свидетели истории*. Как говорят, «их священный характер состоит в их диахронической функции», в обуздании Хроноса — времени, отделяющего нас от жизни наших предков. Чтобы манипулировать сознанием ныне живущих, надо эту связь разрывать.

Йохан Хейзинга (1872—1945) говорил, что в XX веке история стала «орудием лжи на уровне государственной политики», и никакая восточная деспотия древности в своих фантастических «свиде-

тельстввах» не доходила до такой манипуляции историей. В 1995 г. по Европе с триумфом прошел фильм английского режиссера Кена Лоха (Ken Loach) «Земля и воля», прославляющий дела троцкистов в годы гражданской войны в Испании. На презентации этого чисто идеологического фильма в Мадриде К. Лох выразился удивительно откровенно: «Важно, чтобы история писалась нами, потому что тот, кто пишет историю, контролирует настоящее».

Рассмотрим сначала важность запоминания. Когда человек получает какое-то сообщение, его взаимодействие с памятью делится на два этапа: сначала происходит *пассивное* запоминание. Затем информация перерабатывается рассудком, и если она признается мало-мальски убедительной, эмоционально окрашенной и представляющей интерес, она «внедряется» в память и начинает воздействовать на сознание.

Таким образом, запоминаемость и убедительность находятся в диалектическом единстве. Чтобы не быть с ходу отвергнутым пассивной памятью, сообщение должно чем-то «зацепить» сознание, не показаться сразу полной чушью. Но чтобы внедриться в сознание, информация должна быть упакована в такую форму, чтобы оно запечатлелось в памяти. Человеку всегда кажется убедительным то, что он запомнил, даже если запоминание произошло в ходе чисто механического повторения, как назойливой песенки. Внедренное в сознание сообщение действует уже независимо от его истинности или ложности. А. Моль подчеркивает: «На этом принципе и основана вся пропагандистская деятельность и обработка общественного мнения прессой». Еще раньше ту же мысль выразил Геббельс: «Постоянное повторение является основным приемом всей пропаганды».

Исследователи пришли к печальному для простого человека выводу: то, что в результате частого повторения прочно запоминается, действует на сознание независимо от того, вызывает ли это утверждение возражения или одобрение: «Эффективность убеждения измеряется числом людей, у которых данное сообщение вызывает определенную реакцию, направленность же этой реакции несущественна». Направленность реакции *несущественна!* Тот, кто вперился в экран телевизора и десять раз в день слышит одно и то же сообщение, подвергается манипуляции, даже если каждый раз он чертыхается от возмущения.

Этот вывод проверен на коммерческой рекламе, ценность которой для ученых — в огромном количестве эмпирического материала. Мастера рекламы знают, что для ее эффективности неважно, вызывает ли она положительную или отрицательную реакцию, важно, чтобы она застряла в памяти. Так возник особый вид —

«раздражающая реклама», подсознательное влияние которой тем больше, чем сильнее она возмущает или раздражает людей¹.

Специалистами в области информации проведено огромное количество исследований с целью выяснить характеристики сообщений, облегчающие запоминание. Так, обнаружено наличие критической временной величины («временной объем памяти»): целостное сообщение должно укладываться в промежуток от 4 до 10 секунд, а отдельные частицы сообщения — в промежутки от 0,1 до 0,5 секунды.

Чтобы воспринять рассуждение, которое не умещается в 8—10 секунд, человек уже должен делать особое усилие, и мало кто его пожелает сделать. Значит, сообщение просто будет отброшено памятью. Поэтому квалифицированные редакторы телепередач доводят текст до примитива, выбрасывая из него всякую логику и связный смысл, заменяя его ассоциациями образов, игрой слов, путь даже глупейшими метафорами.

Подробно изучено влияние эмоциональных элементов сообщения на его запоминаемость. Во всем балансе разных видов памяти (образной, словесной, звуковой и т.д.) главной для манипуляции сознанием является именно эмоциональная память. Запоминается и действует прежде всего то, что вызвало впечатление. Само слово говорит за себя — то, что *впечаталось*. Любая информация, если она не подкреплена «памятью чувств», быстро стирается, вытесняется.

Роль самых разных чувств в запоминании тщательно «взвешена», так что имеется целый ряд математических моделей, позволяющих делать количественные расчеты, «конструируя» передачи и выступления политиков. Одни сообщения целенаправленно внедряются в долгосрочную память, другие в краткосрочную, а третьи используются как нейтральное прикрытие, создающее общую правдоподобность.

Очень важна связь эмоциональной памяти и *узнавания*. В манипуляции сознанием узнавание играет ключевую роль, потому что порождает ложное чувство знакомства. Это становится предпосылкой согласия аудитории с коммуникатором (отправителем сообщения) — он воспринимается аудиторией как *свой*. Для «захвата» аудитории узнавание гораздо важнее сознательного согласия с его утверждениями. Поэтому так важно намозолить людям глаза с телеэкрана.

Все мы это постоянно видим в политике. В 1989 г. в народные депутаты прошла целая куча мальчиков с телевидения, которые просто вели популярные передачи. Они не были никакими полити-

¹ В истории рекламы известен случай, когда фирма почти утроила оборот благодаря новой рекламе ее рубашек. Вместо обычного красивого улыбающегося мужчины в рубашку этой фирмы на рекламе был одет мрачный, кривой на один глаз тип.

ками, никакими специалистами — попки, которые озвучивали подготовленные редакторами идеи. И вот, на тебе, стали депутатами, вершили судьбы страны. Изменилось ли это положение за десять лет тяжелой жизни? В малой степени. В 1999 г. депутатом Госдумы выбирают молодую А. Буратаеву — только потому, что запомнилось ее симпатичное лицо как диктора телевидения.

А почему выбрали в депутаты и даже сделали лидером, например, Н. И. Рыжкова? Его выбирали люди, страдающие от уничтожения советского строя. Но ведь для разрушения всей советской системы хозяйства, а значит и всего строя, правительство Рыжкова сделало несравненно больше, чем Гайдар и Черномырдин. Три закона утробили хозяйство, финансовую и плановую систему: закон о предприятии, о кооперативах и о создании коммерческих банков. Но Рыжкова помнят как Председателя Совета Министров СССР, его честное лицо сразу узнают — и опять мечтают видеть его у власти.

Действуя через средства массовой информации, манипуляторы главную ставку делают на *непроизвольное* запоминание. Поэтому для них гораздо важнее создать поток сумбурных сообщений, чем изложить одну связную идею, которую человек обдумает и преднамеренно запомнит. Сумбурные сообщения откладываются в латентных, дремлющих слоях памяти и действуют подспудно, больше на подсознание. Они оживляются ассоциациями, новыми образами и сообщениями, которые их «будят». При этом для манипулятора даже неважно, как отнесся человек к сообщению, которое он запомнил непроизвольно.

При изучении процессов памяти психологи обнаружили явление «дремлющего эффекта»: отложенная в латентных слоях памяти точка зрения, которая была отвергнута сознанием в момент непроизвольного запоминания, с течением времени, «отлежавшись», превращается сначала в смутное, неопределенное представление, а потом и в согласие с ней. Для того чтобы пресечь этот процесс превращения, необходимо время от времени напоминать человеку первоначальный смысл утверждения и причины, по каким оно было отвергнуто¹.

¹ Примечательно, что политики оппозиции в России этого или не знают, или подыгрывают противнику. Добившись в какой-то момент неприятия общественным мнением какой-то шумной кампании, они «забывают» о ней, поскольку цель вроде бы достигнута. Но отвергнутый сознанием тезис через «дремлющий эффект» понемногу овладевает установками людей. Это прекрасно видно на отношении к купле-продаже земли. Никаких аргументов в ее пользу у рыночников не появляется, даже наоборот, результаты эксперимента с фермерами предельно печальны. Однако год за годом все больше людей начинают относиться к этой идее терпимо, а потом и благожелательно. Никакой контрпропаганды оппозиция не ведет, поскольку, как считается, люди куплю-продажу земли отвергли, а новых доводов в ее пользу нет.

Разрушение исторической памяти происходит во всяком обществе, где господство основано на манипуляции¹. Эффективность западной идеологической машины просто невероятна. Например, всеобщее незнание элементарных исторических сведений о второй мировой войне на Западе — вовсе не шутка. Такие вещи у нас пока еще не укладываются в сознании.

Помню, как первое время меня поражали молодые испанцы. Всего полвека назад в Испании произошла жестокая гражданская война, но ее как будто и не было. У нас до сих пор имена Колчака и Деникина, Чапаева и Фрунзе у всех на слуху, но в Испании это невозможно себе представить. На о. Тенерифе, откуда начался мятеж Франко, города наполнены монументами в честь этого события. Там не меняли названия улиц, не сносили памятников, но они уже ничего не говорят молодежи. Как-то я стоял у памятника основателю фашистского движения в Испании («фаланге») Хосе Антонио Примо де Ривера, расстрелянному республиканцами. Подъехал автобус с испанскими туристами, все вылезли и подошли к памятнику. Один спрашивает соседа: «Кто это?» Тот отвечает: «Не знаю. По-моему, архитектор этого города».

В необходимых политикам случаях «отключение» у обывателей исторической памяти производят в удивительно короткие сроки. В 1993 г. одна из постоянных тем западной прессы (да и «кухонных» дебатов их интеллигенции) была война в Югославии. Но, поразительным образом, все сводилось к обсуждению событий двух-трехдневной давности, максимум недельной. Абсолютно никого не интересовало, как будто на это наложен запрет, почему началась война, как случилось, что вчерашний доцент университета, сегодня в форме хорватского усташа, вырезает глаза у сербских детей. На все был готов простой ответ: с падением коммунизма началась демократия, высвободилась копившаяся под гнетом этническая ненависть — и, естественно, началась война на взаимное уничтожение. Как будто другого ничего никто и не ожидал.

И крайнее раздражение вызывало предложение разобраться, каким же образом пятьдесят лет югославы уживались в мире, масса людей (более 30%) пережилась смешанными браками. Каким образом все-таки тоталитарный (это в Югославии-то!) коммунистический режим «подавлял» межэтническую ненависть? Может, следовало бы чему-то и поучиться? Куда там! Мирного прошлого как будто и не существовало. Это была аномалия, а аномалии западное мышление игнорирует.

¹ Дело не в конкретных программах, а в типе мышления, которое устраняет традицию как коллективную историческую память и запас «неявного знания». Без этого было бы невозможно построение мета-идеологии Запада — евроцентризма.

МИФЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: БОЛЬШИЕ ПРОЕКТЫ МАНИПУЛЯЦИИ

Миф — обобщенное представление о действительности, сочетающее и нравственные, и эстетические установки, соединяющее реальность с мистикой. То есть это всегда представление в значительной мере иллюзорное, но в силу своей этической и художественной привлекательности оказывающее большое воздействие на массовое сознание. Иногда миф есть способ заместить в сознании невыносимый достоверный образ страшной действительности условным образом, с которым можно «ужиться». Часто под воздействие такого мифа попадают и профессионалы, что ведет к печальным последствиям¹.

Мифы, несущие в себе важную иррациональную (в принципе, религиозную) компоненту, становятся частью традиции и играют важную роль в легитимации общественного строя в идеократических государствах. Однако миф, как уже говорилось, и в современном обществе не утратил своего значения как важной формы общественного сознания и представления действительности. Структура мифа и характер его восприятия общественным сознанием хорошо изучены, что позволило создать в демократических государствах целую индустрию, фабрикующую и внедряющую мифы с целью манипуляции сознанием и поведением. Такие мифы, конечно, редко становятся частью долговременной традиции, входящей в ядро культуры (подобно мифам Древней Греции или былинам об Илье Муромце). Однако в текучей мозаичной массовой культуре они могут занимать большое место, а главное, они решают конкретные задачи по манипуляции сознанием.

Немецкий философ Э. Кассирер в работе «Техника современных политических мифов» говорит о целенаправленном создании мифов как средстве манипуляции массовым сознанием в политических целях. Протицируем большую выдержку из этой работы:

¹ Русский военный ученый Н. Н. Головин в 30-е годы (в эмиграции) ставил вопрос о создании науки о войне, «социологии войны» — потому, что будущий солдат получает представление о войне из художественной литературы, которая абсолютно искажает реальный образ войны и особенно боя, заменяет его мифом. Он пишет: «В результате этой, издавна установившейся тенденции к искажению истинного облика войны и создается тот разрыв между «теоретическим» представлением о бое и теми впечатлениями, которые выносит боец при первом же прикосновении с реальностью боя. В литературе этот разрыв привел к парадоксам Стендаля и Льва Толстого». (Кстати, есть мнение, что Франция так позорно проиграла войну 1940 г. оттого, что учителя средней школы сложились под влиянием пацифистских романов Барбюса, Ремарка и др.)

«Миф всегда трактовался как результат бессознательной деятельности и как продукт свободной игры воображения. Но здесь миф создается в соответствии с планом. Новые политические мифы не возникают спонтанно, они не являются диким плодом необузданного воображения. Напротив, они представляют собой искусственные творения, созданные умелыми и ловкими «мастерами». Нашему XX веку — великой эпохе технической цивилизации — суждено было создать и новую технику мифа, поскольку мифы могут создаваться точно так же и в соответствии с теми же правилами, как и любое другое современное оружие, будь то пулеметы или самолеты. Это новый момент, имеющий принципиальное значение. Он изменит всю нашу социальную жизнь.

Методы подавления и принуждения всегда использовались в политической жизни. Но в большинстве случаев эти методы ориентировались на «материальные» результаты. Даже наиболее суровые деспотические режимы удовлетворялись лишь навязыванием человеку определенных правил действия. Они не интересовались чувствами и мыслями людей... Современные политические мифы действуют совсем по-другому. Они не начинают с того, что санкционируют или запрещают какие-то действия. Они сначала изменяют людей, чтобы потом иметь возможность регулировать и контролировать их деяния. Политические мифы действуют так же, как змея, парализующая кролика перед тем, как атаковать его. Люди становятся жертвами мифов без серьезного сопротивления. Они побеждены и покорены еще до того, как оказываются способными осознать, что же на самом деле произошло.

Обычные методы политического насилия не способны дать подобный эффект. Даже под самым мощным политическим прессом люди не перестают жить частной жизнью. Всегда остается сфера личной свободы, противостоящей такому давлению. Современные политические мифы разрушают подобные ценности.

Наши современные политики прекрасно знают, что большими массами людей гораздо легче управлять силой воображения, нежели грубой физической силой. И они мастерски используют это знание. Политик стал чем-то вроде публичного предсказателя будущего. Пророчество стало неотъемлемым элементом в новой технике социального управления.

Философия бессильна разрушить политические мифы. Миф сам по себе неуязвим. Он нечувствителен к рациональным аргументам, его нельзя отрицать с помощью силлогизмов. Но философия может оказать нам другую важную услугу. Она может помочь нам понять противника. Чтобы победить врага, мы должны знать его. В этом заключается один из принципов правильной стратегии. Понять миф — означает не только понять его слабости и уязвимые места, но и осознать его силу. Нам всем было свойственно недо-

оценивать ее. Когда мы впервые услышали о политических мифах, то нашли их столь абсурдными и нелепыми, столь фантастическими и смехотворными, что не могли принять их всерьез. Теперь нам всем стало ясно, что это было величайшим заблуждением. Мы не имеем права повторять такую ошибку дважды. Необходимо тщательно изучать происхождение, структуру, технику и методы политических мифов. Мы обязаны видеть лицо противника, чтобы знать, как победить его».

§ 1. Черные мифы

Они поддерживаются в общественном сознании (часто в международном масштабе) для того, чтобы в нужный момент оживить их и провести срочную кампанию манипуляции сознанием.

Большие исторические черные мифы создаются авторитетными интеллектуалами и художниками и поддерживаются усилиями правящих кругов для того, чтобы сохранять культурную гегемонию этих правящих кругов. Эти мифы оправдывают тот разрыв с прошлым, который и привел к установлению существующего порядка. Если они поддерживаются и авторитетными зарубежными умами, такие мифы приобретают зловещий и долгосрочный характер и порождают дочерние или обобщающие мифы.

Для истории России в Новое время и для ее отношений с Европой очень важен, например, черный миф об Иване Грозном (его очень хорошо разобрал в нескольких работах В. В. Кожин). Из этого мифа до сих пор и в среде нашей интеллигенции, и на Западе выводятся якобы «генетически» присущий России тип кровавой и жестокой деспотии. Вот советник Ельцина философ А. И. Ракитов излагает «особые нормы и стандарты, лежащие в основе российской цивилизации». Здесь весь набор отрицательных качеств увязан с державным характером русского государства: «ложь, клевета, преступление и т.д. оправданны и нравственны, если они подчинены сверхзадаче государства, т.е. укреплению военного могущества и расширению территории».

Поминается Иван Грозный и подчеркивается, что его якобы патологическая жестокость была не аномалией, а имманентно присущим России качеством: «Надо говорить не об отсутствии цивилизации, не о бесправии, не об отсутствии правосознания, не о незаконности репрессивного механизма во времена Грозного, Петра, Николая I или Сталина, но о том, что сами законы были репрессивными, что конституции были античеловечными, что нормы, эталоны, правила и стандарты деятельности фундаментально отличались от своих аналогов в других современных европейских цивилизациях». Здесь высказан главный идеологический тезис: Россия как цивилизация всегда фундаментально отличалась в худшую

сторону от современных ей европейских государств — по сравнению с Европой Россия Ивана Грозного была чуть ли не людоедской страной, где кровь лилась рекой. И это убеждение — символ веры, его не поколебать никакими разумными доводами, поскольку основано оно на мифе.

В какую же сторону реально отличались стандарты России того времени от Европы? За 37 лет царствования Грозного было казнено около 3—4 тысяч человек — гораздо меньше, чем за одну только Варфоломеевскую ночь в Париже тех же лет (некоторые историки называют до 12 тыс. казненных тогда по приказу короля гугенотов). В тот же период в Нидерландах было казнено около 100 тысяч человек. Все это хорошо известно, однако человек, который уверовал в миф, уже не может отказаться от почти религиозной уверенности в том, что Россия — изначальная «империя зла».

Похожим образом соединились усилия испанских либералов, ведущих борьбу против союза монархии и церкви, и протестантов, ведущих борьбу против католичества, в создании черного мифа об *Инквизиции*. Впоследствии этот миф стал важным средством давления на общественное мнение в геополитическом противостоянии Англии и США против испаноязычного мира. Сегодня в Испании признание этого мифа является для интеллигента обязательным признаком лояльности по отношению к демократии и его полного разрыва с «реакционным традиционализмом» (франкизмом, клерикализмом и т.д.).

Миф об Инквизиции тесно связан с главным мифом современного Запада — о том, что протестантская Реформация породила неразрывно связанные между собой *капитализм* и *науку*. Таким образом, возникновение нового типа эксплуатации (во многих отношениях более жестокого, нежели феодализм) как бы компенсировалось прекрасным даром рационального мышления и освобождающего знания. Концепция «протестантской науки» интенсивно разрабатывалась начиная с 30-х годов нашего века влиятельным американским социологом Р. Мертонем¹.

В дальнейшем в историю науки вошел, как почти очевидный, тезис о том, что наука расцвела на севере Европы потому, что там не было Инквизиции. И, напротив, Контрреформация и Инквизиция на юге Европы были несовместимы с духом науки². Здесь, со-

¹ В известной статье «Наука, техника и общество в Англии XVII века» (1938) он писал: «Соединение рационализма с эмпирическим подходом, столь характерное для пуританской этики, составляет суть самого духа современной науки».

² Спор католиков с протестантами в XVI—XVII вв. затрагивал фундаментальные вопросы становления современной западной цивилизации: представления о человеке (индивидуум или член братства), о человечестве (единое или разделенное на расы избранных и отверженных), о правах личности и народов (спор о статусе индейцев).

гласно официальной англосаксонской истории, господствовало не рациональное сознание, а консервативная религия, суеверия и чувство.

Понятно, как важно было бы для верного понимания самого хода становления современного общества с рациональным светским мышлением знать, где, когда и как произошел переход от мышления эпохи Возрождения, которое представляло мир полным ведьм, демонов и магии. Где берет начало век Просвещения, век Декарта?

Удар по идеологическому мифу об Инквизиции нанес перед самой своей смертью американский историк-протестант Генри Чарльз Ли (1825—1909), который сам же так много потрудился для создания этого мифа. Его книга «История Инквизиции в Средние века» (1877) сделала его главным авторитетом в этом вопросе. В 1906—1907 гг. он опубликовал в четырех томах «Историю Инквизиции в Испании», в предисловии к которой писал, что стремился показать не страшную церемонию аутодафе с сожжением известных персон, а «неслышное воздействие, которое оказывала ежедневная непрерывная и секретная работа этого трибунала на всю массу народа, показать те рамки, в которые он загнал ум испанцев, тупой консерватизм, с которым он удерживал нацию в средневековой рутине и не дал ей воспользоваться свободами рационального мышления».

И вот, уже после выхода в свет главного труда Г.-Ч. Ли, в руки ему попали документы, которые перевернули все его взгляды. Это были протоколы процесса 1610 г. в г. Логроньо, на котором молодой инквизитор иезуит Алонсо де Салазар, получивший юридическое образование в университете Саламанки, убедительно доказал, что ведьм и демонов не существует. И сделал он это согласно строгим нормам позитивного научного метода, намного опередив в этом свое время. Салазара поддержал архиепископ Толедо Великий Инквизитор Бернардо де Сандоваль, а затем и Высший совет Инквизиции¹.

Это решение кардинально изменило весь интеллектуальный климат в католических странах, а затем и состояние общества в целом — ведь «колдуны и ведьмы» составляли подавляющее большинство жертв Инквизиции. В результате именно в католических странах по решению Инквизиции прекратилась «охота на ведьм» —

¹ В своих рассуждениях инквизиторы исходили из тех же принципов, что впоследствии применил Декарт, — они шли от *метода*. Признание существования ведьм и колдунов создавало такую неопределенность для следствия и невозможность надежных доказательств для суда, что весь изощренный юридический процесс Инквизиции терял смысл. Спасение Инквизиции как общественного института, как беспристрастного церковного суда потребовало «очистить» мир от демонов.

на целое столетие раньше, чем в тех частях Европы, где победила Реформация.

Новыми глазами взглянул после этого Г.-Ч. Ли на исторические данные. И оказалось, что известные борцы за рациональное мышление (как, например, Декарт) были на севере Европы редкими диссидентами, а большинство видных интеллектуалов даже в XVIII веке верили в демонов и ведьм. И сотни тысяч «ведьм» пошли на костер в век Научной революции (и сжигали их в США вплоть до XVIII века, причем судьями были профессора Гарвардского университета).

Г.-Ч. Ли, честный ученый, нашел в себе силы и мужество заявить буквально накануне смерти: «Нет в европейской истории более ужасных страниц, чем сумасшедшие охоты на ведьм в течение трех веков, с XV по XVIII. В течение целого столетия Испания угрожал взрыв этого заразного помешательства. Тот факт, что оно было остановлено и сокращено до относительно безобидных размеров, объясняется осторожностью и твердостью Инквизиции... Я хотел бы подчеркнуть контраст между тем ужасом, который царил в Германии, Франции и Англии, и сравнительной терпимостью Инквизиции».

Г.-Ч. Ли начал большую работу по документальному описанию охоты на ведьм, обратясь в архивы всех христианских стран. Эту работу закончили уже его ученики. Ф. Донован, современный историк, пишет:

«Если мы отметим на карте точкой каждый установленный случай сожжения ведьмы, то наибольшая концентрация точек окажется в зоне, где граничат Франция, Германия и Швейцария. Базель, Лион, Женева, Нюрнберг и ближние города скрылись бы под множеством этих точек. Сплошные пятна из точек образовались бы в Швейцарии и от Рейна до Амстердама, а также на юге Франции, забрызгали бы Англию, Шотландию и Скандинавские страны. Надо отметить, что, по крайней мере в течение последнего столетия охоты на ведьм, зоны наибольшего скопления точек были центрами протестантизма. В полностью католических странах — Италии, Испании и Ирландии — было бы очень мало точек; в Испании практически ни одной».

Историки, которые осмелились отойти от установок черного мифа об Инквизиции, сразу смогли преодолеть кажущееся ранее необъяснимым противоречие: утверждение о том, что Реформация освободила мышление, никак не вязалось с тем фактом, что именно виднейшие деятели протестантизма (Лютер, Кальвин, Бакстер) были фанатичными преследователями ведьм. Лютер непрестанно требовал выявлять ведьм и сжигать их живыми. Как пишет друг

Г.-Ч. Ли, историк и философ В. Лекки, «вера Лютера в дьявольские козни была поразительна даже для его времени... В Шотландии, где влияние Реформации было сильно, как нигде более, пропорционально более жестокими были преследования [ведьм]». Ричард Бакстер («самый великий из пуритан»), один из главных авторов, которых цитирует М. Вебер в своем труде «Протестантская этика и дух капитализма», представлен Р. Мертоном как выразитель духа новой науки. Но именно он в 1691 г. опубликовал книгу «Доказательство существования мира духов», в которой призывал к крестовому походу против «секты Сатаны».

Работы Г.-Ч. Ли и его учеников не смогли поколебать господствующую на Западе идеологию, которая исходит из мифов англосаксонской историографии. Даже в самой Испании публично поставить под сомнение миф об Инквизиции значит навлечь на себя подозрение в симпатии к франкизму, клерикализму, сталинизму и прочим грехам. Сегодня в Испании даже знающий истинное положение дел историк осмеливается говорить об этом лишь шепотом и лишь наедине. Однако в среде историков и философов история становления науки и капитализма видится, конечно, уже иначе. От М. Вебера, который начал поворот, до М. Фуко, который в книге «Слова и вещи» дал более беспристрастную («археологическую») трактовку, проделана большая работа по демифологизации.

Яснее стала и диалектическая связь между созданием в процессе Реформации обстановки страха и атомизацией общества, превращением человека в никому не доверяющего индивида. Но миф настолько необходим политикам, что предсмертное признание Г.-Ч. Ли осталось гласом вопиющего в пустыне. Ничего не изменилось и после множества работ других ученых — даже в католических странах!

§ 2. «Светлые» мифы Запада: евроцентризм

Светлые мифы в совокупности сложились в большую мета-идеологию современного западного общества, которую принято называть «евроцентризм». Здесь Европа — понятие не географическое, а цивилизационное (в прошлом веке говорили, что ядром Европы стали США). Иногда пытаются ввести слово «западоцентризм», но оно не приживается.

Евроцентризм можно назвать мета-идеологией Запада, потому что в его рамках развиваются и частные конфликтующие идеологии (например, либерализм и марксизм). Важно, что они исходят из одной и той же картины мира и одних и тех же постулатов относительно исторического пути Запада.

У нас к мифам евроцентризма особенный интерес, поскольку в общественное сознание в России внедрена совершенно мистифицированная картина «мировой цивилизации», куда якобы необходимо «вернуться». Уникальность нашего положения в том, что если в Африке пропагандистом «бледных штампов» евроцентризма была компрадорская буржуазия, отказавшаяся от национальных культурных корней («люмпен-буржуазия»), то в России — цвет нации, ее интеллигенция. Кредо евроцентризма российских реформаторов выражено в книге-манифесте «Иного не дано» Л. Баткиным: «Запад в конце XX в. — не географическое понятие и даже не понятие капитализма (хотя генетически, разумеется, связано именно с ним). Это всеобщее определение того хозяйственного, научно-технического и структурно-демократического уровня, без которого немислимо существование любого истинно современного, очищенного от архаики общества». Евроцентризм не сводится к какой-либо из разновидностей этноцентризма, от которого не свободен ни один народ. Это — идеология, претендующая на универсализм и утверждающая, что все народы и все культуры проходят один и тот же путь и отличаются друг от друга лишь стадией развития. Евроцентризм широко распространился в XIX веке. Но основные его положения остались неизменными и сегодня. Когда общество находится на распутье и определяет путь своего развития, политики, проникнутые идеологией евроцентризма, выбрасывают лозунг: «Следуй за Западом — это лучший из миров».

На деле построение единообразного мира — утопия, основанная на мифе и питающая идеологии Запада. Читаем у К. Леви-Стросса: «Не может быть мировой цивилизации в том абсолютном смысле, который часто придается этому выражению, поскольку цивилизация предполагает сосуществование культур, которые обнаруживают огромное разнообразие; можно даже сказать, что цивилизация и заключается в этом сосуществовании. Мировая цивилизация не могла бы быть ничем иным, кроме как коалицией, в мировом масштабе, культур, каждая из которых сохраняла бы свою оригинальность... Священная обязанность человечества — охранять себя от слепого партикуляризма, склонного приписывать статус человечества одной расе, культуре или обществу, и никогда не забывать, что никакая часть человечества не обладает формулами, приложимыми к целому, и что человечество, погруженное в единый образ жизни, немислимо».

Рассмотрим лишь несколько базовых мифов евроцентризма, из которых затем вырабатываются вторичные идеологические концепции, — о рыночной экономике, о западной демократии и свободе, о гражданском обществе и т.д. (их мы затронем в других разделах).

Запад как христианская цивилизация. Как и все крупные цивилизации, западноевропейская в процессе своей консолидации активно использовала религиозный фактор. Евроцентризм как идеология включает в свою структуру миф христианства Запада как той матрицы, которая предопределила социальный порядок, тип рациональности и культуру Запада в целом. В зависимости от исторической конъюнктуры этот миф подавался в самых различных вариациях или вообще приглушался (во время Французской революции отношение к церкви определялось лозунгом «Раздавить гадину!», а сегодня говорится, что Запад — иудео-христианская цивилизация). Важно, что христианство представлено как формообразующий признак западного человека — в противопоставлении «мусульманскому Востоку». Для создания такого образа идеологам пришлось немало потрудиться. Да и не только идеологам, а и европейским художникам, приучающим публику к мысли, что в Святом семействе все были сплошь блондинами (посмотрите хотя бы на библейские картины Рубенса).

Для России этот миф имеет особое значение, поскольку в нем ставится под сомнение «законность» восточного христианства — православия. Наши философствующие демократы говорят как о фатальной исторической ошибке о принятии Русью христианства от Византии и, таким образом, «выпадении» из христианской цивилизации¹.

Нынешний этап евроцентризма характеризуется внутренней противоречивостью трактовки христианского мифа. С одной стороны, потребность в консолидирующих мифах возросла. В то же время сам тип современной цивилизации, ее этика и остальные основополагающие мифы все более несовместимы с постулатами христианства. Поэтому уже сорок лет назад теолог и историк культуры Романо Гвардини предупреждал, что паразитированию Запада на христианских ценностях приходит конец.

Эти трудности стали нарастать с самого начала революций, приведших к образованию современного общества индустриальной цивилизации. Уже колонизация и необходимый для ее оправдания расизм (которого не существовало в средневековой Европе) заставили отойти от христианского представления о человеке. Пришлось позаимствовать идею избранного народа (культ «британского Израиля»), а затем дойти до расовой теории Гобино и до поисков нордических предков Карла Великого и других потомков «златокудрого Менелая». Как пишет А. Тойнби, «среди англо-

¹ Всерьез утверждается, что напрасно в XIII веке русские отвергли цивилизованных христиан-тевтонов и приняли иго мусульман-татар. Точно так же в массовом сознании изначально христианским народом предстают литовцы, принявшие христианство лишь в XV веке, а половцы, которые смешались с русскими будучи в основном христианами, считаются мусульманами.

язычных протестантов до сих пор можно встретить «фундаменталистов», продолжающих верить в то, что они избранники Господни в том, самом буквальном смысле, в каком это слово употребляется в Ветхом завете».

Отход от Евангелия и обращение к ряду книг Ветхого завета в ходе Реформации понадобились и для этического обоснования нового, необычного для традиционного общества отношения к наживе. Это подробно исследует М. Вебер в своем труде «Протестантская этика и дух капитализма». Одно только признание богоугодности ростовщичества, совершенно необходимое для развития финансового капитала, означало важное изменение в теологии западного человека. Оно было настолько революционным, что передовые в этом отношении протестантские секты называли себя «британскими израильтянами» (Вебер пишет о «британском гебраизме» как особом культурном явлении). Сыгравшие важную роль в становлении современного общества культурные течения, в том числе мистические (например, масонство), имели ярко выраженный нехристианский характер.

Наконец, весь пафос индустриальной цивилизации, связанный с технологией, культом огня и силы, эпосом переделки мира, носит не христианский, а титанический характер. Действительно, образ Прометея пронизывает все европейское образование. Если же говорить о конце нашего века, то титаническое начало, похоже, уступает место циклопическому. Сила становится все более разрушительной, а ее демонстрация — все более жестокой. В них все более проглядывают неоязыческие ритуалы.

Запад — продолжение античной цивилизации. Другим базовым мифом евроцентризма является созданная буквально «лабораторным способом» легенда о том, что современная западная цивилизация является плодом непрерывного развития античности (колыбели цивилизации). Эта легенда соответствующим образом преломляется во всех основных исторических планах¹. В области социально-экономической она предстает как история «правильной» смены формаций и непрерывного прогресса. Здесь по мере развития производительных сил первобытнообщинный строй сменяется рабством, которое уступает место феодализму, а после, в ходе научной и промышленной революции — капитализму. Лишь эта смена формаций признается правильной. Раз славяне и монголы не знали рабства, а в Китае не было крепостного права и государст-

¹ В СССР мы тоже учились по сугубо евроцентристским учебникам истории, детально знали перипетии афинской демократии и споров в римском сенате, Восток же был для нас застывшей неподвижной маской. Настолько силен был евроцентризм нашего образования, что, проходя в школе греко-персидские войны, мы целиком были на стороне греков. Греки были «наши».

венной религии — значит, в цивилизацию им попасть и не удалось, сегодня должны проходить специальный курс обучения у Запада.

Схема смены формаций мифологична. Древняя Греция не была частью Запада, она была неразрывно связана с культурной системой Востока. А наследниками ее в равной мере стала варварская Западная Европа (через Рим) и восточно-христианская, православная цивилизация (через Византию). «Эллиномания» XIX века связана с расизмом консервативного движения, известного как «романтизм». Вместе с «греческим» мифом создавался и «ориентализм» — романтический миф Востока. Замечательно, что «античный» миф вначале был развит в противовес мифу христианскому. Об этом пишет Самир Амин, ссылаясь на американского историка античности М. Бернала:

«Предрассудок евроцентризма пользуется запасом готовых элементов, включая один и отбрасывая другой в зависимости от идеологических запросов момента. Известно, например, что европейская буржуазия в течение долгого времени с недоверием и даже презрением относилась к христианству и поэтому раздувала «греческий миф»...

Согласно этому мифу, Греция была матерью рациональной философии, в то время как Восток никогда не смог преодолеть метафизику... Эта конструкция совершенно мистифицирована. Мартин Бернал показал это, описав историю того, как, по его выражению, «фабриковалась Древняя Греция». Он напоминает, что греки прекрасно осознавали свою принадлежность к культурному ареалу древнего Востока. Они не только высоко ценили то, чему обучились у египтян и финикийцев, но и не считали себя «анти-Востоком», каковым представляет евроцентризм греческий мир. Напротив, греки считали своими предками египтян, быть может, мифическими, но это не важно».

Мифом является и утверждение о непрерывности процесса культурной эволюции и смены формаций. Феодализм был принесен варварами, завоевавшими рабовладельческую Римскую империю. Варвары же в своем укладе этапа рабства не проходили. Какая же это непрерывность? Это — типичный разрыв непрерывности, причем в крайней форме, связанной с военным поражением.

О культуре и говорить нечего — разрыв в продолжении античной традиции составлял более тысячи лет (потому и миф о «темном» Средневековье как потерянном времени, а период после Средневековья назван Возрождением). Более того, Запад на время вообще утерял культурное наследие античности и получал его по крохам от Востока — через арабов, тщательно сохранивших и изучивших греческую литературу. Западная цивилизация создавалась сообща с арабами, и евроцентризм, кроме всего прочего, — идеология неблагодарных потомков.

Миф о «правильной» смене общественных формаций подкрепляется важным мифом *эволюционизма*. Своими корнями этот миф уходит в историю восприятия времени в европейской культуре, в историю перехода от циклического времени аграрной цивилизации к идее бесконечного, линейного, направленного в будущее времени («стрела времени»). Новое восприятие времени создало почву для появления идеи прогресса, которая стала метафизической, почти религиозной основой идеологий индустриализма.

Идея эволюционизма приобрела статус фундаментального мифа после триумфального успеха дарвинизма. Этот триумф биологической теории был предопределен острой потребностью в научном обосновании того, что уже вошло в культуру и социальную практику¹. В приложении к обществу, культуре и цивилизации эволюционизм дал идею развития и естественного отбора. Общества разделились на развитые и слаборазвитые (или развивающиеся), в обыденное сознание прочно вошла мысль, что отставшие в своем развитии общества или погибают в ходе конкуренции, или становятся зависимыми и эксплуатируемыми и что это — естественный закон жизни².

Согласно этому мифу, Западу повезло в том, что он с самого начала попал на «столбовую дорогу» мировой цивилизации, а другие запутались и выбирают на эту дорогу с опозданием — за что вынуждены платить Западу как более удачливому конкуренту. Сопротивляться этому бесполезно, ибо это — закон природы.

Но антропологи знают, что в приложении к культуре и обществу эволюционизм является идеологической спекуляцией и не имеет никакого научного обоснования. К. Леви-Стросс во множестве мест пытается объяснить это самыми разными способами. Вот один из самых общедоступных: «Биологический эволюционизм и псевдоэволюционизм, который мы рассматриваем, — совершенно разные доктрины... Можно извлечь из земли материальные объекты и убедиться, что, согласно глубине геологических слоев, форма или способ изготовления определенных объектов изменяется. И, тем не менее, один топор не рождает физически другой топор, как это происходит с животными. Сказать в этом случае, что один то-

¹ Социал-дарвинизм Спенсера появился раньше, чем сам дарвинизм; Маркс был счастлив тем, что его политэкономическая концепция интенсивного расширенного воспроизводства и технического прогресса получила с дарвинизмом естественнонаучное объяснение.

² Мы не будем углубляться здесь в такую острую тему, как биологический расизм и уничтожение «отставших в своем развитии» народов. Сам Дарвин высказался в связи с уничтожением аборигенов Тасмании: «С почти полной уверенностью можно ожидать, что в какой-то период в будущем... цивилизованные расы людей уничтожат и заместят дикие расы во всех уголках земли».

пор эволюционировал из другого, представляет из себя метафорическую формулу, не обладающую научной строгостью.

То, что верно для материальных объектов, физическое существование которых доказывается раскопками, еще более справедливо по отношению к общественным институтам, верованиям, вкусам, прошлое которых нам обычно неизвестно. Концепция социальной и культурной эволюции дает, в самом лучшем случае, лишь соблазнительную и опасно удобную процедуру представить действительность».

В целом Леви-Стросс так квалифицирует концепцию эволюционизма («правильного» развития и «естественного отбора» культур и народов): «Все эти спекулятивные рассуждения сводятся фактически к одному рецепту, который лучше всего можно назвать фальшивым эволюционизмом. В чем он заключается? Речь идет, совершенно четко, о стремлении устранить разнообразие культур — не переставая приносить заверения в глубоком уважении к этому разнообразию».

Миф развития через имитацию Запада. Один из центральных мифов евроцентризма гласит, что Запад вырвался вперед благодаря тому, что капитализм создал мощные производительные силы. Остальные общества просто отстали и теперь вынуждены догонять, но в конце концов на земле воцарится либеральный капитализм англосаксонского образца и настанет (уже настает) «конец истории».

В самой западной мысли этот миф, опасный для судеб человечества, подвергается резкой критике исходя из разных оснований. Уже в 30-е годы А. Тойнби в своем главном труде «Постижение истории» писал: «Тезис об унификации мира на базе западной экономической системы как закономерном итоге единого и непрерывного процесса развития человеческой истории приводит к грубейшим искажениям фактов и поразительному сужению исторического кругозора».

Вслед за Тойнби фундаментальную критику евроцентризма дал К. Леви-Стросс, изучавший контакт западной и местных культур. Он отрицал саму механистическую идею о существовании одной «правильной» цивилизации, путь которой должен быть принят за столбовую дорогу человечества: «...Трудно представить себе, как одна цивилизация могла бы воспользоваться образом жизни другой, кроме как отказаться быть самой собою. На деле попытки такого переустройства могут повести лишь к двум результатам: либо дезорганизация и крах одной системы — или оригинальный синтез, который ведет, однако, к возникновению третьей системы, не сводимой к двум другим». Такой синтез мы видели и в России (СССР), и в Японии, и сегодня в Китае. Таковую дезорганизацию и крах мы видим сегодня в Российской Федерации.

Однако миф о развитии по пути Запада эксплуатируется все интенсивнее по мере того, как все более наглядным и очевидным становится невозможность его осуществления. Но сначала о менее очевидной вещи — о том, что развивающиеся страны, попавшие в орбиту Запада, вовсе не идут по его пути. Самир Амин пишет: «Производственная система в странах периферии не воспроизводит то, что было в центре на предыдущем этапе развития. Эти две производственные системы различаются качественно. Чем далее идет по пути развития периферийный капитализм, тем более резким становится это расхождение и тем более неравным разделение доходов. В своем развитии эта единая система воспроизводит дифференциацию, поляризацию центр — периферия»¹.

Невозможность для всего мира имитации пути Запада была обнародована на уникальном форуме, который рассмотрел глобальную ситуацию — мир в целом². Это всемирная конференция ООН на высшем уровне по экологии «Рио-де-Жанейро-1992». Ее выводы были подвергнуты полному и повсеместному замалчиванию западной прессой. Само по себе это замечательный факт. Конференция шумно рекламировалась в течение почти двух лет подготовки. На ней присутствовали около 5 тыс. (!) корреспондентов. Однако после ее проведения вся мировая пресса, подконтрольная западной верхушке, как воды в рот набрала³.

На деле, не было и нет развития Запада «с опорой на собственные силы», которое «отставшие» страны могли бы взять в качестве примера и воспроизвести на своей почве. Современная западная «цивилизация» с самого начала представляет собой уродливое сращивание двух миров, которое исключительно из идеологических целей представляется как «развитые» и «развивающиеся» страны.

Развитие Запада и погружение в «слаборазвитость» множества культур — единый конкретно-исторический процесс, в котором

¹ Тезис перестройки о «возвращении на столбовую дорогу цивилизации» изначально был ложным, на деле речь шла о превращении СССР в страны с «дополняющей» экономикой.

² Как правило, во всех «анализах» мир расчленен, и взаимодействие между частями излагается очень туманно. Самир Амин отмечает этот методологический трюк: «Западная мысль выходит из затруднения, просто отказываясь рассматривать весь мир как целостный объект анализа, что позволяет приписать неравенство между составляющими мир национальными компонентами исключительно действию «внутренних» факторов».

³ Поразительно восприятие интеллигента: он, как ребенок игрушки, ожидал «Рио-92», о котором ему жужжали в уши. А когда конференция состоялась, его полнотой лишают желанной информации. И он этого даже не замечает. Его желания подчиняются сигналам каких-то вживленных в его мозг электродов. Нет сигнала «желай информации о Рио-92!» — и он равнодушен. Ты ему будешь эту информацию навязывать — он ее будет отвергать.

части (развитие и слаборазвитость) взаимообусловлены. В «Структурной антропологии» К. Леви-Стросс пишет: «Общества, которые мы сегодня называем «слаборазвитыми», являются таковыми не в силу своих собственных действий... Сказать по правде, именно эти общества посредством их прямого или косвенного разрушения в период между XVI и XIX вв. сделали возможным развитие западного мира. Между этими двумя мирами существуют отношения комплиментарности (дополнительности). Само развитие с его насыщенными потребностями сделало эти общества такими, какими мы их видим сегодня. Поэтому речь не идет о схождении двух процессов, каждый из которых развивался изолированно своим курсом».

Самый дотошный историк нашего века Ф. Бродель, изучавший «структуры повседневности» — детальное описание потоков и использования всех средств жизни, писал: «Капитализм является порождением неравенства в мире; для развития ему необходимо содействие международной экономики... Он вовсе не смог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда». По данным Броделя, в середине XVIII в. Англия только из Индии извлекала ежегодно доход в 2 млн. ф. ст., в то время как все инвестиции в Англии оценивались в 6 млн. ф. ст. Таким образом, если учесть доход всех обширных колоний Англии, то выйдет, что за их счет делались и практически все инвестиции, и поддерживался уровень жизни англичан, включая образование, культуру, науку, спорт и т.д.¹

Но если, как говорится, «Запад построил себя из материала колоний» (Леви-Стросс), то, следовательно, повторить этот путь для других невозможно. Бывшие колонии привязаны к «первому миру» и больше нет потенциальных колоний, из которых они бы могли получить материал, чтобы «построить себя» по подобию Запада. Самир Амин пишет об этой стороне евроцентризма: «Эта господствующая идеология не только предлагает картину мира, но и политический проект в масштабах всего земного шара: гомогенизацию путем имитации и преодоления отсталости. Но этот проект невозможен. Разве не содержится признание этой невозможности в общепринятом выводе, что распространение способа жизни и по-

¹ Замечательный и очень красноречивый факт. В первые годы перестройки предлагалось сетовать на тоталитаризм советского строя, при котором наш читатель был лишен книг А. Тойнби, К. Леви-Страсса, Ф. Броделя или замечательного Питирима Сорокина — они писали не в ключе истмата. Знаменитый перестройщик Ю. Афанасьев уже в 1986 г. роскошным изданием выпустил книгу Ф. Броделя. И что же? Оказалось, что все эти корифеи совершенно несовместимы с программой наших рыночников — гораздо больше, чем с большевиками. И все эти имена, к которым надо добавить и А. В. Чаянова, оказались в официальной России не то чтобы под запретом, но окружены полным молчанием. Они стали слегка «красно-коричневыми».

требления Запада на пять миллиардов человеческих существ наталкивается на абсолютные препятствия, в том числе экологические?.. В рамках неосуществимого проекта евроцентризма идеология рынка (с предполагаемым почти автоматически дополнением — демократией), превратившаяся в настоящую теологию, переходит уже в сферу гротеска».

Все производные светлые мифы Запада (о присущей ему свободе и демократии, о быстром прогрессе и равновесии его рыночной экономики, об «экологичности» западной культуры и т.д.) приобретают правдоподобие только потому, что Запад, получив доступ к ресурсам большей части мира, мог за их счет «оплачивать» все те неравновесия и кризисы, которые из-за этого ударили по зависимым странам с многократно увеличенной силой.

Насколько велики масштабы компенсации кризисов за счет чужих ресурсов, можно видеть на простейших примерах. Когда во Франции в 20-х годах прошлого века возник кризис аграрного перенаселения, она колонизовала соседние страны той же «средиземноморской цивилизации» (Магриб). В Алжире, например, французским колонистам была просто передана половина (!) издавна культивируемых земель. Напротив, когда в США при избытке земли возникла острая нехватка рабочей силы, в Африке были захвачены и обращены в рабство миллионы самых сильных и здоровых молодых мужчин (их число оценивают в сто миллионов, из которых берегов Америки достигли около 9 миллионов). Современные расчеты показывают, что только невидимое изъятие стоимости «первым миром» из «третьего» составляет около 400 млрд. долл. в год (сюда не включаются «видимые» потоки: вывоз прибылей иностранного капитала, проценты на внешний долг и «бегство» капиталов компрадорской буржуазии).

Непрерывно повторяемое приглашение «следовать путем Запада» противоречит и реальной политике самого Запада. Достаточно упомянуть труды историков Индии и Египта, показавших, что именно европейские колонизаторы целенаправленно разрушали структуры капитализма, возникавшие в этих странах и весьма сходные с теми структурами, которые сложились в Японии в результате реформы Мэйдзи (Япония сумела их сохранить, создав «железный занавес»).

В Египте эти структуры возникли при активном участии мамлюков начиная с XIV века, достигли зрелости к началу XIX века и были подорваны экспедицией Наполеона, а затем демонтированы после интервенции европейской коалиции в 1840 г. В Индии капитализм был подавлен, а затем систематически ликвидирован английскими колонизаторами.

Технологический миф. Одно из утверждений евроцентризма состоит в том, что именно западная цивилизация создала культуру (философию, право, науку и технологию), которая доминирует в мире и предопределяет жизнь человечества. В это искренне верит человек, сформированный школой и телевидением и уже неспособный взглянуть вокруг (ведь приручить лошадь было не менее сложным и творческим делом, чем построить атомную бомбу). Технологический миф оказывает очень сильное влияние на интеллигенцию, а она, как уже говорилось, играет сегодня важнейшую роль в манипуляции общественным сознанием.

Одним из «завоеваний» евроцентризма является подавление исторического чувства в людях. Время стало манипулируемо. К. Леви-Стросс пишет: «Вся научная и промышленная революция Запада умещается в период, равный половине одной тысячной доли жизни, прожитой человечеством. Это надо помнить, прежде чем утверждать, что эта революция полностью перевернула эту жизнь».

А дальше он ставит под сомнение сам критерий, по которому оценивается культурный вклад той или иной цивилизации: «Два-три века тому назад западная цивилизация посвятила себя тому, чтобы снабдить человека все более мощными механическими орудиями. Если принять это за критерий, то индикатором уровня развития человеческого общества станут затраты энергии на душу населения. Западная цивилизация в ее американском воплощении будет во главе... Если за критерий взять способность преодолеть экстремальные географические условия, то, без сомнения, пальму первенства получают эскимосы и бедуины. Лучше любой другой цивилизации Индия сумела разработать философско-религиозную систему, а Китай — стиль жизни, способные компенсировать психологические последствия демографического стресса. Уже три столетия назад Ислам сформулировал теорию солидарности для всех форм человеческой жизни — технической, экономической, социальной и духовной, — какой Запад не мог найти до недавнего времени и элементы которой появились лишь в некоторых аспектах марксистской мысли и в современной этнологии. Запад, хозяин машин, обнаруживает очень элементарные познания об использовании и возможностях той высшей машины, которой является человеческое тело. Напротив, в этой области и связанной с ней области отношений между телесным и моральным, Восток и Дальний Восток обогнали Запад на несколько тысячелетий — там созданы такие обширные теоретические и практические системы, как йога Индии, китайские методы дыхания или гимнастика внутренних органов у древних маори...»

В России сегодня миф о том, что Запад изначально был генератором технологий для всего мира, используется очень активно. И. Фридберг в «Независимой газете» напоминает, какие блага получила Россия с Запада: «Через западные границы пришло в Россию все, что и по сей день является основанием могущества и национальной гордости России... — все виды транспорта, одежды, большинство продуктов питания и сельскохозяйственного производства — можно ли сегодня представить Россию лишенной этого?»

Действительно, невозможно себе представить Россию вдруг лишенной всех видов одежды — а можно ли представить себе взрослого человека, хотя бы и из «Независимой газеты», всерьез озабоченного такой перспективой для России? Но даже если встать на уровень рассуждений Фридберга — неужели он всерьез считает, что «большинство видов сельскохозяйственного производства» созданы Западом?

Из частных производных технологического мифа упомянем очень важный для идеологии сегодняшних изменений в России миф о земледельческом Западе и скотоводческом кочевом Востоке. Проект расчленения России основан прежде всего на противопоставлении славян («Запада») степнякам («Востоку»). В этом направлении активно работает не только пресса, но и академические журналы типа «Вопросов философии» — одним из часто публикуемых в нем «экспертов» стал В. Кантор. Чтобы оценить его невежество, полезно прочесть хотя бы А. Тойнби и Л. Н. Гумилева.

Миф о гуманизме и правовом сознании Запада. Этот миф играл центральную роль во всей программе манипуляции в годы перестройки в СССР. Сейчас его приглушили, но в сознании среднего интеллигента он уже сидит как стереотип, и никакими бомбежками сербов его оттуда не вышибло. Попробуем потянуть за ниточку, ведущую к истокам мифа, и говорить вещи довольно известные.

Вся метафизика, идеологическая подоснова Запада связана с кальвинистской идеей о *предопределенности*. Согласно этой идее, Христос пошел на крест не *за всех*, а только *за избранных*. На этой идее потом строились все расовые и социальные доктрины — высшая и низшая расы, раса бедных и раса богатых, раса рабочих (потом — рабочий класс). Расизм — как этнический, так и социальный — прямо вырос из учения о предопределенности. И современный Запад вырос, как цивилизация, на этом расизме.

О распространении мироощущения евроцентризма и особенно о завоевании им доминирующего положения в США А. Тойнби пишет: «Это было большим несчастьем для человечества, ибо протестантский темперамент, установки и поведение относительно

других рас, как и во многих других жизненных вопросах, в основном вдохновляются Ветхим заветом; а в вопросе о расе изречения древнего сирийского пророка весьма прозрачны и крайне дики».

В чем же суть того огромного подлога, который совершили идеологи перестройки и реформы в России? В том, что они представили нам тип отношений на Западе между *цивильными гражданами* (между «своими») за якобы всеобщий, фундаментальный тип отношений ко всем людям. Трудно принять саму мысль, что российская интеллигенция в большинстве поверила этой довольно примитивной лжи. Но, похоже, это так и есть. И она стала звать народ в эту «правильную цивилизацию Запада» так, будто отношение там к нам будет как к «своим», а не как к низшей расе. Примитивным этот подлог я назвал потому, что никаких поводов рассчитывать на это сам Запад никогда не давал. Напротив, мириадами мелких знаков он показывал свое истинное отношение к «низшим расам» (в широком, кальвинистском смысле слова) и в частности к русским. *Гуманизм* на Западе — понятие условное, как, скажем, демократия в Древней Греции. Да, демократия, но ведь рабы в демос не входят. Так и русские демократы — рвутся стать рабами, а потом обижаются, что за ними не признаются их демократические права.

Искреннее убеждение, что люди иной расы (культуры, религии, идеологии и т.д.) представляют собой если и не иной биологический вид, то по крайней мере иной подвид — *не являются ближними*, — было совершенно необходимо европейцу в период колонизации для подавления, обращения в рабство и физического уничтожения местных народов. Расизм настолько глубоко вошел в ткань англосаксонской культуры, что даже сегодня, когда он торжественно и официально отвергнут как доктрина, когда принята декларация ЮНЕСКО о расе и тщательно пересмотрены учебные программы, расизм лезет из всех щелей.

Отношение к неграм в США — вещь примитивная. Но все же вспомним реальность не по фильмам Голливуда, где обязательно есть офицер полиции негр. Вот вывод Вашингтонского центра политических исследований (июль 1988 г.): «В целом экономические перспективы для черных граждан мрачны: почти половина из них начинает жизнь в бедности; в зрелые годы они сталкиваются с высоким уровнем безработицы; и вероятность того, что свою старость они проведут в бедности, втрое больше, чем у белых». Вот исследование судебных решений по делам об убийствах в штате Джорджия. Анализ 2484 решений показал: убийцы белых граждан приговаривались к смерти в 4 раза чаще, чем убийцы черных. Примечательно, что главный носитель расизма — средний класс («опора демократии»). Богатые не опасаются и могут идти против обще-

ственного мнения, поддерживая контакты с черными. А бедным «нечего терять».

В 1989 г. вышла книга Донны Харауэй «Представление о приматах: пол, раса и природа в мире современной науки» — монументальный труд, скрупулезно исследующий историю приматологии (науки о человекообразных обезьянах) в XX веке. Этот предмет оказался исключительно богатым с точки зрения культурологии, ибо обезьяны — «почти люди», находятся с человеком в одном биологическом семействе. Во всех культурах, в том числе европейской, образ обезьяны наполнен глубоким философским и даже мистическим смыслом. Понятия, с которыми подходит к изучению этого объекта ученый, отражают скрытые мировоззренческие установки и являются очень красноречивыми метафорами. Не будем останавливаться на анализе откровенно расистских произведений (например, важного для США фильма «Тарзан») и культурных кодах, в которых западный человек впитывает расизм — эту книгу надо читать и перечитывать. Приведем самые простые, «бытовые», мимоходом сделанные Донной Харауэй замечания.

Совсем недавно, в 80-е годы, телевидением и таким престижным журналом, как «National Geographic», создан целый эпос о белых женщинах-ученых, которые многие годы живут в Африке, изучая и охраняя животных. Живут в одиночестве, посреди дикой природы, их ближайший контакт с миром — в городке за сотню километров. Те помощники-африканцы (в том числе с высшим образованием), которые живут и работают рядом с ними, — просто не считаются людьми. Тем более жители деревни, которые снабжают женщин-ученых всем необходимым (в одном случае по вечерам даже должен был приходиться из деревни музыкант и исполнять целый концерт). Африканцы бессознательно и искренне трактуются как *часть дикой природы*.

И уже совсем, кажется, мелочь — но как она безыскусна: бригады приматологов после трудных полевых сезонов в тропических лесах любят сфотографироваться, а потом поместить снимок в научном журнале, в статье с отчетом об исследовании. Как добрые товарищи, они фотографируются вместе со всеми участниками работы (и часто даже с обезьянами). И в журнале под снимком приводятся полные имена всех белых исследователей, включая студентов (и часто клички обезьян) — и почти никогда имена африканцев, хотя порой они имеют более высокий научный ранг, чем их американские или европейские коллеги. И здесь африканцы — *часть природы*.

Отношение к людям иного цвета кожи — случай простой, почти вульгарный. Расизм — понятие более широкое. Это хорошо видно по кино, которое теперь вполне доступно нашему зрителю. Вот

прошедший по Москве фильм «Ночной экспресс», как сказано, «отражающий реальный случай». Американский юноша, исключительно симпатичный и нежный, культурно провел каникулы в Стамбуле и, уезжая, решил немного подзаработать на контрабанде наркотиков — гашиш в Турции дешев. В аэропорту попался — суд, тюрьма. Полтора часа мы видим, как страдает интеллигентный американец (и еще пара европейцев, таких же контрабандистов-неудачников) в турецкой тюрьме. Просто начинаешь ненавидеть эти восточные страны, даже ставшие членами НАТО. Кончается фильм счастливо — юноша удачно убивает гнусного турка-надзирателя, надевает его форму, убегает из тюрьмы и возвращается в любимый университет, к любящему отцу и невесте. Фильм сделан так, что симпатии зрителя безоговорочно на стороне американца, ибо как же можно ему быть в такой плохой тюрьме. Как же можно его бить по пяткам! И приходится сделать большое усилие (какого не делает 99% зрителей), чтобы упорядочить факты так, как они есть, подставив на место американца в турецкой тюрьме — *турка в американской*. Представляете: турок, схваченный с контрабандой наркотиков, убивает американского офицера и убегает. Да вся Америка встанет на дыбы и потребует ракетного удара по Стамбулу.

Один из лучших фильмов Голливуда 70-х годов был посвящен трагедии отца — крупного американского предпринимателя, друга сенаторов, который после переворота в Чили поехал туда искать пропавшего сына. В конце концов оказалось, что того убили — попал под горячую руку. Фильм впечатляет, зрители выходят потрясенными. Но начинаешь думать, и выходит, что эффект достигается именно тем, что убили *американца*. Да как же это возможно? Да что же вы наделали, проклятые фашисты? И этот эффект ложится на столь подготовленную психологию, что даже не удивляешься — к потрясенному отцу в фильме подходят знавшие его сына чилийцы, у многих из них самих такая же трагедия в семье, но она для них несущественна по сравнению с тем, что произошло с американцем.

Скажем, то турки, чилийцы — почти негры. Но вот недавно в Европе с успехом прошли циклы фильмов Хичкока. Эти фильмы — интеллектуально выраженное мироощущение современного общества Запада. Возьмем один из шедевров («Разорванный занавес»). Молодой блестящий американский ученый просит политического убежища в ГДР. Казалось бы, какая-никакая, а все же Германия. К нему приставляется на первых порах офицер госбезопасности — помогает ему искать квартиру, вводит в курс обыденной жизни и т.д. Этот офицер (разумеется, круглый дурак) помогает американцу вполне искренно и ни в какой из моментов не проявляет враждебности — так это представлено в фильме. Он не знает,

что молодой физик приехал, чтобы вывести секретную формулу расчета траектории ракет, которую открыл один математик в Лейпциге. В картинной галерее в Берлине физик ловким маневром отделяется от своего сопровождающего, берет такси и едет за город, на ферму, на явку с подпольщиками-антикоммунистами. Но — немцы есть немцы — офицер «Штази» добывает какую-то мотоциклетку и тоже приезжает на ту же ферму. С глупым хохотом входит на кухню, где физик беседует со своей соратницей, и те его хватают вдвоем и убивают оригинальным способом: засовывают головой в духовку, пускают газ и держат, пока он не перестает трепыхаться. И ни тени сомнения. Никакого внутреннего конфликта из-за необходимости убить человека ради выполнения своей миссии, какой бы благородной она ни была. Никакого намека на то, что, мол, как трагичен это мир, как абсурдна эта холодная война и т.д. Герой-ученый выполняет свою миссию, ликвидируя по пути еще сколько-то ничего не подозревающих «красных» немцев. О каких «общечеловеческих ценностях» можно говорить после показа этого шедевра европейской культуры?

Случай этот тем более красноречив, что буквально в то же время в СССР был снят тоже неплохой фильм — «Мертвый сезон». Там недотепу, актера детского театра, посланного в Германию для опознания бывшего врача-преступника, обводят вокруг пальца, хватают и пытаются его бывшие же мучители. Советский резидент, раскрывая себя, выручает товарища — и напоследок разрешает ему дать всего одну зуботычину фашисту-ученому. Сам сдается, не пытаясь ни защищаться, ни кого-либо убивать. И дело не в том, работал ли КГБ более благородно, чем ЦРУ. Возможно, они выполняли одинаково грязную и жестокую работу, оба фильма основаны на художественном вымысле. Проблема в том, что принимает и что отвергает соответствующая публика. Если бы в фильме советский шпион убивал граждан страны, с которой мы не находимся в состоянии войны, это вызвало бы возмущение и отвращение советского зрителя. Зритель же фильмов Хичкока и тени сомнения не выказывал при убийстве граждан ГДР. А о русских и говорить нечего — в самых современных фильмах (даже на историческую тему, о Русской Калифорнии) их кладут пачками абсолютно без всякой причины.

Представляя Россию (и царскую, и в облике СССР) как «азиатскую деспотию», наши демократы внедряли в сознание светлый миф Запада буквально в то время, когда вскрылась поучительная история массовых убийств в Аргентине. В 1993 г. начальник генштаба Аргентины официально признал, что в 70-е годы армия организовала террор против оппозиции по новой схеме: небольшие группы офицеров действовали автономно, ничего не докладывая

начальству и не оставляя никаких документов. Человека увозили из дома (дом часто взрывали), пытали и убивали. Виднейших деятелей и писателей, проживавших на своих виллах в районе посольств, избивали и увозили прямо в присутствии западных дипломатов. Удобным способом убийства был такой: оглушенных инъекцией наркотика людей загружали в самолет, а потом живыми сбрасывали в океан. И ходят сами, и не сопротивляются, объясняет один из офицеров, который этим занимался. Считается, что так, без суда, следствия и даже ареста, в Аргентине убили до 30 тыс. человек — на 14 млн. населения. Все эти военные получили полное прощение и остаются на своих постах. Все они подготовлены в военных академиях США, все они остаются уважаемыми членами военной элиты Запада.

Чем важен опыт Аргентины? Его анализирует в книге, которая переведена на все основные языки (кроме русского), известный писатель Эдуардо Галеано. Вывод страшен именно в свете нашей темы: если бы в 1974 г. аргентинцев спросили, возможно ли такое в их стране, 100 процентов ответили бы, что абсолютно невозможно. Аргентинцы — это практически европейцы, в основном дети итальянцев и немцев, иммигрантов XX века. Их офицерство современно и интеллигентно, европейски образовано. В стране до этого не было гражданской войны, не было ни фанатизма, ни накопленной ненависти. Убийства совершались без всякой страсти, как *социальная технология*. И эта технология — продукт именно современного либерального общества, выработанный военной и университетской элитой США.

Каким образом на фоне всего этого удастся интеллигенции России культивировать светлые мифы евроцентризма и вести их их пропаганду — загадка века.

Видимо, причина в том, что мифы евроцентризма тщательно оберегаются идеологами, и всякие попытки сделать их предметом обсуждения наталкиваются на глухое сопротивление. Они важнее для всей интеллектуальной базы рыночной реформы, чем даже наши собственные, отечественные мифы. Это понятно, во всех колонизованных культурах огромные средства тратятся именно на мистификацию представления о Западе. Самир Амин отмечает: «Критика евроцентризма вызывает самое мощное сопротивление — здесь мы вступаем в область табу. Выступающий с такой критикой хочет заставить людей слушать то, что слушать запрещено. Утверждение о евроцентризме как господствующей идеологии принять даже труднее, чем сомнения в системе экономических отношений. На деле критика евроцентризма ставит под вопрос положение богатых этого мира».

В заключение надо сделать одну оговорку. Сегодня, потерпев поражение в холодной войне и наблюдая разрушение нашей страны, существенная часть интеллигенции впала в симметричное и по структуре схожее с перестроечным мифотворчеством. Создается черный миф Запада. Он греет душу патриота, но сокращает его возможности реалистично воспринять и осознать происходящие процессы. Для манипуляторов, которым важно увести общественное сознание от сути противоречий, подобные мифы не менее полезны, нежели светлый миф Запада в 80-е годы. Не будем, однако, обсуждать черный миф Запада здесь, чтобы не перегружать сознание отрицаниями отрицания. Но вскоре такое обсуждение станет необходимым.

Раздел III

МАНИПУЛЯЦИЯ СОЗНАНИЕМ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ

Глава 10

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ ИНСТИТУТЫ

§ 1. Толпа и ее искусственное создание

Ницше писал: «Когда сто человек стоят друг возле друга, каждый теряет свой рассудок и получает какой-то другой».

С конца XIX века одной из главных проблем психологии, философии и культурологии стало *массовое сознание*. Мы были отделены от накопленного в этой области знания обществоведением, которое исходило из категории *классового сознания*. Но эти две категории друг другу не противоречат, речь идет о разных вещах. Класс — часть общества, структурированное социальное образование, соединенное устойчивой системой идеалов и интересов, занимающее определенное место в историческом процессе и обладающее развитой культурой и идеологией. Масса (и ее крайняя, временная и неустойчивая форма — *толпа*) не есть часть общества, хотя и образует коллективы. В ней отсутствует структура и устойчивые культурные системы, у нее другой разум и образ поведения, нежели у класса.

Можно также предположить, что феномен *массы* и *толпы* не вызывал в русской и советской культуре большого интереса потому, что эта проблематика еще не была актуальной. Жесткая сословная система старой России не давала возникать толпам — инерция культурных стереотипов и авторитетов была столь велика, что даже выдавленные из общества разночинные люди (бродяги, босяки и т.п.) восстанавливали своеобразные общественные структуры с определенными правами и обязанностями. Обитатели ночлежки в пьесе Горького «На дне» — не толпа и не люди массы. В советском обществе также довольно быстро возродилась сословность, да и другими связями общество было сильно структурировано, так что не было пространства для «*толпообразования*». Эта проблема стала возникать уже в ходе быстрой урбанизации в 60-е годы, что и повлекло возникновение *массового человека* и массовой культуры

и стало одной из предпосылок крушения советского строя, сметенного искусственно возбужденной толпой.

Ле Бон в своей основополагающей книге «Психология масс» перечисляет подмеченные им особенности этого краткоживущего человеческого коллектива. Приведем его тезисы из раздела «Душа толпы».

В толпе «сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, принимают одно и то же направление. Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временный характер, но и очень определенные черты... Индивид, пробыв несколько времени среди действующей толпы, под влиянием ли токов, исходящих от этой толпы, или каких-либо других причин — неизвестно, приходит скоро в такое состояние, которое очень напоминает состояние загипнотизированного субъекта». Толпа — качественно новая система, а не конгломерат. В ней «нет ни суммы, ни среднего входящих в ее состав элементов, но существует комбинация этих элементов и образование новых свойств».

«Индивид в толпе приобретает сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаваться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда бывает один. В толпе же он менее склонен обуздывать эти инстинкты, потому что толпа анонимна и не несет на себе ответственности. Чувство ответственности, сдерживающее всегда отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе».

Человек в толпе обладает удивительно высокой восприимчивостью к внушению: «В толпе всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу коллективному. Подобное поведение, однако, противоречит человеческой природе, и потому человек способен на него лишь тогда, когда он составляет частицу толпы... Прежде чем он потеряет всякую независимость, в его идеях и чувствах должно произойти изменение, и притом настолько глубокое, что оно может превратить скупого в расточительного, скептика — в верующего, честного человека — в преступника, труса — в героя. Отречение от всех своих привилегий, вотированное аристократией под влиянием энтузиазма в знаменитую ночь 4 августа 1789 года, никогда не было бы принято ни одним из ее членов в отдельности».

«Толпе знакомы только простые и крайние чувства; всякое мнение, идею или верование, внушенные ей, толпа принимает или отвергает целиком и относится к ним или как к абсолютным истинам, или же как к столь же абсолютным заблуждениям. Так всегда бывает с верованиями, которые установились путем внушения, а

не путем рассуждения... Каковы бы ни были чувства толпы, хорошие или дурные, характерными их чертами являются односторонность и преувеличение... Сила чувств в толпе еще более увеличивается отсутствием ответственности, особенно в толпе разнокалиберной».

«Толпа никогда не стремилась к правде; она отворачивается от очевидности, не нравящейся ей, и предпочитает поклоняться заблуждению, если только заблуждение это прельщает ее. Кто умеет вводить толпу в заблуждение, тот легко становится ее повелителем; кто же стремится образумить ее, тот всегда бывает ее жертвой».

Ле Бон много места уделяет изменчивости толпы — ее удивительной способности моментально, «все разом» реагировать на импульсы, получаемые от вожаков. Это показывает, что человек в толпе действительно обладает новым качеством, становится элементом новой системы. Он не обдумывает свои действия, а мгновенно подчиняется полученному каким-то образом сигналу. Такое поведение можно уподобить тому, как реагируют на сигнал два разных типа группы — стая рыб и, например, группа водителей, сидящих в своих автомобилях. Стая рыб, получив сигнал через колебания воды, поворачивает вся разом, одновременно. У каждой особи нет рефлексии на сигнал, она не задерживается с переработкой информации. Группа автомобилей, стоящая у светофора, теоретически могла бы при появлении зеленого сигнала тронуться с места вся разом, одновременно — сигнал-то виден всем. Однако каждый водитель поступает осторожно и начинает двигаться только тогда, когда с места тронется стоящая перед ним машина, да еще с некоторым запасом на неопределенность поведения ее водителя. И получается, что расстояние между машинами увеличивается и задние трогаются, уже когда светофор закрылся. Водители толпы не образуют.

Дав описание толпы, Ле Бон не поднимает вопроса о том, почему не всякое скопление людей превращается в толпу, и не подчеркивает того факта, что он писал именно о толпе *западных индивидов*. Эту тему затем вскользь затронул Ортега-и-Гассет в книге «Восстание масс». Индивид, склонный стать человеком массы и влиться в толпу, — это человек, выращенный в школе определенного типа, обладающий определенным складом мышления и живущий именно в атомизированном гражданском обществе массовой культуры. Это человек, который легко сбрасывает с себя чувство ответственности. В этом ему помогают и политики, применяющие «толпообразование» как поведенческую технологию.

Фашисты пришли к власти, сумев на время превратить рассудительный немецкий народ в толпу — и она ринулась в безумный поход, забыв о совести и не думая о последствиях. В отношении

молодежи фашизм сознательно разрушал традиционные отношения. Шло снятие естественных для подростков культурных норм, запретов, подчинения и уважения к старшим. Идеологи фашистов поставили задачу: создать особый стиль — так, чтобы «молодежи стало скучно в лагере коммунистов». Была выработана целая философия под названием «а мне что за дело», или стиль «бродяги и фанфарона» — говоря попросту, хулигана. Наставники молодых фашистов поощряли уличное насилие, ножи и кастеты. Сам фюрер заявил: «Да, мы варвары и хотим ими быть. Это почетное звание. Мы омолодим мир». Конечно, «учиться, учиться и учиться» гораздо скучнее.

Контрастом толпе может служить сход сельской общины — внешне похожее скопление людей, особенно если сход готовится к насильственным действиям (например, разгрому имения помещика). Отличие в том, что сход — собрание в высокой степени структурированное системой статусов, уважения и авторитета. Это именно собрание, налагающее на каждого огромный груз ответственности. Вот пишет английский историк русского крестьянства Т. Шанин о насилии 1907 г.: «Поджоги часто следовали теперь особому сценарию. Решение о них принималось на общинном сходе и затем, при помощи жребия, выбирались исполнители из числа участников схода, в то время как остальные присутствующие давали клятву не выдавать поджигателей... Крестьянские действия были в заметной степени упорядочены, что совсем не похоже на безумный разгул ненависти и вандализма, который ожидали увидеть враги крестьян, как и те, кто превозносил крестьянскую жакерию... Крестьянские выступления России оказались непохожими на образ европейской жакерии, оставленный нам ее палачами и хроникерами».

Виднейший американский социолог Р. Мертон в книге «Социальная теория и социальная структура» (1968) указывает на важное значение «свободы конкуренции», которая порождает несбыточные притязания, а они — склонность к преступному поведению. (Напротив, в России сельская община внутри себя была прежде всего основой солидарности, и в то же время крестьяне, борясь с помещиками за землю, вовсе не имели притязаний «жить как помещики».) Р. Мертон пишет: «Наша идеология равенства косвенно отрицает существование неконкурирующих индивидов и групп в погоне за денежным успехом. Напротив, все имеют одинаковые символы успеха. Цели не связываются классовыми границами и могут выходить за их пределы. А существующий социальный порядок накладывает классовые ограничения на их доступность. Вот почему основная американская добродетель, «честолюбие», превращается в главный американский порок — «отклоняющееся по»

ведение». Толпа, тем более узаконенная Линчем, стала едва ли не символом Америки (вероятно, ее значение было многократно преувеличено Голливудом).

Р. Мертон подмечает и другие важные условия, которые способствуют «толпообразованию». Это мифологизация общественных отношений, которая маскирует причинно-следственные связи и делает мышление суеверным (а значит, восприимчивым к внушению): «Рабочий видит вокруг себя опытных и квалифицированных людей без работы. Если у него есть работа — он чувствует себя «удачливым», нет — он жертва «неудачи». Рабочий почти не видит взаимосвязи между заслугами и вознаграждением». Р. Мертон отмечает очень важное качество массовой культуры США, о котором нам как-то мало известно: «Нелюбовь к ручному труду почти в равной степени присуща всем социальным классам американского общества». Здесь надо вспомнить мысль, которую настойчиво повторял К. Лоренц, — именно ручной труд служит важным условием сохранения в сознании и культуре традиций и способности к уважению.

Наконец, буржуазное общество создало целую промышленность масс-культуры. Обладая высокими техническими возможностями, она выносит на рынок очень соблазнительный продукт, идеологическое содержание которого целенаправленно принижает человека, делает его мышление инфантильным и сильно повышает восприимчивость к внушению. Трудно найти более примитивные фильмы, чем серия Стивена Спилберга «Индиана Джонс». Когда этот герой действует в Китае или Индии, эти фильмы, кроме того, становятся предельно расистскими — даже удивительно, как могут их демонстрировать в современном обществе. Я их видел за границей в междугородных автобусах и, еще не зная, что Спилберг знаменитый режиссер, про себя ругался: скупые автобусные компании закупают для показа самую дешевую дрянь. Поэтому я был поражен, узнав, что в США два фильма из этой серии держат рекорд выручки за первые шесть дней проката: «Индиана Джонс и храм Страшного суда» — 42,3 млн. долл. и «Индиана Джонс и последний крестовый поход» — 46,9 млн. долл. Хоть и слышали мы о неприязнтельности американцев, но только руками развести.

Ле Бон выдвигает одно важное положение, которое, видимо, опережало его время и, наверное, вызывало у современников удивление. Но сегодня, с развитием радио и телевидения, оно стало очень актуальным. Суть его в том, что для образования толпы не является необходимым физический контакт между ее частицами. Ле Бон пишет: «Тысячи индивидов, отделенных друг от друга, могут в известные моменты подпадать одновременно под влияние некоторых сильных эмоций или какого-нибудь великого националь-

ного события и приобретать, таким образом, все черты одухотворенной толпы... Целый народ под действием известных влияний иногда становится толпой, не представляя при этом собрания в собственном смысле этого слова».

Именно это мы и наблюдаем в последние десятилетия: население «развитых» стран Запада, подверженное постоянному воздействию масс-культуры и телевидения, превращается в огромную виртуальную толпу. Она не на площади, а в уютных квартирах у телевизоров, но вся она не структурирована и слушает одних и тех же лидеров и пророков, не вступая с ними в диалог. Она не бежит сама громить Бастилию или линчевать сербов, она лишь одобряет такие действия своих властей. Когда говоришь с западным обывателем о разрушительных действиях, которые он поддерживает, берет жуть. Эти люди действительно могут уничтожить Землю без всякого злого умысла, просто «не подумав».

Арабский философ Самир Амин пишет: «Евроцентризм заменил рациональное объяснение истории частными и перекрывающимися, порой противоречащими друг другу псевдотеориями, которые, однако, прекрасно работают, дополняя одна другую, в построении успокаивающего европейца мифа, освобождающего его под сознание от всякого комплекса ответственности».

Безответственность внушается средствами идеологии как национальная ценность! Чтобы снять возникающие иногда синдромы раскаяния, совершаются даже военные акции типа абсурдной агрессии в Гренаду (там бригада спецназа численностью 6 тыс. человек «подавила сопротивление» нескольких десятков полицейских и получила за это 8 тыс. орденов и медалей США)¹. В 1977 г. президент Картер сформулировал принцип, согласно которому «американцы не должны извиняться, испытывать угрызения совести и принимать на себя вину», поскольку они всегда действуют исходя из благих побуждений.

Вот парный случай, который стал важным экспериментом над массовым сознанием в разных культурах. В 1981 г. южнокорейский самолет рейса KAL-007 вошел в воздушное пространство СССР, углубился на 500 км и пересек его с севера на юг, активизировав всю систему ПВО. В конце концов, после многих предупреждений он был сбит. В СССР это вызвало тяжелое чувство — независимо от оценки действий военных. Трагедия есть трагедия. На Западе это

¹ Любопытный факт: опасный синдром раскаяния за Вьетнам (оценка войны как несправедливой и аморальной) наблюдался только в среде «простых людей», в образованной элите его не было совершенно. Элита отрицала войну как неэффективную, слишком дорогую и ухудшающую обстановку в США из-за потерь личного состава.

было поводом длительной (десять лет) антисоветской кампании¹. Но главное в другом — в 1988 г. военный корабль США «Винсенс», находившийся в Персидском заливе, среди бела дня сбил ракетой иранский самолет с 290 пассажирами на борту. Самолет только что поднялся в воздух и находился даже еще не в международном пространстве, а над иранскими территориальными водами.

Когда корабль «Винсенс» вернулся на базу в Калифорнии, огромная ликующая толпа встретила его со знаменами и воздушными шарами, духовой оркестр ВМФ играл на набережной марши, а с самого корабля из динамиков, включенных на полную мощность, неслась бравурная музыка. Стоящие на рейде военные корабли салютовали героям артиллерийскими залпами.

Н. Хомский, проводя структурный анализ обоих случаев, приводит выдержки из центральных американских газет, которые буквально внушили американцам объяснение, начисто снимающее у них чувство ответственности за жизнь 290 пассажиров. Было достигнуто невозможное. Читаешь эти статьи, и голова кругом идет. Самолет сбили из благих побуждений, и пассажиры «погибли не зря», ибо Иран, возможно, чуть-чуть одумается...

В последние десять лет мы в России видим целенаправленные действия по превращению народа в толпу — через изменение типа школы, ослабление традиций и осмеяние авторитетов, воздействие рекламы, телевидения и массовой культуры, разжигание несбыточных притязаний и пропаганду безответственности. Все признаки тех методов и технологий «толпообразования», на которые обращали внимание изучавшие это явление философы. Дело пока что идет медленно, но если люди не осознают опасность, то стихийные механизмы защиты не справятся с таким нажимом.

§ 2. Разрешение аморальности

Йохан Хейзинга (1872—1945) говорил, что учение о государстве, которое манипулирует массами — от Макиавелли и Гоббса до теоретиков нацизма, — «открытая рана на теле нашей культуры, через которую входит разрушение». Автономия государства от морали, по его мнению, — величайшая опасность, угрожающая западной цивилизации.

¹ В 1991 г., будучи на Западе, я видел по телевидению заседание «круглого стола» экспертов по гражданской авиации, посвященное годовщине того события (передача почему-то шла глубокой ночью). Сначала показали американский художественный фильм с нелепой и наивной трактовкой инцидента (пилот «не прогрел компьютер»). Эксперты его даже не обсуждали по причине полного идиотизма. Мне было странно видеть, что специалисты из ряда стран дали абсолютно то же объяснение, что было дано советским правительством, но оно не нашло никакого отражения в свободной западной прессе.

Внеморальность политики! Замена всеобщей («тоталитарной») этики контролем принятых в парламенте законов — кредо демократии западного типа. Эта демократия устраняет из политики понятие греха, а по сути и совести («свобода совести»), и заменяет его исключительно понятием права. «Разрешено все, что не запрещено законом!» Хейзинга подчеркивает, что принцип внеморальности при этом перестает быть монополией государства, он осваивается и негосударственными организациями, и широкими массами. Тяга к аморальному насилию не убывает по мере демократизации общества.

Кстати сказать, Хейзинга высоко оценивал марксизм за то, что он высоко поднял универсальные принципы — солидарность и товарищество. Хотя Хейзинга — либерал и считает, что классовый подход нанес ущерб морали. Однако гораздо больший ущерб морали нанес, по его мнению, фрейдизм, сводящий душевные процессы до уровня, стоящего ниже разума и даже ниже рационального мышления.

С точки зрения нашей темы аморальность «расположена» в той части культуры, где ставятся под сомнение или отвергаются установленные общей этикой ценности, где устраняется традиция и «расковывается» мышление, так что оно готовится к тому, чтобы оправдать любое действие. Ниша аморальности, как болезнь в организме, играет, видимо, какую-то необходимую роль в развитии. Из этого очага брожения выходят, вместе с социальным гноем, зародыши новых идей. Целые периоды «расшатанной морали», как Возрождение в Европе, бывают предшественниками глубоких преобразований общества. Периодическому его обновлению и «малому Возрождению» служили в традиционном обществе карнавалы с их защищенной масками аморальностью. Объясняя значение этой праздничной «смеховой» аморальности, М. М. Бахтин подчеркивал ее отличие от аморальности Нового времени. Карнавал означал «дегенерацию ценностей» с их последующей «регенерацией» на заключительной стадии карнавала. Проходя через испытание праздничной аморальности, моральные ценности возрождались и «освежались». Черный юмор и аморальность нового, буржуазного общества были направлены исключительно на разрушение ценностей общества традиционного, без какой бы то ни было «регенерации». Через аморальность подрывались священные символы и общинные человеческие связи «старых режимов».

Через устранение понятия греха современное общество «раскрыло» ниши порока, превратив его в морально приемлемый бизнес. Так, кстати, возникла преступность как нормальное социальное явление (в традиционном обществе преступление — всегда мятеж, всегда покушение на монарха и, таким образом, на Бога; эту

важную разницу рассматривает М. Фуко в книге «Надзирать и наказывать», а С. Кубрик — в фильме «Механический апельсин»). Массовой и узаконенной стала в буржуазном обществе проституция, вплоть до того, что возникают профсоюзы проституток, они получают время на телевидении. В городах США «работают» 300 тысяч малолетних проституток в возрасте от 9 до 12 лет. Одним из важных видов туризма стали секс-туры с Запада в страны Юго-Восточной Азии (в маленьком Пномпене число проституток всего за год, с 1991 по 1992 г., выросло с 6 до 20 тысяч). В Германии туристическая реклама приглашает в Шри Ланку как «рай педерастов».

То же самое произошло буквально на наших глазах с оборотом наркотиков. Его рынок искусственно создается, в производство и распространение наркотиков вовлечены миллионы человек. Более того, и средствами культуры, и авторитетом науки общество готовится к легализации этого бизнеса. В октябре 1994 г. в Испании состоялся Второй международный конгресс по модифицированным состояниям сознания, собравший ученых из 20 стран. Речь идет о галлюциногенах (наркотиках, вызывающих галлюцинации). Значительная часть сообщений носила чисто идеологический характер. Главный докладчик из США пообещал, что появление новых наркотиков будет для всемирной истории более важным событием, нежели Реформация Лютера. Говорилось о «праве всех человеческих существ на использование галлюциногенов». Более того, в главной лекции на открытии конгресса утверждалось, что христианство сможет сохранить свою роль в следующем тысячелетии, только если включит как центральный элемент литургии прием галлюциногенов. Давалась и новая трактовка христианства, которое в IV веке учредило «фармакократическую инквизицию», запретив использование наркотических веществ. Конечно, можно посчитать такие конгрессы экстравагантными маргинальными событиями, но таких событий происходит множество, и они широко представлены в прессе.

Резкое расширение ниши аморальности и, в пределе, распространение ее на все общество служило тому размягчению культурного ядра, что было необходимо для подрыва гегемонии «тирана» и установления гегемонии «манипулятора» (согласно теории А. Грамши). Человек с подорванной моралью легко манипулируем! Разрушение традиционной морали и перманентная «сексуальная революция» — важнейшее условие устранения психологических защит против манипуляции сознанием.

Как и вообще по отношению к ценностям, главное в снятии защит против манипуляции — не замена одной системы ценностей другой, столь же целостной, а именно разрушение системы, *релятивизация* ценностей. Лишение человека нравственных ориенти-

ров, той системы координат, в которой он мог бы различать добро и зло. Помещение человека в атмосферу аморальности отключает его систему навигации, это как включение генератора радиопомех, чтобы сбить самолет с курса (потому и говорят «демократия шума»).

Для создания такого положения запускаются два взаимосвязанные процесса, который затем переходят в самовоспроизводящийся режим — поощряют в обществе «спрос на аморальность» и в то же время искусственно, политическими и экономическими средствами склоняют к аморальности прессу и особенно телевидение. Возникает «индустрия аморальности», создающая и одновременно удовлетворяющая «спрос». Массовое потребление аморальности представляет собой лишь особый срез общества потребления. В последние 15 лет мы это наглядно видели в СССР и России.

Массовая «аморализация» среднего человека произошла на Западе, когда самодеятельность узкого круга аморальных художников стала профессией и была превращена в часть масс-культуры. Мозаичная культура, о которой говорилось в 4 главе, легко оставляет место для аморальности в своих «порах», в то время как жесткая «университетская» культура выжимает антиценности в подполье, в закрытую часть, в оппозицию культуре. Возникновение мозаичной культуры тесно связано с прессой и порожденным ею целым сословием «прогрессивных» интеллектуалов, которые, будучи на деле просто поставщиками рынка аморальности, оправдывали ее свободой информации и стремлением разрушить оковы угнетения нравственностью. Ф. Ницше писал: «Ничто не вызывает большего отвращения к так называемым интеллигентам, исповедующим «современные идеи», как отсутствие у них стыда, спокойная наглость взора и рук, с которой они все трогают, лизжут и ощупывают; и возможно, что в народе, среди низших слоев, именно у крестьян, нынче сравнительно гораздо больше благородства, вкуса и такта, чем у читающего газеты умственного полусвета, у образованных людей».

Сто лет назад пресса и литература могла «аморализовать» только часть культурного слоя общества, читающую публику. Сегодня донести продукт индустрии аморальности до каждого дома взялось телевидение. Очевиден, например, эффект порнографии на телеэкране — по силе воздействия его сравнивают с эффектом от постоянного показа сцен насилия. Особенно эффективно снижает устойчивость сознания резкое изменение структуры и интенсивности «аморальности». Обычно оно и производится в тот момент, когда необходимо провести крупные манипулятивные воздействия (например, отвлечь общественное внимание от непопулярных социальных программ типа приватизации или конверсии промыш-

ленности). К привычным видам аморальности (порнографии, демонстративной проституции, заполнению солидных газет эротической рекламой и т.п.) общество довольно быстро адаптируется и «не замечает их», так что действенность снижается. Однако избретательность творцов аморальности не иссякает.

В последние два десятилетия СМИ активно пропагандируют новый вид искусства — *перформанс* (*xerformance*). Это сценическое представление без жесткого сценария. Оно соединяет визуальные искусства с театрализованной импровизацией. Корнями оно уходит в футуризм и дадаизм, иногда его называют хэппенинг, бодиарт, концептуальное искусство. Одной из главных концепций этого искусства как раз и является разрушение этических и эстетических норм, снятие всяческих табу. Вот пара сообщений о недавних представлениях, вызвавших большой интерес.

С большим успехом в ряде стран (Мексика, Испания, Италия, Словения) три года назад был представлен перформанс «Эпизоо». Автора его называют «современным Франкенштейном». Суть спектакля в том, что обнаженный актер помещается в установленную на сцене «машину пыток». Она имеет компьютерное программирование и гидравлические устройства, которые могут растягивать рот, нос, уши и другие части тела художника, причиняя ему боль. Управлять машиной могут зрители, что приносит им большое удовольствие. Кстати, в Испании этот спектакль был устроен в церкви Святого Эстебана — святого, которого римляне подвергли пыткам. В Словении тот же автор должен был выставить чудовищные человеческие головы, изготовленные из мяса.

Зимой 1999 г. в Доме Америки в Мадриде с большим успехом выступил художник из Мексики с перформансом «Же-Латина». На огромном столе лежала огромная и очень похожая на самого автора обнаженная человеческая фигура, сделанная из сладкого желе и погруженная, как в гроб, в кремовый торт (в газетах тогда были опубликованы прекрасные фотографии). Сам художник, тоже совершенно обнаженный (но в маске), большим machete отрезал по просьбе гостей и подавал им различные части своего тела. Поначалу представители культурной элиты ели нехотя («Один вид таких вещей вызывает понос», — пожаловалась одна дама). Но потом покушали с большим аппетитом. Как сообщают газеты, детородный орган торжественно съела невеста художника. Оказывается, этим спектаклем автор хотел выразить «каннибализм современного общества».

С проблематикой манипуляции сознанием прямо связана принципиальная внеморальность «четвертой власти» — прессы. В последние годы корпорация работников прессы сделала огромный шаг к полному искоренению чувства стыда. Бесстыдство само

стало особой технологией, которая обезоруживает нормального человека, делает его еще более незащищенным против манипуляции. Сегодня мы переживаем новый качественный сдвиг — само разоблачение случаев прямой лжи усиливает влияние прессы.

Каждая очередная ложь разоблачается с глумлением над зрителем и читателем — без слова упрека лжецам, не говоря уж о каком-то «суде чести», отставках или угрызениях совести. Во время войны в Персидском Заливе ненависть к Ираку нагнетали душераздирающими кадрами: добровольцы из числа «зеленых» обмывают мылом бедных птиц, попавших в нефтяное пятно, разлитое жестокими иракцами. Вскоре после этого было опубликовано сообщение, что это были кадры из репортажа, снятого на Аляске, где на скалы сел танкер, разливший 70 тыс. т нефти. То есть громогласно было заявлено, что ведущие телеканалы всего мира сознательно фальсифицировали информацию. И что? Никакого эффекта. Ни слушаний в парламентах, ни обращений в суды, ни резолюции ООН. Это был еще один эксперимент.

В 1998 г. по 14 ведущим странам мира с успехом прошел и собрал кучу премий (восемь только международных) английский документальный фильм «Стыковка» — о наркодельцах Колумбии и маршруте доставки героина в Лондон. Блестящая работа смелых журналистов. В логово наркобаронов в джунглях их везли с завязанными глазами, под дулами автоматов. Но логово это в действительности было оборудовано в отеле, а на роль страшного «барона» был нанят пенсионер, бывший банковский служащий. Одним из лучших кадров, который «удалось» снять репортерам, была драматическая сцена, когда перед отъездом в аэропорт курьер заглатывает капсулы с 500 г героина — абсолютная ложь. Фильм, разоблачающий «угрозу цивилизации», снятый одной из ведущих телекомпаний, был фальсификацией — с начала до конца. Но разве убавило это влияния «четвертой власти»? Нет, обман стал узаконенным, и доверия телезрителей он не подрывает. Авторы фильма даже не подумали вернуть полученные премии. Представитель Би-Би-Си, уличенной в похожих, но менее впечатляющих фальсификациях в своих «документальных» сериалах, оправдывал их тем, что зритель стал больно привередливым и требует высокого качества съемок, а его при честных съемках не получить. Сама проблема правды и лжи устранена из культуры. Среднему человеку теперь просто сообщается, кого он должен считать «плохим». А картинка, которой сопровождается сигнал, является условностью.

Д. Каледин в газете «Завтра» (1999, № 26) описывает историю появления в западной прессе обошедшей в 1992 г. весь мир фотографии «сербского лагеря смерти». Эта фотография — пущенный в эфир кадр английских журналистов телекомпании ITN (Indexendent

Television Network — их НТВ). Правдоподобность придавала фотографии точность данных: изможденное лицо за колючей проволокой принадлежит боснийскому мусульманину Фикрету Аличу, он беседовал с журналистами, протягивал им руки через колючую проволоку.

Этот телекадр в 1992 г. обсуждался в Конгрессе США и стал формальным поводом и оправданием для США, чтобы занять открытую антисербскую позицию во время войны в Боснии. В феврале 1997 г. в одном левом журнале («Живой марксизм») в Англии вышла статья, в которой изложены обстоятельства получения этого кадра. Изображен на нем не «лагерь смерти», а пункт сбора беженцев, расположенный в здании школы. Забор из колючей проволоки отделял школьный двор от шоссе и был установлен до войны, чтобы дети не выбегали на дорогу.

Журналисты снимали «узников-мусульман» через проволоку — а могли обойти ее и снимать просто как отдыхающих на свежем воздухе («узники» обнажены по пояс). Вход и выход за проволоку были свободными, и на других кадрах, не пошедших в эфир, видно, как «заключенные» перелезают через забор или обходят его. Эти кадры были добыты сотрудниками журнала «Живой марксизм» и помещены в Интернет. Автор этого журнала обвинил телекомпанию в манипуляции. А та подала в суд на журнал «за клевету».

Что для нас особенно важно в этой истории? То, что тележурналисты и телекомпания не видят за собой абсолютно никакой профессиональной и моральной вины. Да, они пустили на весь мир телекадр и фотографию, которую политики затем использовали в своих целях, а западный обыватель в массе своей поверил интерпретации политиков. Но сами журналисты в комментариях к кадру не употребляли слов «лагерь смерти» и не утверждали, что из-за колючей проволоки нельзя выходить. Поэтому журнал «Живой марксизм» привлечен к суду за клевету.

Этот искренний и полный, органичный отход от принципов права и честности в отношении тех, кого правящая верхушка решила наказать, — новое явление в культуре. Оно отражает новое состояние интеллигенции, более опасное для простого человека, нежели тоталитарное морализаторство интеллигентов-революционеров. Это — политический постмодерн, к которому мы духовно и интеллектуально пока не готовы.

История с видеокadreом о сербском «лагере смерти» для нас важна тем, что с точки зрения телекомпании в этом кадре не было прямой лжи, а было лишь *умолчание*. Этот вид искажения информации открывает еще большие возможности для манипуляции, нежели прямая ложь.

§ 3. Захват и присоединение аудитории

Уже вскользь говорилось, что одной из важных операций в любой программе по манипуляции сознанием является «захват» аудитории — привлечение внимания объекта к тому сообщению, которое ему собирается послать манипулятор, удержание внимания на этом сообщении и завоевание доверия, устранение психологической защиты. Известный американский специалист по психологической войне Р. Кроссмен пишет: «Задолго до того, как вы будете пытаться деморализовать, разубедить или переубедить, перед вами в качестве первой встанет задача — заставить себе поверить»¹.

Первый шаг — установление контакта с аудиторией и, таким образом, создание канала, по которому может пройти сообщение. Для этого используется множество уловок и соблазнительных приманок. Сообщение сцепляется с чем-то привлекательным, так что эффективность приманки даже поддается количественному расчету (это видно, например, по цене телевизионного времени для рекламы, которая включается в популярный фильм или важное спортивное соревнование). Следующий этап — *присоединение*. Так обозначают такой контакт, который в силу положительного отношения к нему аудитории имеет тенденцию сам себя поддерживать, воспроизводиться уже без специальных больших усилий манипулятора. Различают «*присоединение по...*» и «*присоединение к...*». Первое — это контакт, который поддерживается в силу каких-то объективных признаков общности (по языку, этнической принадлежности и т.д.). Главная задача манипулятора — ««присоединение к...» (к каким-то ценностям, лозунгам, действиям).

Первое правило для успешного контакта — заявить о том, что отправитель сообщения входит с аудиторией в какую-то общность (по социальному, национальному, культурному признаку и т.д.). Для этого выработан целый язык и манера обращения: *коллеги, мужики, православные* и т.д. Так что первые же шаги по установлению контакта служат кличем «мы с тобой одной крови — ты и я!». Поэтому первый признак манипуляции — уклончивость в изложении собственной позиции, использование туманных слов и метафор. Ясное обнаружение идеалов и интересов, которые отстаивает «отправитель сообщения», сразу включает психологическую защиту тех, кто не разделяет этой позиции, а главное, побуждает к мысленному диалогу, а он резко затрудняет манипуляцию.

¹ Далее Р. Кроссмен высказывает важную мысль, объясняющую, почему пресса и телевидение вынуждены критиковать власть и порядок, говорить о бедах и поражениях. Это — сильнейший метод захвата аудитории. Он пишет: «С точки зрения психологической войны поражение создает огромные возможности, особенно если вы искусны и говорите, что поражение еще более тяжкое, чем оно есть на деле. Вы должны быть откровенны на сей счет, более откровенны, чем сами факты».

Наполеон как-то сказал в государственном совете: «Представившись католиком, я мог окончить вандейскую войну; представившись мусульманином, я укрепился в Египте, а представившись ультрамонтаном [иезуитом], я привлек на свою сторону итальянских патеров. Если бы мне нужно было управлять еврейским народом, то я восстановил бы храм Соломона».

Самое эффективное присоединение аудитории, вплоть до фанатичного подчинения воле манипулятора, достигается в том случае, когда он, играя на «струнах души», добирается до архетипов коллективного бессознательного и активизирует их. Говорят, что при этом манипуляция подключается к огромным скрытым «энергетическим ресурсам» архетипов и тем самым приобретает бесплатную силу, оставаясь в то же время нераспознанной именно потому, что архетипы скрыты в бессознательном. Как говорил К. Юнг, архетипы проявляют себя «захватывающе-очаровывающим образом». Значит, при этом отключается и логическое мышление, и здравый смысл, что особенно красноречиво проявляется в возбуждении толпы или в разжигании этнических конфликтов.

Старый, испытанный еще в Великой французской революции прием захвата аудитории — представление идеологических сообщений в виде «запретного плода». Именно тогда возник «самиздат» — изготовление и распространение нелегальной и полуправильной литературы. Расцвела эта индустрия уже в 60-е годы как средство психологической войны (к 1975 г. ЦРУ разными способами участвовало в издании на русском языке более чем 1500 книг русских и советских авторов). Тогда в СССР даже ходил анекдот: старушка перепечатывает на машинке «Войну и мир» Толстого. Ее спрашивают: «Вы что, с ума сошли?» — «Нет, я хочу, чтобы внучка роман прочитала, а она читает только то, что напечатано на машинке». Правда, говорят, что некоторые люди не читают даже запрещенных книг.

Недавно Милослав Петрусек, декан факультета политических наук Карлова университета, президент Чешского социологического общества, опубликовал интересное исследование самиздата в Чехословакии. Думаю, если бы такому изучению подверглась продукция самиздата в СССР, результаты были бы схожи.

В 1969—1989 гг. в самиздате в ЧССР выходило более 80 журналов (средний тираж 132 экземпляра), было напечатано несколько сотен литературных произведений. Изданием и распространением занималось 5% населения страны. С властями существовал негласный уговор. «Тоталитарный режим» требовал лишь соблюдения некоторых условных формальностей, например писать на титульном листе: «Для друзей размножил в количестве 7 экземпляров Вацлав Гавел». А за размножение журнала Гавел уже не отвечал.

Самиздат создавал людям политическую рекламу, что сказалось в 1989 г. — интеллектуалы, вовлеченные в самиздат, сразу заняли важные государственные посты. Самиздат послужил школой для отбора и подготовки кадров. Во время пребывания у власти Горбачева, когда началась перестройка в СССР, стал выходить самиздатский журнал «Образ друга», публикующий материалы из советской прессы. С самого начала Запад оказывал самиздату финансовую поддержку, но в те времена это скрывалось.

Какие же установки внедряли в сознание авторы-диссиденты? М. Петрусек характеризует их так: «Самиздат справедливо разрушал мифы о национальном величии и доблести, например мифы о масштабах антифашистского сопротивления или мифы о чешском национальном характере. Самиздат касался и весьма болезненных тем (высылка немцев) и остродискуссионных вопросов (законность и историческая обоснованность возникновения самостоятельного чехословацкого государства)». В общем, подрывал опоры национального самосознания.

Какова была культурная ценность изданий? Петрусек пишет: «В первые месяцы после ноября 1989 г. предполагалось, что в государственных издательствах выйдет практически весь обществоведческий самиздат... Существуют договоры с издательствами, но книги не издаются, так как возник отчасти действительный, отчасти условный эффект негативной реакции на самиздат: вышла на поверхность тривиальная истина, что не все изданное в самиздате имеет долговременную ценность, не говоря уже о привлекательности для читателя». И в беллетристике также «действуют приведенные выше закономерности — издание части самиздатовских книг показало отсутствие к ним читательского интереса».

Иными словами, захват и присоединение аудитории в программе «Самиздат» достигался не высокой ценностью самого материала, а искусственно созданной приманкой — запретностью текста, так что авторы, издатели и распространители обращались к нонконформистским, диссидентским стереотипам в сознании.

Западные радиостанции, которые вели передачи на СССР с «белой» пропагандой (т.е. от своего имени), всегда утверждали о наличии у них значительного совпадения точек зрения с советской аудиторией, и дискредитация ценностей, укорененных в сознании аудитории, нарастала очень малыми порциями — чтобы не допустить утраты контакта. Более того, антисоветская пропаганда, как правило, апеллировала к реальным общественным потребностям слушателей с позиций господствующих в советском сознании ценностей — социальной справедливости, уравнительного идеала и т.д. Точно так же Горбачев начал с лозунга «Больше социализма!» и с «возвращения к Ленину».

Начиная с 70-х годов западная пропаганда стала широко использовать *доверительный* имидж, при котором политик обращается к гражданам на личностном уровне, как такой же «добрый парень», с теми же простительными дефектами и недостатками, с тем же простодушием и той же личной историей, что и слушатель или телезритель. Возник особый жанр «автобиографий» и телефильмов, в которых строился такой имидж (мы их понасмотрелись в 90-е годы, например фильм Э. Рязанова о том, как Наина Иосифовна жарит котлеты на кухне в ожидании прихода с работы ее мужа-президента).

Эта технология «присоединения» зрителя была основана на большой серии социально-психологических экспериментов. Так, в Англии в ходе избирательной кампании трем группам избирателей показывались три разные телевизионные программы. В одной из них логически и разумно, с обилием графиков и диаграмм излагалась программа кандидата и те блага, которые она должна принести населению. В другой давались интервью с прохожими, которые поддерживали данного кандидата и его программу. В третьей был показан телефильм, в котором кандидат представал в семейной обстановке, в домашних тапочках, помогая жене на кухне, а внуку — готовить уроки и т.д. Замеры эффективности влияния каждой телепрограммы показали, что наибольшая степень доверия к политику возникла в результате действия третьей из них. Самым эффективным для установления отношений симпатии и доверия был личный имидж.

Присоединение через создание доверительного имиджа с установлением квазиличностных отношений может опираться на архетипы, которые, казалось бы, неуместно будить в конкретной политической ситуации. В 70-е годы в США была разработана технология под названием «прямая почта». Суть ее в собирании и компьютерной обработке данных о нужной аудитории, а затем рассылка политиком личных писем каждому адресату. Для адресатов с высоким статусом применяются специальные сорта бумаги, типографские наборы, даже тип чернил на подписи (обязательно синие, но разных оттенков), для массового адресата — ширпотреб. К чему же взывают политики? Что служит приманкой, заставляющей благосклонно отнестись к идеологической начинке письма? Как ни странно, приманкой служит просьба помочь деньгами.

При разработке этой технологии было много находок. Например, психологи нашли, что сумма присланного в ответ взноса возрастает, если политик просит в письме конкретную сумму, причем идет от большей суммы к меньшей, а не наоборот (просит прислать 500, 250, 100 или хоть 50 долларов). Письмо из двух страниц оказывает большее воздействие, чем из одной. Рассылать письма надо сразу же после выдвижения кандидатуры, потом эффект пропадает

ет. В 1984 г., прямо в тот день, когда Рейган объявил о выдвижении своей кандидатуры в президенты, его штаб разослал 600 тыс. компьютерных писем, в ответ на которые пришло взносов на 3 млн. долл. В среднем затраты на прямую почту в 200 тыс. долл. приносят взносов на 2 млн. Но главное — не деньги, а огромный пропагандистский успех. Пожертвование размягчает сердце американского избирателя гораздо сильнее, чем получение им таких же денег. Письма с личной подписью политика, хотя многие и подозревают в ней имитацию, эффективно «присоединяют» аудиторию к нему.

В поиске новых приемов присоединения аудитории технологи манипуляции делают психологические открытия и идут на оригинальные и рискованные комбинации. Интересны недавние исследования идеологической продукции Голливуда. Так, например, в серии фильмов о Рэмбо их авторы сделали совершенно неожиданный ход: они поставили контркультуру, которая в реальности была резко враждебна консерватизму, на службу консервативной политике. Рэмбо — нонконформист, с длинной гривой волос, противопоставленный бюрократическому государству. Все привлекательные для диссидентских течений атрибуты несли под собой крайне правую идеологию, и эффект был достигнут. Этот анализ сделан на примере фильмов о Рэмбо, но подобных фильмов Запад произвел тысячи — и наводнил ими весь мир, а теперь уже и Россию (а Россия им противопоставила «Ежика в тумане»).

Поскольку присоединение к манипулятору происходит при достаточной длительности контакта, то простейшим приемом восстановить психологическую защиту от манипуляции является сознательное и беспорядочное прерывание контактов с источником информации, который мы подозреваем в манипуляции. Например, достаточно время от времени прекращать смотреть телевизор на одну-две недели, как происходит «починка» сознания. После этого глаз приобретает необычную зоркость и какое-то время ты легко замечаешь, как из манипулирующих передач «торчат уши». На время телевидение теряет свое очарование.

Глава 11

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ

§ 1. Школа — производство человека массы

Формирование общества, в котором главным средством господства является манипуляция сознанием, в огромной степени зависит от *типа школы*.

Вслед за великими буржуазными революциями произошли революции в «технологии» создания общества, и преобразование школы занимает среди них особое место. Школа — одна из самых устойчивых, консервативных общественных институтов, «генетическая матрица» культуры. В соответствии с этой матрицей воспроизводятся последующие поколения. Поэтому создание человека с новыми характеристиками, облегчающими манипуляцию его сознанием, обязательно предполагало перестройку принципиальных основ школьного образования.

Добуржуазная школа, основанная на христианской традиции, вышедшая из монастыря и университета, ставила задачей *«воспитание личности»* — личности, обращенной к Богу (шире — к идеалам). Для нового общества требовался манипулируемый *человек массы*, сформированный в мозаичной культуре. Чем отличается выросшая из богословия «университетская» школа от школы «мозаичной культуры»? Тем, что она на каждом своем уровне стремится дать целостный свод принципов бытия. Здесь видна связь университета с античной школой, которая особенно сильно выразилась в типе классической гимназии. Спор об этом типе школы, которая ориентировалась на фундаментальные дисциплины, гуманитарное знание и языки, идет давно. Нам много приходилось слышать попреков в адрес советской школы, которая была построена по типу гимназии, — за то, что она дает «бесполезное в реальной жизни знание». Эти попреки — часть общемировой кампании, направленной на сокращение числа детей, воспитываемых в лоне «университетской культуры».

В действительности эти попреки — чистая демагогия. Задача школы, конечно, не в том, чтобы дать человеку навыки и информацию для решения частных практических задач, а в том, чтобы «наставить на путь». Те ученые и философы, которые заботились о жизнеспособности Запада, не уставали об этом предупреждать.

«Школа не имеет более важной задачи, как обучать строгому мышлению, осторожности в суждениях и последовательности в умозаключениях», — писал Ницше. Человек массы этого, как правило, не понимал, и Ницше добавил: «Значение гимназии редко видят в вещах, которым там действительно научаются и которые выносятся оттуда навсегда, а в тех, которые преподаются, но которые школьник усваивает лишь с отвращением, чтобы стряхнуть их с себя, как только это станет возможным».

Через полвека эту мысль продолжает В. Гейзенберг: «Образование — это то, что остается, когда забыли все, чему учились. Образование, если угодно, — это яркое сияние, окутывающее в нашей памяти школьные годы и озаряющее всю нашу последующую жизнь. Это не только блеск юности, естественно присущий тем вре-

менам, но и свет, исходящий от занятия чем-то значительным». В чем же видел Гейзенберг роль классической школы? В том, что она передает отличительную особенность античной мысли — «способность обращать всякую проблему в принципиальную», то есть стремиться к упорядочению мозаики опыта.

Гейзенберг пишет: «Кто занимается философией греков, на каждом шагу наталкивается на эту способность ставить принципиальные вопросы, и, следовательно, читая греков, он упражняется в умении владеть одним из наиболее мощных интеллектуальных орудий, выработанных западноевропейской мыслью».

Новое, буржуазное общество нуждалось в школе для «*фабрикации субъектов*», которые должны были заполнить, как обезличенная рабочая сила, фабрики и конторы. В этой школе Бог был заменен наукой, а в ум и даже в организм ученика внедрялось новое, нужное для фабрики представление о времени и пространстве — разделенных на маленькие, точные и контролируемые кусочки.

На такие же контролируемые частицы разделялась масса самих учеников — всем укладом школы, системой оценок и премий, поощряемой конкуренцией. Школа, «фабрикующая субъектов», не давала человеку целостной системы знания, которая учит человека свободно и независимо мыслить. Из школы должен был выйти «добропорядочный гражданин, работник и потребитель». Для выполнения этих функций и подбирался запас знаний, который заранее раскладывал людей «по полочкам». Таким образом, эта школа оторвалась от университета, суть которого именно в целостности системы знания. Возникла «мозаичная культура» (в противовес «университетской»). Возник и ее носитель — «человек массы», наполненный сведениями, нужными для выполнения контролируемых операций. Человек самодовольный, считающий себя образованным, но образованным именно чтобы быть винтиком — «специалист».

Испанский философ Ортега-и-Гассет пишет: «Специалист служит нам как яркий, конкретный пример «нового человека» и позволяет нам разглядеть весь радикализм его новизны... Его нельзя назвать образованным, так как он полный невежда во всем, что не входит в его специальность; он и не невежда, так как он все-таки «человек науки» и знает в совершенстве свой крохотный уголок вселенной. Мы должны были бы назвать его «ученым невеждой», и это очень серьезно, это значит, что во всех вопросах, ему неизвестных, он поведет себя не как человек, незнакомый с делом, но с авторитетом и амбицией, присущими знатоку и специалисту... Достаточно взглянуть, как неумно ведут себя сегодня во всех жизненных вопросах — в политике, в искусстве, в религии — наши «люди науки», а за ними врачи, инженеры, экономисты, учителя... Как убо-

го и нелепо они мыслят, судят, действуют! Непризнание авторитетов, отказ подчиняться кому бы то ни было — типичные черты человека массы — достигают апогея именно у этих довольно квалифицированных людей. Как раз эти люди символизируют и в значительной степени осуществляют современное господство масс, а их варварство — непосредственная причина деморализации Европы».

Но было бы ошибкой считать, что все буржуазное общество формируется в мозаичной культуре. Господство через манипуляцию сознанием предполагает, что есть часть общества, не подверженная манипуляции или подверженная ей в малой степени. Поэтому буржуазная школа — система сложная. Здесь для подготовки элиты, которая должна управлять массой разделенных индивидов, была создана небольшая по масштабу школа, основанная на совершенно иных принципах. В ней давалось фундаментальное и целостное, «университетское» образование, воспитывались сильные, уважающие себя личности, спаянные корпоративным духом. Так возникла раздвоенная, разделенная социально школьная система, направляющая поток детей в два коридора (то, что в коридор элиты попадала и некоторая часть детей рабочих, не меняет дела). Это — *«школа капиталистического общества»*, новое явление в цивилизации.

Ее суть, способ организации, принципы составления учебных планов и программ хорошо изложены в книге французских социологов образования К. Бодло и Р. Эстабль. После первого издания в 1971 г. она выдержала около 20 изданий. В книге дан анализ французской школы, большая статистика и замечательные выдержки из школьных программ, учебников, министерских инструкций, высказываний педагогов и учеников. Но из этих материалов следуют общие выводы о разных подходах к образованию вообще, о том, какой тип человека «фабрикуется» при помощи той или иной образовательной технологии (речь, разумеется, идет о статистических закономерностях, а не о личностях).

Давайте рассмотрим, с самыми короткими комментариями, главные выводы французских социологов — хотя бы как первое освоение их важной книги. Сразу отметим возможное возражение: книга написана в 1971 г., после этого в социальной системе современного капитализма произошли существенные изменения, изменилась и школа. Расширился состав и функциональная структура пролетариата, удлинилась подготовка рабочей силы. Но, по мнению самих западных преподавателей, с которыми я имел возможность побеседовать, изменения сути, смены социального и культурного «генотипа» школы не произошло (поэтому книга регулярно переиздается и считается на Западе актуальной и сегодня).

Сегодня нам особенно близки и понятны выводы французских социологов потому, что в России прилагаются большие усилия по переделке советской школы в школу по типу «школы капиталистического общества». Мы видим, какие духовные, интеллектуальные и социальные структуры приходится ломать, какие при этом возникают трудности. И поэтому сравнение конца 60-х годов позволяет говорить о капиталистической и советской школе как двух сложившихся системах с вполне определенными принципиальными установками. О них, а не частных преимуществах или дефектах речь.

Миф о единой школе и ступенях единой школьной пирамиды. Будучи продуктом Великой французской революции, школа создавалась под лозунгами Свободы, Равенства и Братства. Якобинцы быстро разъяснили, что речь шла о равенстве юридических прав, а не реальных возможностей. Но был создан и тщательно сохранялся миф о единой школе как социальном механизме, который хотя бы на время выравнивает возможности детей — а дальше пусть решает рынок рабочей силы. В действительности отклонения от этого мифического образа есть не упущения и не пережитки прошлого, а неустраняемая суть капиталистической школы. Читаем французских социологов:

«Школа едина и непрерывна лишь для тех, кто проходит ее от начала до конца: для некоторой части населения, в основном происходящей из буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции. Трехступенчатая единая школа — это школа для буржуазии. Для подавляющего большинства охваченного образованием населения школа и не является таковой.

Более того, для тех, кто «выбывает» после начальной школы (или «краткого» профобразования), не существует единой школы: есть разные школы без какой-либо связи между ними. Нет «ступеней» (а потому непрерывности), а есть радикальные разрывы непрерывности. Нет даже вообще школ, а есть разные сети школьного образования, никак не связанные между собой... Начальная школа и «краткое профобразование» никоим образом не «впадают», как река, в среднюю и высшую школу, а ведут на рынок рабочей силы (а также в мир безработицы и деqualификации). С точки зрения мифа единства и непрерывности школы это — прерванный путь. Но ни в коей мере не прерванный с точки зрения рынка рабочей силы...

Охваченное школой население тщательно разделяется на две неравные массы, которые направляются в два разных типа образования: длительное, предназначенное для меньшинства, и короткое, или сокращенное, — для большинства. Это разделение школьников на два типа есть основополагающая характеристика капиталистической школьной системы: ею отмечена и история французской

школьной системы, и системы остальных капиталистических стран».

Идея единой школы заключается в том, что существует общее «тело народа», дети которого изначально равны как дети одного племени. В единой школе они и воспитываются как говорящие на языке одной культуры. «Двойная» школа исходит из представления о двойном обществе — цивилизованном (гражданское общество или «Республика собственников») и нецивилизованном («пролетарии»). Между двумя частями этого общества существуют отношения не просто классовой вражды, а отношения расизма — это как бы два разных племени.

Авторы указывают на факт, признание которого, как они пишут, «нестерпимо для идеологов»: «Именно в начальной школе неизбежно происходит разделение. Начальная школа не только не является «объединяющим» институтом, ее главная функция состоит в разделении. Она предназначена для того, чтобы ежедневно разделять массу школьников на две разные и противопоставленные друг другу части. На деле начальная школа не является одной и той же для всех, в чем можно убедиться, изучая, как содержание начального обучения осуществляет дискриминацию». Именно необходимостью скрыть это объясняют авторы непонятное на первый взгляд поразительно плохое состояние школьной статистики на Западе, так что социологу приходится проделывать сложную работу, чтобы из странным образом смешанных данных восстановить реальную структуру.

Далее авторы показывают, какими способами производится разделение массы школьников¹. Первый механизм социального разделения — возраст. 63% детей рабочих и 73% детей сельскохозяйственных рабочих (против 23% детей из «хороших семей») на год или больше отстают от «нормального» возраста для перехода в школу второй ступени. Это усугубляется тем, что среди детей рабочих лишь треть успевает на «отлично» и «хорошо», против 62% у детей буржуа. Казалось бы, какое значение имеет в детстве разница в один-два года, потом наверстают. В СССР огромная масса людей прошла через вечерние школы и рабфаки, составила важную часть лучших кадров. Но нет, в западной школе возраст используется как критерий для дискриминации: ребенка отправляют

¹ Кстати, точные данные сразу разоблачают миф о высоком образовательном уровне типичного западного человека. Согласно переписи 1968 г., 86,6% французов в возрасте 15 лет и старше имели лишь справку о начальном образовании. 37,5% не имели никакого свидетельства об образовании, 6% — уровень средней школы и выше. Среди молодежи положение, разумеется, лучше: у призывников 18 лет лишь 66,63% имели уровень начальной школы или ниже.

во второй коридор школы, потому что он «слишком стар, чтобы продолжать школу в своем классе»¹.

Авторы пишут: «Организация школы по классам со строгой последовательностью возрастов — исторически недавний факт, неизвестный до развития капитализма. Это не что иное, как особый социальный механизм, смысл которого вытекает из результата, а не из псевдобиологических, псевдопсихологических и псевдонаучных оправданий, которыми его сопровождают. Это особенность буржуазной школы, развитая специально для достижения указанного эффекта».

Эффект — разделение детей между полной средней школой и профессиональной, не дающей среднего образования. И разделение это поразительно симметрично: среди детей рабочих соотношение тех, кто попадает в первый и второй «коридор», составляет 1:4,1, а среди детей буржуа — 3,9:1. Дети «среднего класса» распределяются между двумя «коридорами» совершенно поровну, 1:1. Важно подчеркнуть, отмечают авторы, что не существует никакой «третьей сети». То, что называется техническим училищем, на деле разделяется на те же две части, принадлежащие или полной средней, или неполной профессиональной школе.

Две системы: два типа школьной практики. «Два коридора» школы в буржуазном обществе — не скрытая от глаз реальность, а очевидность. Авторы пишут: «Различия бросаются в глаза. Деление на две сети отражено на каждом шагу, оно видно даже в расположении и убранстве помещений, не говоря уж о распорядке жизни в учреждении».

Классы «полусредней практической» школы «физически отделены от остальных: они расположены в пристройках, в отдельных строениях, в конце коридора, на отдельном этаже; эти классы, их ученики и учителя в большинстве случаев подвергаются остракизму со стороны администрации, учителей и учеников «нормальных» классов. В то время как «нормальные» классы ведутся преподавателями — по одному на каждый предмет, здесь один воспитатель ведет целый класс и обеспечивает, как в начальной школе, преподавание всех предметов, включая гимнастику. Ученики «нормальных» классов переходят из кабинета в кабинет в соответствии с предметом, а ученики «полусредней практической» школы сидят, как в начальной школе, в одном и том же классе... Ее учени-

¹ В СССР уже в начальной школе и учителя, и лучшие ученики прилагали большие усилия, чтобы помочь «отстающим», особенно переросткам, догнать класс. Обычно это бывали дети из культурно менее развитых семей с низкими доходами. Учителя и школа как система не поддавались соблазну «отсеять» их. И многие из них уже к концу начальной школы вполне интегрировались в класс и прошли затем полный цикл, включая высшее образование.

ки и учителя имеют отдельный дворик для перемен и принимают пищу в отдельном помещении, а когда такового нет — в отдельную смену, специально организованную для них»¹.

И вот, на мой взгляд, важнейшее наблюдение: «Ученики этих классов не имеют книг, только тетради. Здесь не изучают математику или литературу, а только счет, диктанты и словарь... Отсутствие книги, первейшего инструмента школьной работы, не случайно. В системе полной средней школы исповедуется настоящий культ книги: действительность здесь познается через книгу, со всеми отклонениями, связанными с абстракцией, неминуемой при такой практике. В полной средней школе ничто не считается слишком абстрактным. Напротив, «неполная» отворачивается от книги и от абстрактного мышления ради «изучения вещей».

Уже в этом виден переход от университетской культуры к мозаичной, о котором мы говорили вначале. Но еще более он проявляется в научных предметах. Французские авторы продолжают:

«В то время как в «полной средней» естественные науки излагаются систематически и абстрактно, в соответствии с научной классификацией минерального, растительного и животного мира, помещая каждый объект в соответствующую нишу, в сети «неполной практической» школы естественные науки излагаются с помощью эмпирического наблюдения за непосредственной окружающей средой. Систематизация здесь даже рассматривается как нежелательный и опасный подход. Как сказано в инструкции Министерства, «учитель должен стараться отвлечь учащихся от систематического наблюдения. Вместо статического и фрагментарного метода изучения «природы, разделенной на дисциплинарные срезы», предпочтителен эволюционный метод изучения живого существа или природной среды в их постоянной изменчивости»... Это псевдоконкретное преподавание позволяет, измышляя тему, устранять барьеры, которые в «полной средней» школе разделяют дисциплины. Тем самым обучению придается видимость единства, играющая крайне негативную роль. В одном классе «полусредней практической» школы целый месяц проходили лошадь: ее биологию, наблюдения в природе с посещением конюшни, на уроке лепки и рисования, воспевая ее в диктанте и сочинении».

¹ Французские социологи в отдельной главе рассматривают неповиновение учеников и постоянные на Западе приступы насилия в школах, дебоши с разгромом имущества. Согласно их выводу, это — стихийная классовая борьба детей, которые видят в школе инструмент их подавления именно как детей эксплуатируемого класса. А более поздние модели антропологов, которые представляют классовые отношения как отношения колонизаторов к подчиненной враждебной нации, позволяют увидеть в стихийном протесте школьников неорганизованный бунт против национального угнетения.

На деле эта якобы «приближающая к жизни конкретность» является фиктивной. Темы для изучения тщательно выбираются таким образом, чтобы углубить пропасть, отделяющую школу от реальной трудовой и социальной жизни. Перечень рекомендуемых для изучения проблем и ситуаций говорит о сознательном противопоставлении школы и практики: лошадь, труд ремесленника, строительство модели самолета или парусного корабля. Никакой подготовки к реальной жизни это обучение не дает, лишая в то же время фундаментальных «абстрактных» знаний, которые как раз и позволяют «осваивать» конкретные жизненные ситуации¹.

С точки зрения методики преподавания, в школе «второго коридора» (для массы) господствует «педагогика лени и вседозволенности», а в школе для элиты — педагогика напряженных умственных и духовных усилий. Опросы учителей и администраторов школьной системы показали, что, по их мнению, главная задача «полусредней практической» школы — «занять» подростков наиболее экономным и «приятным для учеников» образом. Потому что «они не такие, как другие», в нормальных классах. Социологи даже делают вывод: используемый здесь «активный метод» обучения поощряет беспорядок, крик, бесконтрольное выражение учениками эмоций и «интереса» — прививает подросткам такой стереотип поведения, который делает совершенно невозможной их адаптацию (если бы кто-то из них попытался) к системе полной средней школы, уже приучившей их сверстников к жесткой дисциплине и концентрации внимания.

Таким образом, «полусредняя практическая» школа ни в коем случае не является «худшим» вариантом полной средней, как бы ее «низшей» ступенью, с которой можно, сделав усилие, шагнуть в нормальную среднюю школу. Напротив, «полусредняя практическая» школа активно формирует подростка как личность, в принципе несовместимую со школой для элиты. Переход в этот коридор означает не просто усилие, а этап саморазрушения сложившейся личности — разрушения и воспринятой системы знания, и метода познания, и стереотипа поведения.

При этом школа действует независимо от злой или доброй воли администраторов, учителей и учеников. Помимо излагаемой

¹ В учебных программах сама тема труда под запретом — труда как будто не существует, говорить о нем нельзя. Если и возникает тема «работника», то речь идет о садовнике, добром булочнике или, на худой конец, о старательном алжирце-эмигранте Али, которому «патрон» дал хорошее место. Труд мифологизирован, школа совершает первую работу по отчуждению человека от трудовой реальности (как, впрочем, и искусство — трудно вспомнить американский фильм, где героем была бы доярка на ферме или рабочий в цехе. Для мальчиков и девочек в западном колледже труд — это быть дизайнером, репортером или финансистом. То же самое мы уже видим сегодня в наших «колледжах» и частных школах.

здесь книги, об этом говорит множество глубоких художественных произведений и фильмов (вспомним хотя бы «Вверх по лестнице, ведущей вниз»). Множество героических усилий учителей-гуманистов разбилось об эту систему. Нередко в фильмах о школе мы видим трагедию, которую вовсе и не хотели показать авторы, увлеченные иной идеей¹.

Школа «второго коридора» как особая культура. Школа — механизм, сохраняющий и передающий от поколения к поколению культурное наследие данного общества. В то же время это идеологический механизм, «фабрикующий субъектов». Авторы показывают, что с самого возникновения «двойной» школы буржуазного общества школа «второго коридора» строилась как особый продукт культуры. Это делалось сознательно и целенаправленно специализированным персоналом высочайшего класса, и средств на это не жалели: после революции «Республика бесплатно раздавала миллионы книг нескольким поколениям учителей и учеников. Эти книги стали скелетом новой системы обучения».

Особо отмечают авторы усилия государства по созданию учебников для начальной школы в 1875—1885 гг. «Эти книги были подготовлены с особой тщательностью в отношении идеологии бригадой блестящих, относительно молодых ученых, абсолютных энтузиастов капиталистического реформизма. Штат элитарных авторов подбирался в национальном масштабе, и противодействовать им не могли ни педагоги, ни разрозненные ученые, ни религиозные деятели. Отныне знание в начальную школу могло поступать только через Сорбонну и Эколь Нормаль... Ясность, сжатость и эффективность идеологического воздействия сделали эти книги образцом дидактического жанра».

Насколько глубока разница между двумя типами школы, видно из сравнения текстов *одного и того же* автора, написанных на *одну и ту же* тему, но для двух разных контингентов учеников. В книге приведены отрывки из истории Франции Лависса о правлении Людовика XIV, в двух вариантах. Это просто потрясает. Один вариант — содержательное и диалектическое описание, заставляющее размышлять. Другой — примитивный штамп с дешевой моралью, во многих утверждениях противоречащий первому варианту. Просто не верится, что это писал один и тот же автор.

¹ Вот американский фильм «Ранделл» с прекрасными актерами. Учитель-нонконформист в наказание назначен директором в типичный колледж системы «полу-средней практической» школы в предместье, охваченном безработицей и преступностью. Он пытается заставить подростков учиться, как будто это нормальная школа «первого коридора», хотя абсурдность этой затеи ему объясняют и учителя, и ученики. Но он — типичный американский герой. Он идет напролом — и оставляет за собой кучу трупов своих учеников! Не говоря уж об изуродованных учительницах.

Социологи подробно разбирают содержание и методику преподавания словесности (французского языка и литературы) в «двух коридорах». Дети буржуазии изучают словесность, основанную на «латинской» модели, — они получают *классическое образование*. Это образование не просто не является продолжением орфографии и грамматики начальной школы, оно означает полный разрыв с начальной школой, представляет ее как «обучение без продолжения», как особый культурный субпродукт. «Латинская» культура интегрирует школьников полной средней школы как доминирующий класс, дает им общий язык и огромный запас образов, метафор, моральных штампов и риторических приемов.

«Овладение определенным лингвистическим наследием позволяет культурной элите выработать способ выражения, основанный на отсылках, на аллегориях, на морфологических и синтаксических намеках, на целом арсенале риторических фигур, для чего и нужны рудименты латыни и иностранных языков. Это дает не только поверхностные выгоды пышного эотеризма. Господствующий класс нуждается в этом литературном корпусе для усиления своего идеологического единства, для распознавания друг друга, чтобы отличаться от подчиненных классов и утверждать свое господство над ними. Быть буржуа — определяется знанием Расина и Малларме».

Что изучают в полной средней школе? Те произведения великих французских писателей, в которых ставятся вечные проблемы человека, где бушуют страсти, психологические и социальные конфликты, трагедии и противоречия жизни. По этим шедеврам ученики пишут сочинения (диссертации), которые оцениваются в зависимости от глубины мысли юноши, поэтики его субъективного восприятия, способности к диалектическому мышлению. *Здесь не обращают внимания на грамматические ошибки.*

Что же изучают их сверстники в «неполной» школе? Вроде бы та же литература и тех же писателей — но лишь те отрывки, в которых описаны сцены сельской природы и практически отсутствует человек, за исключением стереотипной бабушки, присевшего отдохнуть путника или безличного лирического героя. Эти отрывки полны поэтических метафор, язык их аффектирован, словарь совершенно оторван от обыденного языка (полный контраст с языком произведений, изучаемых в «полной средней»). По этим отрывкам ученики пишут диктанты и изложения. Они оцениваются по точности передачи текста и числу ошибок — и сам язык становится ловушкой и гарантирует массовую неуспеваемость.

Что же этим достигается? Авторы делают такой вывод: «Сеть полной средней школы производит из каждого индивидуума, независимо от того места, которое он займет в социальном разделении

труда (комиссар полиции или преподаватель университета, инженер или директор и т.д.), активного выразителя буржуазной идеологии. Напротив, сеть «неполной практической» школы сдвинута к формированию пролетариев, пассивно подчиняющихся господствующей идеологии... Она готовит их к определенному социальному статусу: безответственных, неэффективных, аполитичных людей.

В то время как будущие пролетарии подвержены жесткому и массовому идеологическому воздействию, будущие буржуа из сети полной средней школы овладевают, невзирая на молодость, умением использовать все инструменты господства буржуазной идеологии. Для этих детей, будущих правителей, не существует вопросов или проблем слишком абстрактных или слишком неприличных для изучения (конечно, с фильтром университетского гуманизма)».

Советский строй сделал огромный шаг — порвал с капиталистической школой как «фабрикой субъектов» и вернулся к доиндустриальной школе как «воспитанию личности», но уже не с религией как основой обучения, а с наукой. Он провозгласил принцип единой общеобразовательной школы. Конечно, от провозглашения принципа до его полного воплощения далеко. Но важно, куда идти. Школа «субъектов», будь она даже прекрасно обеспечена деньгами и пособиями, будет всего лишь более эффективной фабрикой, но того же продукта. А в СССР и бедная деревенская школа претендовала быть университетом и воспитателем души — вспомните фильм «Уроки французского» по В. Распутину.

Одной из задач реформы после 1989 г. в России стала трансформация советской единой школы в школу «двух коридоров».

§ 2. Наука как инструмент манипуляции сознанием

Современное западное общество возникло как единое целое, и одним из столпов, на которых оно стояло, был новый тип знания, познания и мышления — *наука*. Можно также сказать, что наука была одной из ипостасей этого общества, так как она «пропитывала» все его поры. Но для нашей темы важна одна сторона дела: наука заменила церковь как высший авторитет, легитимирующий, освящающий и политический строй, и социальный порядок. Таким образом, наука стала инструментом господства, а господство в этом типе общества, как уже говорилось, основано на манипуляции сознанием. Каким же способом власть использовала и использует науку в этих целях?

Наука и идеология. Вместе с наукой, как ее «сестра» и как продукт буржуазного общества, возникла идеология. Она быстро стала паразитировать на науке. Как отмечает видный философ нау-

ки, «большинство современных идеологий, независимо от их происхождения, утверждают, что основываются на науке или даже что составляют базу самой науки. Таким образом они стремятся обеспечить себе легитимацию «наукой». Наука заняла место, ранее принадлежавшее божественному откровению или разуму». Вспомним слова философа Научной революции Бэкона: «Знание — сила». Одна из составляющих этой силы — авторитет тех, кто владеет знанием. Ученые обладают такой же силой, как жрецы в Древнем Египте. Власть, привлекающая к себе эту силу, обретает важное средство господства. Как отмечал К. Ясперс, «если исчерпывающие сведения вначале давали людям освобождение, то теперь это обратилось в господство над людьми».

Любая идеология стремится объяснить и обосновать тот социальный и политический порядок, который она защищает, через апелляцию к естественным законам. «*Так устроен мир*» и «*такова природа человека*» — вот конечные аргументы, которые безотказно действуют на обычную публику. Поэтому идеологи тщательно создают модель человека, используя всякий идущий в дело материал: научные сведения, легенды, верования, даже дичайшие предрассудки. Разумеется, для современного человека убедительнее всего звучат фразы, напоминающие смутно знакомые со школьной скамьи научные формулы и изречения великих ученых. А если под такими фразами стоит подпись академика, а то и Нобелевского лауреата (не Нобелевского лауреата мира, а просто Нобелевского лауреата), то тем лучше¹.

Понятно, что идеология сама становится фактором формирования человека, и созданные ею мифы, особенно если они внедряются с помощью системы образования и средств массовой информации, лепят человека по образу заданной формулы. А формулы идеологии, как и ее язык, создаются по образцу научных формул и научного языка. Чем больше идеолог и демагог похож на ученого, тем он убедительнее. Произошла «сантификация» науки, одно имя которой стало достаточным, чтобы убеждать в верности чисто идеологических утверждений. Как сказал великий физик Джеймс Клерк Максвелл, «так велико уважение, которое внушает наука, что самое абсурдное мнение может быть принято, если оно изложено таким языком, который напоминает нам какую-нибудь известную научную фразу».

Это уважение не просто приобрело иррациональный, религиозный характер. Статус науки оказался *выше* статуса религии. Об-

¹ В 1802 г. сам великий Хэмфри Дэви идеологически оправдал эксплуатацию в терминах физических понятий: «неравное распределение собственности и труда, различия в ранге и положении внутри человечества представляют собой источник энергии в цивилизованной жизни, ее движущую силу и даже ее истинную душу».

ретенение этого статуса не произошло само собой: в викторианской Англии ученые вместе с политиками боролись за то, чтобы наука заняла место церкви в общественной и культурной жизни (прежде всего в системе образования). Один из лидеров научного сообщества Френсис Гальтон признавал, что, вытеснив церковников с высших статусов социальной иерархии, можно будет создать «во всем королевстве разновидность научного священничества, чьими главными функциями будет охрана здоровья и благосостояния нации в самом широком смысле слова и жалование которого будет соответствовать важности и разнообразию этих функций».

Действительно, во всех индустриальных странах «приручение» высшей научной элиты является важной задачей властей. Блага и почести, которые достаются представителям этой элиты, не пропорциональны их функциональным обязанностям как исследователей, их роль — освещать политические решения. Аналогичным образом, диссидентское идеологическое течение резко усиливает свои позиции, если ему удастся вовлечь известных ученых (желательно лауреатов Нобелевской премии). Общественный образ Движения сторонников мира в 50-е годы во многом определялся присутствием таких ученых, как Фредерик Жолио-Кюри и Лайнус Полинг. А насколько слабее были бы позиции диссидентов в СССР, если бы во главе их не стоял крупный физик, академик А. Д. Сахаров, хотя никакого отношения к ядерной физике идеи диссидентов не имели. Таким образом, для идеологии ценность одобрения со стороны ученого никак не связана с его научным изучением вопроса¹. Одобрение ученого носит *харизматический* характер. В идеологии образ объективной, беспристрастной науки служит именно для того, чтобы нейтрализовать, отключить воздействие на человека моральных ценностей как чего-то неуместного в серьезном деле, сделать человека беззащитным перед внедряемыми в его сознание доктринами. Когда то и дело слышишь, что научное знание всегда есть добро, вспоминается саркастическая реплика Ницше: «Где древо познания — там всегда рай» — так вещают и старейшие, и новейшие змеи».

Взаимодействие науки и идеологии — очень большая тема, и мы не можем здесь в нее углубляться². Затронем только несколько

¹ Как правило, делающий идеологическое заявление ученый ничего не смыслит в вопросе, потому что он всю жизнь был занят своим узким делом. Что мог знать о приватизации земли А. Д. Сахаров, какая тут связь с элементарными ядерными частицами? Для политиков был важен его титул, а не мнение.

² Нас от этой темы отвлекали несущественными и ложно представленными эпизодами конфликтов, которым придавался идеологический характер: церковь против Галилея или Джордано Бруно, Лысенко против генетиков. И даже эти эпизоды были превращены в примитивные идеологические мифы, которые не позволили нам извлечь из них важные уроки.

вопросов: непосредственное участие ученых в манипуляции сознанием в качестве прикрытия сильных мира сего, главные элементы знания, которые наука предоставляет идеологии (картина мира и представление о человеке), симбиоз между СМИ и наукой.

Авторитет науки и политика. В современной политике на Западе одной из важных фигур стал *эксперт*, который убеждает общество в благотворности или опасности того или иного решения. Часто при этом возникает конфликт интересов могущественных сил, за которыми стоят финансовые и промышленные воротилы. Если они не приходят к тайному сговору, обывателя и депутатов развлекают спектаклем «научных» дебатов между противоборствующими группами экспертов. «Обоснование решений ссылками на результаты исследований комиссии ученых приобрело в США символическую ритуальную функцию, сходную со средневековой практикой связывать важные решения с прецедентами и пророчествами Священного писания», — пишет видный социолог науки.

Демократией при этих спектаклях и не пахнет — мнения и опасения непросвещенной массы отменяются как невежественные и иррациональные. К непросвещенным представителям элиты обращаются с более вежливым предложением: прежде чем критиковать, изучить техническую сторону вопроса. Л. Виннер в книге «Автономная технология» замечает, что «этот совет является разновидностью легитимации власти знанием эксперта и, согласно моему опыту, содержит не сколько приглашение расширить познания, сколько предложение капитулировать». США, сделав ученых-экспертов особым сословием пропагандистов, манипулирующих сознанием, дальше других стран продвинулись от демократии к такому устройству, которое получило название «государство принятия решений». Здесь политики, имитируя беспристрастность науки (свободу от этических ценностей), заменяют проблему выбора, которая касается всех граждан, проблемой *принятия решений*, которая есть внутреннее дело политиков и экспертов. При таком подходе вообще исчезают вопросы «хорошо ли бомбить Югославию?» или «хорошо ли приватизировать землю?», они заменяются вопросами «как лучше бомбить Югославию?» и «как лучше приватизировать землю?».

Ни о какой научной объективности, а тем более свободе информации среди ученых, выполняющих роль манипуляторов сознанием, речи и не идет. «Общеизвестно, — пишет социолог науки Б. Барнес, — что ученый, который работает для правительства или для промышленной фирмы, никогда не высказывает публично своего мнения, если нет приказа начальства выступить в защиту интересов организации. И, разумеется, начальство может заставить вы-

полнить это условие, в чем могли убедиться на собственной шкуре многие ученые. Например, как в Великобритании, так и в США эксперты в области ядерной энергетики, которые публично выразили свои технические сомнения, моментально остались без работы». Барнес считает, что решения, наносящие ущерб обществу, принимаются не из-за недостатка информации и ошибок ученых, а из-за коррупции. Ошибки случаются, но он оценивает их роль как в сотни и тысячи раз менее значимую, нежели роль подкупа и давления. Рынок есть рынок, есть спрос на циничного эксперта — есть и предложение.

Но схватить за руку эксперта-лжеца невозможно. Сам научный метод таков, что он не может заменить политический выбор, сделанный исходя из учета качественных, неизмеримых сторон вопроса (этических ценностей). Как говорил Кант, «есть что-то там, за пределами, куда не проникает наука». Суть научного метода — замена реального объекта его *моделью*. Чтобы познать какую-то часть реальности, ученый из всего многообразия явлений и связей вычленяет то, что он считает наиболее существенным. Он превращает жизнь в ее упрощенное описание — модель. Отсекая все «лишнее», ученый при каждом шаге вносит неопределенность. Неопределенность возникает и когда ученый составляет *теоретическое* описание модели в виде зависимостей между оставленными для рассмотрения элементами реальности. Почему мы устранили из рассмотрения этот фактор? Почему мы придали такой вес этому параметру и считаем, что он изменяется в соответствии с таким-то законом? Для решения таких вопросов нет неоспоримых оснований, и ученый вынужден делать *предположения*. Обычно не только нет возможности проверить предположения, но дело не доходит даже до их явной формулировки. Даже те первоначальные предположения, которые эксперты изучали студентами, вообще не вспоминаются, а для политических решений именно они бывают очень важны¹.

Историки и социологи науки подробно описали политические дебаты, происходившие в США с участием ученых, например по вопросу фторирования питьевой воды, использования тетраэтилсвинца для улучшения бензина и уменьшения радиационной опас-

¹ Дело еще хуже. Не только сомнительные предположения не формулируются, но и определения понятий не дается, и дебаты становятся не просто спектаклем, а театром абсурда — никто друг друга не понимает, каждый говорит о своем. Например, все мы привыкли к понятию «температура» и нам кажется, что мы всегда понимаем, о чем идет речь, и что 20 градусов это вдвое больше, чем 10. В действительности же это — сложное понятие, связанное с целым рядом предположений, теорий и моделей. И когда ученый говорит «температура», мы скорее пропустим мимо ушей его предупреждение, чем когда он использует не столь привычное понятие «энтропия».

ности от атомных электростанций. Шаг за шагом восстанавливая позиции противоборствующих групп ученых, можно прийти к выводу, что именно выбор исходных моделей и предположений часто предопределяет дальнейшие, вполне логичные расхождения. М. Малкей пишет: «Для всех областей научных исследований характерны ситуации, в которых наука допускает формулировку нескольких разумных альтернатив, причем невозможно убедительно показать, что лишь какая-то одна из них является верной. Именно в осуществлении выборов между подобными альтернативами, производятся ли они на уровне общих определений проблемы или на уровне детального анализа, политические установки ученых и давление со стороны политического окружения используются наиболее явно».

Например, в основе расхождений по поводу воздействия радиации на здоровье человека лежат две принципиально разные модели: пороговая и линейная. Согласно первой, вплоть до определенной величины радиация не оказывает на здоровье населения заметного воздействия. Согласно второй модели, вредное воздействие (например, измеряемое числом раковых заболеваний) нарастает линейно, сколь бы мал ни был уровень загрязнения, так что нельзя говорить о «безопасном» уровне. Очевидно, что из этих двух моделей следуют совершенно разные политические выводы. Как же выбирают эксперты ту или иную модель? Исходя из политических предпочтений (или в зависимости от того, кто больше заплатит или страшнее пригрозит).

Казалось бы, политики могли финансировать дополнительные эксперименты и потребовать от ученых надежного выбора из столь разных моделей. Но оказывается, что это в принципе невозможно. Задача по такой проверке была сформулирована максимально простым образом: действительно ли увеличение радиации на 150 миллирентген увеличивает число мутаций у мышей на 0,5%? (Такое увеличение числа мутаций уже можно считать заметным воздействием на организм.) Математическое исследование этой задачи показало, что для надежной экспериментальной проверки требуется 8 миллиардов мышей. Другими словами, экспериментальный выбор моделей невозможен и ни одно из основных предположений не может быть отвергнуто. Таким образом, в силу присущих самому научному методу ограничений, наука не может заменить политическое решение. И власть (или оппозиция) получает возможность мистификации проблемы под прикрытием авторитета науки. Это красноречиво выявилось в связи с катастрофой на Чернобыльской АЭС.

От брака науки и искусства родились средства массовой информации и самое энергичное дитя — телевидение. Исследования процесса формирования общественного мнения показали поразительное сходство со структурой научного процесса. СМИ тоже превращают любую реальную проблему в модель, но делают это, в отличие от науки, не с целью познания, а с целью непосредственной манипуляции сознанием. Способность упрощать сложное явление, выявлять в нем или изобретать простые причинно-следственные связи в огромной степени определяет успех идеологической акции. Так, мощным средством науки был *редукционизм* — сведение объекта к максимально простой системе. Так же поступают СМИ. Идеолог формулирует задачу («тему»), затем следует этап ее «проблематизации» (что в науке соответствует выдвиганию гипотез), а затем этап редукционизма — превращения проблем в простые модели и поиск для их выражения максимально доступных штампов, лозунгов, афоризмов или изображений. Как пишет один специалист по телевидению, «эта тенденция к редукционизму должна рассматриваться как угроза миру и самой демократии. Она упрощает манипуляцию сознанием. Политические альтернативы формулируются на языке, заданном пропагандой».

Научная картина мира. Посмотрим теперь, как используется в идеологии *картина мироздания*. В любом обществе картина мироздания служит для человека той идеальной базой, на которой строятся представления о наилучшем или допустимом устройстве общества. «Естественный порядок вещей» во все времена был важнейшим аргументом в воздействии на сознание. О том, какое влияние оказала ньютоновская картина мира на представления о политическом строе, обществе и хозяйстве во время буржуазных революций, написано море литературы. Из модели мироздания Ньютона, представившей мир как находящуюся в равновесии машину со всеми ее «сдержками и противовесами», прямо выводились либеральные концепции свобод, прав, разделения властей. «Переводом» этой модели на язык государственного и хозяйственного строительства были, например, Конституция США и политико-экономическая теория Адама Смита (вплоть до того, что выражение «невидимая рука рынка» взято Смитом из ньютонианских текстов, только там это «невидимая рука» гравитации). Таким образом, и политический, и экономический порядок буржуазного общества прямо оправдывался законами Ньютона. Против науки не попрешь!

Огромной силой внушения обладал вытекающий из картины мира Ньютона *механицизм* — представление любой реальности как машины. Лейбниц писал: «Процессы в теле человека и каждого живого существа являются такими же механическими, как и про-

цессы в часах». Когда западного человека убедили, что он — машина и в то же время частичка другой огромной машины, это было важнейшим шагом к тому, чтобы превратить его в манипулируемого члена гражданского общества. Недавние рыцари, землепашцы и бродячие монахи Европы стали клерками, депутатами и рабочими у конвейера. Мир, бывший для человека Средневековья Храмом, стал Фабрикой — системой машин.

Ясперс, развивая идею демонизма техники, имел в виду идеологический смысл механистического мироощущения. Он пишет: «Вследствие уподобления всей жизненной деятельности работе машины общество превращается в одну большую машину, организующую всю жизнь людей. Все, что задумано для осуществления какой-либо деятельности, должно быть построено по образцу машины, т.е. должно обладать точностью, предначертанностью действий, быть предписанным внешними правилами... Все, связанное с душевными переживаниями и верой, допускается лишь при условии, что оно полезно для цели, поставленной перед машиной. Человек сам становится одним из видов сырья, подлежащего целенаправленной обработке. Поэтому тот, кто раньше был субстанцией целого и его смыслом — человек, — теперь становится средством. Видимость человечности допускается и даже требуется, на словах она даже объявляется главным, но, как только цель того требует, на нее самым решительным образом посягают. Поэтому традиция в той мере, в какой в ней коренятся абсолютные требования, уничтожается, а люди в своей массе уподобляются песчинкам и, будучи лишены корней, могут быть именно поэтому использованы наилучшим образом»¹.

Представление о человеке. Механизм ньютоновской картины мира дал новую жизнь *атомизму* — учению о построении материи из механических неизменяемых и неделимых частиц. Но даже раньше, чем в естественные науки, атомизм вошел в идеологию, оправдав от имени науки то разделение человеческой общины, которое в религиозном плане произвела протестантская Реформация². Идеология буржуазного общества, прибегая к авторитету нау-

¹ Выше мы говорили о *бихевиоризме* как доктрине манипуляции сознанием, которая также сводит человека к машине, хотя уже не механической, а кибернетической.

² В начале XX в. английский философ Э. Карпентер пишет: «Примечательно, что в течение этой механистической эры последнего столетия мы не только стали рассматривать общество через призму механистического мышления, как множество индивидуумов, изолированных и соединенных простым политэкономическим отношением, но и распространили эту идею на всю Вселенную в целом, видя в ней множество изолированных атомов, соединенных гравитацией или, может быть, взаимными столкновениями».

ки, создала свою антропологическую модель, которая включает в себя несколько мифов и которая изменялась по мере появления нового, более свежего и убедительного материала для мифотворчества. Вначале, в эпоху триумфального шествия ньютоновской механической модели мира, эта модель базировалась на метафоре механического (даже не химического) атома, подчиняющегося законам Ньютона. Так возникла концепция *индивида*, развитая целым поколением философов и философствующих ученых. Затем был длительный период биологизации (социал-дарвинизма, затем генетики), когда человеческие существа представлялись животными, находящимися на разной стадии развития и борющимися за существование. Механизмом естественного отбора была конкуренция. Идолами общества тогда были успешные дельцы, и их биографии «подтверждали видение общества как дарвиновской машины, управляемой принципами естественного отбора, адаптации и борьбы за существование».

Г. Шиллер придает мифу об индивидууме и производному от него понятию частной собственности большое значение во всей системе господства в западном обществе: «Самым крупным успехом манипуляции, наиболее очевидным на примере Соединенных Штатов, является удачное использование особых условий западного развития для увековечения как единственно верного определения свободы языком философии индивидуализма... На этом фундаменте и зиждется вся конструкция манипуляции».

Теоретические модели человека, которые наука предлагала идеологам, а те после обработки и упрощения внедряли их в массовое сознание, самым кардинальным образом меняли представление человека о самом себе и тем самым программировали его поведение. Школа и СМИ оказывались сильнее, нежели традиции, проповеди в церкви и сказки бабушки. Сегодня, когда, как говорят, теория становится главенствующей формой общественного сознания, это воздействие еще сильнее. В разных вариантах ряд философов утверждают следующую мысль: «Поведение людей не может зависеть от теорий, которых они сами придерживаются. Наше представление о человеке влияет на поведение людей, ибо оно определяет, чего каждый из нас ждет от другого... Представление способствует формированию действительности». Как же идеология преломила теории?

Философы гражданского общества (Гоббс, Кант) утверждали, что человек в состоянии «дикости» («естественном состоянии») — кровожадный и эгоистический зверь, что в таком состоянии «добро существует лишь как возможность или как внутренний задаток человека», который реализуется лишь в условиях цивилизации, ко-

гда человек становится *гражданином*¹. Перенос биологических понятий в общество людей не в качестве метафор, а в качестве рабочих концепций, незаконен. Это типичный процесс выведения идеологии из науки. Американский антрополог М. Сахлинс пишет: «Очевидно, что Гоббсово видение человека в естественном состоянии является исходным мифом западного капитализма. В сравнении с исходными мифами всех иных обществ миф Гоббса обладает совершенно необычной структурой, которая воздействует на наше представление о нас самих. Насколько я знаю, мы — единственное общество на Земле, которое считает, что возникло из дикости, ассоциирующейся с безжалостной природой. Все остальные общества верят, что произошли от богов... Судя по социальной практике, это вполне может рассматриваться как непредвзятое признание различий, которые существуют между нами и остальным человечеством».

Из этого мифологического видения человека Локк вывел и свою теорию *гражданского общества* («Республики собственников»), которое существует в окружении *пролетариев* (живущих в состоянии, «близком к природному») и варваров (живущих в дикости).

И на всех этапах развития буржуазной идеологии, разными способами создавался и укреплялся миф о *человеке экономическом* — *homo economicus*, — который создал рыночную экономику и счастлив в ней жить. Эта антропологическая модель легитимировала разрушение старого общества и установление нового очень специфического социального порядка, при котором становится товаром рабочая сила и каждый человек превращается в собственника и торговца.

Важнейшими основаниями естественного права в рыночной экономике — в противоположность всем «отставшим» обществам — являются *эгоизм* людей-«атомов» и их рационализм. Гоббс описал состояние человека как «*войну всех против всех*». Эволюционная теория Дарвина представила ее как *борьбу за существование*. Полезно вспомнить, что большое влияние на Дарвина оказали труды Мальтуса — идеологическое учение, объясняющее социаль-

¹ Это представление полностью лежит в сфере идеологии, научно оно совершенно неверно. Гоббс вывел свою теорию из сведений о тех истребительных войнах, что вели между собой индейцы Северной Америки. Недавние антропологические исследования (их результаты изложены в журнале «Scientific American») показали, что до появления европейских колонизаторов индейские племена между собой не воевали. Войны были спровоцированы именно вторжением европейцев, которые дестабилизировали всю систему отношений человек — племя — природа. Кроме того, колонизаторы, расчищая землю, специально стравливали индейцев, платя им за скальпы ружьями и порохом. Сейчас надежно установлено, что «примитивный» человек развился и жил благодаря альтруизму и взаимопомощи, так что Гоббс, Н. Амосов и идеологи русской демократии просто не в курсе дела.

ные бедствия, порожденные экономикой свободного предпринимательства. В начале XIX в. Мальтус в Англии был наиболее обсуждаемым автором и выражал «стиль мышления» того времени. Представив как необходимый закон общества борьбу за существование, в которой уничтожаются «бедные и неспособные» и выживают наиболее приспособленные, Мальтус дал Дарвину центральную метафору его теории эволюции — борьбу за существование. Научное понятие, приложенное к дикой природе, пришло из идеологии, оправдывающей поведение людей в обществе. А уже из биологии вернулось в идеологию, снабженное ярлыком научности. Вот это взаимопомощь!

Историк дарвинизма Дж. Говард пишет: «После Дарвина мыслители периодически возвращались к выведению абсолютных этических принципов из эволюционной теории. В английском обществе позднего викторианского периода и особенно в Америке стала общепринятой особенно зверская форма оправдания социального порядка — социал-дарвинизм — под лозунгом Г. Спенсера «выживание наиболее способных». Закон эволюции был интерпретирован в том смысле, что победа более сильного является необходимым условием прогресса»¹. Ясно, что внедрение в массовое сознание идей социал-дарвинизма оказывало сильнейшее программирующее воздействие. По словам нынешнего английского неолиберала Р. Скрутона, «недовольство усмиряется не равенством, а приданием законной силы неравенству».

Как отмечает другой историк дарвинизма, Р. Граса, социал-дарвинизм вошел в культурный багаж западной цивилизации и «получил широкую аудиторию в конце XIX — начале XX в. не только вследствие своей претензии биологически обосновать общественные науки, но прежде всего благодаря своей роли в обосновании экономического либерализма и примитивного промышленного капитализма. Самоутверждение индивидуума было восславлено и стало подсознательной частью культурного наследия Запада. Напротив, идея взаимопомощи была забыта и отвергнута».

Культура России, в которую западный капитализм проникал с большим трудом, отвергала индивидуализм. В этом были едины практически все социальные философы, от марксистов до консерваторов. Христианский философ Вл. Соловьев давал такую трактовку: «Каждое единичное лицо есть только средоточие бесконеч-

¹ Спенсер не только переносит научные концепции в социологию, придавая им чисто идеологический характер. «Бедность бездарных, — пишет он, — несчастья, обрушивающиеся на неблагоприятных, голод, изнуряющий бездельников, и то, что сильные оттесняют слабых, оставляя многих «на мели и в нищете», — все это воля мудрого и всеблагаго провидения». То есть социальное расслоение — «естественный» порядок и освящен наукой.

ного множества взаимоотношений с другим и другими, и отделять его от этих отношений — значит отнимать у него всякое действительное содержание жизни».

Русская культура замечательно сумела очистить дарвинизм от его идеологической компоненты. Главный тезис этой «немальтузианской» ветви дарвинизма, связанной прежде всего с именем П. А. Кропоткина, сводится к тому, что возможность выживания живых существ возрастает в той степени, в которой они адаптируются в гармоничной форме друг к другу и к окружающей среде. Не война всех против всех, а взаимопомощь! Эту концепцию П. А. Кропоткин изложил в книге «Взаимная помощь: фактор эволюции», изданной в Лондоне в 1902 г. и известной на Западе гораздо больше, чем в СССР. Он так резюмирует эту идею: «Взаимопомощь, справедливость, мораль — таковы последовательные этапы, которые мы наблюдаем при изучении мира животных и человека. Они составляют органическую необходимость, которая содержит в самой себе свое оправдание и подтверждается всем тем, что мы видим в животном мире... Чувства взаимопомощи, справедливости и нравственности глубоко укоренены в человеке всей силой инстинктов. Первейший из этих инстинктов — инстинкт Взаимопомощи — является наиболее сильным».

Во время перестройки, напротив, можно было прочитать в «Московском комсомольце» (в 1988 г.) такую сентенцию «советского бизнесмена», председателя Ассоциации совместных предприятий Л. Вайнберга: «Биологическая наука дала нам очень необычную цифру: в каждой биологической популяции есть четыре процента активных особей. У зайцев, у медведей. У людей. На западе эти четыре процента — предприниматели, которые дают работу и кормят всех остальных. У нас такие особи тоже всегда были, есть и будут». Трудно поверить, но эта абсурдная «научная» аргументация перехода к рыночной экономике затем неоднократно повторялась демократами.

Манипуляция заключается в самом переносе механических или биологических понятий на человека как социальное существо. М. Сахлинс пишет о тенденции «раскрывать черты общества через биологические понятия»: «В евро-американском обществе это соединение осуществляется начиная с XVII в. Начиная с Гоббса склонность западного человека к конкуренции и накоплению прибыли смешивалась с природой, а природа, представленная по образу человека, в свою очередь вновь использовалась для объяснения западного человека. Результатом этой диалектики было оправдание характеристик социальной деятельности человека природой, а природных законов — нашими концепциями социальной деятель-

ности человека. Адам Смит дает социальную версию Гоббса; Чарльз Дарвин — натурализованную версию Адама Смита и т.д.

С XVII века, похоже, мы попали в этот заколдованный круг, поочередно прилагая модель капиталистического общества к животному миру, а затем используя образ этого «буржуазного» животного мира для объяснения человеческого общества... Похоже, что мы не можем вырваться из этого вечного движения взад-вперед между окультуриванием природы и натурализацией культуры, которое подавляет нашу способность понять как общество, так и органический мир... В целом, эти колебания отражают, насколько современная наука, культура и жизнь в целом пронизаны господствующей идеологией собственного индивидуализма¹.

Авторитет ученого: прямое манипулятивное воздействие. Впечатляющим свидетельством того, до какой степени западный человек беззащитен перед авторитетом научного титула, стали социально-психологические эксперименты, проведенные в 60-е годы в Йельском университете (США), — так называемые эксперименты Мильграма. Целью экспериментов было изучение степени подчинения среднего нормального человека власти и авторитету. Иными словами, возможность программировать поведение людей, воздействуя на их сознание. В качестве испытуемых была взята представительная группа нормальных белых мужчин из среднего класса, цель эксперимента им, естественно, не сообщалась. Им было сказано, что изучается влияние наказания на эффективность обучения (запоминания).

Испытуемым предлагалось выполнять роль преподавателя, называющего ученика с целью добиться лучшего усвоения материала. Ученик находился в соседней комнате и отвечал на вопросы по телефону. При ошибке учитель наказывал его электрическим разрядом, увеличивая напряжение на 15 вольт при каждой последующей ошибке (перед учителем было 30 выключателей — от 15 до 450 в). Разумеется, «ученик» не получал никакого разряда и лишь имитировал стоны и крики — изучалось поведение «учителя», подчиняющегося столь бесчеловечным указаниям руководителя эксперимента. Сам учитель перед этим получал разряд в 60 в, чтобы знать, насколько это неприятно. При разряде уже в 75 в учитель слышал стоны учеников, при 150 в — крики и просьбы прекратить наказания, при 300 в — отказ от продолжения эксперимен-

¹ Последняя попытка придать евроцентристскому мифу о человеке естественнонаучное обоснование в виде социобиологии была быстро отбита самими учеными Запада — уж слишком торчали идеологические уши. М. Сахлинс писал: «То, что заложено в теории социобиологии, есть занявшая глухую оборону идеология западного общества: гарантия ее естественного характера и утверждение ее неизбежности».

та. При 330 в крики становились нечленораздельными. При этом руководитель не угрожал сомневающимся «учителям», а лишь говорил безразличным тоном, что следует продолжать эксперимент.

Перед опытами по просьбе Мильграма эксперты-психиатры из разных университетов США дали прогноз, согласно которому не более 20% испытуемых продолжат эксперимент до половины (до 225 в) и лишь один из тысячи нажмет последнюю кнопку. Результаты оказались поразительными. В действительности почти 80% испытуемых дошли до половины шкалы и более 60% нажали последнюю кнопку, приложив почти смертельный разряд в 450 в. То есть, вопреки всем прогнозам, огромное большинство испытуемых подчинилось указаниям руководившего экспериментом «ученого» и наказывали ученика электрошоком даже после того, как тот переставал кричать и бить в стенку ногами.

В одной серии опытов из сорока испытуемых *ни один* не остановился до уровня 300 в. Пятеро отказались подчиняться лишь после этого уровня, четверо — после 315 в, двое после 330, один после 345, один после 360 и один после 375. Большинство было готово замучить человека чуть не до смерти, буквально слепо подчиняясь совершенно эфемерной, фиктивной власти руководителя экспериментов. При этом каждый прекрасно понимал, что он делает. Включая рубильник, люди приходили в такое возбуждение, какого, по словам Мильграма, никогда не приходилось видеть в социально-психологических экспериментах. Дело доходило до конвульсий¹. После опытов все испытуемые в сильном эмоциональном возбуждении пытались объяснить, что они не садисты и что их истерический хохот не означал, будто им нравится пытать человека.

Эти результаты и сами по себе потрясают, но для нас здесь важен тот факт, что такое слепое подчинение наблюдалось в том случае, когда руководитель эксперимента был представлен испытуемым как *ученый*. Когда же руководитель предстал без научного ореола, как рядовой начинающий исследователь, число лиц, нажавших последнюю кнопку, снижалось до 20%. Снижалось более чем в три раза! Вот в какой степени авторитет науки подавлял моральные нормы белого образованного человека.

¹ В журнале экспериментатора записано: «Один из испытуемых пришел в лабораторию уверенный в себе, улыбающийся — солидный деловой человек. Через 20 мин. он превратился в тряпку — бормочущий, судорожно дергающийся, быстро приближающийся к нервному припадку. Он все время дергал себя за мочку уха и заламывал руки. В один из моментов он закрыл лицо руками и простонал: «Боже мой, когда же это кончится!» Но продолжал подчиняться каждому слову экспериментатора и так дошел до конца шкалы напряжения».

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

§ 1. Цели, образ действия и место в культуре средств массовой информации

Становление современного Запада тесно связано с духовным освобождением слова («свобода слова») и появлением технологической возможности массового создания сообщений (изобретение книгопечатания — *прессы*). Завоевавшая авторитет наука дала идеологии убедительный метод создания сообщений для прессы. Так возникли средства массовой информации. Они стали поставлять гражданам готовые мнения в удобной расфасовке. Английский писатель С. Батлер сказал: «Общественность покупает свои мнения так же, как покупают молоко, потому что это дешевле, чем держать собственную корову. Только тут молоко состоит в основном из воды».

Свобода слова («гласность»), а шире — *свобода распространения информации*, — есть ключевой принцип атомизированного гражданского общества и либерального порядка жизни. Принятие этой идеи было культурной и духовной мутацией колоссального значения. Это и означало переход к современному западному обществу, к Новому времени — устранение всех свойственных традиционному обществу запретов (табу) и единой (тоталитарной) этики¹. Мы знаем это на обыденном уровне: полная гласность (например, возможность читать мысли друг друга) сделала бы совместную жизнь людей невозможной. Человеческие связи разрываются зачастую просто оттого, что «доброхоты» сообщают тебе то, что ты и так знаешь, но знаешь про себя.

Можно утверждать как общий тезис: с точки зрения сохранения сложных и тонких общественных структур («неатомизированного» общества) свобода сообщений неприемлема. Наличие этических табу, реализуемых через какую-то разновидность *цензуры*, является необходимым условием для того, чтобы сдерживать разрушительное действие информации ниже некоторого приемлемого, критического уровня. Мы не можем здесь затронуть эту большую тему, заметим только, что цензура и художественные достоинства произведений культуры вообще связаны слабо и не так, как утверждают демократы. Быть может, есть даже обратная связь — без цензуры многие писатели и режиссеры вообще ничего

¹ Примечательно, что разрушение наших культурных устоев под лозунгом построения «цивилизованного порядка» как раз и началось с требования «полной гласности» («прозрачности»), что в пределе и есть абсолютный тоталитаризм — невозможность человеку укрыться от внешнего контроля.

путного создать не могут (пример — Эльдар Рязанов)¹. Отмена цензуры «подтачивает зубы слову». В известном смысле, установление цензуры — признак уважения к слову, признания его силы. Пора было бы об этом поговорить отдельно.

Следует оговориться: *свобода слова* в буржуазном обществе есть категория философская (как *Свобода*, *Равенство* и *Братство* Французской революции). В реальной практике эта свобода стала предоставляться только в той мере, в которой общественное мнение подчинялось манипуляции. Юридические запреты на свободу сообщений были устранены в США только в 60-е годы XX века, когда технология манипуляции стала безотказной². Н. Хомский приводит сведения по истории права, согласно которым до недавнего времени в США ни по закону, ни на практике не позволялись публичные выступления без разрешения местных, а иногда и федеральных властей. Только после 1959 г. этим занялся Верховный суд, который в 1964 г. отменил Закон о мятежах 1798 г. как «несовместимый с Первой поправкой к Конституции». Это решение было принято в связи с апелляцией газеты «Нью-Йорк таймс», которая была наказана по суду за то, что поместила оплаченное как рекламу письмо группы защиты гражданских прав, которые критиковали шефа полиции г. Монтгомери в штате Алабама. Закон о мятежах позволял объявить преступлением любую критику правительства. Лишь в 1964 г. Верховный суд постановил, что «мятежная публикация или петиция — критика правительства — не будет считаться преступлением в Америке»³.

Но практика практикой, а важна и философия. Сегодня политики вернули к жизни старый спор, который вело буржуазное (гражданское) общество с обществом христианским (средневековым) в Европе, а сегодня ведет со всеми «незападными» обществами,

¹ Фрейд писал: «Чем суровее угнетение цензуры, тем лучше маскировка и тем изобретательнее средства, которые ведут читателя по следам того, что действительно должно ему приоткрыться».

² Здесь есть прямой параллелизм с распространением в США избирательного права: оно предоставлялось все новым и новым группам населения (например, женщинам) строго по мере того, как происходила деполитизация масс и снижалось число тех, кто участвовал в выборах. Сегодня во многих штатах снят даже ничтожный обязательный барьер участия в голосовании. Это позволяет путем сговора между кандидатами обходиться вообще без выборов. В 1990 г., например, в Конгресс США так прошли два кандидата от штата Флорида — теоретически каждый получил по 1 голосу (своему собственному) и стал депутатом. Это — мечта наших политиков, которая приближается к реальности пока что только в округах вроде Чукотского.

³ Н. Хомский приводит множество примеров, которые кажутся дикими в условиях «американской демократии». Так, был случай, что в католических газетах из послания папы римского цензура велела выкинуть абзац, в котором он утверждал, что верность Богу — первейшая обязанность христианина, а верность государству — вторая.

спор о смысле языка — слова и образов. В уродливой форме этот спор породил, например, конфликт с романом Салмана Рушди «Сатанинские стихи». Хомейни усмотрел в этом романе изощренное издевательство над исламом и приговорил писателя к смерти. Приговор символический, Иран неоднократно заявлял, что никто не собирается посылать убийц к писателю, который «прячется» на Западе. Но западные издательства не только демонстративно издают роман фантастическими тиражами, но и выбрали Рушди президентом всемирной ассоциации писателей¹.

Проблема свободы сообщений совершенно по-новому встала в городском обществе в последние десятилетия, когда средства массовой информации практически полностью вытеснили личное общение как источник сообщений, несущих новую информацию. С середины 80-х годов в США телевидение стало основным источником новостей для 62% американцев, газеты — для 56, радио — для 13, журналы — для 9, а прямое межличностное общение — только для 1% (сумма больше 100%, потому что можно было называть более одного источника, что еще больше снижает значение личного общения). Таким образом, из процесса получения информации исключается *диалог*, который создает важнейшую защиту против манипуляции сознанием. Получатели сообщений превращаются в *толпу* в том смысле, что они могут лишь пассивно воспринимать сигналы от «коммуникатора-суггестора».

Во французской монографии «Психологическая война» (1954) указывается на это изменение роли прессы: «В пропаганде речь идет уже отнюдь не о том, чтобы открыто писать в газете или говорить в радиопередаче, что именно, согласно желанию пропагандиста, индивид должен думать или чему он должен верить. Фактически проблема ставится так: заставить такого-то и такого-то думать то-то или, точнее, заставить определенную группу людей действовать определенным образом. Как этого достигают? Людям не говорят прямо: «Действуйте так, а не иначе» — но находят психологический трюк, который вызывает соответствующую реакцию. Этот психологический трюк называют *стимулом*. Как видим, пропаганда, таким образом, уже не имеет ничего общего с распространением идей. Речь идет теперь не о том, чтобы распространять идеи, а о том, чтобы распространять «стимулы», то есть психологические и психоаналитические трюки, который вызывают определенные действия, определенные чувства, определенные мистические порывы».

¹ Поддерживая огонь скандала, ни одна газета, ни телевидение в то же время не дали слова ни одному исламскому теологу или хотя бы своему специалисту по исламу, который объяснил бы, в чем мусульмане видят нестерпимое оскорбление. Выступают на эту тему западные писатели или политики, и всегда со смехом: я, мол, роман читал, ничего там такого нет — ну, смешно, конечно, но ведь на то и свобода.

Средства массовой информации стали главным инструментом для распространения сообщений, воздействующих на общественное сознание. Хотя, конечно, старые инструменты продолжали использоваться, но и они были усилены участием массовой прессы¹. А. Моль пишет о СМИ: «Они фактически контролируют всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры, выделяют отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придают им особый вес, повышают ценность одной идеи, обесценивают другую, поляризуют таким образом все поле культуры. То, что не попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияния на развитие общества». Таким образом, современный человек не может уклониться от воздействия СМИ (под культурой А. Моль понимает все стороны организации общественной жизни, которые не даны природой в первоизданном виде).

Сегодня мало кто верит в объективность демократической прессы, купленной «олигархами», но ведь еще недавно наша интеллигенция искренне в это верила — вот что удивительно. Еще удивительнее то, что на Западе никто особенно и не скрывает, что СМИ служат интересам господствующей олигархии и ни на какую объективность не претендуют. Американский король прессы Г. Люс (основатель журналов «Тайм», «Лайф», «Форчун» и многих других) в своем обращении к сотрудникам журнала «Тайм» заявил (1972): «Мнимая журналистская объективность, то есть утверждение, что автор подает факты без какой-либо ценностной оценки, является современной выдумкой, не более чем обманом. Я это отвергаю и осуждаю. Мы говорим: «К дьяволу объективность!» Приятно послушать откровенного человека.

Отметим главные методические приемы, которые повышают эффективность прессы в манипуляции сознанием.

Фабрикация фактов (прямая ложь). И политики, и деятели современной прессы часто заявляют, что пресса не использует прямой лжи — это и дорого, и опасно. В разных вариантах повторяется такой афоризм: «Какой смысл лгать, если того же результата можно добиться, тщательно дозируя правду?» А. Моль пишет, что искажение реальности достигается чаще через процесс «кумуляции мелких отклонений, происходящих всегда в одном и том же направлении, чем решительных, бросающихся в глаза действий. «Honesty is the best policy» — всегда гораздо выгоднее быть честным, если речь идет о фактах, чем их сознательно замалчивать». Подчеркивается также, что малые сдвиги, приводящие к «поляри-

¹ Например, распространение слухов через устное общение; во время войны в Германии работала особая организация «Контора Шварц ван Берка», которая занималась разработкой слухов.

зации» потока сообщений, должны быть ниже порога *семантической восприимчивости* среднего получателя (то есть в среднем должны не замечаться).

Более реалистично оценивают положение те специалисты, которые считают, что прямая ложь («фабрикация фактов») не применяется лишь в тех случаях, когда ее легко обнаружить. Л. Фразер в известном руководстве «Пропаганда» (1957) дает такую установку: «Не лги, если есть угроза разоблачения». А когда разоблачение затруднено недоступностью информации или обходится слишком дорого, пресса лжет без зазрения совести («в политике слово «правда» означает любое утверждение, лживость которого не может быть доказана»). Особенно легко оказывается лгать, когда ложь опирается на заложенный в подсознание стереотип.

Со мной лично произошел такой случай. Летом 1991 г. я был в Испании, и у меня попросила интервью главная газета Арагона. Беседовал со мной редактор международного отдела, умный и приятный молодой человек Карлос Р. Интервью получилось на целый разворот, он был доволен, и мы расстались друзьями. 19 августа в Москве произошел «путч», и уже на завтра мне позвонил Карлос и сказал, что немедленно вылетает в Москву и не могу ли я устроить ему встречи с авторитетными людьми. Я ему помог, и он смог побеседовать с видными деятелями «с обеих сторон баррикад». В частности, все они подтвердили ему, что в Москве не было *ни одного* случая насилия со стороны военных и что никто не отдавал им приказа о насильственных действиях. Карлос уехал, а в сентябре мне снова пришлось быть в Испании, и он с гордостью вручил мне целый номер, сделанный по материалам его поездки в Москву. Смотрю — вся первая страница заполнена красочной фотографией: Москва, танк, солдаты, группа людей, поддерживая под руки, ведет изуродованного человека, всего с ног до головы залитого кровью. И надпись: «*Опять кованый сапог советской военищины...*» и т.д. Я спрашиваю в изумлении: «Карлос! Ты же сам был в Москве! Ты же знаешь, что ничего подобного не было!» Он посмотрел на меня с искренним недоумением: «Какая разница? Эта фотография дана во всех европейских газетах. Мы ее купили. Это же газета, а не научный журнал».

Постановщик телевизионных спектаклей в избирательной кампании Никсона в 1968 г. Р. Эйлис так объяснял, как организован вошедший тогда в практику «телетон» — передача, в которой кандидат в прямом эфире отвечает на вопросы, задаваемые по телефону: «Проходить все будет так. Вопросы принимаются телефонистками, затем курьеры бегут с ними к столу постановщика, а отсюда их доставят в сценарную комнату, где наши люди их изорвут и напишут свои. Затем они понесут их Бадю Уилкинсону для худо-

жественного зачтения, а выступающий дает по заготовленной карточке ответ»¹.

Основные методы фабрикации фактов были отработаны уже в ведомстве Геббельса. Они были во многом новаторскими и ставили в тупик западных специалистов. Так, фашисты ввели прием *подстраховки ложных сообщений правдивыми*, даже очень для них неприятными. В такой «упаковке» ложь проходила безотказно. Большое внимание уделялось провокациям с единственной целью снять «правдивый» пропагандистский фильм. Так, жителям оккупированного Краснодара было объявлено, что через город проведут колонну советских пленных и что им можно передать продукты. Собралось большое число жителей с корзинками, полными продуктов. Вместо пленных через толпу провезли машины с ранеными немецкими солдатами — и сняли фильм о «встрече».

Одно из важнейших правил манипуляции сознанием гласит, что успех зависит от того, насколько полно удалось изолировать адресата от постороннего влияния. Идеальной ситуацией для этого была бы *тотальность воздействия* — полное отсутствие альтернативных, неконтролируемых источников информации и мнения. Манипуляция несовместима с диалогом и общественными дебатами. Поэтому перестройка в СССР стала беспрецедентной по эффективности программой манипуляции — все средства массовой информации были в руках одного центра и подчинялись единой программе (тоталитарность контроля за прессой в годы перестройки была несравненно полнее, нежели в «годы застоя»).

Сложность выполнения этого правила прежде всего в том, что создать у адресата иллюзию независимости, иллюзию плюрализма каналов информации. Для этого создается видимость многообразия СМИ по типу организаций, политической окраске, жанрам и стилям — при условии, что реально вся эта система подчиняется единым главным установкам. Идеальный случай — когда удается создать (точнее, допустить создание) радикальных оппозиционных источников информации, которые, однако, ограничивают свою информационную борьбу с режимом вопросами, которые не затрагивают сути главных программ манипуляции. А по остальным про-

¹ В 1998 г. на телевидении попробовали организовать пикантную еженедельную передачу, в которой должны были дискутировать три человека: один «от советского строя», один от команды Горбачева и один от Ельцина. Пригласили меня, Ф. Бурлацкого и В. Никонова. Я в своем выступлении поставил вопрос не так, как предполагалось по сценарию, мои оппоненты разволновались, передача получилась эмоциональная, и режиссер был доволен. Начались вопросы телезрителей по телефону. Ко мне обратилась какая-то Юлия и задала вопрос в связи с какой-то якобы моей мыслью, которой я не только не высказывал, но мы и близко не подходили к этой теме. Я изумленно посмотрел на режиссера. Он покраснел, а потом объяснил: «Мы вопросы заранее записали. Мы же не думали, что вы ломаете весь сценарий».

блемам оппозиции разрешается извергать самую nepотребную хулу на власть.

Если по ходу воздействия изоляция адресата нарушается (например, появляется неожиданный неконтролируемый источник информации), то чаще всего операция по манипуляции свертывается, поскольку утрата иллюзии независимости резко усиливает психологическую защиту аудитории. Лучше смириться с потерей затраченных на неудачную попытку средств, нежели усиливать жертву, — дороже обойдется при следующих попытках.

Любопытный случай разбирает Н. Хомский. В 80-е годы в США велась интенсивная кампания по обвинению СССР в расстановке противопехотных мин в Афганистане (Н. Хомский приводит перечень заголовков статей в крупнейших газетах и официальные заявления США). Вывода войска из Афганистана, советское командование передало правительству Наджибуллы карты минных полей, а Наджибулла предоставил их во все районы страны, включая те, что были под властью его противников. В связи с этим некоторые американские политики призывали умерить пыл газетной кампании, поскольку позиция СССР и Наджибуллы «могла дать им преимущества в пропаганде». Никаких преимуществ не дала, поскольку ни одна газета об этом не сообщила (по-моему, даже в СССР). Кампания была свернута по другой причине. В 1989 г. группа добровольцев, морских пехотинцев США, которых заела совесть, поехала во Вьетнам помочь снять мины, которые они сами ставили 20 лет назад. Вернувшись, они сделали резкое заявление о том, что до сих пор во Вьетнаме гибнет от мин много людей, а США отказываются предоставить карты минных полей. Через четырнадцать лет после окончания войны! Это — пример неожиданного сообщения, после которого надо без комментариев прекращать акцию.

Отбор событий реальности для сообщений. Пожалуй, главное условие эффективного программирования мышления — контроль над «информационным рационом» человека. Ясно, что в классовом обществе господствующий класс включает в себя прямых владельцев большей части СМИ и осуществляет экономический контроль над остатком. Для правдоподобия наличия свободы слова оставляется небольшой сектор рынка для оппозиционной печати, которую обычно удается зажать в узкие рамки. Как уже было сказано, ей разрешается ругаться последними словами, но не выстраивать целостное, когерентное представление о реальности. Авторы, которые занимаются такой работой, почему-то быстро перестают публиковаться.

Хорошо построенной системой СМИ является такая, что при избытии изданий и передач, разнообразии «позиций» и стилей она создает и использует одни и те же стереотипы и внушает один и тот же набор главных желаний. Различие взглядов *конструиру-*

ется — разрешается быть и буржуазным консерватором, и анархистом, но при условии, что структура мышления у них одинакова. Разрешается даже по выбору быть сторонником Лужкова или сторонником Березовского, но это уже «свобода без берегов», она возможна только в условиях российского «беспредела».

Говорят, что над мнениями господствует тот, кто определяет структуру потока информации, кто отбирает «факты» и «проблемы», превращая их в сообщения. Кто задал тот вопрос, который якобы волнует общество? Действительно ли важен этот вопрос на фоне других вопросов? Почему он задан именно так, а не иначе? СМИ не оставляют места для диалога, их хозяин мог бы заявить, как следователь: «Вопросы здесь задаю я!»

Г. Шиллер объясняет причину такого положения: «За исключением довольно небольшой избранной части населения, которая знает, что ей нужно, и потому может воспользоваться массовым потоком информации, большинство американцев попадают, хотя в основном и подсознательно, в лишенную всякого выбора информационную ловушку. В сообщениях из-за рубежа и о событиях внутри страны или даже в местных новостях практически нет никакого разнообразия мнений. Это обуславливается прежде всего идентичностью материальных и идеологических интересов, присущих собственникам (в данном случае тем, кому принадлежат средства массовой информации), а также монополистическим характером информационной индустрии в целом. Информационные монополии ограничивают информационный выбор во всех сферах деятельности. Они предлагают лишь одну версию действительности — свою собственную».

Изъятия фактов и проблем из реальной действительности чудовищны по своим масштабам. Например, в западных СМИ практически отсутствует серьезная информация об Азии. Из Китая, Индии и даже Японии поступают сообщения лишь экзотические (лунный Новый год, карате, китайская кухня), либо отвратительные (секс-туризм, проказа, мафия), либо возбуждающе-политические (терроризм, религиозное насилие, публичные казни торговцев наркотиками).

Г. Шиллер посвящает целую главу своей книги «Манипуляторы сознанием» разбору одного из важнейших в идеологическом отношении журналов США — «National Geographic». Тот, кому приходилось его читать, согласится, что в техническом отношении (печать, фотографии, литературная обработка) этот журнал достиг совершенства. Он, будучи большим и почти научным журналом, завоевал массовую аудиторию (тираж около 5 млн. экземпляров, около 17 млн. читателей), весь культурный слой США в какой-то период жизни проходит через чтение этого журнала. Журнал готовит и множество популярных телевизионных передач. В то же вре-

мя это — одно из наиболее идеологизированных изданий, в его опекунский совет входят влиятельные члены правящих семейств США. Как же он формирует американский взгляд на мир? Вот его принцип, сформулированный редактором, который был на этом посту 55 лет: «Журнал освещает лишь благоприятные аспекты жизни какой-либо страны или народа». Только благоприятные! И это о странах, которые были колониями, а потом стали ареной войн или неокOLONиальных захватов. Как написал американский историк этого журнала, «читатель, полагающийся исключительно на «Geographic», получит такое же представление об окружающем мире, какое имела Мария-Антуанетта в своих апартаментах в Версале». Достаточно сказать, что в материалах о Китае, опубликованных в 1948 г., вообще не было упоминания о гражданской войне, которой была охвачена страна, — а ведь уже в 1949 г. она закончилась образованием КНР, эпохальным событием.

Н. Хомский провел очень большую работу по количественному анализу отражения важных событий и проблем в информационном потоке американских СМИ (эти данные с подробнейшими таблицами собраны в несколько книг). Красноречивым опытом стало практически полное замалчивание западными СМИ массовых убийств на Восточном Тиморе, захваченном Индонезией после прихода к власти Сухарто (по словам Н. Хомского, в пропорции к населению это были наиболее крупномасштабные убийства после Холокоста). Захват В. Тимора был произведен с согласия и при участии США, и замалчивание этой выдающейся по своей жестокости акции было настолько полным, что в мире о ней почти ничего не знают. Н. Хомский делает общий вывод: *«Фундаментальный принцип, который очень редко нарушается, заключается в том, что те факты, которые противоречат интересам и привилегиям власти, не существуют».*

Стремясь достичь научной строгости, Н. Хомский находит количественную зависимость между числом и величиной сообщений и политическим интересом тех сил, что контролируют СМИ. Для этого он берет сходные случаи (проблемы). Так, он подробно изучает область «политические убийства религиозных деятелей» и сравнивает уровень отражения каждого случая в центральных американских газетах и на телевидении. За стандарт он берет убийство 19 октября 1984 г. священника Д. Попелюшко в Польше (убийцы были судимы, мотивы убийства не вполне ясны, но пресса США их посчитала политическими). Этому убийству в газете «Нью-Йорк таймс» было посвящено 78 статей с общей длиной колонки 1183 дюйма и 46 передач новостей главной компании телевидения США. По сравнению с информационным покрытием убийства Попелюшко самые громкие убийства 100 религиозных деятелей от рук контролируемых США правых организаций и спецслужб Латинской

Америки дают около половины информационного потока¹. То есть «информационная важность» убийства священника в Польше примерно в 140 раз выше «ценности» аналогичного случая в зоне влияния США.

Еще поразительнее этот контраст, если ввести качественные характеристики. В Сальвадоре были убиты сразу 4 монахини — гражданки США! Казалось бы, это должно было потрясти страну. Нет, пресса уделила им втрое меньше внимания, чем убийству Попелюшко (а по длине статей — 17%). Более того, в Сальвадоре был убит архиепископ Оскар Ромеро, и как убит — прямо во время воскресной службы в кафедральном соборе столицы. Информационное покрытие в США составило около 1/5 от освещения смерти Попелюшко (который, кстати, был рядовым священником).

Помимо замалчивания «ненужной» информации и создания таким образом «виртуальной» реальности вместо отражения действительности, СМИ широко используют принцип *демократии шума* — потопление сообщения, которого невозможно избежать, в хаотическом потоке бессмысленной, пустопорожней информации. Г. Шиллер пишет: «Подобно тому как реклама мешает сосредоточиться и лишает весомости прерываемую информацию, новая техника обработки информации позволяет заполнить эфир потоками никчемной информации, еще больше осложняющей для индивида и без того безнадежные поиски смысла».

Серая и черная пропаганда. Во вторую половину XX века возник совершенно новый тип общественной жизни — СМИ стали использовать технологии *психологической войны*. Первоначально, после Первой мировой войны, этим термином обозначали пропаганду, ведущуюся именно во время войны, так что начало психологической войны даже рассматривалось как один из важных признаков перехода от состояния мира к войне. Американский военный словарь 1948 г. дает психологической войне такое определение: «Это планомерные пропагандистские мероприятия, оказывающие влияние на взгляды, эмоции, позиции и поведение вражеских, нейтральных или дружественных иностранных групп с целью поддержки национальной политики».

Г. Лассуэлл в «Энциклопедии социальных наук» (1934) отметил важную черту психологической войны — она «действует в направлении разрыва уз традиционного социального порядка». То есть как вид воздействия на сознание психологическая война направлена прежде всего на разрушение тех связей, которые соединяют людей в *данное общество* как сложную иерархически построенную систему. Атомизация людей — вот предельная цель

¹ Н. Хомский берет только самые громкие убийства. Кроме того, он исключает случаи убийства священников, которые сотрудничали с партизанами и вообще радикальной оппозицией и как бы являлись борцами.

психологической войны. Если мы представляли, например, советское общество в виде системы с разными типами связей между людьми, группами, общественными институтами, то в каждой передаче «Голоса Америки» было бы легко видеть, какой тип связей является ее мишенью. В другом руководстве (1964) говорится, что цель такой войны — «подрыв политической и социальной структуры страны-объекта до такой степени деградации национального сознания, что государство становится не способным к сопротивлению». Именно это и произошло с СССР — и каждый про себя может вспомнить, в какую сторону он стрелял в той войне.

В наставлении армии США «Ведение психологической войны» вводятся определения типа операций:

1. «Белая» пропаганда — это пропаганда, которая распространяется и признается источником или его официальными представителями.

2. «Серая» пропаганда — это пропаганда, которая не идентифицирует специально свой источник.

3. «Черная» пропаганда — это пропаганда, которая выдается за исходящую из иного источника, чем подлинный».

Психологическая война против СССР стала важной частью холодной войны, что, кстати, является важным признанием того факта, что холодная война не была метафорой. Французский журнал пишет, что с конца 60-х годов «ЦРУ вышло за рамки обычного шпионажа, где, впрочем, не достигло больших результатов, для того чтобы начать действительно современную психологическую войну». Но здесь для нас даже важнее тот факт, что технологии серой и черной пропаганды вошли в обыденную практику СМИ и внутри собственных стран. До этого такие приемы применялись время от времени и были как бы отклонением от профессиональной этики. Выдающимся успехом черной пропаганды считается победа на выборах консерваторов в 1925 г. в Англии. Тогда несколько миллионов избирателей за несколько дней изменили свои намерения в результате фальшивки, которую распространила пресса («Письмо Коминтерна»). Последующее разоблачение не имело эффекта — никто ведь не докажет, что она повлияла на избирателей, да они и сами этого не знают.

Шире всего применяются в СМИ, конечно, приемы серой пропаганды — «информация из первых рук, высосанная из пальца». Ради них СМИ долго боролись и добились законного права «не раскрывать источник информации». Не просто обычными, но господствующими стали ссылки на «высокопоставленного чиновника из кругов, близких к... который пожелал остаться неизвестным». Таким образом, источник не идентифицируется, и никакой ответственности СМИ за ложное сообщение не несут. В России мы эти приемы уже испытали на себе в полной мере.

Большие психозы. Главная функция СМИ в гражданском обществе состоит, как ни парадоксально, в превращении граждан в огромную, но не собранную в одном месте толпу — через массовую культуру и единый поток информации, которые «отливают умы в единообразные, стандартные формы и обеспечивают каждой человеческой единице соответствие заданной модели». Уже А. Грамши отметил, что «стандартизация образа мысли и действия достигает национального или даже континентального размаха». В этом он видел кризис гражданского общества, выход из которого был, по его мнению, возможен лишь через борьбу снизу за гегемонию здравого смысла (при том, что это — тоже один из видов конформизма).

Средний обыватель верит самым нелепыми утверждениями, хотя здравый смысл по меньшей мере заставил бы его усомниться. Со стороны это видно лучше. Вот мелкий случай. На Западе человек, работающий в университете, тем более левых убеждений, считает своим долгом заявить, что он не верит прессе и телевидению. Сознательно — да, но нет возможности воспринимать всю информацию сознательно. Как-то в Испании нас с женой на Пасху пригласили дружить в деревню, к их родителям. Наши жены занялись на кухне, и я слышу краем уха разговор. Спрашивает подруга мою жену:

— Как же вы жили в СССР без трикотажа?

— В каком смысле?

— Но ведь в СССР не производился трикотаж.

— С чего ты взяла?

Слышу в голосе подруги замешательство:

— По телевизору всегда говорили...

— Но ведь ты говоришь, что не веришь телевизору.

— Да... Но трикотаж...

Это может показаться курьезом, но в такой ситуации западный человек находится в отношении ко всем проблемам бытия, и каждый (а может быть, далеко не каждый) вырывается из-под этого влияния лишь в какой-то очень узкой области. Да мы и сами недавно были такими и мало еще изменились. Еще недавно дамочка на телевизионных дебатах жаловалась Г. Попову на то, что «в Советском Союзе не было секса»¹.

¹ Убежденность в том, что в СССР чего-то «не было», стала поразительно стойким стереотипом. Видно, над ним здорово поработали. Я выступал на семинаре перед преподавателями университета Наварры (Испания), по их просьбе объяснял устройство советского типа хозяйства — с диаграммами, графиками. Встает профессор из соседнего, частного университета, кричит взволнованно: «Что вы нам говорите! В Советском Союзе не было сельского хозяйства!» Далее разговор был почти как на кухне насчет трикотажа. Я говорю: вы как та тетя, что утверждала, будто при советском строе не было секса. Он рассердился и привел неотразимый довод: «В СССР картошка гнила в железнодорожных вагонах». Я согласился: «Итак, вы признаете, что как минимум в СССР была картошка, были вагоны и даже, видимо, рельсы под ними. Отсюда и пойдём понемногу». И это был профессор университета.

Континентального (а теперь уже и межконтинентального) размаха «толпообразующее» действие СМИ приобретает потому, что они образуют единую сеть, которой действительно накрывают всю массу людей, не имеющих ни времени, ни навыков для критического восприятия сообщений. А. Моль описывает конкретный случай цепной реакции сообщений:

«Корреспондент страсбургской газеты, прогуливаясь в районе исторической линии Мажино, обнаруживает, что какое-то предприятие производит там работы по восстановлению обрушившегося блиндажа, и пишет об этом заметку в разделе местных сообщений. Эта заметка попадает на глаза местному корреспонденту парижской газеты, который перепечатывает ее по той простой причине, что она по размеру точно дополняет текст составленной им подборки до полной машинописной страницы. Новость попадает в Париж, где на нее не обращает внимания никто, кроме корреспондента иностранной газеты, пересылающего ее в свою редакцию. Затем через иностранное агентство печати сообщение попадает в нью-йоркскую газету, которая публикует его на второй странице. Там его находит и отбирает редактор парижской газеты. Все газеты, которые следят за этой парижской газетой и за «Нью-Йорк таймс», воспроизводят эту новость под крупным заголовком, что в конечном счете приводит к соответствующим дипломатическим объяснениям».

А. Моль привел случай спонтанного, самопроизвольного возникновения маленького лавинообразного процесса. Но нередко такие процессы запускаются целенаправленно, и потом стоит многих усилий их блокировать. Пожалуй, одним из крупных недавних психозов, созданных СМИ, является паника в связи с болезнью «бешенства коров» в Англии. Цели операции не вполне ясны и будут обнаружены не скоро¹. Суть была в том, что вдруг во всей европейской прессе валом пошли статьи об эпидемии болезни коров, которая заразна для людей (при этом разрушается ткань головного мозга). В Великобритании от этой болезни умерло 10 человек, в газетах были опубликованы их биографии, вплоть до описания мясных блюд, которые они ели. Под давлением массового психоза руководство ЕЭС приговорило Англию к беспрецедентному наказанию — немедленно уничтожить всех коров в возрасте свыше трех лет и сжечь их трупы. Разумеется, был наложен запрет на экспорт мяса и т. д. Если бы эти санкции были реально выполнены, результатом была бы катастрофа английской экономики (шутка ли — забить в одночасье и уничтожить треть крупного рогатого скота).

¹ Согласно туманной версии, которая очень осторожно давалась в западной прессе, эта операция была частью большой травли, которой была подвергнута королевская семья Великобритании за какие-то провинности перед влиятельными в мире теневыми силами. За королеву извинялся лично Мейджор, но это не помогло.

Психоз расширился, возникли фирмы по проектированию и строительству коровьих крематориев. В кратчайший срок сжечь миллионы туш — небывалая техническая проблема.

Миф «бешенства коров» был создан средствами серой пропаганды. Установить его истоки по выступлениям прессы и телевидения было невозможно. Сначала ссылались на научную статью в известном журнале «Lancet», но ученые тут же открестились, а опубликованные в газетах выдержки из этой статьи никаких оснований для паники не давали — в ней лишь предполагалась возможность связи между болезнями коров и людей. Но ведь и коровы могли заражаться от людей, а не наоборот. Да и вообще, 10 умерших за все время с момента открытия болезни — величина абсолютно ничтожная, таких странных болезней множество. Когда паника захлестнула Европу, и люди перестали покупать говядину, в прессу стали просачиваться очень осторожные отрезвляющие сведения. Оказывается, в Испании от этой болезни умерли 53 человека, в Швейцарии еще больше. Но, поразительным образом, никто в ЕЭС не пытался поставить вопрос о санкциях против Испании или Швейцарии — и в то же время никакие просьбы Англии о помиловании не действовали. Проблема была снята из СМИ какой-то новой сенсацией, так что о «бешенстве коров» все просто забыли. Никто уже не помнит, чем кончился этот скандал, — о нем в СМИ больше не было ни одного сообщения. Как сняли с Англии санкции, на каком основании — никто не знает и не интересуется. Чудесным образом исчезли крематории и фирмы, которые их собирались строить. Люди вперились в другой спектакль.

§ 2. Средства массовой информации: манипулятивная семантика и риторика

Манипулятивная семантика: изменение смысла слов и понятий.

В главе 5 уже говорилось о создании нового языка современного общества, о семантике политического мифа как целенаправленной технологии изменения смысла слов. Разновидностью лжи в прессе является «конструирование» сообщения из обрывков высказывания или видеоряда. При этом меняется контекст, и из тех же слов создается совершенно иной смысл. Отдельные «крупницы» сообщения вроде бы ложью не являются, но то целое, что слепил из них репортер или редактор, может не иметь с действительностью ничего общего. У самих газетчиков есть такая шутка. «Как вы относитесь к домам терпимости?» — спросили папу римского, прибывшего в одну из стран. «А разве они у вас есть?» — ответил папа римский. Назавтра в газетах появилось экстренное сообщение:

«Первое, что спросил папа, ступив на нашу землю: есть ли у нас дома терпимости?»

Подчеркнем еще раз высказанный уже тезис о важности терминологии в манипуляции сознанием. Г. Шиллер предупреждает: «Всем, кто борется с системой угнетения, важно понимать, какой силой обладают те, кто контролирует процесс выработки определений. Навешивание фальшивых ярлыков и искажение целей борьбы идеологических противников — типичный прием пропагандистской машины угнетателей. Поэтому первый шаг в направлении установления контроля над определениями заключается в том, чтобы попытаться не уступить крайне важной терминологической территории».

Огромная работа по созданию специального языка для сообщений прессы была проведена в США во время войны во Вьетнаме. Были составлены целые словари (тезаурусы) для обозначения тех или иных явлений и действий, которые производили на читателя нужное впечатление (в лингвистических трудах перечисляются и принципы подбора слов). Ряд исследователей считают, что был искусственно разработан «субязык», который получил название *вьетлийского* (Vietlish, Vietnam English). Так, с 1965 г. военные действия во Вьетнаме назывались в прессе «программа умиротворения». Это слово настолько вошло в обиход, что в газетах можно было прочесть такое сообщение: «Одна деревня так упорно сопротивлялась умиротворению, что в конце концов ее пришлось разрушить».

Создание искусственного языка идет по двум направлениям. Ищется приемлемое по *денотации* слово. То есть выбираются слова, в денотации (диапазоне смыслов которого) имеется и такая, что может быть притянута к обозначению данного явления. Пусть даже это один из многих смыслов слова, третьестепенный и малоупотребительный. Но он существует, и не является прямой ложью его использование. *Умиротворение* и *война* где-то чуть-чуть перекрываются, так вместо слова *война* берется *умиротворение*. Второе воздействие слова — *коннотация*, то есть те ассоциации, которые пробуждает произнесение или прочтение слова. Так, важное место в пропаганде занимало слово «сдержанность». Коннотация его полезна для пропаганды. Сдержанный человек... Не скажешь ведь, что США во Вьетнаме проявили миролюбие или гуманность — это было бы прямой ложью. Сдержанность... Ведь ядерного оружия не применили! Так, в 1972 г. в обращении к нации президент Никсон заявил: «В течение всей войны США проявляли беспрецедентную в военных анналах степень сдержанности». Тут он, впрочем, переборщил, что и вызвало в США саркастические комментарии.

Другим ключевым понятием было словосочетание «защитная реакция». Защита... Ответное действие... Например, массированные бомбардировки Северного Вьетнама в феврале 1972 г. (139 налетов) назывались «защитная реакция»¹. Лингвисты пишут, что во время вьетнамской войны были разработаны методы построения *сложных политических эвфемизмов*. Это уже не отдельные слова и понятия, а большие языковые конструкции с точно измеренными эффектами воздействия на сознание².

Из языка были исключены все слова, вызывающие отрицательные ассоциации: *война, наступление, оружие по уничтожению живой силы*. Вместо них были введены слова нейтральные: *конфликт, операция, устройство (antipersonnel device)*. Так, 19 июля 1971 г. руководитель «Операции Феникс» И. Колби сообщил, что суть операции состояла в организации покушений на нежелательных общественных деятелей Южного Вьетнама и что к тому моменту было ликвидировано 20 587 таких деятелей. Мертвые зоны, в которых диоксидами была уничтожена растительность, назывались «санитарными кордонами», напалм — «мягким зарядом», самые обычные концлагеря — «стратегическими селениями» и т. д. Были наложены и строго соблюдались табу на использование огромного количества нормальных слов. Президент Американского лингвистического общества Д. Болинджер заявил тогда: «Америка — это первое общество, которое добилось настоящего табу на все неприятное».

Сегодня политики и пресса постоянно меняют смысл слов и правила игры в зависимости от конъюнктуры. Как сказал Г. Честертон, «прежде «компромисс» означал, что полбуханки хлеба лучше, чем ничего. У нынешних политиков «компромисс» означает, что полбуханки лучше, чем целая буханка». Когда Саддам Хусейн в январе 1993 г. «бросил ООН вызов», попросив, чтобы самолеты с экспертами пролетали в Ирак со стороны Иордании, а не с юга, виднейший правовед из мадридского университета объяснял радиослушателям, почему Ирак за это должен был быть немедленно подвергнут бомбардировке. Такого объяснения вообще не понадобилось бы, не будь рядом Израиля, который преспокойно наруша-

¹ Ввиду слишком резкой международной реакции был снят с должности авиационный генерал Д. Лавел «за плохое знание семантики», в результате которого он якобы проводил бомбардировки без санкции высшего командования. На слушаниях в сенате он, однако, стал огрызаться и доказал, что выражение «защитная реакция» было официально предписанным и что командование было верно информировано о характере действий. Так, после рейдов летчики писали в отчетах — выполнена «защитная реакция».

² Большая работа в области методов «придания ложного смысла бесспорным фактам с помощью лексических средств» была проведена специалистами Геббельса, о чем имеется большая литература.

ет все резолюции ООН. Для профессора все было очень просто. Да, Израиль оккупирует чужие территории, сгоняет с земли арабских крестьян (и время от времени их подстреливает). Но международное сообщество на может оказывать на Израиль давление и сравнивать с тиранией Хусейна, так как Израиль является *правовым государством*. Согнанный арабский крестьянин, если его сосед-демократ промахнулся, должен обратиться в суд, а суд в Израиле цивилизованный. Это говорится с вершины кафедры, со всем авторитетом Науки — и полностью переворачивает само понятие *права*. Оно теперь заботится не о правах личности, ставшей жертвой вооруженного соседа, а о праве агрессора — этому можно, а этому нельзя.

Политические эвфемизмы, маскирующие истинный смысл явлений, создаются и с помощью *терминов*. Это специальные слова, имеющие точный смысл, причем аудитория резко разделяется на тех, кто знает точное значение термина, и на тех, кто не знает. Но главное, что термины обладают магическим воздействием на сознание, имея на себе отпечаток авторитета науки. Красивым термином, кажется людям, нельзя назвать какую-нибудь гадость. К таким терминам относится, например, слово *эмбарго*. Если средний западный демократ еще испытал некоторое неудобство от разрушительных бомбардировок Ирака в качестве «наказания», то установленное в августе 1990 г. тотальное *эмбарго* на торговлю с Ираком не вызвало абсолютно никакого возражения. А ведь это — более многозначительный шаг, нежели бомбардировки. Попытаются объяснить, исходя из очевидных положений. Так, общепринято, что в Ираке установлен тоталитарный режим, диктатура. Ирак — не Дания и даже не Греция, и население там не имеет ни прав, ни навыков, ни механизмов, чтобы навязать свою волю политикам Багдада. Но если это так, то население не несет и ответственности за действия верхушки режима. И, согласно самой простой логике, наказывать иракского крестьянина, убивая его ребенка голодом, означает брать этого крестьянина *заложником* и наказывать его, чтобы оказать давление на противника (Саддама Хусейна). Такие действия по отношению к европейцу, а во времена моего детства и по отношению к советским гражданам, рассматривались как военное преступление, и те, кто отдавал приказы о таких действиях, пошли на виселицу. Но сегодня по отношению к иракскому крестьянину это называется «механизмом международного права», *эмбарго*. Слово *заложник* не употребляется — табу.

Замена слов и понятий политическими эвфемизмами как целая технология приводит к тяжелой болезни общества, которую еще Фукидид назвал *коррупцией языка*. Будучи свидетелем упадка Афин, он оставил описание коррупции как важнейшего признака этого упадка. Среди прочих видов коррупции он особо выделил

именно коррупцию языка — слова начали означать нечто противоположное тому, что они всегда означали. Разные партии стали использовать одно и то же слово в разных смыслах.

Упрощение, стереотипизация. Пресса (и вообще СМИ) сыграла важнейшую роль в процессе «толпообразования» в западном обществе. Человек массы, продукт мозаичной культуры, был в значительной степени создан прессой. Сами СМИ быстро стали объектом изучения в социодинамике культуры, и вскоре были обнаружены и даже математически выражены связи между простотой сообщения и его восприятием. СМИ, в отличие от высокой культуры, предназначены именно для массы¹. Поэтому в них были установлены жесткие ограничения на сложность и оригинальность сообщений (даже на длину слов, хотя два-три заумных слова всегда допускаются в статье в качестве «приправы» — они повышают привлекательность статьи в силу «гомеопатического» эффекта). В общем, давно было сформулировано такое правило: «Сообщение всегда должно иметь уровень понятности, соответствующий коэффициенту интеллектуальности примерно на 10 пунктов ниже среднего коэффициента того социального слоя, на который рассчитано сообщение» (А. Моль).

Под этим эмпирическим правилом лежит психологическое оправдание, согласно которому человек подсознательно тяготеет к примитивным объяснениям сложных проблем. Концепцию *упрощения* выдвинул еще в начале 20-х гг. У. Липпман (будущий «журналист № 1» США). Он считал, что процесс восприятия — это всего-навсего механическая подгонка еще неизвестного явления под устойчивую общую формулу (стереотип). Поэтому пресса должна произвести *стандартизацию* явления, ставшего объектом сообщения. При этом, по его выражению, редактор должен опираться на стереотипы и рутинные мнения и «безжалостно игнорировать тонкости». Человек должен воспринимать сообщение без усилий и безоговорочно, без внутренней борьбы и критического анализа. «Коммунизм упорно цепляется за плохое. Давайте упорно держаться за хорошее» (Дж. Фостер Даллес) — вот типичный образец упрощения. На этой основе и сложился *редукционизм* современных СМИ — сведение реальных общественных проблем и явлений к предельно упрощенным и легким для восприятия утверждениям.

Мыслящие стереотипами люди утрачивают возможность опереться на устои даже своего собственного привычного порядка, к которому они привержены, — за стереотипами эти устои оказываются неразличимыми. В 1951 г. одна американская газета провела эксперимент. Ее сотрудники «составили» петицию и обратились к

¹ «Процесс функционирования средств массовой коммуникации состоит в том, что их продукцию как бы рассеивают или распыляют в том, что Курт Левин и Морено называют *социальным полем*» (А. Моль).

представителям среднего класса с просьбой ее подписать. Она глагола: «Если любая форма государственного управления становится вредной для достижения целей народа, то народ имеет право изменить или ликвидировать эту форму, создать новое правительство, основав его на таких принципах и организовав его власть в такой форме, какие ему кажутся наиболее подходящими для обеспечения его безопасности и счастья». Из 112 человек 111 отказались это подписать, посчитав ее «красной» петицией, за которую их тут же уволят с работы. На деле это была часть Декларации независимости Соединенных Штатов.

Выше мы говорили, что за операцией упрощения следует *семантизация*, то есть поиск наиболее подходящих слов, в которые следует облечь примитивную модель. Специалисты прессы, по выражению одного из них, «создали целый ряд клише, лозунгов, эпитетов, кратких, но расплывчатых фраз, при помощи которых можно описать любую международную новость». Выработка готового сообщения становится чисто инженерной работой.

Утверждение и повторение. Упрощение позволяет высказывать главную мысль, которую требуется внушить аудитории, в «краткой, энергичной и впечатляющей форме» — в форме *утверждения* (как приказ гипнотизера — приказ без возражения). Как пишет С. Московичи, «утверждение в любой речи означает отказ от обсуждения, поскольку власть человека или идеи, которая может подвергаться обсуждению, теряет всякое правдоподобие. Это означает также просьбу к аудитории, к толпе принять идею без обсуждения такой, какой она есть, без взвешивания всех «за» и «против» и отвечать «да» не раздумывая».

Опираясь на сложившийся в мозаичной культуре тип мышления человека массы, СМИ в то же время стали важнейшим фактором укрепления этого типа мышления. Они приучали человека мыслить стереотипами и постепенно снижали интеллектуальный уровень сообщений так, что превратились в инструмент оглушения. Этому послужил главный метод закрепления нужных стереотипов в сознании — *повторение*.

Многочисленное и настойчивое повторение в СМИ одних и тех же слов, фраз и образов сразу бросалось в глаза, когда из СССР человек попадал на Запад. Это удивляло. Но это просто технология, и мы все с ней познакомились в годы перестройки и ежедневно испытываем ее действие сегодня. С. Московичи писал в «Учении о массах»: «Грамматика убеждения основывается на утверждении и повторении, на этих двух главенствующих правилах». Он приводит слова Ле Бона: «Повторение внедряется в конце концов в глубины подсознания, туда, где зарождаются мотивы наших действий». Это в полной мере было использовано в коммерческой рекламе.

Очевидно, что повторение — один из тех «психологических трюков», которые притупляют рассудок и воздействуют на бессознательные механизмы. При злоупотреблении этим приемом стереотипы усиливаются до устойчивых предрассудков, человек тупеет. С. Московичи уделяет этому приему много внимания. Он пишет: «Таким образом, повторение является вторым условием пропаганды. Оно придает утверждениям вес дополнительного убеждения и превращает их в навязчивые идеи. Слыша их вновь и вновь, в различных версиях и по самому разному поводу, в конце концов начинаешь проникаться ими. Они в свою очередь незаметно повторяются, словно тики языка и мысли. В то же время повторение возводит обязательный барьер против всякого иного утверждения, всякого противоположного убеждения с помощью возврата без рассуждений тех же слов, образов и позиций. Повторение придает им осязаемость и очевидность, которые заставляют принять их целиком, с первого до последнего, как если бы речь шла о логике, в терминах которой то, что должно быть доказано, уже случилось...

Будучи навязчивой идеей, повторение становится барьером против отличающихся или противоположных мнений. Таким образом, оно сводит к минимуму рассуждения и быстро превращает мысль в действие, на которое у массы уже сформировался условный рефлекс, как у знаменитых собак Павлова... С помощью повторения мысль отделяется от своего автора. Она превращается в очевидность, не зависящую от времени, места, личности. Она не является более выражением человека, который говорит, но становится выражением предмета, о котором он говорит... Повторение имеет также функцию связи мыслей. Ассоциируя зачастую разрозненные утверждения и идеи, оно создает видимость логической цепочки». Как только появляется эта видимость, облегчается захват аудитории из интеллигенции. Теперь интеллигент может с легким сердцем верить любому абсурду, потому что не протестует логика — «полиция нравов интеллигенции».

Дробление и срочность. Разделение целостной проблемы на отдельные фрагменты — так, чтобы читатель или зритель не смог связать их воедино и осмыслить проблему — одна из особых и важных сторон упрощения. Это — фундаментальный принцип мозаичной культуры. Дроблению служит множество технических приемов: статьи в газете разбиваются на части и помещаются на разных страницах, текст или телепередача разбиваются рекламой.

Г. Шиллер дает описание этой технологии: «Возьмем, например, принцип составления обычной телевизионной или радиопрограммы или компоновки первой страницы крупной ежедневной газеты. Общим для всех является полная разнородность подаваемого материала и абсолютное отрицание взаимосвязи освещаемых социальных явлений. Дискуссионные программы, преобладающие

на радио и телевидении, представляют собой убедительные образцы фрагментации как формы подачи материала. Что бы ни было сказано, все полностью растворяется в последующих рекламных объявлениях, комических трюках, интимных сценах и сплетнях».

П. Фрейре считает дробление «характерным приемом культурного подавления», который принят как специфическая форма подачи информации в США. Из США этот прием распространился на все системы СМИ, занятые манипуляцией. Г. Шиллер так объясняет эффективность этого приема: «Когда целостный характер социальной проблемы намеренно обходится стороной, а отрывочные сведения о ней предлагаются в качестве достоверной «информации», то результаты такого подхода всегда одинаковы: непонимание, в лучшем случае неосведомленность, апатия и, как правило, безразличие». Разрывая на кусочки информацию о важном, быть может, даже трагическом событии, удается резко снизить отрезвляющее воздействие сообщения или вообще лишить его смысла¹.

Хаотизация потока сообщений носит, в действительности, лишь видимый характер, отбор событий, о которых решают дать информацию, производится определенной социальной структурой, в которую входят руководящие деятели СМИ. А. Моль пишет: «Задача этой группы деятелей заключается в том, чтобы выделить из совокупности всего, что только есть *нового* (в самом широком смысле слова, то есть учитывая, что новизна может носить весьма относительный характер), небольшое число таких *элементов и фактов*, которые отвечали бы известным четко сформулированным критериям... Фактически средства массовой коммуникации сами и определяют «значительность» фактов... ведь именно они подают факты в таком свете, что в сознании миллионов людей весть о замужестве иранской принцессы предстает как не менее важное событие, чем последнее крупное открытие в области атомной энергии».

СМИ «конструируют» внешне хаотический поток сообщений таким образом, чтобы создать у читателя или зрителя нужный их владельцам (шире — господствующему классу) ложный образ реальности. Критерии отбора сообщений опираются на достаточно развитые теории и математический аппарат. Для каждого сообщения оценивается *уровень трудности и дистанция до индивидуума* (при этих расчетах в СМИ различают 4—5 *слоев глубины* психики

¹ Г. Шиллер пишет: «Полное безразличие, с которым реклама относится к любым политическим или социальным событиям, врываясь в передачи независимо от того, о чем идет речь, низводит любые социальные явления до уровня ничего не значащих происшествий». Мы испытали это, когда в 1992 г. после кадров, на которых были показаны привезенные в холодильнике приемы в Тирасполь обнаженные тела погибших от ракетного обстрела выпускников школы, была дана реклама шампуня «Видаль Сасун». Точно так же поступило телевидение после репортажа о взрыве на Каширском шоссе в Москве в 1999 г.

человека, на которые должны воздействовать сообщения). Из этих данных сообщению присваивается *ранг значимости*, исходя из которого формируется газета или программа новостей. Опытные редакторы, конечно, расчетов не ведут, они владеют этими методами интуитивно (но главное, они точно улавливают сигналы, идущие от «хозяев»).

Одним из условий успешной и как бы оправданной фрагментации проблем является *срочность*, немедленность информации, придание ей характера незамедлительности и неотложности сообщения. Это — один из самых главных принципов американских СМИ. Считается, что нагнетаемое ощущение срочности резко усиливает их манипулятивные возможности. Ежедневное, а то и ежечасное обновление информации лишает ее какой-либо постоянной структуры. Человек просто не имеет времени, чтобы осмыслить и понять сообщения, — они вытесняются другими, еще более новыми.

Г. Шиллер пишет: «Ложное чувство срочности, возникающее в силу упора на немедленность, создает ощущение необычайной важности предмета информации, которое так же быстро рассеивается. Соответственно ослабевает способность разграничивать информацию по степени важности. Быстро чередующиеся сообщения об авиационных катастрофах и наступлении национально-освободительных сил во Вьетнаме, растратах и забастовках, сильной жаре и т. д. мешают составлению оценок и суждений. При таком положении вещей умственный процесс сортирования, который в обычных условиях способствует осмыслению информации, не в состоянии выполнять эту функцию. Мозг превращается в решето, в которое ежечасно вываливается ворох иногда важных, но в основном пустых информационных сообщений... Полнейшая концентрация внимания на происходящих в данную минуту событиях разрушает необходимую связь с прошлым».

Погрузив человека в поток «всегда срочных» сообщений, СМИ разорвали «цепь времен», создали совершенно новый тип времени — время спектакля, — в котором человек лишен исторических координат (в этом смысле он перестает, например, быть христианином). Мы не раз говорили, насколько это важно для снятия психологических защит против манипуляции. Французский философ (из греков) К. Касториадис в интервью 1994 г. сказал, отвечая на вопрос о том, каким образом это «остановившееся время» способствовало устранению смысла из всего происходящего: «Сейчас существует воображаемое время, которое состоит в отрицании реального прошлого и реального будущего — время без действительной памяти и без действительного проекта. Телевидение создает мощный и очень символический образ этого времени: вчера сенсационной темой была Сомали, сегодня о Сомали вообще не

упоминают; если взорвется Россия, к чему, похоже, идет дело, то поговорят два дня о России, а потом забудут о ней. Сегодня ничему не придается действительно высокого смысла, это *вечное настоящее* представляет собой суп-пюре, в котором все растерто и доведено до одного и того же уровня важности и смысла».

Представление западными СМИ странной военной операции США в Сомали («Возвращение надежды») могло бы послужить прекрасной учебной задачей. К сожалению, ее, наверное, в России уже подзабыли. Я наблюдал ее по западному телевидению, и тогда это было еще в диковинку. Пока длилась операция, людей бомбардировали сенсационными и срочными репортажами с места событий — и *ни разу* не объяснили смысла всей этой затеи. При этом показ страшного зрелища сопровождался такими глумливыми и ерническими комментариями, что простой обыватель, еще не приученный к Новому мировому порядку, испытывал шок. Как-то раз морские пехотинцы США от скуки разрядили свое оружие против группы «партизан» в Могадишо, которые сидели в какой-то мазанке. Никто даже не выяснял, против какой группы, — какая разница. Диктор телевидения сказал с гордостью, что «огневое превосходство американских войск было подавляющим». На деле «партизаны» не осмелились произвести *ни одного* выстрела и тут же подняли белую тряпку — благородная акция с начала до конца давалась в прямом эфире и записывалась на пленку (позже сомалийцы стали камнями забивать телерепортеров, снимающих такие акции). И мы видим на экране, как гиганты из морской пехоты ведут плененных противников — нескольких дистрофиков, некоторые из них на костылях. И диктор добавляет с тонкой иронией: «Похоже, что сомалийцам не понравилась атака американских войск, ибо голодающие дети стали кидать камни в грузовики, везущие им гуманитарную помощь». И следующим кадром — дети-скелеты, из последних сил кидающие камешки в мощные грузовики «US Army», везущие им еду. Как только США перестали «возвращать надежду», исчезновение самого слова Сомали из газет и телеэкранов произошло в один день и было *абсолютным*. Никакие «партизаны» и никакой голод никого в западных СМИ не интересуют.

Пожалуй, еще более поучительным был поток информации из Никарагуа. Когда США начали большую войну против социал-демократического правительства сандинистов, Никарагуа стала одной из главных тем западной прессы. В 1990 г. народ маленькой страны изнемог и буквально со слезами на глазах на выборах отдал власть оппозиции, которой США обещали мир и помощь в 0,5 млрд. долларов. В этот период теме Никарагуа отводилась в газетах целая страница. Я следил по испанской прессе, и там это вообще была тема № 1 — общий язык, близкая культура, правящая партия Испании была тесно связана с сандинистами, Умберто Ортега и Фелипе

Гонсалес были друзьями и т. д. Сандинисты передали власть — и вдруг Никарагуа вообще исчезла со страниц прессы и с телеэкранов. Полностью! Как это может быть? Испанцам ведь интересно узнать, как там пошли дела, у многих родственники там. Никаких известий. Кое-что узнавали через иезуитов — там у них много миссионеров, кое-что от студентов, которые ездили передавать собранные для школ учебники и карандаши. В одной газете проскочил материал, написанный такими посланцами. Материал потрясает. Пришедшие к власти «демократы» приватизировали всю собственность, и она досталась нескольким семьям (раньше почти все принадлежало диктатору Сомосе и было национализировано). США, истратившие на войну 10 млрд. долларов, обещанной помощи не дали. В результате безработица в Никарагуа составила 80% активного населения! И произошло то, чего никто не мог ожидать, — ветераны гражданской войны, сандинисты и «контрас» объединились и с оружием в руках разъехались по кооперативам защищать их от приватизации. Народ живет на продаже кофе, что выращивают эти кооперативы (в одном из них и работали на уборке кофе испанские студенты, написавшие этот репортаж). Но это — не те события, что западные СМИ распространяют для широкой публики.

Сенсационность. Обеспечивать фрагментацию проблем и дробить информацию так, чтобы человек никогда не получал полного, завершающего знания, позволяет использование сенсаций. Это — сообщения о событиях, которым придается столь высокая важность и уникальность, что на них концентрируется и нужное время удерживается почти все внимание публики. Под прикрытием сенсации можно или умолчать о важных событиях, которых публика не должна заметить, или прекратить скандал или психоз, который уже пора прекратить, — но так, чтобы о нем не вспомнили.

Сенсационность — это технология. Выработаны критерии подбора тех событий, которые можно превратить в сенсацию. Это выражено в известном афоризме: «Если собака кусает человека, это не новость, если человек кусает собаку, это новость». Рекламодатели, в том числе политические, заинтересованы, как уже было сказано выше, в высокой *запоминаемости* их сигнала, хотя бы на подсознательном уровне. Поэтому они требуют от СМИ увязывать их рекламу с сообщением, которое врезалось бы в память. А. Моль пишет: «Понятно, что сообщение о рождении двухголового младенца в Чехословакии имеет много шансов сохраниться в памяти большинства читателей и читательниц. Конкретные причины этого могут быть разными, но почти все они будут непосредственно связаны с глубинными слоями психики, составляющими область психоаналитического исследования». Поэтому передачи насыщаются сенсациями.

Непрерывная бомбардировка сознания действующими на чувства сенсациями, особенно «плохими новостями» выполняет важную функцию поддержания необходимого уровня «нервозности» (о ней писал уже Марат). Эта нервозность, ощущение непрерывного кризиса, резко повышает внушаемость людей и снижает способность к критическому восприятию. Нарушение привычной, стабильной социальной обстановки всегда повышает *ситуативную внушаемость* (в отличие от общей внушаемости так называют особые состояния, возникающие под действием аномальных ситуаций). Это стало предметом изучения в Европе 20-х годов, когда незащитность против внушения наблюдалась не только у населения, терпящего социальное бедствие (как в Веймарской республике), но и в среде победителей¹.

Подготовка сенсации — кропотливая и дорогая работа, которую выполняют профессиональные специалисты. Замечательно то, что поданная в виде сенсации на телевидении информация, со всеми репортажами с места события, интервью в прямом эфире и т. д., как правило, принципиально искажает происшедшее событие. Это отмечается в специальной литературе по данной теме. Но это и не важно, важен эффект, ради которого запускается сенсация. При этом зритель очарован именно тем, что он наблюдает «неожиданное», неотобранный жизненный материал, так что между ним и реальностью нет никакого посредника. Эта иллюзия достоверности — сильное свойство телевидения.

Телевидение как особый вид СМИ заслуживает рассмотрения в отдельной главе.

Глава 13

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

§ 1. Свобода сообщений — цензура — манипуляция сознанием

Телевидение — особый вид СМИ, но и оно формировалось на Западе в условиях завоеванной всеми СМИ *свободы информации*. Вообще говоря, в самой социальной философии либерализма скрыт

¹ Часто приводится такой случай. Во время Версальской конференции один американский журналист сочинил «Декларацию» с требованием предоставить независимость Калифорнии. Она была написана высоким стилем политических заявлений, но содержала множество совершенно абсурдных мест (например, требование объявить нейтральной зоной реку Колумбия, поскольку в ней «жировал калифорнийский лосось, и для жителей Калифорнии было невыносимым сознавать, что эта чисто калифорнийская рыба проводила свои детские и отроческие годы под господством этнически чуждых людей»). Этот документ был принят всерьез и опубликован в европейской прессе.

запрет на свободу сообщений для телевидения. Однако нередко идеология вступает в противоречие с философией. В идеологии не-олиберализма заложено как постулат, что информация — *товар*, а движение товаров должно быть свободным. Аргументация проста: принципом рынка является свобода потребителя (покупателя товара) заключать или не заключать сделку о купле-продаже; свобода каждого потребителя ТВ гарантируется тем, что он в любой момент может нажать кнопку и перестать «потреблять» данное сообщение. Известный испанский специалист по философии права, автор книги «Свобода самовыражения в правовом государстве» М. Сааведра заявил на специальных слушаниях в Сенате, что для телевидения нет другого закона, кроме закона спроса и предложения: «Рынок — царь, и рынок подчиняет своему господству информацию, культуру, развлечения и даже достоинство личностей». Естественно, он подтвердил это ссылками на свободу и демократию: «Пультот переключения телепрограмм осуществляется право голоса». Эта аргументация ложна, вернее, лжива. Она опровергается в рамках буржуазного либерального права.

Первый довод сторонников общественного (в том числе государственного) контроля за СМИ сводится к тому, что «информационная продукция» выпускается сегодня на рынок крупными частными корпорациями (суперкомпаниями). Уже с начала 70-х годов такие фирмы входят в список 500 крупнейших компаний США. Кроме того, с тех пор произошло сращивание этих фирм с крупнейшими банками, которые стали главными держателями акций телевизионных компаний. Г. Шиллер объясняет эту новую ситуацию: «Конгломераты, которые господствуют в области производства и распространения информации — и вообще всех видов сообщений, — нельзя рассматривать, как это практикуется в Соединенных Штатах, как *индивидуумов*, на которых распространяются конституционные гарантии свободы слова и печати... Они являются прежде всего частными корпорациями, стремящимися к максимальной прибыли, чья продукция производится в соответствии с коммерческими требованиями». Таким образом, считается неправомерным применять категорию *гражданских* прав к коммерческой фирме, выпускающей товар для рынка. Эта фирма должна подвергаться такому же контролю, как любой другой коммерческий товаропроизводитель¹.

Вторая группа доводов связана с правами (свободами) потребителя. Принципом рынка, гарантирующим свободу воли каждого

¹ Нам, еще не проварившимся в котле «правового государства», эти рассуждения, возможно, покажутся схоластическими. Но в США это — проблема юридическая. Юристы отмечают, что свобода печати — право *личное*, а владельцы СМИ имеют лишь право собственности.

участника сделки, является возможность принятия рационального решения. Это значит, что потребитель должен иметь возможность надежно знать, к каким последствиям для него приведет потребление данного продукта. Поэтому, например, так строго контролируется обозначение на упаковке товаров всех ингредиентов, особенно тех, которые могут оказать побочное, нежелательное воздействие или являются источником опасности при неправильном употреблении. Отсутствие таких сведений рассматривается именно как нарушение свободы потребителя — и за достоверным их сообщением следит целая система государственной цензуры.

Очень жестко контролируется рынок тех продуктов, которые меняют поведение потребителя, делая его «зависимым» от продукта, — это лишает потребителя свободы, лишает его возможности принимать рациональные решения. К таким продуктам относится, например, алкоголь, рынок которого нигде (кроме, наверное, РФ) не является свободным. Крайним выражением этого свойства некоторых продуктов являются наркотики — они до сих пор почти повсеместно запрещены к продаже. Почему же? А как же свобода, «не хочешь — не нюхай»? Дело в том, что человек, начав нюхать, быстро становится *зависимым* от наркотика и утрачивает свободу. Значит, продажу этого продукта государство запрещает с помощью насилия, часто весьма грубого.

К какой же категории продуктов относится «товар» телевидения? Сегодня, после двадцати лет интенсивных и всесторонних исследований, это не вызывает никаких сомнений. Телепродукция — это «товар» сродни духовному наркотику. Человек современного городского общества *зависим* от телевидения. То есть гипнотизирующее воздействие таково, что человек частично утрачивает свободу воли и проводит у экрана гораздо больше времени, чем того требуют его потребности в информации и развлечении. Как показали замеры середины 80-х годов, средняя американская семья проводила у телевизора более 7 часов в сутки, и ради этого жертвуют многими занятиями и видами деятельности (чтение, посещение театров, спорт, встречи с друзьями и т. д.). К концу 90-х годов привязанность американцев, особенно детей, несколько снизилась, но остается очень высокой (дети США проводят у телевизора в среднем 21 час 38 мин. в неделю). Многолетние наблюдения за разными категориями телезрителей показывают, что очень большая часть их действительно «зависима» от экрана в буквальном смысле слова. В 1977 г. одна американская газета провела эксперимент: она предложила выбранным наугад 120 семьям по 500 долларов за то, чтобы они в течение месяца не смотрели телевизор. 93 семьи (78%) отвергли это предложение.

Как и в случае наркотиков, человек, потребляя современную, освобожденную от контроля этики телепрограмму, не может рационально оценить характер ее воздействия на его психику и поведение. Более того, поскольку он становится «зависимым» от телевидения и продолжает потреблять его продукцию даже в том случае, если отдает себе отчет в ее пагубном воздействии. Отсюда в рамках постулатов рыночной экономики и либерального общества следует, что продукция телевидения не может поставляться на рынок (в эфир) бесконтрольно. Государство обязано, защищая свободу потребителя, накладывать на этот рынок ограничения, попросту говоря, *цензуру*. Если оно этого не делает, то оно по какой-то причине становится соучастником одной стороны, что, по определению, является коррупцией. Обычно суть этой коррупции в том, что ТВ «платит» государству своей поддержкой с помощью доступной ему манипуляции общественным сознанием.

Подходя к проблеме с точки зрения интересов потребителя, Г. Шиллер усиливает приведенный выше тезис: «Можно ли рассматривать предприятия по производству образов, находящиеся под контролем банковского и промышленного капитала, как индивидуумов, обладающих неотъемлемыми правами? Конечно, нет. Более того, продукция культурно-коммуникационной индустрии нуждается в еще большем общественном контроле и проверке, чем обычные потребительские товары... И горе тому обществу, чья социальная политика не учитывает это важнейшее обстоятельство.

В целом за последние полвека преобладал процесс освобождения СМИ от контроля («свобода подавляла ответственность»). Сегодня показалось бы немислимым заявление, сделанное в 1948 г. директором Комиссии по свободе печати США Р. Леем: «Концепция ответственности, доведенная до логического завершения, подразумевает выделение явно вредной категории безответственных массовых коммуникаций, которая не должна находиться под защитой самой свободы»¹.

§ 2. Пещерные люди XX века

Самую сильную метафору, объясняющую роль ТВ в наше время, время *видеократии*, создал в IV веке до н. э. Платон. В седьмой книге своего труда «Республика» он изложил удивительно поэтическую и богатую аллегорией. Вот она, в кратком и бедном изложении.

В пещере, куда не проникает свет, находятся прикованные цепями люди. Они в этом плену давно, с детства. За спиной у них, на

¹ Ниже, говоря уже о российских делах, я скажу об изменениях в законодательстве Западной Европы, направленных на ограничение свободы телевидения.

возвышении, горит огонь. Между ними и огнем — каменная стена, на которой, как в кукольном театре, шарлатаны двигают сделанные из дерева и камня фигурки людей, зверей, вещей. Двигают и говорят текст, и их слова эхом, в искаженном виде разносятся по пещере. Прикованные так, что могут смотреть только вперед перед собой, пленники видят огромные тени от фигурок на стене пещеры. Они уже забыли, как выглядит мир, свет на воле, и уверены, что эти тени на стене, это эхо и есть настоящий мир вещей и людей. Они живут в этом мире.

И вот один из них ухитряется освободиться от цепей и карабкается наверх, к выходу. Дневной свет ослепляет его, причиняет ему тяжелые страдания. Затем мало-помалу он осваивается и с удивлением всматривается в реальный мир, в звезды и солнце. Стремясь помочь товарищам, рассказать им об этом мире, он спускается обратно в пещеру.

Далее Платон рассуждает о том, как может произойти их встреча.

Пробравшись к товарищам, беглец хочет рассказать им о мире, но в темноте он теперь ничего не видит, еле различает мелькающие на стене тени. Вот, рассуждают пленники, этот безумец покинул пещеру и ослеп, потерял рассудок. И когда он начинает убеждать их освободиться от цепей и подняться на свет, они убивают его как опасного помешанного.

Если же, освоившись в темноте, он рассказывает им о том, как выглядит реальный мир, они слушают его с удивлением и не верят, ибо его мир совершенно не похож на то, что они много лет видят своими глазами и слышат своими ушами. Если же, в лучшем случае, они следуют за ним к выходу, ушибаясь о камни, то клянут его, а взглянув на солнце, стремятся назад, к привычным и понятным теням, которые им кажутся несравненно более реальными, чем мир наверху, который они не могут разглядеть при режущем глаза свете.

Платона мучило это свойство человеческой природы — предпочитать яркому свету истины и сложности реального мира фантастический мир театра теней. Но никогда его аллегория не сбывалась с такой точностью, как сегодня. ТВ создает для человека такой театр хорошо сделанных теней, что по сравнению с ним реальный мир кажется как раз серой тенью, причем гораздо менее истинной, чем образы на экране. И человек, с детства прикованный к телевизору, уже не хочет выходить в мир, полностью верит именно шарлатанам, которые манипулируют фигурками и кнопками, и готов убить товарища, убеждающего его выйти на свет. Как сказал устами героя фильма «Механический апельсин» режиссер Стэнли Ку-

брик, сегодня «краски реального мира человек признает реальными только после того, как увидит их на экране»¹.

В 1996 г. в Риме вышла книга «Молодежь-людоед. Антология экстремального ужаса», которая привлекла интерес культурологов. Это рассказы 10 молодых писателей (от 23 до 35 лет). С целью преодолеть скуку современного западного города, они создают новый тип литературы ужасов с описанием изощренных пыток и убийств. Что же привлекло внимание специалистов (они говорят о «культурной мутации»)? Тот факт, что это новое поколение писателей принципиально описывает лишь мир, воспринятый через экран телевизора, а не через личный опыт или чтение. Виртуальная реальность телевидения как источник художественного воображения — имитация имитации! В этой литературе возникает и новый язык, за основу которого берется калейдоскоп образов телевизионной рекламы, информационных выпусков и клипов. Таким образом, телевидение как механизм отчуждения человека от жизни создает свою «вторую производную».

Телевидение — это и особая технология, и особый социальный институт, чуть ли не особое сословие. Характер его воздействия на зрителя определяется этим целым, а не особенностью техники. Если следовать духу и букве демократии, даже западной (а это вовсе не единственный ее вид), никто — ни шарлатан, ни гений — не имеет права держать людей прикованными в пещере. Платон не уточняет, что за цепи были на людях, из какого материала. Из железа? А может быть, цепи наркотического воздействия пляшущих на стене теней? Если бы выяснилось, что ТВ каким-то образом подавляет свободу воли зрителя, приковывая его к экрану, необходимость общественного контроля над ТВ прямо вытекала бы из самой формулы демократии — точно так же, как вытекает необходимость государственного контроля (цензуры) за торговлей наркотиками.

Сегодня, как говорилось, зависимость людей от телевидения стала всеобщей. У некоторых категорий (особенно у детей и подростков) эта зависимость развивается настолько, что наносит существенный ущерб даже физическому здоровью. Сначала врачи и педагоги, а теперь уже и политики рекомендуют родителям за две-

¹ Этот фильм 1976 г. был запрещен к показу в демократической Великобритании — исключительно по идейным соображениям. Это западный вариант «Преступления и наказания», но без той надежды, которую давал Достоевский. В фильме показано общество, в котором нет ни покаяния, ни искупления, ни прощения. Страшное обвинение, приговор и преступникам, и жертвам, и всему способу их жизни. Хулиган, осужденный за убийство, не проходит через страдание тюрьмы, а «исправляется» с помощью науки: ему дают психотропные средства и заставляют смотреть фильмы насилия, чтобы создать против него устойчивые условные рефлексы. И только «через экран» до него доходит смысл крови, которой он просто не замечал в своей реальной жизни.

рями своих домов забывать о демократии и действовать авторитарно, заботясь прежде всего о благе детей. Можем считать, что наличие создаваемых ТВ цепей, пусть невидимых, является установленным фактом, и тезис о свободе ТВ от общественного контроля вытекает не из требований демократии, а из интереса некоторых социальных групп и является сугубо антидемократическим. Тем более что этот интерес тщательно скрывается, следовательно, он противоречит интересам большинства. Мы пока не говорим о том, какое содержание вкладывает в свой театр теней контролирующая ТВ группа, какие доктрины вбивает она в головы прикованных цепями пленников. Проблема как раз в том, что вредоносны эти цепи сами по себе. Возникает заколдованный круг: наркотизирует, приковывает человека как раз то ТВ, которое хочется смотреть и смотреть, — ТВ «высокого класса». Это как иностранная пища, насыщенная вкусовыми добавками: ее хочется жевать, но ты всем нутром чувствуешь, что это ядовитая дрянь. «Скучное» ТВ (каким и было оно в советское время) тем и хорошо, что человек потребляет его не больше, чем ему действительно надо для получения информации, знаний или развлечения.

Президент Американского общества газетных редакторов Лорен Гилюне, выступая в 1993 г., сказал: «Репортажи новостей по телевидению всегда порождали сомнение, реально ли то, что в них представлено. Природа визуальных средств информации — развлекать, драматизировать, создавать сны наяву для массового зрителя — влияет на содержание информации. Мир фантазии смешивается с миром факта. Для многих людей то, что появляется на экране телевизора, становится реальностью»¹.

Почему Гилюне заговорил об этом в своей речи «Журналист завтрашнего дня»? Потому, что создание фиктивной реальности прямо связано с манипуляцией сознанием. Вот его гуманистический вывод: «Настоящие журналисты должны будут противиться давлению манипуляторов, диктаторов, «изобретателей», стремящихся размыть границу между действительностью и фантазией».

§ 3. Телевидение как технология разрушения сознания

Выше говорилось об учении Антонио Грамши, создавшего новую теорию революции. Он учил, что надо действовать не в лоб, не штурмуя базис общества, а через надстройку — силами интеллигентов, совершая «молекулярную агрессию» в сознание и разрушая

¹ В 1970 г. в журнале «Нью-Йоркер» появилась карикатура, на которой отец, меняя колесо на семейном автомобиле, объясняет своим двум детям: «Как вы не понимаете? Это жизнь, это то, что действительно происходит. Мы не можем переключиться на другой канал».

«культурное ядро» общества. Собыешь людей с толку, подорвешь культурные устои — бери всех тепленькими, перераспределяй ответственность и власть как хочешь. Важным условием успешной манипуляции, как уже говорилось, является разрушение психологической защиты человека, тех устоев, на которых держится его способность к критическому восприятию информации.

В революции «по Грамши» телевидение стало главным оружием, посильнее тачанки Чапаева. Больше того, теория Грамши положена в основу современной рекламы. Ведь, в принципе, задачи схожи — убедить человека купить абсолютно ненужную вещь или выбрать в парламент Хакамаду. А сегодня оказалось, что соединение этих двух типов рекламы умножает силу «молекулярной агрессии». Так небольшая профессиональная группа — творческие работники телевидения превращаются в организацию, в особую спецслужбу, ведущую войну против сознания и мышления всей массы своих соотечественников.

Надо признать, что Запад сделал большой скачок в интеллектуальной технологии манипуляции. Не важно, что в целом мышление «среднего человека» там осталось механистическим, негибким — кому надо, эти новые технологии освоил. Специалисты и эксперты, советующие политикам, освоили новые научные представления, на которых основана «философия нестабильности». Они научились быстро анализировать состояния неопределенности, перехода стабильно действующих структур в хаос и возникновения нового порядка. Историки отмечают как важный фактор «гибридизацию» интеллектуальной элиты США, вторжение в нее большого числа еврейских интеллигентов с несвойственной англосаксам гибкостью и парадоксальностью мышления.

Политэкономический смысл тех «цепей», что привязывают к телеэкрану пещерных людей XX века, в рыночном обществе лежит на поверхности. Говорят, что сейчас главным является *рынок образов*, даже такой товар, как автомобиль, сегодня есть прежде всего не средство передвижения, а образ, который представляет его владельца. Рынок образов диктует свои законы, и их продавец (телекомпания) стремится приковать внимание зрителя к своему каналу. Если это удастся, он берет плату с остальных продавцов, которые рекламируют свои образы через его канал. На Западе реклама дает 75% дохода газет и 100% доходов телевидения (в США реклама занимает около 1/4 эфирного времени). Даже немногие оставшиеся государственными каналы в большой степени финансируются за счет рекламы (во Франции два государственных канала зависят от рекламы на 66%; наиболее независимо телевидение ФРГ). В конце 80-х годов на американском телевидении плата за передачу 30-секундного рекламного ролика во время вечернего сериала

составляла в среднем 67 тыс. долларов, а во время популярных спортивных состязаний — 345 тыс. долларов. В 2000 г. показ 30-секундного ролика во время финального матча чемпионата США по американскому футболу будет стоить 1,5 млн. долларов¹.

Соединение телевидения с рекламой придает ему совершенно новое качество. В рекламе «молекулярная» потребность предпринимателя в продвижении своего товара на рынке в условиях конкуренции соединяется с общественной потребностью буржуазии в консолидации общества (обеспечении своей культурной гегемонии). Именно этот кооперативный эффект сочетания потребностей вызвал взрывное развитие рекламы как особой культуры и индустрии². Мы не будем углубляться в сложную и далеко еще не выясненную природу рекламы и отметим лишь интересующую нас сторону. В современном буржуазном обществе в целом идеологическая роль рекламы намного важнее, чем информационная. Реклама создает виртуальный мир, построенный по «проекту заказчика», с гарантированной культурной гегемонией буржуазных ценностей. Это — наркотизирующий воображаемый мир, и мышление погруженного в него человека становится *аутистическим*. В общем такие люди образуют *общество спектакля* в чистом виде — они знают, что живут среди вымышленных образов, но подчиняются его законам.

В США в течение 10 лет (начиная с 1986 г.) велось организованное Фондом Карнеги большое исследование подростков в возрасте с 10 до 14 лет. Доклад, опубликованный в октябре 1995 г., впечатляет во многих отношениях, на здесь нас интересует один вывод: «Телевидение не использует своих возможностей в воспитании и дает пищу самым отрицательным моделям социального поведения... Пассивное созерцание рекламы может ограничить критическое мышление подростков и стимулировать агрессивное поведение».

Это действие рекламы, как уже говорилось, резко усиливается, когда она увязывается с, казалось бы, достоверными объективны-

¹ Сам ролик, который будет показан, — шедевр манипуляции. Будет изображено чудо — популярный актер, который уже несколько лет как парализован после падения с лошади, встанет на ноги и пойдет. При помощи компьютерной техники его голова будет «приставлена» к телу дублера. Инвестиционная компания, заказавшая рекламу, надеется потрясти зрителей и выгодно продать свои акции.

² Сам по себе основанный на конкуренции ранний капитализм вовсе не был с необходимостью связан с рекламой. Напротив, как замечает М. Вебер в исследовании протестантской этики, конкуренция в «экономике спроса и предположения» должна была быть основана лишь на добротном качестве товара, а не на умении соблазнить покупателя. Поэтому торговцам строго запрещалось устраивать витрины красивее, чем у конкурентов. Реклама стала экономически необходимой при возникновении общества потребления и «экономики предположения», когда товар было нельзя продать, не создав искусственно потребность.

ми сообщениями информационных выпусков. Возникает синергизм двух типов сообщений, и сознание людей расщепляется. Воображаемые образы рекламы по контрасту убеждают зрителя в правдоподобности известий, а теперь уже «заведомо истинные» известия усиливают очаровывающий эффект рекламы: бесстрастный репортаж создает инерцию «доверия», которое распространяется на идущую вслед за ним рекламу, а реклама, возбуждающая эмоции, готовит почву для восприятия идей, заложенных в «бесстрастном» репортаже. Поэтому увязка рекламы и последних известий на телевидении — вопрос большой политики. С другой стороны, реклама, разрывающая ткань целостного художественного произведения (например, кинофильма), резко снижает его благотворное воздействие на сознание человека. В начале 90-х годов в Италии коммунисты добились запрещения прерывать рекламой кинофильмы категории «высокохудожественные». Принятие закона сопровождалось тяжелым правительственным кризисом, это было одно из самых острых за последние годы политических столкновений. Удаление рекламы с экрана всего на полтора часа — вопрос принципиальной важности, существенно изменивший положение в обществе. Уже этого времени в сочетании с оздоровляющим воздействием неразрушенного фильма достаточно для починки сознания.

Реклама влияет на всю культурную политику телевидения. Часто указывают на тот очевидный факт, что телевидение в своей «охоте за зрителем» злоупотребляет показом необычных, сенсационных событий. Конечно, уже этим телевидение искажает образ реальности. Однако важнее другое: самый легкий способ привлечь зрителя, а значит, и рекламодателя, — обратиться к скрытым, подавленным, нездоровым инстинктам и желаниям, которые гнездятся в подсознании. Если эти желания гнездятся слишком глубоко, зрителя надо *развернуть*, искусственно обострить нездоровый интерес. Один западный телепродюсер сказал об этом откровенно: рынок заставляет меня искать и показывать *мерзкие* сенсации; какой мне смысл показывать священника, который учит людей добру, — это банально; а вот если где-то священник изнасиловал малолетнюю девочку, а еще лучше мальчика, а еще лучше старушку, то это вызовет интерес, и я ищу такие сенсации по всему свету. А свет велик, и такого материала для ТВ хватает.

Особо выгодным товаром оказываются для ТВ именно образы, запрещенные для созерцания культурными запретами. Перечень таких образов все время расширяется, и они становятся все более разрушительными. Простая порнография и насилие уже приелись, поиском оставшихся в культуре табу и художественных образов, которые бы их нарушали, занята огромная масса талантливых лю-

дей. Вот недавно телесериал «Бруксайд», отснятый коммерческим четвертым каналом британского ТВ, получил «замечание» Совета по контролю качества телепрограмм (есть такой в демократической Англии). Ради привлечения зрителя режиссер «без всякой необходимости» показал сцену инцеста — полового акта брата и сестры. Дело усугублялось еще и тем, что для этого были приглашены очень привлекательные актеры, играющие обычно положительных героев (Джон Сэндфорд и Элен Грейс). Как же оправдывался режиссер? Мы, сказал он, включили сюжет с инцестом, потому что это позволяет «атаковать последнее табу». Лучше не скажешь.

Таким образом, уже рынок, независимо от личных качеств телепредпринимателей, заставляет их развращать человека. Если это совпадает и с политическими интересами данной социальной группы, то ТВ становится мощной разрушительной силой. Что же мы знаем о разрушении культурных устоев с помощью ТВ? Прежде всего, ТВ интенсивно применяет показ того, что люди видеть не должны, что им запрещено видеть глубинными, неосознанными запретами. Когда человеку это показывают (а запретный плод сладок), он приходит в возбуждение, с мобилизацией всего низменного, что есть в душе. Набор таких объектов велик, обычно упирают на порнографию. Но упомянем таинство смерти. Смерть — важнейшее событие в жизни человека и должна быть скрыта от глаз посторонних. Культура вырабатывает сложный ритуал показа покойного людям. Одно из главных обвинений ТВ — срывание покровов со смерти. Это сразу пробивает брешь в духовной защите человека, и через эту брешь можно внедрить самые разные установки.

На частом показе смерти настаивают рекламодатели. Специалисты по рекламе, следующие принципам школы фрейдизма, считают, что зрелище смерти, удовлетворяющее «комплексу Танатоса», сильнее всего возбуждает внимание и интерес зрителей. А. Моль отмечает, что это мнение очень распространено среди редакторов прессы и телевидения: «Смерть» является несомненной ценностью, так как человек с удовольствием узнает, что кто-то умер, в то время как он сам продолжает жить»¹.

В то же время люди чувствуют, что манипуляция образом смерти разрушает культуру. Поэтому здесь — область важного, хотя часто скрытого общественного конфликта. Верх берет то од-

¹ Средняя парижская газета («Комба») в среднем помещает 87 сообщений о смерти в день. Редакторы пользуются количественными методами подсчета «ценности» сообщения о смерти. Так, «высокопоставленный чиновник» обладает ценностью, равной 0,5 от ценности смерти; загадочное убийство без видимых причин равно по ценности 2 смертям. Значит, загадочное убийство высокопоставленного чиновника имеет ранг 4,5. Если же это затрагивает национальное чувство, ценность резко повышается.

на, то другая сторона. Знаменитый фотограф Запада, который выставил высокохудожественные снимки смертной агонии своего отца, негласно изгнан из общества. Недавно застрелился французский фотограф, автор лучшего снимка десятилетия: маленькая девочка в Сомали бредет к пункту питания, а в двух шагах за ней вприпрыжку гриф — дожидается, когда она упадет. Во Франции фотографа спросили, отнес ли он девочку. Нет, сказал фотограф, я только гонец, приносящий вам вести. Его французы, по сути, казнили¹.

Вообще, Сомали стала важнейшим полигоном для ТВ эпохи постмодерна. Оно неявно, но эффективно внедряло в сознание западного обывателя мысль, что африканские племена хоть и напоминают людей, но, вы же сами видите, это низший, беспомощный подвид. ТВ периодически (видимо, с оптимально вычисленной частотой) показывало сомалийских детей в нечеловеческих условиях, с разрушенным нехваткой белка организмом, умирающих и иногда умерших от голода. Рядом, как стандарт человека, показывался розовощекий морской пехотинец или очаровательная девушка из ООН, с лицом активистки «Общества защиты животных». И ни один гуманист не ворвался на ТВ с криком, что это преступление — показывать такие образы, а потом рекламу шампуня (а иногда эти образы даже составляли часть рекламы). По литературе можно судить, какова квалификация психологов и экспертов ТВ, и приходится отбросить предположение, что они не понимали, что творят: приучая своих зрителей к образу умирающих африканцев, они вовсе не делают белого человека более солидарным. Напротив, в подсознании (что важнее дешевых слов) происходит легитимация социал-дарвинистского представления об африканцах как низшем подвиде. Надо заботиться о них (как о птицах, попавших в нефтяное пятно), посылать им немного сухого молока. Но думать об этике? По отношению к этим тощим детям, которые глупо улыбаются перед тем как умереть? Что за странная идея. Сама постановка вопроса приводит среднего интеллигента в недоумение.

Но представим, что умирает ребенок у европейца. И врываются, отталкивая отца, деловые юноши с телевидения, со своими камерами и лампами, жуя резинку. Записывают зрелище агонии. А назавтра где-нибудь в баре какой-то толстяк будет комментировать перед телевизором, прихлебывая пиво: «Гляди, гляди, как откидывает копыта, постреленок! Как у него трясутся ручонки!» Как-то на Западе, участвуя в дебатах о ТВ, я предложил этот «мыслен-

¹ Кстати, мы могли бы спросить репортеров НТВ, которые в течение недели снимали и показывали нам неубранные тела двух погибших солдат нашей страны: почему вы не отложили на час свои камеры и не похоронили этих солдат хотя бы здесь же, в сквере? Нормальные люди в такой момент копают могилу хоть руками.

ный эксперимент». Всех передернуло. Но ведь ваше ТВ, сказал я, это делает регулярно по отношению к африканцам — и вы не видите в этом ничего плохого.

В самих США ТВ буквально гоняется за любой возможностью показать «смерть в прямом эфире». Вот сообщение: судья Балтимора дал разрешение на видеозапись казни в газовой камере осужденного Джона Таноса. Крупная система платного телевидения считает, что трансляция казни в прямом эфире станет передачей века и принесет прибыль в 600 млн. долл. Потом был суд над звездой футбола О. Симпсоном — он обвинялся в зверском убийстве жены и ее приятеля. Процесс, на который истрачено 3 млн. долл., стал национальным шоу. Судья разрешил телетрансляцию, хотя получил 15 тыс. писем протеста. Ожидался невероятный спрос на открытку с фотографией казни. Адвокатам не давали проходу на улицах и в магазинах — просили автографы. А 1 мая 1998 г. на всей территории США была прервана детская передача, чтобы показать в прямом эфире самоубийство на улице Лос-Анджелеса человека, который узнал, что болен СПИДом. Это был великолепный спектакль: сначала он поджег свою машину, в которой запер собаку, потом вылез оттуда в горящих брюках с ружьем, потом выстрелил себе в голову, залив кровью всю улицу. Все это снимали с вертолетов. По всей стране дети вынуждены были смотреть эту сцену, что вызвало протесты родителей. Телевизионные компании, надо отдать им должное, принесли родителям извинения.

Не вполне объяснена цель, но надежно установлен факт: ТВ западного общества формирует «культуру насилия», делает преступное насилие приемлемым и даже оправданным типом жизни для значительной части населения. ТВ резко преувеличивает роль насилия в жизни, посвящая ему большое время; ТВ представляет насилие как эффективное средство решения жизненных проблем; ТВ создает мифический образ насильника как положительного героя. Эксперты ТВ говорят, что, показывая «спектакль» насилия, они якобы отвлекают от насилия реального: когда человек возвращается в жизнь, она оказывается даже лучше, чем на экране. Мол, «создается культура насилия, которая заменяет реальность насилия» (это так называемая *гипотеза катарсиса*). Психологи же утверждают, что культура насилия не заменяет, а узаконивает реальность насилия. Более того, в жизни акты насилия изолированы, а ТВ создает насилие как систему, что оказывает на психику гораздо большее воздействие, чем реальность. Психолог Э. Фромм считает, что показ насилия ТВ — попытка компенсировать страшную скуку, овладевшую лишенным естественных человеческих связей индивидуумом. Он «испытывает пассивную тягу к изображению преступлений, катастроф, кровавым и жестоким сценам — этому

хлебу насущному, которым ежедневно кормят публику пресса и телевидение. Люди жадно поглощают эти образы, ибо это самый быстрый способ вызвать возбуждение и тем облегчить скуку без внутреннего усилия. Но всего лишь малый шаг отделяет пассивное наслаждение насилием от активного возбуждения посредством садистских и разрушительных действий». ТВ становится «генератором» насилия, которое выходит из экрана в жизнь. Во всяком случае, для части населения это надежно подтверждено.

Уже ясны многие истоки этого нигилизма и тоски — платы за лишение мира его святости и благодати. Важная причина — духовная пища, те образы, которые человек получает через ТВ. Человек жадно глотает их, чтобы защититься от тоски, но ТВ создало такой тип образов, которые легко потребляются, но из которых выхождена суть, это огромный поток штампов. Они обладают гипнотическим действием и формируют суррогат мнения, но подавляют всякую творческую, духовную активность человека. Это — вывод специалистов, и доказывается он сложными и тонкими наблюдениями.

В результате, как и в случае наркотиков, человек должен потреблять все большее количество и все более сильных и грубых образов — пока он не будет разрушен как личность или не перейдет к другому способу отвлечения. Десять лет назад средний класс США нашел такое развлечение — обмен женами на уик-энд. Но сегодня это уже пресно. И возник новый бизнес под жаргонным названием *snuff* (что-то вроде «понюхать»). Людей похищают, чтобы затем пытаться их до смерти в подпольных студиях, где на хорошей аппаратуре записывают видеофильм: пытку, агонию, смерть. Эти кассеты идут по очень высокой цене, и бизнес цветет¹. В Англии, по сведениям Скотланд-Ярда, распространением видеофильмов только о пытках детей заняты около 4 тыс. продавцов. Но это — совершенно логичный этап той спирали «фиктивного» насилия, которую развернуло ТВ.

Буржуазное общество сотворило нового человека и совершило богоборческое дело — сотворило новый язык. Язык рациональный, порвавший связь с традицией и множеством глубинных смыслов, которые за века выросли на слова. Сегодня телевидение, как легендарный Голем, вышло из-под контроля (эта аллегория тем более поразительна, что в иудейской легенде рабби Лев оживил Голема, написав у него на лбу слово «Эметх» («Истина»). То же самое слово буквально написано на лбу у телевидения). Оружие, которым укрепилось западное общество и которым оно разрушает сво-

¹ По российскому телевидению прошел испанский фильм «Диссертация» на эту тему молодого режиссера А. Аменабара.

их соперников, разрушает и «хозяйна». Запад втягивается в то, что философы уже окрестили как «молекулярная гражданская война» — множественное и внешне бессмысленное насилие на всех уровнях, от семьи и школы до верхушки государства. Справиться с ним невозможно, потому что оно «молекулярное», оно не организовано никакой партией и не преследует никаких определенных целей. Даже невозможно успокоить его, удовлетворив какие-то требования. Их никто прямо и не выдвигает, и они столь противоречивы, что нельзя найти никакой «золотой середины». Насилие и разрушение становятся самоцелью — это болезнь всего общества.

§ 4. Телевидение и создание реальности

В США проведено большое число исследований того, как телевидение влияет на человека. Ответ уже не вызывает сомнений: ТВ никакой не «гонимый, приносящий вести», как плакался Е. Киселев. ТВ активно формирует «вести» — создает *фиктивную реальность*. Как выразился известный в свое время американский продюсер политических программ телевидения Д. Хьюитт, «я не люблю излагать новость — я люблю делать ее»¹. Более того, само присутствие глаза ТВ при событиях активно влияет на них — формирует *реальную реальность*.

Поговорим сначала о создании фиктивной реальности — того искаженного образа действительности, о котором говорил еще Платон. Поскольку человек действует в соответствии со своим восприятием реальности (то есть ее *образом*), то телевидение, способное этот образ создать, становится средством программирования поведения человека.

Очень большой материал дал опыт телерепортажей о судебных процессах. В США создан канал ТВ, который передает только из зала суда. Он стал исключительно популярен. Не будем отвлекать внимание спорами о судах-сенсациях, разжигающих грубые страсти (вроде суда над женой, которая в отместку отрезала обидевшему ее мужу детородный орган). Вспомним суд над звездой футбола кумиром США О. Симпсоном. Этот суд всколыхнул страну, а потом ее расколол по расовому признаку: большинство негров считали, что Симпсон не виновен в убийстве белой жены и ее друга, а белые считали, что виновен.

Вот выводы ученых о том, какую роль сыграло ТВ как важнейший сегодня инструмент информации и культурного воздействия на человека. Первый и поистине поразительный вывод: ТВ облада-

¹ Вот другое подобное изречение: «Речь идет не о том, чтобы «вещать истину», а о том, чтобы «творить истину».

ет свойством *устранять из событий правду*. Именно глаз телекамеры, передающий событие с максимальной правдоподобностью, превращает его в «псевдособытие», в спектакль. Кассеты с записью суда даже не могут считаться документом истории — они искажают реальность. Объектив камеры действует таким образом, что меняет акценты и «вес» событий и стирает границу между истиной и вымыслом. Этот эффект еще не вполне объяснен, но он подтвержден крупным и дорогим экспериментом Би-Би-Си.

И вот общий вывод о различии двух зрелищных искусств: театра и ТВ. Драма на сцене, независимо от числа трупов в финале, производит эмоциональное очищение зрителя — катарсис, который его освобождает от темных импульсов и желаний. Телесуды (и над Симпсоном, и другие) не только не производят катарсиса, но, напротив, оставляют «липкий осадок злобы, подозрений, цинизма и раскола». Анализ показал, что ТВ именно «конструирует реальность» — все участники суда над Симпсоном «работали на объектив». То впечатление, которое спектакль оказывал на страну, бумерангом действовало и на суд. Даже судья, когда делал заявление, поворачивался лицом к телекамере. Присутствие ТВ оказывает такое воздействие, что экс-премьер и сенатор Италии Андреотти согласился предстать перед судом, если процесс будет передаваться в прямом эфире. Он уже знал об эффекте камеры. Прецедент был в 1986 г. в Нанте (Франция), где обвиняемые, тайно получив оружие, захватили заложниками весь суд, но не стали скрываться, а поставили условием пригласить на процесс ТВ. И автоматически превратились из преступников в героев захватывающего телесериала.

Видный юрист пишет, что объектив телекамеры, дающий крупным планом лицо обвиняемого, прокурора, судьи, служит как бы протезом глаза телезрителя, который приближает его на запретное расстояние и создает мерзкое ощущение мести. Эта способность ТВ не имеет никакого отношения к демократическому праву на информацию, это — право глядеть в «замочную скважину». По определению этого юриста, присутствие телекамеры в зале суда создает особый жанр порнографии, и телесуд не может не быть неприличным спектаклем. Зал суда с телекамерой — это особый сценарий, действующий по своим законам и фабрикующий свою «правду».

Если телевидение не отражает, а *создает* реальность, значит, его никак нельзя сравнивать с безобидным зеркалом, на которое неча пенять. ТВ деформирует нас самих. Пресса полна сообщений о прямом воздействии ТВ на реальные события, на «создание» человеческих трагедий. Особенно в этом отличились передачи ново-

го жанра — задушевных откровенных разговоров (*talk show*). Ради сенсации ведущие с ТВ лезут к людям в душу, вытягивают перед телекамерой скрытые грехи, семейные тайны, похороненные в глубине памяти гадости — а после этого у жертв наступает и раскаяние и злоба, случаются даже убийства.

Целая серия (более 70) исследований в США показала, что все большее число людей, особенно детей и подростков, оказываются неспособны различить спектакль и реальную жизнь. Это — эмоционально неустойчивые дети, продукт городского стресса и нездорового досуга. В США 1,5 млн. школьников — «пограничные» дети, которые не могут сосредоточиться на объяснении учителя. Так вот эти дети отвечают на сигналы ТВ, как лунатики. ТВ прямо ведет их к насилию, к которому они вовсе не предрасположены ни душевно, ни социально. Но и вполне нормальные дети и подростки не могут устоять против программирующего действия телевидения. Не будем говорить о статистике и крупных социально-психологических исследованиях воздействия телевидения на психику и поведение людей. Давайте глянем всего на несколько газетных сообщений. Примеры диких выходов даются в газетах ежедневно, и речь идет именно о массовом явлении.

Барселона. Трое подростков, посмотрев ТВ, воспроизвели восхитивший их трюк. Поздно вечером они натянули через улицу пластиковую ленту и наблюдали, как она перерезала горло мотоциклисту. Он умер на месте.

Лондон. Два шестилетних мальчугана полностью разрушили дом своих соседей, чтобы повторить телепередачу и получить премию. В детской передаче показан построенный в телестудии дом, который требуется разрушить самым оригинальным способом. Дети-победители получают ценные призы.

Осло. Группа 5—6-летних детей на лужайке недалеко от дома забила насмерть одну из подружек. Она в игре представляла ту черепашку-ниндзя, которую в последней передаче все били.

Валенсия. 20-летний юноша, переодевшись черепашкой-ниндзя, ворвался в соседний дом и зарезал супружескую пару и их дочь.

Нью-Йорк. Малолетние приятели, посмотрев вместе средний боевик, наказали такого же малолетнего сына хозяев квартиры за то, что он отказался стащить для них конфеты из шкафа. Они подержали его за руки за окном 12-го этажа, требуя уступить. Поскольку он не отвечал (наверное, был уже в шоке), они разжали руки. Его маленький брат прыгал и плакал рядом, но помочь ничем не мог.

Таких сообщений поступает все больше и больше. И во всех случаях идет речь о совершенно нормальных детях из среднего класса. Они просто уже живут в «обществе спектакля» и не могут

отличить жизни от того, что видят на телеэкране. Они — жертвы свободы сообщений¹. При этом надо подчеркнуть, что самый сильный удар «телевизионное насилие» наносит по детям. В середине 70-х годов на американском телевидении сцены насилия показывались со средней интенсивностью 8 эпизодов в час. Но это именно в среднем, а самая высокая частота показа таких сцен обнаружена в детских мультфильмах. Кстати, о «демократичности» рынка телевидения: опросы Института Гэллапа в середине 70-х годов показали, что 2/3 американцев выступали против «телевизионного насилия», но они были бессильны преодолеть интересы фирм, производящих телевизоры, и рекламодателей.

Разумеется, не только дети поддаются прямому воздействию телевидения на поведение. В одном исследовании начала 80-х годов в США 63% осужденных заявили, что совершили преступление, подражая телевизионным героям, а 22% переняли из передачи телевидения «технику преступления». Однако дети и подростки оказались наименее защищенными против воздействия телевидения группами. Социальному «заражению» под действием телеэкрана дети начинают подвергаться уже с дошкольного возраста. Это им посвящены большие исследования психологов Стэнфордского университета под руководством А. Бандуры, которые положили начало целой научной области.

А. Бандура сначала изучал «заражение» при наблюдении сцен насилия и в обыденной жизни — в присутствии ребенка кто-то (взрослый или другой ребенок) ведет себя крайне агрессивно — бьет кукол, калечит искусственных животных и т. д. Как пишет другой известный психолог, профессор Корнелльского университета У. Бронфенбреннер, после наблюдения таких сцен «без всякого к тому побуждения абсолютно нормальные, хорошо адаптированные дошкольники начинают вести себя агрессивно. Причем они не только проделывают все, что увидели, но и дополняют «комплекс активности» собственной фантазией»².

¹ Пожалуй, самое страшное — это то, что когда недавно в Лондоне судили очередную группу таких малолетних убийц-жертв, толпа взрослых уважаемых либералов пыталась напасть на тюремный фургон и линчевать детей, второй раз сделать их своими жертвами. Мы пока не линчуем малолетних детей России, мы их пока что всего лишь не защищаем.

² У. Бронфенбреннер излагает эти данные в главе «Влияние телевидения» своей книги «Два мира детства. Дети в США и СССР», изданной в Нью-Йорке в 1970-м и в Москве в 1976 г. Книга написана по материалам программы «Сравнительные исследования в области воспитания детей», проведенной в течение 5 лет в 6 странах на средства Национального научного фонда США. Одна из тем книги — объяснение причин высокой агрессивности детей в США и поразившего психолога отсутствия агрессивности у советских детей. Русским людям было бы крайне полезно прочитать эту книгу именно сегодня.

Затем А. Бандура заменил реальные сцены насилия сценами, увиденными по телевидению (в специально сделанных «лабораторных» фильмах, а также в художественных или документальных фильмах). Было проведено огромное количество экспериментов с людьми разного возраста (детьми, подростками, студентами и взрослыми) и сделан надежный вывод: сцены насилия на телеэкране вызывают сильные агрессивные импульсы. При этом вид страданий жертвы насилия лишь усиливает интенсивность агрессивной реакции телезрителя. Иными словами, эти эксперименты опровергли отмеченную выше «гипотезу катарсиса», согласно которой виртуальные сцены насилия вытесняют агрессивные импульсы. По поводу выводов А. Бандуры фирмы, производящие телевизоры, сделали коллективное заявление с попыткой поставить эти выводы под сомнение. Но этим только подлили масла в огонь и стимулировали много новых исследовательских проектов, которые эти выводы подтвердили (так, большие исследования были проведены в 80-е годы в Англии).

У. Бронфенбреннер заключает свою главу, подчеркивая связь воздействия телевидения с индивидуализмом как фактором, повышающим психологическую незащищенность подростков: «Образующийся моральный и эмоциональный вакуум вынужденно заполняется телеэкраном с его ежедневной проповедью меркантильности и насилия... Стоит отметить, что из всех шести стран, где проводились исследования, лишь одна превосходит Соединенные Штаты по степени склонности детей к антисоциальному поведению, причем эта страна ближе всех стоит к нам с точки зрения традиций англосаксонского индивидуализма. Речь идет об Англии, родине ансамблей «Битлз» и «Ролинг Стоунз», нашем основном конкуренте в области бульварных сенсаций, юношеской преступности и насилия».

Откуда у ТВ такая сила в манипуляции сознанием? Первое важное свойство телевидения — его «убаюкивающий эффект», обеспечивающий пассивность восприятия. Сочетание текста, образов, музыки и домашней обстановки расслабляет мозг, чему способствует и умелое построение программ. Видный американский специалист пишет: «Телевидение не раздражает вас, не вынуждает реагировать, а просто освобождает от необходимости проявлять хоть какую-нибудь умственную активность. Ваш мозг работает в ни к чему не обязывающем направлении».

Насколько человек становится зависим от такого зрелища, говорит большая серия скандалов в США, связанных с разоблачением махинаций в популярных телевизионных шоу-викторинах. Тогда Институт Гэллага провел опрос телезрителей, и выяснилось,

что 92% зрителей знало об этих махинациях, но при этом 40% «хотели смотреть телевикторины, даже зная, что они фальсифицированы».

Человек может контролировать, «фильтровать» сообщения, которые он получает по одному каналу, например, через слово и через зрительные образы. Когда эти каналы соединяются, эффективность внедрения в сознание резко возрастает — «фильтры» рвутся. Так получилось с комиксами: любой, самый примитивный текст легко залатывался, если сопровождался столь же примитивными рисунками. Комиксы стали первым мощным жанром, формирующим сознание «масс». ТВ умножило мощь этого принципа. Текст, читаемый диктором, воспринимается как очевидная истина, если дается на фоне видеоряда — образов, снятых «на месте событий». Критическое осмысление резко затрудняется, даже если видеоряд не имеет никакой связи с текстом. Не важно! Эффект вашего присутствия «в тексте» достигается¹.

Обратите внимание — чуть не в половине сообщений информационных программ это какие-то обрезки видеозаписей из архива. Иногда при монтаже даже не убирают дату съемки видеокadra, и бывает, что актуальный репортаж «из горячей точки» сопровождается видеозаписью многолетней давности. Вот, в 1996 г. между США и Китаем возникла напряженность в связи с Тайванем. Антикитайские комментарии ведущих западного телевидения и кадры с мощными американскими авианосцами (защита тайваньской демократии) стали сопровождаться кадрами, сильно бьющими по чувствам, — зрелищем смерти. Ведущий предупреждает: сейчас мы покажем сцену, которая может быть слишком тяжелой для ваших нервов. Массы телезрителей прикипают к экрану. Да, сцена тяжелая — расстрел торговцев наркотиками в КНР. Они стоят на коленях, им стреляют в затылок. В левом углу внизу видна дата — 1992 г. Но зритель на это не смотрит, он увязывает зрелище казни с Тайванем 1996 г. и идущими на выручку авианосцами. А иногда, то ли для проверки нашей тупости, то ли из озорства, но на экране показывают вообще посторонний сюжет — какие-то автомобили, верблюды, городские толпы.

Множественность каналов информации в телевидении придает ему такую гибкость, что одно и то же слово может восприниматься по-разному, так что одному и тому же тексту можно прида-

¹ Известны случаи, когда цель передачи достигалась при полном противоречии текста видеоряда. Так, в 1970 г. сеть Си-Би-Эс (США) показала фильм об успехах КНДР, снятый австралийским репортером-коммунистом У. Бэрчеттом. Но вместо авторского комментария был дан закадровый текст диктора телекомпании — и фильм воспринимался как радикально антикоммунистический.

вать разное содержание (это, кстати, позволяет обходить нормы законов о телевидении, объектом которых является прежде всего текст). Американский профессор О'Хара в книге «Средства информации для миллионов» пишет об умелом дикторе: «Его сообщение может выглядеть объективным в том смысле, что оно не содержит одобрения или неодобрения, но его вокальные дополнения, интонация и многозначительные паузы, а также выражение лица часто имеют тот же эффект, что и редакторское мнение».

Технические возможности телевидения позволяют лепить образ объекта, даже передаваемый в прямом эфире. Французский телекритик пишет: «С телевизионным изображением можно сделать все, как и со словом. Поставьте интервьюируемого так, чтобы камера смотрела на него снизу, и любой человек сразу примет спесивый, чванный вид. Смонтируйте кадры по своему усмотрению, вырежьте немного здесь, добавьте кое-что там, дайте соответствующий комментарий... и сможете доказать миллионам людей что угодно». Нередки и прямые фальсификации¹.

Мы говорили об *устранении рампы* и беззащитности человека в «обществе спектакля». «Устранение рампы» есть нарушение важнейшего культурного табу, запрещающего впускать в мир «потустороннее». Рампа (или рама картины) — это та меловая черта, которая отделяет нашу земную жизнь от созданного фантазией художника ее образа, ее призрака. Эта черта не разрешает ему спускаться к нам, а нам — подниматься в этот призрачный мир. Всякое такое смешивание миров, выходы в мир персонажей картин и портретов, наше вхождение туда всегда представлялось в кошмаре художника встречей с сатанинским началом. Но «Портрет» Гоголя или театр Любимова были лишь прелюдией. Беззащитным оказался человек перед экраном телевизора. Уже сегодня, на памяти последних лет с его помощью множество людей и целых народов заставили совершить чудовищные по своим последствиям действия.

«Странные» войны 90-х годов приводят к еще более тяжелому выводу: многие кровавые спектакли изначально ставятся как телевизионные. Ни «Буря в пустыне», ни убийство африканеров в ЮАР, ни полет ракеты «Томагавк» к сербскому мосту через Дунай были бы не нужны, если бы они не могли быть показаны по телевидению. Все эти акции были тщательно подготовленными сценами, смысл которых — именно их телетрансляция в каждый дом, в каждую семью. В этом смысле замечательна акция по бомбардировке американской авиацией Триполи в 1986 г. («превентивная акция

¹ Газета «Фигаро» пишет: «Би-Би-Си передавала прямой репортаж об одной забастовке. Кажется, что может выглядеть более безупречно правдиво? Так вот, все забастовщики были заменены актерами-профессионалами».

против возможного нападения ливийских террористов»)¹. Падение ракет на город было приурочено точно к началу вечерних информационных выпусков телевидения США. Таким образом, телевидение могло сразу сообщить об акции и тут же соединиться со своими репортерами в Триполи, чтобы зрители могли в прямом эфире наблюдать взрывы американских бомб и ракет в «логове врага». Это была первая в истории бомбежка, организованная в значительный момент как телевизионный репортаж — в большой степени *ради* этого репортажа.

§ 5. Телевидение и манипуляция сознанием в политике

Американский исследователь СМИ Р. Макнейл в книге «Машина манипулирования народом» писал в 1968 г.: «Телевидение явилось причиной таких коренных изменений в средствах политического информирования общества, подобных которым не происходило со времени основания нашей республики. Ничто до распространения телевидения не вносило таких чудовищных перемен в технику убеждения масс».

В действительности дело не только в телевидении, а в том, что оно стало технической основой для применения сложных доктрин манипуляции сознанием. Прежде всего, речь идет о создании целой индустрии телевизионной политической рекламы. Почему телевидение в политике оказалось средством внушения гораздо более эффективным, нежели печать и радио? Потому что была обнаружена, хотя и не вполне еще объяснена удивительная способность телеэкрана «стирать» различие между правдой и ложью. Даже явная ложь, представленная через телеэкран, не вызывает у телезрителя автоматического сигнала тревоги — его психологическая защита отключена.

Недавно журнал «Шпигель» сообщил данные крупного исследования психологов, заказанного Би-Би-Си. Видный английский политический комментатор Робин Дэй подготовил два варианта выступления на одну и ту же тему. Один вариант был с начала до конца ложным, другой — верным. Оба варианта были переданы тремя видами сообщений: напечатаны в газете «Дейли телеграф», переданы по радио Би-Би-Си, показаны в телепрограмме «Мир завтра». Читателей, радиослушателей и телезрителей попросили ответить, какой вариант они считают правдой. Ответили 31,5 тыс. человек — для подобного исследования это огромное число. Различили

¹ Само название этой акции — образец *новояза*. Мимо нас тогда прошла интересная дискуссия экспертов по международному праву: выходило, что бомбардировка столицы Ливии могла рассматриваться или как агрессия (к этому склонялся Совет Безопасности ООН), или как международный терроризм — третьего не дано.

правду и ложь 73,3% радиослушателей, 63,2% читателей газеты и только 51,8% телезрителей. Вывод: по самой своей природе ТВ таково, что правда и ложь в его сообщениях практически неразличима. Как сказал руководитель проекта, «умелый лжец знает, что надо глядеть в глаза собеседника».

Хочу подчеркнуть, что разница между ТВ, газетой и радио гораздо больше, чем кажется из цифр. Эксперимент был поставлен так, чтобы испытуемые опирались исключительно на свой разум — они не получали никакой «подсказки» от ведущего телепрограммы, ни мимикой, ни интонацией. Большинство зрителей оценивает правдоподобность сообщения с ходу, соединяя информацию, полученную по всем каналам восприятия, — они «угадывают» правду и ложь, не рассуждая. В предельном случае, если бы правда и ложь были бы абсолютно неразличимы, то число телезрителей, принявших сообщение за правду, было бы равно числу телезрителей, принявших его за ложь, — 50% и 50%. В эксперименте 48,2% (т. е. 100 — 51,8) телезрителей приняли *ложь за правду*. Но это значит, что такое же число людей приняло *правду за правду* не потому, что разобрались в сообщении, а случайно — как орел или решка. То есть правду *сознательно* различили 3,6%. Практически никто. Напротив, среди радиослушателей «угадали — не угадали» 53,4%, а сознательно различили правду 46,6%, то есть практически половина. Это большая величина (у читателей газет она несколько меньше, 28% — но все же почти треть).

Та аномальная сила внушения, которой обладает телевидение, может послужить симптомом для обнаружения более фундаментальной проблемы — изменения типа сознания и мышления при переходе человечества к новому способу получения информации, не с листа, а с экрана. Независимо от типа культуры все развитые общества Нового времени принадлежат к *цивилизации книги*. Точнее, к цивилизации чтения текста, изданного типографским способом. Именно чтение напечатанного на бумаге текста задает ритм и структуру мыслительного процесса в культурном слое всех стран и соединяет всех в связанную этими сходными структурами мышления цивилизацию. Этот тип чтения и соответствующий ему тип мышления — не простой продукт биологической эволюции мозга. Они появились только на заре Нового времени в результате появления книгопечатания и широкого распространения печатного текста. Возник новый способ чтения — через диалог читателя и текста.

Когда рукописную книгу читал человек Средневековья (обычно коллективно и вслух, нараспев), это не было диалогом — читатель, как пилигрим, шел по тексту к той истине, которая была в нем скрыта. Один философ сказал: так монахи на утренней молитве ожидают зари, которая осветит чудесный витраж собора. Текст был

лабиринтом, почти иконой — расписан художником, без знаков препинания. С ним нельзя было спорить, его можно было только комментировать. Типография дала новый тип книги, читать ее стали про себя, перечитывая, размышляя и споря с автором. Читатель стал *соавтором*, чтение — творчеством.

Сегодня главным носителем текста стал экран — ТВ или компьютера. Возник огромный избыток информации («шум») и огромная скорость, создавшие новый тип чтения без диалога, чтения-потребления. Текст на экране построен как поток «микрособытий», и это привело к кризису «макротекста», объясняющего мир и общество¹. Быстро набирающий силу Интернет помимо распространения экранных текстов восстанавливает и прямое общение людей, но рано давать оценки тех воздействий на общество, которые станут доминировать. Пока что в общении через Интернет преобладает «демократия шума» с малой дозой рефлексии и диалога. Кроме того, вопреки ожиданиям самих разработчиков сетей, общение через Интернет не уменьшает, а усиливает отчуждение людей². В общем, то общество, что складывается при чтении и вообще получении информации с экрана, называют по-разному: демократия шума, видеократия, общество спектакля и т. д. Но вернемся к вопросу о том, что произошло при широком использовании политической рекламы через телевидение. Отметим лишь суть, оставив общие для всех СМИ приемы манипуляции сознанием для обсуждения в последующем.

Глубина изменений и общества, и типа власти видна из того, что из общественной жизни была устранена сама проблема *политического выбора через столкновение идей*. Если раньше политика предполагала наличие программы, постановку проблем, изложе-

¹ То же самое мы видим, например, в мультфильмах для детей — замене детского чтения. Нынешние американские мультфильмы основаны на невероятной скорости смены образов. Когда в начале перестройки отечественные мультфильмы на телевидении стали заменять американскими, советские дети не были способны даже разглядеть эти образы, не то чтобы ухватить содержание сюжета. Эти мультфильмы не позволяют никакой рефлексии или диалога, только потребление.

² Компьютерные фирмы «Эппл», «Интел» и «Хьюлетт-Паккард» финансировали исследование психологических изменений среди пользователей Интернета. В конце 1998 г. его результаты были опубликованы в журнале «The American psychologist» и даже в газете «Нью-Йорк таймс». Вот выводы: каждый час использования Интернета в неделю в среднем сокращает прямые личные контакты пользователя на 2,7% и увеличивает на 1% его «депрессивный потенциал»; виртуальные человеческие отношения, устанавливаемые через Интернет, не дают пользователю той теплоты и поддержки, которая возникает при прямых личных контактах. Таким образом, пользование Интернетом усиливает депрессию и изоляцию человека. Один из ведущих психологов университета Карнеги-Меллона (США) заявил: «Мы удивлены выводами исследования, поскольку они противоречат тому, что мы думали о влиянии использования Интернета на человеческие отношения».

ние альтернатив их решения и обращение к интересам и разуму граждан, то теперь все это заменено конкуренцией образов, имиджей политиков, причем эти имиджи создаются по законам рекламного бизнеса¹. Формула такова: «если ты не принимаешь меня таким, каков я есть на самом деле, я стану таким, каким ты хочешь меня видеть». Литература полна описаниями того, как политики, желающие охватить разнородные и даже противостоящие группы избирателей, готовят несколько рекламных роликов с совершенно различными, несовместимыми имиджами.

Таким образом, телевидение на Западе устранило демократию как таковую, ибо демократия означает осмысление проблемы и разумный выбор в виде политических идей. Американский исследователь К. Блум, анализируя кампанию Р. Рейгана 1984 г., отметил: «Тот, кто в конце XX века сохранил убеждение, что политика должна строиться на идеях, наверное, никогда не смотрит телевизор». Теперь для политиков важен сам факт появления на телеэкране, внедрение их образа в подсознание людей. Часто их выступления перед телекамерами вообще не несут никакого содержания, а не то что идей. Политики, например, тщательно избегают ситуаций, в которых они вынуждены были бы обнародовать свои ценности (идеалы, принципы, критерии выбора решений), — они «замегают ценности котировкой». Они продают свой образ².

Телевидение персонифицирует социальные и политические противоречия, представляет их не как столкновение социальных интересов и соответствующих программ, а как столкновение лидеров («существование заменяет сущность»). Программная риторика вытесняется личностной, политические дебаты становятся театром с хорошей режиссурой (например, в таких дебатах большую роль приобретают не высказывания, а мизансцены, жесты, внешний облик). Те, кто наблюдает эти дебаты на телеэкране, входят в роль зрителя и утрачивают свободу воли и ответственность гражданина, делающего выбор. Политические консультанты, которые выступают как режиссеры этих спектаклей, сами могут вообще не иметь никаких идеологических пристрастий и выступают как специалисты по маркетингу. Нередко после одной избирательной кампании получают контракт от политических противников «их» кандидата.

¹ По сути, разница между политическим выступлением и рекламой стерлась. При опросе, проведенном 1-м каналом французского телевидения, половина зрителей расценила выступление премьер-министра как информацию, а половина — как рекламу. Это значит, что разница абсолютно неразличима.

² Впервые возможности телевидения для политической рекламы были использованы в США в 1952 г. в избирательной кампании Д. Эйзенхауэра. В 1960 г. Дж. Кеннеди нанял для своей кампании целое рекламное агентство.

Создание телевизионного образа как главная технология политической борьбы имела для культуры и в целом для общества страшные последствия. Говорят, что «имидж господствует над речью» — произошла смена языка в политике. Язык стал таким, что политик может полчаса гладко говорить, но после этого невозможно кратко повторить основное содержание его речи. Из политики устраняется сама категория противоречия, конфликта. Телевидение превратило политический язык (дискурс) из конфликтного в соглашательский — политик, создавая свой имидж, всегда обещает «сотрудничать со всеми здоровыми силами». Таким образом, из политики устранена всякая диалектика. Язык тесно связан с системой ценностей, и, как считается, возникновение особого телевизионного языка привело к глубокому кризису самой категории ценностей в политике. Переход от диалектического языка к «соглашательскому» означал катастрофическое обеднение и упрощение политической жизни. Сегодня на Западе для среднего университетского профессора совершенно недоступен тот политический язык, которым владел грамотный рабочий начала XX века.

После смерти Франко, в 1977 г. мне случайно пришлось окунуться в политическую жизнь Испании. Писатель Юлиан Семенов заведовал там советским корпунктом и привез огромный сундук газет и журналов; он попросил меня их прочесть и помочь сделать несколько отчетов, чем я и занимался целое лето. Это было замечательное чтение — выйдя из тупой диктатуры, испанское общество наслаждалось диалектической мыслью, полными юмора и подтекста дебатами. Потом я попал в Испанию в 1989 г., когда политическая жизнь перешла на язык телевидения, но еще несла в себе старый заряд. По инерции телевидение еще стояло на «борьбе идей». Затем в течение десяти лет я наблюдаю деградацию политического языка и содержания. Самым популярным политиком в середине 90-х годов был секретарь компартии Хулио Ангита, бывший учитель. Меня поразил тип его речи, который очень ценился в Испании. Ангита говорил, как заботливый педагог объясняет урок детям-олигофренам. Как-то я имел об этом разговор с видным интеллектуалом из социал-демократов. Он сказал мне: «Ангита вынужден в своем языке откатиться на уровень анархо-синдикалистов конца XIX века, говорить о «богатых и бедных», «добрых и злых». Если бы он стал говорить хотя бы на уровне 30-х годов, его бы никто в Испании не понял». Вот что сделало телевидение всего за десять лет. К этому мы стремительно катимся и в России.

В международной политике телевидение стало главным средством проникновения США в информационную среду других стран с целью влиять на общественное сознание в своих интересах. Новые технические средства и новые принципы международного права

затрудняют создание «железных занавесов» для защиты сознания своих граждан. Г. Шиллер утверждает как постулат: «Для успешного проникновения держава, стремящаяся к господству, должна захватить средства массовой информации». Конечно, этот постулат по-разному оценивается захватчиками и жертвами захвата. Так, премьер-министр Гайаны заявил: «Нация, чьи средства массовой информации управляются из-за границы, не является нацией»¹.

Один из отцов холодной войны, Джон Фостер Даллес в свое время сказал: «Если бы я должен был избрать только один принцип внешней политики и никакой другой, я провозгласил бы таким принципом свободный поток информации». Доктрина этого свободного потока тщательно разрабатывалась несколько лет до и после второй мировой войны и была в уже готовом виде включена в концепцию холодной войны. Впервые она была выдвинута на международном уровне в феврале 1945 г. на Межамериканской конференции по проблемам мира и войны в Мехико, потом «продавлена» через ЮНЕСКО и ООН. Она стала важным оружием США в холодной войне — прежде всего для консолидации лагеря своих союзников в борьбе против Империи зла. Параллельно расширялся «полусвободный» поток информации, ориентированный на интеллигенцию стран «советского блока».

Доктрина свободного потока информации стала обоснованием «культурного империализма» США. Она сразу была отвергнута странами социалистического лагеря, а потом и большим числом стран «третьего мира» и неприсоединившихся стран (так, в 1973 г. резкую оценку этой доктрине и практике ее применения дал президент Финляндии Урхо Кекконен). Однако на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 г. Западу удалось уломать руководство СССР. Перестройка Горбачева не просто полностью устранила все препоны, она органично включила поток информации из США в свою программу.

Техническое качество американских телепрограмм, большие усилия психологов по их «подгонке» к вкусам и комплексам конкретного зрителя делают их ходовым товаром, так что «человек массы» всех стран мира сегодня посчитал бы себя обделенным и угнетенным, если бы он был лишен доступа к этой телепродукции. Пользуясь этим, США добиваются заключения соглашений, по которым экспортируемая из США телепродукция идет «в пакете» — без права отбора. Таким образом, страны-импортеры лишаются

¹ Ряд авторов из «зависимых» стран (например, Латинской Америки) подчеркивают, что американизация их СМИ происходит не столько в результате «вторжения», сколько по инициативе правящих классов самой страны. Эти классы стремятся «войти в цивилизацию», и необходимым условием для этого является подрыв национальной культуры, которая всегда этому сопротивляется.

возможности отсеивать сообщения с сильным манипулятивным воздействием. О масштабах экспорта можно судить по Латинской Америке, в страны которой США поставляют по 150 тыс. программ ежегодно. Эти программы составляют от 40 до 90% национального телевидения (достаточно сказать, что объем информационных сообщений о жизни США намного превышает объем сообщений о жизни своей страны).

§ 6. Сопротивление общества

Когда разрушительное воздействие на сознание превысило некоторый предел, западное общество стало его ограничивать (способность довольно быстро вырабатывать механизмы самозащиты — важное свойство гражданского общества). Возник явный конфликт общества с его собственной идеологией.

Действительно, признавая метафору Платона о театре теней в пещере верным отражением сути нынешнего противоречия, идеологи неоллиберализма продолжают декларировать «свободу выражения на телевидении». Они считают всю сложившуюся в пещере ситуацию печальным, но необходимым следствием демократии. Мол, шарлатаны имеют право показывать свои деформированные фигурки и вещать загробным голосом, утверждая, что это и есть правда о мире, а пленники имеют право сидеть прикованными, вперившись в экран, — извиняюсь, стену пещеры. А вот тот, кто уговаривает, а то и гонит их взглянуть на вольный мир — антидемократ. Максимум, на что соглашаются поборники такой демократии, это на то, чтобы шарлатаны разожгли не один, а три-четыре огня и сделали цепи поудобнее. Так, чтобы пленники имели «свободу выбора» — могли вертеть шеей и смотреть чуть-чуть разные тени на разных стенах той же пещеры. Но контроль за тем, что показывать и кого допускать к замкам на цепях, к огню и свету, категорически оставляется в ведении шарлатанов.

На это общество отвечает прежде всего рефлексией, возникновением общественного мнения о проблеме. По данным исследования 1984 г., в США 67% опрошенных телезрителей считали, что телевидение оказывает на детей скорее отрицательное, чем положительное влияние. Сегодня это мнение лишь укрепилось. Поразительно, что в США, где общество бомбили сильнее всего, в отрицательном влиянии ТВ сегодня уверены даже дети. Социолог, руководивший широким опросом детей от 10 до 16 лет в 1996 г., сказал: «Мы были поражены, когда дети заявили, что их ценности зависят от СМИ, когда увидели, с какой страстью они требуют более высоких моральных критериев от ТВ». 82% заявили, что ТВ должно было бы учить различать добро и зло, а 77% недовольны

тем, что ТВ часто показывает внебрачные половые связи и приучает к мысли, что люди в большинстве своем нечестны. Дети недовольны тем, как ТВ показывает семью и школу. Более половины считают, что ТВ «показывает родителей гораздо более глупыми, чем они есть на деле», а в школе как будто не учатся, а приходят только чтобы встретиться с приятелями или завести интрижку. 72% опрошенных подростков обвиняют ТВ в том, что оно подталкивает их к слишком ранним половым отношениям. Насколько американские подростки, казалось бы, уже оболваненные ТВ, более ответственны в своих суждениях, чем наши интеллигенты-«демократы»!

Следом начинаются процессы самоорганизации. Так, пять лет назад в США была создана ассоциация «Америка, свободная от телевидения» («TV-Free America»), которая пропагандирует «католическую абстиненцию» — воздержание от *трубки*. Она организует в национальном масштабе недельный полный бойкот телевидения в год. Например, в 1996 г. к нему присоединилось 4 миллиона телезрителей, 36 000 школ, Национальная медицинская ассоциация. Бойкот был поддержан губернаторами 26 штатов. В целом за тот год три самые большие телекомпании потеряли 1,5 миллиона зрителей.

В ответ телекомпании начали беспрецедентную рекламную кампанию, соблазняя людей просто *смотреть телевизор* — не конкретную программу или передачу, а вообще. Необычная реклама, выполненная большими буквами, без всяких картинок, заполнила газеты и журналы: «Жизнь коротка, смотри телевизор!», «Кресло — твой лучший друг!», «Не беспокойся, у тебя еще остались миллиарды нервных клеток!», «Прекрасный денек сегодня — что же ты делаешь там, на улице?» и т. д. Все это только начало, но уже оно очень красноречиво.

Когда появляется общественное мнение, происходят изменения и на политическом рынке. Показательно, с чего начал в 1996 г. свою выборную кампанию Клинтон, — ведь первый шаг должен был точно отвечать желаниям подавляющего большинства избирателей. Он начал с того, что он — сторонник цензуры телевидения. И что важно — это же заявил его соперник на выборах Доул. Вот первый тезис Клинтона: «Я хочу, чтобы руководители ТВ показывали такие фильмы и программы, которые они могли бы посоветовать смотреть своим собственным детям и внукам». Дело в том, что широкое исследование в Европе показало, что элита деятелей ТВ не позволяет своим детям и внукам смотреть телевизор, за исключением очень небольшого числа программ, и именно таких, которые были характерны для советского ТВ — спокойных, приличных и познавательных. Итак, для своих детей цензура, а чужих де-

тей надо оболванить. Обвинение, неявно брошенное Клинтоном верхушке ТВ, рискованно, но оно привлекло к нему именно массового телезрителя.

Следующий шаг Клинтона был еще радикальнее: он призвал Конгресс быстрее утвердить закон, который обязывает производителей телевизоров вставлять в них «чип» (микросхему), позволяющую родителям накладывать цензуру — блокировать программы, содержащие излишек секса и насилия. Технология для этого готова, и закон был поразительно быстро проведен через Конгресс. Конечно, здесь есть элемент лицемерия: то, что могло бы сделать государство, приняв на себя громы и молнии, возлагается на миллионы родителей, которые теперь вынуждены терпеть домашние скандалы. Для нас здесь важен сам факт: Клинтон таким шагом признал наличие в США всеобщего возмущения бесконтрольной «свободой» ТВ, которое превратилось в антиобщественную, разлагающую силу.

В Европе процесс быстро принял правовые формы (уже говорилось, в частности, о запрете на включение рекламы в кинофильмы высокого художественного уровня). Европарламент принял сугубо волюнтаристское, не имеющее ничего общего с принципами рынка решение: любой канал ТВ в Европе обязан не менее 51% времени отдавать творческой продукции европейских авторов. В феврале 1996 г. первый канал французского ТВ был оштрафован Высшим советом телерадиовещания Франции на 10 млн. долл. за то, что в 1995 г. недобрал 65 часов показа европейских фильмов — всего чуть больше часа в неделю¹. В 1989 г. почти на такую же сумму за то же нарушение была оштрафована телекомпания Берлускони в Италии. Вот это цензура.

Хотя и самой обычной цензуры на Западе хоть отбавляй. Я уже упоминал о запрещении показа фильма С. Кубрика в Англии. А в 1996 г., в ходе выборов в парламент Испании, был запрещен показ видеоролика крупной радикальной баскской партии — в нем усмотрели апологетику террористов. По логике «свободы слова» это мог бы сделать только суд и только *после* демонстрации ролика. Но режим, который явно является одним из самых демократических на Западе, исходит прежде всего из политической целесообразности (что, конечно, строго запрещается всем «тоталитарным» режимам).

Наконец, в странах Западной Европы были приняты сходные законы о телевидении и учреждены органы надзора, разного рода

¹ Государственный штраф был заменен санкцией, обязывающей TF-1 вложить такую же сумму в производство художественных телефильмов в студиях, не являющихся филиалами TF-1. Эта поблажка была сделана, чтобы не подвергать компанию риску лишиться лицензии, срок которой истекал в 1997 г.

«Высшие Советы». Из тех норм, которые были закреплены в законодательном порядке и подвергались контролю этих Советов, можно особо выделить следующие:

— Обязанность телевидения давать правдивую, объективную и беспристрастную информацию.

Всякий, кто знаком с работой российского телевидения, поймет, что вся она в целом была бы нарушением этой нормы закона и в первый же день вызвала бы поток исков в суд. Чего стоит обычная на главных каналах антикоммунистическая риторика (явная пристрастность) или заявления, даже в информационных выпусках, о «миллионах расстрелянных» в СССР (явная ложь).

— Обязанность четко и определенно разделять *информацию* и *мнение* с точным указанием лиц или организаций, которые данное мнение высказывают.

Дикторы и ведущие западного телевидения, согласно этой норме закона, обязаны семантически (прямым текстом) и интонационно разделять сообщаемую информацию и мнение о каком-то вопросе. Например, Сорокина, рассуждая на свою любимую тему о сталинских репрессиях, обязана была бы сказать: «По официальным и неоднократно проверенным данным, за все время советской власти к смертной казни было приговорено 700 тыс. человек, и далеко не все приговоры были приведены в исполнение. Это, господа телезрители, объективная информация. Однако, по мнению Солженицына, расстреляно было 43 миллиона человек. Мое мнение совпадает с мнением Солженицына».

— Обязанность при сообщениях по проблемам, по которым в обществе имеются разногласия, предупреждать о различии позиций социальных групп и общественных движений.

Ведущий телевидения на Западе не имеет права сказать: «Надо нам устроить нормальное сельское хозяйство и для этого приватизировать землю». Он должен тут же сказать, что против этой точки зрения, которую поддерживает Ельцин, Чубайс и Боровой, выступают почти все крестьяне и большинство горожан, а также такие-то и такие-то партии и движения.

— На государственном телевидении всем парламентским партиям и фракциям предоставляется время для *свободного* изложения их программ и точек зрения пропорционально числу мандатов, а также другим политическим партиям и движениям, профсоюзам и ассоциациям — согласно критериям, согласованным с наблюдательными советами.

Здесь важно не только выделение квоты времени для *регулярного* изложения позиции, но и тот факт, что эта позиция излагается без посредника и без участия посторонних с их надуманными вопросами и комментариями.

— Право граждан, общественных и государственных организаций на опровержение неверной информации на том же канале и в то же время.

Речь идет именно о праве, а не доброй воле владельцев телевидения. Учитывая, как дорого телевизионное время, реализация этого права превращается в серьезные экономические санкции и наносит дающему неверную информацию каналу не только моральный, но и финансовый ущерб.

— Учреждение права неприкосновенности личного образа.

Это — важное и сравнительно новое право — шаг вперед от права на физическую неприкосновенность тела человека, учрежденного в Новое время правовым государством. В Западной Европе было бы совершенно немыслимым то, что выдвигал с личными образами неугодных людей, например, Доренко (превращение лиц в черепа и т. д.).

— Установление обязательной квоты для демонстрации отечественных произведений культуры, а также ограничения времени для показа рекламы в течение суток и в течение одного часа.

Разумеется, ни в каком обществе никакой закон не действует, если он не подкрепляется господствующей моралью и интересами влиятельных социальных сил. Сегодня положение в западном обществе таково, что эти законы о телевидении начинают действовать.

Раздел IV

МАНИПУЛЯЦИЯ СОЗНАНИЕМ В ХОДЕ РАЗРУШЕНИЯ СОВЕТСКОГО СТРОЯ

Глава 14

УСПЕХ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

§ 1. Перестройка: главные удары по системам защиты от манипуляции

Как известно, в конце 80-х и начале 90-х годов в СССР произошла *«революция сверху»*. Был изменен политический и государственный строй, национально-государственное устройство страны (распущен СССР). Была заменена официальная государственная идеология и управленческая элита страны. Была приватизирована общенародная собственность, и накопленное национальное богатство передано ничтожному меньшинству населения. Изменилась социальная система и образ жизни практически всего населения страны, что красноречиво выразилось в демографических показателях (смертность и рождаемость).

Эта революция была совершена без насилия и даже без явного столкновения крупных социальных сил. Речь идет о революции нового типа, совершенной согласно теории А. Грамши с использованием современных технологий воздействия на общественное сознание и программирования поведения больших масс людей. Предварительной стадией этой революции (до изменения политического и социального строя) послужила перестройка как программа разрушения «культурного ядра» советского общества и подрыва гегемонии советского государства. Эффективность перестройки во многом определялась тем, что ее идеологи, стоявшие у рычагов партийно-государственной власти, выступали уже в союзе с противниками СССР в холодной войне и получили от них большие интеллектуальные, культурные и технологические ресурсы. Важным условием успеха был также тот факт, что в СССР не было гражданского общества и соответствующих ему демократических механизмов, так что противники перестройки и не могли организовать общественный диалог и хотя бы минимальное сопротивление манипуляции сознанием масс. Тоталитаризм государственной власти в советской системе в большой степени способствовал ее гибели.

Другим важнейшим условием успеха манипуляции были культурные особенности советского человека, predeterminedенные и типом общества, и историческим развитием. Достаточно сказать о той непонятной для Запада *доверчивости* советского человека, которая вытекала из подспудной веры в святость Слова. В предыдущей истории русский человек не сталкивался с Макиавелли. И церковь, и царь, и КПСС, конечно, говорили неправду, но это была неправда ритуала, своего рода этикет. Она сознание людей не деформировала и здравого смысла не лишала. В годы перестройки люди столкнулись с незнакомой им ложью — такой, что не распознавалась и в то же время разрушала ориентиры. Это была ложь блуждающих огоньков. Научиться противостоять такой лжи люди быстро не могли (хотя во многих фундаментальных вопросах устояли).

Перечислим коротко, какие задачи смогла решить антисоветская революция на этапе перестройки. Говоря в одной фразе, *перестройка сумела оторвать сознание граждан СССР от здравого смысла и житейской мудрости, заставила их поверить в химеры, зачастую противоречащие очевидным фактам и элементарному знанию*. Выделим главные направления, по которым происходил этот сдвиг сознания.

1. Советское жизнеустройство сложилось под воздействием конкретных природных и исторических обстоятельств. Исходя из этих обстоятельств, поколения, создавшие советский строй, определили главный критерий выбора — *сокращение страданий*. На этом пути советский строй добился признанных всем миром успехов, в СССР были устранены главные источники массовых страданий и страхов — бедность, безработица, бездомность, голод, преступное, политическое и межнациональное насилие, а также массовая гибель в войне с более сильным противником. Ради этого были понесены большие жертвы, но уже с 60-х годов возникло стабильное и нарастающее благополучие.

Альтернативным критерием выбора жизнеустройства было *увеличение наслаждений*. Советское жизнеустройство создавали поколения, перенесшие тяжелые испытания: ускоренную индустриализацию, войну и восстановление. Из опыта и определялся выбор. В ходе перестройки ее идеологи убедили политически активную часть общества изменить выбор — пойти по пути *увеличения наслаждений* и пренебречь опасностью массовых страданий. Речь идет о фундаментальном изменении, которое не сводится к смене политического, государственного и социального устройства (хотя неизбежно выражается и в них).

Хотя прямо указанный выбор не формулировался (точнее, попытки сформулировать его пресекались руководством КПСС, которое и определяло доступ к трибуне), связанные с ним утвержде-

ния были весьма прозрачными. Так, требование произвести массовый переток средств из тяжелой промышленности в легкую приобрело характер не хозяйственного решения, а принципиального политического выбора. Ведущий идеолог перестройки А. Н. Яковлев заявил: «Нужен поистине тектонический сдвиг в сторону производства предметов потребления. Решение этой проблемы может быть только парадоксальным: провести масштабную переориентацию экономики в пользу потребителя... Мы можем это сделать, наша экономика, культура, образование, все общество давно уже вышли на необходимый исходный уровень».

Оговорку, будто «экономика давно уже вышла на необходимый уровень», никто при этом не проверял и не обсуждал, она была сразу же отброшена — речь шла только о *тектоническом сдвиге*. Сразу же, еще через механизм планирования, было проведено резкое сокращение инвестиций в тяжелую промышленность и энергетику (Энергетическая программа, выведившая СССР на уровень надежного обеспечения энергией, была прекращена). Еще более красноречива была идеологическая кампания, направленная на свертывание оборонной промышленности, созданной в СССР именно исходя из принципа *сокращения страданий*.

Это изменение критерия жизнеустройства противоречило исторической памяти русского народа и тем непреодолимым ограничениям, которые накладывали географическая и геополитическая реальность, доступность ресурсов и уровень развития страны. Согласиться на такое изменение значило отвергнуть голос здравого смысла.

Шопенгауэр в книге «Афоризмы житейской мудрости» свел главные советы мудрых людей всех эпох. Вот с чего он начинает раздел «Правила общи»: «Первой заповедью житейской мудрости я считаю мимоходом высказанное Аристотелем в Никомахейской Этике (XII, 12) положение, которое в переводе можно формулировать следующим образом: «Мудрец должен искать не наслаждений, а отсутствия страданий»... Нет худшего безумия, как желать превратить мир — эту юдоль горя — в увеселительное заведение и вместо свободы от страданий ставить себе целью наслаждения и радости; а очень многие так именно и поступают».

2. Как пример успешного продвижения по пути *увеличения наслаждений* идеологи перестройки дали советским людям Запад, представленный светлым мифом. Активная часть населения приняла этот пример за образец, оценив собственное жизнеустройство как недостойное («так жить нельзя!»).

Отвращение к своему образу жизни, внушенное в ходе перестройки, было так сильно, что при опросе в 1989 г. 64% ответивших через «Литературную газету» (это в основном интеллигенты)

заявили, что «наша страна никому и ни в чем не может служить примером»¹. Никому и ни в чем! Действуя на чувства и воображение людей, идеологи растравили старые раны и обиды, воззвали к мщению и сведению счетов — поставили мирную уже страну на грань гражданской войны (а кое-где подтолкнули перейти эту грань).

Воздействие на массовое сознание было столь эффективным, что образ Запада к концу 80-х годов стал поистине *вожделенным*, что было немыслимо еще пять лет назад. Такая массовая зависть к идеализированному образу «чужого дома» с самоотрицанием своего дома — признак разрыва со здравым смыслом. При ее внедрении в политическую практику она неизбежно должна была повести к национальной катастрофе.

Шопенгауэр в «Афоризмах житейской мудрости» говорит так: «Зависть в человеке естественна, и все же она и порок, и несчастье. В ней мы должны видеть врага нашего счастья и всеми силами стараться задушить ее. На этот путь направляет нас Сенека прекрасными словами: «будем наслаждаться тем, что имеем, не вдаваясь в сравнения; никогда не будет счастлив тот, кто досадует на более счастливого»... Нужно сдерживать свое воображение во всем, что касается нашего счастья или несчастья... Обуздывая наше воображение, необходимо еще запретить ему восстанавливать и раскрашивать когда-то пережитые несправедливости, потери, оскорбления, унижения, обиды и т.п.».

3. Для перехода к жизнеустройству, направленному на *увеличение наслаждений*, требовалось глубокое изменение в культуре. Поскольку стремление к наслаждениям, связанным с потреблением, не имеет предела, то с новым критерием жизнеустройства оказывались несовместимы два главных устоя русской культуры — *нестяжательство* и *солидарность*. Ведь ресурсы всегда ограничены, и за них приходится конкурировать. Следовательно, сильные в таком обществе должны со спокойной совестью топтать ближних. Поэтому с самого начала перестройки была развернута идеологическая кампания по изменению *антропологической модели*, по внедрению в массовое сознание нового представления о человеке и его правах. Нового не только для СССР, но и для дореволюционной России, культура которой отвергла социал-дарвинизм.

Чуть ли не главным принципом, который надо было сломать в советском человеке, чтобы совершить «перестройку», была идея *равенства* людей. Эта идея, лежащая в самой основе христианства, стала объектом фальсификации задолго до 1985 года — как только престарелого генсека окружила интеллектуальная бригада «новой

¹ Учтены лишь те респонденты, которые дали на вопрос «содержательный ответ». Так как 49% «затруднились с ответом», то в действительности ничего положительного в своей стране не нашли 33% ответивших через «Литгазету». В целом по стране (то есть ответивших при прямом опросе) таких скептиков набралось 11%.

волны». Начиная с 1987 г. в СССР была начата и быстро нарастала кампания по внедрению в массовое сознание жесткого и зачастую вульгарного социал-дарвинизма и даже мальтузианства.

Не будем приводить выходящие за рамки приличий выступления газет типа «Московского комсомольца», но вот широко разрекламированные мысли Н. М. Амосова в журнале «Вопросы философии»: «Человек есть стадное животное с развитым разумом, способным к творчеству... За коллектив и равенство стоит слабое большинство людской популяции. За личность и свободу — ее сильное меньшинство. Но прогресс общества определяют сильные, эксплуатирующие слабых». В ряду духовных лидеров интеллигенции Н. М. Амосов, согласно опросам, занимал третье место.

Биологизация социального, социал-дарвинизм проникли даже туда, куда, казалось, им вход воспрещен самим развитием их научной области, — в среду антропологов. Вот сентенция директора Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишкова, который в 1992 г. был Председателем Госкомитета по делам национальностей РФ: «Общество — это часть живой природы. Как и во всей живой природе, в человеческих сообществах существует доминирование, неравенство, состязательность, и это есть жизнь общества. Социальное равенство — это утопия и социальная смерть общества». И это — после фундаментальных трудов этнографов в течение четырех последних десятилетий, которые показали, что отношения доминирования и конкуренции есть продукт исключительно социальных условий, что никакой «природной» предрасположенности к ним человеческий род не имеет. Постулат Тишкова о доминировании и неравенстве в человеческом обществе как естественном законе природы — чисто идеологический вывод.

Разрушение «культурного ядра» путем внедрения мальтузианских представлений о человеке привело к расщеплению сознания людей. Новая антропологическая модель, воспринятая на уровне идеологии, вошла в противоречие с глубинными уравнительными идеалами, которые не удалось искоренить (это было показано исследованиями начиная с 1989 г.)¹. Расщепление сознания делает его более уязвимым к манипуляции.

4. Посредством дестабилизации сознания и увлечения людей большим политическим спектаклем удалось осуществить «толпо-

¹ Вот признание того же В. А. Тишкова (1994 г.): «Фактически мы живем по старым законам старого советского времени. Проблема номер один — низкое гражданское самосознание людей. Нет ответственного гражданина... У нас даже человек, севший в такси, становится союзником водителя, и если тот кого-то собьет или что-то нарушит, он выскочит из машины вместе с водителем и начнет его защищать, всего лишь на некоторое время оказавшись с ним в одной компании в салоне такси. При таком уровне гражданского сознания, конечно, трудно управлять этим обществом».

образование» населения СССР — временное превращение личностей и организованных коллективов в огромную, национального масштаба толпу или множество толп. В этом состоянии люди утратили присущее личности ответственное отношение к изменениям жизнеустройства, сопряженным со значительной неопределенностью и риском. Без дебатов, без сомнений, без прогноза выгод и потерь большинство населения согласилось на *революцию*, когда в ней не было никакой социальной необходимости, — на революцию в благополучном обществе. Это несовместимо со здравым смыслом.

Эффективность «захвата и присоединения» аудитории была такой, что ведущим толпу лидерам даже не приходилось слишком скрывать масштаб грядущих потрясений. Они прямо говорили не об осторожных реформах, а о *сломе* жизнеустройства. Горбачев сказал совершенно определенно: «Перестройка — многозначное, чрезвычайно емкое слово. Но если из многих его возможных синонимов выбрать ключевой, ближе всего выражающий саму его суть, то можно сказать так: перестройка — это *революция*...» Популярный тогда Н. Шмелев уточнил, что речь идет о революции разрушительной: «Революция сверху отнюдь не легче революции снизу. Успех ее, как и всякой революции, зависит прежде всего от стойкости, решительности революционных сил, их способности сломать сопротивление отживших свое общественных настроений и структур».

Обычные люди, не вовлеченные в толпу, обладают здоровым консерватизмом, вытекающим из исторического опыта и способности предвидеть нежелательные последствия изменений. Эти свойства гнездятся в подсознании и действуют автоматически, на уровне интуиции¹. Этот подсознательный контроль был в СССР устранен из общественного сознания в ходе перестройки.

Шопенгауэр в «Афоризмах житейской мудрости» дает такой совет: «Прежде чем браться за выполнение какого-либо намерения, надо несколько раз хорошенько его обдумать и даже после того, как все нами уже подробно рассмотрено, следует принять в расчет несовершенство людского познания, из-за коего всегда возможно наступление обстоятельств, исследовать и предвидеть которых мы не смогли, — обстоятельств, способных опрокинуть все наши расчеты. Такое размышление непременно прибавит весу на

¹ Известен эксперимент, проведенный крупнейшим рекламным агентством США. Оно провело среди образованных людей опрос, прося высказать мнение об одном законопроекте. Одну половину спрашивали: «Полагаете ли Вы, что действующий закон следует изменить так-то и так-то?» 60% высказались против изменения закона. Другую половину спросили: «Предпочли бы Вы, чтобы?...» — и далее следовала суть законопроекта. 70% его поддержали. Разница была только в том, что из формулировки было устранено выражение «изменить действующий закон». Первая реакция рассудительного человека на такое предложение — отвергнуть.

сторону отрицания и скажет нам, что не следует, без необходимости, трогать ничего важного, нарушать существующий покой».

Удивительно, но начиная с последнего этапа перестройки в качестве активных идеологов стали выступать новые собственники («предприниматели») — и люди им верили! Но это противоречит даже выводам самих теоретиков рыночной экономики. Адам Смит заканчивает первый том своей главной книги «Богатство народов» таким предостережением: «Всякое предложение нового закона, исходящее от этого разряда людей, должно быть встречено с крайним недоверием и может быть принято только после подробного и самого тщательного исследования, произведенного не только со всевозможной добросовестностью, но и с самой недоверчивою внимательностью. Ибо предложение это исходит от класса людей, интерес которых никогда не может совпадать совершенно с интересами всего народонаселения, и состоит только в том, чтобы провести общество и даже обременить его, что уже неоднократно и удавалось им делать при каждом удобном случае».

5. За время перестройки в сознание советских людей вошло много прекрасных, но расплывчатых образов — демократия, гражданское общество, правовое государство и т. д. Никто из политиков, которые клялись в своей приверженности этим добрым идолам, не излагал сути понятия. Принять язык противника или даже друга — значит незаметно для себя стать его пленником. Даже если ты понимаешь слова иначе, чем собеседник, ты в его руках, так как не владеешь стоящим за словом смыслом, часто многозначным и даже тайным. Это — заведомый проигрыш в любом споре.

Положение советского человека оказалось еще тяжелее — перейдя на язык неопределимых понятий, он утратил возможность общения и диалога со «своими» и даже с самим собой. Логика оказалась разорванной, и даже сравнительно простую проблему человек стал не в состоянии сформулировать и додумать до конца. Мышление огромных масс людей и представляющих их интересы политиков стало некогерентным, люди не могут связать концы с концами и выработать объединяющий их проект — ни проект сопротивления, ни проект выхода из кризиса. Они не могут даже ясно выразить, чего они хотят.

Приняв вместо ясно усвоенных житейских понятий понятия-идолы, идеологические фантомы, смысл которых не был определен, добрая сотня народов СССР оказалась в руках политических проходимцев. Поддерживая или отвергая предлагаемые им проекты, предопределяющие их собственную судьбу и судьбу их детей и внуков, миллионы людей следовали за блуждающими огнями фантазий.

Шопенгауэр в «Афоризмах житейской мудрости» пишет: «Путеводной звездой нашей деятельности должны быть не образы фантазии, а ясно усвоенные понятия. Обычно бывает обратное. При ближайшем исследовании мы убеждаемся, что в конце концов решающий голос во всех наших делах принадлежит не понятиям, не рассуждению, а именно воображению, облакающему в красивый образ то, что желало бы нам навязать».

6. Идеологическая машина перестройки произвела большую работу по разрушению коллективной исторической памяти советского общества. Были очернены, осмеяны, перемешаны символы-вехи национальной истории. Затем был создан хаос в системе мер, оценок и даже временной последовательности событий, образующих историческую картину. Была подорвана способность общества вырабатывать коллективную память даже самых недавних событий — по прошествии всего нескольких месяцев они вытеснялись, стирались из памяти. Общество в целом и каждый человек в отдельности потеряли возможность анализировать прошлое и использовать его уроки для того, чтобы определять свою позицию в конфликтах настоящего.

Один из первых советов Шопенгауэра в его «Афоризмах житейской мудрости» таков: «Чтобы жить вполне разумно и извлекать из собственного опыта содержащиеся в нем уроки, следует почаще припоминать прошлое и пересматривать все, что было прожито, сделано, познано и прочувствовано при этом, сравнивать свои прежние суждения с настоящими, сопоставлять свои задания и усилия с результатами».

* * *

Все указанные приемы воздействия на общественное сознание, делающие человека беззащитным против манипуляции, по завершении перестройки применяются еще более жестко в ходе изъятия и перераспределения общенародной собственности и личного достояния подавляющего большинства граждан России.

§ 2. Холодная война и идейное разоружение советского человека

Последние полвека главным фоном общественной жизни была мировая холодная война. Как и во время всякой войны, все остальные политические, экономические и социальные процессы были производными от этого фундаментального условия. Главные технологии холодной войны лежат в информационно-психологической сфере. Сам по себе тот факт, что множество людей *«не замечали»*

войны, есть результат эффективного психологического воздействия и признак ненормального состояния общества¹. Еще более поразительно, что и сегодня, когда совершенно открыто говорится, что Россия — побежденная страна и выплачивает законную контрибуцию победителю, чем и обусловлены ее беды, множество людей этого как бы не слышат и в своих рассуждениях фактор длительной войны не учитывают.

В холодной войне СССР потерпел поражение, в результате чего был ликвидирован сложившийся вокруг СССР блок государств, затем был распущен сам Советский Союз. Следующим шагом был ликвидирован существовавший в СССР общественный строй и политическая система и начата форсированная деиндустриализация. Фактически идет уничтожение большой страны как «геополитической реальности», причем создаются такие условия жизни населения территории СССР народов, чтобы сильная независимая страна не могла возродиться. Не раз была декларирована цель реформы — создание необратимостей.

Опубликованные в последние годы (по истечении 50 лет после принятия документов) сведения о доктрине холодной войны, выработанной в конце 40-х годов в США, показывают, что эта война с самого начала носила характер «войны цивилизаций». Разговоры о борьбе с коммунистической угрозой были поверхностным прикрытием. Когда Наполеон готовил поход на Россию, его называли «воскресшим Карлом» — императором, который завоевал земли западных славян. В 1942 г. фашисты пышно праздновали 1200 лет со дня рождения «Карла-европейца», а в разгар эры Аденауэра кардинал Фрингс из Кёльна назвал холодную войну «реализацией идеалов Карла Великого». Но за годы перестройки нас убедили, что холодная война была порождена угрозой экспансии со стороны СССР, который якобы стремился к мировому господству. Это — недавний миф, в послевоенные годы никто из серьезных людей в него еще не верил.

Американские авторы признают, что руководство СССР делало много попыток предотвратить холодную войну, в частности, через расширение экономических связей с США. Так, в январе 1945 г. переговоры с послом США вел В. М. Молотов, а в сентябре 1945 г. тот же вопрос поставил Сталин в беседе с американскими конгрес-

¹ Частично это было вызвано тем, что советская печать искажала образ холодной войны, многократно занижала опасность. Почти полностью повторялась история с советско-германскими отношениями перед «горячей» войной. Руководство СССР все делало, чтобы не «спровоцировать» неприятеля, чтобы не разжечь психоз в стране (у нас, кстати, за все время не нагнеталось такого страха, как на Западе). Для предотвращения разрыва с Западом Сталин в конце 40-х годов шел на огромные моральные жертвы.

сменами. Речь шла о большом (6 млрд. долл.) кредите США для покупки американского оборудования с оплатой золотом и нужным США сырьем. В той же беседе предлагались и политические уступки — скорый вывод советских войск из Восточной Европы. Министр финансов США Г. Моргентау писал Рузвельту: «Этот кредит России стал бы важным шагом в осуществлении вашей программы создания 60 млн. рабочих мест после войны». Как известно, США на это не пошли.

Позже, в беседе с деятелем Республиканской партии США Г. Стассеном 9 апреля 1947 г. Сталин сказал: «Не следует увлекаться критикой систем друг друга... Какая система лучше — покажет история. Для сотрудничества не требуется, чтобы народы имели одинаковую систему... Если обе стороны начнут ругать друг друга монополистами или тоталитаристами, то сотрудничества не получится. Надо исходить из исторического факта существования двух систем, одобренных народом. Только на этой основе возможно сотрудничество». Выбор между войной и миром был сделан именно на Западе.

Невзлюбив к России, которой наполнены программные документы холодной войны, можно сравнить с ненавистью крестоносцев к Византии в 1204 г. — а ведь ту ненависть затрудняются рационально объяснить даже фундаментальные монографии по истории. Вот как трактуется, например, в одном важном документе 1948 г. противник Запада: «Россия — азиатская деспотия, примитивная, мерзкая и хищная, воздвигнутая на пирамиде из человеческих костей, умелая лишь в своей наглости, предательстве и терроризме». Никакой связи с марксизмом, коммунизмом или другими идеологическими моментами здесь нет. Это именно война, причем война тотальная, против мирного населения¹.

Власть имущие США, тогда монополиста в обладании атомным оружием, требовали сбрасывать на СССР атомные бомбы «без колебания». Высший военный руководитель, генерал-лейтенант Дулитл в публичной речи заявил, что американцы «должны быть физически, мысленно и морально готовы к тому, чтобы сбросить атомные бомбы на промышленные центры России при первых признаках агрессии. Мы должны заставить Россию понять, что мы это сделаем, и наш народ должен отдавать себе отчет в необходимости ответа такого рода». (Были в США и деятели, которые предвидели, к чему поведет эта политика. Министр торговли в администрации

¹ Вслушайтесь сегодня в слова У. Фостера, министра и при Трумене, и при Кеннеди, которыми он обосновывал удвоение военных расходов США: это, мол, заставит советских руководителей также пойти на увеличение военных расходов и тем самым «лишить русский народ трети и так очень скудных товаров народного потребления, которыми он располагает».

Трумена, Уоллес, направил в сентябре 1946 г. президенту письмо с предложением отказаться от развязывания холодной войны и начавшейся в США гонки вооружений и строительства военных баз. Назавтра же он был уволен в отставку.)

Сам пафос холодной войны имел мессианский, эсхатологический характер. Победа в этой войне была названа «концом истории». Но под этим подразумевалась не просто ликвидация многовекового противника, а нечто большее. Лео Страусс, главный политический философ неолиберализма, определил цель таким образом: «полная победа города над деревней или Запада над Востоком».

Насколько абсолютен пессимизм этой евроцентристской эсхатологии, говорит пояснение, которое дал Л. Страусс этой формуле: «Завершение истории есть начало заката Европы, Запада, и вследствие этого, поскольку все остальные культуры были поглощены Западом, начало заката человечества. У человечества нет будущего». Таким образом, уничтожение «империи зла» виделось как конец этого света и конец этого человечества. По сути, все небывалые вещи, которые мы сегодня наблюдаем — от разрушения Сербии как миротворческой акции до взрыва жилых домов в Москве, — это действительно разрыв непрерывности и переход через хаос к новому, трудно предсказуемому состоянию мира. Пока что мы называем это туманным словом «постмодерн».

Холодную войну «за умы» Запад выиграл прежде всего у себя в тылу — левая интеллигенция приняла социальную и политическую философию либерализма и отказалась от социалистических установок, а затем даже и от умеренных идей кейнсианства. Начался большой откат (неолиберальная волна), в ходе которого практически стерлись различия между левыми и правыми, лейбористами и консерваторами. Это была большая победа, поскольку по инерции доверия трудящихся «левые» у власти смогли демонтировать и реальные социальные завоевания, и культуру социальной справедливости в гораздо большей степени и легче, чем это сделали бы правые (нередко говорят, что правые у власти вообще этого не смогли бы сделать).

Для СССР этот поворот имел фундаментальное значение, поскольку интеллигенция, включая партийную номенклатуру, была воспитана в духе евроцентризма, и установки западной левой элиты оказывали на нее сильное воздействие. Например, Горбачев и вся его интеллектуальная команда прямо следовали главным идеям еврокоммунизма (это отметил в своих воспоминаниях помощник Горбачева Загладин). Но одной из важнейших установок еврокоммунизма было отрицание самого права на существование советского строя, ибо в нем якобы нарушались все объективные зако-

ны, открытые Марксом. Руководитель итальянской компартии, знаменем которой был самый настоящий советский флаг, Пьетро Инграо пишет о перестройке: «Все мы приветствовали мирное вторжение демократического начала, которое нанесло удар по диктаторским режимам». Как можно было сказать такое в 1994 г., когда уже были известны страшные последствия разрушения СССР, в том числе для европейского левого движения? Инграо разъясняет: «Не думаю, чтобы в моей стране имелись серьезные левые силы, которые считали бы, что в СССР делалась попытка построить социалистический строй. Думаю, что для наиболее продвинутых сил западного коммунизма было ясно, что режимы Востока были очень далеки от социализма, во всяком случае, были чем-то другим»¹.

Довод этот чисто схоластический, социализм — довольно абстрактное понятие, ради которого нелепо менять политическую траекторию партии или аплодировать действиям, ведущим к страданию множества людей. Причина, видимо, глубже — западные левые осознали наконец, что главный источник благосостояния всего их общества заключается в эксплуатации «Юга», и сделали свой выбор. Он в консолидации Запада как цитадели «золотого миллиарда», и холодная война все больше осознавалась как война цивилизаций, а не идеологий. Замечательно выступил в Москве в конце 1999 г. ультралевый в 1968 г. французский философ Андре Глюксманн. Он признал, что сейчас не смог бы подписаться под лозунгами протеста против войны США во Вьетнаме.

Вьетнам, как и Китай, будучи защищенными от идей евроцентризма своей культурой, устояли. Самая радикальная ломка всех устоявшихся структур жизнеустройства происходит в России. Сегодня, имея опыт крушения, мы можем понять то, что было трудно даже увидеть всего десять лет назад. На изломе видно то, что скры-

¹ Коммунист Инграо еще умерен в выражениях. А вообще радость профессор-«марксистов» по поводу уничтожения СССР приняла прямо неприличные формы. Наконец-то теория подтверждена: нельзя строить социализм в крестьянской стране, нельзя строить социализм в отдельно взятой стране и т. д. Был я в Мадриде на съезде левых интеллектуалов чуть не со всей Европы. Эти люди удивительно похожи на Гайдара, только они — «на стороне пролетариата», и теория у них не монетаризм, а исторический материализм. Но жизнь, хлеб, страдания и радости человека вообще исключены из их рассмотрения. Выходит на трибуну профессор-марксист из Испании: «Товарищи! СССР мертв и, слава богу, мертв надежно!» Я потом напечатал в левых журналах статью, где обращался к испанцам с просьбой объяснить эту радость. Я писал: «Представьте себе 1939 год. Последних республиканцев добивают в Пиренеях. И вот в Москве, в Колонном зале, собрание. В президиуме Долорес Ибарури, командиры интербригад. Выходит на трибуну профессор МГУ и заявляет: «Испанская Республика наконец-то пала! Какая радость, товарищи!» Кое-кто мне говорил потом, что, когда он представил такую сцену, его начало трясти — в памяти этих испанцев живо горе падения Республики.

то от глаз в спокойное, стабильное время. Так в технике аварии и катастрофы — важнейший источник принципиально нового знания.

Почему 280 миллионов рассудительных еще людей в СССР позволили сломать вполне благополучную жизнь? Почему рухнул брежневский коммунизм? Ведь не было ни репрессий, ни голода, ни жутких несправедливостей. Как говорится, «жизнь улучшалась» — въезжали в новые квартиры, имели телевизор, ездили отдыхать на юг, мечтали о машине, а то и имели ее. Почему же люди с энтузиазмом стали ломать свой дом? Почему молодой инженер, бросив свое КБ, со счастливыми глазами продает у метро сигареты — то, чем на его вожделенном Западе занимается неграмотный беспризорник? Мы должны это понять.

Одну важную черту массового сознания советского человека верно подметили демократы «первой волны» — избалованность высокой надежностью социальной системы СССР. Два поколения советских людей выросло в совершенно новых, никогда раньше не бывавших в истории России условиях: при отсутствии угроз и опасностей. Вернее, при *иллюзии* отсутствия угроз. Причем эта иллюзия нагнеталась в сознание всеми средствами культуры, была воспринята с радостью и проникла глубоко в душу, в подсознание. Реально мы даже не верили в существование холодной войны — считали ее пропагандой. Нам казалось смешным, что на Западе устраивают учебные атомные тревоги, проводят учебные эвакуации целых городов. Нам даже стали казаться смешными и надуманными все реальные страхи и угрозы, в среде которых закаляется человек на Западе: угроза безработицы, бедности, болезни при нехватке денег на врача и лекарства. Мы даже из нашего воображения вычистили чужие угрозы, чтобы расти совершенно беззаботно.

Человек привык к тому, что жизнь может только улучшаться, а все социальные блага, которыми он располагает, являются как бы естественной частью окружающей природной среды и не могут исчезнуть из-за его, человека, политических установок и решений. Ортега-и-Гассет давно сказал важную и неприятную вещь: «Избалованные массы настолько наивны, что считают всю нашу материальную и социальную организацию, предоставленную в их пользование наподобие воздуха, такой же естественной, как воздух, ведь она всегда на месте и почти так же совершенна, как природа».

Для анализа нашего массового сознания не годится методология упрощенного истмата с его понятиями «объективных предпосылок» и «социальных интересов». Мы уже девять лет видим, как массы людей действуют против своих интересов, и нередко идут на смерть, ссылаясь на абсурдные причины. Армяне в Нагорном

Карабахе были одной из самых зажиточных и благополучных местных общин в СССР. Какие претензии выдвигали они к бакинскому руководству в 1988 г.? У них плохо принимаются телепрограммы из Еревана — а проклятый Баку не дает денег на новый ретранслятор! Этот вопрос как предмет непримиримого конфликта был вынесен на уровень Верховного Совета СССР. Конечно, не в нем дело — а в чем? Явные и скрытые конфликты, приведшие к слову целой цивилизации, какой была Россия-СССР — это неравновесная, самоорганизующаяся система. После того, как пролили кровь в Сумгаите (а это нетрудно было «организовать», как «организовал» убийство отца Иван Карамазов), все, конечно, забыли про ретранслятор. Мотивацией для следующих шагов по пути разжигания конфликта была уже эта кровь.

Вспомним беловежский сговор о ликвидации СССР. Есть в самом акте преступления что-то загадочное. Так люди смотрят, вперившись, на руки фокусника и не могут понять. Как это? Был голубь под шляпой — и нет его! Убийство совершили среди бела дня, при всем честном народе, но так, что жертва даже не охнула — сидит, как сидела, моргает, улыбается, а уже покойник. Тут же рядом любящие сыновья. Смотрят, как вынимают из сердца нож, аккуратно его вытирают, прикрывают ранку платочком — и ни у кого никакого беспокойства¹.

Один из потрясающих документов всемирной истории — стенограмма сессии Верховного Совета РСФСР, что утвердила Беловежское соглашение. Ветераны, герои Отечества, генералы Комитета государственной безопасности — все проголосовали послушно, как загипнотизированные, не задав ни одного вопроса. Под глумливые присказки Хасбулатова: «Чего тут обсуждать! Вопрос ясный. Проголосовали? Ну, приятного аппетита». Конечно, надо бы узнать, почему шесть человек, проголосовавшие против, оказались не подвержены гипнозу, оказались вне поля какого-то действия, которое отключило ум, совесть, инстинкт самосохранения и даже родительские чувства множества людей, всего состава депутатов 150-миллионного народа. Сама малость цифры говорит, что это — случайный сбой.

«Технологически» разрушение советского строя было проведено в годы перестройки по теории Антонио Грамши — через подрыв культурной гегемонии власти и ее идеологического стержня. Посредством «молекулярной агрессии» в культурное ядро совет-

¹ Академик Б. Раушенбах вспоминает: «Я всегда считал катастрофой разрушение Советского Союза. Но когда это произошло, думал, что Беловежские соглашения заключены формально, а на самом деле ничего не изменится. Пресса, кстати, тоже так писала».

ского общества была поставлена под сомнение, а затем и размыта легитимность политической и социальной системы СССР. Работа эта велась по меньшей мере с начала 60-х годов в рамках широкого (практически обязательного в среде интеллигенции) инакомыслия, а начиная с 1985 г. — открыто средствами всей идеологической машины КПСС.

Для темы данной книги важно отметить тот факт, что поражение СССР было нанесено именно в духовной сфере, в общественном сознании. Прежде всего в сознании правящей и культурной элиты. Строго говоря, партийно-государственная элита СССР совершила в своем сознании тот же поворот, что и элита левой интеллигенции Запада. Там этот поворот, означавший отказ от поддержки советского строя и открытый переход на сторону противника СССР в холодной войне, был организационно и философски оформлен как «еврокоммунизм». К сожалению, мы мало знаем об этом течении, которое оказало огромное влияние на судьбу современного мира, разрушив культуру левого движения, открыв дорогу неолиберализму на Западе и перестройке Горбачева в СССР.

Крах государственности СССР при подрыве его легитимности произошел столь же непостижимо быстро, что и падение самодержавного государства России в феврале 1917 г. Это показывает, насколько хрупко и незащищено идеократическое государство перед атаками именно в духовной сфере — если найдены уязвимые точки.

Обычные объяснения краха СССР экономическими причинами несостоятельны — это попытка найти простое и привычное толкование необъяснимому. До начала радикальной реформы в 1988—1989 гг. экономического кризиса в СССР не было. Поддерживался ежегодный рост ВВП 3,5%, а главное, делались не только очень большие капиталовложения в производство, но наблюдался и *рост капиталовложений*. Эти данные были подтверждены в докладе ЦРУ США 1990 г. о состоянии советской экономики (этот доклад потом часто цитировался американскими экономистами). Надежным свидетельством отсутствия кризиса был и тот надежно установленный факт, что даже в 1989 г. более 90% граждан не предвидели в ближайшем будущем никаких экономических затруднений.

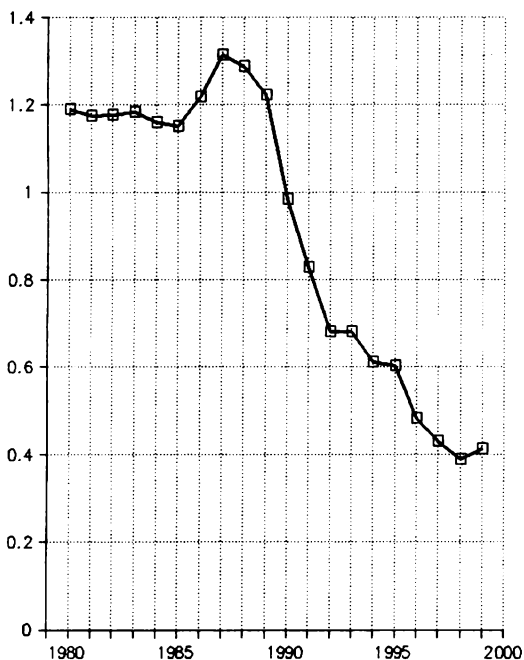
Очевидно, что поражение в холодной войне не было связано и с отставанием в военной области. Напротив, СССР разбил сильнейшую армию Германии и ее сателлитов, поддержанную ресурсами всей Европы, а потом добился надежного военного паритета с Западом, имел сильную боеспособную армию и самое современное вооружение. Сама возможность уничтожить СССР военным путем

была на Западе снята с повестки дня как стратегическая линия — одна из линий холодной войны. Это само по себе способствовало идейному разоружению. Ницше писал: «Наибольшей опасности попасть под экипаж подвергаешься, когда только что посторонился перед другим экипажем».

Дж. Кеннан сказал в 1965 году, что проект НАТО был разработан людьми «неспособными искать благоприятной перспективы решения европейской проблемы без абсолютного военного поражения Советского Союза или без фантастического, необъяснимого и невероятного переворота в политических установках его руководителей». Военное поражение СССР оказалось невозможным, но второй вариант — переворот в политических установках верхушки КПСС — осуществился, несмотря на то, что в 1965 г. он считался невероятным.

Надо обратить внимание и на странное замалчивание еще одного факта: даже те, кто смутно припоминает, что против СССР велась настоящая война («холодная»), до сих пор не верят в то, что важной частью этой войны была война *психологическая*. Даже если этот термин и применяют, его считают метафорой. Дело в том, что ведение психологической войны против СССР (а главным в ней как раз и была манипуляция сознанием) замалчивают российские СМИ — как раз те, что и послужили, и продолжают служить оружием манипуляторов. Между тем в литературе противников в холодной войне и сама доктрина психологической войны, и факт ее ведения против СССР обсуждаются спокойно. Важен сам факт, что западные пропагандисты официально признавали допустимость «черной» пропаганды в мирных условиях. Но «черная» пропаганда — средство войны. Иными словами, психологическая война, которая была частью холодной войны, — не метафора. Термин «психологическая война» даже входит в энциклопедии. Для нашей темы ближе всего такое ее определение: «планомерное наступательное воздействие политическими, интеллектуальными и эмоциональными средствами на сознание, психику, моральное состояние и поведение населения и вооруженных сил противника». Именно такое воздействие и оказывалось на население.

Мы должны принять как исходный пункт для рассуждений и тот факт, что вслед за верхушкой «переворот в установках» совершили и широкие массы трудящихся. Этот факт тяжело признать старшему поколению советских людей, которые предпочли бы свести дело к предательству верхушки и проискам противника в холодной войне. Однако предательство и происки не разрешают проблемы — ведь они не вызвали активного сопротивления. Трудящиеся пассивно приняли главные изменения, и для этого не по-

Строительство жилья в России (млн. квартир)

требовалось никакого насилия со стороны «предателей» — только воздействие на их сознание.

В массе своей трудящиеся абсолютно равнодушно отнеслись к приватизации промышленности. Ни профсоюзы, ни новые рабочие организации (типа Объединенного фронта рабочих или Союза рабочих Москвы) даже не захотели вникнуть в текст законопроекта, и их активисты имели о нем совершенно превратное представление. Почему рабочие шаг за шагом отдавали свои предприятия на разграбление и ликвидацию? Ведь это их рабочие места, источник хлеба для их семей. Средний рабочий до сих пор уповает на рыночную экономику и все еще надеется, что при капитализме ему создадут такие условия труда, как в Голландии или ФРГ. С какой стати? Там эти условия оплачены трудом филиппинских девочек, которые собирают компьютеры, получая 1 доллар за день — на батон хлеба. Никто русских к эксплуатации «третьего мира» допустить никогда не обещал.

Возьмем еще более очевидное благо — жилье. Советский строй включил его в число основных, предоставляемых бесплатно благ, *сделал конституционным правом*. 90% семей рабочих уже жили в отдельных квартирах, и положение стабильно улучшалось — СССР был одной из стран, где больше всего строилось жилья¹. И вот это право отнято — и хоть бы один голос протеста раздался из среды рабочих. Полное равнодушие. Как объяснить, что русские рабочие просто выплюнули такое социальное благо, которое было недостижимым требованием рабочего движения на Западе? Ведь в вопросе жилья и светлый образ Запада должен был насторожить: всем известно, что даже в США огромная бездомность, а свободных квартир везде полно — покупай.

То же самое с медициной. Пусть рабочий поверил, что его районная поликлиника или заводская больница очень плохи — в США лучше. Но разве ему предложили что-то лучшее взамен его поликлиники? Нет, никто ничего не обещал, просто сказали: медицина будет платной. И рабочий согласился! Почему? Откуда следует, что у него будут деньги на врача и на лечение? Ниоткуда не следует. США — самая богатая страна, но там 35 миллионов человек не имеют доступа ни к какому медицинскому обслуживанию. Ни к какому! По какой-то неведомой причине в массе рабочих России вышло противоречащее здравому смыслу убеждение, что разрушение советского строя жизни и отказ от солидарности будут рабочему выгодны.

Мы можем сделать единственный вывод: согласие на изменение общественного строя в СССР было дано не на основании рационального расчета или практического опыта. Желание этого изменения было внушено массе советских людей, это был результат воздействия на их сознание. Мы, однако, дальше увидим, что «согласие» на изменения достигалось небольшими порциями в ходе очень сложного процесса. Сегодня есть достаточно материалов и длительный временной ряд изменений, чтобы вполне обоснованно утверждать: согласие граждан было получено посредством *манипуляции их сознанием*, а не благодаря свободному волеизъявлению большинства граждан.

В манипуляции сознанием советских людей не было использовано никаких принципиально новых технологий. Все они были освоены идеологическим персоналом по учебникам, загодя переведенным с английского языка (обычно под видом «критики буржу-

¹ Кстати, уже в 1989 г. можно было точно предвидеть, какой будет в России ситуация со строительством жилья. К тому времени в Чехословакии и Польше уже начали реформу по схеме МВФ, и жилищное строительство было моментально парализовано. Эти данные имелись в общедоступных справочниках, но никто не хотел о них знать.

азной пропаганды»), а также с помощью консультантов. Высокая эффективность программы связана с двумя ее особенностями. Первая в том, что население СССР, а потом России не было готово к такому воздействию, у него не было иммунитета против него. Вторая особенность в том, что программа манипуляции была проведена как тотальная война против населения, с такой мощностью и безжалостностью, какой не приходится видеть в других странах. Расстрел людей у здания телевидения — символ этой психологической войны.

§ 3. Опытный факт: сдвиг в настроении рабочих

Вот данные об установках многочисленной и влиятельной социальной группы — рабочих. Эта группа реально была наиболее привилегированной в социальном плане и обгоняла по доходам не только крестьян, но и научно-техническую интеллигенцию. Промышленное развитие СССР было устойчивым, и рабочие имели гарантии полной занятости — недостижимое при рыночной экономике благо. Как же менялась позиция рабочих?

Согласно опросам 1989 г., рабочие *отрицательно* относились к идее смены общественного строя и перехода к капитализму. В этом они резко отличались от технической интеллигенции («специалистов»). В отчете по большому исследованию ВЦИОМ («Есть мнение», 1990) читаем: «Квалифицированные рабочие демонстрируют умеренно отрицательное отношение ко всем трем видам предпринимательства [частное предпринимательство, привлечение иностранного капитала, кооперативы] — «за» выступают только 10,8%, 6,4 и 5,6%». Позиция подсобных рабочих и учеников практически была такой же.

Безработица отвергалась рабочими как нечто абсурдное, так что и разговора о ней в 1989 г. не могло быть, и ВЦИОМ даже не задавал о ней вопросов. Горбачев специально пресек всякие опасения, связанные с безработицей, заявив, что в СССР ее не будет никогда.

Какое новое знание о частном предпринимательстве и о безработице получили рабочие с 1989 по 1991 г.? Только отрицательное. Первые же совместные предприятия и кооперативы заслужили дурную славу и оказались всего лишь инструментами для расхищения общественного богатства и дикого обогащения «собственников» и вороватых бюрократов. Иными словами, *практический опыт* никак не мог содействовать изменению мнения рабочих в лучшую сторону. Но ведь это мнение изменилось радикально (пусть лишь на время, необходимое для проведения приватизации).

Вот данные опроса, проведенного Институтом социально-политических исследований АН СССР в апреле — мае 1991 г. на трех

больших заводах в Москве, Тамбове и Шадринске. Самая большая группа рабочих (29%) пожелала идти «по пути развитых капиталистических стран Запада к обществу свободного предпринимательства» (один из респондентов даже приписал в анкете: «Вперед, к победе капитализма!»). За государственную и кооперативную ответственность на средства производства высказались 3% рабочих. По этим вопросам рабочие наконец-то заняли позицию, неотличимую от позиции «специалистов» тех же заводов¹.

Резко изменилось и отношение рабочих к безработице. Теперь 54% согласились с тем, что небольшая безработица полезна и необходима, и лишь треть заявили, что они категорически против безработицы в СССР, т. к. любая безработица вредна и бесчеловечна. «Специалисты», как и раньше, были почти все поголовно за безработицу (96%).

Заметим, что оговорка «небольшая безработица» есть уже прием манипуляции сознанием, и включение такого понятия в вопрос — на совести социологов. Для человека не существует большой или малой безработицы, она для него всегда тотальна, абсолютна. Или ты работаешь и получаешь законный доход — или ты безработный. Работа тайком, урывками, на теневых контрактах разрушает человека как социальную личность почти так же, как безработица.

Каким же образом можно было достичь принципиального изменения установки рабочих по самому главному вопросу их социального положения — при том, что все первые шаги к капитализму значительно и наглядно ухудшали их жизнь? Только путем мощного и постоянного «промывания мозгов», интенсивной манипуляции сознанием. Рабочим в массе внедрили желания, прямо противоречащие их интересам.

О том, что они стали жертвой манипуляции, говорят данные того же опроса в трех городах. Они показывают, что мышление рабочих стало резко *некогерентным*. Выступая за переход к капитализму и зная, что это приведет к безработице и резкому социальному расслоению, рабочие вовсе не строили иллюзий относительно своей собственной судьбы. Лишь 25% рабочих были «оптимистами» и надеялись при этом пробиться в «средний класс». 28%

¹ Исследования сдвига людей к антисоветским установкам выявили интересные корреляции — совпадение этих ориентаций с архаизацией мышления, склонностью к антинаучным взглядам, появлением суеверий и т. п. В 1991 г., в пятилетнюю годовщину черновильской катастрофы в Запорожье провели опрос, выделив явных сторонников и противников атомных электростанций. Судя по всему профилю ответов, можно сказать, что противниками АЭС стали в основном те, кто в целом подпал под воздействие антисоветской пропаганды. Они резко отличаются от сторонников АЭС, например, тем, что выступают за частную собственность (80% против 57% у сторонников АЭС) и верят астрологам и экстрасенсам (57% против 26% у сторонников АЭС).

«сомневались», а 49% были «пессимистами» — предвидели, что обнищают. На деле пессимистами были обе эти категории — 77% рабочих.

Это самоотречение уже нельзя отнести за счет патриотизма («пусть я сам и мои близкие пойдем на дно, зато моя Родина станет процветающей капиталистической страной»). Опрос показал именно утрату чувства Родины — 36% рабочих выразили желание поехать на заработки за рубеж, и еще 12% — уехать за границу навсегда. Таким образом, поддерживать социальные изменения, которые несут бедствие тебе и твоему сословию, рабочие могли только вследствие идеологического воздействия.

Эту манипуляцию можно трактовать как преступную, поскольку в ней был заложен явный обман. Не только в выступлениях политиков и в СМИ постоянно звучала мысль, что в переходный период рабочих ждут лишь кратковременные трудности, но эту же мысль социологи включали в опрос как гарантированное условие. Говорилось о «мерах преодоления экономического кризиса, которые вначале, в течение одного-двух лет, приведут к снижению уровня жизни людей, а затем к заметному, устойчивому улучшению жизни народа». Это — подлог. Никаких оснований обещать респондентам улучшение через один-два года исследователи не имели, они здесь выступили как манипуляторы, выполняющие политический заказ.

В этом пункте рабочие в основном проявили себя как доверчивые люди. Лишь 26% в принципе отвергли политику, заранее ведущую к ухудшению жизни народа. 60% такую политику принимали «в случае какой-то гарантии, что жизнь затем станет лучше». Какой-то гарантии! Куда уж еще больше гарантий, чем Ельцин — он же пообещал лечь на рельсы.

Но важна даже не столько ошибочная оценка будущего, сколько заторможенная реакция на настоящее. Ведь в ходе реформы произошло небывалое снижение уровня оплаты труда по сравнению с советским строем. В СССР рабочий получал 6—7 рублей в день. Для удовлетворения основных жизненных потребностей (пища, жилье, транспорт) это было примерно столько же, сколько получал рабочий на Западе (8—10 долларов в час). По автомобилям и видеомагнитофонам недотягивали, но надо все же брать главное. За час труда на советском заводе человек в 70-е годы получал в среднем цену 35 буханок хлеба или 60 литров бензина марки АИ-93 (в 80-е годы 30 литров бензина). Хлеб и энергия — абсолютные, всеобщие эквиваленты жизнеобеспечения. Сегодня рабочий в РФ в среднем получает менее полдоллара в час. Это теперь 2 буханки хлеба или 2 литра бензина. И масса рабочих — не против этого строя! Новосибирск — город с полутора миллионами самых квали-

фицированных рабочих и инженеров — дважды проголосовал за Ельцина.

Смена главных установок рабочих всего за полтора-два года в направлении, противоположному воздействию практики, должна была бы стать объектом глубоких исследований. Это — признак исключительной неустойчивости общественного сознания важной социальной группы. Пока что мы можем лишь приблизительно обрисовать всю систему агентов и технологии воздействия на сознание рабочих (например, явно недооценивается огромное и постоянное влияние на рабочих инженерно-технических работников, «специалистов», которые постоянно находятся рядом с ними). Но пока что зафиксируем сам факт: без общественного диалога и без предоставления убедительных доказательств, вопреки уже получаемому практическому опыту, рабочих смогли склонить к поддержке слома всего их жизнеустройства.

§ 4. Опытный факт: манипуляция в законодательстве

Манипуляция с законом, то есть такое его изменение, которое производится незаметно для общества, без диалога и обсуждения, относится к разряду крупных операций. В них сочетаются обычно и сокрытие цели, и подмена понятий, и акции по отвлечению внимания и отключению памяти.

Предпосылкой для успешной манипуляции в этой сфере в России было особое отношение к праву, присущее любому традиционному обществу, даже усиленное за годы советской власти. Традиционное право малоподвижно и находится под постоянным контролем общей («тоталитарной») этики. Законы в такой системе права коротки и просты, они долгое время не меняются — они «незыблемы». И у людей возникает уверенность, что никакой крючкотвор не может незаметно внести в закон неблагоприятных изменений. А если кто-то и посмеет это сделать, некая высшая сила, хранительница общей совести, обязательно поправит дело.

В годы перестройки такое отношение к закону специально усиливалось постоянным напоминанием мифа о том, что «законы на Руси не исполняются». Поэтому, мол, заботиться о том, что творится в сфере законодательства, нет нужды. Бдительность в отношении правовых актов была отключена не только у массы граждан, но даже и у депутатов Верховных Советов. Уникальным и до сих пор таинственным случаем немислимой манипуляции сознанием депутатов останется в истории ратификация Верховным Советом РСФСР документа о роспуске СССР в декабре 1991 г. За него проголосовали без всяких прений, перед обедом, как за совершенно ничтожный рядовой документ. Заподозрили неладное и проголосовали «против» только 5 депутатов.

Многие деятели из окружения Горбачева и Ельцина активно настаивают на том, что резкое ухудшение жизни трудящихся произошло как-то стихийно, в результате непредвиденных трудностей «переходного периода». В качестве меньшего зла они принимают упрек в том, что перестройка и реформа велись без продуманной программы («никакого проекта не было»). Это — наивная уловка.

Свидетельством того, что существовала не только программа со строгой последовательностью шагов, но и целая система мер по прикрытию и маскировке важных действий, служат потрясающие случаи полной утраты гражданами чувства социальной опасности. В 1988—1991 гг. целые классы и группы нашего общества и представляющие их организации вдруг потеряли способность замечать действия политиков, которые вели к важнейшим долговременным изменениям в положении этих классов и групп. И дело не только в том, что были заблокированы «сигнальные системы», которые могли бы привлечь внимание людей, предупредить об опасности, потребовать диалога и т. д. Представители трудящихся, которых вряд ли можно заподозрить в предательстве и которые имели доступ к информации и даже были обязаны ее изучать (например, депутаты), читали тексты — и почему-то не понимали их смысла. Их сознание было отвлечено, как отвлекают ребенка погремушкой.

Рассмотрим один факт — изменение «Закона СССР о государственном предприятии» 1987 г. и принятие его новой редакции «О предприятиях в СССР» 1990 г. Этот случай подробно изложен в журнале СОЦИС 1992 (1).

Это изменение представляло собой не только смену общественного строя в том, что касалось повседневных производственных отношений рабочих на предприятии, но и отказ от тех фундаментальных идеальных догм, на которых стоял советский строй и на которых паразитировала перестройка («больше демократии, больше социализма»).

Как известно, перестройка декларировала отказ от «командно-административной системы» и вовлечение работников в управление производством¹. На советском предприятии трудовой коллектив и его органы всегда оказывали большое и реальное воздействие на дела предприятия и на его социальный уклад (зарплата, премии, распределение социальных фондов и материальных благ,

¹ Это было элементом манипуляции сознанием, поскольку одновременно говорилось о переходе к рыночной экономике, т. е. высказывания политиков были некоргерентны. Предприятия, основанные на частной собственности, как раз и возникли как форма отчуждения работников от управления производством и создания административно-командной системы. Нынешние «социал-демократические» приемы привлечения представителей рабочих к управлению делами фирмы — не более чем ширма, метод психологической терапии.

отдых, медицинское обслуживание, пионерлагерь и т. д.). Каждый, кому довелось работать в профкоме, это знает досконально — со всеми подводными камнями, искривлениями и прочими деталями. Не о деталях речь.

Закон 1987 г. закреплял это положение и определил, что отношения коллектива с администрацией строятся «в условиях широкой гласности путем участия всего коллектива и его общественных организаций в выработке важнейших решений и контроле за их исполнением». Общее собрание трудового коллектива по закону имело право рассматривать и утверждать планы экономического и социального развития предприятия, определять пути повышения производительности труда и формирования материально-технической базы производства.

В Законе 1990 г. изъяты оба главных права — участия в выработке решений и контроля. Об утверждении планов, а тем более определении главных социальных факторов (материально-технической базы и производительности труда) и речи нет. Отменены органы народного контроля на предприятии и выборность руководителей. Отменено и важнейшее положение Закона СССР о трудовых коллективах 1988 г. («решения совета трудового коллектива обязательны для администрации»). Отменены даже общие собрания коллектива! Управленческие полномочия администраторов, назначаемых собственником предприятия, зафиксированы так жестко, что на это никогда не претендовала пресловутая советская административно-командная система.

Вспомним тот год — ни на каком уровне общества никто на это принципиальное изменение, отстраняющее рабочих от участия в управлении предприятием, не отреагировал.

Перейдем от сферы производства к распределению и оплате труда. Казалось бы, это прямо касается уже и не гражданских, а личных шкурных интересов каждого рабочего. По Закону 1987 г. оплата труда и распределение социальных благ, контроль за правильностью расчетов производится администрацией предприятия «совместно или по согласованию с профсоюзным комитетом». Совместно или по согласованию! Это — огромное право на участие в управлении. Закон 1990 г. это право отменяет. Теперь руководитель предприятия, назначенный собственником, «решает самостоятельно все вопросы деятельности предприятия». Он не только не должен решать социальные вопросы совместно с профсоюзом или собранием, или согласовывать с ними свои решения, но и советоваться с ними он не обязан. Теперь именно руководитель предприятия «устанавливает формы и размеры оплаты труда, а также другие виды доходов работников».

По сути, этот закон уже производит ликвидацию общенародной собственности, за год до приватизации. Право коллектива участвовать в распоряжении доходами предприятия было одной из форм осуществления рабочими права частичного собственника. Теперь это право изымалось — и никакой реакции со стороны компартии, профсоюзов, самих рабочих.

Рабочие не заметили даже, что по новому закону они лишились даже права на обжалование действия администрации в собственный профсоюз. Закон утвердил: «Рассмотрение и решение вопросов по просьбам и обращениям граждан к предприятию является исключительной обязанностью предприятия и не может возлагаться на самих граждан». Таким образом, рабочие просто лишаются особого статуса члена трудового коллектива с определенным перечнем прав, они становятся гражданами, продавшими предприятие рабочую силу и никаких прав не имеющими.

Закон 1990 г. отсекает от участия в управлении не только работающих по найму рабочих («граждан»), но и рабочих, имеющих акции предприятия, формально его совладельцев. Делается это невиданными в мировой практике методами — введением статьи о «коммерческой тайне предприятия». Во всем мире к коммерческой тайне относятся только технологические сведения, а по остальным вопросам производства и экономического положения предприятие обязано давать подробный и публикуемый отчет — государству, банку и акционерам. Вопреки этому Закон 1990 г. установил: «Под коммерческой тайной предприятия понимаются не являющиеся государственными секретами сведения, связанные с производством, технологической информацией, управлением, финансами и другой деятельностью предприятия». Лишь директор определяет «состав и объем сведений, составляющих коммерческую тайну, порядок их защиты». Понятно, что, не владея информацией, рабочие и профсоюз полностью отстраняются и от участия в управлении. Под отвлекающие крики о советской «административно-командной системе» был принят закон, создающий совершенно новый, необычный уклад предприятия с тоталитарной властью собственника. Закон явно писался под будущего собственника-мафиози.

После принятия Закона о предприятии 1990 г. утекло много воды, и не о содержании его идет речь. Явление, над которым мы еще как следует не задумались, состоит в том, что этот закон, который самым радикальным образом порывал и с длительной традицией, и с Конституцией страны, и с конкретным Законом о предприятии, принятом всего два с небольшим года назад, был принят без дебатов и прошел незамеченным. За него проголосовали депутаты, большинство из которых состояли в группе «Союз» и на каждом заседании сотрясали воздух проклятиями в адрес Горбачева и дру-

гих разрушителей советского строя. Почему вместо этих героических проклятий они просто не проголосовали против Закона о предприятии? Почему не собрался Пленум ЦК КПСС и не сообщил партии о полном противоречии законопроекта Программе КПСС и всей идеологии партии?

Невозможно посчитать всех тех, кто имел возможность вчитаться в текст законопроекта, изменниками или агентами влияния. Просто эти люди в результате длительного воздействия отупляющих речей Горбачева, интриг Лукьянова, наукообразной галиматии Заславской впали в оцепенение, в состояние гипноза. Они, вероятно, читали Закон и не понимали, что там написано. В таком же состоянии были и десятки миллионов рядовых граждан, жизнь которых обрушивал этот Закон.

Глава 15

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ УСПЕШНОЙ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

§ 1. Урбанизация и голод на образы

Какие же условия обеспечили такой замечательный успех программы манипуляции в годы перестройки? Выше говорилось, что манипулятор прежде всего использует *уже имеющиеся* в общественном сознании стереотипы. В психологической войне, то есть в манипуляции сознанием, направленной на разрушение общества, важнейшими из таких стереотипов являются те, в которых выражается *недовольство*. При этом не важно, какого рода это недовольство, — оно может быть совершенно противоположно установкам манипулятора. Например, в ходе перестройки антисоветские идеологи в основном эксплуатировали недовольство людей, вызванное уклонением власти от советских идеалов. Внедрение новых стереотипов (обогащения, аморальности, насилия), с помощью которых можно было манипулировать сознанием подрастающего поколения, началось позже.

Еще трудно дать систематический и полный ответ на вопрос, какие источники недовольства были использованы в перестройке, дав обоснованную оценку «веса» каждого из них. Я лишь укажу на несколько важных, на мой взгляд, причин, которые обычно упускаются из виду.

Начнем с очевидного. Главные дефекты любого социального проекта состоят в том, что он не удовлетворяет какие-то фундамен-

тальные потребности значительных частей общества. Если обездоленных людей много и они сильны, проект под их давлением изменится или, при достижении критического уровня, терпит крах. Давайте разберемся, кто и чем был обездолен в советском проекте. И не будем сразу расставлять оценки: мол, эта потребность разумна и достойна, а та — каприз, а вон та — порок. Сначала надо хладнокровно описать реальность.

Вспомним вторую банальность, о которой говорилось в главе 2: человек живет в двух мирах — в мире природы и мире культуры. На этот двойственный характер нашей окружающей среды можно посмотреть и под другим углом зрения. Человек живет в двух мирах — мире вещей и мире знаков. Вещи, созданные как природой, так и самим человеком, — материальный субстрат нашего мира. Мир знаков, обладающий гораздо большим разнообразием, связан с вещами, но сложными, текучими и часто неуловимыми отношениями (например, «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать»). Даже такой с детства привычный особый вид знаков, как деньги (возникший как раз чтобы соединять мир вещей и мир знаков), полон тайн. С самого своего возникновения деньги служат предметом споров среди философов, поэтов, королей и нищих. Деньги полны тайн и с древности стали неисчерпаемым источником трюков и манипуляций.

Откуда вырос советский проект и какие потребности он считал фундаментальными? Он вырос прежде всего из мироощущения крестьянской России. Отсюда исходили представления о том, что необходимо человеку, что желательно, а что — лишнее, суета сует. В ходе революции и разрухи этот проект стал суровым и зауженным. Носители «ненужных» потребностей были перебиты, уехали за рубеж или перевоспитались самой реальностью. На какое-то время в обществе возникло «единство в потребностях».

По мере того как жизнь входила в мирную колею и становилась все более и более городской, узкий набор «признанных» потребностей стал ограничивать, а потом и угнетать все более и более разнообразные части общества. Для них Запад стал идеальной, сказочной землей, где именно их ущемленные потребности уважаются и даже ценятся. О тех потребностях, которые хорошо удовлетворял советский строй, в этот момент никто не думал. Когда ногу жмет ботинок, не думают о том, как хорошо греет пальто.

Чем же отличается крестьянская жизнь от «городской»? Тем, что она религиозна. А значит, земные потребности просты и естественны, зато они дополнены интенсивным «потреблением» духовных образов. Речь идет не столько о церкви, сколько о космическом чувстве, способности видеть высший смысл во всех проявлениях Природы и человеческих отношений. Пахота, сев, уборка

урожая, строительство дома и принятие пищи, рождение и смерть — все имеет у крестьянина литургическое значение. Его жизнь полна этим смыслом. Его потребности велики, но они удовлетворяются внешне малыми средствами.

Жизнь в большом городе лишает человека множества естественных средств удовлетворения его потребностей. И в то же время создает постоянный стресс из-за того, что городская организация пространства и времени противоречит его природным ритмам. Думаю, стратегической ошибкой была принятая в период индустриализации ориентация на промышленное развитие в крупных городах (мегаполисах). Опора советского строя — село и малые города, их и надо было укреплять и развивать. Видимо, на это не хватало средств, да и расщеплено было сознание наших марксистов, увлеченных идеей прогресса.

Итак, реальностью жизни большинства граждан в СССР стал стресс, порожденный городской средой обитания. Этот стресс давит, компенсировать его — жизненная потребность человека.

Вот пример. Транспортный стресс вызывает выделение нервных гормонов, порождающих особый, не связанный с голодом аппетит¹. Приехав с работы, человек хочет чего-нибудь пожевать. Не нормально поесть, чтобы утолить голод, а именно пожевать чего-нибудь аппетитного (т. н. «синдром кафетерия»). Кажется, мелочь, а на деле — потребность, ее удовлетворение должно быть предусмотрено жизнеустройством. Если же это считается капризом, возникает масса реально обездоленных. Мать, которая говорит сыну, целый час пробывшему в городском транспорте: «Не жуй бутерброд, сядь и съешь тарелку щей», — просто не знает, что ему нужен именно бутерброд, красивый и без питательной ценности. Таких «бутербродов» (в широком смысле слова) советский строй не производил, он предлагал тарелку хороших щей.

И подобных явлений, неведомых крестьянину (и непонятных нашим старшим поколениям), в городе множество. Вновь подчеркнем, что кроме природных, биологических потребностей, для удовлетворения которых существуют вещи, человек нуждается в потреблении образов. Эти потребности не менее фундаментальны.

¹ Эти гормоны — что-то вроде наркотиков, производимых самим организмом. Они и были открыты, когда исследователи задались вопросом: как морфин (главный компонент опиума) проникает в нервную клетку. Оказалось, что на поверхности клетки есть рецепторы морфина — участки, которые «распознают» молекулу наркотика в токе крови и захватывают ее. Зачем такие рецепторы в нервных клетках млекопитающих? Значит, надо искать что-то «свое», пространственно похожее на морфин. Так открыли первый гормон — эндорфин («внутренний морфин»), вещество иной природы, но с похожим действием. Оно, например, выделяется в кровь при болевом шоке в необходимой дозе. Разница с «внешними» наркотиками в том, что к «внутренним» человек не привыкает и наркоманом не становится.

Сложность проблемы возрастает, если вспомнить, что мир вещей и мир знаков перекрываются, разделить их трудно. Многие вещи, вроде бы предназначенные для какой-то «полезной» цели, на самом деле дороги нам как образы, знаки, отражающие человеческие отношения. Старая чашка, модное платье, мотоцикл — все это образы, несводимые к материальным функциям, но они воплощены в вещах. В жизни крестьян потребность в образах в огромной степени удовлетворяется как бы сама собой — связью с природой и людьми, типом труда. В городе эта потребность покрывается производством огромного количества вещей-знаков, «ненужных» вещей¹. В советское время престарелые идеологи клеймили вдруг вспыхнувший в нашем скромном человеке «вещизм». Стоявшую за ним потребность подавляли средствами государства — и она в конце концов вырвалась из-под гнета уже в уродливой форме.

Как решил (или хотя бы на время смягчил) эту проблему Запад? В целом городское общество Запаदा стало безрелигиозным, но наполнилось огромным числом фетишей (вещей-образов). Отношения людей приобрели форму отношений вещей и были ими замаскированы. Поскольку речь шла прежде всего об образах, стало возможным наращивать их потребление с относительно малым увеличением материальной основы — пойти по пути создания «виртуальной (несуществующей) реальности». Важнейшей частью жизни стали витрины — вид вещей, которые потреблялись уже только как образы, без покупки их носителей. На Западе подавляющее большинство посетителей крупных универсамов просто ходит, разглядывая витрины, не собираясь ничего покупать. Кстати, пока Запад к этому не пришел, целых полтора десятилетия начальной индустриализации рабочие массы создавали себе «виртуальную реальность» сами — беспробудно пили.

Следующим шагом стала современная реклама: образ создавался прямо в пространстве, в эфире. Суть рекламы — вовсе не в информации о реальных товарах, которые человек должен купить. Главное — создание изобилия образов, они и есть «бутерброды». Только кажется, что это — отражение изобилия вещей и возможно-

¹ В моей жизни я видел три средства добывания огня. В годы войны и в деревне, и в городе в ходу было огниво, его называли «катюшей». У всех почти одинаковое: кресало, кремь и трут. Но каждое высекание огня было событием. Чаще всего оно проводилось на людях и сопровождалось шуткой, анекдотом, сентенцией, поэтической строфой. Каждое такое событие оживляло и дополняло мир образов. Когда установилась «нормальная» жизнь, в ход пошли спички — стандартные и утилитарные, хотя и несущие тайну огня. Теперь — зажигалки. Часть их тоже утилитарна и прозрачна, но рядом возникло множество зажигалок-знаков. Красивые вещицы, сделанные с изощренной фантазией, они много дают человеку, крутящему их в руках, ощущающему их вес, фактуру, звук пьезокристалла.

стей. Реклама — иллюзия, часть той вымышленной («виртуальной») реальности, в которой живет человек Запада.

В перспективе этот путь ведет к опустошению человека, к утрате им связи с миром и другим человеком, к нарушению хода его естественной эволюции. Запад как «пространство фетишей» породил уже особого человека. Возможно, на этом пути Запад зашел в тупик, но временно он ответил на новые потребности человека и «погасил» их избытком суррогатов¹. Та культура, которая была создана для производства дешевых и легко потребляемых образов, «овладела массами». Буржуазный порядок завоевал культурную гегемонию. Огромную силу и устойчивость буржуазному обществу придало и то, что оно нашло универсальную (для его людей!) знаковую систему — деньги. Деньги стали таким знаком, который был способен заменить любой образ, представить любой тип отношений. Все — покупается! За деньги можно получить любую вещь-знак, удовлетворить любую потребность.

Как же ответил на потребности нового, городского общества советский проект? Большая часть потребности в образах была объявлена ненужной, а то и порочной. Это четко проявилось уже в 50-е годы, в кампании борьбы со «стилягами». Они возникли в самом зажиточном слое, что позволило объявить их просто исчадием номенклатурной касты. А речь шла о симптоме грядущего массового социального явления. Никак не ответив на жизненные, хотя и неосознанные, потребности целых поколений молодежи, родившейся и воспитанной в условиях крупного города, советский строй буквально создал своего могильщика — массы *обездоленных*.

В 1989 г. 74% опрошенных интеллигентов сказали, что их убедят в успехе перестройки «прилавки, полные продуктов» (так же ответили 52% опрошенных в среднем). В этом ответе выражена именно потребность в образе, в витрине. Это ответили люди, которые в целом благополучно питались, на столе у них было и мясо, и масло. Им нужны были «витамины». И сегодня многие из них, уже реально недоедая, не хотят возвращаться в прошлое с его голодом на образы.

Предпосылки для этой узости советского проекта кроются и в крестьянском мышлении большевиков, и в тяжелых четырех десятилетиях, когда человека питали духовные, почти религиозные об-

¹ Мы здесь не берем проблему во всей ее сложности. Ясно, что в России нельзя скатываться на производство таких образов, что превращают человека в дебила, эксплуатировать секс, насилие, дешевый политический театр, как это делает Запад. Об этом предупреждал уже Достоевский. Но нельзя и экономить на этом. Ясно, что никакая страна не может создать избыток и достаточное разнообразие образов. Но, понимая проблему, можно обеспечить их импорт так, чтобы он не разрушал нашу цивилизацию, — мировой запас образов огромен.

разы — долга, Родины. Когда я пришел в университет, там даже некоторые преподаватели еще ходили в перешитых гимнастерках и сатиновых шароварах. У них не было потребности в джинсах, но через пять-то лет она возникла. Выход из этого состояния провели плохо. Не была определена сама проблема и ее критические состояния. В конце заговорили о «проблеме досуга», но это не совсем то, да и дальше разговоров дело не пошло. Важной отдушиной был спорт, что-то нащупывали интуитивно (стали делать первые сериалы; уже огромный успех «Семнадцати мгновений весны» должен был насторожить). Видимо, ошибочной была и ориентация на промышленное развитие в крупных городах (мегаполисах). Опора советского строя — село и малые города, их и надо было укреплять и развивать.

Важной причиной было и воздействие на советскую социальную философию материализма, из которого все мысли Маркса о товарном фетишизме были, по сути, выкинuty. Остались только грубые выводы — об эксплуатации. Хотя, надо признать, Маркс не вполне разработал тему, понять его сложно. Но он хоть видел проблему, предупреждал о ней. Беда советского строя была не в том, что проблему плохо решали — ее игнорировали, а страдающих людей считали симулянтами и подвергали презрению. Так возникла и двойная мораль (сама-то номенклатура образы потребляла), и злобление.

В проблеме *голода на образы* тесно примыкает другая объективная причина неосознанного недовольства жизнью в городском советском обществе начиная с 60-х годов — избыточная надежность социального уклада, его детерминированность. Порождаемая этим скука значительной части населения, особенно молодежи — оборотная сторона высокой социальной защищенности, важнейшего достоинства советского строя. В СССР все хуже удовлетворялась одна из основных потребностей не только человека, но и животных — потребность в неопределенности, в приключении.

Как биологический вид, человек возник и развился в поиске и охоте. Стремление к «приключению» заложено в нас биологически, как инстинкт, и было важным фактором эволюции человека. Поэтому любой социальный порядок, не позволяющий ответить на зов этого инстинкта, будет рано или поздно отвергнут. У старших поколений с этим не было проблем — и смертельного риска, и приключений судьба им предоставила сверх меры. А что оставалось, начиная с 60-х годов, всей массе молодежи, которая на своей шкуре не испытала ни войны, ни разрухи? БАМ, водка и преступность? Этого было мало. Риск и борьба были при трениях и столкновениях именно с бюрократией, с государством, что и создавало его образ врага.

Нас в перестройке увели от этого вопроса, предложив внешне похожую тему политической свободы. Но речь не о ней, эта свобода — та же кормушка. Ее сколько угодно на Западе — а дети из хороших семей идут в наркоманы или кончают с собой. А стабильный режим Запада потому, что все его жизнеустройство основано как «война всех против всех» — конкуренция. Всех людей столкнули между собой, как на ринге, и государство, как полицейский, лишь следит за соблюдением правил войны¹. Треть населения ввергнута в бедность и в буквальном смысле борется за существование — никаких иных приключений ей уже не надо. А остальным предложен рискованный лабиринт предпринимательства. Причем он доступен всем и поглощает страсть всех, кто в него входит, а вовсе не только крупных дельцов. Старушка, имеющая десяток акций, потеет от возбуждения, когда узнает по телевизору о панике на бирже. Живущий в каморке и сдающий свою квартиру «домовладелец» волнуется, что жилец съедет, не заплатив за телефон. Разбитые в уличной толчее очки потрясают бюджет среднего человека.

На фоне этих драм и постоянных побед и поражений жизнь советского человека с его гарантированным благосостоянием (даже если бы оно было велико!) превращается в бесцельное существование. Тошно жить, если очки стоят три рубля. Разбили — пошел и купил. Чтобы не было скучно, тебя уже нужно как минимум прыгнуть ножом. Но в этой игре у нормального человека не бывает побед, одни поражения — и такая игра проблемы не решает. Среднему человеку жить при развитом советском социализме стало скучно. И никакого выхода из этой скуки наш проект не предлагал. Более того, он прямо утверждал, что дальше будет еще скучнее. И тут речь идет не об ошибке Суслова или даже Ленина. Тот социализм, что строили большевики, был эффективен как проект людей, *испытавших беду*. Это могла быть беда обездоленных и оскорбленных социальных слоев, беда нации, ощущающей угрозу колонизации, беда разрушенной войной страны. Но проект не отвечал запросам общества благополучного — общества, уже пережившего и *забывшего беду*.

Полезно посмотреть, кто особенно огорчался и особенно радовался краху социализма (речь идет, разумеется, о группах, а не отдельных личностях). Огорчались прежде всего те, кто в СССР ушел от скуки надежной жизни в какого-то рода творчество — но твор-

¹ И при этом Запад создал целую индустрию развлечений в форме «виртуальной войны». Одно из таких захватывающих шоу — политика. Другое — виды спорта, возрождающие гладиаторство, от женских драк на ринге до автогонок с обязательными катастрофами. И побезобиднее — множество телеконкурсов с умопомрачительными выигрышами. Миллионы людей переживают: угадает парень букву или нет? Ведь выигрыш 200 тыс. долларов!

чество, не нарушавшее стабильности общества и его режима. Таких доступных видов творчества и связанных с ним переживаний и приключений — множество. И доступ к ним имело подавляющее большинство граждан, но только теоретически¹. Ошибка советского социализма в том, что он принял как догму убеждение, будто все люди мечтают сделать творческое усилие и будут рады просто предоставлению такой возможности. Эта догма неверна дважды. Во-первых, не все мечтают о творчестве, у многих эти мечты подавлены в детстве — родителями, садиком, школой. Во-вторых, значительная часть тех, кто мечтал, испытали неудачу при первой попытке и не смогли преодолеть психологический барьер, чтобы продолжить. Так и получилось, что основная масса людей не воспользовалась тем, что реально давал социализм. Не то чтобы ее оттеснили — ее «не загнали» теми угрозами, которые на Западе заставляют человека напрягаться.

Стимулирование угрозой — не единственный механизм, заставляющий делать усилия. Более того, этот механизм неизбежно травмирует душу и обедняет жизнь самого успешного человека. Но надо признать как провал всего проекта советского социализма то, что он оказался неспособным создать иной, не разъединяющий людей механизм их вовлечения в творчество. А значит, сделал неудовлетворенными массу людей. Так в получившей достаток семье с низкой культурой молодые люди начинают много есть и спать до обеда — они теряют радость жизни, начинают мрачнеть и озлобляться. Именно они и составили широкую «социальную базу» для разрушения СССР. Можно не считать их мотивы уважительными, но ведь речь идет о страдающей части общества. Ведь советский строй не дал этой категории людей хотя бы того утешения, которое предусмотрительно дает Запад — потребительства. Как можно было запирает таких людей в стране, где нет сорока сортов колбасы! Ведь это же социально взрывоопасный материал.

Другой крупный контингент, который радуется крушению режима — молодежь, и по вполне естественным причинам. Для нее скука губительна даже биологически. Если она длится слишком долго, то и творчество воспитывать детей становится недоступным — детей нет. Возникает заколдованный круг. Парадоксально, но скоро мы будем наблюдать духовный рост и вспышку творческой активности молодежи, направленную на восстановление со-

¹ Важнейшее творческое дело — воспитание своих детей. Вроде бы оно всем доступно, но это не так. Любое творчество — труд, и многие родители от него отказываются, сводят все к питанию. И все же, думаю, именно те, кто вложил большой труд в воспитание детей, особенно страдают сегодня. Им не было скучно, а для их творчества были предоставлены условия. Для него не были необходимы ни многопартийность, ни сорок сортов колбасы в магазине.

циализма, то есть порожденную опять-таки крушением советского режима.

Конечно, советский строй мог бы продлить свое существование, если бы следовал рецептам Великого Инквизитора из легенды Достоевского. Если бы позволил людям в свободное от работы время грешить (под контролем и с регулярной исповедью) и облегчил распевание детских рок-песенок. Если бы наладил выпуск баночного пива с надписью «завод им. Бадаева» не на русском, а на английском языке, и т. д. Слава богу, что так не случилось — это было бы поражение более фундаментальное.

В будущем, если мы выживем, задача резко облегчается тем, что старый советский проект — мобилизационный социализм — сломан. Не придется решать сложную проблему мягкого выхода из него — нас вырвали из него с кровью. Значит, придется не ломать, а воссоздавать солидарное жизнеустройство в новом виде — зная уже о потребности людей не только в белках и углеводах, но и в витаминах.

§ 2. Возрождение сословности в позднем советском обществе

Углублению культурного кризиса в России способствовал тот факт, что в ходе перестройки и реформы были опорочены важнейшие принципы общественного устройства — демократия, гражданство, свободное волеизъявление. Отрицание той политической практики, что прикрывалась этими понятиями, породило тягу к архаическому фундаментализму. Возникло тяжелое противоречие: перестройка была с энтузиазмом поддержана именно вследствие осознанной необходимости модернизации общества, но вызванное реформой социальное бедствие толкнуло маятник массовых настроений к архаизации.

В заметной части оппозиции даже бытует важная политическая концепция. Суть ее в том, что России не нужна демократия, всякие там выборы и парламенты, а нужна «спасительная и созидательная диктатура». Русскому народу приписывается мечта о сословном обществе, живущем под рукой доброго царя (генсека, патриарха, президента и т. п.). Псевдосословные атрибуты стали важной частью политического спектакля¹.

По контрасту с этим сословным фундаментализмом, восставшая в памяти оба движения маятника, можно сказать, что именно возродившаяся в советском обществе сословность стала одной

¹ Люди даже не замечают абсурдности этого театра. Ученый секретарь Отделения философии и права АН СССР становится атаманом Уральского казачьего войска, на доме появляется вывеска «Дворянское собрание г. Красноармейска» и т. д.

из причин общего глухого недовольства, которое было использовано в психологической войне против СССР.

Известно, что тот «культурный слой» (правильнее сказать, модернизированная часть общества), который был необходим для государственного строительства, восстановления и развития хозяйства после гражданской войны 1918—1921 гг., имел не классовую, а сословную природу. Чиновничество, офицерство, интеллигенция и даже торговцы в царской России были сословиями, сохранявшими свою довольно закрытую культуру. Именно их реставрации как замкнутых сословий (особенно бюрократии) чрезвычайно боялся Ленин в последние годы своей деятельности. Он искал, но не нашел противоядия против этого процесса, хотя верно угадывал его опасность для советского строя.

Необходимость форсировать восстановление страны вынудило большевиков пойти даже на искусственное «строительство сословий» (вплоть до метафоры военно-монашеского сословия рыцарства). Крестьянская анархическая утопия всеобщей коммуны под лозунгом «Вся власть Советам!», очевидно, была несовместима ни с какой государственностью. Отсутствие гражданского общества не позволяло построить государство и «снизу». Стихия Советов была приведена в дееспособную систему благодаря двум гениальным открытиям. Первое из них — «партия нового типа», которая представляла собой постоянно действующий поместный собор и рыцарский орден одновременно. Второе — «номенклатура», учрежденная в 1923 г., которая соединяла в масштабе страны кадры управления в единую, подчиненную центральной власти систему. Это были сословия нового типа, но сословия. В героический период они заполнялись новыми, свежими кадрами, так что поддерживалась высокая социальная мобильность и замкнутость этих сословий не ощущалась. Но затем произошло то, что М. Вебер называет «институционализацией харизмы», — героические «рыцарские» сословия устоялись и обустроились. Таким мы и помним советское общество 80-х годов.

После выборов 1999 г. на Украине нельзя не признать: возвращаться в *это* советское общество даже из нынешней страшной действительности значительная часть народа не хочет¹. Два, три, пять лет после слома советского строя еще можно было утешать себя тем, что нас предали, обманули, соблазнили. Но когда второй раз выбирают Ельцина, а потом еще и Кучму — ничтожного чело-

¹ Имеется еще неопределимая, но значительная часть тех, кто и хотел бы вернуться в советский строй, однако предвидит на этом пути такие трудности и опасности, что предпочел бы выбраться из нынешней ямы через плавный вираж, а не реставрацию. В совокупности обе эти категории и решают исход выборов, давая около половины голосов. Некоторая фальсификация в пользу власти — не в счет.

века, который не вызывает на Украине ничьих симпатий, — уже нельзя лукавить с самим собой. Кто на Украине не знает результатов правления Кучмы? Каждый их испытал на своей шкуре. За него голосовали единственно потому, что он — препятствие к восставлению советского строя. Никакой другой пользы от него нет.

Трудно это признать потому, что непонятно. Ведь на Украине 88% населения высоко оценивают советский строй. Как же так? Как можно высоко оценивать и не желать в него вернуться? Если вдуматься, противоречия здесь нет. Вот обычная история: разлюбил человек жену, развелся. Он очень высоко ее ценит, перечисляет все достоинства, но вернуться не желает. Раньше любил и был счастлив, а сейчас не может. Что-то в нем изменилось, по-другому стал смотреть на вещи. И ведь мы понимаем этого человека, хотя он порой и не смог бы объяснить, что ему разонравилось в жене. Общество легче поддается изучению, чем душа отдельного человека, давайте думать. Дело очень облегчается тем, что у нас есть две сходных драмы, так что их сравнение — почти исторический эксперимент.

Давайте именно с этой стороны посмотрим на обе наши катастрофы — в 1917-м и в 1991 г. Они — урок на будущее и помогают понять нынешний момент. Сравнивая ход событий, который привел к отказу от поддержки существовавшего общественного строя России, я лично прихожу к выводу, что в обоих случаях главным был отказ именно от сословного устройства общества. Перерастал его наш народ. Поэтому утрачивала авторитет духовная инстанция, которая оправдывала такое устройство (Церковь, а потом КПСС), а затем лишалось силы и государство. В феврале 1917 г. в отрицании сословного строя соединились две силы, которые между собой были более непримиримыми противниками, нежели каждая по отдельности с сословным строем. Либеральная буржуазия стремилась превратить Россию в классовое гражданское общество западного типа, а крестьяне и рабочие — в солидарную братскую общину, царство божье на земле.

В обоих случаях причина отказа от сословности, на мой взгляд, крылась в двух противоположно направленных ускоряющихся процессах: росте самосознания главных сословий и одновременном упадке, духовной деградации правящего сословия. Когда это противоречие достигало критического уровня, происходил моментальный слом, которого никто не предвидел в такой резкой форме. Дело в том, что на последнем этапе оба взаимосвязанных процесса усиливали друг друга, так что вырождающаяся элита все больше ненавидела именно восходящее сословие и все больше досаждала ему. Возникало то, что в химии называют *автокатализ*, — продукты реакции ускоряли саму реакцию, и процесс шел взрывно. При

этом «поблажки» правящего слоя народу лишь вызывали его возмущение.

Сегодня в среде патриотов стало хорошим тоном идеализировать монархию Николая II и вспоминать, как она сдвигалась к правовому государству, как царь дал «Манифест», как этот процесс был сорван злыми революционерами. Все это, думаю, неискренне. Эти люди просто не могут не знать общеизвестных вещей. Ведь и «Манифест», и обещания свобод не могли быть восприняты основной массой русских людей иначе как издевательство. Вспомните: массовые порки крестьян, которых никогда не бывало в России в прошлые столетия, начались сразу за принятием закона, отменяющего телесные наказания. Казни крестьян без суда, зачастую даже без установления фамилии, так что казненных хоронили как «бесфамильных», вошли в практику как раз после «Манифеста». Есть архивный фонд, в котором собраны рапорты полицейских чинов на вопиющую жестокость и противозаконность действий карательных экспедиций против крестьян. На этих рапортах пометки синим карандашом, сделанные рукой царя. Под каждой пометкой удостоверено каллиграфическим почерком: «Его императорским величеством собственноручно начертано» — и подпись начальника императорской канцелярии. Не стоило бы сейчас поминать эти позорные надписи и шуточки, недавно похоронили останки Романова. Но если уж его снова втягивают в политику, то кто-то со злости опубликует¹.

Народные массы России в начале века отвергли капитализм, несущий разделение народа на враждебные классы. Но и сословное деление общества, при котором права и обязанности передаются по наследству и трудно человеку изменить свое положение благодаря собственным усилиям, давно претило русским. Потому такую большую роль в нашей жизни играли «внесословные» типы людей — те, кто ушел в поры общества, вырвался из своей клеточки. Сначала казаки и странники, потом разночинная интеллигенция, студенты и революционеры². По мере того как и казаки, и ин-

¹ Лев Толстой подчеркнул именно моральное падение монархии, которое привело к оскорблению подавляющего большинства подданных, обретших к этому времени высокоразвитое самосознание, — крестьян. Вспомним его слова: «Для блага нашего христианского и просвещенного государства необходимо подвергать нелепейшему, неприличнейшему и оскорбительнейшему наказанию не всех членов этого христианского просвещенного государства, а только одно из его сословий, самое трудолюбивое, полезное, нравственное и многочисленное».

² Похожими причинами, думаю, объяснялось и благожелательное отношение к трудовым евреям, жившим среди русских, — они тоже были внесословны (в 1905 г. один волостной сход учредил, по сути, республику и избрал для управления комитет из «двенадцати крестьян и двух евреев»; эта власть держалась несколько месяцев).

теллигенты, и даже революционеры «обустряивались» в сословия, симпатии к ним испарялись.

Наследуемый характер прав и привилегий развращает высшие сословия, происходит дегенерация элиты. Войны и потрясения замедляют этот процесс, взбадривают элиту, а в благополучное время вырождение ускоряется. Выродившееся «дворянство» вызывает у народа уже не просто вражду, а омерзение. «Дворянство» же платит народу ненавистью и склоняется к национальной измене. В начале века дворянство, составлявшее 1% населения, владело половиной пахотной земли, отнимало за аренду у крестьян половину урожая и прожирало эти деньги в Париже или проигрывало в Монако. Кончилось тем, что аристократы по уговору с Западом свергли царя, а офицеры-дворяне кинулись служить Западу в «белой армии» (полезно перечитать «Белую гвардию» М. Булгакова и вдуматься, кому служили нежнейшие Турбины).

Расцвет русского народа — именно те короткие сорок лет советского строя, когда были сломаны и даже забыты сословные перегородки и мы стали народом-семьей, народом-общиной. Сын приходского священника Василевский становился маршалом, Королев после рабфака — академиком, Главным конструктором ракет, Гагарин после ремесленного училища — первым космонавтом. Новое «дворянство», номенклатура, честно служило и воевало. Но наступили благополучные 60-е годы, и третье поколение номенклатуры уже сильно отличалось от первых. Оно в массе своей пришло не из рабфаков и глухих деревень, это были дети начальства. Они обрели сословное сознание и научились отделять свои сословные интересы от интересов общества и государства.

С этого момента, кстати, начинается конфликт правящего сословия с официальной идеологией государства. Она всегда накладывает ограничения на аппетиты привилегированного сословия, напоминает о его обязанностях. Так было и в начале века — дворянство было атеистическим. Это особенно красноречиво проявилось в феврале 1917 г. — офицерство практически поголовно было антицерковным. Однако религия была весьма терпима к барству, и открытого конфликта дворянства с церковью не возникло. Иное дело коммунистическая идеология, она была несовместима с сословными интересами верхушки советского общества. Здесь возникла именно ненависть. Уже в 60-е годы у простого человека, случайно попавшего в компанию бюрократов и партработников, крайнее изумление вызывало то удовольствие, с которым они смаковали антисоветские анекдоты. Вслед за осознанием своей ненависти началась упорная работа по разрушению коммунистической идеологии. Все, что ей вредило, находило поддержку. Все, что ее укрепляло (в том числе разумная критика), душилось. Это прекрасно видно

хотя бы в кадровой политике. Вполне объяснима и ненависть к Сталину. Он, создатель номенклатурной системы, в то же время применял жестокие методы контроля над нею и ее «взбадривания» — и сам ее ненавидел («каста проклятая»). После 1953 г. люди сталинского типа не имели уже никакого шанса подняться к руководству.

Заметим, что сначала меньшевики, потом Троцкий и еврокоммунисты, а затем и наши вульгарные марксисты выводили свои антисоветские концепции из того, что якобы номенклатура (бюрократия) превратилась в класс, владеющий собственностью и потому враждебный трудящимся. Это не соответствует действительности. Классы довольно открыты, статус в них не наследуется (сын-балбес может жить на деньги папы-буржуя, но стать умелым предпринимателем по благу не сможет). Поэтому вырождения классовой элиты не происходит. Еще важнее для нас тот факт, что элита правящего класса является одновременно творцом официальной идеологии и государства. В отличие от сословия она в принципе не может быть заинтересована в подрыве своей идеологии и государства и служить «пятой колонной» в войне против своей нации. В отличие от сословия буржуазия не тяготеет к национальной измене. Советская номенклатура не была классом, она была именно сословием, которое под конец тяготилось своим государством.

Разумеется, и в дворянстве царской России, и в советской номенклатуре были честные люди, которые любили свою Родину и т. д. Но в период упадка уже не они решали дело, они вообще действовали почти как в подполье. В общем, национальная измена советской номенклатуры была потрясающе единодушной. Было бы очень интересно опубликовать список всех сотрудников аппарата ЦК КПСС последних лет СССР с указанием их нынешней должности и доходов (а также рода занятий их близких родственников). Ведь даже если секретарь ЦК КПСС О. Шенин остается несгибаемым коммунистом, всплывает его родственник Шойгу в ранге влиятельного министра — а это и есть признак сословности.

Омерзение, которое вызывает правящее сословие периода упадка, иррационально и даже неразумно. Черная «Волга» секретаря райкома вызывала злобу, а «Мерседес» сопляка-ворюги воспринимается равнодушно, а то и с симпатией. Это именно неразумно, потому что тот секретарь райкома с прагматической точки зрения был все равно лучше ворюги. Но люди не следуют прагматическим расчетам, от секретаря райкома уже пахло изменой, а от шпаны на иномарках — только перегаром.

Конечно, если бы не холодная война, то советский строй пережил бы болезнь, и был бы найден близкий русской культуре тип демократии. Но СССР уже не мог уцелеть при номенклатуре образца

80-х годов, заключившей союз с Западом. Недовольство трудящихся было глухим, но устойчивым — на нем можно было паразитировать антисоветским идеологам. Не было понято предупреждение Ленина рабочим — бороться с советским государством, но в то же время беречь его как зеницу ока. Убийственным выражением недовольства был бунт интеллигенции — «бессмысленный и беспощадный». Историческая вина интеллигенции в том, что она не сделала усилий, чтобы понять, против чего же она бунтует. Она легко приняла лозунги, подsunутые ей идеологами самой же номенклатуры. Так интеллигенция начала «целиться в коммунизм, а стрелять в Россию». И до сих пор продолжает стрелять.

Перед нами стоит проблема, которой пока что нет ни в каком другом обществе (лет через сто она встанет и перед Китаем, если он не пойдет по пути оболванивания масс): народ с высоким уровнем образования и культуры, который не рассыпался на индивидов и не принял классового деления, перерос и сословный тип общества. Как его преодолеть? В какой-то мере эта проблема схожа с теми, что столкнулась Россия при выходе из военного коммунизма в 20-е годы и из «мобилизационного социализма» (сталинизма) в 60-е.

Из военного коммунизма вышли через НЭП — чрезвычайно сложную и оригинальную программу (об «отступлении» говорилось для упрощения, это был неизведанный путь вперед). А. А. Богданов, взяв как объект изучения военного коммунизма даже не Россию, а более чистый случай — Германию, показал, что это «ублюдочный» хозяйственный уклад потребительского коммунизма как чрезвычайного режима и что социализм не входит в число его «родителей». И главное для нас положение: военный коммунизм, возникнув в чрезвычайных условиях, после исчезновения породивших ее условий (окончания войны) сам собой не распадается. Выход из военного коммунизма — особая и сложная задача. В России решить ее было особенно непросто, поскольку очень большую роль играли Советы солдатских депутатов, проникнутые мышлением военного коммунизма. Точно так же сословное устройство советского общества, возникнув, само собой не исчезало с исчезновением породивших его причин. Его надо было «демонтировать», и это очень непросто.

В какое же государственное устройство можно «упаковать» такой народ, что не желает ни классов, ни сословий? В 1917 г. наш народ сам задал тип власти — Советы, взявшие за образец прямую демократию сельского схода. Но поднять промышленную страну с таким типом власти было невозможно, нужны были «быстродействующие» централизованные механизмы (партия и номенклатура), а с ними возникли и привилегированные сословия. Какой же тип государства у нас возможен и желателен?

Пока что простого и хорошего решения этой проблемы нет, есть только наметки. Все они противоречивы, их надо обсуждать в спокойном и рассудительном разговоре. Сложность в том, что мы не знаем, как выйти из этого заколдованного круга: реформа провалилась, и наше общество не расколосось на классы. Так что «правильной» буржуазной, а затем пролетарской революции нам ждать не приходится. Слава богу, нас не загнали в этот тупик. Если же нам удастся вернуться на путь построения солидарного общества типа советского, то через какое-то время в нем начнет восстанавливаться сословность. История повторится, хотя благодаря полученным урокам можно будет смягчить процесс. Конечно, после окончательного краха реформ страна окажется в таком же положении, как после гражданской войны в 1921 г. Значит, одно-два поколения нового «дворянства» вынуждено будет работать честно и довольствоваться малым.

Но мы должны думать о проекте в целом, нельзя закладывать в него старые нарывы. А главное, через освоение истории защитить себя от манипуляции нашим сознанием.

§ 3. Тоталитаризм источника сообщений

Манипуляция возможна только в том случае, если в ходе акции не врывается действительно альтернативное мнение или информация (если оппозиция не выходит за рамки уговоренных нападков на власть, пусть даже самых жестких, она допускается и даже приглашается). И дело здесь не в том, что альтернативная информация бывает достаточна, чтобы пересилить аргументы манипулятора и дать аудитории возможность сделать разумный выбор между позициями. Скорее, что этот независимый голос, даже очень краткое его звучание, производит магический эффект — он снимает наваждение. Рушится построенная манипуляторами обстановка внушения, когда контролируемые им пропагандисты вещают истины, в которых нельзя и усомниться — их надо впитывать. Для этого, конечно, пропагандисты должны обладать авторитетом, но он во многом создается самим манипулятором. Если в акцию по манипуляции сознанием врывается неподконтрольный голос, эта акция свертывается, даже если на нее затрачены значительные средства, ибо эффект от нее будет обратный.

Это поражает, когда сталкиваешься на практике. Кажется, какая разница! Ну, была бы небольшая дискуссия, но все равно твой слабый голос не мог же пересилить извержение профессиональных пропагандистов. Думаю, не я один безуспешно пытался в конце 80-х годов пробиться в печать, чтобы опровергнуть хотя бы самые абсурдные и скандальные тезисы наших поборников безработицы. Веро-

ятно, однако, я был одним из немногих, кто превратил эти попытки в эксперимент. Я обошел почти десяток изданий (газет и журналов), использовал все возможные средства влияния, после чего написал письмо в Отдел пропаганды ЦК КПСС и сумел передать его руководству Отдела вместе со статьей. Мне позвонили и попросили подробнее рассказать, как было дело. Я сказал, что основные издания, являющиеся органами ЦК КПСС или ЦК ВЛКСМ, категорически отказываются принять статью, где без всякого надрыва предлагается рассмотреть проблему безработицы в СССР в более широком плане, нежели это делают экономисты. По стилю и качеству к статье претензий нет, отказ везде мотивируют тем, что «редакция не согласна с моей точкой зрения». У меня вопросы к Отделу пропаганды, в ведении которого находятся эти издания: как эта позиция согласуется с Конституцией СССР, утвердившей право на труд, с идеологией самой КПСС и с объявленной в стране гласностью? На это голос из ЦК ответил: «Мы и сами ума не приложим, как быть. Посоветуйте нам». Я вежливо попрощался и был очень рад: с Горбачевым и его перестройкой стало все ясно. Это была осень 1988 года.

А вот конец 1998 г., через десять лет. Меня пригласили участвовать в новой передаче на телевидении, которая была задумана как дебаты по важным вопросам — три-четыре человека с разными точками зрения. Для пробы собрались Ф. Бурлацкий — один из «прорабов перестройки», умеренный демократ горбачевской заправки, В. Никонов — молодой активный выдвиженец из команды Ельцина, и я — от «реакционеров».

Когда приходится разговаривать с идеологами перестройки и нашей рыночной реформы лицом к лицу, меня охватывает чувство чего-то нереального, как будто снится какая-то чертовщина, какой наяву и быть не может¹. Оказалось, что мои собеседники любят поговорить, и пока мне удалось вставить слово, они наговорили такого, что ни о какой рассудительной, академической беседе уже и речи не могло идти. Началось с того, что ведущий спросил: почему же это, мол, реформы у нас не идут, а вон в Китае тоже реформы, а какое благолепие. Бурлацкий, который, конечно же, с Дэн Сяо-пином был на дружеской ноге, тут же дал исчерпывающий ответ: «У нас реформы не идут потому, что у нас нет китайцев». Ведущий так и ахнул. Ведь если, как говорят демократы, альтернативы курсу реформ нет, а китайцами мы так быстро все стать не сумеем, так, вы-

¹ Конечно, редакторы на телевидении потом самые странные вещи вырезают, я с этим уже сталкивался во время беседы с Е. Гайдаром. Он тогда, войдя в раж (оказывается, он собой совсем не владеет), говорил такие нелепые вещи, что редактор передачи, сам поклонник «молодых реформаторов», в эфир их не пустил, «причесал» рассуждения нашего рыночника. Все же нужна демократам цензура, они без нее совсем бы неприлично выглядели.

ходит, помирать надо? И почему же русские оказались таким негодным материалом?

И вот два представителя номенклатуры — старой и новой — быстро согласились в главном и выдали такое объяснение: «Все воруют!» Мол, русский народ по природе своей вор, не то что китайцы. Помянули и Карамзина, который тоже что-то про воровство сказал (наверное, переиначили, но это не важно — может, и брякнул что-то великий историк, но ведь не в связи с реформами Чубайса).

Замечу, что утверждение, будто реформы не идут, потому что «все воруют», противоречит элементарной логике и здравому смыслу. Ведь приватизацию и оправдывали тем, что она, якобы, пробудит «чувство хозяина». Выходит, все наоборот? И что могут украсть трудящиеся у бедных собственников, у Березовского с Гусинским? Что украли шахтеры, которые пошли на разрушающие экономику забастовки? Что украли врачи «Скорой помощи» Владивостока? Что украли физики-ядерщики, главный научный руководитель которых покончил с собой от стыда перед голодающими подчиненными? Это все — лишь наиболее острые проявления того, что «реформа не идет», а по сути в этом выражается состояние подавляющего большинства семей. При чем здесь «*воровство всех*»?

Но логика и здравый смысл — мелочь, на нее наши политики и внимания не обращают. Здесь важнее тот факт, что видные идеологические помощники двух поколений антисоветских политиков перед телекамерой четко заявляют: реформы-то хороши, да народ негодный. И даже в выборе обвинения себя не утруждают. То говорили, что русский народ имеет рабскую психологию (это когда надо было раскачать его на свержение советского строя). Теперь придумали, что русскому народу в целом присущи воровские наклонности. И о ком это говорится? Ведь не о той тончайшей прослойке «новых русских», которые, как ни крути, не заработали, а именно украли все наше общенародное достояние (пусть и прикрыли это указами президента и распоряжениями Чубайса — сути это не меняет). Нет, ворами названы «все», то есть народ. Народ, который как раз и стал жертвой невиданного в истории воровства. Его лишили не только национальной собственности, но даже и личной собственности — сбережений, зарплаты, вкладов в банках. Казалось бы, верх цинизма — жертву воровства как раз и назвать вором. Но настолько искренне убеждены были мои собеседники в том, что русский народ негоден для хорошей жизни, что удивились моему возмущению.

Бурлацкого еще можно понять — он был идеологом уже у Брежнева, сам сочинял и запуская по всем каналам миф о поголовном воровстве русских. И, видимо, сам же первым в этот миф и поверил. К стыду нашему, и мы все, в общем-то, поверили. Потому что

была у многих из нас такая нехорошая привычка — принести что-нибудь полезное для дома с работы. То ацетону из лаборатории, то краски, то шерсти. Манипуляторам нашим сознанием оставалось только убедить нас в том, что масштабы этого явления столь велики, что подрывают народное хозяйство. И, уж во всяком случае, они многократно перекрывают то, что наблюдается в «цивилизованных странах».

Все это было ложью. В 1990 г. впервые опубликовали данные о доходах «теневой экономики». По уточненным оценкам Госкомстата СССР они составили тогда 99,8 млрд. руб., (в том числе от производства и продажи самогона — 35 млрд. руб.). А хищения государственного и общественного имущества (это и есть «*все воруют*») составили всего 5,4 млрд. руб. В масштабах народного хозяйства это ничтожная величина — а ведь в том году номенклатурные дельцы воровали уже по-крупному, не сравнить с доперестроечным временем. Уже виллы строили и картины музейные покупали. Так что на долю «несунов», которых идеологи КПСС, а теперь идеологи демократов выставили как главных расхитителей экономики, остается совсем ничего.

А что же мы видим на честном Западе? Случайно попалась на глаза выдержка из доклада министерства юстиции США. За пятилетку 1990—1994 г. только в одной отрасли, в системе здравоохранения США, хищения составили 418 млрд. долларов. Миллиардов долларов! А ведь американцы, как нам говорят, цивилизованнее самих китайцев. Да и без цифр первое, что бросается в глаза, когда приезжаешь в США, — ощущение всеобщего воровства. Значительная часть мужского населения занята охраной и всяческими инспекциями. Все лавки и магазины напичканы телекамерами, которые неотступно следят за каждым покупателем. На одном магазине я видел такую надпись: «Уважаемые воры, хозяин ночует на складе. Он вооружен».

Конечно, я не хочу оправдывать привычку прихватить по мелочи из государственной собственности. Но не потому, что это разрушало экономику или тормозит сегодня рыночные реформы. А потому, что это разрушало наш характер, создавало общую обстановку нечистой совести и поэтому послужило прикрытием для номенклатурных дельцов, которые и погубили страну. Ради создания такого прикрытия, ради подрыва нашей гордости и строгости эти дельцы загодя начали поощрять мелкое воровство. А их идеологи и подручные вроде Жванецкого и Хазанова — накачивать в наше сознание сказку о том, что русский народ поголовно вор.

За те короткие минуты, когда мне удалось втиснуться в трели Бурлацкого и Никонова, я высказал примерно то, что написал здесь. И еще успел добавить, что реформы идут в Китае и Испании и не идут в России по той причине, что не нашлось в Китае и Испании

влиятельного меньшинства, которое подрядилось бы разрушить собственную страну.

Работники телевидения сказали, что передача получилась очень зрелищная, и были довольны. В эфир она не пошла, и вся эта многообещающая еженедельная программа была свернута.

§ 4. Контролируемое бедствие как условие успешной манипуляции

Один из основателей современной социологии исследователь идеологий К. Манхейм специально отмечал, что в моменты глубоких кризисов происходит блокирование здравого смысла — способности человека разумно судить о положении дел и действовать исходя из этого суждения. Необходимость обдумывать и понимать происходящее превращается в это время в непосильную нагрузку, и человек старается уйти от этой необходимости, спрятаться в сфере иррационального. Он начинает проявлять повышенный интерес к оккультизму, изучать гороскопы, верить астрологам. Его психологическая защита против манипуляции сознанием резко ослабляется¹.

Джон Рид, который близко наблюдал революции в России и Мексике, заметил: «В период острых кризисов человек не всегда правильным образом реагирует на происходящие события. Люди самых трезвых суждений, которые в обычное время никогда не принимали тех или иных фактов, не получив предварительного доказательства, верили самым диким слухам, не имевшим под собой никакой почвы». Много исследований посвящено аномально высокой внушаемости больших масс населения Германии после поражения в первой мировой войне. Массовое обеднение и деморализация привели к патологическим изменениям общественного сознания и к необычному легковерию, которые сделали его беззащитным против самой грубой манипуляции со стороны фашистов.

Даже на благополучном Западе с целью повысить эффективность манипуляции поведением масс прибегают к обеднению части населения. Посмотрите, как отреагировала правящая элита на студенческие волнения 1968 г. Было очевидно, что те события поставили под угрозу гегемонию буржуазной идеологии. Духовные запросы молодежи переросли возможности западной «индустрии образов». Перед элитой, грубо говоря, было два пути: или пойти

¹ Создание стресса в массовом сознании — испытанный прием. Для управления Парижем якобинцы тщательно культивировали «нервозность». В 1790 г. Марат писал, что цель якобинцев — «постоянно поддерживать народ в состоянии возбуждения до того времени, когда в основание существующего правительства будут положены справедливые законы». Он отмечал, что влияние его газеты «Друг народа» обусловлено «страшным скандалом, распространяемым ею в публике».

навстречу возросшим запросам, сделать общество более открытым и справедливым — или снизить, «придушить» запросы, создав социальные трудности. То есть сдвинуться «вправо» и преобразовать часть общества в программируемую толпу. И было решено «придушить» запросы.

Исследования массового сознания во Франции 70-х годов показали, что примерно треть французов в своих ценностных ориентациях сдвинулась к циничному прагматизму, нацеленному на «выживание». Исследователи назвали этот новый стиль жизни, овладевший молодыми горожанами и распространенный во всех социальных слоях, «лисыим реализмом». Его характеризовали как «оборонительный динамизм», основанный на страхе перед кризисом и не ставящий созидательных целей.

Аналогично, с начала 70-х годов в США удалось внедрить в сознание масс принцип: «не ожидать слишком многого от жизни и удовлетворяться тем, что есть». Чтобы снизить притязания и бунтарский дух, попросту затруднили людям жизнь (новый экономический курс получил название «рейганомика»). Один из студенческих лидеров США сказал в 1977 г.: «В 60-е годы было нетрудно быть идеалистичным и выступать за социальные перемены и все такое. Я думаю, что сегодняшние студенты до смерти напуганы своим будущим». Показательны ответы на вопрос о главной цели при поступлении в колледж в США. Если в 1970 г. 39% студентов назвали «Достижение финансового благополучия» в числе главных, то в 1984 г. так ответили 71%. В одном из опросов на заводах Форда рабочий-автомобилестроитель сформулировал свою позицию так: «Я просто приспособился к этому. Я думаю, что можно приспособиться ко всему. Все зависит от обстоятельств. Я женат и должен платить за дом по закладной. Я просто закрываю глаза и терплю. Я думаю о детях и о следующей премии, которую должен получить. Так и все остальные... Что можно поделаться?» Так что и на Западе приходится «терпеть». И дело не в уровне, на котором приходится «терпеть», а в изменении сознания — высокие помыслы 60-х годов удалось из голов вытеснить¹.

¹ Тот тип знания, что давала советская школа, был роскошью. Получив такое знание, юноша становился не винтиком, а личностью. Значит, становился неудовлетворенным и сомневающимся. А такие люди менее управляемы. В 70-е годы некоторые социологи, впоследствии, видимо, ставшие демократами, предупреждали власть: надо снизить в СССР уровень образования. Развитие хозяйства не позволяло обеспечить молодежь рабочими местами, соответствующими уровню их подготовки, и, значит, их запросам. Давайте, говорили советники, сократим эти претензии, «сократив» саму личность, — невежественный человек лучше знает свое место. К чести наших престарелых вождей, они это предложение отвергли — ради самой молодежи, хотя и толкнув ее в ряды могильщиков советского строя. Образование, сказали они, служит не столько для выполнения рабочих функций, сколько для жизни в целом.

Длительный эмоциональный стресс, разрушающий защитные механизмы сознания, достигается с помощью резкого обеднения больших масс населения (особенно когда для этого нет видимых объективных причин вроде войны или стихийных бедствий). В недавнем докладе ВЦИОМ со ссылками на многие исследования в разных частях мира сказано: «Среднее падение личного дохода на 10% влечет среди затронутого населения рост общей смертности на 1% и рост числа самоубийств на 3,7%. Ощущение падения уровня благосостояния является одним из наиболее мощных социальных стрессов, который по силе и длительности воздействия превосходит стрессы, возникающие во время стихийных бедствий».

В СССР и России с 1990 г. стали назревать экономические трудности, быстро ухудшавшие личное благосостояние людей. В 1992 г. они приобрели обвальный характер, и произошло массовое обеднение населения России. Оно было, вероятно, незапланированным подарком для манипуляторов. Как и в других подобных случаях, внушаемость людей резко повысилась, их психологическая защита дала трещину (в дополнение к той, что была открыта в годы перестройки). На основании исследований, проведенных в 22 регионах России в течение 1990, 1993 и 1994 гг., директор Центра социологических исследований Российской академии государственной службы В. Э. Бойков выдвигает важный тезис: «В настоящее время жизненные трудности, обрушившиеся на основную массу населения и придушившие людей, вызывают в российском обществе социальную депрессию, разъединяют граждан и тем самым в какой-то мере предупреждают взрыв социального недовольства». «Придушившие людей!» Лучше не скажешь.

Одним из результатов обеднения был разрыв множества человеческих связей (хотя параллельно шел процесс возникновения других необходимых для выживания солидарных связей). В общем, происходила частичная атомизация, хаотизация общества. Главный специалист Министерства по делам национальностей пишет в академическом журнале: «Новая экономическая действительность всколыхнула глубинные пласты психики на личностном и групповом уровнях, сделала необходимой смену гражданского статуса соборного, коллективного индивида на статус самостоятельной, автономной личности». Витиевато и туманно, но верно: в советское время человек был соборной личностью, а группы (народы) соединялись в систему кооперативным способом, сотрудничая. «Реформа» мощно разъединяет людей и народы и лишает их возможности для коллективных действий и коллективной психологической защиты.

Курс на резкое обеднение людей еще в последние советские годы получил идеологическую поддержку — экспертов для этого

было достаточно. Экономист Л. Пияшева криком кричала: «Не приглашайте Василия Леонтьева в консультанты, ибо он советует, как рассчитать «правильные» цены и построить «правильные» балансы. Оставьте все эти упражнения для филантропов и начинайте жестко и твердо переходить к рынку незамедлительно, без всяких предварительных стабилизаций».

Не раз приходилось замечать, что читатели книг — люди, принадлежащие в основном к благополучной части населения — психологически защищаются от реальности, стараясь не думать о страданиях той части, по которой больнее ударила реформа. Это — аутизм, создание ложного благополучного образа. На деле обеднение было абсолютным, оно привело к резкому ухудшению здоровья людей, увеличению смертности и небывалому сокращению продолжительности жизни.

Что мы получили уже через три года реформы в питании, говорит документ режима, а не оппозиции — «Государственный доклад о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1992 году» (это был последний подробный доклад такого рода). В нем, в частности, сказано: «Существенное ухудшение качества питания в 1992 г. произошло в основном за счет снижения потребления продуктов животного происхождения. В 1992 г. приобретение населением рыбы составило 30% от уровня 1987 г., мяса и птицы, сыра, сельди, сахара — 50—53%. Отмечается вынужденная ломка сложившегося в прежние годы рациона питания, уменьшается потребление белковых продуктов и ценных углеводов, что неизбежно сказывается на здоровье населения России и в первую очередь беременных, кормящих матерей и детей. В 1992 г. до 20% детей обследованных групп 10 и 15 лет получали белка с пищей менее безопасного уровня, рекомендуемого ВОЗ. Более половины обследованных женщин потребляли белка менее 0,75 г на кг массы тела — ниже безопасного уровня потребления для взрослого населения, принятого ВОЗ».

Потребление белка ниже безопасного уровня воздействует на нервную систему, и уже этим психологическая защита человека ослабляется. В советское время в среднем человек получал 98 г белка в день, в 1996 г. в России среднее потребление городского жителя снизилось до 55 г. Но это — *среднее*. Поскольку обеднение произошло не равномерно, и у существенной части населения потребление мяса и рыбы не снизилось, значит, у наиболее обедневшей части мясо и рыба вообще исчезли из рациона и поступление белка в организм упало катастрофически у 40% населения, которое в 1996—1997 гг. находилось за чертой бедности, потребление белка в среднем составляло 30 г в день на человека. Значит, из этих 40% значительная часть получала меньше абсолютного физиологиче-

ского минимума (29 г) — эти люди умирали от разрушения организма.

Поразительно, что на этом фоне идеологи обращаются к советским стереотипам. И. Овчинникова в «Известиях» поучает: «В обозримом будущем, как ни прискорбно, [мы] не сможем удовлетворять свои потребности... Надо перетерпеть, утешая себя тем, что отцы и деды терпели во имя светлого будущего, которое оказалось недостижимым, а мы — во имя того настоящего, какое может наблюдать всякий, кому доводилось переезжать... из Ленинградской области в Финляндию». Это утверждение не просто некогерентно и нелогично, оно за рамками этики. При чем здесь Финляндия, если мы в Ленинградской области имели 98 г белка? Почему мы должны брать пример с отцов и дедов, если вся перестройка была основана на постулате, что отцы и деды жили неправильно? И кто это *мы*, которые сегодня голодают? Входят в их число ведущие авторы «Известий»? И сколько продлится это обозримое будущее? Разве это говорили «Известия» в 1990 г., когда призывали ломать советское жизнеустройство? Но этих вопросов люди себе не задают — они просто глотают ласковые слова любимого автора.

Мы уже восемь лет наблюдаем странное, противоречащее теории явление: в России возник режим, который не обладает авторитетом и уважением ни в какой социальной группе, но он устойчив и не обнаруживает никаких признаков собственной гибели — что бы там ни говорили вожди оппозиции, исходя из теории и здравого смысла. То, что режим, созданный группой Ельцина, не имеет благодати и не заслужил ничего уважения, факт очевидный — достаточно послушать прорежимное телевидение и почитать прессу. Никого не поразил небывалый в истории государства и права факт: президент был обвинен в *геноциде* собственного народа. Это чудовищное обвинение обсуждалось совершенно серьезно, за него голосовало большинство парламента, в него, если говорить начистоту, верят практически все граждане. То, что для отрешения от власти не хватило сколько-то депутатских голосов, есть чисто формальный вопрос. О реальной легитимности такого режима не может идти и речи.

Что же происходит? Видимо, мы входим в новый период истории. Возникают режимы власти, которые держатся на каких-то еще не вполне изученных подпорках. Они отвергают обычные, вековые нормы права и приличия и демонстративно отказываются от уважения граждан. Их силу поэтому нельзя подорвать путем разоблачения грехов и преступлений режима — он их и не скрывает. Он сплачивает своих сторонников не идеалами и высокими ценностями, а круговой порукой безобразий и пороков — превращая общество в толпу. Есть много признаков того, что это — процесс ми-

ровой. Перестройка общественной и политической морали идет повсеместно. Дело Клинтона—Левински, ничтожество Соланы или Кофи Аннана задают стандарты той культурной среды, в которой большинство телезрителей мира без особых эмоций принимают бомбардировки Сербии. Исчезает важное в прошлом явление — *общественное мнение*. Более того, по сути, исчезает само общество, поскольку моральные и логические нормы разных людей становятся настолько несовместимыми, что утрачивается возможность диалога.

По оценкам экспертов Всемирного экономического форума в Давосе Россия сегодня — самая нестабильная страна. Почему же эта аномально высокая нестабильность не превращается в действия тех, кто отвергает этот режим?¹ Как он, поставив страну на грань катастрофы, ухитряется удерживать нестабильное равновесие? Похоже, только в состоянии нестабильности он и может существовать. Переход в любой устойчивый порядок, выход страны из транса для него — гибель.

Пожалуй, самым действенным средством парализовать волю населения было быстрое и резкое обеднение подавляющего большинства — с таким же резким и необоснованным обогащением меньшинства. В результате большинство просто не имеет ни душевных, ни физических сил, чтобы заниматься чем-либо кроме жизнеобеспечения своих семей. Говоря языком самих «реформаторов», средний класс — это как раз политически активный класс и база демократии, а демократия для этого режима — смерть.

В отличие от крестьян, городской человек лишен автономного жизнеобеспечения, и бедность (особенно угроза голода) — мощное средство контроля за его поведением. Эту идею развил уже Мальтус на заре капитализма, и обеднение рабочих вошло в политический арсенал. Но мальтузианский Запад одновременно создавал свою массовую опору — благополучное гражданское общество, сплоченное страхом перед голодными. У нас другое, у нас как раз аналог гражданского общества (благополучное советское большинство) ликвидировано, масса граждан просто парализована тя-

¹ Конечно, это во многом вызвано типом общества и народа. Советские люди не имели (и до сих пор не имеют) классового сознания и не могут сплотиться для борьбы под классовыми лозунгами. Не могут они выделить из себя и классовой партии для борьбы. Все их организации первым делом заявляют, что они — *государственники*. У них и в мыслях нет бороться с государством. Как только лучшие кадры оппозиции «идут во власть», они начинают помогать режиму «обустраивать Россию». Не свергать режим, а именно помогать ему, создавая порочный круг и укрепляя режим. Терпение и солидарность, усиленные бедствием, помогают людям создать невидимые системы выживания. Режим их не трогает, и, выходя, с ним можно сосуществовать, так что и в вину ему привычное состояние бедствия уже не ставится.

годами жизни. Сама Т. И. Заславская признает «снижение социальных запросов населения вследствие постепенного свыкания с бедностью и утраты надежд на восстановление прежнего уровня жизни».

Конечно, режим широко и постоянно использует шантаж населения с периодической демонстрацией реальной возможности исполнить угрозу. Эта возможность была создана путем быстрого разрушения (до нужного предела) главных систем жизнеобеспечения страны. Подрыв сельского хозяйства со снижением производства ниже безопасного уровня позволяет шантаж голодом. Красноречива сама настойчивость, с которой пресса внедряет людям мысль, что крупные города 70% продовольствия получают по импорту и «с колес», так что даже складов нет. Разрушение энергетики, так что даже при спаде производства вдвое не обеспечиваются потребности населения целых областей, сделало для режима легко доступным шантаж холодом. Для чего была устроена вся эта свистопляска с замораживанием Талнаха и четверти Владивостока, отключением от энергоснабжения Камчатки? Главный смысл — вбить всем в голову, что энергия как жизненно важное для горожан благо полностью в руках режима. В любой момент режим может ответить на неповиновение населения лишением его энергии. Видели, как выглядит замороженный город? Видели, какво готовить пищу на кострах? Выключатель — у Чубайса, кран газопровода — у Черномырдина. Шантаж — акт не мира, а войны, уже не вполне холодной. Это надо помнить, когда вспыхивает очередная кампания по поиску гражданского согласия.

Вторая большая технология — *утомление* трудящихся. Оно не сводится к утомлению нуждой. К нужде добавляется опустошенность, вызванная пошлостью, которая нагнетается через слово, жесты, образы и действия. Человека утомляет принижение его устремлений, осмеяние идеалов, отвлечение его к низменному. Это — сравнительно новый прием власти¹. Как и в случае материального обеднения, духовное утомление народа проводится сегодня в России с огромным перебором.

Все, что приходится видеть и слышать за последние годы, убеждает в том, что указанные способы контролировать положение используются систематически, именно как технологии (даже если они ни в каких тайных протоколах не описаны). Но если так, то вся доктрина оппозиции, которая обвиняет режим в «некомпетентности», глубоко ошибочна.

¹ На это обратил внимание Ленин летом 1917 г. Он предупредил, что Временное правительство взяло курс на утомление трудящихся, и в этом — большая опасность. Успешное утомление ведет к тупости, утрате воли.

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ В СССР И ЕГО УЯЗВИМЫЕ СТОРОНЫ

§ 1. Стереотипы исторического материализма и подрыв гегемонии советского строя

Мы обсуждаем вопрос, почему сознание советских людей оказалось таким беззащитным. Почему они (за исключением сельских жителей) под воздействием ТВ утратили, хотя бы временно, способность к рассуждениям исходя из здравого смысла?

Выше уже отметили некоторые культурные особенности советского человека, прежде всего, веру в слово. Академик Б. В. Раушенбах в недавнем интервью попросту и очень правильно отмечает эту слабость, рассказывая о простой женщине, которая абсолютно верила тому, что напечатано в газете или книге: «Такое отношение вообще характерно для советского общества. Да и то, врать тогда в прессе было невозможно, если, конечно, это не инспирировалось начальством. Если газета выступала с каким-то критическим материалом, то через некоторое время она писала, что факты по этой статье подтвердились, меры приняты. Сейчас этого нет, можно врать что угодно, а люди продолжают всему верить, потому что еще не вышли из-под влияния советского времени».

Однако есть и важная не культурно-историческая, а «наведенная» образованием причина. Она в том, что в головы нескольких поколений внедряли искажающий реальность способ понимать общество в его развитии — так называемый *вульгарный исторический материализм*. С классиками марксизма, а тем более с Лениным, этот истмат имеет мало общего. Истмат — доктрина, ставшая частью официальной советской идеологии. Доктрина быстро оторвалась от ее творцов и стала жить своей жизнью (потому-то Маркс и заявил, что он — не марксист). Реально истмат был слеплен в партийных «лабораториях» в советское время и вовсе не исходя из идей классиков, а на потребу дня — не для предвидения, а для оправдания практики. Если Политбюро не находило другого выхода, кроме коллективизации, то ни на какой истмат Сталин не смотрел, а шел напролом — потом академик Ойзерман докажет, что именно это решение и вытекало из объективных законов общественного развития.

Первые поколения советских людей «диалектику учили не по Гегелю» и имели еще ясные представления о жизни. Последующие поколения черпали истмат из учебников, а вовсе не из Энгельса и Плеханова. Пока государство было стабильным, это было не страшно, хотя и закладывало стереотипы для будущей манипуля-

ции сознанием. Истмат своей жесткой схемой смены формаций неявно подводит к мысли, что советский социализм был «ошибкой истории» — был чем-то неправильным. И потому-то основная масса профессиональных специалистов по истмату сегодня совершенно искренне находится с социал-демократами (типа Горбачева и Яковлева) или с троцкистами — такого явления не бывало и не может быть в науке. Все эти «специалисты» знали, что они — работники идеологии. У них не было никакой измены и никаких душевных мук.

Выделим несколько главных постулатов истмата, которые были интенсивно использованы как стереотипы в подрыве гегемонии советского строя.

Непреложность объективных законов истории. Подрыв легитимности советского строя «от марксизма» велся давно — начиная с меньшевиков. Но особенно активные формы он приобрел в 60-е годы¹. То, что велся он «под знаменем Ленина», не должно удивлять — для всей программы манипуляции необходимо было провести «захват и присоединение» аудитории, то есть опираться на ее привычные стереотипы. А значит, вести пропаганду, якобы исходя из интересов трудящихся, выразителями которых в массовом сознании были Маркс и Ленин.

Перестройка началась с того, что вся горбачевская рать стала твердить о «неправильности» советского строя — «казарменного псевдосоциализма, опирающегося на тупиковую мобилизационную экономику». Этими мыслями был полон левый журнал «Альтернативы», в «Правде» советский период с позиций истмата клеймил Б. Славин, да и «Советская Россия» не отставала: «Неудивительно, что этот гнилой строй рухнул. Но это не был крах социализма!» Это не был социализм, потому что создание советского жизнеустройства сопровождалось нарушением объективных законов истории, открытых Марксом.

Мы здесь не говорим о сознательном использовании стереотипов истмата для манипуляции. Речь о том, что эти стереотипы, укорененные в мышлении советского человека, послужили важной предпосылкой для успеха манипуляторов. Лучше всего это видно из того, что невольными проводниками антисоветских концепций,

¹ Все главные «обвинения» вульгарного марксизма против русской революции и советского строя были выдвинуты уже Каутским, а потом развиты Троцким. Затем подключились югослав Джилас, еврокоммунисты и наши демократы. Уже Ленину пришлось потратить много сил, чтобы отбить «обвинения от истмата». Но главная битва все же разыгралась между Троцким и Сталиным. И понять ее смысл для нас очень важно. Тут можно согласиться с профессором из Греции М. Матсаком: «Те, кто хочет, под влиянием перемен 1989—1991 годов, пройти мимо конфликта между Троцким и Сталиным, расценивая это как нечто принадлежащее музею большевистских древностей, смотрят не вперед, а назад».

«вторичными манипуляторами» стали многие искренние коммунисты, противники Горбачева и его команды.

Вот, в книге Б. П. Курашвили «Историческая логика сталинизма» дана трактовка советской истории. Эта книга — прекрасно выполненное, новаторское изложение фактов и событий. Но я здесь хочу сказать именно о трактовке — в логике истмата. Эта логика задана убеждением, что существуют «объективные законы общественного развития»¹. Согласно этой вере, все, что соответствует закону, хорошо, а все, что не укладывается, — это искривление, от этого все беды. Революция в крестьянской России произошла «не вполне по объективным законам... Социалистическая революция в капиталистически недостаточно развитой стране была отягощена первородным грехом волонтаризма». Но что же это за закон, если все пролетарские революции происходят не в странах с развитым пролетариатом, а в крестьянских (Россия, Китай, Вьетнам, Куба)? Не только вся рота идет не в ногу, но даже ни одного прапорщика нет, что шел бы в ногу.

Военный коммунизм — это «авторитарно-утопический социализм. В целом, увы, несостоятельный». Как же так? Это полностью противоречит здравому смыслу. Ведь военный коммунизм — насильственное изъятие излишков хлеба у крестьян и его уравнительное, внерыночное распределение среди горожан для спасения их от голодной смерти, поскольку рыночное распределение разрушено войной. Что здесь утопического? И почему же он «увы, несостоятельный»? На каких весах взвешен смысл спасения миллионов горожан и похлебки для армии? А в Отечественную войну карточная система — тоже «увы, несостоятельна»?

На втором этапе построения советской системы, по мнению Б. П. Курашвили, ущерб от первого нарушения был как-то преодолен, но затем «в закономерное течение революционного процесса мощно вмешался внешний фактор. Общество было искусственно возвращено в подобие первой фазы революции, ибо других способов форсированного развития не было видно... Сложилась теорети-

¹ То, что такие законы существуют, — вера, которую очень трудно рассеять. Никаких доказательств их существования нет («учение Маркса всеисильно, потому что оно верно»). И уже когда эта вера внедрялась в общественную мысль, были ученые «реалисты», которые взывали к разуму. Они говорили, что, например, в экономике нет никаких «объективных законов», а есть, самое большее, *тенденции*. В реальной жизни эти тенденции проявляются по-разному в зависимости от множества обстоятельств. Приводили такую аналогию. Камень падает вертикально вниз согласно закону Ньютона. Слабые воздействия вроде дуновения ветерка (флуктуации) не в силах заметно повлиять на скорость и направление движения камня. А возьмите сухой лист. Он, конечно, тоже падает — но вовсе не согласно закону. Падать — его тенденция. В реальной жизни при малейшем дуновении лист кружится, а то и уносится ввысь. В жизни общества все эти дуновения не менее важны, чем законы.

чески аномальная, противоестественная, но исторически оказавшаяся неизбежной модель нового общественного строя — авторитарно-мобилизационный социализм с тоталитарными извращениями».

Здесь должна была бы броситься в глаза острая *некогерентность* мышления — первый признак того, что все умозаключение есть плод внешней манипуляции. Как может быть *противоестественным* то, что исторически оказалось неизбежным? Почему внешний фактор, тем более мощный (грядущая мировая война), представлен досадной помехой «закономерному течению»? Выходит, «правильный закон» не учитывает внешние факторы? Но тогда цена ему грош. Почему выбор пути индустриализации, который *единственный* давал возможность спасения («других способов не было видно»), назван «искусственным»? Любое решение, как плод переработки информации и выбора, есть нечто искусственное, а не природное. Значит, здесь это слово несет отрицательный смысл и означает, что Сталин своим выбором нарушил «объективный закон». Что же это за закон такой, который предписывает России гибель? Чуть от гибели уклонился — нарушитель.

Что же до послесталинского периода, тут оценка Б. П. Курашвили уничтожающая: «Авторитарно-бюрократический социализм — это незаконное, исторически случайное, «приблудное» дитя советского общества. Тягчайший грех этой уродливой модели...» и т. д. Ну как же можно было не убить этого ублюдка — вот на какую мысль наталкивает эта оценка читателя.

Особое место в этой схеме истории занимает проблема кровопролития. Истмат, с точки зрения Б. П. Курашвили, дает простой ответ: «революция — грандиозное кровопускание, которое классово-антагонистическое общество... учиняет над собой ради перехода на очередную ступень развития». Но реальная история никак этого не подтверждает, даже напротив. Вспомним все кровопролития, связанные с революциями. Не будем вдаваться в Инквизицию и Реформацию. Они прямо относятся к делу, но нам мало известны. Вот Кромель: из-за какого классового антагонизма его «железнобокие» пуритане пускали кровь в Англии и Ирландии? Вот террор якобинцев. Разве он вызван антагонизмом между буржуазией и аристократией, буржуазией и крестьянством? Ведь классы-антагонисты — буржуазия и пролетариат, но их-то конфликт никогда не приводил к большой крови. А Китай? Кровь в основном пускали друг другу два крыла революции — Гоминдан и коммунисты. Оба, разойдясь, обеспечили, по-разному, очень быстрое социальное и экономическое развитие (на материке и на Тайване). Какая здесь «очередная ступень»? Вся концепция гражданской войны, кото-

рую дает истмат, на мой взгляд, неверна в принципе и никогда не была подтверждена¹.

Если принять, что есть «объективные законы», то историческое исследование сводится просто к расставлению новых оценок при изменении конъюнктуры. Вот, диктатура пролетариата 1917—1920 гг. была бы хороша, но «увы, пренебрегала демократическими процедурами, правами человека». Как это «увы», если в этом — суть любой диктатуры? Нельзя же «губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича», как мечтала одна невеста. Сам же Б. П. Курашвили признает: «Тогда иное было практически невозможно». Но если так, то именно о наивных попытках соблюсти права человека следовало бы сказать «увы».

Вера в какие-то «закономерные нормы» и лимиты создает иллюзию простоты различения объективно необходимого и избыточного (последнее объявляется плодом волюнтаризма, тоталитаризма, пороков и т. п.). Вот бедствия гражданской войны Б. П. Курашвили объясняет, в частности, «чрезмерностью и неразумной разрушительностью натиска революционных сил». Даже если так, это вряд ли можно считать объяснением, ибо вопрос в том, чем вызвана «чрезмерность и неразумность», какова их природа.

Какие основания говорить о чрезмерности «натиска»? Во время противостояния обе стороны находились на пределе сил, и ни на какую чрезмерность просто не было ресурсов. Потому-то и было много жертв — сил хватало только на то, чтобы нажать на спусковой крючок. Когда Шкуро был под Тулой, красные и белые были как два дистрофика: ни один не имеет сил защититься, но противник не может и ударить. Так же, как немцы стояли под Москвой в декабре 1941-го: на некоторых направлениях между ними и Кремлем не было ни одного боеспособного батальона, а сделать шаг у них не было сил. Вообще говорить о мерах и чрезмерностях тотальной войны из благополучного далека — рискованное дело. Это все равно, что на сытый желудок рассуждать, стал бы ты есть челoveчьe мясо, доведись до смертельного голода. Вопрос некорректный и запретный.

В том же ключе и оценка всего советского социализма после НЭПа: «Да, социализм был примитивным, недемократичным, негуманным, общественная собственность приобрела форму государственно-бюрократической». Исходя из каких «объективных нормативов» даны эти оценки? Как мог примитивный проект породить Стаханова, Королева и Жукова? По каким меркам определена «негуманность»? Ведь нет же гуманности внеисторической. Гума-

¹ Не место здесь развивать эту тему, скажу лишь, что гражданская война всегда связана с *кризисом модернизации*. Это — столкновение, спровоцированное агрессивней гражданского общества в традиционное.

низм христианства на Западе был «снят» Реформацией, гуманизм Просвещения — империализмом, обесценившим человеческую жизнь, гуманизм XX века — большой войной, а потом Вьетнамом, Ираком, Сербией. Что, конкретно, надо было сделать, чтобы советскому строю заслужить оценку «гуманный»? Выпустить из тюрем всех преступников? Да и это не помогло бы.

«Двойка по истмату» поставлена советскому строю фактически по всем вопросам: «Вторая половина истории советского социализма была процессом нарастающего маразма». Иными словами, смерть его была закономерна: маразм — состояние, вывести из которого медицина бессильна. Вот обоснование: «В 50-е годы страна... ликвидировала атомную монополию и военную недосыгаемость США, обеспечила тем самым безопасность СССР и социалистической системы. Значит, авторитарно-мобилизационная модель социализма полностью исчерпала себя, утратила историческое оправдание. Но по инерции продолжала существовать. Необходимость ее глубокого преобразования, всесторонней демократизации общественной жизни упорно не осознавалась политическим руководством».

Здесь полностью игнорируется холодная война (об этом говорилось в § 1). Как показала жизнь, безопасность СССР вовсе еще не была обеспечена. В этих условиях проблема глубокой перестройки всей модели жизнеустройства настолько сложна, что даже сегодня никто не берется сказать, как бы это надо было сделать. И в то же время никак нельзя сказать, что система не менялась. Менялась, и очень быстро. И именно в сторону «демобилизации» и демократизации — сравните, скажем, 1948 г. и 1978 г. Проблема как раз в том, что никаких ориентиров для надежной и безопасной демократизации нашего «мобилизационного социализма» истмат не дал и дать не мог.

Ко многим левым идеологам я обращался с вопросом: по каким критериям вы обнаружили кризис, а тем более крах советского социализма? Мне отвечали даже с возмущением: да ты что, слепой, сам не видишь? Я честно признавал, что не вижу и прошу объяснить внятно, простым и нормальным языком. Мне говорили: «но ведь крах налицо, Запад нас победил». Да, но это разные вещи. Бывает, что красавцу-парню, здоровяку, какой-то хилый сифилитик воткнет под лопатку нож, и парень падает замертво. Можно ли сказать: его организм потерпел крах, видимо, был в маразме? Сказать-то можно, но это будет глупость. Из этого еще не следует, что наш строй был здоровяком, но следует, что факт убийства ничего не говорит о здоровье убитого.

Истмат, выставив «неправильному» советскому строю плохую оценку, идейно подготовил перестройку, оправдал уничтожение «приблудного дитяти». Сегодня мы пожинаем первые плоды.

Нарушение закона стоимости в советском хозяйстве. К началу 70-х годов основная масса советской интеллигенции внушила себе, будто наша экономика безнадежно порочна, ибо не соблюдает закон стоимости («волюнтаризм плановой системы»). Что этот «закон» — абстракция, что в жизни ничего похожего нет, начисто забыли.

Но давайте кратко повторим, о чем речь. Стоимость — ошественный в товаре труд, выявляется она на рынке при обмене товарами. Обмен является эквивалентным (обмениваются равные стоимости). Для этого необходим свободный рынок капиталов, товаров и рабочей силы (она — один из товаров). Отклонение от эквивалентности бывает из-за колебаний спроса и предложения, но происходит переток капиталов, и равновесие восстанавливается. Выполняется ли это на практике, и если нет, то так ли малы отклонения, чтобы ими можно было пренебречь и говорить о существовании закона?

Взять хотя бы такую мелочь, что даже в идеальной (воображаемой) рыночной экономике для выполнения эквивалентного обмена, через который только и выражается стоимость, необходим свободный рынок. Но его же не существует! Протекционизм только рынка труда индустриально развитых стран обходился в 80-е годы «третьему миру», по данным ООН, в 500 млрд. долл. в год, то есть масштабы искажений колоссальны и они увеличиваются.

Как сказано в Докладе Всемирного экономического форума в Давосе, в развитых капиталистических странах заняты 350 млн. человек со средней зарплатой 18 долл. в час. В то же время Китай, бывший СССР, Индия и Мексика имеют рабочей силы сходной квалификации 1200 млн. человек при средней цене ниже 2 долл. (а во многих отраслях ниже 1 долл.) в час. Открыть рынок труда для этой рабочей силы в соответствии с «законом стоимости» означало бы экономию почти 6 млрд. долл. в час! Мы видим, что разница в цене одного и того же компонента стоимости (рабочей силы) огромна. Пренебречь ею никак нельзя. «Закон», исходящий из презумпции эквивалентного обмена, просто не отвечает реальности. Иными словами, экономика «первого мира» при действии закона стоимости являлась бы абсолютно неконкурентоспособной. И «закон» просто выключен действием вполне реальных, осязаемых механизмов — от масс-культуры до авианосца «Индепенденс». Выключен этот закон уже четыре века, и в обозримом будущем уповать на него не приходится.

Сегодня «закон стоимости» рушится и как абстракция. Кризис ресурсов показал, что этот закон неверно описывает отношения экономики с природой. 2/3 стоимости товара — это сырье и энергия, но они же не производятся, а *извлекаются*. Их стоимость —

это лишь труд на извлечение (да затраты на подкуп элиты, хоть арабской, хоть российской). Теория стоимости, не учитывающая реальную ценность ресурсов (например, нефти) для человечества, кое как могла приниматься, пока казалось, что кладовые земли неисчерпаемы.

Природные ресурсы были исключены из рассмотрения политэкономией как некая «бесплатная» мировая константа, экономически нейтральный фон хозяйственной деятельности. Рикардо утверждал, что «ничего не платится за включение природных агентов, поскольку они неисчерпаемы и доступны всем». Это же повторяет Сэй: «Природные богатства неисчерпаемы, поскольку в противном случае мы бы не получали их даром. Поскольку они не могут быть ни увеличены, ни исчерпаны, они не представляют собой объекта экономической науки». Таковы же формулировки Маркса, например: «Силы природы не стоят ничего; они входят в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости». Повторения этой мысли можно множить и множить — речь идет о совершенно определенной и четкой установке, которая предопределяет всю логику трудовой теории стоимости. Взяв у Карно идею цикла тепловой машины и построив свою теорию циклов воспроизводства, Маркс, как и Карно, не включил в свою модель топку и трубу — ту часть политэкономической «машины», где сжигается топливо и образуется дым и копоть. Тогда это не требовалось. Но сейчас без этой части вся фундаментальная модель политэкономии абсолютно непригодна — в ней роль природы была просто исключена из рассмотрения как пренебрежимая величина. Об угле, нефти, газе стали говорить, что они «производятся» а не «извлекаются».

Трудно выявить рациональные истоки этой догмы, очевидно, противоречащей здравому смыслу. Какое-то влияние оказала идущая от натурфилософии и алхимиков вера в трансмутацию элементов и в то, что минералы, например, металлы растут в земле. Говорили, что металлы «рождаются матерью-землей», что они «растут в шахтах», так что если истощенную шахту аккуратно закрыть и оставить в покое лет на 15, то в ней снова вырастет руда. Алхимики, представляя богоборческую ветвь западной культуры, верили, что посредством человеческого труда можно изменять природу. Эта вера, воспринятая физиократами и в какой-то мере еще присутствующая у А. Смита, была изжита в научном мышлении, но чудесным образом сохранилась в политэкономии в очищенном от явной мистики виде.

Как пишет об этой вере Мирча Элиаде, «в то время как алхимия была вытеснена и осуждена как научная «ересь» новой идеологией, эта вера была включена в идеологию в форме мифа о неограниченном прогрессе. И получилось так, что впервые в истории все

общество поверило в осуществимость того, что в иные времена было лишь милитаристской мечтой алхимика. Можно сказать, что алхимики в своем желании заменить собой время предвосхитили самую суть идеологии современного мира. Химия восприняла лишь незначительные крохи наследия алхимии. Основная часть этого наследия сосредоточилась в другом месте — в литературной идеологии Бальзака и Виктора Гюго, у натуралистов, в системах капиталистической экономики (и либеральной, и марксистской), в секуляризованных теологиях материализма и позитивизма, в идеологии бесконечного прогресса».

Если сложить искажения, вносимые трудовой теорией стоимости при оценке труда, сырья и энергии в совокупности, отклонения от модели будут столь велики, что надо говорить о ее полной неадекватности. Ее можно использовать только как абстракцию для целей анализа, но никак нельзя называть законом и тем более делать из нее практические политические выводы.

Игнорирует закон стоимости и проблему «взаимодействия с будущим» — с поколениями, которые еще не могут участвовать ни в рыночном обмене, ни в выборах, ни в приватизации. Рыночные механизмы в принципе отрицают обмен любыми стоимостями с будущими поколениями, поскольку они, не имея возможности присутствовать на рынке, не обладают свойствами покупателя и не могут гарантировать эквивалентность обмена. Но ведь это — отказ от понятия «народ», подрыв важной основы России как цивилизации.

Да и рыночный обмен с современниками политэкономия марксизма искажает сегодня в неприемлемой степени. Он идеализирует акт обмена, учитывая лишь движение *потребительных стоимостей* (товаров). А что происходит с антистоимостями («антитоварами») — с теми отрицательными стоимостями, которые всегда, как тень товара, образуются в ходе производства? Если бы действовал закон эквивалентного обмена стоимостями, то продавец «антитовара» должен был бы выплачивать «покупателю» эквивалент его «антистоимости». Вот тогда категории прибыли и цены отражали бы реальность. Но на деле-то этого нет! Антитовар или навязывается, без всякого возмещения ущерба, всему человечеству (например, «парниковый эффект»), или навязывается слабым — вроде захоронения отходов в Лесото или России. Но политэкономия этого не учитывает — и совершенно чудовищным образом завышает эффективность экономики капитализма.

Сегодня автомобили являются главным источником выбросов в атмосферу газов, создающих «парниковый эффект». Какую компенсацию мог бы потребовать каждый житель Земли, которому навязали этот эффект, этот «антитовар», сопровождающий продажу каждого автомобиля? Реальная его «антистоимость» неизвестна

так же, как и стоимость автомобиля, она определяется через цену на рынке, в зависимости от спроса и предложения. Уже сегодня психологический дискомфорт, созданный сведениями о «парниковом эффекте», таков, что ежегодная компенсация каждому жителю Земли в 10 долларов не кажется слишком большой. А ведь этот дискомфорт можно довести до психоза с помощью рекламы (вернее, «антирекламы»), как это делается, и с меновыми стоимостями. Но уже и компенсация в 10 долларов означает, что автомобилестроительные фирмы должны были бы выплатить 60 млрд. долларов в год. Это означало бы такое повышение цен, что производство автомобилей сразу существенно сократилось бы. Изменился бы весь образ жизни Запада. Но об этом советский человек, верящий в закон стоимости, и не думал.

При таком «рынке наполовину», когда антистоимости навязываются человечеству или будущим поколениям без компенсации, ни о какой эквивалентности обмена стоимостями и речи быть не может. Ведь товары, которые в денежном выражении искусственно соизмеримы, что и оправдано трудовой теорией стоимости, в действительности несоизмеримы (мы обычно даже не знаем, какая «тьень» стоит за данным товаром). Килограмм яблок несоизмерим с книгой той же цены, ибо при производстве яблок энергетические запасы Земли возрастают, а при производстве книги — снижаются. Закон стоимости — полная мистификация реальных отношений. На нем основана самоубийственная экономика индустриальной цивилизации.

Закон стоимости неадекватен и социальной реальности. А именно взывая к этому закону как к догме и увлекли интеллигенцию рыночной утопией, а она уже внедрила ее в массы. Ведь как рассуждал советский человек? Рынок — это закон эквивалентного обмена, по стоимости, без обмана. Ну, пусть приватизируют мой завод, наймусь я к капиталисту, хоть бы и иностранному — так он честно отдаст мне заработанное. А сейчас у меня отбирает государство, номенклатура ненасытная. Но эквивалентный обмен был мифом уже во времена Маркса! Так, отношения на рынке между метрополией и колонией уже тогда были резко неэквивалентными, и с тех пор неэквивалентность быстро растет. «Третий мир» выдает на гора все больше сырья, сельхозпродуктов, а теперь и удобрений, химикатов, машин — а нищает. Соотношение доходов 20% самой богатой части населения Земли к 20% самой бедной было 30:1 в 1960 г., 45:1 в 1980-м и 59:1 в 1989-м. Чехи работают получше испанцев, а цену рабочей силы, когда они «открылись» Западу, им установили почти в 5 раз меньше. Полякам в среднем положили 0,85 долл. в час, а в Тунисе, которому до Польши еще развиваться и развиваться, 2,54 доллара. Где здесь закон стоимости?

Часто поминают и другой «объективный закон», которому противоречил советский строй, и вот — законно уничтожены. Речь идет о вытекающем из закона стоимости утверждении, будто та формация прогрессивнее, которая обеспечивает более высокую *производительность труда*. Казалось бы, ошибочность этого ленинского положения давно всем очевидна. Ленин высказал свой «закон», когда мир казался неисчерпаемой кладовой ресурсов. И «выжимать» больше продукта из живого труда было выгодно. Но увеличение производительности труда после некоторого предела требовало непропорционально больших расходов энергии. И когда поняли реальную стоимость этого невозобновляемого ресурса, разумно стало искать не наивысшую, а оптимальную производительность. Например, по производительности фермеры США вроде бы эффективны, а по затратам энергии (10 калорий на получение одной пищевой калории) недопустимо, абсурдно расточительны. Следовать их примеру не только глупо, но и в принципе невозможно.

Поскольку производительность труда в советском хозяйстве отставала от западной (вернее было бы сказать, что она вообще была несоизмерима, ибо речь шла о совершенно разных типах труда), средний интеллигент уверовал, что советский строй регрессивен, а значит, должен быть уничтожен.

Механистический детерминизм истмата. Видение истории, которое воспринимается человеком из того или другого методологического подхода, сильно влияет на его отношение к происходящим событиям и на его поведение. Чтобы осмыслить происходящее, мы, не отдавая себе отчета, используем те «инструменты мышления», которыми нас снабдили за годы жизни. Это — образы, понятия, термины, логические приемы. Истмат, который внедрялся в сознание нескольких поколений советских людей, придал этому сознанию две важных особенности, сыгравших фатальную роль в годы перестройки. Первая особенность — *фатализм*, уверенность в том, что «объективные законы исторического развития пробьют себе дорогу через случайности». Вторая особенность — равнодушие к *моменту*, к его уникальности и необратимости, рассуждение в понятиях исторической формации, длительных процессов.

Вероятно, в этом отношении истмат нашел благоприятную почву в русском мышлении, привыкшем к большим пространствам и долгим временам, но не вызывает сомнения, что он эти черты усилил. Фатализм, оправдываемый «объективными законами», в годы перестройки и реформы поражал. Одна читательница написала мне: «Я верю в закон отрицания отрицания и поэтому спокой-

на — социализм в России восстановится». И это — довольно общее мнение.

Более того, истмат внедрил в массовое сознание уверенность в том, что объективным законом является *прогресс* общества. Та «революция скифов», которая угрожала России после 1917 г. и была остановлена большевиками (о ней много писал М. М. Пришвин), совершенно не вписывалась в законы истмата, и мы не могли ожидать ее в конце XX века — но она ведь произошла на наших глазах. А ведь был уже урок фашизма, к которому теория истмата оказалась не готова. Недаром один немецкий философ после опыта фашизма писал: «Благодаря работам Маркса, Энгельса, Ленина было гораздо лучше известно об экономических условиях прогрессивного развития, чем о регрессивных силах».

Основанием для такого отношения к «событиям быстротекущей жизни» является лежащий в фундаменте истмата механистический детерминизм, который господствовал в мировоззрении в период становления марксизма. Он был воспринят из ньютоновской картины мира. Этот взгляд господствовал до начала XX века (до кризиса в физике), но по инерции он влияет на наше мышление до сих пор. Из него вышло само понятие «объективных законов», сходных с законами Природы.

Что же вытекает из идеи «объективных законов»? Уверенность в стабильности, в равновесности общественных систем. Чтобы вывести эту машину из равновесия, нужны крупные общественные силы, «предпосылки» (классовые интересы, назревание противоречий и т. п.). Еще в 1991 г. никто из «простых людей» не верил в саму возможность ликвидации СССР или советского общественного строя. Не верил — и потому не воспринимал никаких предостережений. А если уж произошло такое колоссальное крушение, как гибель СССР, то уж, значит, «объективные противоречия» были непреодолимы. Значит, и бороться бесполезно¹.

И люди, даже здравомыслящие, всему этому верят, хотя на каждом шагу в реальной жизни видят отрицание этой веры. Вот здоровяка-парня кусает тифозная вошь, и он умирает. Какие были для

¹ Даже после краха СССР привязанные к истмату люди не усомнились в своем методе. Они поверили в две внедренные в их сознание «материалистические» причины гибели советского строя: эксплуатация рабочих номенклатурой и уравниловка. И достаточность этих причин кажется им абсолютно очевидной, они даже удивляются — о чем еще спорить, все ясно, как божий день. Из такого объяснения следует, что в СССР жили 250 миллионов дураков, чему поверить невозможно. Ибо рабочие предпочли несравненно более жестокою эксплуатацию «новых русских» — и терпят ее. Во-вторых, сломав «уравниловку», они резко снизили свое потребление. Кто же в здравом уме сделает такой выбор? Вот и приходится истматчикам придумывать совсем не материалистический довод: людей «зомбировали».

этого *объективные предпосылки* в его организме? Только его смертная природа. Вот деревянный дом сгорел от окурка. Ищут «предпосылки» — свойство дерева гореть. Но это ошибка. Здесь виноваты именно не законы, а «флуктуации» — вошь, окуроч. Их легко можно было не допустить, если занять мало-мальски активную позицию.

Казалось бы, противоположная идее объективных законов «теория заговора» в конечном счете исходит из того же видения общества: чтобы сломать или повернуть «машину», должна иметься тайная сила, захватившая все рычаги. Где-то принимается решение, оно по секретным каналам доводится до исполнителей, приводятся в движение все колеса невидимого механизма — и вот вам национальная катастрофа. При таком видении общества «тайные силы» (масоны, евреи, ЦРУ, КГБ — каждый выбирает по своему усмотрению) внушают страх, ибо они по своим масштабам и мощи должны быть сравнимы с той общественной системой, которую желают сломать.

Манипуляторы сознания активно вбивали в головы обе эти версии, подсовывая желательное им объяснение событий. Для интеллигенции, чьи мозги промыты истматом, — песенка об «объективных законах» и издевательство над теми, кто верит в «заговор». Вылезает Шахрай, так трактует беловежский сговор: «Не смешите меня! Не могут три человека развалить великую державу». Дескать, рухнула под грузом объективных противоречий. Еще раньше, в 1991 г. один чудака из Межрегиональной депутатской группы пророчил: «Все империи рухали, и СССР должен рухнуть». Мол, объективная закономерность. А для тех, кто верит в заговор, создают образ всемогущей «мировой закулисы». Когда такой человек смотрит телевизор, видит его всезнающих дикторов, могущественных банкиров, Ясина да Лившица, у него опускаются руки — «все схвачено».

Обе теории устарели и плохо объясняют реальность. За последние полвека наука преодолела механицизм и обратила внимание на неравновесные состояния, на нестабильность, на процессы слома стабильного порядка (переход из *порядка в хаос* и рождение нового порядка). Для осмысления таких периодов в жизни общества старые мыслительные инструменты не годятся совершенно. В эти периоды возникает много неустойчивых равновесий — это перекрестки, «расщепление путей» (*точки бифуркации*). В этот момент решают не объективные законы, а малые, но вовремя совершенные воздействия. На тот или иной путь развития событий, с которого потом не свернуть, может толкнуть ничтожная личность ничтожным усилием. В науку даже вошла метафора «*эффект ба-*

бочки». Бабочка, взмахнув крылышком в нужный момент в нужном месте, может вызвать ураган.

Великими политиками, революционерами становились те люди, которые интуитивно, но верно определяли эти точки «расщепления» и направляли события по нужному коридору («сегодня рано, послезавтра поздно»). Сейчас интуиция дополняется научным знанием, планомерными разработками. Они помогают увидеть, где зреет эта «точка расщепления», на которую надо воздействовать. Почему в эти периоды общественных кризисов (возникновение хаоса) теория «объективных законов» делает людей буквально слепыми, очевидно. Эти люди уповают на свои законы и безразлично относятся к ходу событий, а когда рассерчат, беспорядочно тыкают кулаком или дубиной — не там, где надо, и не тогда, когда надо.

Но и «теория заговора» делает людей беспомощными. Какой заговор, это нормальная работа сереньких, усталых, не обладающих никакой тайной силой людей. Они просто включены в организацию и владеют технологией. И не столько важна спутниковая связь или телевидение (хотя и они важны), как технология мышления. Потому что средства воздействия, которыми располагают «заговорщики», действуют только на людей, не владеющих этой технологией. Так многотысячные армии ацтеков склонялись перед сотней конкистадоров, потому что те были верхом, а индейцы не знали лошадей. Они принимали испанцев за богов, кентавров, против которых нельзя воевать. Уже потом они провели эксперимент и убедились в своей ошибке: погрузив труп убитого испанца в воду, они обнаружили, что он «нормально» гниет. Значит, не боги! Можно воевать! Но было уже поздно.

Дестабилизация всех равновесий в организме СССР проводилась терпеливо и планомерно в течение полувека (холодная война). И наш организм продемонстрировал поразительную устойчивость. Но когда к власти пришла бригада, перешедшая на сторону противника, она блокировала почти все противодействия, которые могли бы восстанавливать стабильность. Это прекрасно видно на всей истории разжигания войны в Карабахе. Но и тут не было никакого «заговора», была нормальная, почти открытая работа. Люди просто «не видели», у них были на глазах шоры из устаревших понятий.

Вся перестройка была проведена в основном «крылышками бабочек» — с помощью ложных идей и провокаций. Провокации, которые заставили шароухаться «активный слой» в СССР, могут показаться блестящими. Горбачев, как Иван Карамазов убийство отца, организовал ГКЧП. Но успех этих махинаций был прежде всего обязан несоответствию нашего мышления. СССР оказался особенно хрупким и легко скатывался в хаос именно потому, что большую

роль в нашей жизни играла интеллигенция с ее впечатлительностью. Дуновения идейного ветерка пробегали по всей ее массе, как нервный импульс. Так стая сельдей вся враз поворачивает, бросая за «лидером», — она получает сигнал через вибрацию воды.

Предостережения об опасности всего «проекта Горбачева» не воспринимались, потому что интеллигенция, мыслящая в понятиях истмата (независимо от политической позиции), уверовала в «закон соответствия производительных сил и производственных отношений». Мол, реформа приведет их в соответствие, и будет процветание. Но разве этот закон — очевидная или установленная на опыте вещь? Где наблюдается и как можно предвидеть соответствие или несоответствие? Ведь закон имеет ценность лишь когда позволяет *предвидеть*, когда он сильнее частных, когда он действительно «пробивает себе дорогу» через массу конкретных обстоятельств. Мы же в истории на каждом шагу видим сплошь отрицание этого закона — комбинации частных весомее. Пришел Чубайс и уничтожил производительные силы — вот и весь закон.

А посмотрите, как разоружают человека заученные в истмате истины вроде «бытие определяет сознание», «базис первичен, надстройка вторична» и т. п. Раз так, то нечего беспокоиться об идеях — бытие само их отсортирует и направит людей на путь истины. Но ведь это совсем не так. Ведь и сам Маркс предупреждал: «Идея становится материальной силой, если овладевает массами». Значит, требуются усилия, чтобы идея «овладела массами».

Уже говорилось, что как «технология» перестройки была использована теория революции Антонио Грамши. Казалось бы, сведения о принятии ее на вооружение антисоветизмом должны были быть восприняты с полной серьезностью. А посмотрите, как высокомерно пишет об этом историк, специалист по ЦРУ проф. Н. Н. Яковлев: «Для ЦРУ Поремский [деятель НТС] сочинил «молекулярную» теорию революции. НТС вручил ЦРУ наскоро перелицованное старье — «молекулярную доктрину», с которой Поремский носился еще на рубеже сороковых и пятидесятых годов. Под крылом ЦРУ Поремский раздул ее значение до явного абсурда... Этот вздор, адресованный Западу, конечно, поднимается на смех руководителями НТС, которые в своем кругу язвят: «У нас завелась одна революционная молекула, да и то пьяная».

Н. Н. Яковлев приводит доклад об этой доктрине, сделанный в НТС в 1972 г. и точно отражающий ее суть, — и издевается над ним. Какая, мол, чушь! Это в 1985 г., когда «молекулярная агрессия» уже разворачивалась вовсю. А ведь эта технология и сегодня не изменилась, но никакого интереса ни у КПРФ, ни у патриотической интеллигенции не вызывает. Их мышление заблокировано истматом.

К фатализму истмата примешивается фатализм русского православного сознания. Никто не верит, что Россия может рухнуть, — не такие виды выдвигали. Да, пока что всегда удавалось вылезти из ямы, но ведь из этого не следует, что такой исход гарантирован. Ортега-и-Гассет писал: «Вера в то, что бессмертие народа в какой-то мере гарантировано, — наивная иллюзия. История — это арена, полная жестокостей, и многие расы, как независимые целостности, сошли с нее. Для истории жить не значит позволять себе жить как вздумается, жить — значит очень серьезно, осознанно заниматься жизнью, как если бы это было твоей профессией. Поэтому необходимо, чтобы наше поколение с полным сознанием, согласованно озаботилось бы будущим нации».

Равнодушие к моменту. Сознание, сформированное истматом, обращает главное внимание на объективные *предпосылки* каких-то изменений и действий (прежде всего, на социальные интересы). Поскольку это сознание механистично, оно исходит из представления об *обратимости* процессов. Значит, момент, быстрое действие не слишком важны — все можно поправить, против объективных законов не попрешь. Напротив, люди с мышлением диалектическим знают, что в реальной жизни большинство процессов необратимы. Часто важно в критический момент лишь подтолкнуть ход событий в нужный тебе коридор — и процесс пойдет вопреки всяким «предпосылкам». Поэтому манипуляторы (а они по необходимости владеют системным мышлением) очень большое значение придают моменту и тщательно конструируют «пусковые механизмы», которые надо быстро ввести в действие в критические моменты.

Для программирования поведения важно не только создать предпосылки нужных действий, но и спровоцировать их, вызвать контролируемую активность в нужный, благоприятный для манипуляторов момент. Конечно, манипуляторы стараются встроить в организацию противостоящих им общественных групп своих провокаторов, которые могли бы дать нужную команду. Но это непросто, внедрить и вырастить провокатора с таким авторитетом удается редко, да и «тратят» его в самом крайнем случае. Чаще его роль сводится лишь к поддержке тех сигналов к действию, которые манипуляторы посылают извне, безлично.

Ложный сигнал к самоубийственному действию — инструмент информационной войны. Если он хорошо выполнен, его эффект может быть огромен. Уже приводилась аналогия с тем, как используются ложные сигналы в новых поколениях средств борьбы с вредителями — сорняками, насекомыми и др. Целый класс таких веществ называют прекоценами (от *precocity* — *преждевременность*). Смысл их действия — дать сигнал к преждевременно-

му переходу организма к следующей стадии развития. Например, насекомые раньше времени превращаются в недоразвитые (обычно бесплодные) взрослые особи.

Крошечные черви-нематоды наносят колоссальный ущерб урожаю картофеля. Их яйца находятся в почве в состоянии спячки. Только когда из корня растения выделяется особое вещество, и его молекула достигает яйца нематоды, оно пробуждается, и из него выводится червь. Это вещество-сигнал действует в ничтожной концентрации 1 мг в 1000 т почвы — слой примерно 1 гектара.

Один из самых страшных сорняков злаковых культур — *Striga asiatica*. Его семя может годами пребывать в почве, пока его чрезвычайно чувствительные рецепторы не поймут сигнал о том, что вблизи него проросло семя риса или пшеницы. Тогда семя стриги тоже прорастает, но за 4 дня росток должен найти корни злака, на которых он паразитирует. Около 20 лет ученые пытались отыскать вещество, которое выделяется из корня злака и служит сигналом для семени сорняка. Сейчас его нашли, назвали стриголом и выяснили строение. Когда удастся наладить его производство, достаточно будет протравливать им в ничтожных количествах семена злаковых культур, чтобы стрига прорастала и погибала до того, как появится корень.

События в нашем обществе показали, что, зная систему ценностей и стереотипы активных социальных групп, можно заставить их действовать в нужном направлении через очень краткосрочное воздействие сигналами. Красноречивый, почти модельный пример — программирование событий 3 октября 1993 г. Задача режима состояла в том, чтобы спровоцировать сторонников Верховного Совета РСФСР на активные действия с элементами насилия или хотя бы «беспорядков» для того, чтобы ликвидировать парламент вооруженным путем, но при поддержке или хотя бы нейтралитете армии.

Как мишень для манипуляции были использованы не политические или идеологические установки, а *чувства*. Прежде всего, чувство оскорбленного достоинства. Для их мобилизации режим в течение недели предпринимал ряд странных, необъяснимо подлых действий (отключал свет и воду в здании Дома Советов, то разрешал, то запрещал проход к зданию, ставил громкоговорители и оглашал окрестности похабными песенками). Затем в течение недели в разных точках Москвы шли немотивированные, вызывающие всеобщее возмущение избиения людей — даже в подземных вестибюлях метро. По завершении этих подготовительных действий было делом техники вывести 3 октября огромную демонстрацию и «провести» ее к Дому Советов, а затем послать на захват пустой

мэрии, а потом и здания телецентра в Останкине, где и был подготовлен первый акт побоища¹.

В целом внедренный в мышление механицизм истмата позволил манипуляторам решить две задачи: сделать основную массу советских людей невосприимчивой к тем доводам здравого смысла, которые указывали на опасность изменений в обществе; обеспечить пассивность подавляющего большинства в критические моменты неустойчивого равновесия, когда толкнуть процесс в ту или иную сторону можно было действием очень небольшой силы. Слом советского жизнеустройства был проведен как «революция сверху», и условием успеха такой революции является даже не благосклонность массы, а именно ее пассивность. Никакой социальной базы для такой революции и не надо, пару тысяч «энтузиастов» и толпу хулиганов организовать всегда можно — лишь бы в этот момент «народ безмолвствовал».

§ 2. Незнание общества, в котором живем

Юрий Андропов сказал (а Горбачев потом повторил) важную вещь: «Мы не знаем общества, в котором живем». Это было, пожалуй, главным условием успеха всей кампании манипуляции сознанием советских людей. Они не знали, что могут потерять, что надо защищать, чего нельзя ломать. Но положение и не изменилось, мы так и не знаем общества, в котором живем, — манипуляторы специально описывают его в ложных понятиях. Но мы этого не замечаем — ведь общество вокруг нас, как же мы можем его не знать! Гегель подчеркивал, что «знакомое еще не есть познанное». Часто именно то, что кажется нам привычным и само собой разумеющимся, с наибольшим трудом поддается постижению в четких понятиях.

Фатально ли это незнание? Нет, оно не только не фатально, оно уже даже постыдно. Поведение России оказывается совсем не аномальным и даже несколько не странным, а вполне правильным, если глядеть на нее не через очки евроцентризма, а применить хорошо уже разработанное в науке представление о двух разных типах общества: *современном* и *традиционном*.

Беда в том, что всю историю видели мы через очки Запада — и изучали общество только западное. Мы учили перипетии споров

¹ Высокий уровень всей этой операции манипуляции сознанием виден в том, что уже в начале демонстрации, после необычно легкого «прорыва» заградительного кордона ОМОНа на Крымском мосту многие стали подозревать, что готовится большая провокация. Но это уже никого не останавливало (во многих отношениях кровопролитие, организованное режимом Ельцина, наносило ему стратегический ущерб и укрепляло пассивное сопротивление общества, но тактический выигрыш был режиму намного важнее).

в Сенате Рима и схваток между Дантоном и Робеспьером, но почти ничего не знаем о цивилизациях ацтеков, Китая и Индии, не говоря уж об Африке. И для осмысления нашей истории и бытия мы применяли аппарат евроцентризма, со всеми его понятиями, идеалами и мифами. Особенно когда господствовал истмат с идеей «правильной» смены общественных формаций. Беда разразилась, когда во время перестройки евроцентризм стал официальной догмой.

Современное общество возникло в Западной Европе на обломках традиционного общества Средневековья. Те цивилизации, где такой глубокой ломки не произошло, продолжали развиваться в условиях той или иной разновидности традиционного общества. Россия — как в облике Империи, так и в образе СССР — была классическим примером традиционного общества.

Названия «традиционный» и «современный» условны и не вполне удачны, смысл их уже не отражается выбранными словами. Кроме того, само слово «современный» для многих звучит как положительная оценка. Но раз уж эти названия давно вошли в обиход, лучше не изобретать новых. Понятия «современное» и «традиционное» общество есть абстракции. В чистом виде эти модели нигде не встречаются. Любое самое примитивное общество в какой-то мере модернизировано. А любое общество Запада (скажем, США) несет в себе какие-то архаические черты — не только как пережитки, но и порождает их в своем развитии. Нарисуем два образа крупными мазками.

Эти образы слеплены усилиями множества ученых. Много сделали историки, работавшие в ключе не истмата, а «цивилизационного подхода» — не разглядывали жизнь через призму классовый борьбы и смены формаций, а описывали зарождение, развитие и гибель той или иной цивилизации как организма. Крупные философы искали метафоры и аналогии, чтобы уловить и объяснить разницу двух типов общества. К. Поппер назвал их *открытое* и *закрытое* общество. Он крайне отрицательно относился к обществу традиционному (закрытому) и сделал меткие замечания. Например, он писал: «Закрытое общество в его лучших образцах можно сравнить с организмом». А далее объяснял, почему атомизированное гражданское общество не имеет черт организма: «поскольку ничто в организме не соответствует одной из важнейших характеристик открытого общества — конкуренции за статус его членов».

В 60—70-е годы XX века появилось много философских работ, в которых для лучшего понимания сути Запада проводилось сравнение с обществом традиционным. Это работы о языке и цензуре, о власти, о тюрьмах и больницах, о школе, о скуке и многом другом. Важным для нашей темы было то направление в анализе культуры,

которое начал М. М. Бахтин. Его анализ «культуры смеха» в период Возрождения дает представление целого среза нашей проблемы.

Огромный материал накопили этнографы, изучавшие оставшиеся на Земле «примитивные общества». Поскольку эти работы сделаны в основном учеными Запада, они всегда включали в себя сравнение Запада с традиционным обществом. После войны такой сравнительный анализ стал большой программой. Она вобрала в себя огромный материал наблюдений. В ней приняли участие виднейшие антропологи (К. Леви-Стросс, К. Лоренц, М. Сахлинс) и психологи (например, Э. Фромм). Много дало исследование японского стиля управления фирмами. В США были иллюзии: стоит только разгадать секрет, обучиться трем-четырем приемам, и можно с успехом внедрить японский стиль на фирмах США. Все оказалось сложнее, речь шла о глубоких различиях культур.

Таковы основные источники научного знания о традиционном обществе. Это знание материалистическое, оно не включает в себя мистических понятий, не нуждается в обращении к мифам и тайнам загадочной души — русской, китайской и т. д. Все выводы можно проверить наблюдением и логикой, что и является признаком научного знания.

Помимо науки над нашей проблемой трудилось искусство. Оно создало другой, еще более обширный запас знания, «записанного» в художественных образах. Некоторые писатели приближались к осознанному сопоставлению двух типов общества (когда отражали столкновение цивилизаций, как, например, Лев Толстой). В целом два массива знания — научное и художественное — не противоречат друг другу, а дополняют. Это подтверждает верность научной концепции традиционного общества.

Часто считают, что в промышленно развитых странах везде сложилось современное общество. Это неверно. Степень промышленного развития не есть существенный признак. Япония — развитая промышленная страна, сохранившая главные черты традиционного общества. А плантации в Зимбабве — очаги уклада современного общества. Перечислим входящие в ядро признаки, позволяющие отнести конкретное общество к тому или иному типу.

Понятие пространства и времени. Картина мироздания служит той базой, на которой строятся представления об устройстве общества. «Естественный порядок вещей» — важнейший довод идеологии. В фундаменте современного общества лежит идея *свободы*. Для ее становления было важно новое представление о пространстве, данное Ньютоном. Хотя мысль о бесконечности Вселенной была уже у Джордано Бруно, лишь ньютоновская механика убедила человека в этой идее.

Человек же традиционного общества видит мироздание как *Космос* — упорядоченное целое, с каждой частицей которого человек связан мириадами невидимых нитей, струн. К. Э. Циолковский говорил, что Земля — колыбель человека, Космос — его дом. Вот штрих: более полувека в мире ведутся две технически сходные программы, в которых главный объект называется совершенно разными терминами. В СССР (теперь России) — *космос*, в США — *space* (пространство). У нас космонавты, там — астронавты.

Столь же различны и представления о *времени*. У человека традиционного общества ощущение времени задавалось Солнцем, Луной, сменами времен года, полевыми работами — время было циклическим и не разделенным на маленькие одинаковые отрезки. У всех народов и племен был миф о вечном возвращении. Научная революция разрушила этот образ: время стало линейным и необратимым. Идея устремленного вперед времени (и идея прогресса) не заложена в нашем мышлении естественным образом, это — недавние приобретения культуры.

Конечно, русские, включившись в промышленное развитие, восприняли научные представления о пространстве и времени, но так, что прежнее мироощущение при этом не было сломано. Научные представления, как инструменты, сосуществуют с космическим чувством.

Отношение к миру. Космос, в центре которого находился человек, созданный по образу и подобию бога, обладает святостью (Гегель назвал традиционное общество «культурой с символами»). Десакрализация (лишение святости) мира началась уже в Реформации и завершилась в ходе Научной революции, которая представила мир как простую механическую машину. Разделение человека (субъект) и мира (объект) сделало отношение к миру в современном обществе рациональным. В традиционном обществе человек сохранил «естественный религиозный орган» (способность видеть священный смысл в том, что современному человеку кажется обыденным, профанным, технологическим), и он просто кожей, босыми ногами ощущает глубокий смысл бытия, хотя бы он и был атеист.

Святость мира и включение в него человека порождает в традиционном обществе единую для всех этику. Современное общество «открыто» в том смысле, что его не ограничивают барьеры, в которых «замкнуто» традиционное общество — ни бог, ни общая (тоталитарная) этика, ни озоновый слой.

Глубоко различно отношение к земле. Недаром важнейшей проблемой реформы в России стало снятие священного смысла понятия земля. Идеологи разрушают это понятие как символ, имеющий для народов России религиозное содержание. В дебатах о собственности на землю этот священный смысл отбрасывается исклю-

чительно грубо. Подчеркивается, что земля — не более чем средство производства и объект экономики.

Антропологи специально рассматривают смысл Земли в культуре «незападных» народов. Земля — особое измерение Природы, то духовное пространство, в котором происходит встреча с мертвыми. Запрет на продажу земли является абсолютным, экономические расчеты при этом несущественны. Например, индейцев чаще всего приходилось просто уничтожать — выкупить землю не удавалось ни за какие деньги. В 1995 г. так были поголовно уничтожены два племени в Южной Америке.

Утрата естественного религиозного органа привела Запад к сугубо рациональному мышлению и замене качеств их количественными выражениями (или суррогатами). Запад «знает цену всего и не знает ценности ничего» (еще сказано: «то, что может иметь цену, не имеет святости»). Напротив, освящение многих явлений, общественных отношений и институтов (например, Родины, Государства, Армии, Труда) — важнейшая сторона культуры российских народов.

Огромное значение в традиционном обществе приобретает авторитет, не подвергаемый проверке логикой. В гражданском же обществе проверка и разрушение авторитетов стали не только нормой, но и принципом бытия, вытекающим из понятия свободы.

Представление о человеке. В современном обществе человек — свободный атом, индивидуум. *Ин-дивид* (лат.) = *а-том* (греч.) = *неделимый* (рус.). В России смысл понятия *индивид* широкой публике даже неизвестен. Здесь человек в принципе не может быть атомом — он «делим». Он есть личность как средоточие множества человеческих связей. Он «разделен» в других и вбирает их в себя. Здесь человек всегда включен в солидарные структуры (патриархальной семьи, деревенской и церковной общины, трудового коллектива, пусть даже шайки воров). Этот взгляд очень устойчив и доминирует в России в самых разных идеологических воплощениях, что и является важнейшим признаком для отнесения ее к традиционному обществу. Современное общество требует разрушения общинных связей и превращения людей в индивидуалистов, которые уже затем соединяются в классы и партии, чтобы вести борьбу за свои интересы.

Из понятия человека-атома вытекало новое представление о частной собственности как естественном праве. Именно ощущение неделимости индивида, его превращения в обособленный мир породило глубинное чувство собственности, приложенное прежде всего к собственному телу. Произошло отчуждение тела от личности и его превращение в собственность. В традиционном обществе понятие «Я» включает в себя и дух, и тело как неразрывное целое.

Отсюда — разное отношение к проституции, гомосексуализму, эвтаназии, рынку рабочей силы и другим проблемам «распоряжения» своим телом.

Отсюда и разное отношение ко многим травмам, прежде всего, к праву на жизнь, на пищу. В традиционном обществе всегда сильна уравниловка — право на вне рыночное получение некоторого минимума жизненных благ, принципиально отвергаемое в современном обществе (бедные есть отверженные).

Уравниловка в России заложена в подсознание, в корень цивилизации. Изменения в идеологии не меняют этого подспудного чувства. Даже в период рыночного энтузиазма общественное мнение было жестко уравнильным. В октябре 1989 года на вопрос «Считаете ли вы справедливым нынешнее распределение доходов в нашем обществе?» 52,8 % ответили «несправедливо», а 44,7 % — «не совсем справедливо». Что же считали несправедливым 98 % жителей СССР? Считали распределение недостаточно уравнильным. 84,5 % считали, что «государство должно предоставлять больше льгот людям с низкими доходами» и 84,2 % считали, что «государство должно гарантировать каждому доход не ниже прожиточного минимума». Это и есть четкая уравнильная программа.

Тип хозяйства. С древности различают два типа хозяйства. Один — *экономика*, что означает «ведение дома» (экоса). Она не обязательно сопряжена с движением денег, ценами рынка и т. д. — это производство и коммерция в целях удовлетворения потребностей. Другой — *хрематистика* (рыночная экономика). Она нацелена на накопление богатства, накопление как высшую цель деятельности. В России хрематистика никогда не смогла занять господствующего положения: породив острые противоречия, она в начале века привела к революции. Нет заметных успехов в ее насильственном внедрении и сегодня. Огромный эксперимент по медленному и очень осторожному включению элементов хрематистики в структуры традиционного общества происходит в Азии, в рамках модернизации без разрушения.

Господство рыночной экономики в современном обществе было связано с новым, необычным с точки зрения традиций отношением к собственности, деньгам, труду и превращению вещи в товар. Содержание всех этих понятий настолько различается в современном и традиционном обществах, что нередко представители разных культур, даже из числа специалистов, просто не понимают друг друга, хотя формально говорят об одном и том же.

Принципиальные различия между хозяйством современного и традиционного общества показал А. В. Чаянов в своем анализе крестьянского двора в сравнении с фермером — капиталистическим предприятием на земле. Большое значение имеет и глубокое разли-

чие в отношении к деньгам — та «философия монеты», которая складывалась в течение пяти веков на Западе в недрах протестантской этики. Идея Е. Гайдара «внедрить монетаризм в России в течение 1992 года» — или фарс, или паранойя.

Представление о государстве. Уже Лютер и Кальвин произвели переворот в идее государства. Раньше оно даже обосновывалось, приобретало авторитет (легитимировалось) через божественное откровение. В нем был представитель божественного порядка — монарх, помазанник божий, и все подданные были, в каком-то смысле, его детьми. Государство было патерналистским и не классовым, а сословным. Лютер обосновал возникновение классового государства, в котором представителем бога стал уже не монарх, а класс богатых. Богатые стали носителями власти, направленной против бедных.

Гражданское общество породило тот тип государства, который Гоббс назвал «Левиафаном» — библейским чудовищем. Только такой наделенный мощью, бесстрашием и авторитетом страж мог ввести в законные рамки конкуренцию — эту войну всех против всех. Его легитимация производится снизу по принципу *«один человек — один голос»*.

В традиционном и современном обществах складываются очень различные, поразительно несхожие системы права. Право традиционное настолько кажется странным человеку Запада, что он искренне считает традиционное общество «неправовым». Напротив, приложение норм права гражданского общества к традиционному (что случалось во многих частях света в периоды «модернизаций») наносит людям и целым народам тяжелые травмы, которые порой достигали уровня геноцида. В праве традиционного общества большую роль играет общая (тоталитарная) этика. Вот маленький пример. В 70-е годы, во время очередной волны «освоения опыта развитых стран» ГАИ СССР предлагалось ввести в практику скрытное патрулирование на автомобилях с гражданскими номерами, фотографирование нарушителей скрытой камерой и др. методы западной дорожной полиции. После обсуждения ГАИ отказалась от этих приемов как неэтичных, содержащих элемент провокации. Это — этика тоталитарной культуры.

А вот этика манипуляции. В США в одном штате полиция установила на главных магистралях знак «Притормози! Впереди проверка на наркотики». Часть водителей после этого знака на первом же перекрестке сворачивала на местную дорогу. Там их и поджидала полиция. Как объяснил деятель полиции, «всякий, кто сворачивает на эту дорогу, имеет на то единственную причину, если только не живет здесь». Водители «сами» разделились на безу-

пречных и подозрительных, а подозрительные «сами» направились к месту, где их поджидала полиция¹.

Россия в облике СССР была государством традиционного типа, которое легитимировалось «сверху» через не подвергаемый логической проверкой авторитет идеологии. Хранителем ее («жреческим сословием») могла быть только негосударственная структура — КПСС. Обе стороны в Конституционном суде в 1992 г. («суд над КПСС») показали непонимание самого типа советского государства и роли в нем партии.

Насколько было широким это непонимание, показывает тот факт, что общий смех вызывало зрелище единогласно принимаемых решений в Верховных Советах. Это — типичный ритуал голосования в традиционном обществе (в то время как в парламентах Запада голосование есть ритуал, символизирующий «рынок» — конкуренцию). Антрополог Леви-Стросс специально подчеркивал: «Почти во всех абсолютно обществах, называемых «примитивными», немислима сама идея принятия решения большинством голосов, поскольку социальное единство и доброе взаимопонимание считаются более важными, чем любая новация. Поэтому принимаются лишь единодушные решения».

В целом, традиционное общество строится в соответствии с метафорой *семьи*, а современное — метафорой *рынка*. Это само по себе не несет оценочной нагрузки. Приписывать тому или иному типу общества чудодейственные достоинства, гарантии благополучия — неправомерно. Это — чаще всего есть следствие идеологической заинтересованности или же наивного увлечения. Исторические обстоятельства в условиях глубокого кризиса могут каждое общество толкнуть в самый страшный коридор.

§ 3. Художественное воображение и уязвимость советского человека

Активизация воображения во время перестройки облегчалась тем, что в качестве доводов идеологи почти исключительно применяли образы, которые мы не могли соотнести с реальностью. Это были образы иных стран («*Запад*») или иных исторических периодов («*сталинские репрессии*»). И самой неустойчивой группой,

¹ Доктор-искусствовед, который описал это в журнале «США» (10, 1994), захлебывается от восхищения: «При этом безупречные граждане не испытывали ни малейших неудобств». Свидетель провокации не испытывает неудобств... И с каким же презрением смотрит этот демократ на нашу ГАИ: «Едва ли не все меры относятся к типу... войсковых операций, будь то порядок на дорогах или противодействие рэкету. От борьбы с преступностью порой страдаем не меньше, чем от самой преступности».

склонной строить в воображении ложные образы и затем вырабатывать из них самоубийственную линию поведения, оказалась интеллигенция, но не только она. Ниже мы увидим, как быстро удалось вскружить голову рабочим. Так что поговорим вообще о русском человеке, который, находясь в состоянии «совка», оказался удивительно подвержен манипуляции.

Упрощая, примем, что советский человек отличался от русского человека начала века тем, что прошел школу (а многие и вуз), основанную на научной картине мира, был уже человеком индустриального быта и в массе своей жил в городе. Таким образом, в мышлении советского человека уже в значительной степени была ослаблена роль традиций и религиозных догм. В то же время старые сословные отношения были уже разрушены, так что утратились механизмы внутрисословного общения и утверждения мнений. Потеря советским обществом устойчивости во многом объяснялась и тем, что все созданные в советское время каналы социального общения (КПСС и ВЛКСМ, профсоюзы и пресса, школа и вузы) находились под контролем государства. По команде сверху во время перестройки все эти каналы начали передавать лишь те сигналы, которые побуждали к разрушению общества и его жизнеустойчивости. То «молчаливое большинство», которое сознательно отвергло переворот Горбачева—Ельцина, оказалось «без языка».

От среднего человека *Запада* советский человек отличался тем, что сохранил общинное крестьянское мироощущение (отношение к человеку, обществу, государству и т. д.). Следовательно, он не был еще достаточно индивидуализирован, чтобы соединиться в гражданское общество с его партиями, профсоюзами и другими ассоциациями, в которых бы вырабатывалось и утверждалось социальное (классовое) самосознание. То есть с точки зрения «связности» общества советский человек второй половины века находился в переходном состоянии — не было компактных сословий и классов, но и не было ассоциаций гражданского общества. Новое сословное самосознание возникло раньше всего как раз в тех социальных группах, которые заняли антисоветскую позицию (либеральная интеллигенция, номенклатура и преступный мир).

Общинные качества советского человека в определенных условиях (когда сила государства опиралась на согласие граждан) придавали обществу необычную силу и устойчивость. Это очень хорошо показала война. Но в других условиях — когда возникали сомнения, а то и несогласие с властью — неспособность противостоять манипуляции оказывалась почти необъяснимой. Кстати сказать, манипуляции не мог противостоять не только гражданин, но и сама советская власть. Потому она и металась — то глушила

«Голос Америки» и самиздат, то тайком разрешала. Брежнев почти открыто обращался к людям примерно с такой мольбой: «Мужики, не раскачивайте лодку. Мы худо-бедно тянем хозяйство, все сыты, в тепле и безопасности, живем все богаче. Но мы не можем дать воли краснобаям, мы с ними не справимся. Они и нас, и вас оболтают!» Так оно и получилось. Городской человек буквально поддался очарованию краснобаев — Горбачева и Жванецкого. Вместо тугодума Брежнева он посадил себе на шею Хазанова (тогда это называли «жить не по лжи»).

Почему же все-таки советский человек оказался манипулируем даже в большей степени, чем можно было предположить исходя из учета всех этих сил? Как возникла столь неожиданно эффективная система манипуляции? Скрутить голову одной рукой трудно, а двумя легко, даже крепкую шею. Европейцу голову скручивают одной рукой — манипулируют его рациональным сознанием. Какой же второй рукой помогли скрутить голову нашему Ивану?

Я думаю, что второй, тайной силой манипуляторов оказалось *русское художественное чувство*. Непривычна эта гипотеза потому, что это чувство у европейца служит для него как раз противоположностью, противоядием против манипуляции сознанием. Нас сгубила именно чрезмерная художественная впечатлительность, свойство русского дорисовывать в своем воображении целый мир, получив даже очень скудный, мятый обрывок образа. Из-за этой артистичности сознания русские заигрываются в своем воображении, взмывают от земли далеко ввысь, а потом расшибаются. Чтобы летать в заданном коридоре и на орбите, нам требовались шоры идеологии, хотя бы и тупой. Не огало ее — и воспарили.

Наверное, это свойство молодого народа (если хотите, дикаря) — так вживаться в художественные образы, быть такими отзывчивыми на слова-символы. Пожалуй, всем советским оно было присуще, кроме прибалтов. Белорусы тоже оказались разумнее других — а посмотрите, что натворили кавказцы. На телевидении один тип рассказывал, посмеиваясь, как протекало скоротечное взаимоистребление в Курган-Тюбе. В восемь вечера, перекрывая грохот перестрелки, зычный голос возвещал: «Кончай стрелять! «Марианна» начинается!» — и огонь с обеих сторон стихал, бойцы шли смотреть мексиканский телесериал. Он был для них реальнее настоящего огня и крови. Есть в этой свежести и силе восприятия какая-то большая и еще непонятая ценность — и одновременно беззащитность. Такой народ может жить или с заботливым и строгим монархом, или со Сталиным. Или мы, люди с таким мышлением, друг друга сейчас перебьем, и останутся лишь годные к цивилизации?

Почему же трудно принять такую гипотезу? Потому, что легче всего разрушение логики и манипуляция достигается в сознании, которое рационально в максимальной степени, а мы должны были бы быть устойчивы. Наиболее чистое логическое мышление беззащитно, а мышление, которое «армировано» включениями иррациональных представлений (художественных и религиозных, традиций и табу), гораздо прочнее. Так действуют «островки иррациональности» в мышлении европейца. У нас же получилось наоборот: художественное восприятие настолько сильно и ярко, что оно при умелом воздействии отделяется от рационального мышления, а иногда подавляет и здравый смысл. С этим мы столкнулись уже в начале века.

Ведь давайте вспомним горькое предположение В. В. Розанова, которое наши писатели как-то прячут. Он же сказал, что «приказ № 1, превративший одиннадцатью строками одиннадцатимиллионную русскую армию в труху и сор, не подействовал бы на нее и даже не был бы вовсе понят ею, если бы уже 3/4 века к нему не подготовляла вся русская литература... Собственно, никакого сомнения, что Россию убила литература».

Это невозможно объяснить европейцу. Ну, изобразил какой-нибудь Стендаль тупого офицера — не придет же из-за этого французам в голову возненавидеть офицерство и армию. А русский читатель из условного мира художественных образов выхватит Скалозуба и переносит его на землю, замещает им реального офицера. А уж если прочтет «После бала», то возненавидит всех полковников.

Это понял, на склоне дней, Чехов и пытался вразумить читателей и предупредить писателей. Но тоже как-то неохотно ему внимали. Он писал, что мир литературных образов условен и его ни в коем случае нельзя использовать как описание реальной жизни, а тем более делать из него какие-то социальные и политические выводы. Образы литературы искажают действительность! В них явление или идея, поразившие писателя, даются в совершенно гипертрофированном виде. За верным отражением жизни человек должен обращаться к социологии и вообще к науке, но не к художественной литературе.

Давайте признаем, что мы уже более века поступаем как раз наоборот. Берем из книги художественный образ — и из него выводим нашу позицию в общественной жизни. Если вдуматься, страшное дело. Ведь писатель просто обязан придать именно личной, единичной судьбе («слезинке ребенка») космический размер — потрясти читателя, вызвать у него катарсис, очищение трагедией. Мы же вместо очищения потрясаемся именно космическим разме-

ром, воспринимаем его буквально — и готовы из-за этой слезинки перебить множество реальных, живых младенцев¹.

Россия стала читающей страной, и уже с середины XIX века возникло глубокое противоречие. Русский человек читал художественную книгу, как текст Откровения, а писатель-то писал уже во многом как Андре Жид. Он уже был не Гоголь и не Пушкин. Это был кризис модернизации, отраженный в культуре, — разные части диалога находились в двух существенно разных цивилизациях. Писатели могли вносить в этот неявный конфликт восприятия коррективы, но они этого не делали.

Как искажено литературой уже наше восприятие истории России! Прочитав в школе «Муму», мы создаем в нашем воображении страшный образ крепостного права. Ну что стоило дать в том же учебнике маленькую справку! Ведь мало кто знает, что число крепостных среди крестьян в России лишь на короткий срок достигло половины, а уже в 1830 г. составляло лишь 37%. Право продавать крестьян без земли было дано помещикам лишь в 1767 г. и отменено уже в 1802 г. (были лазейки, но уже и Чичикову пришлось непросто). Мы же в массе своей думаем, что помещики направо и налево распродавали крестьян, да еще старались разделить мужа и жену. Это же были случаи исключительные!

Понятно, что для писателя, который обращался к русскому читателю, свобода слова должна была быть исключена. В. В. Розанов упрекнул русскую литературу за *безответственность*. Но писатели XIX века еще не знали взрывной силы слова в русской культуре. Эта особенность русского ума была хорошо изучена советологами лишь в 70-е годы — и на ней была построена научно обоснованная технология «молекулярной агрессии в сознание». С этого момента на безответственность уже не спишешь. Трудно представить себе, что бы сказал В. В. Розанов, почитав Войновича.

Война с Россией (СССР) велась не в мире земной жизни — мире молока и хлеба, тепла и холода, — а в мире воображения, в виртуальном пространстве и времени. Ах, Сталин в 1944 г. выселил чеченцев? Так взорвем сегодня весь Кавказ, вместе с чеченцами, да взорвем уже не виртуально. Для этого тут как тут Приставкин со своей повестью. Ей верят — ведь он так видел мир своими детскими глазенками, ведь это правда, он сам видел слезинку чеченского ребенка! Да, это было бы правдой, если бы он писал для читателей Андре Жида, так что «написанное не будет иметь никаких послед-

¹ Как возникает этот гибрид рационализма с архаичной верой — большая тема, ее мы не будем здесь развивать. Ведь отсюда вышел и антипод этого гибрида, особый русский нигилизм. Об этом размышлял Достоевский, а Ницше даже ввел понятие об особом типе нигилизма — «нигилизм петербургского образца (т. е. вера в неверие, вплоть до мученичества за нее)».

ствий». Но он-то знал, что последствия будут, для них он и работал, ведь надо было взрастить Дудаева. Когда уже бомбили Чечню, Приставкин хвастался в западной прессе: «Мой фильм «Ночевала тучка золотая» Дудаев смотрел, сидя один в зале, — и по щекам его текли слезы». Долг писателя, по мнению Приставкина, — плеснуть бензину в нужный момент, не дать огоньку погаснуть.

Конечно, Приставкин — солдат холодной войны, писал он не детские воспоминания, а создавал из полуправды ложный образ, который читатель еще многократно дополнил своим воображением. Цель была: от слезинки ребенка — через слезинку Дудаева — к кровавым слезам целых народов. Но мы сейчас не о Приставкине, а именно о нашем читателе и зрителе. Сравним его с европейцем.

В 1967 г. вышел сильный полудокументальный французский фильм «Битва за Алжир» — о войне в Алжире (1954—1962 гг.). В отличие от депортации чеченцев полвека назад, все исполнители которой давно умерли или на пенсии, алжирскую войну вели как раз действующие в 1967 г. политики (так, Миттеран был прокурором Алжира и толпами отправлял алжирцев на гильотину — этим кадром и начинается фильм). Армией французов командовали молодые еще военные, герои Сопrotивления (только французская компартия была против войны в Алжире). Эти герои совершили геноцид — более 1 миллиона убитых алжирцев на 8 млн. населения. Но абсолютно никакого впечатления на французов этот фильм не произвел. Дело-то прошлое, уже пять лет прошло! Миттеран после этого два или три срока президентом выбирался, поучал Горбачева по поводу прав человека, и никто ему и слова упрека за старое не мог сказать, в голову бы не пришло. Там Приставкин поджигателем бы и не был:

Разрушительная сила литературы резко усилилась, когда художественными образами и авторитетом любимого писателя стали пользоваться манипуляторы, оснащенные СМИ. Как правило, сами эти любимые писатели предотвратят идеологическое использование их образов уже не могут. Ясно, что христианский запрет Гоголя («Слово гнило да не исходит из уст ваших») невыполним. Наше общество модернизируется, и мы давно пошли вслед за Западом, разделяя этику и эстетику и освобождая слово от цензуры этики. Писатели вовлекают нас в духовные эксперименты, сокращая нам опыты быстротекущей жизни. Без этого не обойтись, и эксперименты эти остры и опасны. Сатанизм М. Булгакова вошел в наш духовный рацион, его не выплюнуть. Но к беде ведет не само художественное возвеличение дьявола, а мягкое подталкивание читателя к мысли, что в этом — *истина*. Не яд, выработанный больной душой изверившегося писателя, который дается нам как соблазн и лекарство, а именно истина. Кто же подталкивает? Заинтересован-

ные идеологи и, из лучших побуждений, ныне живущие любимые писатели. Этот хор в течение двух десятилетий так и представлял нам романы М. Булгакова. Результат известен: большинство читающей публики восприняло важные идеи этих романов как духовные заветы, которым надо следовать. Как идеи *Добра*.

С большой художественной силой писатель узаконил вождедения, которых раньше стыдились. Женщина теперь может мечтать: встретиться бы с дьяволом, слетать на метле на шабаш, поработать там для него вечерок — и получить желаемое. А интеллектуал, считающий себя, конечно же, Мастером, мечтает получить вечный и вполне материальный комфорт: хороший каменный дом подальше от «этой страны», бесплатного слугу (который, судя по всему, не ворует) и любящую женщину под боком.

Но начну с более простого случая — изданной в 1990 г. тиражом 400 000 экземпляров в издательстве «Советский писатель» книги И. А. Бунина «Окаянные дни». Потом были и другие массовые издания, но и этот тираж «накрыл» активную часть интеллигенции. Редко кто из политиков всех цветов в последние годы перестройки и после нее не помянул эту книгу как выражение мудрости и высокого чувства русского писателя-патриота. Чуть ли не истина о революции и первом годе советской власти, урок всем патриотам.

«Окаянные дни» — ценное свидетельство, оно бы очень помогло понять то время, если бы было воспринято хладнокровно. Но тот ореол, что создали вокруг книги авторитетные деятели культуры, превратил эту книгу в важное орудие помрачения сознания. Почему так получилось? Потому, что в русских жива еще старая вера в то, что высокое художественное Слово, дар Ученого или любой другой талант обладают святостью, благодатью. Через них не может приходить зло. А значит, носителям таланта, если они что-то заявляют в поворотные моменты народной судьбы, следует верить. Так и верили — академикам, певцам, актерам. И особенно — писателям.

Сами писатели не предупредили, что эта вера ложна, в ней много от идолопоклонства. Предупредить было нетрудно, требовалась лишь гражданская совесть. Достаточно было сказать, что по одному и тому же вопросу противоположные позиции занимали равно близкие нам и дорогие Бунин и Блок (или Бунин и Есенин) — это видно из дневников самого Бунина. Значит, вовсе не связан талант с истиной, и никак нельзя верить писателю только потому, что мы очарованы его талантом. Бунин изображает «окаянные дни» с такой позиции, которую просто немислимо разделять русскому патриоту. Ведь в Бунине говорит прежде всего сословная злоба и социальный расизм. И ненависть, которую не скрывают, — святая

ненависть. К кому же? К народу. Он оказался не добрым и всепрошающим богоносцем, а восставшим хамом.

«В Одессе народ очень ждал большевиков — «наши идут»... Какая у всех [из круга Бунина] свирепая жажда их гибели. Нет той самой страшной библейской казни, которой мы не желали бы им. Если б в город ворвался хоть сам дьявол и буквально по горло ходил в их крови, половина Одессы рыдала бы от восторга».

Смотрите, как Бунин воспринимает, чисто физически, тех, против кого в сознании и подсознании его сословия уже готовилась гражданская война. Он описывает рядовую рабочую демонстрацию в Москве 25 февраля 1918 года, когда до реальной войны было еще далеко: «Знамена, плакаты, музыка — и, кто в лес, кто по дрова, в сотни глоток:

— Вставай, подымайся, рабочей народ!

Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские.

Римляне ставили на лица своих каторжников клейма «саве фугет». На эти лица ничего не надо ставить — и без всякого клейма все видно...

И Азия, Азия — солдаты, мальчишки, торг пряниками, халвой, папиросами. Восточный крик, говор — и какие мерзкие даже и по цвету лица, желтые и мышинные волосы! У солдат и рабочих, то и дело грохочущих на грузовиках, морды торжествующие».

И дальше, уже из Одессы:

«А сколько лиц бледных, скуластых, с разительно асимметричными чертами среди этих красноармейцев и вообще среди русского простонародья, — сколько их, этих атавистических особей, круто замешанных на монгольском атавизме! Весь, Мурома, Чудь белоглазая...»

Здесь — представление всего «русского простонародья» как биологически иного подвида, как не ближнего. Это — извечно необходимое внушение и самовнушение, снимающее инстинктивный запрет на убийство ближнего, представителя одного с тобой биологического вида. Скажите, патриоты, это — не русофобия?

Теперь о патриотизме, который якобы был сосредоточен в сословии Бунина («белый идеал»). В «Окаянных днях» на каждой странице мы видим одну страсть — прихода немцев с их порядком и виселицами. А если не немцев, то хоть каких угодно иностранцев — лишь бы поскорее оккупировали Россию, загнали обратно в шахты и на барщину поднявшее голову простонародье.

Читаем у Бунина: «В газетах — о начавшемся наступлении немцев. Все говорят: «Ах, если бы!..» Вчера были у Б. Собралось порядочно народу — и все в один голос: немцы, слава Богу, про-

двигаются, взяли Смоленск и Бологое... Слухи о каких-то польских легионах, которые тоже будто бы идут спасать нас... Немцы будто бы не идут, как обычно идут на войне, сражаясь, завоеывая, а «просто едут по железной дороге» — занимать Петербург... После вчерашних вечерних известий, что Петербург уже взят немцами, газеты очень разочаровали... В Петербург будто бы вошел немецкий корпус. Завтра декрет о денационализации банков... Видел В. В. Горячо поносил союзников: входят в переговоры с большевиками, вместо того чтобы идти оккупировать Россию» и т. п.

А вот из Одессы: «Слухи и слухи. Петербург взят финнами... Гинденбург идет не то на Одессу, не то на Москву... Все-то мы ждем помощи от кого-нибудь, от чуда, от природы! Вот теперь ходим ежедневно на Николаевский бульвар: не ушел ли, избави Бог, французский броненосец, который зачем-то маячит на рейде и при котором все-таки как будто легче».

Читаешь все это и вспоминаешь, как наша патриотическая оппозиция, представляя белых носителями идеала государственности, поносила советскую власть, которая в том феврале лихорадочно собирала армию, чтобы дать отпор немцам.

И еще одно прискорбное свойство элиты отразил Бунин — неспособность признать масштаб революции как разлома всего народа. Это именно то низведение фундаментального противоречия до частного конфликта, которое создавало острую некогерентность в мышлении интеллигенции и о котором писал в «Вехах» С. Франк. В «Окаянных днях» обнаруживается удивительное отличие И. Бунина от его оппонентов из «простонародья». Те, вступая в разговоры с хозяевами прошлой жизни, предъявляют им обвинение не как личностям, а как выразителям общественного явления. Бунин же переводит на себя и возмущается: ведь он такой гуманист:

«Встретил на Поварской мальчишку солдата, оборванного, тощего, паскудного и вдребезги пьяного. Ткнул мне мордой в грудь и, отшатнувшись назад, плюнул на меня и сказал: «Деспот, сукин сын!»»

Оскорбившись, Бунин вспоминает, как он в 1915 г. по-отечески отнесся к горничной, а в 1916 г. дал рубль бабе, которая привезла ему телеграмму (вместо положенных 70 копеек). И после этого его называют деспотом!

Он бы лучше вспомнил, что писал побывавший в голодающих деревнях Лев Толстой: «Перед уходом из деревни я остановился подле мужика, только что привезшего с поля картофельные ботвы... «Откуда это?» — «У помещика купляем». — «Как? Почему?» — «За десятину плетей — десятину на лето убрать». То есть за право собрать с десятины выкопанного картофеля картофельную ботву

крестьянин обязывается вспахать, посеять, скосить, связать, свезти десятину хлеба». [Десятина — это гектар.]

Тогда же Толстой сделал очень тяжелый вывод (видимо, преувеличенный, но делающий понятными слова паскудного мальчишки-солдата): «Вольтер говорил, что если бы возможно было, пожав шишечку в Париже, этим пожатием убить мандарина в Китае, то редкий парижанин лишил бы себя этого удовольствия. Отчего же не говорить правду? Если бы, пожавши пуговку в Москве или Петербурге, этим пожатием можно было бы убить мужика в Царевококшайском уезде и никто бы не узнал про это, я думаю, что нашлось бы мало людей из нашего сословия, которые воздержались бы от пожатия пуговки, если бы это могло им доставить хоть малейшее удовольствие. И это не предположение только. Подтверждением этого служит вся русская жизнь, все то, что не переставая происходит по всей России. Разве теперь, когда люди, как говорят, мрут от голода... богачи не сидят с своими запасами хлеба, ожидая еще больших повышений цен, разве фабриканты не сбивают цен с работы?»

И какая ненависть к тем, кто требовал земли и воли. Когда в 1906 г. расстреливали восставших матросов в Кронштадте и они копали себе могилы, комендант генерал Адлерберг издевался: «Копайте, ребята, копайте! Вы хотели земли, так вот вам земля, а волю найдете на небесах». После расстрела могилы сровняли с землей, и по ним парадным маршем прошли войска и прогнали арестованных. Этого не вспомнил Бунин, а вспомнил рубль, щедро выданный им бабе Махотке. И записал этот рубль в книгу откровений!

Возьмем теперь случай посложнее — «Белую гвардию» (или, скорее, «Дни Турбиных») М. Булгакова. Прекрасная вещь, такая родная и близкая. Каких милых людей вышибла из колеи революция. Как спасителен дом Елены с кремовыми занавесками, поддержка людей своего круга. Много говорит пьеса о русском человеке, недаром Сталин тринадцать раз ее смотрел. Но ведь это — о той же катастрофе 1918 года, пьеса полна важными общественными идеями. И вот уже тридцать лет Турбиных представляют нам как носителей русской офицерской чести, как тот тип людей, с которых надо брать пример в трудные моменты истории. Как это возможно?

Давайте же называть вещи своими именами. Перед нами «белая гвардия» — офицеры и юнкера, стреляющие из винтовок и пулеметов в неких «серых людей». Кому же служат эти русские офицеры и в кого стреляют? Они служат немцам и их марионетке-гетману. Что они защищают? Вот что: «И удары лейтенантских стеков

по лицам, и шрапнельный беглый огонь по непокорным деревьям, спины, исполосованные шомполами гетманских сердюков, и расписки на клочках бумаги почерком майоров и лейтенантов германской армии: «Выдать русской свинье за купленную у нее свинью 25 марок». Добродушный, презрительный хохоток над теми, кто приезжал с такой распискою в штаб германцев в Город».

Кто же те люди, в которых стреляли (и очень метко) офицеры, защищая гетмана и немцев и мечтая о вторжении в Россию французов и сенегальцев? Эти люди, в которых стреляли Турбины, — украинские и русские крестьяне и солдаты, доведенные господами до гражданской войны. И вот эти-то офицеры даны нам как образец чести и патриотизма? Это — расщепление сознания. Заметим еще, что многие реплики, смягчающие образ «белогвардейцев», были вставлены в пьесу под давлением цензуры и репертуарного комитета.

Конечно, треть белых офицеров перешла в Красную армию, но это у Булгакова — за сценой. Не этим дорожи Турбины. Красная армия — это уже «не их дни». Представляя нам «белую гвардию» как образец, на этот пункт никогда не напирала. Считалось, что это — уступка автора. Да и вспомним, почему Турбин распускает дивизион, почему тянется к красным Мышлаевский. Потому, что белые генералы продажны, и потому, что сил у белых мало — не справиться с «мужичками». А если бы офицерам выдали полушубки и валенки, если бы немцев было побольше и подошло бы подкрепление сенегальцев, то и продолжали бы Турбины стрелять в «серых людей», не жалея патронов. Вчитайтесь сегодня в текст повести!

Пьеса Булгакова замечательна, но, думаю, даже он сам не мог предположить, что в конце века из его белогвардейцев станут делать положительных героев в стиле соцреализма. А ведь требовалось всего лишь объяснить читателям и зрителям, что не следует принимать художественные образы за образец и тем более примыкать к автору в его общественных симпатиях. Если текст действительно художественно глубок и талантлив, то он выражает сложную драму, из которой часто и нельзя вывести руководства к действию. Мысленно погружаясь в эту драму, каждый должен делать выбор и нести за него личную ответственность. Кто-то скажет, что это — тривиальное правило. Но на деле культурное давление, которое уже много лет оказывали наши духовные авторитеты, как раз толкало читателей к тому, чтобы принимать образ за образец.

Как образец в массовое сознание «архитекторы перестройки» внедрили само *элитарное мышление* Бунина и Булгакова. Писатели и их лирические герои были даны как эталон достоинства, растоптанного советским строем. Напротив, этот строй воплотился в

образе «серых мужичков», атавистических особей русского простонародья. Эти эталоны приняли и многие дети этого простонародья — и возненавидели дело своих отцов.

Можно только поражаться, как сумели идеологи встроить в нашу культуру разрушительную для ее этического строя аллегория «Собачье сердце» — не как шокирующий жестокий эксперимент над моралью, а как набор вполне приемлемых установок. Образ Шарикова вошел как метафора не только в идеологию, но и в обыденное сознание — как отображение типичного советского человека. А профессор Преображенский стал положительным героем, изрекающим нормативные афоризмы.

Но ведь этот паразитирующий на номенклатуре профессор — образ сверхчеловека, присвоивший право создать из дворяниги человека, не нести за него никакой ответственности, а затем и уничтожить его. Дело богомерзкое. Бывают такие профессора? Конечно. Быть может, Булгаков, озлобленный на «Шариковых», испытывал к своему герою симпатию. Но ведь людей просто заставили, путем промывания мозгов, полюбить этого профессора — как раньше заставляли полюбить Павку Корчагина. Николай Островский — не Булгаков, в душу влезть и вреда там нанести он не мог. Да и образ Павки в целом соответствовал обыденной морали и никакого разрушения в ней не производил.

Что думали генералы нашей культуры, когда без комментариев вбрасывали в массовое сознание антисоветские идеи в оболочке прекрасных художественных образов крупных писателей? Хотя бы сегодня можно об этом поразмышлять. Без осмысления собственных побуждений никуда мы из ямы не выберемся — нельзя же вечно на Чубайса сваливать. Я могу предположить два варианта (или их комбинацию). Во-первых, наши патриоты «не знали общества, в котором мы живем» и думали, что к русским можно обращаться так же, как А. Жид к французам. Во-вторых, они надеялись, что если «русское простонародье» разрушит советский строй, то возродится Россия Бунина и Турбиных. Это — другая сторона того же незнания. Больше никакой уважительной причины я придумать не могу. Но и эти причины принять тяжело. Ведь никакой воли к преодолению незнания не видно.

Сегодня положение еще резко ухудшилось. Наш человек еще принципиально не изменился, еще воспринимает любое художественное произведение очень эмоционально — а поток художественных образов подменен. Это уже и не Булгаков с Буниным, а принципиально отрицающая высокие ценности массовая культура в ее худшем варианте. И она накачивается в сознание как средство психологической войны.

В конце перестройки был свернут выпуск отечественных художественных фильмов, а те, что выпускались, ориентировались в основном уже не на русские культурные стандарты. В 1985 г. отечественные фильмы составляли 74% репертуара московских кинотеатров, а американские 3%. В 1993 г. отечественные 19%, американские 56%. При этом уже в 1989 г. резко сократилась доля «серьезных» фильмов (морально-этической проблематики), а к 1991 г. они полностью исчезли из репертуара.

В НИИ киноискусства в 1993 г. был проведен контент-анализ фильмов, составлявших репертуар московских кинотеатров. Имеет смысл привести главные выводы этого исследования:

«Большинство героев фильмов текущего репертуара являются представителями периферийных социальных групп и маргинальных слоев культуры. Чаще всего это заключенные, преступники, наемные убийцы, тунеядцы, проститутки и др., т. е. носители ценностей криминальной микросреды. Соответственно, и социальное окружение героя чаще всего криминально. (Любопытно, что эта особенность характерна для фильмов всех стран: 36% отечественных фильмов, 43% европейских и 42% американских.) В зарубежных фильмах часто встречаются авантюристы, секретные агенты, соержжанки, разведчики; в американских также нередки героини-инопланетяне, роботы, «тарзаны», «ниндзя» и проч. В целом герой-«маргинал» характерен для каждого второго фильма...

Если обратиться к мотивам, которыми руководствуются американские киногерои в своих действиях и поступках (а именно в них проявляется ценностная структура личности героя), то самыми распространенными оказались: «мечь» (42% фильмов) и «сохранение жизни» (35%)...

Американизация репертуара российских кинотеатров осуществляется в виде экспансии наиболее «низких» пластов и наиболее китчевых форм американской массовой культуры. В результате вместо обогащения и расширения разнообразия репертуара, приобщения наших зрителей к ценностям мирового кинематографа и западной цивилизации происходит нечто противоположное: распространяются большей частью стереотипы и ценности маргинального слоя американской культуры...

Сравнительный анализ показывает, что в большинстве случаев фильмы текущего репертуара содержат и несут зрителю не национальные ценности той или иной культуры — отечественной, европейской или американской, а универсальные стереотипы, имиджи, штампы «усредненной» массовой культуры... Иными словами, происходит формирование отечественной самовоспроизводящейся социокультурной системы, несущей ценности массовой культуры «американского типа».

ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОСНАЩЕНИЕ УМА

§ 1. Манипуляция словами и образами

Ницше писал: «Больные лихорадкой видят лишь призраки вещей, а те, у кого нормальная температура, — лишь тени вещей; при этом те и другие нуждаются в одинаковых словах». Когда людей готовят к большой программе манипуляции, снимая их психологическую защиту и усиливая внушаемость, то тем самым у них «повышают температуру». Они, услышав те же самые слова, что и раньше, видят только *призраки* вещей и явлений. И призраки эти незаметно создаются манипулятором. В это время спасение каждого в том, чтобы не верить призраку и добиться ясного смысла слов. Но ни сил, ни времени на это не хватает. Манипуляторы фабрикуют и вбрасывают в общественное сознание огромный поток ложных понятий и слов-амеб, смысла которых установить невозможно.

При этом манипуляторы тщательно избегают использовать слова, смысл которых устоялся в общественном сознании. Их заменяют *эвфемизмами* — благозвучными и непривычными терминами¹. До сих пор (более десяти лет!) в официальных и даже пропагандистских документах реформы не употребляется слово «капитализм». Нет, что вы, мы строим *рыночную экономику*. Беженцы из Чечни? Что вы, у нас нет беженцев, у нас демократия. Это *временно перемещенные лица*. А вспомним ключевое слово перестройки — «дефицит». В нормальном языке оно означает *нехватка*. Но с помощью промывания мозгов людей уверили, что во времена Брежнева «мы задыхались от дефицита», а сегодня никакого дефицита нет, а есть изобилие. Но пусть бы объяснили, как может образоваться изобилие при катастрофическом спаде производства. Много производили молока — это был дефицит; снизили производство вдвое — это изобилие. Ведь это переход к понятийному

¹ Разумеется, когда нужно, для обозначения действий противника подбираются порочащие выражения. Так, на первом заседании Госдумы в 2000 г. фракция КПРФ договорилась с фракцией «Единство» о выдвижении общего кандидата на пост председателя Госдумы. Это обычная в парламентах практика коалиции по конкретным вопросам. Поскольку при этом правые фракции своего кандидата провести не могли, они сняли все свои кандидатуры и назвали коалицию большинства *сговором*. При этом они даже покинули зал заседаний, что было совсем уж глупо. Что это за депутаты, которые присутствуют только на тех заседаниях, на которых они имеют большинство голосов!

аппарату шизофреника. И маскируется этот переход с помощью новояза — извращения смысла слова. Нехватка — это изобилие!¹

Замена русских слов, составляющих большие однокорневые гнезда и имевших устоявшиеся коннотации, на иностранные или изобретенные слова приняла на радио и телевидении России такой размах, что вполне можно говорить о *семантическом терроре*, который наблюдался в 30-е годы в Германии. «*Киллер*» вместо «*наемного убийцы*», «*спикер*» вместо «*председателя*», «*лидер*» вместо «*руководителя*», «*электорат*» вместо «*избиратели*» и т. д. Часто создаются заведомо неприемлемые для русского языка конструкции — лишь бы нарушить строй языка, лишить его благотворной для сознания силы. Вдруг дикторы телевидения начинают называть программу новостей «*новостной блок*». Новостной! Просто душно следуют за манипуляторами люди, даже «*лидеры оппозиции*». Думают, видимо, что так они выглядят современными, овладевают «*политическими технологиями*». Стали, например, говорить «*протестный электорат*». Ломают язык, и в то же время самими этими словами создают отчуждение — ведь их коннотация оскорбительна для избирателей. Когда слышишь «*протестный электорат*», возникает образ озлобленной массы, голосующей в пику властям, и этой массой должны овладеть «*лидеры оппозиции*».

В феврале 2000 г., во время переговоров по отсрочке долгов Лондонскому клубу все телеканалы трещали: «*советский долг, советский долг*». Прекрасно знали ведущие, что при советском типе хозяйства страна внешнего долга не имела, ей дружественные страны были должны около 80 млрд. долларов (и выплачивали их, как, например, Ирак), а золотой запас составлял 2 тыс. тонн. Долг был сделан в ходе *антисоветской* реформы в хозяйстве. Так что речь шла в действительности об *антисоветском* долге.

Множество ложных слов и терминов вбросило в обиход телевидение во время войны в Чечне. Например, военных вдруг стали называть «*федералы*». Какие ассоциации порождает это слово? Оно лежит в совсем другой плоскости, нежели «*армия — боевики*», «*милиция — бандиты*» или «*правительственные войска — мятежники*». Федералы — конфедераты! Северяне и южане... Так в США называли стороны в гражданской войне. В общем, в Чечне

¹ Замечу, что и в чисто «рыночном» смысле реформа привела к опасному дефициту, какого не знала советская торговля. Чтобы увидеть это, надо просто посмотреть статистические справочники. В советское время нормативные запасы товаров и продуктов в торговле были достаточны для 80 дней нормальной розничной торговли. Если они сокращались ниже этого уровня, это было уже чрезвычайной ситуацией. В ходе реформы товарные запасы снизились до 20—30 дней. А, например, на 1 октября 1998 г. на складах Санкт-Петербурга имелось продуктов и товаров всего на 14 дней торговли. Положение регулируют только невыплатами зарплаты и пенсий. Вот тебе и изобилие.

дошло до вооруженного столкновения сторонников двух типов государственного устройства. Какое-то время (видимо, слишком зарвались, и начальство велело дать задний ход) ведущие даже называли бандитов Басаева «партизанами».

Новая перестройка и реформы — целостная система, ее можно разматывать, потянув за любую ниточку. Возьмем для примера два ключевых слова в том потоке, что нам промывал мозги, — «демократия», «гражданское общество» и «рыночная экономика». Уже Ле Бон указывал на манипулятивную силу таких слов, на их магическое воздействие на толпу¹.

Заметим, что словом «демократ» вполне привычно, не задумываясь о его смысле, обозначают сегодня тех, кто поддерживает режим Ельцина—Чубайса. Следовательно, это слово действительно вошло в язык, стало именем. Каково его реальное «наполнение»? Сохраняет ли оно тот исходный смысл, который действует на нас под сознание и помимо воли влияет на отношение к реальным политикам и их последователям? Беспристрастно, с помощью структурного анализа можно показать, что в России силой был установлен режим крайне авторитарной президентской республики, практически диктатуры. Помимо общеизвестного факта разгона и расстрела парламента имеется множество других надежно выявляемых родовых признаков этого типа власти. Также очевидно (и в известных западных политологических работах признается), что если бы политический режим России следовал бы *нормам буржуазной представительной демократии*, то курс реформ Гайдара—Чубайса никак бы не прошел. Созыв за созывом (начиная с созыва 1989 г.) парламент этот курс отрицает, опрос за опросом показывает, что большинство населения этой реформы не приемлет. Таким образом, введенное с помощью прессы в общественный лексикон слово «демократия» является порождением *новояза* и средством господства через манипуляцию сознанием.

Примечательно, что идеологи буквально словами Оруэлла «философски» обосновывают новый смысл ключевых слов своего новояза. Вот рассуждения Г. Бурбулиса (в беседе по телевидению с А. Карауловым 16 марта 1992 г.). Страна, говорит Бурбулис, больна, а мы поставили диагноз и начали смертельно опасное лечение *вопреки* воле больного. Впоследствии эту метафору буквально повторили некоторые другие идеологи. Один из таких демократиче-

¹ Он, в частности, писал, как по-разному воспринимается слово «демократия» в разных культурах: «У латинян слово «демократия» означает главным образом исчезновение воли и инициативы индивида перед волей и инициативой общин, представляемых государством... У англичан в Америке то же самое слово «демократия» означает, наоборот, самое широкое развитие воли и индивида и насколько возможно большее устранение государства».

ских идеологов, О. Лацис, пишет о реформе Гайдара: «Когда больной на операционном столе и в руках хирурга скальпель, было бы губельно для больного демократически обсуждать движения рук врача. Специалист должен принимать решения сам. Сейчас вся наша страна в положении такого больного». В качестве хирурга, готового своим скальпелем взрезать тело «всей нашей страны», был приглашен Джеффри Сакс. Потом он сам отрешивался от этой реформы, но это мелочь. Главное, что у страны не спросили ни о согласии на операцию, ни о доверии хирургу. В рамках демократического мышления заявление О. Лациса чудовищно — такое стеснялись говорить даже энтузиасты концепции «просвещенного авангарда»¹.

Таким образом, в этой метафоре мы как бы имеем фрагмент официального толкового словаря нашего новояза. Слово «демократ» в его извращенном смысле действительно вошло в язык, а значит, участвует в манипуляции нашим сознанием постоянно и автоматически. Об этом говорит тот факт, что люди искренне не замечают полного несоответствия своего поведения взятому имени. На «демократическом» митинге в Останкине 29 июня 1992 г. поэт-юморист А. Иванов сформулировал призыв: запретить всяческие коммунистические организации и установить жесткий авторитарный режим по примеру Пиночета. Мол, исторический опыт показал, что к демократии можно перейти только переболев диктатурой. В ответ на этот призыв толпа обычных наивных интеллигентов начала скандировать: «*Даешь стадион! Даешь стадион!*» (Для молодых людей, вошедших в сознательную жизнь после 1973 г., поясняю: речь идет о стадионе в Чили, на который в момент фашистского переворота Пиночета свозились арестованные. Именно там раздробили руки композитору и певцу Виктору Харе, без суда и следствия расстреляли несколько сот человек.)

Когда над страной проделывают смертельно опасные (а по сути, смертельные) операции не только не спросив согласия, но сознательно против ее воли — это свобода или тоталитаризм? Караулов в той беседе подъехал с другой стороны: вот, ветераны хотели 23 февраля возложить венки у могилы Неизвестного солдата, а их «затолкали» (хорошее нашел слово А. Караулов — *затолкали...* ду-

¹ В комментариях к труду Тойнби «Постижение истории» верно сказано о таких «демократах»: «Уяснилась функциональная роль лжепророчества, примитивных мифологем и демонологий — всего того, что нужно экстремистским силам для утверждения некоей «сверхчеловеческой» санкции для своих экспериментов и бесчинств. Ценностная и культурологическая тойнбианская концепция «творческого меньшинства» стремилась показать, чего эти силы не могут добиться. Она обличала в этих силах их заведомую историческую бездарность, глумливое отношение к массе, к большинству». Вот трагедия общества: историческая бездарность, снабженная эффективными технологиями манипуляции сознанием.

бинками). Почему было не дать пройти, раз свобода? Бурбулис мягко объяснил: вы не понимаете. Был регламент, *мы не будем обсуждать, почему он был установлен...* Зачем было прорываться именно в этот день? Пришел бы, кто хотел, тихонько, в другое время, и возложил венки.

Итак, свобода в том, чтобы не обсуждать запрет властей, даже если он неправовой и провокационный. Не требовать своего традиционного права, а подчиниться нарочито унижительному распоряжению — прийти тихонько и *в другой день*. При этом 23 февраля люди требовали лишь той свободы, которая дана им по закону. Мэр не имел права запретить митинг, Бурбулис знал, что Моссовет являлся в то время высшим по отношению к мэру органом и что Моссовет митинг разрешил. Так что речь шла о произволе исполнительной власти в ограничении свободы граждан. Итак, мы именно в антиутопии.

Другим прекрасным, но расплывчатым призраком было «*гражданское общество*». Никто из политиков, которые клялись в своей приверженности этому доброму идолу, не излагали сути понятия. Оно было ложно истолковано, пожалуй, всеми участниками нынешней идеологической схватки в России. Иной раз даже с трибуны «патриотов» нас зовут возродить соборную и державную Россию, строя в ней гражданское общество. Конгресс Русских Общин — организация, в имени которой стоит слово «*община*» — также ставит целью построение в России гражданского общества. Абсурд.

Культурный человек думает, что гражданское общество — это ассоциация свободных граждан, которая ограничивает и контролирует действия государства, обеспечивает равенство всех граждан перед законом с помощью механизма разделения властей и приоритета права. Все это заманчиво, испытано за три века на уважаемом Западе — значит, «я, Вань, такую же хочу». На деле «гражданское общество» — это условное наименование такого способа совместной жизни, с которым неразрывно сцеплены рыночная экономика и демократия, выведенный из сферы морали гомосексуализм и эвтаназия. Все в одном пакете, из формулы цивилизации нельзя выщипывать приятные нам вещи, как изюм из булки.

Давайте восстановим исходный смысл этого понятия. И посмотрим, что внедрение гражданского общества означало бы для России — что в ней пришлось бы ломать. Как это делать, чтобы не сломать при этом позвоночник, — второй вопрос. Нам не повезло уже с переводом, в русский язык вошел не тот синоним, так что вышло, что речь идет об обществе *граждан* (от слова *город*). На деле же в точном переводе «гражданское общество» — общество цивилизованное, цивилизованное. С самого возникновения понятия оно оз-

начало оппозицию «цивилизация — Природа» и «цивилизация — дикость» (иногда, мягче, варварство).

Чтобы понять, надо посмотреть, из кого состоит это цивильное, гражданское общество и каковы отношения «граждан» к тем, кто находится вне его, вне этой «зоны цивилизации». Прежде всего, для возникновения «рыночной экономики» и ее носителя — «гражданского общества» понадобилась переделка человека, его превращение в индивидуума и собственника. Именно освобождение от оков общинных отношений любого типа создало важнейшую предпосылку капитализма на Западе — пролетария, продающего свою рабочую силу. Это не просто неимущие, а люди, лишенные корней, освобожденные от всяческих человеческих связей (оков), — *человеческая пыль*.

В классовом государстве гражданского общества равенство перед законом (право субъекта) неизбежно обращается в неравенство личностей перед богом и перед правдой. Читаем у Лютера: «Наш Господь Бог очень высок, поэтому он нуждается в этих палачах и слугах — богатых и высокого происхождения, поэтому он желает, чтобы они имели богатства и почестей в изобилии и всем внушали страх. Его божественной воле угодно, чтобы мы называли этих служащих ему палачей милостивыми государями».

Богатые стали носителями власти, направленной против бедных (бедные становятся «плохими»). Раньше палач была страшная должность на службе государевой, а теперь — освященное собственностью право богатых, направленное против бедных. Государство перестало быть «отцом», а народ перестал быть «семьей». Общество стало ареной классовой войны, которая является не злом, а механизмом, придающим обществу равновесие.

Гоббс и Локк дали представление о человеке и частной собственности. Она и стала осью гражданского общества. Человек раздвоился. Одна его ипостась — собственник, а другая ипостась — собственность. Возникла совершенно новая, нигде кроме Запада не существующая антропология — представление о том, что есть человек. Каждый индивид имеет теперь эту частную собственность — свое тело, и в этом смысле все индивиды равны. И раз теперь он собственник тела (а раньше его тело принадлежало частично семье, общине, народу), он может уступать его по контракту другому как рабочую силу.

Но на этом равенство кончается, и люди западной цивилизации делятся на две категории — на пролетариев (тех, кто не имеет ничего, кроме своего потомства, — *prole*) и собственников капитала (пролетариев). Пролетарии живут в состоянии, близком к природному (нецивилизованному); собственники объединяются в гражданское общество — в Республику собственников. Сюда вход тем,

кто не имеет капитала, воспрещен! Вот слова Локка: «Главная и основная цель, ради которой люди объединяются в республики и подчиняются правительствам, — сохранение их собственности». Ж.-Ж. Руссо в «Рассуждениях о происхождении неравенства» (1755) так писал о возникновении гражданского общества: «Первый, кто расчистил участок земли и сказал: «это мое», стал подлинным основателем гражданского общества». В основании гражданского общества — непрерывная война, «хищничество богачей, разбой бедняков».

За морями и снегами от Запада жили люди, не признающие частной собственности. Здесь царил принцип «*один за всех, все за одного*». Согласно теории гражданского общества, эти люди находились в состоянии дикости. Западная философия создала образ дикаря, которого надо было завоевать, а то и уничтожить ради его же собственной пользы. Колонизация заставила отойти от христианского представления о человеке. Создатель теории гражданского общества Локк, чье имя было на знамени буржуазных революционеров в течение двух веков, помогал писать конституции рабовладельческих штатов в Америке и вложил все свои сбережения в акции английской компании, имевшей монополию на работорговлю. Для Локка в этом не было никакой проблемы — негры и индейцы касательства к гражданским правам не имели, они были «дикарями».

Так гражданское общество породило государство, в основе которого лежал *расизм*. И объектом его были не только «дикари», но и свои неимущие — что вызывало ответный расизм с их стороны. Пролетарии и буржуи стали двумя разными расами: уже Адам Смит и Рикардó говорят о «расе рабочих», а Дизраэли о «расе богатых» и «расе бедных». Даже столь привычное нам понятие «народ» у идеологов гражданского общества имело совсем другой смысл. Народом были только собственники, борющиеся против старого режима. Крестьяне Вандеи в «народ» не включались. Де Кюстин так пишет и о России середины XIX века: «Повторяю вам постоянно: здесь следовало бы все разрушить для того, чтобы создать народ». Уж, кажется, на что близкое нам слово, а и то может быть призраком!

Гражданское общество основано на войне с неимущими. Под его правом — террор Французской революции, который был предписан философами Просвещения и Кантом как совершенно необходимое и даже моральное явление. Большая кровь есть основа «социального контракта». Читаем в фундаментальной многотомной «Истории идеологии», по которой учатся в западных университетах: «Гражданские войны и революции присущи либерализму так

же, как наемный труд и зарплата — собственности и капиталу. Демократическое государство — исчерпывающая формула для народа собственников, постоянно охваченного страхом перед экспроприацией. Начиная с революции 1848 г. устанавливается правительство страха: те, кто не имеет ничего, кроме себя самих, как говорил Локк, не имеют представительства в демократии. Поэтому гражданская война является условием существования либеральной демократии. Через войну утверждается власть государства так же, как «народ» утверждается через революцию, а политическое право — собственностью. Поэтому такая демократия означает, что существует угрожающая «народу» масса рабочих, которым нечего терять, но которые могут завоевать все. Таким образом, эта демократия есть не что иное, как холодная гражданская война, ведущаяся государством».

Значит ли все это, что гражданское общество плохо, а общинность хороша, что индивидуализм — зло, а солидарность — добро? Ни в коем случае! Это — дело идеалов и веры, а о них спорить бесполезно. Но долг каждого разумного человека — не гоняться за призраками, а верно понимать значение слов. А лучше в уме переводить их на «язык родных осин» — пересказывать другими словами. Тогда многие призраки рассеются.

Дезориентация больших масс людей во многом была предопределена тем, что оппозиция, по сути, соучаствовала в культурной диверсии «перестройщиков». Она приняла и ввела в оборот ложные, искажающие мир слова и понятия. Одно из них — *«рыночная экономика»*.

Простодушный человек думает, что речь идет о *рынке товаров*. Раньше их производство и распределение у нас планировалось, а теперь это будет регулировать рынок. Велика ли разница? Невелика. Да ведь к делу — перестройке да реформе — это никакого отношения не имеет. Рынок товаров существовал за тысячи лет до появления «рыночной экономики» и будет существовать после её исчезновения — если она не вгонит человечество в гроб. Суть «рыночной экономики» в том, что на рынок в качестве товара стали выноситься сущности, которые по своей природе товарами быть не могут, — деньги, рабочая сила и земля.

Между тем сигнал к тому, чтобы задуматься, был вполне ясный: почему же нерыночная экономика называется *натуральным хозяйством*? Что такое натуральное? Это значит *естественный*. Именно натуральное хозяйство было естественным, а рыночная экономика — явлением неестественным.

Уже Аристотель указал на первый выверт «рыночной экономики», на первое ее нарушение законов естества: возникновение

рынка денег. Деньги — порождение цивилизации, всеобщий эквивалент полезности. Это — кровь хозяйства, свободная циркуляция которой обеспечивает здоровье организма. Никто поэтому не может быть собственником денег, перекрывать их циркуляцию и извлекать выгоду, приоткрывая задвижку — подобно разбойнику на мосту, взимающему с путника плату за проход. Ростовщики, а потом банкиры наложили руку на артерии общества и взимают с него плату за то, что не сжимают слишком сильно. Заплатил — чуть разжали, нечем платить — придушили. Красноречивый пример — «кризис неплатежей» в нашей промышленности. Как только банки стали коммерческими, их хилая рука может задушить огромные заводы. Что бы сделал советский банк в этой фантастической ситуации? Будучи ориентирован не на хрематистику, а на экономику, на ведение дома, он просто произвел бы взаимный зачет неплатежей — и дело с концом. Но это как раз то, чего не допускают монетаристы, ибо это лишает власти тех, кто превратил деньги в выгодный товар.

Образ банковского капитала идеологи тоже превратили в призрак. Убедили нас, что без ростовщичества и без того, чтобы кто-то собирал с нас деньги, а потом продавал нам их, и хозяйства быть не может. Представьте себе метро — огромную производственную систему, мизерным элементом которой являются кассы и турникеты. И вот некая банда приватизировала этот элемент. И берет за жетон тройную цену. Одну цену отдают метрополитену на покрытие издержек, а остальное — ее доход. Не хочешь платить — иди пешком. Страдают пассажиры, хиреет метро, а идеолог скажет, что эта банда выполняет необходимую организующую роль: обеспечивает метро средствами, выявляет платежеспособный спрос, побуждает людей больше зарабатывать.

Никаким *естественным* правом превращение в товар общественного платежного средства не обосновано. Поэтому все мировые религии запрещали узурпацию денег и взимание платы за их обращение — *процент*. Соответственно, и народная мораль отвергала ростовщичество. Оно разрешалось лишь иудеям, они и основали финансовый капитал, но повсюду стали париями общества. Для возникновения полномасштабной «рыночной экономики» понадобилась Реформация в Европе. Было сказано, что «деньги плодородны по своей природе» и оправдан рынок капиталов. Это и есть первая ипостась «рыночной экономики» — овладение и торговля тем, что человек не производит и что товаром быть не может. Торговля деньгами.

В ходе Реформации именно накопление получило религиозное обоснование. Раньше оно допускалось, но не одобрялось христианством — это была деятельность, неугодная богу, и у всех отцов

Церкви мы видим эти утверждения. Впервые Лютер и Кальвин представили накопление не только как полезную деятельность, но дали ему очень высокий статус — предприниматель наравне со священником стал представителем высокой профессии.

Второе условие рыночной экономики — рынок рабочей силы и возникновение пролетария. Именно ощущение неделимости индивида породило чувство собственности, приложенное прежде всего к собственному телу. Произошло отчуждение тела от личности и его превращение в собственность. До этого понятие «Я» включало в себя и дух, и тело как неразрывное целое. Теперь стали говорить «мое тело» — это выражение появилось в языке недавно, лишь с рыночной экономикой. Русских, которые не пережили такого переворота, это не волновало, а на Западе это один из постоянно обсуждаемых вопросов, даже в политике. Если мое тело — это моя священная частная собственность, то никого не касается, как я им распоряжаюсь. Тут и права гомосексуалистов, и полное оправдание проституции, и оправдание судом врача-предпринимателя, который оборудовал фургон изобретенными им приспособлениями для самоубийства и выезжает по вызову. Эвтаназия, умерщвление старых и больных (с их «согласия») — право собственника на свое тело.

Превращение тела в собственность обосновало возможность свободного контракта и обмена на рынке труда — возможность превращения рабочей силы в особый *товар*. Каждый свободный индивид имеет эту частную собственность — собственное тело, и в этом смысле все индивиды равны. И поскольку теперь он собственник этого тела (а раньше его тело принадлежало частично семье, общине, народу), постольку теперь он может уступать его по контракту другому как рабочую силу. Это — вторая ипостась «рыночной экономики». Превращение в собственность и продажа того, что этим собственником не производится и товаром быть не может — самого человека, рабочей силы.

Антрополог М. Сахлинс пишет об этой свободе «продавать себя»: «Полностью рыночная система относится к тому периоду, когда человек стал свободным для отчуждения своей власти за сходную цену — некоторые вынуждены это делать, поскольку не имеют средств производства. Это — очень необычный тип общества, как и очень специфический период истории. Он отмечен «индивидуализмом собственника» — странной идеей, будто люди имеют в собственности свое тело, которое имеют право и вынуждены использовать, продавая его тем, кто контролирует капитал... При таком положении каждый человек выступает по отношению к другому человеку как собственник. Все общество формируется через акты обмена, посредством которых каждый ищет максимально

возможную выгоду за счет приобретения собственности другого за наименьшую цену»¹.

Превращение в товар третьей всеобщей ценности, которую торговец не производит, — *земли* — это особая большая тема.

Иногда говорят: стоит ли ломать копыя из-за слов? Мол, мы за «рынок с человеческим лицом», раз уж люди так обозлились на плановую экономику. Наивная уловка, тем более прискорбная в России, где лучшие ученые развивали «философию имени», показали роль Слова. Принять язык противника — значит незаметно для себя стать его пленником, даже если ты употребляешь этот язык, понимая слова иначе, чем противник. Больно видеть, как слепой бредет к обрыву, страшно видеть, когда слепого ведет зрячий убийца, который притворяется слепым, но не намного лучше, когда вести слепого берется, притворяясь зрячим, другой слепой. Последнее происходит, когда с трибуны патриотов нас зовут возродить соборную и державную Россию через рыночную экономику и гражданское общество.

Мы упомянули здесь лишь три слова-призрака. Это только примеры, а на деле за десять лет в России в массовое сознание внедрен целый язык-призрак. Отогнать его от дома будет непросто.

§ 2. Размывание и подмена понятий

Уже Ле Бон заметил, что эффективнее всего в манипуляции сознанием действуют слова, которые не имеют определенного смысла, которые можно трактовать и так, и эдак. К таким словам он отнес слова *свобода*, *демократия*, *справедливость* и т.п. Это были самые боевые слова и во всей идеологической программе перестройки и реформы.

Демократия, свобода, толпа. В октябре 1993 г. танковые залпы по парламенту устранили из общественного сознания миф демократии. По инерции кто-то его еще поминает, но без энтузиазма. Можно было бы о нем и не говорить, но полезно для урока. Дело в том, что уже с радикального этапа перестройки весь язык (дискурс)

¹ Важно подчеркнуть, что те, кто соглашается на «рыночную экономику», будь то коммунист или так называемый патриот, напрасно строят иллюзии о российском «соборном» капитализме. Речь идет о внедрении чуждого духу России религиозно-иудео-протестантского мироощущения. Япония, даже развив очень энергичный капитализм, не сломала свой культурный тип и избежала «рыночной экономики». В вышедшей в 1987 г. книге Мичио Моришима «Капитализм и конфуцианство», посвященной культурным основаниям предпринимательства в Японии, сказано, что здесь «капиталистический рынок труда — лишь современная форма выражения «рынка верности». То есть традиционных общинных отношений самураев, крестьян и ремесленников.

идеологов был несовместим с принципами демократии — а образ ее продолжал действовать!

Так же, как с экономикой, демократы поступили с СССР. Выяснив на референдуме предпочтения подавляющего большинства граждан, они выражали демонстративную радость оттого, что удалось развалить СССР вопреки этим предпочтениям, о которых они были хорошо осведомлены. Вот вывод социологов-демократов в 1991 г.: «державное сознание в той или иной мере присуще подавляющей массе населения страны, и не только русскоязычного», это «комплекс превосходства обитателей и обывателей великой державы, десятилетиями культивируемый и уходящий в глубь традиций Российской империи». По их расчетам, вместе с носителями «тоталитарного сознания» (30—35% населения) державное сознание характерно для 82—90% советских людей. Казалось бы, отсюда и надо было исходить. Ты ненавидишь державность? На здоровье. Но не забудь, что ты входишь в 8—10 процентов населения. Так что, если ты демократ, будь добр уважать волю большинства (или уезжай в Люксембург). А если ты из породы тиранов и надеешься обмануть или подавить 9/10 народа, то ведешь дело к большой беде.

С идеей демократии наши демократы расправлялись очень просто, игрой слов. Вот, поучают Денис Драгунский и Вадим Цымбурский («Век XX и мир», 1991): «Демократия требует наличия демоса — просвещенного, зажиточного, достаточно широкого «среднего класса», способного при волеизъявлении руководствоваться не инстинктами, а взвешенными интересами. Если же такого слоя нет, а есть масса... говорить надо не о демосе, а о толпе, охлосе... Сейчас возрождение «доперестроечных» структур во всей их жестокости было бы опасно не как насилие над народом, а наоборот, как реализация чаяний самого народа, — такого, каким он стал, сроднясь с этими структурами».

Так что те, кто считает себя в России демократами, на самом деле есть сплоченное меньшинство, которое присвоило себе право судить, кто есть демос, а кто толпа. Если бы граждане России были зажиточными, имели бы только интересы, а не идеалы («инстинкты»), и их чаяния совпадали бы с интересами Драгунского, он бы назвал их *демосом*. А раз чаяния народа угрожают интересам Драгунского, то это *толпа*, а толпу позволительно и обманывать, и рассеивать, и даже расстреливать — это нарушением демократии он не считает.

Но о толпе заговорили неспроста, это способ отвлечь внимание, заболтав проблему. Все больше людей, знакомясь с книгами по психологии масс, сами убеждаются, что в России как раз делаются усилия, чтобы широким социальным группам придать свой-

ства толпы. В этом направлении действовало искаженное понятие *свободы*, которое уже десять лет нагнетается в массовое сознание.

Чтобы снять тормоза ответственности и отключить выработанное культурой недоверие к разрушительным идеям, была проведена интенсивная кампания по созданию стыда или хотя бы неудобства за «рабскую душу России». В ход пошел и Чехов с его «выдавливанием раба по капле», и модный фон Хайек с его «дорогой к рабству», и Э. Фромм со «страхом перед свободой». Кампания была настолько мощно и разнообразно оркестрованной, что удалось достичь главного — отключить здравый смысл и логику в подходе к проблеме свободы. Кто-то робко или злобно огрызнулся: врите, мол, Россия не раба, мы тоже любим свободу. Но не приходилось слышать, чтобы какой-то видный деятель обратился с простой и вообще-то очевидной мыслью: «Люди добрые, да как же можно не бояться свободы? Это так же глупо, как не бояться огня или взрыва».

Стоит только задуматься над понятием «страх перед свободой», как видны его возможности для манипуляции. Ведь человек перестал быть животным (создал культуру) именно через постоянное и непрерывное создание *«несвобод»* — наложение рамок и ограничений на дикость. Что такое язык? Введение норм и правил сначала в рычание и визг, а потом и в членораздельную речь и письмо. Ах, ты требуешь соблюдения правил грамматики? А может, и вообще не желаешь презреть оковы просвещения? Значит, ты раб в душе, враг свободы.

Только через огромную и разнообразную систему несвобод мы приобрели и сохраняем те свободы, которые так ценим. В статье «Патология цивилизации и свобода культуры» (1974) Конрад Лоренц писал: «Функция всех структур — сохранять форму и служить опорой — требует, по определению, в известной мере пожертвовать свободой. Можно привести такой пример: червяк может согнуть свое тело в любом месте, где пожелает, в то время как мы, люди, можем совершать движения только в суставах. Но мы можем выпрямиться, встав на ноги, — а червяк не может».

Сейчас, когда я пишу это, за окном, на лугу, тревожно ржет и бегает кругами лошадь. Она паслась на длинной привязи, но отвязалась. Она в страхе перед свободой, а ведь это верховая, гордая лошадь. Исчезла привязь — признак устойчивого порядка, возник хаос, угрожающий бытию лошади, она это чувствует инстинктивно. Но у человека есть не только инстинкты, но и разум, способность предвидеть будущее. Ницше писал: «При серьезно замышленном духовном освобождении человека его страсти и вожделения втайне тоже надеются извлечь для себя выгоду». Надо же это предвидеть.

Представим невозможное — что вдруг исчезло организованное общество и государство, весь его «механизм принуждения», сбь-

лась мечта анархистов и либеральная утопия «свободного индивидуума». Произошел взрыв человеческого материала — более полное освобождение, чем при взрыве тротила (индивидуум — это *атом*, а при взрыве тротила все же остаются не свободные атомы, а *молекулы* углекислого газа, воды, окислов азота). Какую картину мы увидели бы, когда упали бы все цепи угнетения — семьи, службы, государства? Мы увидели бы нечто пострашнее, чем борьба за существование в джунглях, — у животных, в отличие от человека, не подавлены и не заменены культурой инстинкты подчинения и солидарности. Полная остановка организованной коллективной деятельности сразу привела бы к острой нехватке жизненных ресурсов и массовым попыткам завладеть ими с помощью грубой силы.

Короткий период неорганизованного насилия заставил бы людей вновь соединяться и подчиняться угнетающей дисциплине — жертвовать своей свободой. Одни — ради того, чтобы успешнее грабить, другие — чтобы защищаться. Первые объединились бы гораздо быстрее и эффективнее, это известно из всего опыта. Для большинства надолго установился бы режим угнетения, эксплуатации и насилия со стороны «сильного» меньшинства.

Я предложил представить картину разрушения государства, «взрыва свободы», как абстракцию. На деле в СССР после искусственного подавления «страха перед свободой» была создана обстановка, в которой многие черты этой страшной абстракции были воплощены в жизнь. Уже в 1986 г. прошла серия принципиально схожих катастроф, вызванных освобождением от «технологической дисциплины» — освобождением всего лишь моральным. В 1988 г. «новое мышление» дало свободу от норм международного общения — потекла кровь на Кавказе. Через год была разрушена финансовая система СССР, а затем и потребительский рынок — всего лишь небольшим актом освобождения (были сняты запреты на перевод безналичных денег в наличные, а также на внешнюю торговлю).

Что было дальше, хорошо известно — распад государства и производственной системы, появление огромного количества свободных людей (мелких торговцев, шатающихся по всему миру жуликов и студентов, проституток, бомжей и беспризорников). А также взрастание многомиллионного, почти узаконенного свободной моралью преступного мира, который изымает и перераспределяет жизненные блага насилием. Свободные от закона и морали чиновники и предприниматели могут теперь не платить зарплату работникам — об этом десять лет назад даже помыслить никто не мог, такой прогноз приняли бы за бред сумасшедшего.

Все эти люди и те, кто к ним тяготеет, не голосуют ни за коммунистов, ни за рыночников — за тех, у кого есть какой-то проект жизнеустройства. Когда в 1996 г. у такого обобранного, терпящего,

казалось бы, бедствие человека спрашивали, почему он не голосует за Зюганова, обычным ответом был такой: «Придут коммунисты — опять работать заставят». Это — главное, а в остальном он вражды к идеям коммунизма не испытывает. Значит, воздействуя на чувства и подсознание, манипуляторы сумели отключить у людей не только логическое мышление, но и инстинкты — и самосохранения, и продолжения рода.

Подавив, средствами манипуляции сознанием, «страх перед свободой», идеологи уничтожения советского строя соблазнили людей жизнью без запретов — так же, как средневековый крысолов в отместку городу, где ему не выдали обещанного золота, смадил своей дудочкой и увел всех детей этого города. Его дудочка пела: «Пойдемте туда, где не будет взрослых с их запретами»¹.

Так вместо СССР возник патологический, несовместимый с длительной жизнью режим, при котором не рождаются дети и вымирают люди среднего возраста. И трудность преодоления этого режима не в хитрости Степашина, не в красноречии Черномырдина или жестокости ОМОНа, а в том, что соблазн свободой манипуляторы сумели внедрить глубоко в подсознание больших масс людей, особенно молодежи. Значительная часть их перестала быть гражданами и составлять общество. Перед нами большой эксперимент по «толпообразованию» — без физического контакта людей.

В массовом сознании стал слишком силен компонент «мышления толпы», и подверженные ему люди уже не хотят возвращаться на заводы и за парты. Они очарованы свободой, даже если она несовместима с жизнью, — и голосуют за Ельцина и Жириновского. За тех, у кого нет идеологии, нет проекта жизнеустройства. А есть лишь снятие запретов права и морали, устранение самих понятий долга и греха.

Собственность. Рассмотрим пару гротескных утверждений и одно изощренное. В. Селюнин в статье с многообещающим названием «А будет все равно по-нашему» излагает символ веры: «Рынок есть священная и неприкосновенная частная собственность. Она, если угодно, самоцель, абсолютная общечеловеческая ценность». «Это только по вшивым партийным учебникам там, за бугром, всем владеют в основном Форды да Дюпоны. А в действи-

¹ Из этой немецкой легенды вытекает фундаментальное открытие философов фашизма: «демократизация» подростков, то есть освобождение их от подчинения взрослым и от гнета традиций, неизбежно ведет к фашизации их сознания. Это надо подчеркнуть, ибо многие наши демократы сейчас с энтузиазмом бросились «раскрепощать» школу и детей вообще. Никита Михалков в своем фильме «Утомленные солнцем», за который ему еще будет очень стыдно, издевается над «тоталитаризмом» советских детей. Они у него хором декламируют: «Ленин-Сталин говорят: надо маму слушаться!» Вот чему учили проклятые коммунисты. Тут сын сталинского детского поэта, сам того не понимая, сказал важную вещь. Ее понимание принес фашизм. Дети должны «маму слушаться», а не создавать свой мирок с демократией.

тельности акции, к примеру, корпорации «Дженерал моторс» имеет около миллиона человек». Как минимум, из этого с полной очевидностью можно констатировать, что вши с партийных учебников переползли на Селюнина. Вот сводка из газеты «Нью-Йорк таймс» от 17 апреля 1995 г.: 40% всех богатств в США принадлежат 1% населения. А насчет акций, так и у нас в России миллионы их имеют — и АО МММ, и «Гермеса». Только при чем здесь собственность? Доля в доходе как богатой, так и бедной части населения США сохраняется с точностью до десятой доли процента с 1950 г. (сводка U.S. Bureau of Census приведена в журнале «США: экономика, политика, идеология» № 10, 1994. Там же сказано: «Размеры почасовой реальной заработной платы, достигнув своей высшей точки в 1972 г., затем стали уменьшаться и к 1987 г. сократились на 60%»).

Можно только удивляться, как легко поверила интеллигенция в басню об «акциях» — ведь во многом на ней сыграли и идеологи, и практики типа Чубайса. Интеллигенция читать разучилась? Вот энциклопедический справочник «Современные Соединенные Штаты Америки» (1988), тираж 250 тыс. экз., хватило бы всем взглянуть и получить справку. Там ясно сказано, что акции существенной роли в доходах наемных работников не играют. Читаем: «В 1985 г. доля дивидендов в общей сумме доходов от *капитала* составила около 15%»¹ (с. 223). А много ли рабочие и служащие получают доходов от капитала? Читаем: «Доля личных доходов от капитала в общей сумме семейных доходов основных категорий рабочих и служащих оставалась стабильной, колеблясь в диапазоне 2—4%» (с. 222). Два процента — весь доход на капитал, а в нем 15% от акций, то есть для среднего человека акции дают 0,003 его семейного дохода. Три тысячных! И этим соблазнили людей на приватизацию, на то, чтобы утробить всю промышленность страны!

Но главное — ложь в самих понятиях Селюнина. Частная собственность — самоцель, абсолютная общечеловеческая ценность! Но ведь это нелепо. Не существует *абсолютных общечеловеческих ценностей*, ибо ценности — часть культуры и являются исторически обусловленными. Они всегда относительны и всегда признаются именно в данной культуре. Частная собственность существует лишь в течение 0,05% времени, которое прожила человеческая цивилизация, — как же она может быть общечеловеческой ценностью?

Ну, Селюнин — газетчик и большой оригинал. А вот А. Н. Яковлев — академик и бывший начальник всей идеологии. Перед

¹ Не будем тратить место на описание всей механики, главный источник доходов от капитала теперь не дивиденды от акций, а проценты от вкладов, акции важны для управления предприятиями.

выборами 1996 г. он журит интеллигенцию: «Нам подавай идеологию, придумывай идеалы, как будто существуют еще какие-то идеалы, кроме свободы человека — духовной и экономической... Вообще нужно было бы давно узаконить неприкосновенность и священность частной собственности». Замечательно само утверждение, будто идеалов не существует, кроме двух видов свободы («если бога нет, то все разрешено»). Насчет духовной свободы — тут А. Н. Яковлев дал маху. Это — не идеал, а *свойство* человека. Ее нельзя ни дать, ни отнять, она или есть у человека, или нет. Если кто-то говорит: «Ах, Брежнев лишил меня духовной свободы!» — то это значит, что у этого свободолюбца просто органа такого нет, он его в детстве у себя вытравил, как добровольный скопец, — чтобы жить удобнее было. И если кто поверит А. Н. Яковлеву, будто Ельцин даст интеллигенции духовную свободу, то будет одурачен в очередной раз «архитектором».

Другое дело — *экономическая свобода*. Да, это — идеал. Чей же? Крайние идеалисты тут — грабители-мокрушники. Далее — предприниматели по крахам со взломом, шипачи, банкиры и так до мелких спекулянтов. Идеал нормального человека за всю историю цивилизации был иной — ограничить экономическую свободу этих идеалистов, ввести ее в рамки права, общественного договора. На этом пути у человечества есть некоторые успехи, огорчающие А. Н. Яковлева: сократили свободу рабовладельцев, преодолели крепостное право, создали профсоюзы, добились трудового законодательства. Борцы за свою экономическую свободу при этом яростно сопротивлялись и пролили немало крови (хотя и им иногда доставалось). А. Н. Яковлев — их беззаветный соратник, но успехи у него могут быть очень краткосрочными.

Но главное — *идея священности* частной собственности. Остальное прикладывается само собой. Известно, что частная собственность — это не зубная щетка, не дача и не «Мерседес». Это — средства производства. Тот, кто их не имеет, вынужден идти к тебе в работники и своим трудом производить для тебя доход. «Из людей добывают деньги, как из скота сало» — гласит пословица американских переселенцев, носителей самого чистого духа капитализма. Единственный смысл частной собственности — извлечение дохода из людей.

Где же и когда средство извлечения дохода приобретало статус святыни? Этот вопрос поднимался во всех мировых религиях, и все они наложили запрет на поклонение этому идолу (золотому тельцу, Маммоне). Даже иудаизм на стадии утверждения Закона Моисея. В период возникновения рыночной экономики лишь среди кальвинистов были радикальные секты, которые ставили вопрос о том, что частная собственность священна. Но их преследовали да-

же в Англии. Когда же этот вопрос снова встал в США, куда отплыли эти святоши, то даже отцы-основатели США, многие сами из квакеров, не пошли на такое создание идола, а утвердили: частная собственность — предмет *общественного договора*. Она не священна, а *рациональна*. О ней надо договариваться и ограничивать человеческим законом.

И вот в России, среди культур, выросших из православия, ислама, иудаизма и марксизма, вдруг, как из пещеры, появляется академик по отделению экономики и закликает: священна! священна! А за ним целая рать идеологов помельче. Что же это творится, господа? Нельзя же так нахально переть против законов Моисея и диалектического материализма.

Но это — гротеск, хотя он и был очень популярен в толпе. Посмотрим, что пишет видный философ-правовед (В. С. Нерсесянц): «Одним из существенных прав и свобод человека является индивидуальная собственность, без чего все остальные права человека и право в целом лишаются не только своей полноты, но и вообще реального фундамента и необходимой гарантии». *Все остальные права лишаются...*

Он вроде бы не обманывает читателя, поскольку всегда может уточнить, что говорил о праве в том смысле, который придается этому слову в современном гражданском обществе Запада. Но читатель с «незападным» мышлением, поверивший философу, будет обманут. Развивая теорию гражданского общества, философы Запада создали «для себя» особый язык, который просто игнорирует существование «незападных» обществ. Потому-то мы должны с такой осторожностью пользоваться «их» языком — слова знакомые, а смысл у них совсем иной, нежели мы предполагаем¹. Подмена понятий в науке приравнивается к подлогу.

Появление частной собственности (В. С. Нерсесянц стыдливо заменяет слово «частная» на «*индивидуальная*») вовсе не создает права и свободы, а лишь изменяет структуру прав и свобод. Например, она лишает человека *права на пищу*, которое до этого относилось к категории естественных, неотчуждаемых прав. Это ясно

¹ Вот Гегель признавал, что гражданское общество не может существовать, опираясь исключительно на свое собственное основание — право человека на индивидуальную свободу, а опирается также и на коллективную рациональность. То есть на некий надличностный «общественный разум». Но при этом Гегель подчеркивал, что сама эта коллективная рациональность возникает лишь как реализация индивидуальной свободы. Иными словами, в западных обществах, где человек не прошел атомизации и полного разрыва общинных связей (не возникло индивидуума), коллективной рациональности не может существовать — это как будто утверждает Гегель. Но вряд ли можно предполагать у Гегеля такую странную мысль, просто он западные общества исключает из рассмотрения, выводит за рамки своей модели человечества.

сказал заведующий первой в истории кафедрой политэкономии Мальтус: «Человек, пришедший в занятый уже мир, если общество не в состоянии воспользоваться его трудом, не имеет ни малейшего права требовать какого бы то ни было пропитания, и в действительности он лишний на земле. Природа повелевает ему удалиться и не замедлит сама привести в исполнение свой приговор». Итак, при частной собственности — *ни малейшего права требовать какого бы то ни было пропитания*. При общиннородовом строе (и много позже — при советском строе), когда средства производства находились в коллективной собственности, каждый член общины, если он от нее не отлучен, имел гарантированное право на пищу.

С точки зрения гражданского общества, такие общества были неправовыми, т. к. не допускали частной собственности. Выходит, миф о связи собственности с правом основан на порочном круге: собственность — источник права; для существования частной собственности необходимо правовое государство. Значит, миф выводится не из реальности, а из идеологического постулата. Обман в том, что философы, которые этот миф культивируют, не называют открыто этого постулата.

Эксплуатируя порочный круг, заложенный в миф о собственности, эти философы иногда поневоле доходят до абсурда. Тот же В. С. Нерсисянц пишет: «Создаваться и утверждаться социалистическая собственность может лишь внеэкономическими и неправовыми средствами — экспроприацией, национализацией, конфискацией, общеобязательным планом, принудительным режимом труда и т. д.». Речь явно идет о советском строе. Здесь для прикрытия — тот же обман, ибо всегда можно сказать, что народное хозяйство — не экономика, что СССР не был правовым государством, а значит, и все, что делалось в СССР, было внеэкономическим и неправовым¹. Для прикрытия же служит шокирующее тоталитарное утверждение: философ отрицает всякую возможность создать социалистическую собственность экономическими и правовыми способами. Но кроме «обмана прикрытия» здесь большой обман по существу.

В. С. Нерсисянц искажает реальность, делая упор на национализацию 1917 г. Он прекрасно знает, что 9/10 социалистической собственности в СССР было создано хозяйственной деятельно-

¹ Уже в своем перечислении «внеэкономических и неправовых средств» В. С. Нерсисянц доходит до нелепости: почему же «общеобязательный план» — правовое средство, а общеобязательные правила дорожного движения — правовое? Почему наказание за прогул («принудительный режим труда») в СССР было неправовым действием, а в частной американской фирме — очень даже правовым? Непонятно, почему надо считать «неправовым» явлением хотя бы и принудительный труд осужденных, если он регулируется правом.

стью в послереволюционный период. На каком основании считает философ внеправовыми и внеэкономическими явлениями, например, строительство ВАЗа, Братской ГЭС или московского метро? Самые благожелательные попытки додумать аргументы за В. С. Нерсесянца к успеху не приводят.

Своей хулой на социалистическую (и вообще коллективную) собственность философ по контрасту доказывает мысль о том, что уж частная-то собственность создавалась исключительно в рамках права и без внеэкономического принуждения. Но ведь эта мысль, откровенно говоря, просто нелепа. Не будем уж поминать Маркса («на каждом долларе следы крови») или 9 млн. африканцев-рабов, доставленных в Америку живыми (по оценкам историков, живыми до Америки доплывало лишь около 10% погруженных в трюмы африканцев). По данным авторитетного историка Ф. Броделя, треть всех инвестиций Англии в период промышленной революции покрывалась средствами, награбленными в одной только Индии.

Но даже если вернуться из Англии XVIII века в Россию наших дней: как может разумный и честный человек назвать «экономическим и правовым средством» приватизацию по Чубайсу? По какому праву и через какие экономические трансакции (т. е. с возмещением реальной стоимости) получил скромный аспирант Каха Бендукидзе «Уралмаш», а теперь и «Красное Сормово» — не заводы, а целые конгломераты заводов?

Ведь своими манипуляциями с понятием собственности В. С. Нерсесянц в статье 1990 г. готовил читателя именно к этой приватизации — утверждая, что уж она-то даст гарантии прав и свобод каждому человеку: «Необходимо освободить социалистическую собственность от абстрактно-всеобщей, «ничейной», государственной формы... и трансформировать ее в индивидуализированную собственность всех членов общества». Всех членов общества!

Репрессии. Это — одно из понятий, которые исключительно сильно действуют на сознание. Поэтому с ним особенно интенсивно манипулировали. Мы не будем вдаваться в эту большую и трагическую тему, нельзя о ней говорить походя. Тронем только проблему манипуляции понятием. Одна из операций состояла в *размывании* этого понятия. Идеологи стирали разницу между тем, кого поставили к стенке, и тем, кому не дали большой премии. Так, СССР был представлен как жестокое тоталитарное государство, где чуть ли не главным фоном жизни были «репрессии». Непрерывное повторение этого тезиса привело к такому оуплению публики, что под понятие репрессированных стали подверстывать все более широкие категории обиженных. А дальше включается ассо-

циативное мышление — раз репрессированный, значит, погиб в ГУЛАГе¹.

Кстати, само понятие ГУЛАГ — один из объектов самой беспардонной манипуляции. Очень часто говорят «жертва ГУЛАГа», не уточняя, о чем идет речь, и давая понять, что человек страдал в лагере. Это далеко не всегда так, ибо в ГУЛАГ были объединены совершенно разные учреждения — лагеря, исправительно-трудовые колонии и спецпоселения. Манипуляторы смешали эти вещи сознательно, а дальше пошло самовнушение (вторичная манипуляция). Вот уважаемый и достойный человек, выдающийся ученый Б. В. Раушенбах, русский немец. Он был в лагере, и недавно (перед новым, 2000 годом) журналист его спрашивает, как он нашел в себе силы, чтобы простить советскую власть. Он отвечает: «А чего прощать-то? Я никогда не чувствовал себя обиженным, считал, что посадили меня совершенно правильно. Это был все-таки не 37-й год, причины которого совершенно иные. Шла война с Германией. Я был немцем... Среди немцев если и были предатели, то полпроцента или даже меньше. Но попробуй их выявить в условиях войны. Проще отправить всех в лагерь... Другое дело, что после войны надо было людей выпустить. А они этого не сделали».

Б. В. Раушенбах ошибается, немцев не отправили в лагерь как немцев. Была другая причина, по которой его лично заключили в лагерь (видимо, несправедливо). Немцев отправили на *спецпоселение*, в основном в Казахстан, но и во многие другие места. Спецпоселение — совсем иное дело, оттуда только нельзя свободно уезжать, а жизнь мало чем отличается от жизни окружающих. Я с сестрой попал в эвакуацию в Казахстан, в Кустанайскую область, и мы жили в одной избе с семьей немцев, высланных из Поволжья. Родители мальчика-немца работали учителями в школе, вместе с моей матерью. У немцев даже не расформировали партийные и комсомольские организации — это что-нибудь да значит.

Очень много во время перестройки было написано об Особом совещании НКВД (ОСО). Мемуарная литература о репрессиях представляет ОСО как орган, который вынес чуть ли не основную массу приговоров. Но это потому, что мемуары отражают судьбу узкого круга элитарной номенклатуры, которой и занималось ОСО. За время существования ОСО с 1934 по 1953 г. им были при-

¹ Вот типичное умозаключение из книги, вышедшей в издательстве «Наука»: «Четверть миллиарда — 250 миллионов потеряло население нашего Отечества в XX веке. Почти 60 миллионов из них в ГУЛАГе». Это — пример острой некогерентности. Что значит «потеряло Отечество»? Умерли? А сколько умерло в XIX веке? ГУЛАГ существовал 30 лет, число заключенных в лагерях лишь в некоторые годы превышало 1 млн. человек, смертность в лагерях составляла в среднем 3% в год — как Отечество могло там потерять 60 миллионов? И ведь это пишется в книге, имеющей статус научной монографии.

говорены к смертной казни 10 101 человек. К тому же ОСО представляют как дьявольское изобретение большевиков. На самом деле учреждено оно было в России в 1881 г., и при его воссоздании в 1934 г. было использовано старое Уложение 1881 г.

Это, конечно, всего лишь неточности. Но много в последнее время было манипуляций с понятием *репрессии* совсем уж гротескных. И читатель просто не замечает нелепости претензий.

Вот в академическом журнале — биография историка Древней Греции С. Я. Лурье. Он — невинный страдалец, его «в 1948—1949 гг. осудили». Судебное заседание длилось два года? Кто осудил — Берия, Вышинский? Особое совещание? Осудил, оказывается, его *книгу* Ученый совет Института истории АН СССР. Посчитал, что так себе вышла книга. «В 1949 г. Лурье был отстранен от работы и в Академии наук, и в университете». Как отстранен, куда делся — на паперть? Оказывается, работал преподавателем вуза, в 1952 г. вышел на пенсию (62 года), но с 1953 до 1964 г. (до самой смерти) был профессором университета. Это — объективные факты, приведенные в той же статье. А что за ними?

За ними тот факт, который в «тоталитарном государстве» никто не стал ворошить. Он состоит в том, что С. Я. Лурье был убежденным антисоветчиком и в 1947 г. написал трактат «Об общих принципиальных основах советского строя», выдержки которого приводятся тут же в биографии. В них, в частности, говорится: «С точки зрения марксистской методологии истории, советский строй является рабовладельческим... Личность вождя здесь не имеет никакого решительно значения. Общество, в котором значительная часть государственного дохода идет на непроизводительные, скажем, военные расходы и в котором приходится кормить на народный счет шайки тунеядцев и разбойников — профессиональных военных, ходом вещей не может не превратиться из коммунистической в государственно-крепостническую общину».

Представьте: всего год с небольшим как кончилась война, в которой погибли почти все кадровые военные СССР, — и вот невоевавший профессор называет их «шайкой тунеядцев и разбойников» (в другом месте — «замкнутым и реакционным военным сословием, прекрасно обеспеченным и не занимающимся никаким производительным трудом»). И человека с такими взглядами переводят из института идеологического профиля профессором на кафедру классической филологии. О, проклятые милитаристы, жестокий тоталитарный режим!

Поток подобных рассказов разрушал в сознании сами понятия «репрессии» и «трагедия», так что потом уже невозможно было уяснить смысл утверждений о «ста миллионах репрессированных». Размыв понятия, было легко фабриковать мифы на тему репрессий.

Но разрушались не только понятия, но и необходимая для здравых суждений способность «взвешивать» явления. Если человек не может различить житейскую неурядицу и трагедию, его легче подвинуть на слом всего жизнеустройства. Вот пример, аналогичный печальной истории С. Я. Лурье.

Весной 1996 г. я читал лекции в Сарагосе, небольшом городе в Испании. Ко мне подошли знакомые математики: к ним на кафедру прислали в конверте статью из «Украинского математического журнала», на английском языке, под названием «Марк Григорьевич Крейн». Судя по всему, копии разосланы по университетам всего мира. Суть в том, что М. Г. Крейн, «один из величайших математиков своего века, прожил трагическую жизнь» (умер в 1989 г.). Меня и спрашивают, кто такой Крейн и зачем же в СССР так мучили гениев.

Читаю: «Почему же его жизнь была трагической? Потому, что вся она прошла на Украине, в Украинской Советской Социалистической Республике — бедной провинции тоталитарной империи. Ужасный образ жизни на Украине и внутренняя честность и культура Марка Крейна находились в постоянном конфликте. Правда, перед войной, когда не было антисемитизма, установленного КПСС в конце 40-х годов, Марка Крейна избрали членом-корреспондентом АН УССР». Дальше поясняется для нечутких, какие дьявольские мучения придумал тоталитарный режим: в академики не произвел, а только в члены-корреспонденты и Ленинских премий не давал, а только Государственную.

Конечно, к таким рассказам, ввиду их обилия, все как-то привыкли. Но именно поэтому их воздействие на «оснащение ума» интеллигентной публики было весьма значительным.

§ 3. Подмена имени и предмета

Особым направлением манипуляции является прямая подмена или имени и понятия, которым определяется предмет общественного противоречия, или незаметная подмена предмета — как фокусник меняет взятые у зрителя часы на мышь. Рассмотрим знакомые примеры.

Ложное имя. Простой, но необходимый прием манипуляции сознанием — сокрытие истинного имени социальных групп, явлений или общественных течений. Слово обладает магической силой, и дать ложное имя — так же важно в манипуляции сознанием, как на войне дать диверсанту хорошие документы и обрядить в форму противника. В последнее десятилетие хаос в общественном сознании создавался специально, и «ложное имя» было использовано очень широко. Можно ли представить себе либерально-демократическую партию, газета которой называлась бы «Сокол Жири-

новского»? Но верх абсурда, конечно, — таджикские «демоисламисты».

Ложное имя может быть защитным (*демократ, либерал*), а может быть порочащим (*фашист, экстремист*). Часто в качестве благозвучного псевдонима используются иностранные словечки. Одно дело — наемный убийца, совсем другое — киллер. Это уже что-то вроде уважаемой профессии. А Леня Голубков в рекламе «МММ» не халявщик, а партнер! Вот еще изобретение — брать ложное имя вообще из другой плоскости. Мама русская, а папа юрист.

Типично ложным именем были названы созданные в 1989—1990 гг. особые организации, начавшие разрушение финансовой системы и потребительского рынка. Они были названы «*кооперативами*». Слово успокаивало советских людей, но на самом деле это были типичные частные предприятия, в основном на теновом капитале или на украденных администрацией государственных средствах. Эти предприятия не были основаны на кооперативной собственности, собранной из паев участвующих в кооперации людей. Обследования показали: «более 90% существующих кооперативов — беспаявые. Когда работники увольняются, то практически никто не требует своего пая. Более того, они и не вспоминают о нем».

Как ни странно, даже самая примитивная подмена имени успокаивает людей. Вот летом помогал мне один парень в постройке дома. Работает на предприятии, приходил по вечерам. Спрашиваю его: что за предприятие, частное? «Нет, что вы, — отвечает. — У нас товарищество. Только жаль, с ограниченной ответственностью. Поэтому, говорят, зарплату платить никогда не будет. Но если будем хорошо работать, всем пообещали новые «Жигули» купить». Спрашиваю: когда же? «Точно не сказали, говорят, как дела поправятся». Видно, большой изощренности для манипуляции с этим рабочим классом и не требуется. Товарищество — и ладно! За товарищей надо потрудиться, зарплату спрашивать даже неудобно.

Это — «товарищи» в маленьком городке. В Москве — поднимай выше. Реформаторы гордо называют себя «западники», но и эта кличка — ложная. Никакой духовной связи с Тургеневым и Салтыковым-Щедриным или Вл. Соловьевым у них нет. Генетически, как культурное явление, они прямо связаны с троцкизмом как стержнем оппозиции «почвенному большевизму». Главный их общий признак — *евроцентризм*, отрицание самой российской цивилизации. Троцкий выступал под знаменем мировой пролетарской революции, для которой крестьянская Россия была бы лишь дровами глобального костра. Сегодня его внучата выступают под знаменем *неолиберализма* — крайней, фанатичной буржуазной идеологии. И для них Россия — сырьевая площадка Запада, а русские, ме-

шающие ее расчистке, — пеньки, которые надо выкорчевать. Это страшнее Троцкого, ибо дрова — все-таки некоторая ценность, и их зря не уничтожают. Но разница с точки зрения судьбы России несущественна.

Но назвать Гайдара западником — мягкая ложь. Более жесткий обман в самом имени был заложен в концепции *приватизации*. Приватизация — элемент целостного процесса изменения отношений собственности, а именно, наделение каких-то лиц правом частной собственности. Но государственные предприятия находятся в общественной собственности — они *национализированы*. Государство выступает лишь как распорядитель, управляющий этой собственностью, но вовсе не полноправный собственник. Чтобы иметь возможность ее приватизировать, необходимо сначала осуществить *денационализацию*.

Это — первый и важнейший этап, и он означает изъятие собственности у ее владельца (нации). А это, совершенно очевидно, никак не сводится к экономическим отношениям (так же, как грабеж не означает для жертвы просто утраты некоторой части собственности). Однако и в законах о приватизации, и в прессе проблема изъятия собственности абсолютно замалчивалась. Слово «денационализация» не встречается ни разу ни в одном документе, оно стало табу и было заменено ложным именем, неологизмом *«разгосударствление»*. Нет никакого сомнения в том, что именно изъятие собственности, т. е. экспроприация, чревато острыми социальными конфликтами — даже если экономическая компенсация собственнику вполне справедлива.

Это — отдельные примеры. В целом же вот уже более десяти лет на сознание граждан России льется целый поток ложных имен. Ниже мы разберём одно из них, которое принято и левой оппозицией и приобрело поэтому большую силу в манипуляции сознанием. Это обозначение ельцинского режима словом *«либерализм»*.

Подмена предмета. Как правило, манипуляторы сознанием не допускают открытого диалога с реальным оппонентом — при таком споре манипуляция в принципе невозможна, она легко разоблачается. Но часто совсем избежать гласного «спора» нельзя, это тоже бросается в глаза, и люди начинают задумываться. Тогда используют «подсадных» оппонентов или таких, которыми заведомо можно манипулировать. И с ними ведется диалог-спектакль. В нем важно произвести подмену предмета спора, что сразу лишает истинного смысла все аргументы и выводы. Те, кто наблюдает за спором, теряют нить, и им навязывается нужное манипуляторам умозаключение.

К депутату Госдумы академику ВАСХНИЛ В. С. Швелухе обратились с вопросом о риске голода, который угрожал нам в 1999 г., а он отвечает: «Что касается хлеба, то его на нынешнюю зи-

му нам хватит... Хватит зерна и на весеннюю посевную» — и корреспондент отстал, вот что странно. Спрашивал ведь он о голоде, а не о хлебе. Что значит «нам» хватит? Кому это «нам»? У нас что, хлеб выдают по карточкам, как при Сталине? Этак можно сказать, что у нас и денег в стране хватит. И что значит «хватит на зиму и на посевную»? А с мая по октябрь что жевать? Голод же всегда бывает именно летом, когда недотягивают до урожая. Маленькое рассуждение депутата — и нестыковка всех частей.

Возьмем довольно мягкий, но важный спор. Уже десять лет как в сознание нагнетается миф, будто Ленин опирался на «чернь», на отсталое мышление. Редкий демократический политик или журналист не помянул Ленина, который якобы заявил, что «кухарка может и должна управлять государством». Возникла даже привычная метафора «ленинской кухарки».

При этом не обошлось без примитивного обмана (чему способствовало вопиющее невежество политиков). В действительности В. И. Ленин писал в известной работе «Удержат ли большевики государственную власть» (т. 34, с. 315): «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели».

Таким образом, Ленин говорит совершенно противоположное тому, что ему приписывала буквально вся демократическая пресса — при поддакивании почти всей интеллигенции. Более того, он специально заостряет проблему, чтобы показать, насколько примитивно мышление демократов «февральского» помета. Для него кажется очевидным, что любая кухарка не способна [находясь в состоянии кухарки] управлять государством (верить в это было бы утопией). Нет речи и о том, что она *должна* управлять государством.

Стоило бы читателю задуматься: как же назвать поведение множества уважаемых демократических политиков и журналистов, которые продолжали вбивать людям в голову миф о «ленинской кухарке» — несмотря на то, что им неоднократно пытались указать на их ошибку? И лично, и через печать. Тогда, в 1988—1990 гг., мы еще понять не могли: как же так можно? Ты ему тычешь под нос книгу с точным текстом, а он моргает и через полчаса снова про Ленина и кухарку¹.

Но все же разберем проблему по сути — кто может и должен управлять государством. Уже забывшие о социальных антагонизмах люди доверились эффектной демагогии демократов, и в Сове-

¹ Кстати, наши демократы никогда не цитировали и продолжение мысли Ленина, мысли именно демократической. Он продолжал после согласия с кадетами и др.: «Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предвзвешенным, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники».

ты всех уровней в 1989 г. были избраны почти исключительно интеллигенты. Люди поверили, что «государством должен управлять ученый». Для доказательства проблема была перенесена в социальную плоскость и связана с уже опороченным именем Ленина. На деле же проблема философская и касается самой сущности власти, поставлена она была задолго до Ленина — философом IV века до нашей эры Платоном, который и сформулировал принципы «грамматократии», то есть власти образованных людей, ученых.

Дилемма «кухарка — ученый» формулирует проблему соответствия функций власти и типов мышления. «Кухарка» символизирует обыденное мышление, а «ученый» — специфическое научное рациональное мышление. Создание в общественном сознании образа глупой неграмотной женщины в грязном переднике как альтернативы элегантному и умному депутату-ученому — элементарный подлог, о нем даже не стоит много говорить.

А проблема в том, что принимать политические решения должен человек, обладающий именно обыденным сознанием, а не ученый. Обыденное сознание целостно, оно воспринимает реальность со всеми ее неформализуемыми и неизмеряемыми сторонами, в том числе неприятными. Ученый же *моделирует реальность*, отвлекается от факторов, второстепенных с точки зрения процесса познания, но важных с точки зрения решения проблем. В процессе такого моделирования он часто «забывает про овраги» — отщепляет от создаваемой в воображении модели неприятные стороны реальности (впадает в аутизм, о котором говорилось в главе 8)¹.

Весь пафос «кухарки» — прокормить семью с имеющимися средствами, обеспечить воспроизводство жизни. «Ученый» же нацелен на познание, на эксперимент. Тот объект, который находится в его власти, сам по себе не представляет для него самостоятельной ценности, а есть лишь носитель информации о целом классе подобных объектов. И ученый ради эксперимента не останавливается перед тем, чтобы вскрыть и сломать объект. Это свойство в ученом доведено до такой степени, что совершенно нормальным в науке явлением была постановка эксперимента на себе самом! Даже личность самого ученого в его глазах не представляет существенной ценности по сравнению с той информацией, которая может быть получена при ее разрушении.

¹ Можно даже сказать, что чем более знаменит ученый в своей области (как Сахаров в ядерной физике), тем меньше он пригоден быть политиком, тем менее он сведущ в вопросах жизни народа. Ницше писал: «Когда человек становится мастером в каком-либо деле, то обыкновенно именно в силу этого он остается полнейшим кропотелем в большинстве других дел; но он судит совершенно иначе, как это уже знал Сократ». То есть, будучи примитивным кропотелем в делах жизни людей, Сахаров мнил себя проницательным политиком потому, что глубоко изучил поведение элементарных частиц.

Наконец, вся деятельность «кухарки» сопряжена с любовью, она вся пронизана нравственными ценностями. «Ученый» же по определению должен быть беспристрастным и объективным, его решения свободны от моральных ценностей. Потому-то в западной социальной философии общепринято, что ученый по своему типу мышления не должен быть политиком, его роль — быть экспертом. Все это — банальные, прекрасно известные философам вещи. Архитекторы перестройки совершенно сознательно их скрыли. В целом, эта акция по манипуляции сознанием удалась.

Ложные метафоры. Выработка метафор — главная работа идеологов. Поэтическая метафора, создающая в воображении красочный образ, оказывает на сознание чудодейственный эффект, надолго отшибая здравый смысл. Чем парадоксальнее метафора (то есть чем она дальше отстоит от реальности), тем она лучше действует. Мы говорили о том, какой разгром был учинен словам, понятиям и способу их связывания в разумные умозаключения (логике). Но тот же ураган прошел и по вспомогательным средствам, заменяющим в рассуждениях строгие понятия, — метафорам и аллегориям. Здесь тоже откат от здравого смысла был феноменален. Переубедить людей, в головы которых вбита простая и привлекательная ложная метафора, очень трудно. Достигнуть чего-нибудь логикой невозможно, а запустить ложную контрметафору — совесть не позволяет.

Вспомним, как сторонники радикального перехода к капитализму зывали: *«Нельзя перепрыгнуть пропасть в два прыжка!»* При этом все были уверены, и никто не скрывал, что в один прыжок эту пропасть перепрыгнуть не удастся. Но предложения «консерваторов» (в том числе западных) не прыгать вообще, а обойти или построить мост — отвергались с возмущением. Людей звали просто прыгнуть в пропасть. Поскольку все указания специалистов на постоянные искажения такого рода были реформаторами проигнорированы, речь идет о сознательных подлогах.

Вспомним другую метафору рыночников: *«нельзя быть немножко беременной»*. Мол, надо полностью разрушить плановую систему и перейти к стихии рынка. Это совершенно ложная метафора. Ведь никакого подобия между беременностью и экономикой нет. Более того, реальная экономика и не признает «или — или», она, если хотите, именно «немножко беременна» многими хозяйственными укладами.

Одна из разновидностей ложных метафор — знакомые афоризмы, выражающие какую-то обыденную мудрость, приложенные к явлению совершенно иного рода. Вот летом 1998 г. новый премьер-министр Кириенко свел суть его «антикризисной программы» к афоризму: *«надо жить по средствам»*. Значит, мол, надо убавить

расходы на науку, образование, медицину и т. д. К кому он обращается с этими словами — к Гусинскому? Нет, Гусинский не ходит в районную поликлинику, а внуки его учатся в частном колледже или за границей. Кириенко обращается к трудящимся: зажрались вы, господа, живете не по средствам, государство больше не может обеспечивать вам врача, учителя, дешевое электричество.

Тут ложь простая, на поверхности. Ведь у нас отобрали наши средства к жизни — а теперь требуют, чтобы мы прожили на жалкие остатки. И представляют издевательство грабителя за мудрость, а мы должны кивать и соглашаться. Чудес не бывает, и если Березовский получил от Чубайса доходный Омский нефтеперерабатывающий завод за одну сотую его стоимости, то 99 сотых взяли не из воздуха — их вынули из наших карманов. Вернее, из государственного финансирования врача и учителя, которые обеспечивали достойную жизнь для меня и моих детей. Это азбука. В ней — одна из сторон реформы, один из маяков ее курса. Второй слой подлога, который таится в афоризме Кириенко, мы рассмотрим ниже — он не так очевиден.

§ 4. Пример ложного имени: либерализм

К концу 1998 г. стало хорошим тоном говорить о «завершении этапа либеральных реформ» — конце *либерализма*. Был, мол, в России в 1992—1997 гг. либерализм, а теперь он себя исчерпал и наступает период более активного вмешательства государства в экономику. Так говорят и те, кто проклиная этот либерализм («дикий и варварский капитализм свободного рынка»), и те, кто его очень уважает (например, корифей экономической науки Лившиц), и прагматики неопределенной окраски (например, Кириенко).

Что важный этап уничтожения России завершен и начинается новый, с новым оснащением — было очевидно. Можно было бы, конечно, условно назвать предыдущий этап либерализмом, как в свое время называли Ельцина и Черномырдина демократами, и не вникать в суть. Но если есть хоть немного времени, полезно разобраться.

Чтобы разобраться, надо ответить на вопрос, можно ли считать либеральным (по социально-философским и экономическим взглядам) то политическое течение, которое было у власти после 1990 г. (так называемые демократы)? Сразу отставим в сторону вопрос о нашей либеральной интеллигенции, которая млела при виде Сахарова. Ее либерализм уже мало кого интересует, и никакого влияния на политику Гайдара и Чубайса он не оказал. А сейчас остатки этого пушечного мяса нашей «демократии» отброшены, как грязная тряпка. Будем говорить о реальных заправилах политики и экономики.

Что такое либерализм в общепринятом понимании? Он определен тремя взаимосвязанными наборами признаков, лежащих в сфере философии, политики и экономики. По ним и пройдем.

В философии дан ответ на вопрос «*что есть человек?*». Для либерализма (классика — философы XVII века Гоббс и Локк, сейчас — Поппер) человек — свободный атом, индивидуум с неотчуждаемыми правами. С другими людьми он входит в отношения эквивалентного обмена, так возникает общество. Государство, как «ночной сторож», смотрит лишь за тем, чтобы не было воровства при этом обмене. Поскольку «атом» мал, в своих соударениях на жизненном рынке он не может прозреть истину. Это «народ всегда прав», а для либерализма народа нет, есть граждане. Отсюда — развитая в полной мере Поппером мысль, что общественные изменения могут делаться только малыми шагами, методом проб и ошибок. Это — запрет на крупные социально-инженерные проекты, которые неминуемо ведут к огромным избыточным страданиям людей.

По своей философии ельцинизм (вся его бригада) принципиально и радикально противостоит либерализму. В гораздо большей степени, нежели русский большевизм (философская основа большевизма у нас заменена набором мифов, поэтому доказывать этот тезис сейчас не буду). Не только практика, но даже и риторика ельцинистов показывает, что самого понятия «права личности» для них не существует. Незаметно, но прочно в обиход вошел термин — «*правовой беспредел*». Именно то, что он прижился незаметно, говорит о его соответствии реальности. Никогда еще простой человек, не относимый к политическим противникам («просто личность»), не был так радикально лишен его естественных и социальных прав и не был так беззащитен против произвола самых разных «сильных».

Очевидно, что советское общество не было либеральным (оно относилось к типу *традиционных* обществ). Общественный договор, которым оно было скреплено, предполагал не эквивалентный обмен, а множество взаимозависимостей — долг, любовь, служение и т. д. Режим Ельцина разрушил эти связи, но при этом вовсе не произошел сдвиг к либерализму. Напротив, отношения резко сдвинулись от равновесия, от эквивалентности обмена — к угнетению и силе страха.

Об этом говорит динамика распределения доходов. В течение всего этого периода усиливается изъятие ресурсов, уже включая минимально необходимые, у большинства населения меньшинством, которое опирается на политическую власть и криминальную силу (пока что в основном на угрозу насилия). Так, невыплата зарплаты абсолютно несовместима с философией либерализма, по-

скольку в акте купли-продажи рабочей силы и рабочих, и работодатель выступают как равноправные партнеры-собственники. Невыплата зарплаты — такое же воровство товара, как кража сюртука или сапог. Поскольку воровство есть акт, разрушающий главную скрепляющую обществу связь, в период расцвета либерализма в Англии смертной казнью каралась кража в размере более 5 фунтов стерлингов — даже если вором был ребенок.

Псевдогосударство Ельцина с самого начала открыто отказалось быть «ночным сторожем», оно стало сообщником и защитником грабителей (у нас сегодня речь даже не идет об эксплуатации, об изъятии прибавочной стоимости, налицо именно *угнетение*). При этом государство совершенно не стало патерналистским, оно отвергло принципы общества как семьи. Для России это — новое явление. Разговор о его сути слишком отвлек бы нас от темы, главное — в «государстве Ельцина» нет и следа либерализма.

А в общефилософском смысле либерализм означал расцвет гуманизма (возвеличения человека), веру в свободу и прогресс, большое внимание к этике. Все это вытекало из идеалов Просвещения. Многие постулаты и выводы либерализма чужды русской культуре — не об этом сейчас речь. Речь о том, что философская база ельцинизма несовместима с духом Просвещения, она ему органично враждебна.

Ранний капитализм неразрывно связан с рождением *науки* — совершенно нового способа познания мира. И дело вовсе не в мещанстве буржуазии, а в новом типе мышления и мировоззрения. Рождение науки и капитализма — две стороны одной медали. Режим Ельцина принципиально антиинтеллектуален. Он уничтожил русскую науку без всякой политической или экономической необходимости, со злорадством и даже сладострастием. Он воплощает собой воинствующую тупость и обскурантизм. Ни о какой генетической связи с либерализмом здесь не может быть и речи.

Наконец, *искусство*. Подавляющее большинство произведений, которые составляют нашу культурную пищу сегодня, созданы в XIX веке под воздействием либерализма, его общего оптимизма и тяги к совершенству. Режим Ельцина — уникальное явление в истории культуры в том смысле, что крупное общественное потрясение оказалось совершенно бесплодным в духовной сфере. Целое десятилетие «революции новых русских» не дало буквально ни одной песни, ни одного стихотворения. Только всплеск эстетики безобразного. Вот слова идеолога реформы А. Н. Яковлева: «Будет очень жаль, если мы в своей очистительной, освободительной работе низведем культуру до абсолютно примитивного уровня. Но я думаю, этим надо переболеть». Таков их либерализм, их «освобо-

дительная» работа — низвести культуру до абсолютно примитивного уровня.

Есть ли у режима Ельцина сходство с либерализмом в сфере политических взглядов? Ни в коей мере. Вся политическая философия либерализма исходит из идеи равновесия. Идеология либерализма, уподобившая все стороны жизни общества свободному рынку, есть сложный и изощренный продукт культуры. Из нее выросли представления о гражданском обществе, разделении властей и правовом демократическом государстве. Все это — равновесная система, стабилизированная противовесами. Здесь, например, немыслимо такое преобладание власти президента, к которому с самого начала стремились наши «демократы». В либеральной политической системе оппозиция должна быть почти столь же сильной, как власть, ее партии и ее пресса финансируются государством, она по закону имеет на телевидении в своем полном распоряжении долю экранного времени, пропорциональную числу мест в парламенте. Когда на неолиберальной волне началась приватизация, то комиссии по приватизации формировались в основном из оппозиции.

Видим ли мы что-нибудь подобное в России? Нет, совсем наоборот. Здесь построена неустойчивая, крайне неравновесная политическая система по типу режимов Мобуту и Батисты, ее весьма условно можно назвать даже президентской республикой. То, что эта система не принимает зверские формы, определяется не ее конструкцией, а исключительно культурой населения. Идея равновесия, положенная в основу политической системы либерализма, предполагает обратимость процессов — здесь не допускаются фатальные решения, сломы. Напротив, политическое мышление соратников Ельцина катастрофично. Они не раз прямо заявляли, что их миссия — создание необратимостей. С либерализмом это просто несовместимо.

В сфере политики либерализм — антипод тоталитаризма и даже авторитаризма. Напротив, и мышление, и практика наших реформаторов предельно тоталитарны. Прославление Пиночета и крики «даешь стадион!» — не экстравагантные выходки юмориста Иванова и придурковатого Нуйкина. Это — общая установка всего разношерстного спектра реформаторов, их выстрадавшая философия. Уже в 1990 г. «Литгазета» устами редактора закликает: «В отличие от нынешней своей узкой роли... военные власти должны по приказу Президента гарантировать действие ключевых законов экономической реформы... Гражданская администрация, будь она трижды демократически избрана, все равно ситуацией не владеет и не сумеет противостоять классовой ненависти люмпенизированных толп. Армия, быть может, и сумеет».

История последнего десятилетия оставила нам массу документов — от «научных» рассуждений о пользе диктатуры Миграняна и Клямкина до поэтических заклинаний Ахмадулиной и Чудаковой в октябре 1993 г. А послушайте Гайдара — главаря самой «интеллигентной» клики в этом режиме. В предвыборной кампании он выражает сожаление, что Корнилов с Красновым в 1917 году постеснялись залить кровью Петроград. И хвастается: я, мол, в октябре 1993 года не сплеховал. Созвал в центр Москвы толпу упакованных в импортное шматье парней и девок — бить депутатов всех уровней.

В конце 1995 г. — новое кокетливое заявление: если народ на выборах проголосует неправильно, то я, говорит Гайдар, соберу молодежь. И эта крутая молодежь, надо понимать, повыкидывает из окон депутатов. Лидер радикальной партии заявляет, что, если он будет не удовлетворен итогами выборов, он организует изменение конституционного порядка с помощью насилия.

Маска либералов сбрасывается демонстративно. Вот как это обосновывает министр экономики Е. Ясин: «Я, оставаясь преданным сторонником либеральной демократии, тем не менее убежден, что этап трудных болезненных реформ Россия при либеральной демократии не пройдет. В России не привыкли к послушанию. Поэтому давайте смотреть на вещи реально. Между реформами и демократией есть определенные противоречия. И мы должны предпочесть реформы... Если будет создан авторитарный режим, то у нас есть еще шанс осуществить реформы». Люди с таким мышлением в принципе не могут быть либералами ни в какой сфере.

Перейдем к экономике. Вот тезис Ю. Белова (КПРФ), который является почти общепринятым: «Когда в нашей стране победила контрреволюция, то не государственный капитализм пришел на смену социализму, тоже государственному, а капитализм свободного рынка». Капитализм свободного рынка — это и есть выражение либерализма в сфере хозяйства.

Сделаю методологическое замечание: сегодня возврата к свободному рынку не может быть в принципе. Свободный рынок, образовавшись в ходе своего развития в глобальный рынок ТНК, регулируемый государственными соглашениями, просто не может вновь возникнуть — его зародыши мгновенно «пожираются» современным рынком. Здесь — прямая аналогия с явлением *жизни*. Мы пока что не имеем хорошей теории зарождения жизни на Земле, и было бы очень важно увидеть этот процесс сегодня. Ведь он же идет! Но увидеть его мы не можем — те комочки органической слизи, которые появляются в водоемах и могли бы дать начало первым формам живой материи, сразу же пожираются уже живущими бактериями, грибами и т. д. Развившись, жизнь не может сосуществовать со своими первичными формами.

Но, может быть, наши ельцинисты хотя бы имели капитализм свободного рынка как идеал, пусть недостижимый? Может быть, они следовали философии хозяйства, свойственной либерализму? Практика показала, что нет, они и здесь противоречили главным принципам либерализма. Главная категория либерализма — *собственность*. Она вытекает из самой антропологии либерализма — представлении об индивидууме. Он свободен и равен другим в самом фундаментальном смысле — потому что он обладает неотчуждаемой частной собственностью в виде его тела. Его он может продавать по контракту в форме рабочей силы. На это надстраивается все остальное — имущество, недвижимость, капитал. Частная собственность в виде капитала уже есть предмет общественного договора, но тело как собственность — естественное право (кстати, поэтому невыплата зарплаты — самое кардинальное отрицание либерализма, более важное, нежели экспроприация капитала).

Как же отнеслись к категории собственности ельцинисты? С нигилизмом, который характерен только для уголовного мира. Не важно, что вся их рать от Селюнина до Яковлева изрыгала ритуальные заклинания о священном праве собственности. Это — маска. Еще М. Е. Салтыков-Щедрин сказал: «Горе — думается мне — тому граду, в котором и улица, и кабаки безнужно скулят о том, что собственность священна! наверное, в граде сем имеет произойти неслыханнейшее воровство!» Так оно и получилось.

То изъятие личных сбережений целого народа, которое демократы предприняли в 1992 г., не имеет прецедента. Внимательный анализ той акции и всей сопровождавшей ее риторики, по сути, снимает сам вопрос о принадлежности ельцинистов к либерализму. А ведь была целая серия подобных акций. Например, изъятие и присвоение огромной собственности ряда общественных организаций. Все это мы вспоминаем как в тумане вследствие мощной кампании по манипуляции сознанием, а вообще-то речь идет о чудовищных вещах.

Выше мы говорили о приватизации промышленных предприятий, которая почти одновременно проводилась с неолиберальными правительствами Запада. Чтобы завод приватизировать, надо сначала провести его *денационализацию* — выкупить его у нации, хотя бы на момент сделав государство настоящим собственником. В России мы наблюдали не просто полное отсутствие этапа денационализации, но даже абсолютное изъятие из всех документов самого этого слова. Был изобретен неологизм — «*разгосударствление*». Изъятие собственности у нации было проведено как грабеж, без малейшего намека на компенсацию. Афера с ваучерами — имитация компенсации небольшой части граждан на индивидуальной основе — была проведена настолько нагло, что всерьез никем

принята не была и никакой легитимации захвата собственности не осуществила. Даже в сознании тех, кто собственностью завладел. Разумеется, либеральной экономики на этой основе построить в принципе нельзя.

Созданный в России уклад никак нельзя назвать «капитализмом свободного рынка» и судя по его практическим формам. Необходимые условия такого капитализма — свободная купля-продажа земли, денег, рабочей силы и товаров. В России нет рынка земли — это известно. Но нет и рынка труда. Люди работают без зарплаты или за символическую зарплату, но предприятия платят им «натурой» — тянут социальную сферу (прежде всего, жилье). В результате рабочий привязан к предприятию, возникает разновидность крепостного права с барщиной и оброком. На это резонно указывают и российские, и зарубежные эксперты — и экономисты, и социологи. Допустим, тут нет вины режима, пассивно либерализации сопротивляется само население.

Другое дело — рынок денег и товаров. Рынок денег уродлив и никак не свободен — это очевидно. Банки искусственно созданы государством, государство же периодически отбирает у них «товар». А сами они отбирают «товар» у вкладчиков — это ничего общего со свободным рынком не имеет. Несвободен и рынок товаров. Во-первых, он предельно узок, люди покупают минимальный набор продуктов — фактически получают его по карточкам, похожим на деньги. Можно нашу мизерную зарплату заменить талонами на получение набора продуктов — ничего не изменится. Значит, это не рынок. Мафия контролирует и поставки товаров, и цены — где же здесь свобода? Это именно госкапитализм с криминальной компонентой — уклад, созданный союзом коррумпированной номенклатуры и дельцов теневой экономики и преступного мира, порожденных именно советским обществом.

Уклад ельцинской России и либеральный капитализм — это разные экономические, социальные и культурные явления по всем важнейшим признакам. Запад поддерживает наших «капиталистов» вовсе не вследствие родства душ, а из чисто политических интересов, как поддерживал Сомосу, «сукиного сына, но их сукиного сына». Потому что эти наши «капиталисты» подрядились сломать советский строй, развалить СССР, обезоружить армию, уничтожить сильную промышленность и науку, допустив Запад к ресурсам России.

Почему же у нас прижился ярлык «либералов»? Во-первых, он кажется простым и понятным для наших марксистов-ортодоксов. Раз антикоммунист — значит или фашист, или либерал. Скажешь фашист — обидятся, назовем их либералами. Во-вторых, и это гораздо важнее, в этом ярлыке очень заинтересованы сами «капита-

листы». Во время перестройки главным мотивом манипуляции сознанием было обещание, что слом советского строя приведет к созданию в России «социально ориентированного» современного капитализма, подобного шведскому или германскому. Соблазн рассеялся, сегодня всем понятно, что это не так. И мы видим, как меняется мотив песенки наших реформаторов. Теперь нам говорится, что мы переживаем трудный период «капитализма свободного рынка», капитализм дикий и варварский, капитализм периода первоначального накопления и т. д. Этим надо переболеть, Запад нам поможет этот период сократить, но затем мы неизбежно придем к тому самому «социальному» капитализму. Это, мол, общий закон развития.

Послушайте сегодня А. Г. Аганбегяна, который при Горбачеве обещал нам «шведскую модель»: «Надо прямо сказать, что рыночная система — это очень жестокая система по отношению к человеку. Система с очень многими негативными процессами. Рыночной системе свойственна инфляция, рыночной системе обязательно свойственна безработица. С рынком связано банкротство, с рынком связан кризис перепроизводства, рецессия, которую, скажем, сейчас переживает Европа, с рынком связана дифференциация — разделение общества на бедных и богатых... Дифференциация у нас, конечно, к сожалению, уже сейчас, ну, не к сожалению — это неизбежно, у нас уже сейчас растет и будет дальше резко расти».

Сравните это с тем, что писал и говорил Аганбегян в 1989—1990 гг. По масштабам дезинформации и подлогов, которые он совершал как должностное лицо, он по советским законам подлежал бы уголовной ответственности. Но для нас здесь важно, что и тут, в момент бедствия у него наготове идеологическое оправдание: мы находимся на этапе либерализма, а здесь бедствие трудящихся предписано теоретически.

Мы разобрали первый вопрос — философский и культурный генотип того режима, который установился в России. Это — генотип маргинального, паразитического меньшинства, которое вдруг приведено к власти. Организовать жизнеустройство ни по типу коммуны (советский строй), ни по типу гражданского общества (капитализм) такое меньшинство не может. Никаких перспектив оздоровления и преодоления кризиса этот уклад не имеет — не вследствие ошибок или нехватки ресурсов, а именно из-за своего культурного и философского генотипа. В результате политики демократов хозяйство и общество России не только не стали либеральными — произошел откат от либерализма даже времен Горбачева. Поэтому и новый этап нельзя считать переходом от либеральной экономики к государственному регулированию по типу «Нового курса» Рузвельта, как это пытаются представить политики из умеренной оппозиции. Все это — *ложные имена*.

§ 5. Манипуляция числом и мерой

Числа представляют собой знаковую систему, которая оказывает неотразимое воздействие и на сознание, и на воображение. Магия числа в том, что оно, в отличие от слова или метафоры, обладает авторитетом точности и беспристрастности. Поэтому число — один из главных объектов манипуляции.

Пожалуй, самым большим достижением при манипуляции с числами является разрушение у человека способности «взвешивать» явления, он утрачивает *чувство меры*. Речь идет не о том, что человек теряет инструмент измерения и снижает точность, «меряет на глазок», он теряет саму систему координат, в которую мы помещаем реальность, чтобы ориентироваться в ней и делать более или менее правильные выводы.

Мой коллега, профессор, видный обозреватель, излагал в 1991 г. в прессе версию об идиотизме членов ГКЧП: они «ввели в Москву тысячи танков, но не сумели взять власть». Спрашиваю: «Ты представляешь, сколько места занимает танк? Могли ли в центре Москвы разместиться тысячи танков?» — «Не спорь, — говорит. — Я сам видел, да и по телевизору показывали». И когда опубликовали официальные данные о том, что всего в Москве было 55 танков, он эту цифру принял, но одновременно продолжал верить в свои тысячи.

Это — пример абсурдной веры в число. Свое очарование число распространяет и на текст, который его сопровождает. Поэтому часто манипуляторы сознанием вставляют в текст бессмысленные или даже противоречащие тексту цифры — и все равно остаются в выигрыше, ибо на сознание воздействует сам *вид* числа. Вот, видный социолог пишет в академическом журнале в 1991 г.: «подавляющее число респондентов (30—48%) повсеместно оценили миротворческие попытки руководства страны как не способствующие предупреждению столкновений». Почему же 30% — «подавляющее число»? Нет, конечно, но социолог знает, что читатель не вникнет в число, он запомнит вывод — тот вывод, который нужен автору не как ученому, а как идеологу, занявшему определенную партийную позицию.

Т. Заславская утверждала, что в СССР число тех, кто трудится в полную силу, в экономически слабых хозяйствах было 17%, а в сильных — 32%. И эти числа всерьез повторялись в академических журналах — замечательный пример утраты обществоведами минимума научной рациональности. Понятие «трудиться в полную силу» в принципе неопределимо, это не более чем метафора — но оно измеряется нашим придворным социологом с точностью до 1 процента. 17 процентов! 32 процента!

Но главное, утверждение Т. Заславской, якобы обоснованное точной мерой, противоречит и здравому смыслу, и всему ее антисоветскому пафосу. Ведь выходит, что советская система обеспечивала всем весьма высокий уровень жизни, сравнимый по главным показателям с самыми богатыми странами, без изматывающего типа работы, свойственного этим богатым странам (тот, кто видел толпу выходящих с фабрики рабочих в Гамбурге, поймет, что это значит). У нас не надо было трудиться *в полную силу* — на износ. Т. Заславская звала нас в общество, где подавляющему большинству придется работать на износ, подрабатывая в выходные и по ночам, — и жить гораздо хуже, чем в СССР¹.

Вера в магическую силу числа такова, что авторы порой даже не удосуживаются проверить свои собственные выкладки. Вот, в православном журнале проклинают аборт: «Сегодня в России ежедневно убивают путем аборта 13 тысяч ни в чем не повинных, еще не родившихся младенцев. Шесть миллионов в год. Куда там царю Ироду до нас!» Сколько дней в году у этого пророка? Если 365, то при масштабах детоубийства 13 тыс. в день за год выйдет все-таки не шесть, а 4,7 миллиона. Э-э, миллион туда, миллион сюда... Я уж не говорю, что и свои 13 тысяч в день автор высосал из пальца. В действительности в 1998 г. в России было сделано 2346 тыс. аборт, то есть 6,4 тысячи в день. Конечно, 2,3 миллиона в год — это много, но все же не 6 миллионов.

Хотя число выглядит «точным» знаком, в воображении оно создает образы и на деле служит метафорой (а чаще гиперболой). Поэтому манипуляторы, в том числе невольные («вторичные»), очень часто запускают в общественное сознание числа, деформирующие («поражающие») воображение. Они просто обезоруживают разум человека. И. Бунин писал в «Окаянных днях»: «Люди живут мерой, отмерена им и восприимчивость, воображение — перешагни же меру. Это как цены на хлеб, на говядину. «Что? Три целковых фунт?!» А назначь тысячу — и конец изумлению, крику, столбняк, бесчувственность. «Как? Семь повешенных?!» — «Нет, милый, не семь, а семьсот!» — И уже тут непременно столбняк — семерых-то висящих еще можно представить, а попробуй-ка семьсот, даже семьдесят!» Так у нас, кстати, манипулировали с ценами.

Конечно, самая крупная кампания по манипуляции сознанием с помощью числа была связана со сталинскими репрессиями. Мы затронем не центральную часть проблемы, а ее «периферию». Не

¹ Замечу еще, что утверждение академика наполнено презрением к трудящимся. Слегка замаскированный в нем тезис о том, что советские люди были, в большинстве своем, лентяями, — идеологическая ложь. Хотя за ней стоит важная и интересная проблема: почему интеллигенции стало казаться, что «рабочие и колхозники работают слишком мало»? Ведь это ложное убеждение действительно овладело советской элитой и было важным оправданием для всего антисоветского проекта.

на самом горячем примере лучше видно, что общественное сознание до сих пор отвергает всякую рациональную информацию о действительных количественных масштабах репрессий. А значит, именно их количественная сторона была важна для манипуляторов.

Так, у большинства отложилось в сознании, что в «кулацкую ссылку» были отправлены миллионы крестьян. О. Платонов пишет: «За годы коллективизации и «раскулачивания» было сослано примерно 7—8 млн. крестьян, несколько миллионов крестьян было заключено в лагеря и тюрьмы». Сегодня имеется настолько дотошно проверенная статистика тюрем и лагерей, что подобное утверждение выглядит нелепо (к тюрьмам и лагерям мы еще вернемся). И что значит «сослано 7—8 млн. крестьян»? Ведь вместе с членами семьи это составляет 35—40 млн. человек! Иногда количество сосланных крестьян выражают тотальным термином: все «справные работники».

Однако есть современные архивные исследования, которые были проведены с перекрестным изучением самых разных, независимых учетных документов и дали надежные результаты (самая большая нестыковка данных составила 147 семей, которые с большой долей достоверности были разысканы по косвенным сведениям). Всего в 1930—1931 гг. на спецпоселения («кулацкая ссылка») было выслано 381 026 семей общей численностью 1 803 392 человека. Это 1,5% крестьянских дворов (официально к кулакам причислялось около 3% дворов). Считать, что «справные работники» составляли чуть больше одной сотой нашего крестьянства — нелепость¹. Излишне здесь останавливаться на том, что мы не обсуждаем суть этой трагедии нашего крестьянства и всей страны. Мы только отмечаем: используя количественные образы, на этой трагедии грели руки манипуляторы сознанием.

Схожий стереотип был создан в связи с судьбой советских военнопленных после освобождения их из немецкого плена. В массовое сознание была внедрена мысль, что их всех сразу отправляли в ГУЛАГ на Колыму, где они и сгинули. Между тем реальные данные не раз публиковались, причем даже деятелями общества «Мемориал», вот что интересно. Даже «своих» отталкивают, если они говорят не то, что следует. В последние годы данные были проверены разными методами и сегодня сомнений не вызывают. Итог такой. В фильтрационных лагерях, созданных в конце 1941 г. для

¹ Людей уверили также, что в основном кулаки были высланы на Север и работали на лесоповале. В действительности первая по численности местность спецпоселений — Казахстан, вторая — Новосибирская область. На работах было занято 354 тыс. человек, из них на лесоразработках около 12 тысяч. Основная масса работала в сельском хозяйстве.

проверки бывших в плену военнослужащих, благополучно прошли проверку и были отправлены в армию, во внутренние войска или на работу в промышленность свыше 95% рядовых и сержантов, 4% было арестовано. Из числа офицеров в войска через военкоматы было отправлено 60,4%, в штурмовые батальоны 36,1%, арестованы 2,9%. Офицерам наказание строже (штурмовые батальоны) — но ведь фронт, а не Колыма.

Особо сотрясают разум цифры, приводимые в качестве *художественного образа*. Это явление как-то нами не осмыслено, но оно важно. Дело в том, что цифры художника нельзя понимать буквально, соотносить их с цифрами физическими, они сродни цифрам религиозным. Религии же «уклоняются от контакта с историческим временем». Глупо было бы и верить, и не верить, что Ной прожил 950 лет, как сказано в Библии. Это «не те» годы. Но мы же принимаем числа писателей за «те» числа! Одни верят, и это нелепо, другие возмущаются, принимают эти цифры за злодейский обман.

Тут отличился А. И. Солженицын. Сейчас движение населения ГУЛАГа по годам, со всеми приговорами и казнями, освобождением, переводами, болезнями и смертями изучено досконально, собраны целые тома таблиц. Ясно, что данные Солженицына надо понимать как художественные гиперболы — но ведь весь культурный слой воспринимает их как чуть ли не научные данные лагерной социологии. Поразительно именно расщепление сознания: человек прочтет достоверные документальные данные — и верит им, но в то же время он верит и «сорока миллионам расстрелянных» Солженицына. Вот это феномен русского ума.

Именно ради воздействия на воображение, а не на разум, манипуляторы стремятся раздуть, увеличить и так огромные числа, причем увеличить их в десятки, а то и сотни раз. Само это стремление обязательно преувеличить реальную количественную меру может служить признаком манипуляции. Вот маленький эпизод. Историк В. Н. Земсков вот уже почти десять лет занят кропотливой, но очень важной работой: он систематизирует архивные данные, отражающие деятельность ГУЛАГа, и публикует подробные сводки по всем категориям репрессированных. Публикует без эмоций, в специальных журналах по истории и социологии. Сам он ни в коей мере не сталинист и это надежно констатирует в публикациях. Не сталинист, но факты уважает. Демократы его стараются не замечать и в полемику с ним не вступать. Но поначалу устроили атаку в виде обличительной статьи А. В. Антонова-Овсеенко. На это В. Н. Земсков ответил в своей бесстрастной манере, и отрывок из него я приведу, потому что в нем есть ценные методические замечания. Вот цитата из ответа В. Н. Земскова:

«А. В. Антоновым-Овсеенко на страницах «Литературной газеты» в статье «Противостояние» было высказано мнение о фальшивом происхождении используемых мной документов и, следовательно, недостоверном характере публикуемых цифр. По этому поводу необходимо сказать следующее. Вопрос о подлоге можно было бы рассматривать, если бы мы опирались на один или несколько разрозненных документов. Однако нельзя подделывать находящийся в государственном хранении целый архивный фонд с тысячами единиц хранения, куда входит и огромный массив первичных материалов (предположить, что первичные материалы — фальшивые, можно только при допущении нелепой мысли, что каждый лагерь имел две канцелярии: одну, ведущую подлинное дело-производство, и вторую — неподлинное). Тем не менее все эти документы были подвергнуты тщательному источниковедческому анализу, и их подлинность установлена со 100-процентной гарантией. Данные первичных материалов в итоге совпадают со сводной статистической отчетностью ГУЛАГа и со сведениями, содержащимися в докладных записках руководства ГУЛАГа на имя Н. И. Ежова, Л. П. Берии, С. Н. Круглова, а также в докладных записках последних на имя И. В. Сталина. Следовательно, документация всех уровней, которой мы пользовались, подлинная. Предположение о том, что в этой документации могли содержаться заниженные сведения, несостоятельно по той причине, что органам НКВД было невыгодно и даже опасно преуменьшать масштабы своей деятельности, ибо в противном случае им грозила опасность впасть в немилость у власть имущих за «недостаточную активность».

Статистика заключенных ГУЛАГа, приводимая А. В. Антоновым-Овсеенко, построена на свидетельствах, как правило, далеких от истины. Так, он, в частности, пишет в упомянутой статье: «По данным Управления общего снабжения ГУЛАГа, на довольствии в местах заключения состояло без малого 16 миллионов — по числу пайкодач в первые послевоенные годы». В списке лиц, пользовавшихся этим документом, фамилия Антонова-Овсеенко отсутствует. Следовательно, он не видел этого документа и приводит его с чьих-то слов, причем с грубейшим искажением смысла. Если бы А. В. Антонов-Овсеенко видел этот документ, то наверняка бы обратил внимание на запятую между цифрами 1 и 6, так как в действительности осенью 1945 г. в лагерях и колониях ГУЛАГа содержалось не 16 млн., а 1,6 млн. заключенных.

Тот факт, что предположительная статистика А. В. Антонова-Овсеенко, равно как и сведения О. Г. Шатуновской, опровергаются данными первичных гулаговских материалов, делает дальнейшее ведение полемики на эту тему совершенно бессмысленной. Добавим только, что в материалах всесоюзных переписей населения

1937 и 1939 гг. численность спецконтингента НКВД группы «В» (заклученные и трудпоселенцы) совпадает с нашими данными, взятыми из статистической отчетности ГУЛАГа НКВД СССР, тюремного управления НКВД СССР и Отдела трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР».

Как несложно — убрал запятую, запустил число в СМИ — и сотни миллионов человек верят. А когда возник стереотип, никакие доводы разума уже манипулятору не страшны.

Важный прием манипуляторов — создать *образ* числа (изредка обозначая его цифрами), но не давая информации о точных количественных данных. Так, например, до сих пор эффективно используется образ чернобыльской катастрофы. Совсем недавно по телевидению вновь назвали число жертв — 300 тысяч человек¹. Между тем последствия катастрофы и ее воздействие на здоровье и смертность с самого начала внимательно изучаются международной группой из 200 экспертов, представляющих 25 стран и 7 международных организаций. Эта группа выпускает информационный бюллетень. Казалось бы, заводя разговор о Чернобыле, элементарная честность должна была бы обязать телевидение приводить достоверные данные, а потом уже переходить к собственным измышлениям. Нет, телевидение создавало и усиливало психоз.

Сложность проблемы в том, что в результате понятного беспокойства в зараженных зонах люди стали обращаться к врачам, чего раньше не делали, и у них обнаружена масса заболеваний, о которых они и не думали. Вычленив из них те, что связаны с катастрофой, невозможно без сравнительных исследований здоровья в зараженных и незараженных зонах. Такие исследования ведутся. Вот некоторые данные «Международного чернобыльского проекта», о котором говорилось выше, за 1991 г. Первым результатом заражения должны были бы быть патологические изменения щитовидной железы из-за действия радиоактивного йода, особенно у детей. В докладе сказано: «Не обнаружено статистически значимых различий в щитовидной железе детей 2—10 лет в загрязненных и контрольных населенных пунктах». Еще выводы: «В 1987—1988 гг. смертность всех состоящих в распределительном регистре на Украине была в 2—2,5 раза ниже, чем среди всего населения. Самый низкий уровень смертности — среди лиц, принимавших участие в ликвидации аварии и ее последствий (0,8—1,3 на тысячу). Среди

¹ Такую цифру иногда называют и в западной прессе, но там хотя бы оговаривают, что она получена расчетным путем исходя из «линейной модели» воздействия радиации на человека (об этом в § 2 гл. 11). Но никто и не утверждает, что эта модель верна. Опытным же путем никаких жертв катастрофе с достоверностью приписать нельзя — кроме тех, кто погиб непосредственно в результате аварии и устранения ее последствий.

эвакуированных показатели составили 2,8—4,8 [в среднем по Украине 11,4—11,7]». Дело, конечно, в том, что ликвидаторы последствий аварии и эвакуированные — люди в основном молодых возрастов, потому у них смертность ниже. Но ведь и никаких выводов о небывало высокой их смертности никак сделать нельзя. Никакого увеличения смертности детей до 1 года в зараженных областях также не произошло — ее динамика по Брянской, Киевской, Житомирской, Гомельской и Могилевской областям точно такая же, как и в незараженных областях.

Подчеркну, что речь идет о процессах, которые находятся под внимательным и дорогостоящим наблюдением большой международной бригады ученых. Не потому, что им жаль здоровья брянских детей, а потому, что история поставила в Чернобыле огромный и бесплатный для Запада эксперимент над людьми, и они разумно стараются выжать из него всю информацию. Но это же стало и экспериментом над российским телевидением.

«Миллионы расстрелянных», «300 тысяч умерших от радиации» — все это поражает воображение. Однако чаще бывает, что манипуляторы вбрасывают в сознание число правдоподобное, так что человек и не думает свести в уме концы с концами. Число начинает работать и «активизируется» в нужный момент. Вот нынешние идеологи в своих целях интенсивно эксплуатируют «фактор религии», вовлекая церковь в свои пропагандистские спектакли (часто предельно пошлые, вроде молебна при закладке атомной подводной лодки — хорошо хоть не при выпуске каждого контейнера с бактериологическим оружием). Чтобы убедить, будто «добрый русский народ» отшатнулся от всяких вредных социальных идей и «вернулся в лоно», манипулируют числом верующих. Одно время называли даже цифру 40 процентов. Потом начали возвращаться к правдоподобию. Наконец, ввели критерий «активные верующие» — те, кто регулярно посещает воскресные службы. Социологи, истратив на свои изыскания изрядную сумму денег, объявили, наконец, цифру: в Москве таких «активных» — 4 процента¹. Четыре на сотню. Правдоподобно! И число пошло гулять по прессе.

А теперь рассудим здраво. Четыре процента для Москвы — это 340 тысяч человек. Кроме того, на воскресных службах в церквях всегда присутствует процентов 10—15 приезжих. Итого 400 тысяч. В Москве сегодня 200 действующих церквей. Большинство их — малые церкви, вместительность которых не превышает 40—50 человек. Утверждать, что в среднем во время воскресной службы в московских церквях участвует по 2 тысячи прихожан на каждую

¹ Вообще-то социологи суют свой нос куда не следует, и обнародовать численность верующих церковь по ряду причин не должна была бы разрешать. Но настали новые времена.

церковь — нелепость, абсурд абсолютный и очевидный. Но ни социологи, ни редакторы таких газет, как «Аргументы и факты» (факты!), ни их читатели в цифре нисколько не усомнились. Впрочем, социологи и редакторы — понятно, они именно за это деньги получили. Речь — о читателях.

Широко распространена манипуляция с числом посредством использования *«средних» показателей*. Часто это бывает по неведению (вторичная манипуляция), но нередко имеет место и сознательный подлог. Средним числом можно пользоваться, только если нет большого разрыва в показателях между разными частями целого — иначе будет как в больничной палате: один умер и уже холодный, а другой хрипит в лихорадке, но средняя температура нормальная. Вот, в середине реформы и власти, и оппозиция утверждали, будто потребление в стране упало на 30%. Это — на фоне нарастающего недоедания у части населения. В 1995 г. по сравнению с 1991 г. потребление (включая импорт) мясопродуктов в целом упало на 28, масла на 37, молока и сахара на 25%. Но этот спад сосредоточился почти исключительно в той половине народа, которую сбросили в крайнюю бедность. Значит, в этой половине потребление самых необходимых для здоровья продуктов упало на 50—80%! А власти, оппозиция, да и вся интеллигенция делали вид, что не понимают этой простой вещи.

Ложный образ возникает и вследствие недобросовестного употребления *относительных* чисел без указания абсолютных величин. Например, рост относительного показателя от малых величин создает ложное впечатление. Допустим, спад производства тракторов в 1990 г. был 10%, и рост их производства в 1999 г. был 10%. Ура, идет «компенсация спада», на 10% упало, на 10% приросло. Но в 1990 г. мы имели потерю в 24 тыс. тракторов, а в 1999 г. прирост в 1 тыс. — в *абсолютном* выражении вещи несоизмеримые.

Сейчас нас успокаивают: все налаживается. В 1999 г. ВВП вырос на 2%. Здорово, реформы дают плоды! А что такое теперь ВВП, *валовой внутренний продукт*? Нам это не объясняют, не хотят огорчать. А ведь у нас теперь монетаризм, и ВВП отражает только движение денег. В советское время сделали мне глазную операцию (обжег глаза в лаборатории). Пожал я руку хирургу, поцеловал врачиху и пошел домой — никакого прироста ВВП. А сегодня мой незнакомый собрат наскреб денег, пошел к Святославу Федорову, заплатил тысячу долларов и получил услугу. Не знаю, как насчет поцелуя, но ВВП России подскочил на 28 тысяч рублей (согласно курсу доллара). Если у нас у всех вдруг вырастет катаракта, то ВВП России взвьется до небес — усилиями одного Святослава Федорова со скальпелем. И манипуляции числом и мерой.

Учебная задача: купля-продажа земли. Разберем одну мягкую, не связанную с кровью, но важнейшую по последствиям программу манипуляции сознанием в России, которая обрушилась бы, если бы люди в уме произвели простейший расчет — имея на руках все необходимые данные. Это — программа внушения мысли о благотворности купли-продажи земли.

В России 130 млн. га пахотной земли. Сегодня, по оценкам экспертов, ее цена на рынке была бы в среднем 500 долларов за 1 га. Значит, за всю нашу землю Россия получила бы сегодня всего 65 миллиардов долларов. Это смехотворно мало.

Мы миллиардами долларов не привыкли оперировать, поэтому давайте рассудим по-иному. С 1 га земли колхозы в среднем собирали по 20 ц пшеницы. Говорят, фермер будет намного эффективнее колхозов — иначе зачем и огород городить. Допустим, реформаторы предполагают, что нормальный урожай с нашей земли должен быть 3 тонны с гектара. И за такой гектар жаждущие земли покупатели готовы отдать 500 долларов. Разумная ли это цена?

Предположим, кто-то (например, банк) купил землю, но сам ее не обрабатывает, а сдает в аренду. Так скорее всего и будет, на то и частная собственность. Какова нормальная арендная плата при рыночной экономике? Мы ее знаем по «столыпинской» России — половина урожая. Арендаторы были в основном «испольщиками». Такое же положение и в других странах. Во всяком случае, ниже одной трети урожая редко где снижается.

Но что такое половина урожая, сколько это стоит? Цена пшеницы на рынке колеблется около 200 долл. за тонну. Значит, урожай с гектара за один год стоит на рынке 600 долларов. А арендная плата владельцу составит 300 долларов. За год! А землю он купит навечно — за 500 долларов. Неужели не видно, что это не «купля», а грабеж, насильное изъятие земли и у крестьян, и у народа в целом¹.

Во времена столыпинской реформы земля продавалась через Поземельный банк по цене 125—150 руб. за десятину. Это около 6 годовых плат арендатора-испольщика. А сегодня меньше платы за 2 года. Значит, цену земли сбили почти в четыре раза — при том, что за годы советской власти вложены огромные средства в строительство дорог, обустройство полей, известкование и мелиорацию, электрификацию всего сельского пространства. То есть реальная цена земли должна была вырасти в несколько раз — а ее снизили. Искусственно! Так же, как «продали» Березовскому «Сибнефть» за 100 млн. долларов, а она, оказывается, уже через год оценивает-

¹ В Испании каменистая, нуждающаяся в поливе земля стоит около 20 тысяч долларов за гектар (оплата воды для полива — отдельно и очень дорого). А в России лучшие черноземы, по оценкам экспертов, пойдут по цене 1 тыс. долл. за гектар. В России сегодня вообще не должно стоять вопроса о продаже земли, ибо страна разорена.

ся в 5 млрд. долл. — в 50 раз дороже! При том, что он в нее не вложил ни копейки, а лишь получил с нее прибыль.

Перейдем к производству. Для начала устраним маленький примитивный обман, что вбивают нам в мозги: якобы фермер под залог земли получит большой кредит в банке и сразу воспрянет — купит машин, удобрений, серьги жене (а сейчас залога земли нет, поскольку продать ее нельзя). Каждый может взять карандаш и подсчитать, какую сумму получит фермер под залог земли. Это настолько смехотворная величина, что даже нелепо говорить о том, чтобы на такие деньги финансировать цикл производства. За участок в 50 га (обычный для фермеров) он получит, как это было в Земельном банке до революции, кредит не более половины цены его земли. Поскольку, по оценкам экспертов, в среднем по России земля будет идти по 500 долларов за гектар, то за весь свой заложенный участок фермер сможет получить кредит в 12,5 тысяч долларов. Как он может на эти деньги вести рыночное хозяйство, если его конкурент в Европе на такой же участок каждый год получает *безвозмездно и без процентов* 55 тысяч долларов бюджетных дотаций? Потому-то речь идет именно о продаже земли — ни о чем другом реформаторы не думают.

И посмотрите: под залог земли можно получить 12,5 тыс. долл., а урожай пшеницы с этого участка, если весь его засеять пшеницей (150 тонн), стоит на рынке 30 тысяч долл. Так пусть банк и дает кредиты под залог урожая, как это делают во всем мире. При чем тут продажа земли? Только при том, что банки ее хотят заполучить.

Подойдем с другой стороны. Давайте на минуту встанем на позицию рыночников, Кириенко с Немцовым. Ну хочется им видеть в России западного фермера! Помечтаем вместе с ними.

Они ругают большевиков, которые «обещали землю крестьянам, да не отдали». Ну что ж, давайте считать, что вместо большевиков был Гайдар-внук, и землю он крестьянам таки отдал. И у нас сейчас в России живут 20 миллионов маленьких «помещиков», родом из колхозников — у каждого «пай» в 6 гектаров. Это сразу упрощает дело, позволяет обойтись без революции, без «экспроприации земли» и т. д. Чтобы наладить частные фермы, землю надо *арендовать* у нынешних хозяев, как крестьяне арендовали ее у помещика до 1917 г.

Аренда — чисто рыночный механизм, капитализму не мешает. Точно так же делают фермеры на Западе — никто не отнимает там землю у собственника, а арендует. Так, в Испании есть две очень большие агропромышленные корпорации, их фермы — по всей стране. Практически вся земля арендована, своей очень мало. Прекрасно идет дело, никаких проблем.

В России крестьяне арендовали землю «исполу» — за половину урожая. Это жестоко. Давайте положим нашему фермеру самые

льготные условия: 10% урожая — хозяину земли (нынешнему колхознику или пенсионеру), и 10% — государству (местной власти и центру пополам). Итого 20% урожая — за землю. Это неплохие условия аренды для фермера.

Скажем, некий банк «Альфа и Омега» решил устроить ферму разумных размеров в 100 га пашни, арендовав у 15 колхозников их паи, и налаживает самое выгодное и простое дело — производство озимой пшеницы. Он покупает 5 тракторов (это — меньше половины западной нормы, но наши батраки люди не гордые), 1 грузовик, 1 комбайн и инвентарь, сооружает минимально необходимые постройки. Нанимает пять рабочих. Это выгодный размер фермы, т. к. можно обойтись без освобожденного начальника. «Единицу» в 100 га можно удвоить без существенного изменения пропорций. Так что будем говорить об этой «единице».

Для справки: в Польше в частных хозяйствах на 100 га было в среднем 24 работника и 6 тракторов. В СССР на 100 га пашни было 12 работников (много женщин было занято на фермах, на огородах и т. д.). Мы делаем ферму пожестче, банкир шутить не любит, будет дубить шкуру пятерых работников, ему это выгоднее. Что получится *в лучшем случае* (в лучшем для фермера) и какие еще будут расходы? Посчитаем в долларах, а то запутаемся с миллионами.

Минимальные расходы на зарплату плюс обязательные отчисления на соцстрах составят 30 тыс. долл. в год (не считая нанимаемых ремонтников; консультаций у агронома и т. д.). Это — *минимум* для рабочих с семьями. Надо подчеркнуть, что эта зарплата по реальной покупательной способности *ниже*, чем была в колхозах в конце 80-х годов (442 руб. на двух работающих в 1989 г.). Держать пятерых с интенсивной работой выгоднее, чем десятерых вполсилы. Но эти пятеро уже будут рабочие, а не крестьяне, они с приусадебного участка жить не могут¹.

Каковы будут затраты на материально-техническое обеспечение? В колхозах зарплата и материальные затраты соотносились как 4:5. Сейчас материалы резко подскочили в цене (особенно горючее и удобрения, а без них никак нельзя), а зарплата упала. Кроме того, в колхозах и совхозах эффективность использования техники была на недосягаемом для фермера уровне — СССР обходился всего 1 трактором на 100 га пашни. Так что соотношение «зарплата — материальные затраты» будет в лучшем случае около 1:2 (если, конечно, фермеры станут действительно работать, а не грабить

¹ Для тех, кто думает, что при работе на такой ферме 300 долларов в месяц рабочему слишком жирно, надо напомнить, что в среднем по России только на отопление дома надо 20—30 кубометров дров — купить, распилить и наколоть. Цена на дрова тянется к мировой рыночной, то есть к 56 долларам за кубометр (по такой цене Россия продавала необработанную древесину в СНГ, а на Запад, конечно, подешевле — по 46,9 доллара).

на шоссе). Значит, на материальные затраты уйдет в год около 60 тыс. долл.

100 га пашни при трехпольной системе (пшеница, пар и клевер) дадут в год эквивалент 150 т пшеницы (включая сюда и выручку за клевер). В декабре 1999 г. цена реализации пшеницы на российском рынке была 1725 руб. (63,9 долл.) за тонну. Значит, весь годовой урожай нашей фермы (при урожайности 30 ц с га) будет стоить 9585 долл. — так вот сбили цену в России.

Какие минимальные выплаты должен сделать хозяин, собрав урожай (предположив даже, что у него есть бесплатный кредит, так что не надо платить проценты)? 30 тыс. зарплата плюс 60 тыс. материальные расходы. Итого он должен выплатить 90 тыс. долларов — *без налогов!* Заметим, что если бы фермер землю арендовал, то аренда составляла бы в этих расходах несущественную величину, но зато он платил бы налог на землю.

Отсюда видно, что при самых лучших (реально недостижимых) условиях расходы более чем втрое превышают доход до вычета налогов, а уж ВЧК их как-нибудь да вырвет. Никакой, даже самый безумный капиталист (а таких не существует в природе) сеять в России пшеницу *на условиях рыночной экономики* не станет. Пока что ее сеют потому, что колхозникам жить надо и ничего не платят за ресурсы — добивают то, что осталось от советского времени. И почву, и машины, и рабочую силу.

Почему же сеют западные фермеры, хотя бы и у себя, в благодатном климате? Потому, что в ЕЭС в середине 80-х годов только бюджетные дотации на 1 га пашни составляли в среднем 1099 долларов. На 100 га это 110 тыс. долларов в год. Только дотации! Ясно, что никаких дотаций Чубайс русским фермерам не даст. Не потому что жадный, а просто у него руки коротки грабить мексиканских и бразильских рабочих, чтобы приплачивать своим фермерам. А с русских рабочих уже и содрать нечего — кожа да кости.

Значит, должны мы зарубить себе на носу: купля-продажа земли никакого отношения к выращиванию пшеницы и прочих злаков не имеет. Никакой дурак не будет устраивать капиталистическую ферму себе в убыток. Есть несколько небольших пятен земли с особо высокой урожайностью (там, кстати, и селились разумные немцы-колонисты) — Приазовье, Среднее Поволжье, — но они погоды не делают. Другое дело — купить землю и сдавать ее в аренду (уже не за 10, а за 50% урожая). И ведь ее будут арендовать — вот в чем загадка России.

Когда А. В. Чайнов обнаружил это явление, он, похоже, понял, что это — открытие очень важное. Сейчас я бы сказал, что это — открытие эпохальное. В нем — момент истины, сравнение фермера и крестьянина. Чайнов пишет на основании огромного материала: «Несмотря на кажущуюся парадоксальность, мы смеем даже ут-

верждать, что крестьянское хозяйство будет готово платить за землю тем больше, чем ее у него меньше и чем оно беднее. Динамика земельных и арендных цен в России... свидетельствует о том, что цены, которые малоземельные крестьянские хозяйства платят за землю, значительно превышают капиталистическую абсолютную ренту». Под давлением потребительской нужды малоземельные крестьяне, избегая вынужденной безработицы, платят за аренду земли не только ренту и весь чистый доход, но и значительную часть своей заработной платы. В 1904 г. в среднем по Воронежской губернии арендная плата за десятину составляла 16,8 руб., а чистая доходность одной десятины была 5,3 руб. В некоторых уездах разница была еще больше. Так, в Коротояжском уезде средняя арендная плата была 19,4 руб., а чистая доходность десятины 2,7 руб. Иными словами, разницу в 16,6 руб. с десятины крестьянин доплачивал из своего потребления.

Понимаете, как обстоит дело? Капиталистическое хозяйство вести невыгодно, а крестьянское — выгодно! Поэтому буржуй, купив нашу землю, все равно сдаст ее в аренду крестьянину. И жилы из него вытянет. Почему крестьянское хозяйство выгоднее фермерского — особый вопрос, и мы его будем поднимать.

Расчет, который я привел, приблизительный и грубый. Его можно уточнить, расписать все расходы (выплаты за кредит, найм сторонних работников, налоги, рэкет и т. д.). Да и не получит фермер 30 ц с гектара, землю уж семь лет не удобряют. Расхождение между расходами и доходами при этом лишь *увеличится*. Думаю, следовало бы нашим аграриям в Думе проделать эти расчеты и потребовать по ним гласных дебатов. Пусть Черномырдин официально скажет, на что он рассчитывает, агитируя за куплю-продажу земли. Уж он-то из деревни, как же ему не стыдно? Можно, конечно, прислуживать захватчикам, но не до такой же степени.

Программы манипуляции такого типа проходят в России только потому, что у людей сумели предварительно отключить ощущение *меры*.

Глава 18

ВОЗДЕЙСТВИЕ НА МЫШЛЕНИЕ В АКЦИЯХ ПО МАНИПУЛЯЦИИ

§ 1. Перестройка и разрушение логического мышления

В главе 6 мы говорили, что рациональное логическое мышление уязвимо, посредством манипуляции в него можно внедрять «программы-вирусы», так что люди, отгалкиваясь от очевидных фак-

тов, приходят к ложному, а иногда и абсурдному умозаключению. Когда этот процесс захватывает значительную часть интеллигенции, весь народ в целом становится беззащитным против манипуляции — его поводыри бросаются за любым блуждающим огнем.

Массированная программа по разрушению логического мышления началась в СССР сразу после того, как новая интеллектуальная бригада Горбачева приступила к реализации доктрины перестройки. Уже первые шаги делались под прикрытием дымовой завесы новояза, эпитеты *интеллигентный, компетентный, научный* стали высшей похвалой. Уж как потешались над Брежневым и всей «геронтократией» за их примитивные силлогизмы. На политической трибуне прочно утвердились академики — Примакова сменял Велихов, Сахарова — Лихачев, и так бесконечной вереницей. Тесный альянс обществоведов (типа Г. Попова и Т. Заславской), партийных идеологов (типа Г. Бурбулиса и А. Яковлева) и ученых-естественников (типа А. Мурашева и С. Ковалева) выработал совершенно небывалый стиль политических дебатов. Благодаря мощным средствам массовой информации он был навязан общественному сознанию и стал инструментом для его *шизофренизации*.

Рассуждения стали настолько бессвязными и внутренне противоречивыми, что многие всерьез поверили, будто жителей крупных городов кто-то облучал неведомыми «психотропными» лучами. Вспомним, как бывший многолетний декан экономического факультета МГУ Г. Попов убеждал народ, что приватизация торговли приведет к изобилию товаров. И ладно бы только идеолог-экономист говорил такое. То же самое повторял человек с явно научным образованием на одном митинге. Когда я спросил его, на чем основана его убежденность — ведь продукты не производятся в магазине, — он без тени сомнения ответил: «На Западе магазины частные — и там все есть!»

Массовая утрата здравого смысла, способности критически оценивать утверждения, доверие к самым абсурдным обещаниям — все это подтверждается множеством фактов. Вот видный деятель пишет в уважаемом журнале «Международная жизнь» о необходимости «реально оценить наш рубль, его покупательную способность на сегодняшний день» (в начале 1991 г.). Предлагаемый им метод до предела прост и столь же абсурден: «Если за него (рубль) дают 5 центов в Нью-Йорке, значит, он и стоит 5 центов. Другого пути нет, ведь должен же быть какой-то реальный критерий». Ясно, что сознание этого деятеля расщеплено. Почему «другого пути нет», кроме как попытаться продать рублевую бумажку в Нью-Йорке? Кому нужен рубль в Нью-Йорке? А реальная ценность рубля на той территории, где он выполняет функции денег, была известна — 20 поездок на метро. То есть рубль был эквива-

лентом количества стройматериалов, энергии, машин, рабочей силы и других реальных средств, достаточного, чтобы построить и содержать «частицу» московского метро, «производящую» 20 поездов. В Нью-Йорке потребная для обеспечения такого числа поездов сумма ресурсов стоила 30 долларов¹.

А вспомним первые выборы народных депутатов СССР! Однажды целой группе конкурентов был задан один вопрос: «Считаете ли вы, что гласность должна иметь какие-то пределы?» И с телеэкрана *все они до одного* (а это были весьма почтенные интеллигентные люди) заявили совершенно безумную вещь: гласность должна быть абсолютной, никаких ее ограничений они, будучи депутатами, не допустят. И это — вопреки здравому смыслу, вопреки всем антиутопиям Набокова, Замятина, Оруэлла, которых они уже читались. Ведь полная «прозрачность» (а слово гласность так и переводится на западные языки) и означает тоталитаризм. О каких правах человека может идти речь при «неограниченной гласности», когда не может укрыться ни одно твое движение, ни одна мысль? Заметим, что эта болезнь демократической интеллигенции — расщепление логики — вызрела довольно давно. Бациллы для создания массовой эпидемии выращивались в идеологических лабораториях два десятилетия².

Не лучше и мышление «прагматиков». Так получилось, что с 1990 г. меня неоднократно привлекали к экспертизе важных законопроектов. Каждый раз ознакомление с документом вызывало шок. Поражали даже не идеи с людоедским оскалом. Шок вызывала странность утверждений, явная шизофреничность логики. И когда видишь авторов этих документов — образованных людей в пиджаках и галстуках, имеющих семьи, — охватывает ощущение чего-то нереального. В каком мы театре находимся? Когда же так бывало?!

Вот проект Закона о предпринимательстве (1990 г.). Подготовлен научно-промышленной группой депутатов, стоят подписи Владиславлева, Велихова, других представителей интеллектуаль-

¹ Вбитое в головы всей силой телевидения понятие «наш деревянный рубль» было одним из важнейших средств шизофренизации. Помню, как впервые резануло мне слух это слово лет пятнадцать назад на бензоколонке. Два молодых человека вылезли из машины и, продолжая разговор, проклинали наши «деревянные». При этом один из них сунул в окошечко три рубля и наполнил бак бензином (тогда он стоил 9,5 коп. за литр). И я подумал: какая неведомая сила сделала этих интеллигентных людей идиотами и как эта сила поведет себя дальше?

² Вот известный фильм о декабристах. Их вешают, да неудачно, веревка рвется. И говорит герой: «Бедная Россия, вешать — и то не умеют». Но ведь это нелепо! Почему же страна, где не умеют вешать, достойна жалости? Разве не наоборот? В те же годы в Англии вешали даже детей, если они в лавке украли что-то на сумму более 5 фунтов, — можно ли было представить такое в России? Конечно, там палачи поднаторели. И за это уважать?

ной элиты. И совершенно несовместимые друг с другом бредовые утверждения и заклинания. «В нашем обществе практически отсутствует инновационная активность!» Ну подумали бы, может ли в принципе существовать такое общество. Инновационная активность пронизывает жизнь буквально каждого человека — это его биологическое свойство. Да если говорить об экономике: сами же утверждают, что она в основном работала на оборону, но в производстве вооружений инновационный потенциал советской промышленности был безусловно и вне всяких сомнений исключительно высок. То есть наша экономика в основной своей части была высоко инновационной.

Или еще тезис: «Государство не должно юридически запрещать никаких форм собственности» — и это после стольких веков борьбы за запрет рабства или крепостного права (а ведь возрождение рабства — реальность конца XX века). «Государство должно воздействовать на хозяйственных субъектов только экономическими методами!» — во всем мире «хозяйственные субъекты» весьма часто оказываются в тюрьме, а у нас, значит, бей их только рублем. «Основным критерием и мерой общественного признания общественной полезности деятельности является прибыль» — но тогда да здравствует наркобизнес, норма прибыли у него наивысшая. Ну не бред ли за подписью академиков?

В выступлениях идеологов, особенно из ученых, бросалось в глаза принципиальное (как бы наивное) отрицание накопленного человечеством навыка логического мышления. Сами став первой жертвой операции по расщеплению сознания, они заражали этой искусственной шизофренией массу. В их выступлениях была чуть ли не мистическая тяга сказать нечто прямо противоположное знанию и опыту — причем сказать в связи с очень важным положением, на котором они и выстраивали свою идеологию.

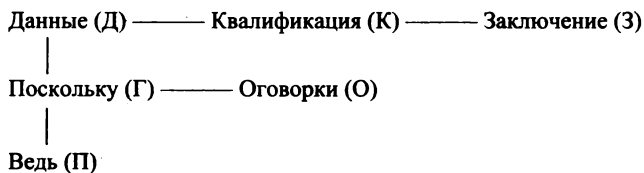
Вот передача «Момент истины». На экране Святослав Федоров требует «полной свободы» предпринимателям и доказывает, что частная собственность — естественное право человека. Что питекантроп превратился в человека именно тогда, когда получил собственность, а без нее человек превращается обратно в питекантропа. И при этом наш знаток «естественной истории» постоянно обращает внимание на то, что он — профессор. А надо бы профессору вспомнить, что при общинном строе люди (похожие на питекантропов не больше, чем самый цивилизованный предприниматель) жили в 2 тысячи раз дольше, чем при частной собственности. Но кульминацией рассуждений С. Федорова был убийственный аргумент против вмешательства государства в хозяйственную деятельность. «Экономика, — говорит С. Федоров, — это организм. А в организм вмешиваться нельзя — он сам знает, что ему лучше. Мы вот сидим, разговариваем, а печень себе работает, как надо». От кого

же мы это слышим? От профессора медицины! Да не просто врача, а хирурга! Он всю свою жизнь только и делает, что вмешивается в деятельность организма, да не с лекарствами (хотя и это очень сильное вмешательство), а со скальпелем, и прямо в глаз. Каким же расщепленным должно быть сознание человека, чтобы выбрать именно ту аналогию, которая действует прямо против его собственного тезиса.

Элементарный акт мышления всегда связан с диалогом, с позицией утверждений. Мы же наблюдаем полный разрыв с диалогичностью, полный отказ демократической интеллигенции от ответа оппонентам. Это делается с помощью самых тупых приемов — молчания или идеологических штампов (вроде «мы это уже проходили»). Все помнят, как писатель Юрий Бондарев задал Горбачеву вопрос: «Вы подняли в воздух самолет, а куда садиться-то будете?» Что здесь обидного или реакционного? Вполне естественный вопрос разумного человека. Об ответе и речи не было, но какую же ненависть вызвал Ю. Бондарев у всей либеральной интеллигенции! И ведь эта ненависть несколько на утихла сегодня, когда мы все убедились, насколько прозорлив был вопрошающий.

Отключение от рациональных критериев стало общим, массовым явлением прежде всего в среде интеллигенции. Так, интеллигенция, в общем, поддержала удушение колхозов как якобы неэффективной формы производства. И ей не показалось странным: в 1992 г. правительство Гайдара купило у российского села 21 млн. т зерна по 12 тыс. руб. (около 10 долл.) за тонну, а у западных фермеров 24,3 млн. т по 100 долл. за тонну. Почему же «неэффективен» хозяин, поставляющий тебе товар в десять раз дешевле «эффективного»? То же с молоком. Себестоимость его в колхозах до реформы была 330 руб. за тонну, а у фермеров США 331 долл.— при фантастических дотациях на фуражное зерно, 8,8 млрд. долл. в год (136 долл. на каждую тонну молока)!

Как шел процесс иррационализации, навязанный службами «архитекторов перестройки»? Не будем лезть в дебри логики и теории доказательства. Рассмотрим структуру простых логических построений, которую используют политики и средства массовой информации. Аристотель называл их энтимемами (риторическими силлогизмами) — неполно выраженными рассуждениями, пропущенные элементы которых подразумеваются. Вот схема разумного, хотя и упрощенного, рассуждения:

В популярной книге А. Моля читаем: «Аргументация определяется как движение мысли от принятых исходных данных (Д) через посредство основания, гарантии (Г) к некоторому тезису, составляющему заключение (З)». Подкрепление (П) служит для усиления «гарантии» и содержит обычно хорошо известные факты или надежные аналогии. Квалификация (К) служит количественной мерой заключения (типа «в 9 случаях из 10»). Оговорки (О) очерчивают условия, при которых справедливо заключение («если только не...»).

В митинговых, крайне упрощенных рассуждениях обычно остаются лишь главные три элемента: Д—Г—З. Но это — абсолютный минимум. Аргументация ответственных политических дебатов намного сложнее, в них требуется, например, отдельно обосновывать и выбор данных, и надежность гарантии, и методы квалификации. Что же мы наблюдали в процессе перестройки и реформы? Из аргументации были сначала полностью исключены подкрепления, оговорки и квалификации. А затем была разрушена и минимальная триада — была изъята или чудовищно искажена гарантия.

Вот уже упомянутый пример с приватизацией торговли:

- Д — в государственных магазинах нет товаров;
- Г — в частных магазинах США и ФРГ изобилие товаров;
- З — если приватизируем магазины, наступит изобилие.

Достаточно ввести в этот силлогизм мало-мальски честную оговорку: «если только дело не в доступности цен для широких масс населения», как становится очевидной несостоятельность самой гарантии: в США полки магазинов ломаются не потому, что магазины частные, а потому, что цена ограничивает покупательную способность населения. Потому и в России достигнуто «изобилие на прилавках», что резко повышены цены и снижены доходы, а вовсе не вследствие приватизации магазинов.

Но оговорка не вводится, а квалификация заменяется просьбой поверить в абсолютную надежность заключения (на этот счет А. Моль замечает: «Как показано в исследованиях массовой пропаганды, ложь должна сообщаться без всяких оговорок, лишь истина может позволить себе роскошь быть спорной»). И подготовленная таким образом публика спокойно воспринимает даже в августе 1992 г. уверения Ельцина, что с осени «начнется наполнение потребительского рынка товарами». Хотя всем было известно, каков спад производства и насколько меньше товаров поступало в розничную сеть (в 1992 г. наполнение товарами упало на 40 процентов, после того как этот показатель упал уже в 1991 г.). Сегодня правительство не может выплачивать зарплату и пенсии уже и потому, что сразу обнаружится страшный дефицит товаров и продо-

вольствия (летом 1996 г. в Воронеже «резко» выплатили долги по зарплате и пенсиям, и в два дня полки магазинов опустели).

Утрата навыка умозаключений подтверждается поразительным нежеланием среднего гражданина вникнуть в вопрос, даже когда информация вполне доступна. Вот, политики-демократы перед выборами и 1993, и 1995 годов создавали устойчивое мнение, что высокие цены на хлеб вызваны «диктатом аграрного лобби». Но ведь структура цены буханки известна, и нужные для рассуждений данные просты и доступны. Из центральных газет осенью 1995 г. можно было узнать: на четвертый квартал 1995 г. была установлена закупочная цена на пшеницу III класса твердую 600 тыс. руб. за тонну и на пшеницу мягкую ценную 550 тыс. руб. Рожь закупалась по государственной цене 350 тыс., а на рынке (бирже) по 550 тыс. за тонну.

Таким образом, хлебозаводы Москвы до Нового 1996 года платили за килограмм лучшей пшеницы 600 руб. Этого килограмма хватает, чтобы испечь две буханки, значит, на одну буханку уходило пшеницы на 300 руб. То есть «аграрное лобби» имеет касательство только к той части цены буханки хлеба, которая составляет 300 рублей. Именно внутри этой суммы сколько-то рублей может быть обусловлено давлением этого «лобби» — сумма по сравнению с ценой буханки на прилавке (3 тыс. руб.) в любом случае ничтожная.

Расходы на помол, выпечку и торговые издержки при советской системе составляли 1,1 от стоимости пшеницы. Говорят, рынок эффективнее (да и зарплата по сравнению с советским временем ничтожна). Ну пусть даже эти издержки не уменьшились. Все равно реальная себестоимость буханки хлеба на московском прилавке равна двукратной стоимости пшеницы, пошедшей на эту буханку. Значит, в конце 1995 г. эта себестоимость была равна *600 рублей*. А цена-то была *3 тысячи рублей!* «Накрутки» созданный Чубайсом невиданный в истории рынок может, разумеется, сделать сколь угодно большими — никакого отношения к ним ни колхозники, ни совхозы, ни фермеры не имеют.

То же в декабре 1993 г. Батон хлеба в Москве стоил 230 руб. Он был испечен из 330 г пшеницы урожая 1992 года. За это количество пшеницы правительство обещало селу заплатить 4 рубля. Выпечка хлеба не может быть дороже муки. Куда пошли 222 рубля из 230? Но об этом думать никто не желает — легче испугаться «аграрного лобби». И ведь положение не меняется. Сейчас, весной 2000 г., батон белого хлеба весом 380 г стоит в Москве 6 руб. Он выпечен из 200 г пшеницы. Такое количество пшеницы стоило в декабре 1999 г. на рынке 34 коп. (1725 руб. за тонну). Себестоимость превращения пшеницы в хлеб с доставкой его к прилавку равна 110% от стоимости пшеницы, то есть для одного батона 38 коп. Итого реальная

себестоимость батона равна 72 коп. А на прилавке его цена 6 руб. Таков масштаб «накруток» на пути от пшеницы до хлеба — 733%!

Предоставляю самому читателю применить простую методичку логической проверки и к другим известным лозунгам и силлогизмам (например, тому, который был положен в основу президентского указа о землепользовании конца 1991 г.: «В Голландии один фермер кормит 150 человек. — Надо не позже первого квартала 1992 г. ликвидировать колхозы. — Тогда у нас будет изобилие продуктов»).

Важным средством отключения здравого смысла был крайний тоталитаризм утверждений, которые были обрушены на головы слушателей, читателей и зрителей. Сначала из рассуждений была устранена необходимая часть энтимемы — квалификация, количественная мера утверждения. А потом мало-помалу перешли к жестким тотальным, абсолютным выводам, которые уже не допускали полутонов и поиска меры, а расщепляли реальность на черное и белое.

Когда в конституционном суде адвокат Макаров и сподвижник Сахарова С. Ковалев утверждали, что все (!) действия КПСС были преступными, и настаивали на этом, то дальнейший разговор был бесполезен — никакой разумной дискуссии при таком обращении с логикой быть не может. Помню, что когда на том суде С. Ковалев заявил: «Все действия КПСС были преступны», Зорькин так и подпрыгнул: неужели все до единого? Ну признай, что сказал ради красного словца. Нет, все до единого! Прошло два года — нисколько С. Ковалев не подрос. «Все сообщения о войне в Чечне — ложь! Все фразы, а часто и все слова до единого!» Опять недоумение у собеседника: как же такое может быть? «Да, все слова до единого — ложь!»

Но попробуйте препарировать в виде энтимемы любое крупное утверждение «архитекторов» — почти во всех видна эта логика. «Иного не дано», «Так жить нельзя», «Конституционный порядок в Чечне должен быть установлен любой ценой». Вдумались бы в смысл этих тоталитарных утверждений! Ведь они определили сам тип мыслительного аппарата этих десяти лет. Как это любой ценой? Как это иного не дано?

Конечно, это сильно действовало на массовое сознание — ведь всех этих людей нам представляли как цвет интеллектуальной элиты. Вот известный автор «историк» А. С. Ципко заявляет: «Не было в истории человечества более патологической ситуации для человека, занимающегося умственным трудом, чем у советской интеллигенции. Судите сами. Заниматься умственным трудом и не обладать ни одним условием, необходимым для постижения истины». Представляете, в СССР человек умственного труда не обладал ни одним условием для постижения истины. Ни одним! Ну раз-

ве это умозаключение человека с нормальной логикой и здравым смыслом?

А вот другой известный активист и советник президента Ельцина А. Мигранян: «Разрушая все органические связи, отчуждая всех от собственности и власти, данный режим... Вот почему никогда в истории не было такого бессилия отдельного человека перед властью». Ну как можно вести диалог с человеком, который в одном абзаце утверждает, что при советском строе был много-миллионный класс бюрократии, которая захватила собственность и власть, а в другом — что этот режим всех отчуждал от собственности и власти. И что не было во всей истории, включая правление царя Ирода и Пол Пота, большего бесправия, чем в СССР вплоть до прихода демократов. И ведь все это — без психотропных лучей.

Там, где средства массовой информации выполняют мощную и концентрированную программу манипуляции сознанием, возможности отключения здравого смысла действительно впечатляют. Сегодня мы можем довольно полно восстановить две таких программы — *антисоветскую* и *националистическую* (во многих местах они совпадали). Высказывания Ципко и Миграняна — плод антисоветской программы.

На Украине антисоветская и антирусская программа расколола общество, но свои следы оставила на массовом сознании в целом. В октябре 1997 г. я был в Киеве, и меня повели на экскурсию в Киевско-Печерскую лавру. В центре ее — руины старейшего на Руси Успенского собора. Он был взорван в конце 1941 г. Всегда считалось, что он был взорван занявшими Киев немцами, это зафиксировано на Нюрнбергском процессе. Но теперь, на волне перестройки, возникла новая «истина» — собор взорвали коммунисты, следуя приказам из Москвы. Эту версию излагают экскурсоводы, а посетители стоят и кивают. Насколько я знаю, интеллигенция Киева это проглотила, и никто не воззвал к здравому смыслу и не попытался построить логическое рассуждение.

Во-первых, зачем Москве было уничтожать христианскую святыню, если еще до начала войны в идеологии был сделан упор на патриотизм и церковь была привлечена к организации Отечественной войны? Такие крупные несовместимости главной стратегии и практических дел встречаются редко и требуют объяснения. Тут же никакого объяснения никто не дал и не потребовал.

Во-вторых, и еще более очевидно: не могут подпольщики в центре оккупированного города, да еще на этапе сокрушительных поражений своей армии, проникнуть в обнесенный стеной монастырь и заложить под стены огромного собора несколько тонн взрывчатки, а потом каким-то образом взорвать ее. Это мог бы совершить только такой герой, как малолетний Борис Ельцин, который украл гранату и бил по ней молотком, но его в Киеве в то время не было.

На этот довод отвечают: взрывчатку русские могли заложить перед отступлением из Киева. Но в самом же музее лавры висят большие фотографии: монастырь занят немцами, на экскурсиях прибыла пышная процессия, рейхсминистр Розенберг в сопровождении заместителя Украины гауляйтера Коха осматривает Успенский собор. Нелепо думать, что иерархи Рейха такого ранга придут на экскурсию в собор без того, чтобы помещение сначала осмотрели минеры. А ведь речь идет об огромных количествах тола. Поразительно, что экскурсоводы старательно тычут указкой в фотографии — вот Розенберг, вот Кох, вот вся пышная свита. А потом переходят к несуразице о русских подрывниках.

Архитектор Гитлера А. Шпеер поехал осмотреть Успенский собор и был очень раздосадован, что его уже взорвали. Он пишет в мемуарах: «На месте одной из самых знаменитых церквей Киева я обнаружил груды развалин. Мне рассказали, что при Советах здесь находился склад боеприпасов, который затем по неизвестной причине взлетел на воздух. Позднее Геббельс рассказал мне, что на самом деле рейхскомиссар Украины Эрих Кох решил уничтожить символ ее национальной гордости и приказал взорвать церковь. Геббельс был крайне недоволен его поведением».

Объяснение самих фашистов (Геббельса) вполне логично и не противоречит здравому смыслу. А пущенная версия о складе боеприпасов неубедительна. Никто бы не привез министра на экскурсию в собор, заваленный ящиками с боеприпасами (даже если бы «Советы» были такими идиотами, чтобы устраивать склад в центре Киева и именно в Успенском соборе). Кроме того, взорван именно собор, причем квалифицированно, так что стоящие рядом строения монастыря (колокольня, церкви, палаты) не пострадали. Так не может быть при взрыве склада боеприпасов. Все эти доводы сразу приходят на ум посетителю, которого предварительно не полоскали в потоке антирусской пропаганды. А люди, в этом потоке живущие, нелепостей «новой истины» не замечают. Странно, что и церковные власти (а лавра принадлежит Московской Патриархии) молчаливо потакают своим экскурсоводам.

Регресс в качестве рассуждений был вызван и тем, что реформаторы и их интеллектуальные службы стали грубо нарушать *критерии подобия*, согласно которым выбираются факты и аналогии для аргументации. Если эти критерии не соблюдаются, то силлогизм вообще остается без основания, то есть вырождается в *иррациональное* утверждение. Вспомним метафору рыночников: «нельзя быть немножко беременной». Мол, надо полностью разрушить плановую систему и перейти к стихии рынка. Но ведь никакого подобия между беременностью и экономикой нет. Более того, реальная экономика и не признает «или — или», она, если хотите, имен-

но «немножко беременна» многими хозяйственными укладами. Поскольку все указания специалистов на постоянные ошибки такого рода были реформаторами проигнорированы, речь идет о сознательных акциях по разрушению логики.

Диверсия против логики — во всех ссылках на Запад как на последний аргумент, которому все должны безоговорочно верить (не будем даже придирааться к тому, что и сама западная действительность при этом представлена ложно). Постоянно повторялось рассуждение о том, что СССР не должен производить стали больше, чем США. Смешно даже говорить о каких-то критериях подобия, дающих основание для привлечения США в качестве образца. Или, вспомним, мы слышали и слышим такое: «Британская Империя распалась — значит, и СССР должен был распаться!» И никаких обоснований. А почему сравнивают с Британской империей, а не с Китаем и не с Соединенными Штатами? Или и они должны распаться и именно сегодня? А главное, из тезиса о правомерности распада СССР с неизбежностью следует, что и Российская Федерация должна распаться — ведь она точно такая же империя, какой был СССР. Ну, чуть поменьше, но это дела не меняет.

Критерии подобия нарушаются во всех смыслах — и когда в качестве аналогии привлекают совершенно несопоставимые явления, и когда с разными мерками подходят к событиям одного порядка (как в случае суда над Хонеккером). Огромное значение для подрыва СССР имели события в Тбилиси в 1989 г. Предположим даже, что они не были провокацией и что действительно кто-то погиб от саперных лопаток десантников, которым приказали очистить площадь от митингующих. Возмущение либеральной публики просто не имело предела — армию заклеямили до всякого разбирательства. И вот организаторы того митинга, как бесстрастно сообщило телевидение, «наносят ракетно-бомбовые удары по городу Гагра». Ракетно-бомбовые! По курорту, жемчужине Кавказа! По площадям, не надеясь попасть конкретно в своих врагов-абхазов, а просто уничтожая все живое и систему жизнеобеспечения города. И никакой реакции со стороны демократов! И что поразительно — сопоставляя сегодня бомбардировку Гагры с событиями в Тбилиси, демократ опять искренне уверен, что разгон митинга был несравненно более тяжким преступлением (так и говорил А. Н. Яковлев в беседе с Карауловым в августе 1996 г.).

Демонстративно игнорируются критерии подобия и в главной социально-философской идее перестройки: отказе от *патерналистского* государства и переходе к государству либеральному. Основанием для этого опять берется аналогия с западной цивилизацией (и даже именно с ее англосаксонским крылом). Надо заметить, что в этом своем либеральном экстремизме наши демократы

отмечают даже концепцию (тоже западную) «социального государства», то есть такой ответственности государства перед гражданами, которая диктуется хотя бы соображениями безопасности. Разве не удивительно: во всей демократической прессе ни разу не дали слова таким либеральным социал-демократам, как Улоф Пальме, Вилли Брандт или Оскар Лафонтен.

Впрочем, требование изложить критерии подобия сопряжено хоть с какой-то интеллектуальной изощренностью, а наша публика легко принимает даже такие вульгарные подтасовки в силлогизмах идеологов, как т. н. «бабий аргумент». Это — предложение ложных, абсурдных альтернатив (вот классический пример спора: «Вы несправедливы к N». — «Что же, я на него молиться должна?»). Ведь на протяжении десяти лет мы видели, как любому критику проекта перестройки или реформ Гайдара—Чубайса рот затыкали именно таким аргументом: «А, так вы, значит, хотите вернуться к сталинским репрессиям!»

Вспоминая сегодня все то, что пришлось слышать и читать за последние десять лет у наших новых идеологов, можно утверждать, что они сознательно и злонамеренно подорвали существовавшую в России культуру рассуждений и привели к тяжелой деградации общественной мысли. Ее способность противостоять манипуляции была резко снижена.

§ 2. Аутизм интеллигенции

В главе 8 говорилось о том, какое место в манипуляции сознанием занимает *воображение*. Особое значение приобретает создание фантастических образов для того, чтобы увлечь массы людей, на время превращенных в толпу и потерявших чувство ответственности. В этом состоянии они обретают особый тип мышления — *аутистического*. Именно этого сумела достичь в годы перестройки идеологическая машина, и выйти из этого состояния оказалось очень нелегко.

Цель реалистического мышления — создать *правильные* представления о действительности, цель аутистического мышления — создать *приятные* представления и вытеснить неприятные, преградить доступ всякой информации, связанной с неудовольствием (крайний случай — грезы наяву). Двум типам мышления соответствуют два типа удовлетворения потребностей. Реалистическое — через действие и разумный выбор лучшего варианта, с учетом всех доступных познанию «за» и «против». Тот, кто находится во власти аутистического мышления, избегает действия и не желает слышать трезвых рассуждений. Он готов даже голодать, пережевывая свои приятные фантазии.

Для манипуляции сознанием важен тот факт, что два типа мышления не только взаимодействуют (в норме), но и находятся в конфликте. И если каким-то способом удастся отключить или подавить реалистическое мышление, то аутистическое мышление доделывает эту работу, тормозя здравый смысл и получая абсолютный перевес. Это в мягкой форме отражено в солдатской песне: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить».

Аутистическое мышление — не «бредовый хаос», не случайное нагромождение фантазий. Оно тенденциозно, в нем всегда доминирует та или иная тенденция, тот или иной образ — а все, что ему противоречит, подавляется. Для того, чтобы манипулировать сознанием путем усиления аутистического мышления, необходимо хорошо знать структуру желаний в разных слоях общества, особенно желаний навязчивых. В основном, конечно, навязчивые желания, становящиеся аутистическими тенденциями, специально культивируются в обществе с помощью всех средств культурного воздействия (в СССР, например, большую роль играли анекдоты и популярные юмористы — Жванецкий, Хазанов и др.; они недаром оказались впоследствии важными идеологическими кадрами реформы).

Главное в аутистическом мышлении то, что оно, обостряя до предела какое-либо стремление, нисколько не считается с действительностью. Поэтому в глазах людей, которые сохраняют здравый смысл, подверженные припадку аутизма люди кажутся почти помешанными. В главе 6 уже приведен хорошо изученный случай массовой приверженности аутистическому мышлению — вера в получение огромных дивидендов от фирмы «МММ». Но ведь это был типичный случай. Просто манипуляторы в разных случаях эксплуатировали разные тенденции и стремления.

Вот простой пример того, как в массовое сознание накачивался аутизм. Летом 1991 г. несколько научных групп провели расчет последствий «либерализации цен», которую осуществил уже Ельцин в январе 1992 г. Расчет проводился по нескольким вариантам, но общий вывод дал надежное предсказание, оно полностью сбылось в январе. Результаты расчетов были сведены в докладе Госкомцен СССР, доклад этот в печать допущен не был, специалисты были с ним ознакомлены «для служебного пользования». Но дело не ограничилось умолчанием. Одновременно с появлением этого доклада в массовую печать дали заключения «ведущих экономистов», которые успокаивали людей.

Так, популярный «Огонек» дал такой прогноз корифея рыночной экономики Л. Пияшевой: «Если все цены на все мясо сделать свободными, то оно будет стоить, я полагаю, 4—5 руб. за кг, но появится на всех прилавках и во всех районах. Масло будет стоить

также рублей 5, яйца — не выше полутора. Молоко будет парным, без химии, во всех молочных в течение дня и по полтиннику» — и так далее по всему спектру товаров. Молоко парное (!) в течение всего дня — не чудеса ли.

Разумеется, весь этот прогноз — чистойшей воды манипуляция. Она вопиюще груба, казалось, ни один здравомыслящий человек не должен был поверить этому «прогнозу». Но сознание людей было уже настолько подготовлено к тому, чтобы верить в самые нелепые приятные фантастические образы, что читатели «Огонька» действительно верили Л. Пияшевой. И даже сама жестокая реальность либерализации цен, при которой мясо быстро поднялось в цене до 20 тысяч (!) рублей, нисколько эту веру не поколебала. Л. Пияшева уже после 1992 г. стала доктором экономических наук и признанным «экспертом» в области российской экономики.

Вспомним один из фундаментальных лозунгов перестройки, который противоречит элементарной логике, но был с восторгом воспринят интеллигенцией. А. Н. Яковлев выкинул его в августе 1988 г.: «Нужен поистине тектонический сдвиг в сторону производства предметов потребления». Этот лозунг, который прямо вызвал к аутистическому мышлению, обосновывал начавшееся разрушение хозяйства (советский строй подрывался прежде всего с этого края). Лозунг А. Н. Яковлева сразу претворился в резкое сокращение капиталовложений. Была остановлена наполовину выполненная Энергетическая программа, которая надежно выводила СССР на уровень самых развитых стран по энергообеспеченности (сегодня Россия по обеспеченности этим необходимым для любого хозяйства ресурсом быстро опускается ниже стран «третьего мира»). А ведь простейшие выкладки показали бы неразумный, с точки зрения интересов населения, характер лозунга А. Яковлева.

Человек с реалистическим сознанием спросил бы себя: каково назначение экономики? И ответил бы: создать надежное производство основных условий жизнеобеспечения, а затем уже наращивать производство «приятных» вещей. Что касается жизнеобеспечения, то, например, в производстве стройматериалов (для жилищ) или энергии (для тепла) у нас не только не было избыточных мощностей, но надвигался острейший голод. Да и вся теплосеть страны была в ужасном состоянии, а это — металл. Проблема продовольствия прежде всего была связана с большими потерями из-за бездорожья и острой нехватки мощностей для хранения и переработки. Закрывать эту дыру — значило бросить в нее массу металла, стройматериалов и машин. Транспорт захлебывался, героическим трудом железнодорожники в СССР обеспечивали провоз через километр пути в шесть раз больше грузов, чем в США, и в 25 раз больше, чем в Италии. Но близился срыв — не было металла даже для

замены изношенных рельсов и костылей. И на этом фоне «архитектор» призывал к «тектоническому» изъятию ресурсов из базовых отраслей, гарантирующих и выживание, и возможность производства товаров потребления. Еще поразительнее та легкость, с которой был проглочен совсем уж нелепый тезис: надо сократить производство стали, ибо СССР производит ее больше, чем США.

Аутизм нашей интеллигенции достиг в перестройке небывалого уровня. Ведь действительно она всерьез поверила в фантазию «возвращения в цивилизацию», в «наш общий европейский дом». Думаю, сам Горбачев не мог ожидать такого эффекта от совершенно нелепого обещания. Ведь на Западе никто и никогда ни словом не обмолвился, не дал оснований считать, будто Россию в этот «дом» приглашают. Эта фантазия «братания с Западом» не согласовывалась ни с какими реальными признаками, сейчас даже трудно представить себе, что в 1989—1990 гг. множество умных и образованных людей в нее верили.

Моя знакомая испанская журналистка, хорошо знающая русский язык, получила работу в одном международном информационном агентстве и объехала много областей России и страны СНГ, беря интервью у губернаторов и президентов. Когда она уезжала, я спросил ее о впечатлениях. Больше всего ее поразила одна вещь: буквально все до одного «региональные и национальные лидеры» спрашивали ее с обидой: «Почему Запад нам не помогает? Когда хлынут западные инвестиции?» Она не могла понять, откуда взялась сама эта иллюзия, и спрашивала меня: «Сергей, ты ведь помнишь, что никто на Западе никогда не обещал никакой помощи?» Да, никто и никогда. Более того, были ясные предупреждения, что никаких надежд русские питать не должны: *Рим предателям не платит!* В 1990 г. я не раз слышал эту фразу со всяких круглых столов высокого ранга на Западе.

Сейчас нам уже не говорят, что Запад любит русских, но ведь еще недавно говорили. Перестройка, действительно, была принята на Западе с восторгом, но длился он недолго. Запад быстро понял, что цель (пусть примитивно понятая) достигнута, а с перестройкой занесло не туда — и в январе 1990 года как по команде (а скорее всего именно по команде) западные пресса и телевидение сменили пластинку. Сам этот маневр наводил ужас: как можно изменить направление такой махины, как средства информации целой цивилизации, буквально за неделю! Русская тема была «снята с экрана». СССР просто перестал существовать. Информация пошла исключительно негативная, как будто куда-то исчезли обычный балет, наука, демократия и даже пейзажи. Остались только образы пустых прилавков, преступность, проституция и консерваторы. Одновременно пошла волна антисоветских (на деле антирусских) фильмов. И опять поражает динамизм — волна фильмов уже 1990 года.

И возникла парадоксальная ситуация: в результате ликвидации социализма отношение к русским на Западе в целом резко ухудшилось. Дело в том, что средний класс Запады (а именно он и виден на поверхности) делится на две группы: тяготеющих к социал-демократии и буржуазных консерваторов. Во времена СССР первые любили русских как «строителей социализма», а вторые жалели русских как жертв тоталитарного режима. Например, на всех научных конгрессах деньги на пребывание советских ученых давали как правые, так и левые, каждый по своим мотивам. Сегодня левые ненавидят русских как «предателей социализма». А правые уже не обязаны жалеть освободившихся от тоталитаризма русских и видят в них попрошайек, скрытых номенклатурщиков или мафиози. Но разве наша интеллигенция подвергла анализу свои грезы наяву?

Плодом аутистического мышления был и созданный воображением интеллигентов образ той *свободы*, которая наступит, как только будет сломан «тоталитарный» советский строй. Никаких предупреждений о возможных при такой ломке неприятностях и слышать не хотели. Между тем любой реалистично мыслящий человек знает, что любая конкретная свобода возможна лишь при условии наличия целого ряда «несвобод». Абсолютной свободы не существует, в любом обществе человек ограничен структурами, нормами — просто они в разных культурах различны.

Но эти вопросы не вставали — интеллигенция буквально мечтала о свободе червяка, не ограниченного никаким скелетом. В статье «Патология цивилизации и свобода культуры» (1974) Конрад Лоренц писал: «Функция всех структур — сохранять форму и служить опорой — требует, по определению, в известной мере пожертвовать свободой. Можно привести такой пример: червяк может согнуть свое тело в любом месте, где пожелает, в то время как мы, люди, можем совершать движения только в суставах. *Но мы можем выпрямиться, встав на ноги, — а червяк не может.*»

Представления нашей интеллигенции о свободе оказались предельно аутистическими. Никаких размышлений о структуре несвободы, о ее фундаментальных и вторичных элементах не было. Ломая советский порядок и создавая хаос, интеллигенция, как кролик, лезла в ловушку самой примитивной и хамской несвободы.

Вспомним, что в 1988 г. большая часть интеллигенции посчитала самым важным событием года акт свободы — «снятие лимитов на подписку». Этому мелкому акту было придано эпохальное значение. Что же получил средний интеллигент в итоге? Напомню молодым: при дешевых ценах в СССР были лимиты на подписку газет и журналов, квоты давались по предприятиям, иногда люди тянули жребий. Для интеллигенции это было символом тоталитарного гнета. Она просто не желала видеть: сама вошедшая в традицию потребность выписывать газеты и толстые журналы была по-

рождением советского «тоталитаризма». И средняя культурная семья выписывала 3—4 газеты и 2—3 толстых журнала — ничего похожего и быть не может на свободном Западе¹. «Литературная газета» выходила тиражом в 5 млн. экземпляров!

Убив «тоталитаризм», интеллигенция доверила новому режиму чисто рыночными средствами наложить такие лимиты на подписку, что на 1997 г. «Литературная газета» имела лишь 30 тыс. подписчиков! Демократические журналы выходят лишь благодаря фонду Сороса, тираж «Нового мира» упал с 2,7 млн. в советское время до 15 тыс. в 1997 г.

Из этого мелкого факта видно, что важным истоком кризиса было расщепление сознания интеллигенции и господство аутистического мышления, созданное перестройкой: строя в воображении приятный образ свободы на определенном поле («свободная подписка»), интеллигенция здесь же и моментально «производила» несвободу колоссальных масштабов.

Господство аутистического мышления при глубоком расщеплении логики («шизофренизация сознания») породило небывалый в истории проект разрушения народного хозяйства огромной страны под условным названием *реформа*. Этот проект был бы невозможен, если бы его не поддержал с энтузиазмом чуть не весь культурный слой, на время увлекший за собой большинство городских жителей.

Перестройка средствами идеологического воздействия внушила массам идею ликвидировать советский тип хозяйства и пообещала взамен обеспечить народу благоденствие. Интеллигенция приложила огромные усилия, чтобы эта идея «овладела массами», и она добилась своего. И при этом сразу же проявилась родовая болезнь русской интеллигенции — в своих философско-экономических воззрениях она придает гипертрофированное значение распределению в ущерб производству.

С. Л. Франк видит корни «распределительного» мировоззрения радикальной интеллигенции в метафизике, в утрате религиозного чувства и увлечении западным механицизмом. Но, как мы уже отмечали в главе 6, говоря об уязвимости рационального мышления, это и создает предрасположенность к скатыванию в аутизм.

¹ Пишет в «Правду» читательница из Екатеринбурга, учительница: «Почему допустили эту скотскую жизнь? Ведь никогда богато не жили, но духовная жизнь была богатой. Муж мой рабочий-станочник, 150—170 руб. максимум. Но мы ехали в оперный театр, заказывали на обратную дорогу такси, в буфете покупали сласти. Выписывали — ночью считала — десяток газет: «Правда», «Литературная газета», «Известия», «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Пионерская правда», «Уральский рабочий», «На смену». «Вечерку» муж покупал, идя с работы. А журналы? Их тоже выписывали не меньше десяти. Сейчас в ларьке покупаем «Правду» одну на четверых, «Советскую Россию» выписываем одну на троих».

С. Л. Франк пишет: «Социальный оптимизм [интеллигенции] опирается на механико-рационалистическую теорию счастья. Проблема человеческого счастья есть, с этой точки зрения, проблема внешнего устройства общества; а так как счастье обеспечивается материальными благами, то это есть проблема распределения. Стоит отнять эти блага у несправедливо владеющего ими меньшинства и навсегда лишить его возможности овладеть ими, чтобы обеспечить человеческое благополучие... Если из двух форм человеческой деятельности — разрушения и созидания, или борьбы и производительного труда — интеллигенция всецело отдается только первой, то из двух основных средств социального приобретения благ (материальных и духовных) — именно распределения и производства — она также признает исключительно первое. Подобно разрушению, распределение, в качестве механического перемещения уже готовых элементов, также противостоит производству, в смысле творческого созидания нового».

Это и есть крайний аутизм в хозяйственной сфере: распределять (а тем более прихватывая себе побольше) легко и приятно, производить — трудно и хлопотно. И стали фантазировать о распределении, подавляя всякое производство. Фетишизация рынка (механизма распределения) началась с 1988 года, но уже и раньше состоялась философская атака на саму идею жизнеобеспечения как единой производительно-распределительной системы. Можно даже сказать, что здесь речь идет уже даже не о мышлении, а о целом аутистическом мироощущении.

С точностью патологоанатома отразил это мироощущение в «Этике нигилизма» С. Л. Франк. Для радикальной интеллигенции «работа над устройством человеческого счастья... сводится к расчистке, устранению помех, т. е. к разрушению. Эта теория — которая, кстати сказать, обыкновенно не формулируется отчетливо, а живет в умах как бессознательная, самоочевидная и молчаливо подразумеваемая истина, предполагает, что прогресс не требует собственно никакого творчества или положительного построения, а требует лишь ломки, разрушения противодействующих внешних преград».

Парадоксальность аутистического мышления в том, что оно делает возможным веру в противоположные, несовместимые и взаимоисключающие фантазии. Перестройка дала тому чистые, прямо для учебника, примеры. Желание устроить в СССР капитализм удивительным образом совмещалось с мечтой о «лишении привилегий», полной социальной справедливости и даже уравнительстве. Иногда отрицающие друг друга тезисы следовали друг за другом буквально в одном абзаце. Бывало, что в статье на экологические темы автор возмущался тем, что высыхает Аральское море, — и одновременно проклинал проект переброса в Среднюю Азию части стока северных рек.

Создатель учения об аутизме Э. Блейлер пишет: «Нас не должно удивлять, что аутизм пользуется первым попавшимся материалом мыслей, даже ошибочным, что он постоянно оперирует с недостаточно продуманными понятиями и ставит на место одного понятия другое, имеющее при объективном рассмотрении лишь второстепенные общие компоненты с первым, так что идеи выражаются в самых рискованных символах».

Продираться через эти ловушки рискованных символов людям трудно. Читаешь программы партий — чего только не накручено. Вот «Конгресс русских общин». Каковы его цели? Создание гражданского общества! Но ведь это — антипод общины, тем более русской. Гражданское общество и община несовместимы, как лед и пламень. Эта программа — плод аутистического мышления.

А взять такие «рискованные символы», как рынок или демократия. У массы людей идеологи создали самые превратные, внутренне противоречивые представления об этих понятиях, совершенно несовместимые ни с реальностью тех обществ, откуда они были взяты, ни с реальностью России. Почему же они привились на нашей почве, разрушив всякую связную общественную мысль? Потому, что сначала людей смогли загнать в такой мыслительный коридор, в котором структуры аутистического мышления господствуют над здравым смыслом. И люди строят в своем воображении фантастические образы и рынка, и демократии.

Э. Блейлер продолжает: «Поразительно также, насколько аутизм может игнорировать временные соотношения. Он перемешивает бесцеремонно настоящее, прошедшее и будущее. В нем живут еще стремления, ликвидированные для сознания десятки лет тому назад; воспоминания, которые давно уже стали недоступны реалистическому мышлению, используются им как недавние, может быть, им даже отдается предпочтение, так как они меньше наталкиваются на противоречие с актуальностью... Само собой разумеется, что аутизм, который изображает наши желания осуществленными, должен приводить к конфликтам с окружающей средой».

Наблюдая, что происходило последние десять лет в сфере общественного сознания, иногда приходишь к дикой мысли, что являешься свидетелем огромной злонамеренной государственной кампании, направленной на помрачение разума большей части граждан. Людей убедили, что для преодоления накатывающей катастрофы нужны были не усилия ума, души и тела, а несколько магических слов, которые бы вызвали из исторического небытия мистические силы, разом дающие большие блага для настоящего и будущего. Причем блага, просто отнятые у других современников.

Одной из самых нелепых фантазий такого рода было бурное и утопическое возрождение сословных притязаний. Откуда ни возьмись, Москва наполнилась дворянами, а то и потомками графов и

князей. Возникли конкурирующие дворянские собрания, поиски родословных, певцы загнусавили о каких-то поручиках Голицыных — все это под флагом демократии. И под стенания о том, что большевики поголовно уничтожили дворян, а остатки их («два миллиона!») уехали за границу. И даже как-то стесняешься напомнить этим большим детям, что в 1917 г. всех дворян, включая обитателей ночлежек, в России было 1,4 миллиона человек. И что большинство из тех, кто уцелел, — нормальные люди, и им в голову не приходит тащить в наше время эти оставшиеся в прошлом словесные атрибуты.

Но это движение «новых дворян» хоть и выглядит гротеском, все же безобидно. Вряд ли они всерьез будут требовать восстановления крепостного права (хотя бы потому, что тогда, глядишь, таким антикоммунистам, как А. Н. Яковлев или Михаил Ульянов, придется идти в псарь к коммунисту родом из аристократии Севернанду). А вот раздутая кучкой интеллигентов вкупе с политиками и бандитами кампания в защиту прав «репрессированных народов» породила большую кровь. Тридцать лет мирно жили вернувшиеся из ссылки ингуши бок о бок с осетинами. И вдруг их начали всей мощью идеологической машины убеждать, что они — народ-жертва и имеют право на какие-то невыдуманные компенсации за счет соседей. И ущерб, который уже понесли оба народа из-за абсурдного столкновения, в тысячи раз превзошел тот ожидаемый выигрыш, что нарисовало воображение.

Массовый сдвиг от реалистического мышления к аутистическому заметить было не просто даже тем, кто этим сдвигом не был затронут. В отличие от шизофрении, которая оперирует явно оторванными от реальности образами и обнаруживает отсутствие логики, аутизм, как отмечает Э. Блейлер, «отнюдь не пренебрегает понятиями и связями, которые даны опытом, но он пользуется ими лишь постольку, поскольку они не противоречат его цели, т. е. изображению неосуществленных желаний как осуществленных; то, что ему не подходит, он игнорирует или отбрасывает». Иными словами, аутизм заменяет реальность моделью, но эта модель по-своему логична и даже респектабельна. Она напоминает построения ученого, и для интеллигенции она привлекательнее, чем «реалистичное, охватывающее неприятные стороны действительности, мышление кухарки». Кстати, типично аутистическим мышлением были проникнуты выступления в Верховном Совете СССР академика А. Д. Сахарова.

Сдвиг к аутистическому мышлению в нашем обществе был «организован» средствами манипуляции сознанием. Этому способствовал и общий кризис, всегда толкающий к аутизму как возможности спрятаться от страшной действительности. Психологи довольно хорошо изучили этапы становления, начиная с раннего

детства, двух ветвей мышления и обнаружили, что начиная с некоторого возраста реалистическое мышление становится более развитой, более сложной структурой. При общем нарушении психики под воздействием кризисов и социальных катастроф реалистическая функция поражается, как правило, сильнее.

Э. Блейлер объясняет: «Реалистическое мышление работает не с одной только прирожденной способностью («интеллект»), но и с помощью функций, которые приобретены путем опыта и упражнения. Как показывает практика, такие функции могут быть гораздо легче нарушены, нежели те, которые заложены в организме. Совершенно иначе обстоит дело с механизмами, которыми пользуется аутизм. Они являются прирожденными. Аффекты, стремления оказывают с самого начала на нашу душевную жизнь такое же воздействие, какое управляет и аутистическим мышлением».

Таким образом, общественное сознание России под ударами кризиса страдает, переживает болезнь. Те политики и идеологи, которые в своих целях усугубляют болезнь, используют ее для манипуляции и обмана, берут на себя очень большой грех.

Для примера приведу, не пожалую места, красноречивый документ — интервью очень типичного активного деятеля перестройки и реформы, из среды технической интеллигенции, социалиста, влюбившегося в рынок и пошедшего в политику, чтобы разрушить ненавистную «систему». По мышлению революционер, он поразительным, почти гротескным образом подтверждает диагноз и С. Л. Франка, и Э. Блейлера. Аутизм его рассуждений поражает настолько, что становится страшно. Ведь это человек, который был близко к власти. Вчитайтесь в его высказывания о таких понятиях, как страна, народ, благосостояние. Вся беда России, оказывается, в том, что «торговых площадей мало». Текст взят из стенографической записи интервью с видными деятелями перестройки и реформы, собранными в 1994 г. Институтом социологии РАН¹. Я сократил его, убрав длинноты, но несколько не исказив смысл ответов.

«4 января 1994 г.

Интервьюер — Лапина Г. П.

ФИЛИППОВ Петр Сергеевич — член Президентского Совета, руководитель Аналитического центра Администрации Президента РФ по социально-экономической политике, сопредседатель Республиканской партии России, вице-президент Всероссийской ассоциации приватизируемых и частных предприятий.

¹ Удача в том, что Институт социологии продавал отчет в необработанном виде (недешево) — все, что наговорили «деятели». В книге, вышедшей в конце 1995 г., их интервью отредактированы. Сегодня, конечно, таких откровений от реформаторов уже не услышишь — восторг победы схлынул, и говорят они осмотрительнее.

Краткие биографические сведения. Родился в 1945 г. в Одессе в семье военного моряка. В 1962 г. закончил среднюю школу и поступил в Ленинградский институт авиационного приборостроения, который закончил в 1967 г. по специальности инженер-радиотехник. Работал в объединении Ленэлектронмаш над созданием автоматизированных систем управления производством, возглавлял лабораторию на Кировском заводе в Ленинграде. В 1970 г. поступил в аспирантуру Ленинградского кораблестроительного института по специальности экономиста и организация судостроительного производства. После ее окончания в 1974 г. возглавил отдел автоматизированных систем управления производством на заводе подъемно-транспортного оборудования им. С. М. Кирова.

С 1975 по 1985 г. находился во «внутренней эмиграции» — работал механиком в грузовом автопарке, что позволяло в свободное время писать «в стол» статьи о путях радикального реформирования советской политической и экономической системы. В эти годы создал семинар по изучению возможных путей реформы. Участники семинара впоследствии объединились в товарищество по совместной обработке земли «Последняя надежда», часть доходов которого направили на финансовую поддержку реформаторов на выборах в 1989—1990 гг.

После прихода к власти Горбачева в 1985 г. вышел из «тени» и занялся активной политической деятельностью. В 1987 г. начал работать в самом популярном экономическом журнале «ЭКО» (Сибирского отделения АН СССР) в качестве научного редактора, что позволило ему использовать сеть клубов «Друзей журнала ЭКО» для консолидации сторонников реформ. Петр Филиппов стал совместно с Е. Гайдаром и А. Чубайсом организатором клуба «Перестройка», ставшего alma mater для многих демократических организаций. Стоял у истоков движения «Демократическая Россия» и Республиканской партии РФ, а ныне — член их руководящих органов.

Одной из сторон деятельности Петра Филиппова является широкомасштабная пропаганда среди населения идей демократии и экономической реформы. Он создал первую в Санкт-Петербурге частную газету демократического направления «Невский курьер», издал серию популярных брошюр «Норма» по законодательству в области предпринимательской деятельности, приватизации, банковского дела. Накануне апрельского референдума 1993 г. Петр Филиппов стал автором и организатором грандиозной кампании по распространению среди жителей России 6 млн. экз. настенных иллюстрированных календарей, популяризирующих экономическую реформу, выступил продюсером и сценаристом 9 короткометражных телефильмов на тему рыночной реформы и демократии.

В 1990 г. избран народным депутатом РСФСР и депутатом Ленсовета. Он вошел в состав группы экономистов-рыночников, осуществляющих экономическую реформу в России. В 1991 г. принимал участие в разработке законов о собственности и предпринимательской деятельности, возглавлял рабочие группы по разработке законов о приватизации, об акционерных обществах, о товариществах. До 30 апреля 1993 г. был председателем подкомитета по приватизации Комитета по вопросам экономической реформы и собственности Верховного Совета России.

Осенью 1992 г. выступил инициатором создания Всероссийской ассоциации приватизируемых и частных предприятий, возглавил ее Оргкомитет. В феврале 1993 г. президентом этой ассоциации стал Е. Гайдар, а вице-президентом П. Филиппов. В феврале 1993 г. назначен руководителем Аналитического центра Администрации Президента РФ по социально-экономической политике.

* * *

Вопрос: Об исторической ситуации в России.

Ответ: Что было? Я имею в виду, что для простого человека означала командно-административная система? Это были взаимоотношения по тезису: «Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак». Экономика работала не на результат, а на рапорт, на отчет, на исполнение плана. Экономика напоминала человека, больного тяжелой формой склероза. Все экономические сосуды были «забиты» ресурсами. Но даже среди бюрократии теплилась надежда, что, может быть, можно перейти от этих государственно-распределительных отношений к отношениям, основанным на частной собственности, на собственности гражданина не только на свою дачу и машину, но и на что-то большее.

В: А зачем это бюрократии?

О: Директор государственного предприятия — всего лишь наемный работник и в любой момент может получить приказ об увольнении. И поэтому переход к отношениям частной собственности, когда никто не может лишиться человека акцией его предприятия или участка земли, на котором расположено его ранчо, казался привлекательным. И он действительно более привлекателен... Так вот, я не видел среди этих людей (директоров предприятий) больших революционеров, т. е. людей, которые были бы готовы жизнь положить ради изменения собственности в обществе. Это делали другие люди — разночинцы (я их так называю): инженеры, юристы, прочая интеллигенция...

В: А вы почему?

О: А я? Это идейные соображения... Я понял, что дальше так жить нельзя, нужно что-то менять, и сел писать книгу с традицион-

но русским названием «Что делать?», в которой попытался совместить несовместимое. Я все еще находился в плену социалистических идей: социализм, что называется, вьелся в плоть и кровь. Но, с другой стороны, хотелось рынка! И в результате у меня получался некий социалистический рынок с человеческим лицом. Примером для меня была Югославия... Я ушел работать механиком в автопарк — «во внутреннюю эмиграцию» — и продолжал писать свою книжку, организовывал семинары, а также зарабатывал деньги для будущей революции. В 1975 г. мы создали кооператив, точнее товарищество по совместной обработке земли «Последняя надежда»: мы там выращивали рассаду и тюльпаны. Деньги нам были нужны для типографии и прочих нужд...

В: А лозунг вашей революции?

О: Изменить этот мир! Переустроить страну.

В: Проект революции был оценен по достоинству?

О: Да, можно так выразиться. Но возвратимся к началу. В 1985-м — начале 1986 г. стало ясно, что происходят какие-то серьезные сдвиги в нашей стране. Поэтому я вышел из своей «внутренней эмиграции» и поехал по России устанавливать явки. Таким образом я перезнакомился с очень многими людьми... Когда, например, я убедился в том, что никто не собирается писать закон о приватизации, я написал его сам... и с великими трудностями протащил этот закон через Верховный Совет: так у нас началась приватизация. Провел я закон о частной собственности...

В: Ну и действуют эти законы?

О: Закон о приватизации, слава богу, действует! Это все видят, хотя бы по телевизору... Егор Гайдар — хороший человек, но он сел на ту лавку, которую мы для него сколотили из законов, принятых за полгода до того, как он стал исполняющим обязанности премьер-министра. Ну и к кому отнести, например, меня? Я — разночинец, инженер-радиотехник, который увлекся экономикой. Вот такие, как я, делали эту реформу...

В: Они [разночинцы], стало быть, и есть ведущее ядро?

О: Да. Ну, смотрите, Собчак — кто? Кандидат юридических наук, пришел и стал заниматься политической деятельностью. Полторанин (как бы вы к нему ни относились) — кто? Обычный журналист, пришел и, в сущности, занялся разрушением коммунистической системы. Ведь его основная функция — не журналистская, а политическая, верно ведь?

В: Петр Сергеевич, а ваша основная задача все-таки в чем состояла? В том лишь, чтобы разрушить советскую систему или что-то конкретное вместо нее построить?

О: Ну что значит «разрушить»? Я перечислил, что сделал, — разве это не строительство?

В: Отчасти да. Вы как бы закладываете законодательный фундамент, который пока еще...

О: Работает, уже работает. А как же! Вот вы — акционер? Нет? Удивительно, теперь все акционеры, все меняют: кто ваучеры, кто деньги, кто что... Люди на основании этого законодательного фундамента создавали, создают и будут создавать предприятия, повышать свой жизненный уровень, а также своих сограждан. Еще в 1991 г. я создал первую частную газету в Санкт-Петербурге — «Невский курьер». Все остальные газеты были тогда еще государственными, а у нас была частная, и нам с ее помощью удалось резко повлиять на развитие общественного мнения в городе (а позже и в Москве), создать предпосылки для большого развития демократии. Чтобы открыть газету, мы объединились в акционерное общество, которое существует до сих пор (там работают мои коллеги), выпускает книги, календари, брошюры и прочее... Другое дело, что конкуренции недостаточно и наш товарный рынок не ломится, как в Гетеборге или других странах...

В: Если он и ломится временами, то только от импортных товаров...

О: Ну а что тут удивительного, если страна 80% своих производственных мощностей тратила на изготовление танков и станков.... Другое дело, конечно, что деньги стали проблемой. Правда, наш народ — очень своеобразный народ: ему хочется, чтобы и деньги были, и товар. Такого не бывает!

В: По тому, что вы говорите и как действуете, очевидно, что вы представляете собой личность «западного склада» — индивидуальность, стремящуюся к самостоятельности, не склонную целиком подчиняться коллективным действиям. Вы, что называется, «сами по себе». Вы же не будете отрицать этот очевидный факт?

О: Я, конечно, никогда не буду представителем «стада баранов»!.. Но народ таков, каков он есть. Ничего страшного — переживем и одиночество... Но вот пацаны, слава богу, растут и готовы стекла у машин мыть, но получать за это деньги! Другие — те, кто поумнее, — готовы корпеть над языком, наукой, но тоже получать, жить достойно! Я не понимаю, как это — не хотеть иметь своей яхты, не хотеть путешествовать по миру, летать на самолетах, ездить на автомашинах? Женщина, которая не умеет водить автомашину, для меня уже не женщина!

В: Разве Вам не очевидно, что очень большая часть населения не за вас, она (эта часть) ищет какого-то другого пути, не важно, как его называют: «национальный», «российский», «третий»?

О: Конечно, тогда надо продолжить разговор о чертах нашего общества. Мы пока упомянули такую черту, как «инертность», но есть еще и другие: «эгалитаризм», «ненависть к начальству, даже избираемому», «ненависть к богатым; убеждение, что богатый человек может быть богатым только путем хищений или каких-то других неблагоприятных действий», «зависть — пусть у меня корова

сдохнет, но и у моего соседа тоже»... Эта уравнилельная система взглядов, в которой нет личной заинтересованности, конкуренции, обрекает народ на нищенское существование. Исторически ей на смену пришла другая этика, основанная на конкуренции, на частной собственности... И в России этот процесс шел. Были люди, которые вместе со своими семьями покидали род, племя — сами (и становились «извергами») или были принуждены соплеменниками (и становились «изгоями») — и обосновывались отдельно. Но старое цепляется, и человек, не привыкший, не умеющий работать («серятинка»), хватается за уравнилельный механизм и требует, чтобы все собирали и поровну делили. Старое цепляется, но его надо преодолевать.

В: Петр Сергеевич, нельзя же всерьез утверждать, что наше народонаселение не работает и никогда не работало. Ну, возьмите, к примеру, своих родителей — небось, они всю жизнь проработали...

О: Артель «напрасный труд»...

В: Однако люди, подчеркиваю, трудились не покладая рук и кое-что, осмелюсь заметить, построили.

О: Да закапывали деньги в землю, закапывали... Построили БАМ, канал Волга—Чограй, никому не нужные.

В: Что бы вы ни утверждали, но в стране много чего было, да и страна была большая...

О: Какой была, такой и осталась.

В: Нет, даже с этой стороны нет — уменьшилась.

О: При чем здесь это? Люди, жившие в Казахстане, по-прежнему там живут? Кто где жил, тот там и живет.

В: Однако, если вернуться к сегодняшнему дню, не все так однозначно, как вы говорите. Если по ходу реформ стало бы ясно, что лучше становится именно лучшим работникам, это было бы одно. К сожалению, этого нельзя констатировать.

О: Это естественно. В нашей экономике узкое место — это торговля: у нас в три раза меньше торговых площадей, чем, например, в Японии. Нам здесь еще работать и работать. Хотите хорошо жить — займитесь торговлей. Это общественно-полезная деятельность. И так будет до тех пор, пока будет существовать дефицит торговых площадей, а еще вернее, мы испытываем дефицит коммодитов.

В: А как вам кажется, можем ли мы рассчитывать на «мягкую» трансформацию общественных форм? Без каких-либо серьезных социальных потрясений?

О: А разве у нас они есть?

В: Ну как же — все-таки октябрьские события имели место?

О: Да ничего там страшного не было...

В: Тогда я спрашиваю вас, как обычный средний человек: можете ли вы сказать, когда в стране все образуется?

О: А что это значит: «образуется», на сколько градусов? И сейчас все образовано. У нас что — трамваи не ходят?

В: Ну хорошо. Тогда договорим все-таки о группах в обществе, имеющих отношение к собственности и власти. Если проще: какая из этих групп сейчас сильнее, чиновники, директора, предприниматели?

О: Да мы все — чиновники. Просто есть чиновники, ориентированные на реформы, — их мало, считанные единицы. А большинство, вся чиновничья структура живет за счет распределения... Да я их всех к стенке поставлю с великим удовольствием.

В: Ясно, в смысле интересно...»

К этому нечего добавить. Может, напомнить только, что не все надо принимать за чистую монету¹.

Сегодня никто уже почти не вспоминает про интеллигенцию, говорят теперь о «среднем классе». Он составляет около 15% населения и поглощает 70% всех доходов в России. Многочисленные исследования этого необычного социального образования обнаружили в его сознании крайнюю степень аутизма. Кстати, уже и по типу мышления этот тип людей никак нельзя причислить к буржуазии — классу людей с очень практичным мышлением. Уже в течение восьми лет представители российского «среднего класса» в подавляющем большинстве оценивают при опросах экономическое состояние страны как «катастрофическое». Тем не менее они уверены, что через 4—5 лет все наладится и их будущее будет обеспечено. Попытки выяснить, на чем основано это их убеждение, к успеху не приводят. Они явно надеются на чудо (вернее, на целую серию чудес), но в этом не сознаются. Другими словами, поражение их сознания глубже, чем было у немцев в 1944 г., — те надеялись на чудо-оружие, создание которого хотя бы декларировалось руководством Германии. В России «средний класс» верит в чудо, которого никто и не обещает.

§ 3. Создание некогерентности (несоизмеримости частей реальности)

Человек может ориентироваться в жизненном пространстве и разумно судить о действительности, когда отдельные элементы реальности соответствуют друг другу и соединяются в систему — они *когерентны*, соизмеримы.

¹ Не на деньги, вырученные от продажи тюльпанов Чубайсом и Филипповым, делалась «революция», и не на волне этой «революции» всплыли к власти скромные кандидаты наук — множество таких же бескорыстных идеалистов, как Филиппов, так и стоят в метро, продают календарики. Тут поработали серьезные «отделы кадров». Мы здесь говорим только о типе мышления, которым обладают (или под который подлаживаются) реформаторы.

Идеал порядка — гармония, когда части целого не только взаимосвязаны, но и «любят» друг друга, подходят друг к другу по форме и поведению. Если бы такое было, мы бы воскликнули: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Но идеалы, слава богу, недостижимы, и возникают кризисы — местные нестыковки, разрывы связей, так что целое, занимаясь ремонтом неполадок, развивается. Но в России не кризис, мы уже втянулись в зону катастрофы. Это — возникновение обширных зон хаоса, который проникает в сердцевину целого, уже виден во всех его частицах. Это — вдруг возникшая несоизмеримость частей, так что связи не могут и восстановиться.

Вспомните шедевр нашего масонского искусства, фильм Карена Шахназарова «Город Зеро» (масонское искусство — не ругательство, а жанр). В городе Зеро простого советского человека, командированного инженера Варакина, в два счета вышибли из колеи и довели до гибели, поместив в три-четыре абсурдные ситуации (ниже мы подробнее поговорим об этом фильме).

Пожар в доме — не катастрофа, а кризис. Хаос локализован, он — в горящих конструкциях дома, а люди орудуют топором, тащат ведра с водой, выносят вещи. Части целого соизмеримы друг с другом — это порядок, хотя и чрезвычайный. Мы видим катастрофу, когда в доме пожар, а семья садится за стол справлять именины. Чихают от дыма, моргают слезящимися глазами, но делают вид, что ничего не случилось, — а мамаша, соблюдая режим, даже пытается уложить орущего младенца спать в колыбельку прямо под горящей балкой.

В таком доме мы и живем. 1999 год. В Малом театре свет, позолота. Березовский, поднакопив денег, отдает их культуре — каждому корифею по 50 тысяч долларов. Фазилу Искандеру за какой-то антисоветский рассказик, который он вымучил лет десять назад; Юрию Любимову (этому уж само собой). Не важно даже за что — они заслужили премию Березовского. Тут же «красный» вице-премьер по социальным вопросам товарищ Матвиенко. Восхищена поступком мецената, наконец-то русская культура в надежных руках. Через момент на том же телеэкране возникает хирург, который просит выдать ему зарплату за сентябрь, его честные 20 долларов — а то у него от голода дрожат руки, а он ведь из-за нехватки врачей вынужден делать тройную годовую норму операций. Около этого хирурга мы вице-премьера по социальным вопросам не видим.

Эти два сюжета на одном телеэкране, под одну и ту же улыбку ведущей, отражают абсолютную несоизмеримость частей нашей жизни — более абсурдную, нежели голая секретарша в заводоуправлении в городе Зеро. И как раз тот факт, что все участники — министры и депутаты, хирурги и писатели, Миткова и ее паства —

чихают от дыма, но делают вид, что все в пределах нормы, говорит о том, что мы входим в катастрофу. А например, в декабре 1941 г., когда немцы подтянули артиллерию к Химкам, катастрофы не было, а был лишь кризис, из которого и вышло наступление — потому что поведение частичек нашего целого было тогда соизмеримо с явлениями реальности.

Что разрушает сознание? Впечатление общего, негласно уговоренного абсурда. При котором средний нормальный человек теряет почву под ногами и начинает сомневаться именно в своем разуме. Если депутаты Госдумы, в пиджаках и галстуках, ходят с серьезными, озабоченными лицами, о чем-то деловито переговариваются, в день Рождества вместе справляют праздник — и не видят в общей ситуации ничего ненормального, так, значит, ненормален я?

Помню, перед 1 Мая читаю в патриотической газете, что на просторах России идет Третья Отечественная война. Тут же звонок в дверь — почтальон с круглыми от уважения глазами принес мне письма с пометкой «Правительственное». Поздравления с праздником от уважаемых мною лидеров оппозиции. Видно, попал я в какой-то список. Читаю: *«Пусть счастье придет в каждый дом!»* Хватаю опять газету — там про Отечественную войну. В голове сразу возникает образ: батяня Ковпак в землянке подписывает кучу поздравительных открыток всему подполью от Путивля до Карпат с пожеланием счастья каждому дому — и дому повешенного партизана, и дому гауляйтера Коха.

Вот, дебаты в Госдуме по принятию бюджета на 1999 г. Четыре чтения — очень дотошное рассмотрение. И никто не скажет о *некогерентности* бюджета, о том, что его части несоизмеримы. Половина доходов бюджета (более 200 млрд. руб.) прямо извлекается из кармана рядовых граждан — в виде НДС и импортных пошлин — при покупке их скудного пропитания. Налоги на прибыль предприятий невелики (30 млрд. руб.). Это понятно — не хочется обижать Хахи Бендукидзе, да и поди отними у него налоги, есть десятки способов их припрятать¹.

¹ Налоговая служба мечет громы и молнии против тех, кто жульничает при уплате налога с прибыли — и делает вид, что не знает общеизвестной вещи: главный способ сокрытия доходов заключается в применении внутрифирменных трансфертных цен. Иными словами, при образовании совместного предприятия с зарубежной фирмой компания выторговывает себе право покупать материалы и оборудование не по рыночным, а по внутрифирменным ценам. Получив такое право, она ввозит из-за рубежа материалы по ценам, в сотни, а то и тысячи раз превышающим рыночные. Так без всяких налогов изымается и вывозится вся прибыль — а для приличия оставляют на виду с гулькин нос. Конечно, получение такого права — вопрос большой коррупции. Но наши «хозяева» и не скупятся.

Но почему так смехотворно мала плата за пользование недрами (8 млрд. руб.)? Ведь в бюджете не видно никакой другой статьи, через которую с «добытчиков» взыскивали бы плату за наши природные богатства. Налог с прибыли очень мал, а акцизы на бензин берутся с его покупателей. Мы знаем, что, остановив промышленность и сельское хозяйство, Россия богата только тем, что извлекается из недр — газом, нефтью, металлами. Все эти «частные компании», которым розданы прииски, шахты и нефтепромыслы, владеют лишь постройками, трубами да насосами, содержимое недр приватизации не подлежало, оно — собственность нации.

В извлеченных из недр минералах были воплощены те 300 млрд. долларов (15 годовых бюджетов), которые преступно вывезены за границу. Почему же за выкачивание этих огромных богатств из наших пока что принадлежащих всему народу недр берется такая ничтожная плата — 350 миллионов долларов? Одна тысячная доля того, что только *тайком* увезено! Ведь взять эту плату, в отличие от налогов, не трудно. Почему же никто не удивляется и даже не спрашивает? Может быть, я не понимаю какой-то простой вещи, а все понимают — и молчат? Но я, когда мне удается спросить кого-то «компетентного», такого понимания не вижу. Наоборот, над моими как раз самыми простыми вопросами задумываются с каким-то беспокойством — и замолкают. Как будто людям дали тайный знак — «искать не там, где потеряли, а там, где светло». И вот они шарят руками под фонарем. Поскольку это делается искренне, это — знак беды.

Ощущение безвыходности при возникновении острой некогерентности возникает не от конкретной угрозы, а от нарастающего чувства, что все вовлечены в какой-то шизофренический карнавал. Например, в 1999 г. возникла несоизмеримость между явным углублением кризиса и утратой его отражения в политической сфере. Вроде бы ясно, что общество расколото, но в чем раскол? Как он выражается в политике? Перед каким выбором мы стоим? Из каких альтернатив должен выбирать простой гражданин, чтобы решиться поддержать ту или иную сторону? Еще недавно граждане имели хотя бы туманную иллюзию выбора. Чубайс мерзавец, это было ясно. Он тянул нас в какой-то рынок, который на деле оказался полным блефом и обманом, при котором вытряхнули наши карманы, превратили в деньги все, что можно продать, и вывезли за рубеж. Но образ Чубайса давал хоть какой-то смысл, хотя бы создавал успокаивающее ощущение существования чего-то иного, а значит, наличия путей. Сегодня оказывается, что от того камня, который мы считали распутием, дорог никаких и нет! Ни налево, ни направо, ни прямо. Назад — ни-ни.

Ведь при Чубайсе люди хотя бы могли кричать: «Даешь смену курса! Даешь смену курса!» Кто-то говорил даже о «правительстве народного доверия» или что-то в этом роде. Главный результат того, что Ю. Д. Маслюков вошел в правительство, а Ю. Белов («мудрый человек из КПРФ») назвал это правительство «красным», и с этим правительством слилась в гимне радости практически вся Дума, заключался как раз в том, что у простого человека отняли иллюзию существования выбора. Никакие политики до самой крайности не делают этого, ибо следующий шаг — отчаяние.

Что же получается на распутье, которое вдруг обратилось в точку — без путей? В рынок Россия переползти не смогла — это ясно всем, и это признали самые рыночные умы вроде Лившица. Одновременно куда-то исчезли «антирыночники», поскольку они уже не под дулом пистолета, не под угрозой разгона, а по доброй воле голосуют за «бюджет Чубайса», только более жесткий — за «Чубайса в квадрате». Режим, несколько не изменившись в своей сути, вдруг перестал быть антинародным и оккупационным — в правительстве чуткие люди, Ельцин стал добрым дедушкой, а патриарх благословляет всех подряд, кроме антисемитов. И человек с ужасом приходит к выводу, что вся эта долгая битва гигантов никакого отношения к его жизни не имела. Курс не был рыночным, оппозиция не была антирыночной. Курс просто вел к полному параличу — и продолжает вести туда же сегодня. И никто его менять, похоже, не собирается.

По привычке говорили о выборах — Госдумы, президента. А между чем и чем выборы? Что стоит за каждой клеткой в бюллетене? Хоть бы кто-нибудь объяснил. Кто мешает что-то сделать для спасения России сегодня? Путин? Примаков? Зюганов? Кто предлагает что-то сделать — а ему не дает такое-то и такое-то препятствие? Ведь препятствий никаких давно нет! Полное несоответствие хозяйственной и социальной действительности и ее политического оформления вышибает людей из мало-мальски устойчивой системы координат. Такой человек беззащитен против манипуляции.

С появлением В. Путина за шизофренизацию сознания плотно взялись уже и некоторые газеты оппозиции. Газета «Завтра» по целой странице в номере отдала сериалу «Проект «Путин», в котором полощет кандидата, забыв обо всяких приличиях, поминая всю его жизнь с пеленок. В № 10 о детстве Путина говорится так: «У мальчика, уже прошедшего этап становления в дворовой стае, росла звериная ненависть к тем, кто лучше его». А о его состоянии как кандидата в президенты следующее: «Так цинизм и безжалостность Владимира Путина превратили его из чиновника провинциального масштаба в диктатора, с потрохами заложившего себя дьяволу».

Ну что ж, допустим. Но вместе с этим номером «Завтра» я купил приложение «День литературы», выпускаемое зам. главного редактора «Завтра» В. Бондаренко. Там тоже большая статья о В. Путине, под заголовком «Вставай, страна огромная!..». Доверчиво читаю и глазам своим не верю: «Но теперь — есть защитник. Глас народа — это услышал Владимир Путин! За его спиной — абсолютное большинство граждан России! Он — тот спасатель, который слуга народа, и надежда. Он нужен России — и Россия подняла его с выдохом облегченья...» Перечитываю, думаю, что это какая-то тонкая сатира. Снова вчитываюсь: «Да, душевно открыт. Внушает доверие сразу. Редкая улыбка — ослепительна и наивна. Никакого пафоса. Никаких театральных штучек. Воля. Внятность. Вежливость. Суворовец! Солдат!» И — концовка: «Путь России сейчас ясен — с нами Путин! А бог — рассудит!» Снова читаю — может, здесь какой-нибудь подвох? Не видно. Диапазон оценок об одном и том же человеке от дьявола до бога — из одной и той же комнатухи, от одного и того же редактора. Что называется, плюрализм в одной голове. Эх, господа-товарищи, Проханов с Бондаренко, что же вы делаете с мозгами читателей?

Акций по манипуляции, при которых возникает некогерентность, множество. Вот пример. В конце 1998 г. на телевидении была устроена большая кампания против «антисемитизма». С проклятиями в адрес «антисемитов» на экран были призваны все наличные силы — от Ахмадулиной с Березовским до Ростроповича с Щаранским. Уже тот факт, что было решено истратить такие тщательно создаваемые фигуры, как Баркашов, говорит о значении, которое придавалось операции¹. Не будем вникать в конфликт по существу, отметим некогерентность рассуждений, которая воспринималась как нечто нормальное.

Органы исполнительной власти (глава администрации президента Бордюжа и министр юстиции РФ Крашенинников) направили в КПРФ и во фракцию КПРФ в Госдуме запросы о *мнении партии относительно высказываний А. М. Макашова и В. И. Илюхина*. Это нечто небывалое в светской юриспруденции. Юстиция требует у парламентской партии доказать, что она не сочувствует некоему тайному пороку (антисемитизм), определения которому сама юстиция не дает и дать не может. Идея ввести в правовую практику выяснение наличия или отсутствия в какой-либо партии *сочувствия высказыванию* есть юридическая нелепость, которой вряд ли кто-нибудь мог ожидать в конце XX века в стране с все еще

¹ Эта кампания наглядно показала «свободу» прессы и телевидения. Начавшись по невидимому сигналу, она была по такому же сигналу и столь же молниеносно прекращена. Это убедительный признак полной манипулируемости телевидения из какого-то теневого центра.

приличным уровнем культуры. Над такими потугами охраны издевался Салтыков-Щедрин более ста лет назад («вместо обвинения в факте — обвинение в сочувствии»)¹.

Никто из демократов на телевидении не задал простого вопроса: на основании каких правовых норм чиновник администрации требует от политической партии заявления о ее отношении к какому-либо событию? Каким законом ему даны такие полномочия? Будет ли он впредь опрашивать все партии и по поводу любого высказывания, которое чем-то не понравилось администрации? Будет ли действовать принцип взаимности, так что политические партии смогут требовать от президента отчитаться о его отношении к заявлениям политиков или чиновников? Например, о высказываниях Б. А. Березовского. Если бы эта инициатива увенчалась успехом, в России создалась бы совершенно нелепая политическая ситуация.

В. И. Илюхин и А. М. Макашов не нарушили закона, им не было предъявлено прокуратурой никакого обвинения, и тем более нарушение закона не было установлено судом. Таким образом, администрация была недовольна высказываниями, целиком лежащими в сфере *идеологии* и *этики*. Но эти сферы не относятся к компетенции администрации. Эпоха морально-политического единства общества закончилась, и по многим вопросам общество расколото — прежде всего в результате действий правящего режима под лозунгом «*Разрешено все, что не запрещено законом*» — лозунгом, под которым пришел к власти этот режим.

По своему строению вопрос г-на Крашенинникова абсурден. Чтобы задавать вопросы о «сочувствии высказыванию», требуется сначала в суде доказать, что высказывания А. М. Макашова содержат несовместимые с законом враждебные установки по отношению к евреям как национальности. Философские диспуты — не дело министра юстиции. Но само понятие *антисемитизм* никак не определено в праве и является чисто идеологическим. Признавать право администрации выступать арбитром в таких вопросах — это и есть признак тоталитарного государства. Вообще говоря, антисемитизм («нелюбовь к евреям»), даже если он доказан, не есть нарушение закона, поскольку закон не предписывает любить никакой народ — это сфера этики. Закон ограничивает *действия* в отношении какой-либо национальности, а не высказывания.

Та кампания конца 1998 г. привела к такому скандальному нарушению логики и правовому нигилизму, что даже демократическая «Независимая газета» (27.01.99) дала справку доктора юридических наук, члена Комитета ООН по ликвидации расовой дискри-

¹ Вообще в известных правовых системах не признается коллективной ответственности организаций за проступки отдельных членов, и юристы это прекрасно знают.

минации Ю. Решетова. Он неохотно признал: «Позиция США базируется на абсолютизации закрепленной в первой поправке к Конституции свободы слова и нашла свое выражение в решении Верховного суда 1969 года по делу Бранденбурга против Огайо, которое имеет прецедентное значение. В решении было подтверждено право публично призывать к депортации черных и евреев (в Африку и Израиль), если только эти призывы не направлены к немедленным насильственным действиям». Что на это скажут Крашенинников и Ахмадулина? Право публично призывать к депортации евреев — каково?

Ну ладно, США — известные расисты. Они российским демократам не указ. Есть Франция. О ней Ю. Решетов сообщает: «Франция сделала по статье 4 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации заявление о том, что содержащиеся в ней обязательства по запрещению распространения расистских идей и организаций, ведущих такую пропагандистскую деятельность, противоречат свободе убеждений и свободе ассоциаций. В том же направлении идут и оговорки Австралии, Австрии, Бельгии, Италии и Великобритании к этой конвенции».

В целом проблема «антисемитизма» вносит все более тяжелые нарушения в логику политических рассуждений не только в России. В этом пункте возник парадокс из-за того, что политики и СМИ не желают отказаться от мифа демократии и свободы убеждений. Они вынуждены на деле запрещать некоторые убеждения, что явно противоречит правам человека, но при этом желают сделать это под знаменем защиты прав человека. Возникает некогерентность, разрушающая логическое мышление¹.

Трудно нам будет вылезти из этой каши.

§ 4. Учебная задача: когерентны ли рассуждения экономистов?

В России сложилось тяжелое положение, которое вовсе не чревато превращением кризиса трансформации в кризис развития. В обществе и даже в среде прямо ответственных за проект специалистов не возникает диалога, чтобы договориться хотя бы по не-

¹ Это проявилось, например, в феврале 2000 г. в международном скандале из-за того, что в Австрии вошли в правительство члены правой партии, чей лидер допускал «расистские высказывания». Очевидно, что эта партия получила свои места в парламенте на демократических выборах — таковы уж убеждения значительной части австрийцев. Израиль, США и другие страны, которым претят правые партии, были в полном праве «не дружить» с плохими австрийцами. Но им почему-то обязательно надо порвать с ними по причине «приверженности к демократии», и никак иначе. Тут явный провал в логике, но он, видимо, необходим для контроля над сознанием.

многим главным вопросам. «Господствующее меньшинство» (в смысле А. Тойнби) оказалось способно так манипулировать общественным сознанием, что вырабатываемые его интеллектуальными службами концепции раскалывают большинство на множество неустойчивых, не имеющих прочной идейной основы групп. Эти группы погрузились в слабый, текучий взаимный конфликт, из которого не возникает не только положительного проекта, но даже никакого спланированного мнения.

«Сборка» общества начнется лишь тогда, когда удастся преодолеть борьбу множества несовместимых «чаяний», внушенных манипуляторами. Когда мы хотя бы в общих чертах договоримся о том, чего же мы хотим (или, для начала, чего мы не хотим) и что *возможно* при разных вариантах проекта. Для этого надо перейти на язык, исключающий отработавшие идеологические штампы и метафоры.

В настоящее время язык, на котором говорит та группа специалистов, которая воспринимается как «экономисты», является *некогерентным*. Это значит, что утверждения, высказанные на языке понятий, принятом в этом сообществе, не связываются в непротиворечивые умозаключения. Соответственно, являются некогерентными и утверждения политиков, основанные на докладах экономистов. Вот, в программной статье В. Путина «Россия», опубликованной 31 декабря 1999 г., сделаны три утверждения:

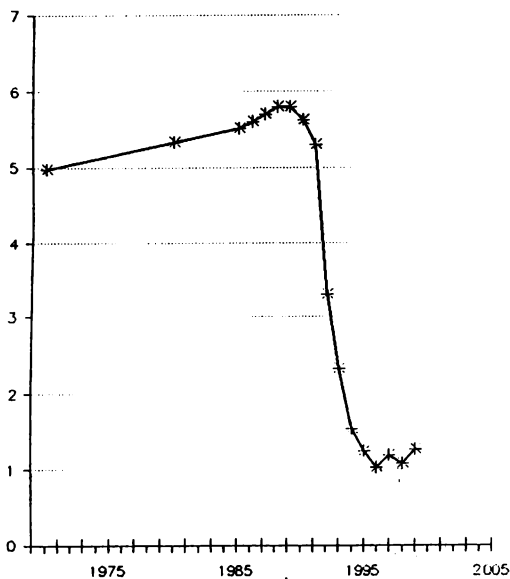
— Бурное развитие науки и технологий, передовой экономики охватило лишь небольшое число государств, в которых проживает так называемый «золотой миллиард».

— Мы вышли на магистральный путь, которым идет все человечество... Альтернативы ему нет.

— Каждая страна, в том числе и Россия, должна искать свой путь обновления. Мы пока не очень преуспели в этом.

Не было бы проблемы, если бы речь шла просто о политической демагогии или даже о некогерентности мышления правительственных аналитиков. Тяжесть положения в том, что комбинации несовместимых утверждений стали общим местом всего дискурса философствующего сообщества экономистов. Поставляя в общественное сознание некогерентные сообщения, удостоверенные авторитетом науки, сообщество экономистов становится само одним из наиболее опасных манипуляторов и разрушителей этого сознания.

Нынешняя смута в России замечательна тем, что во всем обществе как бы заключен негласный договор: не ставить трудных вопросов — уже не говоря о том, чтобы отвечать на них. Депутаты не задают таких вопросов правительству, избиратели — депутатам, читатели — газете и т. д. И ладно бы только публично не задавали вопросов, но этого, похоже, не делается и между близкими людьми и даже про себя. Более того, вопросы как вид высказывания стали

Производство хлопчатобумажных тканей в России (млн. кв. м)

восприниматься неадекватно — в них всегда слышится скрытое желание «срезать» оппонента, а не сделать шаг к пониманию.

Попробуем в виде опыта мысленно поставить *вопросы экономистам*. Вопросы, которые были бы сформулированы предельно просто и однозначно и без идеологического подтекста. Это будет учебным упражнением. Каждый вопрос предварим изложением фактов, которые кажутся общеизвестными.

1. В языке экономистов постоянно фигурирует понятие «*нормальная рыночная экономика*». Все признают, что в России ее нет. Объяснения причин, по которым ее нет, различны. Одни ссылаются на тяжелое наследие советской системы, другие — на ошибки и злоупотребления реформаторов. Из тех параметров *нормальной рыночной экономики*, которые приводят для ее описания и те, и другие, следует, что речь идет именно и исключительно об экономике стран того самого «золотого миллиарда», о которых писал В. Путин.

Те же самые экономисты, что употребляют понятие «*нормальная рыночная экономика*», признают, что это — крайне неравновесная система, которая требует для поддержания равновесия непрерывного изъятия огромных ресурсов извне и сбрасывания огромного количества загрязняющих отходов вовне. Этот тип хо-

зяйства не только не может быть распространен на все человечество, но даже не может и продолжать поддерживаться длительное время даже на Западе (потому и «золотой миллиард» — вариант глобального национал-социализма). Это — выводы конференции «Рио-92», которые экономистами не оспариваются.

Вопрос: *каковы основания, по которым экономическое сообщество России называет указанную экономику нормальной?*

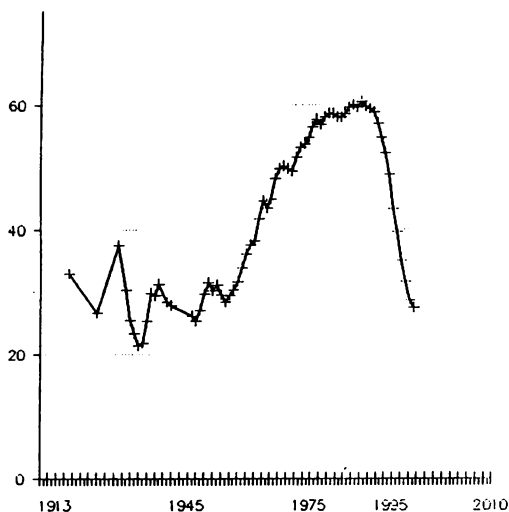
Принять как *нормальное* то, что не может быть нормой для всех и даже для значительного меньшинства, — вещь далеко не безобидная. Это не просто вводит общество в глубокое заблуждение и повреждает мышление, это подрывает фундаментальные этические ценности (в подсознании — религиозные). Вероятно, правильнее было бы назвать этот тип хозяйства «экономика золотого миллиарда», и тогда все встало бы на свои места. Тогда экономисты могли бы верно указать свою позицию: одни сказали бы «ненормальная, но желательная для России экономика», другие — «ненормальная и нежелательная для России экономика», третьи (их мало) — «ненормальная и невозможная для России экономика».

2. Пока что неизвестно, по какой причине экономисты почти всех направлений (даже коммунисты) заявляют о желательности для России *рыночной экономики*. Поэтому реформаторов критикуют не за неверный выбор траектории («магистрального пути»), а за ошибочный выбор технического варианта и темпа изменений¹.

Таким образом, негласно утверждается, что при хорошем и неторопливом исполнении приватизации в России *можно было бы* построить «нормальную рыночную экономику» (или «экономику золотого миллиарда»). Немногие авторы, которые ставят под сомнение саму эту возможность в принципе, занимают в сообществе маргинальное положение, и их заявления просто игнорируются — на них никто не отвечает. Ситуация ненормальна: заявления интеллектуального сообщества по важнейшему вопросу выбора народа и страны строятся на неявном предположении, которое никто не решает явно высказать даже в качестве постулата. Когда слепой ведет слепого к пропасти, это трагично, но простительно, но тут — другой случай...

Вопрос: как экономисты объясняют тот факт, что никто из авторитетных членов сообщества не утверждал с рациональными доводами и даже не постулировал самой возможности для России устроить на ее земле тип хозяйства «золотого миллиарда»?

¹ В докладе Д. С. Львова на Президиуме РАН сказано: «Растет понимание того, что помимо демонтажа институтов плановой экономики необходимо формирование подлинных рыночных субъектов (на основе как разгосударствления, так и приватизации)... К сожалению, политика погубила суть дела, помешала реализации градуалистского варианта реформ».

Поголовье крупного рогатого скота в России (млн. голов)

Замечу как очевидность, что принятие для России правил «нормальной рыночной экономики» (переход на «магистральный путь») означает включение либо в ядро системы, либо в число «аутсайдеров», на пространстве которых ядро организует «дополняющую» экономику (пример — Бразилия). Также известно, что разрыв между ядром и периферией при этом не сокращается, а растет, и в перспективе, как выразился Ж.-Ж. Аттали, «участь аутсайдеров ужасна». Прогнозы сокращения населения России, продолжающей «идти по магистральному пути», хорошо известны, динамика всех эмпирических показателей за последние десять лет эти прогнозы подтверждает. Таким образом, экономисты, продолжающие замалчивать суть выбора, не могут не знать о его последствиях.

В целом, из множества уклончивых и туманных заявлений возникает ощущение, что элита экономистов знает, что страна будет доведена до состояния аутсайдера с вымиранием двух третей населения. Смирилась с этим — но, согласно контракту, «дает понять» этому населению, что оно будет введено в золотой миллиард. Дает понять, но прямо не утверждает, потому что очень совестливая и лгать не может. Если это ощущение верно, то это значит, что произошла нравственная гибель сообщества экономистов. И тогда не следует терять время и силы на его гальванизацию и имитацию жизни. Надо разделяться и в каждой части строить новый, чистый понятийный аппарат и восстанавливать когерентные рассуждения,

предназначенные не для манипуляции сознанием, а для отражения реальности.

3. Встроиться в систему «нормальной рыночной экономики» даже в положении аутсайдера можно лишь в том случае, если хозяйство данной страны производит количество прибавочного продукта, превышающее определенный минимальный уровень, — обеспечивает приемлемую норму прибыли. По отношению к населению тех регионов, где этот уровень не достигается, введено понятие «общность, которую не имеет смысла эксплуатировать». В такую категорию попали, например, многие регионы Африки. Сюда не делают инвестиций — они невыгодны. Жители этих регионов могут жить и даже веселиться, но только в рамках своего, натурального (значит, естественного) хозяйства и своей, «ненормальной», рыночной экономики¹.

В России в силу географических и почвенно-климатических условий прибавочный продукт и капиталистическая рента были всегда низкими. Достаточно сказать, что в России из-за обширности территории и низкой плотности населения транспортные издержки в цене продукта составляли 50%, а, например, транспортные издержки во внешней торговле были в 6 раз выше, чем в США. Как это влияло на цену, рентабельность, зарплату, стоимость кредита и пр.? Наверняка многие с удивлением узнают, что в 1904 г. совокупная оплата труда крестьянина («трудодень») была в России практически такой же, как в Швейцарии. Например, в Смоленской губернии: в Сычевском уезде 1,56 руб., Дорогобужском 1,47 руб., Гжатском 1,37 руб., а в Швейцарии 1,52 руб. Эти данные приводит А. В. Чапанов. Как же так? Ведь благосостояние русского крестьянина и швейцарского были просто несравнимы! Дело в том, что Россия — не Швейцария. Гжатский уезд полгода под снегом, и у крестьянина там нет скота, чтобы зимой варить швейцарские сыры. Поэтому «трудодней», за которые можно получить плату, у гжатского крестьянина было вдвое меньше. А расходов — больше. Чтобы протопить всю зиму избу, надо затратить средства, эквивалентные двум месяцам труда, — как минимум. Имея такую «фору», которая накапливалась сотнями лет, швейцарский крестьянин и обеспечил себе такой уровень благосостояния.

В среднем по России выход растительной биомассы с 1 гектара в 2 с лишним раза ниже, чем в Западной Европе, и почти в 5 раз ни-

¹ В конце прошлого века крестьянское хозяйство в средней полосе России было нерентабельным (средний доход крестьян с десятины в европейской части России составлял 163 коп., а все платежи и налоги с этой десятины — 164,1 коп.). Однако это хозяйство позволяло *жить* 90% населения России. Крестьянин не только кормил, хоть и впроголодь, народ, но и оплачивал паразита-помещика, и индустриализацию России, и имперское государство.

же, чем в США. Сегодня лишь 5% сельскохозяйственных угодий в России имеют биологическую продуктивность на уровне средней по США. Если в Ирландии и Англии скот пасется практически круглый год, то в России период стойлового содержания 180—212 дней. Однолошадный крестьянский двор в среднем мог заготовить только 300 пудов сена и продуктивного скота держать не мог. По сути, один лишь географический фактор заставлял в России принять хозяйственный строй, очень отличный от западного. Это — фактор неустрашимый, и величина его очень значительна.

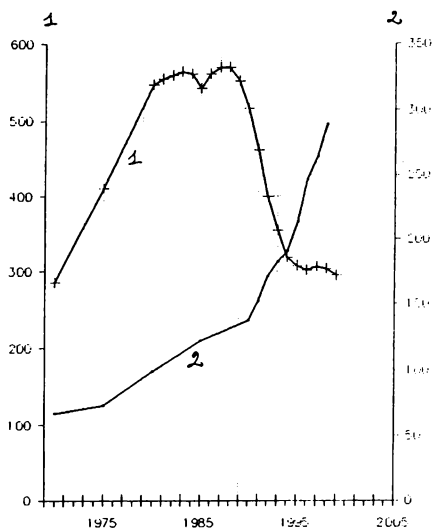
Сегодня в странах с теплым климатом (в Азии и Южной Америке) имеется избыток квалифицированной рабочей силы. Конкурируя на мировом рынке труда (конкурируя за капитал), она имеет перед русскими работниками большие *абсолютные* преимущества. В средней полосе России на отопление одной квартиры уходит 4 тонны условного топлива. Это стоит 2 тыс. долларов. Они входят в минимальную стоимость рабочей силы, которая каким-то способом должна быть оплачена предпринимателем (через зарплату, налоги или содержание жилищно-коммунальной сферы). На Филиппинах или в Бразилии этих расходов нет, и при прочих равных условиях разумный предприниматель не станет эксплуатировать русского работника, пока на рынке труда есть китаец или перуанец. А прочие условия не равны, они также *не в пользу русских*.

Вопрос: *какие основания были у экономистов считать, что при переходе России на «магистральный путь» русские не окажутся «общностью, которую нет смысла эксплуатировать»?*

Понятно, что этот вопрос направлен уже к тем экономистам, которые критикуют реформаторов за то, что они «обещали привести нас в Швецию, а ведут в Бангладеш». Утверждение, что нас ведут в Бангладеш, также требует обоснования. Из чего видно, что нас туда ведут? Разве в Бангладеш вымирает население?

Оптимистическая критика оппозиции, уверенной, что Россию хотят сделать сырьевым придатком, а русских — внешним пролетариатом Запада, во многом основана на оценках качества рабочей силы и технологической инфраструктуры СССР. Эти оценки уже в значительной степени иллюзорны, за десять лет произошла глубокая деквалификация рабочих и выросло новое поколение молодежи с высокими притязаниями и разрушенной трудовой этикой. Кого Россия может сегодня выбросить на мировой рынок труда? Об инфраструктуре и говорить не приходится, она, десять лет не получая средств даже на простое воспроизводство, начинает рассыпаться.

4. В ходе приватизации не было высказано ясных экономических доводов в поддержку утверждения, что частные предприятия в России окажутся эффективнее, нежели предприятия, включенные в плановую систему. Это утверждалось как постулат, опираю-

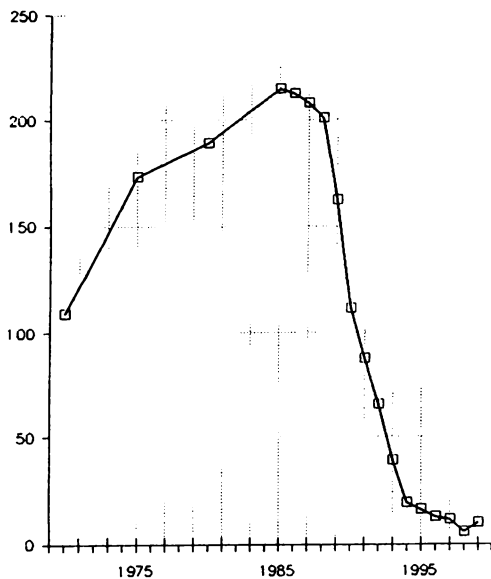

1 — Объем добычи нефти в России (млн. т)
 2 — Число занятых в отрасли (тыс. человек)

щийся на политическую силу и телевидение. С момента приватизации прошло восемь лет, и можно было бы дать оценку приватизации на основе опытных данных. Такой оценки внятно сделано не было. Похвалы приватизации имеют чисто идеологический характер (выходим на «магистральный путь»). Критике же подвергаются частные дефекты исполнения («обвальная», «ваучерная», «номенклатурная» и т. д.).

Между тем в России существует крупная отрасль, которая имеет надежный рынок сбыта и не испытывает недостатка средств, — нефтедобывающая промышленность. Здесь возникли крупные компании («эффективный собственник»), акции их ликвидны, имеются «стратегические инвесторы» и т. д. Иными словами, здесь не было больших помех тому, чтобы приватизация показала свой магический эффект в росте абсолютного и измеримого показателя эффективности — производительности труда.

Результаты таковы: в 1988 г. на одного работника, занятого в нефтедобывающей промышленности, приходилось 4,3 тыс. т добытой нефти, а в 1998 г. — 1,05 тыс. т. Таким образом, несмотря на существенный технический прогресс, который имел место в отрасли за десять лет, превращение большого государственного концерна в конгломерат частных предприятий привело к падению главного показателя эффективности более чем в 4 раза!

Поставки химических средств защиты растений сельскому хозяйству России (тыс. т)

Вопрос: почему экономисты, поддержав огромное по масштабам изменение всего народного хозяйства, уходят об общего и фундаментального анализа и оценки результатов этого изменения?

Сегодня виднейшие экономисты утверждают, что происходящее в России нормально, что все так и должно быть и что они предвидели нынешние результаты. Но в таком случае сообщество экономистов должно было бы поставить вопрос о профессиональной ответственности этих фигур, поскольку в 1990—1991 гг. никаких предупреждений обществу сделано не было. Умолчание хуже, чем ошибка.

5. В России быстро сокращается добыча энергоносителей и увеличивается их экспорт. Говорится и о планах постройки новых больших трубопроводов для экспорта. В 1998 г. добыто 294 млн. т нефти, а экспортировано вне СНГ 112 млн. т сырой нефти и 58 млн. т нефтепродуктов. При глубине переработки сырой нефти 65% (1998) эти пошедшие на экспорт нефтепродукты были изготовлены из 90 млн. т сырой нефти. То есть экспорт нефти составил 201 млн. т, что составило 69% добычи (в СССР экспорт не превышал 20% при уровне добычи вдвое большем, чем сегодня).

Энергоносители, минеральные удобрения и металлы (их тоже можно считать материализованной энергией) являются главными статьями экспорта, необходимого для обслуживания внешнего долга. Долг этот растет, и возможности снижения экспорта энергии поэтому не предвидится. Таким образом, для внутреннего потребления России остается небольшое и постоянно сокращающееся количество нефти. В 1990 г. в СССР внутри страны оставалось 1,48 т нефти на жителя, в 1998 г. в РФ остается 0,7 т на жителя. Перспективы роста добычи малы, т. к. с конца 80-х годов глубокое разведочное бурение на нефть и газ сократилось к 1998 г. более чем в 5 раз (а бурение на другие минеральные ресурсы — в 30 раз).

Кроме того, в РФ произошел сдвиг в потреблении нефтепродуктов из сферы производства из-за резкого роста числа личных автомобилей (в три раза с 1985 г.). А стратегические концепции экономистов предполагают дальнейший переток энергоресурсов из сферы производства в сферу потребления в соответствии с планами массовой автомобилизации. «Проект Федеральной адресной инвестиционной программы на 1999 год», предложенный правительством Примакова, гласил: «В рамках Бюджета развития в машиностроении намечается привлечение частных отечественных и иностранных инвестиций для реализации важнейших проектов в автомобильной промышленности, например: проекты сборочного производства автомобилей «Фиат», легковых автомобилей моделей «Ассоль», «Орион», «Кондор», легковых автомобилей «Форд» и т. д.».

Массовая автомобилизация — один из тупиков Запада. Даже богатейшие страны не могут содержать одновременно две массовые транспортные системы — на базе собственных автомобилей и на базе общественного транспорта. Но они хотя бы могут содержать массу автомобилей — за счет перекачки огромных средств из «третьего мира», а мы же этого не сможем¹. Важно и то, что затраты энергии на перемещение одного человека на 1 км в автомобиле в 3,4 раза выше, чем в автобусе. Что означало бы дальнейшее резкое увеличение числа автомобилей в России, даже если бы их реально купили? Дальнейшее сокращение производства из-за нехватки топлива.

Вопрос: *на какой энергетической базе возможно оживление хозяйства и рост производства в России при условии создания в ней «нормальной рыночной экономики»?*

¹ В США только федеральные государственные субсидии на обслуживание шоссе составляют от 68 до 85 млрд. долларов в год. В Германии государство на каждый пассажиро-километр на автомобиле расходует вдвое больше средств, чем стоил бы авиабилет, — расходует за счет всех налогоплательщиков.

Энергия — фактор производства *абсолютный*. От экономистов же общество слышит, что путь выхода из кризиса — внесение технических и явно второстепенных изменений (увеличение денежной массы, снижение налогов, затруднение вывоза валюты «челноками» и т. д.).

6. И государство, и хозяйство в целом все с большим трудом изыскивают средства даже для покрытия самых срочных и неотложных расходов. Тем не менее, экономисты наперебой указывают на источники средств, которые не только бы могли решить срочные проблемы, но и оплатить обновление и рост производства¹. При этом никогда не дается ясного сравнения реального масштаба этих источников и тех потерь, что понесло хозяйство за годы реформы и которые надо возместить. Возникает ощущение, что здесь возникла острая несоизмеримость.

Простые подсчеты показывают, что по сравнению с теми средствами, которые Россия потеряла из-за разрушения производственной системы, все эти отыскиваемые источники доходов — крохи. Подорваны **основы** производственного потенциала. Так, в последние годы капиталовложения в село примерно раз в 200 меньше, чем были в 1988 г., а ведь то, что вкладывалось тогда, лишь поддерживало стабильное производство с небольшим ростом. Утрачивает плодородие почва без удобрений, добита техника, вырезана половина крупного рогатого скота². А морской флот? А трубопроводы, которые десять лет не ремонтировались? А промышленность и электростанции? Огромные средства надо вложить, чтобы восстановить качество рабочей силы, — только на то, чтобы довести питание людей до минимально приемлемого в климатических условиях России уровня, потребовались бы расходы порядка 5% ВВП или треть госбюджета.

¹ Источники средств, на который иногда указывают, — национализация прибыльных производств и образование «национального дивиденда». Это — странный тезис. Частный капитал убыточное производство вести не может, следовательно, все отрасли, оставляемые частникам, просто будут свернуты. Кроме того, размер финансовых средств, которые государство получит от национализации указанных отраслей, все равно будет очень мал. Он равен лишь сумме скрытых от уплаты налогов и завышенных личных доходов собственников. Но можно назначить и государственным директорам, как в РАО ЕЭС, оклады по 20 тысяч долларов в месяц, и вся прибыль на это уйдет. Если государство не меняется, то и национализация мало что даст.

² За годы реформы сельское хозяйство России недополучило почти миллион тракторов. Значит, только чтобы восстановить уровень 80-х годов в оснащении тракторами, нужно порядка 20 млрд. долларов — весь годовой госбюджет 1999 г. Только тракторы! И ведь тогда восстановится техническая база, на которой стояли колхозы, а фермерам для нормальной работы нужно в десять раз больше тракторов, чем колхозам. Значит, 200 млрд. долларов потребны только на создание нормального тракторного парка. А удобрения? А комбайны и грузовики?

Вопрос: почему экономисты не обсудят между собой и не представят обществу расчет средств, необходимых для того, чтобы в рамках «нормальной рыночной экономики» вывести Россию хотя бы на стартовую позицию для экономического роста?

Такой расчет, пусть упрощенный и грубый, необходим для того, чтобы граждане могли разумно судить о политических программах и обдумывать альтернативы. Не зная того положения, в котором находится страна и главные системы ее жизнеобеспечения, а также тех потенциальных ресурсов, которыми она располагает, общество в целом становится объектом манипуляции. В большой мере ответственность за это несет сообщество экономистов.

§ 5. Утрата меры и некогерентность мышления

«Правда» от 21 сентября 1999 г. уделила чуть не полстраницы письму некоего К. В. Авдеева (62 года, пенсионер, с высшим образованием) под заголовком «Пусть на месте России образуется бездонный океан». Этот человек, мол, возненавидел Россию, и для оппозиции важно разобраться, как же такое могло случиться. Тезисы его письма хорошо показывают, какие блоки сознания отключаются при длительном «промывании мозгов». Возникает такая интеллектуальная конструкция, что со стороны не верится. Приходит на ум, что это провокация: сидят умненькие молодые люди и строчат патетические нелепицы, которые рассылают в газеты оппозиции, а те расстраиваются и с большим жаром или глубокомысленно начинают спорить. А умненькие читают и хохочут: как ловко они провели «отмороженных» русских коммунистов и патриотов. Такие случаи известны, но, как выяснилось, существование Авдеева — истинный факт, и письмо его истинное. И утверждения его имеют общее значение, они широко представлены и в политических, и в обыденных разговорах. Так что можем использовать его тезисы как учебную задачу.

Вот концовка письма Авдеева: «Сообщаю свой адрес. Телефона нет. Все как в недоброй памяти коммунистические времена: микрорайон сдали, а остальное абы-абы да как-нибудь».

Кто сегодня в здравом уме скажет, что у нас «все как в коммунистические времена»? Да и где тот «микрорайон», в котором пенсионерам раздают квартиры, а они при этом недовольны, что еще нет телефона? Странно и то, что слова «недоброй памяти коммунизм» говорит человек, через абзац поминающий Маркса и Ленина («Ленин — дитя человечества, лучший из лучших его сынов»). Это — некогерентность.

Много места в письме Авдеева уделено проклятиям в адрес советской космической программы. С нею он связывает свои беды, и это — одна из идей, внедренных в массовое сознание. Он дает по-

нять, что очень нуждается и живет с огорода: «И я, пожилой человек, впрягаюсь в плуг и тащу его промеж грядок. И это при ракетах!» Впрягается в плуг... Где его взял Авдеев? Как он в него впрягся? Кто идет за плугом? Зачем он его тащит «промеж грядок»? И главное, при чем здесь ракеты?

Авдеев увязывает их с плугом так: «за бугром» ракет нет, но у любого огородника маленький моторчик за плечами, и он им «пропашет огород». С чего он взял, что «за бугром» нет ракет? Что падало на Сербию и Ирак? И что это за моторчик чудесный, который ихний пахарь-пенсионер носит за плечами (почему не в жилетном кармане)? Допустим, Авдеев не бывал за «бугром» и не видел, как там работают на огородах. Но ведь все, что есть там чудесного, нам сегодня пытаются всучить на каждом углу, ТВ все уши рекламой прожужжало. Почему же Авдеев не купит себе такой моторчик вместо русского плуга? Как ему мешают ракеты? Похоже, он решил, что «за бугром» эти моторчики пенсионерам раздают бесплатно.

И все «жизненные» доводы Авдеева против России (и особенно СССР) столь же некогерентны. Недаром он постоянно поминает «Философические письма» Чаадаева, которого за эти письма вполне разумно поместили в сумасшедший дом. Главный вывод Авдеева сводится к тому, что Россию не следует любить, но доводы никаким боком не касаются проблемы любви к России — логика разорвана. Он пишет, что купил внуку велосипед, и на нем «разлетелась тормозная пластина на задней вилке. Но зато есть ракета». Ну, разлетелась какая-то пластинка (резиновая колодка, что ли). Поставь на место и закрепи получше — но, казалось бы, при чем здесь ракета? Нет, Авдеев уверен, что в ней вся беда: «Мы делали ракеты. Зачем? Ответьте мне вразумительно — зачем? Оборона и защита Отечества не в счет». Ну, если ему оборона Отечества не в счет, то и ответить вразумительно невозможно — не поймет.

Вот вторая группа доводов — нехватка того или сего: «А за что любить [Россию]? Еще во времена СССР я хотел купить шахматы. Они провалились сквозь землю». Более нелепого примера придумать нельзя. Шахмат в СССР не было! Только номенклатуре удавалось поиграть¹.

Читаем дальше: «За что любить, когда за зарплатой идешь к директору, за квартирой — к директору?..» Откуда свалился этот «Авдеев»? Все советские люди получали зарплату в кассе бухгалтерии, а очередь на жилье была в ведении профкома. При чем здесь

¹ Когда люди говорят о таких материях, как любовь или нелюбовь к России, они почему-то начинают кокетничать. «Эту страну может любить не трезвый человек, не работник, не пахарь, а такой глупец, как я», — пишет Авдеев. Я, мол, и работник, и пахарь, и непьющий, но — глупец, очень Россию люблю. Ребенок в 62 года — вот трагедия России.

директор? Но даже если бы все это держал директор — какая разница? Главное, что зарплату платили, а квартиры давали. И при чем здесь любовь, где логика? По логике Авдеева, любить надо ту страну, где нет директоров. А где такие страны? Ведь даже в частных фирмах сидят директора. А квартиры, как и моторчики, надо не просить, а покупать.

Следующий мотив — льготы начальства, причем льготы советского типа, а не вклад в 22 тысячи долларов у нынешних чиновников. Удивительно, насколько сильно вбит этот электрод в мозг пенсионеров — уж десять лет как нет советской номенклатуры, а льготы ее до сих пор спать не дают. Пишет Авдеев: «Франция позволяет только пяти человекам в правительстве иметь служебный автомобиль». Откуда эта чушь? Покойный Цветов или какой-нибудь Бовин брякнул в годы перестройки? Но главное — что хочет этим сказать Авдеев? Видимо, намекает, что министры во Франции жили намного скромнее, чем в СССР. Но ведь эта мысль просто нелепа.

Многие помнят, как в 1991 г. демократы травили маршала, который купил со служебной дачи списанный холодильник «ЗИЛ» выпуска 1977 г. за 28 руб. (при цене нового холодильника 300 руб.). Маршал СССР — повыше министра (в СССР всего было 30 маршалов). Во Франции министр о такой мелочи, как холодильник, вообще не думает. Для него минимальная достойная внимания проблема — покупка виллы, яхты или пакета акций крупного банка. Да и вообще, какая связь между бытом министра и любовью к стране? Никакой связи нет. Гитлер даже мяса не ел, такой был скромный. По логике Авдеева, мы за это должны любить Третий рейх?

Беда в том, что у многих интеллигентов логика так же разорвана, как у Авдеева. Они берут *бытовое неудобство*, часто ничтожное («резинка отскочила, шахмат не завезли»), и делают из него нелепые, но крайне важные выводы: «пусть на месте России будет океан». Достоевский писал о таком «человеке из подполья», что пусть весь мир в пропасть рухнет, но чаю ему вовремя подай.

Как же возникает эта **несоизмеримость**, когда человек теряет способность взвесить на верных весах неудобства и достоинства? Ведь знает Авдеев, что «шахмат не завезли», но шахматисты в СССР были, и было их очень много, и были они лучшими в мире. Он обязан был бы брать **оба** эти явления вместе. Вот первая слабость, присущая очень и очень многим: преувеличение неудобства. Пишет Авдеев: «Брежнев едет в Кремль — перекрываются все дороги в округе, часами стоят большегрузные автомобили». Задумайтесь и увидите, что преувеличение чудовищное. Никогда не перекрывались «все» дороги — зачем? В Кремль Брежнев из любой точки Москвы доезжал от силы за 15 минут, так что не могли «большегрузные автомобили» стоять часами. Брежнев же не на ве-

лосипеде ездил, как президент Финляндии (Авдеев уверен, что президент Финляндии ездил на велосипеде, потому что «жалел государственные средства на бензин», — поверите ли такому идиотизму?).

С примитивной утраты чувства меры начинается в уме процесс, приводящий к несоизмеримости философской. Авдеев подтягивает Маркса: «Есть закон: бытие определяет сознание». Да, бытие, быть может, определяет, но ведь вы, «пенсионер из подполья», о бытии не сказали ни слова, вы говорите только о *быте*. Вы хотите уколоть нас тем, что «Королев сидел, Туполев сидел». Подумали бы над такой вещью: Королев сидел, а потом с любовью к стране строил ту самую ракету, что вы проклинаете. Почему бы это? Потому, что для него бытие было выше быта, он имел здоровую способность верно взвешивать явления.

Авдеев подтверждает как бы общезначимую установку: «сматывать надо из этой страны». Когда в стране разруха, хаос и опасности, появление множества людей, которые желали бы «слинять из этой страны», не должно вызывать удивления. И нечего пыжиться дать этому какое-то философское оправдание, тревожить бедного Чаадаева. Вон сколько во время войны под немцами выползло полицаев. Многие из них были искренними патриотами — но своя шкура дороже. Однако больно человеку считать себя подонком, и он ищет объяснение. Ах, обидели Туполева — так я пойду к немцам служить. Это наивные уловки.

Во врезке к статье «Правда» делает упор на этике: мол, хорошо ли так относиться к Родине? Это ошибка. Нет у Авдеева никакой проблемы идеалов, а есть проблема утраты логики. Куда он собирается «сматывать» (пусть не себя уже имея в виду, а некоего обобщенного «пахаря»)? Может быть, в Бангладеш? Это ведь тоже «за бугром». Нет, явно не в Бангладеш — там бы он моторчика за плечами не получил, и даже лопатой не мог бы копать, потому что был бы босой. Деревянной сохой ковырял бы «промеж грядок». Авдеев почему-то уверен, что «сматывать» ему предназначено в Париж или Чикаго. Предположим, его туда пустят, и он даже сможет купить там и шахматы, и зонтик жене. Почему же его пустят, а жителя Бангладеш не пускают и даже расстреливают на границах, если он пытается пробраться тайком? Может быть, Авдеев от природы такой ценный кадр? Нет, не от природы. Его таким сделало общество — а иначе он ползал бы на четвереньках, как дети, воспитанные волками. Если кого-то из русских сегодня пускают в Чикаго, чтобы они там «пахали», то только потому, что у нас были Королевы, которые делали ракеты и заставляли Авдеевых крутить гайки. И Авдеевы этому научились, тем самым приобретя для Чикаго ценность, какой не имеет житель Бангладеш. Эту ценность предоста-

вили Авдееву «недоброй памяти коммунистические времена». Но он этого искренне не понимает — потому что расщеплено мышление.

Есть еще маленькая проблема. Авдеев не только хотел бы «умотать из этой страны», но и желает, чтобы после его отъезда на месте России возник бездонный океан — чтобы Россия исчезла с лица земли. Это желание не оправдывается никакой неогерентностью. Не любить Россию — право любого Авдеева, насильно мил не будешь. Уехать — тоже право, хотя и с примесью воровства, если уезжают не рассчитавшись. Но уехать и желать гибели всем тем, кто остается и никакого зла Авдееву не сделал, — установка свихнувшегося человеконенавистника. Впрочем, это тема для будущего Достоевского.

Глава 19

ОТКЛЮЧЕНИЕ ПАМЯТИ И НРАВСТВЕННОСТИ

§ 1. Историческая память

Как уже не раз говорилось, устранение из сознания стабилизирующего блока традиций резко повышает уязвимость к манипуляции. Не менее важно отключение более систематизированного и «рационального» знания — *исторической памяти*. В этой памяти заложены сведения и символы, которые соединяют людей в общество и обеспечивают наличие в нем общего языка и устойчивых каналов общения.

В периоды общественных кризисов разрушение исторической памяти выполняется как целенаправленная программа политических сил. Вот принес мне недавно приятель любопытную детскую книжку — из комиксов, которые наши демократические идеологи переняли у американцев. Тираж — 1 млн. экземпляров! Ничего себе охват нашей детской аудитории. Принес он ее мне потому, что называется она «Былинная Русь», а на обложке изображен бой Илья Муромца с Кара-Мурзой. Дальше, под картинкой поясняющая подпись: «Выехал тут навстречу Илье главный татарский поединщик — богатырь Кара-Мурза, закричал он, как гром загремел». Мой, что ли, предок?

Смотрю книжку — хорошие красочные рисунки, дети будут довольны. Что же за истины сообщает автор таким тиражом? Читаю и глазам не верю. Идут на Русь татары, а им навстречу Илья Муромец. Выезжает Кара-Мурза, татарский богатырь, страшный, как черт. Началась великая битва, Илья Муромец, слава богу, Кара-

Мурзу победил, голову ему отсек, и татары бросились бежать. Угроза для Руси миновала.

Что это — безобидная детская книжка? Если бы так. Это — сработанный за деньги инструмент по разрушению исторической памяти русских людей в том нежном возрасте, когда она еще не окрепла в сознании ребенка. Тот бред, который ребенок воспримет из этой красивой книжки, потом не выбьет ни учитель (да и его учебники уже издаются на те же деньги, что эта книжка), ни академик Рыбаков, ни Александр Блок, ни Пушкин. А если и выбьют, то с большим трудом.

Трудно поверить, что автор этой книжки, художник и редакторы не знают, что былины об Илье Муромце сложились в конце X века, когда татар как народа еще вообще не существовало. Что святые мощи Ильи Муромца, найденные, согласно преданию, в пещере Киева в XI веке, хранятся в Киевско-Печерской лавре, основанной над этой пещерой. Уже перенос описания подвига Ильи в XIII век — надругательство над памятью святого, подрыв одной из опор нашего национального сознания (пусть мы об этих опорах и не думаем, думать о них и не надо, они «держат» нас неявно).

Известно также, что русский былинный эпос отражает трудную полуторавековую борьбу с Хазарским каганатом, в этой борьбе и окрепла Русь. То, что былины дошли до нас уже с Севера в вариантах XVIII века, когда о хазарах давно забыли и заменили их более поздним и обобщенным образом «татарин», — другой вопрос. В комиксах сегодня не былины пишутся, а чуть ли не документальные повести — с конкретными именами. Но даже в XIX веке адмирал П. Ф. Кузмищев записал в Архангельском крае былинку «Илья и Жидовин», которая была опубликована в Москве в 1852 г. и о которой потом много писали — и славянофилы и, позже, историки с позиций сионизма.

Глупо из былин делать какие-то выводы для нынешних национальных отношений. Но фальсификация народного эпоса и придание этой лжи особой убедительности с помощью картинок и придуманных «точных» имен — важная диверсия именно против нашего общества. Это пример манипуляции сознанием, для которой прежде всего надо разрушить опору нашего сознания — нашу долгосрочную историческую память.

Вообще с нашествием монголов невежество и беспамятство наших дней дошли до предела, а ведь то время для понимания сути России исключительно важно. Вот видный военный историк пи-

¹ При этом, кстати, наносится удар и по логическому мышлению ребенка. Как же так, Илья Муромец татар победил — а было татарское иго? И опять рвется вся ткань памяти, выпадает из ее канвы и Александр Невский, и Дмитрий Донской, и Куликовская битва, и поединок Пересвета с Телбеем (Челубеем).

шет в газете «Завтра» о «нашествии татаро-монгольских мусульманских орд». Как это мусульманских? Что за чушь! Ислам до монголов в то время еще не дошел. В их ордах было много «языков» и религий, но никак не мусульмане. Более того, даже преобладали среди воинов Батые христиане (неисториане). Вот великий русский святой, поистине предопределивший путь России,— Александр Невский. Он сделал исторический выбор и решил дать отпор тевтонам. Для этого он поехал к монголам и побратался с сыном Батые, Сартаком. Стать братом — это ведь не просто союз заключить. Побратался с иноверцем? Да нет, Сартак был христианин. Но ведь это важно помнить, особенно когда на Александра Невского столько грязи льют за то, что обидел цивилизованный Запад.

В 1989 г. издательство «Прогресс» выпустило книгу профессора Оксфордского университета Дж. Феннела «Кризис средневековой Руси», одна из важных тем которой — создание отталкивающего образа Александра Невского как «предателя» и т. д. Во вступительной статье сказано, что «книга профессора Дж. Феннела приоткрывает дверь не только в творческую лабораторию английского историка, но и в ту мастерскую, где создаются британские стереотипы русского прошлого и советского настоящего». При чем здесь дверь? Подконтрольное команде Горбачева «идеологическое» издательство просто внедряло в сознание эти «британские стереотипы», разрушающие один из символов национального сознания, образ одного из главных русских святых.

А в 1990 году, объявленном «Годом Александра Невского», на торжественную международную научную конференцию в Петербурге уже съехалась целая куча профессоров с Запада (материалы конференции изданы в 1995 г. в книге «Князь Александр Невский и его эпоха»). Как они сами заявили, их задача — «перепроверка толкования событий прошлого» и «критическое переосмысление прежних оценочных критериев», а дальше — та же песня, те же «стереотипы». Причем с такой тупой фальсификацией даже по сравнению с обычными западными учебниками, что диву даешься.

Да и под патриотическим знаменем порой ведется глубокое извращение самой сути дела Александра Невского. Ведется посредством отключения исторической памяти. Недавно по телевидению показали какой-то праздник в одной из школ, посвященный Александру Невскому. Спрашивают подростка: какова цель созданного у вас общества памяти Александра Невского? Тот отвечает: обучаться рыцарской этике и рыцарской чести. Что же это творится! Александр Невский всю жизнь положил на борьбу с рыцарством — и вот что говорит его русский потомок.

Одним из важных отличий России от Запада как раз и было отсутствие у нас рыцарства. Мы были *православными*, это же надо

понимать! А рыцарство — это закрытые военно-религиозные ордена, где неизбежно господствует тоталитарное мышление и рождаются антихристианские ереси. Основанием рыцарской этики было «неутоленное вожделение» — мистическая любовь к воображаемой идеальной Даме и непрерывное испытание достоинств рыцаря. Абсолютная дисциплина орденов сделала рыцарей важной ударной силой Запада — во всех отношениях (например, орден тамплиеров, награбивший огромные богатства в Палестине, положил начало банковскому капиталу Запада). Этот образ мысли и дела, эта этика русским были глубоко чужды. Отсутствие памяти порождает нечувствительность к корням родной культуры.

Сегодня, когда телевидение методами психологической войны в значительной мере атомизировало наше общество и в такой же мере превратило его в толпу, восстановление исторической памяти — даже раньше, чем восстановление логического мышления — должно стать заботой не только патриотов, но и просто разумного человека. Память — это первое, к чему следует обращаться, чтобы успокоить разрушительные или самоубийственные инстинкты толпы. С. Московичи в «Науке о массах» так подытоживает это наблюдение многих психологов: «Обращаться не к их понятливости, а к их чувствам любви или ненависти, мстительности или виновности. Вместо того чтобы будить их интеллект, лучше стоит разбудить их память. Поскольку в настоящем они распознают меньше очертаний будущего, чем следов прошлого». Это выглядит пессимистично, потому что мы не имели опыта общения с людьми, превращенными в толпу, — и в царской России, и в СССР мы были сильно, даже жестко упорядоченным обществом.

§ 2. Краткосрочная память и манипуляция в политике

За годы перестройки в ходе антисоветской кампании в массовом сознании удалось сильно исказить историческую картину политического спектра России начала века. Например, большевики были представлены как самая революционная и радикальная партия, хотя на самом деле из левых партий их следует считать умеренными (а во многих отношениях даже консерваторами — поэтому в провинции летом 1917 г. бывшие черносотенцы примыкали обычно именно к большевикам). В отличие от других революционных партий — социалистов-революционеров и анархистов — социал-демократы принципиально отвергали индивидуальный террор. А ведь он во многом предопределил состояние общества и создал общую «культуру насилия». Вообще у нашего читателя создали ложное представление о том, что буржуазное общество является обществом диалога и компромисса, что оно изначально отвергает революцию. Мало-помалу наша демократическая пропаганда по-

старалась вытравить из нашей памяти и Кромвеля, и якобинцев, и даже революцию, приведшую к возникновению США. Между тем их отец-основатель Томас Джефферсон считал, что революции должны происходить каждые 20 лет. Так что Троцкий со своей теорией перманентной революции — в какой-то степени плагиатор. Революционизм коренится в самой философии гражданского общества.

Когда идеологи ассоциируют русскую революцию исключительно с большевиками, они идут на самый заурядный подлог — революцию на «последней прямой», уже в XX веке, готовили прежде всего эсеры и анархисты, но и кадеты немало для нее сделали. Вообще катастрофическим сломом всего старого жизнеустройства была именно Февральская революция, в которой большевики не принимали никакого участия. Поэтому антикоммунисты сегодня вынуждены манипулировать историей: не могут же они открыто стать на сторону эсеров и анархистов, более разрушительных, чем большевики, революционных течений. Назвать себя сторонниками кадетов? Но те оказались совершенно несостоятельны и были отвергнуты практически всем обществом. Недаром М. М. Пришвин писал в дневнике перед революцией: «Никого не ругают в провинции больше кадетов, будто хуже нет ничего на свете кадета. Быть кадетом в провинции — это почти что быть евреем». На выборах в Учредительное собрание 85% голосов было подано за революционные социалистические партии.

Так обращаясь с историей, нынешние идеологи издеваются над трагедией кадетов — важного течения в русской политической истории, немногочисленной когорты честных либералов. А ведь их неудача очень важна для понимания России. Над ней размышлял М. Вебер, внимательно изучая нашу революцию 1905 г. Он писал, что кадеты прокладывали дорогу как раз тем устремлениям, что устраняли их самих с политической арены. Либеральная аграрная реформа, которой требовали кадеты, «по всей вероятности мощно усилит в экономической практике, как и в экономическом сознании масс, архаический, по своей сущности, коммунизм крестьян», — вот вывод Вебера. Таким образом, реформа «должна замедлить развитие западноевропейской индивидуалистической культуры». Так что кадетам, по словам Вебера, ничего не оставалось, кроме как надеяться, что их враг — царское правительство — не допустит аграрной реформы, за которую они боролись. Редкостная историческая ситуация, и нам было бы очень полезно разобрать ее сегодня.

Как ни прискорбно, но промывание мозгов в годы перестройки было таким мощным, что сегодня ведущий телевидения может с ясными глазами заявлять: «Большевики в 1917 г. свергли царя». Со-

бытия, которые определили судьбу страны в XX веке, полностью стертые из памяти. Напомним самые элементарные вещи: слом жизнеустройства царской России и ее государственности произошел в **феврале** 1917 г. Царя свергали генералы и стоящие за ними масоны-западники, а не большевики. Большевики в Февральской революции не принимали никакого участия.

Другая важная вещь, которая также общеизвестна, но которую телевидение сумело как-то вышибить из сознания, состоит в том, что революция в России в феврале победила полностью, тотально. Как сказал В. Розанов, царская Россия «слиняла в два дня»¹. Большевикам и не пришлось бороться с монархистами, их как реальной силы просто не было. В Учредительном собрании 85% мест получили разные *революционные социалистические силы*. Кадеты (буржуазные либералы) получили всего 17 мест из 707. Даже меньшевики — марксисты и социалисты — имели всего 16 мандатов, они уже были слишком умеренными для того момента. Так что вся борьба при Ленине шла не между большевиками и «старой Россией», а между разными отрядами революционеров. Даже кадеты, которые к этому времени выглядели как чисто буржуазная контрреволюционная партия, еще сравнительно недавно, в 1905 г. заявляли, что «у них нет врагов слева»².

Создавая образ inferнальных всемогущих большевиков, которые отняли собственность и помещиков, и буржуазии, и «справного мужика», наши новые идеологи снизили историческое мышление людей до примитивных штампов. Все как будто забыли о громадном катаклизме, который пережила Россия фактически начиная с революции 1905 г. Большевики, которые поначалу противились и национализации земли, и национализации предприятий,

¹ Соратник Керенского видный масон В. Б. Станкевич пишет в мемуарах о том, что возникло после свержения самодержавия: «Не политическая мысль, не революционный лозунг, не заговор и не бунт, а стихийное движение, сразу испепелившее всю старую власть без остатка: и в городах, и в провинции, и полицейскую, и военную, и власть самоуправлений».

² Очень много говорилось о разгоне Учредительного собрания чуть ли не как о причине гражданской войны. Выборы в Учредительное собрание состоялись в ноябре 1917 г. по старым спискам. В октябре И. А. Бунин записал в дневнике: «Вот-вот выборы в Учредительное собрание. У нас ни единая душа не интересуется этим». Открыто Учредительное собрание было 5 января 1918 г. В ту же ночь распушено, поскольку не признало Декретов Советской власти, да и не имело уже кворума после раскола. То, что произошло с «учредилловцами» дальше, красноречиво. Учредилловцы отправились к белочехам, объявили себя правительством России (Директорией), потом эту «керенщину» переловил Колчак. Они сидели в тюрьме в Омске, их вместе с другими заключенными освободили восставшие рабочие. Колчак приказал бежавшим вернуться в тюрьму, и «контрреволюционные демократы» послушно вернулись. Ночью их «отправили в республику Иртыш» — вывели на берег и расстреляли. Все же разгон и расстрел — разные вещи.

были увлекаемы ходом событий. Дж. Кейнс в очерке «Россия» (1922) писал: «В природе революций, войн и голода уничтожить закрепленные законом имущественные права и частную собственность отдельных индивидов». Надо поражаться как раз тому, как быстро большевики ходом событий овладели и восстановили и общество, и право — хотя не в виде буржуазного государства. Что ж, кадеты и меньшевики оказались несостоятельны и не получили поддержки.

В целом, кампания по отключению нашей памяти о советском строе и о том, как он возник, была очень успешной. Помню, перед выборами 1995 г. попросили меня помочь одному кандидату от КПРФ. Приехали мы в большую воинскую авиационную часть под Москвой — редкий случай, обычно к военным не пускают. В зале около тысячи офицеров-летчиков, элита ВВС. По ходу беседы встает один и спрашивает: «Если выберут коммунистов, значит, опять они возьмутся за старое — «все отнять и разделить!»».

Что тут скажешь? Ведь это полная чушь, но она уже у всех на языке. Я говорю: когда же коммунисты «отнимали и делили»? Никогда этого не было, совсем наоборот — сначала «отнимали и соединяли», а потом «строили и соединяли», но главное — не делили, а *соединяли*. Вспомните главные слова: *национализация* и *коллективизация* — но это же не раздел, а собрание. Да само слово «коммунист» означает «общинник». «Отнимает и разделяет» как раз Чубайс с его ваучерами.

Вижу, не действуют мои доводы, слова отскакивают, как горох, стоит майор и улыбается. И пошел я на примитивную аллегорию. Говорю: ну ладно, допустим, «отнять и разделить». Ведь это все-таки справедливее будет, чем «отнять и присвоить», да еще и за рубеж переправить, как это сейчас делается. Покачал головой майор, согласился — да, все-таки справедливее. Положение действительно очень тяжелое — с офицером, да еще летчиком с высшим образованием, приходится говорить, как с обманутым ребенком — тоже обманывать, но не так вредоносно. Кстати, именно радикальный демократ Г. Х. Попов в своей книге «Что делать?» буквально повторил лозунг Шарикова: «Главное в перестройке в экономическом плане — это дележ государственной собственности между новыми владельцами». Отнять и разделить!

Большие усилия сегодня делаются и для отключения *краткосрочной* исторической памяти. Это — важное условие для возможности подлогов в политике. Если люди быстро забывают действительность, то всякую проблему можно представить ложно. И обсуждение, даже если бы оно было, теряет разумные черты — лукавый политик давит на чувства. В ходе перестройки и реформы никаких обсуждений обычно и не требовалось — возмущившись каким-нибудь вопросом до истерики, люди тут же забывали о нем начисто.

Под воздействием телевидения наши граждане обнаружили способность стирать из своей памяти недавнее прошлое почти таким же чудесным способом, как стирается текст из магнитной памяти ЭВМ. Легко и без следа забываются события и персонажи буквально полугодовой давности — а значит, о них перестают и думать. Как загипнотизированные смотрят зрители на политическую сцену, куда невидимые фокусники вдруг выдвигают в качестве пророков и вождей ничем не примечательных человечков — и так же неожиданно убирают их со сцены в небытие. И все о них тут же забывают.

Вот мелочь, но как она красноречива. Была в перестройке колоритная и по-своему симпатичная фигура — следователь Гдлян. Со всех трибун он заявлял о мафиозной деятельности верхушки КПСС во главе с Лигачевым. Доказательства, мол, спрятаны в надежном месте, он их вытащит, когда минует прямая опасность. Ему внимали, затаив дыхание, Зеленоград устраивал марши в его поддержку, он — вечный депутат. Вот, опасность миновала, тут бы и время опубликовать страшные документы. Но никого это уже не интересует. Гдлян, как и раньше, улыбается с экрана, сидит на софтах у Ельцина, но никто его не спросит: «Товарищ комиссар, покажите бумаги, очень интересно посмотреть». Неужели все еще боится длинной руки Егора Кузьмича? А ведь вся эта истерика (как и поиски «денег КПСС») была важным актом в спектакле. Кстати, для поиска «денег КПСС» Гайдар в свое время нанял некую американскую фирму, которой заплатил за «работу» немислимые деньги, какие-то миллионы долларов. Чем кончилась эта афера? Никто уже не интересуется. Может, и фирмы-то такой нет.

И не только лица стираются из исторической памяти, но и целые концепции. Вспомним, как Лариса Пияшева доказывала в 1991 г., что либерализация цен приведет к их повышению лишь в два-три раза, не больше. Даже называла точные цены. Когда она это писала, был известен расчет Госкомцен СССР, сбывшийся с точностью до рубля, — он предсказывал первый скачок цен на продукты в среднем в 45 раз. Был известен опыт либерализации цен в Польше — рост сразу в 57 раз, и эти данные публиковала не газета «День», а бюллетень ЦСУ СССР. Казалось бы, очевидно, что Пияшева или нагло врет людям, или ничего не смыслит в экономике. Что же сегодня, вспомнили ее «прогноз специалиста»? Нет, она стала уже доктором наук и фигурирует как ведущий ученый-рыночник. А Гайдар, обещавший стабилизировать доллар на уровне 50 рублей, то есть 2 копеек 1999 года? Он говорил явную глупость, но ведь его так и считают ученым, экономистом. Как-то должны мы объяснить эту беспредельную забывчивость.

Достаточно было Черномырдину на пару месяцев уйти в тень, оставив грязную работу по разорению банков и вкладчиков молоденькому Кириенко, — и он уже выдвигается на должность премьер-министра как «опытный хозяйственник, который наладит экономику». Но он же пять лет эту экономику успешно уничтожал! Нет, этого уже никто не помнит и не желает вспомнить. Все твердят, что он хозяйственник и знает производство. А если и вспоминают, что он был премьером, он даже хвастается: «Одним могу гордиться — когда я руководил правительством, я не допустил крови». Ушам своим не веришь, но ведь это ему сходит. Все как будто забыли и октябрь 1993 г. в Москве, и войну в Чечне. Ведь все это дело рук Черномырдина как исполнительной власти! Ельцин только давал общие приказания.

Кстати, если уж помянули о Чечне. Многие все-таки помнят рейд Басаева в г. Буденновск в 1996 г. Невероятное дело — боевики были уже блокированы армией на маленьком пятачке Чечни, был установлен полный контроль с воздуха, мышь не проскочит. И вдруг оттуда выезжает колонна из 15 «КамАЗов» с боевиками, спокойно проезжает 200 км по Ставропольскому краю через десятки блокпостов и захватывает город. Можно ли поверить, что такое случилось без соучастия московских политиков высшего ранга, заинтересованных в победе Дудаева? Никто тогда и не верил. Поэтому хотелось знать, на кого же свалят вину. Объявили, что возбуждено около 200 уголовных дел против... сотрудников ГАИ. Ну ладно, хоть что-то всплывет. Но дальше — молчок. Никаких сообщений! Прием простой, но он может применяться, только если общество совершенно беспамятно. Никто ведь и не потребовал сообщить о результатах следствия. Да и можно было не требовать — люди уже забыли.

А вот еще более важная вещь, о которой тоже все забыли, — кампания с «фермерством» как механизм расшатывания советского строя на селе. Судя по опросам, интеллигенция, а за ней и часть рабочих были обеими руками за фермерство против колхозов. Тем самым они брали на себя большую ответственность — ведь их мнением размахивали политики. Но знают ли они, чем кончилось дело? Нет, уже не интересуются.

Изъяли у колхозов и передали фермерам 9,1 млн. га пашни — ничего себе кусок (7,2% от всей пашни России)! И оказывается, товарной продукции с них почти не получается. Все съедают сами фермеры, даже скотину не могут прокормить (молока производят 1,6%, мяса 1,8%, картофеля 1% и зерна 6,2%). Продуктивность на уровне каменного века. И это преподносится как шаг вперед, который надо как можно скорее сделать в отношении всех земельных угодий страны. Прикиньте в уме: что, если бы сбылась мечта Чер-

ниченко и в 1992 г. все колхозы были бы распущены, а вся земля отдана фермерам? Кто бы «накормил Россию»? Ведь 9 млн. га пашни — это уже вполне надежный эксперимент. А разве кто-нибудь интересуется тем, как идет продажа земли в Саратовской области, — нам голову продолбили, чтобы ее опыт переняла вся Россия? Кто купил землю? Как ее использовали? Какой урожай собрали?

Фермеров, видимо, просто разорят. Самоэксплуатация труда у них невыносимая. Жилы свои рвут люди и детей своих мучают. Наплаву фермеры держатся только там, где они прилепились к колхозу и совхозу. Добивание общественного уклада будет и концом фермерства. Они уже в долгах, и их земля готова к изъятию — они ее просто пока охраняют. Обман и в планах «фермеризации» животноводства. Средняя молочно-товарная ферма оптимальных для России размеров (70 коров) требует капиталовложений, равных ежегодному накоплению в 2 тыс. долларов в течение 60 лет.

Я уж не говорю о том, что забыта вся «экономическая» аргументация против колхозов. А ведь интеллигент поверил, что колхозы были сплошь убыточны и запускали руку в карман налогоплательщика. Хотя реальные данные были доступны каждому. Вот последний стабильный год — 1989-й. В СССР было 24 720 колхозов. Они дали 21 млрд. руб. прибыли. Убыточных было 275 колхозов (1%), и все их убытки составили 49 млн. руб., 0,2% от прибыли — смехотворная величина. В целом рентабельность колхозов составила 38,7%. Колхозы и совхозы вовсе не «висели камнем на шее государства» — напротив, в отличие от Запада наше село субсидировало город. Говоря об огромных якобы дотациях, академики и журналисты сознательно лгали. Именно на Западе сельское хозяйство — это не рыночная, а бюджетная отрасль, сидящая на дотациях. В среднем по 24 развитым странам бюджетные дотации составляют 50% стоимости сельхозпродукции (а в Японии и Финляндии — до 80%). Около 30 тыс. долларов в год на одного фермера! В 1986 г. бюджетные ассигнования на сельское хозяйство США составили 58,7 млрд. долл., и дотации постоянно повышаются. А все бюджетные ассигнования российскому селу на 1999 г. были предусмотрены в 2,5 млрд. рублей — чуть больше 100 млн. долл. Так ведь это — предусмотрено, а дать-то не дали и этого.

§ 3. Разрушение символов

В том мире культуры, который создан самим человеком (общественным человеком) и в котором он живет, особое место занимает *мир символов* («универсум символов»). Символы — отложившиеся в сознании образы (призраки) вещей, явлений, человеческих отношений, общественных институтов, которые приобретают *метафизический* смысл, то есть смысл, выходящий за рамки

физического существования тех объектов, из которых выделился, эманировал символ. Так же, как связный язык, владение числом, способность к логическому мышлению, символы — оснащение нашего разума. Оно все время развивается, достраивается, но оно может быть и разрушено или повреждено. Символы образуют свой целый мир, сотрудничают между собой, борются — усилиями нашего сознания и воображения. Мы в этом мире живем духовно, с символами непрерывно общаемся и под их влиянием организуем нашу земную жизнь. Но мир символов с этой земной, обыденной жизнью не совпадает, символы приходят к нам из традиции, у них другой ритм времени и другие законы.

Каждый из нас «утрясает» свою личную биографию через символы, только с их помощью она укладывается в то время и пространство, где нам довелось жить. Они, как носители знания о добре и зле, направляют наши поступки, советуют запомнить одни и забыть другие, так лепя из каждодневной рутины нашу личную историю. Обитая в мире символов, человек осмысливает свою неминуемую смерть, включает ее как будущее событие в свою историю и идет к ней более или менее спокойно, не прекращая земных дел. Мир символов легитимирует жизнь человека в мире, придает ей смысл и порядок. Религия — один из «срезов» мира символов, но и без него этот мир очень богат и полон.

Мир символов упорядочивает также историю народа, общества, страны, связывает в нашей коллективной жизни прошлое, настоящее и будущее. В отношении прошлого символы создают нашу общую память, благодаря которой мы становимся народом — так же, как братья и сестры становятся семьей, сохраняя в памяти символы детства, даже отрывочные, зыбкие, как призраки, — вроде песни матери, уходящего на войну отца или смерти деда. В отношении будущего символы соединяют нас в народ, указывая, куда следовало бы стремиться и чего следовало бы опасаться. Через них мы ощущаем нашу связь с предками и потомками, что и придает человеку бессмертие и позволяет спокойно идти к своей личной смерти при наличии разума. Все мы принадлежим к вечному миру символов, который был до нас и будет после нас лично. Мы обретаем космическое чувство и оно поддерживает нас в бедствиях и суете обыденной жизни.

Особое место в мире символов занимают образы *мертвых*. Они участвуют в создании и личной биографии, и народной, направляют на путь и в отдельной семье, и в стране. Мертвые — огромное большинство каждого народа, и всегда они оказывали на его жизнь огромное влияние (за исключением, конечно, той культуры, которая сумела превратить народ в гражданское общество людей-атомов). Кельты Шотландии представляли своих мертвых как летучее

войско, *слог* (slaugh). Оно, как невидимая стая, носится над землей и участвует во всех битвах племени, издавая *слоган* — боевой клич мертвых. Теперь это слово означает лозунг. Смысл его изменился мало, *лозунг* — боевой клич наших мертвых.

В августе 1917 г., когда либералы довели Россию до полного развала, С. Л. Франк писал: «Было бы бесполезно говорить живым, упоенным соблазнами жизни, о нравственных обязанностях в отношении памяти мертвых; было бы смешным донкихотством надеяться на успех, взывая теперь к чувствам благородства и верности прошлому, напоминая, что даже истинное счастье, купленное ценою забвения погибших и измены их делу и вере, есть нечто презренное и недостойное человека. Но имеющим уши, чтобы слышать, быть может, полезно напомнить, что такое забвение мертвых небезопасно для живых. Если не совесть и человеческое достоинство, то простой страх и политический расчет должны были бы подсказать менее равнодушное отношение к памяти умерших.

Мертвые молчат. Бесчисленная их армия не встает из могил, не кричит на митингах, не составляет резолюций, не образует союза и не имеет представителей в совете рабочих и солдатских депутатов. Тихо истлевают они в своих безвестных могилах, равнодушные к шуму жизни и забытые среди него. И все же эта армия мертвецов есть великая — можно сказать, величайшая — политическая сила всей нашей жизни, и от ее голоса зависит судьба живых, быть может, на много поколений... Что думали бы умершие, если бы они не умерли, а остались живы — есть, в конце концов, совершенно праздный вопрос; быть может, многие из них были бы столь же грешными, слепыми, безумными, как те живые, что хозяйничают ныне. Но они умерли и живут преображенными в народной душе. Там, в этой новой глубинной жизни, они неразрывно слились с тем делом, с той верой, ради которых они погибли; их души внятно говорят об одном — о родине, о защите государства, о чести и достоинстве страны; о красоте подвига и о позоре предательства. В этой преображенной жизни, в глубине народного духа, в которой они отныне суть огромная действенная сила, они глухо ропщут против умышленных и неумышленных измен, против демократизованного мародерства, против бессмысленного и бессовестного пира на их кладбище, против расхищения родной страны, обагренной их кровью. Будем чтить тени мертвых в народной душе. А если мы уже разучились чтить их — будем, по крайней мере, помнить о них настолько, чтобы бояться их и считаться с ними».

Манипуляции с мертвыми — важная часть политического процесса именно потому, что имеют большое символическое значение. Иногда эти манипуляции доводятся до предельной пошлости и абсурда (сегодня стараются не вспоминать огромный спектакль с

посмертным присуждением звания Героя Советского Союза и награждением орденами Ленина трех юношей, погибших в августе 1991 г. при поджоге двух БМП в туннеле около посольства США). Иногда мертвые используются с невиданным цинизмом (ранее говорилось о Тимишоаре). Важный метод вторжения в мир символов и одновременно создания «нервозности» в обществе — осквернение могил или угроза такого осквернения. Этот метод в России регулярно применяется политиками уже почти десять лет. Вдруг начинается суэта с угрозами в отношении Мавзолея Ленина. Через какое-то время эта суэта прекращается по невидимому сигналу. Если учесть, какие фигуры в нее вовлекаются (вплоть до патриарха), то уровень руководства такими акциями надо признать высоким. Если бы кто-то проследил распределение этих попыток по времени, вероятно, выявилась бы связь с событиями, от которых в этот момент надо было отвлечь определенную часть общества¹.

Советское государство называли *тиранией*. Это, конечно, ругательство, но в нем есть и содержательный смысл. Любая тирания, в отличие от западной демократии, опирается на священные символы и является властью *идеократической* (в крайнем случае — опирается целиком на религиозные символы и становится теократией). Тем свойством, благодаря которому символы выполняют свою легитимирующую и направляющую роль, является *авторитет*. Символ, лишенный авторитета, становится разрушительной силой — он отравляет вокруг себя пространство в мире символов, поражая целостность сознания людей, что немедленно сказывается и на земной жизни. Человек, не уважающий авторитет символов, образовал ту совокупность атомизированных индивидуумов, которые в XX в. стали определять лицо западного общества. Испанский философ Ортега-и-Гассет описал этот тип в печальной книге «Восстание масс»: «Непризнание авторитетов, отказ подчиняться кому бы то ни было — типичные черты человека массы — достигают апогея именно у этих довольно квалифицированных людей. Как раз эти люди символизируют и в значительной степени осуществляют современное господство масс, а их варварство — непосредственная причина деморализации Европы».

Для рационального «человека массы» ни в чем нет святости, он все потребляет, не чувствуя благодарности к тем, кто это создал, — «он знаменует собою голое отрицание, за которым кроется парази-

¹ Внезапная активность вокруг Мавзолея всегда инициируется людьми образованными (Г. Старовойтова, Марк Захаров и т. п.). Они не могут не понимать, что Мавзолей — сооружение культовое, а могила Ленина для той трети народа, который его чтит, имеет символическое значение сродни религиозному. Видимо, есть особая категория интеллигентов, которая всегда, при всех режимах тяготеет к разрушению священных символов — извращение почти физиологическое.

тизм. Человек массы живет за счет того, что он отрицает, а другие создавали и копили». За научную революцию, которая неизбежно породила волну разрушения авторитетов, человечество заплатило дорогую цену. Но затем свержение авторитетов через апелляцию к свободе превратилось в технологию господства.

Немецкий теолог и философ Романо Гвардини писал в 1954 г.: «Что же касается авторитета, то говорить здесь о «несвободе» не только неточно, но и нечестно. Авторитет есть основа всякой человеческой жизни, не только несовершеннолетней, но и самой что ни на есть зрелой; он не только помогает слабому, но воплощает сущность всякой высоты и величия; и потому разрушение авторитета неизбежно вызывает к жизни его извращенное подобие — насилие. До тех пор, пока средневековый человек ощущает единство бытия, он воспринимает авторитет не как оковы, а как связь с абсолютным и как точку опоры на земле».

Здесь важна мысль: *разрушение авторитета неизбежно вызывает к жизни его извращенное подобие — насилие*. Огромным, страшным экспериментом над человеком был тот «штурм символов», которым стала Реформация в Западной Европе (об этом см. замечание К. Юнга). Результатом его была такая вспышка насилия, что Германия потеряла 2/3 населения. Человек с разрушенным миром символов теряет ориентиры, свое место в мире, понятия о добре и зле. Он утрачивает психологическую защиту против манипуляторов, увлекающих его на самые безумные дела и проекты.

Такой штурм символов пытались учинить в СССР идеологи перестройки и продолжают вести в России идеологи реформы. В специальной литературе этот проект излагается спокойно и деловито. Многое достигнуто, результаты поддаются строгому изучению, а их связь с воздействием на сознание может быть надежно доказана (это касается, например, динамики насилия).

Культурное ядро российского суперэтнуса и объединившихся вокруг него народов было основано на соединении рациональности (ума) и единой, всеохватывающей этики (сердца), которое наблюдается у человека традиционного общества, обладающего, как говорил Романо Гвардини, *естественным религиозным органом* — способностью видеть священный смысл в том, что современному человеку кажется обыденным, профанным, технологическим (речь не идет об исповедовании религии, и нередко у атеистов этот религиозный орган развит сильнее, чем у формально верующих)¹. Вследствие этого огромное значение здесь приобретает авторитет, не подвергаемый проверке рациональными аргументами. Населе-

¹ Напротив, утрата религиозного органа человеком либерального гражданского общества не отрицается его философами (М. Вебером, Ф. фон Хайеком). В этом смысле Гвардини говорит о паразитировании на христианских ценностях, которому приходит конец.

ние СССР продолжало испытывать влияние авторитета священных для человека традиционного общества символов и институтов — Родины, Государства, Армии. И дело не в декларациях. Дело в сокровенных переживаниях и угрызениях совести, которые редко и, как правило, странным образом вырываются наружу (вроде слез депутата-«кухарки», которая на Съезде народных депутатов СССР выкрикивала что-то нечленораздельное в адрес А. Д. Сахарова, оскорбившего, по ее мнению, Армию; эти слезы и искреннее изумление Сахарова представляли собой драму столкновения двух цивилизаций, в политических интересах опошленную прессой).

Поскольку советское государство было *идеократическим*, его легитимация и поддержание гегемонии опирались именно на авторитет символов и священных идей, а не на спектакль индивидуального голосования (политический рынок). Многочисленные высказывания и демократов, и патриотов о том, будто советский строй сузил мир символов до «классовых ценностей», носят чисто идеологический характер. Насколько нелепы эти утверждения, видно уже из того, что СССР был единственной страной европейской культуры, где была проведена государственная кампания по введению в систему воспитания и, значит, в массовое сознание народных сказок и классической литературы. Великая Отечественная война, создавшая огромный пантеон символов, вовсе не втискивалась в рамки классовой борьбы.

Даже в теории большевики (за исключением, вероятно, отгесненных на обочину «пролеткультовцев») не предполагали чистки мира символов¹. Стоит вспомнить А. А. Богданова, написавшего книгу «Пролетариат и искусство». Он отстаивал крайне «классовый» подход, тем не менее в книге он пишет: «Товарищи, надо понять: мы живём не только в коллективе настоящего, мы живём в сотрудничестве поколений. Это — не сотрудничество классов, оно ему противоположно. Все работники, все передовые борцы прошлого — наши товарищи, к каким бы классам они ни принадлежали...

А народная поэзия?.. Возьмите былины об Илье Муромце. Это — воплощение в одном герое коллективной силы крестьянства феодальной Руси, истинного строителя и защитника нашей земли... Ес-

¹ Война между ВКП(б) и церковью, которая продолжалась, то обостряясь, то затихая, с 1918 г. до середины 30-х годов, была борьбой двух легитимирующих инстанций (идеологической и церковной) за место в идеократическом государстве. По типу это была не война против мира символов, а религиозная война, утверждающая главенство одной стороны. Поэтому Дворец Советов надо было строить на фундаменте храма Христа-Спасителя. Подрывом мира символов надо считать действия именно Н. С. Хрущева, при котором было уничтожено больше церковей, чем за предыдущие сорок лет. Но Хрущев в такой же, если не в большей степени, разрушал и символы большевизма.

ли вы поняли скрытый коллективный смысл образа, разве вы не глубже чувствуете его величественную красоту, разве не веет над вами дух борьбы веков и не чувствуете вы, что недаром пропали труд и страдания темных строителей прошлого, проложивших через беспросветную мглу веков дорогу истории до того места, с которого уже видна цель и с которого мы начинаем свой путь? Разве сознание этого не организует вашу душу, не собирает ваши силы для дальнейшей работы и борьбы?»

Конечно, прочность мира советских символов была подорвана намного раньше, чем пришел Горбачев. После смерти Сталина советская идеократия сама начала процесс не обновления (регенерации) своих символов, как того требуют «законы жанра», а их разрушения (дегенерации). Параллельно с 60-х годов была запущена машина манипуляции сознанием со стороны разношерстной «партии антисоветской революции». Но здесь мы не будем говорить ни о Хрущеве с Горбачевым, ни об их «сотрудниках-врагах» Сахарове (западнике) и Солженицыне (почвеннике) — вообще о редком симбиозе тиранов и манипуляторов, которые в три руки скрутили шею стране и всему ее жизнеустройству. Будем говорить только о мишенях и методах.

Проект разрушения мира символов России (прежде всего, через очернение и осмеяние) еще ждет своего историка. Однако контуры его видны уже сегодня, а главное, наличие его уже никем и не отрицается. Издевательства признаны самими идеологами. В 1996 г., перед выборами, 13 банкиров в своем известном открытом письме общаются, в качестве уступки: «Оплевывание исторического пути России и ее святынь должно быть прекращено». Каков был главный инструмент «оплевывания»? Телевидение, принадлежащее в основном тем же банкирам. Кстати, после победы Ельцина на тех выборах испуг банкиров прошел и оплевывание не прекратилось.

Интеллигенты-западники даже бравировали своим бесстрашием в манипуляции с символами, в солидных журналах прошел поток публикаций на эту тему. В статье «Культурный мир русского западника» эмигрант В. Г. Щукин лестно характеризует эту часть интеллигенции: «В отличие от романтиков-славянофилов, любая сакрализация была им в корне чужда. Западническая культура носила мирской, посюсторонний характер — в ней не было места для слепой веры в святыню». Жизнь без символов, без опоры, в пустоте стала выдаваться за образец. Вот, популярный в годы перестройки философ Померанц пишет в «Независимой газете»: «Что же оказалось нужным? Опыт неудач. Опыт жизни без всякого внешнего успеха. Опыт жизни без почвы под ногами, без социальной, национальной, церковной опоры. Сейчас вся Россия живет так, как я жил десятки лет: во внешней заброшенности, во внешнем ничтожестве, вися в воздухе... И людям стало интересно читать, как жить без поч-

вы, держась ни на чем». Жизнь «человека из подполья», без почвы, наконец навязана всей России.

Очень быстро идеологи стали перенимать, «один к одному», западные технологии разрушения символов. Вот как, например, в США вытравили память о 1 Мая. Этот день стал праздником международной солидарности трудящихся в память о событиях 1886 г. (провокация против рабочей демонстрации, в которой были обвинены и казнены несколько анархистов). Праздник был связан с кровью и имел большой подспудный символический смысл. Учрежден он был в поддержку борьбы американских рабочих за 8-часовой рабочий день. Рейган в 1984 г. объявил 1 мая «Днем закона» (в честь «200-летия соединения закона со свободой», по поводу чего был устроен шумный праздник). Затем к 1 мая стали приурочивать разные шумные акции, например, в 1985 г. в этот день Рейган объявил эмбарго против Никарагуа. Главное было — изъять из исторической памяти сами понятия о солидарности трудящихся. Буквально тем же способом действовали идеологи ельцинизма в России — при пособничестве руководства «независимых» профсоюзов. Они стали называть 1 Мая «Днем весны и труда». Штурм символов, ведущийся «инженерами культуры» режима, уже дошел до пределов пошлости. Вот 7 ноября, в годовщину Октябрьской революции, Ельцин постановил отныне считать это «Днем согласия». А завтра, глядишь, новый президент с Березовским постановят переименовать Пасху в «День православно-иудейского согласия». Зачем, мол, помянуть распятие и Воскресение. Но это — мягкие, вялые действия.

Сильнодействующим средством разрушения было осмеяние, идеологизированное острословие, имеющее своим объектом именно скрепляющие общество символы. Фрейд в монографии «Острословие и его отношение к бессознательному» писал о важных социальных функциях тенденциозных острот, что они служат «оружием атаки на великое, достойное и могущественное, внешне и внутренне защищенное от открытого пренебрежения им». Хазанов и Жванецкий, Задорнов и Петросян стали влиятельными реальными политиками.

Вот книга «Моя Цацкес — знаменосец» Эфраима Севелы (автор отрекомендован журналом «СОЦИС» как еврейский писатель, книга издана в 1992 г. в Петербурге). Это — книга анекдотов о советской армии. Журнал представляет все эти анекдоты как «армейский фольклор», хотя по приведенным примерам (в частности, по диалогу между политруком Кацем и рядовым Цацкесом о красном знамени) видно, что это — довольно занудливый идеологический продукт. Судя по тому, что антисоветские анекдоты выходят теперь в авторских книгах, весь их поток фабриковался сравнительно небольшим коллективом. «Народный юмор» как технология.

Такой юмор был направлен и на символы семьи. Это была такая циничная акция, что сегодня некоторые пытаются ее представить как стихийное явление, фольклор, поминают М. М. Бахтина. «Ах, черный юмор как явление народной смеховой культуры!» В академическом журнале печатают стихишки:

Мне мама в детстве выколола глазки,
Чтоб я в шкафу варенье не нашел.
Теперь я не смотрю мультфильмы, не читаю сказки,
Зато я нюхаю и слышу хорошо.

Комментируют: «Некоторые исследователи в таком отношении к семье усматривают крушение связей, являющееся неизбежным и, возможно, отрицательным последствием развития цивилизации — от племени и родовых отношений к индивидуализму и эгоцентризму. Отметим, не вдаваясь в подробное обсуждение этого тезиса, что он в любом случае оказывается прямой, непосредственной трактовкой неприглядной роли семьи в освещении подросткового фольклора». Некоторые исследователи... Тут и следа нет «народной смеховой культуры» и «подросткового фольклора». Это — типичная лабораторная продукция посредственного поэта, выполняющего идеологическое задание. Когда начали выходить эти «антологии черного юмора» (например: Белянин В. П., Бутенко И. А. Антология черного юмора. Мадрид. 1992), сразу стало видно, что это — профессиональная работа очень малой группы людей. Это не так замечалось, когда стихишки передавались устно.

Кстати, идеологическое задание продолжает выполняться — с одних и тех же убогих стихшков гонорары получают, наверное, по пятому разу. В феврале 2000 г. «Независимая газета», пуская слюну от удовольствия, сообщает: «Все большую популярность приобретает выставка «Детские ужастики» харьковского фотографа-авангардиста Сергея Браткова, которая будет работать в московской галерее «Риджина» до середины марта. Впервые этот проект Братков показал в своем родном городе Харькове два года назад. Экспозиция из двенадцати цветных фотографий плюс две инсценировки с участием детей. Экспозиция продолжалась недолго — возмущенные харьковчане потребовали закрытия «педофильной» выставки». И «Независимая газета», претендующая на роль интеллектуального издания, дает наивно-положительную рецензию об этой выставке.

Важную роль играло осмеяние символов государственности. Такую кампанию уже провела либеральная интеллигенция в начале века, готовя Февраль 1917 г. Тогда всей интеллигенцией овладела одна мысль — «последним пинком раздавить гадину», Российское государство. В. Розанов пишет в дневнике в 1912 г.: «Прочел в

«Русск. вед.» просто захлебывающуюся от радости статью по поводу натолкнувшейся на камни возле Гельсингфорса миноноски... Да что там миноноска: разве не ликовало все общество и печать, когда нас били при Цусиме, Шахэ, Мукдене?» То же самое мы видели в перестройке, когда стояла задача разрушить советское государство как основу советского строя. Для этого приходилось подрывать идею государства как стержень культуры. Поднимите сегодня подшивку «Огонька», «Столицы», «Московского комсомольца» тех лет — та же захлебывающаяся радость по поводу любой аварии, любого инцидента.

А разве не на это было направлено устройство грандиозного концерта поп-музыки на Красной площади, и именно 22 июня 1992 г.? Красная площадь — один из больших и сложных символов, олицетворяющих связь поколений в России. Это хорошо известно. Вот что пишет французский философ С. Московичи: «Красная площадь в Москве — одна из самых впечатляющих и наиболее продуманных. Расположена в центре города, с одной стороны ее ограничивает Кремль. Этот бывший религиозный центр, где раньше короновались цари, стал административным центром советской власти, которую символизирует красная звезда. Ленин в своем мраморном мавзолее, охраняемом солдатами, придает ей торжественный характер увековеченной Революции. В нишах стены покоятся умершие знаменитости, которые оберегают площадь, к ним выстраивается живая цепь, объединяющая массу вовне с высшей иерархией, заключенной внутри. В этом пространстве в миниатюре обнаруживает себя вся история, а вместе с ней и вся концепция объединения народа».

Все это прекрасно знали наши манипуляторы, потому и устроили тут концерт. И чтобы даже у тугодума не было сомнений в том, что организуется святотатство, диктор ТВ объявил: «Будем танцевать на самом престижном кладбище страны». То, что в могилах на Красной площади лежит много ненавистных демократам покойников, несущественно. Цель — обесчестить святое для русского государственного сознания место, разрушить традиционные культурные нормы русского человека (ведь не только Мавзолеем наблюдал кривлянье, а и Лобное место, и Василий Блаженный). Кстати, это стремление разрушить священные символы заложено в самой идеологии западничества. Как писал упомянутый В. Г. Щукин, «с точки зрения западников время должно было быть не хранителем вековой мудрости, не «естественным» залогом непрерывности традиции, а разрушителем старого и создателем нового мира». Сегодня до созидания руки не доходят, а разрушение символов государства приобрело характер тотальной психологической войны.

Известно, что важнейшим для национального самосознания второй половины XX века был в СССР обобщенный символ Великой Отечественной войны. Подтачивание и разрушение этого символа в течение целого десятилетия было почти официальной государственной программой. Не случайно в 1993 г. 40% опрошенных в России ответили, что «власть — не патриот своей Родины». Этот ответ распределен равномерно по всем социально-демографическим группам, но еще больше, нежели к власти государственной, это относится к «четвертой власти» — СМИ. Они и взяли на себя главную работу по разрушению символов. Достаточно вспомнить, как в передаче «Взгляд» А. Любимов настойчиво называл Калининград Кенигсбергом и радовался тому, что Калининградская область активно заселяется немцами.

В государственных еще издательствах и на государственном телевидении возник поток литературы и передач, *релятивизирующих* предательство, снимающих его абсолютный отрицательный смысл. Предательство *относительно*. Власовцы были, конечно, изменниками — но заодно они боролись со сталинизмом. Почему нет, если та война была «столкновением двух мусорных ветров» (Е. Евтушенко)? Если «наше дело было неправое» (В. Гроссман)? Возник популярный жанр предательской литературы. Это не только книги Резуна (Суворова!), но и масса «научных» книг.

Известные и хорошо документированные события войны российскими «историками» начинают излагаться на основании архивов и мемуаров западных (и даже немецких) материалов — часто без указания альтернативных отечественных сведений. Лишь изредка живым еще очевидцам событий удается предупредить читателя в оппозиционной прессе, но это предупреждение чисто символическое, оно до читателя не доходит¹. В целом это большая и хорошо финансируемая программа вытеснения из коллективной исторической памяти русских образа Отечественной войны. Эта программа уже проведена на Западе, и можно только поражаться

¹ В газете «Дуэль» — письмо двух бывших моряков, участников конкретного боя 22 апреля 1945 г. Тогда поврежденная глубинными бомбами немецкая подводная лодка всплыла, но была почти в упор расстреляна залпами эсминца «Карл Либкнехт» (16 снарядов главного калибра и 39 из пушек-автоматов). Моряки пишут, что это «наблюдали более 50 моряков эсминца, занимавшие по боевому расписанию свои места у орудий и зенитных автоматов, на торпедных аппаратах, на бомбометах, на постах наблюдения командирского мостика...» Все это отражено в боевом вахтенном журнале корабля, в боевых рапортах командира конвойа и командира корабля (материалы архива ИО ВМФ, д. 14063, листы 2—10). После войны это было подтверждено и немецкими документами. Но в России в 1994 и 1997 гг. выходят две книги: «Морская война в Заполярье 1941—1945 гг.» и «Ленд-лиз и северные конвои 1941—1945 гг.», и авторы утверждают, что ту лодку У-286 потопили английские фрегаты. Это — мелочь, но этих мелочей тьма.

ее эффективности. В середине 90-х годов на Западе с большим успехом прошел суперфильм «Сталинград» (в России его, по-моему, не показывали, потому что еще «не созрела»). Оставляет тяжелейшее чувство именно тот факт, что миллионы образованных и разумных людей смотрят и даже восторгаются — хотя, сделав усилие, еще могли бы заметить полную нелепость всего пафоса фильма: благородные немцы сражаются против каких-то зверушек-русских и, в общем, выходят в Сталинграде победителями! Причем немцы, оказывается, антифашисты! Когда русские также утратят верный образ своей войны как важную часть «мира символов», их устойчивость против манипуляции снизится еще на один уровень. Этот процесс идет — один из популярных рок-певцов определил в 1990 г. главную тему своих концертов как «профанацию тоталитарного героизма», имея в виду «победителей в минувшей войне», — и получил в ответ овацию.

Большие усилия были предприняты для снятия символического значения образа земли, превращения ее в товар («не может иметь святости то, что имеет цену»). К. Леви-Стросс в «Структурной антропологии» специально рассматривает смысл земли в культуре «незападных» народов. Земля — особое измерение Природы, то мистическое пространство, в котором происходит встреча с мертвыми. Запрет на продажу земли является абсолютным, экономические критерии при этом несущественны.

Перечень символов, которые были сознательно лишены святости (десакрализованы) в общественном сознании, обширен. Дело не ограничивалось теми, которые непосредственно связаны с политическим строем или вообще государственностью России (Сталин, затем Ленин и т. д. вплоть до Александра Невского и князя Владимира). Много мазков было сделано и по образам Пушкина, Шолохова, Суворова и т. д. Примечательна целая передача программы «Взгляд» в 1991 г., в которой утверждалось (на основании книги какого-то польского писателя), что Юрий Гагарин не летал в космос и весь его полет был мистификацией. Под конец ведущие заявили, что сами они верят в то, что полет состоялся, но разрушительную акцию провели большую¹.

Но особое место в этой кампании занимало разрушение символических образов, которые вошли в национальный пантеон как мученики. Тут видна квалификация. Насколько точен выбор объек-

¹ Осмеять и мазнуть постарались фигуры, к которым, казалось бы, никаких претензий быть не может. Например, так упорно высмеивали фразу Мичурина «мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача», что люди и впрямь привыкли к мысли, что это очевидная глупость. Глупо как раз было этому поверить, ибо фраза вполне разумная, а сам Мичурин — достойный уважения труженик, который никоим образом вреда природе не наносил.

тов для глумления, мне объяснили специалисты. Читал я лекцию в Бразилии перед обществом психологов. Тему они задали такую: «Технология разрушения образов в ходе перестройки». Я рассказывал факты, приводил выдержки из газет. А смысл слушатели понимали лучше меня. Особенно их заинтересовала кампания по дискредитации Зои Космодемьянской. Мне задали удивительно точные вопросы о том, кто была Зоя, какая у нее была семья, как она выглядела, в чем была суть ее подвига. А потом объяснили, почему именно ее образ надо было испоганить, — ведь имелось множество других героинь. А дело в том, что она была мученицей, не имевшей в момент смерти утешения от воинского успеха (как, скажем, Лиза Чайкина). И народное сознание, независимо от официальной пропаганды, именно ее выбрало и включило в пантеон святых мучеников. И ее образ, отделившись от реальной биографии, стал служить одной из опор самосознания нашего народа.

Пожалуй, еще более показательно «второе убийство» Павлика Морозова. Все мы с детства воспринимали этот образ как символ трагедии, высших человеческих страстей — мальчик, убитый своим дедом. Сущности дела почти никто и не знал, она была мифологизирована (в реальности она гораздо страшнее, чем в легенде). Насколько был важен этот отрок-мученик как символ, показывает масштаб кампании по его очернению. В ней приняли непосредственное участие такие активные деятели перестройки, как журналист Ю. Альперович и писатель В. Амлинский, критик Т. Иванова и литературовед Н. Эйдельман, обозреватель «Известий» Ю. Феофанов и педагог С. Соловейчик, и даже человек такого ранга, как Ф. Бурлацкий — помощник Брежнева и Горбачева, депутат, впоследствии главный редактор «Литературной газеты». Они скрупулезно и в течение целого ряда лет создавали абсолютно ложную версию драмы, произошедшей в 1932 г., представляя аморальным чудовищем жертву — *убитого ребенка!* Да еще убитого вместе с пятилетним братом.

Представьте, насколько хладнокровно была спланирована вся эта операция, если уже в 1981 г. Ю. Альперович пытался собрать порочащие Павлика сведения у его матери и учительницы, орудая под чужой фамилией! И как низко пал наш средний интеллигент, который поверил клевете всей этой публики, не дав себе труда выяснять действительные обстоятельства дела. Показательна технология очернения символа: трудно найти выступление или публикацию какого-либо из этих деятелей, где бы явно и в целостном виде было сформулировано обвинение против Павлика. Всюду говорится туманно, намеками, обиняком. Никаких фактов, только «мнение» или отсылка к «общеизвестным вещам». Трудно схватить Бурлацкого или Амлинского за шиворот и потащить их в суд за

клевету на близкого человека. Черный миф о Павлике Морозове строился главным образом через умолчания, искажение информации и ложные ассоциации.

В массовом сознании было создано ложное мнение, что Павлик Морозов олицетворяет фанатическую приверженность тоталитарной идее и преданность власти, ради которых идет на предательство отца. Это представление стало настолько всеобщим, что даже видные деятели «красной» оппозиции, не говоря уж о писателях-патриотах типа В. Крупина, включили его в свой арсенал. Так, о Гайдаре говорилось, что он — новый Павлик Морозов («предал душу»).

Те, кто глумился над образами Зои и Павлика, стремились подорвать опору культуры и морали — разорвать всю ткань национального самосознания. А ткань эта — целостная система, строение которой нам неизвестно. И достаточно бывает выбить из нее один скрепляющий узел, как вся она может рассыпаться. Об этом говорил Конрад Лоренц еще в 1966 г. (в статье «Филогенетическая и культурная ритуализация»): «Молодой «либерал», достаточно поднатюривший в критическом научном мышлении, но обычно не знающий органических законов, которым подчиняются общие механизмы естественной жизни, и не подозревает о катастрофических последствиях, которые может вызвать произвольное изменение [культурных норм], даже если речь идет о внешне второстепенной детали. Этому молодому человеку никогда бы не пришло в голову выкинуть какую-либо часть технической системы — автомобиля или телевизора — только потому, что он не знает ее назначения. Но он запросто осуждает традиционные нормы поведения как предрассудок — нормы как действительно устаревшие, так и необходимые. Покуда сформировавшиеся филогенетически нормы социального поведения укоренены в нашей наследственности и существуют, во зло ли или в добро, разрыв с традицией может привести к тому, что все культурные нормы социального поведения угаснут, как пламя свечи».

Сегодня мы видим, что наши культурные нормы не угасли, как пламя свечи. Мир символов не разрушен, и «Реформации России» не произошло. Но травмы нанесены огромные, и общественное сознание надолго ослаблено, а в личном плане для многих эти десять лет были периодом тяжелых душевных пыток.

§ 4. Манипуляция образом труда и безработицы

Одним из главных смыслов, входящих в культурное ядро любого общества, является *труд*. С ним связаны многие частные стороны экономического и социального порядка, представления о взаимной ответственности государства и гражданина, важные симво-

лы и даже религиозные установки. И завоевание гегемонии определенным социально-политическим движением, и подрыв гегемонии определенного государства неизбежно связаны с образом труда и его тенью — образом безработицы.

В перестройке, которую можно считать идеологической арт-подготовкой к слому советского порядка и присвоению государственной собственности номенклатурой, одной из ключевых тем было право на труд и безработица. В рамках этой темы была проведена блестящая программа манипуляции сознанием, и она заслуживает рассмотрения. Высокое качество этой программы подтверждается тем, что отключение здравого смысла удалось не в связи с каким-то отвлеченным вопросом, а вопреки очевидным и осязаемым материальным интересам буквально каждого человека.

Полная занятость в СССР была бесспорным и фундаментальным социальным благом, которое было достигнуто в ходе советского проекта¹. Отсутствие безработицы было колоссальным прорывом к благополучию и свободе простого трудящегося человека. Это было достижение исторического масштаба, поднимающее достоинство человека. Мы еще даже не можем вполне оценить утрату этого блага — у нас еще нет людей, по-настоящему осознавших себя безработными и, главное, воспроизводящих безработицу в своих детях, в следующих поколениях. Мы еще живем «наполовину советским» порядком.

Привычность полной занятости превратила в сознании наших людей это чисто социальное (созданное людьми) благо в разновидность природного, естественного условия жизни. Это, разумеется, сделало право на труд как политическую норму очень уязвимым. Люди его не ценили, и никаких активных шагов по его защите ожидать было нельзя. Однако пассивная установка на отрицание безработицы была вполне определенной. Это показывали регулярные опросы социологов. Кстати, сами эти опросы должны были бы встревожить людей, но не встревожили — Горбачев периодически успокаивал: чего-чего, но безработицы мы никогда не допустим.

На деле партийно-государственная номенклатура СССР, начав свой постепенный отход от советского проекта, уже с 60-х годов стала тяготиться конституционным правом на труд, исподволь начав кампанию по внедрению в общественное сознание мифа о благотном воздействии безработицы на все стороны общественной жизни. Эта тема постоянно муссировалась на околопартийных интеллигентских кухнях, в среде хозяйственных руководителей ста-

¹ В обеспечении права на труд было, конечно, много дефектов, идеал «от каждого — по способностям» был далеко еще не достигнут, реальный уровень промышленного развития не позволял привести качество рабочих мест в соответствие с притязаниями образованной молодежи. Но это по важности несравнимо с главным.

ло хорошим тоном посокрушаться, что, мол, отсутствие в их руках кнута безработицы не дает поднять эффективность производства. Но, поскольку право на труд было краеугольным камнем нашей идеократической системы, подмывание этого устоя велось неофициально, хотя и с явного одобрения верхушки КПСС.

Во время перестройки довольно быстро эта идеологическая кампания стала вестись открыто. Близкий к Горбачеву экономист Н. Шмелев уже в 1987 г. заявил в «Новом мире», что безработица в СССР необходима, а с 1988 г. такие рассуждения заполнили прессу. Эта кампания велась средствами партийной печати с присущей ей тоталитарностью¹.

Сильный эффект расщепления сознания был достигнут тем, что пропагандой безработицы занялись профсоюзы — именно та организация рабочих, которая по своей изначальной сути должна быть непримиримым врагом безработицы. В марте 1991 г., еще в советское время Профиздат выпустил массовым тиражом книгу «Рыночная экономика: выбор пути». Среди авторов — виднейшие экономисты. Читаем: «Можно сказать, что рынок воспроизводит безработицу. Но возникает вопрос, а является ли безработица атрибутом только рыночной системы хозяйства? Разве в условиях административно-командной системы управления производством не было безработицы? Она имела место, только носила структурный, региональный и в основном скрытый характер. Различие между рыночным механизмом и административно-командной системой управления состоит не в том, что в одном случае есть безработица, а в другом нет, а в том, что в условиях рынка безработица официально признается и безработный получает пособие».

Хороши наши советские профсоюзы, не правда ли? Скрытая безработица! Хитро придумано. Это вроде как скрытая болезнь. Пусть человек здоров, наслаждается жизнью, живет до ста лет — назовем его «скрытым больным», попробуй докажи, что нет. Людей, которые реально имели работу, два раза в месяц получали зарплату, квартиру от завода, путевку в санаторий и т. д., убеждают, что это — «скрытая безработица» и что она ничуть не лучше явной. Что явная безработица, когда нет ни зарплаты (да и ни пособия!), ни перспектив, ничуть не страшнее, чем «скрытая». Конечно, так

¹ Я попытался ответить на один такой манифест Н. Амосова, опубликованный в 1988 г. в «Литературной газете», совершенно спокойной информативной статьей. К моему глубокому удивлению, ни одно из «коммунистических» изданий ответа опубликовать не пожелало («так как у редакции на этот счет иное мнение, чем у меня»). Меня это заело, и я приложил все усилия, чтобы напечатать статью. Тщетно. Не помогли ни друзья в ранге зам. главного редактора газет, ни ходатайства влиятельного академика, которого за честь почитала иметь своим автором «Комсомольская правда». Речь шла об идеологической установке ЦК КПСС.

может говорить только подлая продажная тварь. Но как могли рабочие в это верить — вот ведь загадка века.

Признание безработицы благом или хотя бы нормальным состоянием общества было необходимым условием дальнейшего признания (легитимации) рыночной реформы и приватизации государственной собственности. Поскольку разумных доводов в пользу очевидного социального зла найти было невозможно, вся кампания по пропаганде безработицы в СССР была построена как мистификация и может быть взята нами за хороший пример манипуляции общественным сознанием. В нем можно обнаружить почти все главные признаки сознательно спланированного проекта по манипуляции.

Подмена сложной, многогранной проблемы ее плоской, одномерной моделью. Начиная с 60-х годов, когда идея о благе безработицы была вброшена в кухонные дебаты нашей интеллигенции, либеральным идеологам удалось подменить суть проблемы ее убогим суррогатом. Труд и безработица были представлены как чисто экономические категории, так что предложение создать в советском народном хозяйстве безработицу подавалось как чисто техническое, как обычное социально-инженерное решение, не затрагивающее никаких основ нашего бытия. Это предложение увязывалось исключительно с экономической эффективностью (суть которой, впрочем, никак не объяснялась). Аргумент был простым, как мычание: на Западе есть безработица, и там поэтому все работает, как звери, и в магазинах всего полно.

В действительности труд и отлучение от труда (безработица) — проблема не экономическая и даже не социальная, а экзистенциальная. Иными словами, это — фундаментальная проблема бытия человека. Разумеется, она имеет и экономический аспект, как почти все проблемы нашего бытия, но эта сторона дела носит подчиненный, второстепенный характер.

Что вопрос о безработице относится к категории фундаментальных проблем бытия, говорит уже тот факт, что на протяжении всей истории цивилизации он имеет религиозное измерение, в то время как понятие экономической эффективности возникло лишь с появлением рыночной экономики и посвященной ей науки — политэкономии. Иными словами, в Новое время, совсем недавно.

В христианстве запрет на безработицу был воспринят уже из Ветхого завета: каждый должен добывать хлеб свой в поте лица своего. Осовременивая, мы бы сказали, что этой догмой христианство наложило вечный запрет на рынок рабочей силы, который вправе отвергнуть и неминуемо отвергает часть этого «товара», так что безработица — неизбежный и необходимый спутник рыночной экономики. Потому-то духовным условием для ее возникнове-

ния и была протестантская Реформация, которая виртуозно разрешила это противоречие. Часть людей (причем неизвестно кто именно) была объявлена отверженными, которым изначально отказано в возможности спасения души. Им нарушение божественного предписания трудиться уже не повредит. Более того, само превращение в безработного приобретает смысл. Утрата работы человеком есть предупреждение, смутный сигнал о том, что этот человек — отверженный¹.

Понятно поэтому, что утрата работы является для человека ударом, тяжесть которого совершенно не выражается в экономических измерениях — так же, как ограбление и изнасилование не измеряется стоимостью утраченных часов и сережек. Превратившись в безработного, человек испытывает религиозный страх — будь он хоть трижды атеист. Христианский завет вошел в наше подсознание с культурой, и слово «тунеядец» наполнено глубоким смыслом. Очевидно, что этого не поправить и пособиями по безработице: пособие облегчает экономическое положение, но статус отверженного не только не отменяет, а скорее подчеркивает. Помните, как в Англии сэр Джулиан Хаксли предложил, чтобы сократить рождаемость в среде рабочих, обусловить выдачу пособий по безработице обязательством не иметь больше детей, а нарушителей изолировать от жены («в трудовом лагере»)?

В России, даже когда она в конце прошлого века разъедалась западным капитализмом, сохранялось христианское отношение к безработице. Многие крупные предприниматели (особенно из старообрядцев), даже разоряясь, не шли на увольнение работников — продавали свои имения и дома. Те, кто переводили свои отношения с рабочими на чисто рыночную (западную) основу, подвергались моральному осуждению. Сильный отклик имели статьи Льва Толстого, его отвращение к тем, кто в голодные годы «не дает работы, чтобы она подешевела».

Очень точно выразил бытийный, а не экономический и социальный характер проблемы безработицы Горький в пьесе «Враги».

¹ Что касается Ватикана, то в конце прошлого века, озабоченный ростом классовой борьбы, он стал активно выступать в области социальной политики, и папа Лев XIII выступил с энцикликой *Rerum novarum*. К ее столетию Иоанн Павел II, еще более активный политик и идеолог, издал энциклику *Centesimus Annus*. В ней он, в частности, говорит: «Собственность на средства производства, как в области промышленности, так и в сельском хозяйстве, является справедливой и законной, когда используется для полезной работы; но является незаконной, когда используется для того, чтобы не дать доступа к работе другим или для получения прибыли, которая не является плодом глобального распространения труда и общественного богатства, а скорее для своего накопления, для незаконной эксплуатации, для спекуляции и подрыва солидарности в трудовой среде». Здесь отношение католичества к безработице, создаваемой разделением труда и капитала (частной собственностью), выражено витиевато, но вполне определенно.

Один из совладельцев и директор фабрики решил ее закрыть и уволить рабочих. Произошел конфликт, и рабочие его убили (случайно). Идет осмысление трагедии, и что же мы видим? Конфликт не классовый, а именно бытийный: морально на стороне рабочих даже семья убитого. Более того, даже приехавший на усмирение жандармский офицер. Как будто фабрикант нарушил какой-то тайный, но жизненно важный уговор, какое-то хранимое в глубинах подсознания табу. Это видно в пьесе даже несмотря на то, что ее трактовка в советских театрах всегда делала акцент на классовой, социальной стороне дела.

Все это — банальные вещи, прекрасно известные и философам, и социологам, и культурологам. Среди них есть честные люди. Почему же не было слышно их голоса? Почему никто не крикнул: «Люди добрые! О чем вы? Ведь безработица — совсем не то, о чем вы говорите!»? Именно тот факт, что такого крика общество не услышало, служит надежным симптомом того, что речь идет об акции по манипулированию сознанием. Выполняется следующее условие.

Соккрытие знания и блокирование независимых источников информации. Для успешной манипуляции необходимо сокрытие имеющихся важных сведений и полная блокада всех тех, кто может поставить под сомнение утверждения манипуляторов.

Я уже писал выше, как в 1988 г. безуспешно пытался опубликовать в газетах, подотчетных КПСС, статью, в которой спорил с утверждениями Н. Амосова о благе безработицы. После этого я на год уехал работать на Запад, в университет, и там, получив доступ к базам данных, я познакомился с американскими диссертациями, посвященными безработице. Стало ясно, что идеологические службы КПСС уже много лет тщательно блокировали поступление в СССР всякого современного знания о явлении безработицы и его воздействии на человека. Это — факт, а мотивы, которыми руководствовалась наша «коммунистическая» номенклатура, не так существенны. Для нас важно, что были загодя созданы условия для успешной манипуляции сознанием.

В связи с тем, что безработица в России становится реальностью, сокрытие научных знаний о ней сначала верхушкой КПСС, а теперь боссами демократии означает умножение страданий наших граждан и может рассматриваться как преступное. Думаю, моральный (а может, и какой-нибудь еще) суд рано или поздно вынесет также частное определение в адрес обществоведов, которые участвовали в сокрытии этих знаний, не говоря уж о прямой лжи.

Отмечу лишь один момент, важный для наших педагогов. Судя по всему, они до сих пор не знают, что главный удар безработица наносит не по взрослому человеку — он уже защищен опытом и ра-

зумом, — а по его детям. Когда человек теряет работу, первой жертвой становится его сын-подросток. Переход в категорию «сын безработного» вызывает у мальчика стресс, с которым многие не справляются. Они пополняют ряды наркоманов и преступников, даже если материальных лишений семья еще не ощущает. Это — один из важнейших выводов многолетних исследований безработицы в США. Готова ли наша школа к тому, чтобы морально помочь детям завтрашних безработных? Думаю, не готова и не готовится — она увлечена контактами с детьми-бизнесменами из США.

Наблюдательный человек должен был бы подметить странную вещь в рассуждениях о безработице, которые начались с 1987 г. Речь шла о новом, неизвестном для нас явлении. Казалось бы, логично пригласить в печать, на радио и телевидение знатоков вопроса — зарубежных специалистов, профсоюзных деятелей, самих безработных. Мол, поделитесь опытом, расскажите, как и что. Вспомните: за все годы — ни одного такого случая не было. Не пришло нашему умному руководству в голову? Нет, это была сознательная установка¹.

Жесткой цензуре были подвергнуты даже те западные лидеры, именами которых размахивали архитекторы перестройки. Многие помнят, например, что на определенном этапе любили они помянуть «шведскую модель» — вот, мол, с кого будем брать пример (брать пример с Пиночета и Мобуту считалось для начала неудобным). Советник Горбачева по экономике Аганбегян из Швеции не вылезал. Казалось бы, надо было дать слово Улофу Пальме — политику, который считается автором основных идей этой модели, человеку почтенному, не коммунисту. Нет, он попал в список неприемлемых для перестроечной прессы авторов. Его небольшая книга «Шведская модель» переведена, наверное, на все языки — однако идеологическая машина А. Н. Яковлева, обещавшего перенести шведский опыт на советскую землю, наложила на эту книгу запрет. Но неужели даже Аганбегян и вся эта команда тоже эту

¹ Простодушные профсоюзные работники Запада, искренне желавшие помочь нам приспособиться к рынку, многократно предлагали нам поделиться опытом. О контактах с КПСС по поводу именно безработицы не знаю, но в 1989 г. у меня был разговор с одним работником из испанского профсоюза Рабочие комиссии. Он был поражен на всю оставшуюся жизнь. За год до этого довелось ему поехать в составе делегации в Польшу, была встреча на фабрике, и он по простоте душевной стал рассказывать о безработице, об уловках и трюках работодателей и служб занятости и о том, что им можно противопоставить. Раз уж поляки решили переходить к рынку, надо же им кое-что объяснить. К его изумлению, к нему тут же поднялись из зала трое крепких мужчин, взяли за руки и прямо с трибуны вывели за кулисы, а потом за ворота фабрики. Вышвырнули иностранную делегацию, да еще с Запада! «Солидарность», мол, не потерпит коммунистической пропаганды.

книгу не прочли? Трудно поверить. Можно с уверенностью утверждать: от нас были сознательно скрыты важнейшие именно для всей идеологической конструкции перестройки положения «шведской модели».

Ибо Улоф Пальме выявляет тесную связь между проблемой безработицы и проблемой свободы — того ключевого понятия, вокруг которого крутилась вся перестройка. В своей книге он подчеркивает чуть ли не главный вывод: «Свобода предполагает чувство уверенности. Страх перед будущим, перед насущными экономическими проблемами, перед болезнями и безработицей превращает свободу в бессмысленную абстракцию... Наиболее важным фактором уверенности является работа. Полная занятость означает колоссальный шаг вперед в предоставлении свободы людям. Потому что помимо войны и стихийных бедствий не существует ничего такого, чего люди боялись бы больше, чем безработицы».

Умолчание об этом выводе делает все разговоры о «шведской модели» (и вообще о «социальном государстве», «социально ориентированной рыночной экономике») преднамеренной фальсификацией, на которую идеологи перестройки и реформы были вынуждены пойти ради успеха в манипуляции сознанием наших граждан.

Грубый обман. Фальсификации и замалчивание важного знания в ходе манипуляции не обязательно доходят до уровня явного и грубого обмана. Но к нему, естественно, прибегают, если аудитория неспособна этот обман разглядеть. В своей пропаганде безработицы наши идеологи-либералы могли прибегать к обману, совершенно не опасаясь разоблачения.

Здесь можно сделать упрек нашей интеллигенции — уж явный-то обман она не должна была бы допускать, независимо от своих идеологических предпочтений. Но она как будто забыла все профессиональные стандарты и нормы. Вот, вводя монетаризм и организуя «кризис неплатежей», ведущий к безработице, Гайдар целый год потрясал какими-то «кривыми Филлипса» как неотразимым аргументом. И ни один депутат, среди которых было множество ученых и инженеров, не задал простого вопроса: «Что это за «кривые»? Какое они имеют отношение к нашим делам? Насколько они надежны?» — самые естественные для инженера и ученого вопросы. Ни один! А история стоит того, чтобы на ней остановиться.

Мне пришлось вникнуть в это дело, когда я много лет назад занялся изучением истории взаимоотношений между естественными науками и политэкономией. В этой истории «кривые Филлипса» занимали особое место, им посвящена целая глава в изданной в Оксфорде «Истории эконометрии» — как изложение поучительно-го примера крупной научной мистификации.

Инженер-электрик из Лондона Филлипс занялся экономикой и построил аналоговую машину: три прозрачных резервуара («производство», «капитал» и «потребительский спрос»), соединенных трубками, по которым прокачивалась подкрашенная вода. Задача была — найти способ стабилизации этой «экономики», контролировать инфляцию. В лучших традициях механистического мышления Филлипс рассчитал, что стабилизировать эту систему надо через уменьшение потребительского спроса. Как? Сняв социальные гарантии и отказавшись от идеи полной занятости — через безработицу. Это понравилось политикам, хотя первый же министр, предложивший отказаться от принципа полной занятости (в 1957 г.), вынужден был подать в отставку. Но затем, хотя экономисты доказывали, что причиной инфляции является прежде всего рост себестоимости производства, а не избыточное благосостояние людей, правительство соблазнилось и попросило «доказать» выводы статистикой.

Филлипс, по его собственному признанию, выполнил «ударную работу» и путем множества упрощений (критики называют их «подгонками») вывел, что рост безработицы якобы ведет к снижению инфляции. Дебаты в парламенте, для которых были нужны данные, обещали быть долгими, а Филлипс получил выгодное место в Австралии, хотел уехать и посчитал, что «лучше было сделать расчеты попоше, чем долго ждать результатов», а потом добавил скромно, что руководитель работ «задал эти результаты заранее» — ну прямо как у нас в ЦЭМИ (руководитель проф. А. Браун, впрочем, от этого отрешивается).

Вывод, который Филлипс сделал из своих липовых кривых, был чисто политическим: «При некотором заданном темпе роста производительности труда уменьшить инфляцию можно только за счет роста безработицы». Этим выводом и размахивал Гайдар, хотя и он сам, и его советники из МВФ прекрасно знали, что кривые Филлипса на практике не выполняются, что в ходе кризиса 80-х годов в США инфляция росла параллельно с безработицей (не говоря о том, что к нашей экономике все это вообще не имело никакого отношения). Но одурачить целый Съезд народных депутатов было нетрудно — они от рационального мышления отключились.

Для нашей темы этот сюжет важен тем, что он показывает: речь шла не просто о манипуляции сознанием, а о грубой, наглой манипуляции, с использованием прямого и легко раскрываемого обмана. Примечательно, что после первого же объяснения истории с «кривыми Филлипса» в печати (даже в малотиражной «Правде») никто из реформаторов больше о них публично не упоминал.

Вынужденная безнравственность идеологов как признак манипуляции. Фальсификация знаний о реальности в случае фундаментальных проблем бытия почти неизбежно сопряжена с без-

нравственностью (можно назвать ее «вынужденной»), ибо она связана не с личными качествами вовлеченных в акцию специалистов, а с характером задачи). В случае проблемы безработицы это проявляется очень наглядно.

Дело в том, что безработица как социальное явление является источником массовых страданий людей. Тот, кто выдвигает или поддерживает предложение перейти от реально достигнутой полной занятости к узаконенной безработице, прекрасно знает, что результатом его предложения будут страдания, причиненные большему или меньшему числу сограждан. Такого рода предложения, какими бы экономическими или технологическими соображениями они ни обосновывались, прежде всего создают проблему нравственную. Эта проблема должна быть явно изложена, а выбор того или иного решения поддержан также нравственными (а не экономическими или технологическими) доводами.

И речь в данном случае идет не об абстракции, не о «слезинке ребенка». В середине 1990 г. эксперты правительства Рыжкова прогнозировали на 1991 год высвобождение только в сфере материального производства 15—18 миллионов работников. В журнале Академии наук СССР «Социологические исследования» (это даже еще не ельцинская РФ) печатались статьи с заголовками такого рода: «Оптимальный уровень безработицы в СССР». Оптимальный! Наилучший! Что же считает «оптимальным» для нашего народа социолог из Академии наук? Вот его идеал, полученный с использованием тензорной методологии, золотого сечения, ряда Фибоначчи и прочей ахинеи: «Оптимальными следует признать 13%... При 13% можно наименее болезненно войти в следующий период, который в свою очередь должен открыть дорогу к подъему и процветанию» (процветание, по мнению автора, должно было наступить в 1993 г.).

Поскольку статья написана в середине 1990 г. и речь идет об СССР с его 150 млн. трудоспособных людей, то, переходя от относительных 13% к абсолютному числу личностей, мы получаем, что «наименее болезненным» наш гуманитарий считает выкинуть со шлюпки 20 миллионов человек.

Само по себе появление подобных рассуждений на страницах академического журнала — свидетельство моральной деградации нашей гуманитарной интеллигенции. В общественных науках социолог — аналог врача в науке медицинской. Очевидно, что безработица — социальная болезнь, ибо приносит страдания людям. Можно ли представить себе врача, который в стране, где полностью ликвидирован, скажем, туберкулез, предлагал бы рассеять палочки Коха и довести заболеваемость туберкулезом до оптимального уровня в 20 миллионов человек?

Ведь автор той статьи нигде не сделал даже такой оговорки: на нас, дескать, в связи с рыночными реформами накатывает неминуемая беда; я, как узкий специалист, не берусь обсуждать реформу, я лишь говорю о том, что при всех наших усилиях мы не сможем сократить число потерпевших несчастье сограждан ниже 20 миллионов; чтобы оно не было выше, надо сделать то-то и то-то. Нет, социолог благожелательно ссылается на Милтона Фридмана (подчеркивая что он — Нобелевский лауреат), который выдвинул теорию «естественного» уровня безработицы: «При снижении уровня безработицы ниже естественного инфляция начинает расти, что пагубно отражается на состоянии экономики. Отсюда делается вывод о необходимости поддержания безработицы на естественном уровне, который определяется в 6%». Шесть процентов — это для США, а нам поклонник Милтона с помощью золотого сечения вычислил 13%, которые, хоть кровь из носу, «необходимо поддерживать».

Мы говорили о масштабах страданий, которые нам предполагали организовать политики с целой ратью своих экономистов и гуманитариев. А какого рода эти страдания, какова их интенсивность? Социолог их прекрасно знает, они регулярно изучаются Всемирной организацией труда, сводка печатается ежегодно. В США, например, рост безработицы на один процент ведет к увеличению числа убийств на 5,7%, самоубийств на 4,1%, заключенных на 4%, пациентов психиатрических больниц на 3,5% (эти данные он сам бесстрастно приводит в своей статье)¹.

Некогерентность рассуждений. Вынужденная безнравственность всего дискурса наших пришедших к власти либералов в отношении безработицы обнаруживает следующий родовой признак манипуляции сознанием, который служит надежным и едва ли не самым простым для выявления симптомом — некогерентность дискурса. Мы применяем здесь эти введенные исследователями манипуляции термины из уважения к их науке, а на нормальном языке это означает, что манипуляторы в своих построениях поневоле вынуждены вступать в глубокое противоречие с теми принципами, которые они сами же декларируют.

Размахивая знаменем свободы и гражданского общества, наши либеральные философы постоянно мусолили имена его отцов-

¹ Кстати, «теория» Фридмана — это чистая идеология. Расчеты крупнейшего экономиста нашего века Кейнса показывают, что безработица, «омертвление рабочих рук» — разрушительное для экономики в целом явление, оно лишь маскируется непригодными с точки зрения общих интересов показателями (прибыль отдельных предприятий). Массовую безработицу надо ликвидировать самыми радикальными средствами, иля ради этого на крупный дефицит госбюджета. Оживление трудовых ресурсов при этом многократно окупает затраты. Да и сегодня в США рост безработицы на один процент увеличивает дефицит госбюджета на 25 млрд. долл.

первооткрывателей, Локка и Канта (а потом их современного продолжателя — Поппера). Хорошо. И вдруг — пропаганда социально-инженерного проекта по переустройству нашего общества так, чтобы в нем возникла безработица. Возникает вопиющее и неразрешимое противоречие с самыми главными положениями и Локка, и Канта, и Поппера. Полная некогерентность дискурса!

Вот Н. Шмелев пишет: «Мы обязаны внедрить во все сферы общественной жизни понимание того, что все, что экономически неэффективно, — безнравственно и, наоборот, что эффективно — то нравственно». Он вынужден был сказать эту чушь, чтобы, восхваляя безработицу, не выглядеть безнравственным. Кто же поверит идеологу, который буквально заявляет: я, мерзавец, призываю вас к тому-то и тому-то нехорошему. Вот и приходится выкручиваться.

Итак, Н. Шмелев (а он, заметьте, один из самых приличных в этой компании) представляет экономическую эффективность («пользу») фундаментальной категорией, а нравственность — вторичной, производной от пользы. Это противоречит не только всем нашим знаниям о человеке и здравому смыслу, но и всей философии гражданского общества.

Нравственность — фундаментальное основание бытия человека (обезьяна стала человеком именно обретя нравственность). Выгода, тем более «экономическая эффективность» — явления исторически обусловленные, преходящие. Локк, философ либерального общества, у которого мы вроде бы обязаны сегодня учиться жить, специально ставил вопрос о том, является ли выгода фундаментальным основанием бытия, однопорядковым нравственности. Ответ его был таков: «нравственность действия не зависит от пользы». И разъясняет, что «естественный закон» бытия не сводится к выгоде и не нравственность определяется пользой, а, наоборот, польза есть один из результатов нравственности. Польза (выгода, эффективность и т. д.) — вторична.

Конечно, если бы А. Н. Яковлев, Н. Шмелев и прочие прорабы вдруг сказали с экрана: «Все эти свободы, нравственность и гражданское общество — чушь. Человек человеку волк — вот наша правда! Тащи, ребята, кто что может, и погуляем напоследок», — то это было бы честно, но нецивилизованно. Этого ни наши либералы, ни Запад не любят, поэтому пришлось включить машину манипуляции.

В отношении Канта в некогерентность, граничащую с шизофренией, впали уже не только идеологи реформы, но и широкие круги нашей образованной интеллигенции. Редко сейчас встретишь гуманитарный журнал, где бы не поминался моральный императив Канта: «поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой». Ссылаясь на эту максиму, я уже давно (с начала 60-х го-

дов) спрашиваю, когда могу, интеллигента, ратующего за безработицу: «Ты сам хочешь стать безработным?» Ни разу я положительного ответа не услышал. Самые совестливые (а это были мои приятели по лаборатории) отвечали уклончиво, примерно так: «Я бы и не против ради общего блага, но ты же знаешь, у нас сейчас научно-техническая революция, а я научный работник; так что никак у меня стать безработным не получится, ты уж извини. Безработица — это для рабочих, ну, избыточных колхозников». Тут, как нам теперь известно, маленько промахнулись наши либеральные интеллигенты — сами стали жертвой очень примитивной манипуляции сознанием. Сантехники нужны даже в колонии, а вот научные работники — только в державном государстве, которое они разрушали.

Что же касается Поппера и его концепции «открытого общества», то тут некогерентность наших реформаторов скандальна. Они устроили нам «революцию сверху». Шутка ли — организовать за год приватизацию по Чубайсу и планировать безработицу в 20 миллионов. А из философии Поппера следует важный практический вывод — запрет на крупные изменения в обществе. Социально-инженерные решения не должны быть крупными. Знание приращивается эволюционно, не быстрее, чем образуется обратная связь через проверку результата. Не быстрее, чем приращение знания, должны производиться и изменения в обществе. Быстрые изменения, независимо от намерений социальных инженеров, неизбежно ведут к избыточным страданиям людей. Поэтому «революции сверху» (о «революциях снизу» говорить нечего, поскольку это всегда взрыв, катастрофа) философией Поппера теоретически запрещены¹. Наши идеологи перестройки и реформы, надев маску либералов, ни в коей мере либералами не являются. Вся их риторика есть часть огромной, исторического масштаба манипуляции сознанием.

Мы использовали тему безработицы просто как пример для практикума, не вдаваясь в саму проблему. Независимо от того, является ли читатель сторонником безработицы или уважает право на труд, ему полезно знать, что тот способ, который реформаторы

¹ Это положение Поппера особенно подчеркивается действительными либералами в отношении экономической деятельности. Кейнс, побывав в 1925 г. в России и придавая большое значение советскому эксперименту, писал: «Экономическое переустройство общества — дело, осуществляемое медленно. Жертвы и потери переходного периода могут возрасти, если двигаться быстрее. Ведь сущность экономических процессов должна лежать во времени. Быстрый переход влечет столь быстрое и очевидное разрушение национального богатства, что новое состояние дел окажется поначалу намного хуже, чем старое, а великий эксперимент будет дискредитирован». Он как будто предвидел коллективизацию. Но тогда спешка с индустриализацией во многом была обусловлена явно зреющей войной. А чем сегодня? Только давлением «спонсоров» и алчностью исполнителей.

избрали для убеждения граждан в благо безработицы, есть не доказательство, а манипуляция.

Помимо перечисленных пяти признаков, выпукло торчащих в этой струе промывания мозгов, есть и другие, о которых не будем распространяться, они почти тривиальны. Это, например, назойливое использование авторитета науки. Тут тебе и Нобелевский лауреат Фридман, и «кривые Филлипса», и тензорное исчисление. И личным авторитетом ученого многие наши демократы дали пользоваться. Вот, энтузиаст безработицы академик Н. Амосов. Ну какое знание о вопросе дала ему его научная деятельность — хирургия сердца? Никакого. Просто ему нравится безработица, и он хочет высказаться. На здоровье! Но тогда подписывайся: гражданин Амосов (или уж Николай Амосов, эсквайр). А то ведь академик! Ослиные уши манипуляторов так и торчат.

§ 5. Разрушение ядра нравственности

Как говорилось в главе 11, «размягчение» морали и нравственности — важный этап в разрушении всего культурного ядра общества и снятии психологических защит против манипуляции. Потому и говорят — *устои*. Антрополог К. Лоренц сформулировал почти как экспериментальный закон: «Радикальный отказ от отцовской культуры — даже если он полностью оправдан — может повлечь за собой гибельное последствие, сделав презревшего напутствие юношу жертвой самых бесовестных шарлатанов. Юноши, освободившиеся от традиций, обычно охотно прислушиваются к демагогам и воспринимают с полным доверием их косметически украшенные доктринерские формулы».

С конца 80-х годов в России ведется большая и хорошо разработанная программа по релятивизации, а потом и снятию нравственных норм и запретов и внедрению ценностей радикально аморальных. Главное, конечно, в том, что во многом аморальной стала сама реальность разрушаемого общества, но здесь для нас важно использование этой объективной аморальности как средства воздействия на сознание. Эта безнравственность возводилась средствами массовой информации в норму. Вот самый поверхностный слой морали — нормы приличия в человеческих отношениях. Вряд ли кто-то не согласится, что тот стиль политической «критики», который был принят на телевидении во время выборов в Госдуму в 1999 г., означал разрыв с общепринятыми ранее нормами приличия. Наиболее полно этот разрыв выразил С. Доренко в своих издевательствах над Е. М. Примаковым и Ю. М. Лужковым. Это совершенно не связано с проблемой обоснованности критики, речь именно о *приличиях*. В начале 90-х годов нарастающее хамство еще

воспринималось как выражение страсти реформаторов, их клоко-чущей ненависти к коммунистам (и, как ни странно, казалось поэтому объяснимым и чуть ли не оправданным). Но теперь это было хамство по отношению к *своим*. Иными словами, хамство как моральный принцип.

Стандарты, впрочем, задала сама власть. Выставляемая напоказ аморальность стала ее символом веры. Это сильно ударяет по сознанию, просто ставит людей в тупик. Чубайс, чуть ли не второе лицо в государстве, прямо говорит, что власть *обязана врать*. О чем после этого спорить! Управделами президента П. Бородин с хохотом комментирует выданный в Швейцарии ордер на его арест — и тут же назначается большим начальником нового союзного государства. Уголовные дела на высших чиновников типа В. Шумейко закрываются по указанию Кремля, немыслимые документы о воровстве и коррупции приближенных к вершине власти людей публикуются в книгах — без всяких для них последствий, кроме их глумливого смеха. Сама эта наглость — инструмент воздействия на сознание.

Много связано и с кровью. Делами демократов был возмущен даже известный антисоветчик В. Буковский. Он сказал в выступлении летом 1993 г.: «Вот небольшой, но, на мой взгляд, очень показательный пример. Это интервью популярной английской газете известного всем человека, бывшего генерала КГБ, а ныне большого героя российской демократии Олега Калугина под броским заголовком «Я организовал убийство Маркова». Для тех из вас, кто не знаком с деталями этого дела, напомним вкратце, что Георгий Марков, болгарский диссидент, был убит в 1978 г. в Лондоне отравленным шариком, выстреленным из специально сделанного зонтика... И вот сегодня генерал Калугин не без гордости рассказывает нам, как он это убийство организовал по просьбе болгарских товарищей. За усилия он был награжден подарком — охотничьим ружьем. Сам по себе пример, может быть, и неинтересен и о нем можно было бы не упоминать, если бы не полное отсутствие раскаяния в этом интервью, какого-либо угрызания совести».

Диапазон таких инъекций безнравственности был очень широк — от похвальбы убийством до мельчайших, но очень частых уколов. Первая передача телепрограммы «Ступени» в 1988 г. была посвящена детскому дому. Директор была «сталинисткой» (и даже имела дома портретик Сталина), и требовалось показать, что и она, и не восставшие против нее педагоги — изверги. И вот дама с ТВ вытягивает, как клещами, у 10—12-летних мальчиков нелепые и неприличные сплетни о преподавателях и воспитателях. Совершив свой удар по хрупкой структуре детского дома, демократы с ТВ от-

были к своим семьям. Аморальное, с точки зрения «отцовской культуры», дело было совершено хладнокровно, как технологическая операция.

Важное место в перестройке сознания заняла *сексуальная революция*. Чего стоят своей возведенной в принцип половой распущенностью книги — и автобиографический роман М. Арбатовой, и восторженная книга о Лиле Брик А. Ваксберга. Чем-то потусторонним кажется и совсем недавняя (17 июля 1999 г.) статья в «Независимой газете» о II Международной эротической выставке в Петербурге. Автор — Бесик Пипия (скорее всего, псевдоним). Вот пассажи из восторженной статьи: «Наибольший интерес у посетителей выставки вызывали живые «экспонаты» — русские красотки с величаво грациозными, обезоруживающими фигурами, божественно роскошными телами, вкусными, зовущими губами. Мужчины всегда собирались там, где красавицы демонстрировали груди... Сияющие глаза женщин можно было видеть у стенда, где были выставлены около 200 видов заменителей мужчин, которые «всегда могут»... Корреспондент «НГ» задал несколько вопросов главному идеологу выставки, заведующему кафедрой сексологии и сексопатологии Государственной еврейской академии имени Маймонида, секретарю ассоциации сексологов РФ, профессору Льву Щеглову: «Какова цель выставки?» — «Формирование у населения эротической культуры, которая блокирует тоталитарность».

Здесь все интересно — и «Государственный» характер еврейской академии, взявшей на себя роль идеолога сексуальной революции, и ее место в борьбе с «тоталитаризмом», и упомянутая вскользь национальная принадлежность «женского мяса» на международной выставке. Это — 1999 год. Но началось все сразу после смены власти в КПСС.

Поначалу вызывал шок непонятный и неожиданный поворот молодежной прессы. В 1986—1987 гг. «Московский комсомолец», массовая газета, вдруг начал печатать большую серию статей, пропагандирующих оральный секс. Это казалось полным абсурдом. Потом пошли «письма читателей» (скорее всего фальшивые), в которых девочки жаловались на мам, отнимающих у них и рвущих в клочки их любимую газету. СМИ стали узаконивать аморальное и асоциальное поведение подростков — совсем как поступали с подростками фашисты в период прихода к власти (я не провожу аналогий в политических целях между нашими демократами и фашистами, но технологии манипуляции у них во многом схожи). Юристы и психологи пишут в 1991 г.: «Подростки потеряли интерес к привычным общественным ценностям и институтам, традиционным формам проведения досуга. Они больше не доверяют миру взрос-

лых. Не случайно стремительно растет армия ничем не занятых подростков (с 1984 г. она увеличилась в шесть раз). В пресловутых «тусовках» неминуемо наступает сексуальная деморализация несовершеннолетних девушек».

К концу перестройки началась прямая пропаганда проституции. Идеологические работники перестройки не просто оправдывали ее как якобы неизбежное социальное зло, они представляли проституцию чуть ли не благородным делом, формой общественного протеста против несправедливостей советского строя. Актриса Е. Яковлева (исполнительница главной роли в фильме П. Годоровского «Интердевочка») так объяснила, что такое проституция: «Это следствие неприятия того, что приходится «исхитряться», чтобы прилично одеваться, вечно толкаться в очередях и еле дотягивать до получки или стипендии, жить в долгах... Проституция часто была для девочек формой протеста против демагогии и несправедливости, с которыми они сталкивались в жизни». Проституция как форма протеста девочек против демагогии! Bravo, деятели культуры!

Сейте разумное, доброе, вечное.

Сейте, спасибо вам скажет сердечное

Русский народ...

Кто-то из писателей сказал, что до Тургенева «тургеньевских барышень» в России не было. Но по силе воздействия на массовую публику Тургенев не идет в сравнение с телевидением. Например, в последние годы ТВ сыграло большую роль в становлении проституции не только как формы протеста, но и как организованного бизнеса. Как говорят, оно «институционализировало» проституцию в Москве: дало информацию об условиях работы, ее организации, ставках и т. д. Специалисты из Академии МВД пишут в 1992 г.: «Росту проституции, наряду с социально-экономическими, по нашему глубокому убеждению, способствовали и другие факторы, в частности воздействие средств массовой информации. На начальном этапе содержание их материалов носило сенсационный характер. Отдельные авторы взхлеб, с определенной долей зависти и даже восхищения, взяв за объект своих сочинений наиболее элитарную часть — валютных проститутток, живописали их доходы, наряды, косметику и парфюмерию, украшения и драгоценности, квартиры и автомобили и пр. Массированный натиск подобной рекламы не мог остаться без последствий. Она непосредственным образом воздействовала на несовершеннолетних девочек и молодых женщин. Примечательны в этом отношении результаты опросов школьниц в Ленинграде и Риге в 1988 г., согласно которым профессия валютной проститутки попала в десятку наиболее престижных».

Разрушая отрицательное отношение к проституции, ставшее в советском обществе устойчивым стереотипом, демократическая пресса никогда не напоминала о социальной цене этого явления. Между тем к концу перестройки от проституток венерическими болезнями ежегодно заражались свыше 350 тыс. мужчин. В 90-е годы наблюдается экспоненциальный рост числа зараженных (в 1996—1997 гг. заболеваемость сифилисом среди подростков была в 100 раз выше, чем в 1988 г.; не на 30%, не в два раза больше — в сто раз!).

Недавно вопрос о нравственности был поднят на принципиальную высоту, и представители оппозиции имели возможность сказать важное слово, но оказались к этому не готовы. В 1999 г. Госдума приняла, а Совет Федерации утвердил закон «О Высшем совете по нравственности на телевидении и радиовещании». Ельцин сразу наложил на этот закон вето. Казалось бы, и дело с концом, но демократы подняли большой шум, и тут они правы. Дело не в практике, а в философии. Закон прямо вопросы не ставит, своими именами вещи не называет, но косвенно затрагивает самое сокровенное во всей программе переделки России. Сам факт, что кто-то упомянул это сокровенное — *нравственность*, то есть понятие о добре и зле, создает совершенно недопустимый прецедент. Раз упомянули, значит, задумаются. Глядишь, начнут спрашивать и советовать. Поэтому демократы в связи с законом предприняли большой смотр своих умов и душ, доводя свои вопросы до сути.

27 марта 1999 г. на НТВ провели съемки их передачи «Суд идет» — иск Фонда защиты гласности (А. Симонов) против комитета Думы по культуре, который готовил закон (С. Говорухин, который тогда принадлежал к оппозиции). Меня позвали быть свидетелем Говорухина. Вопреки ожиданиям, фарс обернулся тяжелым и упорным спором. Он длился 5 часов, и на нем были высказаны важные вещи. В передачу они, конечно, не попали, но важно, что мысли были облечены в слова в присутствии сотни студентов. Уже это немало — они были свидетелями процесса, хода мысли, которая еле видна через недосказанное. Важно было и обнажение важных установок влиятельной части оппозиции.

Главным оратором был сам Говорухин — и ответчик, и адвокат, и свидетель в одном лице. Оратор он блестящий — беспардонный и умело сбивающий с толку оппонента. Любо-дорого смотреть. Он так умело упрощает проблему, а потом вообще ее искажает, что оставляет противника, который пытается что-то сказать по сути, просто в дураках. А противниками у него были, помимо А. Симонова (он, впрочем, молчал) и безобидной Мизулиной, краснобаи Гордон, Шендерович и Минкин.

Но если смотреть на такие редкие споры не как на интеллектуальный бокс, а как на конфликт идей, то выходит, что Шендерович

был выше Говорухина. Он и, косноязычно, Симонов заявили прямо и ясно, что отвергают главный устой русской культуры — существование совести, скрепляющей людей в народ. Их кредо таково: нравственность — личное дело каждого, поэтому никакого права давать нравственную оценку делам индивида народ, общество и государство не имеют. Такая оценка есть тоталитаризм и цензура.

На это фундаментальное заявление Говорухин ответил доводом второстепенным: «*Нравственность — это правда*». Сегодня, мол, телевидение в руках олигархов, они не допускают к экрану тех, кто имеет иную точку зрения. В результате возникают зоны умолчания (как в случае приватизации, банковских пирамид, болезни Ельцина и т. п.). Правда искажается, и это безнравственно. Все это правильно, но это проблема низшего уровня. Довод Говорухина не отвергает кредо Шендеровича, он лишь просит плюрализма — чтобы кроме Чубайса можно было услышать Абалкина, и кроме Козырева — Бессмертных.

По сути же проблемы Говорухин и Шендерович сходятся, причем обе их точки зрения именно тоталитарны — доведены до абсолюта, до абсурда. Совещаясь перед записью, я предлагал Говорухину задать Шендеровичу вопрос: считает ли он, что индивид имеет право сбросить на публике штаны и показать всем голый зад? Если нет, значит, это не личное дело, общество имеет право защитить себя от такого зрелища, вводя понятие «оскорбление нравственности» — цензуру. Но в этом примере видно, что нравственность не сводится к правде (наоборот, штаны как раз скрывают правду, создают «зону умолчания»). Поэтому мой вопрос не был принят, он противоречил тезису Говорухина.

Набор примеров и весь контекст этого тезиса таков, что «правда» сводится в нем к достоверной информации о действительности («у Ельцина был инфаркт», «в Самашках ОМОН не казнил детей») и к альтернативному прогнозу ближайшего будущего («приватизация нанесет вред», «ГКО рухнут»). Это — правда *разума*. Относительно такой правды не может быть нравственного конфликта, а есть лишь проблема неполного знания или недобросовестности в его сообщении. Нравственность, эквивалентная такой правде, есть лишь одно из воплощений знания научного типа. Она с философией Шендеровича вполне совместима.

Здесь ли корень той драмы, что переживает Россия? Совсем нет. Главное — разлом в нравственности не ума, а сердца. Как пишет Н. А. Бердяев, «у Достоевского есть потрясающие слова о том, что если бы на одной стороне была истина, а на другой Христос, то лучше отказаться от истины и пойти за Христом, т. е. пожертвовать мертвой истиной пассивного интеллекта во имя живой истины целостного духа». Таким образом, тезис «нравственность — это правда» не противостоит демократам. Им противостоит «истина цело-

стного духа». Иными словами, «нравственность — это правда и добро». Здесь — разлом, и здесь мы с Шендеровичем несоединимы, потому что понятие добра не есть достояние индивида, это плод культуры, создаваемой и хранимой *народом*.

Не вдаваясь в этот вопрос, Говорухин выразил, на мой взгляд, фундаментальную слабость нашей оппозиции в целом. Она как бы не видит, что в России, в самом ее народе, а значит, и культуре, произошел именно раскол. Раскол не сводится к жадности, подлости, некомпетентности или глупости одной какой-то части (хотя все это имеет место и усложняет обстановку). Он проходит по самому ядру ценностей и разделяет людей по их отношению к проблемам бытия, главным проблемам. Люди занимают разные позиции не потому, что неполна «правда» и они лишены информации, а вследствие своего нравственного выбора. Иными словами, в России возникли две разных системы нравственных ценностей, каждая из которых обретает свое знамя и свой язык. Раскол этот созрел давно, и советский период был исторически недолгим восстановлением единства (вернее, инакомыслящие были в условиях сталинизма слабы и загнаны в подполье).

Что происходит, когда политики оппозиции не признают наличия раскола общества в сфере нравственности? Они способствуют усилиям власти отвлечь внимание гражданина от того нравственного выбора, перед которым он стоит почти каждый раз, когда принимается какое-то политическое или экономическое решение. Это и есть главная задача манипуляции сознанием. Манипулятор должен прежде всего добиться, чтобы человек воспринимал каждое изменение как проблему *решения*, а не *выбора*. Он не должен задумываться о том, *хорошо ли* приватизировать землю, он должен лишь думать о том, *как* ее приватизировать. Вот в этом вопросе можно допустить борьбу мнений, взаимные обвинения Чубайса и Лужкова, даже демонстрации независимых профсоюзов.

Когда политики оппозиции не признают конфликта ценностей, они, сами не всегда это осознавая, принимают ценности тех, кто обладает властью и собственностью. Значит, на деле они становятся соучастниками власти в управлении, хотя им разрешают и даже обязывают бороться с властью по второстепенным вопросам: об отставке негодного чиновника, о борьбе с преступностью или о своевременной выплате зарплаты. Поскольку на деле часть общества, которую, как предполагается, представляет оппозиция, исповедует непримиримо иные ценности, никакого шанса на массовую поддержку такая оппозиция не имеет — к ней относятся довольно равнодушно. Потому что на деле она эту часть общества в политике не представляет. Ибо в главном политика определяется ценностями.

Конечно, левая оппозиция заявляет, что она привержена идее *социальной справедливости*. Но сами по себе это пустые слова, то

же самое говорит и Гайдар, и Брынцалов. Никто себя не назовет несправедливым и безнравственным. Важна расшифровка. Она и следует: левые теперь за рыночную экономику и против уравниловки. Отсюда и выводится профиль нравственности. В чем справедливость рынка? В двух вещах: полная свобода сделки (хочу — покупаю, хочу — нет) и ее честность (без обвеса и обсчета). Значит, в рыночной экономике несправедливо и *безнравственно* платить зарплату шахтерам за то, что они производят уголь, который дешевле купить в Австралии. Им платят лишь потому, что нарушена свобода сделки (дорогой уголь Кузбасса покупают под давлением политики). Им платят, вырывая кусок у других граждан. В рыночной экономике *безнравственно* давать жителям дотации на оплату воды и отопления. Пусть оплачивают покупаемые ими блага полностью. Почему у Брынцалова, который живет в своем доме, отнимают в виде налогов деньги, чтобы оплатить тепло для жителей пятиэтажек в какой-нибудь Вологде? Несправедливо наказывать фирму, которая прекратила подачу тепла во Владивостоке, потому что за это тепло ей не платили. Где же здесь свобода сделки и где честная оплата за взятый товар? Не желаешь платить — не надо, ставь печку, разжигай костер. Ты свободен! Немцов со своей жилищно-коммунальной реформой был здесь абсолютно честен. Более того, он проводил в жизнь те ценности, которые признаны НПСР. Свобода сделки и эквивалентный обмен — не безнравственность, а именно стройная и непротиворечивая система нравственных ценностей.

Я лично отвергаю эту нравственность, я отвергаю ценности рыночной экономики, я требую уравниловки! Я считаю, что право жителей Вологды на жизнь и тепло ценнее, чем свобода сделки. Заявив это, я могу с ясной головой звать людей, которые со мной согласны, оказать давление на Немцова и добиться компромисса с ним. А если окажется, что нас много, то и подавить его. Но если я ценности Немцова разделяю, то моя борьба с ним — спектакль. Я борюсь за то, чтобы к кормушке нас с ним пускали по очереди.

Строго говоря, после признания ценностей рынка оппозиция лишилась законных оснований на патристическую риторику. Что значит «не подписать договор СНВ-2» или «дать Сербии ракеты С-300»? Ведь наш ядерный щит и ракеты — реликт, остатки *нерыночной* экономики. Будем же честными в сути! Эти остатки иссякают, и скоро их не будет. Рыночная Россия содержать научно-технический потенциал, способный создавать такие системы, не может (да его уже и нет). Значит, ни о каком военном паритете с Западом при рынке и речи не будет идти. Хотите рыночной экономики — готовьтесь к новой реальности, не вводите в заблуждение людей своей картонной саблей. Мало нам Цусимы?

Не признавая раскола и негласно приняв ценности «сильных», разные течения оппозиции выработали целый набор «паролей», которые они выкрикивают, попав в обстановку спора. Они дают знак политическому противнику: «Мы с тобой одной крови — ты и я!» То Петр Романов вдруг заявит, что его идеал государственника — Столыпин. То Шафаревич подтвердит в 1998 году, что «социализм — путь к обрыву». В дебатах с Шендеровичем Говорухин выполнил ритуал обнюхивания блестяще и убедительно. Сразу подчеркнул, что он не желает возвращения в проклятое советское прошлое. Его фильм «Так жить нельзя» нанес советскому строю сокрушительный удар. Аргумент неотразимый, пароль принят. Далее идет напоминание, что он настрадался от советской цензуры (это — общий пароль нашей художественной интеллигенции). Затем, что он бы мечтал видеть во главе Высшего совета по нравственности Солженицына или Лихачева (хотя это уж никак не вяжется с формулой «нравственность — это правда»). Наконец, тонкий упрек в адрес телевидения, которое все время показывает «позор Госдумы» — Макашова, Шандыбина и Жириновского («а ведь в Госдуме помимо десятка таких идиотов есть множество умнейших и благороднейших людей — Мизулина, генерал Громов, Явлинский»). Все эти знаки были приняты, и спор с Шендеровичем, строго говоря, свелся к спору между своими — о деталях. Оба против цензуры, и разница лишь в том, что один считает Высший совет органом цензуры, а другой — нет. Почему нет? Потому, что Высший совет не запрещает выпуск передачи, а наказывает вещателя *после* передачи. Разница, конечно, существенная, но не принципиальная.

Не буду здесь углубляться в саму проблему свободы слова и цензуры. Отмечу только, что оппозиция не осмеливается отвергнуть кредо Шендеровича открыто — как элементарный обман. Без цензуры не существует общества. Наличие запретов, реализуемых через какую-то разновидность цензуры, является условием сохранения любого общества. Что можно, а что нельзя говорить и показывать на публике, определяется культурными устоями. Если эти устои в разных частях общества резко различаются, нужно ввести конфликт в рамки права — заключить соглашение. Вместо того, чтобы клясться в своей ненависти к цензуре, следовало бы признать наличие культурного противостояния и вести переговоры о согласованных запретах на *агрессивное* выражение своих ценностей. А раз «мы тоже против цензуры», то почему бы шендеровичам не показать Россию в виде свиньи, которую режут? Оппозиция что-то говорит о «цензуре совести». Но Масюк или Доренко и не идут против своей совести. Просто она у них совсем другая, чем у Макашова.

В дебатах на НТВ вопрос был поставлен ребром, и демократы отвергли устои русской культуры как рамки, ограничивающие их

телевидение, отвергли совершенно честно и открыто. Надо отдать должное НТВ — оно подняло вопрос на философскую высоту, выставив против закона Госдумы В. Шендеровича и А. Гордона — основателя и генерального секретаря Партии общественного цинизма. Они не жевали демократическую жвачку, как Мизулина. Шендерович как-то сказал в своих стихах: «Не знаю, кто меня определил стать раком у российского безрыбья». По сути верно, хотя и жеманно (никто его раком не ставил, он сам тяготеет к этому — эстетически). В этическом плане Россия для его партии — безрыбье. Значит, не массовой приверженностью к ценностям «общественного цинизма» сильна эта партия, а деньгами Гусинского и реверансами Говорухина.

То, что мог сказать на «суде НТВ» я, было никому не нужно и выглядело как досадная помеха. Да и в законе, который я защищал, мои интересы не очень-то отражены. Для меня главная проблема нравственности на нынешнем телевидении — не голые задницы и не отсутствие Абалкина и Бессмертных, а непрерывное и изощренное издевательство с экрана над тем, что я считаю добрым и прекрасным. Цензура совести Шендеровича меня от этого не защищает, и я требую цензуры закона. Мне же одна сторона отвечает, что, пока ОМОН послушен, плевать на меня хотели. А другая сторона отвечает, что «нравственность — это правда».

Отрицание нравственных устоев «отцовской культуры» идет и в искусстве, но главное, продукты нового искусства пропагандируются СМИ и подкрепляются премиями. Эти знаки официального признания не могут не действовать на сознание, особенно молодежи. Вот был поднят на щит Яркевич. «Огонек» назвал Яркевича писателем-93 (а кое-кто даже «двусмысленно» назвал его «последним русским писателем»). Послушаем «Независимую газету», где Олег Давыдов дает диагноз новой литературе в статье «Яркевич как симптом». Вывод таков: «Мы имеем дело со становящейся философией культуры тех «новых русских», льстецом и рупором которых является такая замечательная газета, как «Коммерсантъ», а литературно-художественным воплощением — разобранные выше тексты Яркевича».

По словам самого Яркевича, он написал трилогию, аналогичную трилогии Льва Толстого «Детство. Отрочество. Юность». У Яркевича эти части называются: «Как я обосрался», «Как меня не изнасиловали» и «Как я занимался онанизмом». Все эти гадости имеют у Яркевича не только сюжетный, но и метафорический смысл. Как пишет О. Давыдов, во второй части «выясняется, что маньяком, насилующим мальчиков, оказывается... русская культура». Что же до «юности», то «онанизм в этом тексте — метафора свободного духовного пространства. Он как бы снимает основной (по мнению Яркевича) грех русской культуры: социально-полити-

ческую ангажированность, замешанную на агрессии». То есть опять же главное — тема разрыва с духовным пространством русской культуры, освобождения от нее хотя бы через онанизм. Чего же ждать «старым русским», когда эти отягощенные комплексами юноши полностью овладеют культурой? В каких конкретно действиях выразится их патологическая ненависть и жажда мести?

А что с их детьми? Да то же самое. Главному идеологу А. Н. Яковлеву вручены кассеты с тщательно отобранными мультиками, которыми он должен пичкать детей с утра до вечера. Черепашки-ниндзя! Борис Минаев в «Независимой газете» с одобрением раскрывает смысл этой культурной программы: «Ржавые гвозди не просто так вбиваются в свежую необструганную доску, а скрепляют одну доску с другой, образуют конструкцию, угол, на который уже можно опираться при строительстве любого сознания. Ведь для того, чтобы легко нанизывать один сюжет за другим — надо довести этот абсурд до полной дикости, до кича, до абсолютного нуля». Сам выбор «гвоздей», которыми скрепляется детское сознание, сделанный ТВ, означает принципиальный разрыв со всей траекторией русской культуры. В ней были очень строгие критерии допуска художника к детской душе — пробежите мысленно нашу детскую литературу, радио, кино. Дикий абсурд детского кича сегодня — не ошибка, не признак низкой квалификации. Это — шприц с ядом, вводимым в будущее России.

Что же нравится Б. Минаеву? «Дети перестают воспринимать уродство, неполноценность, страхолюдность как нечто чужое, чуждое, страшное. Они начинают любить это страшное. Они начинают понимать его. Мой шестилетний сын спросил: пап, а канализация ведь — это где какашки плавают? И глаза его весело блестели... Оказывается, и там можно жить!» В этом все дело. И в дерьме можно жить — ничего страшного, значит, не происходит. Мы только должны отказаться от веками сложившегося в нашей культуре чувства безобразного.

И нагнетается всеми способами «эстетика безобразного». Жирный, нарочито грязный и потный певец, колыхаясь всей тушей, что-то поет о девочке — из него делают звезду телеэкрана. Из политиков на экран чаще всего вытаскивают тех, кому выступать следовало бы только по радио. Гойя, кому пришлось наблюдать своих перестройщиков-либералов, призывавших в Испанию демократа Наполеона, написал на одном из своих рисунков: «Есть люди, у которых самая непристойная часть тела — это лицо, и было бы не худо, если бы обладатели таких смешных и злополучных физиономий прятали их в штаны». Идеологи реформы ставят обратную задачу — приучить к безобразному как норме. Создать новую культурную нишу для российской элиты. Минаев пишет о ней: «Это ниша грязи, канализации, какашек (то есть близости к ним),

ниша доброго и благородного уродства, страховодной мутации. А если говорить короче — это ниша небрезгливости».

Это явление раскрыл Достоевский в пророческом образе: Федор Карамазов «порвал нить» с культурными нормами, продемонстрировал свою небрезгливость и породил Смердякова. Этого и добиваются реформаторы культурными средствами — им нужны миллионы смердяковых, а не Жуковы и Гагарины. Если это случится, тогда сбудется вывернутая наизнанку формула «красота спасет мир». То есть смердяковы его погубят. Ибо антропологи (Конрад Лоренц) давно предупредили: брезгливость, инстинктивное неприятие безобразного было важнейшим условием эволюции человека и поддержания здоровья всего биологического вида.

Глава 20

КУХНЯ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ: ИСПЫТАННЫЕ НА НАС ПРИЕМЫ

§ 1. Прямая ложь

В главе 1 говорилось, что прямая ложь сама по себе не может быть квалифицирована как манипуляция. В 70-е годы А. Моль также писал, что прямая ложь в СМИ есть признак низкой профессиональной квалификации редактора: ее обнаружение вызывает потерю контроля над аудиторией, она становится невосприимчивой к пропаганде. Поэтому СМИ заменяют «политическую цензуру» (очевидное искажение информации) цензурой «психоаналитической» — они используют *подпороговые культурные явления*. Под ними в социодинамике культуры понимается постоянное *искривление* социокультурного пространства — такая «поляризация» в желательном направлении всех сообщений, которая не превышала бы порог восприятия радиослушателя или телезрителя. Когда он не замечает этой поляризации, у него не мобилизуется психологическая защита против манипуляции. Когда СМИ прибегают к этой доктрине, влияние на них массы получателей сообщений сводится к минимуму — массы довольны и считают СМИ объективными. А. Моль пишет, что при этом «само воздействие массы *контролируется* организаторами системы распространения и служит для них обратной связью, помогающей им определить основное понятие среднего порога восприимчивости получателя, ниже которого они действуют при последовательной политике». Иными словами, в демократическом обществе СМИ, служащие классу собственников, явно лгут только для того, чтобы по реакции масс уточнить по-

рог их восприятия лжи — и затем снизить уровень лжи чуть ниже этого порога.

С тех пор, однако, положение изменилось. Тоталитарный контроль над СМИ малого числа олигархических групп делает разоблачение прямой лжи с заметным общественным резонансом маловероятным. А главное, создана такая плотность потока захватывающих аудиторию сообщений и так полно отключается краткосрочная память, что разоблачение «вчерашней» лжи уже никого не интересует. Поэтому включение прямой лжи практикуется СМИ все в больших масштабах как прием недорогой, но эффективный в решении срочных задач. При этом наглая ложь оказывается предпочтительной, потому что она разрушает всякую возможность диалога.

Вот мелкий пример. США ввели санкции против ряда предприятий России в связи с будто бы нарушениями эмбарго на поставку военных технологий в Иран. В связи с этим 4 марта 1999 г. состоялось заседание Комитета по международным делам Госдумы. Выяснилось, что никаких нарушений со стороны России не было, скандал был искусственно раздут прессой. Еще в 1997 г. приехавшие по приглашению российской стороны американские эксперты установили и дали официальное заключение, что пресловутые 7 тонн стали, конфискованные на азербайджанской границе, были испанского происхождения и предназначались для изготовления бытовых моек. Однако вплоть до марта 1999 г. СМИ, в том числе и российские, выдавали этот груз за контрабанду, которая предназначалась будто бы для изготовления корпусов иранских ракет. И бесполезно было давать разъяснения и размахивать официальным заключением американских экспертов.

Прямой ложью об исторических событиях полны заявления политиков, журналистов, даже дикторов чисто информационных выпусков. До сих пор приходится слышать о «миллионах расстрелянных», хотя всем, кто говорит это, досконально известны точные данные. Они не только опубликованы во многих источниках, они и неоднократно и вполне официально объявлялись за последние годы¹.

Вот выступает по телевидению начальник Аналитического центра при Президенте М. Урнов: «Россия до 1917 г. была процве-

¹ Начало было положено Н. С. Хрущевым. На XX съезде он, например, заявил: «Когда Сталин умер, в лагерях находилось до 10 млн. человек». В действительности на 1 января 1953 г. в лагерях содержалось 1 727 970 заключенных, о чем Хрущеву было сообщено докладной запиской. В феврале 1954 г. ему была представлена справка, подписанная Генеральным прокурором СССР, министром внутренних дел СССР и министром юстиции СССР, содержащая точные данные о числе осужденных всеми видами судебных органов за период с 1921 г. по 1 февраля 1954 г. Таким образом, и в докладе XX съезду КПСС, и в множестве выступлений Н. С. Хрущев искажил истину сознательно.

тающей аграрной страной, но коммунисты довели АПК до нынешней разрухи». Это — ложь прямая, причем обманывает М. Урнов сознательно — есть надежная статистика и производства, и урожайности, и уровня питания с конца прошлого века (да и не мог не читать Толстого о голоде или судебных отчетов начала века о голодных бунтах крестьян). За период 1909—1913 гг. в среднем производство зерновых в России было 72 млн. т., а в СССР в 1976—1980 гг. — 205 млн. т. Урожайность до революции была 7—8 ц/га, а работало в сельском хозяйстве 50 млн. человек. Эффективность хозяйства была очень низкой. В сравнимых ценах продукция за советский период выросла в 4 раза, а число занятых сократилось в 2 раза. Рост эффективности в 8 раз — прекрасный результат (при том, что село в то же время обеспечивало своими средствами и индустриализацию СССР, и войну).

До 1917 г. весь прибавочный продукт нещадно изымался из села («недоедим, а вывезем»). Все мало-мальски развитые страны, производившие менее 500 кг зерна на душу населения, зерно ввозили. Россия в рекордный 1913 г. имела 471 кг зерна на душу — и вывозила очень много зерна. За счет внутреннего потребления. Даже в «нормальные» годы положение было тяжелым. Об этом говорит очень низкий уровень установленного официально «физиологического минимума» — 12 пудов хлеба с картофелем в год. В нормальном 1906 г. этот уровень потребления был зарегистрирован в 235 уездах с населением 44,4 млн. человек. Прирост продукции в сельскохозяйственном производстве в результате реформы Столыпина упал в 1909—1913 гг. в среднем до 1,4% в год. Это было намного ниже прироста населения, т.е. Россия шла к голоду, а значит, к революции.

В целом за последнее десятилетие общество России было подвергнуто сильнейшему давлению прямой и сознательной лжи, причем нагнетаемой телевидением с использованием авторитета официальных должностей и научных титулов. Эта часть всей идеологической кампании определенно является *преступной*. Рано или поздно ей будет дана правовая оценка¹.

Но все же крупная прямая ложь («фабрикация фактов») внутри страны используется редко, поскольку в какой-то мере достовер-

¹ Существует также большой поток ложных утверждений, которые следует отнести к категории «вторичной» манипуляции, — их делают люди, исходящие из внедренных в их сознание стереотипов. К тому же и нарастающее невежество начинает сказываться. Вот передача по телевидению, посвященная трагическим событиям на Ходынке, во время гуляний по поводу коронации Николая II. Ведущий говорит: большевики, мол, воспользовались событиями и сразу же назвали Николая II «кровавым». Ну какие могли быть большевики в 1896 г.? Можно ли считать эту чушь ложью? Трудно сказать.

ная информация доходит до слишком большой части населения¹. Другое дело — непрерывная мелкая ложь со ссылкой на неопределенные источники («серая» пропаганда). Она эффективна и безопасна в силу незначительности ложных сведений и в силу очень большого их количества.

«Серая» пропаганда используется всеми каналами российского телевидения практически непрерывно, а в особые периоды ее интенсивность резко возрастает. Обычно она заключается в том, что утром дается ложное сообщение из неопределенных источников («из кругов, близких к...», «из хорошо информированного источника...» и т.д.). Это должно быть такое сообщение, которое привлекает общественное внимание. Как правило, затронутое этим сообщением лицо или организация моментально его опровергают, но это опровержение начинает включаться (малыми дозами) в информационные выпуски телевидения постепенно, с опозданием. А главное, ложное сообщение передается все время — даже наряду с опровержением, что только усиливает его привлекательность. Никогда не дается слова для опровержения в прямом эфире или хотя бы в виде официального заявления. Обычно «серая утка» живет всего один день, а на завтра о ней вообще не говорят ни слова. Но соотношение «эффективность/затраты» исключительно велико — такая ложь ничего не стоит и опасности судебного преследования не создает.

Вот два простейших примера «серой» пропаганды. Перед выборами в Госдуму 1999 г. по первому и второму каналу российского телевидения (они вели пропаганду против блока «Отечество», возглавляемого Е. М. Примаковым и Ю. М. Лужковым) в течение целого дня проходило сообщение, будто губернатор Петербурга Яковлев решил выйти из списка блока. Это была сенсация, поскольку в этом случае весь блок снимался с выборов (Яковлев был третьим в списке). Уже утром Яковлев дал официальное опровержение, о котором телевидение упомянуло лишь вечером и очень туманно.

Другой случай — сообщение со ссылкой на никому не известное (и вряд ли существующее) частное Агентство военных новостей о снятии с должности командующего группой войск в Чечне генерала Шаманова. Шаманов был фигурой символической, и его снятие воспринималось бы как важный поворот в большой кремлевской интриге с войнами в Чечне. Поэтому сообщение привлек-

¹ Вот элегантный пример «черной» пропаганды («черного пиара») во время выборной кампании 1999 г. Противники одного из кандидатов в депутаты Госдумы от Екатеринбурга, владельца большого универсама, в людных местах города раздали большое число приглашений от имени хозяина посетить его магазин и купить товары со скидкой в 20%. Подарок избирателям от богатого кандидата! Такого подарка он сделать не мог, и тягостные объяснения с разгоряченными покупателями, да и вся эта история, не улучшили его образа.

ло большое общественное внимание (видимо, одновременно надо употреблять слово «отвлекло» — от чего-то, что должно было ускользнуть от этого внимания). Официальный пресс-центр министерства обороны сразу же утром дал опровержение (судя по всему, в очень резких тонах), однако даже в ночных информационных выпусках ложное сообщение было повторено.

«Серая» пропаганда такого типа, конечно, не преследует цели внедрить в сознание какую-то мысль или установку. Она создает условия для какого-то другого манипулятивного воздействия — рассеивает и отвлекает внимание, что-то стирает из краткосрочной памяти, а главное, порождает в обществе ту обстановку общей *нервозности*, о которой говорил еще Марат. Вот эта постоянная нервозность (стресс) и служит средством разрушения психологической защиты человека против манипуляции.

§ 2. Не прямая ложь, а умолчание

Когда респектабельный политик, ученый или газета умалчивает известную им достоверную информацию, позволяя укорениться или распространяться важному для общества ложному мнению, то поначалу это потрясает даже больше, чем прямая ложь. Ниже мы скажем об умолчании больших, принципиальных блоков информации, которая была необходима людям для того, чтобы определить свою позицию (умолчание цели реформы, сроков и социальной цены). Но прием умолчания широко используется и в мелких, частичных, «молекулярных» акциях по манипуляции сознанием.

К такому сознательному умолчанию всегда прибегают в операциях по созданию мифов. Я уже говорил, как с активным участием академиков создавался миф об избытке тракторов в СССР или миф об ужасном количестве нитратов в нашей почве. Когда был раздут скандал с «заражением» 22 детей СПИДом в Элисте, пресса умолчала о том, что в те же дни проходил суд над дирекцией Национальной службы переливания крови Франции, которая заразила 4 тыс. человек. Такими умолчаниями была полна перестроечная, а теперь полна демократическая пресса¹.

¹ Вспоминаю, что в первый раз меня удивило странное поведение советской прессы году в 1989 г. Тогда на Западе, размягченном добротой Горбачева, появилось много любопытных и сенсационных признаний, которые, казалось бы, прямо просились на страницы советских газет. Так, шведское правительство стыдливо призналось, что напрасно раздуло в начале 80-х годов военный психоз, обнаружив в своем фьорде «советскую подводную лодку». Тогда сразу выяснилось, что несовершенная аппаратура приняла за лодку стадо тюленей, но скандалу был дан ход, для НАТО он был кстати, и признаваться в ошибке не стали. А теперь с хихиканьем признались. Пикантная вещичка. К моему удивлению, ни одна советская газета, ни одна телепрограмма эту новость не сообщила. Нельзя уже было бросать тень на западную демократию и совершенство ее гласности.

Идеологи умалчивают о тех вешах, о которых еще вчера они же сами громогласно трубили, с удивительным бесстыдством. Вот 16 ноября 1999 г. по всем каналам телевидения прошел сенсационный репортаж: в Академию наук вернулся подлинник рукописи романа М. Шолохова «Тихий Дон». Взахлеб говорилось о том, как подло травили «в советские времена» Шолохова, утверждая, что не он — автор романа. Это говорилось так, будто подло травили его фигуры вроде Жданова, Сулова, Андропова, в общем, большевики. Ни разу не было даже упомянуто имя главного организатора травли — Солженицына. Не было сказано и о том, что травля эта носила примитивно антисоветский характер (мол, СССР дал миру одного крупного писателя, да и тот — плагиатор). Понятно, что Солженицыну было невмоготу выйти к микрофону и как-то загладить свою вину. Но так умолчать о нем, превратив окончательное установление авторства Шолохова в антисоветскую акцию точно так же, как антисоветской акцией были и обвинения в плагиате,— это значит манипулировать сознанием на уровне «черной» пропаганды (которая причисляется к актам психологической войны).

Поскольку ложь через умолчание является сегодня в общественной жизни явлением постоянным и обладает высокой интенсивностью, приведем кратко по одному примеру из разных областей — вразбивку.

Замалчивание намерений. Прикрытие программы действий путем мобилизации старых стереотипов сознания и привычной терминологии — прием манипуляции. Не далее как в 1988 г., когда поворот перестройки к капитализму для специалистов уже не составлял секрета, можно было прочесть такие слова М. С. Горбачева: «Среди ныне живущих в СССР каждые четырнадцать из пятнадцати родились после революции. А нас продолжают призывать отказаться от социализма. Спрашивается, почему это вдруг советские люди, выросшие и окрепшие при социализме, должны от своего строя отказаться? Мы будем всемерно социализм развивать и укреплять... Правда, на страницах печати были и предложения, выходящие за пределы нашей системы, в частности, высказывалось мнение, что вообще надо бы отказаться от плановой экономики, санкционировать безработицу. Но мы не можем допустить этого, так как *собираемся социализм укреплять, а не заменять его другим строем*. То, что подбрасывается нам с Запада, из другой экономики, для нас неприемлемо».

Между тем Т. И. Заславская в книге-манифесте «Иного не дано» пишет: «С точки зрения ожидающих решения задач предстоящее преобразование общественных отношений действительно трудно назвать иначе, как относительно бескровной и мирной (хотя в Сумгаите кровь пролилась) социальной революцией. Речь, следова-

тельно, идет о разработке стратегии управления не обычным, пусть сложным, эволюционным процессом, а революцией, *в корне меняющей основные общественно-политические структуры, ведущей к резкому перераспределению власти, прав, обязанностей и свобод между классами, слоями и группами...* Спрашивается, возможно ли революционное преобразование общества без существенного обострения в нем социальной борьбы? Конечно, нет... Этого не надо бояться тем, кто не боится самого слова «революция».

Почти одновременно с Т. Заславской, близкой соратницей М. Горбачева, в «Правде» пишет помощник и идеологический советник Горбачева философ Г. Смирнов: «...Речь идет *не о социально-политической революции*, когда уничтожаются основы экономических отношений старого строя, устанавливается принципиально новая политическая власть, выражающая интересы свержающих классов. Здесь ситуация иная. Речь идет *не о разрушении общественной собственности на средства производства, а о ее укреплении* и более эффективном использовании... Речь идет не о сломе государственной власти, а о дальнейшем укреплении социалистического всенародного государства, углублении социалистической демократии, развитии народного социалистического самоуправления».

Итак, два советника по идеологии, два близких к генсеку члена его команды пишут о главном происходящем в стране процессе *диаметрально противоположные* вещи: достоверную трактовку в книге для узкого круга, для «своих» — и абсолютно ложную в массовой газете с тиражом 5 млн. экземпляров. И все это прикрывает сам генеральный секретарь КПСС в выступлении *на всю страну* (курсивом выделено мною. — К-М).

А вот мелочь, каких было великое множество. Под прикрытием разговоров о «возрождении русской культуры» в кругах демократической элиты откровенно строились планы резкого сокращения культурной деятельности и доступа к культурным ценностям для массы населения. В 1991 г. Л. А. Гордон (тогда зав. отделом Института международного рабочего движения АН СССР) говорил на Круглом столе по культуре в Академии наук: «В печати, в бессмысленных истериках видных культурных деятелей слышны вопли о том, что приватизируются кинотеатры и несколько тысяч, 30 тысяч художников тогда окажутся без работы. А зачем нашему обществу 30 тысяч художников?.. Что за бесконечный разговор — почему у нас должно быть 500 театров? Кто это вообще сказал?.. И не знаю, что будет с Ленинской библиотекой. По крайней мере, продайте кому-нибудь, кто реально починит, а то ведь еще продадите турецкой компании, которая толком починить не сумеет». Ничего подобного в массовую печать не попадало — СМИ умалчи-

вали о том, что ждет рядового гражданина в области культурного «обслуживания».

Философские тезисы. Вся идеологическая кампания, направленная на то, чтобы убедить граждан, будто частная собственность и основанный на ней капитализм «создают» права и свободы человека, основана на сокрытии важного вывода социологии и философии. Тезис о связи капитализма с демократией отвергнут не только марксизмом, но и либеральными мыслителями.

Вот что пишет М. Вебер в 1906 г.: «Было бы в высшей степени смешным приписывать сегодняшнему высокоразвитому капитализму, как он импортируется теперь в Россию и существует в Америке, — этой неизбежности нашего хозяйственного развития — избирательное сродство с «демократией» или вовсе со «свободой» (в каком бы то ни было смысле слова)».

Вывод Вебера повторяется в самых разных вариантах постоянно. Американский социолог Б. Гинзберг, автор исследования способов мобилизации общественного мнения властями США, пишет совсем недавно: «Западные правительства использовали механизмы рынка, чтобы управлять устремлениями и чувствами народных масс... Хотя граждане западного мира имеют обыкновение связывать рынок со свободой мнений, невидимая рука рынка может быть инструментом контроля почти столь же мощным, как и железный кулак государства».

Тезис о том, что якобы частная собственность и рынок порождают демократию, не имеет ни исторических, ни логических оснований. Поразительно, как он мог быть внедрен в массовое сознание, когда перед глазами был пример Пиночета, который провел в Чили примерно ту же реформу, что и Чубайс.

Умолчание о методологических ошибках. Симметрично манипуляции с числом «сгинувших в ГУЛАГе» использовался «демографический прогноз» численности русского народа, какой она была бы, не установись в России советский строй. Согласно этому прогнозу, который был сделан, в частности, Д. И. Менделеевым в конце прошлого века, в России (СССР) в наши дни должно было бы проживать около 500 млн. человек (сам Д. И. Менделеев писал о 400 млн.). В солидном журнале пишут как о научном факте: «Следует помнить, что к началу XXI века население России должно было составлять полмиллиарда». Следует помнить! Грубая методическая ошибка этого прогноза была известна уже во время его публикации, поэтому «просвещенные демократы» особенно на этот прогноз не напирали. Зато его подхватили наши патриоты, когда они посыпали пеплом головы, кляня большевиков. Получалось, что «советский эксперимент» обошелся народу в 220 млн. жизней. Ну, в 200 млн., если списать 20 млн. на Отечественную войну. Эти мифические 500 миллионов стали в одно время чуть ли не обяза-

тельным паролем патриотов — их упоминали не только «белые» авторы «Нашего современника», но и «розовые», и даже кое-кто из вождей КПРФ.

Д. И. Менделеев экстраполировал в будущее рождаемость в крестьянской России, предполагая, что прогресс промышленности и улучшение жизни снизит высокую смертность, которая даже в 1913 г. составляла 30,2 человек на 1 тысячу. Он не учел двух тогда уже известных специалистам факторов: урбанизация (переселение сельских жителей в города, неизбежное при развитии промышленности) всегда приводит к резкому сокращению рождаемости; улучшение условий жизни и сокращение смертности также через какое-то время снижают рождаемость.

Наши патриоты, используя прогноз Д. И. Менделеева в идеологических целях искренне, стали манипуляторами невольными (или «вторичными»). Во всяком случае, они «не заметили» комментария к этому прогнозу, который тогда же сделал известный философ Вл. Соловьев. Он писал: «По недавно обнародованным несомненным статистическим данным, та значительная прогрессия, в которой возрастало наше население до восьмидесятых годов, с тех пор стала сильно убывать и в некоторых частях Империи уже сошла на нуль. А именно в губерниях среднечерноземной полосы с 1885 года прибыль населения, как известно, вовсе прекратилась, и тот значительный (хотя и меньший, чем ожидали) прирост в 12 миллионов за 10 лет, который обнаружен переписью 1897 г., падает преимущественно на различные нерусские или полурусские окраины... Есть, значит, помимо механического перемещения людских масс, какая-то органическая причина, остановившая наш рост».

Те, кто использовали прогноз Д. И. Менделеева в антисоветских целях, умолчали не только о критике этого прогноза его современниками. Гораздо более грубым и недобросовестным было умолчание фактических данных, которые можно было бы извлечь из любого статистического ежегодника, — о *естественном приросте* населения в России в самый благоприятный дореволюционный год в сравнении с советским временем. Этот прирост на 1 тыс. человек составил в 1913 г. 16,8 человек. А в 1950 г. 17,0 и в 1960 г. 17,8! Значит, в советское время прирост был больше, нежели в лучший дореволюционный год! Советский образ жизни сразу сказался на главном демографическом показателе — продолжительности жизни. В среднем по России она была в 1896—1897 гг. 32 года! А уже в 1926—1927 гг. стала 44 года, а к началу 70-х годов выросла до 69 лет.

Не будем уж говорить, что после ликвидации советского строя Россия вот уже 10 лет имеет высокую *естественную* убыль населения — такую же, как «неестественная» убыль в годы войны.

Миф о том, что советский строй был оплачен ценой огромного сокращения потенциального населения России («250 миллионов жертв») — продукт грубейшей манипуляции сознанием. Он не мог бы иметь никакого хождения, если бы его пропагандисты честно привели хотя бы самые элементарные фактические сведения¹.

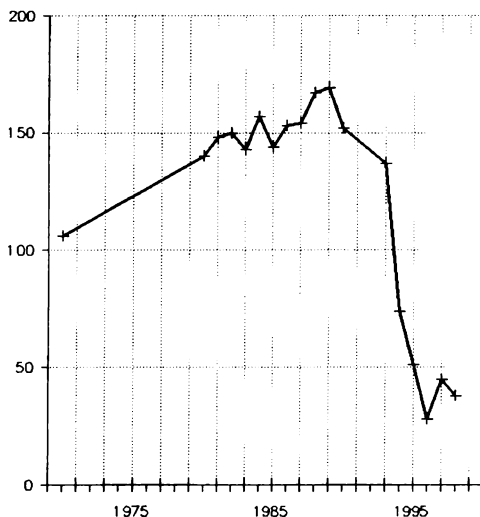
Умолчание о контексте. Главным тезисом нынешней идеологии является утверждение о необходимости перестроить нашу культуру, наши привычки, законы, хозяйство так, чтобы стать «нормальной демократической страной». Главный смысл этого потока попреков и обвинений был в разрушении национального самосознания и уважения и снятии таким образом психологической защиты против манипуляции вообще. Ложь всей этой пропаганды в том, что практически всегда замалчивается реальность тех «нормальных» стран, которые мы должны взять за образец.

Вот видный юрист-социолог Я. И. Гилинский выступает против *смертной казни*: «Мы полагаем, что государство не может считаться правовым и цивилизованным, пока в нем сохраняется узаконенное убийство... В настоящее время в большинстве цивилизованных стран смертная казнь отменена *de jure* или не применяется *de facto*». Поминается, конечно, что в Латинской Америке смертная казнь применяется фактически только на Кубе (отстрел детей-беспризорников в Бразилии или крестьян в Гватемале — не в счет, ибо без суда). Но как будто забыл юрист о главной «цивилизованной» стране — США. Или он не считает США «правовым и цивилизованным государством»?

В США активная дискуссия о смертной казни ведется с 1972 г. Какова же тенденция? В 1976 г. Верховный суд США постановил, что смертная казнь не является неконституционным видом наказания. В 1987 г. Верховный суд снова рассмотрел эту проблему и подтвердил применимость смертной казни. И, наконец, 11 июля 1990 г. сенат США 94 голосами против 6 одобрил, как сказано, «самый жесткий и самый всеобъемлющий в истории США» закон о борьбе с преступностью, расширяющий применимость смертной казни за 33 вида преступлений. Активно поддерживал этот закон Дж. Буш в его избирательной кампании на пост президента США («американский народ больше не будет терпеть преступников»).

В годы перестройки много говорилось о *подслушивании* телефонных разговоров диссидентов службами КГБ. Какой ужас! Какое не виданное нигде в мире нарушение прав человека! При этом

¹ Примечательно, что в антисоветской пропаганде обычно любят брать в пример Финляндию — тоже, мол, часть России, но ускользнули от советского строя и как живут! Но когда речь заходит о демографии, о ней забывают. А ведь в Финляндии, при очень благоприятных природных и международных условиях («сосет двух маток»), прирост населения был точно таким же, как и на территории СССР.

Выпуск художественных фильмов в России (шт.)

все наши честные журналисты и демократические политики *умолчали*, что в это же время в Париже был начат судебный процесс против К. Пруто, начальника Антитеррористической группы при президенте Франции Миттеране. По указанию Миттерана Пруто вел с 1982 по 1986 г. незаконное прослушивание телефонных разговоров сотен журналистов, политиков, адвокатов и даже актеров. На полях распечатки — пометки самого Миттерана. Бедный Пруто попал под суд не потому, что нарушал закон, а потому, что после смерти Миттерана унес домой эти секретные материалы.

Это — мягкий Миттеран, наставник демократии. А о том, под каким колпаком находятся все подозрительные в компьютеризированной Америке, и говорить не приходится. И никакого якобы нейтрализующего государственную машину влияния рынка не заметно. Эрик Лаурент, который исследовал деятельность Национального агентства безопасности США, пишет, что в начале 80-х годов в этой организации с бюджетом 8 млрд. долл. 100 тыс. сотрудников занимались перехватом и расшифровкой передаваемых по телефону или через спутники сообщений, в том числе коммерческих и личных. Уже в те годы ежедневно записывалось 400 тыс. разговоров в США и в других странах.

Замалчивание установок Запада. Во время перестройки демократическая пресса убеждала русских, что они должны изжить «синдром осажденной крепости» и что Запад их любит. «Независи-

Посещение театров (млн. человек)

мая газета» даже публиковала плакаты времен Отечественной войны, чтобы показать, как проклятый сталинизм разжигал ненависть к нашим друзьям-немцам (сейчас, правда, эта газета запела по-другому, но полезно было бы редактору просмотреть старые номера и как-то объясниться).

Одним из забойных лозунгов перестройки было «возвращение в наш общий европейский дом». При этом идеологи умалчивали об одном важном обстоятельстве: никто на Западе не считает, что Россия в этот «общий дом» когда-нибудь входила, и никто не приглашает ее туда сегодня. Перестройка, действительно, была принята на Западе с восторгом, но длился он недолго. Запад быстро понял, что его цель достигнута, и в январе 1990 года как по команде (а скорее всего, по команде) пресса и телевидение сменили пластинку. Сам этот маневр наводил ужас: как можно изменить направление такой машины, как средства информации целой цивилизации, буквально за неделю! Русская тема была «снята с экрана». СССР просто перестал существовать. Информация пошла исключительно негативная, как будто куда-то исчезли обычные положительные сюжеты — балет, наука, демократия и даже русские пейзажи. Остались исключительно пустые прилавки, преступность, проституция и консерваторы. Потом пошла волна антисоветских (на деле антирусских) фильмов. И опять поражает динамизм — волна фильмов уже 1990 г.

Что Россия не имеет никаких оснований ожидать приглашения в «общий дом», говорилось совершенно открыто, и это не могло

ускользнуть от горбачевских и ельцинских идеологов. Кумир нашей демократической интеллигенции Милан Кундера прямо писал: «Воистину, ничто не может быть более чуждым Центральной Европе с ее одержимостью многообразием, чем Россия, одержимая идеей единообразия, стандартизации и централизации... Я просто хочу лишний раз напомнить, что на восточной границе Запада больше, чем где бы то ни было на Земле, Россия воспринимается не как европейская держава, а как обособленная, иная цивилизация». Таким образом, все разговоры об «общем доме» были циничной и целенаправленной манипуляцией.

§ 3. Умолчание цели, цены и сроков изменений

Важнейшим средством (и признаком) манипуляции сознанием в политике является умолчание проекта. Иными словами, политик, собирающий под свои знамена граждан, тщательно избегает говорить о цели своего «проекта», о том, что их ждет в том случае, если он с помощью их голосов (или действий) придет к власти. Вся его явная пропаганда сводится к обличению противника, причем к обличению главным образом его «общечеловеческих» дефектов: попирает свободу, пьет народную кровь, обирает бедных, поощряет несправедливость, врет и т.д. Из всех этих обличений вытекает, что при новом режиме всех этих гадостей не будет, а воцарится свобода, справедливость, нравственность, трезвость и т.д.

Первыми признанными мастерами такой пропаганды были якобинцы во время Великой французской революции. Большое историческое исследование ее проделал в год ее столетнего юбилея П. Кропоткин. Он взглянул на нее по-новому, и она потрясла цинизмом нового типа пропаганды. Из всей совокупности речей и текстов, возбуждающих ненависть к старому режиму, абсолютно невозможно было «вычислить» тот проект будущего жизнеустройства, который стоял за отрицанием. И дело было не в том, что революция всегда заводит не совсем туда, куда обещали революционеры. Якобинцы сознательно умалчивали о своих намерениях.

В этом отношении революция в традиционном обществе России была резко отличной от французской. Все ее участники: и Столыпин, и последующие монархисты, и кадеты, и революционеры высказывали свои взгляды на желаемое или ненавистное им устройство жизни вполне ясно и четко. Сегодня эта открытость поражает и даже умиляет: было какое-то братство непримиримых противников. Запад, создавая технологию манипуляции сознанием, исходил из других принципов. Ницше писал: «Кто хочет требовать от кого-либо другого чего-либо трудного, тот вообще не должен представлять дело в виде проблемы, а должен просто изложить свой план, как будто последний есть единственная возможность; и

когда во взоре другого лица начинает разгораться возражение, противоречие, он должен суметь быстро оборвать его и не дать ему опомниться».

Именно таким образом принимались политические решения в ходе перестройки. Горбачев проявил себя гениальным манипулятором. Сначала всей силой тоталитарной партийной власти заставили вовлеченных в политику людей принять абсурдную установку: «Иного не дано» (или «Альтернативы нет...»). Далее в формулу подставлялись разные объекты — нет альтернативы перестройке, курсу реформ, рынку, Ельцину и т.д. При этом широко использовался прием, называемый *присоединение к будущему* (вульгарно он выражается поговоркой «поезд уже ушел»). Людей убеждали, и безуспешно, что назад пути нет, слишком многое уже разрушено, и что теперь уж, делать нечего, надо продолжать реформы.

Стенограммы пленумов ЦК КПСС и некоторых других собраний, на которых несогласные или сомневающиеся пытались возразить или хотя бы поставить риторические вопросы (типа «Самолет подняли в воздух, а куда садиться будем?»), показывают замечательное умение Горбачева и всей его команды моментально «оборвать, не дать опомниться». Зачастую с ошарашивающей людей, непривычной наглостью. «Революция» Горбачева, а потом Ельцина проведена уже по всем канонам манипуляции сознанием. Пожалуй, даже с перебором — на стадии перестройки было не только умолчание, но и прикрытие ложью.

Вот правительство Н. И. Рыжкова уже готовило законы, сломавшие плановую экономику. И в одно и то же время заместитель премьер-министра экономист Абалкин говорил на Западе, что СССР в результате этого угрожает безработица в размере 30—40 млн. человек, а Горбачев внутри страны успокаивал: «На страницах печати были и предложения [по экономической реформе], выходящие за пределы нашей системы, в частности, высказывалось мнение, что вообще надо бы отказаться от плановой экономики, санкционировать безработицу. Но мы не можем допустить этого, так как собираемся социализм укреплять, а не заменять его другим строем. То, что подбрасывается нам с Запада, из другой экономики, для нас неприемлемо». Истинный экономический проект перестройки был людям совершенно неведом.

Эффективный прием — **принижение проблемы**. Подмена фундаментального, жизненно важного вопроса его второстепенной, частной стороной («суррогатом») — неременный прием на кухне манипуляции сознанием.

Можно точно сказать, что «принижение» всех проблем и явлений (по словам Ницше, «подмена проблемы планом») — сознательная политика. С самого начала перестройки все будущие изме-

нения подавались людям как «улучшения», не меняющие основ жизненного уклада. Лишь из специальных работ членов «команды Горбачева» можно было понять масштаб ломки. В годы реформы — то же самое. Продают за бесценок Норильский комбинат — тут же всех успокаивает министр: да что вы, какая мелочь, зато из этих денег учителям зарплату выплатят за октябрь. И так — обо всем.

Особенно разрушительно для сознания принижение проблем в моменты кризисов, когда люди не спорят по мелочам, а ставят главные, ключевые вопросы. Это давно подметил русский философ Питирим Сорокин. Он писал: «В обычные времена размышления о человеческой судьбе (откуда, куда, как и почему?), о данном обществе являются, как правило, уделом крохотной группы мыслителей и ученых. Но во времена серьезных испытаний эти вопросы внезапно приобретают исключительную, не только теоретическую, но и практическую важность; они волнуют всех — и мыслителей, и простонародье. Огромная часть населения чувствует себя оторванной от почвы, обескровленной, изуродованной и раздавленной кризисом. Полностью теряется привычный ритм жизни, рушатся привычные средства самозащиты... В такие времена даже самый заурядный человек с улицы не может удержаться от вопросов:

Как все это произошло? Что все это значит? Кто ответит за это? В чем причины? Что может еще случиться со мною, с моей семьей, с моими друзьями, с моей родиной?»

В момент культурного кризиса в Испании, похожего на наш, Ортега-и-Гассет писал: «Фихте гениально заметил, что секрет политики Наполеона и вообще всякой политики состоит всего-навсего в провозглашении того, *что есть*, где под тем, *что есть*, понимается реальность, существующая в подсознании людей, которая в каждую эпоху, в каждый момент составляет истинное и глубоко проникновенное чаяние какой-либо части общества». Таким образом, задача политиков, которые идут по пути решения проблем, а не манипуляции массами, — выявить и назвать *главные* противоречия момента и главные трудности, а затем выявить и назвать сокровенные чаяния людей. Напротив, манипуляторы маскируют главные трудности и главные условия успеха второстепенными, а часто ничтожными вопросами.

Вот пример. В конце 1998 г. правительство подало в Думу на утверждение бюджет России размером чуть более 20 млрд. долларов. Началась лихорадочная работа: миллион долларов туда, полмиллиона сюда. Национальные интересы, безопасность, культура... А мы все тоже с серьезным видом вперились в этот спектакль. Когда я читаю бюджет, за который (или против которого) голосовали депутаты, я чувствую, что теряю почву под ногами. Что происходит? Умные люди ходят по коридорам, таскают туда-сюда эти пап-

ки в 2 тысячи страниц, что-то отмечают карандашом. «О-о, это честный бюджет!» — а другой: «Ах, это нечестный бюджет, доллар будет стоить дороже». Кто сошел с ума — я или все эти люди? Ведь весь этот бюджет, если взглянуть здраво, — нелепость. Честная или нечестная — совсем не важно.

В конце ноября 1998 г. был я по странному случаю в Горбачев-фонде, делал доклад. Сидят иностранцы, депутаты, академики (даже вице-президент РАН). Вдруг выступает взволнованный академик-секретарь Отделения экономики РАН академик Д. С. Львов. Похоже, пришел только затем, чтобы срочно огласить информацию в присутствии иностранцев и телевидения. Его с группой ученых РАН попросили разобраться в платежных ведомостях правительства Черномырдина за 5 лет. И он с ужасом сообщает, что баланс не сходится — куда-то утекло 74 миллиарда долларов! Над круглым столом повисло молчание. Только Горбачев нервно хихикнул¹. Все-таки 74 миллиарда...

Есть в балансовом отчете — хоть в бухгалтерии прачечной, хоть в правительстве — графа «Ошибки и пропуски». Туда списывается нестыковка баланса, какие-нибудь 17 копеек. И то бухгалтер потеет, ищет их по всем статьям — дело чести. Д. С. Львов говорит: у Черномырдина в эту графу списывалось по 5 млрд. долларов в год, а в 1997 г. даже 7,3 млрд. долларов. Вдумайтесь в сумму! На 1999 г. все капиталовложения в АПК всей России составляли по бюджету 100 миллионов долларов — в 70 раз меньше, чем правительство списывало просто на ошибки подсчета!

74 миллиарда украли не «олигархи», не Козленок, их не увезли за границу в бюстгальтере. Они уже были в ведомостях правительства — и пропали. Через пару недель взволнованное лицо Д. С. Львова промелькнуло на телеэкране — где-то, на каком-то вечере он успел крикнуть в телекамеру, как Левша у Лескова, что, согласно их раскопкам, пропало не 74, а 90 миллиардов. Причем то ли 13, то ли 16 утекли уже при правительстве Примакова². Заметьте: Д. С. Львов, высший иерарх официальной экономической науки, сообщает эти сведения не на чрезвычайном пленарном заседании Госдумы, специально собранном по этому вопросу, даже не в программе «Вести», а где-то в коридоре, одной обрывочной фразой.

Следующим кадром мы видим, как упорно ведет Примаков переговоры с Камдессю — умело добивается для России ничтожного кредита. Тут же Явлинский шумит о коррупции — какого-то чи-

¹ Замечателен такой факт. Через полгода после той конференции прислали мне из Горбачев-фонда, как докладчику, две хорошо изданные книжки с материалами конференции. Я сразу кинулся читать выступление Д. С. Львова — ни слова о пропавших миллиардах! Горбачев, рыцарь гласности, тут превзошел самого себя.

² Американская пресса в августе 1999 г. называла сумму 14 млрд. долларов.

новника назначили по блату, какой ужас. И этим его шумом сразу же начинает заниматься вся государственная машина и СМИ. Проходит этот шум — наготове другой, Генпрокурор озабочен тем, что не удастся вырвать у Польши преступника Станкевича — хапнул взятку в 10 тысяч. И — полное молчание о заявлении Д. С. Львова! Это — абсолютная несоизмеримость явлений, признак катастрофы. Гораздо важнее, чем сами 90 миллиардов долларов.

Считается, что человек, в отличие от животных, обладает разумом и может предвидеть ход событий. Поэтому, если он попадает в лесной пожар, он не отступает от огня на последний пяточок, а осматривается и прорывается через огонь, хотя это и больно. А животные все время идут туда, где меньше огня, попадают в центр пожара и сгорают. Таковы наши политики — но ведь и все мы таковы, мы бредем за ними на пяточок, чтобы сгореть чуть позже, зато наверняка. Никакой идеи прорыва, никакого поиска. Бюджет — 20 млрд. долларов, выплаты процентов по долгу — 17 млрд., и Россия еще просит кредитов и взамен обещает ничего не менять в «курсе реформ». Где тут предвидение, на что тут надежда? Конечно, пока нам внятно не скажут о той дыре, через которую из России утекают даже по каналам правительства суммы, превышающие весь госбюджет, говорить о нем почти не имеет смысла. Но я и говорю не о бюджете, а о поведении людей, о всеобщем молчании при виде странных, непонятных вещей.

Создание целого веера конфликтов и споров по вопросам, которые на фоне главной проблемы яйца выеденного не стоят, — признак того, что идет кампания манипуляции сознанием.

Особые ловушки для общественного сознания — ложные цели. Их расставляют, как на войне расставляют макеты танков и самолетов для отвлечения авиации противника. В ходе реформы, начиная с Гайдара, вся машина пропаганды вещала тоном, не терпящим даже тени сомнения: главная цель экономической политики — недопущение дефицита госбюджета. Никто даже из самой крутой оппозиции не осмелился возразить. А здравый смысл так и кричит: да разве может это быть целью экономики? Рассмотрим один пример.

В России необратимо подрывается плодородие пашни — основного национального достояния. Известно, что естественное плодородие обеспечивает урожайность не выше 7—8 ц зерна (такой она и была в благословенном 1913 г.). Больше не может компенсировать почва вынос питательных веществ, надо удобрять. При урожае 18—19 ц, как было в последние советские годы, вынос с урожаем был 124 кг питательных веществ с гектара, а вносилось 122 кг с удобрениями. Мы только-только подошли к равновесию. Оно было сломано, причем резко, грубо, в результате реформы. Применение удобрений в РФ упало с 14 млн. т в 1987 г. до 2 млн. т в 1995 г. и до

1 млн. т в 1998 г. В 1995 г. за рубеж ушло 77,5% произведенных в РФ удобрений (причем только 2% в СНГ). Подумайте только, Россия сегодня вносит в гектар пашни в 6—7 раз меньше удобрений, чем страны «третьего мира» — Бразилия, Мексика. За пять лет скатиться с уровня развитой страны на уровень во много раз более низкий, чем голодающие страны!

Что же это значит? Рынок — механизм, соединяющий производство с общественной потребностью, и, как нас убеждали академики, он это якобы делает лучше, чем план. В России мы имеем острую общественную потребность в удобрениях (и, далее, в продуктах питания). И имеем развитое производство. Как их соединил тот «рынок», тот экономический уклад, который создан режимом Ельцина? Он их катастрофически разъединил. Допустим, это — гримаса рыночной стихии.

Что в таком положении делает нормальное государство? Оно компенсирует нестыковку рынка, давая селу (фермерам, колхозам, помещикам, плантаторам — неважно) из бюджета дешевый кредит или даже субсидию, чтобы соединить потребность и производство. Закупив удобрения и получив богатый урожай за счет солнечной энергии и зеленого листа, сельское хозяйство с лихвой, многократно покрывает помощь государства.

Крупнейший экономист XX века Дж. Кейнс доказал, что ради того, чтобы соединить в дееспособную систему имеющиеся в стране ресурсы (рабочие руки, фабрики, землю и солнце), надо, если не хватает денег в казне, идти на дефицит госбюджета — «занимать у будущего». Дефицит госбюджета — зло, но зло несравненно меньшее, чем простаивающие ресурсы, особенно даровые (солнечная энергия). Оживление ресурсов дает выгоду, по размерам совершенно несопоставимую с ущербом от дефицита госбюджета. Поняв это, Рузвельт начал Новый курс в США и вытащил страну из тяжелейшей Великой депрессии, во время которой рынок «разъединил» производство и потребности.

Но настолько одурачили людей в России, что все даже заикнуться боятся о ложности объявленной цели. Никто из оппозиции не осмелится сказать, как Рузвельт, простую вещь: ради того, чтобы заставить вновь заработать хозяйство, мы, будь наша власть, закупили бы ресурсы и дали бы их хозяевам-производственникам, пусть бы у нас пару лет был высокий дефицит госбюджета. Рузвельт называл это «заправить насос водой». Главное, чтобы насос заработал.

Важный вспомогательный прием при умолчании целей — **умолчание последствий изменений**. Если удастся скрыть информацию о неминуемом ущербе, который люди понесут из-за навязываемых им изменений, они легче проглотят и мифическую цель.

Во время перестройки вся огромная идеологическая машина КПСС была направлена в то время на то, чтобы люди не поняли, что их ожидает в ближайшем будущем. Когда в мае—июне 1991 г. специалисты обсуждали проект закона о приватизации промышленных предприятий, среди них не было никакой неопределенности относительно последствий этого шага. То, что мы сегодня имеем, было предсказано с удивительной точностью во всех основных аспектах. Неизвестны были только фамилии тех лиц, которым будут переданы финансы и главные предприятия страны. Однако пресса и телевидение сумели полностью отвлечь сознание людей от грядущих изменений жизни. В текстах и выступлениях ведущих политиков любого толка (вплоть до «консерватора» Е. К. Лигачева) нельзя найти ясных предупреждений. Ругать и даже проклинать Горбачева было кое-кому разрешено, но туманно (мол, «продает Россию, расчленяет страну»). Однако спокойно объяснить людям суть проекта запрещалось так строго, что никто из номенклатуры не осмелился нарушить.

Летом того же года несколько научных групп провели расчет последствий «либерализации цен», которую осуществил уже Ельцин в январе 1992 г. Расчет проводился по нескольким вариантам, но общий вывод дал надежное предсказание, оно полностью сбылось в январе. Результаты расчетов были сведены в докладе Госкомцен СССР, доклад этот в печать не попал, специалисты были с ним ознакомлены в режиме «для служебного пользования». Но дело не ограничилось умолчанием. Одновременно с появлением этого доклада в массовой печати дали заключения «ведущих экономистов», которые успокаивали людей. Так, популярный «Огонек» дал прогноз корифея рыночной экономики Л. Пияшевой. К этой даме претензий быть, конечно, не может — говорила, что велено. Нас интересует вся машина манипуляции.

Машину манипуляции мы могли наблюдать в действии и после перестройки, непрерывно все эти десять лет. Удивительно только, что люди не устают верить. Уже пошли взвиваться цены, а Гайдар нас успокаивает с экрана: «Ну, буханка хлеба никогда не будет стоить десять рублей!» — и сам захихикал, зачмокал своей шутке. Конечно, это казалось немислимым, и слова премьер-министра люди приняли всерьез (хотя при «либерализации» тогда цена подскочила с 20 коп. сразу до трех рублей). Но он-то имел надежный прогноз роста цен! Так же было и с долларом: он клялся, что никогда выше 50 рублей цена доллара не поднимется.

Полностью ложным было представление об ожидаемых результатах приватизации по Чубайсу, точно так же ложное представление создается о последствиях разрешения купли-продажи земли. «Информационная защита» намерений реформаторов явля-

ется почти тотальной: даже в т.н. оппозиционной прессе (при ее ничтожных тиражах) вкрапления содержательных рассуждений разбавляются огромным числом эмоциональных всплесков, в которых они и тонут.

Другое важное условие успешной манипуляции — **умолчание сроков** «переходного периода». В манипуляции широко используется хорошо изученное в психологии свойство человеческого характера — продолжать начатое дело, не останавливаясь на полпути, даже если вскрылись неизвестные ранее препятствия. Часто они даже увеличивают решимость. Поэтому, вовлекая людей в нужные манипулятору действия, большие усилия и изощренность прилагаются к тому, чтобы представить эти действия гораздо более легкими и краткосрочными, чем они наверняка будут. Если до этого людей удалось очаровать образом «светлого будущего», грядущего за выполнением нужных манипулятору действий, то всякие призывы здравомыслящих людей остановиться, подумать, подсчитать, обсудить и т.д. отвергаются даже с ненавистью.

Даже на заключительной стадии перестройки, когда начался последовательный развал всей системы народного хозяйства СССР и для специалистов были очевидны катастрофические последствия (их прогноз сбылся с высокой точностью), пропагандистская машина Горбачева сумела внушить большинству граждан веру в скорое благоденствие. В начале 1989 г., когда спад производства стал очевидным, лишь 10% опрошенных ожидали ухудшения экономического положения в течение следующих двух лет².

В 1990—1991 гг. в результате изменений в системе хозяйства был практически разрушен потребительский рынок, и люди начали терпеть лишения. Однако речь Ельцина в октябре, когда он призвал продолжить начатый курс реформ и перейти к либерализации цен и приватизации промышленности, была встречена если не с энтузиазмом, то благосклонно. Он же прямо сказал: «Трудно будет всем два-три месяца, а потом начнется подъем».

В России, где на предприятиях были накоплены огромные запасы стратегических материалов, где имеются богатейшие месторождения нефти и газа, еще удастся поддерживать какое-то мини-

¹ Радужные перспективы с высокими идеалами рисуют все манипуляторы, даже если их цель сводится к тому, чтобы обобрать сограждан. Ницше писал: «Даже когда народ пятится, он гонится за идеалом — и верит всегда в некое «вперед».

² Для подкрепления утопических ожиданий правительство продало весь золотой запас СССР (в начале перестройки он составлял 2 тыс. т золота) и сделало большие долги у иностранных кредиторов. Одновременно были прекращены все капиталовложения в хозяйство. На эти огромные средства закупулся импортный ширпотреб, который вывалился на граждан, как из рога изобилия. Депутаты ходили по квартирам и составляли списки на получение прекрасных немецких ботинок по бросовой цене (я до сих пор их ношу).

мальное жизнеобеспечение, так что губительный характер поворота еще не всем очевиден. Но поворот-то был один и тот же для всех народов СССР. Возьмем чистый случай — Армению. Он тем более показателен, что это была очень благополучная республика с высоким уровнем жизни (и большим самоощущением жителей). Здесь антисоветская пропаганда оказала магическое воздействие на сознание, и армяне поддержали своих радикалов, начавших подрывать СССР через войну в Нагорном Карабахе. О том, что они получили, пишет в 1994 г. президент Армянской социологической ассоциации Г. Погосян: «Практически 70% опрошенных хотели бы уехать, появись у них такая возможность... Ничто так не свидетельствует о безысходности сложившегося положения и о глубине отчаяния, как согласие взрослых на выезд детей. Ведь их отрыв от семьи, родного дома — событие чрезвычайное. Если армянин сознательно идет на подобное (63,9% родителей хотят, чтобы дети переехали на постоянное жительство за границу, поскольку «вся Армения — зона бедствия»), то это значит, что он просто не видит лучшего будущего для них... И никогда еще не было подобной атмосферы одобрения самого намерения уехать». Можем констатировать, что под воздействием манипуляции со стороны меньшинства (которое довольно нынешним положением) целый народ сделал фатальную ошибку¹.

В последние годы «реформаторы» от умолчания цели, социальной цены и сроков проекта перешли к тотальному, доходящему до абсурда утверждению, что *проекта* вообще не существовало. Эта мысль сначала обкатывалась в узком кругу самих идеологов перестройки и реформы, а в последнее время вводится в широкий оборот.

Мне пришлось участвовать в дебатах на телевидении с Ф. Буллацким — одним из «прорабов перестройки», и В. Никоновым — «аналитиком» из команды Ельцина. Ведущий задал мне вопрос: почему довольно успешно прошла либеральная реформа в Испании после смерти Франко, а у нас не идет? Я много раз бывал в Испании, изучал их опыт. Да и не только в Испании или Китае успешно провели подобные реформы, а и в Японии, Южной Корее, ФРГ. Опыта достаточно, и ответ-то прекрасно известен специалистам и у нас, и на Западе. Так что я и сказал то, что все мы за нашим столом знали, да говорить стеснялись. Я сказал, что ни в Японии, ни в Китае или Испании в ходе реформы не ставилось целью сломать все жизнеустройство, сменить «тип цивилизации», попросту уничтожить страну как «империю зла». А в СССР, а потом в РФ была

¹ Впрочем, это меньшинство внутри Армении опиралось на авторитет и прямую помощь видных фигур в Москве — А. Аганбегяна, А. Д. Сахарова, Г. Старовойтовой и самого Горбачева.

поставлена именно такая задача. Сегодня мы пожинаем плоды этого разрушения. Вторая причина, говорю, уже не такая фундаментальная, но очень важная: ни в одной из успешно проводивших реформу стран не нашлось малой, но влиятельной социальной группы у власти, которая бы ненавидела свою страну, ее народ и ее культуру. А в России такая прослойка нашлась, и она убийственный проект взялась выполнить.

Мои собеседники возмущенно воздели руки: как же можно такое говорить, среди бела дня, в центре Москвы! Однако насчет ненависти к России и ее культуре спорить не приходится. Я предложил вспомнить весь поток публикаций 1989—1992 гг. в журналах «Огонек», «Столица» и им подобных, а также в таких серьезных академических изданиях, как журнал «Вопросы философии». Назвал авторов. Все эти тексты имеются, они поддаются строгому научному анализу (такой анализ ведется). Что же тут возмущаться, факт налицо: была изложена развитая, продуманная видными деятелями философия ненависти к России, характеру ее народа, его способу трудиться, его быту и привычкам, даже к природе России.

Интересно, что в разгар реформы (в 1994 г.) попал я на семинар идеологов перестройки среднего ранга (типа Л. Пияшевой, Зиновия Гердта и др.). Попал, возможно, по ошибке — организаторы спутали меня с моим родственником — философом из команды Бурбулиса. Я сделал доклад, где по ходу дела зачитывал высказывания присутствовавших там деятелей. Это вызвало страшное возмущение. В обществе наших демократов уже считается оскорблением, когда вслух повторяют твои же собственные слова. Значит, сами они понимают, что наговорили вещей безобразных, неприличных¹.

В этот раз Бурлацкий и Никонов цитат не потребовали, понимали, сколько всего наговорено лишнего. Бурлацкий сам был редактором «Литературной газеты», знает. Поэтому разговор сразу уперся в главный вопрос — о проекте перестройки и реформы. И здесь выяснилась установка, которую всем нам надо знать, из нее вытекает много следствий на будущее. И Бурлацкий, и Никонов заявили, что никакого проекта перестройки и реформы не существовало! Подумать только, «архитекторы и прорабы» были, а проекта не было.

На том семинаре с Пияшевой и др. все они тоже в один голос твердили: не было никакого проекта, мы «хотели как лучше». Тогда я подумал: жалкие люди, хотят получше выглядеть перед исто-

¹ Я тогда сказал: зря кипятитесь, все ваши философские рассуждения о России уже собраны в большую базу данных и изучаются научными методами. Это почему-то их страшно взволновало. Зиновий Гердт даже подходил к моему знакомому и спрашивал, правда ли, что у Кара-Мурзы есть такая база данных. Прямо как дети.

рией, стесняются того, что натворили. Даже симпатию они вызвали своими наивными попытками оправдаться. Но тут передо мной сидел многолетний помощник Брежнева, а потом Горбачева, рядом с ним молодой и растущий кадр из команды Ельцина. И — вновь эта детская песенка. Я был просто поражен. Значит, это продуманная формула. Ничего не знаем, никакой программы не было, так все само собой пошло кувырком, потому что народ негодный — то раб, то вор.

Никонов даже на меня огрызнулся: говорить, что имелся какой-то вызревший проект, это значит верить в заговоры. А это, мол, паранойя и попахивает ненавистью к жидомасонам. Это дешевая уловка. При чем здесь заговоры и при чем «позатипный график мероприятий», которого, по словам Бурлацкого, якобы не было у Горбачева (сам Горбачев, кстати, всегда хвастался, что программа есть и все идет по плану)? Зачем притворяться глупенькими? Когда речь идет о проектах масштаба перестройки как слома цивилизации, имеют в виду не эти мелочи. Даже «холодная война» на этом фоне — частная операция, техническое средство. Кстати, сейчас, через 50 лет, на Западе рассекречивают и публикуют многие документы «холодной войны». Видно, какая это была грандиозная программа, сколько в нее было вложено денег и какая огромная армия образованных специалистов работала. Так что — это тоже заговор? В существование этой программы тоже верить неприлично?

Как мы помним, в годы перестройки на публику работал широкий набор агитаторов, на все вкусы — от интеллигентного Сахарова до полупристойного Хазанова. Держали и политического клоуна — Новодворскую, она, как юродивый, могла резать правду-матку. Кто-то уклончиво говорил о возврате в мировую цивилизацию, а она попросту: «Холопы и бандиты — вот из кого состоял народ. Какой контраст между нашими самыми зажиточными крестьянами и американскими фермерами, у которых никогда не было хозяина!.. Может быть, мы сожжем наконец проклятую тоталитарную Спарту? Даже если при этом все сгорит долла, в том числе и мы сами...»

Вот вам и четкий проект. Россия — тоталитарная Спарта, которую надо сжечь. И это такая великая задача, что и себя не жалко, а не только народ — холопов и бандитов. Почему же, когда наш дом действительно загорелся, мы должны считать, что это случилось «само собой», а не по проекту Новодворской? Почему буквально все действия перестройщиков и реформаторов вели к этому? Ведь если делать все просто наобум, то иногда и что-то хорошее может получиться. Само собой так бы не вышло.

Конечно, при научном исследовании проекта перестройки и реформы приходится изучать не тексты Новодворской и Хазанова

(хотя и это ценный материал для понимания того, как действовала вся машина). Главные мысли — в трудах видных экономистов, философов, историков, Аганбегяна и Заславской, Мамардашвили и Гефтера. Они меньше известны широкой публике, высказывания их не так скандальны. Казалось бы, уже можно было бы без гнева и пристрастия восстановить замысел той программы, которая поставила Россию на грань гибели. Тогда бы и нащупали путь к спасению. Нет, и слышать об этом не желают. Не было никакой программы, и все тут¹.

Что же понимать под «проектом перестройки и реформ»? Если мы установим, что такой проект имеется, то все шаги и Чубайса, и Кириенко видятся по-иному. Это не «ошибки молодых реформаторов», и нельзя надеяться, что они их станут исправлять. Это — последовательное выполнение общего большого замысла. Отсюда мы и должны исходить в наших мыслях и делах.

История дала нам очень хорошо изученный и прямо отвечающий на наш вопрос случай — Великую французскую революцию. Она разрушила Старый Порядок (эти слова даже писали с большой буквы, чтобы подчеркнуть цивилизационный масштаб этой революции, которая действительно изменила все жизнеустройство). Общеизвестно, что эта революция следовала грандиозному проекту, который вызревал в течение полувека и сам вытекал из философского и культурного течения, которое было названо Просвещением. Иными словами, нельзя сказать, что говорить о проекте Великой французской революции — значит следовать теории заговора (хотя в техническом ее исполнении была велика роль заговорщиков и вообще теневых политических сил, например масонов).

Как же вызревал тот проект и в чем выразился? В том, что группа видных деятелей культуры и науки Франции в течение длительного времени целенаправленно и систематически описывали все главные устои Старого Порядка и убеждали общество в том, что эти устои негодны и должны быть сломаны. Английский историк Э. Берк, который наблюдал революцию и написал о ней первую большую книгу, отмечал это в отдельной главе: «Вместе с денежным капиталом вырос новый класс людей, с кем этот капитал очень скоро сформировал тесный союз, я имею в виду политических писателей. Немалый вклад внесли сюда академики Франции, а затем и энциклопедисты, принадлежащие к обществу этих джентльменов».

¹ Хотя в начале книги мы договорились не давать моральных оценок, нельзя не поразиться неискренности этих людей. Они, находясь у власти, знают, к каким последствиям ведет каждый их важный шаг, но скрывают это от общества. Они не готовят никаких мер, чтобы смягчить эти последствия или потом как-то выправить урон. Эти меры и нельзя готовить, раз все делается тайком.

Э. Берк упомянул энциклопедистов. На их примере хорошо видно, как вынашивался проект. Небольшая группа видных ученых и философов, соединившись вокруг Дидро и Д'Аламбера, в течение 20 лет (до 1772 г.) выпускала «Энциклопедию», соединив в ней современные знания. Но главный замысел был в том, что каждый научный вопрос излагался так, чтобы доказать негодность Старого Порядка. В 1758 г. Генеральный Совет Франции принял даже специальное постановление об энциклопедистах: «С большой горечью мы вынуждены сказать это; нечего скрывать от себя, что имеется определенная программа, что составилось общество для поддержания материализма, уничтожения религии, внушения неповиновения и порчи нравов». Энциклопедия выходила легально, но был организован и «самиздат», в том числе за рубежом.

Что же у нас? По типу — то же самое. Видные деятели интеллигенции целенаправленно и методически убеждали граждан в негодности всех устоев советского порядка. Я с 1960 г. работал в Академии наук и прекрасно помню все разговоры, которые непрерывно велись в лаборатории, на домашних вечеринках или в походе у костра — оттачивались аргументы против всех существенных черт советского строя. Так и вызревало то, что я назвал «проектом перестройки и реформы».

§ 4. Ложная мудрость

Разберем подробнее тот ложный афоризм, который взял как безотказное оправдание С. Кириенко в 1998 г., — *«надо жить по средствам»*. Для начала заметим, что широко бытует ошибочное убеждение, будто выход из кризиса — проблема экономическая и ответ должны дать экономисты. На деле экономиста можно уподобить инженеру-эксплуатационнику, который обеспечивает нормальную работу данной хозяйственной машины (или даже ее подсистемы — смазки, питания и т.д.). Такой инженер часто не знает и даже не обязан знать теоретических принципов всей машины — например, термодинамики как теории паровой машины. И уж тем более инженер, специалист по дизелям, не обязан знать теории машины совсем иного рода (например, ядерной физики как основы атомного реактора)¹.

¹ Когда слушаешь рассуждения экономиста-«эксплуатационника» о нашем кризисе, возникает смешанное чувство: о чем он вообще говорит? Ведь он явно не понимает, в чем суть рыночной экономики, почему она называется рыночной и в чем ее отличие от того хозяйства, которое было создано в СССР. А рассуждения рыночников вроде Гайдара вообще являются научным подлогом. Это все равно как очень грамотно рассуждать о поломках телевизора, в то время как надо починить мотоцикл.

Жить по средствам — понятие, далеко выходящее за рамки экономики. Оно говорит о *жизнеустройстве*. Когда Кириенко говорил, что новый курс реформ в том, чтобы «жить по средствам», в этом был и большой скрытый обман, которым мы в массе нашей соблазнились и не хотим его видеть. И это уже — дело не Кириенко или Чубайса, но дело нашего собственного ума и совести. А раз соблазнились, то говорить об этом непросто, а слушать неприятно.

Упрекая нас в том, что мы привыкли жить не по средствам, Кириенко отводит внимание от главного: вся реформа Горбачева—Ельцина только потому и стала возможной, что всех нас, весь наш народ, долго соблазняли — и наконец соблазнили — жить не по средствам. И жить не по средствам в главном, в самом существенном. Это вопрос не экономики, а культуры, духа. Нас соблазнили отказаться от одного из главных устоев русской жизни — неприятельности и нестяжательства. Эти вещи связаны.

Из сути общества как семьи вытекал и принцип хозяйства — думать обо всей семье и жить по средствам. На этом строилась вся наша цивилизация. Помню, после войны у нас в доме была старая бутылка с хорошей пробкой — для масла. Кончалось масло, я шел в магазин, и мне из бочки черпаком наливали. Я ощущал рукой форму, фактуру стекла, вес. Это была одна из простых вещей, которые полвека «держали» семью.

В какой-то момент началась модернизация нашей жизни. Сначала исчезли бочки с маслом, потом и поставленные было автоматы для розлива (помните: бросил полтинник — получай в свою бутылку). Исчезли и старые бутылки. Появилась удобная упаковка из пластика. Пустую — в мусор. Мы стали переходить к «цивилизации упаковки» — а значит, к разрушению России как семьи. Оплатить упаковку можно было только через обеднение части народа.

Пластиковая бутылка для масла — мелочь, для примера. В целом на Западе совокупные затраты на упаковку потребительских товаров примерно равны стоимости этих товаров. Россия как семья могла жить только скромно — иногда есть сласти, но из простого бумажного пакета. Решив тратиться на упаковку, мы должны были так сократить количество самих сластей, что их могло хватить лишь меньшинству. А чтобы это узаконить и отодвинуть большинство, надо было уничтожить советский строй. Впрочем, большинству дали рекламу сластей по телевизору — людям и незачем теперь жевать их, они, глядя в экран, представляют себе их вкус даже более прекрасным, чем он есть на самом деле.

В этом суть того поворота, на который согласился русский народ. Согласился по незнанию, по лени, под влиянием обмана — неважно. Важно не то, почему согласился, а то, что не видно никакой

воли к тому, чтобы осознать тот выбор, во весь голос заявить о нем — признать его или отвергнуть.

В советское время мы жили именно **по средствам** — долгов не набирали и даже концессий иностранцам не давали. Но и армия была сыта и вооружена, и шахтеры не голодали, и хоккеистов не продавали. Дело, конечно, в советском типе хозяйства, ему по эффективности не было равных. Но советское плановое хозяйство было бы само невозможно без этих двух духовных условий — непритязательности и нестяжательства народа.

Образно говоря, для того, чтобы иметь и надежный достаток, и безопасность, и независимость, и возможность постоянно улучшать понемногу жизнь, требовалось, чтобы народ был согласен ходить в *домотканом*. И народ был до поры до времени согласен — те поколения, что знали цену и безопасности, и независимости. Но то меньшинство стяжателей, которое страдало от такой жизни, обратилось к молодежи, которая, в общем, была нами избалована. И молодежь возмутилась всем домотканым и потребовала себе модной фирменной одежды. Затем и все вошло во вкус, шахтеры захотели ездить на «тойотах» и помогли уничтожить советскую власть. Сейчас у них «тойоты» уже развалились, на бензин денег нет, и шахтеры недовольны. Но я не слышал, чтобы они раскаялись в главном, они только просят сменить Ельцина на Лебеда. Пока сменят, и шахтеров не будет, поскольку шахты будут закрыты. Наши шахты — это тоже вещь «домотканая». Не уметь самим делать «тойоты», а ездить на них — это и есть «жить не по средствам».

Соблазн проводили в два этапа. Сначала нам всеми средствами показывали и объясняли, какие плохие товары выпускает советская промышленность по сравнению с западной. Тут и Аркадий Райкин старался, и Рина Зеленая, не говоря уж о профессиональных идеологах. При этом яд подавался даже с патриотической ноткой: ведь можем же делать прекрасные истребители и ракеты, почему же мясорубки плохие! Сравнение было такое сильное, что мало у кого приходил на ум вопрос: а есть ли у нас средства на то, чтобы все делать на таком высоком уровне качества — и истребители, и мясорубки? И если средств недостаточно, то правильно ли было бы делать хорошие мясорубки, но плохие истребители?

Второй этап соблазна ударил еще сильнее: при Горбачеве отменили план и монополию внешней торговли, в страну хлынули импортные товары и почти каждый смог пощупать их руками, попробовать в деле. Пожалуй, сегодня едва ли не большинство мечтает, чтобы демократы поскорее прикончили все отечественное производство, чтобы вообще наши товары под ногами не болтались, полки не занимали.

Мне могут сказать, что просто люди получили свободу и поступают вполне разумно — выбирают лучшие товары. А раньше, при тоталитаризме, плановая система всех заставляла пользоваться плохими советскими мясорубками и ездить на «Запорожце». Чтобы показать ложность такого объяснения, я и применил слово «домотканый». Ведь главное в домотканой одежде не то, что она хуже фирменной, а то, что она не покупается, а делается дома. Почему же русский крестьянин ее носил? Почему он носил лапти? Разве не было в лавках хороших сюртуков и сапог? Какой Госплан ему не разрешал?

Дело было в том, что крестьянин держал двор и должен был гарантировать жизнь семьи, внуков и правнуков. Поэтому он глядел далеко вперед и соотносил все доходы и расходы. Он именно жил по средствам, и на потребление выделял лишь то, что оставалось после надежного обеспечения производства и главных условий выживания. Конечно, сапоги ему нравились больше лаптей, но он их не покупал, пока не купит лошадь и плуг. Он ходил в домотканом.

Наш советский строй вырос из крестьянской культуры — она перемолола просвещенных троцких и бухариных. Но крестьянин не умеет объяснять свой взгляд на вещи, особенно тем своим детям, которые кончили университет. Наш средний интеллигент, когда-то сдавший экзамен по политэкономии, выдвинет убедительный для него довод: домотканая одежда не только хуже, но и дороже, требует больше труда. То ли дело промышленное производство, разделение труда и т. д. — и лучше, и дешевле. Он будет прав с точки зрения политэкономии — науки о рыночной экономике. Но крестьянский двор — не рыночная экономика, не все здесь измеряется деньгами. Если нет денег на лошадь, то приходится бессонными ночами ткать дома полотно на портки. Другого источника экономии у крестьянина нет, транши от МВФ он не получал и не хотел получать. Поэтому если взять все в целом, то домотканая вещь, несмотря на ее низкое качество и перерасход труда, для крестьянина лучше, чем покупная.

При рыночной жизни, конечно, выгоднее продать свой труд, в котором ты поднаторел, и купить продукт труда другого специалиста, а не делать его самому. Но зимой труд крестьян никто не покупал, и они при лучине пряли и ткали для себя. Так было и с СССР — нас на мировой рынок не пускали, за икру и за водку много валюты не получишь. Немного вздохнули в 70-е годы с нефтью и газом, но все это были крохи. Приходилось почти все делать самим — топорно и трудно.

Чтобы можно было «ходить в домотканом», накапливая хозяйственные силы, нужно было быть независимой страной — иначе соблазнят и разорят. Так англичане вторглись в слабую Индию со

своим дешевым текстилем и разорили многомиллионное сословие индийских ткачей. Индия стала колонией, а ткачи умерли с голоду — а потом и другие индусы стали голодать (а до этого Индия голода вообще не знала). Нас защищало сильное советское государство. Сегодня Чубайс и Черномырдин впустили в Россию «англичан», и все наши рабочие и инженеры — как индийские ткачи. Чтобы они не шумели, им не дают умереть с голоду, им дают угасать.

А до революции крестьянство держалось своей культурой, своим умом. Настолько еще трудно жило русское крестьянство в целом, что мало кто в деревне считал свое хозяйство достаточно прочным, чтобы уклониться в потребительство. Лев Толстой, обходя во время голода деревни, двор за двором, с удивлением узнал, что хлеб с лебедой едят поголовно все, даже зажиточные крестьяне. Не потому, что им лебеда нравилась. Он писал: «В том дворе, в котором мне в первом показали хлеб с лебедой, на задворках молотила своя молотилка на четырех своих лошадях... Так что оказывалось, что хлеб с лебедой был в этом случае не признаком бедствия, а приемом строгого мужика для того, чтобы меньше ели хлеба. «Мука дорогая, а на этих пострелят разве наготовишься! Едят люди с лебедой, а мы что ж за господа такие!»

Прием строгого мужика — так это понял Толстой. Хотелось бы спросить наших демократов — что же они не посоветовали молодежи брать пример с этого «справного мужика», о котором они столько кричали, а взяли пример с тех, кто проматывал отцовское достояние?

И вот интересный факт из потребительской статистики: пока русская деревня до Первой мировой войны была на подъеме и улучшала производство, крестьяне не покупали белого хлеба и сладостей. Когда во время войны село было разорено, деревня стала покупать сладости. Именно это было признаком катастрофы — крестьянин опустил руки, он потерял надежду купить и лошадь, и молотилку.

В каком же смысле продукты ширпотреба, которыми мы пользовались в советское время, были «домоткаными», хотя выпускались уже промышленностью? Во-первых, эти продукты, выпускаемые «для себя», а не «для рынка», были принципиально иными, они следовали иным критериям качества.

Соответственно складывалась технология и инженерная культура. То, что производило наше хозяйство как конечный продукт, годилось именно в советском обществе и в принципе совершенно не годилось для западного рынка, для «общества потребления». Так, усилия у нас вкладывались в достижение долговечности изделия, а не в дизайн. Рынок же стремится сократить срок жизни изделий, заставляя людей «потреблять» — как товары, так и услуги. Вот раз-

ница двух автомобилей одного класса, произведенных один «для семьи», другой «для рынка» (я испытал на личном опыте). В «Жигулях» все основные агрегаты мотора, в которых обычно возникают неполадки, установлены так, что они открыты для доступа вне мастерской. Можно десяток лет пользоваться машиной и не обращаться к мастеру — устранять неполадки самому. В «Ситроене» того же класса те же агрегаты совершенно недоступны. По каждому мелкому случаю надо покупать услуги. Заменить контакты прерывателя — 80 долларов, раскрошилась щетка генератора — надо платить 300 долларов за генератор, заменить ремень насоса — надо поднимать мотор.

Ровно половина усилий и затрат в производстве потребительских товаров на Западе уходит на упаковку. Что значит создать в России промышленность, способную конкурировать «на рынке» — об этом трещат министры, экономисты, губернаторы?¹ Это значит создать производство, ориентированное на критерии людей иного типа жизни, что само по себе абсурдно. Без сомнения, 90% населения России предпочтет покупать сахар в свой мешочек и разливное масло в свою бутылку, нежели «конкурентоспособный» продукт по цене вдвое дороже за счет упаковки. Но перейти на западные критерии в дизайне — значит и создать совершенно новое производство как минимум такого же масштаба («производство упаковки»), что в принципе невозможно просто из-за нехватки ресурсов.

Но есть и вторая сторона вопроса — реальный, исторически обусловленный уровень развития нашего хозяйства. По многим (далеко не по всем!) своим качествам наши домотканые продукты уступали зарубежным товарам и из-за отсталости технологии часто требовали для своего производства намного больше труда, чем за рубежом. Хотя всем известно, что наше советское «домотканое» — это были уже не лапти, а сапоги, вполне добротные, хотя и не модные. И они улучшались. Но это не главное — пусть бы и лапти. Мы имели то, на что хватало наших средств без того, чтобы грабить ближнего. И только так можно было подняться — так поднялись и Япония, и Китай, так поднималась и Россия, пока ее не сломали.

Всякому здравомыслящему человеку понятно, что причина нашей вынужденной неприязнательности была прежде всего в том, что по уровню промышленного развития и особенно по своим техническим возможностям СССР не мог, конечно, тягаться со всем Западом. А технологий нам, как известно, не продавали, даже без-

¹ Оппозиция обещает «защитить отечественного товаропроизводителя». Зачем? Чтобы он мог производить конкурентоспособные товары — такие же, как на Западе. С упаковкой. Но это значит, что угнетение большинства лишь возрастет, ибо кто-то же должен покрывать неустрашимую разницу в себестоимости.

обидные научные приборы мы покупали втридорога у международных спекулянтов.

Мне это доходчиво объяснили еще в молодости. Я поехал работать на Кубу, и довелось мне побывать на кухне отеля «Гавана Либре» (бывший «Гавана-Хилтон»). Меня поразила рациональность и качество этой кухни — все из нержавеющей стали и латуни, никаких деревяшек и закутков, вечером все обдают из шлангов перегретым паром — чистота, некуда таракану спрятаться! Я и говорю коллеге-металлисту: молодцы американцы, вот и нам бы так, а то такие убогие у нас в столовых кухни. Он удивился: «Ты что, спятил? У нас такая нержавеющая сталь идет только на самую ответственную технику, кто же отпустит ее тебе для кухонь! Мы и так спецстали прикупаем за золото. Ну ты даешь, а еще химик!»

Стыдно мне стало своей наивности, полез я в справочники. Смотрю: один американец потребляет в восемь раз больше меди, чем житель СССР. В восемь раз! Вот откуда и латунь, и красивые медные ручки на дверях. Медь и олово из Чили и Боливии, Малайзии и Африки. А мы медь ковыряем в вечной мерзлоте Норильска, дверные ручки из нее делать — значит жить не по средствам. И когда в конце перестройки магазины в Москве наполнились импортной кухонной утварью из прекрасной стали и медными дверными ручками, а по телевизору стали убеждать, что стыдно пользоваться советскими товарами, я понял, что готовится подлое дело. Людей соблазняют на уничтожение России.

Летом 1998 г. у меня дома случилось прискорбное событие — окончательно сломалась стиральная машина «Вятка», честно послужила. Прохудился бак, намок и сгорел мотор. Делать нечего, поднатужились и пошли искать новую. Продавцы говорят: берите итальянскую, лучше и дешевле. Один даже сказал: «Нет ничего хуже нашей «Вятки!»» Так и купили итальянскую. Наверное, с точки зрения просто потребителя тот продавец прав, «Вятка» похуже — домотканая вещь, топорно сделана. Но если бы мы не стали изолированными потребителями, а имели бы народное хозяйство, то продавец так бы сказать не мог. Потому что на деньги, что я заплатил за машину, два человека в России получили бы месячную зарплату. Работали бы для всех нас и кормили бы две семьи. Сейчас эти мои деньги уплыли в Италию. Поэтому «Вятка» была бы для нас лучше, как лапти бывают лучше сапог. Сейчас, когда промышленность у народа отобрали, кто же станет покупать «Вятку». Чтобы какой-нибудь «акционер» переправил эти деньги в ту же Италию и купил там виллу?

Кто-то скажет: выпускали бы мы товары не хуже западных — и не было бы проблем. Как говорится, лучше быть богатым, но здоровым, чем бедным, но больным. Глупые речи. Нас обманули, за-

ставив поверить, будто стоит сломать плановую систему и советский строй, и наши вятские рабочие сразу начнут делать стиральные машины лучше итальянских. Сейчас, наверное, всем уже видно, что это было вранье, что первыми уничтожили как раз самые лучшие заводы и науку, так что никаких шансов на рост качества своих товаров нет. А отношение к технологической дисциплине сегодня на грани с дикостью.

Но и десять лет назад надо было бы нам понять, что не могли мы выпускать такой же ширпотреб, как на Западе, мы могли к этому только шаг за шагом идти — что мы и делали. Мне приходилось видеть западные КБ и лаборатории дизайнера для ширпотреба. Впечатление такое же, как от сравнения кухни в отеле «Хилтон» с кухней нашей колхозной столовой. Ну что же делать, не работали на нас ни бразильцы, ни малайцы.

Да и не только это. Главное, не вышколен еще был наш советский рабочий, не выдублена его шкура, как за триста лет на Западе, не был он еще оболванен психотропным телевидением и не превратился еще в робота. Мучился он какими-то проблемами, часто бывал нетрезв и зол, и неинтересную ему работу делал плохо. Улучшать дело можно было не через оболванивание, а через повышение культуры, но на это надо было время. А захотелось получить красивый ширпотреб здесь и сейчас. Продать все, что можно — и закупить. Вот и соблазнились — уничтожить вообще отечественное производство, а на остатки газа покупать всякую утварь и барахло на Западе. На всех денег от газа, понятно, не хватит. Так вогнать в нищету большинство сограждан — приказать им, чтобы «жили по средствам».

Сегодня хозяйство России, как известно, почти разрушено. Что делает рачительный хозяин в таком положении, как сегодня? Собирает и вкладывает все доступные средства в производство, прежде всего в сельское. Тут не до комфорта, все деньги — на плуг, на трактор, на грузовик. Что же мы видим? Что начал делать С. Кириенко под прикрытием своего афоризма? Вот продолжение его дел. «Проект Федеральной адресной инвестиционной программы на 1999 год» (приложение к госбюджету) гласит: «В рамках Бюджета развития в машиностроении намечается привлечение частных отечественных и иностранных инвестиций для реализации важнейших проектов в автомобильной промышленности, например: проекты сборочного производства автомобилей «Фиат», легковых автомобилей моделей «Ассоль», «Орион», «Кондор», легковых автомобилей «Форд»... и т.д.».

Итак, строительство автомобильных заводов по западным лицензиям. Туда — все деньги. Туда — металл, горючее, рабочие руки. Даже не на автобусы и вагоны, которые рассыпаются, а на эле-

гантные автомобильчики. Но ведь это абсурд, господа-товарищи! У нас что, стоят очереди за автомобилями, и люди не знают, куда пристроить лишние 10—15 тысяч долларов? Тракторов нет, зато автомобиль «Ассоль» будет. Бегущая по волнам! Романтика... «Кондор»! Да в Россию скоро уже настоящие кондоры слетаться будут, на пир стервятников.

Массовая автомобилизация — один из тупиков Запада. Россия в него не лезла, и слава богу. Даже богатейшие страны не могут содержать одновременно две массовые транспортные системы — на базе собственных автомобилей и на базе общественного транспорта. Но они хотя бы могут содержать массу автомобилей — за счет перекачки огромных средств из «третьего мира», а мы же этого не сможем. В США владелец автомобиля оплачивает лишь 2/3 реальных затрат на содержание шоссе, остальное — из местных налогов. Федеральные государственные субсидии на обслуживание шоссе составляют от 68 до 85 млрд. долларов в год. В Германии государство на каждый пассажиро-километр на автомобиле расходует вдвое больше средств, чем стоил бы авиабилет — расходует за счет всех налогоплательщиков. Не говоря уж о затратах энергии. Что означало бы резкое увеличение числа автомобилей в России, даже если бы их реально купили? Дальнейшее резкое обеднение тех, кто автомобилей бы не купил, и полный паралич производства из-за нехватки топлива.

Многие из тех, кто вел и подталкивал к такому повороту, сами оказались в нищете. Прежде всего, либеральная интеллигенция. Она почему-то не подумала, что и козла-provокатора иногда загоняют на бойню — если нового стада не предвидится.

§ 5. Волшебная флейта перестройки: фильм «Город Зеро» как учебная задача

За десять лет телевидение всего пару раз показало фильм Карена Шахназарова «Город Зеро» (1988 г.). Скупое, если учесть ранг фильма. Его полезно было бы посмотреть всем, кто стремится понять, какой технологией разрушается общество.

Фильм сделан в жанре «масонского искусства». Это не значит, что режиссер — обязательно масон. Это жанр, в котором философская или политическая идея передается в художественных образах в виде шифровки, доступной немногим, но влияющей на подсознание зрителя. Шифром служат аллегории, иногда красивые и легкие, иногда тяжелые и страшные. Одно из лучших и самых красивых творений Моцарта, опера «Волшебная флейта», — пример такого жанра. В ней изложена философская идея масонства, согласно которой истина доступна лишь посвященным. Даже герой, движимый любовью и стремлением к добру, — пешка в их руках. Лишь в

финале он узнает, что злой волшебник, похитивший девушку и заточивший ее в темницу, где ее домогается страшный Мавр, — борец со злом. Взял он в заложницы дочь Царицы ночи, чтобы оказать на нее давление — вроде как ООН давит на Саддама Хусейна, убивая голодом иракских младенцев. «Волшебная флейта» красива и легка, «Город Зеро» тяжел и страшен, а жанр тот же.

Работа над фильмом началась в 1987 г., а когда возник замысел, неизвестно. Неизвестно также, помогал ли советом папа режиссера, ближайший помощник Горбачева. Когда фильм вышел на экран, он воспринимался просто как хороший фильм абсурда. Странно, что даже через пять лет, когда все уже могло стать ясно, один из ведущих актеров фильма, с которым я смог побеседовать, так и считал его фильмом абсурда. Во всяком случае, во время съемок, по его словам, никто из его коллег скрытых смыслов не заметил.

На деле в фильме сжато и талантливо изложена программа перестройки. В нем показано, как можно за два дня довести нормального и разумного советского человека до состояния, когда он полностью перестает понимать происходящее, теряет способность различать реальность и продукты воображения, в нем парализована воля к сопротивлению и даже к спасению. И все это без насилия, лишь воздействуя на его сознание и чувства.

Вся перестройка Горбачева и была такой программой, и когда советских людей довели до такого состояния, как героя фильма, можно было безопасно сделать абсолютно все: расчленив СССР, ликвидировать советскую власть и все социальные права граждан, отнять собственность и даже личные сбережения. Всякой способности к борьбе они были лишены.

Как художественное произведение фильм сделан блестяще, вдохновенно. Плотность смыслов достигнута невероятная. Актеры играют безупречно. И силы были собраны мощные (Л. Филатов и Е. Евстигнеев, В. Меньшов и Джигарханян, Басилашвили и другие). Примечательно, что явно незаурядный фильм никогда как следует не рекламировался. Он как будто был сделан для узкого круга.

Сейчас, после опыта десяти лет, соответствие хода реальных событий с программой, зашифрованной в фильме, очевидно. В 1996 г. при Комитете по безопасности Госдумы полгода работал семинар, посвященный технологии разрушения «культурного ядра» общества. Это был редкий тип собраний, где встречались и находили общий язык, хотя и не без трений, специалисты и от демократов, и от оппозиции. Одно из последних заседаний семинара как раз и было посвящено разбору фильма «Город Зеро» (все участники специально его просмотрели). Все сошлись на том, что фильм весьма точно предвосхищает процесс разрушения «культурного ядра» советского общества. Мнения разделились по второстепенному вопросу: *предписывает* ли фильм программу разрушителям (то есть служит

ли он им методикой) или он *предупреждает* об опасности? Точно ответить на этот вопрос невозможно, да и вряд ли сейчас необходимо. Важно использовать фильм как урок. Ведь многие части программы начинаются по второму, а то и по третьему кругу.

В кратком разделе затрону лишь главные удары по сознанию «совка», показанные в фильме. Первый удар — помещение человека в ситуацию невозможного, запрещенного всеми культурными нормами абсурда, при том, что окружающие люди воспринимают его как нечто вполне нормальное. Сюжет таков: инженер Варакин из Москвы приезжает в командировку на завод, идет к директору и видит, что секретарша в приемной сидит голая. Люди входят и выходят, отдают ей что-то срочно перепечатать — и никто не удивляется. Директор, которого предупреждает потрясенный Варакин, выглядывает в дверь и подтверждает: «Действительно, голая. Так в чем ваш вопрос?» Варакин раздавлен, ряд нелепостей в поведении директора лишь подкрепляют главный удар. Он выходит уже больным, привычные атрибуты порядка — портрет Ленина, доска соцсоревнования — уже не защищают от хаоса¹. Снято одно из табу, сохранявших общество и ставящих любого человека в «систему координат».

Создание ситуаций абсурда в связи с самыми обыденными нормами очень широко использовалось в перестройке. Помните, в солидных театрах в пьесы стали включать постельные сцены, в печати узаконили мат, а «Московский комсомолец» стал расписывать прелести «орального секса». Газета ЦК ВЛКСМ! Потом усложнили. Вот Сахаров на съезде депутатов вдруг заявил, что в Афганистане командование Советской армии при малейшей опасности окружения приказывало уничтожать собственные войска с воздуха. Обвинение дикое, у некоторых женщин-депутатов вызвало шок до слез. Какой-то депутат-афганец стал протестовать, а Сахаров ему ответил: «Докажите, что я не прав». Опять абсурд: он, рыцарь правового государства, как будто не знает, что бремя доказательства возлагается на обвиняющую сторону. И при этом сидит спокойно Горбачев, улыбается весь Президиум, молчит генерал Громов. Секретарша голая, а все считают, что так и надо!

Отдельно в фильме развита тема абсурда, связанного с кровью: в ресторане гостиницы Варакин отказался попробовать приготовленный для него поваром торт (в виде головы самого Варакина), и повар на его глазах застрелился. Когда абсурд сопряжен с кровью, человек почти сломан — все нормы и права кажутся ничтожными.

¹ Слом сознания, утрата человеком твердой опоры под ногами происходит, когда доступные ему «средства порядка» оказываются слабее, чем надвигающийся на него хаос, — они с ним не справляются и человека не защищают. Поначалу человек ищет такие средства, укрепляет их. Так ребенок, идя через темный лес, начинает напевать знакомую песенку. Она — порядок, противопоставленный хаосу леса.

В августе 1991 г. абсурд с кровью обрушили на нас прямо установками залпового огня. Возьму лишь мелкие эпизоды. «Арестовывать» министра СССР Пуго поехал Явлинский, тогда вообще частное лицо (для непосвященных). Не успе т арестовать — Пуго и его жена «застрелились» (почему? зачем?). Но ощущение абсурда надо было еще усилить, и Явлинский вытащил тему пистолета. Конечно, умом Явлинский даже не Спиноза, но не такой же он болван, чтобы не видеть нелепости своего объяснения. Мы, мол, удивились, как это Пуго смог после выстрела аккуратно положить пистолет на тумбочку у изголовья. Но потом все разъяснилось — ведь из того же пистолета после него застрелилась его жена (она лежала на полу посреди комнаты). Этот комментарий Явлинского мог быть рассчитан только на то, чтобы создать у граждан шок от абсурда.

А возьмите другой кровавый спектакль: трое молодых людей в антикоммунистическом угаре поджигают в туннеле БМП Советской Армии и в результате несчастного случая гибнут. Их награждают — за что? А главное, как?! Им присваивают звание Героев Советского Союза с орденом Ленина в придачу! Даже присуждение им Нобелевской премии мира было бы менее абсурдной наградой.

Конечно, сила фильма в том, что он показал воздействие абсурда на сознание и подсознание наглядно, в чистом виде, как в научном эксперименте. А уж прикладные разработки делало множество практиков.

Но это — лишь артподготовка. После нее идет наступление широким фронтом, и главное оружие — разрушение *исторической памяти*. Здесь самый длинный эпизод фильма — экскурсия Варакина в краеведческий музей с пояснениями смотрителя (Евстигнев). «Осмотр» истории города начинается на глубине 28 метров. В начале перестройки, когда нас уже начали поражать «историческим» бредом о войне и репрессиях, мы еще и не подозревали, на какую глубину будут перекапывать историю. Лишь весной 1991 г. мне пришлось быть в Гарварде с целой делегацией философов из АН СССР, которые с серьезным видом доказывали, что Россия стала «империей зла» уже потому, что приняла Православие и породила Александра Невского. Тогда же начались и споры о том, кто владел Воронежской областью в VII веке, не является ли Венеция славянским городом, а чеченцы — единственными на свете арийцами.

В фильме угол музея украшен красноречивым плакатом: «В правде истории — наша сила». Нечто подобное сказал создатель другого важного фильма («Земля и воля») англичанин Кен Лох, чьи слова уже упоминались: «Тот, кто пишет историю, господствует над будущим. Сегодня историю пишем мы». В музее города Зеро для советского инженера хватило всего-то десятка экспонатов, чтобы лишить его всякой опоры в родной истории. Правда, абсурд-

ную «историческую правду» надо было подкрепить авторитетом профессора Ротенберга, анализом ДНК, компьютером, восстановлением портретов по методу М. М. Герасимова — авторитетом «науки».

Всякая история мифологизирована, но человек может опираться на нее, если она связана единой «цепью времен». Чтобы разрушить сознание человека (или народа), самое главное — рассыпать историю, ввести в нее абсурдные, ни с чем не сообразные эпизоды, как вирусы в компьютерную программу. Зритель ошарашивает Варакина уже первым экспонатом — саркофагом основателя города, троянского царя Дардона (да и костями, как-то глумливо разложенными в саркофаге). Дальше — когорта древних римлян, якобы забредших в город по пути из Британии. Кровать вождя гуннов Атиллы, на которой он обесчестил вестготскую царицу и с которой собрал сперму для анализа проф. Ротенберг. (Буквально то же самое делает сегодня один академик-математик, утверждая в своих роскошно изданных книгах, что Дмитрий Донской, Мамай и Иван Грозный — это одно и то же лицо.)

Затем зритель выбирает экспонаты очень точно — как будто указывает эпизоды, которые должны стать в идеологической вакханалии перестройки забойными темами. Вот эти темы: спор о выборе религии у Владимира; Смута и Лжедмитрий; Сталин в 1904 г.; Азеф и революционный террор; расстрел царской семьи; Гражданская война и сталинские репрессии; Отечественная война — через упоминание об американской помощи и нелепый миф о подвиге нашего летчика; тупость официальной идеологии и диссидентство. Все это подано поразительно емко и точно, с замечательной игрой Евстигнеева. Он как будто урок давал ведущим нашего перестроечного телевидения: говоря о чьей-то гибели, он начинал странно смеяться.

Во время осмотра подчеркивается значимость фигур, которые нас несколько не интересовали в 1988 г., но которые почему-то всплыли чуть позже. Например, брат Свердлова, усыновленный Горьким Зиновий Пешков (Авербах) — масон и международный авантюрист, советник от Франции при штабе Колчака. Почему в перестройке ему придали такое значение, что Э. Рязанов подготовил о нем чуть ли не серию телепередач? Разбирая «осмотр», можно предположить, что у «совка» важно было создать ощущение, что вся история пишется и делается по команде из одного центра, что «все схвачено» и нет места никакой личной и народной воле и деятельности.

Сначала над всеми поставлен Азеф, потом пара братьев — Свердлов и Пешков. Даже Махно, который, как нам говорили, громил еврейские местечки, имел, оказывается, еврейскую артиллерию. Революцию в идеологии, которая через тридцать лет станет

«перестройкой», в городе начинается сотрудник МВД (он первым танцует на молодежном вечере рок-н-ролл). То есть, помимо устройства хаоса в сознании, такая «история» делает то же, что в отношении современности делает сегодня передача «Куклы». Убеждает в том, что все мы — марионетки, а нити в руках неведомой нам целенаправленной силы. И всякое сопротивление бесполезно.

В фильме изложена и кадровая установка. Дирижером (явным) идейной революции в городе Зеро и хранителем ее смыслов оказывается пошлый и подловатый председатель писательской организации. Авторы не перегибают палку, их писатель Чугунов хотя и идет всю жизнь от одного предательства и покаяния к другому, все же не сделан такой фигурой гротеска, как, скажем, реальный Евтушенко. Важна суть.

Торжество перестройки показано в виде учреждения «Клуба рок-н-ролла им. Николаева» (того следователя ОБХСС, что танцевал рок 30 лет назад, после чего был уволен из МВД и стал поваром, которого то ли убили, то ли он застрелился накануне). Теперь рок-н-ролл танцует вся верхушка города, вплоть до престарелого полковника КГБ и следователя. Прекрасно показано, что все это — программа, которая кропотливо выполняется уже 30 лет, что в ней есть посвященные, а есть и наивные, не знающие ее смысла участники. И все это — лишь часть, пусковой механизм большой программы. Не с приватизации завода начинают демонтаж государства, а с рок-н-ролла и краеведческого музея.

Блестяще, на мой взгляд, изложена в фильме идейная программа будущей оппозиции — патриотов-державников. Сжато и точно. Она вложена в уста прокурора города. Он человек с комплексами («всю жизнь мечтал совершить преступление»), чувствительный патриот, не желает пить пиво «за прогресс» и поет купеческие романсы под гитару. В номенклатурной шайке он занимает невысокое положение, им помыкают. Главное, он бессилен — даже застрелиться не может, у его пистолета вынут боек. Максимум, что он может сделать для советского человека (Варакина), которого он обязан защищать, это шепнуть ему: «Бегите».

Это он шепчет в момент конца, когда вся шайка из начальников, теневиков, писателя, девиц легкого поведения набрасывается на «дерево Российской государственности», ветки которого олицетворяют власть, начинают это дерево крушить и расхватывать ветки.

А куда бежать? Через лес, болота, до безлюдного озера. Прыгает Варакин в какую-то дырявую лодку без весел и отталкивается от берега. Нет спасения.

Мы обязаны изучать и методики наших губителей-манипуляторов, и тайные знаки-предупреждения из их среды. К какой категории относится фильм «Город Зеро» и ему подобные, нам неведомо, но мы должны их внимательно смотреть.

МЕТАФОРЫ И СТЕРЕОТИПЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

§ 1. Метафоры оппозиции

В главе 6 мы говорили о роли метафор как художественно выраженных стереотипов в манипуляции сознанием. Хорошая метафора очаровывает и загоняет мышление в узкий коридор, выход из которого (умозаключение) предусмотрен манипулятором.

Разумеется, разделить в акте внушения или убеждения воздействие на рациональное мышление, на ассоциативное мышление, на чувства или воображение можно лишь абстрактно. В действительности воздействия на все эти мишени слиты в одной «операции». Однако удельный вес и роль разных «родов оружия» сильно меняются в зависимости от конкретных условий операции, прежде всего, от типа культуры аудитории. Чем больше давление мозаичной культуры, тем меньшую роль играет логика («полиция нравов интеллигенции»), тем более восприимчиво сознание к манипуляции. Так что нынешнее разрушение университетской культуры в массе населения, наблюдаемое сейчас в России, — абсолютно необходимое условие для прочного господства «демократии». Советская школа (даже букварь для первоклассника) была построена по принципам университетской культуры — в отличие от культуры «мозаичной», которая внедряется сегодня. По мере разрушения школы место рационального мышления занимает мышление ассоциативное. В целом, задача переключить массовое сознание на ассоциативное мышление была выполнена в годы перестройки успешно.

Рассмотрим некоторые большие метафоры, задающие объяснение того, что происходит в России. Это метафоры, созданные в лоне оппозиции и введенные ею в общественное сознание через левую и патриотическую прессу. Но им не противоречат идеологи режима — потому, что эти метафоры расщепляют сознание граждан и тем самым укрепляют этот режим.

Метафора криминальной революции. Созданное художественным воображением С. Говорухина понятие — криминальная революция — быстро вошло в речевой обиход и мышление как простых смертных, так и депутатов самого высокого ранга. Иногда даже прибавляется эпитет Великая. Сам Говорухин утверждает, что эта революция свершилась и криминальное государство уже создано.

Такое объяснение происходящего привлекает своей простотой и наглядностью, потому-то за него ухватились даже солидные кри-

тики нынешнего строя — из принципа экономии мышления. Если же вдуматься, вся концепция Говорухина, несмотря на ее привлекательность, неверна в принципе, а с точки зрения политической целесообразности вредна. Она неверно формулирует и суть, и динамику происходящего. Она оставляет лазейку трусу в душе простого человека, позволяет сделать главный вывод: если та революция, о которой нам говорят, уже свершилась, а новый тип государства уже создан, значит, хаос закончился. Из него возник новый порядок, и задача «маленького человека» — к нему приспособиться. Иными словами, уже нет никакой возможности противодействовать установлению этого плохого порядка, а можно вести речь лишь о его свержении, что несравненно труднее, чем противостоять еще неокрепшему порядку на исходе хаоса.

Далее перед человеком возникает вопрос: какова сущность этого нового порядка и может ли он к нему приспособиться, начать новую жизнь? Ведь от ответа на это зависит, надо ли откликаться на призывы к борьбе против нового порядка — или налаживать какой-то способ мирного сосуществования с ним, искать приемлемые компромиссы.

Если принять, что новый, криминальный порядок установлен, значит, его принципиальные черты можно узреть уже сегодня. Они могут усиливаться или ослабевать по мере развития, но тип жизни меняться не будет. В какую сторону будет порядок эволюционировать? Известно из истории и здравого смысла — в сторону смягчения криминальных страстей. Самый жестокий период — первоначальное накопление, а потом бывшие бандиты отращивают брюшко и мечтают о благополучной жизни солидного буржуа. Любят чистоту и покой, жертвуют на церкви и театры, отсылают детей в университеты. Значит, сегодня — самое трудное для простого человека время в нашем криминальном государстве.

Но если так, то, думаю, большинство наших сограждан скажет: жить в криминальном государстве можно! Не так страшен черт, как его малюют. Перестрелки идут в замкнутом мире самих преступных элементов, нормальный человек попадает под огонь по ошибке или по собственной оплошности. Но даже и с этими перестрелками уровень насилия у нас куда ниже, чем в Чикаго, — что же не жить? С другой стороны, нынешний преступный мир художественно, но перераспределяет доходы, каждый рэкетир подкармливает 10—15 родственников. А иначе как было бы прожить? Значит, уголовный мир врагом нации не стал, ужиться с ним можно. Чистая рыночная экономика, которая есть, согласно формуле Гоббса, «война всех против всех», для общинного сознания русского человека представляется гораздо более страшной перспективой. А что касается расхищения национальных ресурсов, о которых горюет

Говорухин, то предполагаемое при рыночной экономике вторжение иностранных корпораций сделает это расхищение несравненно более полным — подгребут почище наших мафий. Так пусть уж лучше наши собственные уголовники попользуются — глядишь, и нам что-то перепадет.

Это логичные выводы из метафоры Говорухина. Но выводы совершенно неверные, ибо неверны сами исходные положения. Никакой криминальной революции еще не произошло. Пока что из политических соображений позволили преступным структурам разграбить страну — для ее ослабления или даже уничтожения. Но эти структуры представляют сравнительно замкнутый и не агрессивный мир, и с ними действительно можно ужиться. Они во все поры общества не проникают и на это не претендуют. Это пока еще советский уголовный мир.

Действительная криминальная революция и установление криминального социального порядка произойдут в России только вместе со сломом всех структур советского общества и действительной победой рынка. С установлением именно чистой рыночной экономики и именно в России. Почему же именно в России, а не в США или Англии? Потому, что там человек является индивидуумом. И он может вести только индивидуальную криминальную борьбу против всех — или примыкать к классу и вести борьбу в рамках культурных норм какой-то идеологии.

Соединяться в солидарные образования, способные установить, хотя бы локально, криминальный социальный порядок, могут лишь люди, сохранившие общинные представления о человеке. Такими были в США эмигранты из Италии и Сицилии, китайцы и вьетнамцы, жители негритянских гетто. У них и образуются очаги криминальных «теневых» государств, но американское общество их разбедает, индивидуализирует. Так, итальянская мафия уже «американизировалась», превратилась в систему капиталистических предприятий.

Что произойдет в России, когда, наконец, будут сломаны основы уравнительного уклада? В безысходную нужду — не нынешнюю, а действительную, когда люди умирают от холода при исправном отоплении, так как нет денег за него заплатить — скатится больше половины народа. И намного больше половины! Западное общество вышло из полосы социальных столкновений, когда за счет ограбления Юга его смогли сделать «Обществом двух третей» — бедняки остались в меньшинстве. Но сегодня, по мнению социологов, Запад становится «Обществом двух половин» — безработица и наркомания сталкивают на дно значительную часть среднего класса. Отсюда и надо выводить прогнозы для России, которую будут грабить как никого в мире.

Но бедняки в постсоветской России будут совершенно иным социальным типом, чем на Западе. Там бедняк одинок и гражданскому обществу не страшен — он против него беззащитен. В буржуазном городе бедняк вынужден даже умирать от голода, но не может вырвать себе кусок хлеба — против него объединяются и полиция, и культурные нормы, вошедшее в плоть и кровь представление о священной частной собственности. Бедняки общинного типа сплываются и выделяются из враждебного общества в довольно изолированный мир, часто даже обособляясь в разного рода гетто. И самый верный способ отвлечь их от солидарной борьбы за изменение общества состоит в криминализации всей этой «нижней» половины. Эта криминализация осуществляется гражданским обществом при участии государства. Самые мощные средства для этого — школа, телевидение, масс-культура и безработица.

Поэтому криминальной революцией можно считать лишь установление такого социального порядка, при котором практически каждая трудящаяся семья оказывается в неизбежном прямом контакте с преступным миром. Когда у нее просто нет выбора. А Великой криминальной революцией надо считать создание такого строя, когда одновременно с низами криминализован и верх — государственные органы и учреждения и крупный капитал.

Сегодня режим Ельцина начал ударную подготовку к этой революции: телевидение уже работает вовсю, школа реформируется в нужном направлении (разделяется на «двойную» школу — для среднего класса и будущих отверженных), нарастает вал безработицы и ее спутницы — наркомании. Политические организации социалистического толка, которые могли бы ввести отчаяние обездоленных в русло осмысленной освободительной борьбы, подавлены и толкут в ступе воду увядших доктрин. Они сдают молодежь криминальному миру.

Тот строй, который при этом должен возникнуть, отличается от нынешней ситуации как небо и земля. Огромная масса людей к нему просто не сможет приспособиться — и эти люди более или менее быстро погибнут. В этом — главный обман метафоры Говорухина. Она безосновательно обнадеживает людей. Черт будет несравненно страшнее, чем то, что мы видим сегодня и что нам малюют.

Что означает глубокая криминализация жизни, можно видеть на примере Бразилии, которую нам уже предлагают как недостижимый идеал. У нас, впрочем, ситуация будет несравненно хуже, т.к. ядро массы бразильских бедняков происходит в основном из парий колониального общества, включая бывших рабов, которые за много поколений привыкли видеть свое положение как естественное. А в России нищими станут дети благополучных еще вчера рабочих и

инженеров. Опускаться на дно болезненнее, чем бороться за всплытие.

За последние 20 лет с Бразилией сделали то, что сегодня с Россией. Сначала обезземелили крестьян и создали на их землях плантации крупных иностранных компаний. Спасаясь от голода, массы хлынули в города и построили там фавелы — многомиллионные скопления жилищ из жести и картона. О тех, кто живет в фавелах, и говорить нечего — это криминальные государства в государстве. Туда не сует нос полиция, там свои законы, свой суд и скорая расправа. Вступать или не вступать в банду сыну-подростку, идти или не идти на панель подросшей дочке — решают не в семье. Приложите это к своему сыну или дочке! Вам все кажется, что эти ужасы — где-то за морями, нас лично они никогда не достанут. А они уже ломятся в нашу дверь. Но еще не вломились, еще многое зависит от нас.

И беда в том, что каждый думает: уж в фавелу-то я не попаду! В худшем случае буду болтаться в нижней части среднего слоя. А там что? Та же незащищенность. Фавелы-то подходят к самому дому, даже если вполне приличный дом у тебя есть. В Бразилии был я по приглашению лучшего их университета, он изолирован от ужасного мира бедноты. Жить меня пригласил в свой дом, ради экономии факультетского бюджета, один профессор. Поселок элиты, хотя и не высшей (как-то позвал меня в гости другой профессор, живший неподалеку, — так его поселок окружен трехметровой стеной, по всему периметру которой ходят автоматчики). Дом, где я жил, — за хорошей оградой, во дворе огромный ротвейлер, снаружи циркулирует по поселку джип с охраной. И все равно, очаровательные дети профессора не могут одни выйти за ворота. Чтобы возить дочек в балетную студию, приходится нескольким семьям скидываться на охранника. Они живут в хрупком, искусственно и за большие деньги защищенном мирке. И мечтают перебраться в США, стиль жизни которых им претит до глубины души, — ради детей. Ведь мальчика не уберешь, в школе старшеклассники, подрабатывающие сбытом кокаина, насильно заставят его стать наркоманом. Вот это и есть криминальный социальный порядок — когда ты не можешь избежать насильственного втягивания в него.

И человек, всей душой желающий избежать этого, втягивается в этот порядок в двух ипостасях — и жертвы, и преступника. Криминальный порядок повязывает «благополучных» людей круговой порукой соучастия в убийстве. Стыдливо пряча глаза от себя самого, отцы семейств отчисляют деньги на содержание «эскадронов смерти», которые и поддерживают хрупкое равновесие между фавелами и коттеджами, регулярно расстреливая проникших на чужую территорию мальчишек-бедняков. Порой эти расстрелы пре-

вращаются в массовые убийства десятков спящих подростков (совсем недавно — на ступенях центральной церкви в Рио-де-Жанейро). В большинстве своем эти «социальные чистильщики» — служащие полиции, хотя и делают эту свою работу в свободное время. Преступность сверху и снизу смыкается.

Есть ли какие-нибудь основания считать, что этого не произойдет в России, если в ней окончательно победит линия Гайдара—Чубайса? Не только такие надежды неосновательны, самый хладнокровный анализ шагов режима показывает, что это совершенно неизбежно. Уже создаются крупные контингенты озлобленных подростков-волчат, лишенных воспитания, образования и детского счастья. И одновременно формируются отряды охотников на этих волчат и общественное мнение, готовое эту охоту поддерживать. Разрушается традиционное право России, тесно связанное с понятиями правды и справедливости. Само государство воспитывает рекрутов для будущих «эскадронов» (это — особая тема). Таким образом, прежние виды солидарности режим готовится заменить множеством обручей преступной круговой поруки. Она разрушит советское общество, предотвратив и создание общества гражданского. Это и будет криминальной революцией.

Она еще не свершилась, ей можно противостоять. Это, можно сказать, шкурное дело каждого. То, что грядет, не будет продолжением нынешнего состояния. Это будет ад, выходить из которого придется по колено в крови, так что Сталина мы будем вспоминать как доброго дедушку. Не верьте тем, кто успокаивает, что все, мол, уже свершилось и трепыхаться поздно. Это — неправда.

Метафора реставрации. Уже очевидно, что оппозиция может ставить вопрос лишь об изменении общественного строя — простой «сменой курса» теперь не обойдешься. Строй оформился еще не полностью, но уже настолько, что правящий слой не может менять курс, его уже влечет равнодействующая интересов. Как уже было отмечено выше, всякий проект изменения общественного строя требует ясно представить, что мы имеем сегодня. Ясно, что строй, временно созданный в России, есть патология, долго существовать он не может, поскольку ведет общество и страну к гибели. Но что это за строй? В результате какого процесса он возник? И ответ на этот вопрос ищется не через кропотливое «анатомическое» описание, а через метафору.

В. В. Кожин, один из немногих, на мой взгляд, общественных, обладающих научным типом мышления, развивает идею, что в России произошла реставрация. В разных вариантах эту мысль повторяют и многие деятели левой оппозиции: по их мнению, в России идет «реставрация капитализма». Представить происходя-

щее как реставрацию очень соблазнительно. Во-первых, это просто, выражено в знакомых словах, есть красивые аналогии.

В концепции В. В. Кожина эта мысль даже оптимистична. Ведь колесо истории совсем повернуть вспять нельзя. Исторический опыт показывает, что следующий за большой революцией откат (реставрация) никогда не бывает полным. Восстанавливаются лишь некоторые черты старого порядка, но в целом отменить установившиеся после революции социальные отношения невозможно. Как довод приводится хорошо изученная история волн революций и реставраций, порожденных Великой французской революцией.

Думаю, что эта соблазнительная метафора в целом ошибочна. Она неявно исходит из допущения, что всякое изменение возникшего после революции общественного строя выражает борьбу тех же противоположностей, что столкнулись в ходе революции. Значит, победа силы, отрицающей революцию, есть реставрация. Шаг назад, а не вперед или в сторону. Так было во Франции, но из этого вовсе не следует, что нечто похожее происходит в России.

Начнем с того, что после революции, в лоне нового общественного порядка, может быстро развиться враждебная ему сила, которая в момент революции была неразвита, скрыта или даже была временным союзником революции. Причем это сила, которая не только не несет в себе импульса к реставрации дореволюционного строя, но может даже быть более непримиримым его противником, чем сама революция. Образно говоря, Чубайс — более непримиримый враг Российской империи, чем Ленин.

Иными словами, отрицание революции может быть не контрреволюцией и не реставрацией, а новой революцией. Давайте только не придавать слову «революция» восторженного смысла. Это просто радикальное, через слом, изменение общественного строя.

Если утверждается, что происходящее в России есть реставрация, то надо сначала показать, что это — не новая революция. Надо выявить движущие силы изменений, их генетическую связь с обществом царской России, социальный, культурный и национальный тип новых собственников и властителей. Думаю, самый грубый структурный анализ покажет, что ничего похожего на главные признаки общества и государства России до революции 1905—1917 гг. сегодня нет. Возникает нечто совершенно иное, хотя зародыши нынешнего строя, враждебные старой России, были уже и в революции начала века. Конечно, в молодом чекисте Багрицком непросто было прозреть Бориса Абрамовича Березовского. Непросто, но можно.

Если уж говорить об истории России в нашем веке как черед волн революций и реставраций (каждый раз на новом уровне), то надо выявить все эти волны. Нельзя употреблять понятие реставра-

ции, не связав точки — «отрицание отрицания». Ведь если до сегодняшней реставрации уже прошла одна, то значит, сегодняшняя как раз восстанавливает не старую Россию, а то, что было перед предыдущей реставрацией. То есть это новый виток именно революции, разрушившей старую Россию, а теперь и советский строй.

Является почти общепризнанным, и тому есть веские основания, что большой реставрацией Российской империи был сталинизм, недаром названный «термидором». Это была реставрация, которая потребовала много крови и пота, но с опорой именно на все подспудные силы России — потому-то она была принята народом с энтузиазмом, вплоть до культа.

Если так, то реставрация сегодня означает восстановление того, что подавил сталинизм, восстановление именно того течения революции, которое было непримиримым врагом старой России. Значит, никакого оптимизма трактовка происходящего как реставрации вызывать не может, ибо советский строй для этих реставраторов — такой же враг, как старая Россия, и они его будут доламывать.

Мы упомянули только одну волну реставрации — *сталинизм*. А процесс намного сложнее, реставрация одной структуры часто была связана с революцией в другой. Так, уже Октябрьская революция во многом была реставрацией России в ответ на разрушивший ее Февраль. Лозунг «вся власть Советам!» есть идея самодержавия, пусть и воплощенного не в царе. Это — отрицание либерального государства Февраля с его будущим парламентом и разделением властей. А Гражданская война стала реставрацией России как единого государства — отрицанием буржуазного сепаратизма, рождающего государства-нации.

Конечно, представление Октября как реставрации после Февраля — натяжка, хотя зерно смысла в ней есть. Но уж во всяком случае пора отказаться от видения 1917 г. как двух этапов перманентной революции — буржуазно-демократической в Феврале, переросшей к Октябрю в пролетарскую социалистическую. На деле сразу в Феврале возникли два принципиально разных, несовместимых типа государства. Один — построенный по либеральному образцу Запада, другой — идущий из крестьянского нутра России. Временное правительство и Советы. Они и соревновались друг с другом, сначала мирно, а потом на поле боя.

Таким образом, перестройку и реформы 90-х годов даже формально никак нельзя принимать за реставрацию главных черт России как цивилизации (хотя и при наличии бутафорских украшений вроде казаков с жестяными георгиевскими крестами и пышных похорон останков). Наоборот, именно развитие советского строя до 60-х годов было постепенной и трудной реставрацией России, но параллельно уже шел процесс отрицания этой реставрации, кото-

рый и победил в 80-е годы. Окончательно или на время — пока неизвестно.

Если же подойти к делу не формально, а по сути, то тем более о реставрации говорить нельзя. Силы, которые сегодня захватили власть и собственность, не находятся ни в каком родстве с теми, кого свергла революция 1917 г. Те, кто сегодня наверху, в той России занимали маргинальное положение — в теневой экономике, в преступности и в революционной интеллигенции. Они вскормлены и расцвели как паразиты именно советского строя. Возьмем духовную верхушку — что в ней есть от интеллектуальной элиты старой России? В масштабах социального явления — ничего. Откуда вылезли все эти Окуджава, Гердт, Ахеджакова и т.п.? Из «ретирадных мест» России. Не будь советской власти, они там бы и остались.

Кто нынешние властители? Сплошь секретари обкомов КПСС и ВЛКСМ — порождение особой социальной группы и даже особой культуры, какой в старой России и быть не могло. Люди с небывалым типом мышления и искривленной этикой. Что они могут реставрировать? Никакой аналогии с Бурбонами и аристократами, которые вернулись в 1813 г. во Францию, обнаружить в нашей власти нельзя.

Об экономике и говорить нечего. «На свету» мы видим завлаба из АН СССР Березовского да Гусинского «из сферы культуры». «В тени» — Таранцева с большим бриллиантом. Тень и свет переплетены, криминальная экономика нераздельно связана с легальной. Ничего общего по своему типу с русским капитализмом, с Морозовыми и Рябушинскими, это не имеет. Да и вообще называть это капитализмом — огромная натяжка, для митинга и то едва годится. Даже Маркса к этому пристегнуть трудно, хотя он отвлекался от культурных корней капитализма. Ведь нет у наших «капиталистов» никакого цикла воспроизводства, они ничего не вкладывают, они лишь высасывают соки из советской производственной системы.

Из того, что капитализм Запада поддерживает наших реформаторов, не только не следует, что они схожи с капиталистами, но, скорее, наоборот. Запад везде, где мог, уничтожал ростки местного капитализма, стараясь превратить его в особый тип «дополняющей» экономики. Поддерживал он Батисту, Сомосу и Мобуту — тех, кто брался превратить хозяйство своей страны в объект паразитизма. Сильная Россия, хоть царская, хоть советская, всегда была у Запада как кость в горле. С какой же стати он стал бы поддерживать «реставраторов»?

В общем, я думаю, что реальность не дает никаких надежд на то, что в России произойдет откат, реставрация каких-то черт старой России, но с сохранением основных завоеваний советского строя.

Скорее, в России происходит именно революция, которую ведут новые, не изученные марксизмом общественные силы, порожденные советским строем, — союз номенклатуры с преступным миром, прикрытый пленкой свихнувшейся на правах человека интеллигенции. И эта революция создает новый, еще не имеющий определения социально-экономический уклад и особое государство. То, что этот уклад не описан в учебниках, нормально. Учебники сильно устарели. Да и авторы их никогда не интересовались ни Россией, ни Азией. Какой общественный строй сегодня в Ираке? А в Иране? А в Колумбии? Ведь ни в какую «формацию» загнать их невозможно.

Одно ясно — созданный в России строй несовместим с нормальной жизнью. И в то же время всем, думаю, уже понятно, что демократическим путем сменить его будет невозможно. Значит, пока он не стабилизировался, возможна именно реставрация какого-то приемлемого образа жизни. Для этого и насилия не требуется, поскольку нового государства еще нет, оно не обрело легитимности, уверенности народа в его праве на власть. А уж если пройдет много времени и это уродливое политическое образование укрепится, единственным исходом останется революция.

И надо нам вернуться к понятию революции, его совсем затуманили. Не начиная пока этого разговора, выскажу как теорему: современная революция совершенно не требует насилия. Более того, она только и может быть ненасильственной, она совершается с иными, нежели в начале века, технологиями.

Метафора буржуазного государства. Перед IV съездом КПРФ на Пленуме ЦК были изложены предложения программной комиссии и группы ученых-экспертов по уточнению Программы КПРФ. В частности, было сказано: «Предлагается со всей определенностью заявить, что процесс становления буржуазного государства был завершен кровавым октябрём 1993 г.». Раз «со всей определенностью», значит, сами считают этот тезис важным.

Замечу сразу, что он входит в неразрешимое противоречие с другим тезисом КПРФ: «политический и социально-экономический курс, проводимый президентом и правительством, полностью обанкротился». Как же обанкротился, если удалось добиться главного — завершить становление принципиально нового, «своего» государства? Или Ельцин с Чубайсом строили коммунизм, да у них все вышло не так, как они хотели, — они «обанкротились»? Как можно по одному и тому же вопросу делать несовместимые утверждения? Или мы не должны принимать их всерьез? Но вернемся к главному утверждению — что завершен процесс становления буржуазного государства. Поскольку подробного обоснования этого тезиса нет, его надо понимать как метафору, которая как бы объясняет то, что происходит в России, путем отсылки к «простому и по-

нятному» образу буржуазного государства¹. На мой взгляд, эта метафора неверна по самой своей сути.

Очевидно, что советскому жизнеустройству и советскому государству (что не одно и то же) нанесен тяжелейший удар. Допустим даже, что советское государство уничтожено, что, впрочем, вовсе не факт — имеется много признаков того, что оно во многом еще дееспособно, хотя и работает неявно и вопреки политическому режиму. Однако сделаем это допущение.

Значит ли это, что вслед за уничтожением советского государства произошло и даже завершилось становление государства иного типа? Совершенно не значит. Завершено или нет такое становление — вопрос, ответить на который можно, только изучив состояние всех необходимых для государственности институтов.

Реальность такова, что становление нового государства не только не завершено, но и весь этот процесс забуксовал очень далеко от финиша. Более того, многие из рыхлых структур новой государственности начали распадаться (а во многих случаях уничтожаться самим режимом ради предотвращения срочных угроз).

Начнем с главного, предельного признака государства — *системы легитимного насилия*. Теоретики государственности недаром ввели этот термин — «легитимное», а не просто «законное». Легитимна только та власть, которая в общественном сознании превратилась в авторитет. То есть когда использование этой властью насилия оправдано не просто законом (под дулом пистолета любой парламент наштампует каких угодно законов), а и господствующими в данном обществе представлениями о правде. Когда внутренний голос человека скажет: «Эта власть — от Бога», или что-то в этом роде.

Произошла ли это в России? Ни в коей мере, и даже напротив. Все эксперименты режима по легитимации нового типа насилия показали, что общественное сознание их отвергает. Попытки идти напролом (весь 1993 год) лишь ускоряли «развод» народа с тем государством, которое пытался построить режим Ельцина. Несоветский тип насилия легитимным не стал. Ну, переделали часть милиции в иностранные картузы — и сами милиционеры их стесняются. Средний же человек сразу добреет, увидев милиционера в форме с русским силуэтом. Кадры милиции в массе своей подчеркнуто ведут себя так, будто они сохраняют культурный тип советской милиции, а не полиции буржуазного государства.

Важен уже тот символический факт, что в обращении между одетыми в форму людьми политический режим не осмеливается устранить слово «товарищ». Когда Ельцин посещает даже Таман-

¹ Здесь — типичный пример двух ошибочных предположений: что буржуазное государство есть простая и всем известная вещь и что режим Ельцина — очевидно буржуазное государство.

скую дивизию, он вынужден проглатывать обращение «товарищ президент». И это — не мелочь. Вспомните переход от царской полиции и армии к советской милиции и Красной армии. Вот там можно было говорить, что произошло становление нового государства (по этому признаку)¹.

Другое дело, что политический режим тайно способствует формированию иных институтов насилия — охранных служб, преступных групп, наемных убийц и пр. Повторяет путь латиноамериканских диктатур. Но это вовсе не признак становления государства. Это — типичный признак криминализации власти, которая не смогла достичь легитимации. Не всякое насилие есть признак государственности, а появление организованного преступного насилия как раз и говорит о том, что становление нового государства не состоялось и вряд ли состоится.

Мы даже видим редкое в истории явление: власть демонстративно пресекает попытки восстановить государство. Вспомните, как на глазах всей страны третируют перед телекамерами должностных лиц, которых сама их служба заставляла быть государственниками (министра внутренних дел Куликова, генерального прокурора Скуратова). Это — акты, противоестественные для любого государства. Таков же смысл постоянного и планомерного очернения в глазах общества депутатов Думы — вовсе не как оппозиции, а именно как важнейшего института государства (а уж тем более государства буржуазного, которое немыслимо без сильного парламента).

Второй признак государства — *идеология*. Для буржуазного государства это признак абсолютно необходимый, ибо в прежних, сословных государствах обходились религией. Без идеологии нет легитимации власти в буржуазном государстве, а без легитимации нельзя говорить о становлении государства вообще.

Политический режим, установившийся в 1993 г., принципиально не имеет и не может иметь идеологии, сколько бы ни корпели на дачах советники Ельцина. Претендуя быть строителем гражданского общества и рыночной экономики, он всей своей практикой и даже риторикой отвергает самые фундаментальные принципы этого типа жизнеустройства. Ясно, что режим Ельцина не имеет абсолютно ничего общего с открытым обществом и правовым государством (достаточно посмотреть на положение с информацией, например, с доступностью телевидения для основных партий). И речь не о деформациях, а именно о сути режима и всей философии его социальной базы.

¹ Согласно недавним социологическим исследованиям, только 3% опрошенных позитивно воспринимают обращение «господа». Даже среди предпринимателей таких всего 12%.

На чем же такой режим может строить свою идеологию? Только на обмане. Этого недостаточно. Сегодня любой ученый, независимо от ориентации, знает, что нынешний политический режим уже не может рассчитывать на легитимацию и обладание идеологией. Обман рассеивается, и режим может держаться только на страхе (перед гражданской войной, голодом, мстью обворованных людей, репрессиями преступных банд — у каждой группы свои страхи). Ничего общего со становлением государства эта ситуация не имеет¹.

Третий признак наличия государства, начиная от Урарту, — *обладание финансовой системой*, обеспечивающей безопасность страны и ее воспроизводство во всех главных ипостасях. Это — независимо от экономической системы и социального строя. Налоги в любом виде (хотя бы и как беличьи шкурки) стекаются, как кровь по венозной системе, в казну; монарх — «сердце государства» — чеканит монету и пускает ее в обращение, как кровь через артерии. И это должен быть стабильный процесс.

Что мы видим в России? Власть обкрадывает и страну, и предприятия, и граждан. Украденные средства исчезают в каких-то черных дырах, значительная их часть оседает за рубежом. Соки высасываются из всех систем, которые необходимы для существования любого государства, вплоть до их полной гибели. Даже из Армии! То есть этот политический режим не только не обеспечивает воспроизводства страны и населения, но и самого себя. Весь этот созданный усилиями антисоветской части номенклатуры механизм есть нечто, никак не могущее быть названо государством. Из этого «нечто» государство и не может вырасти, пусть даже со страданиями для народа. Все, что есть у нас государственного, вынуждено действовать почти в подполье, вопреки режиму.

Возможно, назвать это «нечто» государством соблазнил факт социальной стабильности в России. Рассуждают так: раз люди друг другу горло не перегрызают, а трупы на улице почти не валяются, значит, есть государство. Это объяснение не годится. Во-первых, люди по природе своей не волки. Они способны к самоорганизации и сохранению жизнеустройства и без государства. Особенно если еще не подорваны устои культуры и морали. Во-вторых, выживать помогают ушедшие в тень структуры и навыки советского государства. Ведь если бы режим Ельцина мог в полную силу действовать согласно своим идеалам, жизнь в России была бы уничтожена.

¹ Поразительно, что именно КПРФ — единственная крупная партия — своим авторитетом пыталась легитимировать режим Ельцина как якобы состоявшееся государство. Добавка «буржуазное» ничего по сути не меняет (она — как ругательство, призванное подбодрить коммунистов).

Объективно признание режима Ельцина сложившимся государством укрепляет мысль, что бороться с режимом Ельцина не следует. Этот режим якобы уже создал легитимное государство, его надо подправлять усилиями конструктивной оппозиции.

Теперь о второй части тезиса — о том, что государство, становление которого якобы произошло, есть государство *буржуазное*. Ошибочность этого утверждения даже намного очевиднее, чем первая ошибка. Вообще, вся классовая фразеология, которую использует левая оппозиция, настолько вульгарна и поверхностна, что просто кричать хочется. Нельзя так безответственно относиться к слову — оно выстрелит в нас из пушки страшнее, чем История.

Метафора капитализации России. В документах КПРФ широко использовался тезис о «насильственной капитализации страны» (его даже предлагали записать в Программу КПРФ). Что это за словечко — *капитализация*? Что такое «капитал»? Это базовое производительное богатство — основные фонды хозяйства. При соединении капитала с трудом производятся материальные блага. Капитализм — это строй, где капитал находится в частной собственности. При социализме капитал становится общественной собственностью. Но ведь не исчезает! Ведь были у нас до Горбачева капиталовложения!

Что же такое капитализация? Это создание капитала. Буржуазия смогла создавать капиталы благодаря гениальному изобретению — акционерным обществам. Они собирали малые денежные средства и превращали их в капитал. У нас почти весь капитал создавался в виде общенародной собственности. Вплоть до 1988 г. шла быстрая капитализация страны. А сегодня через «акционирование» (сознательно ложный термин) созданный капитал растаскивают. В России идет быстрая «декапитализация» — распыление, разрушение и вывоз капитала. Зачем же в Программу вставлять новоизобретенное слово, которое искажает суть процесса и будет служить для людей блуждающим огоньком?

Вспомним азы. Что такое *буржуазия*? Считать, что это те, кто овладел собственностью (богатые), — заблуждение. Оно простительно детям, которые употребляют название «буржуй» как ругательное слово. Посудите сами. Имеется множество способов захватить собственность. Несметные богатства захватывали орды Тамерлана или отряды Кортеса в Мексике. Никакой буржуазии от этого не возникло. Шайки феодалов и прочих разбойников грабили купцов на дорогах, но в буржуа при этом не превращались. Еврей-ростовщики брали с рыцарей и королей громадный процент и накопили богатства, из которых потом возник финансовый капитал. Но это

был капитал авантюрный, капитал париев, отверженных. Финансисты не образовали буржуазии, они прилепились к ней как приبلудное дитя.

Буржуазия как класс возникла вместе с «духом капитализма». Буржуа (то есть горожане) — это те, кто трудились, как муравьи, над превращением денег в капитал, с помощью которого они организовывали производство. Основой буржуазии были небогатые протестанты-пуристане, которые отказывали себе во всех излишествах, много учились, трудились с утра до ночи и вкладывали каждую добытую копейку в производство («не без кровопивства» — эксплуатации рабочих). И так — много поколений, пока система не стала работать стабильно и не появился слой профессиональных управляющих.

Нам сослужила дурную службу пропаганда, представлявшая буржуев ворами и обманщиками. Конечно, такие попадались, как попадают среди священников пьяницы и жулики. Но это же не выражает сущности класса. Известно, что воры как социальная группа и как культурный тип буржуазией стать не могут. Об этом и Салтыков-Щедрин много писал — о наших ублюдках крепостного права, Колупаевых да Разуваевых, которые рядились в буржуа — но буржуа не были. Вспомним, что писал замечательный наш наблюдатель:

«В последнее время русское общество выделило из себя нечто на манер буржуазии, то есть новый культурный слой, состоящий из кабатчиков, процентчиков, банковых дельцов и прочих казнокрадов и мироедов. В короткий срок эта празднующаяся тля успела опутать все наши палестины; в каждом углу она сосет, точит, разоряет и, вдобавок, нахальничает... Это совсем не тот буржуа, которому удалось неслыханным трудолюбием и пристальным изучением профессии (хотя и не без участия кровопивства) завоевать себе положение в обществе; это просто праздный, невежественный и притом ленивый забулдыга, которому, благодаря слепой случайности, удалось уйти от каторги и затем слопать кишасице вокруг него массы «рохлей», «ротозеев» и «дураков».

Сегодня у нас появился слой «новых русских» — ублюдков номенклатурного права, новых Колупаевых и Разуваевых, которые, как и те, прошлого века, «чудом избежали каторги». Их вожделенная мечта — чтобы их признали как класс, как буржуазию. Такое признание сразу закрывает вопрос о происхождении их собственности, узаконивает ее. Воры, которые при любом правовом политическом режиме должны быть судимы (хотя бы мягко, символически), вдруг в документе КПРФ возводятся в ранг законного и признанного социального класса. Почему? Зачем?

Могут ли эти Колупаевы, получившие от Чубайса украденный у нас капитал, претендовать на звание буржуазии? В целом, как социальное явление — нет, не могут. В личном плане среди них, конечно, есть хорошие хозяева, которые спасли и наладили производство, — честь им и хвала. Но их-то как раз «государство» Ельцина душит. Да речь у нас не о личностях, а именно о классе.

Класса буржуазии не возникло, новые собственники угробили производство, многие из них ограбили свои же «собственные» заводы, распродали сырье и даже оборудование. Почти никто из них не превращает денег в капитал, а наоборот — обращает капитал в деньги и вывозит их за рубеж. Или тратит в России на безумную роскошь и капризы. Отдыхавший на Канарских островах «новый русский» проникся симпатией к переводчику, который помогал ему всего три дня, и на прощанье подарил ему 10 тысяч долларов — почти 60 миллионов рублей. Это по-русски — по-купчески или по-княжески. Но несовместимо с этикой буржуа. Большевик ближе к капиталисту, чем этот рубаха-парень.

Посмотрим на новых собственников не с такой противной стороны. Являются ли буржуазными их отношения с рабочими? Ни в коей мере. Вот, не платят рабочим зарплату — для буржуа такое противоестественно. Не заплатить за купленный товар (каким является для буржуа рабочая сила) — немыслимое дело. У нас же это сплошь и рядом. Потому, что нашим «хозяевам» заводов совершенно чуждо мышление буржуа. Как же они могут превратить свой режим в «буржуазное» государство?

Другое столь же обычное явление: новые хозяева, вопреки всем рыночным законам и даже вопреки приказам Ельцина, не только не отшвырнули все социальные службы заводов (жилье, детсады, пионерлагеря и пр.), а даже увеличили расходы по их содержанию — ввиду краха государства. Сегодня на одно только жилье многие акционерные общества тратят больше, чем весь их годовой доход (некоторые предприятия в 2—3 раза больше своего дохода), — проедают основной капитал. «Хозяева» знают, что люди не в состоянии платить за жилье, но у них не поднимается рука отказать им в помощи, да и побаиваются. Опять-таки, это несовместимо с принципами буржуазии и ее государства. Это — откат к уродливому феодализму: мужик на барщине бесплатно спину гнет, зато барин о нем порадеет.

Не будем пытаться определить, что за социальный строй у нас возник и может ли он существовать долгое время (на деле строя еще нет, пока что мы живем в состоянии социального хаоса с элементами разных порядков — от советского до рабовладельческого и даже первобытнообщинного). Одно ясно: попытка «по плану»

создать у нас капитализм провалилась. Буржуазии не возникло, а потому не сложилось и буржуазного государства.

Вспомним, что либералам, разрушившим царскую Россию в феврале 1917 г., не удалось создать новую, буржуазную государственность даже несмотря на то, что в России уже имелась более или менее развитая буржуазия. Тогда государство разваливалось на глазах, и уже в октябре большевики просто «подобрали» власть. Сегодня такого распада еще нет только потому, что целы многие структуры советского государства. Хотя бы ракетные войска стратегического назначения. Без них Олбрайт совсем иначе заговорила бы с Россией.

Метафора колонизации России. Нередко говорится, что происходит «превращение России в колонию». Это, кстати, несовместимо с «капитализацией»! Захватывая колонии, Запад первым делом уничтожал в них ростки капитализма и создавал совершенно особый тип хозяйства — колониальную экономику. Что никакой колонизации России не происходит, что идет гораздо более разрушительный процесс — особая большая тема.

Многие считают, что сказать «у нас режим компрадоров, а Россию превращают в колонию» — сплачивает массы на борьбу. Это не так. Да, самолюбие задевает, но не более того. А уж на борьбу никак не поднимает — борьбу в колониях всегда ведут не туземцы, а сами колонисты, чтобы отделиться от метрополии, или связанная с ними элита, воспитанная в университетах метрополии.

В чем же суть колонии? В том, что европейцы приезжали на новые земли, уговором или ружьем оттесняли туземцев и начинали вести свое хозяйство. Было два основных типа колонизаторов: католики (испанцы и португальцы) и протестанты (англичане и голландцы). Первые ужились с индейцами, многому у них учились, обратили в христианство, сразу понастроили университетов не хуже, чем дома, открыли Академии наук. Кто вел борьбу против колониальной зависимости? Кто были Боливар, Сан Мартин, Хосе Марти? Испанская (креольская) аристократия. Какой продукт везли в Европу из колоний (не считая корицы)? Продукт хозяйства колонистов — их плантаций и шахт. Мясо скота, выращенного испанцами-гаучо. Колонисты почти не меняли уклад жизни индейских деревень-общин. Для работы на плантациях и в шахтах даже привозили с собой рабов — тоже колонистов!

Англичане с индейцами оказались несовместимы, просто их уничтожили (но тоже почти не изменили их жизнь). В Америку из Англии приехали труженики — крестьяне, ремесленники и выпускники университетов. Они распахали прерии, построили шахты и заводы, они же и стали бороться против колониальной зависимо-

сти. И в США первые колонизаторы чуть ли не первым делом создали прекрасные университеты, поощряли науку и ремесла.

В Африке и Азии колонисты ужились с туземцами, но главное повторилось: в метрополию вывозился продукт хозяйства, созданного именно колонистами, а не пальмовое вино и не тыквы, отнятые у африканцев. В Алжире половина пахотной земли была отдана французским крестьянам, и они своими руками ее возделывали, снабжая Европу зерном, вином и фруктами. А в колонию из метрополии ввозился капитал для строительства шахт и плантаций. В отличие от Америки, в Африке и Азии возникла туземная буржуазия — но не в производстве (а значит, не в продаже продукта в метрополию), а исключительно в торговле, занятой ввозом товаров из Европы. Это и были компрადоры или покупатели. Они снабжали этими товарами самих же колонистов и туземную элиту, которая служила колонизаторам. Массы туземцев этими товарами не пользовались. Поэтому компрадоры были полностью включены в жизнь самих колонизаторов, были частью их мира. Если в колонии возникали очаги современного производства со своей буржуазией (эти очаги колонизаторы старались уничтожить), то эта буржуазия никак не была компрадорской, она продавала свой продукт.

Есть ли признаки этого порядка у нас в России? Нет, у нас система совсем другая. На Запад вывозят продукт наших туземных предприятий — нефть, титан, вертолеты. Мы не видим у нас труженников с Запада, которые бы поливали землю России своим потом, привозили к нам свои знания, умения и инструменты. Запад не ввозит к нам капиталы — наоборот, огромные деньги вывозятся из России и работают на экономику Запада. И, наконец, наши компрадоры. Развё они у нас правят бал? Основная их масса — это бедолаги, которые живут в нашей трудящейся массе, продают ей турецкое постное масло и китайские куртки.

У нас нет главных признаков колонии. Если бы мы стали колонией, скажем, США, то увидели бы у себя массу колонистов-американцев, которые трудились бы, строили свои заводы и университеты. И быстро бы соединились с русскими и сбросили колониальную зависимость. У нас же происходит нечто другое. Было ли в колониях что-то похожее на то, что происходит у нас сегодня? Да и надо присмотреться к другим случаям.

Вот Куба была колонией Испании, освободилась в 1898 г. и впустила «друзей» из США. Сразу была ликвидирована сильная кубинская наука, экономика переориентирована на США и разорена искусственными колебаниями цен на сахар. Из Кубы стали высасывать все соки, посадили президентом подлого и кровожадного пса — и так вплоть до победы Кастро. При этом Куба после 1898 г., конечно же, не была колонией.

Но главный урок нам дал Китай. В середине прошлого века, когда туда начали проникать европейцы, Китай был самой крупной по масштабам экономикой мира. Запад опутал ее банками и займами и тоже стал «высасывать». В начале XX века, когда в Китае наконец-то возродился национализм, интеллигенция, используя «устоявшееся понятие», стала убеждать народ, что Китай становится колонией Запада. И лидер освободительного движения Сун Ят-сен вынужден был приложить очень большие усилия, чтобы доказать интеллигенции, а потом и широким массам, что это — страшное заблуждение. Что привычное понятие «колония» есть не более чем метафора. И эта метафора принципиально искажает реальность и заводит борьбу в тупик. Отношения Запада с Китаем представляли собой совершенно новый тип паразитизма, который вел к полной, в буквальном смысле слова, гибели всей китайской нации. Звучит странно, но Китай от Запада спасла жестокая японская оккупация (а уже потом война сопротивления, разоружение советскими войсками Квантунской армии, победа коммунистов). Сун Ят-сену тоже говорили: зачем вы воюете с устоявшимися понятиями, людей смущаете. Он посчитал, что «освободить сознание» необходимо.

Если бы Россия стала колонией, это было бы не смертельно. Мы бы пережили, окрепли, подучились и, как США или на худой конец Индия, завоевали бы независимость. Но нас колонией не делают, а вскрывают вены. Это не больно, умирать даже приятно, но смерть, если не стрянем пиявок, наступит неминуемо. Поэтому надо назвать вещи своими именами.

И еще по одной причине неверна мысль о России как жертве колонизации. По причине даже гораздо более важной, чем ложное представление о характере действий Запада. Метафора колонии переводит все наше внимание на «колонизаторов» как источник наших бед и угрозу будущему. И слегка — на их пособников-«компрадоров». Так создается ложный образ врага, все наше внимание переключается на набитое соломой пугало, а истинный социальный субъект нашей катастрофы уходит в тень. О нем просто забывают, его не изучают, никакой стратегии и тактики отношений с ним не вырабатывается. А значит, наше сознание под контролем манипуляторов, и мы обрекаем себя на беспомощность.

Не в «колонизаторах» дело. Авторы нашего удушения — внутри России, порождены Россией, а Западу даже непонятны и противны. Хотя он с ними и вошел в союз, поскольку они предложили свои услуги по свержению советского строя. Неизвестно даже, можно ли их считать «пятой колонией Запада», настолько активную, самостоятельную и творческую роль они сыграли. Возможно, в этой их войне с советским строем, скорее, Запад был пособником.

После выборов 1996 г. я писал о «гуннах» — обширной категории людей, голосовавших за Ельцина потому, что они наслаждаются

ся данной им разрушительной волей. Но эти «гунны» — лишь «защитный слой» организованного интернационального сословия, обладающего стройной философией жизни, особой культурой и даже языком. Речь идет о преступном мире, который всегда играл важную роль в жизни России, но обрел почти «классовое» сознание и организацию в последние 30—40 лет. Тот преступный мир, который сегодня пришел к власти, — явление новое, XX века. Он начал складываться при разрушении традиционного уклада еврейских местечек, кавказских клановых общин, русского воровского «цеха». Сегодня хорошо описана преступность западного гражданского общества, возникающая в результате буржуазных революций. И мы видим, что нынешний преступный мир России имеет совершенно иной тип. Объяснять различия трудно, пока наш культурный слой не пожелает узнать, чем вообще Россия отличается от Запада как тип цивилизации.

Еще предстоит исследовать процесс самоорганизации особого, небывалого союза: уголовного мира, власти (номенклатуры) и либеральной части интеллигенции — той ударной силы, которая сокрушила СССР. Признаем хотя бы сам факт: такой союз состоялся, и преступный мир является в нем самой активной и сплоченной силой. И речь идет не о личностях, а именно о крупной социальной силе, которая и пришла к власти. Хотя она рядится в буржуазию (и ее даже торопят признать таковой наши марксисты), это — особый социальный и культурный тип.

Несостоятельны надежды на то, что через одно поколение потомки воров превратятся в благопристойных буржуа, как бандиты США. Преступники гражданского общества не образуют сословия со своей культурой и этикой, они — «ассоциация индивидуумов». У нас — другое, и сословные рамки преступного мира жестки, они его устойчиво воспроизводят и тем более будут воспроизводить, когда это сословие у власти и собственности.

Конечно, преступная государственность может существовать лишь короткий исторический срок. Клань и группировки неминуемо начинают грызться, как пауки в банке — начало этого мы уже наблюдаем. Но пока они друг друга перегрызут, они Россию совершенно истощат. Лучше через все это не проходить, а свернуть как можно раньше. Единственный выход — «объединиться честным». Об этом и надо думать. И первое условие для этого — перестать кормиться сказками о «колонизаторах и компрадорской буржуазии» и мыслить ложными метафорами.

Рассмотрим теперь стереотипы — мыслительные конструкции, подавляющие способность увидеть явление в разных контекстах. Вот примеры нескольких стереотипов, которые использовались в ходе перестройки.

§ 2. Стереотип антигосударственности

Первым условием успешной революции (любого толка) является отщепление активной части общества от государства. Каждого человека тайно грызет червь антигосударственного чувства, ибо любая власть давит. Да и объективные основания для недовольства всегда имеются. Но в норме разум и другие чувства держат этого червя под контролем. Внушением, художественными образами, песней можно антигосударственное чувство растравить.

Это удалось за полвека подготовки революции 1905—1917 гг. в России¹. Тогда всей интеллигенцией овладела одна мысль — «последним пинком раздавить гадину», Российское государство (вспомните, что писал В. Розанов о гибели русской миноноски).

То же самое мы видели в перестройке, когда стояла задача разрушить советское государство как основу советского строя. Поднимите сегодня подписку «Огонька», «Столицы», «Московского комсомольца» тех лет — та же захлебывающаяся радость по поводу любой аварии, любого инцидента. На этом этапе был важен пример Запада, повлиявший прежде всего на «с сословие специалистов». В книге-отчете по опросам 1989—1990 гг. «Есть мнение» есть общий вывод: «Носителями радикально-перестроечных идей, ведущих к установлению рыночных отношений, являются по преимуществу представители молодой технической и инженерно-экономической интеллигенции, студенчество, молодые работники аппарата и работники науки и культуры».

Отщепенство от государства и лежащая в его основе ненависть к авторитету и власти на Западе стали результатом того превращения народа в скопище «свободных индивидов», которое составило сущность разрушения традиционного общества и возникновения гражданского. Как пишет Ортега-и-Гассет, «суверенитет любого индивида, человека как такового, вышел из стадии отвлеченной правовой идеи или идеала и укоренился в сознании заурядных людей». Напротив, государство было низведено с положения исполненного благодати «отца» до уровня «ночного сторожа». Вместо университетской культуры стала господствовать мозаичная — масс-культура.

Человек массы — потребитель стереотипов: «К массе духовно принадлежит тот, кто в каждом вопросе довольствуется готовой мыслью, уже сидящей в его голове», — писал Ортега-и-Гассет в книге «Восстание масс». Этот труд очень важен для нашей темы, он посвящен человеку, сформированному массовой культурой. Этот

¹ «В безрелигиозном отщепенстве от государства русской интеллигенции — ключ к пониманию пережитой и переживаемой нами революции», — писал в пророческой книге «Вехи» П. Б. Струве.

человек манипулируем, мыслит стереотипами и обладает таким сомнением, что диалог с ним и обращение к разуму очень затруднены.

У Ортеги-и-Гассет речь идет не о «трудящихся массах», а о среднем классе, типичным выразителем которого является как раз «специалист». Ортега-и-Гассет пишет: «Специалист» служит нам как яркий, конкретный пример «нового человека» и позволяет нам разглядеть весь радикализм его новизны... Его нельзя назвать образованным, так как он полный невежда во всем, что не входит в его специальность; он и не невежда, так как он все-таки «человек науки» и знает в совершенстве свой крохотный уголок вселенной. Мы должны были бы назвать его «ученым невеждой», и это очень серьезно, это значит, что во всех вопросах, ему неизвестных, он поведет себя не как человек, незнакомый с делом, но с авторитетом и амбицией, присущими знатоку и специалисту... Достаточно взглянуть, как неумно ведут себя сегодня во всех жизненных вопросах — в политике, в искусстве, в религии — наши «люди науки», а за ними врачи, инженеры, экономисты, учителя... Как убого и нелепо они мыслят, судят, действуют! Непризнание авторитетов, отказ подчиняться кому бы то ни было — типичные черты человека массы — достигают апогея именно у этих довольно квалифицированных людей. Как раз эти люди символизируют и в значительной степени осуществляют современное господство масс, а их варварство — непосредственная причина деморализации Европы».

В годы перестройки, когда червь антигосударственного чувства был раскормлен до невероятных размеров, под огнем оказались все части государства — от хозяйственных органов, ВПК, армии и милиции до системы школьного образования и детских домов. Л. Баткин, призывая в книге-манифесте «Иного не дано» к «максимальному разгосударствлению советской жизни», задает риторические вопросы: «Зачем министр крестьянину — колхознику, кооператору, артельщику, единоличнику?.. Зачем министр заводу?.. Зачем ученым в Академии наук — сама эта Академия, ставшая натуральным министерством?» В лозунге «Не нужен министр заводу!» — формула колоссального по масштабам разжигания общества, превращения России в безгосударственное, бесструктурное образование, которое долго существовать не может.

Интеллигенцию соблазнили на отщепенство от государства лозунгами демократии и свободы. Академия наук стала чуть не главным объектом атаки ученых-демократов! Даже в 1992 г., когда Академия была уже почти удушена, доктор наук Вяч. Иванов пишет в «Независимой газете»: «У нас осталась тяжелая и нерешаемая проблема — Академия наук. Вот что мне, депутату от академии, абсолютно не удалось сделать — так это изменить ситуацию, кото-

рая здесь сложилась. Академия по-прежнему остается одним из наиболее реакционных заведений». Этот филолог и депутат считает себя вправе уничтожать ядро всей русской науки, оправдываясь пустым идеологическим стереотипом («реакционность»).

Для разжигания антигосударственного чувства были призваны (скажем прямо, наняты — в широком смысле слова) самые любимые таланты России, против слова которых беззащитна душа простого человека. После 1991 г. в их откровениях была сделана небольшая коррекция — упор делался уже на «советском» государстве, но это ничего не меняет. Они, люди аполитичные и к тому же баловни советского государства, ничего серьезного против советского строя сказать не могли. Важен был сам факт: человек, которому мы поклоняемся, ненавидел свое государство. И даже сегодня, когда можно было бы уже забыть свои обиды, он ничего предосудительного в своей ненависти не видит, он говорит о ней как о благородном движении своей души.

Вот Николай Петров, преуспевающий музыкант, делает такое признание: «Когда-то, лет тридцать назад, в начале артистической карьеры, мне очень нравилось ощущать себя эдаким гражданином мира, для которого качество рояля и реакция зрителей на твою игру, в какой бы точке планеты это ни происходило, были куда важнее пресловутых березок и осточертевшей трескотни о «советском» патриотизме. Во время чемпионатов мира по хоккею я с каким-то мазохистским удовольствием болел за шведов и канадцев, лишь бы внутренне остаться в стороне от всей этой квасной и лживой истерии, превращавшей все, будь то спорт или искусство, в гигантское пропагандистское шоу». Болел за шведов и канадцев! Не потому, что они ему нравились, а потому, что какая-то мелочь в государственной пропаганде резала ему слух.

А вот в июле 1999 г. в передаче «Тихий дом» (с С. Шолоховым) откровенничает моя любимая певица, замечательный наш голос — Елена Образцова (лауреат Ленинской и Государственной премий, Герой Социалистического Труда). Она ударилась в философию и стала рассуждать о роли счастья и страдания в творчестве: «Один момент в жизни сделал меня счастливой — это ненависть». Ведущий состроил удивленное лицо: мол, как так? И певица поведала ужасную историю. Она договорилась с Абадо участвовать в записи «Реквиема» Моцарта. Приехала в Милан и узнает, что эту партию дали другой певице. Почему? Абадо ей объясняет, что какой-то чиновник забыл прислать какую-то телеграмму, необходимую для заключения контракта. Образцова «была потрясена, возмущена, почувствовала себя абсолютной рабыней» и хотела остаться за границей — она «возненавидела СССР».

А как же счастье? Оно пришло попозже, вечером, когда она в концерте пела с Абадо в сцене судилища, где посылала проклятья жрецам — «я проклинала Советскую власть». Не забывчивого чиновника, не друга Абадо, который поленился позвонить ей, чтобы ликвидировать недоразумение (если только дело и вправду было в телеграмме, а не в обычных артистических интригах). Нет, она проклинала ни много ни мало советскую власть и ненавидела страну.

Можно бы понять — натура художественная, впечатлительная, был момент аффекта. Но говорить это через много лет как о важном и дорогом для нее моменте жизни («счастье»), по центральному телевидению всему народу — это какая-то невероятная бесчувственность. Неспособность положить на одни весы свою обиду и свое проклятье. Ведь проклятья сбываются! В 1999 г. даже певица должна была бы уже что-то услышать о бедствии народа, потерявшего советское жизнеустройство. Может быть, даже узнать, что большой русский поэт на закате дней написал стихи-молитву: «Боже, спаси нас в тяжелые дни! Боже, Советскую власть нам верни!»

Конечно, жаль, что нашли змеи-соблазнительницы подход и к Елене Образцовой, а иезуитски смысленый С. Шолохов квалифицированно вывернул ее наизнанку перед телекамерой. Думаю, придет к ней момент не счастья от ненависти, а просто упорядоченности мысли и чувства — и уйдет она из этого хора. Но здесь для нас важна ее инструментальная роль — активизировать и оправдывать у своих почитателей антигосударственный (и антисоветский) стереотип.

§ 3. Ролевые стереотипы: «государство-эксплуататор»

Антигосударственное чувство сцеплено с «ролевыми стереотипами», которые были эффективно использованы в манипуляции сознанием. Некоторые из таких стереотипов активизировались и достраивались уже в ходе перестройки (например, стереотип «репрессированного народа»), другие всегда были в дремлющем состоянии, но актуализировались постепенно, начиная с 60-х годов. Одним из таких стереотипов был образ рабочего, который является объектом эксплуатации.

О том, каким образом советское государство реально оттолкнуло и даже озлобило значительную часть рабочих. Но этот «объективный фактор» не смог бы стать решающим в перестройке, если бы не был раздут, преувеличен в мозгу людей с помощью какой-то «бесспорной» идеи. Корни отщепенства рабочих от советского строя — идеологические.

Главным троянским конем для ввода антисоветских идей в среду рабочих был марксизм. Упрощенный, понятный, соблазнительный, с Марксом мало общего имеющий. Этот «марксизм» соз-

давался очень разношерстной публикой, которую объединяла лишь ненависть к советской «империи» — меньшевиками, троцкистами, югославскими «обновленцами», нашими демократами сахаровского призыва.

Ключевыми понятиями этого «учения» были *эксплуатация* и *прибавочная стоимость*. Объектом эксплуатации были названы советские рабочие, эксплуататором — советское государство. Если требовалась совсем уж «марксистская», классовая трактовка, то пожалуйте, и класс был наготове — номенклатура.

Подход к рабочим от «их интересов» и даже от марксизма сразу облегчал захват аудитории и ее присоединение к манипулятору. Тем более что поначалу рабочим даже не приходилось вступать в противоречие с их советскими установками — начиная с Троцкого и кончая Горбачевым критика «искажений» советского строя номенклатурой опиралась на цитаты Ленина.

Обращение к ролевому стереотипу рабочих в борьбе против советской власти стало применяться сразу, как только новое государство начало налаживать производство и нормальные условия жизни. А значит, налаживать контроль, дисциплину, требовать от рабочих технологического подчинения «буржуазным специалистам». В апреле 1918 г. о солидарности с левыми коммунистами заявили в газете «Вперед» меньшевики: «Чуждая с самого начала истинно пролетарского характера политика Советской власти в последнее время все более открыто вступает на путь соглашения с буржуазией и принимает явно антирабочий характер... Эта политика грозит лишить пролетариат его основных завоеваний в экономической области и сделать его жертвой безграничной эксплуатации со стороны буржуазии».

Начиная с 60-х годов в нашей «теневой» общественной мысли идея о том, что государство эксплуатирует рабочих, изымая их прибавочный продукт, укрепилась как нечто очевидное. Эту идею не осмеливается поставить под сомнение даже нынешняя коммунистическая оппозиция. В статье «Контужены парадигмой», с которой в «Советской России» выступил, в полемике со мной, «Неизвестный читатель», походя сказано: «Ленинская парадигма была перевернута. В плановом секторе вышли вперед капиталистические цели управления и эксплуатации».

Отсюда вывод: сохранять советский строй — не в интересах рабочих. Этот строй — хуже «цивилизованного» капитализма. Вот труды марксиста, философа и профессора МГУ А. Бутенко. В 1996 г. он пишет об СССР: «Ни один уважающий себя социолог или политолог никогда не назовет социализмом строй, в котором и средства производства, и политическая власть отчуждены от трудящихся. Никакого социализма: ни гуманного, ни демократического, ни с человеческим лицом, ни без него, ни зрелого, ни недоз-

релого у нас никогда не было». Почему? Потому что «по самой своей природе бюрократия не может предоставить трудящимся свободу от угнетения и связанных с ним новых форм эксплуатации, процветающих при казарменном псевдосоциализме с его огосударствлением средств производства».

Здесь антисоветизм доведен до степени тоталитаризма: бюрократия, т.е. государство, по самой своей природе — эксплуататор! Антисоветизм подкрепляется стереотипом антигосударственности. Ведь никакое государство не может выполнять своих задач, не изымая у граждан части продукта их труда.

Для манипуляции здесь используется подмена понятий — изъятие подменяется понятием эксплуатации. Существует два способа изъятия прибавочного продукта — через рынок и через повинность. Под повинностью понимается любое отчуждение части продукта, которое не возмещается через рыночный обмен (барщина, алименты, отобрание полочки женой и т.д.).

В марксистском понимании эксплуатация как изъятие прибавочной стоимости возникает, когда есть акт купли-продажи: я тебе рабочую силу, ты мне — ее рыночную цену. И суть эксплуатации в том, что рабочая сила производит прибавочную стоимость, которую присваивает покупатель рабочей силы — владелец капитала («капитал — это насос, который выкачивает из массы рабочих прибавочную стоимость»).

Советское общество относилось к тому типу обществ, где прибавочный продукт перераспределяется через повинности. У советского государства с рабочими были во многом внеэкономические отношения. «От каждого — по способности!» — это принцип повинности, а не рынка. Все было «прозрачно»: государство изымало прибавочный продукт, а то и часть необходимого — возвращая это на уравнительной основе через общественные фонды (образование, врач, жилье, низкие цены и др.).

Была ли здесь эксплуатация? Только в вульгарном смысле слова, как ругательство. Не более, чем в семье (потому и государство было патерналистским, от слова «патер» — «отец»). Ведь сами же идеологи перестройки ругали рабочих «иждивенцами» — но кто же эксплуатирует иждивенца! Его кормят за свой счет.

Но рабочие легко приняли лжемарксистскую формулу их эксплуатации государством потому, что все слова были знакомыми и точно укладывались в стереотип: «рабочих эксплуатирует работодатель». Достаточно было только путем длительного повторения перенести понятие «работодатель» с капиталиста на советское государство и создать таким образом *ложный стереотип* и произвести *канализирование настроений*.

Этот ложный стереотип опирался на важное чувство — «ревность обделенного». Слова об эксплуатации грели душу — прият-

но, когда тебя жалеют. А кроме того, сама советская пропаганда внушила, что мы вот-вот будем потреблять сосисок и магнитофонов больше, чем в США. А раз не больше, значит, нас эксплуатируют. Кто? Государство. Это — важный источник хрупкости идеократического государства. Оно берет на себя слишком много — роль отца. Если в семье плохо — отец виноват. Либеральное государство изначально снимает с себя ответственность, оно лишь следит за порядком на рынке. Источником личных невзгод здесь являются стихийные законы рынка — так это воспринимается массовым сознанием. Государство в таком случае не только не несет вины, но оно всегда выглядит благом, поскольку хоть чуть-чуть смягчает жестокие законы рынка (дает субсидию безработному и т.д.).

Наверное, советское государство могло оставлять людям больше сосисок и магнитофонов. Но оно находилось в состоянии войны, пусть холодной. Это важное условие было вытеснено из общественного сознания, и все как будто его забыли (скоро вспомнят, как вспомнили сербы, уже начинает припекать). Поэтому главной своей обязанностью государство считало *защиту* граждан. Хоть вне, хоть внутри страны. И на это тратило значительную долю изъятого «прибавочного продукта». В СССР было бы дикостью даже помыслить, чтобы какой-то «серый волк» из Иордании свободно ходил по Кавказу и стрелял в русских людей¹.

Поразительно, что еще и сегодня множество людей не усомнились в стереотипах, с помощью которых рабочих лишили здравого смысла. Более того, опять на заводах появились кружки поллитрамоты, и опять они читают худосочное изложение Маркса. И в накаленной атмосфере лепят вульгарные формулы совсем уж невпопад — кто-то, видно, подсказывает. Уже в мастере и начальнике цеха, а то и более квалифицированном товарище видят «классового врага»! Пишет один читатель, инженер с завода: «Мне, получающему 380 руб., люди, чей заработок выше даже при простоях производства, бросают в лицо: «все инженеры живут за счет нашего прибавочного продукта, пусть нам отдадут эти деньги!». И цитируют при этом... Маркса! Мне толкуют о классовой борьбе... со мной!»

Сила стереотипа «*эксплуатируемый рабочий*» такова, что организованная оппозиция не решается приступить к его разрушению и, вследствие этого, не может предложить никакой положительной программы, ибо любая «антирыночная» программа наталкивается на этот стереотип: «Мы это уже проходили».

¹ Эту защитную роль советского государства больше всего и ненавидели марксисты-антисоветчики. Вот как А. Бутенко называет советский строй в период предвоенной индустриализации: «казарменный псевдосоциализм с его тупиковой мобилизационной экономикой». Тупиковой мобилизационной! Абсурдность соединения этих двух слов — надежный признак манипулятивного характера рассуждений философа.

Чтобы вырваться из этого порочного круга, следовало бы резко сменить весь понятийный аппарат и выйти за рамки всего набора связанных стереотипов. Прежде всего, отказаться от понятия эксплуатации как легко поддающегося фальсификации. Эта его уязвимость связана с тем, что это — понятие «высокого уровня», сильно идеологизированное и связанное с абсолютными, осязаемыми величинами сложной последовательностью взаимозависимостей. Конечно, выход из круга сложных стереотипов и использование абсолютных, «земных» понятий переводит рассуждения на более примитивный уровень и снижает познавательную силу умозаключений. На эту жертву надо идти для создания первого ряда защиты от манипуляции.

Вне стереотипа «эксплуатации» можно было бы построить такую цепочку утверждений:

— Советское государство было одновременно работодателем; при «рынке» роли работодателя и государства разделяются.

— Советское государство отнимало у рабочего часть заработанного «за двоих» — за государство и за работодателя; при рынке государство отнимает за себя (налоги, пошлины, акцизы и т.д.), хозяин — за себя (прибыль).

— Для рабочего не важно, кто и сколько у него отнимает; важно, сколько он получает от обоих в сумме — как деньгами, так и натурой (в виде безопасности, жилья, врача и прочих благ). Разумно желать и поддерживать только такие изменения, при которых получаемая рабочим сумма благ деньгами и натурой увеличивается, а не уменьшается.

— Что получилось, когда рабочие позволили ликвидировать советский строй, чтобы отдавать государству меньше, чем раньше? Блага, получаемые натурой, резко сократились — это всем видно.

Например, жилья теперь рабочий не получает, точнее, предоставление бесплатного жилья сократилось в 8 раз. Рынок жилья для него недоступен. В 1993 г. стандартная квартира из 2 комнат в среднем стоила на рынке в России 15,2 средних годовых зарплат. В 1994 г. — 26,1 годовых зарплат¹. Быстро сокращаются и жилищно-коммунальные услуги натурой — в 1989 г. на 1 рубль взимаемой с жильцов платы было 6 рублей государственных дотаций. В планах правительства — полная ликвидация дотаций («жилищная реформа»).

Какие блага рабочий может купить на те деньги, которые он получал от советского работодателя и получает сегодня как зарплату от нового, несоветского работодателя?

¹ В 70-е годы покупка такой квартиры (строительство за собственные деньги через жилищный кооператив) стоила 3,4 средних годовых зарплаты.

Сравним самый типичный советский год (1975) и нынешний, 1999 год. За 8 лет (начиная с 1992) любая реформа выходит на устойчивый уровень, так что особых изменений при нынешнем строе ожидать не приходится. Самый грубый, но вполне верный вывод дает сравнение по «корзине» из двух главных благ — пищи и энергии. Хлеб и бензин. Можно чуть расширить: черный хлеб, молоко, бензин (АИ-93) и транспорт (метро). Все остальное — детали, уточнения. Сравним в таблице среднюю месячную зарплату рабочих и служащих и количество блага, которое можно купить на эту зарплату:

	Зарплата руб.	Хлеб кг.	Молоко л	Бензин л	Метро число поездок
1975	145,8	810	486	1535	2916
1998	1200	187	200	400	600

После августа 1998 г. цены на продукты и бензин повысились в 3—4 раза, а зарплата чуть-чуть.

Можно подойти к делу и с другой стороны. Рабочие (шире — трудящиеся) получают потребительские блага в зависимости только от двух факторов — от уровня производства и от типа распределения произведенного богатства. Поддерживать ликвидацию советского строя имело смысл лишь в том случае, если объем благ, получаемых рабочими, в результате совокупного действия обоих факторов увеличился. Что произошло с производством, всем известно — его объем упал более чем в два раза. Это еще можно было бы поправить за счет перераспределения дохода. Например, если бы доля зарплаты рабочих в доходах всего населения в советское время была бы менее половины, то, увеличив эту долю в два раза, рабочие хотя бы остались при своих. Но в действительности этого случиться не могло уже по той причине, что в советское время совокупная зарплата трудящихся составляла в сумме доходов 80% (а социальные выплаты: пенсии, стипендии и т.д. — 12—14%). Так что проигрыш был неминуем уже из-за спада производства. Ну а что случилось с распределением доходов?

В результате приватизации возникли т.н. собственники. И они теперь получают доход на свою собственность, на свою «предпринимательскую деятельность» и еще туманно названные «прочие» доходы. Сколько же они получают? В 1998 г. зарплата (по-старому, трудовые доходы) в России составила 37% от всех доходов населения. Не 80, как в советское время, а 37! Таким образом, оба фактора — и развал производства, и изменение типа распределения дохода — ударили прежде всего по рабочим. Рабочие, если го-

ворить прямо, остались в дураках. Пока что там и остаются, ибо верят, что еще смогут стать миллионерами — слава богу, советский строй ликвидирован.

Кстати, при ликвидации советского строя рабочие вовсе не попали в капитализм (и не попадут). При капитализме на 1 доллар зарплаты трудящихся собственники получают около 0,2—0,3 доллара нетрудовых доходов (и уже это много на душу собственника). В США в 1985 г. нетрудовые доходы составляли 16,5% всех личных доходов граждан. А в России в 1998 г. на 1 рубль зарплаты приходилось 1,22 рубля нетрудовых доходов. Строго говоря, государство, которое позволяет меньшинству так обдирать большинство, не может считаться легитимным. Но это уже зависит от сознания большинства.

Вывод: поверив, что советское государство отбирает у рабочих слишком большую часть заработанного и поэтому выгоднее жить при «рыночной экономике», рабочие попались на удочку махинаторов и поддержали невыгодное для них изменение общественного строя. Возможно, обвинение советского строя в «эксплуатации» рабочих скрывает какую-то иную, более глубокую причину недовольства. Тогда следует ложную причину отбросить и забыть, чтобы она не скрывала истину.

Понятно, что выходить с такими рассуждениями к рабочим — значит, совершать всегда болезненный удар по их стереотипам. Но хотя бы в среде уже организованной оппозиции следовать ложным стереотипам уже непростительно.

§ 4. Стереотип «льготы и коррупция номенклатуры»

Борьба против привилегий руководства, как мы все помним, была идеей-фикс радикальной интеллигенции (Ельцин ездил на «Москвиче», и это придало ему ореол народного трибуна). Не будем здесь обсуждать этот предельно примитивный стереотип по сути, он важен как искусственно созданная структурная единица сознания. При опросе в 1988—1989 гг. читатели «Литературной газеты» (в основном интеллигенция) резко выделились из усредненной выборки населения. На вопрос «Что убедит людей в том, что намечаются реальные положительные сдвиги?» 64,4% читателей ЛГ ответили: «Лишение начальства его привилегий» (так ответили только 25,5% участников всесоюзного опроса).

В этой антиноменклатурной кампании была проведена блестящая *подмена стереотипа с канализированием настроений*. Блестящая потому, что разыграна была она самой номенклатурой, которая создала образ врага в виде «виртуальной» номенклатуры и натравила на него массовое сознание. Так самолет выпускает ложную пылающую цель, на которую отвлекается ракета с самонаво-

дящейся на тепловое излучение головкой. Так же каракатица при виде хищника выпускает чернильное облачко, а в него вбрасывает часть своих внутренностей. Они шевелятся и отвлекают хищника, а каракатица уползает и отращивает новые внутренности, лучше прежних.

Исходным, внедренным в массовое сознание стереотипом был уравнилельный идеал. Разжигая в массах ненависть к немыслимым льготам номенклатуры, идеологи сумели канализировать эту ненависть не на личности и не на социальную группу, а именно на статус члена номенклатуры, порожденный советским строем. Мы видим, что это удалось — люди ненавидели секретаря райкома за то, что он ездил на «Волге», но та же личность, вынырнувшая в облике банкира, не вызывает у тех же людей никакой антипатии.

Этот антиноменклатурный стереотип был использован как средство манипуляции очень широкого охвата. Во время свержения коммунистических режимов в странах Восточной Европы много говорилось о том, что народы этих стран возмущены коррупцией высших эшелонов власти, той роскошью, которую позволяли себе члены руководства. Очень скупо, впрочем, давались конкретные данные об этой роскоши. В западной прессе промелькнул лишь факт, что какой-то болгарский министр охотился в Африке, а на даче у Хонеккера был бассейн (потом выяснилось, что бассейн длиной 12 метров — как у среднего лавочника на Западе). Никому и в голову не пришло сопоставить размер средств, идущих на потребление представителей высших статусов капиталистических стран и «коррупцированных коммунистических режимов». Сказать телезрителям, что речь идет о роскоши, оцениваемой по совершенно иным, чем на Западе, меркам, смехотворным с точки зрения боссов рыночной экономики¹. Да и боссов государственной верхушки.

Закрепление стереотипов в сознании приводит к неспособности поместить ситуацию в реальные пространственно-временные координаты. Иногда она бывает просто гротескной. Вот, с целью заклеить в очередной раз режим Кубы испанское телевидение

¹ В Испании только зарплата директора фирмы (в среднем, включая мелкие) составляет, не считая других доходов, 140 тыс. долл. в год; зарплата президента весьма небольшого провинциального банка «Иберкаха» 20—30 тыс. долл. Вообще же, распространяемый демократической прессой миф о том, что на Западе уже все живут на трудовые доходы, а не на прибыль с капитала, рассчитан на простаков и ленивых людей, не желающих заглянуть в справочник. Испания — одна из наиболее «социал-демократических» стран, изымающих значительную часть дохода с капитала. И все же в 1990 г. суммарная зарплата (включая директоров) там составила 23 млрд. песет, а рента с капитала — 4,6 млрд. Ровно одну пятую. Это значит, что если предприниматель имеет пять работников, он уже ничего не делая имеет такой же доход. Разумеется, он может быть и директором и получать еще зарплату раз в пять больше. А если у него сто работников, то он потребляет в двадцать раз больше среднего — ничего не делая.

организует дебаты, звездой которых выступает попросившая убежища сотрудница кубинского балета, очень миловидная девушка. Сначала поговорила об «ужасных репрессиях» — двух арестованных (и уже выпущенных) правозащитниках. Это энтузиазма не вызвало, факты слишком уж вялые, о репрессиях на Кубе лучше говорить абстрактно.

Тогда «выбравшая свободу» перешла к теме социального неравенства: в центральном госпитале в Гаване члены партийной элиты лежат в отдельном зале, «куда не кладут простых рабочих». На это не нашлись что ответить защитники Кастро, от имени которых в дебатах участвовал известный испанский левый писатель Хесус Васкес Монтальбан. Все были потрясены такой социальной несправедливостью, забыв на время свои собственные проклятья в адрес «гносной уравниловки», свойственной социализму. Хотя все прекрасно знают, в каких условиях лечатся «аналоги» кубинской партийной верхушки западных стран. Здесь никого не удивляет, что какой-то член Совета директоров одного из множества банков на личном самолете летит из Испании на прием к врачу в США (это передало то же телевидение в тот же день). А простые испанские рабочие не летают к врачу в США, а по месяцу ждут в очереди на прием к врачу в поликлинике страховой медицины. А в богатых США 35 миллионов человек не имеют доступа ни к какой медицинской помощи.

Удивительно, что сторонники социалистической Кубы, занявшие в теледебатах слабую глухую оборону, не заметили очевидного факта: эта девушка-«антикоммунистка» сама есть продукт новой социальной системы (которую она, видимо, искренне хочет уничтожить). Ее действительно возмущает, что номенклатура имеет привилегии по сравнению с обычным гражданином. Ее подсознание уже очаровано идеалом равенства и справедливости¹. И она,

¹ Как ни парадоксально, но завоевания социализма лучше всего видны, пожалуй, именно в поведении его «врагов» (это слово приходится брать в кавычки, хотя они и были одной из сил, прервавших социалистический проект в СССР). В 1972 г. я работал на Кубе и пошел как-то с дочкой на пляж в Гаване. Сидит группа подростков, негры и мулаты, из «низов общества», крутят магнитофон и на чем свет стоят ругают правительство Кастро — магнитофон ленточный, а у какого-то приятеля, уехавшего в США, кассетный. Подсел ко мне старик, убиравший пляж, тоже негр. Расстроен ужасно. «За них ведь боролись, — говорит. — Раньше вообще на пляж не вошли бы. А теперь сыты, учатся, работой будут обеспечены — так магнитофон плохой. Вот свиньи». А я ему и говорю: «Наоборот, по этим-то ребятам и видно, что вы не зря старались. Раньше им и в голову бы не пришло, что общество и правительство им *обязаны* дать хороший магнитофон. Общество было для них врагом, и они не ждали от него ничего хорошего. Думали, как бы что у него урвать или ему отомстить. А теперь это *люди*, которые не воруют и не просят, а требуют. Запросы их искривлены, но это дело времени». К сожалению, времени, видимо, не хватит, ибо головы были искривлены не только у подростков и не только в Гаване.

как ребенок, надеется, что стоит свергнуть Кастро и разогнать коммунистов — и рабочие разместятся в палате, где раньше лежали больные номенклатурщики. Иных вариантов ее головка уже не вмещает. Но она — из балета, а в России и доктора наук так же думали.

Замечательно, что нормальный интеллигент, часто научный работник, укрепив стереотипы, оказывается неспособен делать структурный анализ ситуации — он сразу воспринимает ее идеологическую трактовку. Ведь очевидно, что любое общество вынуждено создавать людям, занимающим высшие статусы в социальной иерархии, те или иные привилегии. И механизм, через который они предоставляются, принципиальной роли не играет — он определяется всем социокультурным контекстом. Были ли привилегии, предоставляемые верхушке режима, скажем, на Кубе, вопиюще большими, выходящими за всякие разумные рамки? Нет, никто этого не утверждает. Может быть, это была паразитическая верхушка, не выполнявшая своей роли в социальной структуре? Этот вопрос в дебатах и не возникает, следовательно, существенной роли не играет. Значит, телезритель просто дергается на идеологической веревочке манипуляторов.

Уже в 1993 г. новая демократическая номенклатура из России откупала на южном берегу Испании целые отели с комнатами по 400 долларов в сутки. Ели они так, как не позволяли себе никогда отдыхающие там же кувейтские шейхи (метрдолтели давали газетам интервью с фантастическими описаниями меню, которые заказывали русские, — по 600 долларов на брата за обед). На виллу, где, как пишут газеты, проводила каникулы дочка Лужкова и где собирается демократический российский полусвет, приезжал играть в качестве тапера Спиваков с «виртуозами Москвы» (как общались те же газеты, русские нувориши, в отличие от арабских нефтяных королей, — очень культурные люди).

Но наш честный инженер или мнс, который еще недавно был готов всю страну разгромить оттого, что Хрущев охотился в Крыму, поместить эти сведения в контекст своих проклятий в адрес советской номенклатуры неспособен. В его сознание уже встроены два пересекającychся стереотипа: привилегии советской верхушки были велики и нестерпимы для граждан; привилегии верхушки «ельцинской» России для граждан безразличны, величина их несущественна. Даже в среде научных работников бытовало мнение о дикой несправедливости высокого жалованья академиков (800 рублей — при зарплате старшего научного сотрудника 400 руб.), не говоря уж о министрах СССР (1200 руб.). Но эти же интеллигенты с полным равнодушием восприняли в 1998 г. сообщение о том, что оклад среднего государственного чиновника, директора РАО ЕЭС, составляет 22 тыс. долларов в месяц — примерно в 400 раз

больше, чем у старшего научного сотрудника РАН¹. При этом директором РАО ЕЭС был не выдающийся инженер член-корреспондент АН СССР П. С. Непорожный (многолетний Министр энергетики СССР), а некто Бревнов, молоденький выдвигенец «молодого реформатора» Немцова, не имевший ни образования, ни опыта работы в энергетике.

Стереотип «льготы номенклатуры» очень активно использовался для отвлечения общественного сознания от важных политических шагов. Например, в тот момент, когда втихомолку протаскивали закон о приватизации (май 1991 г.), ТВ с большой страстью освещало слушания Комиссии по привилегиям Верховного Совета СССР о распродаже со скидкой списанного имущества с госдач, арендуемых высшим комсоставом армии. Документы, опубликованные в «Известиях», гласили, что речь шла о 18 дачах, в которых в 1981 г. было установлено имущества на 133 тыс. руб. (по 7 тыс. руб. на дачу)². Через десять лет эта старая мебель продавалась с уценкой 70—80%. Надо было видеть, с какой страстью клеймили депутаты, а потом журналисты, престарелого маршала, который изловчился купить списанный холодильник «ЗИЛ» за 28 рублей (новый стоил 300 руб. — сообщаю тем, кто об этом уже забыл)!

Манипулирующий характер той акции усиливался и другими приемами: принижением проблемы и созданием острой *некогерентности*. Разоблачение купившего холодильник маршала шло параллельно с выступлениями А. Н. Яковлева против «порожденной нашей системой антиценности — примитивнейшей идеи уравниательства». Казалось бы, на фоне идеологической кампании против уравниловки всех должен был бы возмутить как раз тот факт, что общество не нашло способа устроить старость двух десятков маршалов так, чтобы им и в голову не пришло выгадывать на покупке старого холодильника. Но острая некогерентность не позволяет сделать разумного вывода. Она подкрепляется следующими кадрами: сразу после телерепортажа об алчных маршалах на телеэкране появляется молоденький миллионер (некто Стерлигов), который излагает свои заповеди. Студент-недоучка, сколотивший за

¹ Возможно, телекомментатор ошибся, и Бревнов получал 22 тыс. долл. в год — всего в 40 раз больше профессора. Но вот сменивший его А. Чубайс в 1997 г. получил, согласно сообщениям печати, на рынке ГКО доход около 300 тыс. долларов всего за три месяца. Где же он взял денег, чтобы купить ГКО? По случаю получил *беспроцентный* кредит в 14 млрд. рублей (нынешних 14 миллионов) на срок до 2003 г. Беспроцентный кредит!

² Насколько смехотворна была роскошь обстановки на казенных дачах высшей военной номенклатуры (маршалов), говорит стоимость имущества — 7 тысяч рублей. В то время «Жигули-2105» стоили 8,3 тыс. рублей. И такие «привилегии» были предметом слушаний Верховного Совета СССР! Очевидно, что речь шла именно о спектакле, поставленном ради манипуляции сознанием.

год махинациями свои миллионы, представлен тем же ТВ как образ, достойный подражания, как духовный лидер, чьим советам мы должны внимать. Люди смотрят на экран, а в подсознании происходит разрушительное столкновение двух образов.

То же мы видим и в отношении коррупции. Она представлялась злом, которое уже само по себе оправдывало крушение советской системы. Но ведь давно известно, что коррупция в традиционном обществе носит совершенно иной характер, чем в обществе либеральном. Интеллигенция должна была бы честно предупредить: нас ожидает страшная вспышка коррупции, но это будет неизбежная цена за свободу. Нет, она пошла на заведомый обман. Ведь если «при социализме» взятка высшего чиновника в 2 тыс. долларов становилась легендой (ходили слухи о такой взятке заместителя председателя Моссовета), то в правительстве Гайдара чиновник среднего ранга, связанный с выдачей лицензий на экспорт нефти, один набрал взяток на 300 млн. долларов! Уже упомянутый Бревнов посылал за своей американской тещей казенный самолет, рейс которого обходится в сотни тысяч долларов.

Да что чиновник. Вот Р. М. Горбачева в 1991 г. лично договаривается с американским издателем Мэрдоком о публикации ее книги «размышлений» (написанной, как сообщают газеты, журналистом Г. Пряхиным) с гонораром 3 млн. долларов. Но ведь ясно, что это — плохо замаскированная взятка, что издание книги, которая разойдется тиражом в сотню экземпляров, не покроет и ничтожной доли гонорара. Ну виданное ли было раньше дело, чтобы жены активных политиков СССР принимали такие подношения?

Антиноменклатурный стереотип оказался очень устойчивым и заслуживает изучения. Особенно важно, что в этом видна устойчивость исходного уравнительного идеала, а также недовольство словесными барьерами, о которых говорилось ранее.

§ 5. Стереотип «обделенного народа»

В сознании (и подсознании) людей всегда гнездится этноцентризм, порождающий национальную ревность. Это как бы эгоцентризм, помноженный на национальное самомнение. Одно из выражений ревности этноцентризма — склонность думать, что другие живущие совместно с тобой народы «объедают» твой народ, пользуются его добротой и доверчивостью. Эту дремлющую в каждом из нас ревность довольно легко разжечь. Бывает приятно услышать, что кто-то злоупотребляет твоей добротой — все Яго это знают.

Разжигание этой ревности и построение стереотипа «обделенного народа» стало одной из главных технологий манипуляции при разрушении СССР (предельным случаем было создание стереотипа «репрессированного народа»). Были созданы и общие идеологи-

ческие предпосылки. При старом режиме всем было вбито в голову, что народы СССР — одна семья, что надо друг друга уважать и друг другу помогать. Реальность была не безоблачна, но важно, какие догмы вбиваются в голову. СССР не был «санаторием народов», но не был и «тюрьмой», и тем более «кладбищем». Это был дом, в котором было можно жить. Новый режим предложил как принцип жизни закон рынка и вбивает в головы соответствующие догмы (конкуренция вместо солидарности, личное против общего). Это — идеи, послужившие керосином при поджоге дома.

Перестройка раскрепостила мысль о национальном притеснении «наших». Эта свобода поначалу вызвала большое возбуждение. Ницше писал: «Легкое усвоение свободных мнений создает раздражение, подобное зуду; если отдаешься ему еще больше, то начинаешь тереть зудящие места, пока, наконец, не возникает открытая болящая рана».

Главную работу сделали, конечно, демократы — их объектом были прежде всего нерусские народы, особенно в Прибалтике и на Кавказе. Один из прорабов перестройки А. Нуйкин признается: «Как политик и публицист, я еще совсем недавно поддерживал каждую акцию, которая подрывала имперскую власть. Мы поддерживали все, что расшатывало ее. А без подключения очень мощных национальных рычагов ее было не свалить, эту махину»¹.

Историк С. Лезов раскрывает ту технологию, с помощью которой интеллигенты, подобные А. Нуйкину, разжигали пожар на Кавказе: «По моим наблюдениям, «московские друзья» нередко добивались эффекта при помощи запрещенного приема: обращаясь к армянской аудитории, они использовали глубоко укорененные антитюркские и антиисламские чувства армян, то есть унижались до пропаганды национальной и религиозной вражды в чужой стране, относясь при этом к армянам как к «братьям нашим меньшим», с которыми можно и нужно говорить именно на расистском языке. «Московские друзья» укрепляют как раз те элементы армянского мифа, которые изолируют армян от соседних народов и обеспечивают их «антитурскую» идентичность».

Особая программа — натравливание на советский строй малых народов. Здесь постарались и местные, и московские интеллигенты. Социолог Р. В. Рывкина, признавая, что и в «развитых» странах малые народы сталкиваются с проблемами, льет крупные слезы: «Но судьба малочисленных народов в рамках советской Империи оказалась по ряду причин особенно трагичной. Будучи коренными, эти народы в бывшем Советском Союзе оказались не просто в бедственном положении, а фактически на грани вымирания».

¹ Далее этот «политик и публицист» добавляет с милым цинизмом: «Сегодня политики в погоне за властью, за своими сомнительными, корыстными целями стравили друг с другом массу наций, которые жили до этого дружно, не ссорясь».

Таким образом, академический журнал «Социологические исследования», презрев всякие нормы научной этики и обычной совести, убеждает публику в том, что, конечно, и в США у индейцев были кое-какие проблемы, но ни в какое сравнение с судьбой малых народов в СССР они не идут. Здесь, в России,— эпицентр вселенской трагедии малых народов. Вымирание!¹

Но вот данные из книги, опубликованной в Институте антропологии и этнографии той же Российской академии наук (С. В. Чешко. Распад Советского Союза. М., 1996). Численность подавляющего большинства малых народов в советский период не уменьшалась, а росла. Вот малые народы (числом до 10 тыс. человек), у которых с 1959 по 1989 г. сократилась численность: ижорцы (с 1,0 до 0,8 тыс.), караимы (с 5,7 до 2,6 тыс. — за счет эмиграции), селькупы (с 3,8 до 3,6 тыс.). Но даже у этих народов ни о каком вымирании нет и речи. В остальных случаях как раз достойно удивления, что прирастали, а не растворялись, совсем малые народы, которые давным-давно исчезли бы с лица земли в условиях демократии и рыночной экономики — в жизнеустройстве, основанном на атомизации и конкуренции. Вот некоторые цифры:

Численность малых народов в СССР (в тыс. Человек)

	1959	1989
Агулы	6,7	18,7
Алеуты	0,4	0,7
Белуджи	7,82	8,8
Долганы	3,9	6,9
Ительмены	1,1	2,5
Кеты	1,0	1,1
Коряки	6,3	9,4
Манси	6,4	8,5
Нанайцы	8,0	12,0
Нганасаны	0,7	1,3
Нивхи	3,7	4,7
Орочи	0,8	0,9
Ритульцы	6,7	20,4
Саамы	1,8	1,9
Тофалары	0,6	0,7
Удины	3,7	8,0
Удэгейцы	1,4	2,0

¹ Замечательно, что Р. Рывкина поет хвалу перестройке и захлебывается от счастья оттого, что «государства под названием СССР больше нет» — и тут же приводит данные, согласно которым, по ее же словам, в результате перестройки резко ухудшились «все стороны жизни малых народов». Эта некогерентность утверждений — признак того, что статья эта не научная, а манипулятивная.

Халха	1,8	3,0
Цахуры	7,3	20,0
Эвены	9,1	17,2
Эскимосы	1,1	1,7
Юагиры	0,4	1,1

Тем не менее тезис о вымирании малых народов в условиях СССР активно внушался в годы перестройки всей идеологической машиной. В народные депутаты была даже подобрана активная представительница малого народа г-жа Гаер, которой постоянно предоставлялась трибуна для провозглашения этого мифа.

Особые усилия прилагались для разжигания антирусских настроений. Связующим материалом, который соединил народы СССР в единое государство, был союз с русским народом. Именно наличие этого обладающего силой и авторитетом ядра («старшего брата») уравнивало сложную многонациональную систему из полутора сотен народов. Охваченные «демократическим» угаром таджикские студенты и не предполагали, что это означает в реальности — но их советники знали прекрасно. В Средней Азии столкновения и локальные войны прекратились, когда среднеазиатские народы перешли «под руку» русского царя. В этнический реактор были введены «охлаждающие стержни», которые надежно служили около столетия. Они были резко выдернуты в конце 80-х годов.

Насколько эффективно был использован стереотип «обделенности», показывает такой маленький пример. При опросах в 1989 г. 62% населения Армении, где велась особенно интенсивная антисоюзная кампания, отметило, что потребляет недостаточно молока и молочных продуктов. В действительности их потребление составляло в Армении 480 кг на душу — исключительно высокий показатель. Так, в США он составлял 260 кг, в Испании 140 кг, в среднем по СССР 341 кг. Общественное мнение было создано не реальностью, а внушением, манипуляцией сознания¹.

Главный шаг, который удалось сделать интернациональной антисоветской номенклатуре к 1991 г., — подготовить и провести «Декларации о суверенитете». Основную роль в этом сыграли демократы РСФСР, которые группировались вокруг Ельцина. Эти Декларации исходили из предположения, что «другие республики» получают из общесоюзного котла непропорционально большую долю и обделяют народ «нашей» республики. Принципиальные положения Деклараций означали ликвидацию главных скреп Союза. Был декларирован раздел общенародного для СССР дос-

¹ В Белоруссии, где антисоюзная агитация большого успеха не имела, отношение к потреблению молока было разумным: хотя его уровень приближался к среднему по СССР, 90% опрошенных ответили, что потребляют молока достаточно.

тожня, ликвидация единого ресурсного, экономического и интеллектуального целого. Такой раздел означал разрушение целостной дееспособной системы. Это был «бархатный» переворот, так что даже большинство депутатов вряд ли поняли, какие документы им подсунули для голосования.

Речь не идет об ошибке — идеологи российского документа продолжают хвастаться и шумно праздновать день «независимости» в память о принятии фатальной «Декларации о «суверенитете», которая, по признанию советника Ельцина Э. Паина, «ускорила процесс разрушения СССР».

Но манипуляторы, разжигавшие стереотип национальной ревности, вряд ли смогли бы добиться успеха, если бы в этом деле к демократам, уже завоевавшим репутацию «агентов влияния», не подключились их оппоненты из т.н. патриотов. Для захвата и удержания аудитории было необходимо участие людей, противостоящих Горбачеву, а затем и Ельцину. И с 1989 г. стереотип обделенности русского народа в СССР стали активно дотраивать патристические писатели и общественные деятели очень широкого диапазона: от Солженицына и Шафаревича до Распутина и Зюганова. Кто-то как сознательный противник СССР, кто-то как конъюнктурный политик, а кто-то и сам как жертва очаровавшего его стереотипа (*вторичная манипуляция*).

Видимо, одним из важнейших первых заявлений в этой программе было предположение В. Распутина о том, что РСФСР сама может выйти из СССР и отделиться от неблагодарных «младших братьев». Заявление было чисто риторическим, но слово не воробей, да и никаких поправок внесено не было. Так была узаконена сама идея развала СССР из центра — руками русских¹.

Вскоре после ликвидации СССР в 1991 г. в результате заговора «славян» Ельцина, Кравчука и Шушкевича стало очевидно, что наибольший урон понес именно русский народ как «державное ядро». Именно в России сосредоточены ставшие нерентабельными производства ВПК. Именно здесь находятся и высокотехнологичные производства, несущие особенно большой урон при разрыве хозяйственных связей с поставщиками. Но главное, именно русский народ потерял статус своей государственности как мировой

¹ Нота ревности зазвучала в множестве заявлений, которые по сравнению со значением подрываемых устоев казались удивительно мелочными. Говорилось, например, что РСФСР не имеет своей Академии наук — а молдаване и пр. имеют. Хотя все знали, что АН СССР практически вся сосредоточена в русских городах, а республиканские академии образовались из ее филиалов. С такой же обидой напоминалось, что РСФСР не имеет своей компартии. И тоже всем было известно, что КПСС, покуда ее не развалили на национальные кланы при Горбачеве, была под полным контролем русских кадров. В мире СССР определенно воспринимали как Россию, а советских людей называли «русскими».

державы (а статус, например, Грузии или Туркмении даже вырос). Этот статус, достижение которого потребовало огромного напряжения сил, уже давал, а в перспективе давал бы еще больше преимуществ и в экономической сфере.

Тем не менее и после 1991 г. продолжалось силами патриотов укрепление стереотипа русских как «обиженных советским строем». Развивалась идея невыгодности для России создания общего народнохозяйственного комплекса СССР как единого целого. Г. А. Зюганов («Драма власти», 1993 г.) даже видит в этом причину развала СССР: «Создание некогда мощного союзного народнохозяйственного комплекса и как его прямое следствие подъем экономик национальных окраин, во многом происшедший за счет центра, не только не укрепил интернационализм, но, наоборот, подорвал его основы, привел... к развалу СССР, отделению от него «союзных республик».

То, что эти утверждения Г. А. Зюганова есть отражение большой программы манипуляции, хорошо видно из острой некогерентности его высказываний по данной проблеме. Ибо в другом месте («Держава») читаем: «Вне Союза Россия — не Россия и существовать в качестве полноценного государства не может... Собственно говоря, Россия — это и есть Союз, складывавшийся веками и вошедший около ста лет тому назад в свои естественные геополитические границы». Это утверждение совершенно несовместимо с тем, которое приведено выше. Неважно даже, какое из них правильно, дело в несогласованности ключевых утверждений.

Налицо и другие атрибуты манипуляции, прежде всего подмена понятий. Ведь не было никакого «отделения от СССР республик», за исключением прибалтийских, которые никак себя «национальными окраинами» не считали. СССР разваливали из центра. И что вообще считать «республикой» — кучку дельцов от КПСС? Ведь подавляющее большинство граждан совершенно явно не желало развала СССР. Можно ли поверить, например, что «республика Таджикистан в результате подъема ее экономики пожелала отделения от СССР»?

Вся конструкция утверждения о разрушительном воздействии единого народного хозяйства на страну внутренне противоречива, в ней выпадают логические связи. Зачем же включать Якутию в страну, если не вовлекать ее в народнохозяйственный комплекс? И как строить Норильск в ямало-ненецкой окраине, не развивая ее экономику?

Острой некогерентностью обладают и другие утверждения о пагубности инвестиций из союзного бюджета в индустриализацию республик. Они часто сопровождаются жалобами на то, что развитие советской экономики привело к тому, что обезлюдела русская

деревня. Но ведь рассредоточение промышленности как раз смягчало этот эффект. Мы же видим чуть ли не в одном абзаце сожаления об обезлюдевшей калужской деревне — и негодование из-за того, что авиационный завод построили в Ташкенте, а не в Калуге.

Некогерентность рассуждений многих русских патриотов, в том числе примыкающих к КПРФ, создает расщепление сознания. Вот в газете «Завтра» (№ 10, 2000) большая статья известного писателя Д. Балашова «Зюганов, побеждай». Коктейль из антикоммунизма, патетического патриотизма и любви к КПРФ. Начинается статья с такого образа Отечественной войны: «И затравленный, ограбленный, раскулаченный народ пошел умирать «За Родину, за Сталина».

Скорее всего, писатель, автор исторических романов — сам жертва манипуляции, с тяжелым поражением логики. Что у него с исторической памятью? Сказать, что к 1941 г. русские были затравленным народом! Королев и Чкалов, Жуков и Василевский, Стаханов и Шолохов — порождение затравленного народа? Если так, то когда же русские были «незатравленными»? Скорее всего, Д. Балашов вообще не понимает, в чем смысл такого исторического явления, как Стаханов,— тут он остался на уровне «Британской энциклопедии», хоть и считает себя русским патриотом. Слышал я от одного военного, разведчика, а после войны известного ученого, что главное отличие советского и немецкого солдата на фронте было в следующем. Когда у немцев убивали офицера, это производило довольно длительное замешательство, что в скоротечном бою часто решало исход дела. Когда убивали офицера у наших, тут же поднимался сержант и кричал: «Я командир, слушай мою команду!» Убивали сержанта — поднимался с тем же криком рядовой. Большинство солдат обладали ответственностью, волей и готовностью быть командиром. Это значит, что народ именно *не был затравленным*.

Был ли он ограбленным? Кто его ограбил — Сталин? Куда делось награбленное? Каково было распределение доходов среди населения? До советской власти и после советской власти огромные средства изымались у подавляющего большинства населения, вывозились за рубеж и использовались на расточительное потребление меньшинства. Казалось бы, именно это состояние можно назвать *ограбленным народом*. Ан нет, писатель применяет термин в совершенно обратном смысле.

Назвать же советский народ раскулаченным — вообще нелепость. И дело не только в масштабах раскулачивания, а в том, что «раскулачивал»-то как раз народ. Можно было обвинять советскую власть именно за то, что она натравила народ на кулаков и плохо следила за тем, чтобы народ не перебарщивал, не превышал разре-

шенную разрядку. Было бы разумно сказать на месте Д. Балашова, что, мол, не только народ, но даже и раскулаченные пошли воевать. Но считать, что народом были именно кулаки, а 98,5% «нераскулаченных» были ненародом (номенклатурой, что ли?) — верх нелепости.

И самое замечательное состоит в том, что из всей этой примитивной антисоветской риторики выводится идея поддержки КПРФ: всем «прямо необходимо сплотиться вокруг зюгановской партии, чтобы, наконец, победили патриоты России, а не ее враги, как было до сих пор». До сих пор это когда — в 1945 г.? Иной раз думаешь, что все это — «черная» пропаганда, что это агенты Чубайса представляют КПРФ в идиотском виде.

Ввиду того, что постоянному очернению образа советского проекта придается в программе реформ очень большое значение, мощные импульсы направлены на поддержание в массовом сознании русских стереотипа «обиженных». Перед выборами 1999 г. академик Игорь Шафаревич опубликовал свой очередной антисоветский труд — «Зачем нам сейчас об этом думать» («Завтра», 1999, № 29). В нем структура этого стереотипа представлена довольно полно.

Главная его мысль в том, что для приверженцев советского строя характерна «нерусскость». И. Р. Шафаревич даже указывает степень «равнодушия к судьбе русских» у коммунистов, сравнивая их с криминальной буржуазией. По его словам, «марксистская нерусскость — это тенденция слоя, чуждого основной части народа» — слоя, «ничем не лучшего, чем новые русские».

Что такое «нерусскость», как ее определить, И. Р. Шафаревич внятно не сказал, не привел никаких разумных признаков, по которым избиратели могли бы отвергнуть недостойных кандидатов. Из контекста выходит, что самым главным признаком «нерусскости» является идеология («марксизм»). Такого механицизма и редуционизма не ждешь в конце XX века.

Ясно, что культура большого народа («русскость») не может зависеть от идеологии. Неужели Клюев, став коммунистом, приобрел от этого «нерусскость», а Шолохов перестал быть русским писателем? Искренний коммунист маршал Василевский разве потерял русское воинское чувство? Рубцов с его нежным отношением к советскому строю стал «чуждым народу»? Или все они были неглубокими людьми, недопонимали то, что открылось И. Р. Шафаревичу?

Согласно И. Р. Шафаревичу, коммунисты, руководившие советским проектом, следовали догмам марксизма, и их политика поэтому всегда носила антирусский характер. При этом И. Р. Шафа-

ревич не взвешивает в целом все реальные условия и результаты советского строя¹. Он приводит отдельные жгучие детали, обращаясь к чувствам читателя. К тем же, на которых играли демократы, разжигая антирусские чувства.

Поразительно, что уже десять лет действует эта простая технология разрушения «империи»: русским говорят, что их объедали узбеки и таджики, а узбекам приехавшие из Москвы демократы в наспех надетых тубетейках шепчут, что их объедали русские. Вот в роскошном журнале «Новая Россия» в августе 1999 г. статья Л. Владимирова «Политические технологии». Автор — «крутой» антисоветский националист, но подходит к вопросу и от истмата, от теории стоимости: «Трудоемкость такой сельскохозяйственной культуры, как картофель, примерно совпадает с трудоемкостью цитрусовых. Поэтому на мировом рынке цены на картофель близки к ценам на цитрусовые. Нетрудно представить себе, во сколько раз картофель был дешевле цитрусовых в системе СССР, и вспомнить, какие регионы производили картофель, а какие — цитрусовые. Сопоставление рисует нам дискриминацию русских регионов». Да, сопоставление рисует нам...

Здесь все — нелепость, начиная с утверждения, что везде в мире апельсины идут по цене картошки (хотя они действительно дешевле, потому что их выращивают марокканцы и бразильцы, а картошку — голландцы и немцы, так уж климат распорядился). Но и в крупном производителе цитрусовых, Израиле, апельсины, как следует из недавней газеты, стоят 6 шекелей, а картофель 2. В Испании разрыв еще больше. Но главное — абсурдная логика в приложении именно к России. Если трудоемкость выращивания апельсинов была такой же, как и картошки, то почему бы брянским колхозникам было не выращивать апельсины? Они же выгоднее! Чего было Хрущеву мелочиться, кукурузу внедрять — приказал бы сразу лимоны и финики сеять. Тоже, видно, русофоб был, не давал русским регионам заработать. И почему русские «в системе СССР» стояли в очереди за апельсинами, брали их по такой завышенной цене? Интересы своего не понимали? Да что цитрусовые, трудоемкость производства тонны картофеля была примерно такой же, как производства пяти тысяч тонн нефти. Значит, и цену надо было одинаковую установить?

Столь же забойной стала тема образования. У И. Р. Шафаревича читаем: «В российских вузах готовилась национальная интелли-

¹ При этом И. Р. Шафаревич умалчивает то главное, что известно о советском строе и из науки, и из опыта. Питирим Сорокин, продолжавший линию Н. Данилевского, писал в 1944 г.: «Россия конструктивной фазы революции представляет собой увековечение жизненно важных тенденций дореволюционной России». Именно жизненно важных, а не второстепенных — это мы видим, когда как раз эти тенденции и прерваны реформой.

генция... В тяжелейшие годы войны были созданы Академии наук Казахстана и т.д.». Значит, не надо было готовить национальные кадры? Но ведь эта мысль противна самым исходным устоям России, это и есть самая неприкрытая «нерусскость». И ведь все это говорится вскользь, в виде инсинуаций. Не скажет же прямо И. Р. Шафаревич: не надо было создавать Академию наук в Казахстане!

Вот как И. Р. Шафаревич доказывает на цифрах, что советская власть притесняла русских: «В 1973 г. на 100 научных работников имелось аспирантов: среди русских 9,7 человека, туркмен — 26,2, киргизов — 23,8. Таков же был и уровень жизни...» Попробуйте это растолковать. Кто здесь русские, кто туркмены — аспиранты или научные работники? Зачем такой сложный показатель? Есть же проще: в 1985 г. в РСФСР было 68 тысяч аспирантов, а в Туркмении 496 — в 130 раз меньше.

Но главное, как из всего этого вывести идею о дискриминации русских в науке? Все заполонили туркмены? В 1970 г. в РСФСР было 631 тыс. научных работников, а в Туркмении 3,6 тыс. (из них больше половины русских). При чем здесь аспиранты? И что значит «таков же был и уровень жизни»? У русских 9,7? На 100 человек? Это, конечно, маловато.

С уровнем жизни досталось бедным узбекам: «в 50-е годы доходы колхозников Узбекистана были в 9 раз выше, чем в РСФСР». Откуда такие данные, как их понимать? Не бывало таких разрывов в уровне дохода. В 1960 г. средняя зарплата рабочих и служащих была в РСФСР 83 руб., а в Узбекистане 70 руб. Значит, доходы горожан в РСФСР и узбеков были примерно равны (горожане дынями не торговали и скрытых доходов не имели). Официальные доходы на селе у русских и узбеков тоже были примерно равны. Значит, дело в каких-то скрытых, теневых доходах?

Могли ли теневые доходы узбекских колхозников быть столь непропорционально большими, как заявляет И. Р. Шафаревич? Чтобы колхозники, хотя бы и в Узбекистане, жили в 10 раз богаче горожан — кто же в это поверит! Сбережений в сберкассе у одного городского жителя Узбекистана было в 8 раз больше, чем у сельского. И вообще сбережений в 1975 г. у одного жителя РСФСР в среднем было 410 руб., а у жителя Узбекистана 128. Откуда эти «9 раз»?

Что хочет доказать И. Р. Шафаревич всеми этими цифрами? Видимо, что советская власть создавала резкое неравенство республик в ущерб русским. Но ведь это не так. Основные капиталовложения все же делались в России — достаточно упомянуть разведку и освоение запасов нефти и газа в Сибири, на которых мы пока живем. Или взять выплаты из общественных фондов: в РСФСР в 1975 г. на душу 392 руб., в 1989 г. 760 руб., а в Узбекистане 258 и 429 руб. А это, прежде всего, образование, здравоохранение, жилье — вложения в человека.

Да, установкой советской политики было именно выравнивание уровня развития всех частей страны. Это можно видеть на длинных временных рядах, сравнивая множество показателей. Надо ли понимать И. Р. Шафаревича в том смысле, что он считает политику развития всей страны как целого неправильной? Тогда лучше бы сказать прямо. Прямо не говорят, потому что эта политика была очевидно разумной.

Говоря о «нерусскости» советского строя, И. Р. Шафаревич умалчивает фундаментальный показатель состояния народа — продолжительность жизни. Это — обобщенный показатель, отражающий положение той или иной этнической общности людей (условия труда, питания, быта, здравоохранения).

Согласно данным переписи 1897 г., в европейской части России ожидаемая при рождении продолжительность жизни была у русских мужчин 27,5 лет, у латышей 43,1, у молдаван 40,5 лет — в процветающее время, до марксизма и революций. Именно советский строй (и только он!) резко сократил этносоциальное неравенство русских. В 1988—1989 гг. ожидаемая продолжительность жизни была у русских мужчин 64,6 года, а у латышей 65,9, у молдаван 65,1. Почти сравнялась. Так что русские рано умирали при царе и при Ельцине, а жили долго *только* при советском строе¹.

И если бы эта антисоветская идея-фикс была присуща только И. Р. Шафаревичу. Д. Балашов, на которого я уже ссылался выше, дует в ту же дуду: «И ежели мы до сих пор пытались добиться гегемонии в мире за счет жертв со стороны русского народа, доведя народ до вымирания, то теперь мы обязаны укреплять страну за счет преимущественного укрепления ее русского центра и льгот преимущественно для русского народа, более всех ограбленного в предшествующий период». Посмотрите на даты, г-н патриотический писатель, и скажите все же, когда конкретно вымирал русский народ.

Треть статьи И. Р. Шафаревича посвящена «нерусскости» Сталина («Сталин был политиком выдающимся, но не нашим, не русским»). Вот пример того, как Сталин поступался интересами русских: он не отпускал солдат с фронта в отпуск, чтобы они поддерживали уровень рождаемости (а Гитлер отпускал — именно для этого). К чему же это привело? «В результате русские перенесли

¹ Уже упомянутый Л. Владимиров утверждает, ссылаясь на известный прогноз Д. И. Менделеева, что цифры рисуют «не только картину ограбления русского населения революционными и постреволюционными режимами, но и на уровне современных представлений, принятых международными организациями, позволяют убедительно квалифицировать обращение с русским народом на протяжении восьмидесяти лет как геноцид, продолжающийся и в настоящее время». Спекулируя на чувстве обиды, автор пыгается произвести «захват» аудитории и провести важную мысль — в главном нынешний режим мало чем отличается от советского. Это сегодня одна из важнейших задач манипуляции.

такой демографический удар, что в начале 80-х годов в школах РСФСР училось приблизительно столько же детей, как и до войны». То есть «демографический удар» был не результатом гибели русских на фронте и в тылу, а результатом каприза русофоба Сталина, который не давал солдатам секс-отпусков.

Сказав о Сталине, было логично включить в манипуляцию образ крови. И. Р. Шафаревич напоминает, что во время войны были убиты 1 русский из 16 и 1 узбек из 36. Что означает этот намек? Узбекам по тайному приказу Сталина давали бронь? Узбекам по благу выдали бронжилеты? И что вообще означает «убит во время войны»? Жители Хатыни убиты или нет? А почему среди них ни одного узбека не было?

Но главное, И. Р. Шафаревич уводит от сравнения, которое так и напрашивается: сколько узбеков было убито в Первой мировой войне, когда правителем был не русофоб-марксист, а православный патриот? В той же пропорции, что и русских? И. Р. Шафаревич умалчивает о том, что только при советском строе была создана возможность расширить воинскую повинность на нерусские народы. А в царской России узбеки были невоеннообязанными. Попытка привлечь мусульман Средней Азии и Казахстана во время Первой мировой войны даже к тыловым работам вызвала волнения и восстания. И вот, вместо того чтобы напомнить, что в 1941—1945 гг. каждый погибший узбек или казах «заместил» русского, И. Р. Шафаревич апеллирует к ложному стереотипу и усиливает его.

При разжигании национальной ревности всегда лихо связываются разные исторические эпохи. И. Р. Шафаревич тоже делает такой скачок: Казахской ССР в 1936 г. «передали многие коренные русские земли», и русских там теперь жестоко притесняют. СССР виноват!

Русских сегодня жестоко притесняют и в Казахстане, и в РФ не потому, что в 1936 г. где-то не там провели линию, которая тогда ни на что не влияла. Русских притесняют потому, что Россию (СССР) победили в «холодной войне», расчленили страну и уничтожили советский строй. И сделал это наш геополитический противник при активном содействии И. Р. Шафаревича — что же скрывать. По мере сил он способствует тому, чтобы русских притесняли и дальше.

§ 6. Стереотип «преступного мышления»

Ни перестройку Горбачева, ни реформы Ельцина нельзя понять без учета той новой роли в хозяйстве, политике и общественной жизни, которую стал играть преступный мир. Его влияние в современной России на культуру, язык, мораль и тип человеческих отношений очень велико.

Взрыв преступности обычно связывают с изменением в ходе реформы социальных условий. Конечно, они изменились. Честным трудом прожить трудно, впереди на этом «рынке» у молодежи никаких перспектив. Возможности учиться и работать резко сократились, и политики просто «выдавили» молодежь в преступность. С другой стороны, политикам и *понадобилась* преступность как широкая социальная сила. Прежде всего, для выполнения грязной работы по разрушению советского строя. Бандиты вкупе с интеллигенцией были ударной силой во всех очагах кровавого насилия, созданных в СССР в 1988—1989 гг. Узбекский писатель Т. Пулатов вспоминает о событиях в Фергане: «Откровенная, жестокая уголовщина, вылившаяся в убийства, поджоги, ограбления, сочеталась с демонстрациями, митингами, участники которых выдвигали экономические и экологические требования, и все это получало еще, так сказать, «духовную» окраску в выступлениях небольшой части местной интеллигенции, в умах которой сумбур из идей Ленина, ультрасовременных лозунгов перестройки и исламских догм оказался сильнее здравого смысла».

Любопытно, что повсюду к «победе над тоталитаризмом» современная демократия приходила под ручку с преступностью. Милый союз. В Абхазии рыцари демократа Шеварднадзе, большие энтузиасты частной собственности, проявили ту же предрасположенность к овладению чужим имуществом, что и рыцари Снегура в Бендерах. Когда штурмом был взят Сухуми, Шеварднадзе дал своим войскам три дня на разграбление (*«и ни часу больше, у нас правовое государство!»*). И прибыли платформы, погрузили машины с улиц и стоянок и увезли в демократический Тбилиси. Со смешанным чувством слушал я рассказы грузинских интеллигентов о том, как в их квартирах в Сухуми выламывали паркет и как они лезли с чемоданами на пароходы, чтобы убежать под защиту «кованого сапога» еще советского солдата в Сочи.

В ходе перестройки необходимо было оживить преступный мир и для поставки кадров искусственно создаваемой буржуазии. Причем буржуазии, повязанной круговой порукой преступлений, готовой воевать с ограбленными. Но это социальная сторона, а поговорим о том, какую роль сыграла интеллигенция, особенно художественная, в снятии природной неприязни русского человека к вору, в обелении его образа, в его поэтизации — создании совершенно нового культурного стереотипа. Без духовного оправдания авторитетом искусства никакие социальные трудности не привели бы к взрыву преступности¹.

¹ Вопрос поднимал Достоевский — как в русской культуре вырос Раскольников? Как вышедший из аристократов Ставрогин так легко нашел общий язык с уголовником-убийцей?

Преступный мир всегда играет большую роль в сломах жизнеустройства. Социальный хаос — его питательная среда. С другой стороны, его используют и революционеры в своих усилиях по подрыву государства. Осмысляя опыт участия интеллигенции в подготовке русской революции 1905 г., С. Л. Франк писал: «Самый трагический и с внешней стороны неожиданный факт культурной истории последних лет — то обстоятельство, что субъективно чистые, бескорыстные и самоотверженные служители социальной веры оказались не только в партийном соседстве, но и в духовном родстве с грабителями, корыстными убийцами, хулиганами и разнузданными любителями полового разврата,— этот факт все же с логической последовательностью обусловлен самим содержанием интеллигентской веры, именно ее нигилизмом: и это необходимо признать открыто, без злорадства, но с глубочайшей скорбью. Самое ужасное в этом факте именно в том и состоит, что нигилизм интеллигентской веры как бы сам невольно санкционирует преступность и хулиганство и дает им возможность рядиться в мантию идейности и прогрессивности».

Приняв активное участие в русской революции, преступный мир затем был с огромным трудом загнан в жесткие рамки в период «сталинизма»¹. Но в целом в советское время преступный мир усилился из-за разрушения привычных укладов жизни, череды социальных потрясений и перехода к городской жизни. Он насытился интеллектуальными силами, вобрав в себя (или породив) существенную часть интеллигенции. Но главное, что начиная с 70-х годов он получал культурную легитимацию.

Особенностью симбиоза власти и художественной интеллигенции в перестройке и реформе было включение в их этическую базу элементов *преступной морали* — в прямом смысле. В результате сегодня одно из главных препятствий к возврату России в нормальную жизнь — широкое распространение и укоренение преступного мышления. Речь идет уже не о преступности, а о вещи более глубокой — культурных стереотипах. Бывает, человек в трудное время оступился, стал вором, в душе страдает. Миновали черные дни — бросил, внутренне покаялся, работает за двоих. Иное дело, когда преступление становится законом и чуть ли не делом чести.

Именно это произошло у нас. Преступники не только вошли в верхушку общества, называют себя «хозяевами жизни». Они создают новые, небывалые в России условия жизни, когда массы мо-

¹ Вопреки распространенному мнению, очень большую часть жертв репрессий составляют уголовники. Надо напомнить, что особо тяжкие преступления (убийства, бандитизм и вооруженный разбой) в советском праве причислялись к числу государственных преступлений (статья 58), что и дало манипуляторам повод завязать масштаб политических репрессий.

лодых людей идут в банды и преступные «фирмы» как на нормальную, желанную работу. Их уже и не тянет к честному труду на заводе, в поле, в лаборатории. Они уже отвыкают есть простую русскую пищу, пить обычные русские напитки. Они уже хотят жить как «новые русские». Доведись прийти к власти патриотическому русскому правительству — как ему с ними договориться по-хорошему? Вот — еще одна возможная яма на нашем пути.

Это — новое явление. В советское время преступный мир был замкнут, скрыт, он маскировался. Он держался в рамках теневой экономики и воровства, воспроизводился без большого расширения в масштабах. В СССР существовала довольно замкнутая и устойчивая социальная группа — профессиональные преступники. Они вели довольно размеренный образ жизни (75% мужчин имели семьи, 21% проживали с родителями), своим преступным ремеслом обеспечивали довольно скромный достаток: 63% имели доход на одного члена семьи в размере минимальной зарплаты, 17% — в размере двух минимальных зарплат. Нынешняя экономическая реформа породила совершенно особый новый тип преступника — профессионального расхитителя государственной собственности. По уровню доходов и своей экономической мощи эта новая социальная группа не имеет никакого родства со старой советской преступностью.

Именно то, о чем писал С. Л. Франк, мы видели в среде наших нигилистов, антисоветчиков-шестидесятников. Какие песни сделали В. Высоцкого кумиром интеллигенции? Те, которые подняли на пьедестал вора и убийцу. Преступник стал положительным лирическим героем в поэзии! Высоцкий, конечно, не знал, какой удар он наносил по обществу, он не резал людей, он «только дал язык, нашел слова» — таков был социальный заказ элиты культурного слоя¹. Как бы мы ни любили самого Высоцкого, этого нельзя не признать.

А ведь эта элита оказалась не только в «духовном родстве» с грабителями. Порой инженеры человеческих душ выпивали и закусывали на ворованные, а то и окровавленные деньги. И даже сегодня они говорят о них не только без угрызений совести, но с удовлетворением. Вот писатель Артур Макаров вспоминает в книге о Высоцком: «К нам, на Каретный, приходили разные люди. Бывали и из «отсидки»... Они тоже почитали за честь сидеть с нами за одним столом. Ну, например, Яша Ястреб! Никогда не забуду... Я иду в институт (я тогда учился в Литературном), иду со своей же-

¹ Вот роль слова. В 90-е годы возникли школы, готовящие наемных убийц. И разве не стала их соучастницей та пресса, которая заменила наполненное презрением русское выражение «наемный убийца» привлекательным иностранным словечком «киллер»?

ной. Встречаем Яшу. Он говорит: «Пойдем в шашлычную, посидим». Я замялся, а он понял, что у меня нет денег... «А-а, ерунда!» — и вот так задирает рукав пиджака. А у него от запястья до локтей на обеих руках часы!.. Так что не просто «блатные веянья», а мы жили в этом времени. Практически все владели жаргоном — «ботали по фене», многие тогда даже одевались под блатных». Тут же гордится Артур Сергеевич: «Меня исключали с первого курса Литературного за «антисоветскую деятельность» вместе с Бэлой Ахмадулиной».

Пожалуй, это уже далеко не те «чистые, бескорыстные и самоотверженные служители социальной веры» начала века, о которых говорил Франк. Здесь видна ненависть к тем, кто честно трудится, ест сам и кормит своих детей на заработанное. Обратная сторона этой ненависти — тяга к преступному. Чтобы этот особый дух навязать, сделать его, хоть на время, стереотипом мышления большей части народа, трудилась целая армия поэтов, профессоров, газетчиков. Первая их задача была — устранить из нашей жизни общие нравственные нормы, которые были для людей неписанным законом. Это провозгласил в манифесте перестройщиков «Иного не дано» сам А. Д. Сахаров: «Принцип «разрешено все, что не запрещено законом» должен пониматься буквально».

И пошло открытое нагнетание преступной морали. Экономист Н. Шмелев пишет: «Мы обязаны внедрить во все сферы общественной жизни понимание того, что все, что экономически неэффективно — безнравственно и, наоборот, что эффективно — то нравственно». Да, промысел Яши Ястреба был экономически эффективнее труда колхозника или учителя. Теперь авторитетный экономист «внедряет понимание»: именно промысел Яши есть высшая нравственность.

В ходе реформы стояла трудная задача убедить общество, что приглашение преступников к экономической, а потом и политической власти — дело необходимое. Г. Попов писал: «Сейчас возник гигантский конфликт между законами России и тем, что приходится делать ради реформы». Конфликт между законом и поступком и называется преступлением. Наши «демократы» стараются все больше примирить общество с преступным миром. Вот «Аргументы и факты» предоставляют свою рубрику «Разговор с интересным человеком» бандиту — «человеку, которого среди руководителей мафиозных группировок величают «Святым»...».

Всем хороша для «АиФ» мафия: экономику поддерживает, единственным в обществе хранителем этических норм выступает, обещает технологическое развитие России обеспечить — как в передовых странах. Одно плохо — разборки крутые, и поэтому, видишь ли, «благополучие мафии зиждется на чьих-то слезах, а то и

крови». Это — очевидно искусственная конструкция. При чем здесь слезы вдов мафиози, которых прищемили в разборках? Благополучие мафии зиждется не на этих слезах — какой от них прок, — а на труде обкрадываемой ею нации. А если о слезах, то главное — слезы матерей сотен миллионов мальчиков и девочек в мире, которых мафия делает наркоманами. То же самое она начинает делать в России. Прекрасно это знают демократы из «Аргументов и фактов» — и готовы этому помогать.

Конечно, сращивание нынешней демократической элиты с преступным миром этими причинами не вполне объясняется. Это сращивание организует сама власть, это ее «политический выбор». Разве не курьезно: в 1994 г. членом Комиссии по правам человека при Президенте России был назначен Владимир Податев, трижды судимый (кража, вооруженный грабеж, изнасилование) «вор в законе» по кличке «Пудель». Ведь его не неграмотные крестьяне Елецкого уезда избирали, его кандидатуру подбирали и проверяли в Управлении кадров Администрации Президента. Какие права и какого человека защищает наша демократия? И какой интенсивности должно было быть промывание мозгов, чтобы наш средний интеллигент до сих пор бормотал: «Демократия! Демократия!»

Еще предстоит исследовать процесс самоорганизации особого, небывалого союза: уголовного мира, власти (номенклатуры) и либеральной части интеллигенции — той ударной силы, которая сокрушила СССР. Такой союз состоялся, и преступный мир является в нем самой активной и сплоченной силой. И речь идет не о личностях, а именно о крупной социальной силе, которая и пришла к власти. Хотя она рядится в буржуазию (и ее даже торопят признать таковой наши марксисты), это — особый социальный и культурный тип.

Умудренный жизнью и своим редким по насыщенности опытом человек, прошедший к тому же через десятилетнее заключение в советских тюрьмах и лагерях, В. В. Шульгин написал в своей книге-исповеди «Опыт Ленина» (1958) такие слова: «Из своего тюремного опыта я вынес заключение, что «воры» (так бандиты сами себя называют) — это партия не партия, но некий организованный союз или даже сословие. Для них характерно, что они не только не стыдятся своего звания «воров», а очень им гордятся. И с презрением они смотрят на остальных людей, не воров... Это опасные люди; в некоторых смыслах они люди отборные. Не всякий может быть вором!

Существование этой силы, враждебной всякой власти и всякому созиданию, для меня несомненно. От меня ускользает ее удельный вес, но представляется она мне иногда грозной. Мне кажется, что где дрогнет, при каких-нибудь обстоятельствах, Аппарат при-

нуждения, там сейчас же жизнью овладеют бандиты. Ведь они единственные, кто объединены, остальные, как песок, разрознены. И можно себе представить, что наделают эти объединенные «воры», пока честные объединяются».

Что они наделают, мы сегодня видим воочию. Неважно даже, создавали наши «архитекторы перестройки» те «обстоятельства», при которых бандиты овладели жизнью, нечаянно или как видимая, легальная часть сословия бандитов. Кого сейчас интересует совесть Горбачева и Ельцина. А пока ничего не меняется — по всем программам ТВ крутят поэтический фильм о чистой любви женщины-следователя к бандиту. О любви, преодолевающей все запреты, вкладывающей оружие в руку убийцы. И этот вал преступной морали накатывает на Россию, перед ним лепечет даже образованная оппозиция: «Человек — мера всех вещей!» — оправдание Раскольникова и Ставрогина.

§ 7. Канализирование стереотипов: фильм С. Говорухина «Ворошиловский стрелок»

Прекрасным примером эффективной эксплуатации и канализирования стереотипов в манипуляции сознанием служит новый фильм С. Говорухина «Ворошиловский стрелок». Общественность приняла его очень благосклонно, тем более что любимый народом артист М. Ульянов «вернулся к своим» и играет роль ветерана, мстящего проклятым «новым русским». С. Говорухин создает образы, сильно действующие на чувства. Как сказал мне один молодой активный коммунист, недовольный моей рецензией на фильм, «молодежь восприняла его спинным мозгом». Такие у нас молодые коммунисты — идеи воспринимают спинным мозгом, голосуют сердцем.

Главные идеи фильма неявны, они скрыты под эмоциями и действуют на зрителя через подсознание. Вместе они составляют определенную политическую и философскую концепцию С. Говорухина. Основной стереотип, который возбуждает С. Говорухин, — *чувство мести*, которое удовлетворяется героем-одиночкой. Это стереотип, лежащий в основе почти половины голливудских фильмов, и сам по себе предельно идеологизирован, но в случае актуального российского фильма важно еще, куда канализирует С. Говорухин этот стереотип, из кого он создает образ врага. Сегодня, когда на честного человека в России обрушилось столько зла и горя, *возмездие* становится у нас важной проблемой бытия. Зло должно быть наказано, иначе души жертв не успокоятся! Но кем и как? Что можно и чего нельзя? Когда возмездие, воплощенное через месть, становится преступным? Эти вопросы мучают людей, и

они жадно хватают любой ответ. Потому и фильм С. Говорухина нашел такой отклик в душе — тем он и опасен.

Сам фильм — типичное социальное клише, заметного художественного значения он не имеет. Характеры его представляют собой штампы, служащие лишь иллюстрацией к «идеям». Образ реальности абстрактен, он вполне мог бы быть привязан к иной действительности — скажем, советской. Только вместо гада-ларечника, который изнасиловал девушку, надо было бы ввести сына директора овощной базы. А в остальном все «общественные отношения» и их восприятие персонажами даны вне времени и пространства. И раньше сынки номенклатуры, бывало, насиловали девочек, а папаши сынков покрывали. В общем, «так жить нельзя».

Давление «идеи» видно и в том, что поступки героев психологически не мотивированы и не адекватны реальности, жизненному опыту. Вот завязка: девушка, выросшая в обстановке «великой криминальной революции», когда реальная опасность стать жертвой преступления даже преувеличена в массовом сознании, вдруг доверчиво идет в квартиру «героя капиталистического труда» и начинает выпивать с тремя отнюдь не симпатичными подонками, а они ее насиловуют. Причем приглашают ее без обмана — им требуется «женское присутствие». Она что, с Луны свалилась? Весь двор знает, что по средам в этой квартире устраивают оргии, а она этого не знала?

Столь же необъяснимо поведение трех молодых преступников после группового изнасилования. Они не были слишком пьяны или интеллектуально недоразвиты, но после совершения особо тяжкого преступления (в собственном доме!) не делают ни малейших усилий, чтобы скрыть следы и хотя бы разойтись. Бывает такое дерзкое поведение, когда преступление совершается в обстановке полной безнаказанности, в подавленной социальной среде. Но здесь — совсем другая обстановка. И двор, и даже милиция в целом враждебны этой троице, и никаких оснований чувствовать себя в безопасности у них не было — так это выглядело в фильме. Более того, после откровенной встречи с возможным мстителем и даже после первого акта мести преступники несколько не меняют своего поведения. Так тупы «новые русские»?

В фильме нет социального мотива — режиссер его устраняет. Пенсионер не может отомстить «новым хозяевам жизни» уже потому, что не имеет таких денег на винтовку. Герой С. Говорухина за полчаса добывает у банкира Вани 5 тыс. долларов, он — не чужой в этом новом мире. Дочь его возит товары из Турции, а насильник сидит в ларьке, они одного поля ягоды. Да и милиция на его стороне. Не случись такой незадачи, что отец одного из насильников — милицейская шишка, не пришлось бы герою и сидеть в заса-

де с винтовкой. Зритель на волне эмоций сам возвышает штамп до столкновения «честный труженик — против преступного капитала». На кого же канализирует чувство мести режиссер?

В качестве «носителей зла» — социальных фигур, на которых концентрируется внимание зрителя, — выбираются те, которые уводят внимание от реальных социальных виновников нашей катастрофы. Более того, социальные типы, играющие активную роль в разрушении стабильного жизнеустройства, представлены в фильме с явной симпатией, в положительном свете (банкир Ваня и бандиты, торговцы оружием). Носителями зла стал ларечник с рынка и представители «номенклатуры» (полковник, следователь и прокурор).

Представление носителем зла близких, осязаемых социальных или этнических фигур (обычно в связи с убийством или изнасилованием) — испытанный способ возбудить простые, черно-белые чувства и канализировать общественную ярость в сторону фундаментализма. Тем самым внимание уводится от действительных общественных противоречий. Появление талантливых идеологов, занятых такой работой, всегда — тяжелый удар по оппозиции. Трудно говорить с людьми, которые очарованы эмоционально сильным художественным образом.

Конечно, среди ларечников попадают типы, способные изнасиловать девушку. Но выбор социального образа преступников сделан С. Говорухиным не случайно, тут есть «идея». Верна ли она? Думаю, что нет, не ларечники и студенты — растущая угроза безопасности для простых граждан, их дочерей и внуков. Торговля — временная социальная ниша для сравнительно благополучных людей. Эти люди в основном держатся за свое положение и не имеют сильных мотивов, чтобы вступать в конфликт с обществом и законом. В действительности главный источник угрозы сегодня — *деклассирование молодежи*, появление целых возрастных когорт подростков, выброшенных из жизни, не имеющих легальных доходов и возможности поддерживать социально приемлемые отношения полов. Опасность для девушек России — появление у нас «цивилизации трущоб» с большими массами озлобленных на весь мир, обедневших и неуравновешенных юношей. Тех, кто был лавочником, рабочим или студентом, а теперь он — **никто**. Для общества все более опасны его собственные жертвы, которые вызывают у зрителя ненависть и сострадание одновременно. Не видит этого С. Говорухин?

Второй «коллективный враг народа» в фильме — «*коррумпированная номенклатура*». Она изображена так абстрактно, что даже непонятно, почему она становится на сторону насильников. Примешаны родительские чувства полковника милиции, но это

ведь исключительное совпадение, а без него поведение руководства всей правоохранительной системы просто необъяснимо. Они все — на содержании у лавочника? Они испытывают к нему классовую солидарность? Они все порочны? Видимо, всего понемногу, ибо образ «номенклатуры» в фильме монолитен и отрицателен. Здесь нет просвета, потому-то герой фильма покупает у бандитов винтовку и начинает мстить сам.

Коррупцированной верхушке правоохранительной системы противопоставлены ее честные «низы». Это — столь же примитивный способ направить ярость граждан в русло фундаментализма с формулой «честный человек против номенклатуры». Что говорить, это — одна из самых разработанных и эффективных методик манипуляции сознанием, она стала основой бесчисленного множества голливудских фильмов и прекрасно послужила при избрании Ельцина президентом. С. Говорухин настолько упростил эту формулу, что ни одну фигуру из номенклатуры не сделал союзником «честных низов», довел свою концепцию до тоталитарной манихейской чистоты. Зачем усложнять!

С. Говорухин предлагает модель криминализации нынешнего общества. Она недостоверна, и линия фронта проходит совсем не так и не там. Положение более страшно. Вот обычная ситуация: в поселке или микрорайоне живет неоднократно судимый «авторитет», координирующий рэкет в своей зоне влияния. У него на окладе — участковый уполномоченный, а может, и кто-то в отделении милиции. Взаимный уговор — в своем районе не шалить. Но если кто-то из подконтрольных бандитов, собирающих налог с лавочников, по пьянке изнасилует беззащитную девушку, то именно добрый лейтенант постарается уговорить ее родственников не лезть на рожон. А полковник милиции, следователь и прокурор, возможно, будут уговаривать их подать заявление: «Без этого мы не сможем посадить бандитов в тюрьму». Это не значит, что участковый поддон, а «номенклатура» неподкупна — просто у нее совсем другой срез коррупции, она в доле не с лавочниками, а с банкиром Ваней.

Беззащитность простого человека в реальной жизни намного полнее и безысходнее, нежели представляет С. Говорухин. Именно «низовой» защитный пояс бандитов блокирует попытки простого человека найти правду и уж тем более попытки отомстить преступникам на свой страх и риск. И это делается проще и эффективнее, нежели делает коррупцированный полковник в фильме С. Говорухина.

Наконец, третья и, возможно, самая важная часть концепции С. Говорухина — отрицание *идеи права*, разновидность стереотипа антигосударственности. Это — важный стереотип массового соз-

нения, и режиссер его оживляет и на нем играет. Идея права представлена в фильме почти как несовместимая с совестью и достоинством. Все положительные герои фильма желают возмездия преступникам, но с первых же шагов отвергают право. Капитан милиции, ненавидящий «новых русских», сразу же вышибает из них признания с помощью «физического воздействия» и угроз. Угрозы его действительны — в его распоряжении уголовники, в камеру к которым он может бросить подозреваемого (с соответствующей сопроводительной информацией), а может и не бросить. И режиссер, и зритель — безусловно на стороне этого капитана, на стороне справедливости. На стороне справедливости, отрицающей право. Но разве толпа, линчующая «насильника-негра», не следует чувству справедливости? Ведь линчевание — это не ругательство, это воплощение в жизнь целой философской концепции Линча.

Девушка, жертва насилия, требуя возмездия, не желает пройти необходимого обследования. Да, это неприятно и унизительно — но как же без этого? Нельзя же требовать от правосудия, чтобы оно было изначально на стороне истца. С. Говорухин упрощает дело, представив следователя неприятным пошляком. Ну а если бы это был чуткий и симпатичный человек? Ведь он сказал бы те же самые слова, и они вовсе не выглядели бы абсурдными: «Девушка! Вы, прежде чем подавать заявление в милицию, смыли все следы преступления. Свидетелей нет. Почему я, а потом и суд должны верить именно вам?» Что он еще мог сказать?

Да и прокурор, представленный как мерзкая личность, говорит герою вполне разумные слова: «Я советую вам лучше воспитывать детей и внуков». Ведь в следующем кадре мы видим дочь героя — продукт явно неправильного воспитания. А что воспитание внучки было неправильным и она не была готова к жизни — разве это не очевидно? Но фильм сделан так, что разумные слова зритель воспринимает как оскорбляющие человеческое достоинство. Удар по сознанию художественными образами.

Правосудие изначально строится как состязание сторон, иначе оно превращается в произвол. Но герой фильма не желает состязаться, хотя у него есть доказательства. Хорошие люди сами состязаться не умеют? Найми адвоката, деньги есть. Но нет, герой на эти деньги покупает винтовку. Зритель — целиком на его стороне. Он идет за болотным огоньком Говорухина в страшную трясику.

Отрицание права под знаменем справедливости у С. Говорухина соблазнительно. С. Говорухин, убежденный враг советского строя, соблазняет зрителя именно отблеском этого строя — в совершенно ином государстве. Да, советское государство расправлялось с преступниками, во многом опираясь на идею справедливости. От это-

го страдали и невинные люди, но эту жертву народу приходилось нести — правовое государство было нам просто не по карману. В целом советское государство гораздо лучше защищало человека от преступников, чем западное, и при этом жертв произвола также у нас было меньше, чем на Западе. Потому, что наша справедливость тогда опиралась на правду, а из нее вытекало особое право, подконтрольное совести. Но государство Ельцина — это не советское государство, здесь общая совесть официально отменена, и здесь отступить от принципов права значит просто отдать гражданина на произвол преступников (в том числе в милицейской форме).

К тому же советское государство создало несколько автономных друг от друга систем контроля над милицией. Лишь в особых случаях все эти системы (партийная, административная, общественная) могли сговориться и закрыть глаза на произвол. Ради такого рядового случая, какой представлен в фильме, подобной координации возникнуть не могло. В нынешнем государстве множественность и автономность систем контроля устранена. Слава богу, еще держится контроль культуры, общей морали, но уповать на него не приходится. В интересах простого человека — стоять на идее права и укреплять ее. Фильм С. Говорухина ее подрывает.

Вторая причина, по которой преобладание справедливости над правом в советское время было приемлемо, состояла в практическом отсутствии сильной организованной преступности. И участковый уполномоченный, и капитан из отделения милиции имели реальную возможность поступать по совести — они не были зажаты в рамки соглашения с местной бандой. Сегодня милиции приходится балансировать в очень сложных условиях, чтобы свести страдания населения к минимуму — в рамках возможного. Наложение жестких норм права было бы для честной милиции огромной поддержкой. Сегодня отказ от правового государства и от демократии, призыв к «благотворной диктатуре» и правосудию «по совести» — на руку преступности и ее самым высоким покровителям.

Моя критическая статья о фильме С. Говорухина под названием «Болотные огни» («Завтра», № 2, 2000), в которой были изложены приведенные выше рассуждения, вызвала резкое и принципиальное неприятие довольно многих читателей. Были письма, статья в «Дуэли», упреки друзей. В этом неприятии есть важный устоявшийся свод идей, отражающий сознание части общества. Это важно для темы данной книги. Выражу мысли моих критиков, не оглупляя их, но доводя до полной ясности.

Мысль первая. Она в том, что образ врага Говорухин очертил верно (а я писал, что Говорухин создал ложный образ врага). В фильме нормальному человеку противостоят «новые русские».

Но это — не социальная группа, это даже не люди (это «нелюди», инопланетяне). Вот что пишет читатель К.: «Фильм — о том, что если *мы* не будем защищаться, то *они* нас съедят. Не потому, что плохие, а потому что волки, нелюди, *антисистема*. И герой Ульянова это вовремя понял и действовал адекватно ситуации».

Ясно, что дело серьезнее, чем следует просто из благосклонного восприятия фильма. Мы, похоже, в массе своей оторвались от понятий марксизма и не освоили никакого другого стройного учения. Проскочив рациональные общественные понятия, радикально настроенные люди действительно ринулись в фундаментализм, составив себе идею, будто на нас напала некая раса «нелюдей», рать дьявола. Тот же К. пишет: «Боюсь, что у нас сей вирус не впервые и без хирургии тут не обойтись. Или Вы думаете, что за последние 1000 лет дьявол сильно подобрел?» Это пишет человек неверующий, научного склада. Допустим, дьявол — метафора, но она уместна во всей конструкции К. Когда мы представляем наши общественные противоречия как борьбу с дьяволом (а *мы*, конечно, на стороне божественной силы) — это и называется фундаментализм.

Сам К. уверен, что речь идет именно о нелюдях, а не о социальной группе (иногда он говорит о них как об «этносе», но это можно заменить словом «раса»). Тип нелюдя, по мнению К., хорошо дан в фильме в образе Чуханова (владельца ларька), и К. делает сильное утверждение: «Совершенно неважно, насколько он богат. Он и на зарплате инженера таким останется». Это — усложнение формулы Говорухина, поскольку тот все-таки одел нелюдя в ненавистный социальный костюм. Если бы девушку изнасиловали ребята из депо, в котором работал ее дед (а такое бывает), то фильма бы не получилось — трудно было бы показать пенсионера, стреляющего в работяг. Но К. не хочет упрощать — нелюди есть в разных классах, хотя, видимо, концентрируются все же среди богатых.

Я согласен, что аномальная жестокость и хамство «новых русских» делают соблазнительной концепцию, согласно которой они принадлежат не к общему человеческому роду, а к небольшому подвиду, который произошел от хищных человекообразных обезьян. Это — не люди, а звери в человеческом облике, и взывать к их морали бесполезно, ее у них просто нет, хотя они владеют языком и имеют рассудок. Такие идеи развивает в целой серии книг Б. Диденко («Цивилизация каннибалов», «Хищная власть» и пр.). Чтение это еще более соблазнительное, чем фильм Говорухина, но меня не убеждает. Это — не научная теория, а идеология. Даже новую теорию надо принимать с осторожностью, а эта идея прямо ведет к убийственным политическим выводам. *Без хирургии не*

обойтись! А чтобы нелюдь тебя не съел, надо его опередить («они везде тебя достанут, пока ты сам вперед не достанешь их»).

Как же выявить нелюдей, тем более что кое-кто из них сидит на зарплате инженера и одежды не выделяется? Элементарно, Ватсон! К. дает простой рецепт: «Решительность не есть легкость хватания за обрез. Решительность есть следствие ясного осознания реальности и правды». Чего ж тут не понять. Ясно осознал правду — и жми на спусковой крючок. Раньше это называлось «классовое чутье», но в нем было все-таки больше смысла — классы хоть чем-то осязаемым отличаются. Буржуи носят цилиндр, а рабочие кепку, «правда» же есть вещь более скользкая.

Уверенность в том, что «ясно осознать правду» — плевое дело, тоже есть признак фундаментализма. Гамлет, казалось бы, имел надежные доводы против своего дяди-убийцы, и то ставил опыт за опытом, вплоть до того, что свою жизнь положил как приманку — только бы получить абсолютно надежное доказательство, чтобы свершить суд. А герою Говорухина было достаточно одного кивка головы ошарашенной изнасилованной девушки.

Сам выбор изнасилования как основы драмы имеет в фильме Говорухина символический характер. Вот, мол, *как эти нелюди нас...* Связь этого символа с социальным образом «новых русских» ложная. Появление этого класса вовсе не вызвало роста таких преступлений. Наоборот, в 1990 г. в России было 15 тысяч изнасилований или покушений на изнасилование, в 1997 г. 9,3, а в 1998 г. 9 тысяч. Кстати, в 1998 г. за это было осуждено (и приговор вступил в силу) 7,2 тысячи насильников. Право действует, хотя и хуже, чем раньше. Но не в этом же дело, речь идет именно о символе.

Мысль вторая. Поскольку речь идет не о людях, то и право тут вообще ни при чем. К. пишет о хищности «новых русских»: «С этим невозможно бороться правовыми средствами. И никакая милиция здесь не поможет — не ее это дело даже. Милиция способна охранять население от преступников, а не одну часть населения от другой». Так что Говорухин выглядит даже соглашателем — он идею права отвергает, а на самом деле ей тут нет места. Речь идет об охоте на волков, о ликвидации оборотней, которые поселились среди людей.

Я упомянул суд Линча и думал, что это неприятное сравнение оттолкнет людей от философии Говорухина. Ан нет, суд Линча, похоже, многие оправдывают, но считают, что для нас он мягок — слишком много в нем права. К. пишет: «Суд Линча не расправа, а упрощенный порядок судопроизводства... Оно было быстро на жестокую кару, но было милосердным, потому что карало немногих (поскольку его боялись)... Конечно, суд Линча, высшая мера

рабоче-крестьянской гуманности или что-то подобное... А как Вы себе иначе представляете у нас сейчас правосудие?»¹

Фильм Говорухина и такая реакция на него показывают, что в России в части общества складывается последовательная концепция борьбы на уничтожение, основанная на социальном расизме — представлении о противнике как не относящемся к человеческому роду. Удивляет, что она находится уже в весьма зрелом состоянии, и Говорухин, держа нос по ветру, точно ответил на запрос рынка. Дал эстетическое подкрепление идеологической концепции. Думаю, дело именно в рынке, на Азефа Говорухин не похож (хотя и тот не бесплатно работал).

Отметая саму мысль, что с «нелюдями» можно бороться правовыми методами, мои оппоненты даже с какой-то жалостью говорят о нелепости моих аргументов. Какая там состязательность сторон, какие адвокаты! Зачем изнасилованной девушке что-то доказывать («Да что ж она, Перри Мейсон, что ли?»)! Главное — ясно осознавать правду. Эта установка, видимо, укоренилась в мышлении и часто повторяется. Люди как будто утратили способность ставить себя на место других. Они, посмотрев фильм, чудесным образом, благодаря магии кино оказались свидетелями преступления трех парней. *Они видели все!* И они возмущаются следователем, который «не осознает правды» и требует доказательств. Представить себя на месте человека, который *не видел* преступления, они не в состоянии. Когда я на это указываю, мне говорят, что я — пособник преступников (как и следователь). Это тяжелый случай. Ведь если бы Говорухин снял фильм о том, как хитрая бабенка с целью шантажа обвиняет парня в том, что он ее изнасиловал, и того сажают в тюрьму (довольно обычное дело), то они бы, наверное, так же возмущались и бабенкой, и следователем.

И еще одно методическое замечание. У моих критиков (и, похоже, вообще у большей части зрителей) происходит такой разрыв в мышлении: они переносят идеологическую и даже философскую, общественную концепцию Говорухина на отдельную личность. Мне так и пишут: «А вот доведись до Вас...» Это неверный ход. Если бы на Льва Толстого напал грабитель, он бы, скорее всего, не постеснялся стукнуть его чем-то тяжелым — оставаясь философом ненасилия. Как поведет себя та или иная личность, когда происходит трагедия, — вопрос особый и из философии не вытекает. Это все равно как спрашивать человека, будет ли он есть человечину в случае крайнего голода. Пока ты сыт, этот вопрос не име-

¹ В конце XIX века год за годом число казненных по «суду Линча» примерно вдвое превышало число казненных по приговору законного суда. Главное в нем было не то, что «карали не многих», а то, что карали обычно «не тех». И инициаторами, собирающими толпу, нередко были сами преступники.

ет смысла. Фильм и наш спор — о философии, об установках, о том, куда нам толкать телегу нашего общества. Так это мои критики и поняли — и в то же время такие сбои: «А разве Вы бы не достали 5 тыс. долларов на винтовку?»

Мысль третья. Она в том, что никакого правового государства в России нет, что у нас уже идет полномасштабная война, а своими рассуждениями я лишь подрываю мораль бойцов. «Правовое государство в России было расстреляно из танковых пушек... Россия погрузилась в воровской беспредел» и т.д.

На мой взгляд, в этом видна утрата способности *измерять* явления. Легко используя метафору «беспредела», люди сами себя уверяют, что утрата права в России является абсолютной, а потому и нет никакого смысла пытаться сохранить и укрепить те остатки государственности, которые у нас еще сохранились. Мол, хуже уже не будет.

У этих людей просто воображения недостает, чтобы представить себе что-то более страшное, чем жизнь в России. Отсюда и тоталитаризм их мышления (он, между прочим, по типу своему схож с тоталитаризмом мышления демократов в 1991 г.: «Так жить нельзя!», «Иного не дано!» и т.д.). Но давайте привлечем здравый смысл. Как это «беспредел»? Да, государство подорвано, множество преступлений не раскрывается, но нелепо говорить, что хуже и быть не может. Вы же сами пишете, что в Чечне было то-то и то-то — отнимали дома, убивали среди бела дня, запросто похищали людей. Разве это не хуже? В 1999 г. в России совершено 1,8 млн. тяжких и особо тяжких преступлений. Установлено 1,5 млн. преступников (между прочим, среди них 945 тыс. безработных — не одни лишь богатые). За 9 тысяч изнасилований и покушений на изнасилование в тюрьму отправили 7,2 преступников.

Да, страшная картина. Но она может быть несравненно страшнее — как в той же Бразилии. Да, расстреляли Дом Советов из танков, погибли люди, забывать нельзя. Но когда в Колумбии лет шесть назад радикальное левое движение пошло на соглашение, приняло участие в парламентских выборах и выдвинуло своих кандидатов во всех округах, то «эскадроны смерти» убили всех до одного кандидатов. Всех до одного! Так что есть места менее правовые, чем в России. Значит, не беспредел, нечего словами кидаться.

«Русская кровь рекой потекла еще со времен Мишки Меченого и не прекращает литься и по сей день», — пишет в газете читатель. А потому «тысячу раз прав С. Говорухин» — надо, надо вершить самосуд. Опять метафоры и опять нет меры. Раз кровь течет рекой — какая, мол, разница. Ведром больше, ведром меньше. Мне кажется, тут-то и есть «беспредел» в мышлении, симметричный мышлению

«нелюдей». Слишком смело распоряжаются наши борцы чужой кровью (даже если лично они, возможно, герои).

Мне и кровь ларечников хотелось бы сохранить, но не буду уж раздражать моих оппонентов. Давайте говорить только о крови честных тружеников. Я в статье сделал четкое утверждение: слом нынешнего неустойчивого равновесия, отказ от укрепления нынешней пусть плохой, но еще живой правовой системы ударит по честным людям несравненно сильнее, чем по «нелюдям». Настаиваю на этом тезисе. Никто из моих критиков ни словом о нем не обмолвился. Они считают его неверным? Да нет, они считают, что на фоне и так уже текущих рек крови добавочные жертвы «честных» несущественны. Зато какая радость, если парочка самосудов удастся! «Надо будить в человеке чувство собственного достоинства». В чем же достоинство?

Фильм Говорухина — типичный голливудский фильм (и там главная тема примерно половины фильмов — месть). В нем достоинство подменяется *правом сильного*. Три подонка изнасиловали девушку, ибо считали, что они сильнее. Ан нет! Дед оказался сильнее, он купил винтовку и расстрелял подонков. К. пишет о нелюдах, что герой Говорухина восстал, «и все их всеилие рухнуло в момент». Это Говорухин так приятно нам дело представил, в жизни кончается по-другому (да и в фильме, если продолжить, такой идиллией кончиться не может).

Говорухин для простоты убрал из картины одну фундаментальную вещь, которая всегда присутствует в таких драмах как общественных явлениях. Она в том, что при этой праведной мести почему-то всегда приходится погубить и кого-то невинного. Убивал Раскольников старуху-процентщицу — подвернулась под топор безобидная Лизавета. Бросали народовольцы бомбу в царя — заодно взорвали мальчика из лавки. Когда латиноамериканские писатели описывают своих самоотверженных товарищей, которые ценой своей жизни уничтожают кровавого палача, то почему-то тут же гибнет то мальчишка-чистильщик, то старик-нищий. И в этом у них главная трагедия. У Говорухина этим и не пахнет. А взял бы он и для реализма поставил за машину, которую взорвал зажигательной пулей его герой, незамеченного им ребенка. Пусть бы показал, как бежит этот охваченный пламенем ребенок. Тогда выше был бы накал «человеческого достоинства» героя-пенсионера.

В фильме Говорухина сильная личность наказывает за изнасилование. Это — обычный прием таких фильмов, связанные с таким насилием эмоции безотказны. Судя по всему, этот старик, если бы у него вытащили кошелек, расстреливать вора не стал бы — он не сквалыга. А для другого кошелек дороже невинности внушки. Где граница разрешенного? В «Дуэли» мой критик прямо предлагает

Говорухину снять еще несколько подобных фильмов, даже дает резюме сценариев. Вот сценарий № 2. «Суд присяжных в небольшом городе оправдывает группу безработных юношей, убивших и ограбивших владельца «Мерседеса-600», т.к. у них не было выбора — либо голодная смерть, либо смерть того, кто лишил их возможности честно зарабатывать себе на пропитание». Так сказать, «Берегись автомобиля — 2000».

Можно, конечно, считать, что это пишет провокатор. Но ведь газета это печатает. Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно. Не так это все примитивно.

Главный результат идеологической работы Говорухина и его сторонников — создание у наших терпящих социальное бедствие людей приятной иллюзии, будто у них всегда есть простой и безотказный выход — индивидуальный террор. Это утешение сродни вере в награду на небесах. Это и есть *аутизм* — подмена реалистичного мышления грезами. Раньше угнетенные люди придумывали себе легенды о благородных разбойниках, которые накажут «владельцев «Мерседесов-600»».

К чему подталкивает идея индивидуальной мести (даже не террора, а всего лишь мести), которую вбросил в сознание фильм Говорухина, как идея *общественная*? Как идея, направляющая мысли зрителя в определенное русло. К тому, что усилия в организации людей для общего сопротивления не нужны и невозможны. Ни в фильме, ни в письмах моих критиков нет даже и намека на то, чтобы помогать *другому*, хотя бы мстить за другого. Уже это было бы движением к организации, но этого нет. Последователи Говорухина как бы говорят: «Молодец, старик! И вы, другие старики, поступайте точно так же. Может, и еще кому-нибудь повезет, а мы вам будем аплодировать».

У меня была статья «Революция или гибель». О том, что разрушение общества у нас зашло так далеко, что без революции из кризиса выйти уже невозможно. Мои критики ее, похоже, читали, но не желают о ней говорить, поскольку я доказываю, что в современном обществе успешная революция может быть только ненасильственной, а потому более сложной. И такие успешные революции мы наблюдаем в мире — хотя бы палестинскую интифаду или ликвидацию апартеида в ЮАР. Но об этом и слышать не хотят, потому что ненасильственная революция — для «козлов», а не для героев. «Никакие передышки, примирения, пространственные или прочие уступки здесь невозможны», — пишет К. Полезно было бы ему «Детскую болезнь левизны в коммунизме» почитать — сильное средство против аутизма.

В конце XIX века появились в России интеллигенты с горящими сердцами, которые решили жить «по Говорухину» — судить и

карать нелюдей. Ответ был симметричным, и пошло-поехало. Возникла культура «справедливого» террора, который смогли утопить в его собственной крови лишь в 1937 г. Но даром он не прошел — на образе той крови вскормили перестройку, и опять с обеих сторон идут беззаветные герои раскрутить старое колесо. И ведь как все благородно звучит. Правда! Достоинство! Антисистема!

Скажут, что таких людей еще немного. А зачем их надо много? Дом и от одной спички загорается. А Говорухин даже в президенты выбирался. Худо-бедно, а несколько сот тысяч голосов набрал. Куда больше.

§ 8. Страх голода в манипуляции сознанием

Наше народное сознание хранит память о тяжелых временах, мы знаем облик Голода. Когда в школе мы читаем Некрасова:

В мире есть царь, этот царь беспощаден,
Голод название ему, —

то это для нас — не пустой звук. Это трогает потаенные струны нашей души. На этих струнах полюбили играть и политики.

Когда ломали нашу «империю зла», большие усилия приложили идеологи, чтобы в нашем сознании сложилось убеждение, будто мы плохо питаемся. На деле-то как раз в СССР, при всей тупости его распределительной системы, полноценное и сбалансированное питание было обеспечено всему населению, всем социальным группам. У каждого ребенка на столе было масло и полная сахарница. Имея 6% населения Земли, СССР производил 16% (по другим данным 13) продовольствия, и против этого никакая ложь Шмелева силы не имеет. Да, улучшали рацион импортом, из 75 кг потребляемого на душу мяса импортировали 2 кг (зато экспортировали 10 кг рыбы). Это прекрасно известно специалистам, но их тогда попросили помолчать. А мы поверили пропаганде.

Молока и молочных продуктов в СССР в среднем потребляли 341 кг в год на человека (в США — 260), но при опросах 44% жителей СССР ответили, что потребляют молока недостаточно. Более того, в Армении, где велась особо сильная антисоветская пропаганда, 62% населения было недовольно своим уровнем потребления молока. А между тем его поедалось там в 1989 г. 480 кг (а, например, в Испании 140 кг). И самый красноречивый случай — сахар. Его потребление составляло в СССР 47,2 кг в год на человека — свыше оптимальных медицинских норм (в США — 28 кг), но 52% опрошенных считали, что едят слишком мало сахара (а в Грузии недовольных было даже 67%). «Общественное мнение» никак не отражало реальности, а было создано идеологами через манипуляцию сознанием.

Тема голода активно использовалась политиками и перед выборами 1995 г. Тогда устроили мощную атаку на психику избирателей: если выберете не того, кого следует, — будет дефицит и очереди за хлебом. Вскоре сельское хозяйство России было подорвано настолько, что производство пищи упало до критической черты. Половина продуктов питания ввозится сегодня из-за рубежа, страна утратила продовольственную безопасность. Теперь уже шантаж голодом приобрел реальные основания: захотите сменить политический курс, Запад вас накажет голодом, запретит поставки продуктов.

Итак, от проблемы пищи и голода нам никуда не уйти. Манипуляция здесь облегчена тем, что образ голода вызывает страх. Но страх — всегда плохой советчик. Если же взглянуть на дело трезво, то окажется, что голод как социальное явление возникает лишь в классовом обществе.

Существуют два типа обществ. Один тип строится в соответствии с метафорой семьи. Другое общество («западное») строится по метафоре рынка, на котором все свободны и живут эквивалентным обменом. Это само по себе ни хорошо, ни плохо, не будем давать оценок и спорить об идеалах и вкусах. Сегодня сильная и энергичная часть наших сограждан стремится превратить общество-семью в общество-рынок. Какой стороной при этом обернется к нам Царь-голод?

Передо мной случайно сошлись на столе две книги. В одной сценарий фильма С. Говорухина «Россия, которую мы потеряли», в другой статья Льва Толстого «О голоде».

Сценарий С. Говорухина, вроде бы направленный на добывание СССР, на деле «работает» именно против России как цивилизации с сильными общинными чертами. Смотрите, какую Россию мы потеряли: «икра — 3 руб. 40 коп. фунт, водка — 13 руб. ведро. Слесарь получал 74 руб. в месяц, профессиональный рабочий — 344 руб.». Мол, даже слесарь (это что-то вроде рабочего-любителя, непрофессионала?) мог в месяц пять ведер водки выпить и кило икры съесть. Для тонкого интеллигента — вещи деликатнее. Вот витрина Елисеевского магазина: «Жирные остендские устрицы, фигурно разложенные на слое снега, огромные красные омары и лангусты».

Какой же вывод делает сценарист из списка цен и доходов? Что Россия в целом была благополучным обществом, а втянувшиеся в революцию рабочие, которые на свою зарплату могли зажраться (мясо — 15 коп. фунт), просто взбесились с жиру.

Взвесим реальность более верными гирями. Мясо было по 15 коп., но 40% призывников впервые пробовали мясо в армии — почему бы это? Хлеб — по 3 коп. фунт. Почему же, как писал Л. Тол-

стой, в России именно в те времена голод наступает, не когда хлеб не уродился, а когда не уродилась лебеда? Вот объехал Толстой четыре черноземных уезда Тульской губернии, обошел почти все дворы:

«Употребляемый почти всеми хлеб с лебедой — с 1/3 и у некоторых с 1/2 лебеды, — хлеб черный, чернильной черноты, тяжелый и горький; хлеб этот едят все — и дети, и беременные, и кормящие женщины, и больные... Чем дальше в глубь Богородицкого уезда и ближе к Ефремовскому, тем положение хуже и хуже... Хлеб почти у всех с лебедой. Лебеда здесь невызревшая, зеленая. Того белого ядрышка, которое обыкновенно бывает в ней, нет совсем, и потому она несъедобна. Хлеб с лебедой нельзя есть один. Если наесться натошак одного хлеба, то вырвет. От кваса же, сделанного на муке с лебедой, люди шалеют. Здесь бедные дворы доедали уже последнее в сентябре. Но и это не худшие деревни. Вот большая деревня Ефремовского уезда. Из 70-ти дворов есть 10, которые кормятся еще своим».

Каков же главный вывод Толстого? В том, что причина — правильное устройство жизни. «Всегда и в урожайные годы бабы ходили и ходят по лесам украдкой, под угрозами побоев или острога, таскать топливо, чтобы согреть своих холодных детей, и собирали и собирают от бедняков кусочки, чтобы прокормить своих заброшенных, умирающих без пищи детей. Всегда это было! И причиной этого не один нынешний неурожайный год, только нынешний год все это ярче выступает перед нами, как старая картина, покрытая лаком. Мы среди этого живем!»

Вот именно отсюда жирные остендские устрицы, и в этом — червоточина той больной России, о которой мечтает С. Говорухин. И Толстой, как зеркало русской революции, так прямо и сказал: «Народ голоден оттого, что мы слишком сыты». К этому привел Россию первый большой глоток западного капитализма. То же самое мы видим и в других цивилизациях. Индия до англичан не ведала голода. Ацтеки в XV веке питались лучше, чем средний мексиканец сегодня. Хозяйство, которое ведется для потребления, а не для извлечения дохода, в принципе голода не допускает.

Толстой же и объясняет, почему русским нельзя жить, высасывая соки из большинства народа: «Нам, русским, это должно быть особенно понятно. Могут не видеть этого промышленные, торговые народы, кормящиеся колониями, как англичане. Благополучие богатых классов таких народов не находится в прямой зависимости от положения их рабочих. Но наша связь с народом так непосредственна, так очевидно то, что наше богатство обуславливается его бедностью, или его бедность нашим богатством, что нам нельзя не видеть, отчего он беден и голоден».

Можем сделать первый вывод. В обществах, основанных по принципу семьи, каждый имеет право на пищу. Само собой, эта семья может быть и тиранической, и тоталитарной, живущей по принципу «один за всех, все за одного» (это и есть чистая формула тоталитаризма). Мы сейчас говорим только о голоде.

В самом чистом виде это отражено в первобытных обществах. В 1966 г. в США вышел большой труд антрополога Сервиса «Охотники» — об изучении оставшихся на Земле «примитивных», живущих общинами племен и народов. Особое место в нем занимает тема пищи и голода. Как-то ученый получил от эскимоса кусок мяса и поблагодарил его. Охотник огорчился, а старик-эскимос объяснил: «Нельзя благодарить за мясо. Каждый имеет право получить кусок». Сервис пишет, что в общинах нельзя и даже неприлично благодарить за пищу — этим ты как бы допускаешь саму возможность не поделиться куском, что нелепо и противно. Этнографы подчеркивают, что в общине право на пищу — это абсолютное (естественное) право. Поэтому голод в ней возможен лишь как следствие природной или политической катастрофы — засуха, война, «великие переломы».

Но не только в «примитивных» общинах, но и в обществах, не пошедших по пути «рынка», голод был исключен как социальное явление. Смешно думать, что «уровниловка» — порождение последних 75 лет или даже Российской империи. Напротив, эта империя потому и собралась в Евразии, что здесь сформировались народы со сходным мироощущением. Вспомним итальянского купца Марко Поло, который почти всю жизнь прожил и пропутешествовал в созданной при Чингисхане империи (в том числе и в России). Что же поразило его, «европейца-рыночника»? Почитаем сегодня эти свидетельства середины XIII века:

«Когда великий государь знает, что хлеба много и он дешев, то приказывает закупить его многое множество и ссыпать в большую житницу; чтобы хлеб не испортился года три-четыре, приказывает его хорошенько беречь. Собирает он всякий хлеб: и пшеницу, и ячмень, и просо, и рис, и черное просо, и всякий другой хлеб; все это собирает во множестве. Случится недостача хлеба, и поднимется он в цене, тогда великий государь выпускает свой хлеб вот так: если мера пшеницы продается за бизант, за ту же цену он дает четыре. Хлеба выпускает столько, что всем хватает, всякому он дается и у всякого его вдоволь. Так-то великий государь заботится, чтобы народ его дорого за хлеб не платил; и делается это всюду, где он царствует».

Когда мы читали Марко Поло в детстве, на такие главы не обращали внимания — этот образ действий государства казался нам естественным. Ну подумайте сами, что, если бы Сталин в годы вой-

ны вместо карточной системы устроил бы, как сегодня, либерализацию цен?

Что же произошло при возникновении общества-рынка («Запада»). Самое главное, что человек перестал быть членом общины, а стал индивидуумом. Одновременно он — товар на рынке и имеет цену, в зависимости от спроса и предложения. Это значит, что человек сам по себе не имеет права на жизнь, это право ему дает или не дает рынок. Было бы труднее манипулировать нашим сознанием, если бы все прочитали роман Кнута Гамсуна «Голод». В зажиточном Осло в начале XX века молодой писатель был одной ногой в могиле от голода — уже и волосы выпали. Ему не только никто не подумал помочь — он сам не мог заставить себя украсть булку или пирожок, хотя это было не трудно. Святость частной собственности и отсутствие права на жизнь были вбиты ему в подсознание так же, как святость его личных прав гражданина.

Философскую подкладку под отрицанием равенства и права на хлеб дал социал-дарвинизм — учение, переносящее биологический принцип борьбы за существование в общество людей. Г. Спенсер писал: «Бедность бездарных, несчастья, обрушивающиеся на неблагодарных, голод, изнуряющий бездельников, и то, что сильные оттесняют слабых, оставляя многих «на мели и в нищете» — все это воля мудрого и всеблагого провидения». Слышите, доценты с кандидатами, в чем причина вашей нынешней бедности? А думали, небось, что «рынок востребует ваш талант» и накажет нерадивого сантехника?

Установление рыночной экономики впервые в истории породило государство, которое сознательно сделало голод средством политического господства. Когда в Англии готовились новые Законы о бедных, философ и политик лорд Таунсенд писал: «Голод приручит самого свирепого зверя, обучит самых порочных людей хорошим манерам и послушанию. Вообще, только голод может уязвить бедных так, чтобы заставить их работать. Законы установили, что надо заставлять их работать. Но закон, устанавливаемый силой, вызывает беспорядки и насилие. В то время как сила порождает злую волю и никогда не побуждает к хорошему или приемлемому услужению, голод — это не только средство мирного, неслышного и непрерывного давления, но также и самый естественный побудитель к труду и старательности. Раба следует заставлять работать силой, но свободного человека надо предоставлять его собственному решению».

Сегодня, через двести лет после Мальтуса, ничего не изменилось, на тех же принципах строится Новый мировой порядок. Недавно даже вышла подготовленная экспертами ООН научная монография — «Политэкономия голода». В ней холодным языком

сформулированы законы, о которых наш восторженный рыночник предпочитает не вспоминать. Но пусть вслушается хотя бы тот, кто чувствует свою ответственность за пропитание собственных детей: «Способность человека иметь в своем распоряжении продовольствие зависит от отношений в обществе... Голод может быть вызван не отсутствием продовольствия, а отсутствием дохода и покупательной способности, поскольку в рыночной экономике лишь доход дает право на получение продовольствия... Вывоз продовольствия из пораженных голодом районов — «естественная» характеристика рынка, который признает экономические права, а не нужды». Да мы это и на своей шкуре начинаем чувствовать.

Совсем недавно в Бангладеш, «вошедшей в рынок», после наводнения умерло от голода около 200 тысяч человек. Между тем в стране имелись избыточные запасы пропитания. Просто владельцы держали продукты на складах, взвинчивая цены. Они целиком следовали логике рынка.

Да что Бангладеш. Как обстоят дела в Бразилии, крупнейшем экспортере продовольствия? Ее ведь нам предлагают за недостижимый идеал. 40% населения (60 млн. человек) получают всего 7% национального дохода. Постоянное недоедание и острая нехватка в пище белка и витаминов приводит к разрушению иммунной системы и тяжелым физиологическим нарушениям. Это похоже на СПИД, и люди умирают от малейшей инфекции. В резолюции конференции по проблемам питания сказано: «Более 40% детей, которые рождаются в Бразилии, будут физически и умственно недоразвитыми к моменту достижения зрелого возраста».

Очень большая часть нашей интеллигенции, а за ней, не подумав, и все остальные, проклинала советскую уравниловку — кусок хлеба каждому. Было противно «равенство в бедности», когда по негласному закону в каждой столовой было особое блюдо. Манная каша на молоке со сливочным маслом по цене 10 коп (при реальной стоимости около 35 коп). Это было блюдо для тех, кто не дотянул до полочки. Он его получал не как благотворительность и не должен был никого благодарить. И это — старый русский порядок. Гиляровский подробно описывает, как на московских рынках раз в день варили обрезки мяса и требуху и продавали по полкопейки миску — сколько съешь. Не нужна нам была занудливая Армия спасения с ее бесплатным супом для отверженных.

Сегодня мы отдали все бразды правления в России энтузиастам Запада и смотрим, что у них получается. Но смотреть мы обязаны в оба, слышать даже слабые стоны. Каждый должен знать информацию из доклада правительства: в России сложилась устойчивая группа людей в количестве 9—11 миллионов человек, которая имеет уровень питания ниже физиологического минимума. Это

значит, что все время 9—11 миллионов наших сограждан постепенно умирают от недоедания. Умрут одни, на этот уровень опускаются другие.

И не надо верить тем политикам, которые притворяются наивными: «Кто умирает с голоду? Покажите нам трупы!» Такой голод, от которого падают на улице, бывает лишь при катастрофах. Голодная смерть приходит к ослабленному человеку в виде гриппа, пневмонии, другой безобидной инфекции, которую легко перенесет человек с хорошим питанием.

Глава 22

«МЯГКИЕ» ЧЕРНЫЕ МИФЫ О СОВЕТСКОМ СТРОЕ

§ 1. Подготовка к отказу от советского хозяйства. Экономические мифы

В жизни человека хозяйство (и производство, и потребление) занимает такое важное место, что хорошо сделанный «черный миф» о национальной экономике может стать мощным фактором разрушения легитимности государства. Образ хозяйства вовсе не ограничен прагматическими понятиями, он имеет духовное и эмоциональное измерение. Поэтому внедрение экономических мифов было важной частью перестройки как программы манипуляции сознанием.

Вот, к примеру, важный миф с явным подлогом. Когда в 1991 г. начали внушение мысли о благодатном смысле приватизации, говорилось: «Необходимо приватизировать промышленность, ибо государство не может содержать убыточные предприятия, из-за которых у нас уже огромный дефицит бюджета». Реальность же такова: за весь 1990 г. убытки нерентабельных промышленных предприятий СССР составили всего 2,5 млрд. руб.! В первом полугодии 1991 г. в промышленности, строительстве, транспорте и коммунальном хозяйстве СССР убытки составили 5,5 млрд. руб. А дефицит бюджета в 1991 г. составил около 1000 млрд. руб.! Насколько эффективной должна была быть манипуляция, чтобы люди поверили в столь ничтожный довод в пользу очевидно невыгодной всем трудящимся акции — передачи собственности вора́м и бюрокра́там.

Рассмотрим еще несколько простых примеров.

Миф о стали. Еще поразительнее та легкость, с которой был проглочен совсем уж нелепый тезис: надо сократить производство стали, «ибо СССР производит ее намного больше, чем США». Конечно, идеологически публика уже была предрасположена к вос-

приятию бредового тезиса («плановая экономика работает не на человека, а на себя»), но удивительна интеллектуальная неразборчивость. Ну причем здесь «производство в США» как критерий для наших решений? Ведь никто из идеологов не осмелился сказать: сократим производство стали, ибо нам столько не надо! Не могли этого сказать, так как всем известно, какой голод на металл испытывала наша экономика. Но даже если имитировать США, утверждение вопиюще нелогично. Разве критерием может служить производство?

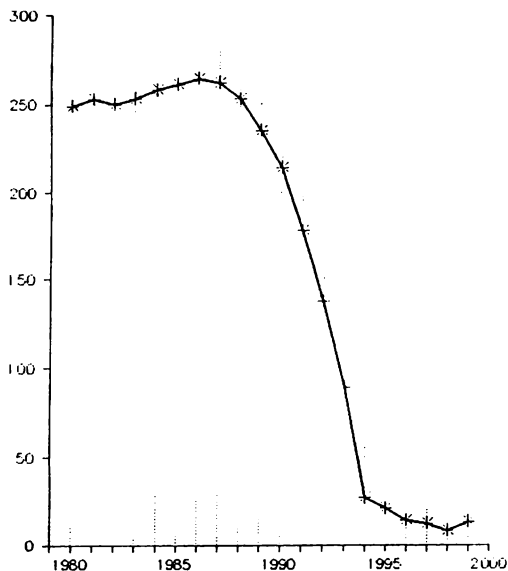
Мировое хозяйство интегрировано, и огромные металлургические мощности вывезены в страны «третьего мира» (например, в Мексику и Бразилию), откуда США получают металл. На производстве хорошей стали специализируются ФРГ и Япония — а там стали производилось на душу населения намного больше, чем в СССР. США могли сталь и металлоемкую продукцию — суда, тяжелую технику и автомобили покупать, а мы — нет. Кроме того, США сократили производство стали лишь после того, как осуществили массивные металлоемкие строительные программы (дороги, здания, мосты), к которым в СССР только приступали. Мы же нарастили производство стали недавно (а за послевоенные годы США произвели стали почти на 1 млрд. тонн больше, чем СССР). В целом в США уже было «вложено» стали почти в 2,5 раз больше, чем в СССР, — когда же мы сократили бы этот разрыв?

Да и вообще говорить отдельно о стали глупо, она лишь один из элементов всего комплекса конструкционных материалов. Большую часть стали США заменили новыми композитными материалами, пластиками и т.д., а в СССР их выпускалось еще очень мало. Это — печальная технологическая реальность. И решить эту проблему предлагалось, просто сократив производство стали! Вот тебе и перешли к опоре на интеллект.

Миф о тракторах. Манипуляцию сознанием, основанную на «концептуальных» подтасовках, интеллигент с гибким умом легко оправдает. Но совершалось и множество акций по манипуляции с использованием прямых, даже примитивных подлогов. Они для нас особенно интересны как простые, грубые случаи.

Так, в годы перестройки академик А. Г. Аганбегян утверждал везде, где мог, будто в СССР имеется невероятный избыток тракторов, что реальная потребность сельского хозяйства в 3—4 раза меньше их наличного количества. Этот «абсурд плановой экономики» он красочно расписал в книге «Экономическая перестройка», которая в 1989 г. была переведена на все языки и стала широко цитироваться на Западе. Там я с ней и познакомился в 1990 г.

Мой знакомый в Испании, декан экономического факультета, пригласил меня на круглый стол, посвященный реформам в СССР

Производство тракторов в России (тыс. шт.)

(я просто оказался под рукой — не приглашать же специально кого-то из СССР). Докладчик ссылался как раз на «удивительно мудрую» книгу Аганбегяна, которую он время от времени всем показывал как вещественное доказательство. Конечно, много места он уделил и «тракторному абсурду» советской экономики.

Спросили и мое мнение. Я ответил вопросом: «Мудрый автор утверждает, что в колхозах имеется в три-четыре раза больше тракторов, чем реально необходимо. Скажите, сколько тракторов приходится в СССР на 1000 га пашни?» Докладчик, сам экономист-аграрник, немного смутился. Оказывается, Аганбегян этих данных в книге не приводит. Я опять спрашиваю: «Ну, примерно. Если в три-четыре раза больше, чем нужно, то сколько это?» Он прикинул: для Европы обычная норма — около 120 тракторов на 1000 га, для больших пространств, как в США или Казахстане, около 40, для тесных долин — больше (например, в Японии — 440). Наверное, говорит, в СССР приходится что-то около 200—250 тракторов на 1000 га, а надо бы 70—80.

Я говорю: «Но ведь в СССР самое большое 11—12 тракторов на 1000 га!» Произошло замешательство. Мне, конечно, просто не поверили. Потом пошли смотреть справочники. Действительно, в СССР на 1000 га пашни тракторов в самый лучший, 1988 год было

в 10 раз меньше, чем в ФРГ, и в 40 раз меньше, чем в Японии. Даже в 7 раз меньше, чем в Польше.

Сегодня в России тракторов осталось в среднем 7 штук на 1000 га. До предусмотренных Аганбегяном 4 штук еще не докатились, но это не за горами. Вот закупки тракторов внутри России (тыс. штук): 1991 — 216; 1992 — 157; 1993 — 114; 1994 — 38; 1995 — 25; 1996 — 25. В целом на всю сельскохозяйственную технику спрос в России за четыре года реформ снизился более чем на 90 %.

Ложь академика Аганбегяна была запоздало разоблачена в СССР — но разве его престиж в научных кругах хоть чуть-чуть снизился? Нисколько. А ведь мифов, подобных «мифу о тракторах», было запущено в общественное сознание множество.

Взять хотя бы тему закупок зерна, на которой всплыл Черненко. Все поверили в убожество нашего сельского хозяйства. Но ведь обязан был честный человек вспомнить: если в 1966—1970 гг. Россия импортировала в год в среднем 1,35 млн. т зерна, то в 1992 г. — 24,3 млн. т. В этот год Россия впервые вошла в режим потребления импортного зерна «с колес». Неоднократно разбронировался и неприкосновенный зерновой запас, величина которого была уже на порядок ниже, чем в 50-е годы. Россия именно «при рынке» потеряла продовольственную независимость, даже введя почти половину населения в режим полуголода. Впрочем, это уже отдельная тема — миф голода.

§ 2. Миф о советской милиции

Важная сфера общественного сознания — восприятие отношений человека и государства в его обыденной, касающейся каждого лично форме, как отношений личности с полицией. Символ стража порядка — один из главных объектов идеологии. Если идеология направлена на укрепление государства, она лепит в сознании благоприятный образ (не забывая признать и наличие «паршивых овец»). Если идеология работает на разрушение государства, она создает черный миф о полиции (не забывая прославить «белых ворон» — честных полицейских, вступающих в схватку с системой).

В США была создана целая индустрия кино и телевидения и особый жанр — мифология американской полиции («новых центурионов»). Этот жанр внешне прост, рассчитан на массовое сознание, а на деле глубоко разработан и воздействует на многие блоки сознания — гораздо шире, чем вроде бы предполагает полицейская тема. Некоторые современные американские сериалы о полиции стали предметом крупных культурологических исследований ввиду их большого влияния на мышление и эстетические установки городской молодежи из среднего класса.

В нашем случае прекрасный объект для изучения — антисоветские фильмы, которые стали заполнять экран ТВ уже в конце перестройки. В ночь перед выборами 1995 г., когда уже была запрещена агитация, ТВ пустило один такой фильм — «Русский рэп-тайм» (1993 года). Популярны актеры К. Райкин, А. Ширвиндт должны были привлечь зрителя к этой агитке. Остановлюсь только на одной мысли фильма, который рассказывает о делах 1974 года — о «классическом» советском периоде. Эта мысль заключается в том, что советское общество якобы породило жестокий, репрессивный и бесчеловечный тип полиции — милицию.

Идеологический вывод подкреплен таким эпизодом: трое приятелей в разгар праздника 7 ноября залезают выпить на крышу дома в центре города и просто из озорства срывают и рвут красный флаг. Милиционеры, поднявшись на крышу согнать парней, при виде испорченного флага хватают одного из них. В отделении его садистски, с издевательствами избивают, потом везут в КГБ, продолжая избивать и по дороге. Потом его вовлекают в провокацию против диссидентов, но это уже другая тема.

Мы не дети и знаем, что в милиции бывали и эксцессы, и преступления. Но фильм — вовсе не протест против эксцессов. Вся милиция снизу доверху и во всю ее ширь показана как единая, действующая в соответствии со своей природой система. Именно как система, институт государства. А через милицию — все государство. Еще за пять-шесть лет до этого, в годы перестройки, даже такой фильм можно было бы воспринять как протест, пусть с перехлестом, против грубости милиции. Но в 1993 г., когда советский строй уже доламывался, в этом не было нужды. Авторы фильма наносили хладнокровный удар по историческому сознанию — закладывали в него новые стереотипы, облегчающие манипуляцию сознанием в целом. Акцией разрушения символов и соучастием в насилии над историей они повязывали всех зрителей. Очень многие из зрителей, особенно молодых, не могут восстановить логику данного им эпизода, а воспринимают его как художественный образ. Он действует на их подсознание и подталкивает не просто к отказу от советского образа жизни, а к неспособности оценивать реальность. В этом суть.

Чтобы стряхнуть наваждение, давайте рассмотрим именно смысл эпизода. Выраженный в сухих словах, он сводится к тому, что бессмысленная жестокость и ненависть к задержанным (даже по самому невинному поводу) — родовое свойство советской милиции, не зависящее от личности самих милиционеров. Что образы Анискина, Ивана Лапшина, дяди Степы и др. — плод лживой советской идеологии, они полностью противоречат реальности и должны быть вычеркнуты из сознания.

Так как эти утверждения имеют смысл лишь в сравнении, то подразумевается, что полиция иного, «правильного» общества принципиально гуманнее. То, что показано как типичное для СССР 1974 года, было бы, мол, абсолютно невозможно на Западе. Там если что-то подобное и случается, то это аномалия, дело рук отдельных садистов, проникающих в полицию. Насколько можно судить, многие с таким выводом соглашаются: мол, советский строй многим был хорош, но вот милиция — уж как груба. А вот «там»...

В действительности, на основании обширного материала можно утверждать совершенно противоположное: сам тип нашей милиции и ее отношение к человеку есть, в сравнении с западной полицией, один из важнейших доводов в пользу советского строя. При том, что по многим внешним параметрам («отесанность», вежливость, набор навыков) западная полиция намного превосходит милицию.

Если коротко, дело заключается в следующем. Для милиции все граждане (помимо небольшой социальной группы, «начальства») имели примерно одинаковый статус — человека. Не было установки относиться к какой-то широкой категории людей с ненавистью, вычеркивать их из понятия права и правды. Полиция же, в соответствии с глубинным смыслом гражданского общества, делит людей на избранных и отверженных. И обращение с этой второй категорией, с «выпавшими из цивилизации» поразительно, необъяснимо жестоко. И это — именно не аномалия, а суть. Она — уже в устрашающем виде полицейского, в мощи фигуры и экипировки «новых центурионов».

Иногда это объясняют подспудным расизмом, который выражается в особом отношении полиции к «цветным». Но дело сложнее: расовое чувство неразрывно связано с социальным, и отверженные «демонизируются» в общественном сознании. А это не только оправдывает жестокость полиции, но толкает ее к этой жестокости. Равновесие в обществе держится на этой «холодной гражданской войне».

Факты впечатляют. Весь мир обошел случайно сделанный в 1992 г. видеофильм (человек купил камеру и решил ее попробовать прямо у двери магазина): четверо полисменов остановили водителя-негра, проехавшего на красный свет, и без всякого повода избili его так, что он еле выжил и остался на всю жизнь инвалидом. Видеофильм четыре часа подряд просматривал суд присяжных — и оправдал полицейских. Тогда начались волнения в Лос-Анджелесе, в которых погибли 70 человек и был нанесен урон городскому хозяйству в 2 млрд. долл. Клинтон потребовал нового суда, и два полисмена получили по три года тюрьмы.

Но за этим случаем — система. Негров в США 12%. Среди тех, кто употребляет наркотики, негров 13%. Среди тех, кого за это задерживает полиция, негров 35%. Среди тех, кого за это осуждают, их 55%. А среди тех, кто за это сидит в тюрьме, — 74%. Это — двойное право, приложенное к миллионам граждан. Сейчас оно дополнено драконовским законом о рецидивистах: за третье преступление, независимо от тяжести, дается 25 лет тюрьмы.

Не так давно американские и европейские газеты широко обсуждали такой случай в Калифорнии. Три подростка в парке купили пиццу и не съели четвертый кусок. К ним подошел молодой безработный негр и спросил, не позволят ли джентльмены забрать ему этот кусок, если они его не будут есть. Джентльмены разрешили, никто не возразил. Но один мальчик потом рассказал об этом отцу и сказал, что он не хотел отдавать кусок пиццы, но промолчал, потому что постеснялся отказать. Негра арестовали и осудили на 25 лет тюрьмы. Никаких претензий к его поведению в этом эпизоде не было, он никому не угрожал, не был назойлив и даже не был невежлив, он лишь посягнул на собственность. Когда этот случай обсуждался в прессе, юристы подчеркивали, что речь идет именно о типичном случае — он просто привлек внимание своей «чистотой».

И дело не в расизме США, то же мы видим в терпимой Европе. Девушка с Ямайки приехала в Англию погостить к матери. Она просрочила визу, на улице была случайно задержана полицией и отвезена в участок. В машине ей заклеили пластырем рот и сели ей на грудь. В участок ее привезли уже мертвой — у нее были раздавлены легкие и почки. Полиция ведет тяжбу с матерью, доказывая, что смерть наступила не от болевого шока, а просто от удушья — девушке неправильно приклеили пластырь. Это — Англия 1994 года.

А вот Гамбург 1995 года. В участке полиции, контролирующем район порта, под следствием 80 служащих — весь дивизион. Они загоняли раздетых догола подозреваемых иммигрантов в тесную камеру и устраивали им «душ» из слезоточивых газов. Ставили на колени лицом к стене и имитировали расстрел. И прочее в том же стиле. Командование все это знало и одобряло.

Вот 1996 г., Бельгия — суд над десантниками, которые участвовали в 1993 г. в операции «Возвращение надежды» в Сомали. Как назло, они сфотографировались, поджаривая на костре сомалийского юношу, и эта фотография обошла весь мир. Они признались, что «шутили». Другие шутки ради мочились на трупы убитых сомалийцев или под дулом автомата заставляли мусульманина есть свинину. Прокурор потребовал наказания в виде 1 месяца ареста и штрафа в 300 долларов (на деле речь идет о нарушении военного права с наказанием до 15 лет тюрьмы).

Эти примеры можно множить без конца. Они — не продукт личного садизма конкретных полицейских, а плод самой философии общества, порождающего эту полицию. Даже те, кто получал зуботычины и синяки в советской милиции, скажут, что ничего подобного в ее отношениях с населением не было. Когда я стал студентом, меня отрядили в бригадмил, а потом в дружину, и я тянул эту лямку 30 лет. Последние двадцать лет меня оставляли дежурить в отделении, я был свидетелем, понятым. По моим подсчетам, присутствовал при «обработке» не менее тысячи задержанных: составление протокола, присутствие при обыске, помещение в камеру. Чуть ли не каждый раз крики, драки. Повидал и послушал милиционеров нескольких поколений — от фронтовиков до курсантов. И меня поражала именно философия этих людей. Как они не поддавались соблазну озлобления и мизантропии? Ведь сама тяжелая работа, казалось бы, к этому толкала.

И посмотрите, как резко меняются те же самые люди, стоит только сломать философские основания государства (это глубже, чем идеология). Вот невнятно ТВ сообщило о случае, немыслимом в СССР. Моряки с украинского сухогруза обнаружили на борту восьмерых «зайцев» из Африки и по приказу капитана расстреляли их и тела сбросили в море. Одного не заметили — он и сообщил. Это и есть новое мышление. Ведь это мышление пытались внедрить в ОМОНе, которому даже форму переделали на западный манер.

Вот сценка бытовая. На платформе люди ожидают электричку, тут же подвыпивший пожилой мужчина с огромной овчаркой кого-то встречает. Подходят два омоновца в комбинезонах и картузах. Прицепились к человеку, требуют удалиться — все правильно. Он, по привычке, пререкается, объясняет. Совершенно неожиданно они начинают молотить его дубинками. Все на платформе ахнули, тем более, что казалось, овчарка вцепится в горло обидчику хозяина — произойдет драма. Но собака, чутьем поняв, что это уже не милиция, что сейчас ее пристрелят, прячется за хозяина и воеет, как волк. Избитому надевают наручники и уводят. Вся платформа застыла в буквально скорбном молчании. Некоторые женщины плакали и шептали: «Зачем?!» Видимо, этот оскал нужен, даже необходим. Он, однако, не привился — культурный генотип милиции сломать оказалось не так просто. Для нашей темы важен факт, что попытка такая была.

Совершенно ту же бесстрастную жестокость, что и к «цветным», проявляет полиция Запада к отверженным другого рода — диссидентам, как-то беспокоящим общество. Большую полемику породил приговор Европейского трибунала прав человека, вынесенный Великобританией в сентябре 1995 г. Дело мелкое — в 1988 г. в Гибралтаре агенты полиции застрелили на улице трех известных рес-

публиканцев из Северной Ирландии. Как сказано в приговоре, «без всякой необходимости». Они были безоружны, их никто не пытался арестовать — просто застрелили. По поводу приговора поднялся шум, рассерчали и Мейджор, и Тэтчер. И тогда были обнародованы документы. Оказалось, что в Ольстере без суда и следствия были застрелены около 400 безоружных, уже задержанных и находящихся в руках официальной власти республиканцев. Я уж не говорю о той шестерке бедолаг, которые под пытками «признались» в не совершенном ими преступлении и 12 лет просидели в лондонской тюрьме. Вышли в 1990 г. Вот тебе и правовое государство.

Дальше — больше. Газеты опубликовали историю целой сети негласных убийц «Гладиатор». Она была создана в 1951 г. НАТО и подчинялась его высшему командованию, что признал экс-генеральный секретарь НАТО Манфред Вернер. В эту организацию вербовались неофашисты из Черного Интернационала; цель — развязать террор в случае прихода к власти коммунистов в Западной Европе. На счету «гладиаторов» большое количество убийств и провокаций, особенно в Италии и Испании. Сорок лет содержать такую организацию государственного терроризма — это как? А убийство, прямо в тюрьме, в 1977 г. руководителей немецких анархистов? Что-нибудь подобное по типологии и масштабу видели мы в «тоталитарном» брежневском СССР?

При этом дело здесь не в коммунизме или демократии. Авторы фильма «Русский рэгтайм» взывают: какая невинная шутка — изорвать флаг, разве можно за это тащить в милицию! А попробуйте перенести эту ситуацию в США — кто-то в праздник Дня независимости срывает американский флаг и рвет его в клочки. Его бы забили дубинками насмерть, но что самое интересное — это вызвало бы у наших демократов глубокую симпатию к США. В этом и суть.

Но даже и ссылка на политику неверна — жестокость полиции направлена против всяких диссидентов, которые объявляются нежелательными. Так, например, вдруг почему-то поступают с некоторыми сектами — при их огромном обилии. Помню, в 70-е годы в центре Филадельфии разбомбили с вертолета дом, в котором обитала коммуна сектантов. Никто тогда не мог объяснить смысла этой акции.

Так же необъяснимо было поведение полиции в деле с сектой проповедника Кореша в 1993 г. Да, мракобесы — заперлись на ферме и стали ждать конца света. Полиция решила это мракобесие пресечь. Но как? Сначала в течение недели сектантов оглушали рок-музыкой из мощных динамиков (Кореш — фанат рока, и эксперты почему-то решили, что он расслабится и отменит конец света). А потом пошли на штурм — открыли по ферме огонь и стали долбить стену танком. Я был в те дни в США и наблюдал это в пря-

мом эфире — спектакль передавался на всю страну. Начался пожар, и практически все обитатели фермы сгорели — было извлечено 82 обгоревших трупа. А через год суд оправдал 11 оставшихся в живых сектантов — состава преступления в их действиях не было найдено. На суде прослушивали записи криков женщин и детей, которые умоляли не стрелять по ним.

Повторяю, что из западной прессы можно набрать ворох таких случаев, и в них видна именно система. Говорю это не с целью обличить, обвинить и т.д. Общественная мысль Запада воспринимает это как симптом глубокой болезни своей цивилизации, как червоточину самого корня гражданского общества. Уже тридцать лет обсуждаются потрясающие эксперименты Мильграма и не менее впечатляющие эксперименты Зимбардо, о которых говорилось выше.

Поскольку об этих проблемах знают все, кто мало-мальски соприкасался с вопросом взаимоотношений личности и полиции, вся кампания по созданию черного мифа о советской милиции (скажем шире — о русской полиции) не есть результат идеологической страсти, слепоты или заблуждения. Это — нормальная и хладнокровная акция по манипуляции сознанием граждан России.

§ 3. Миф о технологическом риске

Полезно было бы пройти по всем основным антисоветским мифам, на которых стояла перестройка. Это был бы прекрасный практикум в курсе манипуляции сознанием. Но это невозможно из-за ограниченной объема. Рассмотрим еще один миф — *«технологический»*.

Нам вбивали в голову, что русские, «уклонившись от цивилизации», стали неспособны пользоваться современными технологиями. Началось с Чернобыля, а затем к этому подверстали информацию обо всех авариях. Чернобыль — огромная катастрофа, событие уникальное и с каждым годом все менее понятное. То, что о нем известно, заставляет пересмотреть всю концепцию риска (и именно западную концепцию). Можно даже сказать резко: уроки Чернобыля — прежде всего для Запада.

В Чернобыле отказала не техника, а «человеческий фактор», сложилась такая система действий персонала, которая в расчетах была оценена как невероятная (точнее, как событие с ничтожной степенью вероятности). Если бы люди нарочно старались взорвать станцию, они не сумели бы все сделать с нужной точностью. Тот факт, что в ходе самоорганизации такая система возникла, заставляет отказаться от принципов детерминизма, на которых построена вся западная техносфера. Это — сигнал о том, что мир должен переходить к философии нестабильности, к представлению о возможности самоорганизации «странных» систем. Но это — конец

западного мифа, конец индустриализма и «столбовой дороги». И на это западная элита не идет. Потому-то на анализ Чернобыля наложено табу, и никто не слушал В. А. Легасова.

Большой урожай был снят идеологами с аварии на море — столкновения теплохода «Адмирал Нахимов». Под сомнение были поставлены все подсистемы советского строя, ни много ни мало. Капитаны безответственны — где такое может быть. Суда старые, на плаву не держатся. Спасательные средства плохие. Все правильно — и все ложь. Ибо никакого отношения ни к строю, ни к особенностям России это не имеет. Куда ни глянь — то же самое, если не хуже.

Вот в Голландии, у самой причальной стенки переворачивается вполне новый морской паром — халатно расставляли автомобили, перегрузили один борт. Почти двести жертв — прямо в порту, в десяти метрах от причала. Ясно: паром плохо спроектирован, персонал безответственный, служба порта не готова к спасательным работам — но увязать это с общественным строем Голландии или с негодностью принципов демократии как государственного устройства ни одному экстремисту в голову не пришло. А то на фешенебельном пляже под Барселоной при небольшом волнении утонули 6 человек. Оказалось, единственный спасательный круг куда-то отправили на лодке (тоже единственной). И никто это ни с рыночной экономикой, ни с монархическим строем Испании не увязал.

Сюжет множества фильмов в США основан на реальных авариях, вызванных халатностью персонала или махинациями фирм. Смотришь и думаешь — нам до этого еще далеко. Сама жизнь дает сюжеты. Вот, в центре Сеула в час пик обрушился новенький мост, с него так и посыпались автомобили и автобусы. Причина — низкое качество строительства. В Барселоне в высотном госпитале оборвался лифт, погибли 12 человек. Оказалось, в механизме лифта был большой и растущий дефект, но фирма год за годом штамповала сертификат о техническом осмотре, никакого осмотра не проводя. Проблема «человек-машина» — общая для всех обществ, создающих современную техносферу. Вместо этого идеологи ищут мелкую политическую выгоду.

Во время перестройки очень много говорилось о том, насколько плоха в СССР система водоснабжения. Трубы прохудились, вода теряется — то ли дело на Западе! Но вот Экономическая комиссия ООН для Европы публикует доклад, и глазам своим не веришь. В больших городах Западной Европы из-за плохого состояния водопроводов теряется до 80% воды — примерно на 10 млрд. долларов в год. Поскольку поиск места утечки обходится дорого (до 1 тыс. долл. за километр), его стараются и не искать. В малых городах водопроводы получше (помоложе), но и тут дело плохо. В Ис-

пани в целом по стране теряется 40% воды, в Норвегии — 50%. Из-за утечки воды снижается давление, из-за чего в трубах накапливаются колонии бактерий. Еще хуже то, что в Великобритании водопроводные трубы продолжают делать из свинца, так что вода не соответствует стандартам ВОЗ и вредна для здоровья. На это закрывают глаза, поскольку смена технологии обошлась бы в 12 млрд. долл. В Западной Европе среднее потребление воды городским жителем составляет 320 л в день, а в Москве 545 л. Но большинство москвичей поверили, что их водоснабжение никуда не годится.

Но особенно сильное впечатление производит не вода, а огонь, пожар. И в перестройке тему пожаров раздули в полной мере. Помните пожар в гостинице «Россия», где погибло четыре человека? Какие делались выводы: преступное использование горючих материалов; СССР не дорос до высотных гостиниц, ибо пожарные не имеют длинных лестниц. Тоже все правильно — если бы не вывод о том, что «Россия не способна» (а вот Запад — тот да). И никто не потребовал тогда дать просто фактическую сводку о положении с пожарами на Западе. А если бы дали, то вопрос бы вывернулся наизнанку: как Россия сумела, не имея ни того, ни сего, обеспечить столь низкий уровень опасности?

В Сарагосе при мне случился небольшой пожар в дискотеке. Никто из танцевавших внизу, в зале, об этом и не узнал — все умерли. Пятьдесят два трупа вынесли и положили на тротуаре. Загорелся диван, и образовались столь ядовитые тяжелые газы, что смерть людей была моментальной — официант так и остался стоять за стойкой с бутылкой в руке. Что, правые использовали этот случай для критики стоявших у власти социалистов? Такое и в голову никому не пришло. Газеты опубликовали сведения о подобных пожарах в дискотеках США, и оказалось, что трагедия в Сарагосе — рядовой случай. И никакого комплекса неполноценности у испанцев никто создавать не стал.

А вспомним, какой удар по сознанию нанес случай, ставший вехой перестройки: в детской больнице в Элисте двадцать малышей были заражены СПИДом. Как был подан этот бьющий по чувствам случай? Вот вам советская медицина, не стерилизуют шприцы! Полетели самолеты с гуманитарной помощью. Ельцин на весь свой гонорар покупает ящик одноразовых шприцев. Предприниматели вывозят титан, обещая на вырученные деньги построить завод этих самых шприцев. Потом выясняется, что никто никого не заразил, а в эту больницу направляли из разных мест детей — носителей СПИДа. Но этого пресса уже не печатала, да это было и не важно. Все поверили в миф о дикости советского здравоохранения, и

расставаться с этим мифом не хотели. Что же в этой сфере мы видим на Западе?

Вот судебный процесс над директором Национальной службы переливания крови Франции (это тебе не медсестра в Калмыкии). По дешевке скупая кровь у маргиналов и наркоманов и не подвергая ее установленному контролю, персонал этой службы заразил СПИДом несколько тысяч человек (я, будучи тогда в командировке, слышал о трех тысячах, но цифры все время уточнялись). Почему бы нашей прессе не увязать это трагическое дело (директор получил 4 года тюрьмы) с трагедией в Элисте?

В 1996 г. — признание министра здравоохранения Японии. Здесь тоже по дешевке импортировали кровь и не подвергали ее необходимому анализу (хотя Япония завалена нужными для этого приборами). В результате из 5 тыс. больных гемофилией, которые проживают в Японии, 1800 были заражены СПИДом. Кстати, правительство Японии отказывается выплачивать компенсации пострадавшим, предложенные судами Токио и Осаки.

В тот же год — суд над бывшим министром здравоохранения Португалии и 11 сотрудниками министерства. Они закупили кровь у австрийской фирмы и заразили СПИДом многих больных (из которых 59 к моменту суда умерли). Примечательно, что они закупили зараженную плазму даже после того, как получили сообщение о том, что она содержит антитела против СПИДа, то есть получена от больных доноров.

Летом 1993 года — опять суд в Париже, над врачами из Института Пастера. Они изготавливали гормон роста для детей. Для этого покупали гипофизы трупов и, как полагается на рынке, искали подешевле. Поэтому покупали в экс-социалистической Венгрии. Надо же, даже маленький кусочек трупа идеологически согрешивших людей ценится в десять раз дешевле. Но качество, конечно, не то — и пятнадцать парижских детей были заражены неизлечимой и смертельной вирусной болезнью. Можно ли было проверить купленные по дешевке гипофизы? Конечно — но накладно. А ведь это — не «совки», не калмыки, а Институт Пастера, гордость Запада.

А вот случай прямо у меня на глазах — в Сарагосе. Забарахлил в центральном госпитале линейный ускоритель для радиационной терапии, фирмы «Дженерал электрик». Прибывший инженер фирмы затянул маленько регулировочный винт на индикаторе мощности, чтобы стрелка зря не дрыгалась, и дело с концом. Два года облучали пациентов мощностью, в десять раз большей, чем показывал индикатор. Стали разбираться, когда пациенты начали умирать один за другим. При мне умер двадцать второй, остальные ждут. Суд, конечно, критика — но не системы и даже не «Дженерал электрик», а инженера.

В целом у нас создали устойчивое убеждение, будто вся техносфера, в которой заставляла жить система «реального социализма», опасна. Сегодня можно заявить, что это была сознательная идеологическая акция по разрушению национального самосознания народов СССР. Много было лжи и умолчаний: никто, например, ясно не сказал простую вещь — безопасность полетов в такой огромной системе, как «Аэрофлот», была на уровне лучших в мире стандартов, точно такой же, как у «Пан Америкен» (а сегодня Россия на одном из последних мест в мире).

Глубинная ложь этого мифа уже в том, что из понятия техносферы был исключен ряд важнейших элементов, которые как раз определяли в целом более высокую, чем на Западе, безопасность техносферы СССР. И дело даже не в абсолютных показателях, а в том, что у нас «единица безопасности» обходилась в сотни раз дешевле, чем на Западе. За этим — проблема всей цивилизации. Можно сказать, что гражданское общество Запада почему-то потеряло «инстинкт опасности», который сохранился в «отсталых», «крестьянских» обществах. Этот инстинкт заменяют законами, деньгами и квалификацией — но полностью заменить не удастся. Совесть заменяется законом не вполне. Но это — особая большая проблема. Начнем хотя бы с ее проявлений.

Взять такую «мелочь», как терроризм. Сегодня гремят взрывы в небоскребах Нью-Йорка, на железных дорогах и в универсамах Испании, на площадях перед соборами и на вокзалах в Риме и даже в Лондоне. Кто-то пускает газ в метро Токио. Жертв не так много, но в целом в этих странах сложилось устойчивое ощущение опасности случайно стать жертвой теракта. В Перу в начале 90-х годов при наличии в стране всего около 2 тыс. участников радикального движения «Сендеро Луминосо» затраты на охрану технологических систем во многих регионах были равны производственным затратам. Уже одно это предопределяло тяжелый кризис всего хозяйства целой страны.

Таким образом, речь идет об элементе опасности, принципиально присущем техносфере Запада. Он предопределен особым «человеческим фактором», созданным именно в этой техносфере. Техносфера СССР была такого фактора лишена, что сразу давало ей большое преимущество. Мы начинаем оценивать это лишь сегодня, когда сами выбросили это преимущество на помойку. Когда сами привели к власти режим, который порождает терроризм неизбежно, как шелкопряд свою нить.

В СССР при скудных затратах на безопасность ее высокий уровень обеспечивался именно тем, что люди считали весь народ своей родней, а все, что было в стране, — общим достоянием. Невозможно у нас было, например, такое явление: в Испании выгорают леса

(причем гибнут и люди — туристы, пастухи, пожарные). Основная причина пожаров — поджоги. В Галисии этим занимаются специальные фирмы, которые сбрасывают с легких самолетов на парашютах зажигательные устройства, — горелая древесина, сохраняя приемлемое качество, продается на корню раз в десять дешевле. Иногда лес также поджигают, чтобы отомстить за какую-нибудь обиду местным властям, а то и пожарным. Этого не было в СССР, еще нет и в России — но ведь к этому идем.

Огромную роль играл в сфере безопасности технологии СССР тип экономики, не ориентированной на прибыль. Ее уничтожение не принесло никаких надежд на обещанную экономическую эффективность, но социальные утраты — налицо. И одна из них — утрата надежности, безопасности. Это очевидно каждому, хотя многие не хотят еще признать. Невероятное число людей, около 30 тыс. человек в год, гибнет просто от отравления приготовленной из токсичных продуктов водкой. Это — прямой плод рыночной экономики. И не дефект переходного периода, а сама ее суть, на обуздание этой сути на Западе тратятся огромные средства налогоплательщика. И справиться не могут!

Если бы наше ТВ не было лживым, оно бы сообщило важную для всех вещь. В Испании недавно закончился долгий процесс по делу о продаже токсичного растительного масла. У нас тогда газеты писали о каком-то таинственном вирусе. Дело проще: торговые фирмы закупили по импорту недорогое масло для технических целей — и пустили как пищевой продукт. В него был добавлен анилин — сильнейший яд. Газеты пишут, что анилин добавили, чтобы придать маслу привлекательный цвет, вкус и запах, но это кажется невероятным. Скорее, масло именно денатурировали, чтобы его не использовали в пищу.

Госстандарт Испании выдал сертификат качества. Невероятно, но директор Центральной лаборатории испанской таможни и еще четыре службы контроля подтвердили, что масло с анилином годится в пищу. Погибло более тысячи человек, 25 тыс. тяжело переболели и в основном остались инвалидами. Поскольку в продажу масло поступило с официального одобрения государственных органов, суды присудили жертвам отравления компенсацию в сумме около 4 млрд. долларов. Государство отказалось платить, т.к. «это бы нанесло ущерб экономике страны» (любопытная иллюстрация к концепции «прав человека»).

Когда я читал материалы этого процесса, то вспоминал, как в 1972 г. по Калужскому шоссе шла целая колонна грузовиков под охраной солдат — вывозили уничтожить черную икру, т.к. из Ирана к берегу недалеко от Астрахани прибило труп умершего от холеры. Риск заразиться холерой через икру был практически нуле-

вой, но государство не стало ни экспортировать, ни продавать эту икру дома. Потому что это было советское государство.

Сегодня, даже отвлекая на безопасность все большие и большие средства, общество «при рынке» никогда не получит такой же надежности, как в СССР. Чуть не ежедневные аварии и катастрофы — это лишь предвестник накатывающегося на Россию вала. Специалисты это прекрасно знают. Поэтому вся кампания, убеждавшая граждан в том, что советская техносфера обладала особой, повышенной опасностью, была крупной акцией по манипуляции сознанием.

§ 4. Экологический миф

Начиная с середины XX века промышленная цивилизация в целом натолкнулась на естественные ограничения для непрерывного роста производства и потребления. Экологические ресурсы Земли в некоторых отношениях оказались близки к исчерпанию (при том конкретном способе их использования, который сложился именно в индустриальном обществе). То, о чем предупреждали многие ученые уже в XIX веке (прежде всего, творцы термодинамики — в связи с возможностью исчерпания пригодной для использования энергии), стало очевидным для многих. Возник тяжелый, но пока еще подспудный культурный кризис — под сомнение были поставлены главные идеи, на которых стоит индустриальная цивилизация, идея свободы и идея прогресса. На этом кризисе, оказавшем сильное воздействие на умы интеллигенции, сразу стали паразитировать идеологи. Экологический страх стал мощным средством манипуляции сознанием. Во время перестройки он был использован в СССР в полной мере.

По мнению одного из ведущих социологов Института социологии РАН О. Н. Яницкого, «экологический протест 1987—1989 гг. стал в СССР первой легальной формой *общедемократического протеста и общегражданской солидарности*» (выделено им). Вот что вылупилось, например, из этого яйца: «Экологические конфликты в республиках Прибалтики послужили стимулом к созданию Народных фронтов в защиту перестройки и моральной легитимации их борьбы за экономическую независимость, а затем и выход из СССР... В феврале 1989 г. состоялась первая в СССР массовая (более 300 тыс. участников в 100 городах страны) антиправительственная акция протеста против строительства канала Волга-Чограй».

Таким образом, вот — пусковой мотор, запустивший машину разрушения страны. Разумеется, когда мавр сделал свое дело, ему велели уйти, и все это «экологическое движение» как корова языком слизнула. По словам О. Н. Яницкого, в 1990—1992 гг. «начался

процесс фронтального отступления новых национальных политиков от декларированных ими экологических программ... в целом — общая демобилизация движения». Борьба против Игналинской АЭС была прикрыта буквально на другой день после заявления Литвы об отделении, а теперь и армяне стараются запустить свою трижды проклятую ими во время перестройки атомную станцию.

В истории этого экологического протеста много поучительного. Он был широчайшей, организованной в масштабах всего СССР и прекрасно скоординированной программой манипуляции сознанием. Блестящей операцией в экономической сфере можно считать элегантное уничтожение целой отрасли — промышленного птицеводства. Белковая проблема в СССР была решена во многом благодаря созданию общесоюзной сети птицефабрик и снабжающих эти фабрики заводов по производству комбикорма. В 80-е годы было запущено около двух сотен небольших современных заводов, выпускающих необходимые для комбикорма добавки — витамины, антибиотики, белковые добавки. Вся эта система работала как часы. В 1990—1991 гг. во всех городах, где расположены эти заводы, одновременно были проведены экологические демонстрации с жестким требованием закрыть эти предприятия. Под давлением «общественности» они были закрыты, и оказалось, что почти моментально было парализовано производство комбикормов, и птицефабрики были вынуждены сразу забить около половины поголовья птицы. Рядовые участники демонстраций в разных концах страны были искренне уверены, что они выступили против своего местного заводика стихийно.

Поразительно, насколько эффективно действовала экологическая риторика на сознание, несмотря на то что она цинично отбрасывалась политиками буквально на другой день после достижения конъюнктурной цели. По оценкам социологов, «вес» экологических проблем в предвыборных программах 1989 г. составлял 72%, но из нескольких сотен выступлений на I Съезде народных депутатов СССР всего в 42 были упомянуты вопросы экологии.

Поучительным экологическим психозом, раздутым буквально как эксперимент над массовым сознанием, был *нитратный бум*. Одним из главных манипуляторов стал поэт Андрей Вознесенский. Он опубликовал в «Огоньке» паническую статью-дезинформацию. Смысл ее в том, что из минеральных удобрений в овощи переходят нитраты, якобы страшный яд. И студенты в столовых едят винегреты из овощей, содержащие до 500—1000 мг нитратов в порции, вот почему среди них так много психически больных и преступников. А дальше пошло и пошло, по всем газетам.

А. Вознесенский даже привел «научные» данные: дескать, «предельно допустимая концентрация» (ПДК) нитратов составля-

ет 11 мг/кг. Ясно, что советская власть травит студентов. Тогда после потока таких статей начался театр абсурда: с овощных баз начали вывозить на свалку лук и морковь. Хорошо еще, что пьяницы этот лук собирали и отвозили на рынок — хоть кто-то в народе не потерял здравый смысл.

В чем же подлог, «запущенный» в прессу поэтом-демократом? Что это за цифра — 11 мг/кг? Миллиграммов чего? В килограмме чего? В действительности это — особый показатель, «ПДК азота в питьевой воде для детей в возрасте около 7 месяцев». В этом возрасте происходит трансформация желудочно-кишечной системы ребенка, и в течение короткого периода в кишечнике может идти превращение нитратов в другие, вредные азотистые вещества. Вознесенский перенес эту ПДК с воды на овощи и с грудных детей на студентов.

Кстати, нитраты — это не азот, и если пересчитать, то для нитратов ПДК имеет в 4,4 раза большее значение, то есть 45 мг нитрата в 1 л питьевой воды. А главное в том, что в отличие от питьевой воды, которая вся усваивается в организме, масса овощей пролетает через кишечник, и ПДК по нитратам для них составляет от 500 до нескольких тысяч мг/кг, в зависимости от вида овоща, его используемой части, способа выращивания и приготовления.

«Нитратный психоз» был создан, чтобы подкрепить распространенный в то же время, наряду с «тракторным» мифом, миф об удобрениях. Говорилось, что абсурдная плановая экономика заставляет бедных русских крестьян заваливать поля удобрениями. На деле в самом лучшем, 1988 г. в СССР было внесено 122 кг удобрений на 1 гектар (при том, что вынос питательных веществ с урожаем составлял 124 кг). В Голландии, которую нам тогда же ставили в пример как идеал сельского хозяйства, вносилось 808 кг удобрений на 1 га. Сегодня в России 3/4 пашни не удобряется вообще, в целом внесение удобрений упало в 7 раз. Начиная с 1995 г. количество вносимых в почву удобрений колеблется в России около 13 кг/га. Для сравнения: в Китае 386 кг (в 1995 г.). И при этом нас пугают нитратами в отечественной продукции и завозят помидоры из Голландии.

Рассмотрим подробнее одну крупную мистификацию, созданную СМИ и политиками в ходе кампании по разжиганию экологического психоза.

Сероводородный бум. Известно, что особенностью Черного моря является наличие в нем «сероводородного слоя». Его обнаружил сто лет назад русский боцман, понюхав опущенный на глубину канат, от которого слегка пахло тухлыми яйцами. Уровень «сероводородного слоя» колеблется, иногда его граница поднимается до глубины всего в 50 м. В 1927 г. во время большого землетрясе-

ния были даже «морские пожары», и в море в районе Севастополя и Евпатории наблюдались столбы пламени.

Перестройка в СССР совпала с очередным подъемом сероводородного слоя, а гласность дала газетам пикантную информацию о «морских пожарах» 1927 г. (раньше, когда не было привычки пугать людей, эти сведения широко не публиковались). Возникли удобные условия для крупного бума, и он был «раскручен». Вот примеры истерических прогнозов 1989—1990 гг. только в центральных газетах:

«*Литературная газета*»: «Что будет, если, не дай бог, у черноморских берегов случится новое землетрясение? Вновь морские пожары? Или одна вспышка, один грандиозный факел? Сероводород горюч и ядовит... в небе окажутся сотни тысяч тонн серной кислоты».

«*Рабочая трибуна*»: «Достаточно небольшого землетрясения, чтобы сероводород вышел на поверхность Черного моря и загорелся — и его побережье превратится в пустыню».

«*Совершенно секретно*»: «Достаточно совпадения во времени и пространстве... резкого понижения атмосферного давления и вертикального течения. Вскипев, вода насытит воздух ядовитыми парами горючего газа. Куда будет дрейфовать смертоносное облако — одному богу ведомо. Оно может вызвать жертвы на побережье, может за считанные секунды превратить пассажирский лайнер в «летучий голландец»¹.

Наконец, сам М. С. Горбачев предупредил мир о грядущем из СССР апокалипсисе. Он заявил с трибуны международного Глобального форума по защите окружающей среды и развитию в целях выживания (каково название форума!): «Верхняя граница сероводородного слоя в Черном море за последние десятилетия поднялась с глубины 200 м до 75 м от поверхности. Еще немного, и через порог Босфора он пойдет в Мраморное, Эгейское и Средиземное море». Это заявление было опубликовано в «Правде».

Ученые — и океанологи, и химики — пытались объяснить политикам, что все это — невежественный бред (так они наивно думали). Были опубликованы в научных журналах хорошо известные данные:

1. «Морские пожары» 1927 г. никакого отношения к сероводороду не имеют. Они наблюдались в местах, отстоящих от границы сероводородной зоны за 60—200 км. Их причина — выход на поверхность во время землетрясения природного газа метана из Криворожско-Евпаторийского тектонического разлома. Это — газо-

¹ Эта же газета пугала мировое сообщество страшной картиной: по Черному морю дрейфует ракетный крейсер «Слава» с мертвой, отравленной сероводородом командой и стоящими на боевом дежурстве ракетами с ядерными боеголовками.

носный район, там ведется бурение для добычи газа, выходы природного газа на этой акватории в виде «факелов» наблюдаются регулярно. Все это хорошо известно, и отказ всех основных газет опубликовать эту справку ученых прямо указывает, что речь шла о сознательной дезинформации.

2. Максимальная концентрация сероводорода в воде Черного моря 13 мг в литре, что в 1000 раз меньше, чем необходимо, чтобы он мог выделиться из воды в виде газа. В тысячу раз! Поэтому ни о каком воспламенении, опустошении побережья и сожжении лайнеров не может быть и речи. Уже сотни лет люди пользуются в лечебных целях сероводородными источниками Мацесты (возможно даже, ими наслаждался сам М. С. Горбачев). Ни о каких взрывах и возгораниях и слыхом не слыхивали, даже запах сероводорода там вполне терпимый. Но содержание сероводорода в водах Мацесты в сотни раз больше, чем в воде Черного моря.

Бывали случаи, когда в шахтах люди встречались с сероводородными струями высокой концентрации. Это приводило к отравлению людей, но взрывов, в отличие от метана, никогда не было и не могло быть — пороговая взрывная концентрация сероводорода в воздухе очень высока.

3. Смертельные концентрации сероводорода в воздухе составляют 670—900 мг в кубометре. Но уже при концентрации 2 мг в кубометре запах сероводорода нестерпим. Но даже если весь «сероводородный слой» Черного моря внезапно будет выброшен на поверхность какой-то неведомой силой, содержание сероводорода в воздухе будет во много раз ниже нестерпимого по запаху уровня. Значит, в тысячи раз ниже уровня, опасного для здоровья. Так что не может быть и речи об отравлениях.

4. Математическое моделирование всех мыслимых режимов в колебании уровня мирового океана и атмосферного давления над Черным морем, проведенное океанологами в связи с заявлением М. С. Горбачева, показало, что переток сероводорода в Мраморное море и дальше, с отравлением милой его сердцу западной цивилизации, абсолютно невозможен — даже если над Ялтой пройдет самый мощный из известных тропических циклонов.

Все это было досконально известно, сероводородная аномалия Черного моря изучается сто лет множеством ученых всего мира. Когда советская пресса начала этот бум, ряд авторитетных ученых, включая академиков (!), обратились в газеты — ни одна из них не взялась дать успокаивающую информацию. Самое популярное издание, в которое удалось пробиться — журнал АН СССР «Природа», журнал для ученых. Но он не мог сравниться с тиражами «Правды», «Литературной газеты», «Огонька» той поры или с воздействием телевидения.

Прозорливо завершает группа океанологов (Т. А. Айзатулин, Д. Я. Фашук и А. В. Леонов) одну из последних посвященных проблеме статей в «Журнале Всесоюзного химического общества» (№ 4, 1990):

«Работая во взаимодействии с выдающимися зарубежными исследователями, восемь поколений отечественных ученых накопили огромные знания о сероводородной зоне Черного моря. И все эти знания, накопленные за столетие, оказались невостребованными, ненужными. В самое ответственное время они были подменены мифотворчеством.

Эта подмена — не просто очередное свидетельство кризиса в социальной сфере, к которой принадлежит наука. В силу ряда особенностей это, по нашему мнению, является ярким индикатором социальной катастрофы. Особенности заключаются в том, что на всех уровнях надежное количественное знание об очень конкретном, однозначно измеренном объекте, относительно которого в мировом научном сообществе нет разногласия по существу, подменено опасным по своим последствиям мифом. Это знание легко контролируется с помощью таких общедоступных измерительных средств, как канат и боцманский нос. Информацию о нем легко получить в течение десятка минут — часа обычными информационными каналами или телефонным звонком в любой институт океанологического профиля АН СССР, Гидрометеослужбы или Министерства рыбного хозяйства. И если в отношении такого, вполне определенного знания оказалась возможной подмена мифами, то мы должны ожидать ее обязательно в таких областях противоречивого и неоднозначного знания, как экономика и политика.

Множество кризисов, в которые погружается наше общество, представляет собой болото искусственного происхождения. Утонуть в нем можно только лежа. Дать топографию болота кризиса на нашем участке, показать наличие горизонта, подняв человека с брюха на ноги, — цель настоящего обзора».

Как известно, поднять советского человека «с брюха на ноги» в созданном искусственно болоте не удалось — не дали заинтересованные и стоявшие на ногах манипуляторы сознанием. Сейчас мы изучаем этот случай уже как патологоанатомы — делаем вскрытие. Но очень интересно и продолжение — с еще живым сознанием.

После того как истинная цель сероводородного психоза (как части большой программы) была достигнута, о сероводороде внезапно все забыли, как и о заводах белково-витаминных добавок к птичьему корму. Но 7 июля 1997 г. столь же внезапно, после многих лет полного молчания, по телевидению вновь прошла передача о сероводородной угрозе. На этот раз был запущен в сознание бред, оставивший далеко позади прогнозы 1989 г. Был обещан взрыв

всего сероводорода Черного моря такой мощности, что он, как детонатор, вызовет атомный взрыв урана, залежи которого есть на Кавказе! Таким образом, сероводород увязали с ядерным оружием — символом современной опасности¹.

Скорее всего, эта передача — пробный шар для изучения состояния общественного сознания. Видимо, сейчас оно более открыто, и на сероводородной мякине его не проведешь. Но всяческой мякины наши опытные уже манипуляторы могут приготовить достаточно.

Глава 23

МЕСТО ТЕЛЕВИДЕНИЯ В МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ

По мере продвижения проекта перестройки и изменений в обществе сдвигался центр тяжести в системе средств, которые использовались в манипуляции сознанием советского человека. Поначалу важную роль играли книги. С приходом «гласности» закончилась эпоха самиздата. Он выполнил свою задачу, его книги перестали быть запретными, они были изданы, но большого интереса уже не вызывали. Их художественный уровень, в общем, был невысок (сомневаюсь, чтобы существенная часть поклонников Солженицына на самом деле смогла дочитать до конца «Архипелаг ГУЛАГ»); между прочим, на Западе абсолютно все в интеллектуальных кругах знают эту книгу, очень любят ее помянуть, но я не встретил ни одного человека, который бы ее прочел).

На какое-то время на передний план вышли нормально изданные книги. Немногие из них были написаны загодя (как «Жизнь и судьба» В. Гроссмана), большая часть уже пеклась, как блины, по несложной идеологической схеме — «Дети Арбата», «Зубр» и т.д. Массовыми тиражами издавалась и «классическая» антисоветская литература из эмиграции. Страна еще была читающая, и книги охватывали большую часть «культурного слоя». Периодическая печать, радио и телевидение, «принадлежащие» КПСС, пока что стояли в стороне — темп изменений был очень точно рассчитан, и маска «генерального секретаря коммунистической партии» прочно сидела на лице Горбачева. Нельзя было спугнуть советского человека! Об этой большой заботе нового Политбюро ЦК КПСС замечательно написано в мемуарах помощников Горбачева — с не-

¹ Впрочем, в самой боевой демократической прессе уже и в 1990 г. говорилось, что сероводородный взрыв Черного моря будет равен 10 ядерным взрывам. Но это еще выглядело как метафора.

поддельной искренностью и детским простодушием. *Больше социализма!*

К концу перестройки (с 1988 г.) в дело вступили толстые журналы, а потом и газеты. Это была уже завершающая стадия. Как только была пройдена «точка невозврата» (август 1991 г.), потребность в антисоветском окормлении интеллигенции отпала, и издание газет и журналов было быстро, небывалым в истории образом свернуто. В 1990 г. в РСФСР издавались журналы общим тиражом 5010 млн. экз., в 1992 г. — 925 млн. экз. и в 1995 г. — 229 млн. экз. Падение в пять с лишним раз за 2 года и в 25 раз за 5 лет! Впрочем, исчезла и аудитория — интеллигенция лишилась доходов, значительная часть ее деклассировалась, и ей не до чтения «Нового мира» и «Литературной газеты».

Исчезло и главное ранее средство массового развлечения и культурного досуга — кино. В 1985 г. кинотеатры в РСФСР имели 2263 млн. посещений, а в 1997 — 40 млн. В 55 раз меньше! И на этом уровне кино пока и держится. Массовую аудиторию получило телевидение — оно и стало главным каналом для распространения информации.

Что главное в сообщениях, передаваемых телевидением, а что является «легендой», прикрытием — вопрос сложный. Углядеть контрабанду у контрабандиста-профессионала всегда трудно. Мы были в положении того новичка таможенника, что поставили на мосту. Идет человек, везет на тележке охапку травы. Таможенник потыкал траву — нет ничего. Назавтра снова та же история. Нет ничего. И так каждый день. Кончилась стажировка, и таможенник спрашивает этого человека: «Я знаю, что вы провозите какую-то контрабанду, но не могу понять, что именно. Скажите по-дружески, я все равно уезжаю». Человек говорит: «Тележки». Контрабанда телевидения в последние десять лет — идеологическая взрывчатка, разрушающая культурное ядро общества и подрывающая гегемонию «старого режима». Пока что конструктивной работы по созданию какой-то новой целостной мировоззренческой основы, консолидирующей людей в общество, не наблюдается. Вряд ли к этому возможен переход при данном типе политического режима в обозримом будущем — программа разрушения далеко не закончена. Более того, установилось динамическое равновесие между процессами духовного разрушения и восстановления. Кстати, телевидение по необходимости работает и на восстановление — в той «траве», что оно везет на контрабандной тележке, много полезного — и фильмы про Анискина, и мировая классика, и концерты Дм. Хворостовского. Но мы поговорим о «тележках».

Уже начиная с последней стадии перестройки резко изменился тип сообщений СМИ по сравнению с советским периодом. Произошло почти моментальное переключение СМИ на тип информа-

ционного потока мозаичной культуры — с семантикой и риторикой, описанными в гл. 12. В сообщениях СМИ перестали ставить и обсуждать целостные проблемы, понятия и теории, в которых они могут быть осмыслены. Возник тип сообщений, которые хаотизировали мышление, делали его некогерентным. Решалась проблема создания в общественном сознании перехода «*порядок-хаос*». На этом этапе и не ставилось задачи «перевербовать» людей в новую веру, важнее было поставить под сомнение все ценности вообще, опорочить все священные символы и тем снять психологическую защиту против манипуляции. Дьявол, который посещал Ивана Карамазова, вовсе не старался «обратить в безверие». Он говорил ему: «Я тебя вожу между верой и безверием попеременно».

Ссылаясь на данные психофизиологов, философ Ю. Г. Волков пишет в 1994 г.: «Пропаганда теории, проповедь учения, разъяснение концепции, доктрины сегодня не в моде. Соответствующие установки, ценностные предпочтения, стереотипы поведения формируются ненавязчиво, без сопровождения философского флера, рефлексии, а как бы под воздействием точечного массажа. В ходу зрелища, театральная символика, памфлетно-детективный жанр, полуанекдот, фарс; идеология все больше ориентируется на видео, телепередачи, музыку, пение, воздействие идет не на интеллект, а на подсознание».

Конец перестройки был совмещен с моментом смены поколений, причем смены кардинальной — пришло активное поколение людей, не знавших и не прочувствовавших войну, не знакомых с тяготами восстановительного периода. В обществе господствующее положение заняли люди, которые *всю жизнь были сыты*. Оказалось, что это совершенно иное общество, многих простых вещей оно не понимает, и объяснять их надо на каком-то новом языке. В этих условиях «отказ» идеологической машины КПСС при выраже верхушки произошел моментально, с разрывом непрерывности — даже до кадровой чистки редакций. Консерваторы не были готовы к сопротивлению и не использовали даже тех немногих возможностей для общественного диалога, которые имелись.

Напротив, персонал СМИ оказался на удивление хорошо подготовленным для применения технологий манипуляции. Этому, видимо, способствовали заблаговременные усилия по изданию в СССР уже в 70-е годы большой серии книг, бывших по сути дела учебными пособиями по манипуляции сознанием (с названиями типа «Техника дезинформации и обмана», «Психологическая война», «Манипуляторы сознанием» и т.п.). В предисловиях они представлялись как книги, разоблачающие методы буржуазной пропаганды, но в общем это были довольно детальные описания этих методов (таких описаний для разоблачения не требовалось). Зато практически не было литературы, посвященной *защите* от этих

методов. В общем, персонал, владеющий методами манипуляции, в СССР имелся, и в годы перестройки он смог наконец применить свои знания и умения.

В ходе углубления конфликта в стране этот персонал как особая социальная группа также раскололся, хотя и не в той пропорции, что остальная часть общества. После довольно жесткой кадровой чистки корпус журналистов, в общем, представляет собой вполне однородную группу, строго соблюдающую «партийную» дисциплину. Те журналисты, которые находятся в оппозиции к режиму реформаторов, практически вытеснены из сообщества или занимают в нем маргинальное положение. В гражданском обществе социальные сдвиги порождают расколы относительно неглубокие, так что сохраняется возможность диалога и компромисса. В идеократическом обществе раскол приводит к возникновению двух тоталитарно мыслящих групп, которые просто игнорируют существование противника и не принимают его интересы как допустимые. Конфликт приобретает почти религиозный и «расовый» характер. В СССР было декларировано даже возникновение нового этноса («новые русские»). Отсюда — аномальная жестокость победителей, которой в принципе было невозможно ожидать в стабильное время. Это отразилось на деятельности СМИ и особенно телевидения. Видимо, потому, что, в отличие от печатной продукции, оно летуче, как эфир. В настоящее время ни рядовой телезритель, ни организации оппозиции не в состоянии зафиксировать продукт телевидения и предъявить его для какого-то суда и даже дебатов. До сих пор телевидение как отправитель сообщений практически не ограничено никакими нормами и полностью неуязвимо по отношению к недовольству получателей сообщений.

Во многих своих передачах телевидение доходит до информационного садизма. Это глумление в дни праздников над тем, что отмечают и вспоминают большинство граждан. Это издевательство над дорогими для многих образами и символами. Это очернение их друзей и злорадство их бедам. Россия — единственная страна, где огромное число граждан жаждут отомстить ведущим телевидения, где телецентр приходится охранять с помощью военной силы. Одно это показывает, сколько обиды накопилось в душе у людей, которые подвергались издевательствам¹.

Вопрос о том, какую роль играет телевидение в восприятии мира, в формировании человека и, значит, общества, стал одним из важнейших вопросов в России. Но открытого разговора на эту те-

¹ От многих приходилось слышать, что люди инстинктивно ищут и создают себе психологическую защиту от ведущих телевидения через ненависть. Глядя на глумящихся над ними в полной безопасности ведущих или обозревателей, они про себя периодически шепчут: «Чтобы ты сдох! Будь ты проклят!» Это признак тяжелого кризиса.

му нет. Деятели телевидения и философы-демократы ни разу не объяснились с обществом, даже после расстрела людей у дверей телецентра в 1993 г. Никто не поставил вопрос: почему толпы людей несколько лет с яростью рвались к дверям телецентра, чтобы сказать *что-то*. Телевидение получило мощную охрану с надежными пулеметами, и больше его деятелей ничто не волнует¹.

В разгар войны в Чечне в 1995 г., когда телевидение вновь вызвало ярость самых разных людей, обозреватель НТВ Е. Киселев воззвал: «Не казните гонца, он приносит вам те вести, какие есть!» И сразу возникли сомнения. Гонец ли телевидение или что-то иное? Те ли вести, что есть в действительности, нам приносит этот «гонец» — или он их фабрикует по своему усмотрению? Получает ли он при этом какую-то власть над нами, незаметно лишая нас определенных видов свободы, манипулируя нами, или телевидение действительно нейтрально? Рассмотрим эти вопросы в форме кратких утверждений.

1. Телевидение определенно приняло манипулятивную семантику и риторiku — язык, стиль, эстетику, темп и построение программ. Оно постоянно и последовательно сокращало время, а потом и ликвидировало познавательные, рассудительные и восстанавливающие здравый смысл людей передачи. Оно ввело в практику непонятные, нервирующие, порой кажущиеся безумными заставки (глаз, шестерни, падающие со стула клоуны, дерущиеся деды-морозы и т.д.). Ткань передач стала разрываться рекламой, так что даже художественные произведения утратили свою восстанавливающую сознание силу (важные в советском телевидении передачи лучших спектаклей драматических театров вообще исчезли). В целом телевидение взяло на себя роль силы, подрывающей способность людей к рациональному логическому мышлению, стало инструментом *обскурантизма*. Эфир заполнили астрологи и предсказатели — в масштабах, совершенно не соответствующих реальному распространению этих суеверий в российском обществе начала 90-х годов. Телевидение *внедряло* эту субкультуру в массовое сознание.

Программы новостей нагнетают *нервозность* (о которой писал Марат), а программы на исторические темы в основном имеют целью разрушение образа прошлого, проявляя при этом поразитель-

¹ 4 ноября 1998 г. член фракции КПРФ в Госдуме депутат А. А. Куваев выступил с критикой в адрес ведущих ряда телепрограмм каналов ОРТ, РТР и НТВ российского телевидения. Представив в эфире эту критику несколькими вырванными из контекста фразами, руководители этих телеканалов зашумели о защите свободы слова и даже безопасности самих журналистов. Это была низкопробная подмена предмета, на разговор хозяева телевидения не пошли. Нелепо приписывать какой бы то ни было партии желание подорвать сам институт телевидения. Это равносильно тому, что человек, говорящий о коррупции генерала Кобеца, был бы обвинен в том, что он — враг российской армии.

ную бестактность и дурной вкус (чего стоит «фильм» Лобкова о Мавзоле, где он с важным видом в белом халате пишет на доске формулу уксусной кислоты). Само глумление над элементарным вкусом и элементарными школьными знаниями стало особой программой по разрушению культурного ядра. Предельно примитивны и пошлы мелкие провокации типа *reality show*, имитации сенсационных открытий и «расследований», например: Е. Масюк, проваливаясь в снег, идет ночью в Измайловском парке к месту, где, «как стало известно НТВ», некие террористы закопали сумку с радиоактивными веществами. Да, сумка есть. Желтая. Суют к ней какой-то прибор, стрелка отклоняется. Какой ничтожный спектакль! Как жаль искреннего, глубинно честного человека, который верит этому спектаклю — просто потому, что у него в голове не умещается мысль о том, что образованные люди могут так подло врать.

Выполняя задачу постоянной дестабилизации общественного сознания, ведущие телевидения, скорее всего, уже и сами не замечают, какие недопустимые вещи говорят — произошел отрыв телевидения от обыденной культуры. 26 января 2000 г. произошла тяжелая катастрофа на железной дороге, погиб помощник машиниста. Ведущий дает ернический комментарий: «На российских железных дорогах катастрофы обычно происходят из-за того, что машинисты и их помощники засыпают за ручками управления». Какова терминология: *обычно!* Одно это слово придает фразе такое звучание, что у зрителя создается подсознательное ощущение, будто катастрофы в России — обычное дело.

Тема разрушения и гибели стала главной на телевидении. Ни расстрел Дома Советов, ни театральный взрыв президентского дворца в Грозном в 1995, показанный телекомпаниями всего мира, не были бы нужны, если бы они не могли быть показаны по телевидению. Все эти акции были тщательно подготовленными сценами, смысл которых — именно их трансляция в каждый дом. Господствующее меньшинство создает «общество спектакля», снимающее все психологические защиты.

2. Уже в конце перестройки телевидение отбросило элементарные нормы профессиональной этики и стало «создавать реальность», фальсифицируя факты самым грубым образом. Вот типичный случай. 22 июня 1992 г. около Останкино собрались тысячи две человек, отделенные от телецентра 10-тысячным кордоном ОМОНа, собак, грузовиков. Наблюдая это зрелище, я обратил внимание на телеоператора с умным интеллигентным лицом. Он внимательно рассматривал толпу и, найдя особенно колоритную и непривлекательную фигуру (возбужденную растрепанную женщину, убогого или явно ненормального человека), продвигался к ней и долго снимал своей камерой в разных ракурсах. Постояв около него минут пятнадцать, я подошел и спросил, не чувствует ли он моральной

ответственности за явное искажение реальности, дезинформацию общества, да еще ведущую не к умиротворению, а к расколу. Он не ожидал «такой постановки вопроса» и даже смутился, начав что-то лепетать о жанре телеискусства. Но в следующий момент появились человек пять обычных с виду молодых в штатском и оттерли меня от «деятеля телеискусства». Сегодня разница с тем репортером только в том, что нынешние уже не краснеют.

А как делались телерепортажи о Чечне — и в 1995—1996 гг., и сегодня? Вот тропинка вдоль разрушенного дома, вдалеке от боя. По этой тропинке бегут какие-то люди, за ними следует камера. Камера дергается, люди выпадают из кадра, сбивается фокусировка. Все так, будто оператор, в страшном волнении, под огнем снимает реальность. Создается мощный эффект присутствия, мы как будто вброшены в страшную действительность Чечни. Но ведь это трюк, который должен имитировать реальность! Описан во всех учебниках телерекламы и телерепортажа. Камера дергалась и сбивалась с фокуса только для того, чтобы создать иллюзию боевой обстановки. Это дешевый прием телерепортера, манипулирующего сознанием зрителя, — *reality show* (имитация реальности). На Западе его постоянно применяют в полицейских роликах, чтобы имитировать сфабрикованную задним числом съемку поимки бандитов или дорожной катастрофы. При этом зрителя и не обманывают, будто это натурная съемка, но сильнейшее эмоциональное воздействие от иллюзии достоверности достигается¹.

Как уже говорилось, новое эффективное оружие, открытое психологами, — соединение рекламы с «объективным» телерепортажем. Против обеих этих вещей по отдельности может устоять сознание, но оно беззащитно против их комбинации. Потому так резок водораздел между советским телевидением, отвергавшим это открытие культурологов, и демократическим телевидением, которое взяло его на вооружение. И это воздействие таково, что те силы, которые контролируют телевидение, могут не просто манипулировать сознанием огромных масс телезрителей, но и на время разрушать его, как бы «отключать». Телевидение в России стало не только злоупотреблять рекламой для «дробления» любой существенной информации, но и дало экран для рекламы предельно агрессивной и идеологизированной. Часть ее прямо содержала радикальный политический смысл, используя образы и символы советского про-

¹ Этот прием был введен в практику радио немецкими фашистами — они специально инсценировали всяческие «накладки», чтобы создать образ бесхитростных, неуклюжих людей. Примитивный, но действенный прием «захвата аудитории». В отношении телевидения давно обнаружено, что искажения на экране телевизора, вызванные работой оператора в реальных условиях, не только не снижают силы воздействия на зрителя, но даже наоборот — создают ощущение большей подлинности репортажа.

шлого, другая часть разрушала общекультурные символы (например, многие рекламные сообщения были построены на безобразном гротескном образе учителя). И вся реклама в целом стала агрессивным внедрением в сознание ценностей эгоизма и потребительства. *Не дай себе засохнуть!*

3. В СССР и России в ходе «демократической революции» телевидение было использовано для атаки на все возможные табу и запреты — как инструмент «разрушения культурного ядра» нашего общества. После достижения первой политической цели телевидение, однако, не прекратило ударов по общественной морали. Перед ним стоит еще более крупная и длительная работа: обеспечить реформаторам «культурную гегемонию», которая необходима им для легитимации нового социального порядка. Поскольку никакой привлекательной идеологии у них нет, им приходится обращаться к нездоровым сторонам подсознания и усиливать развращение зрителя — чтобы он уже не мог оторваться от кормящего его манипулирующими сообщениями телевидения. Так торговец наркотиками устанавливает свою гегемонию среди подростков трущоб.

Во время дебатов при подготовке передачи «Суд идет» на НТВ председатель Фонда защиты гласности А. Симонов ответил мне на этот тезис, что, если людям не нравятся безнравственные передачи, они могут закрыть глаза и заткнуть уши (он привел африканскую поговорку в этом смысле). Я пояснил очевидную вещь: люди не могут обойтись без информации и вынуждены держать глаза открытыми. При той скудости информационного рациона, что установило телевидение, его политика стала разновидностью известной пытки — давать заключенному селедку, а потом кружку воды с мочой. Не нравится — не пей. Защитник гласности обиделся и сказал, что не понимает, кто же тут селедка (думаю, что он зато прекрасно понял, что же тут моча).

Тот факт, что на телевидении работают отнюдь не порочные, культурные и интеллигентные люди, прямо указывает на целенаправленный и преднамеренный характер передач, разрушающих обыденные нормы нравственности. Кто такой А. Яковлев? Образованный человек, имеет семью, души не чает во внуке. Судя по всему, ему чужды низменные страсти. Почему же он, будучи руководителем российского телевидения, открыл его для порнографии, примитивных фильмов ужасов? Потому что подрядился разрушать «культурное ядро». Для этого надо погрузить в духовную грязь половину населения, особенно молодежь. А поскольку все здоровое в человеке против этого протестует, Яковлеву и его подручным необходима такая свобода, когда никто не имеет права подойти к телевидению с этическими мерками. Поэтому такой отпор получила попытка Госдумы учредить Совет по нравственности на телевидении.

4. Одно из фундаментальных культурных табу, которое планомерно разрушалось телевидением, состоит в запрете на показ таинства смерти вне негласно установленного нравственными нормами ритуала. Осмысление смерти — одна из труднейших проблем человеческого бытия. В течение жизни зрелище смерти дается человеку малыми, «точно отмеренными» порциями, и всегда это потрясение. За тысячелетия культура вплела эти «порции смерти» в такую плотную ткань норм и процедур, что потрясения от зрелища смерти не разрушают, а укрепляют человека. Телевидение же вводит зрелище смерти в дом каждой семьи вне всяких норм, в огромных количествах и в самом неприглядном виде. С утра до вечера на нас обрушивают поток образов смерти — катастрофы, похороны, убийства, морги. И нормальный человек погружается в состояние непрерывного шока.

Именно «репортаж из морга» заснял журналист «Известий» О. Блоцкий для продажи немецкому ТВ. Это важный инцидент, который произошел в феврале 2000 г. в Чечне, где Блоцкий сделал видеозапись работы похоронной команды. Есть ли тут преступление против морали? Да, есть. Ибо он снимал те дела, которые человек видеть не должен. Понимаю, что это жестоко, но предлагаю О. Блоцкому представить себе, что у него умер дорогой для него человек, а кто-то с ТВ пришел с камерой в морг и заснял на видео все то, что служители и патологоанатомы делают с телом этого человека. Заснял, а потом показал всему свету по ТВ. Блоцкий скажет, что на него бы это не подействовало? Тогда он выродок рода человеческого. Это что касается самого факта съемок запретного зрелища — независимо от продажи пленки.

Многие помнят кадры растерзанных тел, привезенных из Бендер, после которых ТВ сразу дало рекламу шампуня «Видаль Сасун». А потом была Чечня 1995—1996 гг. — репортеры НТВ пять дней подряд позировали перед телом убитого в Грозном солдата российской армии, показывали на него пальцем и критиковали Грачева за то, что тот не забирает у Дудаева тело. Все рассуждения об ошибках командования, бездарности министра и т.д. на этом фоне были несущественны, главным был показ этого трупа, превращение его в реквизит — потрясающее насилие над совестью¹. Как следует понимать цели организации, сотрудники которой пять дней пока-

¹ На тех дебатах на НТВ я привел этот факт, обвинив НТВ от своего имени как зритель, который был подвергнут духовной пытке. После этого мне несколько раз звонили сотрудники НТВ, выясняя, имею ли я документальные подтверждения передачи таких кадров, — они, мол, никак не найдут их в архиве. Я указал им даты, когда прошли эти передачи (думаю, они и сами их прекрасно помнили). Звонки кончились, когда я предложил обратиться в штаб Внутренних войск, солдаты которых тогда разбили камеру у телерепортеров.

зывают стране (и, возможно, родителям погибшего) тело павшего солдата, вместо того чтобы первым делом предать его земле?

А в Москве телевидение крупным планом, смакуя ракурсы, показало погибшего в Чечне полковника МВД. Да еще с фарисейскими приговорками. Кто позволил выставить усопшего, не убранного со всеми ритуалами, на обозрение десяткам миллионов? Возмущение репортеров враждебностью военных в Чечне было наигранным, ибо эта их нормальная реакция предусмотрена учебником. Что должен думать солдат, в мыслях готовый к смерти, когда видит человека с видеокамерой и жвачкой во рту? Как искусно этот тип заснимет его изуродованное тело? Надо было поражаться сдержанности солдата, а не ныть о поломанных камерах.

Изменилось ли положение с тех пор? Почти нисколько. 24 января 2000 г. ТВЦ дал репортаж о лаборатории ростовского госпиталя, в которой проводят идентификацию неопознанных тел погибших в Чечне военных. Мы видим фотографии молодых людей крупным планом — так, что их не могут не узнать их близкие. А потом — кадры с со стоящими на полке черепами. Черепами погибших сыновей и братьев телезрителей. Следом — кадр с лежащей около микроскопа печенью. Что должны подумать близкие тех, кто погиб в Чечне? Может быть, это печень родного им человека? Затем — кадр с полусожженным трупом. В целом — недопустимое с точки зрения культурных норм «введение морга в жизнь», которое вызывает шок у нормального человека. Все это для того, чтобы под защитой этого шока внушить чисто политическую идею о ненужности войны в Чечне. Неважно, справедлива или нет политическая сверхзадача, примененная телевидением технология манипуляции сознанием *преступна*.

Зрелище смерти явно использовалось телевидением для стравливания народов в целях «растаскивания» полуразделенной «империи зла». Эта концепция достаточно хорошо отражена в текстах идеологов этого проекта, телевидение выполняет практическую задачу воздействия на сознание. За один день я по разным программам восемь раз увидел отрезанные головы четырех русских пограничников и услышал, что это таджикские *мусульмане* мстят за действия *русских* в мусульманской Чечне. Кто в этом эпизоде телевидение — «гонимец» или соучастник давно ведущегося проекта — раскалывания России по линии русско-мусульманского конфликта? Видимо, соучастник. Одна бригада специалистов нанимает группу «мусульман» (как правило, из маргинализованных элементов, никакого отношения к исламу не имеющих, — это изучено арабскими социологами в аналогичных ситуациях в Алжире) для того, чтобы они перешли границу и устроили гнусный спектакль с телами наших солдат. По всем канонам «перформанса». А уже рос-

сийское телевидение берется донести это зрелище до каждой русской семьи, да по несколько раз¹.

5. В своей идеологической работе телевидение использует запретные, разрушительные для сознания технические приемы. Например, к информации о парламентских партиях России подвергается видеоряд с изображением нацистов, Гитлера и т.п. — известный и недопустимый в мирное время прием психологической войны (канализация ненависти к Гитлеру на политически неугодные фигуры). С. Доренко, показывая портреты своих политических противников (впрочем, возможно, у него и нет политических противников, он работает как профессионал), манипулирует с их образами — замещает лица образами черепов и т.п. В любом правовом государстве в законах о телевидении есть норма *неприкосновенности личного образа*. Она объявляет подобные манипуляции *преступлением против личности*. Скорее всего, Доренко осведомлен об этом, но пользуется безнаказанностью, предоставленной ему политическим режимом. Демократия...

Кстати, травля Чубайса на ОРТ (С. Доренко) в 1998 г. — как бы ни относиться к самому Чубайсу — показывает, что телевидение выполняет заказы теневых хозяев и может стать инструментом в психологической войне не только политического, но и криминального характера. Травля Лужкова и Примакова во время выборов 1999 г. была не менее гнусным зрелищем — опять же, независимо от отношения к этим личностям как политическим деятелям.

Это — о технологии, перейдем теперь к *направлению* манипуляции. Известно, что телевидение оказалось узурпировано малой социальной группой, агрессивно настроенной против большинства аудитории². Известно также, что почти все ведущие (Е. Киселев, Н. Сванидзе и др.) занимают крайне *антисоветскую* позицию и поддерживают то или иное крыло нынешних реформаторов. Это их личные убеждения, которые они имеют право выражать лишь в

¹ СССР пережил длительную и тяжелую войну с басмачами в Средней Азии. Там всякое бывало, но не было задачи стравливать русских с мусульманами, и никто не сыпал соль на раны, рассказывая об отрубленных головах. Потому-то ту войну наши народы преодолели. Сегодня мы видим совсем другую установку.

² Известно, что около 85% населения России не поддерживает радикальное крыло реформаторов (Гайдара, Чубайса и др.) и не поддерживает антисоветские установки этих радикальных политиков. С 1991 г. в бывших соцстранах и всех республиках СССР проводится крупное международное исследование «Барометр новых демократий». Вот выводы руководителей проекта Р. Роуза (Великобритания) и К. Харпфера (Австрия), опубликованные в августе 1996 г.: «В бывших советских республиках практически все опрошенные положительно оценивают прошлое и никто не дает положительных оценок нынешней экономической системе». Если точнее, то положительные оценки советской экономической системе дали в России 72%, в Белоруссии 88% и на Украине 90%.

небольшой части эфирного времени, в принципе, пропорционально той доле общества, которые эти убеждения разделяет. Они же делают свои установки главным мотивом информации, используя видеоряд, терминологию, интонацию и мимику для того, чтобы опочернить образ советского прошлого, включая его историю, праздники и символы.

В конце перестройки и в ходе реформы средствами манипуляции сознанием был искусственно углублен возникший на социальной почве раскол в обществе. Это стало важным фактором обострения кризиса. Радикальные тележурналисты, стоящие на антикоммунистических позициях, продолжают углублять раскол, используя введенные им технологии, внедряя в сознание, укрепляя и эксплуатируя ложные стереотипы¹.

Можно говорить и об *антирусской* позиции ряда ведущих телевидения и самого телевидения как института. Начнем с «мягких» проявлений. Налицо явная деформация образа современной культуры России. Критерием допуска к эфиру стала исключительно политическая позиция того или иного деятеля. Если судить по телеэкрану, единственными носителями культуры театра являются Марк Захаров и Олег Табаков, но зритель практически не видит, например, Т. Дорониной. Нет доступа к эфиру ведущим русским писателям (В. Распутину, В. Белову и др.).

Показателен инцидент с показом в ноябре 1997 г. на НТВ фильма М. Скорсезе «Последнее искушение Христа» — вопреки корректной просьбе Русской Православной Церкви воздержаться от показа. В своем заявлении Патриарх и Священный Синод просили «не провоцировать в обществе внутренний конфликт в столь непростое время» и взывали к «гражданской совести и нравственному чувству руководителей телекомпании НТВ». Примечательно, что к этой просьбе Православной Церкви присоединился Союз мусульман России — в его заявлении сказано более определенно: «Решение НТВ является тем Рубиконом, перейдя который компания окончательно разрывает остатки незримого джентльменского соглашения, существующего между нею и российской общественностью касательно нравственных аспектов жизни». Даже удивительно, как можно было не откликнуться на такие просьбы. Демонстративное решение НТВ сопровождалось глумливыми аргу-

¹ Одним из множества примеров может служить тема сталинских репрессий. После того, как были раскрыты архивы, несколько независимых групп исследователей перекрестными методами установили достоверную картину. Но до сих пор до эфира не допускаются не только специалисты, но даже официальные лица, готовые довести достоверную информацию до сведения общества. Ее сокрытие и явная каждодневная ложь о «миллионах расстрелянных» служат одной цели — углублению раскола и противостояния.

ментами: мол, некие люди (прямо скажем, далекие от православия) «смотрели фильм и не нашли там ничего антихристианского». Очевидно, что в вопросах веры их мнение ничтожно. Показ фильма был сознательной акцией по расколу общества¹.

Во время войны в Чечне 1999—2000 гг. (а уж тем более в 1995—1996 гг.) антирусская позиция телевидения выразилась в прямом участии в психологической войне против России. Подавляющее большинство видеоклипов из Чечни представляли зрелище взрывов, обстрелов, разрушений и гибели. Между тем давно стало известно, а большими исследованиями во время войны в Персидском заливе было строго доказано, что видеоряд, показывающий последствия войны, оказывает сильнейшее воздействие на подсознание, которое восстанавливает общественное мнение против стороны, совершившей акт разрушения. Это — независимо от сознательного отношения к целям войны. Поэтому, например, телевидение США во время войны в Заливе показывало только те фазы действий, в которых отсутствовал образ их последствий. Ни одного кадра с видом разрушений в Ираке! Совершенно иными были репортажи из Чечни российского телевидения.

Другой срез этой позиции показали инциденты с Бабицким и другими телерепортерами и то, как все телеканалы стремились увести внимание общества от сути этих инцидентов.

Как уже говорилось в гл. 7, абсолютно неприемлемо представлять эфир террористам, если с терроризмом хотят бороться, а не помогать ему. Бабицкий — репортер радио «Свобода» и вещал из лагеря чеченских боевиков как их средство информации. Главное в деле Бабицкого — его пребывание у боевиков, которое демократы представили как право и даже обязанность журналиста.

Да, иностранные журналисты не вылезали из отрядов боевиков (кстати, неизвестно, на каком основании). Но не только иностранные. Репортер государственного агентства ИТАР-ТАСС В. Яцина направился в Чечню, чтобы, как сказано в прессе, «снять репортаж из лагеря боевиков для одного из канадских изданий». Возможно, он поплатился за это жизнью, но это не снимает вопроса. В. Путин представляет дело так, что Бабицкий «просто продает свой продукт на рынке информации, и делает это неплохо». Нет, г-н Путин, Бабицкий, Яцина, Блоцкий и др. продают не обычный продукт, не ботинки или сосиски, а оружие в информационной войне против России.

Право Бабицкого быть в рядах бандитов и вещать оттуда «сводную информацию» — ложь. Такого права на самом Западе не

¹ Замечательно, что скандал в связи с показом фильма был организован НТВ именно 7—8 ноября — в дни, глумливо объявленные «Днями национального согласия и примирения».

существует. Именно этот факт замалчивается сегодня российским ТВ и политиками, а попутными скандалами нас просто уведат от проблемы. Так же отводят нас от сути дела О. Блоцкого из «Известий», который снял мерзкую пленку и продал ее немецкому ТВ. На нас вылили поток бредовых проблем. Был или не был поблизости немец-покупатель? Нарушены или нет авторские права Блоцкого? При чем здесь они? Что бы изменилось, если бы на немецком ТВ сказали, что сюжет снимал герр Блоцкий? Ничего. Он прекрасно знал, что эту пленку у него покупают, чтобы возбудить у западных обывателей антирусские чувства. Не надо притворяться идиотом, иного смысла в показе этих кадров и быть не могло, и увольнение из немецкой телекомпании жалкого плагиатора Хефлинга дела не меняет и этих чувств не снимает.

Как специалист, Блоцкий не мог не знать, что даже нейтральный видеоряд делает убедительным любой комментарий, а уж такая картинка, которую раздобыл он, прямо будет бить по России. Выше был описан случай, когда цель передачи достигалась даже при полном противоречии текста видеоряду (Си-Би-Эс показала фильм об успехах КНДР, но с другим закадровым текстом — и фильм воспринимался как радикально антикоммунистический). Блоцкий и покрывающая его газета «Известия» — соучастники прямой и совершенно неприкрытой антирусской акции, причем он даже получил за это деньги. Политики, которые что-то мямлили не по сути проблемы, действовали как их прикрытие¹.

Теперь о том, как выполняет телевидение свою положительную социальную функцию.

К телевидению, которое стало центром коммуникаций, люди по инерции относились как к форуму, на котором можно будет услышать разные мнения. На деле общество в лице телевидения имеет центр программирования мнений, тоталитарность которого лишь слегка замаскирована демонстрацией борьбы разных группировок существующего политического режима. Так, телевидение определено и жестко занимает *антипарламентскую* позицию, поскольку из-за большого числа депутатов никак не удавалось сделать Госдуму полностью контролируемой, даже при отсутствии у нее реальной власти. Все репортажи из Госдумы давались телеви-

¹ Наконец, о той жестокости войны, которую, как ни крути, заснял Блоцкий. Запад нахмурил брови, и все бросились оправдываться. Ах, тащить труп по грязи было неудобно, и его поволокли на тросе! Ах, ухо оторвалось по дороге. Какая гадость. Никакого права лезть в гуманитарные проблемы мы за США признавать не должны. Не имеют они такого права, и сами это знают. Если уж на то пошло, то можно было сунуть Олбрайт под нос фотографию, из которой видно, как американцы эвакуировали свои трупы из джунглей Вьетнама. Садиться боязно, так бросали с вертолета трос, цепляли за ноги гирлянду трупов и тащили прямо по воздуху. Что у них там отрывалось при посадке, можно себе представить.

дением с враждебной или глумливой интонацией и с практически полной деформацией сути обсуждаемых вопросов. Никаких определенных сведений и аргументированных мнений нельзя узнать через телевидение, например, по такому важному вопросу, как купля-продажа земли. Ясно, что телевидение, контролируемое властью и «олигархами», играет важную роль в пропаганде частной собственности на землю. Но все правила приличия в этой пропаганде отброшены. Вот, в Саратовской области уже три года как введена свободная продажа земли. К каким результатам это привело? Кто купил землю? По какой цене? Что на ней выращивает? Какие урожаи? Никакой информации за три года не просочилось. Когда велась реформа Столыпина, власть тоже вела пропаганду приватизации земли. Однако в российских газетах регулярно публиковались сводки с ответами на названные выше вопросы. Наблюдение за ходом реформы велось МВД и Вольным экономическим обществом, никакой скрытности не было.

Используя все средства манипулятивной риторики (дробление, срочность, сенсационность), телевидение создало практически тоталитарный фильтр, лишаяющий население России минимально необходимой информации о реальности. Это лишило огромное число людей последних крох возможности сознательного волеизъявления и отношения к будущему. Половина населения не участвует даже во всеобщих выборах, а на местные выборы с трудом набирают четверть избирателей (часто и не набирают). Красноречивым эффектом манипуляции стало «создание» В. В. Путина без того, чтобы люди услышали от него хотя бы десяток фраз связного текста. Телевидение представило обществу коллаж из отдельных, вырванных из контекста фраз или даже обрывков фраз. Равнодушно принятие искусственно созданного образа «будущего президента» означает, что в обществе исчезли всякие надежды на демократическое жизнеустройство¹.

В условиях кризиса, когда жизнь непрерывно и резко меняется, люди насущно нуждаются в информации из других мест, где произошли в чем-то подобные изменения. Из этого опыта люди хотят получить полезные сведения, чтобы выработать лучшую линию своего поведения. Они хотят знать, как шла приватизация в Венгрии, что сделали с колхозами в Литве, какие способы сохранения своей национальной идентичности нашли русские в Латвии. Телевидение поставило заслон именно нужной людям информации.

¹ Пессимизм виден уже в том, что люди считают за благо *неизвестность* действительных намерений и программы В. В. Путина. Именно неопределенность дает надежду на хоть на какой-то шанс положительных изменений. Это означает, что всякая возможность граждан влиять на ход событий в стране, по их мнению, утрачена.

После «объединения» двух Германий поначалу много говорилось о счастье «осси» — восточных немцев. Потом как-то эти разговоры затихли, как будто этих немцев и не существует. А ведь нам было бы важно знать, что там происходит — ведь ежегодно в бывшую ГДР в виде помощи «осси» вкладывается по 100 млрд. марок. Вот где счастье! Но вся российская пресса, не говоря уж о телевидении, умолчала о красноречивом докладе, опубликованном в 1994 г. За четыре года после поглощения ГДР рождаемость на этих землях упала более чем вдвое! Как сказано в сообщении агентства «Эфе», излагающем данные доклада, «социальная нестабильность и отсутствие будущего привели к головокружительному росту добровольной стерилизации восточных немцев — более чем на 2000% за четыре года».

Вместо передачи сбалансированной информации о реальных событиях и представления всего спектра мнений усилия телевидения направлены на формирование общественного мнения, с недопустимым уровнем манипуляции. Вот лишь немногие темы.

Большинство граждан положительно относится к сближению Белоруссии и России, проявляет благожелательный интерес к состоянию белорусской экономики и политике Лукашенко. Вопреки этому, телевидение практически не давало информации о главном — о причинах признанных даже на Западе очевидных успехов Белоруссии в социальной и экономической сфере (быстрый рост промышленного производства, бездефицитный бюджет и отсутствие невыплат зарплат). Экран был заполнен репортажами о скандале с Шереметом и демонстрациях малочисленной оппозиции¹. Более того, периодически вспыхивала кампания настоящей травли Лукашенко — президента союзного государства, имеющего очевидную поддержку большинства населения.

В ходе войны в Боснии и агрессии НАТО против Югославии в 1999 г. основные ведущие телевидения заняли откровенно анти-сербскую позицию. Ориентация на Запад — дело личного выбора, но даже западное телевидение не допускало такой предвзятости. Невероятно, но факт: российское телевидение ни разу не предоставило эфир даже самому умеренному сербскому политику или дея-

¹ Восприятие дела Шеремета в среде нашей демократической интеллигенции должно было бы стать предметом культурологии и социологии. Очевидно, что Шеремет — провокатор, о чем он сам говорил на суде в Белоруссии (он пересекал под объективом телекамеры границу с Литвой с целью доказать, что пограничная служба неэффективна, или попасть под суд с устройством скандала; согласно самой строгой дефиниции, это и есть *провокация*). Пожалуй, впервые в истории провокатор стал объектом горячих симпатий интеллигенции. Это отнюдь не банальное событие.

телю культуры для спокойного изложения сути происходящих в Югославии событий¹.

Столь же откровенной являлась начиная с 1990 г. антииракская позиция ведущих телепрограмм. При этом речь вовсе не идет о симпатиях или антипатиях к Саддаму Хусейну, проблема фундаментальна. Во всем мире идут дебаты о блокаде Ирака как выражении Нового мирового порядка, как важном политическом и даже культурном эксперименте. Впервые после Второй мировой войны большая человеческая общность (население Ирака) использована в качестве заложников для давления на противника. Российское телевидение, полностью замалчивая эти дебаты и не сообщая данные, предоставленные ООН комиссиями виднейших ученых мира, блокировало наше общество от получения важной информации, которая имеет свободное хождение на Западе.

Сужение потока информации наносило населению России и прямой экономический ущерб. Во время подготовки и проведения приватизации по схеме Чубайса была установлена настоящая информационная блокада — к эфиру не были допущены специалисты, предупреждавшие о губительных последствиях «приватизации по Чубайсу». В результате этой блокады подавляющее большинство граждан не знали и не понимали сути и процедуры программы приватизации, телевидение не дало слова даже нейтральным специалистам, которые могли бы доходчиво и внятно объяснить людям их интересы и возможности. Как выяснилось, даже профкомы предприятий были дезинформированы относительно прав работников. Таким образом, телевидение стало соучастником акции, которая нанесла государству, обществу и частным гражданам большой вред.

Главные телеканалы послужили прикрытием огромной аферы недобросовестных банков по созданию финансовых пирамид. Тем самым они стали соучастниками в ограблении десятков миллионов граждан. Заполнив экран вводящей в заблуждение рекламой, эти телеканалы в то же время не компенсировали эту рекламу предупреждающими комментариями. Более того, они не дали доступа к эфиру тем российским и зарубежным специалистам, которые могли бы предупредить вкладчиков и объяснить механизм финансовых пирамид.

¹ В 1999 г. большая часть средств телевидения в России воевала на стороне НАТО против сербов. Специалисты по СМИ могли бы доказать это на любом слушании — просто через структурный анализ видеорядов, текстов и той рекламы, которая подверстывалась к зрелищу взрывов и пожаров. Полезно было бы вспомнить начало войны в Боснии в 1992 г. — тогда были отработаны многие методы и идеи, пущенные в ход в 1999 г.

Точно так же, уже в 1997—1998 гг., главные телеканалы послужили прикрытием аферы с ГКО, которая приняла международный масштаб и привела Россию к тяжелейшему кризису. Телевидение не допустило к эфиру специалистов, предупреждавших о надвигающемся крахе пирамиды ГКО. Более того, не было дано внятных сообщений даже о дебатах в Думе и Совете Федерации по этому вопросу в апреле-мае 1998 года. Получение обществом этой информации позволило бы если не предотвратить крах, то хотя бы смягчить его последствия, а гражданам спасти значительную часть вкладов.

Встав на позицию поддержки радикального крыла реформаторов, влиятельные журналисты превратили телевидение в институт, который демонстративно обслуживает *богатое меньшинство*. Это показывают всеми средствами художественного воздействия. Для контраста даются шокирующие эпизоды из жизни крайне обедневших, маргинальных групп населения — нищих, бомжей, беженцев. Эти эпизоды даются с фальшью, с ерническими комментариями, превращающими бедствие народа в фарс.

Так, прошел пикантный репортаж о высоких доходах «профессиональных» нищих. Элементарные нормы профессиональной этики обязывали хотя бы вскользь сообщить данные социологов о том, что 3/4 людей, просящих сегодня подавание, действительно испытывают острую нужду. Сформировав этим репортажем ложное общественное мнение, его авторы лишили какую-то часть отчаявшихся людей последней помощи, вырвали у них кусок хлеба.

Столь же ернически подают многие ведущие тему бездомности, создавая в общественном сознании ложный образ бездомных как пьяниц или даже романтиков, образ анекдотический, а не трагический. На деле основная масса бездомных — это люди, ставшие жертвой преступных махинаций с их жилплощадью или потерявшие жилье в уплату за долги. Телевидение даже не сообщило, что, несмотря на обещания и даже Указ Ельцина, в Москве, насчитывающей более 100 тысяч бездомных, открыта всего одна ночлежка министерства социальной защиты — на 24 места.

В тех социальных условиях, которые созданы в России в ходе реформы, неминуемы трудовые конфликты, и они будут нарастать. Один крупный конфликт (с шахтерами) страна пережила летом 1998 г. Главные телеканалы заняли позицию, немислимую ни в каком демократическом государстве — они открыто и тотально представляли интересы одной стороны в конфликте. Абсолютно все приглашенные к эфиру «эксперты», внешне даже сохраняя нейтральность, были враждебны к шахтерам. Объясняя, почему шахтеры не должны перекрывать магистрали, никто не предложил им какой-то иной вариант воздействия на работодателей. Пусть бы ска-

зали ведущие телевидения, как, по их мнению, должны были бы поступить шахтеры, чтобы получить заработанные деньги! Ведь большое число шахтеров *покончили с собой* именно с целью привлечь общественное внимание к своему бедственному положению и оказать давление на правительство. Никто с экрана не выразил своей хотя бы просто житейской солидарности с забастовщиками, простого человеческого сострадания их семьям. Разумеется, интеллигенция не могла в полном составе встать в социальном конфликте на сторону властей и капитала против тружеников — такого не может быть ни в какой культуре. Следовательно, телевидение злонамеренно исказило общественное мнение, не дав слова тем, кто поддержал бы и ободрил забастовщиков.

Все эти качества российского телевидения, характеризующие его как институт манипуляции сознанием, проявились уже в конце 80-х годов. Но за прошедшее десятилетие они непрерывно становились все более грубыми и жесткими. Динамика изменений пока что очень неблагоприятна.

Глава 24

УЧЕБНЫЕ ЗАДАЧИ: РАЗБОР ЧЕРНЫХ МИФОВ

Как говорилось в главе 9, черный миф, с которым удастся в массовом сознании связать противников (они — oprичники, инквизиторы, фашисты, сталинисты, мафиози и т.д.), сразу заставляет отшатнуться от них всех колеблющихся. Противники, на которых удалось наклеить ярлык черной метафоры, вынуждены тратить много сил на то, чтобы сорвать ярлык: «Да что вы, какой же я сталинист! Я тоже за демократию и за реформы!» Если такой политик не имеет доступа к телевидению, сделать это практически невозможно. Нередко после периода бесплодных попыток тактику меняют: «Да, я — сталинист!» При этом требуется убедить людей, что этого не надо бояться, что образ Сталина злонамеренно мифологизирован, что в действительности быть сталинистом означает то-то и то-то. Но это — трудноразрешимая задача, поскольку миф потому и живуч, что опирается на взаимодействие сознания и подсознания, на сочетание обрывков достоверной или правдоподобной информации с иррациональной верой в Зло, подкрепленной сильными художественными средствами. В результате партия (движение, народ, страна или даже просто идея), которая решила принять на себя груз черного мифа, оказывается локализованной, окруженной зоной отчуждения. Чтобы преодолеть этот барьер, требуется общее крупное потрясение, ставящее под сомнение всю систему мифов и верований.

Разберем в качестве учебной задачи построение двух черных мифов, которые играли важную роль в перестройке. Один — старый, создаваемый и дополняемый с начала XX века, другой — совсем свежий.

§ 1. Миф о черносотенцах и его активизация в конце XX века

Этот миф относится к категории «черных» мифов. Для нас он важен сегодня по двум причинам. Во-первых, из этого исторического мифа, который уже укоренен в сознании, выводят два «дочерних» современных мифа: о «русском фашизме» и «русском антисемитизме». Оба они — исключительно сильные средства манипуляции сознанием, раскола общества и очернения политических противников внутри страны. В то же время это сильное средство политического давления и в международных делах: страна или политический режим, которые в общественном мнении Запада представлены как носители фашизма или антисемитизма, сразу оказывают резко ослабленными на всех переговорах и во всех конфликтах (это видно на примере Ирака).

Во-вторых, миф о черносотенцах раскалывает оппозицию («красно-коричневых»). Основу объединения оппозиции составляет взаимодействие идеи социальной справедливости с патриотической идеей. Нынешние реформы в России проводятся таким образом, что обе главные идеи оппозиции оказываются охранительными, консервативными — оппозиция прежде всего стремится сохранить от полного разрушения социальные завоевания советского периода и державное государство России. Демагоги получают таким образом возможность провести параллель между консерватизмом нынешней оппозиции и черносотенства начала века, которое было типичным консервативным, охранительным движением, безуспешно пытавшимся спасти российскую монархию от разрушения в революции. Такая параллель сразу создает напряженность в рядах оппозиции, поскольку ее «красная» часть по инерции продолжает верить в унаследованный советской идеологией от революции миф о черносотенцах. Сегодня уже кое-кто может осмелиться и сказать что-то разумное о Сталине. Ему, конечно, депутат Шейнис руки не подаст, но хотя бы «Советская Россия» грязью не закидает. Сказать же что-то разумное о черносотенстве еще нельзя. Это табу.

Миф о черносотенстве создан объединенными усилиями идеологов всего «цивилизованного мира». Поэтому страницы истории, связанные с периодом революции, стали поистине загадочными. В укреплении этого мифа парадоксальным образом соединяются усилия разных и даже враждующих идеологических агентов: идеологи просвещенной западной элиты (например, писатель и культу-

ролог Умберто Эко), радикальные идеологи ельцинизма, кое-кто из авторитетных западных коммунистов (например, американский публицист Майк Дэвидоу) и некоторые деятели новых компартий России (например, А. Фролов из КПРФ и Б. Хорев из РКРП). Кроме того, и ряд историков, которые вынуждены быть осторожными в наше смутное время, предпочитают не замахиваться на официально утвержденный миф.

Этот миф подробно и скрупулезно, опираясь на надежные источники, разбирает В. В. Кожин в ряде статей и двух книгах: «Загадочные страницы истории XX века: «черносотенцы» и революция» (М., 1995) и «Черносотенцы» и Революция» (М., 1998). Эти книги — замечательные образцы нового общественознания, свободного, честного и умного, и их следовало бы прочитать всякому культурному человеку, независимо от его политических установок. Из этих книг здесь я возьму лишь сведения, которые опровергают самые расхожие и привычные утверждения большого и сложного мифа.

Черносотенцы — бранная кличка, введенная их противниками сразу после организации в ноябре 1905 г. «Союза русского народа». Эта кличка прижилась и была принята самими членами «Союза» и близких к нему организаций¹. Начиная с 1906 г. силами либеральной интеллигенции и революционеров был создан тоталитарный «черный» миф о черносотенстве. Уже в 1907 г. «Энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрона» дает определение: «Черная сотня — ходячее название, которое в последнее время стало применяться к подонкам населения... Сами черносотенцы охотно приняли эту кличку, она делается признанным наименованием всех элементов, принадлежащих к крайне правым партиям и противопоставляющих себя *«красносотенцам»*».

Советские словари определяют черносотенцев как «членов огромно-монархических организаций». На деле речь идет о консервативном движении, которое противопоставило себя всем революционным течениям — как буржуазно-либеральным (кадеты), так и социалистическим. Объектом охранения («консервации») для черносотенцев была не только монархия, а все целостное жизнеустройство тогдашней России (выражаемое иногда триадой *«православие, самодержавие, народность»*). Примечательным надо считать тот факт, что нынешние яростные противники социалистической революции остаются еще более яростными ненавистниками черносотенцев (это, кстати, показывает, что ельцинизм ни в коем случае не является проектом реставрации дореволюционной России).

¹ В средневековой Руси (с XII века) «черной сотней» называли, в отличие от «служилых» людей, горожан и свободных крестьян — «земских» людей.

Черносотенство было политическим течением *традиционалистов*, которые выступали против готовящейся масонами-западниками революции, угрожающей именно российской цивилизации. Крупной силой черносотенство не стало, спасти монархию и империю было уже невозможно, но в своих прогнозах лидеры черносотенства были поразительно прозорливы¹. По сути, большевики в Октябре и в Гражданской войне выполнили главный завет черносотенства — восстановили Россию и отвели руки «мировых чубайсов и березовских». Но этот завет оказался выполненным с жертвой монархии и, в значительной степени, православия.

Рассмотрим миф о черносотенцах по частям.

1. Самое простое утверждение: черносотенцы — объединение представителей маргинальных, темных и бескультурных слоев, почти городского дна (подонки или еще говорят «охотнорядцы», т.е. лавочники).

Умберто Эко в «Маятнике Фуко» пишет так о «Союзе русского народа, более известном как черные сотни»: «в «Союз» вербовали уголовных преступников, а занимались они погромами и правотеррористскими покушениями».

А. Фролов трактует черносотенство как продукт «наиболее отсталых слоев крестьянства» — ядовитый цветок, выросший «на почве реального народного протеста против нечеловеческих условий своего существования».

Б. С. Хорев в изданной под его редакцией в МГУ в 1998 г. книге «Население и кризисы. Выпуск 4» (в работе «Евреи в России: краткий обзор») пишет о черносотенном «Союзе русского народа»: «Русский народ со стыдом и ужасом вспоминает разгул этой банды подонков-антисемитов. За 6 и 7 апреля 1903 г. в Кишиневе во время еврейских погромов убиты до 500 человек; в тот же день черносотенцы отличились в Гомеле». В другом месте Б. С. Хорев назвал «Союз русского народа» группой, «сплетенной из богатеев и деклассированных громил».

Известно, что в черносотенстве, в том числе в его высшем руководстве, приняли участие виднейшие деятели культуры России: филологи академики К. Я. Грот и А. И. Соболевский, историк академик Н. П. Лихачев, виднейший византист академик Н. П. Кондаков, ботаник академик В. Л. Комаров (позднее президент Академии наук), врач профессор С. С. Боткин, актриса М. Г. Савина, создатель оркестра народных инструментов В. В. Андреев, живо-

¹ В. В. Кожин выдвигает необычную и проницательную мысль: черносотенство оказалось таким прозорливым в своих предвидениях потому, что уже к 1910 г. его лидеры осознали невозможность остановить революцию в России. Поняв и пережив неизбежность поражения их консервативного проекта, они оказались не связанными никакими политическими интересами и приобрели свободу мысли.

писцы К. Маковский и Н. Рерих, книгоиздатель И. Д. Сытин. К черносотенцам были близки художники В. М. Васнецов и М. В. Нестеров. Как считал Лев Шестов, к черносотенству примкнул бы, будь он жив, Ф. М. Достоевский.

В черносотенстве принимали участие виднейшие представители аристократии, а также иерархи Церкви, в том числе причисленный к лику святых будущий патриарх Тихон и митрополит Антоний (прототип Алеши Карамазова). Наконец, членами Союза русского народа были 1500 рабочих Путиловского завода. Кто здесь «богатеи и громилы»? А если уж помянуть Ленина, как это не раз делает А. Фролов, то следует вспомнить и замечание Ленина о «мужицком демократизме черносотенства, самом грубом, но и самом глубоком»¹.

В. В. Кожин приводит большой список и других выдающихся деятелей культуры, которые или участвовали в деятельности черносотенцев, или были близки к ним по духу. Он делает ясный вывод: *«преобладающая часть наиболее глубоких и творческих по своему духу и — это уж совсем бесспорно — наиболее дальновидных в своем понимании хода истории деятелей начала XX века так или иначе оказывалась, по сути дела, в русле «черносотенства»*. Так что портрет черносотенства, нарисованный и правыми, и левыми мифотворцами — вымысел, причем самый примитивный.

2. Второй тезис мифа: черносотенцы — *это подонки, которые устраивали еврейские погромы*.

Снова вспомним слова Б.С. Хорева: «Русский народ со стыдом и ужасом вспоминает разгул этой банды подонков-антисемитов. За 6 и 7 апреля 1903 г. в Кишиневе во время еврейских погромов убиты до 500 человек; в тот же день черносотенцы отличились в Гомеле».

Спрашивается, каким образом Союз русского народа, созданный в ноябре 1905 г. и до 1906 г. проводивший только закрытые собрания, не участвуя даже в устной агитации, может быть причастен к погрому в Кишиневе в апреле 1903 г.? Почему кишиневский погром должен вспоминать «со стыдом и ужасом» именно русский народ, если в погроме участвовали исключительно молдаване, а предводителем был представитель знатного молдавского рода Павлаки Крушеван?

Откуда известно, что во время погрома 1903 г. убито до 500 человек? Согласно официальному отчету прокурора А. И. Поллана (который, кстати, сочувствовал евреям), всего было убиты 43 человека, из них 39 евреев. Ожесточенное побоище началось после того,

¹ Миф о черносотенстве, созданный силами либеральной интеллигенции и революционеров, был столь тоталитарный, что и речи не могло идти о том, чтобы сказать тогда об этом течении верное слово. Так что ссылки на Ленина с его проклятиями в адрес черносотенства некорректны.

как евреи применили огнестрельное оружие и убили трех погромщиков, в том числе одного ребенка. У погромщиков огнестрельного оружия не было. Кстати, евреи иудейского вероисповедания составляли 46% населения Кишинева. Ход того погрома подробно изложен в 1-м томе «Материалов для истории антиеврейских погромов в России», изданном в 1919 г. известными еврейскими историками С.М. Дубновым и Г. Я. Красным-Асмонди (на С. М. Дубнова ссылается и сам Б. С. Хорев, приводя, однако, совсем другие данные).

Кстати, во втором погроме 1903 г., в Гомеле, «отличились» как раз не черносотенцы, а еврейская самооборона: как только из железнодорожных мастерских вышла толпа погромщиков, туда прибыла еврейская дружина и «выстрелами разогнала толпу». Д. Е. Галковский с иронией замечает: это было не что иное, как «расстрел безоружных рабочих».

Б. С. Хорев причисляет к еврейским погромам и побоища 18—29 октября 1905 г., хотя, как сам пишет, «толпы пьяных дебоширов, ведомых «черной сотней», громили евреев, русских, армян, азербайджанцев, рабочих и др. Только в ста городах убиты четыре тысячи человек...»

Возникает вопрос: откуда следует, что пьяных дебоширов вела «черная сотня»? Согласно левому кадету В. П. Обнинскому, опубликовавшему в 1909 г. большой труд о тех событиях, в октябре 1905 г. «не существовало партий правее конституционно-демократической, и будущие кадры так называемых «монархических» организаций находились еще в распыленном состоянии». Как уже говорилось, «Союз русского народа» возник в ноябре, то есть после октябрьских побоищ, и после его образования в России было всего 3 погрома (в 1906 г.) — два в польских городах и один в латышском, где черносотенцы не имели никакого влияния.

Неверно, что во время октябрьских погромов 1905 г. убиты 4 тысячи человек, как неверно и то, что это были еврейские погромы. Наиболее точные данные собрал историк черносотенства С. А. Степанов. Из них следует, что погибли 1622 человека, из них евреев 711 (43%); ранены 3544 человека, из них евреев 1207 (34%). В Киеве во время погрома убиты 47 человек, из них евреев 12 (25%). С. А. Степанов делает вывод: «Погромы не были направлены против представителей какой-нибудь конкретной нации».

3. Майк Дэвидоу (журнал «Альтернативы», 1996, № 1) пишет: «Погромы были организованы сверху как часть политики отвлечения внимания народа от его действительных врагов — царизма и капитализма... В результате с 1881 по 1903 год в США эмигрировал один миллион российских евреев... Наиболее массовые и страш-

ные погромы произошли в 1905 году вслед за подавлением революции 1905 года. Были убиты тысячи евреев и революционеров».

Как известно, революция 1905 г. была подавлена после декабрьского восстания в Москве, а страшные погромы произошли в октябре 1905 г. Так что Майк Дэвиду тут что-то путает. Как и в других частях своего утверждения. Погромы не могли быть «организованы сверху» просто в силу самой природы Российской монархии как идеократического государства, для которого в принципе неприемлемо использование «неформальных» организаций для насилия против политических противников. Такое насилие — продукт именно демократического государства, которое «стесняется» применять открытое официальное насилие. Именно в «правовом» государстве возникают «суды Линча» и «эскадроны смерти»¹.

На деле и правительство, и церковь, и Союз русского народа, какими бы «подонками-антисемитами» они ни были, категорически осуждали еврейские погромы, а власти жестоко расправлялись с погромщиками. В 1906 г. председатель Союза русского народа в специальном заявлении определил погромы как «преступление».

Майк Дэвиду повторяет распространенное измышление, будто евреи эмигрировали из России из-за черносотенных погромов. Ту же мысль повторяет и Б. С. Хорев: «В конце XIX века началось массовое эмиграционное движение российских евреев в Америку. Бесправию и тяжелой экономической участи они предпочли...» и т.д. (выделено мною. — К-М.).

Из чего видно, что еврейская эмиграция была массовой? С 1880 по 1913 гг. она составляла ежегодно 1% еврейского населения, а его естественный прирост — около 2%. Можно ли говорить о «массовой эмиграции», если как раз за ее период численность евреев в России возросла на 2,3 млн. человек? Никакого отношения к погромам эмиграция не имела: уезжали бедняки, а торговцы, которые и бывали жертвами погромов, составляли среди эмигрантов всего 1%. Никким образом из факта эмиграции не следует, что экономическая участь российских евреев была тяжелой. (Надо понимать, более тяжелой, чем у евреев других стран, и более тяжелой, чем у неевреев — русских, белорусов и т.д.)

Динамика эмиграции российских евреев в США в точности соответствует эмиграции евреев в США из других стран. Более того, эта динамика совпадает с динамикой эмиграции в США неевреев. Следовательно, никаким индикатором особого экономического положения российских евреев эмиграция служить не может.

¹ Питирим Сорокин в книге о России, написанной для американцев, напоминает, что во всех погромах в России погибло меньше людей, чем от судов Линча в США. Но о судах Линча никто и не вспоминает, и для российского демократа США — образец правового государства.

В Российской империи торговцы составляли 38,6% еврейского населения, а торговцы — богатая социальная группа. Согласно переписи 1897 г. почти 3/4 всех торговцев в городах империи были евреи. Значительное число евреев влилось в интеллигенцию, в финансовую деятельность, в ряды владельцев ремесленных и промышленных предприятий. Можно ли в этих условиях говорить о «нарастающем хозяйственном обнищании» и «тяжелой экономической участи» евреев — в сравнении с экономической участью других народов? Все «архивные данные» такому утверждению противоречат.

Б. С. Хорев — известный демограф, и можно было бы ожидать, что он подтвердит тезис о «тяжелой экономической участи евреев» надежным демографическим показателем — ожидаемой продолжительностью жизни. Это именно обобщенный показатель, отражающий социальное положение той или иной общности людей (условия труда, питания, быта, здравоохранения). Такие данные для конца XIX века имеются (они рассчитаны разными способами по материалам переписи 1897 г.). Согласно этим данным, в европейской части России ожидаемая при рождении продолжительность жизни была у мужчин иудеев 45,3 года, а у православных 30,5 лет (у женщин, соответственно, 50,2 года и 31,2 года). Если из православных выделить именно русских, то у них (мужчин) жизнь была короче еще на 3 года¹. У кого же «экономическая участь» тяжелее? Примечательно, что у крещеных евреев, которые включаются в социальную систему православных, сразу же резко снижается продолжительность жизни — у них хуже, чем у иудеев, условия труда и быта.

Б. С. Хорев пишет, что «в черте оседлости евреев, существовавшей в царской России, на протяжении многих десятилетий, с конца 18 века до Октябрьской революции нарастало не только хозяйственное обнищание, но и *демографическое давление*». Как это понимать? Молдаван в Кишиневе жило столько же, сколько евреев, — почему же они «демографического давления» не испытывали? Территория, входившая в «черту оседлости», превышала территорию Германии и Франции, вместе взятых. В каком же смысле эта территория была «тесна» для 3—4 миллионов евреев? Очевидно, Б. С. Хорев применил здесь понятие «демографическое давление» в каком-то ином, необычном смысле.

4. Стало чуть ли не общепризнанным, что черносотенство — движение «подонков-антисемитов».

¹ Вопреки фантазиям некоторых наших патриотов, именно советское время позволило резко сократить это этносоциальное неравенство русских. В 1988—1989 гг. ожидаемая продолжительность жизни была у мужчин евреев 70,1 лет, а у русских 64,6 (у женщин, соответственно, 73,7 и 74,6 лет).

На чем основано определение черносотенцев как антисемитов, если учесть, что виднейшие представители еврейства были в числе организаторов и активных деятелей Союза русского народа? Известно, что основоположником черносотенства и редактором главной его газеты «Московские ведомости» был еврей В. А. Грингмут. Важную роль в руководстве играли и другие евреи, в частности, близкий соратник П. А. Столыпина И. Я. Гурлянд. Они не были ни агентами, ни провокаторами. Это были виднейшие деятели еврейства, не порывавшие с ним связей. Об И. Я. Гурлянде, сыне главного раввина Полтавской губернии, «Еврейская энциклопедия» писала в 1910 г.: «Гурлянд проводит идею полного присоединения евреев к началам русской государственности, отнюдь не отказываясь от своих вероисповедных и национальных стремлений». Таким образом, видные деятели черносотенства из числа евреев были патриотами России и при этом совершенно не были антисемитами.

В своем обличении «черносотенной, фашистской и тому подобной идеологической заразы» и в подтверждение антисемитизма консервативных движений в России А. Фролов приводит неуместную цитату Энгельса: «Если он [антисемитизм] оказывается возможным в какой-нибудь стране, то это лишь доказывает, что капитал там еще недостаточно развит». Конечно, Энгельс не виноват в том, что через сто лет А. Фролов в совсем новом контексте приведет его ошибочную мысль. Посудите сами: имел ли место антисемитизм в Германии в начале 30-х годов? Да, имел. Можно ли сказать, что капитализм в Германии был неразвит? Нет, нельзя. Как же тогда понимать А. Фролова?¹

5. От самых разных идеологов — от Умберто Эко и М. Дэвидоу до Б. С. Хорева и А. Фролова — мы слышим, что черносотенцы были террористами («занимались они погромами и правотеррористскими покушениями»).

Вот историк С. А. Степанов пишет в академическом журнале (в 1993 г.) о Союзе русского народа: «Что касается методов, кото-

¹ Из антисемитизма черносотенства вытекает якобы неизбежный антисемитизм русского охранительного консерватизма вообще, в том числе и в КПРФ. Концовка статьи А. Фролова на это и намекает: при соединении левой и патриотической идеи в КПРФ «нет-нет, а какофонические мотивы порой проскальзывают. Это, конечно, болезнь роста». Под «какофонией» А. Фролов явно подразумевает антисемитизм. В целом, статья А. Фролова выстраивает целостную, но ложную концепцию: черносотенство — идеология антисемитизма, родственная фашизму; черносотенство — «извращенная форма проявления общественной энергии угнетенных масс»; «отчаявшийся, вконец запутавшийся, замороженный сегодняшним беспределом обыватель» тяготеет к черносотенству; у тех деятелей КПРФ, которые «сгибаются» до распространенных предрассудков под предлогом «быть ближе к людям», есть соблазн антисемитизма («противоестественного блока черносотенцев с большевиками»).

рые применяли к своим противникам черносотенцы, то они являлись зеркальным отражением «революционного» терроризма крайне левых. С той, однако, разницей, что «союзники» опирались на поддержку всей военно-полицейской машины империи... В составленном Главным советом «Союза» списке политических деятелей, подлежащих физическому устранению, фигурировали в основном кадеты. Черносотенные дружинники убили двух видных членов этой партии — М. Я. Герценштейна и Г. Б. Иоллоса.

Итак, «зеркальное отражение»... Конечно, черносотенцы, в том числе евреи, выступали против революционеров, в том числе против евреев. Но посмотрите, насколько искажено наше историческое сознание. На деле революционные организации, самой активной из которых была террористическая структура эсеров под руководством еврея Азефа, убили до 1917 г., по подсчетам американского историка А. Гейфман, 17 тысяч человек. Черносотенцам же вменены в вину три убийства: кадета М. Я. Герценштейна в 1906 г. (авторство убийства точно не установлено), кадета Г. Б. Иоллоса (в 1907 г.) и трудовика А. Л. Караваева (в 1908 г.). Это — *зеркальное отражение* революционного террора? А ведь нам внушили, что черносотенцы — «кровавые погромщики». Говорится даже, что они «залили страну морем крови». Бесплезно нам идти дальше по теме манипуляции сознанием, пока мы не покопаемся в себе и не поймем, как же мы в это могли верить.

Как С. А. Степанов, уважающий себя научный работник (несравненно более добросовестный в фактах, чем большинство нынешних обществоведов), может утверждать, что черносотенцы были *такими же* террористами, как революционеры, да к тому же вели террор при поддержке всей военно-полицейской машины империи (видимо, включая армию и военно-морской флот)! И где тот страшный «список политических деятелей, подлежащих физическому устранению»? Да еще составленный Главным советом Союза русского народа. Тут надо создавать комиссию под руководством А. Н. Яковлева — искать этот список, как «золото КПСС». Но не историку же такие вещи писать.

6. Общий тезис, в котором сходятся и ельцинисты, и некоторые идеологи оппозиции, гласит, что черносотенство — движение расистское, которое стало предшественником фашизма.

Читаем в книге «Русская идея и евреи» (М., Наука, 1994), что черносотенство — «расистский национализм протонацистского толка, вышедший на поверхность политической жизни России в самом начале XX века». И далее: «Не вызывает сомнения, что русское черносотенство удобрило почву, вскормившую гитлеризм». Надо же, не вызывает сомнения! Здесь такая связь времен: «В недра мира было брошено семя злодейства. Ненависть к евреям,

нарастающая в предреволюционной России, подожгла Германию, а затем и Россию. Мир — единое целое. Россия заплатила за жажду расправы над евреями ГУЛАГом».

А. Фролов пишет, что из ядовитых «цветов зла» германский фашизм — самый зловещий. «Но он далеко не единственный и не первый. Накануне Октябрьской революции наиболее яростным и оголтелым нападкам Временное правительство подвергалось именно со стороны черносотенной антисемитской прессы». Суть тезиса в том, что черносотенство — «подобная фашизму» зараза¹.

Нас убеждают, что между черносотенством и фашизмом есть *генетическая* связь. Но из исследований самих же еврейских историков известно, что это не так. Чем было черносотенство в России начала века? Политическим течением монархистов-традиционалистов, которые выступали против готовящейся либеральной революции. Уже из этого вытекает, что ни расизмом, ни национализмом черносотенство быть не могло: расизм возникает лишь в ходе Реформации, с разделением рода человеческого на расу избранных и расу отверженных (поэтому колонизаторы Америки из гражданского общества были расистами, а колонизаторы из традиционного общества Испании — нет). Национализм же возникает лишь с превращением народа в политическую нацию, а до такого превращения России начала века было далеко. Черносотенство совершенно определенно исходило из понятия «народ». Близости черносотенства к фашизму нет и быть не может, поскольку эти явления лежат на разных цивилизационных траекториях. Фашизм есть порождение Запада и только Запада, черносотенство — охранительный консерватизм, типичный продукт культуры России начала века. Связывая эти два явления, А. Фролов вносит важнейший вклад в создание пугала «русского фашизма», которым понемногу занимается вся идеологическая команда реформаторов.

Из всего приведенного выше никоим образом не следует, что нам должны нравиться черносотенцы, черта оседлости или Николай II, что я полагаю, будто в России не было антисемитизма, а среди евреев не было бедноты. Вопрос в том, что политически важные утверждения должны быть основаны на достоверных данных. И старые, и новые мифы, которые внедрили и продолжают внедрять в общественное сознание недобросовестные идеологи, нам очень затрудняют выход из нынешней смуты. Мы живем со спокойной совестью именно потому, что правда — за нас. А мы должны быть за правду. Хотя иногда хочется ее упростить или подправить с помощью мифа.

¹ Затрудняет понимание реальности и тезис о том, что черносотенству близко («точный аналог») движение Баркашова. Тезис настолько очевидно ложный, что даже говорить о нем не следует. Вот если бы Керенский догадался создать свое маленькое «черносотенство», тогда у Баркашова был бы аналог.

§ 2. «Проект Ленина» — путь к гибели?

Как-то после передачи по «Народному радио», посвященной манипуляции сознанием, позвонил в студию молодой слушатель Сергей и спросил, как ему разобраться в вопросе: кто Ленин — палач русского народа или великий деятель, открывший пути к лучшей жизни?

Знаю, что для многих старых людей Ленин — священный символ, и даже упоминать его имя в таком контексте есть святотатство. Но именно так вопрос уже заложен в сознание молодежи, и мы стоим перед выбором — вообще с молодежью не разговаривать или вести трудный диалог. Вопрос о Ленине волнует многих и сам по себе важен. Жизненный порядок невозможен, когда сознание расщеплено. Подростки и молодежь каждый день слышат по телевизору, что Ленин — палач и т.д., а потом выходят на Ленинский проспект, едут на метро до Библиотеки им. Ленина и видят у Кремля его Мавзолей. Сознание их надо срочно чинить. А главное, Ленин — не история. Как мы видим, революция продолжается, Россия еще не устоялась.

Но не менее важно, что Сергей поставил, по сути, методологическую задачу: как ему разобраться с оценкой Ленина? Он не просит: скажите мне, кто Ленин, я вам поверю. Он хочет подойти непредвзято — из жизни нынешнего молодого человека, уже свободного от официального культа Ленина, но подозревающего, что поток антиленинской пропаганды направлен на него политическими жуликами. Эта позиция — огромный шаг вперед.

Поэтому переделаем вопрос Сергея в учебную задачу. Любкой разумный человек с обычным средним запасом знаний, не копаясь в архивах и книгах, может построить цепочку рассуждений, которая приведет его к осмысленному, а не навязанному мнению (не говорю «ответу», потому что для ответа нужен верный вопрос, а его-то как раз поставить очень непросто). Цепочка, которую мы построим, — не единственная, да и, наверное, не лучшая, но таковы все методы, кроме религиозного Откровения. Главное убедиться, что такие цепочки можно в уме строить, и это по силам каждому. Не надо только бояться и искать совершенства. Грубый и тяжеловесный, но надежный ход мысли лучше, чем блестящий и парадоксальный, но водящий по кругу. Так что начнем.

Смысл вопроса и смысл понятия. Для начала Сергею полезно вспомнить, когда встал такой вопрос: «палач или деятель?» Он встал не раньше 1988 г., т.к. первый период перестройки прошел под лозунгом «возврата к Ленину». А до этого Ленин был иконой. За Ленина взялись, только как следует измазав Сталина и «застойный период». Как возник этот вопрос в уме Сергея? Разве он получил какое-то новое знание о Ленине и его делах? Нет, практически ни-

каких конкретных сведений о Ленине, каких бы мы не имели раньше, мы с 1988 г. не получили. Значит, формула «палач или деятель» не могла возникнуть в уме Сергея стихийно, из его опыта или нового знания. Значит, она была незаметно внедрена в его подсознание и стала штампом, который вертится в уме, как назойливый мотив. Она — продукт внушения, манипуляции сознанием.

Этот пункт ничего не решает, но он важен как сигнал тревоги. Он предупреждает: надо тянуть мысль осторожно и скептически. Первое правило — не принимать готовых формул, искать в них нестыковки, обязательно пересказывать их смысл другими, своими словами. Что мы имеем в данном случае?

Формула «палач или великий деятель», если вдуматься, сразу выдает манипуляторов. Ее части, связанные союзом «или», есть несоизмеримые категории, а значит, они не стыкуются и формула смысла не имеет. Это все равно что спросить ребенка: «Что ты больше любишь, шоколадку или маму?» Вежливый ребенок про себя подумает: «Что за дурак этот дядька», — а иной и прямо это скажет. Но мы не дети и не дикари, нами легко манипулировать (хотя детей и дикарей легко обмануть).

Чтобы рассуждать, разделим вопрос на два, тогда обе части имеют смысл: 1) Был ли Ленин палачом? 2) Был ли Ленин великим деятелем? Есть три варианта ответа: можно быть чем-то одним, тем и другим или ни тем ни другим.

Итак, первая часть задачи: *был ли Ленин палачом?* Заметим, что слово «палач» — иносказание, метафора. Политик такого ранга сам головы не рубит (Петр I это сделал как символический жест, но его как раз палачом не называют). Так что не в этом дело. Именно о Ленине Есенин сказал: «*Он никого не ставил к стенке / Все делал лишь людской закон*». Значит, надо сначала определить, что мы понимаем под словом «палач», иначе разумного умозаключения сделать будет нельзя.

Думаю, каждый согласится, что политика можно назвать «палач», если он при выполнении своей миссии («проекта») идет на очевидно излишние жертвы человеческих жизней, не ценит их, без нужды «тратит» людей своего народа. Сказкам о том, что у власти в государстве может держаться человек, который убивает по прихоти своего порочного характера, лучше не верить. Что же касается именно Ленина, то в этом пункте вообще проблем нет. Сергей Есенин, поэт не купленный, со свободной совестью, не Демьян Бедный, о Ленине написал: «*Слегка суров и нежно мил*». А в другом месте:

Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какую силой
Сумел потрясть он шар земной?

На какое-то время, при перестроечном помрачении, русские люди вдруг стали верить жуликам вроде Льва Разгона или Волкогонова больше, чем Сергею Есенину. Но разве это время не прошло?

Самое трудное здесь, конечно, оценить, был ли губительным для народа тот «людской закон», который утвердил своей властью политик. Были ли жертвы «излишними» — в этом и вопрос. И речь может идти именно об очень большом излишке, а не о нюансах. В конкретный исторический период *палачом* можно назвать политика, который по своему образу мыслей (не ценит жизнью) и образу действий (тратит жизни) резко выделяется из ряда всех других реальных и наиболее сильных политиков, воплощающих альтернативные проекты. В случае Ленина мы имеем такой ряд: Керенский и П. Н. Милюков (либералы-западники), Колчак и Деникин («белые»), Савинков и Чернов (эсеры), Махно (анархист) и Троцкий (коммунист-космополит).

Монархисты и меньшевики к концу 1917 г., когда Ленин пришел к власти, уже сошли с арены. Воображать же «доброе царя» или «доброе генсека-меньшевика» с несуществующим политическим проектом — детская забава. Все перечисленные фигуры проявили себя словом и делом, все «предъявили» свои проекты, и их русские люди попробовали на зуб, а не изучали в кабинетах. Из этого будем исходить.

Главная причина гибели людей. Еще замечание из области очевидного, но как бы забываемого. Почему встал вопрос о «палаче»? Потому, что в ходе революции (и особенно гражданской войны) в России погибло очень много людей. Точно не известно, но с вескими доводами говорят о 12 миллионах человек (по подсчетам В. В. Кожина — 20 миллионов). Отчего погибла эта масса людей? Не от прямых действий организованных политических сил, например, боев и репрессий. За 1918—1922 гг. от всех причин погибли 939 755 красноармейцев и командиров. Значительная, если не большая часть их — от тифа. Точных данных о потерях белых нет, но они намного меньше. Значит, подавляющее большинство граждан, ставших жертвами революции (более 9/10) погибло не от «красной» или «белой» пули, а от хаоса, от слома жизнеустройства. Прежде всего, слома государства и хозяйства.

Русская революция — огромный катаклизм, катастрофа всемирного масштаба. Она вызревала около века, и нелепо обвинять в ней конкретного человека. Более того, она была лишь звеном во всемирной цепи революций, которые с начала века прокатились по странам крестьянской цивилизации: Китай, Мексика, Россия, Индонезия, последние — Вьетнам, Алжир, Куба. Их главный мотив — предотвратить разрушающее крестьянскую общину внедрение капитализма.

Главными причинами гибели людей в русской революции было лишение их средств к жизни и, как результат, голод, болезни, эпидемии, преступное насилие. Ряд ученых считают, что голод 1921 г. погубил 5 млн. человек. Развал государства как силы, охраняющей право и порядок, выпустил на волю демона «молекулярной войны» — взаимоистребления банд, групп, соседских дворов без всякой связи с каким-то политическим проектом (но иногда прикрываясь им, как это бывало, например, у «зеленых»).

Точно установить смертность и рождаемость до переписи 1926 г. трудно, результаты разных групп демографов различаются. Если взять средние оценки, то картина такая: в 1920 г. на 1 тыс. человек умирали 45,2 и рождались 36,7; в 1923 г. умирали 29,1 и рождались 49,7. То есть в последний год гражданской войны Россия (даже без катастрофы неурожая) потеряла 1,2 млн. жизней в год, а уже в 1923 г. население приросло почти на 3 млн. человек.

Какую жатву собирает смерть на поле хозяйственного хаоса, мы видим сегодня: государство и хозяйство всего лишь полуразвалены, но Россия (т.е. половина империи) за год несет чистые потери в 1 миллион жизней, а с учетом неродившихся теряет 2 миллиона. И ведь войны и репрессий нет, да и потери от убийств около 30 тыс. в год. За годы реформы «по неестественным причинам» отлетело уже не меньше душ, чем в гражданскую. Значит, есть «невидимый палач».

Что такое «революция 1917 года»? Некоторое усилие должен Сергей сделать для того, чтобы вспомнить важную вещь, от которой старательно отвлекают демократы: слом жизнеустройства России и ее государственности произошел в феврале 1917 г. Царя свергали генералы и стоящие за ними масоны-западники, а не большевики. Так что когда С. Говорухин плачется о «России, которую мы потеряли», но при этом прокликает большевиков, а не ее истинных разрушителей, то он или лицемер, или марионетка манипуляторов.

Февральская революция — революция западников, и главный ее смысл был в расчистке поля для финансово-торгового капитала. Это была первая «революция чубайсов и гайдаров», хотя социалистические лозунги выкрикивались обильно. М. М. Пришвин записал в дневнике 11 марта: «Евреи-банкиры радуются, плачут — смеяться они, как вообще евреи, не могут, но плачут — если бы они думали, что будет торжество социалистов, то чего бы им радоваться?»

Большевики в Февральской революции не принимали никакого участия. О Ленине и говорить нечего, он в феврале был в Швейцарии, и весть о революции была для него полной неожиданностью. Как реальный политик он вышел на арену в России в апреле 1917 г. Ленину и не пришлось бороться с монархистами, их как реальной

силы просто не было. Демократы Керенского развалили армию, разогнали полицию, парализовали хозяйство и транспорт и стравили крестьян. Вопреки официальной советской мифологии, летом 1917 г. крестьяне громили уже в основном не помещичьи усадьбы, а «средняков» — арендаторов¹.

К осени 1917 г. крестьянскими беспорядками было охвачено 91% уездов России. Для крестьян (и даже для помещиков) национализация земли стала единственным средством прекратить войны на меже при переделе земли явочным порядком. Из дневников М. М. Пришвина видно, что тотальная гражданская война началась в России именно летом 1917 г. — из-за нежелания Временного правительства решить земельную проблему. К лету 1918 г. она лишь разгорелась, обретя противостоящие идеологии.

Гражданская война была «войной Февраля с Октябрем», должны же мы наконец усвоить эту важнейшую для всей нашей темы мысль! Ведь Россия уже не стояла перед выбором: «*православие, самодержавие, народность*» — или «*коммунизм, Советы, братство трудящихся*». Первый вариант уже исчез, и против большевиков стояли березовские и собачки начала века вместе с кровавым мясником Б. Савинковым. Большевики, как вскоре показала сама жизнь, выступили как реставраторы, возродители убитой Февралем Российской империи — хотя и под другой оболочкой. Это в разные сроки было признано противниками большевиков, включая В. Шульгина и даже Деникина. В Белой армии монархисты, очень немногочисленные среди офицеров-разночинцев, были почти в подполье — и всегда под надзором контрразведки.

Тут, надо признать, сильно подгадила и официальная советская пропаганда, которая для простоты сделала из слова «революция» священный символ и представляла всех противников Ленина «контрреволюционерами». А братья Покрасс нам даже песню написали, как «Белая армия, черный барон снова готовят нам царский трон».

Так что наша задача — сравнить соперничавшие в России *революционные* проекты и представить себе, какой из них наносил России более тяжелые травмы, измеряемые числом потерянных жизней. Лидера такого проекта и можно считать «палачом» (или «более палачом, чем другие»). Есть, правда, среди нас странные люди, порой с титулом патриота, которые всех считают палачами, они «ни за кого». Мол, «чума на оба ваши дома». Из такой позиции вытекает известный вывод, будто Россия — выкидыш цивилизации и

¹ М. М. Пришвин, сам живший своим трудом в маленьком поместье, пишет: «Помещица заперлась в старом доме и думает, что все зло от мужиков, что это они сговорились грабить ее. А «их» нет, они вовсе не сговаривались, они грабят друг друга еще больше. Еще удивительно, как мало они грабят ее сравнительно с грабежом себя».

не имеет права на жизнь. Что же это за народ, если у него все до одного политические течения исходят из установки палача?

«Слезинка ребенка» и тоталитаризм морализаторства. Сделаю еще одну методическую оговорку, не связанную с идеологией и почти очевидную. Говоря о политиках и их делах, мы не имеем права соблазниться тоталитарным морализаторством. Нельзя исключать мораль, впадать в нигилизм и рассматривать людей как вещи, как средства для достижения целей. Но нельзя и судить о реальности исходя исключительно из идеалов. Они иррациональны и недоказуемы, а в земной жизни не обойтись без разума — «его сон рождает чудовищ». Земля и небо должны быть в согласии. Подавлять моральными принципами земную реальность — именно соблазн, это притягивает, возвышает тебя в твоих собственных глазах. Люди, охваченные таким соблазном, превращаются в фанатиков и много горя приносят ближним. Таким соблазном нас и свели с ума в годы перестройки.

Вспомните слова, которые замусолили демократы: «Если улица не ведет к Храму, то зачем она!» Вдумайтесь, ведь это кредо фанатика. Улица — это ряд домов, которые построены вовсе не затем, чтобы вести к Храму, а чтобы в них жили люди. Дорога к храму вообще пролегает не по асфальтовой или булыжной мостовой, а по извилистой тропинке в душе человека. И вот приходит на нашу улицу провокатор (Абуладзе или кто-нибудь вроде Зиновия Гердта) и говорит, что наша жизнь в наших домах «не нужна», что наша улица якобы не ведет к Храму и будет взорвана. Так оно, в общем, и произошло, но мы-то каковы! Кивали и аплодировали.

А если разобраться, о каком вообще Храме болтали эти провокаторы? Мы даже не спросили, начали «перестраивать» улицу. А сегодня-то видно, что у них за Храм. Не храм, а языческое капище, где они молятся Золотому тельцу и приносят человеческие жертвоприношения. Но это к слову. Главное, что мы не отвергли фанатичное морализаторство и тем виноваты перед нашими детьми.

Точно таким же соблазном был вытасченный из речи Ивана Карамазова образ «слезинки ребенка», которую ни в коем случае нельзя пролить даже ради вселенского счастья. Эту фразу тоже замусолили, как будто Иван Карамазов — не психопат с расщепленным сознанием, а как минимум святой мудрец всех религий мира. Да разве образ карамазовской «слезинки» приложим к реальной земной жизни? В жизни-то перед нами выбор стоит всегда намного труднее. Что делать, если ради спасения жизни одного ребенка приходится пролить слезинку другого? Тоже нельзя? Стреляя в немца, наш солдат разве не знал, что заставляет пролить слезинку его невинного ребенка?

Можно даже высказать как аксиому: наверняка становится палачом тот правитель, который не выполняет своего тяжелого долга из опасения ненароком вызвать чью-то невинную слезинку.

В 1989 г. пресса крушила правоохранительные органы, так что в московской прокуратуре за два месяца уволились почти все следователи — не желали работать в обстановке травли. Тогда забойной поговоркой была такая: «Лучше оставить на свободе десять преступников, чем посадить в тюрьму одного невинного». Выкопали и выгасили все судебные ошибки за много лет — смотрите, мол, как советские суды сажают невинных. Никто и слова тогда не осмелился возразить (позже мне довелось прочесть материалы о судебных ошибках в Великобритании и Испании, и это действительно потрясает: нам с советской судебной системой такое и в страшном сне не могло присниться).

А ведь здравомыслящий человек, подумав, должен был бы спросить: а почему на свободе надо оставить десять преступников, а не пять, не двадцать, не сто? Откуда такая мера? Конечно, никакой меры у демократов и не было, речь шла о предоставлении свободы действий преступникам вообще, чтобы в период бесправья и полного паралича МВД, суда и прокуратуры разграбить государственную собственность. Речь не о них, а о нас. Как мы могли принять эту ложную дилемму!

Представьте, что глава государства из боязни осудить невинного и пролить слезинку перестает преследовать преступников. Ведь судебные ошибки бывают всегда, как всегда люди попадают под машины. Упразднить суды и тюрьмы — вот надежная гарантия против ошибок. Мораль торжествует, но обыватель становится жертвой безнаказанных убийц.

В целом для народа и общества наилучшим является положение, при котором сумма невинных жертв, павших от преступников и от судебных ошибок, была наименьшей. Сумма, а не число жертв государства. Глава государства, допустивший разгул преступников, становится палачом своего народа, даже если он допустил этот разгул из моральных соображений (боялся быть палачом). В 1998 г. в России в результате преступлений погибло 64 545 человек и было ранено 81 565 человек. Частичным коллективным убийцей этих людей были те морализаторы, которые громили правоохранительные органы.

Действие убийцы и бездействие политика. Если примитивный убийца губит людей своим действием, то правитель в равной мере может совершать убийства бездействием — нежеланием быть «палачом» для убийцы. Вспомним, как начиналась большая кровь в Средней Азии и на Кавказе. Оставим пока в стороне скрытые политические интересы, рассмотрим лишь действия и бездействие.

Бандиты начали в Фергане погромы против турок-месхетинцев. Они демонстративно сжигали их живьем, устроив большой кровавый спектакль — как разведку боем. За бандитами стояли организованные преступно-политические силы (службы контроля за эфиром засекли тогда в зоне беспорядков около тысячи радиопередающих станций).

Каков был ответ главного тогда правителя СССР М. Горбачева? Он направил против вооруженных автоматами и самыми современными средствами связи бандитов безоружных курсантов. Мол, нельзя стрелять в граждан, у которых проснулось национальное и демократическое самосознание! Ведь ради этого и замысливалась перестройка! Чаще всего за бездействием, которое оправдывается морализаторским нежеланием стать палачом, скрывается циничный расчет, но это нас сейчас не интересует.

Та «разрешенная» кровь месхетинцев перевела все бытие жителей Средней Азии в новую плоскость. Горбачев своим бездействием снял запрет на организованные массовые убийства по национальному признаку и на изгнание русских. Сожжение в Андижане шестерых безоружных русских солдат, ехавших в городском автобусе, также было «разрешено», а затем и прощено Горбачевым — и стало символическим событием. За ним накатила волна убийств, и объективно именно Горбачев стал первым палачом (хотя он милый человек, очень любит внучку и пиццу «Хат»).

На Северном Кавказе, где маховик убийств стал раскручиваться позже, случай еще прозрачнее. Когда Бурбулис и Старовойтова, посланные из Москвы, передали Дудаеву разрешение на разгон законных органов власти в Чечено-Ингушетии, его «бандформирование» было еще очень небольшим — оружие им везли из Москвы, как сообщалось, в автомобилях «Жигули». В Чечне еще стояли гарнизоны и части Советской армии, действовали КГБ и МВД. Все мы помним, как было совершено первое, символическое убийство. Люди Дудаева схватили офицера КГБ, который по обычным служебным обязанностям находился на очередном митинге. Еще ничто не предвещало будущей беды — в 18 часов центральное телевидение передало встречу репортеров с задержанным офицером. А уже вечером то же телевидение сообщило, что дудаевцы выдали властям его труп — «он был судим и казнен народом».

В тот момент решалось будущее Чечни, а может быть, и всего Северного Кавказа. Вся банда Дудаева могла быть арестована в течение часа, не надо было даже никакого десанта. Но Ельцин, как верховный правитель, не предпринял никаких действий. Мы не знаем точно, был ли это сговор с Дудаевым и мировой закулисой или частная интрига, но факт, что все последующие потоки крови в Чечне начались с этого ритуального, демонстративного убийства

(скрытые убийства начались раньше, но они не имели такого символического смысла для массового сознания).

Так что запомним простую и очевидную истину: в отличие от индивидуального убийцы политик может стать палачом и никого сам не посылая на смерть — он может убивать своим бездействием, своей «добротой». И напротив, политик, который карает (а в крайних обстоятельствах даже жестоко), может на деле быть спасителем от палачей¹.

Таким образом, отказ государственной власти от насилия (философский образ такой власти в русской истории представлен царем Федором Иоанновичем) ведет к Смуте и самым большим по масштабам страданиям населения. В условиях кризиса государственности принципом реального гуманизма является политика, ведущая к минимуму страданий и крови, а не к их отсутствию.

А. М. Горький так выразил установку либеральной интеллигенции: «Главное — ничего не делать, чтобы не ошибиться, ибо всего больше и лучше на Руси делают ошибки». Из этого исходили многие политики времен Ленина. Само Временное правительство придерживалось принципа «непредрешенчества» — отказывалось решать важные вопросы. Будет, мол, Учредительное собрание, оно решит. Уже это стоило России много крови.

Поэтому сам по себе факт, что в 1918—1922 гг. кто-то пал от рук советской власти, ничего не говорит о том, был ли Ленин палачом или не был. И мотивы, и обстоятельства действий или бездействия надо взвесить на верных весах и непредвзято — как это делает Фемида. К этому и подвигаемся.

Политическая философия как предпосылка «быть или не быть палачом». Представления политика об обществе и человеке, образ его мыслей (политическая философия) оказывает большое воздействие на образ его действий. Большое, но не решающее. Это — предпосылка, которую надо принимать во внимание, но не считать доказательством «вины или невиновности». Так же, как в суде важна мотивация поступков подозреваемого («хотел убить»), но она не может служить уликой.

На политической философии Ленина особо задерживаться не будем — она совершенно не содержит компонентов «мышления палача» (которые можно найти, например, у Робеспьера, Марата

¹ Сегодня наконец-то мы снова слышим от чеченских женщин те же слова, которые произносились многими в 1944 г.: решением о депортации чеченцев из кипящего кавказского котла «палач» Сталин совершил благодеяние чеченскому народу. Тогда это было настолько очевидно, что большая и хорошо вооруженная чеченская армия, воевавшая в тылу Красной армии на стороне немцев, без боя подчинилась решению Сталина, и чеченцы за один день погрузились в теплушки и отправились в Казахстан.

или Троцкого). Ленин не был сентиментален, но он был близок к Марксу в двух важных здесь установках: он был гуманист и не верил, что можно «толкать историю» усилием политической воли, через насилие. Поэтому, в частности, ему были так чужды и народодовольцы, и анархисты, и эсеры с их верой в силу террора.

Как воспринимались социал-демократы (каким был до 1918 г. и Ленин) и другие революционные течения, хорошо видно из дневника М. М. Пришвина. Он не был искусственным философом, но был очень чутким наблюдателем. Он писал в марте 1917 г.: «Эсеры мало сознательны, в своем поведении подчиняются чувству, и это их приближает к стихии, где нет добра и зла. Социал-демократы происходят от немцев, от них они научились действовать с умом, с расчетом. Жестоки в мыслях, на практике они мало убивают. Эсеры, мягкие и чувствительные, пользуются террором и обдуманным убийством. Эсерство направлено больше на царизм, чем с-дечество». Здесь важны обе мысли: большевики меньше уповают на насилие и они менее враждебны царизму, чем эсеры.

Если вспомнить то, что нам часто повторялось из Ленина — его определение революционной ситуации, — то оно уязвимо для критики именно за отказ от того, чтобы использовать насилие как катализатор, ускоритель революционных событий. Для Ленина революция возможна и необходима только как спасение от национальной катастрофы, когда «низы» уже так приперло, что они не только «не могут жить по-старому», но и готовы идти на любые жертвы, чтобы изменить положение. Но люди готовы идти через огонь только тогда, когда никакого иного выхода нет.

Другое дело, что когда революционная ситуация назрела, и «низы» осознали гибельность грозящей катастрофы, Ленин требовал решительных действий с тем, чтобы в момент неустойчивого равновесия толкнуть процесс к созданию нового жизнеустройства (то есть осуществить революцию). Потому-то сама Октябрьская революция была абсолютно бескровной. Кстати, правильный выбор момента для действий сам по себе означает огромную «экономю крови».

Насколько известно, никто не обвинил Ленина в жестокости на основании его опубликованных трудов. Упоминали его телеграммы, записки, высказывания («расстрелять десяток саботажников», «посадить в тюрьму сотню хулиганов и спекулянтов» и т.д.), но серьезные историки предупреждали, что все эти выражения нельзя принимать буквально, и никто их буквально не принимал. Надо вспомнить тот объем работы, который выполнял Ленин, и понять, что у него не было времени облечь свои мысли в дипломатические выражения.

То, что напечатано в «собрании сочинений», написано или сказано без черновика и без спичрайтера, в основном в военной или чрезвычайной обстановке. Если учесть это, каждый читавший Ленина должен поразиться как раз тому, насколько ясно и корректно выражены мысли. Представьте, какую литературу мы бы получили, если бы были опубликованы все замечания, поручения и советы Ельцина, данные им в кругу «семьи» и узкой группы соратников.

В годы перестройки много напирали на то место, где Ленин сгоряча заявил, что «интеллигенция — это не мозг нации, а ее г...». Думаю, будь у него свободное время, он бы выразил мысль как-нибудь поприятнее. Но поражает мелочность этого упрека — по сравнению с планом ГОЭЛРО или заботой Ленина о питании ученых в годы гражданской войны. К тому же сегодня-то, положи руку на сердце, должны же мы признать, что где-то прав был Владимир Ильич в своем высказывании. Хотя бы в первой его части. Не мозг мы, дорогие мои собратья-интеллигенты! Ведь никто не остался в таких дураках, как интеллигенция, тянувшая нас в нынешнюю реформу.

Но к вопросу «палач или не палач» это отношения не имеет. Давайте искать веские признаки.

Главный критерий оценки — «болезненность» проекта. Мы сделали ряд методических оговорок, которые достаточно очевидны и еще никак не связаны с выводом. Они лишь расчистили площадку для рассуждений. Теперь можно предложить главный критерий, согласно которому мы расположим в ряд ведущих политиков того времени по степени их приближенности к образу «палач». Под «ведущими» мы будем понимать политиков, выражающих тот или иной проект жизнеустройства *после* выхода из хаоса революции.

Поскольку основной причиной гибели людей была революционная разруха — слом государственности и систем жизнеобеспечения, — то менее всех будет палачом тот политик, чей проект вызывает наименее сильное сопротивление общества. Значит, при утверждении этого проекта прольется менее всего крови. Мечтать о том, чтобы из революции можно было выйти без подавления какой-то части общества, — наивная утопия. Трагедия любой революции в том и состоит, что противоречия в ходе ее обостряются настолько, что обратно пути нет и согласия достигнуть очень трудно — особенно если уже пролилась кровь. У нас гражданская война кончилась, когда Россия «кровью умылась».

Для нашего главного вопроса достаточно сравнить два главных проекта, задающих России разные (и расходящиеся!) цивилизационные пути. Один проект — партии кадетов и более левых либеральных партий, предполагающий построение в России государ-

ства западного типа с рыночной экономикой. Этот проект воплощал сначала Керенский, а потом Деникин и Колчак. Были в нем и радикалы (Корнилов), так что однажды большевикам пришлось защищать от него умеренного Керенского — такое бывает в политике. К этому проекту присоединилась часть эсеров (Чернов, Савинков). Это — Февраль, «белые».

Другой проект — советский, его воплощал Ленин. Это — Октябрь, «красные». Советский проект также был неоднороден: в начале его поддерживали левые эсеры, временами анархисты (Махно), внутри большевизма было несколько течений, борьба между которыми разгорелась после смерти Ленина и кончилась 1937-м годом.

И белый, и красный проект Россия сравнила не в теории, не по книгам, а на опыте, через тысячи больших и малых дел. Сначала, с февраля по октябрь 1917 г., сравнение проходило в мирных условиях сосуществования Временного правительства и Советов. Это соревнование проект Керенского проиграл вчистую. Новая государственность по типу либерального Запада не сложилась, а ее зачатки авторитета не завоевали и 25 октября без боя сдали власть Советам.

Однако под давлением и при активном участии Запада блок кадетов и эсеров попытался военным путем вернуть власть и продолжить свой проект¹. С середины 1918 г. сравнение обоих проектов происходило в форме гражданской войны. За ней наблюдала вся Россия, и это был второй этап «пробы на зуб». Военное соревнование, как известно, белые также проиграли вчистую.

Этот факт мы должны себе объяснить и его затвердить, иначе дальше не продвинемся. Белые унаследовали остатки государственного аппарата, имели полную поддержку имущих классов России и большую поддержку (включая военную интервенцию) Запада. Поначалу у них был такой огромный перевес над красными, что они овладели практически всей территорией России за исключением маленького пятючка в центре. Почему же они начали утрачивать эти территории и отступать перед Красной армией, обутой в лапти?

Ответ известен, но его у нас из головы вытеснили при промывании мозгов. А он таков. Образно говоря, красные победили потому, что крестьяне им сплели миллион лаптей. А белым не сплели, и им пришлось просить ботинки и обмотки у англичан. Белая армия действовала в России как завоеватели, и ее продвижение сопровождалось восстаниями (по словам историка белых А. Зайцева, издав-

¹ Антисоветский историк М. В. Назаров говорит определенно: «При всем уважении к героизму белых воинов следует признать, что политика их правительств была в основном лишь реакцией Февраля на Октябрь — что и привело их к поражению так же, как незадолго до того уже потерпел поражение сам Февраль».

шего в 1934 г. в Париже большую книгу, вслед за белыми шла «волна восставших низов»). По выражению западных историков, в России тогда возникло «межклассовое единство низов», которые отвергли проект белых. Отвергли в целом, а не по мелочам и не из-за жестокостей и казней¹.

Ненависть низов (в основном крестьянства) и верхушки белых была *взаимной* и принимала почти расовый характер. Об этом пишет в своих воспоминаниях «Очерки русской смуты» А. Деникин. Замечательно ярко это выразил в своих записках «Окаянные дни» И. Бунин — эта книга дышит дикой ненавистью к «русскому простонародью». Ее обязательно надо прочесть тем, кто заинтересован в нашей теме. Полезно почитать и письма адмирала Колчака, где он называет русских так: «дикий (и лишенный подобия), неспособный выйти из психологии рабов народ». Этой ненависти к простонародью не было и в помине у красных, которых видели крестьяне, — у Чапаева или Щорса. Они были «той же расой».

В гражданской войне любая армия снабжается тем, что удастся отнять у крестьян. Главное, что нужно для армии, это люди, лошади и хлеб. Конечно, крестьяне не отдавали все это своей охотой ни белым, ни красным. Исход войны определялся тем, как много сил приходилось тратить на то, чтобы все это получить. Это и есть важнейший для нас эксперимент. Красным крестьяне сопротивлялись намного слабее, чем белым (некоторые историки даже оценивают эту разницу количественно, по числу рекрутов: в 5 раз слабее). Под конец все силы у белых уходили на борьбу за самообеспечение — и война закончилась².

Надо четко высказать и иметь в виду важную вещь: несмотря на все глупости и злодеяния «местных» большевиков, развязанная против них гражданская война резко изменила отношение к ленинскому «проекту» в принципе. Даже в период максимальных успехов белых М. М. Пришвин, сам в то время убежденный антикоммунист, писал: «Сейчас все кричат против коммунистов, но по существу против монахов, а сам монастырь-коммуна в святости своей признается и почти всеми буржуями».

Это писал человек, мечтавший о победе белых. А вот что читаем у крестьянского поэта Николая Клюева:

¹ Но и в жестокостях белые отличились. Просвещенному правителю Колчаку даже его генералы слали проклятья по прямому проводу — такой режим он установил в Сибири. Устыдились белочехи и 13 ноября 1919 г. издали меморандум: «Под защитой чехословацких штыков местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избивание мирных русских граждан...» и т.д. Напомним, что Колчак расстрелял депутатов Учредительного собрания, которые съехались в Омск.

² Так же исчезла великолепная армия Наполеона — когда все силы у нее стали уходить на поиск пропитания и фуража в деревнях, и ничего не осталось для боев.

Ваши черные белогвардейцы умрут
За оплевание Красного Бога.
За то, что гвоздиные раны России
Они посыпают толченым стеклом.

Таким образом, проект белых, даже если бы им в первые месяцы удалось задушить советскую власть, означал бы длительную тлеющую, со вспышками, гражданскую войну. Он был отвергнут крестьянами — сословием, которое составляло 85% населения России. А крестьяне в то время и умели, и обладали возможностями для сопротивления длительного и упорного. Рано или поздно, но они «сожрали» бы белых, как за два месяца сожрали Колчака в Сибири без всякой Красной армии. Но до этого Россия была бы обескровлена несравненно больше, чем при организованном устранении белых Красной армией. Из опыта вытекает, что проект Ленина был спасительным, а в проекте белых, доведись ему на время победить, Россия обрела бы палача.

Мы сегодня можем повторить за Есениным слова, что он написал в 1924 г.: *«Мы многое еще не сознаем, / Питомцы ленинской победы»*. Кто это «мы»? Кто оказался «питомцами»? Все, кто вернулся к мирной жизни и воссоединился в народ — включая бывших белых. Именно «ленинская победа» создала такую возможность. Поэтому его проект — спасительный.

Мы это и сегодня плохо сознаем — но сознание начинает нам входить через взрывы домов в Буйнакске и Москве. Тридцать лет до Ленина в России гремели взрывы и выстрелы (по подсчетам некоторых историков, от рук террористов до 1917 г. погибли 17 тыс. человек). Короткий исторический период — когда воплотился «проект Ленина» — мы жили спокойно и безопасно. И не сознавали этого, думали, что это — естественное состояние. Сегодня, когда этот проект мы позволили пресечь, взрывы загревели снова.

Главная причина спасительности проекта Ленина. Мы логично подошли к выводу, что «палаческим» политическим проектом надо считать тот, который при воплощении его в жизнь вызывает самое упорное сопротивление народа. И если уж революция произошла (как это случилось в Феврале), то «спасительным» проектом надо считать тот, который вызывает наименьшее сопротивление народа. О том, чтобы при выходе из революции вообще не было сопротивления и не было жертв, нечего и мечтать.

Я утверждаю, что проект Ленина был для России спасительным. Не буду это доказывать, потому что говорю о методе и делаю упор не на выводе, а на способе рассуждений, стараясь показать его последовательность, не приводя исчерпывающих доводов.

Почти очевидно (и это подмечено крупными философами), что великий политик — тот, кто угадывает скрытые чаяния народных

масс. Что это значит? Это значит, что он исходит не из того, что шумно требуют массы, а из того, что стоит за шумом — исходит из *скрытых* чаяний. Величие политика в том и состоит, чтобы эти чаяния понять и прочувствовать. Это трудно, потому что, как сказал философ, «во времена кризиса общественное мнение не выражается расхожими суждениями».

Что понял Ленин такого, чего не могли понять современные ему другие ведущие политики? Он понял, в чем суть чаяний крестьянства («земля и воля!»), каким бы крестьяне хотели видеть жизнеустройство России и тип государства — в чем для крестьян град Китеж. В своей самой лирической поэме «Анна Снегина» Есенин пишет, как к нему подошли крестьяне:

«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он — вы».

Во-вторых, Ленин понял, что крестьяне поднялись как огромная и сплоченная антибуржуазная сила. И что революция в России в главном своем потоке не буржуазная и не может привести к либеральной западной демократии. Демократия крестьян — Советы.

По уму и чувству Ленин просто был несравненно выше и Керенского, и Троцкого. Они даже после «университета» революции 1905 г. так и остались догматическими марксистами, а Ленин был марксистом творческим и отошел от догм. Хотя убеждать даже верхушку партии большевиков ему было очень трудно. Зато он имел поддержку в низах партии, которые были воспитаны не в эмиграции, а в гуще русской жизни.

Исследователь крестьянства Т. Шанин писал, что два политика в России верно поняли суть революции 1905 г. — Столыпин и Ленин. В них и стреляли люди, вышедшие из одной норы. Но Столыпин поставил своей целью спасти помещиков, а ради этого расколоть крестьянство, заменив общину капитализмом. Так же поначалу мыслил и Ленин, но после 1905 г. резко изменил позицию, а Столыпин потерпел поражение. Прозрение Ленина выражено в статье «Лев Толстой как зеркало русской революции», а затем в «Апрельских тезисах». От них отвлекла нас официальная «история КПСС», но теперь-то ее нет, и мы должны брать в расчет главное.

Сравните главные тезисы Ленина между Февралем и Октябрем и расхожее суждение по этим вопросам партийной интеллигенции всех направлений. Немедленный мир (Ленин) — война до победного конца; национализация земли (Ленин) — отложить до законного решения будущим парламентом; республика Советов (Ленин) — буржуазная республика; немедленная социалистическая револю-

ция (Ленин) — развитие капитализма до исчерпания его возможностей.

Надо отметить, что совершенно неважно, какая из этих противоположных позиций нам *сегодня* нравится больше. Важно не сегодня, а тогда. Тогда крестьяне не желали того, чего желало «расхожее мнение» всех революционных политиков, кроме Ленина. И потому-то крестьяне плели лапти для красноармейцев и не слишком сопротивлялись красным продотрядам (а белым сопротивлялись очень упорно). Крестьяне не ошиблись, потому что Ленин верно угадал именно чаяния, а не лозунги. И после войны был начат НЭП, а не новый вариант столыпинской реформы. Оттого сразу резко выросла рождаемость и упала смертность — верный показатель соответствия политики чаяниям. Такой проект я и называю «спасительным».

Конечно, спасение от катастрофы — еще не путь такого быстрого развития, которое нужно для спасения от другой грядущей катастрофы (мировой войны). В 30-е годы НЭП пришлось сменить на политику форсированной индустриализации, но это уже другая эпоха, не Ленина, а его преемников.

Обыденные признаки «спасительности» проекта Ленина. Мы говорили выше о фундаментальной причине, по которой проект Ленина вызвал наименьшее сопротивление. Но с самого начала линия Ленина привлекла массы потому, что действия, которых он требовал, а потом и предпринимал, были прямо и очевидно направлены на спасение жизни простых обывателей. То есть проект Ленина по своему типу был деятельным и вытекающим не из доктрины, а из обыденных жизненных потребностей. Это — редкое сочетание больших идеалов (чаяний) со здравым смыслом. Великий английский экономист Дж. Кейнс, работавший в 20-е годы в России, писал: «Ленинизм — странная комбинация двух вещей, которые европейцы на протяжении нескольких столетий помещают в разных уголках своей души, — религии и бизнеса».

В условиях национальной катастрофы именно такое сочетание и оказывается спасительным. В чем же был «бизнес» Ленина? В том, что в условиях разрухи, при, казалось бы, полном отсутствии средств, он заботился о восстановлении какого-то подобия жизнеустройства, чтобы свести гибель людей к минимуму. Напряженность в среде крестьянства была резко снята двумя декретами — о мире и о земле. Но посмотрим, что привлекло горожан. Затронем только две проблемы — личной безопасности и продовольствия.

В последние дни Февраля, свергнув царя, либералы одновременно упразднили полицию и выпустили всех уголовников. Всеобщая амнистия! Те, кто помнит лето 1953 г., широкую амнистию даже при сильной милиции, может представить себе состояние жите-

лей крупных городов России в марте—апреле 1917 г. Страх перед преступным насилием был паническим (как говорили, главной мыслью обывателя было: «Уехать, пока трамваи ходят»). Каково было состояние умов, видно из такого мелкого факта: когда в Александринском театре в одной из пьес на сцене появились городской и пристав, публика встала и аплодировала.

Пытаясь как-то спасти положение, Временное правительство учредило милицию из числа студентов-добровольцев. На центральных улицах появились восторженные юноши и девушки с красными бантами на груди. Они не совали свой нос в темные переулки и грязные кварталы, где и свирепствовала преступность. А как ответили на эту жизненную проблему большевики? Они дали на заводы разнарядку — мобилизовать в Красную гвардию каждого десятого рабочего. Не добровольно, а *мобилизовать*, и не с гулькин нос, а каждого десятого. Именно эта рабочая милиция, знающая изнанку жизни, и навела в городах минимальный порядок. Вот первое важное дело, понятное и барыне, и кухарке, в котором Временное правительство проиграло соревнование с Советами.

Теперь о продовольствии. Мы все слышаны о том, что большевики ввели военный коммунизм, продразверстку, пайки и прочие ужасные вещи. Так говорят те, кто никогда не голодал и плюет на голод ближнего. Я бы сказал, что в этой демократической критике как раз просвечивает мышление палача.

В те времена все в России, включая Николая II, думали иначе и считали необходимым предотвратить голод в городах. Но благими пожеланиями вымощена дорога в ад. Важно еще уметь это сделать, не боясь упреков какого-нибудь Бурбулиса. Ни одно правительство не вводит чрезвычайные меры без крайней необходимости, ибо они дороги и вызывают недовольство и сопротивление части населения. Идя на чрезвычайные меры, правительство наживает врагов. Поэтому вопрос стоит так: что вызовет большие по масштабу страдания — применение чрезвычайных мер или отказ от них?

Когда в 1915 г. был нарушен нормальный товарооборот и, несмотря на высокий урожай, «хлеб не пошел на рынок», были установлены твердые цены и начались реквизиции. 23 сентября 1916 г. царское правительство объявило продразверстку и ввело ее со 2 декабря. Количество подлежащего сдаче хлеба составляло 772 млн. пудов. Как видим, вроде бы не имеющие никакого отношения к коммунистам министры царского правительства идут на меру, присущую военному коммунизму.

Объявленная на 1917 г. продразверстка провалилась из-за саботажа и коррупции чиновников. В феврале лидер монархистов в Думе М. В. Родзянко подает Николаю II записку, в которой предупреждает о грядущей катастрофе: «Предполагалось разверстать

772 млн. пуд. Из них по 23 января было теоретически разверстано: 1) губернскими земствами 643 млн. пуд., 2) уездными земствами 228 млн. пуд. и, наконец, 3) волостями только 4 млн. пуд. Эти цифры свидетельствуют о полном крахе разверстки». Возникли перебои в снабжении хлебом Петрограда и ряда крупных городов. Подвоз продуктов в Петроград в январе составил половину от минимальной потребности. На заводах были случаи самоубийств на почве голода. На этой волне и было свергнуто самодержавие.

Временное правительство, будучи по своей философии буржуазным (сегодня бы сказали «рыночным»), тем не менее также вводит хлебную монополию — и также не может провести ее в жизнь из-за беспомощности государственного аппарата. По продразверстке 1917 г. было собрано ничтожное количество — 30 млн. пудов зерна. Ленин написал о надвигающемся голоде статью «Грозящая катастрофа и как с ней бороться».

Придя к власти именно в катастрофических условиях, большевики повели дело исходя из здравого смысла, как в случае с милицией. Обеспечить минимальное снабжение города через рынок при быстрой инфляции, разрухе в промышленности и отсутствии товарных запасов было невозможно. Реально покупать хлеб на свободном рынке рабочие не могли. Были приняты чрезвычайные меры. Заводам предложили создать и послать в хлебные районы рабочие продотряды. Половина добытого ими зерна поступала предприятию, сформировавшему отряд, половина передавалась Наркомпроду. Эти отряды составили затем единую Продармию, которая к декабрю 1918 г. насчитывала 41 тыс. человек¹.

Эти меры устранили угрозу голодной смерти (но не голода) в городах и в армии. В 1918/19 году было собрано 110 млн. пудов хлеба, а в 1919/20 году — 260 млн. пудов. Это немного по сравнению с продразверсткой, что была объявлена царским правительством на 1917 г., но зато это было *собрано*. Пайками было обеспечено 34 млн. человек — практически все городское население и часть сельских кустарей. Пенсиями и пособиями (в натуре, продовольствием) были обеспечены 9 млн. семей военнослужащих.

За счет внерыночного распределения городское население получало от 20 до 50% потребляемого продовольствия (эта величина колебалась от губернии к губернии). Остальное давал черный рынок («мешочничество»), на который власти смотрели сквозь пальцы. Было разрешено заготавливать продукты заводам и фабрикам для своих работников. Советы сумели наладить связи с сетью потребкооперации и через нее организовать прямой товарообмен.

¹ Сама численность Продармии (1 человек на 500 крестьянских дворов) показывает, что сопротивление крестьян продразверстке красных не было упорным.

Тот факт, что большевики без всякого доктринерства и болтовни, не имея еще государственного аппарата, обеспечили скудными, но надежными пайками все городское население России, имело огромное значение для того, чтобы «проект Ленина» был принят в целом. Ведь этих пайков не дало ни царское, ни Временное правительство, которые действовали в гораздо менее жестких условиях (а белые снабжением населения вообще не занимались).

Кусок хлеба был дан каждому именно без доктринерства. Ленин лично издал постановление «предоставить академику И. П. Павлову и его жене специальный паек, равный по калорийности двум академическим пайкам», хотя И. П. Павлов при виде каждой церкви снимал шапку и крестился, моля бога унести большевиков.

Роль большевиков в возникновении гражданской войны. Вина за разжигание войны была бы тяжелым грузом на наших весах. Реальность такова: бескровно получив власть в октябре 1917 г., большевики, естественно, делали все возможное, чтобы избежать гражданской войны. Известный тезис о «превращении войны империалистической в войну гражданскую» имел чисто теоретический характер и, поскольку до Февраля большевики политического влияния не имели, никакого воздействия на общественную практику не оказал. После Февраля он был снят и заменен лозунгом *справедливого мира*. После Октября, во время наступления немцев, был выдвинут лозунг *«Социалистическое Отечество в опасности»*.

С целью предотвратить столкновение было сделано много примирительных жестов: отмена смертной казни (это был первый декрет II Съезда Советов), освобождение без наказания участников первых антисоветских мятежей и их руководителей (генералов Корнилова, Краснова и Каледина); многократные предложения левым партиям образовать правительственную коалицию; отказ от репрессий по отношению к членам Временного правительства и перешедшим в подполье депутатам Учредительного собрания, даже отказ от репрессий против участников опасного мятежа левых эсеров в июле 1918 г. в Москве (были расстреляны лишь 13 сотрудников ВЧК, причастных к убийству посла Мирбаха) и амнистия в честь первой годовщины Октября.

В целях примирения Советская власть смотрела сквозь пальцы на нарушение запретов: летом 1918 г. издавалась газета запрещенной партии кадетов, выходили газеты меньшевиков и анархистов. Даже после разгрома ВЧК «анархистских центров» в Москве Н. Махно летом 1918 г. приезжал в Москву и имел беседы с Лениным.

Первые месяцы Советской власти породили надежды на мирный исход. О том, что эти надежды были искренними, говорят планы хозяйственного и культурного строительства и особенно начавшаяся реализация крупных программ. Например, открытие в 1918 г.

большого числа (33) научных институтов, организация ряда геологических экспедиций, начало строительства сети электростанций или программа «Памятники республики»¹. Никто не начинает таких дел, если считает неминуемой близкую войну.

В целом, Советское государство создавало механизм, подавляющий тенденцию к гражданской войне, но сила его оказалась недостаточной. Даже для тех действий, которые сегодня многие относят к разряду ошибочных или преступных, в тот момент было трудно предсказать итоговый эффект с точки зрения разжигания или гашения войны. К таким действиям относится *красный террор*.

Террор (от франц. слова «ужас») государства имеет целью подавить действия его внутренних врагов созданием обстановки страха, парализующего волю к сопротивлению. Для этого проводится краткая, но интенсивная и, главное, наглядная, вызывающая шок репрессия. В России все революционные партии принимали идею террора, социал-демократы отрицали лишь террор индивидуальный.

Красный террор был объявлен 2 сентября как ответ на волну убийств и мятежей летом 1918 г., после покушения на Ленина 30 августа. Самой крупной акцией красного террора был расстрел в Петрограде 512 представителей элиты (бывших сановников и министров, даже профессоров). Списки расстрелянных вывешивались (по официальным данным, всего в Петрограде в ходе красного террора было расстреляно около 800 человек). Прекращен красный террор был 6 ноября 1918 г., фактически в большинстве районов России он был закончен в сентябре-октябре.

Парализовать сопротивление Советской власти с помощью страха не удалось. Если же считать террор акцией уже начавшейся летом войны, то он привел к резкому размежеванию и «очистил тыл» — вызвал массовый отъезд активных противников Советской власти в места формирования Белой армии и районы, где Советская власть была свергнута (например, в Казани во время красного террора было расстреляно всего 8 человек, т.к. «все контрреволюционеры успели сбежать»).

Надо заметить, что и «красный террор» никак не был действием палача. Палач сам не погибает, а красный террор был отражением белого террора, это было *взаимоистребление*, действие войны. И красных пало больше. Есенин сказал об этом так:

¹ Эта программа была предписана Декретом СНК и утверждена 30 июля 1918 г. Только в Москве и Петрограде предполагалось установить 167 памятников великим революционерам и деятелям мировой и русской культуры (например, Андрею Рублеву, Тютчеву, Врубелю).

Цветы сражались друг с другом,
И красный цвет был всех бойчей.
Их больше падало под вьюгой,
Но все же мощностью упругой
Они сразили палачей.

Октябрь! Октябрь!
Мне страшно жаль
Те красные цветы, что пали...

Сегодня, когда хорошо изучен процесс разжигания десятка гражданских войн последних десятилетий (Ливан, Нигерия, Шри-Ланка, Югославия и др.), можно реконструировать весь период от февраля 1917 г. до конца 1918 г. как систему «создания» гражданской войны. На всех фатальных «перекрестках», на которых приходилось делать выбор из очень малого набора вариантов, Советское государство не сделало тяжелых, а тем более очевидных тогда ошибок. Вопрос о том, могло ли Советское правительство посредством более тонкой и точной политики предотвратить гражданскую войну, имеет чисто академический интерес. Скорее всего, ресурсов для этого у новой власти было недостаточно. Причина национальной катастрофы России — в совокупности фундаментальных факторов, повлиять на которые не хватило сил¹.

К таким фундаментальным факторам надо отнести позицию имущих классов, тот расизм по отношению к «низам», о котором я уже говорил. В ответ на этот нарастающий расизм «простонародье», причем уже вооруженное и знающее свою силу, очень долго отвечало множеством разного рода примирительных жестов. Это отражено во многих документах эпохи (например, в очень скрупулезных дневниках М. М. Пришвина, вовлеченного в гущу событий в деревне и в столицах). В целом, примирительные жесты «простонародья» были имущими классами отвергнуты. Это вызвало ответный социальный расизм, быстро достигший уровня ненависти и даже ярости.

Когда совершилась крупномасштабная иностранная интервенция (она началась с высадки японцев в апреле 1918 г.), и гражданская война стала реальностью, Ленин, как человек дела, действовал решительно и хладнокровно. Но, видимо, к военному периоду вопросов в рамках нашей темы и нет.

Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК). Остается обсудить репрессивную политику до войны, ответственность за которую несет Ленин как глава правительства. Она связана с деятельностью ВЧК. О ней созданы «симметричные» мифы — официаль-

¹ Важнейшие из этих факторов были заложены реформой Столыпина, но это — отдельная большая тема.

ный героический, а сегодня официальный черный. Если вдуматься, оба они предельно неправдоподобны. Для нас сейчас важнее черный миф.

Достаточно задать себе простой вопрос: могло ли реально советское правительство, сидящее в Петрограде и Москве — без аппарата, без денег (банки отказывались оплачивать счета правительства), без кадров и без связи создать в одночасье мощную всеохватывающую спецслужбу, способную провести по всей стране массовые репрессии? Спросим друг друга: сколько сотрудников насчитывала ВЧК, скажем, в начале 1918 г.?

Число сотрудников ВЧК в конце февраля 1918 г. не превышало 120 человек, а в 1920 г. — 4500, по всей стране. Провести широкие репрессии, которые приписывают ВЧК, она не могла просто в силу своей величины. В ноябре 1920 г. на ВЧК была возложена охрана границ (до этого граница охранялась «завесами» — подвижными отрядами). Тогда численность персонала ВЧК к 1921 г. достигла максимума — 31 тыс. человек. Если посмотреть на одно только здание ФСБ в Москве, то можно понять, насколько ничтожной по масштабам была эта страшная ВЧК, о которой создан миф как о палаче России.

Другое дело, что на местах постепенно начали действовать губернские и уездные ЧК, которые создавались уже в обстановке войны. В их делах было много эксцессов, произвола и преступлений. Правовая система только-только формировалась, местные органы власти, в том числе ревтрибуналы, руководствовались «классовым чутьем» и здравым смыслом. Потому нередко были приговоры типа «к расстрелу условно».

Многое определялось обстановкой, многое — кадрами. Во время любого общественного потрясения со дна поднимается множество ущербных, обиженных и злобных людей, которые тянутся к власти и особенно карательным органам — там они отводят душу (это мы и сегодня видим). Более того, к советской власти примазалось огромное число людей, этой власти органически враждебных. Партия большевиков, которая после Февраля 1917 г. имела около 20 тыс. членов, не могла заполнить своими кадрами даже самые важные посты. Надо лишь удивляться, как ее не сожрал враждебный ей бюрократический аппарат, в том числе и в карательных органах¹. Здесь видна именно сила «проекта» — той матрицы, которую дали большевики и на которой шло стихийное строительство.

¹ М. М. Пришвин, который провел 1919 г. в Ельце, перечисляет известные ему «руководящие кадры» города из негодяев и приходит к выводу, что, переменись власть, они снова оказались бы на старых должностях — полицейских, урядников, инспекторов. Эти люди не только не заботились об авторитете советской власти, но с удовольствием под шумок уничтожали и коммунистов.

Но наивно думать, что местные ЧК следовали какой-то переданной из Москвы инструкции и находились под контролем центра и тем более лично Ленина. Даже среди сотрудников ВЧК высшего уровня были фракции, которые не подчинялись Дзержинскому и Ленину (они пошли с удостоверениями ВЧК и убили посла Германии Мирбаха). Вообще, государственная вертикаль складывалась медленно и уже после войны. А в 1918 г., бывало, отдельные волости объявляли себя республикой и учреждали Народный комиссариат иностранных дел.

Еще одно методическое замечание. В литературе, в том числе в мемуарах, описаны трагические судьбы людей, попавших в застенки ЧК. Они оказывают сильное впечатление на читателя — в этом и состоит роль литературы и вообще искусства. Оно заставляет человека *сострадать жертве*, и это великое чувство. Если страдания убийцы, ожидающего электрический стул, опишет хороший писатель, нам станет близок этот убийца¹. Но из этого нельзя делать никаких политических и социальных выводов — вот где мы поскальзываемся и становимся объектом манипуляции. Ведь из показа личных судеб ничего нельзя сказать о социальном явлении — о числе жертв и часто даже о виновности данных личностей.

Для самой жертвы, о которой пишет писатель или она сама, ее горе — это весь мир, оценить масштабы этого горя как социального явления она в принципе не может и не должна. Кроме того, в этих описаниях обычно и речи нет о том, что жертва (виновная или невинная) попала под колесо гражданской войны. Никогда в этих мемуарах не приводятся описания или фотографии того, как в другой точке России запихивают живьем в топку уральских рабочих. А ведь между этими жертвами была прямая связь².

И еще одно замечание. Поскольку историей манипулируют, особенно в моменты слома государства, как сейчас, для оценки исторического явления надо учитывать, как оно отложилось в *коллективной памяти*. Очень редко бывает, чтобы карательный орган сохранился в памяти под именем, имеющим положительную окраску. Чекист — именно такое имя. Несмотря на все черные мифы последних лет, до сих пор сотрудники спецслужб желали бы, чтобы их называли уважительно «чекист». Это значит, что в глазах совре-

¹ Разрушая правовую систему, демократическое телевидение часто крутило хорошо сделанный фильм о том, как женщина-адвокат влюбилась в своего подзащитного убийцу и принесла ему пистолет. Он пытался бежать и убил еще троих солдат, пока его не пристрелили. Финальный кадр — залитое слезами лицо героини во весь экран. Конечно, зритель сострадает, для него в этот момент жизни солдат-винтиков не имеют ценности в сравнении с горем влюбленной женщины.

² М. М. Пришвин, мечтавший о приходе белых, 4 июня 1920 г. записал в дневнике: «Рассказывал вернувшийся пленник белых о бесчинствах, творившихся в армии Деникина, и всех нас охватило чувство радости, что мы присидели у красных».

менников-обывателей ЧК своими жестокостями спасала несравненно больше невинных людей, чем губила. Этот баланс, который не выразить числом, коллективный разум очень хорошо определяет.

Теперь кое-какие данные о ВЧК, которые можно прочесть в учебнике по истории государства и права (учебнике не советском, а нынешнем, издания 1998 г.).

ВЧК была создана 7 декабря 1917 г. прежде всего как орган борьбы с саботажем в связи с готовящейся всеобщей забастовкой служащих правительственных учреждений. Первыми ее акциями стали прекращение «пьяных погромов» (разграбления винных складов в Петрограде) и арест в Москве 600 бандитов, которые орудовали «под флагом анархизма». Другая задача — борьба со спекуляцией. О чем речь?

Поскольку Брестский мир обязывал правительство России оплатить все ценные бумаги, предъявленные Германией, началась широкая спекуляция акциями промышленных предприятий (в том числе уже национализированных). Акции продавались немецким подданным, от них поступали в посольство Германии, а оно предъявляло их к оплате. На борьбу с этим были брошены большие силы ВЧК.

Ликвидирована ВЧК была в 1922 г., и пришедшее ей на смену ГПУ было уже иным, гораздо более мощным и гораздо более репрессивным органом. Но это уже эпоха «после Ленина» — он заболел накануне первого большого политического процесса над 47 лидерами эсеров.

Говоря об отношении Ленина и большевиков к репрессиям, надо вернуться к главному историческому факту: за власть в России боролись разные революционные движения. И сравнивать «репрессивность» их идеологий надо в реальном ряду, а не с «добрым царским правительством».

В центре, где и вырабатывался тип репрессий советской власти раннего периода, в дебатах участвовали большевики, меньшевики и эсеры. Эти дебаты показывают непривычную для нашего уха, но надежно установленную вещь: большевики были единственной партией, которая боролась за скорейшее восстановление правового, государственного характера репрессий — вместо политического, партийного. Именно это и вызывало острую критику эсеров и меньшевиков.

Они не возражали против внесудебных расстрелов в ВЧК, но подняли шумную кампанию протеста, когда в июне 1918 г. состоялся суд над адмиралом А. Щасным, который обвинялся в попытке передачи судов Балтфлота немцам, и он был приговорен к расстрелу. Лидер меньшевиков Мартов даже напечатал памфлет «Долой смертную казнь», где не стеснялся в выражениях: «Зверь лизнул

горячей человеческой крови. Машина человекоубийства пущена в ход... Зачумленные, отверженные, палачи-людоеды...» и пр. Очень резко выступили эсеры на V Съезде Советов.

На чем же был основан протест? Им было жалко адмирала? Ничуть нет. Они протестовали против вынесения смертных приговоров путем *судопроизводства*, поскольку это, дескать, «возрождает старую проклятую буржуазную государственность». Сегодня эта антигосударственная позиция покажется нам дикой, но она была настолько распространена в то время, что прокурор Крыленко отговаривался с помощью крючкотворства: мол, суд «не приговорил к смерти, а просто приказал расстрелять».

Я лично, на основании чтения исторических материалов, пришел к выводу, что из всех политических течений, которые в то время имели шанс прийти к власти в России, большевики в вопросах репрессий были наиболее умеренными и наиболее государственнымскими¹. А государственные репрессии всегда наносят народу меньше травм, чем репрессии неформалов.

Можно задать себе и такой простой вопрос: какая власть была «более репрессивной» — советская при Ленине или демократическая сегодня, при Ельцине? В чем мера «репрессивности»? В том, какая часть населения лишена свободы. В принципе, неважно, по какой причине, важно, что государство подавляет какие-то действия своих граждан, хотя бы оно и само их вызвало, путем лишения свободы.

Общее число лиц во всех местах заключения в СССР составило на 1 января 1925 г. 144 тыс. человек, на 1 января 1926 г. 149 тыс. До срока тогда условно освобождались около 70% заключенных. Пополнение мест заключения было 30—40 тыс. человек в год. Сравним: в 1996 г. к лишению свободы было приговорены 560 тыс. человек. Это — «новенькие», пополнение (правда, 200 тыс. получили отсрочку в исполнении приговора — мест в бывшем ГУЛАГе не хватает).

Репрессивность России Ельцина просто не идет ни в какое сравнение с положением в России Ленина. Учтем еще, что сегодня «репрессивность» искусственно снижается из-за развала правоохранительной системы. В 1997 г. в РФ было зарегистрировано 1,4 миллиона тяжких и особо тяжких преступлений. Тяжких и особо тяжких! Вот каким должно было бы быть пополнение тюрем и лагерей, если бы преступники были схвачены. Создать условия, при

¹ Среди большевиков установкой на репрессии резко выделялся Троцкий и близкие к нему деятели. Но его не раз блокировали на уровне ЦК РКП(б). Проект Троцкого в важнейших вопросах был несовместим с проектом Ленина, и к концу 30-х годов был подавлен — вплоть до конца 80-х годов. Почему большевикам летом 1917 г. пришлось «впустить» Троцкого — большая и малоизученная проблема.

которых за год миллион человек становятся жертвами тяжких преступлений (а другой миллион грабителями) — это и быть палачом народа. Разве не так?

Мой заочный собеседник Сергей, возможно, скажет, что он имел в виду репрессии против бескорыстных «политических», а уголовники — что о них переживать. Но пусть покопается в памяти: что он знает о масштабах политических репрессий при Ленине? Что академик Лихачев попал на Соловки (за что — об этом говорится как-то туманно, намекается, что невинно). А сколько всего было политзаключенных при Ленине? Не странно ли, никогда эта цифра не называлась (это, кстати, признак манипуляции — отсутствие простых и четких данных).

Можно не верить официальным советским данным. Но тут нам повезло — антисоветская эмиграция, которая грызлась, как пауки в банке, в этом вопросе сговорилась и образовала бюро, которое скрупулезно вело учет политических репрессий в СССР. По опубликованным за рубежом данным, предоставленным этим бюро, в 1924 г. в СССР было около 1500 политических правонарушителей, из которых 500 находились в заключении, а остальные были лишены права проживать в Москве и Ленинграде. Эти данные зарубежные историки считают самыми полными и надежными. 500 политических заключенных после тяжелейшей гражданской войны, при наличии оппозиционного подполья и терроризма — и это репрессивное государство? Вернитесь, господа и товарищи, к здравому смыслу, не дергайтесь на ниточках у манипуляторов.

Не палач, а спаситель: главный довод. Есенин написал после смерти Ленина: *«Того, кто спас нас, больше нет»*. Что же главное сделал Ленин, чтобы его так назвал человек, переживавший то время сердцем крестьянина и поэта?

Когда читаешь документы того времени, дневники и наблюдения (в основном со стороны противников Ленина — его соратники дневников не вели), то возникает картина, в которую поначалу отказываешься верить. Получается, что главная заслуга советского государства, а в нем — именно Ленина, состоит в том, что оно сумело остановить революцию и реставрировать Российское государство. Это настолько не вяжется с официальной историей, что вывод кажется невероятным.

В. В. Кожинов замечательно показывает, что большевики овладели русским бунтом, возглавили его — и утихомирили. При этом он разделяет этот бунт и революцию как две разные категории. Это помогает анализу, но мне кажется, что реальность сложнее. Русская революция, как революция не буржуазная, а крестьянская, была с бунтом неразрывно связана, и разделить их невозможно. Буржуазная революция, которая смела царизм и Империю, каза-

лась такой мощной только потому, что она взорвала плотину. «Ее» результаты поражали, но сама она была лишь рябью на океанской волне бунта.

Овладеть этой волной, главным потоком революции, оказалось для Ленина самой важной и самой трудной задачей — хотя острая и прямая опасность исходила начиная с середины 1918 г. от белых. Поворот к «обузданию революции» происходит у Ленина буквально сразу после Октября, когда волна революции нарастала. Для такого поворота нужна была огромная смелость и понимание именно чаяний народа, а не его «расхожих суждений». И не только смелость, но и чувство меры — и близость к массам, совершающим ошибку. С зимы 1918 г., вслед за национализацией земли, рабочие стали требовать национализации заводов. История оставила замечательные по смыслу и стилю документы — письма рабочих собраний с просьбой взять их завод или шахту в казну. Ленин сдерживал этот порыв, но сдерживал, не доводя до разрыва, не обескураживая людей.

Выступая в апреле 1918 г., Ленин сказал: «Всякой рабочей делегации, с которой мне приходилось иметь дело, когда она приходила ко мне и жаловалась на то, что фабрика останавливается, я говорил: вам угодно, чтобы ваша фабрика была конфискована? Хорошо, у нас бланки декретов готовы, мы подпишем в одну минуту. Но вы скажите: вы сумели производство взять в свои руки и вы подсчитали, что вы производите, вы знаете связь вашего производства с русским и международным рынком? И тут оказывается, что этому они еще не научились, а в большевистских книжках про это еще не написано, да и в меньшевистских книжках ничего не сказано».

Ленин всеми силами стремился избежать «обвальной» национализации, остаться в рамках государственного капитализма, чтобы не допустить развала производства. На это не пошли капиталисты и с этим не согласились рабочие¹. В недостатке революционности Ленина тогда обвиняли не только троцкисты, но и меньшевики, которых мы по привычке считали умеренными реформистами.

Ленин требовал от советского государства налаживать производство и нормальные условия жизни. А значит, налаживать контроль, дисциплину, требовать от рабочих технологического подчинения «буржуазным специалистам». И в апреле 1918 г. меньшевики в газете «Вперед» заявили о солидарности с левыми коммунистами: «Чуждая с самого начала истинно пролетарского характера по-

¹ Владельцы не закупали сырье, а значит, по мнению рабочих, готовились закрыть производство. Кроме того, распродажа акций немцам создала риск утраты Россией самых важных предприятий. Но даже после национализации владельцев просили остаться в руководстве производством и в полном объеме получать прибыль — как и при частном владении.

литика Советской власти в последнее время все более открыто вступает на путь соглашения с буржуазией и принимает явно антирабочий характер... Эта политика грозит лишить пролетариат его основных завоеваний в экономической области и сделать его жертвой безграничной эксплуатации со стороны буржуазии».

Меньшевики обвиняют Ленина в соглашении с буржуазией! Это надо запомнить. Ведь это до сих пор ставится именно советскому строю в вину: при нем надо было честно и ответственно трудиться. М. М. Пришвин вспоминает (22 января 1919 г.), как беседовал он с одним большевиком о коммунизме в присутствии одного мужика:

«Долго слушал нас человек мрачного вида, занимающийся возростом дров в казенном лесу, и сказал:

— Я против коммуны, я хочу жить на свободе, а не то что: я сплю, а он мне: «Товарищ, вставай на работу!»

Конечно, в душе каждого из нас дремлет «гунн». Все революционные течения в России потакали именно этому «гунну», духу разрушения и разделения — проедания того, что было накоплено цивилизацией. В этом заигрывании с «гунном» был присущий интеллигенции страх перед крестьянином (это прекрасно отразилось в дневниках М. М. Пришвина — мелкого помещика и либерала, вынужденного жить среди ненавистных ему крестьян). Партия Ленина резко отличалась тем, что она открыто и даже жестоко подавляла «гунна» — она единственная была, по выражению М. М. Пришвина, «властью не от мира сего». Почему Ленин решился и действительно смог прямо и честно выступить против «гунна», откуда у него был этот запас прочности? Это можно объяснить только тем, что он обращался к глубоким чаяниям и не боялся идти на конфликт с «расхожими суждениями».

Сразу после Октября большевики выступили против «бунта», против стихийной силы революции (это называлось «мелкобуржуазной стихией», но дело не в термине). Сегодня много чернил истратили, чтобы обвинить Ленина в лозунге «грабь награбленное». На деле это был лозунг «бунта», которым овладели большевики. Но тогда уже Ленин сказал: «После слов «грабь награбленное» начинается расхождение между пролетарской революцией, которая говорит: награбленное сосчитай и врозь его тянуть не давай, а если будут тянуть к себе прямо или косвенно, то таких нарушителей дисциплины расстреливай...»

К чему привело потакание «гунну» со стороны либералов и эсеров? К тому, что вслед за сломом государственности началось «молекулярное» разрушение и растаскивание всех систем жизнеобеспечения России, и она «погрузилась во мглу»:

Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода...

Это и было причиной гибели массы людей. Расхожие суждения вошли в конфликт с чаяниями. Ленин, который умело и гибко стал с этим бороться, потому и был признан спасителем. Вот как видит Есенин его дело:

Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон...

Потакание стихии, «гунну» в человеке, есть для политика именно установка палача — палача страны и самих людей. Дело не только в прямых утратах, хотя и они велики¹. Идет огромный откат в типе мышления, в навыках рассуждений, в отношении к образованию и созидательному порядку. А это важная предпосылка для вымирания народа даже без прямого убийства. М. М. Пришвин записал 2 июля 1918 г.: «Есть у меня состояние подавленности оттого, что невежество народных масс стало действенным».

Да, невежество было велико и раньше, но до Февраля оно было сковано государством — оно не было действенным. Его раскрепостило и сделало активным и даже агрессивным именно кадетское и эсеровское Временное правительство. Его сразу после Октября начало загонять в подчиненное положение Советское государство².

Ленин много сделал, чтобы гражданская война была закончена как можно быстрее и резко — без «хвостов». На это была направлена и военная стратегия мощных операций, и политика компромиссов и амнистий. Опыт многих стран показал, что часто гражданская война переходит в длительную «тлеющую» форму, и в этой форме, соединяясь с «молекулярным» насилием, наносит народу очень тяжелые травмы.

В целом гражданская война ленинского периода имела «два завершения» — решительную и резкую победу красных над белыми

¹ Наши нынешние реформаторы открыли много частных лавочек для скупки медного провода, который отправляется в Эстонию. Они всячески побуждают опустившихся людей превратиться в активных «гуннов»: целые сельские районы уже остались без электричества, потому что кем-то сняты и проданы провода. Копеечный барыш — и страшный удар и по производству, и по цивилизованному еще быту.

² Во времена Сталина изгонять «гунна» пришлось действительно жестокими методами. Но война показала, что эта жестокость была спасительной. Неожиданно для себя немцы в 1941 г. встретили многомиллионную армию деревенских парней, которые воспринимали время в секундах и владели сложной техникой.

в Крыму и прекращение стихийного крестьянского сопротивления через переход к НЭПу. Это мы помним довольно четко, надо только задуматься над тем фактом, что завершение обеих войн было чистым. Это — вовсе не обычная и тривиальная в гражданских войнах вещь. Напротив, общим правилом является длительное изматывающее противостояние после номинального окончания войны¹. У нас же все стали советскими людьми, и миллионы людей, служивших в Белой армии, как бы растворились.

Официальная мифология героизировала ту войну, и в тень ушли некоторые важные явления. К ним надо отнести суровые преследования советской власти против тех красных, которые затягивали боевые действия, когда белые уже склонялись к тому, чтобы разоружиться. Это называлось «красный бандитизм». В конце войны имели место судебные процессы против таких нарушителей общей политической линии (иногда под суд в полном составе шли городские партийные организации). Чтение документов о тех процессах поражает.

Перестроечная и нынешняя вязкая антиленинская кампания была очень недобросовестной и нанесла всему обществу огромный вред. В ней не было критики, и все действительно сложные проблемы так принижались, что мы отвыкли ставить вопросы хотя бы самим себе. Многие, в том числе из лагеря патриотов, обвиняют Ленина в том, что он предложил «неправильное» национально-государственное устройство СССР. Надо было, мол, создать вместо республик губернии — просто восстановить Российскую империю, и дело с концом.

Это говорится или неискренне, или безответственно. Февральская революция «рассыпала» империю, так что гражданская война имела не только социальное, но и национальное «измерение». В разных частях бывшей Империи возникли национальные армии или банды разных окрасок. Все они выступали против восстановления единого централизованного государства. Белые пытались бороться против них и, как выразился эстонский историк, «напоролась на национализм и истекли кровью».

Ленин предложил совершенно новый тип объединения — через «республику Советов», снизу, образуя промежуточные национальные республики. Но эти республики очень мягко, почти неви-

¹ В Испании преследования республиканцев после войны стоили народу почти столько же жертв, как и боевые действия. По деревням на крышах домов республиканских солдат сидели, в ожидании их тайного возвращения, засады фашистов. Сидели год за годом, иногда уже сыновья «первой смены» караульщики. Эти юноши мало знали о войне, но выслеживали тех, кто должен был вернуться — уже стариком. До сих пор в деревнях жители делятся на «красных» и «франкистов», и браки между детьми их семей — редкость.

димо накладывались на единый скелет из Советов. С этим предложением обратились к трудящимся, которые более всего страдали от своих князьков и были заинтересованы в воссоздании единого государства. При этом учреждение национальных республик, входящих в Союз, а не Империю, нейтрализовало возникший при «обретении независимости» национализм. Армии националистов потеряли поддержку, и Красная армия ни в какой части России не воспринималась как чужеземная армия. Она была общей армией трудящихся («республики Советов»). Таким образом, со стороны советского государства гражданская война в ее национальном измерении была пресечена на самой ранней стадии, что сэкономило России очень много крови.

Ленин непрерывно объяснял ценность для трудящихся большого единого государства и умел находить для этого веские доводы — вместо истрепанного лозунга «России единой и неделимой». Вообще, большевики между Февралем и Октябрем были единственной партией, которая везде отстаивала целостность государства (это проявилось, например, при возникновении сепаратизма в Сибири — «областничества»).

В. В. Кожин приводит слова из «Книги воспоминаний» великого князя Александра Михайловича: «На страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи».

Тип нового государства в виде Советского Союза позволил не только резко «сократить» гражданскую войну в 1918—1921 гг., но и оказался исключительно эффективным в большой войне 1941—1945 гг. Это тоже «сэкономило» русскому народу много крови (если говорить точнее, спасло его). Представьте, что к немцам присоединились не только часть чеченцев и крымских татар, а вообще все нерусские народы.

В чем было отличие «проекта Ленина» от всех других проектов того времени, которое позволило «остановить Россию над пропастью» — утихомирить революцию? Здесь требуется поразмыслить, официальная история этого нам не объясняет. Мы уже отметили вещь очевидную: «проект Ленина» не вошел в конфликт с главными, непобедимыми силами России. Более того, он был в сути своей признан справедливым даже противниками (одними раньше, другими позже). Вопрос в другом: почему Ленин смог нащупать этот путь?

Выскажу свою гипотезу. Читая сегодня Ленина со знанием тех исторических обстоятельств, которых и сам он тогда не знал, я вижу коренное его отличие от вождей других политических сил в том, что Ленин разом схватывал и чаяния главных частей народа, и

их «выраженные» интересы. Беря чаяния за ориентир, за направленные пути, он строил путь исходя из актуальных требований — но не подчинялся им! Не потакал. И не потакал даже своим собственным догмам и убеждениям (например, почерпнутым из марксизма). Он, не отрываясь от «своих» людей, вел их к цели — даже вопреки их конъюнктурным интересам и настроениям. Он мог их вести, потому что они, даже проклиная большевиков, чувствовали скрытую правду этого пути.

Никто другой это совместить не мог. Идеалисты (каких много было среди белых и среди интеллигенции) ненавидели «чернь» за противоречие между чаяниями и внешними интересами, готовы были уничтожить «хама» за это противоречие. Другие — кто по трусости, кто из-за комплекса «вины перед народом» — заискивали именно перед его расхожими суждениями.

Указанную способность Ленина видно из того, как он овладел главным течением революции. Это главное течение (по выражению М. М. Пришвина, революция «скифов» или «горилла поднялась за правду») шло под лозунгом «Вся власть Советам!». Эти слова нам настолько привычны, что мы о них и не думаем. Но давайте задумаемся — ведь это страшные слова. Когда Ленин их поддерживал в апреле 1917 г., просвещенные социал-демократы его посчитали сумасшедшим. Ведь это — лозунг анархии, полного уничтожения государства, построение крестьянской утопии под названием «Земля и Воля».

Странно, что почти никто не может ответить на простой вопрос: что такое были Советы в конце 1917 г.? На ум приходят наши привычные сельсоветы и райисполкомы. Но ведь ничего этого не было! До выборов 1924 г. Советы представляли собой не государственную власть, а «прямую демократию». На заводах все работники составляли Совет, в деревне — сельский сход. Они посылали своих представителей в крупные Советы (которые тогда называли «совдепами» — в отличие от просто Советов). Действия Советов были независимы, они не регулировались законами, у них была вся власть. С точки зрения нормального государственного управления это был хаос (иностранные обществоведы даже в 30-е годы признавали, что они не могут не только объяснить, но даже и описать систему советской власти). Достаточно сказать, что многие местные Советы не признали Брестский мир и считали себя в состоянии войны с Германией.

И в то же время именно в Советах были зерна той власти, которой «чаяли» крестьяне и рабочие. Именно Ленин в своем «проекте» создавал образ нового государственного устройства, превращал хаос Советов в Советское государство. И речь шла о борьбе на два фронта — против анархизма Советов («бунта») и против левых

партий, которые потакали «бунту» и по всем главным вопросам исходили из принципа «меньше государства!». Сегодня легко нашим кабинетным трибунам проклинать номенклатуру. А тогда принцип подбора советских кадров, который включал их в общегосударственную систему, был важнейшим шагом к соединению всех Советов в единую систему. Именно в этом сочетании суть. Ленин, возглавив движение «Вся власть Советам!», смог овладеть этим процессом, а не вставать у него на дороге. А овладев процессом, он смог «укротить Советы» и направить их энергию на самопостроение сильного государства.

Посмотрите на тот тлен и распад, который мы наблюдаем сегодня, и станет понятно, почему Есенин сказал о Ленине: «тот, кто спас нас».

Глава 25

МАЛЕНЬКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАДАЧИ

В конце 1997 — начале 1998 гг. «Советская Россия» попробовала устроить небольшой практикум по разбору частных политических событий с позиций здравого смысла. Я просто формулировал простые вопросы, которые напрашивались при виде очередного маленького спектакля, преподносимого телевидением. На эти вопросы никогда, конечно, не было получено ответа — но и сами вопросы важны. Возможно, и отсутствие ответов тоже. «Молчание их подобно крику», — говорил Цицерон про лукавых правителей. Проблемы, о которых говорится в маленьких учебных задачах, тоже почти все остались, только ушли в тень. Выбор учебных тем неисчерпаем — жизнь их подбрасывает ежедневно, так что каждый может себе сам задать задачи для домашних упражнений. Наверняка более яркие, чем набрал я за месяц. К тому же опыт этот был быстро прекращен, и не все приведенные здесь задачи успели выйти в свет. Это были мои последние публикации в «Советской России». Время прошло, но учебного значения они не потеряли, и я их привожу в этой главе.

Государственный бюджет на 1998 г. Когда Гайдар, Лившиц или Уринсон говорят нам что-то об экономике на птичьем языке, это разумно. Они завершают аферу века, и чем меньше граждане понимают, что происходит, тем для этих политиков лучше.

Но теперь и депутаты от оппозиции, даже в «Парламентском часе» говорят так, будто люди прекрасно разбираются в секвестрах и прочей чепухе. Основная масса граждан видит, что дело в общем плохо, но ни причин, ни реального состояния страны не знает. Боль-

шинство вообще переносит привычные представления советского времени на нынешнее время — и потому не понимает ничего. Хотя бы с тем же бюджетом.

А ведь именно бюджет показывает всю нелепость возникшего в России уклада, его несовместимость с жизнью. Нелепость с точки зрения здравого смысла — а не с точки зрения вора, раздевающего ошарашенного обывателя.

Государство свернуло все структуры цивилизованной жизни — науку, медицину и т.д., не кормит солдат и не платит зарплату учителям. С производства оно якобы берет налогов 82 коп. с рубля дохода. А ничтожный по размерам бюджет не может наполнить, он держится только за счет долгов и распродажи ценностей. И всех нас, видимо, считают идиотами — разыгрывают спектакль с этим бюджетом. Первое чтение, второе чтение, Ельцин на трибуне. А оппозиция — как та деревенская девка, которую поминал Иван Карамзov: «Хоцу — вскоцу, хоцу — не вскоцу». Хоцу проголосую, хоцу не проголосую.

Хотелось бы, чтобы кто-то из Думы внятно ответил нам на простые вопросы.

1. Сколько денег в этом бюджете в сравнении с реальными нуждами страны? Только не в этих триллионах, миллиардах — прекрасно известно, что человек не воспринимает жизнь в этих понятиях. Семьсот повешенных! Проще всего сравнить с советским бюджетом РСФСР в одних и тех же условных, но осязаемых единицах — например, в энергии (тоннах бензина) и хлебе (тоннах пшеницы).

2. Как возник и кем был утвержден сам этот нелепый, противный здравому смыслу принцип составления бюджета? Ведь как рассуждают уринсоны: посмотрим, сколько сможем собрать налогов, и раскинем эти деньги по статьям. Но ведь так не может жить ни семья, ни государство! При нормальном подходе вопрос стоит *наоборот*: посмотрим, какие нам нужны траты, чтобы Россия жила, пусть и на пределе, затянув пояс. Сколько у нас детей, которых нужно учить, сколько надо сытых солдат, чтобы хоть чуть-чуть прикрыть границы. Сколько надо вложить в анализаторы метана, чтобы шахты не взрывались. Уж когда этот минимум определен, будем искать, откуда взять средства. И если окажется, что при тотальном рынке мы передохнем (а это, конечно, так и есть) — вернуть в казну доходные производства, отобрать водку у Брынцалова и нефть у Березовского.

3. Какой смысл создавать столько шума вокруг принятия бюджета, если уже с января правительство совершенно спокойно начинает его нарушать? Это называется искать не там, где потеряли, а там, где светло. Если Дума не может заставить правительство вы-

полнять бюджет (а невыплаты зарплаты бюджетникам тому свидетельство, всем очевидное и понятное), то шумихой вокруг принятия бюджета она просто отвлекает внимание граждан от главных причин их бедственного положения.

4. Даже неспециалисты начинают понимать, что наступает полная амортизация капиталовложений, сделанных во всю техническую сферу России до 1988 г. Значит, в ближайшие годы начнутся массовые отказы и аварии всех систем жизнеобеспечения. Даже если сегодня начать крупные капиталовложения в поддержание хотя бы главных технических систем, приемлемый минимум их безопасности будет достигнут не сразу. А ведь и намеков никаких нет на эти капиталовложения. Куда же нас ведут все «ветви власти»? Что на этот счет думает Дума? Если она что-то думает, но не может повлиять на правительство, то она обязана хотя бы предупредить граждан.

Как у Березовского отняли налоги. Депутаты могут делать запросы правительству. Это очень хорошо. Вот через «Парламентский час» мы узнали, что оппозиция обеспокоена бедой, которая накатывает на Россию: на скульптуре «Рабочий и крестьянка» появилась ржавчина, причем прямо на ноге у крестьянки. А режим Ельцина—Чубайса мер не принимает! Занят всякой ерундой.

Узнав, что оппозиция радеет о союзе рабочего класса и крестьянства, мы успокоимся. Однако хотелось бы услышать и о других вещах, которые людей волнуют, но без разъяснений понять трудно. Вот весь мир был потрясен большевистской акцией ВЧК под руководством Чубайса — «арестом» Омского нефтеперерабатывающего завода и Ангарского нефтехимического комбината. Одни ужасаются — как это посмели замахнуться на Березовского. А мasons из Вашингтона, наоборот, переживают за Чубайса и «наезжают» на Черномырдина. Каков мировой спектакль!

Так нельзя ли в Думе сделать запрос, а потом сообщить нам ответ на такие простые вопросы. Они касаются не результатов акции ВЧК, а той общей сути, которая приоткрылась в ходе этой акции.

1. ВЧК решила, что Омский завод будет продан для уплаты долгов по налогам — 500 млрд. руб. («старыми»). Так ли это? Выходит, некий человек, в недавнем прошлом скромный научный сотрудник из АН СССР, сумел «недоплатить» казне 500 миллиардов рублей (около 100 миллионов долларов) налога с дохода! Мы часто слышим, что неуплата налогов — это хищение из казны. Если у какого-нибудь вице-президента США Спиро Агню раскапывают неуплату в тысячу долларов, совершенную в дни бурной молодости, он в два дня исчезает из общества, поскольку он совершил уголовное преступление. Бедная Софи Лорен вынуждена была скрываться и не могла вернуться в Италию, пока не покрыла старый долг по

налогам, возникший по недоразумению. У великой певицы Испании Лолы Флорес конфисковали все виллы и квартиры, и она едва избежала тюрьмы — за неуплату, тоже сделанную явно по халатности.

Как трактуется неуплата налогов банкирами в РФ? Что об этом говорит закон, который по приказанию Ельцина должен якобы применить к Березовскому Черномырдин? Почему закон должен применить Черномырдин, а не суд? В РФ отменили разделение исполнительной и судебной власти?

2. Из сообщений всех каналов ТВ возникает такая картина. Огромный современный комбинат, один из самых прибыльных в России, был отдан частным лицам. Продукция этого завода (бензин, дизельное и авиационное топливо, масла) имеет неограниченный спрос. Что не купят в России, с удовольствием возьмут за рубежом. Поэтому проблем со сбытом и поступлением доходов не возникает. Сообщите, пожалуйста, какой доход получили хозяева Омского завода и за какую сумму они получили этот завод от режима Ельцина—Чубайса.

3. Получив огромную прибыль, «Березовский со товарищи» (это — понятие условное, кто реальный «хозяин», мы не знаем), кроме того, воруют полтриллиона рублей налогов. Но никого из них не собираются сажать в тюрьму, не описывают их имущества, не снимают денег с их иностранных счетов через «Интерпол», им просто говорят: ребята, хватит! Все, что успели хапнуть — ваше, дайте теперь другим попользоваться. О ста миллионах долларов, не сданных в казну, не беспокойтесь — их выплатит как вступительный взнос следующий из нашей партии. Разве не так обстоит дело? Ведь таково и было решение ВЧК. Если так, то все это государство, со всеми его ветвями власти и услугой, породило пиявок, которые присосались к России. И теперь государство занято лишь тем, чтобы пиявки сосали в порядке очереди.

4. Объясните механику: как вообще можно «не заплатить» налоги в размере 500 миллиардов рублей? Ведь не за пазухой таскают «черный нал» поставщики миллионов тонн нефтепродуктов. Почему у врача или учителя, получающего свои жалкие гроши, налоги выдираются банком автоматически, а фабрикант платит или не платит налоги по желанию? Тут что-то не так. От многих мелких предпринимателей приходится слышать, что банк в уплату налогов безжалостно снимает любые деньги, поступившие на счет предприятия, чем нередко парализует процесс производства. Каким образом государство могло «не заметить», что от «Березовского» не поступают сотни миллиардов рублей налогов?

5. Как сообщило телевидение, напуганные Чубайсом «хозяева» завода вдруг вынимают из кармана 600 млрд. руб. и уплачива-

ют налоги. Это — прямое и полное свидетельство преступного характера «фирмы». Не может нормальная фирма «изыскать» таких денег. Если бы эти деньги были изъяты из другого, менее ценного для хозяев предприятия, то где-то что-то рухнуло бы со страшным грохотом. Этого не произошло. Значит, это деньги из «зазеркалья». Значит, государство совершенно не контролирует ситуацию, и финансовые спекулянты могут в любой момент обрушить всю экономику России.

«Вынуть» такую сумму можно только при двойной бухгалтерии, когда главные средства фирмы обращаются «в тени». На Западе нестыковка с бухгалтерскими отчетами в десяток миллионов долларов (в любую сторону) уже приводит к расследованию. Более того, неожиданное «появление» денег вызывает гораздо больше подозрений в криминальном характере фирмы, чем пропажа денег.

Ответьте, как мог Центральный банк принять в бюджет такую огромную сумму и не выяснить источника этих денег? Где МВД с его «борьбой с отмыванием денег»? Появление из воздуха 100 миллионов долларов — афера небывалая. А может быть, никаких денег и не было? Нас просто водят за нос.

Манипуляция именем. В Алжире кто-то зачем-то вырезал несколько сот крестьян в глухих деревнях. Весь «цивилизованный» мир заявил, что это сделали *исламисты*. Слово новое и туманное. Ясно, что происходит оно от слова *ислам*, но что означает суффикс «*ист*»? Попробуйте сказать «христианист» — что это такое? Явно что-то ругательное, но как оно связано с христианством?

Что действующее на территории России НТВ охотно подхватило тему злых исламистов, вполне понятно. Но ведь и наша патриотическая пресса легко приняла этот язык. Между тем дело нешуточное. После уничтожения СССР у влиятельных сил на Западе возник психоз — они остались без врага! В таком вакууме они жить не могут (имеется старый афоризм: «война — душа Запада», это идет еще от Рима). Там срочно создается новая теория о «войне цивилизаций», и врагом объявляется исламская цивилизация. Но так же, как Рим любил использовать в качестве пушечного мяса воинов поработенных народов (хотя и пушек-то еще не было, а мясо было), большую роль в войне с «исламом» отводят русским. А то они медленно вымирают.

Вот я и хотел бы спросить наших патриотических журналистов: почему вы называете неведомых убийц в Алжире «исламистами»?

Насколько я знаю, тому есть два основания: так их называют демпресса (и там, и у нас); иногда так называют себя сами убийцы. Но разве это достаточные основания? Вот демократическая пресса называла Жириновского фашистом. Разве это служит доводом, чтобы и приличные люди так его называли? Ведь нет же. Второй ой

довод еще более несостоятелен. Мало ли кто как себя назовет. Даже если человек придет в милицию и заявит, что он — разыскиваемый убийца, он на суде обязан доказать, что убийца — именно он. Признание — не доказательство вины. А уж тем более когда наоборот, убийца претендует на знамя, для многих привлекательное.

Особенно осторожно надо подходить к тем политическим движениям, которые примазываются к религии. Вот Шумейко стоит со свечкой. Неужели кто-то всерьез поверит, что он — православный подвижник? Но ведь это — гротескная, почти безобидная фигура, а в Алжире слово «исламист» сопрягают с кровью.

Возьмите Югославию. Мне приходилось бывать на Западе на конференциях церковных деятелей, которые безуспешно пытались воспрепятствовать искусственному созданию на Балканах «религиозной» войны. Докладчики доказывали, что руководители всех конфликтующих сторон вышли из номенклатуры, что все они узурпировали религиозное знамя из чисто политических целей — чтобы быстро разделить народ и сплотить «своих». Вся верхушка «мусульманской» части Боснии — интеллигенты, в жизни не державшие в руках Корана. Но мировому правительству надо было создать на Балканах «исламско-православный» конфликт, и пресса ему активно помогала.

Конечно, ислам, который очень тесно связан с мирской жизнью, особенно соблазнительно эксплуатировать политикам. Потому и обыденное сознание легко восприняло такую странность: в Боснии воевали сербы, хорваты и мусульмане. Но разве следует помогать манипуляторам использовать маску религии? Ведь так, глядишь, скоро кто-то поверит, будто скрупулезно созданная в западных и московских кабинетах война в Чечне была войной ислама и православия. А ведь мы и так оказались слабо защищены против принципа «разделяй и властвуй».

А разве не то же самое мы видели в Таджикистане? Науськивая вооруженную (кем?) оппозицию на «коммунистическое» правительство, западная пресса дошла до неповторимого в своей нелепости названия: «исламисты-демократы»!

Казалось бы, чудовищные провокации последних десятилетий должны бы приучить нас не верить «самоназваниям» политиков. Ну какое, например, отношение к коммунизму имеет Пол Пот? В чем выражается это отношение, кроме выгодного в тот момент для него самоназвания? Он — воспитанник Сорбонны, член элитарного кружка философа-экзистенциалиста Жана-Поля Сартра. Должны же мы использовать какие-то разумные признаки политической классификации. Тем более, что уже давно многие спецслужбы Запада стали практиковать создание организаций экстремистов с «коммунистическими» именами. Откуда взялись, на-

пример, «красные бригады» в Италии? Но их название хоть сразу стали писать в кавычках, итальянцы сами их разоблачили. Так и «исламисты» надо бы писать в кавычках, если уж нет места на огорки.

Что же касается т.н. «исламских фундаменталистов», то их связь с западными спецслужбами тоже давно установлена. Известный арабский историк Самир Амин пишет: «Как можно объяснить поддержку (лицемерно отрицаемую), которую Запад оказывает враждебному ему движению, кроме как тем колоссальным ослаблением арабского мира, к которому оно ведет, взрывом внутренних конфликтов (особенно конфессиональных конфликтов между сектами и между организациями)»?

Видите, насколько сложна комбинация: движение действительно враждебно Западу, но польза от него для Запада намного превышает ущерб. Так эсер Азеф, руководя террором против высших чиновников царского правительства, наносил ему болезненные удары — но ведь он был агентом этого правительства. Конечно, среди исламских фундаменталистов много искренних, фанатичных людей, но не они делают политику. В Алжире ситуация лучше изучена, чем в других местах. Известно, что верхушка «исламистов» там, как и в Боснии, состоит из интеллигенции и мелкой буржуазии, по своей культуре никакого отношения к религии не имеющих. А в Мекку съездить и чалму накрутить — не труднее, чем Шумейке со свечкой отстоять.

Большевизм XXI века. В первом номере за 1998 г. «Советская Россия» дала программные статьи. Проф. Ю. Качановский в рубрике «Бьют часы истории», академик В. Шевелуха в рубрике «Концепция и прогноз развития». У меня вопросы к первому автору. Он не замахивается на весь XXI век, а ставит «задачу оппозиции». Ставит исходя из оценки положения дел в России.

1. Он пишет: «Правительство, будучи политическим импотентом, не способно организовать народ и отечественный капитал, не способно вести борьбу за спасение России».

Неужели Ю. Качановский после десяти лет «реформ» еще верит, что это правительство хочет «организовать народ на спасение России»? Если так, то, думаю, он один такой наивный человек среди читателей газеты. Если же он сам не верит, то зачем эти заявления?

Режим Ельцина назван *политическим импотентом*. Как же так? Этот режим поставил своей задачей уничтожить СССР и советский строй. Выполнил. Далее за короткий срок он разоружил сильнейшую в мире армию, уничтожил вторую в мире систему науки и образования, сейчас заканчивает ликвидацию мощной промышленности. Это — огромные, глобального масштаба политические задачи. Он их решает, не прибегая к насилию, сумев подавить всякую

способность народа к сопротивлению. По эффективности примененных им политических технологий этот режим намного превосходит фашизм и западные демократии. Прошу ответить проф. Качановского: какие у него есть основания называть это правительство «политическим импотентом»? Это — вопрос принципиальный. Одно дело — перед нами недотепа, который «хочет организовать», да не умеет. А другое дело — умный и умелый противник, цели которого несовместимы с нашими.

Нельзя же так! То нам говорят о «третьей отечественной войне», то об «импотенте». Определитесь, товарищи!

2. Ссылаясь на «Независимую газету», автор утверждает, что вот-вот 23 (!) процента россиян «прибегнут к вооруженным выступлениям», придут «в роскошные офисы и коттеджи». Что это, о чем речь? О революции? О бунте? О грабеже? Допустим, шахтеры Кузбасса раздобыли сотню автоматов и пришли в роскошные коттеджи. В кого они будут стрелять — в почтальонов? В инспекторов ГАИ? В Тулеева? Как это себе представляет проф. Качановский? Пусть объяснит — он ведь это не в «Московском комсомольце» пишет.

Ю. Качановский предупреждает: «Олигархия сверхбогачей! Господа! Вам грозит опасность». Он уже чувствует себя победителем: «Представителей верхов, которые, как Гайдар, нервничают и угрожают, надо предупредить: не провоцируйте, иначе вы немедленно будете взяты под стражу и ответите по всей строгости закона». Под стражу! Немедленно! Это когда же? Ведь для этого надо сначала, чтобы они перестали быть «представителями верхов». И по какому закону ответят? Разве закон запрещает нервничать? А угрожать и провоцировать — так и сам проф. Качановский тут не безгрешен.

3. Автор предупреждает тех, кто надеется скрыться с капиталами: «Напоминаю судьбу Троцкого!» При чем здесь Троцкий? Он скрылся с капиталами? Тех, кто с капиталами, никто не трогал — себе дороже. Но дело в самой этой странной угрозе.

Сначала о технической стороне. Сегодня Россию разворовывают тысячи и тысячи «сверхбогачей». Чтобы где-нибудь в Париже найти и уничтожить одного такого «троцкого», должна долго работать бригада специалистов экстра-класса. Кого пошлет комиссар Ю. Качановский на это мокрое дело? Академика Шевелуху?

Но техника — не главное. Откуда вообще взялась эта доктрина «неуловимых мстителей»? Сам Ю. Качановский придумал? Кто тот романтик, начитавшийся дешевых детективов, что предложил такую идею?

4. После напоминания о судьбе Троцкого Ю. Качановский без перехода начинает давать олигархам добрые советы и задания по

спасению России: «Березовский, Гусинский, Авен и т.д., сформируйте совет российского национально ориентированного капитала!» Вся власть совету!

Думаю, у читателя «Советской России» при мысли о такой советской власти должны глаза на лоб полезть. Ю. Качановский поясняет: «Свои состояния и собственность вы должны поставить на службу делу спасения России. Совет крупного российского капитала должен разработать программу своего вклада в дело подъема экономики».

Когда это Березовский и Фридман просили совета у «Советской России»? Может быть, их уже пригласили в «правительство народного доверия»? Вот, значит, в чем видится спасение России? Никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и ни герой — только национально ориентированный банкир Фридман.

Но предположим даже, что банкиры, купив в метро «Советскую Россию», прочитали, прослезились и образовали советы в центре и на местах. И даже «разработали программу своего вклада». Что они должны сделать, чтобы спасти Россию? Ведь экономика разрушена именно потому, что есть они — не как личности, а как социально-экономическое явление. Чего конкретно от них требует Ю. Качановский? Чтобы они, оставаясь банкирами, спасали экономику России? Но это же невозможно, они немедленно разорятся. Производство в России при господстве березовских убыточно — уж в 1998 г. это можно было бы понять.

Мы позорным образом утратили страну и саму возможность сносной жизни потому, что ловким идеологам удалось отключить у нас здравый смысл, расщепить сознание. Получив страшные удары, мы понемногу начали умнеть. И вот на тебе, теперь несовместимые со здравым смыслом ожидания нам внушают через «Советскую Россию».

«Выбираю Добро — а на меньшее я не согласна». Газета «Советская Россия» присудила мне премию 1997 г. «за полемические выступления». За премию спасибо, но формулировку принять не могу. В 9 из 10 моих статей полемики нет и следа, до нее нам еще очень далеко. Я пишу вещи простейшие, из учебников, словарей и справочников, на уровне ликбеза. Иногда меня бранят профессора марксизма, но они просто не знают, что «полемические» места я списал в «Капитале» Маркса (причем и у него-то это банальные места, из справочников). В других случаях полемикой называют мои указания на отсутствие логики. Какая же это полемика! Я просто говорю: вы, товарищи, одну и ту же вещь называете в одной фразе белой, а в другой — черной. Я даже не настаиваю на своем мнении, только прошу выбрать что-то одно, не приводить людей в замешательство.

На деле-то слово «полеми́ческий» есть в постановлении редколлегии просто мягкой заменой слова «сомнительный». Мы, мол, печатаем сомнительные «выступления» этого автора, но предупреждаем читателя. Обращаю на это внимание потому, что это — знак беды, и ее надо осознать. Мы откатились уже на очень низкий уровень мышления, и нужно сделать большое усилие, чтобы поправить дело. Посмотрите: «экономист и политик», некто Лившиц, на всю страну рассуждает с экрана: «Богатые должны делиться с бедными». И люди это воспринимают в общем нормально. Но это значит опуститься с уровня понятий начала века, доступного тогда для всякого грамотного рабочего, на уровень ребенка-дебила.

В оценке многих общественных явлений наши политики от оппозиции заходят в тупик, испытывают разлад между своими чувствами и «объективной действительностью». И — молчат (даже внутри себя). Так возникает ощущение беспомощности. Почему? Потому, что утратили навык диалектики, этого чуть изощренного инструмента здравого смысла. Мы перестали мысленно поворачивать проблему и так и эдак, видеть ее в разных условиях.

Возьмем простой пример: *эксплуатация человека человеком*. Если не ошибаюсь, это понятие вообще выпало из лексикона оппозиции, даже КПРФ. Почему же? Разве это понятие неактуально? Говорят о «справедливости», о «нормальной зарплате», но ведь все это на уровне Лившица. В чем же дело? Думаю, лидеры КПРФ интуитивно чувствуют, что эксплуатация — зло. Но как это сказать, если они делают ставку на отечественного эксплуататора (простите, предпринимателя)? Ведь обидится.

На деле здравый смысл говорит, что эксплуатация — зло, но в наших конкретных реальных условиях это уже меньшее зло, чем, например, безработица. Поэтому нельзя сегодня призывать к «уничтожению эксплуатации», а можно говорить о ее ограничении, а потом преодолении. Но ведь сказать, что это есть *зло*, — необходимо. Что это за коммунисты, которые этого не говорят!

Я больше скажу: нас уже довели до такого состояния, что для многих людей *рабство* есть меньшее зло, чем их нынешняя жизнь. Летом около моего участка жили в вагончике шабашники-строители, близко со мной общались. К ним прибился таджик, сильно пострадавший. Делать мало что умел, у себя был он фельдшером «скорой» в райцентре. Зарплаты получал в переводе на старые рубли 16 тысяч в месяц — на десять буханок хлеба. У него пятеро детей, и вся цель его жизни свелась к тому, чтобы их прокормить. Иногда вечером, подвыпив, он приходил ко мне и плакал: «Дядя, как жить?» Слезы текли из выбитого глаза. Понаблюдав за ним целое лето, я подумал, что если бы более или менее приличный чело-

век сказал ему: «Иди ко мне рабом, я буду кормить тебя и твоих детей» — он бы согласился. Хотя рабство — зло.

Из-за того, что у нас кроме понятий добра и зла выпали все реалистичные категории, даже разумные в прошлом люди стали говорить чудовищные вещи — или молчать.

Вот несколько вечеров телевидение жужжало о том счастье, которое привалило русской культуре — принимается Закон о меценатстве. Все, кого допустили на экран (Н. Михалков, Э. Быстрицкая и т.п.), аплодировали: наконец-то, какая радость. Депутаты, которые этот закон будут принимать (в том числе от КПРФ), промолчали, даже в «Парламентском часе». Нечего сказать?

Конечно, Н. Михалков за последние годы показал себя человеком очень невысокой морали, даже удивительно это сочетание художественного таланта с глубинной, нутряной пошлостью. Но нельзя же, чтобы люди только и слышали, что меценатство — добро для культуры. Ведь сами же «демократы от культуры» уже затерли этот подленький афоризм: «Кто девушку обедает, тот ее и танцует». Какую русскую культуру будут «танцевать» Гусинский с Кахой Бендукидзе? За какие идеи и образы будут они «обедать» нашего лейб-патриота Михалкова?

Но значит ли это, что сегодня следует отказаться от крох и объедков со стола Гусинского? Думаю, что нет. Пока что и шерсти клочок необходим. Но ведь нельзя же не сказать, что меценатство — зло! Что это — уродливый способ обеспечения культуры как общественной ценности. Что оно хорошо лишь как небольшая добавка к стабильному и щедрому государственному финансированию. И уже только сказав это, надо бы объяснить гражданам: нынешний политический режим создал в России такую чрезвычайную ситуацию, что Дума сочла сегодня меценатство меньшим злом. Потому-то депутаты, включая коммунистов, приняли этот закон.

Не знаю, кому как, а мне без таких пояснений все труднее и труднее верить нашим депутатам.

Конец рыночной утопии. Правительство приняло решение отбирать у предприятий налоги до выплаты зарплаты работникам. Конституционный Суд признал это решение законным! Это такой красноречивый факт, что, казалось бы, все встает на свои места в вопросе: что за общественный строй устанавливается в России?

Исходя из этого факта и самой логики рассуждений реформаторов, можно задать риторический вопрос всей нашей либеральной интеллигенции: хоть теперь-то вы видите, что ни о какой рыночной экономике и гражданском обществе и речи не идет? А теоретиков КПРФ спросить: теперь-то вы видите, что государственность, которую пытается создать режим Ельцина, не является *буржуазной*?

Конечно, миф демократии упал под ударами слов и действий. Это несколько раз зафиксировал Бурбулис. То он сказал, что режим «начал смертельно опасную операцию против воли больного» — с представлениями любой демократии это вещь несообразная. То он признал, что «конституцию протащили через задницу» — подтвердил факт фальсификации результатов референдума. Ну а танки наемных «государственных террористов» поставили точку. Тот сторонник режима, кто называет себя сегодня демократом, — или дурак, или циник.

Но у многих осталось еще утешение, что строится в России рыночная экономика, как при Пиночете. А там, глядишь, Клинтон поможет, попросит наших пиночетов уйти в почетную отставку на хорошую пенсию, а нам зато достанется процветающий капитализм. Сегодня, господа буржуазные утописты, и эта ваша надежда рухнула. То, что сделало правительство (и даже то, что оно подумало), находится в вопиющем противоречии с самыми священными принципами рыночной экономики и гражданского общества.

Назовем эти принципы. Это представление о частной собственности как *естественном праве* (то есть государство не имеет права на изъятие этой собственности). Это — «*свобода контракта*», сделки (то есть государство не имеет права вмешиваться в законную сделку на рынке, а имеет лишь право взыскать после завершения сделки установленный законом налог). Это — *эквивалентность обмена*, которая обеспечивает равновесие всей системы рынка.

Каков главный тип сделки, на котором держится рынок и все общество? Это купля-продажа рабочей силы. В этой сделке обе стороны выступают равными партнерами. Рабочий есть собственник особого товара, и обладает он им в силу естественного права частной собственности. Он по контракту на время продает свое тело. Это — центральный акт рыночной экономики, та ось, на которой крутится вся машина.

Именно эту ось надламывает правительство. После завершения первой части сделки, когда продавец только-только передал свой товар, государство врывается и запрещает покупателю расплатиться за покупку. Сначала, мол, рассчитаемся между собой. Сразу на смарку летят все принципы — и неотчуждаемости частной собственности (рабочего), и свободы контракта, и эквивалентности обмена. Я уж не говорю о праве и диком нарушении азов любой экономики.

Дела не меняет тот факт, что один собственник (работник) молчит, потому что подавлен и запуган, а его партнер по сделке находится в сговоре с бандитом-государством. Мы говорим о том, что все происходящее по своей сути несовместимо с принципами

рыночной экономики. И пока этого не поймет наша либеральная интеллигенция, а за ней и рабочие, которые все еще надеются на «цивилизованный рынок», мы будем сильнее и сильнее увязать в этом болоте.

Нынешнее положение страшно именно тем, что оно стабилизируется. Еще год-два назад можно было объяснить явные уродства практики правительства неумелостью, ошибками, издержками «переходного периода». А теперь уже видно, что главное в том, куда ведет этот переход. Он — не к рыночной экономике и не к капитализму. Доведа людей до безумия невыплатой зарплаты, а потом устроив шумный спектакль с «возвратом долгов к Новому году», людей отвлекли от главного вопроса. Ведь то, что они получают — не зарплата! Она никакого отношения к эквивалентному обмену стоимостями на рынке (купля-продажа рабочей силы) не имеет.

Конечно, цена рабочей силы на рынке колеблется. Но есть нижний, абсолютный ее предел, за которым исчезает рыночная экономика. Это стоимость воспроизводства рабочей силы. Сегодня в целом в России «зарплата» не покрывает этой стоимости даже в примитивном, количественном выражении: на эту зарплату невозможно прокормить двух детей. Но если под рабочей силой понимать не просто «биомассу», а способность выполнять работу в современном производстве, то уже произошла катастрофа. Не только нет воспроизводства, но и резко ухудшилась, деградировала та совокупная рабочая сила, что имелась в России еще три-четыре года назад. Люди ослабели, нервы их истощены, квалификация упала.

Причина в том, что совокупные расходы на работника (зарплата плюс образование, медицина и т.д.) не соответствуют ни советскому, ни рыночному типу отношений. На деле эти расходы сузились настолько, что превратились в миску похлебки, которая дается рабу. В России создана совершенно новая система внеэкономического принуждения к труду без эквивалентной оплаты рабочей силы. Огосударствление этой системы доведено решением о «приоритете налогов перед зарплатой» до полной очевидности.

У нас, строго говоря, в целом нет общества. Общество может быть связано или отношениями кооперации и солидарности, или отношениями конкуренции и купли-продажи. В России нет ни того, ни другого, есть несовместимые осколки общества. Возникший урод не сможет вырасти и стать здоровым. Но при помощи Запада и под его контролем он сможет долго существовать, усевшись, как злобный карла, на шею русского народа. Пока не высосет из него все соки.

Как перепелка от гнезда. В России установлен такой политический режим, при котором главным средством господства стала

манипуляция сознанием — программирование поведения людей через информацию. Зачем правящая клика сразу же взялась за телевидение? Зачем сюда ринулись банкиры? Зачем потеет Миткова? Только для того, чтобы контролировать мысли, чувства и поступки жителей России. Вся нужная этим жителям информация — и фактическая, и художественная — дается как сладкая оболочка пилюли, только чтобы привязать людей к экрану и заставить их проглотить сигналы, программирующие поведение.

Посмотрите хотя бы на канал «Культура». Вначале он давал хорошие, политически нейтральные (и даже слегка патриотические) передачи. Люди просто были счастливы — такая отдушина. Таким образом этот телеканал произвел «захват» публики — а затем быстро-быстро стал вкраплять чисто идеологические продукты. Пожалуй, даже слишком торопливо.

Известно, что «деблокировать» сознание, обрушить конструкцию каждой программы манипуляции можно и малыми силами, приоткрыв секрет фокусников. Поэтому так неохотно давали Думе «Парламентский час». В нем опасна именно система, а отдельные, даже сильные удары по всему монтажу манипуляции режим залечивает.

Жизнь сегодня такова, что оппозиции совершенно не требуется «соблазнять» людей, самой прибегать к манипуляции — на ее стороне правда. Главная задача — восстановить здравый смысл, связность мышления людей, их способность найти общий язык. В этом деле «час Думы» может сыграть важную роль. Но для этого надо ясно понимать, зачем в нем вводится тот или иной сюжет. Каждый лишний, пустой кадр — не просто потеря времени. Он, как кадмиевый стержень в реакторе, захватывает «нейтроны мысли» и не дает возникнуть цепной реакции осмысления.

Конечно, один час в неделю для парламента огромной страны в момент кризиса — до смешного мало. Времени на каждый сюжет в обрез, и поневоле возникает много недоговоренностей. А для разоблачения манипуляции требуется «распутать» вопрос. Гораздо сильнее действует комбинация каналов — телевидения и газеты. Так ведь, по сути, работает любая идеологическая машина. У нас машины нет, но все же постараемся соединить образ с экрана с печатным словом. Будем комментировать некоторые сюжеты телевидения — не ради агитации по злободневным вопросам, а ради метода мышления.

14 декабря «Парламентский час» поднял вопрос о низкой рождаемости в РФ. Решение людей заводить или не заводить детей — главный, обобщенный показатель того, как граждане оценивают положение в стране, каковы их надежды на ближайшее будущее. Это — более верная оценка, чем опросы и даже выборы. Судя по

этому показателю, граждане России подсознательно чувствуют, что против них идет война, причем страшнее, чем вторая мировая. Но это пока не перешло в сознание. Чтобы перешло, надо четче изложить причины.

В сюжете «Часа» причины свели к злодейскому «половому воспитанию» школьников и к правовым актам правительства (разрешение на поздние аборт «по социальным показаниям»). Упомянуты и происки масонов (Римского клуба). Эти вещи, о которых можно и полезно говорить отдельно, к рождаемости за 1990—1997 гг. отношения не имеют. Собрав на них все внимание, «Час» скрыл действительные причины.

Посудите сами: какую роль могло сыграть введение в 1997 г. в 16 экспериментальных школах мерзкого «сексуального воспитания» на решение 30-летних супругов не заводить детей в 1993 году? В будущем, когда подрастут «сексуально воспитанные» дети, это, может быть, и скажется — но сегодня-то речь не об этом. И какую прибавку «неродившихся» может дать очень частное постановление правительства о разрешении именно поздних абортов «по социальным показаниям»? Микроскопическую. Политическая передача делает упор на маргинальных, частных явлениях, нюансах проблемы. Тем самым маскируются реальные причины страшной беды народа.

Сегодня режим из кожи вон лезет, чтобы убедить людей: в их бедах виновны несовершенные законы, ошибки правительства и злоупотребления коррумпированных чиновников. Ну, и немножко всякие масоны и мафиози. Тем самым создаются ложные образы врагов — главное средство манипуляции сознанием.

Пенсии и сохранение народа. В декабре правительство обрадовало граждан тем, что в России будет изменен порядок пенсионного обеспечения. Никаких комментариев от Думы не последовало. Между тем речь идет о важнейшем изменении жизнеустройства, которое касается буквально всех. Это даже не политика и не экономика, это — тип бытия и отношений между поколениями. Если хотите, речь идет о типе народа. Вопрос о том, как кормятся старики, определяется всей культурой народа и корнями уходит в религиозные представления.

Сегодня некто Сысуев заявляет, что он с Черномырдиным решил, чтобы старики в России получали кусок хлеба не так, как считается правильным в православной культуре, а так, как установили протестанты. Я думаю, сам-то он и не понимает, что сказал, он просто зачитал бумажку, присланную ему из МВФ и плохо переведенную на русский язык. Поражает не он, а именно молчание депутатов Думы. Они что, согласны с Сысуевым? Они тоже не понимают, о чем идет речь? Или притворяются? Все равно ведь им придется

принимать закон, изменения такого масштаба — не дело исполнительной власти.

То, что оппозиция (прежде всего депутаты от КПРФ) за месяц не сделала никакого заявления о планах правительства изменить порядок начисления пенсий — вещь необъяснимая, из серии «загадок русской души». Помню, осенью 1995 г. в Мадриде состоялось заседание совета директоров МВФ. И на встрече с правительством Испании руководство МВФ порекомендовало ввести и в Испании ту систему пенсий, что нам пообещал Сысуев («накопительную»). Это был такой скандал, что МВФ не знал, как его замазать. Министр труда Испании на завтра же выступил в парламенте с таким резким заявлением, что трудно было поверить. Это, говорит, не экономика, а чистая идеология, которая для нас неприемлема, и пусть они с ней катятся куда подальше.

Лидеры всех фракций в парламенте были обязаны выступить и заклеить предложение МВФ как оскорбительное для Испании — даже лидеры правых, которые проводят политику МВФ. Почему же такой тарарам? Потому, что в католической стране просто неприлично говорить такие вещи (хотя тайком эти вещи делают). А в России говорят — и ничего, все только глазами хлопают и молчат.

Давайте внимем в суть. В тех культурах, где человек не стал, как в протестантизме, свободным индивидуумом — изолированным «атомом», — осталось понятие народ. Народ вечен, пока в нем есть взаимные обязательства поколений. Одно из них в том, что трудоспособное поколение в целом кредитует потомков — оно трудится, не беря всю плату за свой труд. Иногда эта его лепта в благополучие потомков очень велика (как это было у поколений, которые создали советское хозяйство, а потом еще воевали). Обязательство потомков — обеспечить достойный кусок хлеба тем из предыдущего поколения, кто дожил до старости. Обеспечить как всему поколению, а не отдельному человеку («лично моему отцу»).

В СССР этот извечный закон был воплощен в систему *государственного* пенсионного обеспечения. Эта система гарантировала именно связь поколений. Часть данного предыдущим трудоспособным поколением кредита возвращалась ему в виде пенсий. Только часть! Остальное шло на развитие страны, уже для внуков. Российское телевидение по всем каналам повторило кем-то подсунутую ложь, что сегодня средства на пенсии изымаются из кармана молодых. Из-за одного такого утверждения, которое вся Россия была вынуждена выслушать шесть раз в день, Дума была бы обязана принять специальное постановление и расклеить его на всех столбах.

Так вот, в СССР та часть общественного долга старикам, которая возвращалась им в виде пенсий, распределялась, в общем, на

уровнительной основе. Доля тех, кто не дожил, шла в общий котел. Сысуев назвал это «уровнительно-распределительной» системой. Это пустые, ничего не говорящие слова. Такая «уровниловка» несколько не мешала тем, кто неплохо зарабатывал и был бережлив, откладывать на старость в сберкассе — советская власть вкладов не воровала. И у многих пенсионеров водились деньжата — все мы это помним, все мы у них занимали.

Что же сделало правительство Гайдара—Черномырдина? Давайте даже перейдем на «рыночную» терминологию. Нынешние пенсионеры в свое время вступили с обществом в «трудовой договор». Они работали весь свой срок за весьма скромную зарплату, а общество в лице государства обязалось обеспечить им старость с вполне определенным уровнем потребления (мы эту «потребительскую корзину» советского пенсионера еще помним). Этот уровень повышался в течение четырех послевоенных десятилетий и уже воспринимался как естественное право человека. Подчеркиваю, что «договор» предусматривал именно *уровень потребления*, а не число бумажек или других средств платежа, которыми манипулирует правительство.

Около 30 млн. человек свою часть договора выполнили. Теперь наступило время выполнять свою часть договора правительству. Никакой отсрочки старики дать не могут, никакого рыночного рая, которого ждет молодежь, вкушать не будут. Как же ведет себя правительство? Оно грабит стариков, отказываясь отдавать им заработанное. Оно хладнокровно крадет их сбережения. Оно снижает уровень потребления ниже физиологического уровня выживания. Если при советской власти на месячную пенсию можно было купить 400 кг молока или 670 кг черного хлеба, то начиная с 1992 г. и по сей день — 60 кг молока или 80 кг хлеба.

При любых разговорах о пенсиях надо зафиксировать этот факт. А также преступный и аморальный характер аргументов правительства: оно не возвращает долг, потому что у него нет денег. Это — логика вора, который заимел силу. А кроме того, это вранье. Деньги есть, и очень много. Не платит правительство только потому, что у народа нет защитника, а сам он не может организовать.

Ограбив тех, кто работал предыдущие полвека, государство теперь вообще сбрасывает с себя обязанность служить посредником между поколениями. Оно заявляет: все, народ рассыпается на «атомы». Теперь пусть каждый накапливает себе на старость сам. Кто не накопил — пусть подыхает с голоду, так справедливее. И это нам представляется как «пенсионная реформа»! Просто пенсии отменяются — вот и вся реформа. Чтобы каждому копить на старость деньги — никакого государства и не надо. Более того, ведь это правительство наши деньги, отданные ему на сохранение в «пенсион-

ный фонд», наверняка украдет. Посмотрите хоть на их физиономию! И ведь ничего не поделаешь — эти деньги по большей части будут вырываться у нас из зарплаты насильно.

К чему же это ведет? Народ лишается средства сохранить себя как непрерывную цепь поколений через долг и хлеб — без государства это трудно, все рассыпается на изолированные индивидуальные решения. Основная масса русских стариков впадет в страшную бедность. Они не смогут накопить, будучи молодыми, ибо они не протестанты, они подсознательно живут по Евангелию. Да и из чего копить?

Это — не умозрительные предположения. Испанцы так болезненно восприняли попытку МВФ потому, что над ними уже проделали эксперимент. Сорок лет при Франко испанцы жили в государстве с сильными социальными гарантиями (после гражданской войны Франко укрепился потому, что принял почти всю социальную программу республиканцев). Поэтому в общем испанцы не стали накопителями, даже и при капитализме. После Франко была либерализация, попытка перехода к «свободному рынку» — каждый за себя. Пенсии стали «накопительными», и оказалось, что старики страшно обеднели. Самая состоятельная область Испании — Арагон. 57% жителей старше 65 лет живут ниже уровня бедности и имеют доходы менее 15 тыс. песет в месяц (снимать комнату в 8 кв. м в общей квартире без отопления — 25 тыс. песет). 67,5% стариков живут в домах без отопления. Трудно передать, как это тяжело.

Почему же так получилось? Не умеют люди копить, культура не такая. Пришлось в Испании срочно выправлять пенсионную систему. Конечно, пенсионные фонды остались — копи, кто хочет. Но государственную систему трогать не дают.

Неужели и с этой стороны ударят по России? Что об этом думает наша Дума?

Пенсии и теневая экономика. «Парламентский час» 18 января 1998 г. показал дебаты в Думе по Закону об индексации пенсий — целиком, как есть. Это, конечно, лучше, чем давать концерт. Но, думаю, суть спора между депутатами и вице-премьером О. Н. Сысуевым для большинства осталась непонятной. А никаких пояснений «Час» не дал. Я поэтому хочу поставить вопросы и высказать впечатления.

По-моему, вся оппозиция взяла принципиально неверный тон. Она не задает вопросы просто, четко и конкретно — так, чтобы суть была сразу понятна и оппоненту, и аудитории. И чтобы оппонент не мог уклониться от ответа без явного нарушения приличий. Нет, почему-то все вопросы носят риторический характер и задаются иносказательно, с каким-то скрытым смыслом. Как будто хо-

тят уязвить оппонента тонкой иронией. Отводить такие вопросы нетрудно.

Вторая слабость оппозиции — уводить внимание от важнейшего вопроса к никчемным идеологическим стычкам. Вот, прицепились к тому, что в программе МВФ для России в п. 7 предписано индексировать пенсии в соответствии со средней зарплатой. Позор! Нам диктуют! Что, Россия — банкрот? И о пенсиях почти забыто.

К чему этот спектакль? Какой год на дворе? Уже шесть лет как Россия приняла программу МВФ, обязалась ее выполнять и шлет в МВФ отчеты. Кто этого не знает? Депутаты от КПРФ? Но я никогда не слышал, чтобы фракция КПРФ поставила вопрос об отказе от программы МВФ (как это сделал Китай). Если же ты от займов МВФ не отказываешься, нечего из себя строить невинную барышню.

Теперь по сути. Пункт 7 программы МВФ записан буквально так, как постановила сама Дума в законе о пенсиях. В чем претензия? Выглядит очень странно. Начинаешь подозревать, что этими шумными патриотическими обидами нас отвлекают от главного: почему МВФ требует от стран-должников такого порядка начисления пенсий и что совершили со стариками наши депутаты? И когда? Давайте именно это обсудим.

Изменение произошло фундаментальное, но его от нас скрыли. При советском строе пенсии были *государственными* и выплачивались из бюджета. На обеспечение пенсий шли все доходы и все достояние государства. Никакой связи с тем, сколько сегодня заработал какой-нибудь Вася Клямкин в г. Урюпинск, размер пенсии не имел. Этот размер определялся негласным и дружественным договором и исходил из скромного набора тех благ, которые нужны пенсионеру для достойной старости. Потому-то никакой индексации в зависимости от зарплаты шалопаю Васи Клямкина не проводилось — это было бы нелепо.

Что же сделали наши депутаты (еще при Хасбулатове, а до этого, в 1990 г., в Верховном Совете СССР)? Они отменили советский тип пенсии. Учредили *Пенсионный фонд* — что-то среднее между налоговым ведомством и банком. Сколько сумеют содрать в этот «фонд» с Васи Клямкина — столько и разделят между пенсионерами. А госбюджет уже за пенсии не отвечает. Что с этими деньгами творят в «фонде», кто и как их «прокручивает», кто запускает в него лапу — нам к тому же неизвестно.

Вот это и есть главное. Перешли от исчисления пенсии исходя из реальной жизненной потребности стариков — к раздаче тех денег, что «удалось собрать», к исчислению от зарплаты Васи Клямкина. И сделано это для того, чтобы просто снизить пенсии («сократить дефицит госбюджета»), но снять ответственность с правительства. Извините, мол, собираемость низкая!

Покупательную способность средней пенсии (то есть саму пенсию) реформаторы снизили по сравнению с советским временем в 4 раза. А имеет ли правительство возможности и дальше манипулировать пенсией? Да, именно через индексацию. Что значит «средняя зарплата»? Кто ее считал? Да само правительство. Какую хочет, такую и насчитает — поди проверь. Как наивно звучат вопросы депутатов: «А у вас есть инструкция по подсчету?» Им ЦСУ отвечает: «Есть, есть, вот смотрите, две печати. Не беспокойтесь». Успокоились. Раз инструкция есть, да еще с печатью (подпись неразборчива), то нечего депутатам волноваться. Свой долг они выполнили, наличие инструкции проверили.

Главный спор, из туманных вопросов и скользких ответов, возник именно потому, что ЦСУ официально объявило, что средняя зарплата по стране в декабре 1997 г. была 1200 тыс. руб., а правительство для начисления пенсий выбрало себе более удобную величину 760 тыс. — чуть ли не вдвое меньше. Еще по-доброму отнеслись к старикам, могли бы и еще убавить.

Спрашивают и Сысуева, и начальника ЦСУ: почему такая дикая разница? Какая цифра верная? Сысуев ответил иносказательно, сказал явную нелепость, как условный знак: «Цифра ЦСУ используется только в информационных целях, для расчетов, а правительство исходит из другой цифры». Представляете? Полезно было бы ткнуть носом наших искренних демократов, которые проклинали советскую статистику (в которой, кстати, никто не нашел приписок в «жестких» показателях).

Явно, что здесь Сысуев и Юрков (ЦСУ) опять подошли к сути большой, важной проблемы. Можно было ее раскопать и гласно зафиксировать. Нет, депутаты поспешили увести: «Ах, вы публикуете эти цифры в ЦСУ, чтобы приукрасить работу правительства!» Какие, мол, нехорошие мальчики. Да кому это надо, что-то приукрашивать! Мы же не в советское время живем. Давно наплевало правительство на моральные оценки. Этими своими обидами депутаты лишь закрыли брешь в обороне Сысуева. А он даже намекал на главное — вот бы ухватиться.

Если я правильно понял, суть в том, что ЦСУ дает цифру реальной зарплаты — включая теневую экономику. А правительство — только ту, что «на свету», с которой поступают налоги и сборы в Пенсионный фонд. Если так, то мы имеем страшное признание правительства, которое депутаты пропустили мимо ушей.

Правительство на уровне вице-преьера и министра (ЦСУ) признало, что реформы привели к созданию патологической двойной экономики, теневая часть которой почти равна легальной. Что в стране под прикрытием государства действует черный рынок труда с диким наймом без всяких социальных гарантий и отчисле-

ний. Заявленные масштабы расхождения между легальной и реальной зарплатой столь велики, что можно говорить о возникновении преступного государства. Никакие ссылки на «переходный период» и «первоначальное накопление капитала» здесь не проходят. «Капиталистам» бесплатно передали собственность огромной страны, ничего «первоначально копить» им не приходилось. Черный найм в таких размерах возможен лишь в том случае, если есть сговор между криминальным бизнесом и государством.

Назвать вещи своими именами Дума не захотела. Может, это и правильно, это дело политики. Но хотя бы уточнила, как это влияет на пенсии. Одно дело, когда пенсии начислялись из бюджета, из всех обобщенных доходов государства, а иное дело, когда фонд пенсий складывается из отчислений только той части граждан, что работают «на свету». Нагрузка на них непомерна, и пенсии все равно малы.

Надо понять, что созданная экономическая система именно патологична и глубоко порочна. Если мы не будем ставить трезвый диагноз, никакой благоприятный исход невозможен. «Это» не рассосется. Дело дойдет или до страшного социального кризиса, или до распада страны.

Хотелось бы узнать, почему все это говорится не в Думе?

Право, правда и порнография. Итак, Дума приняла закон, который легализует порнографию в России. Наивно думать, что такие скандальные законы депутаты парламентов берутся проталкивать бескорыстно. Тут пахнет коррупцией циничных политиков. Но коррупция была бы беспомощна, если бы не опиралась на непонимание. Применим такой мягкий термин.

Не можем же мы предположить, что члены КПРФ продали свои голоса — они обычно все делают бесплатно, даже себе во вред. Чего же они не поняли? И почему же товарищи им не объяснили?

Во-первых, они не поняли вещь совсем уж простую. Подобные законы, которые обычно проталкиваются под лозунгом «ввести в рамки», «ограничить» и т.д., главной и единственной целью имеют узаконить какое-то зло. Все остальное, хоть сотня суровых статей о «контроле» — бирюльки, которые отшвыриваются, как только сказано главное. Когда сказано, что такое-то явление (приватизация, продажа земли, проституция и т.п.) в принципе законно.

Конечно, непонимание таких простых вещей депутатами смущает простого гражданина. И если бы это было в первый раз! А то девятый год продолжается — и никаких уроков. Ведь все, что творится в России, делается согласно законам, принятым депутатами — начиная с Верховного Совета СССР созыва 1989 г. К тому же каждый раз депутатов предупреждают: не делайте этого. Но я еще ни разу не видел и не слышал ответа: предупреждения обдумал, но

все равно сделаю — потому-то и потому-то. Все втихую — а потом невинно моргают. Ах, как же это мы так опростоволосились?

Второе «непонимание» глубже. Если мы его не устраним, то никакой надежды на легальные формы сопротивления не остается. Проголосовав за закон о порнографии, депутаты от КПРФ сказали, вслед за Андроповым и Горбачевым: «Мы не знаем общества, в котором живем». Незнание Андропова и Горбачева (при наличии «знающего» Бжезинского) привело к краху СССР. Но хоть за эти страшные годы можно было узнать! Как тогда понимать, что КПРФ — партия патриотов-державников? И что это за НПСР, в котором один из лидеров — С. Говорухин, главный лоббист порнобизнеса?

Принятие этого закона означает принципиальный разрыв с самим типом того правосознания, на котором стояла Россия (и СССР). Это — попытка перейти к типу западного права при полном несоответствии ему мироощущения народов России. При этом, как хорошо известно из всего исторического опыта, вовсе не возникает новый «очаг Запада», а лишь разрушается местная культура и происходит криминализация общества. Депутаты подпилили еще одну опору, на которой удерживалась Россия.

Главное формальное отличие правовых систем двух типов общества — в степени кодификации норм права, их представления в виде законов и кодексов. За этим стоит отношение между правом и этикой. В России право ассоциируется с правдой — сводом базовых этических норм. Эти нормы до такой степени сливаются с правовыми, что большинство людей в обыденной жизни и не делают между ними различия. Государство западного общества заменило этику законом. Оно в принципе «стыда не имеет», поскольку в нем разрушена единая («тоталитарная») этика. В нем бывают лишь нарушения закона.

Искренним идеологом и проповедником западного образа мысли у нас был А. Д. Сахаров. В отношении права он провозгласил: «Принцип «разрешено все, что не запрещено законом» должен пониматься буквально». Эта лаконично выраженная мысль означает полный и необратимый разрыв со всей той системой права, которая существует в России. Представление о праве Сахарова означает, что в обществе снимаются все запреты, все не записанные в законе культурные нормы. Конечно, в предложенной «абсолютной» форме это не может быть реализовано, так как имело бы катастрофические последствия. Важно само направление, тот путь, по которому мы пойдем с нынешнего перекрестка.

С точки зрения традиционного права России, порнография — зло, которое вообще не должно быть упоминаемо в законе. Она прещается этикой, «стыдом». Это не значит, что общество должно

искоренять огнем и мечом всякое зло, запрещаемое этикой. Традиционное право вовсе не тоталитарно — оно мудро. Оно способно смотреть на грехи части общества «сквозь пальцы», но при этом важно, чтобы люди, впадающие в соблазн, чувствовали, что совершают грех. А до какой степени следует подавлять неупоминаемое в законе зло — зависит от обстоятельств. В Алжире была проституция, хотя она и отвергается культурой ислама. Но когда алжирцы в 50-е годы начали освободительную войну и стали нести от французов страшные потери, их духовные лидеры считали, что в обстановке всенародного бедствия проституция нетерпима. От владельцев публичных домов потребовали закрыть их заведения. Тех, кто отказался, партизаны расстреляли. Таких было немного.

Теперь этическое измерение проблемы порнографии в России снято принятием закона. Зло «введено в рамки» — растлевай детей законно, но не ближе, чем в 100 м от школы. Этот закон исключительно важен как прецедент — нас загоняют в совершенно иной правовой коридор. Депутаты от оппозиции подняли знамя, выпавшее из рук Сахарова.

Синее пламя на голубом экране. Уже несколько месяцев на границе с Грузией разыгрывается спектакль. Нам его показывают по телевидению. На первый взгляд — театр абсурда, но хотелось бы понять, что за ним стоит. Такие спектакли полезны, когда люди вдумываются в их смысл и учатся разоблачать трюки. А если попадают под очарование актеров, то совсем теряют голову.

Кому же можно задать вопросы? Только Думе. Когда оппозиция, признав «проташенную через задницу» конституцию, согласилась войти в эту бесправную «ветвь власти», это оправдывали тем, что мы от своих депутатов хотя бы узнать сможем, что происходит в сферах политики. Так расскажите, пожалуйста, ведь в Думе есть даже Комитет по безопасности, руководимый коммунистом. А хлынувший в Россию поток спирта — проблема безопасности. Это не только страшный удар по финансам и возвращение преступности, это и 30 тысяч смертей в год от отравления водкой, это и невольный сепаратизм областей, создающих на своих границах «водочные таможни». Это и криминализация Северного Кавказа, вынужденного зарабатывать на незаконном обороте спирта (а раз криминализация, значит, и сепаратизм — как в Чечне).

Нелепостей на Юге много. То границу двигают туда, то обратно. Министр, который ничем не провинился, уходит в отставку. Это все — чтобы заинтриговать. А что же по ходу пьесы? Уточним факты, которые до нас отрывочно доносит телевидение.

На границе, пытаясь проехать в Россию, стоят сотни цистерн со спиртом. Цистерны, что нам показали, большегрузные, по 15—20 тонн. Это длится уже более двух месяцев (может, больше). Гра-

ница — на заснеженном перевале, перед туннелем. Жилья там нет. Вопрос такой: проезжают или не проезжают эти спиртовозы с «контрабандным спиртом» в Россию?

Согласитесь, что если бы шансов проехать у них не было, то поведение контрабандистов, сидящих долгие месяцы в заснеженных горах, вдали от горячих хачапури, походило бы на сумасшествие. Поверить в это невозможно. Кроме того, как нам сообщили, на днях из Турции в Поти пришел очередной танкер со спиртом, и новые колонны цистерн потянулись к перевалу. Неужели и турки спятили? И во что они наливают спирт из танкеров, если цистерны стоят на перевале?

Я подозреваю, что спирт везут через границу, как и раньше, только с какими-то непредусмотренными затруднениями. Может, кто-то увеличил поборы? Это и возмутило турецких и иных дельцов, и они мобилизовали наше неподкупное телевидение на скандал. Так ли это?

Само телевидение, всерьез поверив, что головы всех зрителей помрачены, уже врет взахлеб. «Перехвачен»(!) эшелон контрабандного спирта. Установить, кто его владелец, не удалось. Представляете? Перехватили не контрабандиста с рюкзаком на горной тропе, а эшелон, который катился по рельсам, — как будто это бронепоезд, который прорывался через заслоны. А кто и где в него налил спирт, никто не знает. Что же «дедушка президент», наш просвещенный демократ Шеварднадзе? К чему все эти соглашения СНГ, «Интерпол» и т.п. суперслужбы? По Грузии катаются эшелоны без единого документа? Машинисты не помнят, откуда их везут? Кто же в это может верить?

А наши власти? Стесняются обратиться в грузинскую полицию, сразу жалуются НТВ? Пусть так. Но, казалось бы, удача. К тебе прикатился незаконный эшелон со спиртом. Владелец не отзывается. Ну и бери его, отправляй спирт, если плохой, на завод синтетического каучука. В чем дело? В том, наверное, что прекрасно известно, кто владелец, — просто еще не договорились о сумме взятки.

Спирт привозят из Турции в танкерах. В Поти его грузят в цистерны. Подумали бы наши брехуны с ТВ: если бы эти цистерны не проходили в Россию и не опорожнялись бы, то куда бы девался этот спирт? Куда бы его сливали, если бы заворачивали от перевала обратно в Грузию? Грузия — просто транзит, если бы поток прекратился, она просто лопнула бы от этого спирта. Ведь никто из НТВ ни разу не показал, как шофер спиртовоза, смахнув с усов скучную слезу, разворачивается и возвращается в солнечную Грузию. Сел бы репортер с ним в кабину и показал нам, куда он этот спирт сливает.

ТВ патетически показывает, как два пограничника уничтожают вредный продукт — подтаскивают бидон спирта к маленькой печурке и выливают его в пламя. Наша печень спасена! И этим клоунам с телекамерой верят наши люди. В бидоне 20 литров, а в очереди спиртовозов 2 тысячи тонн! Весь спирт — в печурку? Может, солдаты его просто используют вместо дров, чтобы греться?

Посмотрим на этот бидон с иной стороны. Где его отобрали пограничники? Видимо, не на территории Грузии — превентивных ударов по спиртовозам наша великая держава вроде бы не наносила. Значит, кто-то с бидоном прорвался на территорию России? Каким образом? С боем? Ведь граница — на въезде в туннель, обойти его нельзя. Да и зачем возить спирт в бидоне?

Известно, что контрабанда, если нет сговора с таможенной, — очень опасный промысел. Не то что тюрьма, а и пуля часто грозит контрабандисту. Здесь же мы видим организованное предприятие с массой служащих, огромной технической базой, международными поставками из третьих стран — почти плановая система. Причем система, которая давно и интенсивно работает. А где же уголовные процессы, рыдания уводимых из зала суда контрабандистов, траур вдов? Ничего этого нет. Действует преступный синдикат, одним из компаньонов которого является, видимо, государство Российская Федерация. Деньги делятся где-то в Турции. А слепнут от плохой водки русские люди.

Телевидение же продолжает морочить голову людям. Сообщают, что Ельцин учредил Госкомитет, который будет следить за государственной монополией в производстве и продаже водки. Тут же, через пять минут выступает начальник из Антимонопольного комитета и заявляет, что правительство Москвы не имеет права даже на анализ брать фальшивую водку из ларьков. Еще через пять минут выступает начальник таможни и утверждает, что Россия не имеет права препятствовать ввозу спирта «транзитом». Объясните, что творится? Контрабанда это или не контрабанда? Причем здесь «транзит», если спирт разводят тут же, в Осетии, и отправляют водку по городам России? Как может антимонопольное законодательство запретить государству контролировать качество продуктов? Все это вместе — какой-то бред.

Но так не бывает. Все выступавшие по этому поводу — умные люди. Значит, или перед нами колоссальная афера, в которой замешано множество должностных лиц, или телевидение самым зловещим образом искажает всю информацию.

Такое впечатление складывается из передач ТВ. Ответьте, товарищи депутаты, это впечатление верно или ошибочно? Я рад был бы ошибиться, но требуются ваши разъяснения.

**БЛЕСТЯЩИЕ ОПЕРАЦИИ
ПО МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ.
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ» В АВГУСТЕ 1991 Г.**

По количеству и масштабу решенных политических проблем трудно найти в истории провокацию, которая могла бы сравниться с «государственным переворотом» в Москве в августе 1991 г. Конечно, он был лишь кульминацией огромной подготовительной работы, но и его самостоятельное значение исключительно велико. Это был огромный политический спектакль, который не только полностью овладел сознанием «зрителей» во время самой акции, но и создал условия для длительной последующей программы манипуляции сознанием. В ходе «путча» были использованы все основные средства воздействия на ум и чувства людей, и он долго будет предметом исследования психологов и культурологов. Здесь мы лишь затронем первый слой.

Тот «переворот» на короткое время дал сенсационный материал для прессы, после чего удивительно быстро упоминание о нем практически исчезло со страниц газет. Осталось несколько простых, общепринятых штампов, и все старательно избегали их обсуждать. В самом этом умолчании было нечто болезненное, как будто все тайком уговорились не вспоминать что-то неприличное.

Рассмотрим этот «случай» согласно простой схеме: непосредственная предыстория событий, фактология трех дней «путча», основные модели объяснения событий.

§ 1. Предыстория августовского переворота

В декабре 1990 г. завершился один из последних этапов перестройки, который подытожил в своей речи на Съезде народных депутатов СССР премьер-министр Н. И. Рыжков. Когда во время подготовки этого доклада эксперты представили ему реалистичную картину положения в стране и уже очевидные признаки надвигающейся катастрофы, он был потрясен. Рыжков сказал парламенту некоторую часть правды и в тот же день получил инфаркт.

Хотя пресса встретила эту речь молчанием, в ней было, наконец, сказано то, что уже знало большинство населения: в ходе перестройки вместо освобождения хозяйства от «механизма торможения» были предприняты радикальные меры по слову плановой системы до того, как были созданы хотя бы зачатки либеральных механизмов. Следуя введенной в оборот Горбачевым строительной метафоре, можно сказать, что «архитекторы и прорабы пере-

стройки» в зимние холода сломали некрасивый, но теплый дом, не только не построив другого, хорошего, но даже не выкопав землянку. СССР погрузился, как говорили западные специалисты, в состояние «без плана и без рынка».

Театрально, после речи о грядущей диктатуре, ушел в отставку министр иностранных дел Э. А. Шеварднадзе. Он не сказал, откуда возьмется диктатура, какого она будет «цвета», но эффект был достигнут. Внимание советского культурного общества и всего мира сразу переместилось на это событие.

Статистика производства средств жизнеобеспечения, товарных запасов, финансовой сферы за 1991 г. говорила о том, что страна существовала за пределами нормальных возможностей. В «цивилизованном» обществе уже должен был бы произойти полный крах. Вот лишь некоторые данные. Дефицит госбюджета СССР составил в 1985 г. 13,9 млрд. руб.; в 1990 — 41,4; а лишь за 9 месяцев 1991 — 89 (за июнь 1991 г. подскочил на 30 млрд.). Государственный внутренний долг: 1985 — 142 млрд.; 1989 — 399; 1990 — 566; за 9 месяцев 1991 — 890 млрд. руб. Золотой запас, который в начале перестройки составлял 2 000 т., в 1991 г. упал до 200 т. Внешний долг, который практически отсутствовал в 1985 году, в 1991 г. составил около 120 млрд. долл.

Конец 1990 г. также был важным этапом в расщеплении сознания. Были приняты незначительно отличающиеся программы перехода к капиталистической экономике (программа «500 дней» Явлинского или «антикризисная программа» Валентина Павлова) — и в то же время было сказано, что перестройка означает обновление и развитие социализма. Сам М. С. Горбачев незадолго до этого сказал: «Перестройка — это скачок в развитии социализма, в реализации его сущностных характеристик... Вот почему странно для нас звучит, когда нам предлагают — некоторые даже искренне — изменить общественную систему, обратиться к методам и формам, характерным для другого социального строя. Этим людям невдомек, что такое просто невозможно, даже если бы кто и захотел вернуть Советский Союз к капитализму».

Все стали склоняться к мысли, что речь идет о систематическом обмане общества. И обман этот связан с необратимыми изменениями экономического, социального и политического порядка в стране. Это и вызвало тяжелый культурный кризис. Сам же М. С. Горбачев перед отъездом в Лондон на встречу «большой семерки» заявил, что «речь идет о выживании СССР». И при этом говорилось, что все идет так, как было задумано, что никакой ошибки нет! Да как же может совместить такие утверждения в своем уме нормальный человек? Налицо острейшая некогерентность заявлений высшего руководства страны — первый признак того, что ведется кампания манипуляции сознанием.

Можно было бы привести массу статистических данных, но и без них все сознательное население страны пришло к выводу, что мощная, хотя и инерционная экономика страны была разрушена в результате перестройки. Этот факт оценивался по-разному разными политическими силами — одни страдали, другие радовались, — но сомнению не подвергался.

Второй причиной культурного кризиса было то, что авторы экономических программ и политические лидеры явно скрывали масштабы лишений, которые предстояло испытать в ближайший период массам населения. Руководство располагало информацией о той социальной цене, которую платили все страны, принявшие «стабилизационные» программы Международного валютного фонда. Тем не менее в сознание настойчиво внедрялся миф, будто «изобилие уже за углом», стоит лишь приватизировать магазины.

Идеологическая подготовка к проведению рыночной реформы была основана на серии психологических шоков, вызываемых парадоксальными утверждениями. Идеологи перестройки явно злоупотребляли апелляцией к опыту Польши, где «в результате либерализации цен полки магазинов заполнились товарами». Известно, что это произошло при значительном (в некоторых отраслях катастрофическом) спаде производстве, а следовательно — лишь в результате снижения потребления, то есть ухудшения жизни людей (здесь имеется красноречивая статистика, да и поведение поляков, хлынувших в Белоруссию и на Украину и скупавших абсолютно все товары, о многом говорило). Но ведь всем было очевидно, что таким-то образом, за счет снижения потребления и повышения цен, можно было «организовать изобилие» и во времена Брежнева — и с гораздо меньшими социальными издержками¹.

Даже не сами предстоящие лишения, а именно это сокрытие правды вызвало моральный стресс и панические настроения. Важно подчеркнуть, что этот стресс испытывали отнюдь не только консерваторы, испытывающие страх перед либерализацией общества. Дезориентированы были и энтузиасты перестройки — ведь надо было как-то объяснить поведение их лидеров своим коллегам на фабрике, в научной лаборатории, попутчикам в поезде. И подобно тому, как в конце Второй мировой войны искренние поклонники фюрера лелеяли надежду на тайное оружие, которое спасет Третий рейх, либеральные интеллигенты в Москве твердили почти с религиозной страстью, что «Запад нам поможет». Что вот-вот в СССР хлынут кредиты и бесплатная технология, а способные дети

¹ Были известны результаты проведенного в Польше опроса: «Раньше поляки говорили, что пусть бы все было дорого, но в достатке в свободной продаже. Теперь же 86% опрошенных заявили, что недостаток денег более докучлив, нежели недостаток товаров в торговле».

из села Петушки поедут учиться в Гарвардский университет. И видно было, как мучались эти утописты, сами не веря в свои сказки.

Одновременно шестилетняя интенсивная идеологическая обработка всеми средствами массовой информации разрушила привычные устойчивые ориентиры. В поверхностных слоях сознания социалистические штампы были заменены на противоположные. Но глубокой перестройки сознания не могло произойти хотя бы из-за нехватки времени (не говоря уже о более глубоких причинах и наличии тысячелетних культурных традиций). Сознание оказалось расщепленным. Все это во многом определило политический климат 1991 года.

Его важным фактором, особенно зимой и весной, стало нагнетаемое ощущение угрозы гражданской войны. Был включен механизм страха. Для русских, в чьей исторической памяти гражданская война 1918—1920 гг. оставила страшную травму, эта угроза имела колоссальное значение. Обыватель, читая радикальную демократическую прессу, испытывал почти мистический ужас перед листом бумаги, на котором типографским способом, вполне легально были напечатаны призывы к новой гражданской войне. Это выглядело святотатством, нарушением негласного и страшного запрета, глубоко воспринятого каждой русской семьей.

Вот в газете «Утро России» (органе Демократического союза) гражданин Вадим Кушнир пишет в статье «Война объявлена, претензий больше нет»: «Вот почему я за войну. Война лучше худого лживого мира. После взрыва, находясь в эпицентре сверхситуации, ведя войну всех со всеми, мы сумеем стать людьми. Страна должна пройти через испытания... Война очищает воздух от лжи и трусости.

Нынешняя «гражданка» скорее будет напоминать американскую, между Севером и Югом... Сражаться будут две нации: новые русские и старые русские. Те, кто смогут прижиться к новой эпохе, и те, кому это не дано. И хотя говорим мы на одном языке, фактически мы две нации, как в свое время американцы Северных и Южных штатов... Скоро, очень скоро у нас у всех появится свобода выбора. Поверьте, это очень увлекательное занятие».

14 марта 1991 г. Б. Н. Ельцин выступил по ленинградскому телевидению и сказал: «Не надо опасаться угрозы гражданской войны, потому что у нас нет противоречий между социальными слоями». Это утверждение многих повергло в уныние, ибо люди уже привыкли: если власти предупреждают, что чего-то нам не следует опасаться, то, значит, именно этого и следует ждать со дня на день.

Ясно, что призыв не опасаться гражданской войны никого не мог успокоить, ибо все знают, что гражданская война — страшное бедствие, гораздо страшнее даже войны с внешним врагом. Ее всегда надо опасаться и допускать только такую политику, которая за-

ведомо исключает риск гражданской войны. Может быть, перестройка и была именно такой политикой и поэтому нам нечего было опасаться? Но это очевидно не так.

Напугала и аргументация, основанная на классовом подходе. Ведь известно, что общество раскалывается вовсе не только по социальному признаку, а в гражданской войне — всегда не по этой линии раздела, а по мировоззренческой. Наконец, абсурдно и утверждение, будто в СССР не было противоречий между социальными слоями — их наличие уже было ясно для всех здравомыслящих людей. Уже имелись и обострялись противоречия между массой трудящихся и разбогатевшими криминальными предпринимателями — а ведь еще не начала спускаться лавина безработицы и не проведена была обещанная приватизация промышленности. А разве не создавались эти противопоставления искусственно, средствами манипуляции сознанием? Например, классом и коллективным врагом народа была названа 18-миллионная «бюрократия».

Угроза «консервативной волны» становилась с конца 1990 г. вполне реальной — ход событий уже практически не оставлял места иллюзиям. В Литве зашатался и должен был вот-вот пасть режим Ландсбергиса — авангард союза либерально-демократических и национал-сепаратистских сил в СССР. Началась консолидация русскоязычного населения (русских, поляков, белорусов и евреев) — основных кадров промышленности. Но еще опаснее был их наметившийся союз с литовскими крестьянами, которые были недовольны планами приватизации земли и ее возвращения бывшим владельцам. И тогда устраивается «микропутч» в Вильнюсе в январе 1991 г.

Ландсбергис вызывает взрыв возмущения рабочих бессмысленным повышением цен, к тому же объявленным в день православного Рождества. Кем-то подогретая толпа идет громить парламент, подходы к которому в этот день не охраняются. Толпу дополнительно провоцируют из здания — из дверей ее поливают горячей водой из системы отопления. Большого вреда нет, но страсти накаляются до предела. Люди с заранее припасенными камнями бьют стекла.

Повышение цен немедленно отменяется, но беспорядки начались, радио сзывает литовцев со всей страны на защиту парламента. А когда прибывают толпы людей и расставляются по нужным местам, подразделения войск КГБ начинают, казалось бы, абсурдные действия — с шумом и громом, с холостыми выстрелами танков и сплющиванием легковых машин штурмуют... телебашню Вильнюса (хотя рядом, в Каунасе, продолжает действовать мощный телецентр, а ту же телебашню в Вильнюсе накануне мог занять патруль из трех человек; в Вильнюсе же занявшие телебашню

«оккупанты» отказываются отключить автоматические радиопередатчики, призывающие народ на баррикады).

В результате «штурма» — 14 погибших (убитых, скорее всего, не военными), ритуальные похороны, практическая ликвидация компартии Литвы и всех консервативных сил, которые в общественном мнении можно было связать с путчистами, получение Ландсбергисом тотальной власти, активное контрнаступление радикальных демократов в Москве.

Таким образом, положение «перестройщиков» было восстановлено благодаря «мини-путчу» в Вильнюсе, во время которого были совершены демонстративно грубые действия и принесены объединяющие литовцев ритуальные жертвы.

Для нас здесь важно подчеркнуть, что, как было сказано многими обозревателями уже в январе, события в Литве — лишь репетиция главного спектакля, который будет разыгран в Москве. Одни приняли эти предупреждения за пропагандистский прием демократической прессы, другие не поверили, потому что с неуклюжим путчем в Вильнюсе получился громкий конфуз — кому же нужно повторять такую глупость. Примечательно то, что говорил об этом Роберт Каллен — американский журналист, долго изучавший Советскую Армию. В январе 1991 г. он был в Вильнюсе и пришел к выводу, что «это только трагическая репетиция будущих событий». Когда он разговаривал об этой репетиции с бывшим начальником Генерального штаба, военным советником Горбачева маршалом Ахромеевым, тот заметил, что «если бы армия захотела сделать переворот, у нее на это ушло бы два часа».

В марте состоялся референдум по вопросу сохранения СССР. Сама постановка вопроса оказала огромное воздействие на подсознание — до этого момента вопрос о роспуске СССР представлял собой табу. Подавляющее большинство населения СССР даже не мыслило, что это может быть предметом обсуждения. Быстро стала внедряться в общественное сознание идея «ликвидации советской империи», но референдум опять продемонстрировал устойчивость консервативного мышления массы — 76 процентов высказались за сохранение СССР.

В кругах же радикальной интеллигенции доминировала идея крушения СССР. Как выразился один из активных членов Межрегиональной депутатской группы, «эта империя должна рухнуть, ибо все империи рухали»¹. В Ново-Огареве, под Москвой, началась выработка нового Союзного договора совещанием «руководителей республик», которое созвал Горбачев. Предлагаемые варианты договора содержали очень странные положения, но на непрерыв-

¹ Сразу после «путча» известный хирург и предприниматель, депутат Святослав Федоров, сказал, что экономикой займемся, «когда разрушим наш союз с клопами, тараканами, вонючими туалетами».

ные запросы депутатов ответа не давалось. По мнению экспертов (независимо от политической позиции), последний вариант договора, который должен был быть подписан 20 августа, не просто означал ликвидацию СССР, но и закладывал в отношения его правопреемников бомбу большой взрывчатой силы. Принятая в Ново-Огареве процедура поэтапного подписания Договора приводила к беспрецедентной в мировой практике ситуации, когда в течение длительного времени на одной территории должны были существовать два разных государства.

Другими словами, явно готовилась трансформация СССР, но такая, что ее не поддержали бы ни консерваторы, ни демократы.

В июне прошли выборы президента РСФСР. Победа Ельцина не была триумфальной (он получил голоса 43 процентов избирателей), но он стал законным президентом. В июле собрался пленум ЦК КПСС, к которому половина региональных организаций пришла уже с убеждением, что Горбачев ведет дело к ликвидации компартии. Консерваторы, однако, договорились не критиковать Горбачева на пленуме, чтобы не дать ему повода уйти в отставку, не сделав доклада на съезде КПСС осенью этого года. А. Н. Яковлев сказал о том пленуме: «Я думаю, они с ним расправятся на съезде. Причем больно расправятся, безжалостно. Если он не упредит их». И пленум прошел внешне мирно, хотя все точки над «i» были расставлены. Горбачев уехал в отпуск (что само по себе удивительно в такой обстановке) на свою виллу в Форосе (Крым), обещая вернуться к подписанию союзного договора, 19 августа.

Это развитие событий было радикально прервано «путчем» 19—21 августа, организованным группой высших представителей государственной иерархии СССР.

§ 2. Фактология «путча»

Не буду утомлять читателя повествованием, а перечислю коротко только те основные факты, которые необходимы, чтобы обсуждать затем модели объяснения событий. То есть факты, которые ясно подтверждают ту или иную модель — или никак с ней не вяжутся. Источниками фактов служат документы, заявления официальных лиц, опубликованные в демократической прессе свидетельства очевидцев и личные наблюдения¹. Чтобы устранить всякие сомнения в идеологической заинтересованности авторов того или иного сообщения, мы полностью отказались от привлечения

¹ Вскоре после «путча» Аналитическому центру, где я работал, Верховный Совет СССР поручил подготовить фактологическую хронику событий. Я руководил выполнявшей это задание группой. Было собрано, систематизировано и представлено в парламент огромное досье из всех доступных открытых документов.

материалов из немногих просоветских изданий (как, например, газеты «Советская Россия»). Итак, фактическая канва событий.

Утром 19 августа радио сообщило, что Горбачев по состоянию здоровья не может исполнять обязанности президента и руководство СССР осуществляет Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), который временно берет на себя всю полноту власти. В состав ГКЧП входили: вице-президент Янаев, который исполнял обязанности главы государства во время отпуска Горбачева, премьер-министр, министры внутренних дел и обороны, председатель КГБ, член президентского совета по оборонной промышленности и председатели ассоциаций — промышленных предприятий и крестьянской. ГКЧП был поддержан практически всем кабинетом министров, который собрался на свое заседание 19 августа. Утверждалось, что в «заговоре» принимал участие председатель Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов (и он был даже арестован как заговорщик), хотя с самого начала сам он свое участие отрицал. По сути в «заговоре» участвовала вся «команда Горбачева», за исключением его самого — вся верхушка государственной власти СССР.

Обыватели поняли это так: или Горбачев свергнут, или направляет свою команду из-за кулис, не желая себя компрометировать. С Ельциным и его командой или договорились, или арестовали. Дело ясное, ничего нового о положении в стране ГКЧП не сказал, в своем заявлении он изложил ситуацию примерно так, как ее представляло само население. И люди поехали на работу, по делам, а кто мог — полюбопытствовать в центр города.

Туда уже входили танки и БТР, которые расположились около основных «политических центров» Москвы. К солдатам лезли с вопросами, но те ухмылялись и отвечали, что стрелять они не будут, им приказали лишь прибыть и стоять. Когда к ним очень уж приставали женщины, они открывали магазины автоматов и показывали, что боеприпасов у них нет. Митинг у гостиницы «Москва», обычном месте демократических митингов, проходил очень вяло. В целом царил обстановка возбуждения с легким любопытством, но по накалу страстей никак не соответствующая такому невиданному событию, как военный государственный переворот с введением в Москву боевых полевых танков. Ощущения опасности от этих танков не исходило, и можно определенно сказать, что враждебности со стороны населения по отношению к военным в Москве не чувствовалось.

Все ожидали реакции Ельцина. На улицах и в метро расклеивали его обращение, но вначале не было уверенности, что это не фальшивка. Однако уже к середине дня ТВ показало выступление Ельцина, который, стоя на танке, заклеил «государственный переворот». Радио на нескольких волнах стало призывать людей к

всеобщей политической забастовке. На эти призывы никто не обратил внимания — в Москве не бастовало ни одно предприятие. Собственно говоря, не было сформулировано, ради чего следовало остановить работу и каким образом это могло повлиять на военных. Нельзя поэтому сказать, что «Ельцина не поддержали», но всем стало ясно уже в понедельник 19-го, что тут что-то не так. Если это и переворот, то очень странный, про такие перевороты мы в книгах не читали.

Пресс-конференция ГКЧП добавила недоумения. Вице-президент говорил о том, что он друг Горбачева и что тот вот-вот оправится от болезни (причем даже неизвестно какой) и вернется к исполнению обязанностей президента. Серьезные путчисты так себя не ведут, а медицинскими справками о болезни президента запасаются заранее. Пресс-конференция сильно изменила настроение: воспрянувшие было сторонники «сильной руки» пришли в уныние, а приунывшие было сторонники прогресса снова достали значки «Демократической России», которые они спешно и часто со смехом откалывали утром под добродушные шутки попутчиков в метро.

«Московские новости» так описывают тот день: «В первый день переворота в стране введено чрезвычайное положение, однако границы, которые, как известно, контролируются подчиненными КГБ войсками, не перекрыты, продолжают работать аэропорты, принимая и выпуская самолеты во всех направлениях. Закрываются непослушные газеты, прерываются независимые каналы радио и телевидения. Однако в газеты со всей страны идет информация, продолжают работать факсы и телетайпы, в том числе и международные, функционируют все виды телефонной связи и, что самое поразительное, «вертушки». В страшную ночь путча «МН» связывались по спецсвязи с «Белым домом», Министерством обороны, МВД, КГБ».

Во вторник у Верховного Совета РСФСР («Белого дома») стали собираться толпы людей. Строили баррикады, которые имели, скорее, психологическое значение и серьезной помехи для войск не представили бы (да они и ставились только на видных местах, как в январе в Вильнюсе). Как сказал генерал К. Кобец (в тот момент министр обороны РСФСР), который организовывал оборону «Белого дома», разградительный отряд расчистил бы эти баррикады за несколько минут. Начальник штаба Комитета обороны «Белого дома» генерал КГБ А. Стерлигов сказал так: «Взять наше здание можно было элементарно. Одному подразделению хватило бы 20 минут, и не спасли бы наши автоматы».

Примечательно, что К. Кобец заявил потом прессе: «У меня в сейфе утром 19-го уже лежал отработанный план противодействия путчистам. Он назывался план «Икс». Какой контраст с положением, в котором оказалось командование вводимых в Москву сил

путчистов. Вот слова начальника штаба Московского военного округа генерал-лейтенанта Л. Золотова: «Для нас решение о вводе [дивизий] в Москву оказалось полной неожиданностью... Мы взяли справочник Москвы, туристические карты и стали определять, куда разместить боевую технику. Все делалось условно и приблизительно...»

По самым максимальным оценкам на защиту парламента собрались до 70 тыс. человек. Как и в других точках Москвы, около «Белого дома» в полном соответствии с приказом находились крупные военные силы с танками. Их командиры постоянно общались с Ельциным и с ГКЧП. Пресса затем называла их «героями, перешедшими на сторону народа». Первый замминистра обороны СССР, председатель комитета Верховного совета РСФСР по обороне командующий воздушно-десантными войсками генерал-полковник П. С. Грачев рассказывает корреспонденту журнала «Собеседник»:

— Рано утром мне позвонил Язов и сказал: «Выдвигай свои войска в Москву для охраны объектов». Никакой дополнительной информации не последовало.

— Вы выполнили этот приказ?

— Конечно. Я же напрямую подчинен министру обороны...

— То есть слухи о том, что армия раскололась и десантники перешли на сторону Ельцина, не соответствуют действительности?

— Конечно. Если бы я позволил своим войскам расколоться, то в ту же минуту был бы смещен... Поймите правильно: Язов приказал мне взять под охрану пять объектов — Гостелерадио, Моссовет, Верховный совет РСФСР, Госбанк и Госхранилище. Но и Ельцин распорядился выделить себе охрану.

«Московские новости» опубликовали «Дневник из осажденного парламента» сотрудника Верховного совета РСФСР С. Хабирова, который они назвали «поразительным документом сегодняшнего, но уже легендарного времени». Вот формулировки, в которых изложены самые критические моменты:

«20.08.91. Ночь прошла в напрасной тревоге. Москву сотрясает гул боевой техники, курсирующей неизвестно откуда и куда...

21.08.91. 4.35. Стоит страшное спокойствие. Неясно, кто и что задумал... Саша Любимов назвал эту, чего уж таить, жуткую тишину во мраке войной нервов. Верно. Молодец мужик... Договорились о месте и времени встреч в случае подполья. Уйдем с оружием. Видимо, уже иначе нельзя».

Судя по всему этому «поразительному документу», объективно преступление советской военщины состояло в том, что защитникам демократии пришлось пережить «напрасные тревоги», «страшное спокойствие» и «жуткую тишину». Отсюда видно, какое значение в кризисе имеет субъективное восприятие событий.

За все время путча было ненадолго арестовано два человека: депутат Гдлян, создавший себе политическое имя, обвиняя партийную номенклатуру в коррупции, и один из руководителей независимого профсоюза военных. Вот что сказал начальник Московского управления КГБ генерал-майор А. Корсак о действиях КГБ Москвы 19 августа: «Мы занимались повседневной деятельностью, но в более напряженном режиме, до конца дня. Нам даже не ставили в обязанность обезвреживать распространителей «подрывных» листов, тем более производить аресты».

Вечером 20-го в Москве был объявлен комендантский час, но никто на него внимания не обратил и поддерживать не собирался. Да и реальных возможностей для этого у военных властей не было, и это все понимали. Уже днем маршал Е. Шапошников обратился к члену ГКЧП Язову с предложением прекратить участие армии в этой сомнительной акции и вывести войска из Москвы. Язов дал согласие, и Шапошников связался с Ельциным и сообщил ему об этом. С ночи начался вывод танковых частей из Москвы.

В начале ночи произошел трагический инцидент, которого, впрочем, все ждали. Бронетанковый патруль, посланный к Министерству иностранных дел на Смоленской площади, двигался по Садовому кольцу, которое в туннеле под проспектом Калинина оказалось перегорожено баррикадой из троллейбусов. От «Белого дома» это место довольно далеко, и никакого значения для его защиты баррикада не имела. Напротив, блокада туннеля на Садовом кольце, по которому должны были передвигаться бронетанковые подразделения, заведомо создавала условия для неизбежного столкновения с армией в опасной близости от объекта защиты — акция, с военной точки зрения неразумная.

По краям туннеля собралась большая толпа молодежи с заготовленными брезентами, емкостями и бутылками с бензином. Передние боевые машины пехоты (БМП) раздвинули троллейбусы и прошли вперед, к месту назначения, но перед замыкающими колонну машинами с помощью автокранов баррикада была закрыта. Опять же, если бы речь шла о том, чтобы «не пропустить бронетанковую колонну к Белому дому», борьба должна была вестись с передними машинами. Отрезать и поджигать замыкающие БМП с точки зрения интересов обороны «Белого дома» не имело смысла.

Брезентами машины были ослеплены, а затем подожжены бутылками с бензином. Один юноша погиб, когда прыгнул в БМП, а затем, пытаясь перебраться в другой отсек, зацепился ногой, упал и ударился головой об асфальт. Уже мертвый, он попал под колеса ослепленной и горящей БМП, которая судорожно двигалась в туннеле. Второму в голову попал осколок пули, которая при выстреле одного из солдат в воздух ударилась о крышку люка и раскололась. Третий погибший был убит пулей. Экспертизе не удалось устано-

вить, кто в него стрелял, пуля не найдена. По утверждениям солдат и в соответствии с видеозаписями инцидента (они велись со многих сторон места происшествия представителями многих советских и иностранных компаний, которые предоставили следствию свои записи), солдаты стреляли только в воздух. Выскочившего из горящей БМП механика-водителя облили бензином и подожгли.

По иронии судьбы, именно тому подразделению, на долю которого выпало быть повинным в смерти трех юношей, было приказано передвинуться от Министерства иностранных дел на охрану «Белого дома», и одни и те же солдаты и офицеры, сами того не зная, были одновременно и «фашистскими убийцами», и «героями, перешедшими на сторону народа». После четырех месяцев следствия по делу о гибели юношей в туннеле уголовное дело прекращено и сделан вывод: экипаж БМП-536 подвергся нападению, оружие было применено законно. То есть, даже если бы солдаты стреляли на поражение, это было бы правомерным.

Таким образом, было совершено нападение на военнослужащих Советской Армии, находящихся при исполнении служебных обязанностей и действовавших в соответствии с законами СССР. Согласно следствию, нет состава преступления и в действиях других военнослужащих, причастных к инциденту: командира Таманской дивизии генерал-майора В. Марченкова, командира полка полковника А. Налетова, командира батальона капитана С. Суровикина.

В среду утром 21 августа ситуация определилась: с Горбачевым официально связались по телефону, к нему поехали вице-президент России Александр Руцкой и премьер-министр Иван Силаев. Они привезли Горбачева в Москву, а членов ГКЧП арестовали.

Перед арестом покончил с собой министр внутренних дел Пуго. Прибывший почему-то его арестовывать экономист Явлинский (в тот момент — частное лицо) сделал любопытное заявление. Тело Пуго лежало на диване, а на полу — его жена с простреленной головой. «Нас удивило, — сказал Явлинский, — что пистолет Пуго аккуратно лежал на столике у дивана. Как мог положить пистолет человек, пустивший себе пулю в висок? Дело объяснилось — мы вспомнили, что после Пуго в себя стреляла его жена». Жена, как хорошая хозяйка, разумеется, даже после выстрела себе в висок обязана была положить вещь на место. Не будем также удивляться опубликованным на Западе «утекшим» из МВД СССР сведениям о том, что в голове Пуго оказалось три пули¹.

¹ Кстати, руководитель следственной бригады Е. Лисов никаких неясностей не видел: «С пистолетом тоже неясностей нет. Отец Пуго, глубокий старик... был в другой комнате. Услышав выстрелы, он вышел, увидел труп сына и пистолет, поднял пистолет и положил на полку». Дескать, ты что же, сынок, пистолет-то не убрал?

Многие обозреватели отмечают совершенно неожиданное, никак не мотивированное и никем не объясненное прекращение «путча». Никакой военной угрозы демократы для «путчистов» не представляли и наступления на них не вели. С другой стороны, никакой эволюции во взглядах самих «путчистов» также не наблюдалось, никаких переговоров, на которых они под давлением постепенно сдавали бы свои позиции, не было.

Газета «Коммерсантъ» пишет: «Все приведенные нестыковки меркнут в сравнении с главным и пока не исследованным вопросом в трехдневной истории путча. Как и почему путч закончился? Ни Горбачев, ни другие участники событий не сказали по этому вопросу ни одного слова. Известно только, что в 4.30 утра 21 августа ГКЧП заседал в партийной гостинице «Октябрьская». В 5.00 командующий МВО генерал Калинин отдал приказ вывести из Москвы войска... Но ведь ситуация остается под контролем ГКЧП и пока не похожа на безвыходную. Страна не осудила переворот немедленно и единодушно, призыв Ельцина к бессрочной забастовке за два дня поддержали очень немногие... Через несколько дней Верховный Совет почти наверняка подтвердит правомочность ГКЧП. Почему путчисты спешно сдались, выведя из Москвы войска, когда достаточно было остановить наступление на Белый дом и осмотреться? Объективных оснований для паники нет — игру еще никак нельзя считать проигранной. Более того, путчисты, похоже, и не считают ее таковой. Рабочие типографии передали в редакцию сверстанную и подготовленную к печати первую полосу номера «Красной звезды», который должен был выйти в четверг, 22 августа. На полосе — новые, жесткие приказы путчистов, заявление коменданта Москвы с его собственной трактовкой событий на Смоленке. Никто, похоже, не собирался сдаваться... Самое вероятное: государственные люди подчинились приказу».

Путч закончился, и началась бурная политическая деятельность по реализации его «результатов». Но перед этим Горбачев дал большую пресс-конференцию, а его помощник, секретарь и офицер личной охраны — большое интервью, в которых изложена фактическая сторона ареста президента.

§ 3. История «ареста» Горбачева

В поспешных выступлениях Горбачева и его помощников содержится столько взаимоисключающих утверждений, что можно сделать единственный вывод: в истинные планы и разработку официальной версии был вовлечен столь узкий круг людей, что в условиях нехватки времени не было возможности даже одному человеку из окружения президента сесть и выработать непротиворечивое

описание событий. На момент политика перестала быть театром, и некогда было «разучить роли» и согласовать высказывания хотя бы тех, кому никак было не избежать выступлений перед телекамерой.

Как известно, арест свелся к лишению М. С. Горбачева связи. Никаких насильственных действий или угрозы насильем не было. Впрочем, сам Горбачев считает, что провел «72 часа, как в Брестской крепости», но не будем придирааться к этой аналогии (Брестская крепость сопротивлялась в течение двух месяцев, практически все ее защитники погибли). На первой пресс-конференции в Крыму на вопрос «а были попытки силового давления на вас?» президент ответил: «Ничего не было. Но только я был полностью лишен связи, отключен, с моря блокирован кораблями, а с суши войсками».

Командир Балаклавской бригады пограничных сторожевых кораблей, которая «блокировала дачу с моря», капитан первого ранга И. Алферьев заявил: «3 августа 1991 года группа из четырех пограничных кораблей и подразделение малых катеров заступило на охрану Государственной границы СССР в районе нахождения резиденции Президента СССР. Организация службы с использованием такого количества сил и средств введена 4 года назад, с момента размещения резиденции Президента СССР в Форосе. С 3 по 23 августа мы несли службу в обычном режиме».

По словам М. С. Горбачева, 17 августа на его дачу прибыла команда, посланная разрушить узел связи. «И разрушили!» — воскликнул он на пресс-конференции. Технические эксперты сразу выразили в этом сомнения. 24 августа, в дни триумфа над «путчистами», генеральный директор ленинградского НПО «Сигнал» Валентин Занин сделал заявление: «Ознакомившись с версией М. С. Горбачева, сделанной письменно в газетах, я утверждаю, что таким образом изолировать Президента СССР от связи невозможно. Я являюсь одним из производителей различных средств связи, и изоляция живого и несвязанного президента возможна только при демонтаже основного оборудования, изъятии его и вывозе, чего не было сделано, как явствует из сообщения. Это многие тонны. То есть был случай добровольного невыхода на связь». К этому письменному заявлению Занин устно добавил ряд технических объяснений, закончив: «Президенту достаточно только иметь авторучку и лист бумаги, чтобы обеспечить себе связь со страной».

Но примем версию Горбачева: его лишили связи 17 августа, прибывшая команда «разрушила узел связи». Между тем, согласно собственному заявлению того же Горбачева, 18 августа он разговаривал по телефону с Ельциным, Назарбаевым, Янаевым. Быть может, число 17 августа названо по ошибке? Но сразу после «перевоза

рота», 28 августа, на сессии Верховного Совета СССР первый заместитель премьер-министра В. Щербаков рассказывал, как перед известным заседанием кабинета министров 19 августа он очень сомневался в законности введения чрезвычайного положения. Рассказывая это, Щербаков воскликнул: «Это счастливая случайность, что Михаил Сергеевич Горбачев позвонил мне за 20 минут до конференции» [пресс-конференции ГКЧП 19 августа].

Непосредственно из «Белого дома» 20 августа с М. Горбачевым связался корреспондент одной газеты. А Руцкой сам признал, что говорил с ним до того, как 21 августа в Форосе появилась команда КГБ, включившая связь (Руцкой сообщил, что заговорщики вылетели в Форос и просил Горбачева не принимать их).

Но предположим, что газеты путают, а Руцкой и Щербаков ошибаются в часах и датах. Примем также, что узел правительственной связи действительно был отключен. По сути, это не слишком меняет дело. Ведь в такой трагической для страны ситуации, как государственный переворот, было логично приложить некоторые усилия и связаться с Москвой и миром по обычной телефонной связи, через радиостанции пограничников или военных кораблей, охранявших Форос (моряки имели постоянный контакт с охраной Горбачева)¹. Выполнялись и регулярные рейсы «Аэрофлота» (некоторые работники ЦК КПСС, которые отдыхали в санатории рядом с дачей Горбачева, 19 августа, услышав о «путче», спокойно купили билет на самолет и через два часа были дома в Москве).

Что, по мнению обывателя, делает президент, блокированный на даче заговорщиками? Он вызывает своего верного помощника или офицера охраны и говорит что-то вроде: «Скачите к нашим! Скажите им там... Живым не давайтесь... Демократия вас не забудет!» Но не было никаких попыток прорваться к телефону, к почте, к самолету, к скоростному катеру. И через кого прорваться? Согласно рассказам местных жителей, никаких войск около дачи во время «путча» не появилось. Командир пограничной заставы, охраняющей дачу снаружи, майор Виктор Алымов, нисколько не подозреваемый в связи с «путчистами», заявил, что ничего необычного на территории и около нее не наблюдалось, никаких вооруженных формирований не появлялось, охрана и семья президента, как обычно, купались в море и никаких знаков пограничникам не подавали.

¹ Не будем тратить время на перечисление всех явных, обыденных средств связи, которыми располагали «узники Фороса». Самой современной спутниковой связью были оборудованы автомашины Горбачева, к которым обитатели виллы имели свободный доступ (они, например, брали оставленные там полотенца и купальники, чтобы идти на пляж).

Да и портативные рации молчали. Не был использован и «красный телефон» для прямой спутниковой связи с Бушем¹. Уже в те дни среди обозревателей в Москве циркулировало мнение, что по каким-то неизвестным причинам Горбачев не захотел использовать имевшиеся в его распоряжении средства, чтобы официально связаться с Москвой, дать свою оценку событиям и активно пресечь попытку государственного переворота.

А каково поведение других политиков, не «арестованных» путчистами и не лишенных доступа к телефону? Ведь, как было сказано в газетах, «страна три дня жила в шоке, страхе и неопределенности». Что было сделано, чтобы эту неопределенность устранить уже утром 19 августа? Известно, что руководство большинства республик и областей заняло выжидательную позицию, да и чрезвычайное положение нигде, кроме Прибалтики, не вводилось. Но в Москве с первых же моментов возник непримиримый конфликт руководства России с ГКЧП, который день ото дня становился острее. Руководство РСФСР «стало на защиту Конституции и Президента СССР».

ЦК КПСС лишь укрепил свою репутацию абсолютно недееспособного органа, заявив, что «не скажет о своем отношении к ГКЧП, пока не узнает, что с его Генеральным секретарем товарищем Горбачевым». А почему было не взять да не узнать? Какие для этого были препятствия? Адрес дачи всем известен. В ста метрах от дачи — пограничная застава с телефоном. В сорока минутах езды — Севастополь, база Черноморского военно-морского флота, никак не причастного к «путчу». Здесь же — демократический горсовет, а для ЦК КПСС, если не нравятся демократы, — горком КПСС. Даже регулярным рейсом самолета до дачи Горбачева можно добраться из Москвы за два с половиной часа.

Когда 21 августа вслед за «путчистами», помчавшимися в Крым к Горбачеву, полетели Руцкой и Силаев, их самолету запретили посадку на военном аэродроме рядом с дачей, в Бельбеке — посадочная полоса была «заперта» предыдущим самолетом. По свидетельству газеты «Megapolis-Express», «Командующий военно-морским флотом адмирал Чернавин в ответ на срочную радиogramму Ельцина отдал приказ: любым способом освободить полосу и дать посадку Руцкому». Но разве нельзя было дать такую радиogramму и совершить такой полет уже 19-го августа?

¹ Когда президента США Буша спросили, почему он сам не воспользовался «красным телефоном», чтобы связаться с советским коллегой, он ответил, что в этом не было необходимости, так как он был в курсе всех событий. Все знающая и всегда ядовитая газета «Megapolis-Express» так описывает ночь и утро Джорджа Буша 19 августа: «Через несколько часов — утренняя пресс-конференция в Кеннебанкпорте. Весь мир в шоке. Париж, Лондон, Токио все еще молчат. А Джордж Буш произносит загадочную фразу: «Не все перевороты удаются».

Откровенно говоря, все ждали от верховных политиков примерно такого сообщения: «После неудачных попыток связаться с Форосом и вообще с Крымом через все существующие в СССР виды связи, туда была послана делегация, возглавляемая министром таким-то, однако...» — а дальше возможны варианты («самолет делегации был сбит истребителями путчистов...», «при подъезде к даче делегаты были обстреляны из автоматов...», «из ворот вышел сторож и обругал министра неприличными словами»). И затем логичный вывод: «Президент СССР арестован, пробиться к нему невозможно, будем отстаивать демократию на баррикадах без него». Но ведь ничего этого не было! Никто (!) не сделал попытки не только выручить Горбачева, но и явно, официально связаться с ним по телефону.

«Московские новости» пишут: «Любопытна история председателя Моссовета Николая Гончара, который приехал в Москву только 22 августа, когда мятеж провалился, из Фороса. Он рассказал нам, что отдыхал неподалеку от дачи президента, когда, идя по тропе с рюкзаком за плечами, услышал, что в Москве переворот. Он пытался узнать обо всем, что имело отношение к президенту. 21 августа решено было проникнуть на территорию дачи с помощью аквалангистов через бухту. Но раньше аквалангистов на дачу попали Силаев с Руцким».

Здесь, действительно, любопытно все, включая туманный стиль изложения. Сообщается также о попытках проникнуть к Горбачеву со стороны кинорежиссера Олега Уралова и российских депутатов, «волею случая отдыхавших в те роковые дни на Крымском побережье». Но из их рассказа о том, как дружелюбно отнеслась к ним охрана и не пропустила к президенту под тем предлогом, что «у Михаила Сергеевича нет возможности принимать всех отдыхающих по соседству депутатов», абсолютно ничего не следует. Более того, ответ охраны даже выглядит вполне резонным.

§ 4. «Переворот» и КПСС

Имеет смысл отвлечься ненадолго от ярких событий «путча» к оставшимся в тени действиям руководства КПСС. Известно, что именно «путч» послужил поводом для ликвидации этой огромной организации, и утверждение о ее активной роли в подготовке переворота было принято как не требующий ни доказательств, ни размышлений факт. Пресса (в том числе т.н. «партийная») на этот счет отделялась туманными репликами, избегая затрагивать фактическую сторону дела.

В виде маленькой, невзрачной заметки прошло в «Правде» сообщение о таком немаловажном факте. 26 августа 1991 г. прокурор Ленинграда возбудил уголовное дело по признакам преступления

пункта «А» ст. 64 УК РСФСР «Измена Родине» против Ленинградской организации КПСС, секретарь которой Б. Гидаспов был признанным «крутым» консерватором. 26 декабря следствие было закончено, и следователь по особо важным делам П. Кривошеев отвел на вопросы корреспондента:

— Какое общее впечатление о поведении руководителей парт-организации в дни событий 19—23 августа?

— Они заняли нейтральную, вернее, даже выжидательную позицию. В местный ГКЧП Б. Гидаспов, например, попал как член военного совета округа. А как первый секретарь обкома он даже не имел необходимой информации от ЦК. Звонил Купцову, Ивашко, спрашивал, что же все-таки происходит, где Горбачев, те отделивались туманными фразами. После чего, как утверждает Гидаспов, у него стало закрадываться подозрение, что тут не все в порядке. А когда он увидел по телевидению дрожащие руки Янаева, понял: дело нечисто. И с тех пор все его действия были направлены на то, чтобы сохранить в городе порядок, не допустить кровопролития...

— К какому же выводу пришло следствие?

— Никаких конкретных или реальных действий со стороны Ленинградской парторганизации, направленных на поддержку решений ГКЧП, совершено не было. Не установлено ни одного факта, который потребовал бы привлечения виновных, если бы таковые обнаружались, к уголовной ответственности за измену Родине. Поэтому своим постановлением дело № 381953 я прекратил за отсутствием состава преступления...

Подобного рода сообщения шли и из других мест. Так, Прокуратура Белоруссии вела уголовное дело, возбужденное по сведениям о поддержке ГКЧП разными общественными организациями. В феврале Прокуратура сделала заявление, согласно которому она не установила «сговора руководителей коммунистической партии Беларуси и коммунистов республики с участниками заговора с целью захвата власти, осуществленного в августе 1991 года в Москве».

В истории августовского путча и роли в нем КПСС есть одна тема, которой политики стараются не касаться. Она может интересовать лишь достаточно беспристрастного наблюдателя — ниже мы попытаемся объяснить, почему это так, что же происходило на Старой площади, в цитадели коммунистической системы — Центральном комитете КПСС. Ниже приводится рассказ одного из аппаратчиков высшего звена ЦК. В августе он отдыхал в Форосе, рядом с дачей Горбачева. Утром 19 августа, узнав о событиях в Москве, он регулярным рейсом «Аэрофлота» вернулся в столицу и провел все дни путча непосредственно в здании ЦК, наблюдая события «изнутри». Вот, коротко, его рассказ, который я привожу без редактирования и без комментариев.

«...Эта тема тесно связана с вопросом о том, кому в конце второй и в течение третьей декады августа 1991 года принадлежала власть в КПСС. Власть КПСС в обществе к этому времени была уже достаточно слабой, это была даже не власть как таковая, а остатки былого могущества и всепроникающего влияния. Но власть внутри партии и власть партии в обществе — это две разные вещи, и первая может существовать даже при полном отсутствии второй.

Итак, в чьих руках была партийная власть 19 августа, в день, когда был изолирован в Форосе генеральный секретарь ЦК? Формально, по уставу высшим органом партии является Политбюро, но каких-либо следов его деятельности в этот период не прослеживается. Оно не собиралось, так как львиная доля его членов — все республиканские лидеры предпочли в тот момент остаться в своих вотчинах — кто выполнять указания ГКЧП, кто отсидеться, а кто и противодействовать путчистам. Неизвестны и принятые в этот период от имени Политбюро документы.

Вторым по значению органом внутривнутрипартийного управления между пленумами являлся секретариат ЦК. Следы его деятельности прослежены в ходе идущего следствия, а печально известная шифровка, призывающая к поддержке ГКЧП, разослана как раз от его имени. Шифровка была направлена на места 19 августа. Характер документа указывает, что в отличие от загодя подготовленных домашних заготовок, многие из которых уже преданы гласности, этот документ тогда же, то есть 19 августа, и родился.

Путч без сомнения застал основной орган оперативного управления огромной партийной структурой врасплох. Иначе не объяснишь, почему второе лицо в партии — заместитель генсека В. Ивашко накануне был прооперирован по поводу щитовидной железы. Почему секретарь Г. Семенова оказалась в командировке в Средней Азии, секретарь П. Лучинский грелся в Крыму, секретарь А. Гиренко отлеживался в легком недомогании и т.п. Считать, что они оказались по-лукьяновски лукавыми и дальновидными, не приходится, ибо все они 19 устремились на Старую площадь, пытались понять, что происходит и все дни путча находились там, покинув свои рабочие места в последний день августа, когда все партийные функционеры под дулами автоматов были изгнаны из здания ЦК. Если бы существовало тайное партийное решение об организации путча, им бы просто не было позволено в важнейший момент захвата власти, когда каждый из посвященных играет огромную роль, уклониться и находиться за тридевять земель или в больнице.

По свидетельству многочисленных функционеров ЦК, с кем довелось вести беседы, секретариат заседал практически непрерывно в течение и 19, и 20, и первой половины 21 августа. Эти засе-

дания отличались от обычных. Они проходили в самом узком, то есть собственно секретарском составе. Обычной практикой еще со сталинских времен было участие в заседаниях секретариата ведущих отделами ЦК — весьма влиятельной в партийной иерархии группы функционеров...

На этот раз они не были допущены. Отсечены от влияния на выработку отношения к путчу и документов, которых ждали провинциальные центры, оказались, конечно, не только собственно ведущие. Вместе с ними был отсечен и весь аппарат ЦК...

К исходу дня 20 августа ведущих функционеров ознакомили с проектом заявления ЦК, которое было вымучено самим Секретариатом. Предполагалось, что оно прозвучит в программе «Время». Заявление носило крайне аморфный характер, обнаруживая полную бесхребетность и отсутствие политической воли. В нем «принималась к сведению» информация ГКЧП о том, что с генсеком ничего непоправимого не случилось, и давалось обставленное оговорками обещание поддержки путчистам, если ГКЧП будет «выражать чаяния народа». Натиск среднего звена на руководство оказался столь настойчивым, что партийные бонзы дрогнули и отозвали заявление. По свидетельству одного из работников телевидения, его буквально вынули из рук диктора главной политической телепрограммы. Такое заявление, возможно, и было бы хуже, чем ничего. Но и «ничего» от правящей партии в момент путча, длившегося уже двое суток, было не лучше.

Почему в эти дни не собрался пленум ЦК? Примерно от десяти членов ЦК, с которыми нам удалось провести телефонные разговоры, стало известно, что в первой половине дня 19 августа они узнали о готовящемся на следующий день, то есть 20-го (скорее всего, вечером), пленуме. На вопрос, почему он не состоялся, вразумительного ответа не дал никто.

Как удалось установить, утром 19-го известие о пленуме получили почти все члены ЦК. Многие из них, бросив все, поехали в Москву. Утром 20 августа в отделе, ведавшем оргработой, циркулировали данные о прибытии в Москву 110—115 иногородних членов ЦК. А еще почти половина членов пленума ЦК — это представители московской политической элиты. Другими словами, 20 августа в Москве находилось примерно две трети членов ЦК. Собрать их на заседание труда не представляло. Однако секретариат, ссылаясь на то, что в Москве вводится чрезвычайное положение, от проведения пленума отказался. Это и был момент зурпации власти в партии.

Горбачев уверял всех, что из Фороса в новую страну вернулся новый президент, но это было не так. Он привез в Москву многие из своих иллюзий — в аэропорту и на первых пресс-конференциях

еще говорил о перестройке и социалистическом выборе. Но через день ему многое стало ясно...

И тогда он призвал КПСС сослужить последнюю службу. Она должна была теперь сыграть роль жертвы, которую он принесет на алтарь разгневанного божества! В узком кругу оставшихся ему верными функционеров (многими из них он пожертвует уже в ближайшие дни) за круглым столом в комнате, примыкавшей к приемной его кремлевских апартаментов, родились заявления о судьбе КПСС, ее имущества и т.п. Парадоксально, но факт: к разработке определяющих судьбу партии документов не были привлечены не то что члены пленума ЦК, но и секретари — только ближайшее окружение генерального секретаря и два-три человека из среднего звена функционеров ЦК.

Так произошла вторая за несколько дней узурпация внутрипартийной власти. Она носила еще более выраженный характер: власть в партии была узурпирована одним человеком, ее генеральным секретарем. Узурпирована на очень короткий отрезок времени, если рассуждать предельно строго, всего на несколько часов, и только с одной целью — уничтожить ее как организацию, используя такое уничтожение как козырь в новом туре политической борьбы».

Рассмотрим альтернативные объяснения происшедшего, которые циркулировали в среде наблюдателей.

§ 5. Модели объяснения событий

Согласно официальной версии, сформулированной Б. Н. Ельциным уже в первый день путча, а затем подтвержденной Горбачевым и радикальными демократами и даже утвержденной парламентом, в СССР был совершен государственный переворот, организованный группой заговорщиков, которые признаны преступниками.

Никого не волновали неувязки с правом: парламент и президент, подменяя суд, уже не только дали событиям юридическую квалификацию, но и вынесли приговор. Члены ГКЧП до суда и даже до следствия признаны преступниками. Горбачев, будучи даже по официальной версии потерпевшим, то есть лицом заинтересованным, создает и возглавляет комиссию, наблюдающую за следствием, а допрашивается как свидетель, так что защита не может задать ему свои вопросы.

Относительно мотивов действий ГКЧП мнения разошлись. Демократы считают, что на отчаянный шаг «путчистов» толкнуло стремление партократии сохранить свои позиции. Горбачев же сказал, что когда путчисты приехали к нему с ультиматумом, требуя ввести чрезвычайное положение ради спасения страны, он им ответил, что его и их оценки ситуации полностью совпадают, но он не

согласен со способом их действий. Это странно, ибо если он имел такое же мнение о ситуации в стране, он по долгу службы обязан был принять адекватные меры, и требование путчистов было вполне справедливым. Из этого некоторые обозреватели пришли к выводу, что «путчисты» действовали из чувства патриотизма, когда президент отказался принять меры по спасению страны.

Приведенные трактовки мотивов уязвимы. Идти на опасное и явно безнадежное дело якобы ради сохранения собственных позиций (версия демократов) — значит предполагать у всех заговорщиков отсутствие интеллекта, доходящее до идиотизма. Известно, что никто из партократов, идущих в фарватере Горбачева, никаких позиций за время перестройки не потерял. Что мог потерять премьер-министр или шеф КГБ, или закадычный друг президента председатель Верховного Совета СССР Лукьянов? Риск никак не оправдывался самой большой из возможных потерь. Понимая, что рационально объяснить эту неувязку невозможно, демократическая пресса утверждала, что все «заговорщики» действительно были глупы. Но это — миф. Во всяком случае, шеф КГБ, премьер-министр и председатель парламента проявили себя ранее как очень умные и прагматичные политики. За эти годы все имели возможность убедиться в том, что А. И. Лукьянов — мастер политической интриги высшего класса (о нем даже говорилось в прессе: «при всем уме, хитрости и коварстве Лукьянова, он...» и т.д.). Писатель Даниил Гранин, человек явно демократических взглядов, так отзывался о Лукьянове: «Этот человек владел всей ситуацией. Это часовщик, он великолепно знал механизм власти». Так что в версии о глупости организаторов путча концы с концами не вяжутся.

Версия Горбачева более благосклонна. По ней «путчисты» — патриотические политики с обостренным чувством ответственности за судьбу страны, но без правового мышления. Эту версию также трудно принять по трем причинам. Во-первых, все эти люди — «команда Горбачева», они работали с ним душа в душу и прекрасно знали, куда он ведет страну. Внезапная и самоубийственная вспышка патриотизма у них просто необъяснима. Если такая вспышка и произошла, значит, они узнали нечто из ряда вон выходящее, но об этом неизбежном следствии из указанной версии никогда не было сказано ни слова.

Во-вторых, те в ГКЧП, кто был непосредственно связан с экономикой, вовсе не были сторонниками возврата к казарменному социализму, они определенно являлись приверженцами рыночной экономики. Так что ГКЧП представлял не хунту, спаянную едиными идеалами, а весьма гетерогенное, «плюралистичное» образование — уникальное явление в истории государственных переворотов. Во всяком случае, из-за легких расхождений с радикальными

либералами «хозяйственники» в ГКЧП и пальцем не пошевельнуть бы, не то что стали бы организовывать переворот.

Наконец, если бы они действовали из клановой солидарности партократов или из патриотизма, они ни в коем случае не стали бы вводить в Москву войска. Советская армия по своему культурному типу не приспособлена для государственных переворотов. Кроме того, «заговорщики» изучали проведенный политологами разных направлений анализ январского «мини-путча» в Вильнюсе. Во всех докладах два вывода были однозначны: 1) тот, кто выведет войска на улицу, потерпит сокрушительное поражение; 2) кто бы это ни организовал, вина будет возложена на КПСС и союзные органы власти. Можно с уверенностью сказать: ядро «заговорщиков» должно было знать, чем кончится этот «путч» (хотя некоторые военные и партийные деятели, видимо, могли присоединиться к нему в действительно отчаянной попытке что-то сделать для спасения страны, как они страну понимали).

Официальная версия создает следующее противоречие: если это был государственный переворот (неважно, какими мотивами вызванный), как объяснить странное поведение заговорщиков, явно обрекающее их на поражение? Эти странности очевидны:

— ГКЧП не отмежевался от Горбачева, кредит доверия к которому был исчерпан практически у всех политических сил в стране. Сказав «мы — люди Горбачева и будем продолжать его политику», заговорщики заведомо лишили себя поддержки населения. Это усугублялось тем, что личного авторитета и симпатий в обществе члены ГКЧП не имели и харизматическими лидерами быть не могли¹. Вообще, в истории это первый случай, когда переворот совершает хунта, явно не имеющая лидера. Утверждения о том, что заговор был спонтанным и героическая идея родилась одновременно в нескольких головах, принять очень трудно.

— ГКЧП не привлек те силы, которые сформировались как оппозиция Горбачеву (часть КПСС, круги т.н. «патриотической» интеллигенции). Что касается авторитетных консервативных военачальников, таких как заместитель министра обороны Варенников или командующий округом Макашов, то они привлечены к «перевороту» не были (Макашова даже все три дня не соединяли по телефону с Язовым). Напротив, делалось как будто все, чтобы путч не был принят всерьез и не приобрел силу.

— «Заговорщики» не выполнили элементарных тактических требований любого переворота (установление контроля над свя-

¹ Газета «Россия» издевается: «Да, всем нам очень крепко повезло, что среди восьми этих кислых физиономий не оказалось ни одной, которая хотя бы с виду внушала доверие». Разумеется, если бы удалось уговорить войти в ГКЧП Г. Х. Попова с его честными глазами или умницу В. Новодворскую, путчисты были бы непобедимы.

зью и транспортом, быстрый арест политических противников, активные действия). Вместо этого — гротескные передвижения, уклонение от каких бы то ни было действий, бессмысленные пресс-конференции, постоянные заверения, что войска не предпримут никаких акций, фактически поощрение враждебной заговору пропаганды.

Создать уверенность в том, что ГКЧП готовил массовые аресты и репрессии, при выработке официальной версии событий было просто необходимо — иначе какой же это переворот. Это требовало от журналистов непростой эквилибристики. Вот, например, заявление «Известий» от 26 августа: «Из неофициальных источников «Известия» получили информацию о том, что сценарием государственного переворота в СССР предусматривались аресты лиц, способных помешать новым властям в деле строительства светлого будущего. По некоторым данным, в список было включено около семи тысяч фамилий. Получить какое-либо документальное подтверждение этим фактам нам пока не удалось. Однако нет никаких оснований утверждать, что подобные списки не существовали...» Поистине, верш правового мышления. Пришлось даже новому шефу КГБ Вадиму Бакатину нехотя признать, что сведений о списках на аресты он не имеет и их, по-видимому, не существовало.

Версия, развиваемая прессой, гласила: все заговорщики — пьяницы и дегенераты, они даже путча толком не могли организовать. Газета «Megalopolis-Express» 5 сентября сформулировала это так: «Руководители переворота в те три дня упорно вели себя то ли как полные идиоты, то ли как люди, склонные к нетривиальным способам самоубийства». Но это объяснение крайне неубедительно. Все помнят молниеносные операции по взятию Праги в 1968 г. или Кабула в 1979 г. Кстати, и сама операция 19 августа по развертыванию в центре Москвы, среди толпы, двух дивизий с тяжелыми танками была проведена, по отзывам экспертов, блестяще — не был задавлен ни один человек, не было ни одного столкновения на дороге.

С гораздо меньшими возможностями Ярузельский в декабре 1981 г. за одну ночь парализовал огромную, разветвленную систему «Солидарности» — а ведь в тот момент «путчист» Крючков был представителем КГБ в Польше и приобрел полезный опыт. По словам живущего в Лондоне известного диссидента и политолога Владимира Буковского, заместитель Крючкова по КГБ, генерал В. Грушко (также арестованный после путча как заговорщик) был одним из главных организаторов блестящей операции по свержению Чаушеску в Румынии в декабре 1989 г.

Таким образом, и опыт, и умение у «путчистов» были. Если бы действительно был отдан приказ, все было бы завершено в ночь с 18 на 19 августа. Или, в случае действительного неповиновения

специальных сил КГБ (что маловероятно), той же ночью заговорщики были бы арестованы. Но факт то, что приказа действовать войскам не было отдано никогда. А если ставились задания, то таким неопределенным и противоречивым образом, что всем было очевидно: буквально понимать их не следует (во всех случаях выясняется, что параллельно в войска всех родов шли контрприказы). Согласно заявлению бывшего командира спецбригады КГБ «Альфа» В. Карпухина, ему лично Крючков отдал приказ арестовать Б. Н. Ельцина и штурмовать «Белый дом». Но в заявлениях многих офицеров и командиров бригады столько взаимоисключающих утверждений, что во всех версиях изложения событий обозреватели избегают использовать их как аргументы.

Внимательное прочтение интервью начальника Московского управления КГБ генерал-майора А. Корсака, который участвовал в совещаниях, на которых планировался штурм «Белого дома», не позволяет точно установить, был ли такой приказ или только «говорилось о необходимости штурма». Примечательно, что это интервью в «ЛГ» названо «Нам был отдан приказ арестовать Попова», в то время как генерал-майор сказал: «Между прочим, должен был последовать приказ арестовать [Попова] и вице-мэра Лужкова». Но ведь такой приказ не последовал! Это лишь один пример постоянно наблюдаемого контраста между аккуратными, взвешенными заявлениями официальных лиц и жесткой тенденциозностью прессы.

Фактически, КГБ, якобы специально предназначенный для таких операций, был выключен из игры. «Московские новости» даже удивляются: «Что конкретно делать, известно не было, — заявил «Комсомольской правде» начальник управления КГБ по защите конституционного строя Валерий Воротников. — Поэтому работали как обычно. Чего-то не произошло? Какой-то приказ так и не последовал? Какой?.. Между прочим, личный состав, по сведениям от самих сотрудников комитета, до сих пор пребывает в изумлении, почему не раздали оружие офицерам среднего звена».

Да и сама манера, в какой был якобы отдан приказ КГБ, изумляет. Как заявил 26 августа генерал-лейтенант Е. Расщепов, начальник Управления КГБ, в чье подчинение входила группа «Альфа», которая должна была штурмовать «Белый дом», «сотрудники группы заявили несогласие с этой жестокой акцией. Об этом было доложено тогдашнему председателю КГБ СССР, который не стал настаивать на осуществлении операции». Слава советским Пиночетам! Они идут на совершение военного государственного переворота, но когда оказывается, что при этом может пролиться кровь, они прекращают операцию, сдают или кончают самоубийством. Да политический режим, который породил таких «горилл», надо

было лелеять и сохранять! Если, конечно, речь действительно идет о перевороте.

Что касается армии, то она действовала как нормальный государственный механизм. Военные вполне точно выполнили приказ «прийти и стоять», чтобы не допустить кровопролития. А операцию в политической сфере, дескать, проведет КГБ. Другим естественным исполнителем планов заговорщиков могли бы быть подчиненные МВД СССР внутренние войска, особенно ОМОН. Но вот что говорит начальник штаба Центрального управления внутренних войск генерал-майор Баскаев: «Нас подняли в шесть утра 19 августа, ознакомили с шифровкой Пуго о чрезвычайном положении. Задача: нести службу по усиленному варианту, выполнять приказы только министра... Ни в первый, ни в последующие дни никаких указаний своего командования я не получал, письменный приказ Пуго был вручен в 1 час 20 мин. 20 августа. Номер 066, название «О мерах по усилению общественного порядка и безопасности в условиях чрезвычайного положения».

Как утверждает в «Megalopolis-Express» демократически настроенный капитан ОМОНа Ш. Алимов, в первый день путча «ОМОН был разоружен, склады с оружием и «черемухой» опечатаны». На вопрос «чем был вызван подобный приказ, политической неблагонадежностью личного состава?» Алимов ответил: «Вряд ли. Ребята у нас достаточно консервативны, многие стоят на откровенно правых [то есть советских] позициях». Так может, в данном случае это и было признано как политическая неблагонадежность?

Кардинально иная версия, имеющая несколько разных вариантов, сводится к тому, что никакой попытки государственного переворота не было, а речь идет о блестяще проведенной политической провокации. Что-то вроде поджога рейхстага в 1933 г., только гораздо более масштабное и творческое.

Согласно одному варианту этой версии, Горбачев был сам вдохновителем этой акции. Как выразились, ссылаясь на Адама Михника, «Московские новости», «Горбачев — Ярузельский и Валенса одновременно. Он подготовил путь к мятежу и путь к его подавлению».

Прямые обвинения делались Горбачеву на заседании парламента РСФСР. Народный депутат РСФСР А. Медведев рассуждает так: «Фигуры главарей путча очень неубедительны. Эти люди не способны сделать что-то серьезное, решиться и возглавить государственный переворот. За ними обязательно кто-то должен стоять. Наиболее вероятна в этом смысле фигура Михаила Горбачева, который всегда был «хозяином» Крючкова, Пуго, Язова и иже с ними. Я исхожу из того, что такой переворот был очень нужен Горбачеву. Он сыграл бы в его пользу и в случае успеха, и в случае провала... О причастности президента, как заметили многие, дал понять

и Лукьянов. Другой интересный момент: по сути дела, переворот провели горбачевцы. А антигорбачевцы, я имею в виду в этом случае пресловутую группу «Союз», которая твердила о необходимости снятия президента, введения чрезвычайного положения, неожиданно оказались вне путча. Более того, Блохин заявил, что осуждает действия ГКЧП. Мягко говоря, это странно».

По другому варианту, Горбачев не стал препятствовать заговорщикам, но отказался от личного участия в непопулярной, претящей ему акции, решив посмотреть, чем кончится дело. Ряд обозревателей считают даже, что сценарий путча был согласован между Горбачевым, Ельциным и путчистами — всем был нужен предлог для проведения драконовской экономической реформы. Но Ельцин неожиданно нарушил договоренности и начал собственную игру, выйдя из нее победителем и став единовластным руководителем России. Такое объяснение делает понятным, почему путчисты вели себя так странно и даже поехали в Форос для консультаций с Горбачевым (но и тому пришлось уже сменить план).

Наконец, самое изощренное объяснение сводится к тому, что, зная «генотип» советской системы и психологию русских людей, умный интриган может провоцировать действия, подобные августовскому «путчу», сам оставаясь в общественном (и даже собственном) мнении его безупречным противником. Важно только обладать достаточной властью, чтобы позволить определенным силам совершить в определенный момент определенные действия в строго контролируемом масштабе. Эту модель «русской интриги» изложил Достоевский в схеме убийства отца Карамазова. За годы перестройки мы могли убедиться, что ее «архитекторы» ни в коем случае не глупее (и не менее прогрессивны), чем Иван Карамазов. Но не нашлось уже в СССР чистой и доверчивой души, как у Алеши Карамазова, чтобы послать Горбачеву утешительную телеграмму: «Михаил Сергеевич, я одно только знаю — не Вы организовали переворот! Не Вы!» Такой телеграммы Горбачев не получил.

§ 6. Основные результаты «путча» и Августовской революции

В первые дни эйфории после ликвидации «путча» видный публицист А. Бовин сказал, перефразируя Вольтера: «Если бы этого путча не было, его следовало бы выдумать!» Горбачев также выразил удовлетворение: «Все завалы с нашего пути сметены!»

Таким образом, было многократно и в разных формах выражено удовлетворение тем, что произошло событие под условным названием «августовский путч», а также его результатом — тем, что СССР оказался взорванным. Более того, уже тогда предполагалось, что процесс распада должен теперь переместиться в Российскую

федерацию. Определенно сказал один из видных демократических идеологов профессор Леонид Баткин: «На кого сейчас рассчитана формула о единой и неделимой России? На неграмотную массу?.. Я призываю вас вырабатывать решения исходя из того, что сейчас, на августовской волне, у нас появился великий исторический шанс по-настоящему реформировать Россию».

Весь спектакль «народного сопротивления ГКЧП» финансировался не только государственными организациями, но и предпринимателями. Только Инкомбанк «вложил» в оборону Белого дома 10 миллионов рублей (рублей того времени — примерно 200 тысяч минимальных зарплат 1999 г.!). Как пишет газета «Коммерсантъ», «деньги на баррикады подвозились мешками — благо было что в эти мешки положить... В помощь защитникам Белого дома ряд коммерческих банков выделил около 15 млн. наличных денег — для закупки продовольствия и экипировки. Борцам за свободу дали попробовать знаменитые гамбургеры McDonald's и пиццу из Pizza-Hut». Состоялось даже трогательное единение предпринимателей и их мучителей — рэкетиров (как сказал в передаче «Взгляд» 23 августа А. Любимов, «рэкетирсы принесли кучу «бабок», взяли листовки, поехали по воинским частям»).

Лихорадочная политическая активность после августа характеризовалась тем, что все политики концентрировали внимание именно на путче и тщательно обходили социально-экономические проблемы. Никто даже не упоминал о вопросах, которые пусть с дрожью в голосе, но все же поставили члены ГКЧП. О реальной ситуации в стране вообще считалось неприличным говорить.

Это — прямой результат воздействия «путча»-спектакля на общественное сознание, своего рода наркоз, при котором удалось на достаточное время парализовать любую оппозицию и провести болезненную операцию по ликвидации СССР.

Правда, в результате «путча» исчез созданный в массовом сознании страшный образ пугала-Центра. Поэтому в январе-феврале 1992 г. были предприняты интенсивные меры по созданию образа нового врага, мешающего реформам, в лице «красно-коричневых». Этот термин, предложенный на заседании демократического клуба «Московская трибуна», был подхвачен прессой и использован в качестве ярлыка по отношению фактически ко всем оппозиционным силам¹.

¹ Так, 23 февраля 1992 г., в День Советской Армии, небольшая демонстрация «красно-коричневых», состоящая из 10 тыс. в основном пожилых людей, направлялась в центр города возложить, как обычно, венки к могиле Неизвестного солдата. Она была безжалостно избита. Каково же было объяснение мэрии, данное на пресс-конференции? Странное по своей логике, оно указывает на дальний замысел провокации: целью шествия было, якобы, «сорвать проведение экономической реформы».

Сам способ ликования после победы над «путчем» показал глубокую моральную деградацию либеральной элиты. Тоску вызвали призывы интеллектуалов с телевидения сообщать по телефону о людях, которые сочувствовали путчу. Общественность требовала отставки Президиума АН СССР, а в Московском университете — ректора по той причине, что они не выступили активно против путча.

«Независимая газета» под заголовком «Руководству Университета предложено уйти в отставку» сообщает: «Первого сентября на митинге у главного здания Московского университета, посвященном началу нового учебного года, младший научный сотрудник НИИ ядерной физики Дмитрий Савин зачитал коллективное заявление сотрудников университета: «В дни государственного переворота 19—21 августа 1991 года руководство Московского университета заняло беспринципную позицию. В тяжелые для страны дни, когда слово старейшего университета могло бы вселить надежду в сердца людей и помочь определиться колеблющимся, официальные структуры Университета хранили молчание». Один слог чего стоит!

Вообще, поведение многих видных деятелей культуры после «путча» поразило дурным вкусом, злобой и неспособностью взглянуть на себя со стороны. Песенки и мультфильмы, обыгрывающие смерть Пуго, вызывали брезгливость и были очередным ударом по обыденной морали. Таков же был эффект сожжения режиссером Марком Захаровым перед телевизионной камерой его партбилета (возможно, впрочем, что это был чужой партбилет или вообще похожая на партбилет корочка). И потом, множество людей были просто поражены тем, что активный, биологический антикоммунист Марк Захаров, оказывается, все шесть перестроечных лет оставался в рядах КПСС! Чего же он ждал?

Тягостно было смотреть на популярного кинорежиссера Никиту Михалкова, который сегодня на экране телевизора клеймит всех тех, кто сочувствовал путчу, а завтра с такой же искренностью объясняет, что его отец, в качестве одного из руководителей Союза писателей официально поддержавший переворот, имел на это право, потому что, дескать, преклонный возраст... всю жизнь прожил при социализме... да и защитники баррикад читали его «Дядю Степу», и тем самым он как бы тоже находился на баррикадах у «Белого дома».

Своими действиями идеологи демократов усилили расщепление общественного сознания. Так, после короткой обработки редакторов многие экс-коммунистические газеты превратились в рьяно антисоветские. Но они вышли в старом формате и с привычным оформлением. Это вызвало психологический шок — недопустима

резкая смена содержания без адекватного изменения формы, знаковой системы.

«Августовская революция» породила новую вспышку антигосударственности — проклятия в адрес государственных структур, «центра» стали почти обязательным довеском к уверениям в лояльности к демократическому режиму. Так, напуганный подозрениями в консерватизме (кстати, абсолютно беспочвенными), П. Бунич поспешил заверить: «Моя позиция была известна всей сознательной жизнью, непрерывной борьбой с государственным монстром» (как говорится, сохраняем стиль автора). А министр здравоохранения РСФСР В. Калинин предписал всем облздравам и горздравам: «Категорически запрещаю исполнение каких-либо приказов и распоряжений Минздрава СССР, а также контакт с их (?) функционерами».

Образ советского государства как врага всего человечества интенсивно создавался в связи с «ядерной кнопкой». Разумеется, главная цель этой кампании — внедрение в общественное сознание мысли, что Россия не способна иметь ядерное оружие, что в руках дикаря оно становится смертельно опасной для человечества игрушкой, которую надо поставить под контроль сил ООН или армии США. Вот как излагал проблему народный депутат СССР академик В. Гольданский: «Можно себе представить, какую тревогу испытало все человечество, когда после насильственной изоляции М. С. Горбачева все три «предохранителя» сети советских стратегических наступательных ядерных вооружений... оказались, по сути дела, в одних преступных руках... К счастью, непоправимое на сей раз не произошло». Дескать, на сей раз пронесло — по счастливой случайности, но сколько же можно испытывать судьбу!

Фактически, утверждалось, что советское военное командование изначально преступно и ждет удобного момента, чтобы покончить с человечеством — лишь Горбачев самоотверженно защищал от них «чемоданчик» с кнопкой. Раз военные изолировали Горбачева, то уж, значит, предполагали нанести ядерный удар по цивилизованным странам. Очевидно, что создаваемый Гольданским образ — идеологический миф, никаких фактических или исторических оснований он под собой не имеет и противоречит элементарной логике.

Во время путча печать представила армию (за исключением тех военных, которые «отказались стрелять в народ») как институт «фашистских убийц», а генералитет — как коллективного врага народа. Сейчас официально и доподлинно установлено, что за все время переворота ни один генерал не отдал ничего похожего на приказ «стрелять в народ», а со стороны солдат и младших командиров не было ни одного случая агрессии или даже угрозы агрес-

сии. Даже экипаж подожженной в туннеле БМП-536, нападение на которую стоило жизни трем юношам, признан невиновным в их смерти (кстати, пресса это практически замолчала — большинство людей и не заметили маленького сообщения о завершении следствия).

Большое разрушительное значение имело настойчивое утверждение приоритета демократических идеалов перед воинской дисциплиной (после путча велась интенсивная идеологическая кампания, внедряющая мысль, что солдат не должен выполнять приказы, идущие вразрез с «общечеловеческими ценностями») (использовалась технология разрушения армии, испытанная в феврале 1917 г. и приведшая страну к гражданской войне).

Утрата священного смысла присяги была не последним в числе факторов, которые позволили уже в декабре совершенно безболезненно распустить союзные органы власти. Армия отнеслась к этому совершенно равнодушно. Ее «генотип» был сломан.

§ 7. Процесс против «заговорщиков»

Особый вклад в развитие культурного кризиса внес процесс наказания заговорщиков. Путчистам предъявили обвинение в «измене Родине» по ст. 64 Уголовного кодекса РСФСР. Это многих повергло в изумление. Ведь статья кодекса гласит:

«Измена Родине, то есть деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговор с целью захвата власти,— наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или смертной казнью с конфискацией имущества».

Здесь для нас главное — первая часть. Измена Родине — умышленное деяние по нанесению ущерба ее суверенитету, территориальной целостности и обороноспособности. Но никому ни во время «путча», ни после него и в голову не приходило поставить это в вину членам ГКЧП. При всех трактовках их мотивов признавалось, что они умышленно действовали ради сохранения СССР, его целостности и безопасности. То есть даже врагам «путчистов» обвинение показалось абсурдным. Ну как можно говорить об измене СССР, если в постановлении о привлечении вице-президента Янаева в качестве обвиняемого буквально говорится, что «опаса-

ясь, что новый Союзный Договор приведет к распаду СССР и вида в содеянном выход из критической политической и социальной ситуации», он совершил то-то и то-то! Здесь снова мы наблюдаем характерную для целого периода острую некогерентность утверждений.

Странное обвинение продержалось почти 4 месяца и было без всяких комментариев и сообщений заменено на обвинение в «заговоре с целью захвата власти» (по той же 64-й ст.). Опять нелепость. В законе «заговор с целью захвата власти» не фигурирует как самостоятельное преступление. Он упоминается лишь в разъясняющей части приведенной выше статьи как одна из форм реализации измены Родине. Что такое, согласно закону, «измена Родине», мы видели. Но из текста статьи ясно, что если в деяниях подсудимых нет состава преступления, именуемого изменой Родине, а это именно так, — то и обвинять их в заговоре нельзя. Нет такого закона, не предусмотрели, что кому-то придется защищать СССР преступным путем! Таким образом, с точки зрения юриспруденции обвинители нарушили принцип римского права, воспринятый всеми известными уголовными кодексами: нет преступления, если таковое деяние не предусмотрено законом.

Но если отойти от сухих норм права, а обратиться к здравому смыслу, недоумение лишь возрастает. О каком захвате власти идет речь? Достаточно посмотреть должностной состав «заговорщиков». Какую власть предполагал захватить премьер-министр В. Павлов или министр обороны Язов? Ведь какие-то рациональные объяснения должны были бы привести обвинители — обывателю такие объяснения придумать трудно. На ум приходит, что в вину «путчистам» можно было бы вменить «превышение власти», но это для такого случая было явно мелковато.

15 января 1992 г. было объявлено, что предварительное следствие по делу ГКЧП закончено. Материалы дела составили 125 томов по 200—300 страниц. С делом начали знакомиться подсудимые и их адвокаты. И здесь сразу же создалось ощущение, что «победители» стараются оттянуть начало процесса, если вообще не спустить дело на тормозах (в многочисленных интервью высшие должностные лица на прямой вопрос «состоится ли суд?» обычно отвечали очень уклончиво, дескать, «на мой взгляд, следовало бы провести судебный процесс» и т.д.). Примечательно заявление в феврале 1992 г. вице-президента России А. Руцкого о том, что лучше было бы дело прекратить, а обвиняемых выпустить, тем более что все они — пожилые люди. И это — после того, как премьер-министр России Иван Силаев призывал их немедленно расстрелять. Диапазон возможных альтернатив в «русском правовом государстве» имеет поистине русский размах.

Началось затягивание дела с помощью бюрократических уловок. Адвокаты и обвиняемые, которые знакомились с делом, были вынуждены его буквально переписывать от руки. Уже это тормозило дело и не позволяло начать процесс ранее лета 1993 года. Все просьбы разрешить использовать множительную технику или диктофон были оставлены без ответа. Почему? Ведь это ничего не меняло по существу, не давало обвиняемым никакого «тайного оружия» — лишь сокращало время работы раза в три.

Вообще, в настроениях обвиняемых произошел перелом. Они как бы убедились в нелояльности Горбачева, в его нарушении каких-то, пусть неявных, но подразумеваемых договоренностей. Это освободило их от «внутренней присяги» бывшему президенту. Такова русская административная этика. Обычно подчиненный, попавший в беду, не выдает начальника, с которым у него был заключен пакт о лояльности, — даже если начальник его «выдает», проклинает, требует сурового наказания, но при этом не нарушает некоторых интимных этических норм. Похоже, что-то здесь не заладилось.

В частности, одно из обвинений в адрес бывшего председателя КГБ Крючкова касалось незаконного подслушивания телефонных разговоров видных политических деятелей. На фоне всего прочего, не бог весть какое обвинение. И вдруг адвокат Крючкова заявляет: «Что касается доавгустовских событий в части прослушивания и других форм контроля со стороны КГБ за народными депутатами РСФСР и СССР, видными государственными и политическими деятелями, то не было ни одного случая без прямой санкции Президента Горбачева». Адвокат сообщил прессе неприятные подробности: на многих документах, касающихся прослушивания, Горбачев расписывался лично. Так, ходили слухи о прослушивании телефонных разговоров личного пресс-секретаря Горбачева В. Игнатенко — как части заговора КГБ против Президента. В интервью об этом деле, данном «Литературной газете», Горбачев выразил свое возмущение и полное неведение. А теперь выясняется, что на докладной записке КГБ о прослушивании В. Игнатенко наложена собственноручная резолюция Горбачева.

В умах людей после августа сместились привычные понятия о том, что можно и чего нельзя делать человеку в том или ином положении. Тяжело было смотреть на Горбачева — президента вчера еще великой страны, который лично зачитывал в парламенте, да еще с натужно ироничными комментариями, скандальный анонимный донос на своих министров (тайную стенограмму заседания правительства 19 августа). Да и поведение автора «информации» — известного ученого Н. Н. Воронцова, хотя он и заявил: «Я не считаю себя героем, но предпринятое мною требовало гражданской пози-

ции», явно нетривиально. Во-первых, он не выступил в парламенте от своего имени, а предоставил свой доклад анонимно. Во-вторых, он приписал криминальные высказывания одному министру, которого в тот день вообще не было в Москве, и в парламенте возник скандал. Наконец, стенограмму вел не он один, и оказалось, что его собственные выступления на том заседании отнюдь не были, мягко говоря, смелым обличением путчистов.

Немаловажную роль сыграло ритуальное обрамление драматической кончины маршала Ахромеева: в парламенте, где ему симпатизировали как минимум 60 процентов депутатов, никто не встал почтить память Ахромеева как депутата — все побоялись встать. Горбачев, чьим советником был Ахромеев, ни словом не выразил соболезнования семье, в ведущих западных, но не советских, газетах были опубликованы некрологи. Наконец, на волне антимилитаризма какие-то энтузиасты после похорон вскрыли могилу Ахромеева и сорвали с тела маршальскую форму.

§ 8. Фактор страха в политике после августа

После августа в рядах демократов возник патологический страх перед «социальным взрывом». Введя «на время» почти неограниченную власть Б. Н. Ельцина или отвлекая людей запретом компартии, демократы лишились важного козыря в глазах населения — именно надежды на демократический политический порядок. От того единственного, что перестройка на какой-то момент почти дала людям. В сентябре 1991 г. тогдашний шеф КГБ России В. Иваненко изложил по телевидению программу «демократического КГБ». На вопрос, откуда теперь исходит опасность для государства, он ответил, что теперь КГБ не будет заниматься диссидентами, главная опасность — социальный взрыв. Он развил свою идею в интервью «Аргументам и фактам»: «Сегодня главная опасность — в серии направленных социальных взрывов. Народ раздражен, возбужден слухами о скорой либерализации цен... Поступают оперативные данные, что на крупных предприятиях стихийно возникают стачкомы и рабочкомы. Думаю, что зимой они могут организовать... Скорее всего в декабре возможен бунт». Такова логика перестройки: врагами «антинародного режима партократов» были две-три сотни диссидентов, врагами демократической власти оказались народные массы — именно они были объявлены объектом внимания КГБ. Это и есть шизофренизация сознания.

Наиболее последовательную позицию в этом вопросе занял мэр Москвы Г. Х. Попов. После учредительного съезда Движения демократических реформ в своей пресс-конференции он рассуждал о том, как, по его мнению, надо будет поступать в случае массового недовольства радикальной экономической реформой (если,

не дай бог, кого-то «поднимут на вилы»). Страх перед голодной толпой стал навязчивой идеей новых отцов русской демократии.

Вот как выразил Г. Х. Попов их установки: «Я считаю возможным и необходимым применить в этом случае силу и применить ее как можно скорее. Лучше применить безоружных милиционеров, чем вооруженных. Лучше применить вооруженную милицию, чем выпускать войска. Лучше применить войска, чем выпускать артиллерию, авиацию... Так что с этой точки зрения — вопрос простой».

Полезно разобраться в этом простом для демократа Попова вопросе, ибо выпускать войска или авиацию будет не какой-то большевистский тиран, а демократия. Вот что обнаруживается уже при первом рассмотрении. Общеизвестно, что в мире трудно найти столь терпеливый и непритязательный народ, как русский — на Западе это и называется «загадочная русская душа». Так что Попов прекрасно знает, что возмущенные люди выйдут на улицу, лишь когда дело дойдет до крайности. Не потому, что с жиру бесятся или требуют каких-то гражданских прав, а потому, что дети начали болеть и умирать с голоду (старики умирают тихо, и никакого социального протеста их смерть не вызывает).

Именно против этих людей Попов «считает возможным и необходимым применить силу». Да еще как можно скорее. К чему же такая спешка? Этому можно дать одно объяснение: чтобы путем устрашения парализовать всякие попытки сопротивления. Так грабитель наносит жертве быстрый и сравнительно безвредный удар («лучше милицию, чем войска»), чтобы парализовать волю — а во все не потому, что ему нравится бить людей. Таким образом, концепция лидера демократов заключалась именно в манипуляции сознанием посредством внушения страха.

Чего добивался мэр с помощью угрозы применения силы (на языке дипломатов эта угроза — уже действие войны, а не мира)? По сути, добивался ликвидации уже последнего оставшегося у населения средства волеизъявления. В течение шести лет перестройки сокращались возможности населения выразить свои интересы. Устранены все старые, «нецивилизованные», хоть и со скрипом, но действовавшие системы: партийные организации, профсоюзы, трудовой коллектив, народный контроль, общественное мнение, пресса, которая была вынуждена следовать официальной идеологии и защищать трудящихся.

Одновременно парализованы все обещанные демократические механизмы: разогнаны советы, бутафорией стали парламентские шоу и референдумы, резко антирабочие позиции заняла пресса. И, как логичное завершение — угроза применить артиллерию и авиацию против городов, где будут иметь место антиправительственные демонстрации. Ведь не думал же Попов, что самолеты и гау-

бицы будут гоняться за отдельными профсоюзными активистами или даже партийными ячейками. Для этих родов войск объектом является целый населенный пункт.

До сих пор в истории человечества кровавые режимы втягивались в войну на уничтожение против населения вопреки своей воле. Этому всегда предшествовал длительный период репрессий против конкретных лиц из числа оппозиции. Если и бывали бомбардировки населенных пунктов (как, например, в Сальвадоре или Гватемале), то, во-первых, уже на этапе открытой гражданской войны с вооруженной оппозицией. А во-вторых, против населения, очень отличного от элиты в этническом и культурном отношении (против курдов в Иране и Ираке или крестьян-индейцев, которые до сих пор являются «чужим» народом для креолов Сальвадора). Попов же допускал возможность авиационных бомбардировок населенных пунктов России в тот момент, когда и речи не было о гражданской войне, а были возможны лишь стихийные вспышки отчаяния.

Но угрозы и идея парализующего «безвредного» удара — мелочь. Важнее вся цепочка допустимых, с точки зрения новой власти, действий. Их диапазон и очертил Г. Х. Попов: от невооруженных милиционеров — до артиллерии и авиации. Это значит, что установившийся после августа режим в арсенал своих политических средств включает уничтожение больших масс безоружного населения с помощью современной военной техники. Это колоссальный шаг вперед по сравнению со всеми известными диктаторскими режимами.

О чем говорит откровенное высказывание Попова? О том, что в мышлении демократов его толка отсутствуют инстинктивные, подсознательные запреты на определенные действия власти. Отсутствуют те табу, которые без всякого усилия ума, а просто сердцем заставляют властителя держаться в рамках некоторых пределов. Любой политик, который такие пределы имеет, на заданный Попову вопрос ответил бы совершенно по-иному. Он указал бы тот порог, который не в силах переступить.

Во многих отношениях перестройка, итог которой подвел август 1991 г., оказалась революцией, принципиально отличающейся от всех революций, которые пережило человечество. Эта революция — совершенно новое явление в этическом плане. Перестройка и тесно связанные с ней явления в других странах ввели человечество в эпоху политического постмодерна, где не действуют привычные нормы и ограничения (бомбардировки Ирака и, в еще большей степени, использование всего его мирного населения как заложников, которых убивают голодной смертью, — всего лишь примеры).

Высказывание Попова обнажило вещь, о которой предупреждали некоторые теологи уже в 50-х годах: наступил момент, когда

политики отбрасывают служившие ранее маскировкой христианские нормы. Впервые явно и открыто переносятся в политику моральные устои самой безнравственной, почти вневневственной, категории преступников — тех, кто исповедует беспредел.

Для нового восприятия образа государства в общественном сознании огромное значение имело сравнение двух симметричных событий — августовского «путча» и демонстрации 23 февраля 1992 г. Во время «путча» в город было введено 5 тыс. военных («Независимая газета» писала о тысячах танков — в действительности их было 55). Повсеместно, кроме специально спровоцированного инцидента в туннеле у Смоленской площади, взаимоотношения населения и солдат не принимали характер конфронтации — дети лазали на танки, а то и катались на них. Москвичи были уверены, что советские солдаты их бить и в них стрелять не будут. Даже полицейские резиновые дубинки — подарок перестройки, впервые появились в Москве в мае 1989 года.

Акт насилия со стороны армии или милиции сразу вызывал чрезвычайную, бурную реакцию — до всякого разбирательства, до выяснения степени вины военных. И пятно не смывалось, даже если следствие показывало (как, например, в Тбилиси), что инцидент и задумывался ради дискредитации армии как «имперского инструмента». Ибо речь шла о своей армии, а она не имеет права и пальцем никого тронуть — у каждого советского человека в армии погиб кто-то из близких.

23 февраля, как раз в День Советской армии мэр Москвы запретил демонстрацию, которая должна была возложить венки к Вечному огню на могиле Неизвестного солдата. Как обычно, была создана неопределенность: мэр запретил, а высший орган — Моссовет — разрешил. Вплоть до поздней ночи 22 февраля телевидение давало противоречивую информацию относительно места и времени сбора и т.д.

Разумеется, эта демонстрация имела определенную антиправительственную окраску, на этот раз под лозунгом протеста против расчленения единой Армии бывшего СССР. Но никакой угрозы она режиму не представляла, ибо, как предполагалось, на нее должны были собраться в основном старики — ветераны Отечественной войны. Поэтому ритуальные репрессивные действия режима имели одну цель: продемонстрировать силу и предупредить о том, что режим взял курс на открытую конфронтацию. Центральные станции метро были закрыты, а весь центр блокирован несколькими линиями баррикад из тяжелых грузовиков и кордонами милиции и внутренних войск. Газета «Коммерсантъ» (№ 9, 1992) пишет: «В День Советской Армии 450 грузовиков, 12 тысяч милиционеров и 4 тысячи солдат дивизии имени Дзержинского заблокировали все улицы в центре города, включая площадь Маяковского, хотя нака-

нуне было объявлено, что перекроют лишь бульварное кольцо. Едва перед огражденной площадью начался митинг, как по толпе прошел слух, будто некий представитель мэрии сообщил, что Попов с Лужковым одумались и разрешили возложить цветы к Вечному огню. С победным криком «разрешили! разрешили!» толпа двинулась к Кремлю. Милицейские цепи тотчас рассеялись, а грузовики разъехались, образовав проходы. Однако вскоре цепи сомкнулись вновь, разделив колонну на несколько частей».

И тогда крупную группу демонстрантов, запертую с двух сторон, жестоко и нарочито грубо избили — били стариков, инвалидов, заслуженных военачальников высокого ранга, всем известных депутатов и писателей. Это была сознательная политическая, а не полицейская, акция. Но здесь нас интересует не столько она, сколько реакция населения и самих избитых. Репрессия была воспринята как должное и никакого возмущения не вызвала. Люди поняли и приняли к сведению, что перед ними стояла чужая, враждебная им власть. Это не пять тысяч своих солдат в августе. К этой власти претензий быть не может. Претензии высказала демократическая пресса, хотя и с мелочным глумлением над избитыми стариками.

Так, например, пишет обозреватель «Комсомольской правды» за 25.02.92: «Вот хромает дед, бренчит медалями, ему зачем-то надо на Манежную. Допустим, он несколько смешон и даже ископаем, допустим, его стариковская настырность никак не соответствует дряхлеющим мускулам — но тем более почему его надо теснить щитами и баррикадами?»

* * *

В ходе осуществления всего проекта по разрушению СССР августовский «путч» был важной вехой, таким изломом, изучение которого на многое могло бы открыть глаза. Но такого изучения нет. По своей структуре мышление самой демократической элиты есть расщепленное мышление. Это и есть глубинная, философская причина того, почему перестройка привела не к тому хаосу, из которого рождается новый, более совершенный порядок, а к хаосу как бесконечной разрухе. «Путч» вызвав сильный шок в массовом сознании, ударил прежде всего по сознанию самой либеральной интеллигенции. Этот шок убил все ее духовные силы. Согласно известной формуле А. Тойнби, «неудача состоит в том, что лидеры неожиданно для себя подпадают под гипноз, которым они воздействовали на своих последователей. Это приводит к катастрофической потере инициативы: «Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму».

Как и предсказывал А. Тойнби результат подобных неудач, общество стало превращаться в «ад крошечный».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эта книга носит не технологический характер. Это не руководство по практике манипулирования и не наставление по защите от манипуляции («самообороне без оружия»). Главная цель книги — дать материал для того, чтобы каждый мог подумать о том выборе, перед которым сегодня стоим. Это — не выбор президента, партии или даже политического строя. За всем этим стоит выбор жизнеустройства (*типа цивилизации*). Я-то лично думаю, что на самом деле для очень многих это выбор между жизнью и смертью, но не будем эту тему здесь развивать. Сегодня мы болтаемся между двумя типами жизнеустройства, и нас усиленно тянут и толкают к тому берегу, где манипуляция сознанием станет главным и почти тотальным средством господства, так что некоторое время спустя перед нами вообще исчезнет проблема и выбора, и борьбы.

Те, кто не хотят такого исхода и готовы плыть искать другой берег, хотя бы и в тумане и даже плывя против течения (или хотя бы барахтаться на месте, пока не рассветет), могут найти в этой книге некоторые ориентиры. Есть фундаментальные, инерционные структуры, которые надо защищать, если мы не желаем быть вытесненными на берег манипулятивного общества. Эти структуры далеко еще не сломаны, их сохранение зависит от «молекулярной» поддержки всех нас, от массового пассивного сопротивления.

Речь прежде всего идет о школе русского типа — так, как ее сложила наша культура в советское время. Это школа, воспроизводящая народ и тип культуры. Она не дает следующему поколению превратиться в скопище индивидов, стать *людьми массы*. Она затрудняет и замену нашей культуры на *мозаичную культуру* человека массы. Школу ломают, но сломать ее трудно, она слишком ушла корнями в народ. Однако капля камень точит, и без сознательного сопротивления всех нас русскую школу сломают. Очень важным фактором нашей культуры была, конечно, наука русского типа. К несчастью, ее через «молекулярное» сопротивление не защитить, слишком это нежный цветок, для него нужна поддержка государства, а его цели, похоже, иные. Наука наша спасется, видимо, только в виде семян в замерзшей земле. Пригреет солнце, и они взойдут, но плоды мы увидим не скоро. В ближайшие годы придется

нам искать путь почти без науки, действовать грубее, с большими ошибками и потерями. Будем платить за свою безответственность. СМИ в массе своей, а тем более телевидение, почти полностью не наши. Они определенно стали служить манипуляторам. Можно было, при наличии минимума политической воли, спасти что-то из местных газет и местного телевидения, но такой воли у нас не нашлось.

Другой общий вывод — всегда и везде, и на людях, и в мыслях, противодействовать *атомизации*, превращению в индивида. Сегодня речь не об идеале соборности или народности, а о сохранении человеческих связей как средства защиты своей личности. При том давлении, которое оказывается на наше сознание, мы можем устоять как личности, только опираясь на душевную поддержку собратьев. Каждый акт сохранения, создания или восстановления человеческой связи — это выгрызание кусочка пространства у манипуляторов. Подадим ли рубль нищему или просто обменяемся с ним взглядом, пошутим ли с торговкой на рынке, уступим ли место в метро или поругаемся с обидевшим нас родственником — все это укрепляет нашу психологическую защиту против манипуляций. Важно, чтобы во всех этих связях был *диалог*. Чтобы это были связи не *человек-вещь*, а *человек-человек*. Тут нет никакой сентиментальности, никакой проповеди доброты, только трезвый и даже циничный расчет.

И в каком-то смысле противоположный совет — всячески избегать потери своего «Я» и соединения в толпу. Опасность *толпоторения* сегодня не в физическом собирании в массу. Напротив, массы у нас сейчас собираются в основном организованные. То, что мы видим как собрание, митинг или даже баррикаду, пока что скорее похоже на отряды, а не на толпу — мы еще не прошли стадию атомизации. Толпа образуется, как раз когда мы изолированы и соединены через телевизор. Когда между нами нет душевного прямого контакта и нет диалога, а есть гипнотическое действие из одного центра — как на рок-концерте или на стадионе, слушающем фюрера. В эти толпы лучше не ходить. Сказано ведь в Библии: «Не ходите на собрания нечестивых». Казалось бы, почему же не пойти? Послушать, поинакомыслить самому с собой. Значит нельзя, в Библии плохого совета не дадут. Мы думаем, что сознание наше крепко, но речи «нечестивых» проникают в подсознание. Где же у нас такие собрания? Там, где вещают манипуляторы, с которыми ты не можешь вступить в диалог. Не страшны дебаты, пусть даже оскорбительные, страшен вкрадчивый голос с экрана или из динамика, которому ты не можешь задать вопрос или возразить.

Наконец, нужно принимать, почти насильно, как лекарство, укрепляющие культурные средства — все то, что несет в себе тра-

диционное знание и символы. Прочитать «Тараса Бульбу» или томик пословиц, послушать русские романсы — это сегодня не удовольствие, а лечение. Впрочем, любая хорошая литература или музыка полезны, все сегодня читается другими глазами.

Это — самые общие мысли. Думаю, из книги можно сделать и кое-какие более ограниченные выводы. Первый из них я бы выразил так: принять как догму, что СМИ сегодня есть инструмент идеологии, а не информации. Главное в их сообщениях — идеи, внедряемые в наше сознание контрабандой. Но в качестве «легенды» прикрытия, приманки они везут на контрабандной тележке и нужную нам траву информации. Мы без нее не можем, и приходится заглатывать, что дают. Задача — научиться выплевывать максимум отравы, не жевать ее и не держать даже во рту. Конечно, часть попадет и в желудок, будет нас травить, но надо стараться. Для этого надо встать в позицию *интерпретатора*, исходить из принципов герменевтики. То есть изначально не принимать поток сообщений за чистую монету, а каждый раз спрашивать себя: «Что за этим стоит? Зачем нам это сообщают?» Так встает проблема диагностики — отделения зерен от плевел. Пусть веялка наша плоха, разделение очень грубое, много потерь зерна, много остается грязи. Все равно, даже грубый фильтр очень полезен. Удивительно, как много отсеивается просто оттого, что в голове вертится контролирующий вопрос. Достаточно положиться на интуицию, на чувство. Почувешь, что из сообщения «торчат уши» — оно уже в подсознание не войдет, а уж предупрежденное сознание его проверит.

Какими симптомами и признаками скрытой манипуляции может воспользоваться наше сознание и интуиция? В общем, они представлены в разделах книги. Напомню главные.

Язык. Как только политик или диктор начинает говорить на птичьем языке, вворачивая малопонятные словечки вроде ваучера или секвестра — значит, идет манипуляция (возможно, «вторичная», когда и сам говорящий является марионеткой манипуляторов). Если бы говорящий желал, чтобы его сообщение было понято и осмыслено, а не заучено или внушено, то он сделал бы его доходчивым и построил в форме диалога. В нашей жизни, за исключением чисто профессиональных сфер вроде науки и техники, нет проблем, которые нельзя было бы изложить на доступном русском языке. Непонятные слова имеют или целью подавить слушателя фальшивым авторитетом «эксперта», или выполняют роль шаманского заклинания и призваны оказать гипнотизирующий эффект. Бывает также, что они — прикрытия самой наглой лжи, как это и было, например, в случае с ваучером.

В общем, язык — важнейшее диагностическое средство, недаром и врачи его смотрят.

Эмоции. Если политик или диктор начинает давить на чувства, пахнет подвохом. Тут лучше временно «очерстветь» и не поддаваться на его дрожащий голос или блеснувшую на глазах слезу. Политика есть политика, эмоции там — как грим. Что значит «пожалеть больного президента»? Он или президент — или больной. Мы видим, что политики, независимо от состояния их здоровья, бывают абсолютно безжалостны к простому человеку, они действуют, как машина. Старенький и беспомощный Сахаров хладнокровно разжигал войну в Нагорном Карабахе, но если кто-то пытался ему возразить в Верховном Совете, тут же целый рой его чувствительных соратников начинал стыдить «агрессивное большинство» — и оно стыдливо пряталось. Слушая сообщения, приукрашенные эмоциями любого типа (хотя бы слезливой жалостью к раненому русскому солдатику), мы и сами должны для начала воспринимать их как счетная машина — независимо от чувств, на которых пытаются играть. Мы должны в уме быстро просчитывать *интересы*, а чувства — это их дешевая приправа. Всегда надо иметь в уме *свои* интересы (свои — значит тебя, твоих потомков, твоего народа), а также попытаться представить себе, каковы интересы говорящего или его хозяина. Особенно надо быть начеку, когда тебя хотят разозлить, уязвить, оскорбить. Это неспроста и не ради собственного удовольствия Киселева или Сванидзе. Если на это идут, значит, надо на время отключить твой разум и сосредоточить твое внимание на их гримасах. Нельзя поддаваться, надо смотреть бесстрастно и пытаться понять, что они прячут за этой дымовой завесой.

Сенсационность и срочность. Это — технология общего действия, обеспечивающая шум и необходимый уровень нервозности, подрывающей психологическую защиту. Однако иногда создание искусственного фона сенсационности служит какой-то конкретной цели, чаще всего для отвлечения внимания. Обычно сенсация не стоит выеденного яйца — то слониха в Таиланде родила, то плачущие англичане цветы принесли на могилу принцессы Дианы, то автобус в Португалии в кювет упал, то Козленка поймали. С чего бы сообщать это захлебывающимся голосом? Тут уж каждый должен выработать чувство меры — сравнивать важность сообщения с нашими реальными проблемами. Вообще, те политики и информаторы, которые злоупотребляют этими атрибутами сообщений, просто должны мысленно заноситься в список штатных манипуляторов, и к ним всегда надо относиться с недоверием. Ах, нам только что сообщили! Ах, мы вас будем держать в курсе дела! Да что такого вы сообщили? Завтра сами же об этом забудете. Одними «черными ящиками» замучили — трещат о них после каждой катастрофы, а когда их к всеобщей радости найдут — молчок. Зачем тогда о них говорить?

Повторение. Повторение — главное средство недобросовестной пропаганды. Потому оно и служит хорошим признаком ее наличия. Если вдруг начинают ежедневно мусолить одну и ту же тему или употреблять одни и те же словесные комбинации — дело нечисто. Еще М. Е. Салтыков-Щедрин предупреждал: «Горе — думается мне — тому граду, в котором и улица, и кабаки беззужно скулят о том, что собственность священна! наверное, в граде сем имеет произойти неслыханнейшее воровство!» Повторение действует на подсознание, а его мы контролируем плохо. Следовательно, надо стараться зафиксировать сам факт повторения какого-то штампа в сознании, и тогда будет как бы включена сигнализация. А, опять завели почему-то ту же песенку — значит, держи ухо востро. Например, периодически наши просвещенные реформаторы поднимают плач по отсутствию купли-продажи земли, но никогда не объяснят толком, зачем им это нужно. Тут — заведомая ставка на внушение, поскольку никаких разумных доводов не существует, а теневой «социальный заказ» принят, да и деньги у заказчика, наверное, уже получены и истрачены.

Дробление. Если политик или помогающее ему СМИ действительно желает объяснить гражданам какую-то проблему и получить их сознательную поддержку в каком-то вопросе, то он всегда изложит эту проблему в *целостном* виде, хотя бы и кратко. Проблему можно уподобить организму — у нее есть предыстория («родители»), она возникает и развивается, обретает «семью и потомков» — связанные с нею или порожденные ею проблемы. Когда она будет разрешена («умрет»), начнется новый цикл, жизнь следующего поколения — будущее. Политик, который манипулирует нашим сознанием, представляет нам вместо целостной проблемы ее маленький кусочек, да и его дробит на части — так, чтобы мы осмыслить целое и сделать выбор не могли. Мы должны верить ему, как жрецу, который владеет всем знанием.

Взять ту же проблему приватизации земли. Ее старательно представляют как чисто экономическую проблему — это как поставить ларек на рынке или убрать его. Уже такое усечение вопроса — надежный признак манипуляции, других бы и не надо. Всякий политик, который вначале не предупреждает, что собственность на землю предопределяет тип бытия народа (а значит, и тип самого народа и его культуры), должен сразу рассматриваться как манипулятор. Другое дело — предупредил, а потом скажи: но я, мол, сейчас затрону только маленький кусочек проблемы, экономический. Но и экономический раздел очень велик, и его сначала надо очертить весь, а потом переходить к купле-продаже. Никакой вопрос нельзя принимать как искренне поставленный, если не дана его предыстория. Почему в России никогда не было частной собст-

венности на землю? Почему крестьяне требовали национализации? Какие силы конкретно столкнулись в этом вопросе сегодня? Даже эти вопросы замалчиваются, и их не дают выкрикнуть по телевидению.

Изъятие из контекста. Это признак, родственный предыдущему. Изымая проблему из реального контекста, не говоря о важных внешних факторах, манипулятор загоняет нашу мысль, нашу работу по толкованию его сообщения в нужный ему узкий коридор. Поэтому как только возникают подозрения, что политик или его пропагандист умалчивает о внешнем обрамлении проблемы, внутренний голос должен нас предупредить — манипуляция! Возьмем ту же проблему купли-продажи земли. На недавней международной конференции криминалистов, посвященной наркобизнесу и отмыванию денег, в главном докладе в особом разделе сказано, что лучший способ отмывания денег — покупка земли. Далее сказано прямо, что мировой наркобизнес ждет закона о свободной продаже земли в России — единственной стране, где сельское хозяйство разорено, государство коррумпировано и земля пойдет по дешевке. Можно ли игнорировать этот «внешний фактор» и даже не упоминать о нем? Только в том случае, если политик или СМИ, поднимающие вопрос о продаже земли, участвуют в большой программе манипуляции.

Тоталитаризм источника сообщений. Поскольку возможно более полное устранение несогласных источников информации и мнений — важнейшее условие успеха манипуляции, отсутствие реального диалога есть верный признак манипулятивного характера сообщений. Зная это, манипуляторы стараются купить или вырастить в собственном коллективе подсадных уток, которые якобы «спорят» с манипулятором. Но у нас в России проблемы настолько жгучие, что манипуляторы предпочитают не дать зародиться самой мысли, что возможен диалог и сравнение точек зрения. Поэтому их подсадные утки слишком неуклюжи, и лучше уж без них — надежным приемом полного затыкания рта оппоненту. Так что когда «независимое» телевидение сообщает какую-то важную установку и при этом не дает слова или хотя бы полслова серьезному противнику этой установки — оно пытается манипулировать сознанием. У нас сейчас общество не идеократическое, в котором дебаты по главным вопросам должны вестись иносказательно и «единство взглядов» есть определенный ритуал, а не манипуляция. У нас общество, основанное на конкуренции (хотя и нестабильное). Сейчас тоталитаризм источника информации есть результат преступного сговора политических клик и верный признак манипуляции. Иногда этот тоталитаризм нарушается в связи с частными и тщательно контролируруемыми противоречиями между отдель-

ными кликами. Гусинский против Березовского! Но при этом главные проблемы нашей жизни все равно не поднимаются — за этим строго следят все «авторитеты».

Да и в мелочах отсутствие стороннего комментария, который не составляет никакого труда получить, есть признак манипуляции. Такой комментарий не позволил бы идеологам создавать «нервозность». Если бы НТВ, «нашедшее» в Измайловском парке сумку с «радиоактивным веществом», попросило бы комментарий специалиста, то он сказал бы просто: «Граждане, не беспокойтесь, это дешёвый спектакль». Зачем же это НТВ?

Тоталитаризм решения. Еще более наглядным и связанным с предыдущим признаком является тоталитаризм самой формулы решения, которое внушается аудитории. *Иного не дано! Коней на переправе не меняют! Альтернативы Ельцину нет!* Когда слышатся такие речи, можно в уме спокойно ставить галочку: «Манипулятор». Сама суть жизненного процесса в том, что мы идем по извилисто-му пути, и на каждом шагу — перекресток, разветвление пути. И мы делаем выбор, каждый раз его обдумывая. Часто эта работа по принятию решения делается так быстро, что мы ее не замечаем, но она делается. Когда выбор сложный и при нем возникает противоречие интересов, альтернативы должны быть явно обнародованы. Когда же нам говорят, что выбора нет, что «реформе Чубайса» нет альтернативы, то это манипуляция, доведенная до уровня гротеска. Беда в том, что соучастниками в ней стали слишком многие, так что на общественное мнение оказывает давление большая армия «вторичных манипуляторов».

Смещение информации и мнения. Это — настолько грубый прием манипуляции, что в европейских законах против него введены даже ограничительные нормы. Человек, который приготовился узнать факты, с трудом может защититься от внушаемого ему вместе с фактами мнения об этих фактах. Тебе говорят, что в метро Токио кто-то разбрызгал отравляющее вещество зарин — и тут же подпускают мнение, что это сделали сектанты. А назавтра уже говорят: «сектанты, которые разбрызгали отравляющее вещество зарин...» У нас этот прием используется постоянно и с небывалой дерзостью. Ведь даже утверждение, что дома в Москве взорвали «чеченские сепаратисты», все мы давно приняли за факт, хотя это было всего лишь мнением, да и то высказанным вскользь. Натренировать сознание так, чтобы в любом сообщении автоматически разделять информацию и мнение, не очень сложно. Когда *поток мнения* идет слишком густо, разум должен подавать сигнал: внимание, манипуляция!

Прикрытие авторитетом. Когда как довод в поддержку какого-то чисто идеологического или политического утверждения при-

влекается авторитет и уважение, завоеванные в совершенно иной, не связанной с этим утверждением сфере, то это — типичная манипуляция¹. Причем манипуляция грубая и примитивная. Разве французский киноактер Депардьё со своим толстым носом может иметь для нас какой-нибудь авторитет при выборах президента? С точки зрения здравого смысла — нет. Он, приезжая в Москву агитировать за Ельцина, эксплуатирует наши чувства и подсознание. Когда А. Д. Сахаров, который всю жизнь в закрытом институте изучал слабые взаимодействия в ядре атома, внушает нам мысль, что СССР должен разделиться на 35 государств, а армяне должны начать войну за Карабах, и при этом напоминает, что он — академик, то это грубый прием манипуляции. Никакого авторитета в вопросе государственного устройства или спора армян с азербайджанцами ни его запас знаний, ни его жизненный опыт ему не дают. Использование им авторитета ученого — подлог. Да, Ростропович хорошо играет на виолончели, так мало кто умеет. Но когда он берет в руки автомат, чтобы защитить демократию или пасть жертвой советской военщины, и, усталый, засыпает в кресле, «не выпуская из рук оружия», то это — дешевый спектакль, который должен нас расстрогать. Соловьи, соловьи, не будите солдат...

Активизация стереотипов. Всегда должно вызывать подозрение, если взывающий к нам политик или деятель СМИ настойчиво обращается к нашим стереотипам, будит наше чувство какой-то общности, подчеркивая наше отличие от «них» — *других*. Стремление отправителя сообщений «*стереотипизировать наше поведение*», то есть добиться, чтобы мы воспринимали информацию и отвечали на нее в соответствии с нормами поведения определенной общности, — верный признак манипуляции.

Когда Элла Памфилова, соучастница Гайдара в ограблении пенсионеров, вдруг начинает пускать слезу по поводу тяжелой судьбы «наших отцов», это — дешевая эксплуатация нашего стереотипа *сыновей*. Печально, что она действует — Памфилову выбирают депутатом от Калуги (правда, не всегда). Когда подручные Гусинского на НТВ, пособляющие клану, «отделяющему Чечню», вдруг начинают душевно сострадать «нашим мальчикам» в Чечне, это должно сразу насторожить разумного человека. Пока что, видимо, это скорее его размягчает. Всегда, услышав в обращении явную или скрытую апелляцию к каким-то укорененным в нас чувствам или установкам, полезно быстро пробежать в уме ипостаси

¹ Тут, впрочем, опять надо вспомнить гл. 3. В идеократическом государстве похожие акции имеют ритуальный, а не манипулятивный смысл. Артисты, писатели и ученые *одобряют* политику государства как представители своих цехов, корпораций, а вовсе не как участники дебатов по вопросу, который отражает общественное противоречие.

своего «я» и прикинуть, на какую из них давит обращающийся ко мне идеолог. Тогда легче будет понять, на какую автоматическую реакцию он рассчитывает и к чему незаметно клонит. Как только мы пытаемся это *осознать*, исчезает автоматизм и начинается процесс рассуждения. Толчок к нему — обнаружение признака манипуляции.

Некогерентность высказываний. Это — важнейший признак, и он довольно легко выявляется даже интуитивно. Стоит только чуть-чуть быть настороже, как начинаешь ощущать: что-то тут не так. Концы с концами не вяжутся! Если в одной фразе проклинают советский строй за то, что пересохло озеро Арал, а в следующей его же проклинают за то, что пытался перебросить часть воды из сибирских рек в озеро Арал, то, простите, ваши рассуждения некогерентны и вы нас просто дурите. Или сами уже одурачены манипулятором более высокого ранга. Очень часто некогерентность есть следствие предварительной манипуляции, жертвой которой и стал данный оратор, но это не так уж важно — «вторичные» манипуляторы столь же вредны, хотя вина их идет по другой статье. Польза «вторичных», однако, в том, что у них некогерентность бывает более выпуклой, более вопиющей, потому что они сами ее уже не замечают¹.

Кстати, выявлять нестыковки в утверждениях политиков и СМИ — хороший и увлекательный интеллектуальный спорт. Уж если приходится смотреть телевизор и читать газеты, стоит им заниматься. Очень быстро глаз натренируется, и становится даже смешно смотреть, как пыжится Е. Киселев или Т. Миткова связать концы с концами в очередной идеологической утке. Упражнения на выявление некогерентности укрепляют системность мышления и охраняют ту *университетскую* культуру, которую дала нам школа. Это — важный способ противостоять накату *мозаичной* культуры, победа которой будет означать исчезновение русского типа мышления.

* * *

Перейдем ко второй стороне нашей проблемы — правилам поведения, которые должны снизить нашу уязвимость к воздействию манипуляторов.

Первое правило — прочувствовать и осознать, что мы живем в ином обществе, нежели раньше. Мы попали в джунгли, где за на-

¹ Особым случаем надо считать одновременную подачу СМИ противоречащих друг другу сообщений. Это — признанная, нескрываемая нестыковка, которая должна просто сбить с толку людей, растрепать их мысли, из ничего создать отвлекающую проблему.

ми (за нашим сознанием) *идет охота*. Тяжело это и непривычно, но вести себя надо в соответствии с реальностью, а не нашими пожеланиями и старыми привычками. Перед нами не ежик в тумане, не заяц и даже не добрый волк из «Ну, погоди!», а черепашки-ниндзя. И мы для них — ничто, *общность, которую нет смысла эксплуатировать*. Если эти черепашки окончательно овладеют ключами к нашему сознанию, они превратят нас не в слуг, не в пролетариев, не в рабов, а подведут к пропасти — и мы сами в нее прыгнем.

Что бы нам ни говорили, исходя из самых умных теорий и ссылаясь на самых умных экономистов от Аганбегяна до Ясина, мы должны опираться, как на скалу, на один безусловный и абсолютно надежный факт: здесь, на этой холодной земле, с этим же самым «негодным, пьющим, ленивым и т.д.» народом, без всяких кредитов МВФ мы имели страну с второй по силе экономикой и несокрушимой обороной. То плачевное состояние, в котором мы сегодня находимся, вызвано не стихийными бедствиями, не вторжением злых инопланетян, а действиями вполне конкретных людей и групп. В нашей беде нет ничего сверхъестественного или природного — только человеческое. Произвести изменения, в результате которых большинство народа лишено почти всех средств к жизни и изъяты у большинства богатствами завладело очень небольшое меньшинство (причем завладело хищнически, разрушив при этом хозяйство), можно было только благодаря ошибочному выбору и ошибочным решениям большинства. Эти ошибки были им совершены в результате большой программы манипуляции общественным сознанием с множеством прямых подлогов и обманов. Ни в какой правовой системе эта манипуляция не может быть узаконена и оправдана. О морали и говорить нечего. Проблема теперь — только в балансе сил и в целесообразности той или иной линии поведения. Даже сдать победителю можно по-разному. Поэтому лучше прочистить мозги и остановить интервенцию в наше сознание. Какие для этого приемы может использовать каждый в отдельности и те организации, в которых люди собираются для спасения? Перечислим кратко то, что прямо или косвенно было обсуждено в книге.

Сокращение контактов. Надо поменьше бывать в зоне контакта с манипулятором или потенциальным манипулятором. Мы не можем совсем «не ходить на собрания нечестивых», но надо хотя бы ходить поменьше. В действительности разнообразия информации на разных каналах телевидения нет никакого — так незачем и переключать телевизор с одной программы на другую в надежде получить какую-то иную крупицу знания. Эта крупица того не стоит. Нужная информация так или иначе до нас дойдет. Лучше избегать и соблазна побыть в «театре скандалов», который разыгрыва-

ют перед нами манипуляторы. Трудно бороться с соблазнами, но надо стараться. Не следует уповать на свою устойчивость — сигналы телевидения действуют в нужном ему направлении независимо от того, как мы к ним относимся в нашем сознании. Хорошо было Одиссею слушать сирен — он приказал товарищам привязать его к мачте. А им-то надо было грести и управлять парусом. Если бы он не залил им уши воском — так бы все и пропали.

Уход от захвата. Важный этап в манипуляции — захват аудитории, ее «присоединение». Как сказано в одном учебнике, «успех манипуляции невозможен без создания союзника в душевном мире адресата». Пока захват не произошел, ему можно успешно сопротивляться — тогда и последующие усилия манипулятора пропадают даром, а вы даже можете их наблюдать отстраненно и с пользой для себя. Эффективен такой простой прием, как прерывание контакта, уход на время. Всякая операция захвата имеет свой сценарий, свой ритм. Если во время сеанса гипноза «жертва» вдруг скажет: «Я тут отлучусь ненадолго, а вы пока продолжайте», — все усилия гипнотизера пойдут насмарку. Если вдруг телевидение или митинговые политики устраивают большой накат и давят на психику, полезно на время «выйти» из этой обстановки, успокоиться, подумать — а потом «вернуться». Очарование спадает, и дальнейшие стадии манипуляции кажутся даже странными — потому что вы оказались «неприсоединенными».

Если есть возможность, то полезно прервать словоизлияния манипулятора вопросами, которые резко нарушают его сценарий. Вопросами типа «скажите прямо, куда вы клоните?». Этот вопрос заставляет манипулятора переходить к сути дела, не завершив «присоединение» аудитории и, следовательно, не лишив ее способности критически воспринимать сообщения. Или же манипулятору придется игнорировать вопрос, что может вызвать недовольство и укрепит психологическую защиту. Даже ловкого манипулятора сбивает с толку человек, который выглядит непонятливым и все переспрашивает (а может, притворяется дураком?). В общем, любой способ нарушить программу манипуляции полезен, чтобы ее затруднить и снять наваждение.

Изменение темпа. В программе манипуляции очень важен темп. Манипулятор достигает успеха, когда он опережает процесс мобилизации психологических защит аудитории. Поэтому такое большое значение придается сенсационности и срочности. Кавалерийская атака на слушателя и зрителя! С этого ритма надо стараться манипулятора сбить, нельзя позволить ему навязать его темп нашему сознанию — они не должны войти в резонанс. Этот прием отражен в народной мудрости: «Утро вечера мудренее». Это значит, что полезно прервать контакт, дать сырым мыслям, чувствам и

впечатлениям «отлежаться» — а потом начать на свежую голову. Надо навязывать ходу манипуляции рваный и вязкий ритм, сходу отвергать нагнетаемую обстановку срочности. На самом деле срочность эта всегда бывает ложной, искусственно созданной. Нельзя этому давлению поддаваться, нельзя сходу принимать оценки, которые нам навязывают. Известное «тугодумие» крестьян в большой мере объясняет их замечательную устойчивость против манипуляции.

Отсевание шума. Манипуляция успешна в условиях «демократии шума», когда человека бомбардируют потоком никчемных сообщений и он не может сосредоточиться на той проблеме, по которой он должен выработать точку зрения. Не может сосредоточиться — вынужден хвататься за подsunутую ему тракторку. Устойчивость против манипуляции снижается, если одновременно с сообщением, которое внушает какую-то идею, на сознание человека воздействуют «помехой». Отсюда вывод: получив сообщение, в котором может быть скрыта идеологическая «контрабанда», надо отфильтровать шумы, которые служат помехами при обдумывании именно этого сообщения. Лучше на время вообще вырваться из потока сообщений, чтобы обдумать одно из них. Потеря невелика, этот поток не иссякнет, и ничего действительно важного нас не минует.

Непредсказуемость. Легче всего манипулировать сознанием человека, мышление которого отвечает четкому и строгому алгоритму. Если же оно петляет, следует необычной логике и приводит к парадоксальным выводам, подобрать к нему ключ трудно. Манипуляторы Запада с большим трудом находили подход к дикарям, китайцам, африканцам. Негры уже два столетия живут в США, но до сих пор «одомашнены» в малой степени. В общем, эффективным способом ухода от захвата и воздействия манипулятора является создание искусственной непредсказуемости твоей реакции (источников информации, способа ее переработки, логики умозаключений, темпа взаимодействия, типа высказываний и т.д.). Как сказал К. Кастанеда, «когда ты непредсказуем, ты неуязвим». Конечно, это непростое дело, но кое-какие приемы можно выработать. Например, можно постараться сознательно задерживать или вообще блокировать *автоматические реакции* — не позволять играть на своих стереотипах. Ах, ты меня хочешь разжалобить песенкой «мы, русские люди...»? При чем здесь русские? Я вот работаю, а зарплату мне не заплатили — это как? Какая разница, русский я или чуваш? Выход из коридора навязываемых тебе стереотипных реакций, «смена поля» нарушает программу манипуляции. По реакции автора сообщений (хотя бы проигранной в мыслях) будет видно, может ли он закончить свою мысль как разумную — или вы-

страивает манипулятивную конструкцию. Честного политика и собеседника этим не собьешь, ибо его мысль когерентна, у него образ русского не войдет в противоречие с образом *работника*.

Отключение эмоций. Большинство стереотипов, которые используют манипуляторы, сильно окрашены эмоционально. Раскачать чувства — для манипулятора половина успеха. Поэтому общим правилом можно считать такое: увидев, что идеологи почему-то давят на какое-то твое чувство, следует на время сознательно притупить это чувство. Воспринять сообщения бесстрастно, как автомат, а потом на холодную голову обдумать их наедине с собой, без подсказки. Это может показаться цинизмом, но полезно поставленную проблему сначала «проиграть» вообще вне морального контекста — как военные планируют свои бомбардировки. «Проиграть», а потом уже включать моральные ограничения и предпочтения. Очень часто на чувствах играют для того, чтобы переключить эмоции, канализировать их на абстрактного или специально подsunутого козла отпущения, увести внимание от главного действующего лица. Иной такой козел даже рад своей роли, такой уж у него темперамент. Да и оплачивают, наверное, неплохо.

Полезный прием проверки адекватности чувства, которое в тебе разбередили пропагандисты, заключается в том, что ты подставляешь вместо «врага» какую-нибудь другую фигуру, не такую одиозную или привлекательную. Сохраняется это чувство? Если нет, значит с проблемой оно не связано, а внушено с целью манипуляции. Вот, кто-то взорвал дома в Москве и Волгодонске. Видимо, чеченцы. Телевидение вкупе с политиками раскачали чувства, и все радостно поддержали войну в Чечне. Я тоже считаю, что преступный режим Чечни надо было ликвидировать, в том числе и военной силой. Но мне не требуется, чтобы мною при этом манипулировали, мне достаточно разумных доводов. И я представляю себе, что дома взорвали наемники «русской национальности». Возможно такое? Да, возможно, и среди чеченских боевиков есть русские, как были они и среди немцев. Значит ли это, что я должен возненавидеть русских так же, как мне предлагают ненавидеть чеченцев? Нет, не значит. Раз так, лучше не придавать взрывам этнической окраски, собака зарыта в другом месте. Вообще все эти Дудаевы, Удугovy и Масхадovy настолько тесно переплетены с московской верхушкой, что верить в этническую природу чеченской интриги просто глупо. Другое дело, что умелые манипуляторы сегодня умеют превратить столкновение преступных клик в этнический конфликт — ищи потом иголку в стоге сена. Но умеют они это делать потому, что наше сознание не на высоте. Привезут в армянское село труп армянина — и все тут же бегут в соседнее азербайджанское село резать «турок».

Диалогичность мышления. Манипуляторы стараются превратить нас в *потребителей идей*, во внимающее ухо и расширенный зрачок. Нас лишили всякого открытого диалога, ибо он снимает наваждение. Диалог разрушает манипуляцию. У нас пока что один выход — перенести диалог на «молекулярный» уровень, даже вести его как мысленный диалог. Но не принимать ни одного утверждения без вопросов. Надо делать усилия, чтобы найти зацепку для вопроса даже в самом «круглом» утверждении, и помнить, что свойство нашего ума — уходить от трудных вопросов, «заметать их под ковер». Поэтому во многих ответственных профессиях введено что-то вроде обязательного перечня вопросов, которые при выполнении сложной операции надо вслух задать — и вслух ответить, как это бывает у пилотов самолета¹. Если мы научимся «говорить сами с собой», то наше мышление наверняка выйдет из колеи, предусмотренной манипуляторами, оно станет непредсказуемым. Может быть, мы станем похожи на сумасшедших, но сумасшедшими манипулировать невозможно, их умозаключения парадоксальны с точки зрения заданного алгоритма.

Создание контекстов. Поскольку один из главных приемов манипуляции — втиснуть проблему в искусственно построенный контекст (часто это ложный контекст), то и защитным средством будет неприятие предложенной постановки вопроса, замена навязываемого контекста иными, выстроенными независимо от потенциального манипулятора. Вот, нам говорят: «В СССР отсутствовала категория прав человека, а на Западе присутствовала». Не будем спорить насчет категории, а спросим хотя бы себя: «Ну и что, что отсутствовала? В одинаковом ли контексте находились СССР и Запад?» Само собой, начинается в воображении процесс построения контекстов. По мне, так довольно быстро идеологема прав человека начинает выглядеть смешной. Ведь сами говорят: казарменный социализм. Какие же в казарме «права человека»? В ней «права и обязанности бойца». Почему же казарменный? Нам нравилось жить в казарме? Да нет, жизнь загнала, холодная война с несравнимым по ресурсам противником. На деле-то мы жили даже не в казарменном, а в окопном социализме. Может быть, во время войны все равно было бы лучше жить не в окопе или казарме, а на даче? Нет, не лучше. Безопаснее в окопе или хоть недалеко от окопа, в казарме. Вот сейчас мы живем на даче, питаемся с наших шести соток. Миллион лишних смертей в год имеем, и с правами человека выходит похуже, чем в окопе. Хотя, конечно, кто-то на этом нагрел

¹ Приходилось слышать, что у опытных пилотов бывали аварии оттого, что они становились самоуверенными и пренебрегали этим правилом — и забывали совершить какое-то необходимое действие при посадке.

руки. А еще говорят, что «Рим предателям не платит». Платит, но всегда хочется больше.

То же утверждение можно поставить в иной, исторический контекст. Да, Запад говорит о правах человека, а мы не говорили. Ну и что? Когда Запад о них заговорил? При сенаторе Маккарти? При Муссолини? При Лютере и Кальвине? При Миттеране, залившим кровью Алжир? Нет, заговорил буквально вчера, при президенте Картере. Ну, так у нас еще было время, у каждой цивилизации свой исторический возраст. Мы помоложе Запада, не надо торопиться, подрастем еще. Пospешишь — людей насмешишь.

Создание альтернатив. Манипулятор, пресекая диалог, представляет выгодное ему решение как не имеющее альтернативы — иначе начинаются размышления, рассуждения. В общем, пиши пропало. Такое условие надо сразу отметить. Как это иного не дано? Быть такого не может! Стоит только разрешить самому себе прикинуть в уме разные варианты решения, как вся постройка манипуляции рушится — и сразу видны корыстные намерения. Вот, выполняя программу разрушения «империи зла», раздули проблему депортации целых народов — крымских татар, чеченцев. Переселить целый народ, какой ужас! Преступление века! Даешь «Закон о репрессированных народах»! Поджигай, ребята, дом!

На весь этот крик разумный человек должен был бы спросить: «Господа хорошие, а как надо было поступить в 1944 году с крымскими татарами, воевавшими на стороне немцев?» Пусть бы Сахаров и Нуйкин прямо ответили: «Расстрелять все 20 тысяч служивших у немцев мужчин по закону военного времени». Ответили бы так? Нет, просто свернули бы всю кампанию манипуляции. Потому что даже в самом воспаленном демократическом уме промелькнула бы мысль, что для крымских татар как народа лишиться практически всех молодых мужчин означало бы исчезновение с лица земли.

Так же можно предложить тем, кто ратует за продажу земли: «Зачем так кипятиться? Во всех странах фермеры арендуют землю. Давайте просчитаем такой вариант — при нынешних компьютерах это плевое дело. Аппетиты наших жадных деревенских стариков-землевладельцев можно ограничить законом, пусть берут за аренду 10% урожая, заодно и подкормятся». Подсчитают — прослезятся. Но зато всем будет видно, что не о фермерах болит душа у Черниченко и Кириенко.

Просто назвав вполне реальные альтернативы, можно пресечь манипуляцию. Если нельзя назвать их вслух, то надо представить их в уме — тогда хотя бы ты лично защитишь себя от манипулятора.

Включение здравого смысла. Это вещь для образованного человека непростая, но при некотором усилии доступная. Когда слышишь страстные речи, то лучше пропустить мимо ушей краси-

вые фразы и ухватить только главный довод. Потом допустить, что он верен, и подумать, соответствует ли здравому смыслу то решение проблемы, которое предлагает пламенный оратор. «А как бы сделал я?» — вот первый вопрос. Как ни странно, чаще всего оказывается, что сам бы ты так не сделал. Вспомним хотя бы «военный переворот» августа 1991 г. Объявился ГКЧП, пускает по всем каналам телевидения «Лебединое озеро». С другой стороны, Ельцин с Поповым призывают народ на баррикады. Как же — арестовали нашего президента Горбачева! Давайте все умрем за него на баррикадах — или свергнем проклятую диктатуру (чью?). Чью — туманно, но насчет баррикад вполне серьезно. А почему сразу баррикады? Что бы сделал я? Сначала бы позвонил в Форос и узнал, в чем дело, почему такая буза? Форос не отвечает? Телефон занят? Есть много других способов связаться. А уж потом — баррикады. На деле уже во второй половине дня, без всякой дополнительной информации многим людям стало ясно, что весь этот переворот — спектакль. Но этих «многих» все же было ничтожное меньшинство. А большинству внушили самые нелепые толкования происходящего. И до сих пор многие верят, что жена Пуго застрелилась из-за того, что Янаев не стал президентом СССР.

Поиск корня проблемы. Манипуляция во многом сводится к тому, что людям предлагают такую трактовку проблемы (противоречия), которая уводит от сути. Люди шумят, волнуются, может быть, даже пришибут какого-нибудь стрелочника, но вреда заказчику манипуляции не принесут. Лучше всего, конечно, чтобы ложную трактовку дали «представители» самой страдающей стороны в противоречии (например, в случае социального противоречия — профсоюзы, коммунисты и т.п.). Но если это дорого, то обходятся и просто скромными тружениками телевидения. Впрочем, профсоюзные боссы сегодня, похоже, недорого. «*Рыночным ценам — рыночную зарплату!*» — вот их трактовка наших бед. А что рыночная зарплата при отсутствии спроса на рабочую силу может быть равна нулю, об этом они «забывают». В такую забывчивость мало верится.

Еще Достоевский говорил, что надо доходить до последних вопросов. Это значит, надо сразу отвергать предложенную трактовку и начинать ставить вопросы самому, шаг за шагом углубляясь. Тогда быстро приходишь к той сути, от которой как раз тебя отводят пламенные защитники народа — как отводит летчик ракету от самолета, выпуская тепловую ловушку. Она ракете кажется горячее, чем двигатель самолета, и ракета устремляется за нею.

В книге в виде учебных задач приведен ряд примеров того, как, переходя на чуть-чуть более глубокие уровни трактовки проблемы, она предстает в совсем ином свете. При желании можно набрать множество таких примеров. Вспомним хотя бы, как нам мно-

го лет представляли чуть ли не как главную социальную проблему *невыплату зарплаты*. И все так в это уверовали, что когда после года задержек людям вдруг выплачивали часть, все были счастливы и шли голосовать за «отца родного». Это все равно как по совету раввина ввести в дом козла. Потом, когда он разрешит тебе козла выгнать — какое счастье! Добившись «выплаты», люди уже забывают спросить о главном: почему же так абсурдно низка покупательная способность моей зарплаты? Даже если принять, что производство упало вдвое, — почему моя реальная зарплата уменьшилась в пять-шесть раз? Почему чиновник, который всегда и везде получал зарплату примерно в два раза выше, чем такой работник, как я, вдруг стал получать в сто раз больше?

Включение памяти, проекция в будущее. Память и предвидение — основа психологической защиты против манипуляции, потому-то они и являются одним из главных объектов разрушительных действий. Манипуляторы применяют целый ряд технологий, чтобы вытравить у нас чувство исторического времени, они помещают нас в «*вечное настоящее*», они навязывают нам особое, замкнутое время спектакля. Вырваться из лап манипулятора — значит вырваться из этого заколдованного временного круга.

Каждый раз надо делать *усилие* и восстанавливать память о той проблеме, которую ставят перед тобой манипуляторы. Если нет сил и времени, чтобы что-то прочесть, навести справки, спросить знающих людей, то лучше уж не верить предлагаемому тебе мифу, а попытаться связать те факты, которые ты наверняка знаешь. Поразительно, например, как сумели идеологи перестройки на голом месте создать «миф Столыпина» — так, что он стал кумиром либеральной интеллигенции (одно время 40% опрошенных интеллектуалов считали его самым великим деятелем России — ставили выше Петра I). Достаточно широко известно, что приватизация земли по Столыпину провалилась, что она привела Россию к революции, что столыпинские переселенцы в Сибири как раз и составляли основу партизанских отрядов, изгнавших Колчака, и т.д. Нет, ради вспыхнувшей вдруг любви к столыпинской реформе наша интеллигенция отказалась от Льва Толстого и от А. В. Чайнова. О крестьянах не будем уж и вспоминать, мы же теперь все поголовно дворяне. Пожалуй, внедрение в умы «мифа Столыпина» можно считать блестящей операцией, настолько мало для него было оснований. Ведь очевидно даже без дополнительного чтения, что заметного слоя «фермеров», которые бы стали опорой буржуазно-помещичьего строя, как предполагалось в плане реформы Столыпина, создать не удалось. Россия осталась крестьянской и даже *более крестьянской*, нежели была до реформы, реформа только озлобила общину и возбудила в ней ненависть к мироедам (то есть *поедателям* общины). Чему же тут радоваться и что прославлять?

Еще более примитивна нынешняя хитрость манипуляторов, согласно которой источник нынешней экономической разрухи коренится в дефектах советского хозяйства. Особенно стыдно верить в это должно быть людям с инженерным и научным образованием. Достаточно построить временные ряды главных натуральных показателей хозяйства с 70-х годов до настоящего времени, чтобы просто по типу графика, по главным его критическим параметрам увидеть всю нелепость этой уловки. Из таких графиков видно, что речь вообще сегодня идет не о кризисе, а об *убийстве* хозяйства политическими методами. В результате экономических процессов просто не может возникнуть такого перелома в динамике показателей, какой произошел в 1992 г. По характеру кривой Россия принадлежит к трем странам в мире, положение которых ЮНИДО характеризует понятием «разрушенная экономика» — Ирак, Югославия и Россия.

Вырываясь из «вечного настоящего», из навязанного нам спектакля, мы должны опереться на здравый смысл русского языка. *Что посеешь, то и пожнешь. Это пока цветочки — ягодки будут впереди.* Язык напоминает нам о связи времен — а телевидение нашептывает, что будущего нет. Что у нас одна великая забота — даст ли МВФ транш в марте или не даст. Ах, все-таки даст! Ах, не даст! А так все хорошо — ВВП России вырос на 2%. А сколько русских мальчиков родилось в 1999 г.? А сколько русских мальчиков придет в армию в 2010 г.? Чтобы мало-мальски держать границы и безопасность, России нужна армия в 1,5 млн. человек. В 1999 г. очередная перепись населения не проводилась, чтобы народ не задумался о будущем. Даже если читать, что пропорция русских среди новорожденных не упала (а она упала), то путем экстраполяции из переписи 1989 г. можно считать, что в 1992 г. родилось около 400 тысяч русских мальчиков. При нынешней смертности по возрастам до 2010 г. из них доживет тысяч 350, из них по здоровью для армии будет годно около 100 тысяч. А нужно призвать более 700 тысяч. А что будет в 2015 г.? Одна надежда — на любовь Мадлен Олбрайт к русскому народу.

Смена языка. Наконец, один из главных принципов защиты от манипуляции — отказ от языка, на котором потенциальный манипулятор излагает проблему. Не принимать его язык, его терминологию, его понятия! Пересказать то же самое, но другими словами, избегая всяких идеологических категорий. Пересказать пусть грубо и коряво, но в *абсолютных* понятиях, которые можно перевести в совершенно земные, осязаемые образы — хлеб, тепло, рождение и смерть. Если все десять лет реформы идет вымирание населения, если в русских областях почти прекратилась рождаемость, если крестьяне вынуждены были вырезать более половины крупного рогатого скота и почти всех овец, то называть это «путь к нор-

мальной экономике» — надругательство над здравым смыслом. Так и не надо мыслить в таких категориях. Надо говорить именно об изменениях в их осязаемой натурной форме. Говорят, у нас был «казарменный социализм», и, дескать, поэтому его надо было разрушить. Это дико слышать для рассудительного человека. При чем здесь социализм? Какая разница, как назвать? Назови хоть горшком. Ведь факт, что у нас было определенное *жизнеустройство*, и мы можем весьма точно описать его в абсолютных понятиях — чем питались люди, как одевались и обогревались, чем болели и чего боялись. В совокупности это и было советским строем жизни. В нем были недостатки, были и достоинства, чему отдать предпочтение — дело вкуса. Например, когда я на одной лекции в Испании предложил устранить на время все туманные идеологические категории и говорить именно о «натурных» показателях жизнеустройства, это произвело неожиданный эффект. Всем это оказалось понятно. И одна женщина сказала, что для очень многих в Испании факт отсутствия при советском жизнеустройстве наркомании перевешивает все блага «общества потребления». Все блага! А скажи «казарменный социализм» или «плановая экономика» — и она слышать о советском строе не захочет, это ей противно. Мы — рабы слов. Так не надо, чтобы словами еще и командовал берущий нас за глотку манипулятор.

Все это, конечно, советы слабые.

Главный совет — *думать*. И думать усиленно, трудно, как землекоп копает тяжелую глину.

Москва, февраль 2000 г.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЧТО ТАКОЕ МАНИПУЛЯЦИЯ СОЗНАНИЕМ

Глава 1. О чем идет речь	3
Глава 2. «Анатомия и физиология» манипуляции сознанием	14
Глава 3. Демократия, тоталитаризм и манипуляция сознанием . . .	32
Глава 4. Основные доктрины манипуляции сознанием	56
§ 1. Технология манипуляции как закрытое знание	56
§ 2. Учение о гегемонии Антонио Грамши	61
§ 3. Психологическая доктрина	69
§ 4. Социодинамика культуры	80

РАЗДЕЛ II. ГЛАВНЫЕ МИШЕНИ МАНИПУЛЯТОРОВ СОЗНАНИЕМ

Глава 5. Оснащение ума: знаковые системы	83
§ 1. Язык слов	84
§ 2. Язык зрительных образов	98
§ 3. Иные знаковые системы	105
Глава 6. Мышление: его типы и оснащение	111
§ 1. Логическое мышление	111
§ 2. Ассоциативное мышление. Метафоры	126
§ 3. Стереотипы	135
Глава 7. Чувства	145
§ 1. Эмоциональное воздействие как предпосылка манипуляции	145
§ 2. Западный страх	150
§ 3. Страхи холодной войны	159
§ 4. Страхи и тип культуры	164
§ 5. Страх терроризма	170
Глава 8. Воображение, внимание, память	180
§ 1. Воображение и поведение	180
§ 2. Общество спектакля	191
§ 3. Манипуляция вниманием	197
§ 4. Манипуляция и воздействие на память	200
Глава 9. Мифы общественного сознания: большие проекты манипуляции	205
§ 1. Черные мифы	207
§ 2. «Светлые» мифы Запада: евроцентризм	211

РАЗДЕЛ III. МАНИПУЛЯЦИЯ СОЗНАНИЕМ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ

Глава 10. Массовая культура и ее институты	229
§ 1. Толпа и ее искусственное создание	229
§ 2. Разрешение аморальности	235
§ 3. Захват и присоединение аудитории	242
Глава 11. Общественные институты	246
§ 1. Школа — производство человека массы	246
§ 2. Наука как инструмент манипуляции сознанием	257
Глава 12. Средства массовой информации	271
§ 1. Цели, образ действия и место в культуре средств массовой информации	271
§ 2. Средства массовой информации: манипулятивная семантика и риторика	284
Глава 13. Телевидение.	295
§ 1. Свобода сообщений — цензура — манипуляция сознанием	295
§ 2. Пещерные люди XX века	298
§ 3. Телевидение как технология разрушения сознания	301
§ 4. Телевидение и создание реальности	309
§ 5. Телевидение и манипуляция сознанием в политике	316
§ 6. Сопrotивление общества	322

РАЗДЕЛ IV. МАНИПУЛЯЦИЯ СОЗНАНИЕМ В ХОДЕ РАЗРУШЕНИЯ СОВЕТСКОГО СТРОЯ

Глава 14. Успех манипуляции сознанием в годы перестройки	327
§ 1. Перестройка: главные удары по системам защиты от манипуляции	327
§ 2. Холодная война и идейное разоружение советского человека	334
§ 3. Опытный факт: сдвиг в настроении рабочих	345
§ 4. Опытный факт: манипуляция в законодательстве	348
Глава 15. Объективные предпосылки для успешной манипуляции сознанием советского человека	352
§ 1. Урбанизация и голод на образы	352
§ 2. Возрождение сословности в позднем советском обществе.	360
§ 3. Тоталитаризм источника сообщений	367
§ 4. Контролируемое бедствие как условие успешной манипуляции	371
Глава 16. Общественное сознание в СССР и его уязвимые стороны	378
§ 1. Стереотипы исторического материализма и подрыв гегемонии советского строя	378
§ 2. Незнание общества, в котором живем	395
§ 3. Художественное воображение и уязвимость советского человека	402

Глава 17. Воздействие на оснащение ума	415
§ 1. Манипуляция словами и образами	415
§ 2. Размывание и подмена понятий	425
§ 3. Подмена имени и предмета	437
§ 4. Пример ложного имени: либерализм	443
§ 5. Манипуляция числом и мерой	451
Глава 18. Воздействие на мышление в акциях по манипуляции	463
§ 1. Перестройка и разрушение логического мышления	463
§ 2. Аутизм интеллигенции	474
§ 3. Создание некогерентности (несоизмеримости частей реальности).	489
§ 4. Учебная задача: когерентны ли рассуждения экономистов?	496
§ 5. Утрата меры и некогерентность мышления	507
Глава 19. Отключение памяти и нравственности	511
§ 1. Историческая память	511
§ 2. Краткосрочная память и манипуляция в политике	514
§ 3. Разрушение символов	520
§ 4. Манипуляция образом труда и безработицы	533
§ 5. Разрушение ядра нравственности	546
Глава 20. Кухня манипуляции сознанием: испытанные на нас приемы	557
§ 1. Прямая ложь	557
§ 2. Не прямая ложь, а умолчание	561
§ 3. Умолчание цели, цены и сроков изменений	569
§ 4. Ложная мудрость	581
§ 5. Волшебная флейта перестройки: фильм «Город Зеро» как учебная задача	589
Глава 21. Метафоры и стереотипы перестройки	595
§ 1. Метафоры оппозиции	595
§ 2. Стереотип антигосударственности	615
§ 3. Рольевые стереотипы: «государство-эксплуататор»	618
§ 4. Стереотип «льготы и коррупция номенклатуры»	624
§ 5. Стереотип «обделенного народа»	629
§ 6. Стереотип «преступного мышления»	640
§ 7. Канализирование стереотипов: фильм С. Говорухина «Ворошиловский стрелок».	646
§ 8. Страх голода в манипуляции сознанием	658
Глава 22. «Мягкие» черные мифы о советском строе	664
§ 1. Подготовка к отказу от советского хозяйства. Экономические мифы	664
§ 2. Миф о советской милиции	667
§ 3. Миф о технологическом риске	673
§ 4. Экологический миф	679
Глава 23. Место телевидения в манипуляции сознанием.	685

Глава 24. Учебные задачи: разбор черных мифов.	703
§ 1. Миф о черносотенцах и его активизация в конце XX века.	704
§ 2. «Проект Ленина» — путь к гибели?.	714
Глава 25. Маленькие учебные задачи	746
Глава 26. Блестящие операции по манипуляции сознанием. «Государственный переворот» в августе 1991 г..	771
§ 1. Предыстория августовского переворота	771
§ 2. Фактология «путча»	777
§ 3. История «ареста» Горбачева.	783
§ 4. «Переворот» и КПСС.	787
§ 5. Модели объяснения событий	791
§ 6. Основные результаты «путча» и Августовской революции.	797
§ 7. Процесс против «заговорщиков»	801
§ 8. Фактор страха в политике после августа	804
Заключение	809

Кара-Мурза Сергей Георгиевич

МАНИПУЛЯЦИЯ СОЗНАНИЕМ

Ответственный редактор *С. Рубис*
Редактор *П. Ульяшов*
Художественный редактор *А. Новиков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *В. Фирстов*
Корректор *Г. Гагарина*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12
(м. «Сухареvская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибуторский центр «ЭКМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@ekemo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:

РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:

РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:

ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Подписано в печать с готовых монтажей 23.12.2004.
Формат 84×108 1/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 43,68.
Доп. тираж I 3100 экз. Заказ № 1156.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Известный политолог Сергей Кара-Мурза в своей книге выявляет устройство всей машины манипуляции общественным сознанием – как технологии господства. Для России переход к этому типу власти означал бы смену культуры, мышления и языка.

В книге описаны главные блоки манипуляции и причины уязвимости русского характера. Принять новый тип власти над человеком или строить защиту от манипуляций – вопрос выбора исторической судьбы... А может быть, и вопрос существования русского народа.

ISBN 5-699-08331-6

9 785699 083312 >